

ТРУДЫ
XI АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА.

1882 г.

1881

1857

1965 г.

Труды

ОДИННАДЦАТАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪѢЗДА

ВЪ КІЕВѢ

1899

Подъ редакціей графини Уваровой и С. С. Слущаго.

Томъ II

съ 26 фототипными таблицами

МОСКВА

Печатня А. И. Снегиревой, Остоженка, Савеловскій пер. соб. домъ
1902.

Печатается на основании постановления Императорского Московского Археологического Общества.
Председатель Графиня Уварова.

1950 г.

81
БИБЛИОТЕКА
НИИ Ист.-Криведческой
и Музейной работы

В-304

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ II-го ТОМА.

I. Доклады по архивному дѣлу

	<i>Стран.</i>
Львовъ, А. П.—Русское законодательство объ архивахъ.	1— 11
Багалый, Д. И.—О необходимости превращенія Харьковскаго Историческаго архива въ Центральный архивъ.	12— 17
Шурло, Е. Ф.—Объ учрежденіи русской исторической комиссіи въ Римѣ.	18— 26
Сивеловъ, Л. М.—Объ архивахъ дворянскихъ депутатскихъ собраній.	27— 29
Шмелевъ, Г. П.—Теорія и практика архивныхъ описей.	30— 37
Каманинъ, И. М.—Объ экспертизѣ древнихъ подложныхъ документовъ.	38— 42
Вороновъ, А. И.—Французскіе областные архивы.	43— 47
Цѣтвяевъ, Д. В.—Варшавскіе архивы.	48— 54
Левинскій, О. И.—Объ актовыхъ книгахъ, относящихся къ исторіи Югозападнаго края и Малороссіи.	55— 82
Багалый, Д. И.—Археографическіе матеріалы, какъ источникъ археологіи.	83— 89
Доннаръ-Завольскій, М. В.—Обзоръ дѣятельности ученыхъ губернскихъ архивныхъ комиссій 1896—1898 гг.	90— 99

II. Доклады историческаго и филологическаго содержанія.

Индерде, Л. Г.—О времени переселенія Славянъ съ сѣвера горъ Карпатскихъ въ Венгрію.	1— 5
Кназаръ, О. И.—О происхожденіи имени народа Русь.	6— 19
Абрамовичъ, Д. И.—Къ вопросу объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Нестора Лѣтописца.	20— 27
Соболевскій, А. И.—Церковно-славянскія стихотворенія IX—X вѣковъ и ихъ значеніе для изученія церковно-славянскаго языка.	28— 37
Черенинъ, А. И.—О кievскихъ денежныхъ гривнахъ.	38— 61
Wilię, W.—O pierwotnej grzywnie menniczej w Polsce i o jej samoistnem podziale	62— 65
Бунинъ, А. И.—Гдѣ находились города Липецкъ и Ворголь, а также и другія мѣста, упоминаемыя въ лѣтописяхъ подъ 1283—1284 гг.?	66— 71
Голубовскій, П. В.—Съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Руси способъ замяты таборомъ?	72— 79
Фетискинъ, О. А.—Побратимство и чинъ братотворенія	80— 89
Щербина, В. И.—Послѣдніе слѣды казачества въ правобережной Украинѣ	90— 94
Николайчикъ, О. Д.—Начало и ростъ полтавскихъ владѣній князей Вишневецкихъ, по даннымъ Литовской Метрики.	95—104
Родакова, Е. И.—О ревизіяхъ въ Малороссіи въ XVIII столѣтіи.	105—125
Троицкій, П. И.—Село Городище, Кашир. у. Тульской губ.—древній городъ Лопастья и монастырь св. Николая Чудотворца, Четырехъ Церквей	126—136
Петровъ, И. И.—Рѣзныя изображенія св. Николая Можайскаго и историческая судьба ихъ.	137—145
Лашкаревъ, П. А.—Церкви Чернигова и Новгорода Сѣверска.	146—164
Хѣрманъ, К.—Средневѣковые памятники Босніи и Герцеговины.	165—172
Слудскій, С. С.—Дополненіе къ статьѣ Хѣрмана.	173—182
Щенкинъ, В. И.—Новгородская школа иконописи по даннымъ миниатюры.	183—208
Хахановъ, А. С.—Антоній I, католикосъ Грузинъ.	209—224
Тураевъ, Б. А.—Коптскіе тексты экспедиціи В. Г. Бока	225—246
Мерляндъ, Л. З.—Ванскіе лексикальные элементы въ армянскомъ языкѣ.	247—265

В - 304

III. Протоколы.

	Стран.
Засѣданія Московскаго Предварительнаго Комитета	1— 7
Составъ Предварительнаго Комитета	8— 11
Составъ Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета	— 12
Правила Съѣзда	13— 15
Вопросы, предложенныя на обсужденіе Съѣзда	16— 23
Запросы, обращенныя къ Съѣзду	24— 28
Засѣданія Совѣта Съѣзда	29— 31
Личный составъ Съѣзда	32— 46
Общія засѣданія Съѣзда	47, 141, 158, 165
Засѣданія отдѣленій:	
Древностей первобытныхъ	57, 80, 92, 99, 111, 127, (bis), 141, 147
Древностей историко-географическихъ и этнографическихъ	74, 95, 104, 123 144, 146, 155
Памятниковъ искусствъ и художествъ	61, 107, 124
Быта домашняго, юридическаго, общественнаго и военнаго	67, 93, 133, 152
Древностей церковныхъ	64, 82, 96, 102, 111
Памятниковъ языка и письма	71, 98, 113, 129
Древностей византійскихъ, классическихъ и западно-европейскихъ	— 78, 131
Древностей южныхъ и западныхъ Славянъ	88, 114
Древностей восточныхъ	— 109
Памятниковъ археографическихъ	59, 73, 76, 90, 105, 122, 154
Спеціальныя засѣданія археографическаго отдѣленія	82, 83
Осмотры Кіева	85, 135
Раскопки	— 121, 135
Чествованія	86, 121, 134
Доклады, сообщенія и рѣчи:	
Абрамовичъ, Д. И.—Къ вопросу объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Нестора Лѣтописца	113
Антоновичъ, В. Е.—Раскопки кургановъ въ западной Волыни	59
— Каменный вѣкъ въ Волынской губерніи	92
— Осмотръ Кіева	135
— Мѣстоположеніе лѣтописныхъ Шумска и Пересопницы	152
— Археологическія выставки во время Съѣзда	165
Армашевскій.—Палеолитическая стоянка по Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ	141
Багалый, Д. И.—Историческіе матеріалы какъ источники археологій	73
— Необходимость устройства центральнаго архива въ Харьковѣ	154
Бояляевскій, С. К.—Судебникъ Θεодора Іоанновича	133
Болсуновскій, К. В.—Свинцовыя пластинки со знаками церк. праздниковъ	158
Бранденбургъ, Н. Е.—Аборигены Кіевского края	92
Бугославскій, Г.—О восточномъ пути, пролегавшемъ черезъ Смоленскъ	156
Бузескулъ, В. П.—Успѣхи и главныя направленія въ области греческой исторіи	78
Бунинъ, А. И.—Липецкъ, Варголь и другіе лѣтоп. города 1283—84 г.	75
— Гдѣ находились ворота, упоминаемыя въ лѣтописи въ 1268 г.	144
Бяляшевскій, Н. Ѳ.—Результаты археологич. экскурсіи на зап. Бугѣ	129
Веселовскій, Н. И.—Послѣднее раззореніе Самарканда	110
— Каменные орудія при вещахъ римской эпохи	147
Виттманъ, В. М.—О pierwotnej gazywnie menniczej w Polsce (Первоначальная польская гривна)	94
— О нуждахъ археологій въ Царствѣ Польскомъ	141
Владиміровъ, П. В.—Взаимная связь апокрифич. иконографіи, древне-русской литературы и народнои словесности	129
Волковъ, Н. В.—Древнѣйшія церк.-слав. нотныя книги	113
Вороновъ, А. П.—Французскій областной архивъ	74
Гамченко, С. С.—Раскопка кургановъ у с. Мирополя	127
Георгіевскій, В. Т.—Древности г. Суздаля	103
— О методѣ изученія школъ иконописанія	111
Голубовскій, П. В.—Происхожденіе защиты таборомъ на югѣ Россіи	70
— О картѣ Черниговской губ. до XVI в.	153
Голубцовъ, А. П.—О Братской иконѣ Богоматери	102
Городцовъ, В. А.—Необходимость выработки номенклатуры и системы описанія доисторич. керамики	111
Дашкевичъ, Н. П.—О началѣ южно-русскаго казачества	95
— О былевомъ Ильѣ Муромцѣ	93

Демченко, Г. В.—Притомные люди	68
Дотнар-Запольскій, М. В.—Дѣятельность губернскихъ архивныхъ комиссій за три года	141
Долово, С. О.—Сказаніе объ иконѣ Бога-Отца	82
Драгомировъ, М. И. <i>ген.-адют.</i> —Рѣчь	48
Житимскій, А. К.—Находки каменнаго вѣка въ басс. Стыря	111
Заятиневичъ, В. З.—Осмотръ Лавры	85
Запрудъ, о. С. Е.—Изображенія св. Митрофана	103
— Поминка по А. А. Хованскомъ	129
Златарскій, В. Н.—Гдѣ нужно искать первую болгарскую столицу	116
Истоминъ, М. П.—Фрески XVII—XVIII вв. въ храмахъ и костелахъ ю.-в. Россіи	61
— Главнѣйшія черты иконографіи на Волыни въ XVI—XVIII вв.	97
Изюмовъ.—Къ вопросу о составленіи историко-географическихъ словарей	156
— О составленіи алфавитныхъ списковъ хронографическихъ названій	156
Кадлецъ, К.—Необходимость изданія въ Россіи византійскихъ извѣстій о славянахъ	93
Каманинъ, Н. М.—Развитіе южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв.	73
— Объ экспертизѣ древнихъ подложныхъ документовъ	76
— Волынскіе и подольскіе архивы	154
— Выставка рукописей и старопечатныхъ книгъ	166
Кетражинскій, Д.—О славянахъ обитавшихъ некогда между Рейномъ и Савой	157
Кивлицкій, Е. А.—О картѣ Черниговской губ. до XVI в.	155
Китицинъ, П.—Общая карта Европейской Россіи IX—XI вв.	156
Кнауэръ, Ф. И.—Происхожденіе названія „Русь“	147
— Раскопки въ Аккерманскомъ уѣздѣ	150
Копера, Ф.—Польскіе памятники искусства въ русскихъ собраніяхъ	124
Копфъ, А. А.—О древностяхъ Лебедянскаго уѣзда, Харьк. губ.	146
Кордтъ, В. А.—Картографическая выставка	146
Королюковъ, о. І. Н.—Изображенія греческихъ мудрецовъ и сивиллъ въ русскихъ храмахъ	112
Крашкевичъ.—Обзоръ древностей Грушевскаго у. Люблинской губерніи	157
Кулаковскій, Ю. А.—Объ окрашенныхъ костякахъ	127
— Къ исторіи Боспора въ XI—XII вѣкахъ	132
Лавровъ, П. А.—Славянскій переводъ Зовары	130
Ламинскій, В. И.—Замѣтка о ясахъ-аланахъ	118
Лашкаревъ, П. А.—Церковныя древности Чернигова	154
Левинскій, О. И.—Судьба актовыхъ книгъ по Юго-Западному краю и Малороссіи	122
— Обычныя формы заключенія браковъ въ Ю.-З. Руси XVI—XVII вв.	153
Лилеевъ, М. И.—Раскопки кургановъ близъ Нѣжина	147
Львовъ, А. Н.—Русское законодательство объ архивахъ	59
Ляскоронскій, В. Г.—Городища, длинные валы и курганы по Сулѣ	103
— Находки римскихъ монетъ въ басс. средняго Приднѣпровья	145
Марковичъ, А. И.—О сохраненіи старинныхъ памятниковъ	159
Мельникъ, Е. Н.—Раскопки кургановъ въ Волынской губ.	127
Миллеръ, Д. П.—Пякверскія вербушки	152
Милуковъ, П. Н.—Раскопки Русск. Археол. Инст. въ Македоніи	89
Мищенко, Ф. Г.—Привѣтствіе Съѣзду	49
Мсеріанинъ, Л. З.—Ванскіе лексикальные элементы въ армянскомъ языкѣ	109
Нидерле, Л. Г.—Время переселенія славянъ съ Карпатовъ въ Венгрію	89
Николаевъ, В. Н.—Стѣны внутри Великой лаврской церкви по снятіи штукатурки	125
Николайчикъ, Ф. Д.—Начало и ростъ полтавской Вишневецкой	123
Петровъ, Н. И.—Осмотръ Кіево-Подола	140
Погодинъ, А. Л.—Объ отношеніи индо-европ. племени къ финнамъ	102
Покровскій, А. М.—О типѣ череповъ изъ волынскихъ кургановъ	123
— Раскопки В. В. Хвойки въ Кіевскомъ уѣздѣ	144
— О черепахъ кочевниковъ	151
Половцовъ, А. В.—Малоросс. казаки на французской службѣ въ 1646 г.	123
Похвалинскій, Э. Ф.—Древне-русскіе натѣльные крестики, образки и панагіи	103
Раевскій, А. С.—Что случилось съ Казачевской комиссіей 1873 г.	59
— Часословъ XIII в. въ Ярославскомъ архіерейскомъ домѣ	72
Родакова, Е. П.—Данныя ревизій и компутовъ объ экономическомъ бытѣ малороссійскаго общества въ XVIII в.	152
Савеловъ, Л. М.—Архивы дворянскихъ депутатскихъ собраній	92
Савельевъ, А. И.—Остатки стариннаго межеванія въ Россіи	157
Самохвасовъ, Д. Я.—Проектъ основаній архивной реформы въ Россіи	84
— Централизація государственныхъ архивовъ въ Зап. Европѣ	105

	Стран.
<i>Сергій</i> пресвященний, епископъ Уманскій.—Привѣтствіе Съѣзду.	47
<i>Сергій Александровичъ</i> , Великій Князь.—Привѣтствіе Съѣзду.	47
— Письмо о Запорожской иконѣ Покрова.	99
<i>Сизовъ, В. И.</i> —Длинные курганы въ Смоленской губерніи.	81
<i>Сикорскій, И. А.</i> —Слѣды расовой примѣсы въ населеніи.	155
<i>Ситко, И. А.</i> —Привѣтствіе.	48
<i>Соболевскій, А. И.</i> —Церк.-слав. тексты моравскаго происхожденія.	88
— Древнія церк.-славянскія стихотворенія.	98
<i>Сольскій, С. М.</i> —Рѣчь.	177
<i>Сперанскій, М. Н.</i> —Славяно-русскіе переводы Пчелы.	130
<i>Сусловъ, В. В.</i> —Возстановленіе наружныхъ формъ Софійскаго собора.	82
— Періодъ упадка древне-русскаго зодчества.	108
<i>Съверный, Н. Е.</i> —Географическія названія Тульского края.	146
<i>Сытинскій, о. Е. I.</i> —Древнѣйшія церкви Подолія.	97
— Объясненія къ археолог. картѣ Подольской губ.	123
<i>Титовъ, о. ѳ. И.</i> —Что было въ древности на мѣстѣ теперешней Андреевской церкви.	82
— Заграничные монастыри Кіевской митрополіи.	96
<i>Троицкій, Н. И.</i> —Архистратигъ Михаилъ въ русской иконографіи.	67
— Древній городъ Лопасня.	75
<i>Трухелка, К.</i> —Documents préhistoriques de Bosnie—Herzégovine (Донсторическіе памятники Босніи и Герцеговины).	48
<i>Тураевъ, Б. А.</i> —Коптскіе тексты экспедиціи В. Г. Бока.	100
<i>Уварова, граф. П. С.</i> —Отчетъ Предсѣдателя Предварительнаго Комитета.	49
— О преподаваніи археологіи въ русскіхъ университетахъ.	161
— Обзоръ дѣятельности Кіевского Археологическаго Съѣзда.	169
<i>Успенскій, М. И.</i> —Изображенія св. Митрофана.	103
<i>Успенскіе, М. И. и В. И.</i> —О школахъ въ русской иконописи.	111
<i>Фармаковскій, Б. В.</i> —Работы Русскаго Археол. Института въ Константинополѣ.	76
— Византийская рукопись съ миниатюрами, Русск. Археол. Инст. въ Константинополѣ.	131
<i>Флоринскій, Т. Д.</i> —Происхожденіе и имя молдавскихъ валаховъ.	115
<i>Фортинскій, ѳ. Е.</i> —Рѣчь.	48
<i>Фотинскій, О. А.</i> —Побратимство и чинъ братотворенія.	112
<i>Фогтъ, В. Р.</i> —Астрологическіе данныя рожденія Цезаря, Агриппы и Тиверія.	132
<i>Хазановъ, А. С.</i> —Антоній I католикосъ Грузіи.	110
<i>Хвойка, В. В.</i> —Раскопки въ Кіевскомъ уѣздѣ.	144
<i>Хейеръ, Фр.</i> —Нѣкоторыя формы доисторич. культуры Кавказа.	30
<i>Хёрманъ, Е.</i> —Старо-боснійскіе надгробные памятники.	57
— Римскій лагерь въ Могорелло.	80
<i>Цытасевъ, Д. В.</i> —Варшавскіе архивы.	59
<i>Черепнинъ, А. И.</i> —Кіевскія девежныя гривны.	94
— Раскопки рязанскихъ кургановъ за послѣднее трехлѣтіе.	127
<i>Четверкинъ, И. Д.</i> —Южно-русскія древности въ Калугѣ.	63
— Кресты у калужскихъ старообрядцевъ.	67
<i>Шиповичъ, о. I. Е.</i> —Лѣтопись Винницкаго капуцинскаго монастыря.	78
<i>Шмелевъ, Г. Н.</i> —Теорія и практика архивныхъ описей.	91
<i>Шмуло, Е. Ф.</i> —Объ учрежденіи русскаго археографич. комиссіи при Ватиканскомъ музеѣ.	122
<i>Штернъ, Э. Ф. Ф.</i> —Значеніе керамическихъ находокъ для культурной исторіи черноморской колонизаціи.	108
<i>Щепкинъ, В. Н.</i> —Рисунки въ Новгородской иконописной школѣ.	64
— Диалектическое дѣленіе языковъ: старо-славянскаго и болгарскаго.	71
<i>Щербина, В. И.</i> —Украинскія староства по люстраціямъ XVIII в.	75
— Послѣдніе слѣды казачества въ правобережной Украинѣ.	104
<i>Эварницкій, Д. И.</i> —О запорожскихъ сѣчахъ.	96
— Раскопки въ Александрійскомъ и Херсонскомъ уѣздахъ.	111
<i>Ясинскій, А. П.</i> —Средне-вѣковой аграрный строй Чехіи.	93
— О происхожденіи средне-вѣковыхъ урбаріевъ.	133
<i>Личуржинскій.</i> —Обрядности и пѣсни къ жатвѣ хлѣба.	105

Русское законодательство объ архивахъ.

А. Н. Львова.

Неудовлетворительное состояніе нашихъ отечественныхъ архивовъ и въ смыслѣ простой сохранности заключающихся въ нихъ писменныхъ историческихъ матеріаловъ, и въ смыслѣ ихъ разработки и возможности пользоваться ими для цѣлей какъ государственно-административныхъ, такъ общественныхъ и чисто научныхъ — слишкомъ общеизвѣстно и едва ли требуетъ какихъ доказательствъ. Такое положеніе дѣла давно обращало на себя вниманіе какъ представителей науки, такъ вызывало и доселѣ продолжаетъ вызывать заботы правительства объ измѣненіи къ лучшему этого важнаго въ государственномъ, общественномъ и научномъ отношеніи дѣла. Такъ извѣстно, что еще на первомъ и второмъ археологическихъ сѣздахъ покойный сенаторъ Н. В. Калачовъ изобразилъ въ самыхъ рельефныхъ чертахъ, заимствованныхъ имъ прямо изъ дѣйствительности, то печальное состояніе, въ которомъ находятся всѣ отечественные архивы. Члены второго сѣзда, обсудивъ всесторонне, при помощи особой комиссіи, вопросъ объ устройствѣ архивовъ въ Россіи и вполне соглашаясь съ тѣмъ, что положеніе архивнаго дѣла у насъ беспорядочно во всѣхъ отношеніяхъ и что въ интересахъ государственныхъ, общественныхъ и научныхъ необходимо радикально измѣнить всю постановку архивнаго дѣла, единогласно постановили: ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ о всесторонней реформѣ архивнаго дѣла въ Россіи. Вслѣдствіе этого ходатайства образована была, какъ извѣстно, по Высочайшему повелѣнію особая комиссія подъ предсѣдательствомъ Калачова же. Задачею этой комиссіи поставлено было обсужденіе всѣхъ вопросовъ, касающихся устройства архивовъ, храненія въ нихъ документовъ и составленія положенія о главной архивной комиссіи какъ правительственномъ руководящемъ и контролирующемъ учрежденіи и объ ея отношеніяхъ къ архивамъ разныхъ вѣдомствъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ: съ 17 марта 1873 г. по 16 апрѣля 1876 г. Калачовская комиссія собирала нужныя для рѣшенія поставленныхъ задачъ свѣдѣнія, разрабатывала всѣ детали вопроса и наконецъ составила подробный планъ устройства архивнаго дѣла въ Россіи, имѣвшій своею задачею какъ сохраненіе историческихъ архивныхъ матеріаловъ, такъ и разработку ихъ для цѣлей государственныхъ, общественныхъ и научныхъ¹⁾. Къ сожалѣнію, тогдашнее состояніе

¹⁾ Протоколы ком. напечат. въ Сборникѣ Археол. Инст. кв. 1.

ТРУДЫ XI-ГО АРХЕОЛ. СѢЗДА ВЪ КИЕВѢ. Т. II.

государственного казначейства, обремененного Восточной войной, помѣшало осуществить предположенную архивную реформу. Но Калачовъ на свой страхъ продолжалъ начатое дѣло. Онъ былъ убѣжденъ, что правильная и прочная реорганизація архивнаго строя въ Россіи можетъ быть достигнута лишь тогда, когда у насъ будетъ достаточный и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи контингентъ опытныхъ архивистовъ, которые могли бы взять на себя веденіе сложнаго архивнаго дѣла, и во-вторыхъ, когда въ этомъ дѣлѣ заинтересуется и приметъ участіе возможно большее число общественныхъ и преимущественно провинціаль-ныхъ силъ, такъ какъ разработка архивныхъ матеріаловъ одними правительственными средствами совершенно немыслима. Исходя изъ этихъ двухъ положеній, Калачовъ учреждаетъ для осуществленія первой задачи—Археологическій институтъ въ С.-Петербургѣ (первоначально на частныя средства), который долженъ быть, по его словамъ, „центральнымъ мѣстомъ и для образованія архивистовъ и для единенія всѣхъ интересующихся у насъ архивнымъ дѣломъ“. Для второй же цѣли Калачовымъ было выработано и проведено „Положеніе о губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ“, главною цѣлью которыхъ поставлялось, при содѣйствіи мѣстнаго общества, собираніе, охраненіе и разработка мѣстныхъ письменныхъ памятниковъ. Несомнѣнно, что осуществивши вполнѣ задачи Института и губ. уч. арх. комиссій, заручившись, такъ сказать, всѣми необходимыми моральными средствами, Калачовъ естественно не применилъ бы вновь хлопотать о совершенномъ переустройствѣ нашихъ архивовъ на началахъ, которыя уже выработаны и осуществлены почти во всѣхъ западныхъ европейскихъ государствахъ и которыя вполнѣ удовлетворяютъ какъ государственнымъ, такъ общественнымъ и научнымъ потребностямъ. Но преждевременная смерть Калачова и другія неблагоприятныя обстоятельства замедлили нѣсколько естественный ростъ его начинаній. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ въ настоящее время Археологическій Институтъ въ С.-Петербургѣ, вполнѣ уже обеспеченный казеннымъ содержаніемъ и 19 ученыхъ губернскихъ архивныхъ комиссій, изъ которыхъ каждая внесла уже большую или меньшую лепту въ сокровищницу отечественной исторіи, а главное—эти 19 комиссій, не смотря на ихъ тяжелое матеріальное положеніе, своими трудами—изданіями, создавшимися безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, ясно свидѣтельствуютъ о томъ историческомъ интересѣ, который самъ собою повсюду уже пробуждается въ нашемъ обществѣ и который можетъ служить твердою почвою для дальнѣйшаго правильнаго устройства и разработки памятниковъ отечественной старины.

Но никакія усилія не только отдѣльныхъ лицъ и частныхъ обществъ, но даже и самаго правительства, неоднократно обнаруживавшаго и просвѣщенный взглядъ и заботливость о благоустройствѣ архивовъ, не приведутъ къ своей цѣли до тѣхъ поръ, пока не будутъ созданы у насъ правильныя и твердыя основы общей постановки архивнаго дѣла, одинаковыя для всей Россіи и для каждаго вѣдомства. При настоящемъ нашемъ разрозненномъ, неопредѣленномъ и противорѣчивомъ законодательствѣ объ архивахъ—последніе всегда будутъ оставаться въ неудовлетворительномъ, печальномъ состояніи, а главное—большая часть важнѣйшихъ историческихъ матеріаловъ будетъ безслѣдно исчезать изъ нашихъ архивовъ „на законнѣйшемъ основаніи“. Въ доказательство этого позволяемъ себѣ представить самый краткій очеркъ существующихъ у насъ нынѣ какъ общихъ архивныхъ законоположеній, такъ и нѣкоторыхъ сепаратныхъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ распоряженій.

Говоря о нашемъ дѣйствующемъ архивномъ законодательствѣ, должно прежде всего замѣтить, что у насъ нѣтъ одного общаго архивнаго кодекса, проводящаго въ архивномъ дѣлѣ опредѣленные принципы, необходимыя для опредѣленной правильной постановки этого дѣла. Наше архивное законодательство развивалось постепенно, по разнымъ частнымъ случаямъ и обстоятельствамъ, и въ этихъ отдѣльныхъ случаяхъ проводились тѣ или другія начала, болѣе

необходимы и соответствующія данному частному случаю, безъ всякой заботы о согласованіи послѣдующихъ правилъ съ предъидущими и о томъ, что бы они приобрѣтали общій руководственный характеръ. Такъ въ нашемъ Сводѣ Законовъ, въ 1 ч. 1 т. въ отдѣлѣ „общій наказъ министерствомъ“ гл. IX ч. 1 изд. 92 г. стт. 275—279, есть нѣсколько общихъ правилъ объ обязанностяхъ начальниковъ архивовъ, но ни слова не говорится о самой организаціи архивовъ, и объ ихъ задачахъ. Поэтому, въ томъ же томѣ встрѣчаются сепаратныя правила объ архивахъ, напр., Государственного Совѣта (ib. гл. X. ст. 152—186), Сенатскомъ, Комитета Министровъ, (ib. 126—148) и Мин. Ин. д. и Госуд. архивѣ. (ib. 815—819). Правила эти, какъ увидимъ, вислолько не согласованы ни съ предъидущими общими, ни между собою. Во 2 т. Св. Зак. въ статьѣ „объ общихъ губ. учрежденіяхъ“ встрѣчаются правила о губ. архивахъ, не имѣющія уже ничего общаго съ первыми. Кромѣ того, въ настоящее время каждое министерство съ 60-хъ годовъ руководствуется еще своими особыми, совершенно сепаратными правилами для архивовъ своего вѣдомства. Наконецъ, у насъ есть архивы центральныя, существующіе и дѣйствующіе опять таки по своимъ собственнымъ правиламъ. Всестороннее знакомство со всѣми этими правилами приведетъ всякаго къ убѣжденію, что наше архивное законодательство неполно, далеко необнимаеетъ собою всѣхъ сторонъ архивнаго дѣла и даже одни статьи прямо противорѣчатъ другимъ. Для примѣра остановимся на слѣдующемъ:

1. О внѣшнемъ устройствѣ архивнаго помѣщенія не говорится нигдѣ, кромѣ какъ въ отдѣлѣ общихъ губ. учрежд. Здѣсь же, въ ст. 595 (изд. 92 г.) сказано: „помѣщеніе архива должно быть просторное, сухое, со сводами, съ каменными или кирпичными полами, съ отдушниками въ противоположномъ направленіи, для очистки воздуха, и притомъ теплое съ духовыми или иного устройства печами, которыя топились бы изъ подваловъ, коридоровъ или вообще внѣ самаго помѣщенія. Дѣла должны храниться, смотря по средствамъ, въ шкафахъ или на полкахъ, устроенныхъ рядами, что бы между ними былъ свободный проходъ“. Для людей, знакомыхъ съ внѣшнимъ устройствомъ нашихъ архивовъ не только губ., но и столичныхъ, правило это звучитъ, конечно, горькою ироніей, потому что губернскія учрежденія, архивы которыхъ помѣщаются большею частію въ сырыхъ, полутемныхъ и всегда неотапливаемыхъ помѣщеніяхъ, не находятъ возможнымъ осуществлять его по недостатку матеріальныхъ средствъ, а столичныя, вѣроятно по тому, что они считаютъ его для себя не обязательнымъ. Во всякомъ случаѣ правило это въ полномъ его видѣ не только не примѣняется въ существующихъ уже архивныхъ помѣщеніяхъ, но большею частію совершенно игнорируется при постройкахъ и новыхъ архивныхъ помѣщеній и наши архитекторы съ нимъ совершенно незнакомы.

2. Существующія правила налагаютъ самыя сложныя и отвѣтственныя обязанности на завѣдующихъ архивами. Такъ, напр., по общему наказу министерствамъ начальники архивовъ, кромѣ внѣшняго устройства архива, составленія предметныхъ и хронологическихъ указателей дѣламъ своего архива, должны еще „составлять историческія выписки изъ прежнихъ дѣлъ, могущія служить основаніемъ къ устройству разныхъ частей департамента или изъясняющія мѣры и средства въ исполненіи разныхъ предположеній“ (ст. 279). Но налагая такія научно-спеціальныя задачи на завѣдующихъ министерскими архивами, наше архивное законодательство нигдѣ не высказываетъ требванія объ образовательномъ цензѣ этихъ лицъ. По этому поводу остается дѣйствующимъ законъ 1786 г. 28-го мая, № 13127, гдѣ говорится, что „въ архивариусы выбирать людей трезвенныхъ и неподозрительныхъ“. Извѣстно, къ чему повело на практикѣ отсутствіе такого закона. Архивныя мѣста большею частію замѣщаются лицами, не могущими по тѣмъ или другимъ причинамъ удовлетворять потребностямъ

канцелярской дѣятельности. Въ виду этого служебное и матеріальное положеніе этихъ лицъ по закону всегда ставилось ниже, чѣмъ канцелярскихъ дѣателей. Мало того, въ положеніи объ архивахъ Государственномъ, Комитета Министровъ и нѣкоторыхъ др., напечатанныхъ въ томъ же томѣ, гдѣ и вышеприведенное требованіе, говорится, что, напр., управляющему архивомъ Госуд. Сов. кромѣ прямыхъ обязанностей по архиву поручается: 1) часть казначейская: пріемъ ассигнуемыхъ на государственную канцелярію суммъ и расходованіе оныхъ согласно смѣтнымъ ассигнованіямъ и распоряженіямъ госуд. секретаря; веденіе шнуровыхъ книгъ; составленіе ежегодныхъ денежныхъ смѣтъ и отчетовъ и пр; 2) часть хозяйственная: заготовленіе, храненіе и распредѣленіе канцелярскаго матеріала (ст. 186). Такія же казначейско-эзекуторскія обязанности возложены по закону и на завѣдующаго архивомъ Комитета Министровъ (146).

3. Небезынтересно затѣмъ противорѣчіе нашего архивнаго законодательства относительно самаго состава архивовъ. Въ то время, какъ въ однихъ учрежденіяхъ архивы считаются мѣстомъ храненія всѣхъ дѣлъ и документовъ, не исключая и подлинныхъ Высочайшихъ повеленій, законодательныхъ актовъ и т. п. матеріаловъ, напр., архивъ Сенатскій хранитъ всѣ Высочайшіе указы и повелѣнія (учрежд. о Сен. ст. 325), архивъ Государственнаго Совѣта состоитъ изъ.... „журналовъ и рѣшенныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта; изъ Высочайше утвержденныхъ меморій и мнѣній, а также указовъ и др. Высоч. повелѣній по Государственному Совѣту (ст. 176). Между тѣмъ въ архивъ Мин. Нар. Просвѣщенія сдаются для храненія всѣ дѣла, но за исключеніемъ подлинныхъ Высоч. указовъ, рескриптовъ, Высоч. утвержденныхъ докладовъ по дѣламъ, производящимся въ М-вѣ, равно какъ и объявляемыхъ во всеобщее свѣдѣніе указовъ Правит. Сената, которые хранятся въ департаментѣ безъ сдачи въ архивъ (461). Въ нѣкоторыхъ же министерствахъ совсѣмъ не опредѣленъ составъ ихъ архивовъ, что, конечно, ведетъ къ полнѣйшему въ этомъ отношеніи произволу. Что касается архивовъ губернскихъ, то ихъ составъ опредѣленъ еще болѣе неопредѣленно и противорѣчиво. Именно: по ст. 59 „въ архивъ поступаюгъ: 1) всѣ дѣла окончательно рѣшенные и исполненные; 2) дѣла, по которымъ участвующіе не явились въ положенный срокъ; 3) книги и документы, не нужные для текущаго производства и справокъ“. Тутъ всѣ три категоріи находятся въ противорѣчій между собою и взаимно исключаютъ одна другую.

4) По поводу внутренней организаціи архивовъ наше законодательство отличается полною неясностію и неопредѣленностію. Такъ, напр., для архивовъ губ. учреждений существуютъ въ этомъ отношеніи слѣдующія требованія: дѣла сдаются въ архивъ по описи съ роспискою. Всѣ сданныя въ архивъ дѣла должны быть содержимы въ надлежащей исправности и порядкѣ. Всѣмъ дѣламъ, въ архивѣ состоящимъ, содержится опись по алфавиту и по номерамъ, дабы въ случаѣ справокъ не было затрудненій въ пріисканіи и никакое дѣло не могло утратиться. Тѣже требованія предъявляются архивамъ и центральныхъ учреждений: „архивъ долженъ принимать дѣла и содержать ихъ въ надлежащемъ порядкѣ и исправности, извлекать справки и свѣдѣнія и немедленно сообщать ихъ въ тѣ отдѣленія, куда они требуются; составлять алфавиты дѣламъ и т. п. (275 — 279 Общ. нак. мин.). Но въ чемъ заключается „этотъ надлежащій порядокъ и исправность“, какіе здѣсь разумѣются алфавиты дѣламъ, какъ ихъ составлять, опять ничего не сказано. Не потому ли наши архивы и представляютъ изъ себя полное въ этомъ отношеніи разнообразіе и въ большинствѣ случаевъ беспорядочность.

5. Что касается контроля надъ архивами, то и здѣсь наше архивное законодательство не представляетъ должной опредѣленности. Губернскіе архивы по закону подчинены совѣтникамъ, или присутствующимъ тѣхъ учреждений, при которыхъ архивы находятся и эти же

лица имѣютъ по закону обязанность свидѣтельствовать архивъ не менѣе, какъ одинъ разъ въ годъ, при чемъ должно обращать строгое вниманіе на все то, что установлено въ законѣ относительно губ. архивовъ и дѣлаться постановленіе о томъ, въ какомъ положеніи архивъ найденъ, что и какими мѣрами должно быть исправлено или улучшено. Не знаемъ, соблюдается ли на практикѣ это требованіе закона, но очевидно, что полное смѣшеніе началъ и лицъ дѣйствующихъ и контролирующихъ свою собственную дѣятельность едва ли можетъ привести къ благопріятнымъ результатамъ. Относительно же какого бы то ни было контроля въ архивахъ центральныхъ учреждений — законъ нашъ ничего даже и не говорить. Эти архивы, состоя обыкновенно въ подчиненіи директоровъ департамента, т. е. лицъ занятыхъ всегда текущими дѣлами, являются пасынками, обездоленными во всѣхъ отношеніяхъ.

Но если наше архивное законодательство въ смыслѣ положительномъ представляетъ изъ себя нѣчто недостаточное, неопредѣленное, неясное и даже противорѣчивое, то въ смыслѣ отрицательномъ мы замѣчаемъ полную противоположность. Такъ, и въ общемъ законодательствѣ, и въ сепаратныхъ правилахъ объ отдѣльныхъ архивахъ, за исключеніемъ архивовъ центральныхъ и синодальнаго, совершенно отсутствуетъ, напр., принципъ разработки архивныхъ матеріаловъ и пользованія ими для цѣлей научно-историческихъ. Вездѣ говорится лишь о томъ, что „всякіе описи и алфавиты составляютъ для могущихъ потребоваться справокъ канцелярскихъ“. Вчитываясь въ наше архивное законодательство видишь, что доступъ въ архивы стороннихъ лицъ съ научными цѣлями не существуетъ, какъ будто дѣла, для которыхъ давно уже наступила историческая давность, все еще продолжаютъ находиться подъ охраною канцелярской тайны. По существующимъ правиламъ, эти дѣла могутъ быть выдаваемы только для канцелярскихъ справокъ и притомъ лишь тѣхъ учреждений, при которыхъ архивы состоятъ. Но если отсутствуетъ въ нашемъ архивномъ законодательствѣ принципъ разработки историческихъ матеріаловъ и пользованія ими для цѣлей научныхъ, то красною нитью чрезъ все это законодательство проходитъ другой принципъ: уничтоженія ненужныхъ дѣлъ. Это требованіе закона для архивовъ какъ всѣхъ центральныхъ учреждений, такъ и всѣхъ губернскихъ, возникло и развилось естественно изъ отсутствія понятія объ архивѣ, какъ источникѣ архивныхъ матеріаловъ, предназначенныхъ для общественныхъ и учено-историческихъ цѣлей. Наше законодательство съ самаго установленія министерствъ и разныхъ губернскихъ учреждений смотрѣло и смотритъ на архивы, только какъ на составныя части тѣхъ учреждений, изъ старыхъ канцелярскихъ бумагъ которыхъ они образовались. Задача же этихъ канцелярскихъ частей — архивовъ заключается, по нашему законодательству, исключительно въ храненіи этихъ старыхъ бумагъ и въ выдачѣ ихъ, въ потребныхъ случаяхъ, на справки текушаго дѣлопроизводства и при томъ своего только учрежденія.

Несомнѣнно, что съ теченіемъ времени архивы должны были переполниться старыми матеріалами, въ которыхъ разобраться и которыми пользоваться для текущихъ потребностей канцеляріямъ было слишкомъ трудно. Между тѣмъ мѣста въ архивахъ оказывается очень мало. Изъ этихъ причинъ и возникло сперва сепаратное по Мин. вн. д. распоряженіе объ уничтоженіи старыхъ ненужныхъ архивныхъ дѣлъ¹⁾, а затѣмъ въ концѣ 1850-хъ годовъ

¹⁾ См. о комиссіяхъ для уничтоженія архивныхъ дѣлъ въ уѣздныхъ и губ. учрежд. П. С. З. № 21863. Въ отчетѣ Мин. Вн. Д. за 1847 г. говорится, что приведеніе въ порядокъ дѣлъ, хранившихся въ разныхъ провинціаль-ныхъ архивахъ, особыми комиссіями, учрежденными при губернскихъ правленіяхъ, привело къ тому результату, что въ 18 губерніяхъ разрѣшено Министромъ къ уничтоженію до 30 тыс. дѣлъ. Въ архивѣ же Могилевскаго губ. правленія, гдѣ находится до 300 т. дѣлъ разныхъ вѣдомствъ, разобрано и приведено въ порядокъ 120 т. дѣлъ (Вардиновъ, истор. М. В. Д. кн. 3, ч. 3, стр. 349). Въ 1852 г. комиссіями для уничтоженія дѣлъ было представлено

общее, Высочайше утвержденное постановленіе Комитета Мин. о томъ, что бы каждое вѣдомство составило правила объ уничтоженіи въ своихъ учрежденіяхъ ненужныхъ дѣлъ. Правила эти большею частію въ 1861 г. были представлены въ Комитетъ Министровъ, получили Высоч. санкцію и являются въ настоящее время дѣйствующимъ закономъ, на основаніи котораго и уничтожаются теперь самымъ нещаднымъ образомъ не только дѣйствительно ненужныя дѣла, но и самыя важныя и интересныя въ историческомъ отношеніи ¹⁾. Причина этого кроется въ полномъ несоотвѣтствіи указываемыхъ нашимъ законодательствомъ средствъ для осуществленія этой цѣли. Именно.

Если и допустить принципъ уничтоженія ненужныхъ ни въ какомъ отношеніи дѣлъ, то необходимо признать, что дѣло это, какъ слишкомъ сложное и трудное, требуетъ специальныхъ средствъ для осуществленія его. Лица, рѣшающія вопросъ объ уничтоженіи дѣлъ, должны обладать не только общимъ образованіемъ, но и извѣстною научно - историческою компетентностію, что бы они могли болѣе или менѣе правильно судить о пригодности, или непригодности (и въ настоящемъ и въ будущемъ) разсматриваемыхъ дѣлъ, какъ историческихъ матеріаловъ. То, что не представляетъ интереса и значенія для насъ въ настоящее время, можетъ представить въ будущемъ большой интересъ. Для этого необходимо, что бы эти лица были хорошо знакомы съ современнымъ состояніемъ и запросами исторической науки. Но и при этомъ условіи уничтоженіе дѣлъ должно производиться не по категоріямъ, а непременно разсмотрѣнію должно подвергаться каждое дѣло, такъ какъ извѣстно, что иногда десятки дѣлъ извѣстной категоріи не представляютъ никакого историческаго интереса, но среди нихъ попадаетъ единичное дѣло, заключающее въ себѣ интересный и важный историческій матеріалъ. Между тѣмъ, все наше законодательство объ уничтоженіи ненужныхъ бумагъ, имѣя въ виду только чисто канцелярскія потребности и задачи архивовъ совсѣмъ не касается вышеуказанныхъ необходимыхъ условій и даже правила отдѣльныхъ вѣдомствъ противорѣчатъ и взаимно исключаютъ одно другое. Такъ, напр., въ министерскихъ архивахъ рѣшеніе вопроса о пригодности бумагъ или непригодности обыкновенно предоставляется по закону столоначальникамъ, въ столахъ которыхъ дѣла производятся. Ихъ рѣшеніе должны провѣрять начальники отдѣленій и въ концѣ концовъ вице-директоры и директора департамента. Но всякому прежде всего хорошо извѣстно, что всѣ эти лица, на обязанность которыхъ возложено закономъ рѣшеніе труднаго и сложнаго вопроса о пригодности или непригодности дѣлъ, если бы были и вполнѣ компетентны для этого, то они въ такой степени обременены текущими неотложно срочными дѣлами, что имъ рѣшительно некогда не только разсматривать дѣла и рѣшать пригодность ихъ или непригодность, но даже исполнять обычное требованіе закона—простую ежегодную сдачу въ архивъ рѣшенныхъ дѣлъ. Поэтому, рѣшеніе такого важнаго вопроса, какъ храненіе и уничтоженіе дѣлъ, фактически зависятъ отъ лицъ, менѣе всего знакомыхъ съ состояніемъ и запросами исторической науки, именно: отъ канцелярскихъ чиновниковъ, и все дѣло обыкновенно сводится къ тому, чтобы хранились только дѣла, могущія потребоваться для канцелярскихъ надобностей—справокъ. Въ некоторыхъ же случаяхъ законъ прямо предоставляетъ рѣшеніе этого вопроса одному лицу. Напр., директору С.-Петербург. Главнаго и государственнаго архива предоставлено право „подъ личною его отвѣтственностію, уничтоженіе дѣлъ, бумагъ и книгъ, дальнѣйшее храненіе которыхъ признано имъ будетъ бесполезнымъ, и только

и министромъ разрѣшено къ уничтоженію 68 т. дѣлъ. Для руководства же и облегченія этихъ комиссій М-во издало некоторые правила и составило росписаніе родовъ архивныхъ дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію (Полн. Собр. Цирк. и Инстр. т. I.). Положеніе Комитета Министровъ о предоставленіи М-ву Вн. Д. уничтожать архивныя дѣла въ уѣздныхъ и городск. присут. мѣстахъ при содѣйствіи комисс. — состоялось 7-го сентября 1855 г. П. С. З. № 21278.

¹⁾ См. Полн. Собр. Закон. №№ 24642, 36904, 37462, 37503, 37593 и 40973.

на уничтоженіе шнуровыхъ книгъ и документальной отчетности онъ испрашиваетъ согласіе Госуд. Контр. (т. 1, кн. V, разр. IX, отд. XI, стр. 819) ¹⁾.

Въ губернскихъ учрежденіяхъ уничтоженіе дѣлъ обставлено по закону нѣсколько иначе. Тамъ на основ. 829 ст. о Губ. учр. должны составляться для этого особыя Комиссія, состоящая изъ ассесора или совѣтника губернскаго правленія, одного изъ губернскихъ стряпчихъ или товарища губерн. прокурора и еще одного чиновника по усмотрѣнію губернатора. Но со введеніемъ въ 1864 г. судебныхъ уставовъ Императора Александра II должности губ. стряпчихъ и прокуроровъ были, какъ извѣстно, упразднены, и ихъ мѣсто въ архивныхъ Комиссіяхъ никѣмъ по закону не замѣщено. Интересно, что только въ 1883 г., т. е. чрезъ 20 лѣтъ, Опочецкій городской голова возбудилъ вопросъ: изъ какихъ же лицъ должна состоять Комиссія для разбора архивныхъ дѣлъ? Вслѣдствіе этого возникъ законодательный вопросъ, разрѣшившійся только въ 1896 г., т. е. чрезъ 13 лѣтъ, тѣмъ, что Государ. Со-

¹⁾ Для наглядности приводимъ буквальный выписку изъ Полн. Собр. Закон. (№ 38052) правилъ о порядкѣ уничтоженія рѣшенныхъ дѣлъ по одному изъ Министерствъ.

§ 1. Всѣ вообще дѣла, оконченныя производствомъ по Министерству и учрежденіямъ его вѣдомства, относительно времени храненія ихъ, раздѣляются на три разряда: а) дѣла и бумаги, подлежащія всегдашнему храненію въ архивахъ; б) дѣла назначенныя къ временному храненію, примѣрно отъ 10 до 20 лѣтъ, и в) дѣла, которыя по совершенномъ окончаніи ихъ производствомъ, могутъ быть немедленно уничтожены.

§ 2. Въ каждой отдѣльной части Министерства и учрежденій его вѣдомства, имѣющей своего столоначальника, производителя дѣлъ или чиновника, завѣдывающаго дѣлопроизводствомъ той части, ведется всѣмъ дѣламъ: а) общая опись за каждый годъ отдѣльно, въ которую дѣла, по мѣрѣ заведенія ихъ, записываются въ хронологическомъ порядкѣ и по которому они сдаются и принимаются лицами, завѣдывающими дѣлопроизводствомъ. Она остается на рукахъ сихъ лицъ до сдачи въ архивъ всѣхъ дѣлъ, въ опись занесенныхъ, и затѣмъ причисляется къ бумагамъ, подлежащимъ всегдашнему храненію въ архивѣ; б) алфавитъ дѣламъ, занесеннымъ въ опись, который остается всегда на рукахъ завѣдывающаго дѣлопроизводствомъ и въ архивѣ не передается.

§ 3. Независимо отъ упомянутыхъ въ § 2 общей описи и алфавита дѣламъ, въ каждой отдѣльной части должно находиться примѣрное росписаніе дѣлъ по всѣмъ, указаннымъ въ § 1 тремъ разрядамъ, которое и служитъ руководствомъ при отнесеніи дѣлъ къ тому или другому разряду. Такія росписанія составляются завѣдывающими дѣлопроизводствомъ, просматриваются въ порядкѣ подчиненности и утверждаются: въ Министерствѣ—директоромъ, въ Палатахъ и подвѣдомственныхъ имъ учрежденіяхъ—управляющими Палатами, а по прочимъ учрежденіямъ, непосредственно подчиненнымъ которому-либо изъ Департаментовъ Министерства,—директоромъ подлежащаго Департамента.

§ 4. По истеченіи каждаго года завѣдывающіе дѣлопроизводствомъ, приводятъ тѣ изъ внесенныхъ въ общую опись дѣлъ, которыя производствомъ уже кончены, въ установленной для сдачи въ архивъ видѣ, и, руководствуясь имѣющимися у нихъ примѣрнымъ росписаніемъ, распределяютъ тѣ дѣла, каждый по своей части, на три указанные выше разряда, составляя особыя, по каждому разряду архивныя, по данной формѣ, описи, (приложеніе лит. Б.).

§ 5. Составленныя такимъ образомъ архивныя описи и нумераціонныя реестры просматриваются непосредственнымъ начальникомъ завѣдывающаго дѣлопроизводствомъ, въ Министерствѣ—начальникомъ отдѣленія и правителемъ канцеляріи, въ Палатахъ—совѣтникомъ подлежащаго отдѣленія, а въ учрежденіяхъ, подвѣдомыхъ Палатамъ,—дѣлопроизводителемъ Палаты. Если, по просмотрѣ, описи скажутся составленными удовлетворительно, то тѣ же лица, которыя ихъ просматриваютъ обязаны, сообразуясь съ содержаніемъ каждаго дѣла, отнесеннаго ко 2-му разряду и большому или меньшему значенію заключающихся въ немъ свѣдѣній, отмѣтить сообственноручно, въ описяхъ противу каждаго дѣла, сколько лѣтъ оно должно быть хранимо въ архивѣ (примѣрно отъ 10 до 20 лѣтъ) и за тѣмъ, по подписаніи описей всѣхъ трехъ разрядовъ представить ихъ на утвержденіе: въ Министерствѣ—директору, а въ Палатахъ и подвѣдомыхъ имъ учрежденіяхъ—управляющему Палатою.

§ 6. Директоръ Департамента и Канцеляріи Министра или управляющій Палатою, если найдутъ описи удовлетворительными, дѣлаютъ на нихъ надписи: по дѣламъ перваго разряда: „сдать въ архивъ для всегдашняго храненія“, по дѣламъ втораго разряда: „сдать въ архивъ на означенное число лѣтъ“, и по дѣламъ третьяго разряда: „уничтожить“. За сими на самыхъ дѣлахъ означается къ какому разряду какое дѣло отнесено, а съ описей снимаются копии, которыя за подписью въ Министерствѣ начальника отдѣленія, въ Палатахъ—совѣтника и за скрѣпою столоначальниковъ, передаются въ архивъ вмѣстѣ съ оконченными дѣлами, а подлинныя остаются въ отдѣленіяхъ съ роспискою архиваріуса, принявшаго дѣла; въ обнихъ же годовыхъ описяхъ отмѣчается противъ каждаго сдаваемого дѣла: сдано въ архивъ такого-то числа и года, отнесено къ такому-то разряду и кончено на столькихъ-то листахъ.

§ 7. Назначеніе дѣлъ къ уничтоженію дѣлается съ крайнею осмотрительностію, и какъ это возлагается на личную отвѣтственность въ Министерствѣ—директоровъ, а въ Палатахъ—управляющихъ оными, то эти нѣхъ зависить, предварительно разрѣшенія на уничтоженія дѣлъ, подвергать такіе дѣла повѣрочному просмотру чрезъ подвѣдомственныхъ имъ чиновниковъ.

вѣтъ постановили: „особыя Коммисіи, назначаемыя для единовременнаго разбора и уничтоженія старыхъ дѣлъ архива губернскаго правленія, состояются: изъ совѣтника губ. правленія; чиновника, назначаемаго губернаторомъ, а также приглашаемаго по распоряженію послѣдняго, члена мѣстнаго ученаго учрежденія по археографіи или археологіи, гдѣ таковое существуетъ, и двухъ представителей отъ вѣдомствъ судебнаго и народнаго просвѣщенія“. Такой новый составъ Коммисіи обуславливается тѣмъ, что и Правит. Сенатъ и Госуд. Совѣтъ, при обсужденіи означеннаго вопроса, высказались, что „по разнообразію дѣлопроизводства, хранящихся въ архивахъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ въ составъ вышеозначенныхъ Коммисій не могутъ входить исключительно только чины вѣдомства Мин. Вн. дѣлъ, подчиненные губернаторамъ. Въ нихъ должны участвовать и представители вѣдомствъ Мин. Нар. Пр. и судебнаго какъ лица, компетентныя въ сужденіи о важности тѣхъ и другихъ архивныхъ дѣлъ, могущихъ служить историческимъ матеріаломъ, а равно и о бесполезности сохраненія дѣлъ, не имѣющихъ такого значенія“. При этомъ Госуд. Совѣтъ, едвали не въ первый разъ при перечисленіи существующихъ у насъ въ губерніяхъ ученыхъ археографическихъ и археологическихъ обществъ, упоминаетъ и объ уч. губ. архивныхъ Коммисіяхъ, члены которыхъ, на основаніи вышеприведеннаго законодательства, могутъ, значить, быть приглашены въ составъ означенныхъ Коммисій¹⁾. Такимъ образомъ, нашъ законъ въ рѣшеніи вопроса объ уничтоженіи дѣлъ архивовъ губернскихъ требуетъ сложныхъ Коммисій, состоящихъ не изъ чиновниковъ только, но и изъ лицъ компетентныхъ въ сужденіи о важности архивныхъ дѣлъ въ историческомъ отношеніи, а для архивовъ центральныхъ учреждений, гдѣ могутъ быть болѣе важныя и сложныя дѣла, ограничивается при рѣшеніи того же вопроса исключительно канцелярскими силами, а иногда даже взглядомъ на дѣло одного лица.

Но независимо отъ того, что наше теперешнее законодательство объ архивахъ допускаетъ болѣе чѣмъ случайный и совершенно некомпетентный личный составъ, на который возлагается обязанность разсматривать дѣла и рѣшать— хранить ихъ или уничтожать, законъ допускаетъ еще другое невозможное начало: уничтоженіе дѣлъ цѣлыми, заранѣе предназначенными категоріями. Намъ нѣтъ надобности останавливаться много на томъ, какія печальныя послѣдствія могутъ происходить отъ примѣненія этого порядка. Всякій, кто знакомъ съ архивами и занимался въ нихъ для цѣлей историческо-научныхъ, знаетъ, конечно, какіе дорогие и интересные памятники могутъ погибнуть отъ такого огульнаго уничтоженія дѣла. Но полная несостоятельность этого начала лучше всего видна еще изъ того, что если сопоставить тѣ категоріи— правила, которыми руководствуются наши министерства при уничтоженіи своихъ архивовъ, то мы наглядно увидимъ всю неопредѣленность, произвольность и противорѣчіе взглядовъ на этотъ предметъ. То, что одни постановляютъ хранить, другіе рѣшаютъ уничтожать. И на оборотъ. Для примѣра возьмемъ нѣсколько фактовъ.

Нужно замѣтить, что всѣ М-ва раздѣляютъ свои дѣла обыкновенно на три категоріи: а) дѣла подлежащія всегдашнему храненію, б) временному (отъ 5 до 25 л.) и в) немедленному уничтоженію. Съ точки зрѣнія научно-исторической между второю и третью категоріями нѣтъ никакой разницы, потому-что дѣла, хотя-бы и оставленные по ихъ окончаніи на 25 л., еще не подлежатъ исторической разработкѣ и во всякомъ случаѣ они будутъ уничтожены ранѣе, чѣмъ настанетъ время для пользованія ими съ научными цѣлями. Поэтому мы будемъ разсматривать эти двѣ категоріи какъ одну²⁾.

¹⁾ См. печ. записки изъ дѣла перваго общ. собр. Правит. Сената по законодательному вопросу о допозаченіи ст. 602. т. II общ. губ. учр. изд. 1892 г. и печатная записка Госуд. Совѣта по этому-же поводу.

²⁾ Для примѣра выписываемъ Правила о порядкѣ сдачи въ архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ рѣшенныхъ дѣлъ, ихъ храненія и уничтоженія, утвержденныя Министерствомъ Внут. Дѣлъ 4 февраля 1897 г.:

Во всѣхъ Министерствахъ, въ правилахъ о храненіи и уничтоженіи дѣлъ повторяется слѣдующее: „немедленному уничтоженію подвергаются слѣдующія дѣла: всѣ срочныя вѣдомости, кромѣ годовыхъ отчетовъ и вообще дѣла, состоящія изъ одной канцелярской переписки о доставленіи свѣдѣній и разъясненій по такимъ предметамъ, по коимъ окончательное заключеніе уже послѣдовало и которыя не заключаютъ въ себѣ никакой важности въ служебномъ отношеніи“. (Мин. Госуд. Имуц. Путей Сообц. почтов. вѣд.). По Мин. Нар. Просв. редактированъ этотъ § такъ: немедленно уничтожаются всѣ дѣла, не заключающія въ себѣ никакой важности въ служебномъ, административномъ и историческомъ отношеніяхъ, а равно и такія, въ которыхъ не можетъ встрѣтиться надобности.

Повидно, что такія общія положенія какъ „важность и значеніе дѣла въ томъ или другомъ отношеніи“ ничего не говорятъ лицу, обязанному заниматься опредѣленіемъ вопроса о храненіи или уничтоженіи дѣла и если это лицо вообще мало компетентно въ этомъ дѣлѣ или обременено другими срочными обязанностями, то такая руководственная категорія можетъ повести къ случайнымъ и самымъ разнообразнымъ послѣдствіямъ, что на дѣлѣ мы и видимъ. Благодаря этой неопредѣленности уничтожаются самыя важныя и интересныя въ историческомъ отношеніи дѣла, а остаются такія, которыя имѣютъ лишь справочно-канцелярскій характеръ. Но кромѣ неопредѣленности различныя вѣдомства смотрятъ совершенно различно на значеніе однородныхъ дѣлъ и одни—опредѣляютъ эти дѣла хранить, другія—уничтожать. Напр., Мин. Госуд. Имуц. назначаетъ ко всегдашнему храненію формуляры лицъ, умершихъ на службѣ по министерству и копіи съ аттестатовъ, выданныхъ чинамъ, вышедшимъ въ отставку, а формуляры лицъ вышедшихъ въ другія вѣдомства и кондуктныя списки служащихъ и вышедшихъ—назначаетъ только къ временному храненію. Тоже по Министерству Финансовъ и по почтовому вѣдомству; по министерству же Путей Сообщенія положено хранить навсегда формулярные списки за послѣднія пять лѣтъ службы каждаго состоявшаго въ ономъ лицѣ, съ тѣмъ, что бы правило это соблюдалось какъ въ отношеніи вышедшихъ въ отставку, такъ и въ отношеніи къ умершимъ или перешедшимъ въ другое вѣдомство. По Госуд. Контр. остаются для всегдашняго храненія всѣ дѣла о прохожденіи службы лицами, состоящими какъ на дѣйствительной службѣ, такъ и по вольному найму въ вѣд. Контроля, а равно секретныя аттестации о нравственныхъ и служебныхъ качествахъ лицъ, служившихъ въ вѣдомствѣ. По Мин. Нар. Пр. остаются ко всегдашнему храненію всѣ дѣла съ подлинными

1) Оконченныя производствомъ дѣла, относительно времени храненія ихъ, раздѣляются на три разряда: 1) подлежащія постоянному храненію, 2) подлежащія храненію временному и 3) назначенныя къ уничтоженію.

2) Къ первому разряду принадлежатъ дѣла законодательнаго свойства, какъ-то: утвержденіе штатовъ, учрежденіе должностей, заключающія Высочайшія повелѣнія, проекты, служебные документы и вообще дѣла, имѣющія интересъ въ историческомъ отношеніи, а равно годовые отчеты по Министерству и по губерніямъ, журналы и алфавиты; эти дѣла и книги подлежатъ постоянному храненію.

3) Ко второму разряду относятся дѣла, заключающія въ себѣ собранія бумагъ съ періодическими свѣдѣніями, дѣла по измѣненіямъ въ личномъ составѣ, по обревизованной отчетности, по командировкамъ, по разрѣшеннымъ претензіямъ и по выполненнымъ взмсканіямъ; подобныя дѣла могутъ быть уничтожены примѣнительно къ праву, установленному ст. 602. Общ. Губ. Учр. т. II изд. 1892 г., по истеченіи 10-лѣтняго срока со дня сдачи ихъ въ архивахъ.

4) Къ третьему разряду принадлежатъ срочныя вѣдомости, свѣдѣнія для составленія списковъ о личномъ составѣ, кромѣ относящихся къ отчетности, и всѣ вообще дѣла, состоящія изъ канцелярской переписки, не заключающей въ себѣ историческаго интереса и послѣдующей надобности въ справкахъ. Такія дѣла, по поступленіи ихъ въ архивъ, за исключеніемъ секретныхъ, подлежащихъ уничтоженію посредствомъ сожженія, продаются съ публичныхъ торговъ, указанныхъ въ законѣ порядкомъ (Т. X. ч. I. Зак. Гражд. изд. 1887 г.).

и 5) При самой сдачѣ дѣлъ въ архивъ опредѣляется, къ которому изъ вышеозначенныхъ трехъ разрядовъ относится каждое дѣло, т. е. подлежитъ ли оно постоянному храненію, или временному, или уничтоженію, о чемъ дѣлается надпись на самомъ дѣлѣ, съ приклеиваніемъ ярлыковъ особаго цвѣта: къ дѣламъ подлежащимъ храненію постоянному—краснаго цвѣта, храненію временному—зеленаго и къ предназначеннымъ для уничтоженія—бѣлаго.

приказами о перемѣнахъ по службѣ, а также дѣла по личному составу служившихъ по Мин. Нар. Пр. съ документами и полными формулярными списками, а также дѣла о производствѣ въ чины за выслугу лѣтъ. Между тѣмъ по вѣд. почти всѣ дѣла по личному составу, объ опредѣленіи и перемѣщеніи чинов. о произв. въ чины, о пенсіяхъ и т. п. подлежатъ уничтоженію. Также и въ друг. Министер. дѣла о производствѣ въ чины, о наградахъ и т. п. подлежатъ уничтоженію. Или: дѣла о приобрѣтеніи и продажи недвижимыхъ имуществъ по однимъ вѣдомствамъ, (напр., по Мин. Нар. Пр. и Госуд. Контр.) положено хранить по другимъ (почтовое) уничтожать. Входящія и исходящія книги, алфавиты по Мин. Пут. Сообщ., Финан., Нар. Пр. и Госуд. Контр. подлежатъ храненію, по почтовому же вѣд. уничтоженію. По нѣкоторымъ вѣдомствамъ, какъ, напр., почтовому подлежатъ уничтоженію дѣла имѣющія бытовой, служебный и статистическій характеръ, напр., всѣ дѣла о важныхъ преступленіяхъ и злоупотребленіяхъ почтовыхъ чиновниковъ; секретные ревизорскіе рапорты о злоупотребленіяхъ почтовыхъ чиновниковъ; дѣла по жалобамъ чиновниковъ на свое начальство; дѣла о содержаніи церквей, больницъ и сиротскихъ училищъ; дѣла объ открытіи, закрытіи или измѣненіи хода почтъ; дѣла, заключающія распоряженія, дѣлаемые вѣдомствомъ при путешествіяхъ Высочайшихъ Особъ; докладныя записки о происшествіяхъ; переписка о негласной передачѣ станцій одними почто-содержателями другимъ и т. п.

Мы не считаемъ возможнымъ и нужнымъ далѣе останавливаться на сравнительномъ разборѣ категорій для храненія и уничтоженія архивныхъ дѣлъ по разнымъ вѣдомствамъ. Слабость и нецѣлесообразность такой постановки дѣла прекрасно сознается всѣми, неисключая и нашихъ высшихъ правительственныхъ учреждений и лицъ. Такъ, напр., въ циркулярѣ Государственного Контролера въ подвѣдомыя ему учрежденія отъ 17-го сентября 92 г., по поводу примѣненія Высоч. утв. въ 1891 г. новыхъ правилъ храненія и уничтоженія архивныхъ дѣлъ Госуд. Контроля, проводится, между прочимъ, та мысль, что установить точно категоріи дѣлъ трудно, а надобно въ этомъ случаѣ руководствоваться общегосударственнымъ и научнымъ значеніемъ *каждаго* рассматриваемаго дѣла. Кромѣ того при обширности нашего государства, — продолжаетъ циркуляръ, — разноплеменности его населенія, разнообразіи быта и прочихъ условій существованія, въ интересахъ будущихъ научныхъ изслѣдованій представляется важнымъ сохранить и такіе документы, кои имѣютъ значеніе для одной мѣстности, напр., Туркестанскій край, Закаспійская область, Привислянскій и Западный края, водвореніе въ коихъ русскаго владычества, примѣненіе финансоваго и административнаго управленія и пр. въ будущемъ можетъ представить громаднй интересъ. Но несомнѣнно, что и въ Палатахъ коренныхъ русскихъ губ. не мало найдется документовъ мѣстнаго значенія, кои важно сохранить для будущихъ поколѣній^а. Ту же самую мысль высказалъ и Государственный Совѣтъ относительно важности въ историческомъ отношеніи ревизуемой Госуд. Контролемъ отчетности. По его мнѣнію, „архивные матеріалы приобрѣтаютъ повсемѣстно все болѣе и болѣе значеніе. Къ нимъ стали прибѣгать какъ для научныхъ изслѣдованій, такъ и въ видахъ полученія дѣловыхъ, практическихъ справокъ. Вслѣдствіе сего и правительство и ученые общества наши стремятся къ развитію архивнаго дѣла и къ упорядоченію своихъ архивныхъ хранилищъ. Поступающая на ревизію контрольныхъ учреждений отчетность, заключаая въ себѣ важные для интересовъ правительственныхъ учреждений, частныхъ обществъ и лицъ документа, имѣетъ во многихъ случаяхъ большую цѣнность и потому къ уничтоженію ихъ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностію^б. Къ сожалѣнію, этотъ взглядъ нашего высшаго государственнаго законодательнаго учрежденія на практикѣ, какъ мы видѣли, далеко не осуществляется. Наши министерства въ этомъ вопросѣ не могутъ стовориться между собою относительно сохраненія даже такихъ бумагъ, которые по закону должны составлять неотъемлем-

новенность, какъ, напр., дѣла о приобрѣтеніи и отчужденіи недвижимыхъ имуществъ, формуляры и аттестаты чиновниковъ и т. п. Одни министерства хранятъ эти документы, другія находятъ возможность ихъ уничтожать.

При такомъ печальномъ положеніи нашего архивнаго законодательства, недающаго никакой надежды на улучшеніе и въ будущемъ архивнаго дѣла въ Россіи, необходимо возобновить предъ правительствомъ ходатайство 2-го археологическаго съѣзда о коренной реформѣ нашего архивнаго дѣла. Для этого, пользуясь прибытіемъ на настоящей сѣздъ представителей губ. ученыхъ архивныхъ комиссій и другихъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, считаю необходимымъ сдѣлать слѣдующее предложеніе: не благоугодно ли будетъ сѣзду, по примѣру 2-го археологическаго съѣзда, избрать особую комиссію, которой и поручить выработать тѣ основанія, на которыхъ могли бы быть устроены у насъ архивы, какъ учрежденія и сохраняющія, и разрабатывающія находящіяся въ нихъ матеріалы для цѣлей государственныхъ, общественныхъ и научныхъ. При этомъ желательно, что бы, если будетъ образована такая комиссія, она выяснила бы съ надлежащею подробностію и точностію, слѣдующіе вопросы: 1) о составѣ архивовъ, т. е. должны ли входить въ нихъ дѣла только правительственныхъ учреждений или и общественныхъ и частныхъ; 2) если признана будетъ необходимость, соотвѣтственно и задачамъ архивовъ и современному западно-европейскому устройству ихъ, учреждения у насъ историческихъ архивовъ, то необходимо точно опредѣлить, должны ли въ нихъ поступать только дѣла, имѣющія уже историческую давность, или все дѣла, оконченныя своимъ производствомъ. Отъ рѣшенія этихъ кардинальныхъ вопросовъ будутъ, конечно, зависѣть та или иная постановка вопросовъ о личномъ составѣ служащихъ въ архивахъ, объ административной организаціи ихъ, въ общемъ—контролирующемъ и объединяющемъ архивную дѣятельность органѣ и объ участіи въ разработкѣ архивовъ общественныхъ силъ. Желательно, что бы комиссія, закончивши свой трудъ, представила его на общее обсужденіе настоящаго же археологическаго съѣзда.

О необходимости превращенія Харьковскаго Историческаго архива въ центральный архивъ.

Проф. Д. И. Багалъя.

Въ настоящее время въ Харьковѣ, при университетѣ, въ вѣдѣніи Историко-Филологическаго Общества находится обширный и чрезвычайно важный въ научномъ отношеніи архивъ, который по составу своему, функціямъ и значенію является *de facto* центральнымъ, а между тѣмъ юридическое положеніе его оказывается совершенно неопредѣленное и необезпеченное и потому нуждается въ коренной реформѣ. Единственнымъ способомъ, который бы навсегда упрочилъ его существованіе и развитіе, нужно признать превращеніе его въ центральный архивъ и примѣненіе къ нему такихъ штатовъ, какими пользуются другіе центральные архивы — Кіевскій и Виленскій. И онъ заслуживаетъ такого положенія, какъ въ этомъ можно будетъ убѣдиться даже изъ тѣхъ краткихъ свѣдѣній, которыя я представлю сейчасъ. Болѣе подробныя данныя о немъ заключаются въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ (г. Рагозина въ „Сборникѣ Археологическаго Института“, изд. Калачовымъ, П. С. Ефименка — въ „Кіевской Старинѣ“, г. Теличенка — тамъ же, мои — въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“, въ „Вѣстникѣ Археологій и Исторіи“, изд. Калачовымъ, въ „Кіевской Старинѣ“, въ „Трудахъ Одесскаго Археологическаго Съѣзда“; есть извѣстія о немъ и въ иностранной литературѣ). При составленіи настоящей замѣтки мною принята во вниманіе вся эта литература, а сверхъ того я пользовался отчетами о состояніи и дѣятельности архива, ежегодно представляемыми мною совмѣстно съ архивариусомъ совѣту университета и печатаемыми въ „Запискахъ Университета“ и „Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества“; наконецъ, стоя во главѣ архива со времени его основанія, вотъ уже 16 лѣтъ, можно сказать, создавая и расширяя его, я самъ являюсь живою лѣтописью и первоисточникомъ для его характеристики въ настоящее время. Въ составъ Харьковскаго Историческаго архива входятъ теперь слѣдующія части: 1) Черниговское отдѣленіе архива бывшей Малороссійской коллегіи; 2) Полтавское отдѣленіе того же архива; 3) Харьковское отдѣленіе, содержащее документы упраздненныхъ нынѣ присутственныхъ мѣстъ бывшей Слободской Украины и 4) другіе акты и частныя бумаги мѣстныхъ дѣятелей.

Всѣ эти матеріалы спасены нами отъ гибели и постепеннаго уничтоженія. Въ мѣстахъ прежняго храненія своего — въ правительственныхъ архивахъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ документы эти не сохранялись, а погибали. То, что называется нынѣ Архивомъ Малороссійской коллегіи и перевезено въ Харьковъ изъ Чернигова и Полтавы (гдѣ хранилось при тамошнихъ губернскихъ правленіяхъ), составляло нѣкогда Центральный Малороссійскій архивъ. Въ первое время онъ находился въ Глуховѣ, бывшемъ резиденціей гетмановъ и Малороссійской коллегіи, которая существовала съ 1722 по 1727 г. и затѣмъ съ 1764 по 1786 г. Здѣсь онъ помѣщался одно время въ полуразрушенномъ зданіи, не имѣвшемъ почти крыши, трубъ и оконъ, и былъ предоставленъ дѣйствию вѣтровъ и дождей. Въ 1748 г. произошелъ пожаръ и архивъ сложили въ „колокольнѣ Михайловской церкви, гдѣ многія дѣла по тѣснотѣ и неприспособленности помѣщенія пришли въ порчу и неурядокъ“. Вообще архивъ долженъ былъ часто перекочевывать съ одного помѣщенія въ другое и всѣ эти помѣщенія оказывались тѣсными, сырыми и неудобными. Въ 1784 г. произошелъ въ Глуховѣ страшный пожаръ, истребившій и значительную часть архива (въ томъ числѣ 12 изъ 22 сундуковъ походной канцеляріи Румянцева); тщетно архивариусъ Адамовичъ бѣгалъ по всему городу и искалъ повозокъ, чтобы спасти его отъ приближавшагося огня; онъ вынужденъ былъ одну часть дѣлъ сбросить въ погребъ, а другую — на площадь и только эти документы и были спасены, остальные сгорѣли. Для перевозки спасенныхъ дѣлъ понадобилось 100 подводъ, значить ихъ было болѣе 2,000 пудовъ. Въ 1786 году онъ былъ переведенъ въ Черниговъ „яко среднее Малороссіи мѣсто“ и превращенъ въ Малороссійскій Губернскій архивъ. Часть же его, относящаяся къ территоріи Полтавской губ., была передана въ Полтаву и хранилась при тамошнемъ Губернскомъ Правленіи. Сохранилась офиціальная записка о составѣ и числѣ документовъ въ Черниговскомъ Губернскомъ Малороссійскомъ архивѣ; ихъ тамъ было 753,347, въ томъ числѣ значительное число книгъ. Такимъ образомъ, несмотря на страшныя потери, архивъ этотъ былъ однимъ изъ обширнѣйшихъ и интереснѣйшихъ. Но и во время пребыванія его въ Черниговѣ, уже въ наши дни, документы его гибли въ большомъ количествѣ: одна часть его хранилась въ такъ-называемомъ Мазепиномъ дворцѣ, что на валу, а это зданіе, по словамъ очевидца, было какъ бы специально приспособлено для гибели документовъ; оно состояло изъ трехъ этажей, въ которыхъ было три различныхъ, такъ-сказать, климата — въ подвальномъ — холодный и необыкновенно сырой, въ среднемъ — умѣренный, и въ верхнемъ, состоящемъ изъ чердака подъ желѣзной крышей, необыкновенно жаркій. Все, что попадало въ нижній этажъ, до такой степени проникалось сыростью, что изъ связокъ можно было выжимать воду; а если ихъ для просушки переносили наверхъ, то тамъ они превращались какъ бы въ плитки татарскаго чая. Затѣмъ несомнѣнно извѣстно, что изъ этого архива взято было весьма значительное количество бумагъ отдѣльными лицами и такимъ путемъ отчасти составила цѣлая коллекція (въ нѣсколько тысячъ актовъ) историка Малороссіи Маркевича, хранящаяся нынѣ въ Румянцевскомъ музеѣ.

Понятно, при такихъ условіяхъ, почему среди членовъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, во главѣ котораго стоялъ тогда нынѣ покойный проф. А. А. Потемня, явилась мысль о перевозкѣ этихъ документовъ въ университетскій городъ Харьковъ, гдѣ тогда не было никакого научнаго архива; идею эту подалъ извѣстный этнографъ П. С. Ефименко, самъ же и привезшій архивъ изъ Чернигова въ количествѣ приблизительно 600 пудовъ. Часть дѣлъ, по недостатку средствъ, была оставлена имъ на мѣстѣ. Спасено было во всякомъ случаѣ не менѣе $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ общаго ихъ числа. Другая часть Малороссійскаго архива, хранившаяся въ Полтавѣ, при тамошнемъ Губернскомъ Правленіи, пострадала не столь значительно, какъ черниговская, но все-таки, какъ это видно изъ переданной намъ вмѣстѣ съ дѣлами старой

описи, сильно уменьшилась, а главное была недоступна для ученой разработки. Тоже самое нужно сказать и относительно 3-го отдѣла архива,— дѣлъ переданныхъ по моему ходатайству изъ Харьковскаго Губернскаго Правленія и относящихся къ учреждениямъ исторической области, носившей названіе Слободской Украины. Тамъ не оказалось самыхъ старыхъ документовъ, въ томъ числѣ такихъ цѣнныхъ, какъ экстрактъ о слободскихъ полкахъ, а между тѣмъ ими пользовались еще прежніе харьковскіе историки И. И. Срезневскій, Квитка, архіеп. Филаретъ. Не говорю о 4-мъ отдѣлѣ—бумагъ мѣстныхъ дѣятелей: до устройства въ Харьковѣ Историческаго архива они обыкновенно погибали (затерялся, напримѣръ, цѣлый сундукъ съ документами извѣстнаго проф. Д. И. Каченовскаго, взятый покойнымъ Де-Пуле для составленія его біографіи)—теперь же онѣ обыкновенно попадаютъ въ наше хранилище.

Столь печально было положеніе документовъ, находящихся нынѣ въ Харьковскомъ Историческомъ архивѣ, въ прежнихъ мѣстахъ ихъ храненія. Спрашивается: неужели университетъ и ученое Историческое общество не вправѣ, скажу сильнѣе — не обязаны были взять ихъ, чтобы спасти отъ гибели и дать возможность пользоваться ими для научныхъ цѣлей? Но достигается ли эта цѣль, другими словами, каково нынѣшнее состояніе Харьковскаго Историческаго архива?

Помѣщеніе архива, правда, тѣсное (оно занимаетъ всего 4 комнаты), но сухое, и не грозитъ безопасности хранящихся въ немъ дѣлъ. Всѣмъ документамъ составлены описи. По составу архивъ въ настоящее время является центральнымъ, потому что заключаетъ въ себѣ всѣ важнѣйшіе документы трехъ сосѣднихъ губерній—Харьковской, Черниговской и Полтавской. Въ Черниговскомъ отдѣленіи внесено въ реестръ 30821 дѣло, но ихъ въ сущности несравненно больше, потому что подъ однимъ номеромъ часто записано по нѣскольکو десятковъ однородныхъ документовъ; въ Полтавскомъ отдѣленіи 21543 дѣла, въ Харьковскомъ—2773. Среди дѣлъ во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ есть значительное количество (нѣскольکو сотъ, а можетъ быть и болѣе тысячи) книгъ. Многія дѣла чрезвычайно обширны (по нѣскольکو сотъ и даже тысячъ страницъ, особенно въ Харьковскомъ отдѣленіи). Такимъ образомъ число листовъ архивныхъ документовъ нужно считать на миллионы. Чтобы дать наглядное понятіе о научномъ значеніи нашего архива, я представлю краткую характеристику его первыхъ двухъ отдѣленій.

По юридическимъ рубрикамъ ихъ можно распредѣлить на нѣскольکو категорій. Къ *уголовному праву* относятся дѣла о нападеніи старшины на казаковъ, о наѣздахъ гайдамаковъ и вопнскихъ командъ, о воровствѣ, побояхъ, убійствахъ; къ *гражданскому праву* — царскія грамоты, гетманскіе и полковничьи универсаны на имѣнія, споры о земляхъ казаковъ, посполитыхъ, шляхты и монастырей, межевые документы; къ *государственному праву* — ревизіи, послужные списки и цѣлый рядъ другихъ документовъ, характеризующихъ юридическое положеніе казаковъ, посполитыхъ и старшинъ (здѣсь есть свѣдѣнія о родѣ Милорадовичей, Мокріевичей, Максимовичей, Марковичей, Миклашевскихъ, Галагановъ, Борозды и мн. др.); сюда же относятся жалованныя грамоты малороссійскимъ городамъ съ 1-й половины XVII-го вѣка — Чернигову, Нѣжину, Стародубу, Погару, Почепу, Полтавѣ, заключающія богатѣйшій матеріалъ для исторіи городовъ и городскихъ сословій; очень богата категорія дѣлъ *военнаго управленія*, гдѣ находятся свѣдѣнія о наборѣ, обмундированіи, вооруженіи казацкихъ полковъ, о воинской службѣ ихъ, объ участіи въ войнахъ, веденныхъ Россіей съ другими государствами, о командировкѣ на Украинскую линію, Ладожскій каналъ, на Донъ, въ Оренбургъ и т. п.; въ дѣлахъ *финансоваго управленія* содержатся данныя о всякаго рода денежныхъ сборахъ (государственныхъ, войсковыхъ, общественныхъ) и натуральныхъ повинностяхъ, о свободныхъ и ранговыхъ маестностяхъ и конскихъ заводахъ; въ дѣлахъ, касающихся *внутренней админи-*

страци, мы найдемъ свѣдѣнія объ урожаяхъ, винокурени, добываніи соли, шелководствѣ, рыболовствѣ, фабрикахъ и заводахъ, ярмаркахъ, торговлѣ и торговыхъ цѣнахъ, неурожаяхъ, мѣрахъ противъ эпидемій, эпизоотій, вредныхъ насѣкомыхъ, пожаровъ, объ общественномъ призрѣніи (шпиталяхъ и братствахъ), народномъ образованіи, дорогахъ, мостахъ, почтахъ; есть, наконецъ, дѣла, характеризующія положеніе церкви и монастырей и отношеніе Малороссіи къ Польшѣ, Крыму, Запорожью, Слободской Украинѣ и иностраннымъ поселенцамъ.

Итакъ, въ Черниговскомъ и Полтавскомъ отдѣленіяхъ архива заключается богатѣйшее собраніе матеріаловъ, преимущественно для *бытовой* исторіи Малороссіи XVIII в. Одни изъ нихъ относятся къ мѣстному управленію, а другіе содержатъ въ себѣ данныя первостепенной важности для характеристики дѣятельности въ этомъ краѣ центрального русскаго правительства. Такимъ образомъ, они имѣютъ не только мѣстное, но и *общегосударственное* значеніе, тѣмъ болѣе, что нынѣ пользуются ими многія лица, какъ официальными доказательствами для своихъ правъ на дворянство или имѣнія.

Почти тѣ же разряды документовъ мы найдемъ и въ Харьковскомъ отдѣленіи архива, иными словами, имѣемъ аналогичный матеріалъ и для исторіи Слободской Украины.

До 1879 г. въ Харьковѣ не было научнаго архива. А съ созданіемъ его явились люди, которые не мало потрудились надъ его разборкой и научной разработкой. Незабвенный Н. В. Калачовъ командировалъ на средства, доставленныя извѣстнымъ харьковскимъ сахарозаводчикомъ покойнымъ И. Г. Харитоненко, слушателя своего института г. Рагозина для ознакомленія съ архивомъ. Затѣмъ въ 1883 г. Харьковское Историко-Филологическое Общество выдѣлило изъ среды своей для разбора архива комиссію въ составѣ профессоровъ—Дитятина, Лебедева, Куплеваскаго, Сумцова и меня, двухъ профессорскихъ стипендіатовъ Эварницкаго и Ромашкевича и секретаря статистическаго комитета П. С. Ефименка. Яо душою дѣла оказался С. П. Дуброва, который отдавалъ ему все дообѣденное время и работалъ безвозмездно съ любовью, неутомимо, желая облегчить труды тѣхъ, кто пожелалъ бы собирать здѣсь матеріалы для южно-русской исторіи. Вскорѣ университетъ изъ своихъ специальныхъ средствъ сталъ отпускать по 600 р. въ годъ на наемъ архивариуса, къ которому и перешла обязанность по части составленія архивныхъ описей, выдачи документовъ и справокъ. Архивариусами состояли обыкновенно кандидаты историко-филологическаго факультета Харьковскаго университета, а для общаго руководства ими совѣтъ университета избралъ меня и я несу (безвозмездно) обязанности завѣдующаго архивомъ уже 16 лѣтъ. Кромѣ архивариуса университетъ еще даетъ жалованье служителю при архивѣ и отпускаетъ ежегодно по 600 руб. на изданіе „Сборника Историко-Филологическаго Общества“, въ которомъ печатается, между прочимъ, опись архива и его документы. Рукописныя описи имѣются нынѣ ко всѣмъ отдѣленіямъ архива; есть также указатель личныхъ и географическихъ именъ къ Черниговскому отдѣленію. А кромѣ того, составляется подробная, научная опись дѣлъ Харьковскаго отдѣленія, печатающаяся на страницахъ „Сборника Общества“. Благодаря всему этому, архивомъ стали пользоваться разные ученые для научныхъ цѣлей. Изъ пріѣзжихъ укажемъ на проф. Мякотина, собравшаго здѣсь обширный матеріалъ для исторіи посполитыхъ крестьянъ въ Малороссіи, Василенка, извлекавшаго данныя для исторіи финансоваго управленія, проф. Лилеева, воспользовавшагося свѣдѣніями о стародубскихъ раскольничьихъ поселеніяхъ, извѣстнаго историка Черноморья—Короленка, исчерпавшаго весь матеріалъ о Запорожьѣ, Альбовскаго, воспользовавшагося его данными для составленной имъ исторіи Харьковскаго Слободскаго и Гусарскаго полка. Я широко пользовался всѣми отдѣлами архива и для „Очерковъ“ и для „Матеріаловъ“ по исторіи колонизаціи и быта южной окраины, и для „Украинской Старины“, и для ряда статей по исторіи Лѣвобережной и Слободской украинъ; А. Я. и П. С. Ефименки

также составили на основаніи данныхъ этого архива значительное количество историческихъ работъ (о копныхъ судахъ, о Турбаевской катастрофѣ и т. п.); пользовались имъ также Сумцовъ, Рѣдинъ, Русовъ, Эварницкій, священникъ Лащенко. Наконецъ, явился на мѣстѣ рядъ молодыхъ работниковъ, созданныхъ, такъ сказать, архивомъ; такъ бывший архивариусъ Плохинскій собралъ и обработалъ обширный матеріалъ объ иностранцахъ въ Малороссіи, Миллеръ—о гродскихъ, земскихъ и подкоморскихъ судахъ, о превращеніи казацкой старшины въ дворянство, о голштинскихъ наборахъ и пикинеріи, Теличенко — о Екатерининской комиссіи для составленія проекта новаго уложенія, о кодификаціи малорусскаго права, о Слободской украинѣ, г-жа Радакова—о ревизіяхъ и компутахъ, Трефилевъ—о промышленности Слободской Украины, Ивановъ—о землевладѣніи въ ней, Бакай—о колонизаціи лѣвобережья, Савва—о духоборцахъ. Не буду входить въ оцѣнку этихъ трудовъ по существу—важенъ фактъ, что архивомъ пользовались и продолжаютъ пользоваться многія лица для научныхъ цѣлей. Открытъ онъ ежедневно отъ 10-ти до 3-хъ часовъ дня. Но кромѣ того онъ исполняетъ еще и другую чисто официальную функцію: выдаетъ засвидѣтельствованныя копии своихъ документовъ разнымъ лицамъ, отыскивающимъ права на дворянское достоинство или на имущество.

Но положеніе Архива является въ настоящее время очень неустойчивымъ и необходимо вывести его изъ этого неопредѣленнаго состоянія. А для этого слѣдуетъ немедленно удовлетворить двѣ давно назрѣвшія его нужды: 1) расширить его помѣщеніе, и 2) дать ему прочное юридическое положеніе.

1) Расширеніе помѣщенія давно уже стало насущною потребностью Харьковскаго Историческаго Архива; безъ этого невозможно ни правильное функціонированіе его, ни дальнѣйшее пополненіе новыми матеріалами. Еще въ маѣ текущаго года и историко-филологическій, и юридическій факультеты Императорскаго Харьковскаго университета, въ отвѣтъ на обращеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія о мѣрахъ для развитія практическихъ занятій между студентами, указали на важное значеніе его для нихъ въ качествѣ учебно-вспомогательнаго учрежденія, а между тѣмъ въ немъ нѣтъ даже особыхъ комнатъ для занимающихся и архивариуса. Архивы многихъ мѣстныхъ учреждений могутъ быть переданы въ Харьковскій Историческій архивъ, но мы не можемъ ихъ принять по недостатку мѣста, а между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ находятся въ такихъ зданіяхъ, которыя угрожаютъ ихъ сохранности. Все это сознавалось университетскимъ начальствомъ, но Харьковскій университетъ испытывалъ такую тѣсноту, что только теперь, съ переводомъ клиникъ на новыя мѣста, получилъ возможность расширить и помѣщеніе бібліотеки, и помѣщеніе историческаго архива. Нынѣ для этого послѣдняго ремонтируется часть бывшей хирургической клиники и можно только пожелать, что бы она оказалась достаточно помѣстительной.

2) Остается, такимъ образомъ, разрѣшить второй еще болѣе важный вопросъ—упрочить юридическое и финансовое положеніе Архива. Теперь онъ существуетъ, такъ сказать, внѣ правилъ и законовъ. У него нѣтъ даже такого временнаго „положенія“, какое создано Закономъ 1884 года для всѣхъ губернскихъ архивовъ; нѣтъ даже инструкціи, которая бы опредѣляла его функціи, права и обязанности завѣдующихъ имъ учреждений и лицъ; въ штатъ университета онъ не входитъ, а между тѣмъ *de facto* является учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ и при томъ весьма цѣннымъ, требующимъ особой охраны и заботы, въ виду того, что архивное имущество, въ противоположность многимъ другимъ, не можетъ быть восстановлено, въ случаѣ, на примѣръ, пожара или вообще гибели, ни за какія деньги. Отвѣтственнымъ лицомъ за эти университетскія сокровища долженъ быть архивариусъ, но онъ не имѣетъ правъ государственной службы и работаетъ по найму, слѣдовательно, отъ него нельзя

требовать такой ответственности, какую несет по закону его коллега, архивариус собственно университетского архива. От архивариуса Исторического архива требуется специальная археографическая подготовка или во всяком случае университетский диплом; а между тем он получает жалованья всего 600 р. в год. Спрашивается: можно ли, при таких условиях найти ученого архивариуса и удержать его долго на столь тяжелой и непривлекательной должности? При том одного архивариуса недостаточно: он не может и разыскивать официальные справки, и заниматься описью документов, и выдавать их для пользования занимающимся и каталогизировать вновь поступающие в архивную библиотеку книги. Очевидно, тут нужна серьезная реформа. Но к какому же типу существующих архивов нужно отнести Харьковский Исторический архив при его реформе? К губернским или центральным областным? После всего сказанного едва ли можно колебаться в том, что нужно оформить только то, что существует уже на деле, т. е. дать ему положение и штаты центрального архива, на подобие Киевского или Виленского. Превратить его в Губернский не возможно, потому что и теперь он уже является по составу областным, а в ближайшем будущем сюда могут поступать дела и из других губерний Харьковского учебного округа, в особенности из таких, где нет губернских архивов и архивных комиссий (а их не имется в большинстве этих городов). Да и странно было бы вместо того, что бы расширять и развивать, деградировать его. При Киевском и Виленском архивах существуют ученые учреждения — Археологические комиссии, которые занимаются изданием документов; при Харьковском Историческом архиве их функции исполняет ученое историко-филологическое общество, ведающее архивом, старающееся сделать его доступным для ученой разработки и самостоятельно печатающее его опись и документы; к сожалению, при своих скудных средствах, оно не может заняться специально изданием материалов своего архива и потому желательно, чтобы в Харькове, подобно Киеву и Вильню, была учреждена особая комиссия или, что проще и осуществимее, была ассигнована Историко-филологическому обществу известная сумма специально на издание документов Харьковского Исторического архива.

Представленный мною доклад, служить подтверждением необходимости полной реорганизации архивного дела в России по проекту проф. Д. Я. Самоквасова, поясняя частным случаем, как настоятельна у нас потребность в новых центральных областных архивах. Если проект этой реорганизации осуществится, то Харьков должен стоять на первой очереди при устройстве в России центральных архивов. Но так как это дело требует много времени, а между тем Харьковский Исторический архив нуждается в скорейшей реорганизации, то было бы желательно теперь же возбудить ходатайство о превращении его в центральный и применении к нему штатов Киевского центрального архива ¹⁾.

БИБЛИОТЕКА
ИИ Ин-та Краеведческой
и Музейной археологии

¹⁾ Такое ходатайство оказывается тем более уместным, что следующий Археологический съезд в 1902 г. решено устроить в Харькове.

Объ учрежденіи русской исторической комиссіи въ Римѣ.

Проф. Е. Фр. Шмурло ¹⁾.

Послѣдняя треть текущаго столѣтія въ развитіи отечественной исторіографіи, безспорно, будетъ отмѣчена, какъ періодъ усиленныхъ архивныхъ поисковъ, особенныхъ заботъ о накопленіи и обнародованіи неизвѣстныхъ доселѣ матеріаловъ. Монументальный трудъ С. М. Соловьева въ свое время составилъ эпоху въ исторіи развитія русской исторической науки; онъ далъ цѣлостный взглядъ на судьбы нашего прошлаго, освѣтилъ это прошлое извѣстнымъ свѣтомъ, установилъ методы и приемы въ его изученіи. Намѣтивъ главныя вѣхи, давъ общую руководящую нить, великій историкъ предоставилъ уже послѣдующимъ дѣятелямъ разработку деталей, пополненіе оставленныхъ имъ пробѣловъ, наконецъ, исправленіе тѣхъ частныхъ ошибокъ въ оцѣнкѣ историческихъ явленій, какія могъ онъ допустить. Новаго цѣлостнаго взгляда послѣ Соловьева никто еще пока не выработалъ, и русская наука продолжаетъ работать въ направленіи, указанномъ знаменитымъ московскимъ историкомъ. Поэтому дальнѣйшіе успѣхи ея могли быть обусловлены преимущественно путемъ работъ монографическихъ, детальными вслѣдованіями по отдѣльнымъ вопросамъ и сторонамъ русской жизни. Но одинъ пересмотръ стараго матеріала для этого, разумѣется, былъ бы теперь уже недостаточенъ, и вотъ почему мысль современныхъ историковъ направлена въ значительной степени на открытіе и обнародованіе новыхъ матеріаловъ въ возможно большемъ количествѣ.

Излишне указывать, насколько выросла за послѣднія 30 лѣтъ литература русской исторіи именно по отдѣлу источниковъ. Дружными усиліями ученыхъ учреждений и частныхъ лицъ изъ года въ годъ пополняется цѣнный запасъ историческихъ документовъ. Достаточно напомнить изданія хотя бы Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Академіи Наукъ, Археографической комиссіи въ Петербургѣ, археографическихъ комиссій Кіевской и Виленской, Русскаго Историческаго Общества, Св. Правительствующаго Синода, частныя предпріятія, въ родѣ „Архива кн. Воронцова“, „Архива кн. Куракина“, наконецъ, вообще

¹⁾ Названный докладъ составленъ по порученію Археографической Комиссіи при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. Авторъ имѣлъ въ виду предложить вниманію Археографической Комиссіи лишь исходную точку въ обсужденіи настоящаго проекта, а потому проситъ смотрѣть на его докладъ, какъ на сводъ соображеній, еще нуждающихся въ болѣе детальной разработкѣ поставленнаго вопроса.

все то количество матеріаловъ, что извлекается ежегодно хотя бы изъ однихъ только архивовъ министерствъ: Юстиціи и Иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, чтобъ судить о характерѣ тѣхъ потребностей, какими живетъ нынѣ русская историческая наука.

Во времена Соловьева исходнымъ пунктомъ въ осмысленіи русскаго прошлаго былъ вопросъ о реформѣ Петра, въ выясненіи органической связи эпохи преобразования съ XVII вѣкомъ. Это обстоятельство въ значительной степени опредѣляло содержаніе послѣдующихъ работъ, съ одной стороны посвященныхъ болѣе детальному и всестороннему освѣщенію социальнаго и государственнаго строя Россіи XVII-го, затѣмъ и XVI-го вв.; а съ другой — изученію культурныхъ теченій XVIII-го вѣка. Но отечественная историографія не остановилась на одномъ этомъ. Работы нашихъ археологовъ усиленно пытались и пытаются приподнять завѣсу съ первыхъ страницъ русской исторіи; много сдѣлано по уясненію культурныхъ связей древней Россіи съ Византією; изученіе областной исторіи тоже существенно двинулось впередъ.

Чѣмъ шире захватывается предметъ и содержаніе историческаго знанія, тѣмъ настоятельнѣе выступаетъ необходимость изучать прошлое даннаго народа возможно полнѣе и разностороннѣе. Поэтому всякая новая категория неиспользованныхъ источниковъ, уже въ силу своей новизны, имѣетъ право на вниманіе изслѣдователя, тѣмъ болѣе если за такую категорією успѣла установиться репутація матеріала съ крупнымъ научнымъ значеніемъ: игнорировать ея значило бы въ такомъ случаѣ, сознательно или безсознательно, тормозить ту полноту и всесторонность освѣщенія народной жизни, которыя должны быть идеаломъ каждаго историка.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать, что среди усердныхъ поисковъ въ архивахъ отечественныхъ и многихъ иностранныхъ, современная русская наука пропустила мимо или во всякомъ случаѣ далеко не съ должнымъ вниманіемъ отнеслась къ факту, который между тѣмъ въ лѣтописяхъ западно-европейской историографіи впоследствии навѣрное будетъ отмѣченъ, какъ одно изъ очень крупныхъ явленій — мы говоримъ о состоявшемся въ 1881 г. открытіи Ватиканскаго архива для занятій въ немъ всѣмъ желающимъ. Раньше архивъ этотъ, по справедливости, носилъ названіе *тайнаго* — Archivio Segreto, будучи доступенъ лишь избраннымъ. Раньше основнымъ условіемъ для разрѣшенія пользоваться его документами ставилось полная согласованность религіозныхъ и политическихъ взглядовъ допускаемаго лица со взглядами папскаго правительства. Тѣ немногочисленные изданія, которыя предпринимались самимъ начальствомъ архива, по подбору своего матеріала, далеко не всегда были свободны отъ намѣреннаго желанія одни явленія подчеркнуть и выставить въ выгодномъ свѣтѣ, другія — обойти и закрыть на нихъ глаза, т. е. не удовлетворяли одному изъ самыхъ существенныхъ требованій исторической науки. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда для иностранныхъ правительствъ дѣлались исключенія и давалось дозволеніе скопировать и опубликовать ту или иную серію документовъ, то во 1-хъ, этому обыкновенно предшествовали цѣлые дипломатическіе переговоры, разрѣшеніе являлось результатомъ исключительнаго вниманія и любезности; а во 2-хъ, даже и въ такомъ случаѣ выборъ самаго матеріала производился подъ строгимъ контролемъ архивной администраціи. Вотъ почему не будетъ большою утрировкой сказать, что до 1881 г. Ватиканскій архивъ для науки почти не существовалъ. Лишь со смерти Пія IX и со вступленіемъ на папскій престолъ Льва XIII положеніе существенно измѣнилось. Просвѣщенный умъ новаго папы пошелъ на встрѣчу требованіямъ науки, и съ тѣхъ поръ Ватиканскій архивъ, не переставая носить названіе тайнаго, становится архивомъ общедоступнымъ.

Надо ли говорить о важномъ значеніи для науки Ватиканскаго архива? Папскій Римъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ былъ средоточіемъ всей культурной жизни Западной и Сред-

ней Европы; смотря на себя, какъ на центръ міровой жизни, онъ въ силу этого взгляда всегда старался проводить свои идеи не только среди народностей германо-романскихъ, но и среди народовъ греко-славянской вѣтви, вліять не только въ Европѣ Западной, но и Восточной, не только вообще въ Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта. Въ папскихъ канцеляріяхъ сходились донесенія со всего міра, изъ нихъ разсылались приказанія во все страны, ко всемъ народамъ. Въ исторіи, на примѣръ, Западной Европы мы видимъ, что религія и политика, литература и искусство, право и финансы, проповѣдь христіанства и войны, монашескіе орденъ и отношенія подданныхъ къ государю, налоги, подати и образованіе, дѣятельность законодательная и сношенія дипломатическія — все это тѣсно связано съ существованіемъ Рима. Вотъ почему съ такимъ восторгомъ привѣтствовали на Западѣ извѣстіе объ открытіи Ватиканскаго архива для общаго пользованія его сокровищами. Ученый міръ тотчасъ же поспѣшилъ воспользоваться представившимся случаемъ обогатить свои познанія. Важное научное значеніе ватиканскихъ сокровищъ не могло однако допустить, чтобы ихъ разработка зависѣла отъ случайныхъ усилій, равно какъ и отъ субъективнаго интереса отдѣльныхъ лицъ: поэтому уже съ первыхъ лѣтъ открытія архива не только ученныя общества, но и сами правительства старались придать занятіямъ въ Ватиканѣ болшую или меньшую правильность и постоянство, извѣстную систематичность, регулируя дѣятельность новыхъ архивистовъ опредѣленною программю. Съ этою цѣлью при Ватиканскомъ архивѣ возникаютъ правильно организованные и преслѣдующіе вполне опредѣленные цѣли „станціи“, „комиссіи“, „институты“.

Такъ уже въ 1885 г. учрежденъ былъ институтъ австрійскій — *Istituto Austriaco di studii storici*; два года спустя къ нему причислены чешскіе стипендіаты, какъ сверхштатные члены, посылаемые на средства Чешскаго ландтага для работъ специально по исторіи Чехии. Одновременно съ этимъ, въ 1887 г., польскіе ученые изъ областей, входящихъ въ составъ Австро-Венгерскаго государства, работавшіе до тѣхъ поръ при поддержкѣ названнаго института, устраиваютъ на средства, данныя Галиційскимъ сеймомъ, подъ общимъ руководствомъ Краковской Академіи Наукъ, отдѣльную римскую комиссію. Съ весны 1888 г. нѣмецкое *Görres-Gesellschaft*, вокругъ котораго, какъ извѣстно, группируются католическія силы южной Германіи, изъ года въ годъ организуетъ посылку въ Архивъ по нѣскольку человекъ изъ среды своихъ сочленовъ. Съ осени того же 1888 г. возникаетъ на средства прусскаго правительства „станція“, впоследствии преобразованная въ „Королевско-прусскій Институтъ въ Римѣ“. Работы французскихъ ученыхъ ведутся подъ руководствомъ *École de France de Rome*, хотя основныя задачи ея иного рода, чѣмъ специально архивныя. Наконецъ, недавно возникъ на частныя средства при Ватиканѣ и Венгерскій институтъ. Какъ результатъ всехъ этихъ 15—18-ти лѣтнихъ работъ, появились уже цѣлыя десятки томовъ документовъ, не одна сотня монографій, крупныхъ и мелкихъ, изъ которыхъ каждая вноситъ много новаго, а нерѣдко прямо проливаетъ новый свѣтъ на политическую, религіозную, юридическую, экономическую, духовно-культурную стороны прошлой жизни Западной Европы.

Къ сожалѣнію, въ сторонѣ отъ этого научнаго движенія, даващаго столь несомнѣнныя доказательства богатства историческихъ запасовъ Ватиканскаго архива, до сихъ поръ продолжаемъ стоять мы, *русскіе*. При Архивѣ до сихъ поръ еще не существуетъ никакой русской „комиссіи“ или „института“. Работы немногихъ русскихъ ученыхъ, занимавшихся въ Архивѣ, носятъ совершенно случайный характеръ, лишены между собою какой-либо связи, возникая на почвѣ прежде всего субъективнаго выбора и предпочтенія той или иной темы. Не то иностранные институты, члены которыхъ ведутъ свои изысканія, какъ было уже указано, по извѣстной программѣ, преслѣдуя сообща одну опредѣленную цѣль. Кромѣ того каж-

дый такой институт имѣть въ виду прежде всего изученіе исторіи той страны, представителемъ которой въ данномъ случаѣ является онъ: нѣмцы разрабатываютъ свою, нѣмецкую, исторію, поляки—польскую, французы—французскую, католическое Görges-Gesellschaft—исторію церкви и т. п. Далекое нельзя сказать того же про ту небольшую группу русскихъ ученыхъ, которые работали въ Архивѣ въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій, къ тому же и насчитывается—то ихъ всѣхъ не больше 6—7 человекъ.

Такъ, напримѣръ, профф. Вержбовскій и Любовичъ работали въ сферѣ вопросовъ польской исторіи; г. Гильденбрандъ—по исторіи германской (Ливонскій край въ XIII ст.). Если, въ противоположность этому, труды от. П. Пирлинга имѣютъ въ виду всецѣло Россію, то все же они выросли на почвѣ интересовъ не столько русской науки, сколько западно-европейской, точнѣе католической. Конечно, правильнѣе говоря, нѣтъ и не должно быть спеціально ни русской, ни французской, ни нѣмецкой, никакой иной особой науки: но одни и тѣ же явленія могутъ быть разсматриваемы съ различныхъ точекъ зрѣнія, а потому та или иная группировка историческихъ явленій, какъ бы сама по себѣ ни была правильна и основательна, все же можетъ оказаться не вполне удовлетворяющей, такъ какъ не всегда отвѣтитъ на вопросы, для вныхъ очень жизненные и настоятельные. То же самое можно сказать и относительно выбора матеріала среди массы разнородныхъ историческихъ данныхъ. Разумѣется, желательнѣе, чтобы цѣнные документы Ватиканскаго архива—изъ тѣхъ, что проливаютъ свѣтъ на судьбы русскаго народа—изучались и съ точки зрѣнія интересовъ исторіографіи нѣмецкой, польской, католической, какъ и всякой иной; но зато еще желательнѣе, чтобъ они послужили отправнымъ пунктомъ при изученіи и тѣхъ вопросовъ, которые особенно близки исторіографіи русской. А это возможно прежде всего при условіи самостоятельнаго выбора соответствующаго матеріала.

Но, можетъ быть, Ватиканскій архивъ, цѣнный для западно-европейской науки, мало пригоденъ для насъ?

Едва ли возможно даже и ставить подобный вопросъ. Съ большей или меньшей интенсивностью, но Римъ всегда пытался вліять и оказывать свое воздѣйствіе на ходъ жизни русскаго народа. Еще до крещенія Руси, при дворѣ вел. княгини Ольги появляются католическіе миссіонеры съ проповѣдью христіанства; въ эпоху княжескихъ междуусобицъ сами князья русскіе вводятъ папскій престолъ въ круговоротъ своихъ отношеній. Если въ сѣверной и сѣверо-западной Руси попытки папъ въ средніе вѣка подчинить русскую церковь своему авторитету и терпятъ неудачу, то въ Руси юго-западной, еще со временъ Данила Галицкаго, обстоятельства складываются для нихъ болѣе благоприятно. Завоеваніе Галича польскимъ королемъ Казиміромъ I привело къ учрежденію во Львовѣ латинской епархіи (1361 г.), а булла „*Debitum pastoralis officii*“, 13 февраля 1375 г., окончательно организуетъ въ Галичинѣ католическую церковь. Бракъ Ягеллы съ Ядвигой открылъ католичеству широкій доступъ и въ Литовскую Русь. Извѣстно, какимъ возбужденіемъ сказались въ русскомъ обществѣ постановленія флорентійской уніи, сколько вызвали они къ жизни идейныхъ вопросовъ, нашедшихъ свое выраженіе въ современной литературѣ, сказавшихся на мѣропріятіяхъ въ сферѣ церковной и политической жизни. Замѣчательные труды от. Пирлинга съ наглядностью говорятъ намъ, сколько новаго и цѣннаго могутъ дать русской наукѣ ватиканскія сокровища, хотя бы по одному только частному вопросу о бракѣ Ивана III съ Софією Палеологъ. Еще полнѣе раскрывается, благодаря имъ, исторія миссіи Антонія Поссевина и событія, связанная съ личностью перваго Самозванца. Исторія Зап. Руси въ XVI, XVII и XVIII вв., можно сказать, всецѣло связана съ исторіей Уніи; между тѣмъ роль въ ней Римскаго престола изучена едва ли не слабѣе, чѣмъ какая другая сторона этой важной эпохи, и, конечно, прежде

всего потому, что основные документы, которые могли бы вскрыть и уяснить участие Римской курии в дѣлѣ созданія и поддержанія Уніи въ предѣлахъ Литовской Руси—въ архивахъ Ватиканскихъ и Пропаганды—до сихъ поръ все еще не изслѣдованы съ надлежащею полнотою. Да и помимо Уніи въ тѣсномъ значеніи этого слова, вся борьба Россіи съ Польшею въ XVII и XVIII вв. за возвращеніе земель, входившихъ въ составъ Литовско-Русскаго государства—борьба, разыгравшаяся главнымъ образомъ на почвѣ племенныхъ и религіозныхъ интересовъ, тоже не прошла безъ сильнаго участія и воздѣйствія Рима.

Уже изъ сказаннаго видно, что роль Рима въ русской исторіи не ограничивалась сферою исключительно религіозною; тотъ же выводъ, и еще съ большею силою, напрашивается, если слѣдить за зарожденіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ такъ наз. Восточнаго вопроса въ XV и XVI вв. и вообще за нашими отношеніями къ Турецкой имперіи, гдѣ мы, прямо или косвенно, встрѣчали болѣе или менѣе всегда поддержку въ лицѣ папы, съ самаго паденія Константинополя, особенно первое время, не перестававшаго быть однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ и даже вдохновителей анти-отоманской лиги. Вспомнимъ, наконецъ, дѣятельность іезуитскаго ордена въ Россіи въ концѣ XVII в., а также въ царствованія Екатерины II и Александра I, чтобъ получить новое подтвержденіе увѣренности касательно важнаго и положительнаго значенія Ватиканскаго архива для русской исторической науки.

Между тѣмъ существованіе этого Архива (если не имѣть въ виду публикацій, предпринятыхъ польскими, нѣмецкими и иными иностранными учеными, публикацій, къ русской исторіи имѣющихъ лишь косвенное и чаще всего очень отдаленное отношеніе), существованіе этого Архива въ русской исторіографіи сказалось до сихъ поръ появленіемъ всего двухъ-трехъ изданій, не болѣе. Въ данномъ случаѣ я говорю о трехъ неполныхъ томахъ Тургеневскаго собранія, съ документами, правда, очень интересными, но подобранными случайно, отрывочно: Тургеневъ вынужденъ былъ довольствоваться тѣмъ, что давали, и при всей положительной цѣнности собранныхъ имъ документовъ, они едва ли еще не ярче говорятъ о томъ, чего *нѣтъ* въ этомъ изданіи и что *могло* бы быть туда внесено. Далѣе идетъ одинъ томъ изданія „Монументовъ“ Тейнера, но это уже прямо съ намѣренными сокращеніями и пропусками. Тургеневымъ и Тейнеромъ, пожалуй, можно было бы и закончить этотъ короткій перечень, такъ какъ изданіе от. Пирлинга—„Bathory et Possevino“—не говоря про то, что Ватиканскимъ архивомъ пользовалось лишь отчасти, должно быть скорѣе отнесено къ польской, чѣмъ къ русской исторіи; отдѣльные же документы, печатавшіеся ученымъ историкомъ-іезуитомъ въ приложеніяхъ къ другимъ его трудамъ, равно и то, что находится въ „Актахъ и письмахъ къ исторіи Балтійскаго вопроса“, проф. Форстена, при всей несомнѣнной цѣнности того и другого, не въ силахъ ослабить общаго впечатлѣнія ничтожности, какое оставляютъ по себѣ всѣ сдѣланныя до настоящей поры ватиканскія позаимствованія въ области русской исторіи.

Италія вообще такъ богата своими архивами, что учрежденіе постоянной русской комиссіи при Ватиканѣ чрезвычайно удобно и съ большою пользою для науки можно было бы связать съ работами и въ другихъ древлехранилищахъ Итальянскаго королевства, подобно тому какъ это организовано въ институтахъ и комиссіяхъ, устроенныхъ другими европейскими правительствами. Дѣло въ томъ, что въ одномъ Римѣ, кромѣ Ватиканскаго, находятся еще четыре другихъ архива, тоже папскихъ: консисторіальный, церемоніальный, такъ назыв. Роты (церковно-судебный) и Пропаганды. Послѣдній, по своему значенію, именно въ глазахъ русскаго историка, пожалуй, не уступить и самому Ватиканскому: особенно богатъ онъ документами по исторіи Уніи. Здѣсь хранятся протоколы засѣданій св. конгрегацій, всѣ меморіалы, донесенія и доклады, читавшіеся на очередныхъ собраніяхъ; инструкціи нунціямъ

при иностранных дворах по вопросам религиозным, равно какъ и все письма и отвѣты, стекавшіеся по дѣламъ Пропананды изъ разныхъ странъ и отъ лицъ самыхъ разныхъ категорій.

Сверхъ папскихъ, въ томъ же Римѣ къ услугамъ ученаго міра еще цѣлый рядъ частныхъ фамильныхъ архивовъ: Barberini, Buoncompagni (Piombrino), Chigi, Orsini, Borghese (последній съ 1891 г. вошелъ въ составъ архива Ватиканскаго). Большою частію эти фамильныя собранія содержатъ въ себѣ бумаги государственнаго значенія изъ тѣхъ же папскихъ канцелярій, что и въ архивѣ Ватиканскомъ, за разные годы и разные эпохи, и по содержанію имѣютъ то же высокое научное значеніе, что и матеріалы архива Ватиканскаго. Сюда можно отнести и еще два архива: Государственный (di Stato) и Доминиканскій (Panateria). Какъ сравнительно малъ послѣдній по своему объему, но и онъ хранитъ въ себѣ документы, имѣющіе непосредственный интересъ до русской исторіи. Наконецъ, и *библіотеки* римскія, именно: Angelica, Corsiniana, Vallicellanea, Casanatense, Vittorio Emanuele, не упоминая о самой главной изъ этой категоріи древлехранилищъ, бібліотеки Ватиканской, также очень богаты, хотя и не въ одинаковой степени, научнымъ рукописнымъ матеріаломъ. Важность этихъ документовъ давно уже признана и доказана въ западно-европейской литературѣ.

Однихъ уже римскихъ матеріаловъ было бы достаточно для оправданія учрежденія постоянной комиссіи; но кромѣ Рима немаловажную услугу исторической наукѣ могутъ оказать архивы и въ другихъ городахъ Итальянскаго королевства, особенно во Флоренціи и Венеціи. О флорентійскомъ нѣкоторое представленіе даютъ „Флорентійскія бумаги“ гр. Бутурлина; что до Венеціанскаго, то въ немъ изъ русскихъ ученыхъ пока черпали преимущественно тѣ, кто занимался исторіею южныхъ славянъ (Макушевъ, Ламанскій и др.), и развѣ только въ самое послѣднее время сдѣлана небольшая попытка привлечь его богатые матеріалы въ интересахъ специально и русской исторіи. Торговые и политическіе интересы бывшей Венеціанской республики сближали ея восточную политику въ XVI и XVII вв. съ политикою Московскаго государства. Не имѣя постоянныхъ резидентовъ въ самой Москвѣ, венеціанское правительство тѣмъ не менѣе съ большимъ вниманіемъ слѣдило за тѣмъ, что тамъ дѣлалось, при посредствѣ своихъ представителей въ Варшавѣ и Вѣнѣ. Наши сношенія съ Венеціей приобрѣтаютъ особенное значеніе въ концѣ XVII вѣка, въ эпоху совмѣстной борьбы противъ турокъ, и при Петрѣ Великомъ, когда Россія впервые начинаетъ обзаводиться флотомъ.

Изъ вышесказаннаго не трудно видѣть, что итальянскіе архивы, въ ихъ совокупности, могутъ обильною жатвою вознаградить поиски русскихъ ученыхъ, а это въ свою очередь даетъ основаніе настаивать на скорѣйшемъ учрежденіи въ городѣ Римѣ специальной комиссіи для собиранія и изданія матеріаловъ по русской исторіи въ Ватиканскомъ архивѣ, равно и въ другихъ римскихъ и итальянскихъ архивахъ и бібліотекахъ. Такая комиссія (или институтъ) пошла бы навстрѣчу потребностямъ, удовлетвореніе коихъ несомнѣнно явится новымъ толчкомъ въ развитіи отечественной историографіи.

Что касается до проекта устава, то окончательная выработка его должна, по моему мнѣнію, стоять въ прямой зависимости отъ условій его практическаго осуществленія, въ ближайшее разсмотрѣніе коихъ, по недостаточности, входитъ теперь же, было бы однако еще преждевременно. Во всякомъ случаѣ съ условіями этими придется считаться неизбѣжно и даже, можетъ быть, сознательно поступиться тѣмъ или инымъ пунктомъ, лишь бы провести и осуществить основное.

Такъ немаловажную роль будетъ играть предварительное выясненіе вопроса, возникнетъ ли намѣченная комиссія, какъ самостоятельное учрежденіе или войдетъ въ составъ проектируемаго Русскаго Археологическаго Института, какъ его секція или отдѣленіе? Я лично предпочелъ бы первое, потому что между задачами архивной и археологической, на почвѣ изученія

вещественныхъ памятниковъ классической и древне-христіанской старины, общаго довольно мало; но въ случаѣ если бы въ одновременномъ субсидированіи двухъ самостоятельныхъ учреждений встрѣтились затрудненія финансоваго характера и въ правительственныхъ сферахъ, при необходимости выбирать между тѣмъ и другимъ, археологіи почему-либо отдано было бы предпочтеніе передъ археографіей, — то можно будетъ примириться и съ существованіемъ комиссіи, какъ секціи Института археологическаго.

Исходя однако изъ идеи самостоятельнаго учрежденія, я предложилъ бы указать предстоящему XI Археологическому съѣзду между прочимъ на слѣдующее:

1) *Русская Историческая Комиссія въ Римъ* имѣетъ цѣлью научныя изысканія въ области русской исторіи въ Ватиканскомъ архивѣ, а также и въ другихъ римскихъ и итальянскихъ архивахъ и библіотекахъ.

2) Комиссія состоитъ въ ученое и административное отношеніяхъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; во всемъ же, что касается ея дѣятельности внѣ Россіи, она находится въ зависимости отъ Россійскаго посла при итальянскомъ королевскомъ дворѣ и подъ его ближайшимъ покровительствомъ (или подъ покровительствомъ русскаго резидента при папскомъ престолѣ? Это вопросъ техники и международныхъ отношеній, который легче всего разрѣшить спеціалистамъ въ этой области вопроса. Забѣчу лишь, что то или иное рѣшеніе далеко не безразлично: главные поиски будутъ производиться въ Ватиканскомъ, т. е. въ *папскомъ* архивѣ. Съ другой стороны выхлопывать разрѣшеніе на занятія въ трудно доступномъ архивѣ Пропаганды черезъ посла при Квиринальскомъ дворѣ будетъ несомнѣнно труднѣе, уже въ силу самыхъ отношеній папскаго правительства къ Квириналу).

3) Личный составъ Комиссіи составляютъ: предсѣдатель и два помощника: старшій, въ званіи секретаря Комиссіи, и младшій.

4) Предсѣдатель Комиссіи опредѣляется и увольняется Высочайшими указами по представленію Министра Народнаго Просвѣщенія, который входитъ относительно избранія кандидата на эту должность въ предварительное соглашеніе съ президентомъ Императорской Академіи Наукъ.

5) Комиссія отдаетъ ежегодно отчетъ о своей дѣятельности Императорской Академіи Наукъ и Министру Народнаго Просвѣщенія.

6) Комиссія дѣйствуетъ въ предѣлахъ программы, утверждаемой Академіею Наукъ.

7) На обязанности предсѣдателя Комиссіи лежатъ:

а) Выработка и выполненіе программы, опредѣляющей дѣятельность Комиссіи на предстоящіе одинъ или два года и утверждаемой Академіею Наукъ.

б) Руководство своихъ помощниковъ при исполненіи ими своихъ ученыхъ работъ.

в) Составленіе ежегоднаго отчета о дѣятельности Комиссіи.

г) Собираніе свѣдѣній объ открытіяхъ и вообще научной дѣятельности на мѣстѣ (въ сферѣ специальности Комиссіи) ученыхъ мѣстныхъ и пріѣзжихъ.

д) Сношенія съ представителями консульской власти и вообще съ учреждениями и лицами, содѣйствіе которыхъ окажется полезнымъ Комиссіи.

8) Старшій помощникъ или секретарь Комиссіи есть непосредственный помощникъ предсѣдателя въ кругѣ его обязанностей и дѣйствуетъ согласно его указаніямъ: на немъ оверхъ того лежитъ завѣдываніе библіотекою и дѣлопроизводство Комиссіи.

9) Въ отсутствіе предсѣдателя старшій помощникъ исправляетъ его должность.

10) Младшій помощникъ, дѣйствуя по указаніямъ предсѣдателя, назначается съ цѣлью обезпечить Комиссіи производство архивныхъ изысканій въ размѣрѣ возможно болѣе широкомъ.

11) Оба помощника назначаются Министром Народнаго Просвѣщенія по представленію предсѣдателя.

12) Русскимъ ученымъ, особенно командируемымъ съ научными цѣлями, Коммиссія обязана по мѣрѣ возможности (однако не въ ущербъ своей главной задачѣ) содѣйствовать, въ предѣлахъ своей дѣятельности, въ ихъ занятіяхъ.

13) Коммиссія имѣетъ свою бібліотеку.

14) Коммиссія вздаетъ ежегодно отчетъ о своей дѣятельности.

15) Рукописныя коллекціи, явившіяся результатомъ архивныхъ поисковъ Коммиссіи, передаются, за исключеніемъ того, что имѣетъ появляться въ Отчетахъ, въ Императорскую Академію Наукъ.

16) Коммиссія имѣетъ печать съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью своего наименованія.

17) Средства Коммиссіи составляютъ: а) суммы, отпускаемыя на ея содержаніе изъ Государственнаго Казначейства, и б) причисляемыя къ его спеціальнымъ средствамъ суммы отъ продажи изданій и другія случайныя поступленія.

18) Коммиссіи предоставляется право пересылать въ Имперіи слѣдующіе по дѣламъ ея пакеты, посылки и тюки, вѣсомъ до одного пуда въ одномъ отправленіи, безъ платежа вѣсовыхъ денегъ.

Что касается до расходовъ, связанныхъ съ учрежденіемъ Исторической Коммиссіи, то по этому вопросу, думаю, лучше всего руководиться штатами уже существующихъ однородныхъ учреждений. Такъ, на примѣръ, штаты Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ опредѣлены въ сумму 12,000 рублей золотомъ на годъ. Задачи проектируемой Римской коммиссіи, хотя составъ ея и предполагается не изъ двухъ, какъ въ Константинопольскомъ институтѣ, а изъ трехъ членовъ, значительно скромнѣе: у нея не будетъ музея, ей не придется предпринимать раскопокъ и т. п.; въ то же время, если даже предоставить ей право обзавестись своимъ помѣщеніемъ (квартирою), то и таковое могло бы быть значительно проще. Полагая, что по вопросу о правахъ службы нѣтъ основанія отказываться отъ точки зрѣнія устава названнаго Института, по которому „директоръ и ученый секретарь Института пользуется всѣми правами учебной службы, какъ по производству въ чины, такъ и относительно пенсін и единовременныхъ пособій, на одинаковыхъ основаніяхъ съ профессорами Императорскихъ россійскихъ университетовъ, при чемъ директоръ относительно размѣра пенсін сравнивается съ ординарными профессорами университета, а секретарь съ экстраординарными профессорами“,—слѣдовало бы тотъ же принципъ примѣнить и къ предсѣдателю со старшимъ помощникомъ Коммиссіи; службу же младшаго вообще приравнять къ службѣ по Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Самые штаты могли бы быть примѣрно слѣдующими:

Предсѣдатель	3000	руб. золотомъ.
Старшій помощникъ	1500	" "
Младшій помощникъ	1000	" "
Наемъ помѣщенія	1000	" "
Пополненіе бібліотеки.	300	" "
Ученыя поѣздки.	500	" "
Переписка документовъ	400	" "
Изданіе отчета	300	" "
Наемъ служителя и разные расходы.	300	" "

Итого. . . 8300 руб. золотомъ.

При господствующемъ нынѣ въ Министерствѣ Финансовъ стремленіи къ возможно болѣе экономіи, эта сумма можетъ показаться очень высокою, и, конечно, ее можно сократить, если сознательно пойти на болѣе скромную по размѣрамъ дѣятельность Комиссiи. Такъ можно было бы совсѣмъ отказаться отъ должности младшаго помощника, безъ котораго нормальная дѣятельность Комиссiи не нарушится, а лишь количественно станетъ менѣе продуктивною, отдаливъ осуществленіе конечныхъ цѣлей на болѣе долгій срокъ (составъ иностранныхъ комиссiй при Ватиканскомъ архивѣ обыкновенно изъ трехъ и болѣе лицъ). Можно уменьшить и рубрику ученыхъ поѣздокъ, подъ которою имѣлись въ виду пребываніе и работы въ архивахъ внѣ-римскихъ; но все это несомнѣнно отзовется на самыхъ работахъ Комиссiи. Можетъ быть, окажется возможнымъ понизить жалованье предсѣдателя и старшаго помощника; но для болѣе точнаго опредѣленія размѣра ихъ вознагражденія пришлось бы принять во вниманіе много разныхъ условій. Рубрика „Наемъ служителя и разные расходы“ въ первой своей половинѣ стоятъ въ тѣсной связи съ наймомъ помѣщенія, и что касается до послѣдняго, то едва ли было бы удобно отказаться совсѣмъ отъ него,—конечно, не столько потому что оно обезпечило бы предсѣдателю, а можетъ быть, даже и старшему помощнику, квартиру въ натурѣ, сколько потому что иначе библіотека не будетъ имѣть удобнаго помѣщенія, да и членамъ Комиссiи негдѣ будетъ вести свои внѣ-архивныя занятія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда таковыя понадобилось бы производить сообща. Помѣщеніе библіотеки на частной квартирѣ одного изъ членовъ Комиссiи создало бы въ этомъ отношеніи само собою понятныя неудобства. Скорѣе же квартиру одного изъ членовъ Комиссiи приурочить къ библіотекѣ, въ интересахъ болѣе ея сохранности. Опредѣляя расходъ по изданію отчета въ 300 р., я имѣлъ въ виду, что на изданіе собственно документовъ будутъ каждый разъ ассигновываться особыя суммы, тѣмъ болѣе что подобныя изданія стоятъ не дешево и будутъ опубликовываться, особенно въ первое время дѣятельности Комиссiи, не каждый годъ подрядъ. Разумѣется, было бы всего лучше ввести въ штаты опредѣленную сумму на изданіе документовъ, но едва ли это осуществимо. Въ ежегодномъ же отчетѣ желательно встрѣтить предварительно нѣкоторые документы, изъ наиболѣе цѣнныхъ и интересныхъ.

Объ архивахъ дворянскихъ депутатскихъ собраній.

Д. М. Савелова.

Не такъ еще давно на святой Руси мало кого интересовали тѣ вопросы, которые нынѣ входятъ въ программу XI археологическаго съѣзда вообще, а въ программу его XI-го отдѣленія въ особенности. Мы знаемъ, что еще и въ настоящее время масса цѣннаго архивнаго матеріала лежитъ въ пыли и въ сырости, въ помѣщеніяхъ, куда заглядываютъ только мышь и паукъ; никому онъ не нуженъ, никому не дорогъ. Завѣдываетъ имъ обыкновенно человѣкъ интересующійся можетъ и всѣмъ, но только не тѣмъ, къ чему онъ приставленъ, и дѣйствительно, зачѣмъ ему заботиться о ввѣренномъ ему хламѣ, самъ онъ никуда не сбѣжитъ и никто его не украдетъ.

Если это такъ теперь, то что было раньше—и подумать страшно,—какая масса, цѣннаго для насъ теперь, бумажнаго хлама вываливалась въ рѣки, продавалась на пуды на базарахъ,—мыѣ извѣстенъ примѣръ, какъ въ сороковыхъ или пятидесятихъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ г. Курскѣ на базарѣ продавались очень старыя бумаги, которыя и были куплены однимъ помѣщикомъ, дѣлавшимъ изъ нихъ массу для замазки половъ или для чего-то вродѣ этого. И, конечно, это не единственный примѣръ, при желаніи ихъ можно найти безконечно много.

Но, слава Богу, и у насъ начали обращать вниманіе на архивы, появились ученые общества, частные люди, вродѣ покойнаго Н. В. Калачова, за ними правительственныя учрежденія начали понемногу открывать архивныя сокровища, начали въ сырые, темные подвалы, молча хранившіе многіе годы цѣнный историческій матеріалъ, впускать свѣтъ, иногда даже извлекали его оттуда и переносили въ болѣе приличное мѣсто; мышамъ пришлось разстаться со своимъ достояніемъ, которымъ онѣ владѣли нераздѣльно многіе вѣка, и подѣлиться имъ съ человѣкомъ. И остался ли въ убыткѣ человѣкъ отъ такого отношенія къ пыльнымъ архивамъ? Безусловно нѣтъ, архивы не были неблагодарными человѣку,—сколько свѣту пролили они на темныя страницы человѣчества и сколько свѣту прольютъ еще.

И это сознается всѣми, кому дорого прошлое своей родины, архивовѣдѣніе пріобрѣтаетъ и у насъ права гражданства и оно стоитъ среди другихъ историческихъ наукъ, что доказывается ясно и настоящимъ засѣданіемъ специально посвященнымъ вопросамъ археографіи.

Но во всё ли подвалы и чердаки проникъ свѣтлый лучъ науки? Нѣтъ, къ сожалѣнію не во всё, есть еще одна категорія архивовъ, терпѣливо ожидающая въ своихъ сырыхъ подвалахъ и пыльныхъ чердакахъ переменъ своей убогой обстановки, ожидающая людей, которые бы съ любовью къ этимъ пыльнымъ лоскутамъ взяли за нихъ, вынесли ихъ на свѣтъ Божій и заставили ихъ говорить, и повѣрите, что человѣкъ, спустившійся въ эти подвалы или поднявшійся на чердаки не пожалѣетъ затраченнаго времени, хотя, какъ можетъ показаться, эти архивы и носятъ узкій, спеціальный характеръ.

Я говорю объ архивахъ дворянскихъ депутатскихъ собраній, которые почти всё лежатъ въ забвеніи, находятся на попеченіи архиваріусовъ, стариковъ-пенсіонеровъ дворянства, мечтающихъ только о томъ, чтобы ихъ не беспокоили. Говорю почти потому, что и между дворянскими архивами, за послѣднее время уже начинаютъ появляться архивы, если и не вполне устроенные, то все-таки такіе, съ которыми можно мириться, нѣкоторые же изъ нихъ даже приводятся въ систематическій порядокъ, какъ на примѣръ, архивъ Московскаго дворянства, есть и такіе, которые дѣлаются всеобщимъ достояніемъ, какъ архивъ Тульскаго дворянства, выборки изъ котораго печатаются подъ наблюденіемъ автора извѣстной исторіи дворянскаго сословія въ Россіи—М. Т. Яблочкова. Но большинство, и громадное большинство, ждетъ еще переменъ въ своихъ судьбахъ и врядъ ли скоро дождется, если не будетъ вмѣшательства со стороны людей или учреждений, которымъ дороги судьбы архивнаго дѣла въ Россіи. Вотъ на эти-то архивы мнѣ кажется, и слѣдовало бы обратить наше вниманіе и если возможно, то вывести ихъ изъ того грустнаго положенія, въ какое, въ большинствѣ случаевъ, они попали волею судебъ. Можетъ быть меня спросятъ, да стоятъ ли того эти архивы, чтобы изъ-за нихъ ломать копыя? На это я смѣло отвѣчу: да, стоятъ, потому что въ нихъ, особенно въ архивахъ центральныхъ губерній, входившихъ въ составъ Московскаго государства, весьма часто встрѣчаются документы весьма старые—представители древнихъ родовъ, представляя въ депутатскія собранія доказательства своего древняго происхожденія, не скупились на документы, кромѣ родословныхъ росписей и жалованныхъ царскихъ грамотъ, здѣсь можно найти выписи изъ писцовыхъ, переписныхъ книгъ, копии (современныя) съ такихъ документовъ, которые теперь и не сохранились, и имѣющихъ общій историческій интересъ, такъ на примѣръ, въ архивѣ Воронежскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія можно встрѣтить матеріалы для исторіи Азовскихъ походовъ. И мнѣ кажется, что такимъ матеріаломъ пренебрегать нельзя и если Археологическому съѣзду было бы угодно, то можно было просить археографическую комиссію при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ обратить свое вниманіе и на указываемые мною архивы; мнѣ казалось бы, что если Археологическое Общество обратится въ соотвѣтствующія дворянскія собранія съ просьбою подѣлиться своими сокровищами, для чего въ началѣ достаточно даже одной описи документовъ болѣе древняго періода, то ни одно, изъ дворянскихъ собраній не откажетъ Обществу въ своемъ содѣйствіи, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ и само узнаетъ, что сокрыто въ грудахъ, принадлежащаго ему бумажнаго хлама; особенныхъ денежныхъ расходовъ это не потребуетъ, да и не думаю, чтобы дворянскія собранія отказали на это дѣло въ сотни—другой рублей, въ губернскихъ же городахъ всегда найдутся лица, которые съ любовью возьмутся за разборку этихъ архивовъ и которымъ можно будетъ довѣрить эту работу.

Имѣя подобныя описи археографическая комиссія могла бы со временемъ намѣтить тѣ акты, съ которыхъ интересно было бы имѣть копии. На мой взглядъ это вопросъ, который бы не слѣдовало оставлять открытымъ,—каждый протекшій годъ унесетъ съ собою не одинъ десятокъ древнихъ документовъ, нерѣдко весьма цѣнныхъ для науки.

Времени особенно много, для приведенія въ порядокъ дворянскихъ архивовъ, врядъ ли

потребуется, т. е. я разумѣю такой порядокъ, при которомъ всякій могъ бы скоро найти нужный ему документъ.

Какъ примѣръ, позволю себѣ привести краткія свѣдѣнія объ архивѣ Донскаго Депутатскаго Собранія, въ которомъ я занимался лѣтомъ прошлаго 1898 г. (болѣе подробныя о немъ свѣдѣнія напечатаны въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Русскаго Архива“ за прошлый же годъ; № 10, стр. 294—296, „Архивъ Донскаго Дворянства“). Архивъ донскаго дворянства нѣсколько лѣтъ тому назадъ представлялъ изъ себя довольно грустную картину—это была груда растрепанныхъ дѣлъ, съ порванными и даже совсѣмъ утраченными листами, груда эта помещалась въ деревянномъ зданіи и была свалена въ уголь около печки, которая къ довершенію картины, какъ оказалось впоследствии, когда эту кучу убрали, дала трещину и нужно только удивляться, какъ все это не сгорѣло, въ добавокъ къ этому комната гдѣ былъ сваленъ такъ называемый архивъ была проходная, дѣла попадали подъ ноги проходившимъ и можно себѣ вообразить, что представляли изъ себя эти дворянскія дѣла во времена этого архивнаго хаоса.

Порядокъ этотъ измѣнился очень недавно и архивъ приведенъ въ приличный видъ, дѣла разобраны и описаны; въ настоящее время въ нѣсколько минутъ можно найти любой документъ, указанный въ имѣющейся теперь описи.

Правда, архивъ донскаго дворянства не великъ — въ немъ всего 7477 дѣлъ, но приведенъ онъ въ настоящій видъ всего въ теченіе 2-хъ лѣтъ, безъ матеріальныхъ затратъ и одними силами канцеляріи, занятой кромѣ того и веденіемъ дворянскихъ родословныхъ книгъ, которыя, къ слову сказать, ведутся въ донскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи образцово.

Этимъ примѣромъ я только хотѣлъ доказать, что то, что я предлагаю не невозможно, и позволю себѣ повторить еще разъ, что вопроса, который я затронулъ сейчасъ, не слѣдуетъ оставлять открытымъ, тѣмъ болѣе, что мѣра, которую я имѣю честь предложить, т. е. обращеніе въ подлежащія дворянскія собранія, ни къ чему насъ не обязываетъ.

Теорія и практика архивныхъ описей.

Г. Н. Шмелева.

Археографическая Коммиссія московскаго Археологическаго Общества, вскорѣ послѣ своего возникновенія, разослала въ разные архивы и ученые архивныя коммисіи вопросныя листы, главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы собрать свѣдѣнія о практикуемыхъ архивныхъ описяхъ.

Къ сожалѣнію, отвѣты были получены не въ такомъ количествѣ и не столь полные (за нѣсколькими исключеніями), какъ бы этого хотѣлось.

На запросъ Коммисіи отозвались слѣдующіе архивы: 1) петербургскіе—Сенатскій, Синодальный, Государственнаго Совѣта, Горваго департамента и министерствъ Внутреннихъ дѣлъ, Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ и Морскаго, 2) два центральныхъ архива: Виленскій и Витебскій и 3) три ученыхъ архивныхъ коммисіи: Рязанская, Костромская и Нижегородская.

Археографическая Коммиссія поручила мнѣ рассмотреть полученные отвѣты; результатомъ знакомства съ ними и является предлагаемый рефератъ.

Мнѣ кажется, никто не станетъ оспаривать той мысли, что каждый архивъ—прежде всего и главнымъ образомъ хранилище историческихъ матеріаловъ, необходимыхъ для воссозданія прошлаго; что, слѣдовательно, одной изъ главныхъ обязанностей архива является описаніе—и описаніе цѣлесообразное—хранящихся въ немъ документовъ, описаніе, знакомящее изслѣдователей старины съ содержаніемъ этихъ документовъ. Требованіе это приложимо и къ ученымъ архивнымъ коммисіямъ: и на нихъ лежитъ обязанность знакомить образованную публику съ имѣющимися въ ихъ распоряженіи историческими матеріалами, путемъ изданія *нѣкоторыхъ* изъ нихъ (наиболѣе интересныхъ и важныхъ) и описанія *всѣхъ*. Если въ архивѣ не составляются правильныя описи документовъ, значить—онъ не исполняетъ одной изъ главныхъ своихъ обязанностей и нуждается поэтому въ извѣстномъ преобразованіи. Именно въ такомъ положеніи находится большая часть тѣхъ архивовъ, съ отвѣтами которыхъ я имѣлъ возможность познакомиться.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, посмотримъ, какого рода описи документовъ составляются въ этихъ архивахъ.

1. *Сенатскій архивъ*. Въ этомъ архивѣ дѣло описанія документовъ организовано такимъ образомъ.

Въ описи заносится краткое содержаніе дѣла или другого документа. Описи эти составлены въ *большинствѣ случаевъ* мѣстами и лицами, сдававшими въ Сенатскій архивъ тѣ или другіе документы, часть же—самимъ архивомъ. Значить, большая часть описей Сенатскаго архива относится къ категоріи такъ наз. *сдаточныхъ*, т.-е. такихъ, которыя приурочены исключительно къ практическимъ потребностямъ, страдаютъ обыкновенно безпорядочностью и мало пригодны для научныхъ цѣлей; описи, составленныя въ самомъ архивѣ, отличаются такимъ же характеромъ.

Архивскіе чиновники заняты преимущественно приемкой документовъ и выдачей всевозможныхъ справокъ разнымъ учреждениямъ и лицамъ: это—ихъ главнѣйшая обязанность; при такихъ условіяхъ, у нихъ нѣтъ времени и возможности серьезно заниматься описаніемъ документовъ. Это замѣчаніе относится и къ другимъ петербургскимъ архивамъ, приславшимъ отвѣты въ московскую Археографическую Коммиссію.

2. *Архивъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ*. Всѣмъ дѣламъ этого архива имѣются *канцелярскія* описи, переплетенныя въ книги, отдѣльныя для каждаго года и департамента, исключая описей дѣлъ, относящихся ко времени, предшествующему учрежденію министерства; такія описи содержатъ по нѣскольку лѣтъ въ одной книгѣ. Къ большей части дѣлъ имѣются также алфавиты.

3. *Архивъ морскаго министерства*. Описи этого архива, расположенныя въ книгахъ и листахъ, отличаются краткостью и удовлетворяютъ преимущественно практическимъ цѣлямъ. Въ нихъ отмѣчается краткое содержаніе каждаго дѣла, а въ началѣ дѣла помѣщается краткая опись названій заключающихся въ немъ документовъ; существуютъ въ архивѣ и алфавиты къ отдѣльнымъ частямъ—личные, гидрографическіе и предметные.

4. *Архивъ св. Синода*. Въ этомъ архивѣ имѣются различныя описи. За прошлое столѣтіе составлены систематическія описи дѣлъ, раздѣленныхъ по меньшей мѣрѣ на 500 категорій; такъ какъ описи эти составлялись канцелярскими чиновниками, то распределеніе документовъ по категоріямъ носитъ произвольный характеръ. Само собой разумѣется, что пользование этими описями требуетъ очень большаго труда и много времени. Съ 1800 по 1835 г. описи носятъ другой характеръ: каждый годъ описанъ отдѣльно въ особой книгѣ, и къ этой книгѣ составлены личный и предметный указатели; но такъ какъ разные годы описывались разными лицами, то часто между отдѣльными описями не замѣчается единства системы; конечно, это—серьезный недостатокъ, затрудняющій пользование этими описями. Съ 1835 г. по 1855-й описи велись по карточной системѣ; при чемъ это дѣло было поручено простымъ писарямъ, которые списывали на карточки заголовки дѣлъ и затѣмъ располагали ихъ въ алфавитномъ порядкѣ по своему собственному усмотрѣнію, т.-е. такъ, что по этимъ карточкамъ очень трудно найти то, что вамъ нужно.

Съ царствованія Александра II окончательно установилась карточная система, только болѣе толковая, болѣе разумная, чѣмъ сейчасъ охарактеризованная.

Такимъ образомъ, въ Синодальномъ архивѣ составляются въ настоящее время только алфавиты (личные и предметные), размѣщенные на карточкахъ, а настоящихъ описей нѣтъ.

5. *Архивъ Государственной Совѣты*. Въ этомъ архивѣ, какъ и въ предыдущемъ, не ведется правильныхъ, научныхъ описей, а составляются только алфавиты, которые расположены частію въ книгахъ, частію на отдѣльныхъ карточкахъ.

6. *Архивъ Горнаго Департамента*. Любопытно, что принятая нынѣ въ этомъ архивѣ система описей введена и упрочена съ *давнихъ временъ*, еще въ прошломъ столѣтіи и под-

верглась съ тѣхъ поръ самымъ незначительнымъ поправкамъ. Описи расположены въ отдѣльныхъ книгахъ и содержатъ въ себѣ заголовки дѣлъ; онѣ не отличаются точностью и не вполне соотвѣтствуютъ содержанію документовъ. Лишь нѣкоторыя описи снабжены алфавитами смѣшаннаго характера: это въ одно и то-же время указателя личные, географическіе и предметные. Нечего и говорить, что описи эти только до известной степени удовлетворяютъ практическимъ потребностямъ, а для научныхъ цѣлей почти совсѣмъ непригодны. Неудовлетворительность описей архива Горнаго Департамента давно обращала на себя вниманіе, но препятствіями къ ея устраненію служили два обстоятельства: 1) незначительность личнаго состава служащихъ въ архивѣ и 2) слишкомъ скромные размѣры отпускаемыхъ на него денежныхъ средствъ. Въ 1888 г. былъ приглашенъ кандидатъ историко-филологическаго факультета А. К. Бороздинъ специально для разборки и приведенія въ порядокъ документовъ Бергъ-коллегіи; но, къ сожалѣнію, онъ успѣлъ разобрать, да и то не вполне, лишь 24 изъ 2954 книгъ названнаго учрежденія: тяжкая болѣзнь заставила его бросить начатую работу. Это приглашеніе въ архивъ чловѣка со стороны и чловѣка съ научной подготовкой очень характерно: оно, во-первыхъ, доказываетъ, что въ архивы необходимо вводить людей съ высшимъ образованіемъ, а, во-вторыхъ, свидѣлствуетъ о безсиліи наличныхъ архивныхъ чиновниковъ въ дѣлѣ правильного веденія архивныхъ описей. О томъ-же свидѣлствуютъ, то-же самое подтверждаютъ и 2 комиссіи 1865 и 1873 гг., составленныя съ цѣлью разбора, приведенія въ порядокъ и описанія документовъ въ двухъ архивахъ—Синодальномъ и Морскаго министерства.

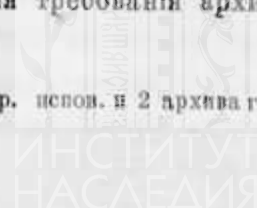
7. *Архивы министерства внутреннихъ дѣлъ.* Во всѣхъ архивахъ этого министерства ¹⁾ составляются только канцелярскія описи, къ которымъ имѣются алфавиты. Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что въ архивѣ департамента Духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій господствуетъ образцовый внѣшній порядокъ, благодаря которому быстро дѣлаются справки.

И такъ, мы познакомились въ общихъ чертахъ съ формой и характеромъ описей, практикуемыхъ въ 11 петербургскихъ архивахъ; мы могли убѣдиться, что описи эти приурочены къ практическимъ потребностямъ: при ихъ составленіи имѣлись и имѣются въ виду тѣ многочисленныя справки, которыя архивъ долженъ выдавать разнымъ учрежденіямъ и лицамъ.

Что касается двухъ центральныхъ архивовъ: Виленскаго и Витебскаго, то я устранился отъ обсужденія принятыхъ въ нихъ описей по той причинѣ, что недостаточно знакомъ съ хранящимися въ нихъ документами, и перехожу теперь къ ученымъ архивнымъ комиссіямъ, именно къ тѣмъ тремъ (Рязанской, Костромской и Нижегородской), которыя прислали отвѣты. Какъ въ нихъ поставлено дѣло описанія документовъ?

Въ Рязанской комиссіи ведутся двоякаго рода описи: 1) инвентарныя (простыя канцелярскія) и 2) научныя, систематическія; указателей (алфавитовъ) къ дѣламъ и документамъ никакихъ нѣтъ. „Разумѣется, читаемъ мы въ бумагѣ, присланной изъ Рязанской комиссіи, имѣющіяся описи не удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ архивовѣдѣнія“; но этого, т.-е. полного согласія описей съ „научными требованіями архивовѣдѣнія“ можно достигнуть только тогда, когда въ распоряженіе комиссіи дадутъ достаточныя матеріальныя средства. Признаюсь, для меня не совсѣмъ ясна причинная связь между „научными требованіями архивовѣдѣнія“ и достаточными матеріальными средствами. Конечно, хорошія матеріальныя средства ни для кого не лишні; въ частности они были-бы очень полезны для архивныхъ комиссій; но, смѣю думать, и безъ нихъ можно отчетливо знать „научныя требованія архиво-

¹⁾ Ихъ пять: 3 архива департаментовъ—общихъ дѣлъ, полиціи и духов. дѣлъ иностр. испов. и 2 архива главныхъ управленій: почтъ и телеграфовъ и по дѣламъ печати.

вѣдѣнія“ и составлять описи документовъ сообразно съ этими требованіями; если-же мы видимъ, что описи не соотвѣтствуютъ „научнымъ требованіямъ архивовѣдѣнія“, то мы въ правѣ думать, что составители ихъ плохо знакомы съ этими требованіями.

Въ Костромской комиссіи составляются троякаго рода описи: 1) инвентарныя или перечневныя, 2) справочныя и 3) систематическо-хронологическія или научныя.

Двѣ первыя категоріи нельзя назвать архивными описями въ собственномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, „въ инвентарныхъ описяхъ содержаніе документа обозначается только тогда, когда записываются одинъ или два документа и когда содержаніе этого документа прочитано кѣмъ-либо изъ членовъ комиссіи; въ противномъ случаѣ обозначается лишь число листовъ, столбцовъ, вязокъ или пучковъ, а также—кѣмъ и когда присланы документы. Инвентарная опись ведется въ одной общей книгѣ съ подраздѣленіемъ этой книги на разные отдѣлы: для предметовъ, книгъ, рукописей, сборниковъ рукописныхъ и т. д.“ Очевидно, эти описи ведутся съ цѣлью проверкі всего наличнаго богатства комиссіи—археологическаго, архивнаго и книжнаго. „Справочныя описи составляются преимущественно по карточной системѣ“¹⁾; это собственно не описи, а указатели, размѣщенные на отдѣльныхъ карточкахъ.

И такъ, я не буду говорить о первыхъ двухъ категоріяхъ описей, а остановлюсь на третьей, систематическо-хронологической или научной. Какъ она ведется въ Костромской архивной комиссіи? Ведется она слѣдующимъ образомъ.

Опись эта составляется настолько подробно, что изъ нея изслѣдователь можетъ получить полное понятіе не только о содержаніи документа, но и объ его внѣшней формѣ. По своему содержанію документы разбиваются на отдѣлы; при чемъ въ предѣлахъ cadaго отдѣла документы размѣщаются въ хронологическомъ порядкѣ. Къ описямъ присоединяются указатели личныхъ именъ и географическихъ названій, встрѣчаемыхъ въ описаніяхъ актовъ, а когда есть достаточный матеріалъ, прилагаются хронологическіе списки именъ, напр.: костромскихъ воеводъ, дьяковъ приказовъ, бояръ и окольныхъ, вѣдавшихъ приказами, и т. п.; нерѣдко прилагаются къ описямъ поколѣнные родословныя росписи. Если документъ сложнаго содержанія, то изложенію его содержанія предшествуетъ краткій заголовокъ документа; что касается документовъ краткихъ или несложнаго содержанія, то впереди ихъ не выставляется такихъ заголовковъ, а прямо излагается сущность ихъ содержанія и внѣшняя форма. Съ документовъ, относящихся къ XVI и болѣе раннимъ вѣкамъ, а также и позднѣйшаго времени, если послѣдніе особенно важны, или текстъ ихъ недостаточно ясенъ, снимаются точныя списки *in extenso* и включаются въ самую опись.

Какъ видно изъ предыдущаго изложенія, описи, составляемыя въ Костромской комиссіи, отличаются необыкновенной подробностью; при чемъ составителями имѣется въ виду достиженія той цѣли, чтобы „всякій изслѣдователь могъ извлекать изъ нихъ (т.-е. изъ описей) нужныя ему данныя, не прибѣгая, по возможности, къ подлиннымъ дѣламъ или актамъ, кромѣ случаевъ сомнѣнія, для проверкі показаній описей“²⁾. Эта необыкновенная, излишняя подробность описей, съ одной стороны, требуетъ затраты большаго количества времени на ихъ составленіе и слѣдовательно замедляетъ дѣло описанія документовъ, а съ другой—затрудняетъ и изслѣдователя, въ интересахъ котораго—какъ можно скорѣе познакомиться съ содержаніемъ документовъ того или другаго хранилища. Кромѣ того, какъ бы ни была подробна опись, она едва-ли можетъ замѣнить подлинныя документы или точныя копін съ нихъ. Непригодность этой системы особенно ярко обнаружится тогда, когда примѣнить ее къ описанію громаднаго количества документовъ.

¹⁾ Слова, заключенныя въ скобки, взяты изъ бумаги, присланной Костромской комиссіей.

²⁾ Изъ бумаги, присланной Костромской комиссіей.

Система составленія архивныхъ описей, принятая Нижегородской комиссіей, заключается въ слѣдующемъ: во-первыхъ, описи ведутся сплошь по тому или другому учрежденію, т. е. безъ группировки рукописнаго матеріала по содержанію, и въ хронологическомъ порядкѣ; во-вторыхъ, въ описи вносятся по возможности все фактическое содержаніе дѣла—иначе говоря, содержаніе каждаго документа излагается съ чрезмѣрной подробностью.

Эта система страдаетъ, на мой взглядъ, двумя недостатками: во-первыхъ, излишней полнотой (подобно Костромской системѣ), а, во-вторыхъ, отсутствіемъ группировки документовъ по содержанію.

Теперь подведемъ итогъ.

Мы узнали, какъ составляются описи документовъ въ 11 петербургскихъ архивахъ и въ 3-хъ архивныхъ комиссіяхъ. Всѣ эти 14 учрежденій, по характеру и формѣ принятыхъ въ нихъ архивныхъ описей, можно разбить на три группы: 1) въ 2-хъ архивахъ совсѣмъ не ведется описей, а довольствуются алфавитами; 2) въ 9 архивахъ кромѣ алфавитовъ составляются и описи документовъ, но описи канцелярскія, т. е. описи, приспособленныя (да и то не вполне) къ практическимъ потребностямъ и мало пригодныя для научныхъ цѣлей; 3) наконецъ, въ 3 архивныхъ комиссіяхъ принята система такъ назыв. научныхъ описей, т. е. такихъ описей, которыя составляются исключительно въ интересахъ науки; но и эти описи, какъ я показалъ выше, страдаютъ крупными недостатками и слѣдовательно нуждаются въ поправкахъ.

Несовершенство своихъ описей сознаютъ и сами комиссіи и твердо надѣются исправить его только тогда, когда будетъ найденъ постоянный источникъ, изъ котораго онѣ могли-бы черпать необходимыя для ихъ дѣятельности матеріальныя средства.

И такъ, основная причина, тормозящая работу архивныхъ комиссій вообще и въ частности дѣло веденія ими архивныхъ описей, заключается, по мнѣнію этихъ комиссій, въ недостаткѣ денежныхъ средствъ. Несомнѣнно, то-же самое непріятное обстоятельство должно быть признано одной изъ существенныхъ причинъ неудовлетворительнаго состоянія и 11 петербургскихъ архивовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже видѣли, что штатъ служащихъ въ этихъ архивахъ, вслѣдствіе ограниченности отпускаемыхъ на нихъ суммъ, очень незначителенъ; небольшое количество архивскихъ чиновниковъ почти все свое служебное время должно употреблять на приѣмъ поступающихъ въ архивъ документовъ и выдачу всевозможныхъ справокъ; на серьезное описаніе документовъ у нихъ не хватаетъ времени. Если-бы увеличить отпускаемыя на эти архивы денежные средства, тогда явилась-бы возможность принять въ архивы въ качествѣ служащихъ извѣстное количество лицъ съ высшимъ образованіемъ и составить, организовать изъ нихъ особое *описательное* отдѣленіе, т. е. такое отдѣленіе, которое исключительно было-бы занято составленіемъ научныхъ архивныхъ описей.

Предыдущее изложеніе показываетъ, что меня не удовлетворяютъ тѣ описи документовъ, которыя составляются въ петербургскихъ архивахъ и въ нѣкоторыхъ архивныхъ комиссіяхъ. Каждый въ правѣ спросить меня: чего-же я требую отъ архивной описи? каковъ мой, если можно такъ выразиться, *идеалъ* архивной описи?

Въ виду этого я считаю нужнымъ изложить хотя-бы вкратцѣ свой взглядъ на характеръ и форму архивныхъ описей. Но мнѣ могутъ возразить, что теорія бесполезна; что вмѣсто теоретическихъ разсужденій было-бы желательно видѣть образецъ архивной описи, какъ я ее понимаю. Я не могу съ этимъ согласиться,—я настаиваю на важномъ значеніи теоріи. Конечно, трудно, почти невозможно предусмотрѣть всѣхъ подробностей, но можно и должно выработать основныя начала, принципы. Я сильно сомнѣваюсь въ успѣшной организаціи дѣла, если мы приступимъ къ ней безъ заранѣе выработанныхъ принциповъ. Подробности опре-

дѣлятся въ значительной степени практикой, выяснятся при совершении самаго дѣла, но принципы должны быть выработаны раньше.

Все это—очевидныя истины, но, къ сожалѣнію, далеко не всѣ усвоили ихъ.

Всякій, я думаю, согласится съ тѣмъ, что документы, помогающіе возсозданію прошлаго, документы, хранящіеся въ различныхъ архивахъ, прежде всего и главнымъ образомъ имѣютъ *научное* значеніе. Отсюда слѣдуетъ, что и описи этихъ документовъ прежде всего и главнымъ образомъ должны имѣть въ виду интересы и требованія науки. Не спору, что нѣкоторые документы имѣютъ и *практическое* значеніе; но практическая точка зрѣнія должна, по моему мнѣнію, быть отодвинута, при составленіи описей, на задній планъ или даже и совсѣмъ отдѣлена отъ научной цѣли; я хочу сказать, что, при составленіи архивныхъ описей, очень трудно (если не невозможно) примирить обѣ эти точки зрѣнія, обѣ цѣли—научную и практическую.

Итакъ, при составленіи описей, нужно принимать въ расчетъ и постоянно имѣть въ виду интересы и требованія науки. А интересы науки требуютъ, чтобы архивныя богатства были приведены въ извѣстность и описаны какъ можно скорѣе и какъ можно лучше: само собою понятно, что чѣмъ дольше будутъ неизвѣстны изслѣдователямъ историческіе документы, освѣщающіе тѣ или другія стороны прошлаго, разъясняющіе тѣ или другіе вопросы, тѣмъ дольше въ наукѣ будутъ существовать пробѣлы. Это можетъ быть въ значительной степени устранено путемъ составленія цѣлесообразныхъ архивныхъ описей.

Вполнѣ подходящей, отвѣчающей своей цѣли архивной описью я считаю такое описаніе документовъ, которое даетъ возможность каждому изслѣдователю и вообще интересующемуся лицу познакомиться съ ихъ содержаніемъ *съ наименьшей затратой времени и труда* и слѣдовательно быстро опредѣлить, есть-ли что-нибудь подходящее для нихъ въ этихъ документахъ, или нѣтъ. Какъ-же достигнуть этого? Это можетъ быть достигнуто, на мой взглядъ, путемъ введенія въ архивную опись *извѣстной системы*.

Каждая обширная группа документовъ, на которыя они дѣлятся въ архивѣ, должна быть разбита въ описи на отдѣлы, на рубрики *по содержанію*; при чемъ этихъ отдѣловъ должно быть по возможности меньше, потому что обиліе ихъ затрудняетъ пользование описью; впрочемъ, количество отдѣловъ вполнѣ зависитъ отъ большей или меньшей пестроты документовъ, составляющихъ группу. Формулировка содержанія каждаго отдѣла должна отличаться точностью и ясностью. Несомнѣнно, что довольно трудно установить такіе отдѣлы; это возможно сдѣлать только послѣ близкаго знакомства съ группой документовъ, подлежащей описанію. Конечно, въ предѣлахъ каждой рубрики документы должны быть расположены въ хронологическомъ порядкѣ.

И такъ, архивная опись прежде всего должна покоиться на извѣстной системѣ.

Далѣе, опись эта должна быть *возможно краткой*, однако не настолько, чтобы ускользали существенныя, важныя черты документовъ.

Наконецъ, для облегченія справокъ, должны быть составляемы и прилагаемы къ описямъ различныя указатели: предметныя, личныя, географическіе и др., смотря по содержанію документовъ.

Такимъ образомъ, архивная опись должна отличаться двумя качествами: 1) систематичностью и 2) возможной краткостью. Вотъ тѣ основныя требованія, которыя должны быть предъявляемы, по моему мнѣнію, къ архивнымъ описямъ.

Какъ будто это—очень простыя требованія. Однако я не знаю ни одной архивной описи, которая вполнѣ удовлетворяла-бы этимъ требованіямъ.

Приложение.

Считаю не лишнимъ напечатать два образца описей; одна опись (канцелярская) прислана Горнымъ департаментомъ, а другая (т. наз. научная) — Нижегородской архивной комиссией.

1) Образецъ канцелярской описи.

Реестръ рѣшеннымъ дѣламъ, производившимся въ 1-мъ Отдѣленіи Штаба Корпуса горныхъ инженеровъ въ 1850 году, предназначенныхъ къ храненію въ Архивѣ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ.

№ ар-хива.	№ дѣла.	Когда началось.	СОДЕРЖАНІЕ ДѢЛЪ.	На сколькихъ листахъ.	Когда рѣшено.
635	1	Янв. 2-го	О назначеніи пенсіи по общему уставу семейству служившаго на Гороблагодатскихъ заводахъ коллежскаго секретаря Ершова . .	3	13 июня 1850 г.
636	2	„	Относительно исходатайствованія пенсіи вдовѣ служившаго въ Уральскомъ горномъ правленіи губернскаго секретаря Толстокулакова черезъ комитетъ Призрѣнія	6	12 января 1850 г.
637	3	„	Объ ассигнованіи единовременнаго пособія дочерямъ, вышедшимъ за-мужъ, мастера Воткинскаго завода Непряхина за унтеръ-шихт-мейстера Гороблагодатскихъ заводовъ Баранова	7	25 января 1850 г.
			О переводѣ съ Луганскаго завода на службу въ Пермскіе заводы поручика Антипова . . .	6	14 февраля 1850 г.
639	5	„	Объ увольненіи въ отпускъ горнаго начальника заводовъ Гороблагодатскихъ полковника Арсеньева на 4 мѣсяца и Луганскаго полковника Фелькнера на 28 дней	9	6 ноября 1851 г.
640	6	„	Объ увольненіи отъ службы за болѣзнь титулярнаго совѣтника Брандта и о назначеніи ему по общему уставу пенсіи, а также вдовѣ коллежскаго assessора Аврамова . . .	14	5 сентября 1850 г.
641	7	Янв. 2-го	О назначеніи пенсіи коллежскому секретарю Трусову и семейству чиновника 9-го класса Иванова по общему уставу	10	13 июня 1850 г.

2) Образецъ такъ наз. научной описи.

88—411 (15 марта 1749). Дело по доношенію отправящаго полицейскую должность Андрея Бармина о привозномъ кимеющемся по конецъ улицы Фроловки хкараулу мертвомъ заузольской волости дрвни Копеннаго крна Михаила Бердникова телѣ.—12 марта крикъ Бердниковъ сталъ кричать у двора посадника Якима Плетникова, чтобъ де взяли ево и отвезли домой, чтобъ ему не умереть. Крикъ услышалъ Андрей Якимовъ Плетниковъ и, выйдя изъ избы, увидѣлъ, что Бердниковъ ползаетъ на колѣнкахъ и „велѣлъ де себя отвезти въ домъ балах. посадника Василья Крупеникова, который имѣется въ полѣ“. Андрей положилъ его на дрвни живаго и повезъ его къ тому двору и привезя постучалъ въ окошко, чтобы того крна взяли въ избу. Изъ избы сначала выглянула дѣвка, а потомъ вышелъ мужикъ Иванъ, который ихъ отъ двора погналъ, такъ какъ де хозяинъ Крупениковъ запретилъ, чтобы того крестьянина Бердникова во дворъ не пускать. Андрей повезъ его „еще живаго“ къ караулу въ концѣ улицы Фроловки „для отдачи визбу или куды надлежало“. Но довеся до угла заборнаго мѣста, увидѣлъ, что Бердниковъ уже мертвъ. Тогда, испугавшись, онъ свалилъ его съ саней и уѣхалъ (по другой дорогѣ къ Рыбной Слободѣ). Въ караулѣ въ то время были Алексѣй Колбасинъ, да Семень Сыромятниковъ, да Иванъ Яковлевъ Ряхинъ. Первые двое отлучились для покупки лантей, а послѣдній видѣлъ все, но, очевидно, боялся подойти одинъ, а пошелъ отыскивать товарищей да сотскаго Ефима Плаксина. А въ это время проходилъ болѣе смѣлый чловѣкъ Яковъ Федотовъ Первовъ, который, взявъ у проѣзжающаго крна лошадь, „навалилъ съ робятами“ мертвое тѣло на сани и повезъ къ рогаткѣ, гдѣ отдалъ его караульному Ивану Як. Ряхину, дабы оное тѣло не растерзали собаки. По осмотру трупа оказались колѣни и локоть „осаплены“ и на спинѣ красныя пятна старья, „кои уже начали подживать“... 18 марта тѣло отдано правящему полицейскую должность Бармину для погребенія въ убогомъ домѣ.

Ни Крупеникова, ни мужика Ивана, ни другихъ свидѣтелей не спрашивали, въ чемъ не трудно видѣть явное покрывательство со стороны магистрата по отношенію къ богатому Крупеникову¹⁾.

¹⁾ Изъ описи документовъ Балахнинскаго магистрата. Въ заголовкѣ дѣла бпись сохраняетъ старую транскрипцію.

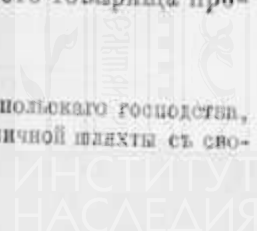
Объ экспертизъ древнихъ подложныхъ документовъ.

И. М. Каманина.

Съ присоединеніемъ Западнаго края къ Россіи, сначала сѣверной его части (въ 1772 г.), а потомъ и южной (въ 1796 г.), русская власть обратила вниманіе на существованіе въ присоединенныхъ областяхъ огромнаго количества дворянъ, мелкой польской шляхты, хотя и малоземельной, а еще чаще и вовсе безземельной, но пользовавшейся правами на пріобрѣтеніе и владѣніе землей и крестьянами, на участіе въ управленіи и другими преимуществами, принадлежащими привилегированному сословію. Требованіе русскаго правительства отъ лицъ польскаго шляхетскаго сословія предъявленія доказательствъ на свое званіе и состояніе застало ихъ въ расплохъ; у большей части такихъ дворянъ никакихъ доказательствъ на это званіе не было; приходилось приписываться къ мѣщанскимъ и крестьянскимъ обществамъ, чего очень боялась шляхта, такъ какъ положеніе членовъ этихъ обществъ въ ту пору было весьма тяжело и въ юридическомъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. Въ первые годы по присоединенію края русское правительство, при доказательствѣ правъ дворянства польскими шляхтичами, ограничивалось требованіемъ свидѣтельства 12 лицъ изъ дворянъ и присягой послѣднихъ въ томъ, что ищущій дворянства дѣйствительно принадлежалъ къ этому сословію. Въ актовыхъ книгахъ конца прошлаго столѣтія мы находимъ огромную массу такихъ свидѣтельствъ (*zaswiadczenie godowitosci*); встрѣчаются объемистые томы, состоящіе исключительно изъ такихъ свидѣтельствъ; злоупотребленія легкой возможностью полученія послѣднихъ заставило правительство въ первой четверти истекающаго вѣка усилить требованіе относительно доказательствъ дворянскаго происхожденія; кромѣ свидѣтельства 12 лицъ о дворянствѣ, надо было представить еще доказательства того, что предки лица, ищущаго дворянскихъ правъ, осуществляли эти права, т.-е., что они дѣйствительно владѣли въ прошломъ столѣтіи населенными имѣніями или же занимали такія должности въ государствѣ, какія давались однимъ дворянамъ, при чемъ въ законѣ исчислялись тѣ должности, какія могли занимать дворяне и какія давали имъ право потомственнаго дворянства. Тысячи людей лишены были возможности представить требуемыя доказательства; для выхода изъ этого затруднительнаго положенія стали прибѣгать къ подлогамъ въ актовыхъ книгахъ, что оказалось легко возможнымъ, благодаря царившимъ въ ту пору въ судахъ порядкамъ; подлоги документовъ продолжаютъ даже въ

60-х годах, когда и были они обнаружены. Другим поводом к составлению подложных документов служили безконечные споры владельцев о границах своих имений; это была, впрочем, общая причина, которая вызвала подлоги не только на запад России, но и на восток; вследствие слабости исполнительной власти, судебные решения по земельным тяжбам часто не приводились в исполнение, а потому дела затягивались надолго и нередко принимали уголовный характер, оканчиваясь самосудом потерпевшей стороны; отсюда и актов по спору о землевладении на запад России больше, нежели на восток ее. Эти споры и их большая резкость здесь вызвали и большее количество подлогов¹⁾. Подлоги делались весьма искусными и опытными фальсификаторами, и обнаружение их фабрикации в настоящее время представляет большие трудности для архивиста. А так как вековые тяжбы, начавшиеся еще в период польского владычества, во многих случаях не закончились и до сих пор; так как польская шляхта, вынужденная приписываться к мещанским и крестьянским обществам, не примиряется со своим положением и продолжает добиваться прав дворянства, то отсюда понятна уже важность правильной оценки достоинства древних актов, представляемых в современных копиях в различные правительственные учреждения для доказательства прав землевладения или дворянского происхождения. В виду этого и закон 2-го апреля 1852 г. ставит в обязанность архивам при выдаче выписей означать в постановлении, признается ли документ несомнительным или подлежащим сомнению. Кто же должен был делать эти определения свидетельствуемых документов? По указу 1852 г. обязанность эта возлагалась на товарища прокурора и уездного предводителя дворянства при участии завѣдывающего архивом. Но требование от них специальных знаний, необходимых для экспертизы, было чрезмерно. Всякий, кому случалось быть экспертом на суд современных подложных документов, хорошо знает, что экспертиза самого ничтожного документа требует нескольких часов, а иногда и дней; в спорных случаях созываются две и три комиссии, даже устраивается общее собрание их, и мнения все-таки бывают противоречивы; поэтому суду предоставляется право давать или не давать веру мнениям экспертов; от мнения экспертов в частых случаях зависит судьба живого человека, его оправдание или обвинение. Для эксперта современных подлогов совершенно достаточно сличение заподозренного документа с действительными подписями лица, под почерк которого сделан подлог, или с подписями лица, обвиняемого в совершении подлога. В таком положении находится экспертиза при обнаружении современного подлога. Далекое же то бывает с экспертизой древних документов. Здесь приходится сличать заподозренный документ не с известным подлинным почерком, как бывает при современном подлоге, а с типом и характером письма, господствовавшего в известное время и в известной местности, а это в весьма сильной степени увеличивает трудность решения вопроса о подлинности документа. Кроме знакомства с характером почерка, надо хорошо знать язык времени, юридические термины, судостроительство и судопроизводство, а равно особенности правописания того времени, бумаги и чернила. Все это требует хорошей подготовки и продолжительной практики для приобретения опытности. Само собой разумеется, что ни товарищ прокурора, ни уездный предводитель дворянства, при своих многочисленных прямых обязанностях, не имеют физической возможности приобрести навык. Это обстоятельство было столь очевидно, что с реформой судебных учреждений, вместо товарища про-

¹⁾ Было бы, однако, ошибкой думать, что до присоединения края к России, в эпоху польского господства, подлогов не делалось. Случались часто они и тогда, напр., в вековом деле овручской околичной шляхты с своим старостой (см. книги Централ. Архива Овруч. суда).

курора, законъ предписываетъ приглашать къ свидѣтельствуванію документовъ въ Кіевѣ—одного изъ членовъ правленія университета, а въ Вильнѣ—предсѣдателя археографической комиссіи. Новая мѣра въ нѣкоторой степени улучшила положеніе дѣла, но лишь до нѣкоторой, потому что въ Кіевѣ члены правленія университета не всегда могутъ быть специалистами той науки, которая связана съ работами въ архивѣ, также какъ и въ Вильнѣ предсѣдателемъ археографической комиссіи можетъ быть лицо, хотя и извѣстное въ наукѣ своими историческими или юридическими изслѣдованіями, но не занимавшееся специально въ архивѣ; такимъ образомъ серьезное и важное дѣло опредѣленія подлинности или подложности документовъ фактически переходятъ въ руки одного лица; если же мы примемъ во вниманіе, что, при низкихъ окладахъ жалованья архивистовъ, послѣдніе не долго остаются на мѣстѣ и стараются пріискать себѣ болѣе выгодную службу, тогда понятнымъ станетъ то грустное положеніе, въ которомъ каждую минуту можетъ находиться экспертиза документовъ; но допустимъ даже, что въ извѣстномъ архивѣ установится желательный порядокъ вещей, т.-е., что въ немъ опытные лица завѣдываютъ выдачей посвидѣствованныхъ документовъ и остаются у этого дѣла продолжительное время; всякій, однако, намъ кажется, легко согласится, что и опытные архивисты въ трудныхъ случаяхъ могли-бы ошибаться; между тѣмъ ихъ постановленіе рѣшаетъ судьбу дѣла: одна сторона, и быть можетъ даже правая, теряетъ важное доказательство и не получаетъ утвержденія въ своихъ законныхъ правахъ; другая сторона пользуется незаслуженно выгодами отъ ошибки архивиста. Какъ предупредить подобныя печальные факты? Комиссія 1892 г., разсматривавшая вопросъ о реформѣ центральныхъ архивовъ западныхъ губерній, обратила вниманіе и на вопросъ о свидѣтельствovanіи документовъ и въ рѣшеніи его пришла къ заключенію, что въ опредѣленіи подлинности или подложности документа должны участвовать всѣ чиновники архива, какъ лица болѣе другихъ компетентныя въ этомъ дѣлѣ, а въ случаѣ спора заинтересованныхъ лицъ противъ опредѣленій архивовъ оспариваемый документъ или книга высылались бы по почтѣ на экспертизу въ Петербургъ. Такимъ образомъ, комиссія 1892 года установила два важныя положенія: 1) она признала только архивистовъ опытными лицами въ опредѣленіи подлинности или подложности документовъ и 2) нашла необходимымъ производить въ случаѣ спора повѣрку опредѣленія архивами достоинства оспариваемаго документа, т.-е. признаетъ необходимость апелляціи на постановленія архивистовъ. Основательность этихъ положеній слишкомъ очевидна; ихъ нельзя не признать важными и потому нельзя не признать заслуживающими скорѣйшаго осуществленія. Но должны-ли выработанныя комиссіей 1892 г. правила посвидѣствованія документовъ распространяться на одни западнорусскіе архивы или ихъ слѣдуетъ примѣнять въ другихъ русскихъ архивахъ? Мы полагаемъ, что примѣненіе этихъ правилъ ко всѣмъ архивамъ безусловно необходимо, такъ какъ подлоги, въ большей или меньшей степени, общее большое мѣсто, а не составляютъ печальной особенности запада Россіи. Примѣненіе этихъ правилъ важно и необходимо не только въ интересахъ частныхъ лицъ, отыскивающихъ свои личныя или имущественныя права, но въ интересахъ науки, такъ какъ многіе ученые, рѣдко работающіе въ архивахъ, легко могутъ, по невѣдѣнію, пользоваться подложными документами и строить на нихъ научные выводы; и такіе случаи нерѣдки, какъ намъ приходилось лично наблюдать надъ работающими съ ученой цѣлью въ архивахъ. При выработкѣ правилъ объ экспертизѣ документовъ, комиссія 1892 г. выпустила изъ виду одно весьма существенное обстоятельство; именно, она говоритъ только объ экспертизѣ документовъ, хранящихся въ архивахъ или записанныхъ въ актовыя книги, но умалчиваетъ о тѣхъ документахъ, которые въ подлинникахъ представляются въ разныя учрежденія, а эти послѣдніе сами уже являются рѣшителями вопроса: давать или не давать вѣру представляемымъ древнимъ подлинникамъ.

При этомъ происходитъ несомнѣнно много ошибокъ: документы могутъ быть представляемы или въ самыхъ подлинникахъ или въ древнихъ копіяхъ, мало отличающихся отъ подлинниковъ по внѣшнему виду и по формѣ; и тѣ и другія часто бываютъ подложны; тѣмъ не мѣнѣе, какъ подлинники, они не подвергаются никакой экспертизѣ. Случается, что сами заинтересованныя лица обращаются въ архивъ за посвидѣтельствомъ своихъ документовъ, и въ настоящее время, архивы, если не находятъ этихъ документовъ или копій ихъ занесенными въ актовыя книги, отказываютъ въ ихъ посвидѣствованіи; между тѣмъ, кромѣ своей подложности, какъ причины отсутствія въ книгѣ, они могутъ быть не находимы въ актовыхъ книгахъ по простой случайности, — потому только, что древнія актовыя книги за тотъ или другой годъ не сохранились: сгорѣли, погибли во время войнъ, или уничтожены чьей-либо вандальской рукой во время хранения въ старыхъ судахъ; такъ, напр., книги Брацлавскаго воеводства (въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ) сохранились, начиная лишь съ 1700 г., а потому архивъ свидѣтельствуетъ одни документы XVIII в. по Брацлавскому воеводству; подлинники же болѣе ранняго времени, для которыхъ архивъ могъ быть наиболѣе компетентнымъ судьей, принимаются или непринимаются къ дѣлопроизводству различными учрежденіями по ихъ собственному усмотрѣнію, что отърываетъ легкую возможность подложнымъ документамъ пройти за подлинными. Въ виду этого на центральные архивы должна быть возложена экспертиза и такихъ подлинниковъ, которыхъ почему-либо въ книгахъ архива не оказывается. Само собой при этомъ разумѣется, что древнія или болѣе новыя копіи подлинниковъ безусловно не должны быть допускаемы до посвидѣствованія и экспертизы, если только они не встрѣчаются въ актовыхъ книгахъ, и сами по себѣ не могутъ служить прямымъ и главнымъ основаніемъ для доказательства какихъ-бы то ни было правъ.

Посмотримъ теперь, какіе возникаютъ вопросы и нужды, если постановленія комиссіи 1892 г. будутъ введены въ дѣйствіе, а это рано или поздно должно наступить. По первому положенію, разъ архивисты будутъ признаны (а этого нельзя не признать) естественными ех оффісіо экспертами, необходимо, чтобы они обладали соответствующими ихъ обязанности знаніями. Въ настоящее время эти знанія пріобрѣтаются опытомъ; но путь опыта, какъ извѣстно, тернистъ, дологъ и полонъ ошибокъ. Сократить этотъ путь, предупредить ошибки, отъ которыхъ только страдаютъ интересы частныхъ лицъ, есть дѣло обученія, дѣло школы. Желательно поэтому, чтобы изученіе методовъ изслѣдованія подложныхъ документовъ вошло въ программу преподаванія въ томъ учрежденіи, которое спеціально приготовляетъ будущихъ архивистовъ и археографовъ, а если возможно, то и въ университетахъ, когда будетъ найдено полезнымъ привлечь студентовъ историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ къ занятіямъ и практическимъ работамъ въ архивахъ надъ сырымъ матеріаломъ, о чемъ мы имѣли случай говорить въ своей статьѣ по поводу „Архивнаго инвентаря“ проф. Самоквасова. О подробностяхъ постановки этого преподаванія можно будетъ обстоятельно поговорить, когда самая необходимость будетъ признана.

Что касается до втораго положенія комиссіи 1892 г.—апелляціи на постановленія архивовъ о признаніи документовъ сомнительными или несомнительными, то предложенный комиссіей способъ мы считаемъ весьма неудачнымъ. Комиссія 1892 г., какъ извѣстно, проектируетъ, въ случаѣ жалобы заинтересованныхъ лицъ на опредѣленія архивовъ, высылку актовыхъ книгъ съ подложными документами въ Петербургъ, въ то вообще учрежденіе, которому будетъ поручено провѣрить и окончательно высказаться о правильности или неправильности опредѣленія архивистами оспариваемаго документа.

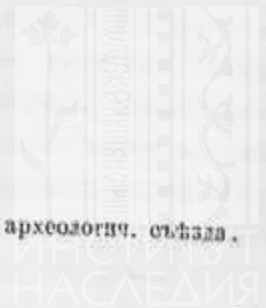
Но такая высылка книгъ ни въ какомъ случаѣ не должна быть допущена по двумъ причинамъ:

Во 1-хъ, въ пути, проходя чрезъ много рукъ, книга можетъ подвергнуться порчѣ и подлогамъ или же умышленно или неумышленно потеряться и вообще цѣлость ея можетъ пострадать при какихъ-либо несчастіяхъ въ пути; всѣми этими обстоятельствами могутъ воспользоваться заинтересованныя лица, смотря по тому, что въ томъ или другомъ случаѣ удобнѣе.

Во 2-хъ, при экспертизѣ документовъ, оспариваемыхъ заинтересованными лицами, нельзя ограничиться изученіемъ одной только книги, въ которой находится подложный документъ; эта книга необходимо должна быть изучаема совмѣстно съ сосѣдними по времени и мѣсту книгами какъ для опредѣленія различія между подлинными и подложными частями ея съ внѣшней стороны, такъ и для установленія типа письма, господствовавшего въ данной мѣстности въ данное время. Исслѣдованіе подлоговъ должно всегда производиться, а тѣмъ болѣе повѣряться, только въ мѣстѣ храненія заподозрѣннаго документа, и принципъ неподвижности древнихъ актовыхъ книгъ долженъ быть строго соблюдаемъ, какъ это и требуется закономъ 1852 года. Но если цѣлости высланной за тысячу верстъ книги грозитъ серьезная опасность, если исслѣдованіе подлога и повѣрки могутъ производиться только на мѣстѣ, то высылка книги оказывается и опасной и бесполезной. Лучшимъ и едва ли не единственнымъ средствомъ для осуществленія апелляціи, проектированной комиссіей 1892 года, мы считаемъ періодическіе сѣзды архивистовъ поочередно въ тѣхъ городахъ, гдѣ находятся центральные архивы и гдѣ въ извѣстный періодъ времени накапливается большее или меньшее количество жалобъ на опредѣленія архивовъ о признаніи документовъ подложными; для такихъ сѣздовъ совершенно достаточно отъ трехъ до пяти спеціалистовъ и расходы, сопряженные съ этимъ, легко могутъ быть восполнены заинтересованными лицами.

Сѣзды архивистовъ для повѣрки опредѣленій того или другого архива могутъ быть замѣнены учрежденіемъ постоянныхъ экспертныхъ апелляціонныхъ комиссій ¹⁾; но составъ этихъ комиссій трудно образовать изъ спеціалистовъ, близко стоящихъ къ архивнымъ матеріаламъ и вынуждаемыхъ почти ежедневно при работахъ задаваться вопросомъ о подлинности или подложности разсматриваемаго документа. Преимущество сѣздовъ и состоитъ именно въ томъ, что членами ихъ явятся лица, находящіеся въ живой, непосредственной и постоянной связи и съ подлинными и съ подложными документами и книгами.

¹⁾ Предложеніе проф. Д. В. Цвѣтаева при обсужденіи настоящаго реферата XI-го археологич. сѣзда.

Французскіе областные архивы.

А. П. Воронова.

Однимъ изъ вопросовъ близкихъ каждому, кто изучаетъ прошлую или настоящую жизнь нашего народа, долженъ быть вопросъ объ архивахъ, о надлежащей постановкѣ архивнаго дѣла, такъ какъ въ сущности архивный вопросъ сводится къ вопросу о сохраненіи основныхъ историческихъ матеріаловъ и удобномъ пользованіи ими. Всѣмъ извѣстно, что у насъ въ Россіи постановка архивнаго дѣла оставляетъ желать еще многого. Неудивительно поэтому, что на нашихъ археологическихъ сѣздахъ не разъ уже возбуждался этотъ важный, но нелегко разрѣшимый вопросъ объ архивахъ. Дѣло разрѣшенія зависитъ, конечно, не отъ одного недостатка средствъ (хотя это очень серьезное препятствіе), но и отъ недостаточнаго выясненія архивнаго вопроса. Однимъ изъ путей къ выясненію будетъ изученіе архивнаго дѣла въ Россіи, другимъ—изученіе того же за границей.

Руководствуясь соображеніемъ, что какъ прошлое, такъ и настоящее положеніе заграничныхъ архивовъ имѣетъ для насъ свою долю поучительности, я имѣю смѣлость выступить предъ XI-мъ Археологическимъ сѣздомъ съ докладомъ объ иностранномъ архивѣ.

Подъ французскимъ областнымъ архивомъ я разумѣю такъ называемый *департаментскій архивъ* (archives départementales). Департаментскіе архивы находятся въ главномъ городѣ cadaго департамента; число ихъ въ собственной Франціи съ Корсикой 87 и кромѣ того 3 архива въ Алжирѣ. Всѣ эти архивы, конечно исключая алжирскихъ, очень богаты разнообразными историческими матеріалами, восходящими къ эпохѣ среднихъ вѣковъ, собранными здѣсь въ такой полнотѣ и разнообразіи, какъ едва ли можно встрѣтить въ областныхъ архивахъ другой страны. Благодаря исключительнымъ историческимъ обстоятельствамъ здѣсь сосредоточены не только дѣла многихъ правительственныхъ и церковныхъ учреждений революціонной Франціи, но и цѣннѣйшіе фамилные архивы. Завѣдуютъ архивами просвѣщенныя лица, преимущественно изъ воспитанниковъ Парижской *Écoles des chartes*. Документы и бумаги департаментскихъ архивовъ классифицированы по одному плану и притомъ, по мнѣнію самихъ французскихъ архивистовъ, удачнѣе, чѣмъ это сдѣлано для Національнаго архива, важнѣйшаго историческаго архива Франціи. Изданіе въ свѣтъ описей этихъ архивовъ идетъ также по одному плану и очень успѣшно. Вліяніе департаментскаго архива съ

пользой для архивнаго дѣла простирается на многіе архивы въ предѣлахъ даннаго департамента. Слѣдуетъ также отмѣтить, что помимо приѣма тѣхъ дѣлъ, которыя должны по закону поступать изъ правительственныхъ учреждений, департаментскіе архивы стремятся сосредоточить въ своихъ стѣнахъ по возможности всѣ цѣнные историческіе матеріалы, касающіеся территоріи своего департамента. Пожертвованія документовъ отъ частныхъ лицъ принимаются съ особенной благодарностью, и дѣйствительно, частныя лица охотно жертвуютъ въ департаментскіе архивы свои коллекціи бумагъ, нерѣдко крупныя и цѣнныя. Все вышесказанное, свидѣтельствующее о благоустроенности департаментскихъ архивовъ, можетъ показаться, довольно неожиданнымъ, если принять въ соображеніе, что департаментскому архиву пришлось (да и приходится) дѣйствовать при нѣкоторыхъ очень неблагоприятныхъ условіяхъ, а именно:

а) Государство ничего не тратило и не тратитъ на содержаніе этихъ архивовъ, ни на изданіе ихъ инвентарей.

б) Департаментскій архивъ зависитъ одновременно отъ трехъ вѣдомствъ.

в) Порядокъ пришлось создавать изъ величайшаго беспорядка, причиненнаго революціоннымъ разгромомъ.

Бѣглый историческій очеркъ департаментскихъ архивовъ позволитъ намъ объяснить, какъ создалось своеобразное положеніе департаментскихъ архивовъ и чему надо приписать ихъ благоустройство.

Въ 1789 г. предъ началомъ революціи на территоріи Франціи было разсѣяно до 10000 архивовъ, изъ которыхъ 405 приходилось на Парижъ. Такая многочисленность архивовъ объясняется тѣмъ, что различныя правительственныя учрежденія, а также монастыри, церкви, религіозныя ордена, городскія общины, различныя корпораціи, сеньеры для своей юрисдикціи, принцы и знатныя фамиліи всѣ имѣли свои особые архивы. Многіе изъ этихъ архивовъ представляли изъ себя богатѣйшія собранія актовъ, скоплавшіяся цѣлыми вѣками. Въ эпоху революціи ббольшая часть этихъ архивовъ попала въ руки государства и объявлена была національнымъ достояніемъ. Это сосредоточеніе архивныхъ матеріаловъ въ рукахъ государства было процессомъ болѣзненнымъ для самихъ архивовъ, сопровождалось не только беспорядкомъ, но и гибелью многихъ цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ.

Особенно тяжелы были для архивовъ 1792 и 1793 года, когда издавались даже законы, предписывавшіе истреблять „генеологическіе документы“, а также „феодалыне“, т. е. такіе, на которыхъ основывались феодальныя права, когда пергаментъ изъ архивовъ шелъ на потребности артиллеріи. Впрочемъ разрушительная дѣятельность революціи по отношенію къ архивамъ останавливается (хотя и не вполне) въ 1794 г. и дѣлается болѣе замѣтна созидательная. Именно въ 1794 г. явилась плодотворная мысль объ устройствѣ *центрального управленія архивами*, получившая во Франціи осуществленіе, хотя и не полное, только спустя 50 лѣтъ, мысль, воспринятая и осуществленная впоследствии многими европейскими государствами, какъ-то Баваріей, Бельгіей, Италіей и Пруссіей. Въ эту же самую столь опасную для архивовъ эпоху появилась также идея центральныхъ архивовъ.

По отношенію къ провинціи созидательная дѣятельность революціи выразилась въ 1796 г. въ образованіи цѣлаго ряда центральныхъ областныхъ архивовъ.

Всѣ архивы и коллекціи бумагъ, принадлежащихъ государству, въ предѣлахъ даннаго департамента должны были составить одинъ департаментскій архивъ. Въ этотъ архивъ должны были и впредъ поступать дѣла изъ различныхъ правительственныхъ учреждений департамента. Учреждая эти архивы и объявляя ихъ своей собственностью, государство однако не нашло возможнымъ, или не пожелало отпустить какія-либо особыя суммы на содержаніе этихъ архи-

вовъ, предоставивъ префектамъ содержать архивы изъ своихъ канцелярскихъ средствъ. Вотъ почему болѣе 40 лѣтъ департаментскіе архивы, по выраженію одного французскаго архивиста, почивали мирнымъ сномъ; не было даже специальныхъ лицъ для завѣдыванія этими архивами.

Только въ 30-хъ годахъ настоящаго вѣка, когда наступало во Франціи возрожденіе историческихъ знаній, Министерство Внутрен. Дѣлъ обратило серьезное вниманіе на эти забытые архивы. Новая лучшая эра началась для департаментскихъ архивовъ съ изданія закона 10 мая 1838 г.: въ силу этого закона расходы на содержаніе архивовъ были включены въ число обязательныхъ для департаментовъ; цифра ассигнованія впрочемъ не была опредѣлена закономъ. Изданіе этого закона позволило министру внутр. дѣлъ (въ циркулярѣ 8 августа 1839 г.) предложить префектамъ, чтобы для завѣдыванія архивами приглашались лица съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, преимущественно изъ воспитанниковъ *École des chartes*. Другой важной мѣрой было созданіе въ 1841 г. при министерствѣ внутр. дѣлъ центрального управленія архивами.

Это центральное управленіе взяло на себя руководство не только департаментскими архивами, но и архивами общинъ городскихъ и сельскихъ (*archives communales*), архивами учреждений призрѣнія больныхъ (*archives hospitalières*) и архивами супрефектуръ т. е. уѣздныхъ управленій. Департаментскій архивъ, подчиненный центральному управленію, занялъ очень важное мѣсто въ этой организаціи, такъ какъ дѣйствіе центрального управленія должно было обращаться прежде всего на департаментскій архивъ и отъ него уже передаваться архивамъ общиннымъ, супрефектуръ и учреждений призрѣнія. Департаментскій архивистъ занялъ положеніе инспектора трехъ сейчасъ упомянутыхъ категорій архивовъ; впрочемъ онъ является не столько начальникомъ, сколько руководителемъ для лицъ, завѣдующихъ архивами общинными, супрефектуръ и учреждений призрѣнія. Деньги на ревизію этихъ архивовъ ассигнуются департаментскимъ самоуправленіемъ.

Поѣздки департаментскихъ архивистовъ по департаменту очень много содѣйствовали какъ улучшенію устройства многихъ мелкихъ архивовъ, такъ и обогащенію департаментскаго архива новыми историческими матеріалами. Разумѣется, департаментскій архивистъ имѣетъ помощника, который заступаетъ его мѣсто въ случаѣ его отсутствія. Центральное управленіе выработало планы классификацій для департаментскихъ и другихъ подвѣдомственныхъ архивовъ, а также инструкціи, опредѣлившія весь строй архивовъ, стало руководить работами по разбору и описанію дѣлъ и наконецъ съ 1862 г. начало изданіе въ свѣтъ инвентаря департаментскихъ архивовъ—единственное въ своемъ родѣ изданіе описей областныхъ архивовъ, достигшее къ 1880 г. почтенной цифры 250 томовъ, къ 1893 г. 315 томовъ (въ томъ числѣ инвентарь общинныхъ архивовъ и учреждений призрѣнія бѣдныхъ).

Въ 1866 г. департаменты были освобождены отъ обязательнаго ассигнованія на свои архивы. Тѣмъ не менѣе ассигнованія на содержаніе архивовъ, на постройку зданій, на изданіе инвентаря, не только не прекратились со стороны департаментовъ, но даже возросли съ годами. Несомнѣнно, что центральное управленіе сумѣло заинтересовать архивами мѣстное общество въ лицѣ департаментскаго самоуправления; однимъ воздѣйствіемъ администраціи на самоуправленіе этого факта объяснить нельзя.

Совершивъ самое трудное и достигнувъ весьма хорошихъ результатовъ, министерство внутренн. дѣлъ передало въ 1884 г. департаментскіе архивы и другіе объединенные центральнымъ управленіемъ министерству народнаго просвѣщенія. Передача министерству народнаго просвѣщенія не была случайной: въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія находился Національный Архивъ, а также *École des chartes*, трудами питомцевъ которой

министерство внутрен. дѣлъ постоянно пользовалось въ нелегкомъ дѣлѣ упорядоченія областныхъ архивовъ. Въ 1897 г. Національный архивъ былъ поставленъ во главѣ управленія архивами департаментскими, общинными и учрежденій призрачнѣя бѣдныхъ.

Впрочемъ министерство внутрен. дѣлъ удержало долю власти надъ департаментскими архивами, какъ увидимъ ниже. Такимъ образомъ департаментскій архивъ оказался въ своеобразномъ іерархическомъ положеніи: въ одновременной зависимости отъ префекта, представителя министерства внутр. дѣлъ, отъ центрального управленія въ вѣдомствѣ министерства народн. просвѣщенія (при Національномъ Архивѣ) и отъ мѣстнаго т. е. департаментскаго самоуправления. Приходилось устроить компромиссъ трехъ вѣдомствъ и онъ былъ устроенъ такъ остроумно, что центральное управленіе въ сущности всѣмъ руководитъ. Префекту предоставлено право назначать и увольнять департаментскаго архивиста, но право это чисто фиктивное, такъ какъ онъ можетъ назначать только изъ лицъ, кончившихъ курсъ въ *École des chartes*, изъ такъ называемыхъ архивистовъ-палеографовъ, а за неимѣніемъ таковыхъ изъ лицъ, сдавшихъ особый экзаменъ при центральномъ управленіи архивами. Далѣе префекту принадлежитъ надзоръ за архивомъ, но надзоръ чисто внѣшній, а въ классификацію, инвентарь и тому подобныя спеціальныя вопросы онъ не можетъ вмѣшиваться. Письменныя сношенія архивиста съ центральнымъ управленіемъ идутъ черезъ префекта. Отъ мѣстнаго самоуправления зависитъ финансовый вопросъ, а потому органъ мѣстнаго самоуправления генеральный совѣтъ (*conseil général*) долженъ былъ получить свою долю власти. Особая коммиссія, избираемая изъ среды генеральнаго совѣта, разъ въ годъ осматриваетъ архивъ передъ сессіей совѣта, на которой производится ассигнованіе денегъ на архивъ. Коммиссія при посѣщеніи имѣетъ своей задачей удостовѣриться, царствуетъ ли въ архивѣ внѣшній порядокъ, удовлетворительно ли помѣщеніе, приняты ли мѣры предосторожности и т. п., но въ спеціальныя вопросы архивнаго дѣла коммиссія не можетъ вмѣшаться по существу. Ежегодный отчетъ департаментскаго архивиста предназначается одновременно и для префекта, и для генеральнаго совѣта и для центрального управленія архивами. Центральное управленіе получаетъ отчетъ архивиста уже съ замѣчаніями префекта и съ протоколомъ того засѣданія генеральнаго совѣта, на которомъ шла рѣчь объ ассигнованіи денегъ на архивъ.

Въ непосредственныя сношенія съ департаментскими архивистами центральное управленіе входитъ при посредствѣ генеральныхъ инспекторовъ, которые обязаны посѣтить каждый департаментскій архивъ разъ въ три года по крайней мѣрѣ. Генеральные инспектора назначаются изъ лицъ, кончившихъ *École des chartes* и занимавшихъ предварительно не менѣе 10 лѣтъ должность начальника секціи въ Національномъ архивѣ, или должность департаментскаго архивиста. Эти ревизоры входятъ во всѣ спеціальныя подробности архивнаго дѣла и даютъ указанія архивистамъ. О замѣченныхъ неисправностяхъ инспектора сообщаютъ префекту, а отчетъ ревизіи представляютъ въ центральное управленіе.

Въ заключеніе скажемъ вкратцѣ о классификаціи департаментскаго архива. Каждый департаментскій архивъ дѣлится хронологически на двѣ части: 1) старый, чисто-историческій, заключающій дѣла до 1790 г., т. е. до года раздѣленія Франціи на департаменты; 2) новый, или архивъ префектуры, гдѣ находятся дѣла, начиная съ 1790 г. Для каждой части существуетъ свое раздѣленіе на серіи, подъ которыми разумѣются извѣстныя категоріи дѣлъ, напр. серія *H* въ старомъ архивѣ означаетъ дѣла монашескихъ орденовъ. Каждая серія представляетъ изъ себя нѣсколько такъ называемыхъ *fonds*. *Fonds* — это совокупность бумагъ, принадлежащихъ одному учрежденію, одной корпораціи, одной фамиліи, одному лицу. Словомъ, *fonds* это исторически сложившаяся группа дѣлъ. Классифицировать *par fonds* значитъ соединить вмѣстѣ тѣ бумаги, которыя были собственностью одного учрежденія, одной корпораціи, одной фамиліи, одного лица.

Внутри fonds бумаги располагаются, смотря по удобству, или въ хронологическомъ порядкѣ, или въ топографическомъ, или въ алфавитномъ. Классификація *par fonds*, естественная классификація историческихъ матеріаловъ, можетъ сталкиваться съ болѣе, или менѣе искусственнымъ раздѣленіемъ на серіи. Впрочемъ въ классификаціи департаментскихъ архивовъ только одна серія находится въ противорѣчіи съ принципомъ fonds, а именно серія *A* (*Actes du pouvoir souverain*), образовавшаяся на счетъ всѣхъ fonds. Вслѣдствіе того, что новое территориальное дѣленіе Франціи не находится ни въ какомъ отношеніи къ прежнему, многіе старинные fonds разбиты между двумя и болѣе департаментскими архивами.

Установивъ извѣстный планъ классификаціи, французскіе архивисты его строго держатся и допускаютъ лишь незначительныя измѣненія, исходя изъ мысли, что въ архивномъ дѣлѣ безусловно необходимо постоянство и что всякая система будетъ хороша лишь въ томъ случаѣ, если она будетъ проведена до конца.

Варшавскіе архивы.

Проф. Д. В. Цвѣтаева.

Какъ бывшая столица, сохраняющая до сихъ поръ значеніе центрального города, Варшава богата памятниками минувшаго, памятниками старины. По свойству моихъ специальныхъ занятій, меня лично ближе всего, по моему переходу въ нее на службу, интересовали изъ нихъ памятники письменные, сохраняющіеся въ архивахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сами архивы. Положеніе этихъ варшавскихъ хранилищъ, за небольшими исключеніями, однако на столько замкнуто, что первые шаги мои въ непосредственномъ ознакомленіи съ ними нерѣдко встрѣчались съ затрудненіями серьезными, далеко не всегда преодолимыми. Только, когда принято было мною, по варшавскимъ и другимъ матеріаламъ, историческое изслѣдованіе вопроса о пребываніи царя Василя Ивановича Шуйскаго и о мѣстахъ его погребенія въ Польшѣ, во многомъ легче и удобнѣе сталъ для меня свободный доступъ въ архивы не только болѣе или менѣе открытые стороннимъ лицамъ, но и такіе, куда еще не ступала нога ученаго изслѣдователя.

Своими наблюденіями я и прошу позволенія подѣлиться теперь съ ученымъ собраніемъ, на сколько позволяютъ время и условія для подобныхъ сообщеній. Главное вниманіе я обращаю на то, что хранится въ этихъ архивахъ.

Въ архивахъ, имѣющихся при варшавскихъ административныхъ, судебныхъ, церковныхъ, учебныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, хранятся обыкновенно документы, составившіеся изъ дѣлопроизводства не однихъ только данныхъ учреждений, но, нерѣдко, и тѣхъ, преемниками которыхъ многіе изъ этихъ учреждений являются, и даже институцій стороннихъ, существующихъ и понынѣ, или уже давно закрывшихся. Такъ, въ *архивахъ старыхъ и новыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго Генералъ-Губернатора* содержатся, кромѣ бумагъ этой Канцеляріи, документы высшихъ и нѣкоторыхъ второ и третье-степенныхъ центральныхъ учреждений изъ времени автономности царства Польскаго и изъ предшествовавшей ему эпохи Варшавскаго герцогства. А именно, изъ времени автономности царства Польскаго: дѣла канцелярій императорско-царскихъ намѣстниковъ—кн. Заіончека, в. кн. Константина Павловича, гр. Паскевича-Эриванскаго и др., документы Государственнаго Совѣта съ его подраздѣленіями: Совѣтомъ управленія и Общимъ собраніемъ, бумаги Учредительнаго коми-

тета, Правительственныхъ Комиссій (или министерствъ)—внутреннихъ дѣлъ, военной и др., Управленія военнаго генераль-губернатора, (Управленія генераль-полицеймейстера, Ликвидационной Комиссии, Комиссии о монастыряхъ, Страховаго управленія и др.); изъ эпохи Варшавскаго герцогства: акты Правительствующей Комиссии, Государственнаго Совѣта, Высшаго Совѣта, Временнаго Правленія, и проч. Акты начинаются съ 1807 года, т. е. со времени учрежденія Варшавскаго герцогства, но въ разныхъ справкахъ и въ бумагахъ, забираемыхъ по какимъ-либо частнымъ поводамъ, напримѣръ въ конфискованныхъ дѣлахъ изъ архива бывшаго Варшавскаго Общества любителей наукъ, я читалъ документы XVII и XVIII вѣковъ. Дѣла между архивами недостаточно разграничены; нерѣдко одновременныя лежатъ въ томъ и другомъ.

Общее количество дѣлъ въ этихъ архивахъ считается около 86 тысячъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ намѣстническія постановленія и протоколы засѣданій Совѣта управленія и различные отчеты, доношенія. Эти и другіе документы—непосредственные свидѣтели жизни и дѣятельности высшаго и центрального управленія герцогства и царства, дѣятельности намѣстниковъ и многихъ другихъ важнѣйшихъ лицъ, и положенія и состоянія края за данное время. Въ дѣлахъ политическаго характера встрѣчаются сгруппированныя свѣдѣнія не только о самыхъ революціонныхъ движеніяхъ, но и о лицахъ, участвовавшихъ въ нихъ. Напримѣръ, о предсѣдателѣ бывшаго Варшавскаго Общества любителей наукъ, извѣстномъ историкѣ и поэтѣ Пѣмцевичѣ, энергичномъ дѣятелѣ мятежа 1830—1831 годовъ, сообщается очень полная біографія его, начиная съ 1794 года, когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Костюшкою; передаются послѣдующія его дѣйствія, и въ особенности во время мятежа, причемъ, между прочимъ, сообщается, что онъ пожертвовалъ на мятежъ 200 червонцевъ и назначилъ турецкій кивжалъ въ награду тому, кто первый отличится храбростію въ сраженіи противъ русскихъ; въ качествѣ предсѣдателя Общества любителей наукъ на торжественномъ его собраніи 3 мая 1831 года произнесъ рѣчь въ воспоминаніе польской консистиціи 1791 года, а въ качествѣ секретаря сената, онъ составилъ актъ объ упраздненіи польскаго престола, объ удаленіи съ него государя и его августѣйшихъ наслѣдниковъ, объявляя въ немъ, что присяга, данная на вѣрность монарху, уничтожается. Подобныя же подробныя свѣдѣнія находятся и о другихъ членахъ Общества любителей наукъ, участвовавшихъ въ революціи; за то о членахъ, не прикосновенныхъ къ ней, читаемъ такія лаконическія, но характерныя замѣтки: „Симонъ Жуковскій, профессоръ Вилевскаго университета, еврейскаго языка; будетъ участвовать въ революціи, когда евреи что предпримутъ“; „Николай Мяновскій, докторъ медицины въ Вильвѣ, деканъ медицинскаго факультета, акушеръ; человекъ, любящій деньги и ихъ имѣющій, слѣдовательно спокойный“.

Какъ состоящіе при Канцеляріи генераль-губернатора, эти архивы повѣдомственны Министерству Внутреннихъ дѣлъ. Изъ другихъ большихъ Варшавскихъ архивовъ къ тому же вѣдомству можно отнести *Архивъ городского магистрата*. Въ немъ сосредоточены бумаги по городскому управленію и благоустройству; поземельныя и строительныя каждой отдѣльной недвижимости; инженерныя, полицейскія, судебныя, училищныя, театральныя, госпитальныя, монастырскія, фабричныя, мостовыя, страхованія, назначенія на службу, статистическія, и проч. Бумаги идутъ со времени учрежденія царства, но еще недавно хранились въ немъ касающіяся города и его жителей королевскія грамоты, привилегіи, постановленія, городскія описи и др. болѣе древніе документы, начиная съ 1376 года. Всѣ эти акты, съ 1376 до 1815 г., въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ номеровъ, переданы теперь (1893 г.) въ Архивъ древнихъ актовъ при Варшавской Судебной палатѣ; изъ нихъ остается лишь громаднѣйшій, замѣчательный планъ Варшавы 1762 г., изготовленный по повелѣнію короля Августа III

инженеромъ Тирегайлемъ и послужившій основой и образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ плановъ Варшавы. Нами сдѣланъ съ него снимокъ мѣстности, гдѣ некогда была Варшавская усыпальница царя Шуйскаго, а теперь находятся 1 мужская гимназія и памятникъ Коперника.

Канцеляріи же генераль-губернатора и Министерству Внутреннихъ дѣлъ подвѣдомственны духовныя дѣла инославныхъ исповѣданій — римско-католическаго и протестантскихъ. У этихъ исповѣданій важнѣйшіе архивы консисторій и нѣкоторыхъ храмовъ. Варшавская Католическая епархія получила самостоятельность только при русскомъ господствѣ въ краѣ, 1818 г.; тѣмъ не менѣе въ архивѣ ея консисторіи, кромѣ документовъ съ этого времени, имѣются акты изъ періода принадлежности епархіи къ епископіямъ познанской и гнѣзненской. Документы прошлыхъ вѣковъ переплетены большими книгами, до 1,000 листовъ въ каждой, и такихъ томоновъ до XIX в. 100 слишкомъ; самый древній документъ — Ловичской офиціи 1470 года. Всѣхъ книгъ и дѣлъ около 4,500. По содержанию своему они относятся къ церковному управленію и суду, къ церковному строительству и т. п.; нѣкоторыя изъ судебныхъ дѣлъ имѣютъ бытовой интересъ. По занимающему меня вопросу — исторіи мѣста бывшей Варшавской усыпальницы Шуйскихъ — я нашелъ здѣсь документы XVII, XVIII и первой четверти текущаго вѣка. *Архивъ капитула катедральнаго костела св. Яна* хранитъ документы съ конца XIV вѣка. Въ *Архивѣ костела св. Иосифа Обручника*, на Краковскомъ предмѣстьѣ, я встрѣтилъ записи съ 1670 г. именъ членовъ Рожанцоваго братства, бывшаго при Варшавской Московской каплицѣ. *Архивъ Евангелико-Лютеранской Консисторіи* заключаетъ дѣла съ 1818 года и нѣсколько томовъ изъ второй половины прошлаго вѣка. Здѣсь, между прочимъ, нашелъ я документы о гостынской нѣмецко-лютеранской церкви, выстроенной въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія и стоящей на развалинахъ королевскаго замка, въ которомъ жилъ, померъ и былъ первоначально погребенъ православно-русскій государь, царь Василій Івановичъ Шуйскій. — Бывшее прежде общимъ со всѣми протестантами, съ 1849 г. управленіе реформатскими церквами въ краѣ было выдѣлено въ особое, и съ той поры соответственные документы по текущему дѣлопроизводству о реформатахъ сдаются въ *Архивъ Евангелико-Реформатской консисторіи*. Такимъ образомъ, документовъ о бурномъ протестантскомъ движеніи, охватывавшемъ Польшу во второй половинѣ XVI в. и отчасти продолжавшемся въ XVII в., совсѣмъ уже не сохранилось въ архивахъ Варшавскихъ протестантскихъ учреждений.

Православная епископская каедрa, состоящая въ вѣдѣніи св. Синода, получила свое существованіе въ Варшавѣ въ 1834 году. Кромѣ соответственныхъ документовъ съ этого времени, въ *Архивѣ Варшавской Православной консисторіи* находятся также ранніе акты о бывшихъ дотолѣ въ Царствѣ Польскомъ православныхъ и униатскихъ церквахъ, монастыряхъ и духовенствѣ; большая часть этихъ раннихъ актовъ принадлежала прежде Правительственной Комиссіи духовныхъ дѣлъ, откуда передано было сюда 113 томовъ, и начинаются они съ 1807 года. Изъ православныхъ церквей въ Варшавѣ самая старшая *Свято-Троицкая* на Подвальной улицѣ, основанная въ концѣ прошлаго вѣка торговыми греками; въ ея *архивѣ* я нашелъ записи 1796 года, отъ времени, когда данная церковь стояла еще на другомъ мѣстѣ. Сохраняющіяся въ ней метрическія записи даютъ возможность судить о первоначальномъ составѣ прихожанъ и о духовныхъ лицахъ, служившихъ и исправлявшихъ въ ней требы. Большая часть метрическихъ записей до времени подчиненія церкви св. Синоду велась на двухъ языкахъ, русскомъ и польскомъ; русскими священниками, служившими въ ней въ эпоху покоренія Варшавы и учрежденія царства, онѣ писались обыкновенно на одномъ русскомъ. Къ ея приходу нынѣ принадлежатъ, между другими, Управленіе Учебнаго Округа и университетскіе профессора и студенты.

Архивъ Управленія Учебнаго Округа заключаетъ въ себѣ часть бумагъ бывшей Правительственной Комиссіи народнаго просвѣщенія, главная же масса документовъ начинается въ немъ со времени, когда народное образованіе было выдѣлено (1839 г.) изъ Правительственной Комиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ дѣлъ и, подъ именемъ Варшавскаго Учебнаго Округа, подчинено русскому Министерству Народнаго Просвѣщенія; въ эпохи комиссіи цѣльнѣе сохраняются бумаги относительно Александровскаго университета съ учебно-вспомогательными при немъ учрежденіями и Королевскаго Варшавскаго Общества Любителей наукъ и его дома, послѣднія съ 1808 года. Всѣхъ отдѣльныхъ дѣлъ въ Архивѣ ок. 5,000, приблизительно въ 22,000 томахъ. *Архивъ Университета* удерживаетъ, кромѣ бумагъ дѣлопроизводства въ университетскихъ Совѣтѣ, Правленіи и Канцеляріи, документы бывшей Императорско-Царской Медико-Хирургической Академіи, съ 1857 года. *Архивы гимназій и реальныхъ училищъ* содержатъ въ себѣ бумаги, обыкновенно, со времени преобразованія или основанія этихъ учебныхъ заведеній, т. е. съ 60—70-хъ годовъ текущаго столѣтія.

Въ военномъ вѣдомствѣ важнѣйшій въ Варшавѣ архивъ — *Архивъ Штаба Варшавскаго Военнаго Округа*. Онъ хранитъ бумаги Канцеляріи цесаревича в. кн. Константина Павловича (съ 1814 года—это самыя старыя здѣсь бумаги), Канцеляріи главно-командовавшихъ Дѣйствующей, Западной, Средней и 1-й арміями (съ 1830 г.), польскаго революціоннаго правительства 1831 г., Штаба Командовавшаго войсками въ Варшавѣ и окрестностяхъ (съ 1861 г.), Военно-Судной Канцеляріи, Комитета о пособіи раненымъ, Управленія госпиталями, о военныхъ церквахъ и духовенствѣ, Комиссаріата, Комиссіонерства, Интендантскаго управленія и т. п.; указы и приказы и проч. Но дѣла бывшей Правительственной Военной Комиссіи (министерства) хранятся, какъ было уже упомянуто, въ Архивахъ при Канцеляріи Генералъ-Губернатора. Всѣхъ дѣлъ въ Архивѣ Штаба около 70,000.

Противъ обычныхъ ожиданій, весьма богатымъ старыми документами, а самыми древними даже болѣе богатымъ всѣхъ названныхъ уже вѣдомствъ, оказывается въ Варшавѣ вѣдомство Министерства финансовъ. У *Варшавской Казенной Палаты два архива*. Въ одномъ хранятся дѣла самой Казенной палаты, съ года учрежденія ея (1869 г.). Но при ней имѣется еще несравненно большій архивъ, такъ называемый *Архивъ бывшаго финансоваго въ царствѣ Польскомъ управленія*. Его составляютъ акты разныхъ, преимущественно высшихъ, финансовыхъ учреждений не только Царства Польскаго, но и Варшавскаго герцогства и Польскаго королевства, съ XVI вѣка до 1869 года, т. е. до установленія въ Привислинскихъ губерніяхъ казенныхъ палатъ. Самый обширный разрядъ представляютъ дѣла бывшей Правительственной Комиссіи финансовъ, раздѣленные на нѣсколько отдѣловъ: окладныхъ сборовъ, неокладныхъ сборовъ, государственныхъ имуществъ, секретаріата и др. Затѣмъ важны дѣла Монетнаго двора, Польскаго банка, Горнаго департамента, Ликвидационной Комиссіи, Правительственной Комиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ дѣлъ о перешедшихъ въ казну подуховныхъ имуществъ, Комиссіи погашенія долговъ царства Польскаго и нѣкоторые другіе болѣе мелкіе отдѣлы. Наибольшій научно-историческій интересъ въ настоящее время вызываетъ отдѣлъ, носящій названіе „Старопольскаго архива“. Древніе акты его относятся къ послѣднимъ годамъ XV вѣка; хронологія его заканчивается послѣдними годами XVIII столѣтія и лишь немногія дѣла были присоединены къ нему изъ начала XIX столѣтія. Какъ ни много потерпѣлъ и понесъ онъ ущербовъ, въ немъ заключается болѣе 3,000 томовъ почти исключительно рукописныхъ актовъ. Это почти все относящіяся къ „Коровному скарбу“ акты юридическіе, сборныя книги, счета и расчеты государственныхъ сборовъ и расходовъ на войска и войны, дѣла по разнымъ видамъ податей и пошлинъ — таможенныя, гербовыя, на табакъ, на игральныя карты, на фабричныя издѣлія, подымныя, мостовыя, реестры все-

общей поголовной падали и проч., документы, касающіеся имущества, назначенныхъ на цѣли образованія (эдукаціонной комиссіи), монастырскихъ, коронныхъ, въ частности королевскихъ дворцовъ и замковъ — Краковскаго, Варшавскаго, Казиміровскаго, Гостынскаго и др. Какъ показатели экономической жизни не только польскихъ земель, но и Галицкой Руси и правобережной Малороссіи, матеріальной стороны польскихъ войнъ, между прочимъ, и съ Московскимъ государствомъ, весьма содержательны сеймовыя расчетныя книги о поступленіи и расходованіи податей (съ 1520 по 1749 г.), вѣдомости о доходахъ и расходахъ таможенъ, (въ томъ числѣ украинскихъ и юго-зап. русскихъ, съ начала XVI до второй половины XVIII вѣка); ревизіи, инвентари коронныхъ имѣній, въ томъ числѣ галицкихъ и украинскихъ земель—до 1792 г., инвентарныя описи королевскихъ имѣній начинаются съ 1494 года. Въ древнихъ сеймовыхъ расчетныхъ книгахъ находятся, между прочимъ, расчеты по веденію войны Польши съ Московскимъ государствомъ въ смутную эпоху и по содержанію плѣнныхъ царя Василя Ивановича Шуйскаго съ братьями и великихъ пословъ кн. Голицына и митрополита Филарета Никитича со свитой.

Но вѣдомство, самое богатое въ Варшавѣ старыми документами, — вѣдомство Министерства Юстиціи. Характеренъ *Архивъ Прокураторіи*, во многихъ своихъ частяхъ сборный, изъ дѣлъ другихъ архивовъ. Стоящіе же во главѣ мѣстныхъ судебныхъ учреждений, Судебная палата и Окружный судъ владѣютъ нѣсколькими архивами. *Архивъ Варшавскаго Окружнаго Суда* распадается на Архивъ дѣлъ прежнихъ судебныхъ установленій и на Архивъ дѣлъ Окружнаго Суда. Это самый многочисленный въ Варшавѣ Архивъ. Только въ одномъ его отдѣленіи, въ Архивѣ дѣлъ прежнихъ судебныхъ установленій, общее число дѣлъ, книгъ и нарядовъ значится 1.776,765 №№-овъ. Здѣсь находятся дѣла Высочайшаго Суда, Правительствующаго сената IX (гражданскаго) и X (уголовнаго) департаментовъ, Апелляціоннаго Суда, Суда простой полиціи, исправительныхъ (всѣхъ 16) Судовъ губерній Царства, Варшавскаго Гражданскаго трибунала, мировыхъ судовъ Варшавы и Варшавской губерніи, и т. п. Уголовныя дѣла начинаются съ 1809 г., гражданскія съ 1804 года; изъ временъ прусскаго и австрійскаго господства въ краѣ сохраняется также часть депозитовъ. Въ отдѣленіи Архива новыхъ дѣлъ, т. е. въ Архивѣ дѣлъ самаго Окружнаго Суда, считается болѣе 113,000 №№-овъ. Кромѣ того, при Окружномъ Судѣ имѣется особый *архивъ — ипотечный* гор. Варшавы. Книги недвижимостей начинаются въ немъ съ 1820 г., въ концѣ ихъ обыкновенно приложены оправдательные документы на землевладѣніе и относительно различныхъ денежныхъ обязательствъ.

Варшавская Судебная Палата имѣетъ два отдѣльныхъ архива. *Архивъ Судебной Палаты* хранитъ дѣла самой Палаты и бывшей Правительственной Комиссіи (министерства) Юстиціи. Другой Архивъ, носящій названіе *Главнаго Архива древнихъ актовъ при Варшавской Судебной Палатѣ*, является въ Варшавѣ дѣйствительно главнымъ, наиболѣе полнымъ и цѣльнымъ хранилищемъ древнихъ документовъ. Въ немъ, какъ значится и въ официальныхъ сообщеніяхъ, собраны акты минувшихъ столѣтій, по преимуществу съ 1400 до 1795 гт., и отчасти начала текущаго вѣка; небольшая доля принадлежитъ даже XIII—XIV вв. Самый ранній документъ относится къ 1215 году: это булла папы Инокентія III, которою онъ утверждалъ пожертвованія участковъ въ пользу Тевтонскаго ордена. Образовавшись изъ бывшаго Королевскаго задворнаго Архива, составлявшаго хранилище актовъ при главномъ управленіи края, и изъ бывшихъ губернскихъ архивовъ, находившихся въ различныхъ губерніяхъ отдѣльно, Архивъ хранитъ дѣла учреждений, бывшихъ для всей страны, и провинціальныхъ, имѣвшихся отдѣльно въ каждой землѣ, воеводства, департаментѣ или губерніи. Изъ метрическихъ дѣлъ государственной канцеляріи удерживаются части коронной метрики, части (въ

копій) литовской метрики и сгиллаты съ заключающимися въ нихъ жалованными грамотами, привилегіями, актами дарственными, учредительными, поземельными, возведенія въ дворянское достоинство, признанія титуловъ, приказами о назначеніи на высшія должности и проч.; по количеству наибольшее богатство—въ книгахъ древнихъ польскихъ судовъ: королевскихъ, коронныхъ трибуналовъ петроковскаго и люблинскаго, сеймовыхъ, маршалковскаго, высшаго духовнаго, дѣла котораго рѣшались папскимъ пуціемъ, Скарбовой Комиссіи, каптуровыхъ (во время междуцарствія) и др. центральныхъ судебныхъ учреждений, судовъ гродскихъ, земскихъ и подкоморскихъ; акты сеймовъ и генеральныхъ конфедерацій; акты и книги комиссій адукаціонной, войсковой, финансовой и др.; дѣла судовъ времени прусскаго и австрійскаго господства въ краѣ, съ заводимыми тогда ипотечными книгами; грамоты и акты, сдаваемые частными лицами и касающіеся преимущественно родословія, правъ на дворянство, на титулы и проч.; акты отдѣльныхъ монастырей, церковей, мѣстечекъ, городовъ и въ особенности Варшавы, и т. п. Здѣсь, между прочимъ, нашель и читаль я королевскія грамоты XVII в. о пожалованіи Варшавской усыпальницы Шуйскихъ и сосѣдней съ нею земли монахамъ доминиканамъ обсервантамъ и описи и измѣренія XVII — XVIII вв. Варшавскихъ недвижимостей, въ томъ числѣ и доминиканской. Всѣхъ актовыхъ книгъ, дѣлъ, связокъ, свертковъ, грамотъ и проч., по отчету 1893 г. числилось 87,401 — №№ овъ; теперь ихъ нѣсколько болѣе.

Необычайная сложность и разнохарактерность документовъ, хранящихся въ варшавскихъ архивахъ, произошли отъ того, что въ важнѣйшія изъ этихъ хранилищъ сдавались и сдаются бумаги учреждений, существовавшихъ или существующихъ какъ въ Варшавѣ, такъ и въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ края. По введеніи судебной реформы въ 1876 г., главные варшавскіе архивы вѣдомства Министерства Юстиціи приняли въ себя архивы прежнихъ судебныхъ установлений. Главный архивъ древнихъ актовъ при судебной палатѣ въ ближайшіе за реформой годы почти утроился: съ 30,282 №№-овъ, бывшихъ въ немъ въ 1876 г., онъ къ концу 1893 г. возросъ до 87,401 №, причемъ значительная доля ихъ доставлена изъ-за предѣловъ Варшавы. Въ Архивъ Варшавскаго окружнаго суда, самый многочисленный, свезены дѣла исправительныхъ судовъ всѣхъ 10 губерній края и т. п.

Вслѣдствіе всего этого, варшавскіе архивы содержатъ въ себѣ весьма богатый и разнообразный матеріалъ по быту и исторіи Привислянскаго края и ближайшихъ къ нему польскихъ и русскихъ земель, съ очень ранняго времени. Начинаясь съ 1215 года и въ небольшой долѣ принадлежа къ XIII и XIV в.в., документы идутъ довольно сплошной массой съ XVI вѣка, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе ихъ. За вѣка самостоятельности Польши они хранятся преимущественно въ трехъ архивахъ: 1) древнихъ актовъ при судебной палатѣ, 2) бывшихъ финансовыхъ учреждений царства при казенной палатѣ, и 3) католической консисторіи, затѣмъ въ разныхъ церковныхъ и нѣкоторыхъ другихъ. Со времени же учрежденія царства Польскаго и по настоящіе годы ими пополняются всѣ архивы, и ихъ приходится считать не десятками тысячъ №№-овъ, а многими милліонами. Поэтому безъ варшавскихъ архивовъ нельзя въ достаточной мѣрѣ узнать и изучать происшедшіе въ краѣ перемѣны въ государственномъ и особенно въ административномъ устройствѣ, видоизмѣнявшійся бытъ сословій, городовъ и селеній, права разныхъ дворянскихъ и недворянскихъ родовъ и лицъ, экономику, просвѣщеніе и нравственность, жизнь общественную и домашнюю, жизнь церковно-религіозную, историческую географію и этнографію, въ частности жизнь и дѣятельность русскихъ и постепенное устройство края со времени присоединенія его къ Россіи, многіе изъ фактовъ и сторонъ взаимно-соотношеній между русскими и поляками на протяженіи послѣднихъ четырехъ вѣковъ. Въ однихъ скарбовыхъ книгахъ, хранящихся лишь въ архивѣ при казенной

палатъ, сколько данныхъ для уясненія русско-польскихъ войнъ, казацкихъ движеній, экономической жизни не только польскихъ земель, но и Галицкой Руси и правобережной Малороссіи. Какое вообще тутъ широкое поле для научной дѣятельности и историка и юриста!

Столь цѣнные сами по себѣ и въ научномъ отношеніи, эти архивы въ громадной своей части мало пригодны для непосредственныхъ практическихъ потребностей учреждений, при которыхъ они состоятъ. Не говоря уже объ измѣненіяхъ, какимъ подвергся строй мѣстной жизни въ концѣ минувшаго и началъ настоящаго вѣка, однѣ административныя, сословныя и судебныя реформы 60—70-хъ годовъ, прошедшія отъ Варшавскаго замка до деревенской хижины, отъ департаментовъ Сената до гмины, сдѣлали громадную массу прежнихъ официальныхъ бумагъ не примѣнимою къ современности. Справки по текущему дѣлопроизводству требуются обыкновенно по бумагамъ позднѣйшихъ лѣтъ, и преимущественно изъ періода послѣ последней реформы, и лишь сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ приходится обращаться къ бумагамъ лѣтъ до-реформенныхъ, и тѣмъ рѣже, чѣмъ старѣе документы; также только въ какихъ-либо исключительныхъ случаяхъ встрѣчается надобность обращенія къ бумагамъ, привезеннымъ изъ архивовъ стороннихъ. Естественно, что учреждения, обыкновенно интересующаясь своими архивами лишь настолько, насколько они надобны для нуждъ текущаго дѣлопроизводства, не могутъ иначе смотрѣть на нихъ, какъ на отдѣлы своей канцеляріи, и притомъ, въ данномъ случаѣ, наименѣе надобные. Подобное отношеніе и положеніе создало и поддерживаетъ въ архивахъ несоотвѣтственные для нихъ „канцелярскіе“ порядки, и, оказываясь отдѣлами канцелярій, какъ наименѣе надобными, архивы являются какими-то пасынками учреждений...

Необходима реформа, и реформа серіозная, существенная, конечно, съ принятіемъ во вниманіе того и въ согласіи съ тѣмъ, что признается или будетъ признано вообще полезнымъ для архивовъ въ Россіи.

Нѣкоторая работа въ данномъ направленіи и начата уже недавно надъ улучшеніемъ положенія и состоянія архивовъ Привислянскаго края, и мнѣ думается, что если пройдетъ общій проектъ реорганизациі архивнаго дѣла въ Россіи, мы будемъ подготовлены; задержится осуществленіе проекта,—у насъ работа будетъ двигаться, не только не мѣшая общему дѣлу, но и поддерживая его.

Объ актовыхъ книгахъ, относящихся къ исторіи Югозападнаго края и Малороссіи.

О. И. Левицкаго.

Эпоха продолжительнаго политическаго сожителства западно-русскихъ областей съ бывшимъ Литовскимъ государствомъ и затѣмъ съ Польшей завѣщала имъ одно несомнѣнно драгоцѣнное наслѣдство—въ видѣ колоссальной груды письменныхъ памятниковъ ихъ минувшей жизни, издавна уже служащихъ и еще на многіе и многіе годы имѣющихъ служить неисчерпаемымъ источникомъ для всесторонняго изученія ихъ прошедшей судьбы: разумѣемъ такъ называемыя древнія *актовыя книги* бывшихъ здѣсь нѣкогда судовъ—гродскихъ, земскихъ, трибунальскихъ, магистратскихъ и др. Чтобы судить о томъ, какъ безмѣрно велико въ количественномъ отношеніи это драгоцѣнное историческое наслѣдство, достаточно сказать, что въ настоящее время въ трехъ центральныхъ архивахъ: Кіевскомъ, Виленскомъ и Витебскомъ хранится свыше 32,000 актовыхъ книгъ, не включая въ это число Литовской и Коронной метрикъ, архива Люблинскаго трибунала и безчисленнаго количества разбросанныхъ по всевозможнымъ частнымъ и общественнымъ архивамъ отдѣльныхъ актовъ и документовъ, коихъ въ одномъ лишь Кіевскомъ Центральномъ архивѣ хранится около полумилліона. Что касается научной цѣнности актовыхъ матеріаловъ, намъ достаточно сослаться на многочисленныя уже и теперь и все еще растущія количественно изданія Кіевской и Виленской Археографическихъ Коммиссій и Витебскаго Центрального архива и хотя въ общихъ чертахъ припомнить ту массу цѣнныхъ вкладовъ, какую внесли въ русскую историческую науку труды названныхъ учреждений въ короткій сравнительно періодъ ихъ существованія. А нужно знать, что изъ всей подавляющей своей громадностью массы актовыхъ матеріаловъ по настоящее время подверглась научному разбору лишь незначительная часть. Такъ, изъ числа хранящихся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ безъ малаго шести тысячъ актовыхъ книгъ до сихъ поръ просмотрѣна едва ли и половина,—и это въ архивѣ, при которомъ существуетъ старѣйшая по времени учрежденія (съ 1843 года) археографическая коммиссія. Въ Виленскомъ Архивѣ, хранящемъ у себя свыше 24 тысячъ книгъ, сдѣлано и того менѣе.

Какъ ни велика въ количественномъ отношеніи та масса актоваго матеріала, какая сохранилась до нашего времени, мы не должны забывать, что гораздо бѣльшая масса ея—и

при томъ наиболѣе цѣнная, потому что она относилась къ болѣе отдаленному отъ насъ времени, — погибла безвозвратно среди политическихъ бурь и стихійныхъ бѣдствій минувшихъ вѣковъ. Этому нечего удивляться, если припомнить хотя въ общихъ чертахъ тѣ безчисленныя невзгоды, какія южная и западная Русь пережила въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій: татарскіе набѣги, козацкія и другія войны, народныя волненія, безчисленные пожары, и затѣмъ, что касается уже позднѣйшей эпохи, — наше исконное равнодушіе къ памятникамъ старины, благодаря которому еще за памяти нынѣ живущихъ поколѣній такъ много погибло остатковъ минувшей жизни. Принимая все это во вниманіе, приходится скорѣе удивляться тому, что актовыя книги не подверглись полному уничтоженію и что въ ту именно пору, когда, на примѣръ, монументальныя памятники русской старины въ западномъ краѣ безжалостно предавались истребленію, для храненія актовыхъ книгъ, напротивъ, были учреждены центральныя архивы. Своею сохранностью актывыя книги обязаны тому важному значенію, какимъ онѣ всегда пользовались въ польско-литовскомъ государствѣ, а затѣмъ, въ эпоху русскаго владычества — особенному правительственному вниманію, предметомъ котораго онѣ сдѣлались, съ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, вслѣдствіе нѣкоторыхъ исключительныхъ обстоятельствъ. *Habent sua fata libelli* — этотъ классическій стихъ всецѣло можетъ быть примѣненъ къ актывымъ книгамъ. Да, эти драгоцѣнныя памятники минувшей жизни въ теченіе трехвѣкового своего существованія сами пережили крайне интересную судьбу, полную всевозможныхъ превратностей. Припомнить ее хотя въ общихъ чертахъ — и составляетъ предметъ настоящаго доклада. Въ виду обширности, однако, этой темы, я долженъ сѣзуть ее предѣлы и буду имѣть въ виду исключительно судьбу актовыхъ книгъ Юго-Западнаго края и Малороссіи, оставляя въ сторонѣ болѣе многочисленную въ количественномъ отношеніи группу актовыхъ книгъ Сѣверозападнаго края, тѣмъ болѣе, что въ общихъ чертахъ судьба тѣхъ и другихъ книгъ одинакова.

Но прежде всего да будетъ позволено сказать хотя нѣсколько словъ о томъ, что такое актывыя книги, гдѣ онѣ впервые появились и съ какого времени ведутъ свое начало. Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ исторіей польско-литовскаго судоустройства.

Еще въ первой половинѣ XIV ст. въ Польшѣ, не безъ участія иноземныхъ вліяній, былъ выработанъ тотъ типъ и строй судебныхъ учреждений, который впослѣдствіи цѣлкомъ былъ перенесенъ въ Литовское государство и соединенныя съ нимъ западно-русскія земли и области. Судебная власть была раздѣлена между судами *городскими* (*judicia* или *officia castrensia capitanealia*) и *земскими* (*judicia terrestria*). Первые были органами собственно государственнаго, королевскаго суда и состояли подъ предсѣдательствомъ старостъ (*capitaneorum*), охранѣ которыхъ вѣрялись королевскіе замки (*castra*), вмѣстѣ съ военною и административною властью надъ тянувшею къ нимъ территорією (повѣтомъ); вторые являлись органомъ мѣстнаго шляхетскаго самоуправленія и состояли изъ членовъ (судьи, подсудка и писаря), избираемыхъ шляхтою изъ ея же среды. Первоначально каждый изъ этихъ судовъ имѣлъ особую сферу дѣйствія и особую компетенцію. Земскій судъ вѣдалъ преимущественно дѣла гражданскія и притомъ исключительно касавшіяся осѣдлой шляхты, т. е. землевладѣльцевъ даннаго повѣта; его сессіи (такъ называемыя *роки*, или *termini particulares*) были не что иное, какъ дворянскіе сѣзды, во время которыхъ разбирались всякаго рода гражданскіе искы и пограничныя споры между шляхтичами или между шляхтою и духовенствомъ, которое по своему обществу положенію также причислялось къ шляхетскому сословію; сверхъ того, земскій судъ санкционировалъ всякаго рода сдѣлки, соглашенія и договоры, касавшіяся недвижимыхъ

имуществомъ, и потому всѣ подобнаго рода документы вносились въ земскія актовыя книги. Судъ городскій преимущественно вѣдалъ проступки уголовныя. Впрочемъ, въ болѣе раннее время его компетенція и въ этомъ отношеніи была ограничена: ему подсудны были лишь слѣдующіе *quatuor articuli iudicii castrensis: pro violentia faeminarum, pro depraedatione stratae publicae, pro incendio et immissione ignis, pro violenta domicilli invasione alicujus*¹⁾, но это ограниченіе касалось лишь осѣдлыхъ шляхтичей, которые могли подлежать городскому суду лишь по обвиненію въ одномъ изъ названныхъ преступленій; что же касалось лицъ непри-вилегированныхъ и даже шляхты служилой, то они могли быть позываемы въ этотъ судъ по всякимъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. Съ теченіемъ времени сфера дѣятельности суда городского и земскаго все болѣе смѣшивалась, и въ XVI ст. это смѣшеніе достигло такихъ предѣловъ, что во многихъ случаяхъ даже профессиональные юристы не могли съ точностью опредѣлить, какому именно суду подсудно то или другое дѣло. Точно такъ же санкція имущественныхъ и другихъ сдѣлокъ и договоровъ, составлявшая раньше исключительную прерогативу земскихъ судовъ, съ теченіемъ времени все чаще переходила въ руки городскихъ урядовъ, представлявшихъ для публики то важное удобство, что они постоянно были открыты, тогда какъ земскіе суды функционировали лишь въ опредѣленные сроки (*sessio*).

При всякомъ судѣ, городскомъ или земскомъ, существовали особыя книги (*acta*), куда первоначально вписывались лишь судебныя рѣшенія. Обычай этотъ, равно какъ и самыя формы записей, несомнѣнно были заимствованы поляками у западно-европейскихъ сосѣдей и прежде всего, быть можетъ, у чеховъ, которыхъ древніе судебныя порядки и обычаи такъ близки во многомъ съ польскими. Съ давнихъ временъ установился обычай, рядомъ съ декретами, вписывать въ актовыя книги всякаго рода условія, договоры и обязательства частныхъ лицъ; далѣе, сюда же вносились королевскія жалованныя грамоты и привилегіи, сеймовыя конституціи, уставы о налогахъ, люстраціи королевскихъ имѣній и другіе документы частнаго и государственнаго характера. Еще въ концѣ XV и въ началѣ XVI ст. въ Польшѣ вновь издавались или подтверждались старыя постановленія, направленные къ тому, чтобы по возможности точно опредѣлить, какого рода документы должны быть вносимы въ тѣ или другія актовыя книги. Такъ король Янъ Альбрехтъ въ 1496 г. издалъ распоряженіе, чтобы тѣ записи, которыя по закону подлежали внесенію въ земскія книги, но *ex causa aut necessitate* не надлежаще были вписаны въ городскія, въ теченіе годичнаго срока были перенесены въ надлежащія, т. е. въ земскія актовыя книги, въ противномъ случаѣ эти записи должны были потерять законную силу²⁾. Король Александръ въ 1505 году назначилъ даже значительный штрафъ для взысканія съ нарушителей означеннаго постановленія³⁾, но и это не помогло, и его преемникъ король Сигизмундъ I былъ вынужденъ уступить силѣ обычая и предоставить городскимъ урядамъ то же полномочіе относительно приѣма въ свои книги всякаго рода записей, какое до того времени *de jure* принадлежало лишь урядамъ земскимъ⁴⁾.

Придавая важное значеніе актовымъ книгамъ, правительство съ давнихъ временъ принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы обезпечить ихъ полную сохранность. Особеннымъ вниманіемъ и заботливостью пользовались земскіе акты, назначеніе которыхъ въ тѣ времена было несравненно важнѣе городскихъ. Еще въ 1420 году было узаконено, что актовыя земскія книги постоянно должны храниться подъ тремя замками, ключи отъ которыхъ находились у

1) Volum. Legum, I, 78, 250, 257.

2) Volum. Leg. I, 257.

3) Ibid. I, 326.

4) Ibid. I, 369, 391, 563.

воеводы, судьи и писаря¹⁾. Ихъ открывали лишь во время земскихъ сессій, которыя въ иныхъ воеводствахъ происходили четыре раза въ годъ, въ другихъ шесть разъ и болѣе. Гродскія актыя книги до конца XV ст. оберегались съ меньшею заботливостію и потому чаще подвергались всякаго рода случайностямъ. Такъ какъ гродовыя староства обыкновенно жалуеты были въ награду за государственныя заслуги, то нерѣдко случалось, что, по смерти старосты, его наслѣдники, признавая веденныя при немъ актыя книга частною его собственностію, присваивали ихъ, держали въ своихъ домахъ, затрудняли выдачу урядовыхъ изъ нихъ выписей и требовали большую плату съ тѣхъ, кто въ этомъ имѣлъ надобность. Этимъ злоупотребленіямъ положенъ былъ конецъ лишь при королѣ Янѣ Альбрехтѣ, издавшемъ въ 1496 году законъ, въ силу котораго, въ случаѣ смерти старосты или оставленія имъ должности, актыя гродскія книги должны быть немедленно отобраны и сложены въ ратушѣ, въ особыхъ сундукахъ подъ тремя замками, ключи отъ которыхъ хранились бы у воеводы, земскаго судьи и новаго старосты, и чтобы всѣ старыя актыя гродскія книги, по отобраніи отъ частныхъ лицъ, были хранимы, какъ и земскія, и открываемы лишь въ опредѣленные сроки для справокъ и выдачи изъ нихъ выписей²⁾. Впослѣдствіи ближайшая обязанность хранить и содержать въ порядкѣ гродскіе акты была возложена на реентовъ гродскихъ канцелярій, которые, живя постоянно при гродѣ, были обязаны во всякое время принимать и вписывать въ книги всякаго рода заявленія и документы и выдавать выписи.

Чтобы покончить съ польскими актыями книгами, во всемъ послужившими образцомъ для такихъ же книгъ западно-русскихъ, замѣтимъ, что древнѣйшими изъ нихъ считаются Краковскія, сохранившіяся отъ 1386 года, и Бѣчскія³⁾—отъ 1382 года. Не забудемъ, что въ составъ Польскаго государства въ XIV—XV вв. вошли многія южно-русскія княжества, области и земли, въ которыхъ за тѣмъ введено было польское право со всѣми ему обычными формами и порядками судоустройства и дѣлопроизводства. Въ нихъ также велись актыя книги (на латинскомъ языкѣ, а съ половины XVI ст. и на польскомъ), въ значительномъ числѣ сохранившіяся до нашего времени. Вотъ краткій перечень ихъ:

Холмскія	—	гродскія	съ	1402	года,	земскія	съ	1428	года.
Львовскія	„	„	„	1471	„	„	„	1454	„
Галицкія	„	„	„	1512	„	„	„	1435	„
Перемышльскія	„	„	„	1462	„	„	„	1436	„
Преворскія	„	„	(нѣтъ)		„	„	„	1437	„
Саноцкія	„	„	„	1423	„	„	„	1540	„
Жидачовскія	„	„	„	1649	„	„	„	1557	„
Теребовльскія	„	„	„	1533	„	„	„	1648	„
Белзскія	„	„	„	1503	„	„	„	1439	„
Бузскія	„	„	„	1499	„	„	„	1774	„

Всѣ эти книги (за исключеніемъ Холмскихъ, хранящихся въ Виленскомъ Центральномъ архивѣ) нынѣ хранятся въ Львовѣ, въ такъ называемомъ Бернардинскомъ Архивѣ. Къ нимъ же надо причислить и хранящіяся въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ: Каменецъ-Подольскія актыя книги: гродскія, сохранившіяся лишь съ 1625 г., земскія съ 1521 г. и магистратскія—съ 1520 г.

¹⁾ Volum. Leg. I, 76.

²⁾ Ibidem, I, 278—279.

³⁾ Бѣчи—городъ въ Краковскомъ воеводствѣ.

Въ Литовскомъ государствѣ земскіе и городскіе суды, по образцу польскихъ, введены повсемѣстно лишь со времени изданія 2-го Литовскаго Статута, т. е. съ 1566 года, до того же времени представителями судебной власти великаго князя въ различныхъ земляхъ были воеводы, намѣстники и старосты, производившіе судъ при участіи мѣстныхъ князей, пановъ, бояръ, а кое-гдѣ и мѣщанъ. Такъ какъ судъ этотъ производился въ замкѣ центральнаго города данной области, то, въ отличіе отъ другихъ присудовъ, онъ носилъ наименованіе суда „замковаго“. Со времени изданія 1-го Литовскаго Статута въ 1529 г. судъ этотъ повсемѣстно получилъ опредѣленное устройство. Тогда же состоялось и первое въ Литвѣ законодательное предписаніе относительно веденія въ замковыхъ судахъ актовыхъ книгъ¹⁾, но на дѣлѣ во многихъ мѣстахъ онѣ велись и раньше этого узаконенія, какъ это видно изъ несомнѣнныхъ фактовъ, на которые будетъ указано ниже. Статутъ, слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ не создалъ новаго, а лишь узаконилъ и оформилъ то, что практиковалось и раньше. Съ увѣренностью можно утверждать, что юридическая письменность въ Литовско-русскомъ государствѣ еще въ XV в. получила широкое развитіе и распространеніе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ прежде всего разнаго рода записи, духовницы и другіе юридическіе документы частнаго характера (на западно-русскомъ языкѣ), въ значительномъ числѣ дошедшіе до насъ въ подлинникахъ или въ позднѣйшихъ копіяхъ съ XV вѣка. Изучая ихъ, мы видимъ, что они составлены по опредѣленнымъ, почти шаблоннымъ формамъ, выражены однообразнымъ языкомъ и стилемъ, пользуются одинаковыми, видимо общепринятыми юридическими терминами, — изъ чего мы вправѣ заключить, что процессъ выработки западно-русскаго языка въ смыслѣ его приспособленія для юридическаго употребленія уже въ то время достигъ извѣстнаго развитія. Далѣе, если мы раскроемъ древнѣйшую изъ дошедшихъ до насъ литовскую актовую книгу, напримѣръ цѣликомъ изданную Виленской Археограф. Коммиссіей книгу Гродненскаго замковаго суда 1539 года, то мы невольно поражаемся тѣмъ обстоятельствомъ, что въ рѣдкомъ дѣлѣ истецъ или отвѣтчикъ не представлялъ, въ подтвержденіе своихъ домогательствъ, подлинныхъ документовъ, т. е. разнаго рода „листовъ“ — купчихъ, долговыхъ, раздѣльныхъ, заставныхъ, вѣновныхъ, „тестаментовъ“, что свидѣтельствуетъ о широкомъ распространеніи юридической письменности среди различныхъ классовъ тогдашняго общества, и при томъ не только въ западно-русскихъ земляхъ, но и въ областяхъ съ кореннымъ литовскимъ населеніемъ. А если эта письменность уже въ началѣ XVI ст. была повсемѣстно распространена въ Литовскомъ государствѣ и достигла извѣстнаго технического совершенства, то можно ли допустить, чтобы судопроизводство того времени и даже предшествовавшаго (XV в.) могло обходиться безъ письменныхъ протоколовъ, т. е. актовыхъ книгъ? Естественно полагать, что веденіе такихъ книгъ первоначально возникло въ западно-русскихъ и южно-русскихъ областяхъ, гдѣ сохранилась давняя культура и привычка къ письму, а затѣмъ этотъ обычай могъ распространиться и въ земляхъ чисто литовскихъ: иначе нельзя объяснить того факта, что къ половинѣ XVI ст. (время, отъ котораго мы уже имѣемъ актовыя книги изъ разныхъ областей Литовско-русскаго государства) актовая письменность достигла значительнаго технического совершенства и единообразія на всемъ пространствѣ Великаго Княжества Литовскаго.

На территоріи нынѣшняго Югозападнаго края веденіе актовыхъ книгъ началось не одновременно, какъ не одновременно было учрежденіе здѣсь въ разныхъ мѣстахъ тѣхъ или иныхъ судовъ. Конечно, древнѣйшіе судебные уряды должны были возникнуть въ центральныхъ городахъ данной земли, каковы, напримѣръ, Кіевъ и Луцкъ, а затѣмъ уже она учреждалась

¹⁾ Лит. Стат. 1529 г. раздѣлъ 6, § 3.

и въ повѣтовыхъ городахъ. Нынѣшній Югозападный край къ концу XV и началу XVI в. состоялъ изъ трехъ воеводствъ: Кіевскаго, Волинскаго и Подольскаго, къ которымъ впоследствии было присоединено учрежденное въ 1566 году воеводство Брацлавское. Подольское воеводство, какъ было уже упомянуто, принадлежало въ то время не къ Литвѣ, а къ Польшѣ, и въ г. Каменцѣ городскіе и земскіе суды были открыты еще въ первой половинѣ XV ст.; но до насъ дошли акты книги Каменецъ-Подольскаго земскаго суда лишь съ 1521 года и магистратскаго—съ 1520 года: это самыя древнія книги въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ; городскія же Каменецкія книги уцѣлѣли только съ 1625 года. Изъ повѣтовыхъ городовъ Подольскаго воеводства только въ Летичевѣ существовали суды: городскій, учрежденный въ 1581 году ¹⁾, и земскій—въ 1641 г. ²⁾; но акты книги этихъ судовъ уцѣлѣли: городскія съ 1663 г. и земскія съ 1721 года.

Въ Волинскомъ воеводствѣ замковыя (впоследствии городскіе), а съ 1566 года и земскіе суды существовали въ трехъ повѣтахъ: въ Луцкомъ, Кременецкомъ и Владимирскомъ. Въ Луцкѣ, какъ главномъ („столечномъ“) городѣ Волинской земли, когда-то резиденціи Литовскихъ князей Витовта, Свидригайла, безъ сомнѣнія, существовалъ самый старинный замковый судъ, отдѣльные декреты котораго („листы судовые“) по частнымъ дѣламъ дошли до насъ съ XV ст., но акты книги этого суда сохранились лишь съ 1558 года. Однако мы имѣемъ документальное свидѣтельство, что еще въ 1638 году въ Луцкомъ городскомъ архивѣ хранились „старыя“ книги мѣстнаго замковаго суда, „почавши одъ року 1522 ажъ до року 1566-го“ ³⁾. И точно, имѣются старинныя официальныя „выписи съ книгъ замку Луцкого“, или „выписи съ книгъ судовыхъ старосты Луцкого“ 1547, 1537 и др. годовъ ⁴⁾, а въ IV томѣ „Archiwum książąt Lubartowiczów-Sanguszków w Sffawucie“, подъ № CCV, помѣщена такая выпись отъ 12 марта 1520 года. Въ Кременцѣ и Владимирѣ замковыя книги должны были вестись, по крайней мѣрѣ, съ 1529 года, когда это было предписано Лит. Статутомъ; но Кременецкія книги сохранились (и то въ крайне испорченномъ видѣ) лишь съ 1542 года, а Владимирскія съ 1566 года, хотя документальныя выписи изъ этихъ послѣднихъ книгъ извѣстны съ 1541 года ⁵⁾.

Относительно Кіева имѣется документальное свидѣтельство, что здѣсь еще въ XV ст. велись замковыя книги, куда вносились не только судебныя рѣшенія, но и вписывались для памяти частными лицами жалованныя королевскія грамоты; но эти книги сгорѣли въ 1482 г., при пожарѣ Кіевскаго замка, во время Менгли-Гиреева разоренія ⁶⁾. Къ сожалѣнію, и болѣе позднія акты книги, городскія и земскія, какія велись въ Кіевѣ въ XVI и первой половинѣ XVII ст., погибли безъ остатка въ эпоху войнъ Хмельницкаго, такъ что собственно Кіевскихъ актовъ книгъ не дошло до насъ ни одной. Съ тѣхъ поръ Кіевъ навсегда былъ

¹⁾ Vol. Legum II, f. 1016.

²⁾ Vol. Leg. IV, f. 27.

³⁾ Въ означенномъ году повѣренный п. Андрея Фирлея жаловался на Луцкаго старосту и городскаго писаря, что они держатъ запечатанныя старыя акты книги и не позволяютъ дѣлать въ нихъ справки и требовать выписей. Актовая книга Кіев. Центр. Архива № 2833, л. 833.

⁴⁾ Такія выписи можно видѣть, наприм., въ Архивѣ Юго-зап. Россіи. Часть I т. 6, № XX; Archiw. Sang. т. I, № LVI.

⁵⁾ Archiw. Sanguszków, т. IV, № CCXXII.

⁶⁾ Такъ можно думать, основываясь на одной грамотѣ кор. Александра Брацлавскому землевладѣ Мокію Житкевичу, въ которой говорится, что дѣдъ Житкевича выслужилъ у князя Витовта имѣнія на р. Тясминѣ, и были на то „листы продковъ нашихъ“, но погибли при Татарскомъ нападеніи, а „якъ замокъ Кіевскій агорѣлъ“, то и „записи замковыя“ тѣхъ листовъ были истреблены. Грамота эта находится въ актовой книгѣ Кіев. Центр. Архива № 4607, листъ 52. Текстъ ея напечатанъ въ „Кіевской Старинѣ“ 1896 г., октябрь, стр. 2. Подобныя ссылки на проважу документовъ во время пожара Кіевскаго замка въ 1482 г. встрѣчаются и въ другихъ грамотахъ.

потерянъ для Польши, и въ немъ исчезли прежніе городскіе и земскіе суды; для той же части Кіевскаго повѣта, которая осталась въ предѣлахъ Рѣчи-посполитой, такіе суды учреждены были въ Житомирѣ, гдѣ и велись до конца XVIII ст. городскія и земскія книги, по-прежнему, какъ и самыя суды, именовавшіяся *Кіевскими*.—Въ томъ же Житомирѣ, какъ повѣтовомъ городѣ Кіевскаго воеводства, издавна велись свои—сначала замковыя, а потомъ городскія и земскія—книги, но онѣ неполна сохранились лишь съ 1582 года; древнѣйшая же выпись изъ замковыхъ Житомирскихъ книгъ, каковая намъ извѣстна, относится къ 1559 году¹⁾.—Третій городъ въ Кіевскомъ воеводствѣ былъ въ Овручѣ. Акты его дошли до насъ неполна лишь съ 1678 года, хотя городъ и актовыя книги здѣсь заведены еще въ 1566 году²⁾.

Брацлавское воеводство, какъ мы упомянули, было учреждено лишь въ 1566 году. Скоро послѣ того въ Брацлавѣ были открыты городскія и земскія суды, но въ 1598 г., по причинѣ частыхъ татарскихъ набѣговъ, переведены въ Винницу, которая съ тѣхъ поръ стала считаться какъ бы столицей воеводства. Актовыя книги этого воеводства дошли до насъ лишь съ 1639 года.

Кромѣ замковыхъ, городскихъ и земскихъ книгъ, составляющихъ главное содержаніе Кіевскаго Центрального Архива, въ немъ хранятся также актовыя книги подкоморскія, магистратскія и ратушныя. Подкоморскій урядъ имѣлъ своей функціей разборъ на мѣстѣ пограничныхъ земельныхъ споровъ, повѣрку старыхъ и установку новыхъ межевыхъ знаковъ и т. под. Законодательнымъ порядкомъ этотъ урядъ повсемѣстно учрежденъ въ областяхъ бывшаго Литовскаго княжества лишь при изданіи третьяго Статута (1588 г.), но на Волыни, напрямѣръ, онъ функционировалъ уже въ 1578 году³⁾, а отъ 1584 года сохранилась даже актовая книга Кіевскаго подкоморскаго суда. Такіе суды существовали въ каждомъ повѣтѣ, но ихъ актовыя книги сохранились въ самомъ незначительномъ числѣ: въ нашемъ Архивѣ имѣются лишь 3 книги Кіевскаго подкоморскаго суда, 9 Луцкаго и 1 Каменецъ-Подольскаго. Почти такъ же скудно сохранились магистратскія и ратушныя книги. Онѣ велись въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, которые пользовались Магдебургскимъ правомъ. Такихъ городовъ было очень много въ Югозападномъ краѣ; многіе изъ нихъ, какъ Кіевъ, Житомиръ, Луцкъ, Кременецъ, Владимиръ, Хмельникъ и др., получили это право еще въ XV ст., а Каменецъ-Подольскій въ XIV ст. Въ послѣдующіе вѣка Магдебургское право щедро раздавалось даже владѣльческимъ мѣстечкамъ. Судя по аналогіи съ польскими магдебургіями, можно думать, что во всѣхъ магистратахъ и ратушахъ съ давнихъ поръ должны были вестись актовыя книги. Въ XVI—XVIII вв. онѣ несомнѣнно велись во всѣхъ магдебургіяхъ, а при магистратахъ большихъ городовъ, какъ въ Луцкѣ или Владимирѣ, велись книги—особо *войтовскія* и особо *бурми-стровскія*, выписи изъ которыхъ сохранились въ большомъ количествѣ; но самыя книги уцѣлѣли лишь въ немногихъ городахъ и мѣстечкахъ. Наиболѣе древнія изъ нихъ—книги Каменецъ-Подольскаго магистрата, сохранившіяся почти сполна съ 1520 года. Съ XVII вѣка имѣются въ ограниченномъ числѣ книги Дубенскаго и Ковельскаго магистратовъ, Барской и Олыкской городскихъ ратушъ, ратуши м. Выжвы и м. Ратва. Въ другихъ городахъ сохранилось едва по нѣскольکو книгъ за послѣдніе годы XVIII ст.

Для полноты нашего перечня слѣдуетъ еще упомянуть, что въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ хранится сверхъ того небольшое число актовыхъ книгъ: а) каптуровыхъ судовъ, учреждавшихся въ періоды *interregnum*, со дня смерти короля до избранія ему преемника, и

¹⁾ Она напечатана въ I томѣ 7-й части „Архива Юго-зап. Россіи“, стр. 57.

²⁾ Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VII, т. 2, стр. 365.

³⁾ См., наприм., актовую книгу Владимирскаго земскаго суда 1577—1579 г., № 926, л. 147 на обор.

въ теченіе этого времени замѣнявшихъ обычные суды въ цѣломъ воеводствѣ; б) комиссарскихъ рѣшеній по различнымъ дѣламъ; в) конфедератскихъ судовъ XVII и XVIII ст.; г) пограничныхъ судовъ того же времени; д) нѣсколько книгъ Люблинскаго трибунала; е) тарифныя и подымныя росписи. Наконецъ, сюда же случайно попали метрическія книги (XVIII ст.) нѣкоторыхъ католическихъ приходовъ, а также дѣла и книги уѣздныхъ и губернскихъ судебныхъ учреждений, открытыхъ послѣ присоединенія края, въ концѣ XVIII ст.

Таковъ составъ Кіевского Центрального Архива. Познакомимся теперь, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, съ содержаніемъ хранящихся въ немъ историческихъ матеріаловъ.

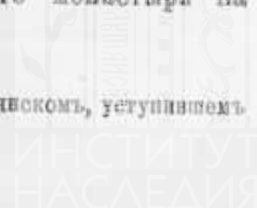
Всѣ актовыя книги, къ какимъ бы судебнымъ учреждениямъ ни принадлежали, представляютъ одни и тѣ же характерныя особенности въ расположеніи, формѣ и содержаніи заключающихся въ нихъ актовъ. Обыкновенно каждая книга назначалась для цѣлаго года, и въ нее изо дня въ день, въ порядкѣ мѣсяцевъ и чиселъ, вносились по извѣстной формѣ акты самаго разнообразнаго содержанія. Все, что въ теченіе извѣстнаго дня происходило въ данномъ судебномъ учрежденіи, — разборъ судебныхъ дѣлъ, приемъ жалобъ и разнаго рода заявленій, предъявленіе для внесенія въ книги самыхъ разнообразныхъ документовъ, — все это аккуратно протоколировалось въ актовой книгѣ. Такая безсистемность записей, при громадномъ ихъ количествѣ, представляла значительныя неудобства какъ для судебного учрежденія, такъ и для частныхъ лицъ, при производствѣ въ книгахъ необходимыхъ справокъ; поэтому въ судахъ большихъ городовъ уже въ XVI ст. стали вести не по одной, а одновременно по три актовыхъ книги, сообразно тремъ категоріямъ дѣлъ: такъ образовались актывыя книги *декретовыя*, *записовыя* и *поточныя*. Въ *декретовыя* книги вносились исключительно судебные протоколы уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ; онѣ велись только во время судебныхъ сессій, или „рочковъ“. Книги *записовыя* имѣютъ нѣкоторую аналогію съ современными нотаріальными книгами: всякаго рода соглашенія, договоры, обязательства имущественнаго или личнаго характера, чтобы получить силу безспорныхъ актовъ, должны были быть заявлены участниками передъ судомъ и внесены въ записовыя книги; сюда вносились записи: продажныя, арендныя, залоговыя, дарственныя, вѣновныя, всякаго рода долговыя обязательства, духовныя завѣщанія и т. под.; далѣе — сюда же вписывались: королевскія жалованныя грамоты и привилегіи, сеймовыя конституціи, постановленія повѣтовыхъ сеймиковъ и конфедерацій, уставы о налогахъ и пошлинахъ, переписи военныхъ земскихъ ополченій, люстраціи, инвентари и проч. — словомъ, всевозможнаго рода важныя и маловажныя акты и документы частнаго и общественнаго характера. Еще труднѣе опредѣлить точно въ немногихъ словахъ составъ и содержаніе *поточныхъ* актовыхъ книгъ. Въ нихъ вносились: жалобы истцовъ или потерпѣвшихъ и возраженія отвѣтчиковъ, свидѣтельскія показанія, осмотры и удостовѣренія возныхъ, ихъ реляціи о врученіи позвовъ, наконецъ — цѣлый рядъ всякаго рода личныхъ и корпоративныхъ заявленій, протестовъ и сообщеній по самымъ разнообразнымъ поводамъ, случаямъ и надобностямъ. Надобно имѣть въ виду, что доступъ къ актовымъ книгамъ былъ открытъ для всѣхъ и каждого и приемъ заявленій облегченъ до крайней степени. Всякій могъ лично явиться въ канцелярію суда, или даже прислать своего слугу, пріятеля, и сдѣлать заявленіе на словахъ или на письмѣ — и оно безпрепятственно вносилось въ книги въ той самой формѣ, въ какой было сдѣлано. По мѣрѣ развитія общественной и политической жизни въ бывшей Рѣчи посполитой, особенно съ половины XVI в., когда и въ Югозападной Руси повсемѣстно учреждены были повѣтовые сеймики, когда во всемъ государствѣ съ такою силою обнаружилось умственное и религіозное броженіе и всюду закипѣла упорная борьба политическихъ партій, направлоній, сектъ, вѣрованій, національныхъ, сословныхъ и экономическихъ интересовъ, — актывыя книги

становятся ярким отражением этой бурной эпохи и до некоторой степени как-бы выполняют то назначение, какое в современной жизни имѣетъ періодическая пресса: съ конца XVI ст. въ нихъ стали безъ разбора вносить не только то, что могло имѣть какое-либо отношеніе къ судебнымъ искамъ и процессамъ или что слѣдовало, въ чьихъ либо интересахъ, привести этимъ путемъ во всеобщую извѣстность или обезпечить отъ забвенія, но рѣшительно все, что кому-либо казалось важнымъ, интереснымъ и достойнымъ храненія въ памяти грядущихъ поколѣній. Въ XVII—XVIII вѣкахъ эта неограниченная свобода „aktykowania“ достигаетъ крайнихъ предѣловъ: всевозможнаго рода шутки и сатиры, ораціи и панегирики, въ стихахъ и въ прозѣ, молитвы и гимны—все это безпрепятственно вносилось въ актывыя книги, не возбуждая на въ комъ негодованія или протеста.

Таковы въ общихъ чертахъ характеръ и содержаніе актовыхъ книгъ, и совершенно понятно, почему наука придаетъ имъ такое важное значеніе, какъ историческимъ памятникамъ минувшей жизни. Для нашего и западно-русскаго края это значеніе еще увеличивается тѣмъ, что въ то время, когда въ Польшѣ актовымъ языкомъ исключительно признавалась латынь и лишь въ XVII в. рядомъ съ нею была допущена и польская рѣчь, въ Литовскомъ государствѣ всѣ актывыя книги писались западно-русскимъ языкомъ, а со времени изданія Литовскаго Статута этотъ обычай получилъ силу закона въ предѣлахъ всего государства, и хотя въ 1569 г. Кіевское, Волынское и Брацлавское воеводства были непосредственно присоединены къ Польшѣ, но это не измѣнило ни въ чемъ исконныхъ правъ мѣстнаго языка, и только въ XVIII ст. онъ уступилъ мѣсто въ судопроизводствѣ языку польскому. Вотъ почему актывыя книги Кіевского Архива имѣютъ научную цѣну не только для историка, но и для филолога, и можно лишь пожалѣть, что до сихъ поръ онѣ весьма мало или даже вовсе не подвергались изученію съ этой послѣдней стороны, хотя онѣ на каждой страницѣ даютъ чрезвычайно обильный и цѣнный матеріалъ для исторіи звуковъ и формъ мѣстной русскаго рѣчи. Другое преимущество актовъ нашего Архива состоитъ въ томъ, что, выраженные живою, природною для составителей рѣчью, они отличаются несравненно большею жизненностью, чѣмъ тѣ же акты, облеченные въ мертвыя формы канцелярскаго латыни. Впрочемъ, и въ нашемъ Архивѣ книги Подольскаго воеводства писаны этой латынью, въ перемежку съ польскимъ¹⁾. Это произошло оттого, что, какъ мы выше упомянули, Подолье рано вошло въ составъ Польскаго государства и здѣсь еще въ XV ст. было введено польское право со всѣми ему обычными формами судопроизводства.

Какъ ни богатъ количественно и качественно актовый матеріалъ, сосредоточенный въ Кіевскомъ Центр. Архивѣ, однако его далеко нельзя признать полнымъ, такъ какъ въ немъ отсутствуютъ цѣлыя категоріи актовыхъ книгъ, веденныхъ въ прошлые вѣка на территоріи нынѣшняго Югозападнаго края. Мы имѣемъ (и то не сплошн) лишь акты гродскихъ, земскихъ, подкоморскихъ и магистратскихъ урядовъ; но, кромѣ ихъ, актывыя книги совершенно такого же типа были ведены и во многихъ другихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Ни одна изъ такихъ книгъ не дошла до насъ, но мы можемъ составить о нихъ точное понятіе по многочисленнымъ формальнымъ (съ печатами урядниковъ) выписямъ изъ нихъ, какія сохранились въ подлинникахъ или въ свое время были внесены въ гродскія и земскія актывыя книги. Вотъ передъ нами подлинная „выпись с книгъ замъку господарскаго Черкаскаго“ 1579 г., выданная Черкасскимъ и Каневскимъ старостою княземъ Михаиломъ Вишневецкимъ, съ его печатью, и заключающая его рѣшеніе по жалобѣ Кіево-Пустыннаго монастыря на

¹⁾ Книги Каменецъ-Подольскаго магистрата армянской юрисдикціи писаны на языкѣ армянскомъ, уступившемъ съ конца XVII в. мѣсто языку польскому.

Кановскихъ мѣщанъ о захватѣ монастырскихъ земель. Языкъ, форма, письмо этого документа—совершенно однородны съ актами городскими или земскими того времени¹⁾. Точно такія же выписи мы имѣемъ „с книгъ замковыхъ правъ судовыхъ Любецкихъ“²⁾—одну 1576 г., а другую 1625 г. Эти выписи даютъ намъ полное основаніе утверждать, что старосты неповѣтовыхъ королевскихъ замковъ, какими были, напримѣръ, въ Киевскомъ воеводствѣ замки: въ Черкасахъ, Каневѣ, Любечѣ, Острѣ, Чернобылѣ и др., вели актовыя книги. Подражая имъ, вели свои актовыя книги и владѣльцы частныхъ замковъ, юрисдикціи которыхъ подлежали перѣдко большіе районы, населенные ихъ подданными. Такъ, въ городскихъ книгахъ XVI и XVII вв. часто встрѣчаются, напримѣръ, выписи „изъ Острожскихъ замковыхъ книгъ“³⁾, „съ книгъ Рахмановскаго замку“ князей Вишневецкихъ,⁴⁾ Корецкаго замка князей Корецкихъ⁵⁾, Муравицкаго замка Ходкевичей,⁶⁾ Константиновскаго замка князей Острожскихъ⁷⁾, Степанскаго замка тѣхъ же князей⁸⁾, Ровенскаго⁹⁾, Миропольскаго¹⁰⁾ и др. Знакомая съ содержаніемъ этихъ выписей, мы видимъ, что въ актовыя книги частно-владѣльческихъ замковъ вносились жалобы и заявленія не только по дѣламъ, подлежащимъ доминиальному суду владѣльца, но этими книгами пользовались—особенно въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства—лица всѣхъ классовъ по самымъ разнообразнымъ дѣламъ. Такъ, напримѣръ, когда въ іюнѣ 1562 г. жена Кременецкаго старосты княгиня Збаражская учинила разбойничій наѣздъ на имѣніе князя Михаила Пoryцкаго, то онъ послалъ жалобу о томъ не въ повѣтовый (Кременецкій) городской судъ, гдѣ она навѣрно не была бы принята старостой, а занесъ ее въ книги ближайшаго Константиновскаго замка, откуда впоследствии получилъ формальную выпись своей жалобы и внесъ ее въ Луцкія городскія книги. Случалось, что старосты или урядники частныхъ замковъ отказывались принимать въ свои книги жалобы или заявленія; въ такихъ случаяхъ лица заинтересованныя приносили на нихъ жалобы въ городской судъ. Такъ, въ 1576 г. волынской землянинъ Конст. Шибенскій, избитый мѣщанами м. Берестечка, имѣнія п. Дзялынскою, хотѣлъ записать на нихъ жалобу въ мѣстныя замковыя книги; но урядникъ не допустилъ его до этого, говоря: „тутъ замокъ не есть повѣтовый—книгъ замковыхъ не маю и записовати не маю до чего“. Конечно, это была лишь отговорка, и Шибенскій пожаловался на урядника въ городской Луцкій судъ¹¹⁾.

Въ 1575 г. Луцкій еврей Якубовичъ жаловался, что намѣстникъ Луцкаго подвоеводы отказался выдать нужную ему выпись изъ *воеводскихъ* судебныхъ книгъ¹²⁾. Хотя должность воеводъ была преимущественно военно-административная, но имъ не чужды были и судебныя обязанности: они судили возныхъ и другихъ должностныхъ лицъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ судили магистратскихъ урядниковъ, но главнымъ образомъ и исключительно ихъ суду подчи-

¹⁾ Выпись эта имѣется въ нашемъ собраніи.

²⁾ Любецкое староство съ замкомъ (нынѣ м. Любечъ, Городн. у. Черниг. губ.) въ XVI и первой половинѣ XVII ст. входило въ составъ Киевскаго воеводства. Обѣ выписи напечатаны въ „Обозрѣніи Румянцевской Описи Малороссіи“, стр. 39 и 47.

³⁾ Выпись 1566 г. въ акт. книгѣ К. Центр. Архива № 2043, л. 150; выпись 1581 г. № 2058, л. 212.

⁴⁾ Выпись 1606 г. въ книгѣ № 2116, л. 79.

⁵⁾ Выпись 1585 г. въ кн. № 2109, л. 265.

⁶⁾ Выпись 1570 г. въ кн. № 2044, л. 136 обор.

⁷⁾ Выпись 1562 г. кн. № 2036, л. 142 обор.

⁸⁾ Выпись 1571 г. кн. № 2045, л. 454 обор.

⁹⁾ Выпись 1566 г. книга № 2040, л. 243 обор.

¹⁰⁾ Выпись 1643 г. кн. № 16, л. 167 обор.

¹¹⁾ Акт. книга К. Центр. Архива № 2050, л. 171 обор. Подобная жалоба на Острожскаго старосту за отказъ принять въ Острожскія замковыя книги жалобу о грабежѣ—№ 2045, л. 155 обор.

¹²⁾ Акт. книга № 2049, л. 106 об. и 107.

нены были евреи, жившіе въ городахъ¹⁾, в потому при воеводскомъ урядѣ велись особыя актовыя книги. Ключники, завѣдывавшіе королевскими имѣніями и судившіе королевскихъ подданныхъ—крестьянъ, евреевъ и др., вели свои особыя „ключовыя“ книги²⁾. При кафедрахъ митрополита и епархіальныхъ архіереевъ, какъ православныхъ, такъ в послѣдствіи и униатскихъ, уже въ XVI ст. велись акты, или книги „духовныя“, куда записывались жалобы, позы и декреты по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію духовнаго суда, на примѣръ—по дѣламъ бракоразводнымъ; а такъ какъ высшіе духовные сановники, въ качествѣ владѣльцевъ церковныхъ имѣній, облечены были, сверхъ того, властью доминіального суда по отношенію къ населенію этихъ имѣній, то въ „духовныя“ книги вносились записи по разнообразнымъ дѣламъ уголовного и гражданскаго характера³⁾. Точно такія же актовыя книги ведены были и при кафедрахъ католическихъ бискуповъ, при чемъ достойно замѣчанія, что, судя по сохранившимся выписямъ изъ нихъ, книги эти въ первой половинѣ XVI ст. велись не на латинскомъ, а на мѣстномъ русскомъ языкѣ⁴⁾. Такія же „книги судовъ духовныхъ“ велись при нѣкоторыхъ, болѣе значительныхъ, монастыряхъ, на примѣръ—при Кіевопечерскомъ⁵⁾. Наконецъ, имѣются выписи, несомнѣнно удостовѣряющія, что и южно-русскія церковныя братства вели свои актовыя книги, въ которыя вносились рѣшенія по взаимнымъ спорамъ и недоразумѣніямъ между братчиками и декреты по поводу совершенныхъ ими проступковъ⁶⁾.

Не трудно представить, какую высокую историческую цѣнность имѣли бы эти разнообразныя актовыя книги, въ особенности книги духовныхъ судовъ, монастырей, церковныхъ братствъ, частно-владѣльческихъ замковъ. Къ сожалѣнію, всѣ они погибли безъ остатка, и только случайно сохранившіяся оффиціальныя выписи изъ нихъ служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что такія книги дѣйствительно существовали.

Если та же печальная судьба не постигла всецѣло и акты правительственныхъ судовъ—земскихъ и городскихъ, то это надо приписать лишь тѣмъ исключительнымъ мѣрамъ и заботамъ объ ихъ сохранности, какія во всѣ времена проявлялись какъ со стороны центрального правительства, такъ равно и со стороны мѣстнаго общества. Съ древнихъ временъ существовалъ законъ, предписывавшій, чтобы актовыя книги за истекшіе годы хранились подъ тремя замками, ключи отъ которыхъ должны находиться у воеводы или старосты, судьи и писаря. Ихъ открывали лишь въ извѣстные сроки, во время судебныхъ сессій, и въ это время частныя лица могли дѣлать въ нихъ розыски нужныхъ имъ документовъ и получать изъ нихъ формальныя выписи. Для храненія актовыхъ книгъ воеводы и старосты обязывались отвести—а если было нужно, то и выстроить—особыя, безопасныя отъ огня и воды помѣщенія, на что, въ случаѣ надобности, назначался особый земскій налогъ. Въ южно-русскихъ воеводствахъ такія помѣщенія для храненія книгъ отводились или въ замкахъ, если они были каменные (въ Луцкѣ, Кременцѣ), или—если замки были деревянные—въ православныхъ и католическихъ, но непременно каменныхъ храмахъ, какъ то было въ Кіевѣ, Овручѣ и Владимирѣ.

¹⁾ Volum. Legum., t. I, f. 42, 367, 523; t. III, f. 809; t. IV, f. 700. См. еще актов. книгу № 2049, л. 230.

²⁾ Актовая книга 1570 г., № 2014, л. 365.

³⁾ См., на примѣръ, „выписи съ книгъ духовныхъ митрополіи кіевской“ 1594 г., напечат. въ Архивѣ Юго-зап. Россіи, часть I, т. I, № 106. Еще: двѣ выписи „съ книгъ духовныхъ владыки Володимирскаго и Берестейскаго“, 1566 и 1583 гг. Актов. книга № 942, л. 98 об. и Архивъ Юго-зап. Р. часть I, т. I, стр. 169. О тѣхъ же „книгахъ духовныхъ“ см. въ томъ же томѣ, стр. 179, 180. О духовныхъ книгахъ Луцкаго прав. епископа упоминаніе въ актов. книгѣ 1574 г., № 2048, л. 370.

⁴⁾ „Выписи съ книгъ Юрія Фалчевскаго, бискупа Луцкаго и Берестейскаго“, 1545 г., на русскомъ языкѣ напечат. въ Архивѣ Юго-зап. Россіи, часть I, т. 6, № XIX. Еще: „Екстрактъ съ книгъ бискупихъ Луцкихъ“ 1647 г.—актовая книга № 2167, л. 314.

⁵⁾ См. „выписи съ книгъ судовъ духовныхъ монастыря Печерскаго“, 1626 года, въ „Исторіи Кіев. Дух. Академіи“ С. Голубева, Прилож. стр. 79.

⁶⁾ Въ нашемъ собраніи имѣется такая выпись, заключающая въ себѣ декретъ Кременецкаго Братства XVIII ст.—труды XI-го археол. съезда въ Кіевѣ. т. II.

Все дворянское население данной области, отъ высшихъ сановниковъ и до послѣдняго шляхтича, крайне дорожило актовыми книгами своего повѣта и воеводства, потому что, — какъ оно часто выражалось, — „въ нихъ содержатся права, вольности, гоноры и субстанціи (имущества) наши“, и потому въ высшей степени ревниво заботилось объ ихъ сохранности. Если писарь позволялъ себѣ малѣйшую небрежность въ веденіи или въ храненіи порученныхъ ему книгъ, всякій тотчасъ же могъ занести на него жалобу¹⁾. Рѣдкій провинціальный сеймикъ проходилъ безъ того, чтобы дворяне не подняли вопроса о томъ: въ должной ли сохранности находятся мѣстные акты, не подвергаются ли онѣ порчи отъ сырости, нѣтъ ли въ нихъ подлоговъ, не слѣдуетъ ли болѣе старые изъ нихъ переписать, обревизовать и т. под. — и почти каждое десятилѣтіе назначались особыя комиссіи для ревизіи и повѣрки актовыхъ книгъ, а иногда и для ихъ переписки, для чего нерѣдко ассигновались довольно значительныя суммы изъ земскихъ сборовъ. Такъ въ первой половинѣ XVII ст. были вновь переписаны старыя Кіевскія земскія книги, Брацлавскія городскія и подкоморскія и др.²⁾.

Но скоро послѣ того надъ всѣмъ Югозападнымъ краемъ пронеслась такая ужасная гроза, что шляхтичамъ впору лишь было позаботиться о собственномъ спасеніи, а не о цѣлости актовъ. Запылали княжескіе и великопанскіе замки, дымомъ и прахомъ пошла дворянская „субстанція“, и среди панскихъ дворовъ козаки разводили костры изъ дорогой мебели и въ нихъ жгли отысканные въ фамиліныхъ архивахъ грамоты, привилегіи и всякаго рода шипента, или употребляли ихъ на пыжи для ружей и другія непристойныя надобности, руководясь въ этихъ вандальскихъ поступкахъ тѣми самыми соображеніями, по которымъ дворяне заботливо хранили свои документы, именно — что въ нихъ заключалась охрана шляхетскихъ правъ, вольностей, гоноровъ и субстанцій. Правда, къ правительственнымъ актовымъ книгамъ козаки, сверхъ ожиданія, относились гораздо милостивѣе, чѣмъ можно было надѣяться: они ихъ почти не трогали. Сохранился подробный отчетъ городскаго Владимирскаго писаря о томъ, какъ козаки, безъ боя овладѣвъ Владимиромъ, вступили въ каедральный храмъ, напрасно искали заранѣе увезенныхъ уніатами сокровищъ, нашли въ ризницѣ нѣсколько сундуковъ, запертыхъ каждый тремя замками, отбили ихъ, — но тамъ оказались лишь актовыя книги, которыя козаки, очевидно съ досады, разбросали по всей церкви и нѣкоторыя немного „пошарпали“; но книги эти писарь на другой же день снова уложилъ въ сундуки, и онѣ и теперь находятся въ нашемъ архивѣ³⁾. Точно также козаки пощадили и Луцкіе акты, хранившіеся въ то время въ мѣстномъ замкѣ. Тѣмъ не менѣе десятилѣтіе войнъ Хмельницкаго мы должны признать самой печальной эпохой съ точки зрѣнія интересовъ мѣстной археографіи, — эпохой, ознаменованной гибелью не только безчисленнаго множества мѣстныхъ фамиліныхъ, монастырскихъ, магистратскихъ и другихъ архивовъ, но и огромной массы актовыхъ книгъ, погибшихъ если не прямо отъ рукъ козацкихъ, то ставшихъ жертвою пожаровъ. Такъ, въ августѣ 1651 года, когда литовскій гетманъ Радзивиль временно овладѣлъ Кіевомъ, весь почти Подольскъ былъ преданъ огню, въ томъ числѣ и соборная Успенская церковь, и въ это время сгорѣли хранившіяся въ ней кіевскія городскія и земскія книги и огромное множество

¹⁾ Для примѣра укажемъ на жалобу (1602 г.) Кіевского бискупа Криштофа Казимирскаго на Кіевского городскаго писаря Андрея Сурина за небрежное веденіе актовыхъ книгъ и храненіе ихъ у себя въ квартирѣ, на полкахъ. Актов. книга № 9, л. 75.

²⁾ См. сеймиковыя постановленія южно-русскихъ дворянъ, касающіяся актовыхъ книгъ: Архивъ Юго-зап. Россіи, часть II, т. I, стр. 95, 155, 236, 273, 311, 325, 401, 420, 431, 470. Тотъ же Архивъ, часть II, т. 2, стр. 34, 113, 127, 251, 441, 462. О тѣхъ же книгахъ южно-русскихъ воеводствъ сеймовыя постановленія: *Velum, Leg.* t. II, f. 1471, 1511, 1512, 1626, 1674; t. III, f. 18, 36, 289, 293, 689, 690, 892, 701, 958; t. IV, f. 27, 32, 117, 575, 633, 714.

³⁾ Актовая книга 1650 г., № 1018, л. 45 обор.

подлинных грамотъ древнихъ великихъ князей русскихъ и литовскихъ и королей польскихъ¹⁾. Въ ту же печальную пору погибли актовыя книги Брацлавскія, Винницкія, Овручскія, значительная часть Житомирскихъ, и подверглись порчѣ книги Кременецкія²⁾.

Когда военная гроза миновала, городскіе и земскіе уряды возвратились къ прерваннымъ занятіямъ, собрали и привели въ порядокъ „пошарпанныя“ книги и снова стали бережно хранить старыя и накоплять новыя. Но вообще вторая половина XVII ст. была эпохой непрерывныхъ бѣдствій и потерь для актовыхъ книгъ. Въ 1684 г. въ Овручѣ сгорѣлъ униатскій монастырь и погибли хранившіеся въ немъ Овручскія городскія книги³⁾. Эпоха такъ называемой „Руины“, когда воеводства Кіевское, Брацлавское и Подольское въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ служили ареной ужасной трагедіи, закончившейся полнымъ запустѣніемъ цвѣтушаго края и завоеваніемъ турками Каменца, также ознаменована гибелью актовыхъ книгъ Летичевскихъ, Винницкихъ, отчасти Каменецкихъ и книгъ Барскаго замка.

За то XVIII столѣтіе было самымъ благопріятнымъ періодомъ въ исторіи актовыхъ книгъ, и отъ этого вѣка онѣ уцѣлѣли почти въ совершенной цѣлости. Гайдамацкое движеніе мало касалось тѣхъ городовъ, гдѣ находились городскіе и земскіе суды. Пожары, разумѣется, никогда не прекращались, но книги всегда умѣли сохранить отъ нихъ. Въ особенности нельзя не упомянуть о большомъ пожарѣ, постигшемъ въ 1781 году Луцкъ, когда весь городъ, вмѣстѣ съ замкомъ, всѣ русскія и латинскія церкви одновременно были объаты пламенемъ— и тѣмъ не менѣе какимъ-то чудомъ уцѣлѣли всѣ актовыя книги, а ихъ хранилось тогда въ замкѣ болѣе тысячи; за то, по преданію, одинъ изъ архиваріусовъ сдѣлался жертвой пламени, самоотверженно спасая ввѣренные его попеченію акты.

Наступила эпоха раздѣловъ Рѣчи-посполитой. Юго-западный край вошелъ въ составъ Россійской Имперіи. Вмѣсто прежняго дѣленія его на воеводства и повѣты, онъ былъ раздѣленъ на губерніи и уѣзды. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ дѣйствія Литовскаго Статута, старинные городскіе и земскіе суды были закрыты, а вмѣсто нихъ учреждены по всѣмъ уѣзднымъ городамъ уѣздные суды, а въ губернскихъ палаты. Но черезъ годъ скончалась императрица Екатерина II, не успѣвъ ввести въ западно-русскихъ губерніяхъ русскаго судопроизводства, а императоръ Павелъ I тотчасъ возстановилъ здѣсь дѣйствіе Литовскаго Статута. Его прием-

¹⁾ Н. Закревскій, „Описаніе Кіева“, т. II, стр. 856—857. Нѣкоторая часть кіевскихъ земскихъ книгъ погибла еще раньше. Въ 1638 г. козаки, мета земскому писарю Федору Суцанскому-Проскурѣ за участіе его въ ихъ усмиреніи, сожгли принадлежавшее ему мѣстечко и замокъ Корниль, и въ этомъ пожарѣ погибли и земскіе акты за послѣдніе роки, которые ваялъ онъ на домъ для приведенія въ порядокъ. Актов. книга № 2472, л. 938 обор.

²⁾ Брацлавскіе акты сильно пострадали и раньше Хмельницкаго. Въ 1594 г. Наливайко, возвращаясь изъ похода въ Молдавію, расположился въ Брацлавѣ и окрестностяхъ. Пользуясь его поддержкой, мѣщане Брацлавскіе разгромили таборъ шляхтичей, собравшихся на рочки, изгнали старосту и овладѣли замкомъ. Когда въ слѣдующемъ году прибылъ для ихъ усмиренія гетманъ Жолкевскій, мѣщане покорились и сдали замокъ старостѣ, но при этомъ не оказалось актовыхъ книгъ за годы 1577—1594. Мѣщане обязались разыскать ихъ, но не разыскали. Актов. кн. № 4627, л. 46.—О гибели Овручскихъ книгъ узнаемъ изъ одной частной жалобы, занесенной въ 1649 году: „Книги и городскіе Овручскіе през тое ж войско козацкое суть спаленные и фундаментуъ знесенные“. Актов. книга № 1017, л. 273.—Относительно Кременецкихъ книгъ намѣстникъ реента канцеляріи городскаго Кременецкаго суда Евстафій Гизель сдѣлалъ въ мартѣ 1649 года такое заявленіе: „книги и городскіе Кременецкіе року 1646 (т. е. за 1646 годъ) подъ прошлые розрухи, з вѣлю иншихъ книгъ, въ замку Кременецкомъ згинули“. Актов. кн. № 2491, л. 129.—Такое же заявленіе сдѣлалъ реентъ канцеляріи городск. Житомирскаго суда, что всѣ порученные ему документы за 1647 и 1648 гг. погибли вмѣстѣ съ городскими Житомирскими книгами во время козацкаго возстанія. Актовая книга № 19, л. 1 на обор.—Бурмистры м. Рожницъ жаловались въ августѣ 1649 г., что татары съ козаками разорили ихъ городъ, при чемъ погибли грамоты и привилегіи, полученные нѣкогда отъ королей и Луцкихъ епископовъ, равно „книги мѣстскіе записовые и поточныя спаленные и въ попель оборочевые суть“. Актов. кн. № 2491, л. 950 обор. Въ томъ же году в войтъ г. Дубна жаловался о разореніи козаками города и гибели „книгъ мѣстскихъ урядовыхъ“. Ibid. л. 252 обор.

³⁾ Архивъ Юго-зап. Россіи, часть II, т. 2, стр. 462.

никъ императоръ Александръ I пошелъ еще дальше по пути возстановленія въ западномъ краѣ прежняго польскаго управленія и предоставилъ мѣстному дворянству право выбора изъ своей среды судей и другихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, хотя гроды и земства не были возстановлены, но уѣздные суды, съ выборными изъ среды шляхетства судьями, ничѣмъ въ сущности не отличались отъ прежнихъ земскихъ судовъ, а уголовныя и гражданскія палаты напоминали старые трибуналы. Главное же — остались безъ измѣненія старые порядки и формы судебного дѣлопроизводства, узаконенные Литовскимъ Статутомъ и сеймовыми постановленіями, — и новые уѣздные суды продолжали накоплять все тѣ же записовыя, поточныя и декретовыя акты въ книгахъ, по извѣчнымъ формамъ и попрежнему на *польскомъ* языкѣ¹⁾. Такъ образовался, начиная съ 1797 года, многочисленный отдѣлъ *земскихъ* актовыхъ книгъ разныхъ уѣздныхъ судовъ, по формѣ, языку и содержанію ничѣмъ не отличающихся отъ актовыхъ книгъ прежнихъ земскихъ судовъ XVIII ст. Уже въ силу этого старыя акты въ книгахъ сохраняли прежнее значеніе *securitatis bonorum et honorum* дворянскаго сословія, и обязанность ихъ охраны была возложена на уѣздные суды тѣхъ городовъ, гдѣ прежде существовали гроды и земства. Впрочемъ, русское правительство долгое время не проявляло никакой заботливости объ этихъ книгахъ, и можно было опасаться, что, съ отмѣною Литовскаго Статута и введеніемъ въ западныхъ губерніяхъ общихъ законовъ и учреждений, этимъ драгоценнымъ историческимъ матеріаломъ угрожала обычная у насъ участь старыхъ архивныхъ дѣлъ, т. е. постепенное уничтоженіе, какъ ни на что негоднаго хлама. Но съ актовыми книгами произошла особая исторія, благодаря которой на нихъ, хотя и не совсѣмъ въ пору, было обращено должное вниманіе.

Дѣло въ томъ, что русское правительство временъ императоровъ Павла I и Александра I, согласно политическимъ и социальнымъ понятіямъ, господствовавшимъ въ то время и въ самой Россіи, не только оставило въ западномъ краѣ неприкосновеннымъ тотъ общественный строй, какой былъ выработанъ здѣсь въ періодъ польскаго господства, но, по странному недоразумѣнію, трактуя этотъ искони русскій край, какъ край польскій, предоставило мѣстному, почти сплошь польскому или ополяченному дворянству такія условія благополучія, какими оно фактически не пользовалось и во времена польскаго господства. Свободные отъ податей, рекрутскаго набора и другихъ государственныхъ повинностей, шляхтичи во всемъ были уравнены съ русскими дворянами; въ ихъ рукахъ находился судъ и школа, имъ открытъ былъ свободный доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ до губернаторскихъ и сенаторскихъ мѣстъ включительно. Ихъ вотчинная власть надъ мѣстнымъ южно-русскимъ населеніемъ, подъ защитою русскихъ законовъ, выросла до размѣровъ, неизвѣстныхъ въ эпоху польскаго владычества, когда помѣщикамъ во снѣ и наяву грезился страшный призракъ гайдамаки. Въ прежнія времена доступъ въ это привилегированное сословіе былъ довольно труденъ: только сеймъ могъ даровать шляхетское достоинство за какія нибудь положительныя и серьезныя заслуги, и сами шляхтичи ревниво оберегали свою среду отъ вторженія въ нее недостойныхъ и самозванцевъ. Теперь было не то: *шляхтичъ* и *полякъ* сдѣлались синонимами, и потому размноженіе шляхетства вполне совпадало съ политическими стремленіями къ возстановленію Польши. Справедливо утверждаютъ, что первые тридцать лѣтъ русскаго господства въ западномъ краѣ были періодомъ крайняго усиленія здѣсь польскаго элемента и небывалаго размноженія шляхетскаго сословія. Въ 1812 г. въ Кіевской губерніи, напримѣръ, насчитывалось польскихъ дворянъ свыше 43,000 душъ; изъ нихъ лишь около 3,000 лицъ были собственно помѣщики,

¹⁾ Лишь въ 1832 г. послѣдовало распоряженіе о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство западно-русскихъ губерній, а Литовскій Статутъ отмѣненъ здѣсь лишь указомъ 4 декабря 1840 года.

владѣвшіе землею и крестьянами, остальные же сорокъ тысячъ составляли безпомѣстную шляхту, которой права на дворянство были весьма проблематичны ¹⁾. Со временемъ дѣло дошло до того, что всякій, кто только былъ католикомъ и считалъ себя полякомъ, хлопоталъ о признаніи его рода въ правахъ дворянства, а сколько-нибудь богатый помѣщикъ обязательно титуловался графомъ. Но спрашивается: на чемъ же основывались эти странныя претензіи, и неужели дворянскія депутатскія собранія и департаментъ герольдіи не требовали отъ претендентовъ документальныхъ доказательствъ ихъ правъ на гербы и титулы? Конечно, требовали, но не было ничего легче, какъ добыть такія доказательства и при томъ за недорогую цѣну: въ любомъ изъ городовъ, въ которыхъ находились архивы съ актовыми книгами, можно было пріискать особаго мастера, который за извѣстное вознагражденіе брался сфабриковать какой угодно документъ, доказывающій происхожденіе фамиліи заказчика хотя бы отъ потомковъ самого Гедимины или изъ дома Пястовъ и Ягеллоновъ. Для этого не требовалось большого палеографическаго искусства: вѣдь для представленія въ герольдію нуженъ былъ не подлинный документъ, а лишь офиціальная выпись его изъ древнихъ актовыхъ книгъ, правильно посвидѣтельствованная уѣзднымъ судомъ, въ вѣдѣніи котораго находились данныя книги. Слѣдовательно, фальсификаторамъ нужно было лишь позаботиться о томъ, чтобы въ самой книгѣ находился текстъ требуемаго документа. А это было такъ нетрудно при небрежномъ храненіи книгъ, продажности канцелярскихъ чиновниковъ и потворствѣ членовъ суда. Способы фальсификаціи актовъ бывали различны: пользовались случайными пробѣлами въ актовыхъ книгахъ и вписывали туда, что хотѣли; стирали собственныя имена въ подлинныхъ актахъ и ставили на мѣсто ихъ другія; наконецъ, вставляли въ книги новые листы или даже цѣлыя тетради съ подложными документами. Въ большинствѣ случаевъ подлоги (сколько намъ ихъ приходилось видѣть) сдѣланы настолько грубо, что сколько-нибудь опытный глазъ сразу же замѣчаетъ ихъ; но иногда встрѣчается и такое артистическое исполненіе, что только при внимательномъ разсмотрѣніи текста какая-нибудь хронологическая или иная несообразность можетъ обнаружить подлогъ.

Къ счастью для археографіи, фальсификаторы хотя и наводнили актовыя книги подложными документами, но этимъ не обезцѣнили ихъ въ научномъ отношеніи: во-первыхъ, число подложныхъ актовъ все-таки крайне ничтожно сравнительно съ милліонами актовъ подлинныхъ; во-вторыхъ, фальсификаторы почти исключительно оперировали надъ книгами XVIII ст., языкъ и почеркъ коихъ ближе къ современному, и почти не касались книгъ болѣе древнихъ, гдѣ подлогъ несравненно труднѣе въ техническомъ отношеніи. Впрочемъ, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи фальсификаторы нерѣдко доходили до такой дерзости, что, не ограничиваясь многочисленными подлогами документовъ на дворянское достоинство и даже на права имущественныя, портили самыя книги, вырывая ихъ изъ переплетовъ и цѣлыми сотнями предавая ихъ уничтоженію. Эти злоупотребленія обратили наконецъ на себя вниманіе правительства, и въ началѣ 1830-хъ годовъ былъ произведенъ рядъ слѣдствій, повлекшихъ за собою ссылку въ Сибирь цѣлой шайки непризванныхъ палеографовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ добытыя слѣдствіемъ данныя привели къ убѣжденію, что для устраненія обнаруженнаго зла необходимо обревизовать всѣ хранящіяся въ западныхъ губерніяхъ актыя книги и привять мѣры къ болѣе тщательной ихъ охранѣ. Въ декабрѣ 1833 года, по высочайшему повелѣнію, учреждены были особыя для этого комиссіи: одна для Литовскихъ губерній, другая для Бѣлоруссіи и третья для Югозападнаго края. Комиссіи эти состояли изъ чиновниковъ министерства внутр. дѣлъ,

¹⁾ См. нашъ очеркъ: „Тревожные годы. Очеркъ изъ обществ. и политической жизни г. Кіева и Юго-зап. края въ 1811—1812 гг.“ (Кіевск. Старина, 1892 г. ноябрь, стр. 192).

минист. юстиціи и корпуса жандармовъ, съ прикомандированіемъ къ нимъ губернскихъ страпчихъ. Онѣ обязаны были повѣрить хранившіяся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ актыя книги, составить имъ точный реестръ, перенумеровать въ нихъ всѣ листы, перечертить пробѣлы, прошнуровать каждую книгу съ приложеніемъ именныхъ печатей всѣхъ членовъ и скрѣпить своими подписями. Этимъ имѣлось въ виду устранить обычные способы фальсификаціи: пользованіе пробѣлами, вырваніе листовъ и вставку новыхъ. Въ 1835 г. всѣ три комиссіи окончили возложенное на нихъ порученіе, но, какъ скоро было обнаружено, исполнили его довольно небрежно: иныя книги оказались вовсе не просмотрѣнными, другія остались не пронумерованными и т. под.; главное же—оказалось, что предпринятая мѣра не достигала своей цѣли: подлоги и злоупотребленія продолжались попрежнему, для чего или срывались въ книгахъ печати, или вынимались изъ-подъ нихъ швуры и послѣ вставки подложныхъ листовъ задѣлывались вновь, или же просто поддѣлывались печати. Поэтому 3 ноября 1842 года состоялось Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ о новой повѣркѣ актовыхъ книгъ посредствомъ *уѣздныхъ* комиссій, составленныхъ изъ мѣстныхъ предводителей дворянства, уѣздныхъ судей и страпчихъ, съ прикомандированіемъ къ нимъ одного изъ губернскихъ страпчихъ, но непременно такого, который не участвовалъ въ прежнихъ комиссіяхъ. По инструкціи, на новыя комиссіи возлагалось несравненно болѣе сложное и трудное порученіе: онѣ обязаны были „пересмотрѣть со всею тщательностью актыя книги, составить для каждой особыя описи съ объясненіемъ: номера каждаго документа по порядку, краткаго содержанія его, года, мѣсяца и числа, когда онъ состоялся, а также когда внесенъ въ книгу, и сверхъ того съ отмѣткою въ особой графѣ: признается ли документъ несомнительнымъ, или подлежащимъ сомнѣнію, и почему именно?“

Нужно ли объяснять, что эта инструкція осталась совершенно невыполненной,—да и не могло быть иначе, такъ какъ она рѣшительно не соотвѣтствовала силамъ и компетенціи исполнителей. Тѣмъ не менѣе уѣздныя комиссіи по повѣркѣ актовыхъ книгъ просуществовали повсемѣстно въ Сѣверо-западномъ и Юго-западномъ краѣ цѣлое десятилѣтіе, и если ихъ хлопотливая дѣятельность представляетъ какой-либо интересъ, то единственно—какъ любопытный эпизодъ изъ эпохи крайняго развитія у насъ бюрократизма, когда господствовало всеобщее убѣжденіе, что чиновничье усердіе можетъ все превозмочь. Просматривая громадныя фоліанты „дѣлъ“, оставшихся въ наслѣдіе отъ этихъ пресловутыхъ комиссій, невольно думаешь: какимъ богатымъ матеріаломъ могли бы послужить они въ рукахъ талантливаго бытописателя, который пожелалъ бы изобразить картину нравовъ, понятій, обычаевъ и привычекъ чиновничьей среды нашихъ окраинъ въ 1840-хъ годахъ! Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ благодушныя фигуры тогдашнихъ чиновниковъ какого-нибудь Овруча, Луцка, Винницы, Летичева, которымъ вдругъ строжайше вмѣняется въ неукоснительную обязанность со всею тщательностью просмотрѣть нѣсколько тысячъ актовыхъ книгъ XVI—XVIII ст., писанныхъ стариннымъ почеркомъ на древнемъ западнорусскомъ, польскомъ, латинскомъ, а въ Подольи сверхъ того и на армянскомъ языкѣ, составить подробныя имъ описи, съ изложеніемъ содержанія каждаго акта, и дать мотивированное заключеніе о его подлинности или подложности... При этомъ надо еще знать, что въ распоряженіе повѣрочныхъ комиссій не дано ни писцовъ, ни переводчиковъ, и не ассигновано ни копѣйки денегъ, и въ то же время члены этихъ комиссій—предводитель, судья и страпчій—должны неопустительно исполнять и свои прямыя обязанности. А со стороны высшаго начальства то и дѣло градомъ сыплются строжайшія предписанія: принять всѣ мѣры къ самоскорѣйшему окончанію дѣла, поставить на видъ комиссіямъ ихъ преступную медлительность въ исполненіи высочайшаго повелѣнія, потребовать отъ нихъ представленія ежемѣсячныхъ, а за тѣмъ и еженедѣльныхъ рапортовъ о числѣ про-

смотрѣнныхъ ими книгъ и актовъ и т. под. Что оставалось дѣлать бѣднымъ чиновникамъ? Они со всѣхъ концовъ доносятъ начальству о своихъ нуждахъ и немоцахъ, жалуются, что у нихъ оказались книги на какихъ-то „неизвѣстныхъ языкахъ: не то татарскомъ, не то турецкомъ, не то еврейскомъ“, просятъ командировать переводчиковъ, писцовъ, отвести помещеніе, ассигновать суммы на отопленіе и освѣщеніе, на наемъ сторожей, на канцелярскіе матеріалы; а изъ министерства на это получается одинъ неизмѣнный отвѣтъ: можно обойтись мѣстными средствами—усердіе все превозмогаетъ. Тогда комиссіи, чтобы показать свое рвеніе, поднимаютъ невообразимую бумажную кутерьму: онѣ безъ устали и безъ разбора бомбардируютъ всѣ присутственныя мѣста и учрежденія неукоснительными требованіями: представить для ревизіи рѣшительно всѣ акты и даже дѣла до входящихъ и исходящихъ реестровъ включительно, командировать столько-то переводчиковъ и писцовъ, прислать столько-то стопъ сѣрой и бѣлой бумаги, столько-то ведеръ чернилъ, столько то пудовъ сальныхъ свѣчей, перьевъ, сургуча и пр. и проч. Присутственныя мѣста, разумѣется, энергично протестуютъ противъ этихъ требованій. Болѣе важныя и солидныя учрежденія, напримѣръ—казенныя палаты, духовныя консисторіи, дворянскія депутатскія собранія—приходятъ прямо въ негодованіе: какъ смѣютъ какія то уѣздныя повѣрочныя комиссіи обращаться къ нимъ съ подобными требованіями! Со всѣхъ сторонъ летятъ къ высшему начальству протесты, жалобы, представленія. Мѣстное высшее начальство, въ лицѣ генераль-губернаторовъ, само затрудняется, по неясности и недостаточности инструкцій, умиротворить эти бурныя пререканія. Путемъ продолжительной переписки съ министерствами кое-какъ устанавливаются наконецъ опредѣленные положенія о томъ, какіе именно акты и за какое время подлежатъ повѣркѣ, какія учрежденія и мѣста обязаны командировать въ распоряженіе повѣрочныхъ комиссій своихъ переводчиковъ, писцовъ и сторожей, доставлять бумагу, чернила, свѣчи и т. под. Тѣмъ временемъ всплыли наружу совершенно неожиданные факты: оказалось, что пока происходила эта бюрократическая кутерьма, прикомандированные для занятій въ повѣрочныя комиссіи съ разныхъ мѣстъ писцы и другіе чиновники, пользуясь беспорядочнымъ храненіемъ въ этихъ комиссіяхъ актовыхъ книгъ, которыя свободно выдавались имъ даже на домъ, преспокойно занялись фальсификаціей актовъ и кражей самыхъ книгъ. Эти злоупотребленія были обнаружены и въ нашемъ краѣ (именно въ Житомирѣ), но въ особенности ихъ много оказалось въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Когда дѣло объ этомъ дошло до Комитета министровъ, усмотрѣвшаго причину этихъ злоупотребленій въ медленности и беспорядочности дѣйствій уѣздныхъ повѣрочныхъ комиссій, то императоръ Николай I, на докладѣ Комитета по этому дѣлу, въ мартѣ 1851-го года собственноручно положилъ слѣдующую резолюцію: „Предписать, чтобы комиссіи непремѣнно и окончательно исполнили порученное имъ дѣло не позже 1-го января 1852 года“. Это Высочайшее повелѣніе какъ громомъ поразило и въ ужасъ повергло чиновный міръ. Поспѣшно стали приводить въ извѣстность: что именно сдѣлано уже повѣрочными актовыми комиссіями и что еще остается сдѣлать—и съ ужасомъ убѣдились, что ровно ничего не сдѣлано: накоплены цѣлые томы бесполезной переписки, а къ составленію описей и не приступали. Тутъ только со всею очевидностью выяснилось, что, при всемъ рвеніи членовъ комиссій иначе и быть не могло, потому что возложенное на нихъ порученіе превышало ихъ силы и способности.

Чтобы найти выходъ изъ этого трагическаго положенія, оставалось одно: откровенно признать недостаточность одного лишь якобы все преобладающаго усердія и призвать на помощь знаніе, науку. Честь открытаго и настойчиваго указанія на этотъ единственно рациональный выходъ принадлежитъ тогдашнему Кіевскому генераль-губернатору, столь памятнаму въ исторіи нашего края Д. Г. Бибикову. Но спрашивается, что могло навести его самого на эту мысль?

Годъ спустя послѣ учрежденія уѣздныхъ комиссій для повѣрки актовыхъ книгъ, по ходатайству Бибикова была открыта въ Кіевѣ въ 1843 году Археографическая Комmissiя. Приступивъ къ собранію матеріаловъ для своихъ трудовъ, эта Комmissiя обратила особенное вниманіе на древнія актывыя книги и въ нихъ нашла неисчерпаемый источникъ для историческихъ изысканій. Почти всѣ наиболѣе драгоцѣнные матеріалы, опубликованные въ первыхъ изданіяхъ Кіевской Комmissiи и привлекишіе къ ея трудамъ самое живое вниманіе и интересъ, были именно отысканы ею въ древнихъ актовыхъ книгахъ. Этимъ впервые было указано и доказано, что актывыя книги имѣютъ важное государственное значеніе не потому лишь одному, что заключаютъ въ себѣ юридическія доказательства правъ состоянія для мѣстнаго дворянства, какъ тогда ихъ односторонне только и цѣнили, но еще болѣе потому, что онѣ могутъ служить для науки драгоцѣннымъ пособіемъ, возстановляющимъ исторію западно-русскихъ окраинъ совсѣмъ не въ томъ освѣщеніи, въ какомъ она до того времени представлялась польскими историками и публицистами. Но ознакомившись подробно съ тѣмъ, какая громадная масса актового матеріала была разбросана по всему Юго западному краю и какъ небрежно она хранилась въ подвалахъ уѣздныхъ судовъ, городскихъ ратушъ и другихъ мѣстахъ, Комmissiя въ своихъ представленіяхъ генераль-губернатору неоднократно указывала на неотложную необходимость собрать эти драгоцѣнные памятники прошлой жизни края въ одно центральное хранилище и тѣмъ спасти ихъ отъ угрожающей имъ гибели. Эта мысль встрѣтила полное сочувствіе со стороны Бибикова. Талантливый администраторъ и необыкновенно умный человѣкъ, онъ съ самаго начала не придавалъ актовымъ повѣрочнымъ комиссіямъ никакого серьезнаго значенія и въ своихъ представленіяхъ министрамъ все настойчивѣе проводилъ мысль, что онѣ не въ состояніи исполнить порученное имъ дѣло и что слѣдовало бы ихъ закрыть, какъ безполезныя учрежденія. Онъ не могъ лишь придумать, чѣмъ замѣнить ихъ. Теперь идея учрежденія центральныхъ архивовъ для актовыхъ книгъ представилась ему, какъ превосходная мѣра къ выходу изъ той кутерьмы, какую породили во всемъ западномъ краѣ пресловутыя повѣрочныя комиссіи. Съ свойственною ему рѣшительностью дѣйствій, Бибиковъ отправился въ декабрѣ 1849 года въ Петербургъ и, минуя всѣ посредствующія инстанціи, вошелъ лично къ императору Николаю Павловичу со всеподданнѣйшимъ докладомъ слѣдующаго содержанія: „По Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію, учреждена при кіевскомъ генераль-губернаторѣ особая Комmissiя для разбора древнихъ актовъ, и изслѣдованіями ея открыто, что актывыя книги западныхъ губерній за прошедшія столѣтія, по исключительному содержанію своему, составляютъ единственный въ своемъ родѣ и богатый матеріалъ для отечественной исторіи, заключаая въ себѣ, сверхъ того, и документы дворянскихъ родовъ. Учрежденныя въ 1833 году комиссіи для повѣрки актовыхъ книгъ исполнили данное имъ порученіе неудовлетворительно, потому что послѣ ихъ повѣрки снова открыты были прежніе безпорядки и подлоги въ книгахъ, и вслѣдствіе сего въ 1842 году учреждены новыя комиссіи, отдѣльно въ каждомъ уѣздѣ, изъ мѣстныхъ чиновниковъ, которые, будучи постоянно заняты дѣлами, относящимися къ должностямъ ихъ, до сего времени не исполнили даннаго имъ порученія и едва ли могутъ исполнить его, не обладая необходимыми для того спеціальными свѣдѣніями. Сверхъ того, допуская даже предположеніе, что дѣло означенныхъ комиссій будетъ окончено, нельзя быть увѣреннымъ въ прекращеніи съ тѣхъ поръ безпорядковъ и подлоговъ по актовымъ книгамъ, если онѣ будутъ храниться, какъ и до настоящаго времени, разрозненными по городамъ и мѣстечкамъ, въ архивахъ присутственныхъ мѣсть, гдѣ не всегда можетъ быть назначено для нихъ удобное и безопасное помѣщеніе, отъ чего нѣкоторыя изъ книгъ частію согнили, частію истреблены пожаромъ, а частію находятся въ рукахъ у частныхъ лицъ—простолюдиновъ, а именно въ тѣхъ мѣстечкахъ, въ которыхъ уничтожены ра-

туши. Посему для сохраненія отъ окончательнаго уничтоженія актовыхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ весьма важныя свѣдѣнія для отечественной исторіи, которыхъ нельзя извлечь изъ другихъ источниковъ, а равно для предупрежденія дальнѣйшихъ подлоговъ и злоупотребленій въ тѣхъ книгахъ, полезно было бы учредить въ Кіевѣ центральный архивъ для актовыхъ книгъ губерній кіевской, подольской и волынской при Университетѣ св. Владимира, подъ ближайшимъ надзоромъ главнаго мѣстнаго начальства“.

Государь одобрилъ проектъ Бибикова и поручилъ ему сообщить подробныя соображенія объ этомъ дѣлѣ въ министерства юстиціи, внутр. дѣлъ и народнаго просвѣщенія для внесенія ихъ установленнымъ порядкомъ на окончательное высочайшее утвержденіе. Черезъ два дня послѣ того всѣ три названныхъ министра получили обширныя представленія, очевидно заготовленныя Бибиковымъ заранѣе. Въ нихъ подробно и обстоятельно были развиты тѣ самыя положенія, которыя выражены кратко во всеподданнѣйшемъ докладѣ, и сверхъ того приложенъ былъ проектъ положенія о Центральномъ архивѣ и его штатѣ, почти совершенно тождественный съ дѣйствующимъ нынѣ. Всѣ три министра дали вполне благопріятныя заключенія о проектѣ, въ особенности тогдашній министръ юстиціи графъ Панинъ, выразившій полное согласіе съ мнѣніемъ Бибикова о бесполезности повѣрочныхъ комиссій и о необходимости немедленнаго ихъ закрытія. Тѣмъ не менѣе около полугода не было извѣстій въ Кіевѣ о ходѣ этого дѣла, и только въ іюнѣ 1850 года Бибиковъ узналъ, что Государственный Совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго министромъ народнаго просвѣщенія княземъ Пл. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ было внесено дѣло объ учрежденіи Кіевского Центрального архива, принявъ во вниманіе, что дѣло это касается актовъ, съ одной стороны, важныхъ для исторіи законодательства, а съ другой—могущихъ служить часто доказательствомъ правъ состоянія и собственности, призналъ необходимымъ подвергнуть представленныя ему соображенія предварительному разсмотрѣнію 2-го отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи для вторичнаго внесенія, съ его заключеніемъ, на разсмотрѣніе Госуд. Совѣта въ установленномъ порядкѣ. Такой неожиданный оборотъ дѣла глубоко огорчилъ нетерпѣливаго Бибикова. „Какъ жаль (писалъ онъ князю Ширинскому-Шихматову), что у насъ можетъ встрѣчаться столько затрудненій къ осуществленію самыхъ полезныхъ предположеній“!

Главноуправляющимъ 2-го Отдѣленія Канцеляріи въ то время состоялъ извѣстный государственный дѣятель, графъ Д. Н. Блудовъ. Онъ около года продержалъ у себя проектъ Бибикова и лишь въ апрѣлѣ 1851 г. представилъ свое заключеніе, въ формѣ обширной записки, въ которой не оставилъ безъ возраженія или замѣчанія ни одного изъ положеній, предложенныхъ въ ходатайствѣ кіевского генераль-губернатора, въ виду чего Государств. Совѣтъ вторично возвратилъ проектъ объ архивѣ для новыхъ соображеній. Мы не станемъ здѣсь пересказывать содержаніе записки графа Блудова, такъ какъ это заняло бы много времени, хотя она вообще представляетъ любопытный документъ, ярко характеризующій извѣстныя свойства ея автора—крайній консерватизмъ и боязливо-осторожное недоверіе ко всякимъ перемѣнамъ. Въ его запискѣ, на ряду съ немногими дѣльными замѣчаніями на проектъ Бибикова, встрѣчаются нерѣдко мелочныя, придирчивыя возраженія, въ общемъ свидѣтельствующія о недостаточномъ знакомствѣ съ предметомъ спора. Авторъ не отвергаетъ пользы учрежденія Центрального архива, но съ такою настойчивостью и съ такимъ какъ бы скрытымъ недоброжелательствомъ подрываетъ главныя основанія проекта, что при чтеніи его записки возникаетъ невольное подозрѣніе: не потому ли не отвергаетъ, что основная идея проекта уже предварительно получила высочайшую санкцію, и оппоненту ничего другого не оставалось, какъ спорить лишь о средствахъ и способахъ ея осуществленія, хотя онъ нерѣдко оспариваетъ и

ея основанія. Вообще же записка графа Блудова страдает отсутствіемъ принципиальныхъ основаній, какою-то уклончивостью въ сужденіяхъ и какъ бы недоговариваніемъ чего-то.

Бибииковъ рѣшилъ не оставить этой записки безъ должнаго отвѣта, составленіе котораго было имъ поручено профессору университета и главному дѣятелю кievской Археографической Коммиссіи Н. Д. Иванишеву, единственному въ то время ученому, практически и научно знакомому съ древними актовыми книгами. Иванишевъ, съ свойственною ему основательностью и знаніемъ дѣла, составилъ блестящее опроверженіе всѣхъ возраженій гр. Блудова; въ противоположность его оппоненту, въ каждомъ словѣ записки Иванишева звучитъ благородная прямота, искренность и непреклонная убѣжденность въ томъ, что проектируемое дѣло какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ здраво понимаемымъ государственнымъ интересамъ и представляетъ наилучшее рѣшеніе наболѣвшаго вопроса. Тѣмъ не менѣе графъ Блудовъ, ознакомившись съ этой запиской, категорически заявилъ, что онъ остается при прежнемъ мнѣніи и не намѣренъ отказаться ни отъ одного изъ раньше высказанныхъ имъ замѣчаній. Это такъ смутило докладчика проекта, министра народнаго просвѣщенія князя Ширинскаго, что, извѣщая объ этомъ Бибиикова, онъ писалъ ему: „за такимъ отзывомъ дѣйствит. тайнаго совѣтника графа Блудова не предвидя успѣха настоящему дѣлу въ Государственномъ Совѣтѣ, я нужнымъ считаю объ этомъ увѣдомить васъ съ тѣмъ, не признаете ли вы за лучшее отложить это дѣло до другого времени“. Но Бибииковъ энергически протестовалъ противъ отсрочки. „Я остаюсь (отвѣчалъ онъ Ширинскому) при прежнемъ моемъ рѣшительномъ убѣжденіи въ неотлагательной необходимости учрежденія Центрального архива по возможности въ непродолжительномъ времени и не могу при этомъ случаѣ не изъявить крайняго сожалѣнія, что осуществленіе столь полезнаго и необходимаго дѣла встрѣчаетъ затрудненія. Я заявляю вашему сіятельству, что, въ случаѣ дальнѣйшаго оставленія актовыхъ книгъ попрежнему разрозненными и въ ненадежныхъ мѣстахъ, мѣстное начальство, всячески заботившееся объ устраненіи этихъ неудобствъ, не можетъ принять на себя отвѣтственности, если актыя книги, столько важныя по своему содержанію, попрежнему будутъ доступны для подлоговъ и всякаго рода злоупотребленій и наконецъ со временемъ подвергнутся окончательному уничтоженію“. Князь Ширинскій-Шихматовъ не убѣдился этими доводами и такъ и не отважился въ третій разъ внести въ Государств. Совѣтъ проектъ о Центральномъ архивѣ.

Но сила вещей привела таки къ тому, что этотъ проектъ долженъ былъ осуществиться. Приближалось 1-е января 1852 года—срокъ, къ которому, согласно высочайшему повелѣнію, неизмѣнно должна была закончиться повѣрка актовыхъ книгъ уѣздными коммиссіями. Министръ юстиціи не могъ скрыть отъ государя, что его воля никакъ не можетъ быть выполнена, что повѣрочныя коммиссіи, несмотря на усиленные побужденія, болышею частью еще и не приступали, да и не могли вовсе приступить къ возложенному на нихъ порученію вслѣдствіе полной неподготовленности къ такому дѣлу. И вотъ въ самомъ концѣ 1851 года послѣдовало высочайшее повелѣніе: актыя коммиссіи закрыть повсемѣстно съ 1-го января новаго года, а о томъ, какія мѣры принять для повѣрки и лучшаго храненія актовыхъ книгъ, поручить министру юстиціи внести въ Государственный Совѣтъ свои соображенія не позже 1-го февраля того же 1852 года. Но при этомъ государь собственноручно приписалъ на докладѣ: „*мнѣніе генералъ-адъютанта Бибиикова Я раздѣляю въ полной мѣрѣ*“.

Понятны послѣ этого дѣйствія графа Панина: онъ цѣликомъ воспользовался проектомъ кievскаго генералъ-губернатора, но примѣнилъ его не къ Юго-западному только, а и къ Сѣверо-западному краю. Теперь ничьи возраженія и замѣчанія не имѣли болыше силы. Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 2-го апрѣля 1852 года, повелѣно учредить цен-

тральные архивы въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ—на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, какія за два года предъ тѣмъ были предложены въ проектѣ Бибикова.

Такъ были спасены отъ угрожавшей имъ гибели акты книги девяти западныхъ губерній. Иная участь постигла такіа же книги, относящіяся къ исторіи Малороссіи лѣваго берега Днѣпра.

Извѣстно, что въ XVI ст., когда именно и заведены были акты книги въ русскихъ областяхъ Литовскаго государства, нынѣшняя Полтавская губернія и южная часть Черниговской лежали впускѣ, а области Черниговская и Сѣверская принадлежали Московскому государству. Но на лѣвой сторонѣ Днѣпра и тогда уже были королевскія староства и замки, причислявшіеся къ Кіевскому воеводству, каковы: Любечъ, Остеръ и возстановленный въ концѣ XVI вѣка Переяславъ, въ коихъ велись акты старостинскія книги; по крайней мѣрѣ, съ положительностью можно сказать это относительно „книгъ замковыхъ правъ судовыхъ“ Любечскихъ, урядовую выпись изъ коихъ мы имѣемъ уже отъ 1576 года ¹⁾. Въ первой четверти XVII ст. границы лѣвобережной Малороссіи значительно раздвинулись—съ одной стороны, вслѣдствіе присоединенія завоеванныхъ у Московскаго государства областей; а съ другой—благодаря быстрому заселенію пустынныхъ пространствъ. По условіямъ Деулинскаго перемирія 1618 года, полякамъ были уступлены области Черниговская, Сѣверская и Смоленская. Несмотря на временный характеръ уступки, польское правительство немедленно занялось устройствомъ въ этихъ земляхъ своихъ государственныхъ порядковъ, и еще до перемирія, въ 1613 году состоялось сеймовое постановленіе объ учрежденіи Смоленскаго воеводства, хотя война еще продолжалась ²⁾. Относительно Черниговскаго княжества и Сѣверской земли сеймъ также постановилъ, чтобы здѣсь были учреждены *judicia ordinaria*, именно земства и гроды, по примѣру другихъ повѣтовъ; но съ этимъ пришлось повременить, такъ какъ эти земли были отданы въ администрацію и пользованіе (*używanie*) королевичу Владиславу, въ благодарность за его труды въ московской войнѣ, и конституціей 1620 года ему же ввѣрена была и высшая судебная власть въ этомъ краѣ ³⁾. Это и послужило главной причиною отсрочки открытія Черниговскаго воеводства и учрежденія здѣсь гродскихъ и земскихъ урядовъ. Но край не могъ же оставаться безъ судебныхъ учрежденій. На первый разъ судъ и администрацію по необходимости пришлось соединить въ однихъ рукахъ. Королевичъ Владиславъ оказался очень энергичнымъ „администраторомъ“: онъ обновлялъ старые и строилъ повсюду новые замки, сажалъ въ нихъ своихъ старостъ или намѣстниковъ и ввѣрялъ имъ судебную власть надъ мѣстнымъ населеніемъ. Такимъ образомъ первоначально возникли во многихъ городахъ и мѣстечкахъ Черниговской и Сѣверской земли *замковыя суды*, организованные по образцу гродскихъ, съ тѣми же формами судопроизводства и съ такими же актовыми книгами. Что это было такъ, видно изъ одной королевской грамоты отъ 6 марта 1625 года, выданной сформированному тогда, для защиты Черниговскаго замка, гарнизону изъ сотни осѣдлыхъ конниковъ козацкой службы, съ раздачей каждому изъ нихъ по шести волокъ земли подъ городомъ, усадебныхъ мѣстъ и огородовъ. Подробно опредѣляя ихъ служебныя обязанности и права, грамота говоритъ: а судиться имъ тѣмъ же правомъ и статутомъ, какимъ обыватели тамошняго повѣта судятся, предъ старостой, „у sprawy ich do xiąg zamkowych wpisowane

¹⁾ „Выпись с книгъ замковыхъ правъ судовыхъ старосты Любечскаго“ 1576 г.—Обозрѣніе Румянн. Описи Малороссіи, стр. 39. Другая выпись изъ тѣхъ же книгъ 1625 г. напечатана тамъ же, стр. 47.

²⁾ Volum. Leg. III, 196.

³⁾ Volum. Leg. III, 369.

bydz maia“¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что въ 1620-хъ годахъ такіе старостинскіе суды, съ актовыми книгами при нихъ, существовали не въ одномъ Черниговѣ, но и въ Стародубѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ и въ другихъ городахъ. Гдѣ только строился замокъ, тамъ возникалъ и замковый судъ. Отъ 1628 года мы имѣемъ „выпись съ книгъ замку Носовского“, начинающійся такъ: „На урядѣ замку Носовского его милости королевича, передо мною... старостою Носовскимъ“...²⁾ Со вступленіемъ Владислава на польскій престолъ, наступилъ конецъ исключительному положенію Черниговщины и Сѣверщины, какъ областей, до того времени находившихся въ частной администраціи, и по сеймовой конституціи 1633 года учреждены были въ Черниговѣ гродскій, земскій и подкоморскій уряды³⁾. Еще раньше такіе же уряды были открыты въ Стародубѣ, отошедшемъ къ Смоленскому воеводству. Наконецъ въ 1635 году открыто было Черниговское воеводство съ двумя повѣтами, Черниговскимъ и Новгородъ-Сѣверскимъ, при чемъ въ послѣднемъ также учреждены были гродъ и земство⁴⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, уничтожались бывшіе здѣсь раньше замковые, или старостинскіе, суды, и таковыя впоследствии встрѣчаются здѣсь только въ частновладѣльческихъ замкахъ⁵⁾.

Одновременно съ замковыми урядами возникаютъ въ Сѣверской и Черниговской областяхъ и уряды мѣйскіе, т. е. ратушные и магистратскіе. Стародубъ получилъ жалованную грамоту на магдебургію въ 1620 году, Черниговъ 1623, а Нѣжинъ въ 1625, при чемъ въ этихъ грамотахъ предписывалось, чтобы „декреты мѣйскіе и sprawy писались польскимъ языкомъ“. Эти даты съ точностью опредѣляютъ время, съ какого стали вестись здѣсь „мѣйскія“ актовыя книги. Впоследствии магистраты или ратуши возникли во многихъ коронныхъ и частновладѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ.

Тѣмъ же порядкомъ возникали судебныя учрежденія и въ южной части лѣвобережной Малороссіи, по мѣрѣ ея заселенія, съ конца XVI ст. Сначала переяславскіе старосты (князь Острожскій, Лука Жолкѣвскій), а за ними и частные владѣльцы огромныхъ пустынь (Стан. Жолкѣвскій, князя Вишневецкіе, Конецпольскіе и др.) строятъ укрѣпленія, или „замочки“, подъ защитой которыхъ возникаютъ деревни, села и мѣстечки, или „городки“. Въ замкахъ живутъ старосты или намѣстники владѣльцевъ и сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ административную и судебную власть надъ населеніемъ данной волости или округа, а въ городахъ организуются „мѣйскіе“ уряды, изъ войта съ бургомистрами и райцами, и судятъ мѣщанъ, а иногда и лицъ другихъ сословій. Нерѣдко оба эти уряда, „замковый“ и „мѣйскій“, засѣдаютъ совмѣстно, преимущественно при разборѣ болѣе важныхъ „криминальныхъ“ справъ. И тотъ и другой уряды ведутъ свои актовыя книги, куда вносятся не только судебныя декреты, но и „актикуются“ разнаго рода обязательства, договоры, духовныя завѣщанія и другіе документы. Такъ, когда монахи Густынскаго монастыря получили въ 1629 году отъ князя Вишневецкаго „листъ“, воспрещающій жителямъ г. Прилуки „втручатись“ въ монастырскія земли, то они „актиковали“ его „до книгъ замку Прилуцкого“ и получили оттуда урядовую его выпись; а въ 1646 г. тѣ же монахи купили у какого-то Витявенка лѣсъ и его продажную запись внесли также въ книги Прилуцкаго замка⁶⁾. Къ сожалѣнію, ни одна изъ замковыхъ актовыхъ книгъ того времени не дошла до насъ, и намъ приходится составлять о нихъ понятіе лишь по немногимъ сохранившимся выписямъ изъ нихъ. Что же касается

¹⁾ Грамота эта, въ списокъ изъ Коронной Метрики, находится въ нашемъ собраніи.

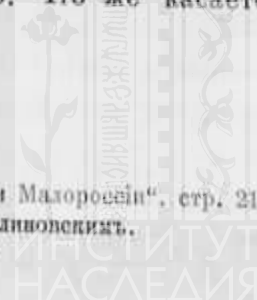
²⁾ Обзоръ Румянц. Описи Малороссіи, стр. 147.

³⁾ Volum. Legum, III, 805.

⁴⁾ Volum. Leg. III, 866.

⁵⁾ См., напр. „выпись съ книгъ замку Беркѣвскаго“ 1640 г. (Обзоръ Румянц. Описи Малороссіи“, стр. 218. Беркѣвка, нынѣ м. Нѣжинскаго у., основана въ 1635 г. Черниговскимъ воеводою Март. Калиновскимъ.

⁶⁾ А. Лазаревскій, Архивные отрывки для исторіи Полт. епархіи, вып. I, стр. 7 и 29.

„мѣйскихъ“ актовыхъ книгъ, то о нихъ мы можемъ судить болѣе опредѣлительно, такъ какъ сохранилась подлинная книга Бориспольскаго „мѣйскаго“ суда за 1612—1698 годы. Обычный составъ такого суда—войтъ, бурмистры и райцы; но иногда судъ происходитъ „при бытности“ или даже подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго старосты или намѣстника, и тогда протоколъ судебного засѣданія начинается такъ: „Передъ нами, урядомъ замковымъ и мѣйскимъ...“ Судятся здѣсь не одни мѣщане, но и козаки, сельское духовенство и даже иногда „урожденные“, то есть шляхтичи; „актикують“ же въ „мѣйскихъ“ книгахъ свои сдѣлки и документы лица всякихъ сословій. На рѣшенія мѣйскаго суда лица привилегированныхъ сословій могли апеллировать кievскому воеводѣ—очевидно, какъ предсѣдателю ихъ повѣтоваго (кievскаго) гродскаго суда, которому собственно такія лица были подсудны; въ его же пользу въ такихъ дѣлахъ мѣйскій судъ назначалъ и денежную „заруку“ на нарушителей своихъ декретовъ. Формы бориспольскихъ актовъ совершенно тождественны съ „мѣйскими“ книгами другихъ южно-русскихъ воеводствъ того времени. Языкъ—попеременно то южно-русскій, то польскій.

Въ сосѣднемъ съ Борисполемъ Барышовкѣ существовалъ въ началѣ XVII ст. такой же „мѣйскій“ урядъ и при немъ велись актывыя книги, изъ которыхъ урядовая выпись (жалоба евреевъ на шляхтича о нанесеніи побоевъ) была перенесена въ 1617 г. на Житомирскую гродскую книгу¹⁾. Судя по „выписи с книгъ мѣскихъ ратуша Лубенскаго“ 1623 года²⁾, такой же урядъ существовалъ и въ Лубнахъ, гдѣ магдебургское право введено еще въ 1591 году. Вообще можно сказать, что „мѣйскіе“ суды съ обычнымъ актовымъ дѣлопроизводствомъ существовали въ нынѣшней Полтавщинѣ, какъ и въ Черниговщинѣ, едва ли не въ каждомъ городкѣ.

Такимъ образомъ въ первой половинѣ XVII ст. судоустройство въ лѣвобережной Малороссіи сложилось такъ: а) въ трехъ повѣтовыхъ городахъ (Черниговѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ и Стародубѣ) существовали статутные суды, т. е. гродскіе, земскіе и подкоморскіе³⁾; б) въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ, какъ коронныхъ (Любечъ, Остеръ, Переяславъ, Нѣжинъ и др.), такъ и владѣльческихъ, были суды старостинскіе, или „замковые“; и в) въ весьма многихъ городскихъ поселеніяхъ, гдѣ жили мѣщане, существовали суды „мѣйскіе“, т. е. магистратскіе или ратушные. При всѣхъ этихъ судахъ велись актывыя книги.

Переворотъ Хмельницкаго во многомъ измѣнилъ это судоустройство, но отъ этого число судебныхъ урядовъ въ лѣвобережной Малороссіи не уменьшилось, а скорѣе увеличилось. Земскіе и подкоморскіе суды, какъ существовавшіе исключительно для шляхетства, потеряли свой *raison d'être* въ безсословной Малороссіи и были уничтожены. Той же участи подверглись суды гродскіе (въ бывшемъ Черниговскомъ воеводствѣ и въ Стародубѣ), а также суды старостинскіе и замковые, какъ королевскіе, такъ и частно-владѣльческіе. Но магистратскіе и ратушные суды остались неприкосновенными; послѣдніе получили во 2-й половинѣ XVII ст.

¹⁾ Актывыя книги Кіев. Центр. Архива, № 13, л. 458 обор.

²⁾ „Кіев. Старина“ 1896 г., мартъ, стр. 456.

³⁾ Недавно въ одномъ очень авторитетномъ изслѣдованіи (А. М. Лазаревскій, „Замѣчанія на историческія монографіи Д. П. Миллера“) было высказано категорическое утвержденіе, что эти суды не функционировали вовсе, такъ какъ-де никакихъ слѣдовъ ихъ не осталось. Дѣйствительно, актывыя книги этихъ судовъ не сохранились; но до насъ дошли немалочисленные урядовыя выписи изъ нихъ, несомнѣнно доказывающія, что суды эти дѣйствовали до самаго 1648 года. Не перечисляя другихъ выписей, болѣею частью не изданныхъ, сошлемся хотя бы на духовное завѣщаніе кievскаго митрополита Петра Могилы, которое, тотчасъ послѣ его смерти, внесено было (23 янв. 1647 г.) въ актывыя книги гродскаго Новгородъ-Сѣверскаго суда, затѣмъ 4 февр. того же года вторично „актиковано“ въ Черниговскія гродскія книги, и уже отсюда перенесено въ гродскія книги Кіевскія и затѣмъ Луцкія. (Памятники Кіевской Коммиссіи (2 е изд.), т II, стр. 437—38). Напомнимъ также, что въ архивѣ бывшаго Любимскаго трибунала и нынѣ хранятся книги Черниг. воеводства съ 1636 по 1648 гг., заключающія въ себѣ апелляціонныя рѣшенія по дѣламъ, восходившимъ въ трибуналъ изъ городскихъ и земскихъ судовъ Чернигова и Новгородъ-Сѣверска.

болѣе широкое распространеніе, такъ какъ мы видимъ слѣды ихъ существованія въ каждомъ сотенномъ городкѣ. Въмѣсто упраздненныхъ польскихъ правительственныхъ и владѣльческихъ судовъ, въ Малороссіи, еще при Хмельницкомъ, были учреждены суды козацкіе: въ сотняхъ—сотенные, въ полковыхъ городахъ—полковые, и въ качествѣ высшей апелляціонной инстанціи, при гетманскомъ управленіи—судъ генеральный. Но эти суды не получили ни опредѣленнаго устава, ни руководственной инструкціи, и, вѣроятно, по этой причинѣ съ первыхъ же лѣтъ своей дѣятельности примкнули къ судебнымъ учрежденіямъ хотя и другого типа, но зато имѣвшимъ прочную организацію и вѣками выработанные порядки и формы судопроизводства, т. е. къ судамъ „мѣйскимъ“. Сотенные суды дѣйствовали всегда совмѣстно съ членами мѣстной ратуши, а полковые—съ мѣстнымъ магистратомъ или, если его не было въ полковомъ городѣ, съ ратушей; поэтому ни тѣ, ни другіе не вели отдѣльныхъ актовыхъ книгъ, а пользовались для записи своихъ рѣшеній книгами магистратскими или ратушными. Въ этомъ легко убѣдиться, просматривая сохранившіяся „мѣйскія“ книги Полтавскія, Стародубскія и Нѣжинскія второй половины XVII и начала XVIII ст. Это совсѣмъ не тѣ „мѣйскія“ книги, какія мы знаемъ въ правобережной Малороссіи. Здѣсь что ни дѣло, то и различный составъ суда. Обыкновенно дѣла мелкія, малозначительныя разсматриваетъ „мѣйскій“ урядъ: войтъ бурмистры, а въ магистратскихъ судахъ сверхъ того райцы и лавники; но чуть дѣло поважнѣе—въ составѣ суда появляется на первомъ планѣ полкова старшина: полковникъ—судья, осаулъ или обозный, а въ сотенныхъ городахъ—сотникъ и атаманъ городской, причемъ въ протоколахъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ отмѣчается, что дѣло происходитъ „передъ обоимъ урядомъ, полковымъ и магистратскимъ“¹⁾. Бывало изрѣдка и такъ, что судъ состоялъ исключительно изъ полковой старшины и хотя засѣдалъ въ ратушѣ, но безъ участія войта и бурмистровъ; въ такихъ случаяхъ судебный протоколъ въ „мѣйскихъ“ книгахъ отмѣчался въ заголовкѣ: „декретъ суду полкового“²⁾. Такая варіація въ составѣ суда не всегда зависѣла отъ того, къ какому сословію принадлежали истецъ или отвѣтчикъ. Передъ этимъ смѣшаннымъ судомъ проходили лица всѣхъ званій и состояній, и только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда обвиняемымъ въ уголовномъ проступкѣ являлось лицо духовное, составъ суда пополнялся еще мѣстнымъ протопопомъ и городскими священниками³⁾. Точно такъ же и всякаго рода гражданскіе сдѣлки и договоры скрѣплялись посредствомъ заявленія передъ этимъ же судомъ, и въ „мѣйскія“ книги лицами всѣхъ сословій вносились купчія, дарственныя, раздѣльныя записи, духовныя завѣщанія и другіе акты.

Такъ продолжалось до второй четверти XVIII ст., когда и центральное правительство, и гетманская власть обратили вниманіе на безпорядки и злоупотребленія, царившіе въ козацкихъ судахъ, и приняты были мѣры къ тому, чтобы дать этимъ судамъ болѣе правильную, организацію⁴⁾. Эта реформа по необходимости должна была изолировать полковые и сотенные суды отъ судовъ магистратскихъ и ратушныхъ, и кажется, что съ этого времени при сотенныхъ урядахъ стали вестись отдѣльныя актовыя книги. Такъ можно думать потому, что съ половины XVIII ст. нерѣдко встрѣчаются урядовыя выписи изъ „сотенныхъ книгъ“ съ обозначеніемъ, что данный документъ (наприм. продажная записъ) былъ „явленъ на урядѣ въ сотенномъ правленіи и вписанъ въ книгу протоколную“⁵⁾. Было ли это явленіе повсемѣст-

¹⁾ Выпись изъ Переяславскихъ мѣйскихъ книгъ 1699 года. Сулимовскій Архивъ, стр. 28.

²⁾ Актовая книга Полтавскаго суда (въ библиотекѣ А. М. Лазаревскаго), документъ 1693 г.

³⁾ Изъ той же книги документъ 1692 года.

⁴⁾ Подробности объ этомъ см. въ изслѣдованіи Д. П. Миллера: Суды земскіе, городскіе и подкоморскіе въ XVIII в.

⁵⁾ См., напримѣръ, Обзоръіе Румянц. Описи Малороссіи, стр. 591. И. В. Луцикій: Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины въ Украинѣ XVIII ст., стр. 121, 124, 184 и др.

нымъ въ Малороссіи и распространялось ли оно и на полковые уряды—объ этомъ трудно судить по всимѣнію данныхъ.

По этой же причинѣ невозможно пока точное рѣшеніе и другого вопроса—объ актовыхъ книгахъ войскового генеральнаго суда. Этотъ судъ былъ такъ же плохо организованъ, какъ и остальные козацкіе суды; тѣмъ не менѣе онъ функционировалъ болѣе ста лѣтъ, и до насъ дошло множество его декретовъ въ формѣ урядовыхъ выписей, выданныхъ заинтересованнымъ лицамъ. Но велись ли при генеральномъ судѣ акты, въ коихъ, повидимому, и дѣлались эти выписи,—нельзя сказать опредѣлительно. Судя по аналогіи съ полковыми и сотенными судами, которые все-таки вели протоколы своихъ рѣшеній, хотя и вписывали ихъ въ чужія книги, надо полагать, что судъ генеральный долженъ былъ вести собственныя акты, но ни одной изъ такихъ книгъ мы не знаемъ.

Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтили, что въ правобережной Малороссіи въ XVI—XVII вв. при кафедрахъ митрополита и епархіальныхъ архіереевъ велись особые акты, или „книги судовъ духовныхъ“, куда не только вносились жалобы, позвы и декреты по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію духовнаго суда, но и „актиковались“ разнаго рода документы. Судя по аналогіи, такія книги должны были существовать и при архіерейскихъ кафедрахъ въ лѣвобережной Малороссіи. И точно, изъ одного документа мы узнаемъ, что духовное завѣщаніе вдовы генеральнаго хорунжаго Марья Сулиминой въ 1728 году было внесено, по ея просьбѣ, одновременно въ „книги катедральныя канцелярійскія“ переяславскаго епископа Іоакима Теодоровича и въ переяславскія магистратскія книги ¹⁾. Къ сожалѣнію, это—единственное, сколько намъ извѣстно, документальное свидѣтельство о существованіи „катедральныхъ“ актовыхъ книгъ въ Малороссіи.

Наконецъ, во второй половинѣ XVIII ст. въ Малороссіи появились и акты, или книги статутныхъ судовъ. Въ 1763—64 гг. совершена была здѣсь извѣстная судебная реформа: вся страна была раздѣлена на 20 повѣтовъ и въ каждомъ изъ нихъ были открыты земскіе и подкоморскіе суды, а бывшіе полковые преобразованы въ городскіе. При каждомъ изъ этихъ судовъ стали вестись акты, или книги по старымъ формамъ и образцамъ, узаконеннымъ Литовскимъ Статутомъ. Суды эти просуществовали до 1782 г., когда въ Малороссіи были введены общерусскіе судебные порядки и учрежденія.

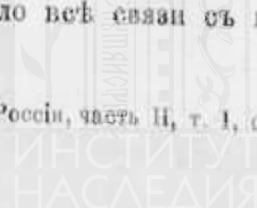
Такова въ общихъ чертахъ исторія актовыхъ книгъ въ лѣвобережной Малороссіи. Какъ видимъ, здѣсь велись книги того же тѣна, что и на правомъ берегу Днѣпра или, точнѣе, во всѣхъ литовско-русскихъ областяхъ: это были книги замковыя, магистратскія, ратушныя и книги статутныхъ судовъ—городскія, земскія и подкоморскія. Форма записей оставалась прежняя, выработанная въ польско-литовскій періодъ. До переворота Хмельницкаго книги эти велись на языкахъ западнорусскомъ и польскомъ, а съ того времени польскій языкъ постепенно исчезаетъ совсѣмъ. Древнѣйшими изъ актовыхъ книгъ, веденныхъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, слѣдуетъ считать книги Любечскаго замка, начатыя, вѣроятно, еще въ первой половинѣ XVI в., большая же часть актовыхъ книгъ возникла во второй четверти XVII ст. Если сосчитать число урядовъ, при которыхъ ведены были акты, то нужно признать, что лѣвобережная Малороссія въ теченіе полутора—двухъ столѣтій могла накопить ихъ огромное количество. Но изъ этой груды драгоценныхъ намятвиковъ минувшей жизни Малороссіи на долю исторической науки достались лишь жалкіе остатки. Вотъ ихъ несложный перечень: 1) одна книга Бориспольскаго мѣйскаго уряда, заключающая въ себѣ акты съ 1612 по 1698 годы; подлинникъ ея сохранился на Волыни, въ бібліотекѣ барона де-Шедуара, а

¹⁾ Сулимовскій Архивъ, стр. 49—50.

текст цѣликомъ напечатанъ въ приложеніи къ Кіевской „Старинѣ“ 1892 года. 2) Отрывки изъ актовой книги мѣйскаго (и вмѣстѣ сотеннаго) Борзенскаго уряда 1664—1720 г. въ количествѣ всего лишь 22 листовъ; хранятся въ библіотекѣ А. М. Лазаревскаго, въ Кіевѣ. 3) Отрывки изъ Нѣжинскихъ магистратскихъ книгъ 1657—1674 гг., напечатанные въ „Черниг. губ. Вѣдомостяхъ“ за 1887 г.; гдѣ хранятся подлинники—не знаемъ. 4) Отрывки изъ такихъ же книгъ (или „протокуловъ“) Стародубскаго магистрата за 1683 и 1690 годы, напечатанные въ „Черн. Губ. Вѣдомостяхъ“ 1852 1857 гг.; сохраняются ли и понынѣ подлинники и гдѣ именно—неизвѣстно. 5) Пять книгъ и мѣйскаго и вмѣстѣ полковаго Полтавскаго суда за вторую половину XVII и первую XVIII ст., изъ коихъ три находятся въ библіотекѣ А. М. Лазаревскаго, а двѣ въ музеѣ В. В. Тарновскаго, въ Черниговѣ; это—самыя цѣнныя книги, потому что сохранились въ полномъ видѣ; и 6) Книги Прилуцкаго магистратскаго и вмѣстѣ полковаго суда за 1660 годъ; хранятся въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ, куда поступили изъ бывшей библіотеки Лукашевича.—Вотъ и все, что до сихъ поръ извѣстно, какъ остатокъ малороссійскихъ актовыхъ книгъ. Но и это немного разбросано въ разныхъ мѣстахъ и въ частныхъ рукахъ. Куда же дѣвались тѣ по меньшей мѣрѣ сотни, если не тысячи актовыхъ книгъ, какія въ Малороссіи должны были накопиться съ конца XVI ст. по 1782 годъ? Значительная часть ихъ, и притомъ болѣе древнихъ, несомнѣнно погибла въ эпоху политическихъ смуть, которыми такъ обильна исторія Малороссіи второй половины XVII ст. Такъ, во время войнъ Хмельницкаго погибли безъ остатка актовая книга Черниговскаго воеводства, о чемъ свидѣлствуютъ жалобы бѣжавшей оттуда шляхты ¹⁾. Много книгъ погибло и вполслѣдствіи отъ пожаровъ. Но тѣ же политическія смуты и стихійныя бѣдствія не меньше поражали и Кіевскую Украину, и Воынь, и Подолье; почему же тамъ актовая книга не подверглись такому же, почти полному уничтоженію? Намъ кажется, что это произошло прежде всего оттого, что въ лѣвобережной Малороссіи веденіе актовыхъ книгъ прекратилось значительно раньше, именно съ 1782 года, тогда какъ въ Югозападномъ краѣ ихъ продолжали вести до времени прекращенія дѣйствія Литовскаго Статута, т. е. до 1840 года, что и способствовало тому, что ихъ тщательно хранили и за прежнія столѣтія. Но мы видѣли, что еще болѣе способствовала ихъ сбереженію ревностная заботливость о нихъ со стороны мѣстнаго шляхетства, справедливо видѣвшаго въ нихъ (какъ тогда выражались) *securitatem* своихъ *bonorum et honorum*, почему лица, стремившіяся попасть въ ряды этого сословія, прибѣгали къ подлогамъ именно въ этихъ книгахъ, что послужило уже и для правительства поводомъ къ нарочитой охранѣ актовыхъ книгъ. А какую же *securitatem bonorum et honorum* могло видѣть въ своихъ актовыхъ книгахъ формировавшееся тогда малороссійское шляхетство, *bona* котораго образовались изъ недавнихъ захватовъ ранговыхъ имѣній и не всегда законной скупки козачьихъ „грунтовъ“, а *honorum* не шли далѣе вчерашняго дня? Малороссійское шляхетство усердно штудировало польскіе гербовники, съ помощью которыхъ можно было изобрѣтать (для представленія въ герольдію) самыя блестящія родословныя, но оно не могло интересоваться актовыми книгами, гдѣ каждая страница вопіяла противъ этихъ претенціозныхъ вымысловъ. Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, и было главною причиною того равнодушія со стороны малороссійскаго шляхетства и чиновничества, благодаря которому актовая книга подверглись уничтоженію, какъ ни на что ненужный хламъ. Центральное правительство не имѣло никакого повода дорожить ими и совершенно не интересовалось ихъ судьбой, а мѣстное шляхетство, повторяемъ, легкомысленно, безъ сожалѣнія рвало все связи съ не-

¹⁾ См. объ этомъ сеймовыя постановленія Черниговскихъ дворян.—Архивъ Югозап. Россіи, часть II, т. I, стр. 431 и 470; конституція сейма 1654 г. *Volum. Legum*, IV, f. 449.

давнимъ прошлымъ и спѣшило приспособиться къ новымъ формамъ сословнаго и общественнаго быта. И не одиѣ актовыя книги, а и многіе другіе остатки прежней исторической жизни Малороссіи погибли въ это переходное время.— Впрочемъ, значительная часть вины въ этомъ дѣлѣ падаетъ и на ближайшія къ намъ поколѣнія. Актовыя книги Югозападнаго края, какъ мы видѣли, своимъ сохраненіемъ болѣе всего обязаны людямъ науки, которые еще въ началѣ 1840-хъ годовъ разъяснили и доказали ихъ высокую цѣнность, какъ историческихъ матеріаловъ, и тѣмъ расположили правительство принять мѣры къ тому, чтобы собрать эти драгоценныя памятники въ одно центральное хранилище и тѣмъ спасти ихъ отъ неминуемой гибели. Малороссійскія актовыя книги, къ сожалѣнію, не удостоились такого вниманія со стороны людей науки, хотя разработка малороссійской исторіи и собираніе для нея матеріаловъ уже въ то время интересовали многихъ. Малорусскіе историки искали матеріаловъ въ архивахъ государственныхъ, фамилныхъ, даже (какъ Максимовичъ) въ монастырскихъ и церковныхъ, но равнодушно проходили мимо архивовъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ именно и находились актовыя книги, предоставленныя на жертву всякимъ случайностямъ. Такъ продолжалось до введенія судебной реформы, когда прежніе уѣздные суды и губернскіе палаты были повсемѣстно закрыты, а ихъ архивы переданы въ Главный Архивъ Минист. Юстиціи, въ Москву. Что именно было передано—никто не знаетъ, такъ какъ передачей завѣдывали чиновники, а учрежденіе, принявшее эти груды старыхъ дѣлъ, до сихъ поръ не успѣло въ нихъ разобраться. На одномъ изъ засѣданій Кіевского Археологическаго Съѣзда мы слышали признаніе изъ устъ управляющаго Архивомъ мин. Юстиціи, что дѣла закрытыхъ судовъ со всей Имперіи поступили въ Архивъ въ такомъ колоссальномъ количествѣ, что у чиновниковъ Архива не было силъ и возможности приступить къ ихъ разбору, и они доселѣ хранятся тамъ по большей части нераспакованными. Будемъ надѣяться, что въ этихъ еще нераспакованныхъ тюкахъ найдутся и остатки малороссійскихъ актовыхъ книгъ. Эта надежда окрыляется въ насъ до степени полной увѣренности главнымъ образомъ въ виду того факта, что нѣсколько книгъ Полтавскаго полковаго суда случайно были отысканы среди негоднаго хлама въ одномъ мѣстномъ архивѣ уже послѣ того, когда все, что раньше находилось тамъ болѣе цѣннаго, уже отправлено было въ Москву. Пожелаемъ же, чтобы Архивъ Мин. Юстиціи поскорѣе приступилъ къ разбору старыхъ дѣлъ поступившихъ къ нему изъ малороссійскихъ губерній,—авось тамъ отыщутся и актовыя книги.

Нашъ очеркъ былъ бы неполонъ, когда бы мы хотя въ короткихъ словахъ не упомянули объ актовыхъ книгахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ исторіи южно-русскаго края, хотя и веденныхъ виѣ его предѣловъ: разумѣемъ книги Люблинскаго трибунала. Это была высшая судебная инстанція, куда восходили дѣла по апелляціоннымъ жалобамъ на рѣшенія судовъ городскихъ, земскихъ и подкоморскихъ. Въ числѣ другихъ воеводствъ, Люблинскому трибуналу подчинены были въ судебномъ отношеніи съ 1589 года воеводства: Волинское, Брацлавское, Кіевское, а съ 1635 г. и новооткрытое Черниговское, причемъ судебные акты по дѣламъ этихъ четырехъ воеводствъ были ведены на западнорусскомъ языкѣ. При неопредѣленности польскихъ законовъ объ апелляціяхъ и при естественномъ желаніи стороны, недовольной приговоромъ, затянуть процессъ, рѣдкое дѣло, производившееся въ мѣстныхъ повѣтовыхъ судахъ, получало здѣсь окончательное рѣшеніе; дѣла же сколько нибудь важныя, всегда переносились въ судъ трибунальскій. Уже изъ этого можно заключить, какой богатый матеріалъ для исторіи Югозападнаго края и Малороссіи должны заключать въ себѣ актовыя книги этого суда, по счастью почти вполнѣ сохранившіяся съ конца XVI до конца

XVIII ст. Но трибунальскіе акты, по общему въ Польшѣ обычаю, служили не только для судебныхъ протоколовъ. Южноруссы, безпрестанно судившіеся въ трибуналѣ и во время его сессій во множествѣ съѣзжавшіеся въ Люблинъ, вносили въ записовыя трибунальскія книги самыя разнообразныя и нерѣдко весьма интересныя документы частнаго, общественнаго и политическаго характера. Въ настоящее время книги Люблинскаго трибунала хранятся въ Варшавѣ, въ Главномъ Архивѣ. Въ составѣ ихъ имѣются слѣдующія, для насъ особенно интересныя книги: 1) Кіевскаго воеводства, съ 1591-го года, 79 книгъ и 6 связокъ; 2) Волынскаго воеводства, съ 1590-го года, 91 книга и 8 связокъ; 3) Брацлавскаго воеводства, въ 1590-го года, 57 книгъ и 4 связки, и 4) Черниговскаго воеводства, съ 1638 года, 16 книгъ и 4 связки. Если мы вспомнимъ, что гродскія, земскія и подкоморскія книги Черниговскаго воеводства погибли безъ остатка, равно какъ и книги Кіевскаго повѣта, а Брацлавскаго воеводства сохранились только книги Винницкія, и то XVIII лишь вѣка, то сохранившіяся въ такомъ значительномъ числѣ трибунальскіе акты этихъ воеводствъ, безспорно, пріобрѣтаютъ сугубый интересъ для исторической науки. Къ сожалѣнію, эти драгоценныя книги, по мѣсту ихъ храненія, слишкомъ удалены отъ тѣхъ, кто болѣе другихъ могъ бы ими интересоваться. Это такъ же противоестественно, какъ если бы, напримѣръ, архивъ кіевскаго съѣзда мировыхъ судей былъ перевезенъ въ Варшаву, а архивы участковыхъ судей остались бы на мѣстѣ. Кіевская Археографическая Комиссія въ своихъ изданіяхъ помѣстила не мало цѣнныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ трибунальскихъ книгъ, но для такого извлеченія требовалось трудолюбіе покойнаго Н. Д. Иванишева, неоднократно предпринимавшаго поѣздки въ Варшаву исключительно съ этою цѣлью. Въ 1859 году этой Комиссіей, а въ началѣ 1880-хъ годовъ Правленіемъ Кіевскаго Университета были возбуждаемы ходатайства о перемѣщеніи трибунальскихъ книгъ, относящихся къ южнорусскимъ воеводствамъ, въ Кіевскій Центральный Архивъ, гдѣ онѣ служили бы естественнымъ дополненіемъ къ хранящимся здѣсь актамъ и сдѣлались бы предметомъ живѣйшаго вниманія со стороны мѣстныхъ ученыхъ, но эти ходатайства не увѣнчались успѣхомъ. Крайне желательно, чтобы вопросъ объ этихъ книгахъ былъ возбужденъ на ближайшемъ Археологическомъ Съѣздѣ и чтобы Съѣздъ съ своей стороны не отказался ходатайствовать о передачѣ ихъ въ Кіевъ.

Археографическіе матеріалы, какъ источникъ археологіи¹⁾.

Проф. Д. И. Роговѣя.

Молодая въ Россіи наука археологія въ настоящее время по праву можетъ гордиться достигнутыми ею результатами. Центральныя и мѣстныя учрежденія дружно работаютъ на пользу изученія родной старины. Начиная отъ Московскаго Археологическаго Общества и оканчивая губернскими архивными Коммиссіями— „этими свѣтлыми точками на нашемъ огромномъ провинціальномъ небосклонѣ“, всѣ они по мѣрѣ силъ вносятъ свою лепту въ это важное, сложное и многотрудное дѣло. Археологи пользуются для своихъ цѣлей крайне разнообразными источниками и различными вспомогательными знаніями. Однимъ словомъ, мы нынѣ находимся въ порѣ „накопленія матеріала“.

Но, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ, русская археологія доселѣ недостаточно эксплуатировала одинъ родъ источниковъ, который однако можетъ значительно способствовать успѣхамъ ея разработки—я имѣю въ виду тѣ самыя археографическіе документы, изученіемъ которыхъ занимается наша II-я секція Археологическаго Съѣзда. Въ самомъ дѣлѣ—никогда до сихъ поръ, какъ кажется, не поставилъ вопроса о необходимости *систематическаго* извлеченія изъ нашихъ историческихъ источниковъ всѣхъ прямыхъ данныхъ о вещественныхъ памятникахъ нашей старины. Между тѣмъ, изученіе ихъ съ археологическими цѣлями не только полезно, но прямо необходимо. Я подчеркиваю выраженіе „систематическаго“, потому что при случаѣ для своихъ спеціальныхъ цѣлей всѣ археологи прибѣгаютъ къ свидѣтельствамъ исторіи. Но этого недостаточно: необходимо поставить себѣ задачу—извлечь какъ изъ печатныхъ, такъ и изъ архивныхъ историческихъ источниковъ все то, что имѣетъ прямое отношеніе къ вещественнымъ памятникамъ, въ томъ числѣ и къ исторіи ихъ находокъ.

Эта исторія русской археологіи необходима по различнымъ соображеніямъ. Безъ нея немислимо будетъ опредѣленіе пробѣловъ въ собранномъ уже археологическомъ матеріалѣ и, слѣдовательно, самая классификація этого послѣдняго. Правда, и теперь были уже попытки научной классификаціи археологическихъ данныхъ и они заслуживаютъ нашего подвига сочув-

¹⁾ Настоящій вопросъ я затрогивалъ уже на Археологическомъ Съѣздѣ въ г. Ригѣ, но теперь я обставляю его фактическимъ матеріаломъ, какимъ прежде не пользовался, и значительно расширяю свои собственные извлеченія изъ архивныхъ источниковъ.

ствія, ибо требуютъ глубокихъ познаній предмета и способностей обобщающаго ума, но, при современной разбросанности источниковъ, при отсутствіи библиографическаго указателя, общей археологической карты и исторіи изысканій, онѣ, такъ сказать, преждевременны и недостаточно убѣдительно; нужно, чтобы мы восходили путемъ частныхъ обобщеній къ болѣе общимъ выводамъ и уже на основѣ ихъ, на чисто археологическомъ базисѣ, построили свою археологическую классификацію. Необходимы историческія изученія успѣховъ русской археологіи и для опредѣленія достоинства и недостатковъ самихъ методовъ и приѣмовъ собиранія матеріала. И теперь приемы эти оказываются нерѣдко несостоятельными, слѣдовательно, подрываютъ въ корнѣ значеніе собраннаго матеріала, нерѣдко даютъ ему несоотвѣтственное освѣщеніе и объясненіе; такимъ образомъ, оказывается необходимой новая провѣрка, тѣмъ болѣе, что нигдѣ въ другой области знаній нѣтъ, кажется, такого соблазна — сдѣлать археологическое или этнографическое приуроченіе, какъ именно въ археологіи. Что же сказать о прежнихъ временахъ, когда еще въ большемъ ходу были хищническія или любительскія раскопки, случайныя находки, которыя еще болѣе затемнялись невыработанностью, неизвѣстностью или трудностью археологической поменклатуры? Этимъ объясняется присутствіе въ нашихъ музеяхъ предметовъ сомнительнаго или неизвѣстнаго происхожденія.

Тутъ могли бы принести значительную пользу историческія справки о находкахъ этихъ предметовъ, тутъ оказались бы какъ нельзя болѣе кстати дневники раскопокъ, послужившіе базисомъ для археологическихъ характеристикъ и выводовъ. Наконецъ, важное значеніе имѣла бы исторія развѣдокъ и въ нравственно-общественномъ отношеніи: для удовлетворенія чувства справедливости необходимо, чтобы оцѣнена была по достоинству безкорыстная дѣятельность кружныхъ работниковъ на этой нивѣ, не забыты были услуги и менѣе видныхъ дѣятелей и, наконецъ, масса безвѣстныхъ труженниковъ и собирателей, — а имя имъ легионъ — имѣла утѣшеніе видѣть, что ихъ скромныя усилія не пропали даромъ, что собранные ими матеріалы вошли въ научный обиходъ и въ совокупности своей сдѣлались основою, фундаментомъ для научныхъ выводовъ и обобщеній.

Каждый разрядъ историческихъ матеріаловъ заключаетъ въ себѣ кое-какія свѣдѣнія для археологіи. Возьмемъ изданные памятники. Въ напечатанныхъ доселѣ лѣтописяхъ мы найдемъ не мало прямыхъ положительныхъ данныхъ для русской археологіи: тамъ, какъ извѣстно, находится чрезвычайно важныя свѣдѣнія для характеристики погребальныхъ обрядовъ русскихъ языческихъ славянъ, для уясненія церковнаго зодчества и искусства и т. п. Житія святыхъ чрезвычайно цѣнны для церковной археологіи. Изъ актовъ и грамотъ также можно было бы извлечь кое-какія матеріалы археологическаго характера; съ этою цѣлью слѣдовало бы подвергнуть тщательному пересмотру напечатанныя имѣя писцовыя книги и другія топографическія матеріалы, содержащія въ себѣ свѣдѣнія о курганахъ и городищахъ въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества; такія данныя находятся, напримѣръ, въ собранныхъ и изданныхъ мною матеріалахъ для исторіи колонизаціи и быта южной степной украины. Сказанія иностранцевъ — арабскихъ и византійскихъ писателей о древней Руси, какъ извѣстно, являются классическими и для археологіи. Сюда же примыкаютъ путешествія русскихъ людей и иностранцевъ: у Лепехина мы найдемъ описаніе древностей у Болгарь, у Рычкова сына — описаніе пермскихъ древностей, у Зуева — скатеринославскихъ кургановъ. Дали бы кое-что несомнѣнно и мемуары.

Правда, все это крупницы; притомъ основныя извѣстія хорошо извѣстны всѣмъ историкамъ и археологамъ. Однако въ интересахъ полноты необходимъ систематическій пересмотръ всѣхъ этихъ матеріаловъ и составленіе къ нимъ библиографическаго указателя. Быть можетъ, небезцельно было бы издать также эти матеріалы въ видѣ особой хресто-

матин, которая во всякомъ случаѣ была бы очень полезна для массы любителей археологiи, въ качествѣ справочнаго изданiя. Но несравненно болѣе обильный матеріалъ для русской археологiи дали бы наши архивы и хранилища рукописныхъ источниковъ. Какъ извѣстно, издаваемые историческіе памятники составляютъ ничтожную долю неизданныхъ; слѣдовательно, въ массѣ ихъ непременно отыщутся цѣнные извѣстія для археологiи¹⁾. Особенно же обильную жатву дадутъ архивы археологическихъ обществъ и учреждений, ставящихъ своею цѣлью специально археологическія изысканiя. Представимъ нѣсколько примѣровъ для доказательства этого положенiя.

Архивъ Имп. Археологической Коммиссiи далъ цѣнный матеріалъ проф. В. Б. Антоновичу для составленiя археологич. карты Волынской губ. Цѣнные матеріалы для историч. искусствъ находятся въ архивѣ Импер. Академіи Наукъ. Среди рукописей Москов. Общ. исторiи и древностей есть 24 снимка съ древностей Яросл. губ. Въ обществѣ любителей древне-русской письменности хранятся рукописи съ любопытными рисунками. Въ Имп. русскомъ Археологическомъ Обществѣ имѣется коллекція надписей (въ г. Булгарахъ). Въ библиотекѣ Моск. Археол. Общества—большое количество снимковъ и изображенiй съ древностей, найденныхъ въ Поволжскѣ, Литвѣ, Яросл. губ., съ рисунковъ къ описанію Кіева Закревскаго, альбомы рисунковъ Мартынова, Мерянскихъ могильниковъ и т. п.

Въ Тверскомъ музеѣ находится описаніе лицевой псалтыри, хранящейся въ Колязинскомъ мон., замѣчательной по своимъ художественнымъ миниатюрамъ. Въ Академіи художествъ хранится до 5000 метриковъ со свѣдѣніями о древнихъ зданiяхъ, храмахъ и вообще памятникахъ художественной старины съ X—XVIII в. (тамъ имѣется 1¼ тыс. пам. изъ 24 епархiй). Въ библиотекѣ Святѣйшаго Синода находятся масса описей церковныхъ древностей, вызванная запискою Московскаго митрополита Филарета 1853 г. Имп. Эрмитажъ имѣетъ много рукописей, украшенныхъ миниатюрами и рисунками. Въ архивѣ Оружейной палаты находятся описи церквей и патриаршей ризницы, царскаго и боярскаго имущества съ XVI в., послужившіе основой для капитальныхъ работъ И. Е. Забѣлина, П. И. Савванитова, Вельмана, Снегирева. Въ Межевомъ архивѣ можно найти свѣдѣнія о курганахъ и городищахъ. Изъ Государственнаго Архива Пекарскiй извлекъ данныя о золотыхъ и серебряныхъ вещахъ и посудѣ, попадавшей въ татарскихъ могилахъ въ Сибири, а также матеріалы для исторiи иконописанiя въ Россiи; тамъ хранится также много старинныхъ чертежей и плановъ (Москвы, Пскова и т. п.), болшею частью еще не изданныхъ (только часть ихъ напечатана въ Зап. Слав.-рус. Отдѣл. Археол. Общ.). Архивы духовнаго и военнаго вѣдомства также заключаютъ въ себѣ много данныхъ археологическаго характера (инженерный, артиллерійскiй, морской). Въ Имп. Публ. Б-кѣ хранятся бумаги извѣстнаго археолога Зоріана Доленги Ходаковскаго, коллекціи рѣдкихъ гравюръ, фотографическіе снимки съ архитектурныхъ и другихъ памятниковъ древностей ростовскихъ, ярославскихъ, московскихъ и вологодскихъ, собраніе древнихъ надписей. Въ Румянцевскомъ музеѣ находится множество рукописей съ миниатюрами (они же и въ Имп. Публ. Б-кѣ), бумаги А. Ф. Вельмана историческаго и археологическаго содержанiя, неизданные труды Маркова о Черниговскомъ краѣ, въ томъ числѣ статья его „О памятникахъ древности въ Черниговѣ“.

Я привелъ только небольшое количество примѣровъ, сдѣлавъ выборку ихъ изъ монументальнаго библиографическаго труда проф. В. С. Иконникова (Опытъ русской исторiографіи).

¹⁾ Въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ находятся бумаги А. Ф. Малиновскаго и въ числѣ ихъ матеріалы для историко-статист. описанiя Москвы и ея окрестностей, рукописи барона Бюдера, среди коихъ есть историко-статист. описаніе Астраханскаго края съ картами и рисунками.

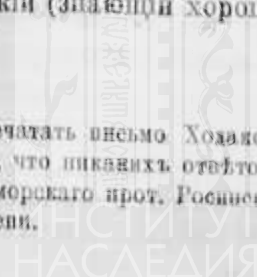
Но если мы обратимся къ систематическому обозрѣнію указателей и описей нашихъ рукописныхъ собраній и архивовъ, а вслѣдъ за тѣмъ и къ самимъ этимъ хранилищамъ, то получимъ обильный и весьма цѣнный археологическій матеріалъ, не бывший еще доселѣ въ научномъ обиходѣ.

Мнѣ кажется, что инициативу въ этомъ дѣлѣ могло бы на себя взять Московское Археологическое Общество, и въ частности его Археографическое отдѣленіе, съ тѣмъ чтобы привлечь къ его исполненію дѣятелей архивнаго дѣла какъ центральныхъ, такъ и всѣхъ областныхъ и провинціальныхъ хранилищъ. Этотъ трудъ можетъ быть выполненъ только *viribus unitis*, но чтобы сконцентрировать эти силы, нужно одно центральное учрежденіе, которое бы держало въ своихъ рукахъ нити этого сложнаго и кропотливаго дѣла. Взяться за это предпріятіе должно по моему мнѣнію, Моск. Археол. Общ. между прочимъ еще и потому, что въ его рукахъ находится дѣло составленія археол. картъ всѣхъ губ. и областей Россіи, а для этого желательно было бы воспользоваться и тѣми данными, о которыхъ я говорилъ выше.

Съ своей стороны, чтобы не остаться въ области однихъ *ria desideria*, я предлагаю нѣсколько документовъ чисто археологическаго содержанія, извлеченныхъ мною изъ Харьковского университетскаго архива, и архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, которыя я теперь разрабатываю для составляемой мною въ обширныхъ рамкахъ Исторіи Харьковского университета. Одинъ изъ этихъ документовъ — описаніе кievскихъ церковныхъ древностей, составленное извѣстнымъ кievскимъ археологомъ Берлинскимъ, по наведеннымъ справкамъ, оказался напечатаннымъ самимъ авторомъ въ Харьковскомъ повременномъ изданіи — „Украинскомъ журналѣ“ за 1824 годъ, № 2. Другой — письмо извѣстнаго археолога Ходаковского къ попечителю Харьковского учебнаго округа З. Я. Кариѣву, заключающее соображенія автора о границахъ славяно-русскихъ языческихъ племенъ въ связи съ распространеніемъ въ нынѣшней Россіи городищъ — былъ напечатанъ мною самимъ въ жур. „Кiev. стар.“ (1891 г., июнь); но теперь я нашелъ резолюцію на это письмо Кариѣва и отзывы на запросъ Ходаковского изъ области Войска Донскаго и Черноморскаго ¹⁾. Остальные четыре документа не были извѣстны въ печати; это 1) отчетъ проф. Рижскаго объ археологическихъ открытіяхъ, совершенныхъ имъ въ 1807 году, во время визитации училищъ въ Повороссіи; 2) докладъ проф. Роммеля объ ученой командировкѣ въ г. Славянскъ для изслѣдованія найденнаго тамъ камня съ древнею загадочной надписью; 3) донесеніе почетнаго смотрителя Прилуцкаго уѣзнаго училища Бѣлецкаго-Носенка о находкѣ бронзоваго истукана въ с. Радьковкѣ въ 1808 г. и 4) современное донесеніе объ открытіи древностей въ знаменитомъ Кульобскомъ могильникѣ близъ Керчи.

Вотъ подлинный докладъ проф. Рижскаго (отъ 4 октября 1807 г.): „Девятымъ пунктомъ данной мнѣ при отправленіи визитаторомъ инструкціи предписано стараться доставлять находящіеся въ мѣстахъ, чрезъ которыя буду я проѣзжать, древніе удобоперевозимые памятники или собирать о нихъ свѣдѣнія. Вслѣдствіе сего 1) я приобрѣлъ отъ учителя Одесской гимназіи протоіерея Куницкаго списокъ одной древней греческой надписи, присланный ему отъ покойнаго адмирала Де-Рибаса съ увѣдомленіемъ, что эта надпись и подъ нею находящіеся грубыя изображенія птицъ, высѣчены на камнѣ, найденномъ въ поселеніи его Де-Рибаса, лежащемъ на берегу Чернаго моря, верстахъ въ 35 отъ Одессы. Протоіерей Куницкій (знающій хорошо

¹⁾ Попечитель счелъ неудобнымъ, по нѣкоторымъ довольно важнымъ причинамъ, напечатать письмо Ходаковского въ университетскомъ журналѣ. Директоръ училища Войска Донскаго Поповъ донесъ, что никакихъ отвѣтовъ на вопросы Ходаковского онъ ни отъ кого не получилъ. Директоръ училища войска Черноморскаго прот. Росинскій написалъ, что городищъ у нихъ нѣтъ, а есть только курганы да укрѣпленія поздняго времени.

по-гречески), находя нѣкоторое затрудненіе въ прочтеніи помянутаго списка и приписывая это невѣрности списчика, обѣщаль доставить мнѣ другой списокъ, который онъ постарается снять съ подлинной надписи самъ, съѣздивъ нарочно для сего на мѣсто. Полученный мною списокъ приобщаю подъ буквою А. 2) Побуждаясь историческими свѣдѣніями о древнемъ знаменитомъ греческомъ поселеніи на берегахъ Буга, извѣстномъ подъ именемъ города Ольвіи и находящемся въ недалекомъ разстояніи отъ нынѣшняго города Николаева, отпралялся я нарочно на то мѣсто и честь имѣю представить сдѣланное мною описаніе того, что я по краткости моего тамъ пребыванія могъ замѣтить о семъ городищѣ (описаніе это приобщено подъ буквою Б.); найденныя частію прежде меня, частію по моему предложенію и при мнѣ разныя древнія достопамятности, какъ-то: цѣльный глиняный сосудъ, употребляемый древними греками въ обрядахъ богослуженія, отъ подобныхъ же сосудовъ десять отломковъ, представляющихъ разныя ихъ части, въ томъ числѣ одну ручку сосуда съ вытѣсненными на ней греческими словами, 15 мѣдныхъ и 1 серебряную древнихъ монетъ, изъ коихъ на большей части явственно видно оттисненное имя города Ольвіи, также мѣдный кубикъ съ 5 на одной сторонѣ точками, подобный костямъ, употребляемымъ въ игрѣ, и весьма малый мѣдный отломокъ, съ изображеніемъ на немъ русской буквы ѣ; представляю также при этомъ подъ буквою В. снятыя мною списки съ двухъ надписей, которые высѣчены на 2-хъ видѣнныхъ мною у тамошнихъ жителей камняхъ. По причинѣ нецѣльности камней я не разсудилъ ихъ приобрести, тѣмъ болѣе, что и тяжесть ихъ была бы не малымъ затрудненіемъ къ ихъ перевозкѣ. Въ бытность мою въ Екатеринославѣ, узнавъ, что при рытіи канала для обхода Ненасытецкаго порога на Дибрѣ, находя разныя вещи и видѣвъ самъ имѣющійся въ Екатеринославской гимназій найденный тамъ старинный якорь небольшого судна, ѣздилъ я на это мѣсто въ намѣреніи приобрести что-либо, достойное замѣчанія, и дѣйствительно приобрѣлъ представляемый мною отъ живущаго при ономъ порогѣ чиновника стволъ весьма стариннаго оружія съ оружейнымъ старымъ замкомъ, найденный въ нѣкоторой глубинѣ подъ гранитными камнями, когда они были разорваны порохомъ при дѣланіи помянутаго канала. Къ этому я приобщаю подъ буквою Г. сдѣланное мною краткое описаніе Ненасытецкаго порога и сказаннаго канала". За тѣмъ П. С. Рижскій подробно описываетъ еще одно солонгорькое озеро въ Новомосковскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. и дѣлаетъ перечень различныхъ камней, доставленныхъ имъ въ Университетъ для минералогическаго кабинета. Мы не будемъ касаться всего этого, а приведемъ только составленное имъ описаніе Ольвійскаго городища. „Мѣсто, на которомъ была Ольвія (т. е. бывшее во время Геродота въ цвѣтущемъ состояніи торговое поселеніе грековъ) лежитъ ниже Николаева около 25 в. на правомъ берегу Буга, имѣющаго тамъ ширины до 5 в., а нѣсколько (около полуверсты) ниже расширяющагося до 10 и болѣе верстъ и составляющаго такъ называемый лиманъ. Городище начинается близъ полуверсты ниже села Ильинскаго, иначе называемаго Порутино, и на пространствѣ отъ востока къ западу версты на три, а отъ сѣвера къ югу нѣсколько менѣе усѣяно разной высоты и обаятности холмами, находящимися другъ отъ друга въ различномъ разстояніи. Холмы эти, между коими находятся углубленія, подобныя ямамъ, суть, кажется, не что иное, какъ кучи, составившіяся изъ разрушившихся зданій. Въ этихъ холмахъ и углубленіяхъ, изъ коихъ нѣкоторые были рыты любопытствующими, находятъ обломки обработанныхъ искусствомъ, съ надписями и безъ оныхъ бывшихъ въ употребленіи у древнихъ грековъ камней, изрѣдка цѣлыя глиняныя кувшины, а болѣе куски сихъ сосудовъ и иногда древнія монеты. Самое любопытное мѣсто этого городища, гдѣ несравненно болѣе находятъ рѣдкостей и которое отъ тамошнихъ жителей называется городкомъ, лежитъ ниже сказаннаго Ильинскаго села около полуторы версты. Весь берегъ, на которомъ городище, глинистъ и довольно высокъ, но тамъ, гдѣ городокъ,

онъ имѣетъ высоты до 8 саж. Падающая сверху дождевая вода и возвышающаяся по временамъ въ Бугѣ отъ морскихъ вѣтровъ, откалывая части берега, особливо выдавшіяся къ рѣкѣ, сдѣлали берегъ утесистымъ во всю длину, какъ лежитъ вверху городище; внизу между подошвою берега и самою рѣкою остается неширокое, однако способное для прохода мѣсто. Въ утесахъ той части берега, на которой городокъ, явственно видны въ безчисленномъ количествѣ куски разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ, какъ бы нарочно воткнутые въ разномъ положеніи въ берегъ. Та же причина, отъ которой берегъ утесистъ, обнаруживаетъ и находящіяся въ немъ глиняные обломки. О происхожденіи ихъ, вѣроятно, что они суть остатки глиняныхъ сосудовъ, которые въ древнія времена въ великомъ множествѣ хранились въ бывшихъ въ семь мѣстѣ подъ зданіями погребовъ и тяжестью разрушившихся строеній разбиты на части, послѣ смѣшавшіяся съ землею. Кромѣ утесовъ берега, въ самомъ низу, между его подошвою и въ самой рѣкѣ, которая при этомъ берегѣ не глубока, валяется также безкопечное количество упомянутыхъ глиняныхъ, а иногда и мраморныхъ остатковъ. Небольшія и любопытнѣйшіе изъ нихъ, равно и монеты, находятъ какъ при подошвѣ утесистаго берега, такъ и въ самой рѣкѣ, наиболѣе послѣ большой воды. Въ другое же время жители изъ валяющихся въ великомъ множествѣ по берегу камней дѣлаютъ небольшія полукруглыя къ рѣкѣ запруды и выливая изъ нихъ лопатами на берегъ воду, съскиваютъ разныя небольшія вещицы, особливо мѣдныя, серебряныя и даже изрѣдка золотыя монеты. Вообще объ этомъ мѣстѣ можно сказать, что оно во всѣхъ отношеніяхъ достойно рачительнѣйшаго и долговременнѣйшаго разысканія, могущаго открыть какія-либо древнія историческія свѣдѣнія или по крайней мѣрѣ поясненія“.

Правленіе Университета, получивши этотъ рапортъ, постановило: списки греческихъ надписей передать въ Университетскую бібліотеку, съ тѣмъ, чтобы бібліотекаръ, проф. греч. яз. Белень-де-Баллю, буде окажется возможнымъ, перевелъ ихъ на русскій языкъ; древности и камня—отдать въ кабинетъ рѣдкостей подъ росписку проф. Шмерфельда, монеты (15 мѣдныхъ и 1 серебряную)—въ Мивць-Кабинетъ; описаніе Ольвійскаго городища и Ненасытецкаго порога напечатать въ Университетскомъ журналѣ, когда таковой явится на свѣтъ; описаніе солонгорькаго озера препроводить въ медицинскій факультетъ. Таковы результаты археологической экскурсіи проф. Рижскаго 1807 г.

А вотъ свѣдѣнія объ экскурсіи проф. Роммеля, сохранившіяся въ его собственныхъ воспоминаніяхъ. „Скоро послѣ приѣзда въ Харьковъ, пишетъ онъ, дано было мнѣ порученіе изъ Петербурга поднять и разобрать открытый близъ Славянска на Донцѣ большой камень съ неизвѣстными письменами. Спутниками моими были проф. Шмерфельдъ, въ качествѣ живописца, университетскій писецъ и унтеръ-офицеръ. Мы приѣхали поздно вечеромъ на утесистый берегъ Донца, къ Святогорскому монастырю, построенному на Мѣловой горѣ. Я немедленно приступилъ къ исполненію порученія, но къ величайшему моему стыду, скоро убѣдился, что грубые знаки таинственной надписи мнѣ недоступны. Оставалось сдѣлать факсимиле и послать въ Петербургъ. Только впоследствии, прибавляетъ въ примѣчаніи Роммель, открылъ я большое сходство между этими письменами и рунами сибирскихъ или скинскихъ народовъ, обнаруженными Палласомъ (въ *Nordische Beiträge*) и Спасскимъ (въ *De antiquis quibusdam Scriptis*, 1822). Наконецъ, въ 1817 г. нашелъ я въ Касселѣ, въ древнихъ могилахъ гунновъ, очень похожія письмена, еще никѣмъ не разобранныя. Это заставляетъ предполагать существованіе грубаго рунообразнаго письма, въ незапамятныя времена принесеннаго изъ Азіи въ Европу“. Желательно было бы знать, гдѣ нынѣ находятся этотъ камень съ загадочною надписью и не разобрана ли кѣмъ-нибудь эта послѣдняя.

Бѣлецкій-Носенко сообщаетъ данныя и соображенія объ одномъ городищѣ Прилуцкаго уѣзда, объ остаткахъ языческихъ обычаевъ у населенія и наконецъ передаетъ рассказъ о находкѣ древней бронзовой статуи въ сел. Радьковкѣ въ 1808 году. „Неподалеку отъ дома, пишетъ онъ, почтенные хозяева мнѣ разсказывали, послѣ проливного дождя, который вырѣзалъ въ пещавомъ берегѣ довольно глубокую рывину, найдена небольшая бронзовая статуя превосходной работы. Я ее видѣлъ. Вотъ описаніе: она величиною 4 вершка; представляетъ Венеру или Наяду въ цвѣтущей юности, уже вышедшею изъ воды; стыдливый взоръ ея обратился нѣсколько въ лѣвую сторону; сама невинность образовала ея юныя груди; едва успѣла она обвить легкою фатою нижнюю часть своего тѣла, оставя заднія округлости, совершенно образованныя, непокрытыми. Сію фату или драпировку, нерадиво связанную спереди узломъ и готовую, упавъ, обнаружить рѣдчайшія прелести, поддерживаетъ она лѣвою рукою; правою же она или выжимаетъ изъ длинныхъ локоновъ воду или оныя оправляетъ; такіе же длинные локоны пріятно разбросаны по ея лѣвому плечу и, высохнувъ, завились безъ искусства; на лбу волосы раздѣляются надвое и кверху надъ ушами завернулись кольцами; сверху ихъ примѣтна узкая повязка и надъ нею изъ волосъ хохолокъ, также надвое раздвоенный. Ноги до колѣнъ отломаны. Теперь она вставлена въ прекрасный деревянный черный пьедесталъ, совершенно соответствующій темнозеленому ея цвѣту. Надобно думать, что она весьма древняя, посліко непросвѣщенное суевѣріе, получа ея изъ погруженной еще въ язычество Греціи, въ послѣдствіи времени, изъ ложной надобности, думало украсить свое божество серьгами, что примѣтно по испорченнымъ ея ушамъ; а можетъ, сіи серьги, будучи весьма драгоценны, были оторваны обращенными въ христіанство, а идолъ сорванный со своего подножія, заброшенъ былъ въ сіе мѣсто. По приказанію владѣльцевъ, на этомъ мѣстѣ было рыто, но ничего болѣе не отыскано. Не Лада ли это, богиня бѣлая? Не зеленелася ли русалка? (Сивы или Сябы, я не упоминаю; она имѣла въ лѣвой рукѣ виноградную кисть, а въ правой яблоко и длинные, но прямые волосы, покрывали всю ея спину—Геродотъ, кн. 4-я). Кто занесъ въ сіи мѣста столь прекрасное произведеніе ваятельнаго искусства просвѣщенныхъ народовъ? Не скиѣскій ли Платонъ—мудрый Анахарсисъ, который удивлялъ здравомысліемъ своимъ Лонянъ и въ замѣну за свои замысловатыя изрѣченія привнесъ въ свое отечество иноземныхъ боговъ? Сѣдая древность сокрыла всю истину подъ непроницаемымъ покровомъ протекшихъ вѣковъ и оставила намъ однѣ слабыя и неосновательныя догадки.“

Обзоръ дѣятельности ученыхъ губернскихъ архивныхъ комиссій 1896—1898 гг.

М. В. Довнаръ-Запольскаго.

На прошломъ Археологическомъ Създѣ въ Ригѣ состоялось постановленіе Археографической его секціи, принятое Създомъ, о томъ, чтобы губернскія ученые архивныя комиссіи присылали въ Предварительный Комитетъ Създа свои отчеты за трехлѣтіе для составленія изъ нихъ одного своднаго отчета и для доклада его Създу. Такой сводный отчетъ я и имѣю ввиду представить. Въ сферѣ русскаго научнаго движенія архивныя комиссіи представляютъ пріятное явленіе. Являясь, на мѣстахъ своей дѣятельности хранителями мѣстной старины, онѣ весьма часто раздвигаютъ свои рамки подвергая научному изученію историческое прошлое мѣстности, и печатные труды ихъ доказываютъ серьезное развитіе исторической науки въ провинціи. Мало того. Въ послѣдніе годы комиссіи идутъ еще дальше, стараясь привить интересъ къ изученію древности и въ средѣ общества, для чего публичные музеи и лекціи служатъ могущественнымъ средствомъ. Ввиду широты дѣятельности архивныхъ комиссій, прослѣдить ее за трехлѣтіе — значитъ подвести итоги успѣховъ научной дѣятельности въ значительной части русской провинціи.

Къ сожалѣнію, на этотъ разъ намъ не придется изложить дѣятельность комиссій во всей желательной полнотѣ и прежде всего потому, что изъ 18 нынѣ дѣйствующихъ комиссій не всѣ пожелали прислать свои отчеты въ Предварительный Комитетъ Създа. Присланы отчеты Калужской, Костромской, Нижегородской, Оренбургской, Симбирской, Тамбовской, Черниговской и Ярославской комиссіями. О дѣятельности нѣкоторыхъ другихъ комиссій, какъ Рязанской, Орловской, Таврической можно составить представленіе по ихъ отчетамъ, вышедшимъ въ печати, но и то только за 1896 и 1897 гг.

Въ работахъ комиссій на первый планъ прежде всего выступаютъ двѣ стороны: разборка и описаніе мѣстныхъ архивовъ и археологическія разысканія и раскопки.

Въ дѣлѣ разборки архивовъ, дѣятельность комиссій за истекшее трехлѣтіе, какъ и въ прежніе годы, отличалась большою успѣшностью. Почти всѣ комиссіи имѣютъ свои историческіе архивы; здѣсь и сосредоточиваются выбираемые ими для храненія дѣла изъ разныхъ административныхъ учреждений, обращающихся за содѣйствіемъ комиссій въ дѣлѣ опредѣленія научнаго значенія тѣхъ или иныхъ памятниковъ стариннаго дѣлопроизводства. Но въ тоже время въ эти архивы включаются частныя пожертвованія рукописями и документами.

Эта послѣдняя сторона въ дѣятельности комиссій заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ безъ ихъ участія тысячи рукописныхъ памятниковъ старины могли бѣ погибнуть вслѣдствіе разныхъ случайностей, которымъ вообще подвергаются у насъ частныя собранія.

Переходя къ фактамъ, начнемъ нашъ обзоръ съ комиссій центральныхъ губерній.

Въ *Рязанской* комиссіи занятія дѣлами происходили еженедѣльно по субботамъ. Въ теченіе 1896 г. комиссія распредѣлила свой трудъ между Губернскимъ архивомъ, разобравъ около 12785 его дѣлъ и отобравъ для архива около 300, архивомъ мѣстной казенной палаты, городской управы и гимназіи; кромѣ того, въ комиссію присылались для просмотра описи Харьковско-Полтавскимъ управленіемъ государственныхъ имуществами. Рядомъ съ просмотромъ дѣлъ, въ комиссіи шло описаніе документовъ историческаго архива, уже ранѣе отобранныхъ въ него, но еще не описанныхъ; изъ нихъ описано нѣсколько тысячъ дѣлъ. Въ 1897 г., по словамъ отчета, работа по разборкѣ архивовъ была менѣе интенсивной. Разматривались въ этомъ году дѣла Архива губернскаго правленія, статистическаго комитета и нѣкоторыхъ учреждений, приведены въ порядокъ дѣла дома трудолюбія въ Рязани, описи дѣлъ Московской казенной палаты.

Въ оба года архивъ Рязанской комиссіи обогатился цѣнными пожертвованіями: такъ въ 1896 г. въ него поступили отъ А. В. Селиванова документы рода Селивановыхъ, отъ С. Н. Волкова — документы рода Волковыхъ; въ 1897 г. С. Ф. Трухачевымъ пожертвованъ его семейный архивъ и нѣкотор. др.

Отчеты Рязанской комиссіи называютъ слѣдующихъ своихъ сочленовъ, наиболѣе потрудившихся въ дѣлѣ разсмотрѣнія и описанія дѣлъ: А. Д. Поваляшина, В. А. Перцева, И. И. Проходцева, барона Н. В. Остенъ-Дризеня и др.

Въ *Костромской* комиссіи въ 1896 г. предсѣдателемъ ея Н. Н. Селифонтовымъ составлено описаніе 85 рукописей, пожертвованныхъ г. Полозовымъ, и 600 рукописей — пожертвованныхъ г. Львовымъ изъ села Загряжья Буйскаго уѣзда, стариннымъ дѣламъ Костромской казенной палаты и бывшей Палаты государственныхъ имуществъ. Такъ же просматривались и описывались рукописи въ 1897 и въ 1898 гг. Къ послѣднему году относится описаніе весьма интересныхъ въ научномъ отношеніи документовъ Великосольской земской избы и ратуши. Въ томъ же году составлено А. Н. Соловьевымъ описаніе 108 рукописей XVII и XVIII вв., принадлежащихъ церкви села Коровнова Солигаличскаго уѣзда.

Большой интересъ представляютъ собою пожертвованія, поступившія за истекшее трехлѣтіе въ историческій архивъ Костромской комиссіи. Пожертвованія эти выдѣляются какъ по своимъ размѣрамъ (напр. В. А. Пазухинымъ пожертвовано 500 рукописей, отъ В. А. Охлобыстина нѣсколько тысячъ документовъ бывшей Большесольской земской избы и ратуши, отъ г-жи Озеровой — 200 рукописей семейнаго архива и пр.), такъ и по важности ихъ историческаго значенія.

Тамбовская комиссія также занималась разборкою дѣлъ разныхъ провинціальныхъ архивовъ. Въ этомъ направленіи работали преимущественно члены ея гг. Пискаревъ, Курбатовъ и Дубасовъ. Въ 1897 г. напр. просмотрѣно до 40,000 дѣлъ и отобрано въ архивъ до 1000; въ другіе годы — меньше.

Въ *Орловской* комиссіи разборкою дѣлъ занимался ея правитель дѣлъ С. А. Блохинъ. Сюда поступали преимущественно дѣла изъ не мѣстныхъ учреждений, какъ то Кіевской казенной палаты и Кіевского губернскаго казначейства, изъ казначействъ Волынской губерніи, Черниговской и Полтавской.

Такое же разнообразіе учреждений, приславшихъ свои описи на просмотръ, замѣчается и въ дѣятельности *Калужской* комиссіи. Предсѣдатель ея И. Д. Четыркинъ разматривалъ

въ 1896—7 гг. кромѣ дѣлъ Калужскаго губернскаго правленія, дѣла Сычевскаго (Смоленской губ.) казначейства, дѣла присланныя изъ Плоцкой губ. Правитель дѣлъ В. М. Кашкаровъ разсматривалъ описи дѣлъ Тульской казенной палаты, В. И. Ассонъ — описи дѣлъ Тарусскаго полицейскаго управленія. Въ 1898 г. дѣятельность комиссiи шла въ томъ же направленiи, и преимущественно тѣми же лицами, а также гг. Чельцовымъ и Соловьевымъ велся просмотръ описей. Кругъ учреждений, приславшихъ описи, еще болѣе расширился въ этомъ году. Кромѣ губернскихъ и уѣздныхъ учреждений, присылали въ комиссiю свои описи, напр. Рыннское Ломжинской губернии казначейство и Московская казенная палата. Въ общемъ дѣло просмотра описей и пополненiе губернскаго историческаго архива отбираемыми дѣлами приняло широкіе размѣры: въ 1896—7 гг. было просмотрѣно до 40000 дѣлъ. Кромѣ того этотъ архивъ пополнился нѣкоторыми частными пожертвованiями, а описанiемъ древнѣйшихъ его документовъ занимался членъ комиссiи г. Трейтеръ.

Столь же дѣятельно работала въ области архивовѣдѣнія и *Ярославская* архивная комиссiя. Всего разобрано по описямъ 40000 дѣлъ, а отобрано для храненiя въ комиссiи 2184 дѣла. Изъ поступившихъ архивныхъ дѣлъ и бумагъ слѣдуетъ отмѣтить, какъ заслуживающія особаго вниманiя: описи церковныхъ имуществъ, въ которыхъ сохранились въ подлинникахъ, копіяхъ и выдержкахъ акты XVI и XVII ст., затѣмъ дѣла ярославскаго комендантскаго управленія и другихъ административныхъ учреждений, дѣла объ ополченiяхъ 1807, 1812 и 1854 гг. и др.

Изъ документовъ, пожертвованныхъ частными лицами, заслуживаютъ особеннаго вниманiя столбцы XVII в., въ количествѣ около 200 экземпляровъ поступившіе отъ бывшаго ярославскаго губернатора А. П. Фриде и пр.

Нижегородская архивная комиссiя въ теченiе 1896—1898 гг. закончила опись дѣлъ Балахонскаго магистрата, Нижегородскаго намѣстническаго правленія. Архивъ комиссiи пополнился за это время переданными ей дѣлами Нижегородскаго окружнаго суда за старыя годы и Управленія государственныхъ имуществъ той же губернии. Были и крупныя пожертвованiя, вродѣ 600 столбцовъ отъ Казанскаго Общества Ист. и Древн.

Въ *Симбирской* комиссiи за истекшее время было разсмотрѣно 330 дѣлъ.

Отчетъ *Оренбургской* комиссiи въ подробностяхъ излагаетъ организацію просмотра документовъ и описей. Приведемъ это мѣсто отчета, такъ какъ оно хорошо разъясняетъ ходъ дѣла: „Приобрѣтя домъ и отремонтировавъ его хозяйственнымъ способомъ, комиссiя перевезла въ него дѣла архива, до того хранившiяся въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ въ холодныхъ и сырыхъ лавкахъ гостиннаго двора.

„Зиму 1896 г. дѣла были еще въ неразобранномъ и непригодномъ для какихъ-либо занятій видѣ, но лѣто того же года усилiями нѣсколькихъ безкорыстныхъ тружениковъ, съ предсѣдателемъ комиссiи во главѣ, архивъ былъ разобранъ на отдѣлы гражданскій, пограничный, башкирскій, казачій и секретный; въ каждомъ отдѣлѣ дѣла подобраны хронологически и разставлены въ должномъ порядкѣ по устроеннымъ для того полкамъ въ верхнемъ этажѣ дома комиссiи.

„Съ 1897 г. члены комиссiи приступили къ разсмотрѣнію дѣлъ и раздѣленію ихъ на дѣла, подлежащія храненію или уничтоженію, причемъ въ особый отдѣлъ „сравочный“ были выдѣлены дѣла, заключающія въ себѣ формулярные списки лицъ, служившихъ въ Оренбургскомъ краѣ. Въ 1897 г. было разсмотрѣно всего 10986 дѣлъ гражданскаго отдѣла; изъ нихъ къ храненію намѣчено 2556 и къ уничтоженію 8430 дѣлъ.

Въ 1898 г. разсмотрѣно 7464 дѣла того же отдѣла; изъ нихъ къ храненію намѣчено 2011 и къ уничтоженію 5453 дѣла. Такимъ образомъ, въ теченiе двухъ послѣднихъ лѣтъ

всего рассмотрѣно 18450 дѣлъ, изъ числа которыхъ къ храненію намѣчено 4567 и къ уничтоженію 13883 дѣла. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ ведутся описи. Весь трудъ по рассмотрѣнію дѣлъ несутъ сравнительно немногіе члены комиссіи и притомъ совершенно безвозмездно.

„Прежде уничтоженія дѣлъ въ комиссію посылались описи дѣламъ разныхъ правительственныхъ учреждений, а именно: Уфимскаго губернскаго правленія, Уфимской казенной палаты, Тургайскаго областного правленія, Орскаго уѣзднаго полицейскаго управленія, канцеляріи директора народныхъ училищъ Оренбургской губерніи, Уфимскаго уѣзднаго училища и почти всѣхъ волостныхъ правленій Оренбургской губерніи.

„Описи эти исключительно рассматривались г. Предсѣдателемъ и и. д. правителя дѣлъ. При этомъ тѣ дѣла, которыя, судя по заголовкамъ, казались заслуживающими вниманія, отмѣчались въ особой вѣдомости на предметъ выгребованія ихъ въ комиссію для рассмотрѣнія, а изъ описей Уфимскаго губернскаго правленія сдѣланы весьма обстоятельныя выписки.

Нѣкоторые изъ членовъ комиссіи были командированы въ мѣстные правительственныя учрежденія какъ для рассмотрѣнія архивныхъ дѣлъ, такъ и описей имъ. Напр. гг. Жуковский и Яковлевъ назначены были въ 1897 г. въ комиссію, рассматривавшую дѣла Тургайскаго областного правленія и опредѣлавшую ихъ къ храненію или уничтоженію; г. Шукшицевъ въ томъ же году былъ назначенъ въ комиссію по рассмотрѣнію описей дѣламъ Оренбургскаго губернскаго правленія съ 1886 по 1896 годъ включительно.

Въ *Таврической* комиссіи, по словамъ ея отчета, за 1896 г., разборъ архивовъ и выдѣленіе изъ нихъ дѣлъ, подлежащихъ храненію, шли не энергично. Впрочемъ въ оба года, 96 и 97 г., здѣсь не только просматривались описи дѣлъ, присылаемыхъ различными учреждениями, но изучались дѣла мѣстныхъ архивовъ. Комиссія съ прискорбіемъ отмѣчаетъ, что находящійся въ ея вѣдѣніи историческій архивъ достаточно разросся, но не получилъ еще научнаго устройства, — „между тѣмъ какъ, говоритъ отчетъ, при сочувственномъ отношеніи къ этому дѣлу и энергіи хотя нѣсколькихъ членовъ комиссіи, научная организація историческаго архива не представила бы большихъ затрудненій“.

До сихъ поръ, знакомясь съ дѣятельностью комиссій по разборкѣ дѣлъ и пополненію ими историческихъ архивовъ, мы видѣли дружную работу на этомъ поприщѣ. Въ одни годы она идетъ болѣе энергично, въ другіе менѣе. Это, конечно, вполне естественно. Но не менѣе важно и то, что комиссіи въ избыткѣ, часто превышающемъ ихъ силы, находятъ матеріалъ для этихъ архивныхъ работъ. Ни одинъ отчетъ не жалуется на препятствія въ доставленіи со стороны различныхъ учреждений дѣлъ и описей для разбора. Это доказываетъ, что общество сознательно и сочувственно относится къ работѣ комиссій. Но не всегда такъ бываетъ.

Одна изъ младшихъ комиссій, *Черниговская*, встрѣтала на своемъ пути цѣлый рядъ неожиданныхъ затрудненій, съ которыми весьма поучительно намъ познакомиться въ подробности. Приведу соответственное мѣсто изъ сообщенія комиссіи въ Предварительный комитетъ Съѣзда (отъ 16 февраля 1899 г.). Въ засѣданіи комиссіи 15 іюня 1897 г., происходившемъ подъ предсѣдательствомъ графа Милорадовича, сдѣлано было постановленіе, „о разсылкѣ по губерніи циркуляра всѣмъ учреждениямъ и должностнымъ лицамъ всѣхъ вѣдомствъ о доставленіи въ комиссію дѣлъ подлежащихъ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ имѣющихъ научный интересъ и затѣмъ для вѣчнаго храненія ихъ въ историческомъ музеѣ комиссіи. (Положеніе: §§ 1 и 5 п. а). На этотъ призывъ большинство отозвалось отрицательно: одни—что вовсе нѣтъ никакихъ дѣлъ подлежащихъ уничтоженію, другіе—что у нихъ

нѣтъ-де интересныхъ или важныхъ дѣлъ, хотя опредѣленіе достоинства тѣхъ или другихъ актовъ вполне принадлежитъ Архивной комиссіи.

„Губернскій казначей отказалъ въ доставленіи старыхъ дѣлъ, сославшись на циркуляръ Департамента государственнаго казначейства отъ 12 марта 1892 г.

„Духовная консисторія отказала въ присылкѣ старыхъ дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію, сославшись на указъ Святѣйшаго Синода отъ 19 января 1896 г., по коему епархіальное начальство должно приступать къ уничтоженію какихъ бы то ни было дѣлъ Консисторіи съ крайнею осмотрительностію, только въ случаяхъ затруднительности Консисторіи, при тѣснотѣ ея архивныхъ помѣщеній, хранить старыя дѣла, ненужныя для движенія текущихъ дѣлъ, и то послѣ детального разбора подлежащихъ къ уничтоженію дѣлъ особыми комиссіями изъ наставниковъ семинаріи, духовенства и другихъ лицъ, интересующихся дѣломъ науки.

„Подобнымъ образомъ отнесся къ циркуляру комиссіи и предсѣдатель Нѣжинскаго окружнаго суда. Согласно постановленію общаго собранія сего года отъ 22 апрѣля 1898 г., онъ увѣдомилъ комиссію, что „въ дѣлахъ Нѣжинскаго окружнаго суда, подлежащихъ уничтоженію нѣтъ, и при соблюденіи Высочайше утвержденныхъ 13 марта 1885 года Правилъ о разборѣ архивовъ судебныхъ установленій, образованныхъ на основаніи судебныхъ уставовъ (Собраніе узаконеній 1885 г., № 43) не можетъ быть такихъ дѣлъ, которыя бы имѣли научный интересъ, ибо, согласно 7 ст. упомянутыхъ правилъ, пунктъ л, кромѣ указанныхъ въ ней родовъ дѣлъ (какъ дѣла о богохуленіи, кощунствѣ, святотатствѣ, объ ересьяхъ и расколахъ, убійствахъ, поджогахъ и пр.), не подлежатъ уничтоженію, а должны быть сохраняемы въ архивахъ судебныхъ установленій всѣ тѣ дѣла и бумаги, которыя хотя и не поименованы въ предыдущихъ пунктахъ этой статьи, но имѣютъ историческое значеніе, или представляютъ интересъ въ этнографическомъ, топографическомъ, статистическомъ, судебно-медицинскомъ или вообще въ научномъ, либо бытовомъ или политическомъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ если окружнымъ судомъ признаются какія либо дѣла подлежащими уничтоженію, то въ виду вышеприведеннаго требованія упомянутыхъ Правилъ, это можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда между этими дѣлами не замѣчается дѣлъ и бумагъ, имѣющихъ научный интересъ, ибо въ противномъ случаѣ дѣла и бумаги послѣдняго рода, согласно точнаго смысла означенныхъ правилъ, не подлежали бы ни уничтоженію, ни передачѣ въ Архивную комиссію, и должны бы остаться на храненіи въ архивѣ окружнаго суда“.

„Управляющій Черниговскою Контрольною палатою увѣдомилъ, что „отчетности и дѣла управляемой имъ палаты не будутъ передаваемы въ Архивную комиссію, такъ какъ относительно храненія и уничтоженія отчетностей и дѣлъ по Государственному Контролю существуютъ особыя правила, Высочайше утвержденныя 2 іюля 1891 г.“

„Былъ и такой случай: Черниговскій губернскій училищный совѣтъ согласился было удовлетворить просьбу Архивной комиссіи передачей ей такихъ дѣлъ, „которыя дѣйствительно утратили всякое значеніе и подлежатъ къ уничтоженію“ (отношеніе 28 марта за № 605), но впоследствии директоръ народныхъ училищъ Черниговской губерніи увѣдомилъ комиссію, что „Попечитель Кіевского учебнаго округа, усматривая изъ представленнаго имъ, директоромъ, списка дѣлъ ввѣренной ему дирекціи, предназначенныхъ къ передачѣ на храненіе въ мѣстномъ историческомъ музеѣ послѣ разсмотрѣнія ихъ Губернскою комиссіей, что нѣкоторыя изъ оныхъ дѣлъ могутъ быть нужны учебному вѣдомству для справокъ — не нашель возможнымъ передавать таковыя дѣла для храненія въ означенномъ музеѣ, тѣмъ болѣе, что дѣла эти не могутъ представлять интереса для цѣлей Архивной комиссіи“.

Раскопки.

Архивныя работы—только одна сторона въ работѣ комиссій. Отъ обзорѣнія ея перейдемъ къ другой, не менѣе важной — къ производству археологическихъ раскопокъ. Съ послѣдними въ самой тѣсной связи стоитъ и пополненіе музеевъ комиссій.

Въ *Рязанской* комиссіи дѣло археологическихъ раскопокъ было широко поставлено. Произведенныя въ 1896 г. подъ руководствомъ А. И. Черепнина раскопка 60 кургановъ въ Рязанскомъ, Спасскомъ и Зарайскомъ уѣздахъ и обследованіе тамъ же 16 городищъ, рядъ раскопокъ выполненныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи въ 1897 г., осмотръ городковъ, городищъ и др. пунктовъ, хранящихъ предметы древности,—дали богатые научные результаты.

Я не буду излагать ихъ: отдѣльныя статьи въ „Трудахъ“ комиссій и въ особенности подробные отчеты ея, несомнѣнно, всѣмъ намъ извѣстны. Позволю себѣ только отмѣтить, что Рязанская комиссія тщательно слѣдитъ за всѣми находками древностей въ губерніи: узнавъ о нихъ, она немедленно принимаетъ мѣры къ провѣркѣ слуховъ о находкахъ и къ собиранію предметовъ, если они не успѣли разойтись по рукамъ. Результатомъ дружной работы комиссій на этомъ поприщѣ является обогащеніе музея, постоянно увеличивающееся частными отдѣльными пожертвованіями. Количество пожертвованій въ Музей весьма велико. Среди нихъ встрѣчаемъ много монетъ, разныхъ предметовъ курганнаго періода, церковныя древности и, между прочимъ, ручныя крестьянскія работы кружевъ, полотна и т. п. относящіяся къ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія.

Въ *Костромской* комиссіи раскопки производились А. И. Поливановымъ, гг. Бекаревичами и др. членами комиссій, преимущественно въ Костромскомъ и Варнавинскомъ уѣздахъ. Въ теченіе всего трехлѣтія Музей комиссій дѣятельно пополнялся предметами археологій, изъ которыхъ, повидимому, наибольшее число принадлежало предметамъ каменнаго вѣка, возвращаемымъ изъ Императорской Археологической комиссій. Въ 1898 г. Музей пополнился кромѣ того древнимъ оружіемъ, старинными одеждами, картинами, гравюрами и большимъ количествомъ монетъ.

Тамбовская комиссія по недостатку средствъ совсѣмъ не производила раскопокъ. Въ такомъ же положеніи оказалась *Орловская* комиссія въ 1896 г. Только въ 1897 г. А. Н. Шульгинымъ произведены были небольшія раскопки древнихъ могильниковъ на рѣкѣ Цнѣ, недалеко отъ ея впаденія въ Оку.

Обслѣдованіе археологическихъ памятниковъ *Калужской* губерніи приняло въ мѣстной комиссій двоякое направленіе. Предсѣдатель комиссій П. Д. Четыркинъ производилъ раскопки въ разныхъ частяхъ губерніи (на рѣкѣ Калужкѣ близъ деревни Жданимірова и на городищѣ „Дуна“ въ Козельскомъ уѣздѣ) В. М. Кашкаревъ, частью одинъ, частью съ П. Д. Четыркинымъ занимался внѣшнимъ изслѣдованіемъ памятниковъ старины — городищъ, кургановъ и пр., при чемъ дѣлались и фотографическіе снимки. Музей пополнился значительнымъ количествомъ предметовъ.

Изслѣдованія памятниковъ доисторическихъ, произведенныя членами *Ярославской* комиссій, по справедливому замѣчанію ея отчета, обратили на себя большое вниманіе въ наукѣ. Намъ не нужно на нихъ останавливаться: достаточно напомнить, что тутъ имѣются ввиду раскопки В. А. Городцева на Черной горѣ и П. А. Тихомирова въ селѣ Михайловскомъ.

Симбирская архивная комиссія, по справедливости, можетъ гордиться, не столько райономъ и результатами своихъ раскопокъ, сколько богатымъ развитіемъ мѣстнаго музея. По-

жертвованія въ него поступаютъ въ весьма значительномъ размѣрѣ: достаточно напомнить о богатой коллекціи монетъ А. В. Толстого, коллекціи крестовъ В. Н. Поливанова, поступившихъ въ Музей, и нѣкоторыхъ другихъ. Музей въ 1896 г. въ своемъ годичномъ отчетѣ, насчитывалъ всего около 650 предметовъ и около 3000 монетъ, а въ 1898 г.—около 4¹/₂ тысячъ предметовъ и почти такое же количество монетъ.

Чтобы покончить съ обзоромъ этой дѣятельности архивныхъ комиссій по изученію археологіи, достаточно указать на то, что въ *Оренбургской* комиссіи, по недостатку средствъ, раскопки производились ея сочленами на свой счетъ, а въ *Таврической* — Музей пополнялся преимущественно пожертвованіями Императорской Археологической комиссіи.

Въ ближайшей связи съ занятіями комиссій по археологіи и по устройству музеевъ стоятъ работы ихъ по охраненію памятниковъ старины.

Почти каждая изъ комиссій ежегодно имѣетъ случай воспрепятствовать невѣжественному разрушенію старинныхъ зданій или помочь въ ихъ реставраціи и т. п. Стоитъ привести хотя бы небольшое число примѣровъ. Такъ, *Таврическая* комиссія воспрепятствовала въ 1896 г. сломкѣ древней стѣны въ деревнѣ Эски-Сарай Симферопольскаго уѣзда, въ 1897 г. обратила вниманіе Императорской Археологической комиссіи на печальное состояніе развалинъ греческой крѣпости въ селѣ Алуштѣ, препятствовала невѣжественному разрытію кургановъ и пр. *Нижегородская* комиссія принимала дѣятельное участіе въ реставраціи старинной Димитровской башни Нижегородскаго кремля. *Ярославская* комиссія даже выдѣлила спеціальную суб-комиссію по наблюденію за древними памятниками. Дѣятельность послѣдней можно считать весьма успѣшной: она принимала участіе въ реставраціи нѣсколькихъ церквей, снимала фотографическіе снимки съ древнихъ церквей и зданій и пр. Такъ какъ комиссіямъ больше всего приходится наблюдать за церквами, то *Симбирская* комиссія выхлопотала у мѣстной консисторіи разрѣшеніе, въ силу котораго консисторія обращается всякій разъ при реставраціи церквей, къ содѣйствію комиссіи. Въ такое же соглашеніе съ мѣстною консисторіею вошла *Рязанская* архивная комиссія, немало также работающая на почвѣ охраненія памятниковъ старины.

Важная сторона дѣятельности комиссій заключается также въ изданіи и научной обработкѣ историческихъ матеріаловъ, которыми въ настоящее время пользуются многіе изъ ученыхъ.

Я впрочемъ, не буду останавливаться на обзорѣ изданій архивныхъ комиссій, по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что такой обзоръ не входитъ въ программу обычныхъ съѣздовыхъ отчетовъ о дѣятельности комиссій, а во вторыхъ потому, что такой обзоръ уже сдѣланъ, и притомъ очень удачно, въ статьѣ г. Рудакова въ одной изъ лѣтнихъ книжекъ „Историческаго Вѣстника“. Относительно ученыхъ работъ комиссій я позволю себѣ отмѣтить только одно обстоятельство: за послѣднее трехлѣтіе въ этой сферѣ, какъ мнѣ кажется, совершается замѣтный поворотъ: многія комиссіи переходятъ отъ изданія мелкихъ докладовъ, матерьяловъ, сообщеній къ болѣе или менѣе крупнымъ предпріятіямъ, въ родѣ изданій писцовыхъ книгъ и систематическаго изданія актовъ, за что, на примѣръ, взялась *Рязанская* комиссія и пр.

Такой переходъ можно только приветствовать.

Итакъ, комиссіи разбираютъ и описываютъ архивы, накапливаютъ свои собственные архивы, производятъ раскопки, обогащаютъ музеи, печатаютъ научные труды. Каждая комиссія служитъ объединяющимъ центромъ для лучшей части интеллигенціи въ губерніи. Едва ли слѣдуетъ разяснять, какое важное значеніе ихъ дѣятельность должна имѣть въ смыслѣ общаго развитія любви къ исторической наукѣ въ обществѣ: количество посѣщеній музеевъ

(напр. *Симбирскаго*, *Таврическаго* и пр.) служить лучшимъ тому доказательствомъ. Но здѣсь необходимо отмѣтить, что нѣкоторыя комиссіи идутъ еще дальше въ дѣлѣ распространенія знаній въ публикѣ: въ истекшее трехлѣтіе читались публичныя лекціи членами комиссій въ *Костромѣ*, а въ *Рязани* эти чтенія приобрѣли даже систематическій характеръ и имѣютъ большой успѣхъ. *Симбирская* комиссія устраивала публичныя засѣданія по поводу 200-лѣтія Симбирска, и почти всѣ комиссіи публично чествовали память Пушкина, устраивая иногда и выставки (напр. въ *Ярославль*). Лекціи и публичныя чтенія — дѣло новое для комиссій, но настолько симпатичное, что ему остается только пожелать развитія и успѣха.

Однако работа комиссій встрѣчается на своемъ пути не мало препятствій. Препятствія эти — отсутствіе или недостаточность средствъ и помѣщенія.

Когда комиссія получаетъ собственное помѣщеніе для засѣданій, музея или архива, — это составляетъ семейный праздникъ мѣстныхъ ученыхъ, имѣющій важное значеніе для науки.

Такъ отчетъ *Калужской* комиссіи отмѣчаетъ переходъ свой въ новое помѣщеніе — въ древній домъ Марины Мнишекъ и съ чувствомъ глубокой признательности говоритъ о мѣстномъ губернаторѣ А. А. Офросимовѣ, предводителѣ дворянства Н. С. Яновскомъ, представившимъ этотъ домъ комиссіи.

Таврическая комиссія въ 1896 г. перешла въ новое помѣщеніе и тотчасъ же открыла въ немъ публичный музей. Въ 1897 г. она получила „согласіе Императорской Археологической комиссіи и г. начальника губерніи на устройство при ханскомъ дворцѣ въ Бахчисараѣ этнографическаго и историко-археологическаго музея, который будетъ состоять изъ предметовъ, касающихся исторіи и быта крымскихъ татаръ. Устраивая этотъ музей, какъ отдѣленіе своего музея древностей, находящагося въ Симферополѣ, комиссія надѣется, что онъ вызоветъ особый интересъ въ мѣстномъ татарскомъ населеніи и побудитъ его къ жертвованіямъ имѣющихся у него предметовъ быта и памятниковъ древности; съ другой стороны этотъ музей усилитъ, конечно, и интересъ, представляемый самимъ ханскимъ дворцомъ въ Бахчисараѣ. Инициатива устройства этого музея принадлежитъ члену комиссіи А. Г. Ивановко“.

Симбирская комиссія получила въ 1897 г. подвальное помѣщеніе въ зданіи присутственныхъ мѣстъ для архива и приспособила его для храненія документовъ. Но, къ сожалѣнію, та же комиссія лишилась въ 1898 г. помѣщенія для своего музея и библіотеки, помѣщавшихся въ домѣ Симбирскаго дворянства. Ей пришлось перейти въ новое наемное помѣщеніе, совсѣмъ непригодное для музея.

Въ *Орловской* комиссіи еще въ 1896 г. былъ поднятъ губернаторомъ А. Н. Трубниковымъ вопросъ объ учрежденіи губернскаго музея при архивной комиссіи, причѣмъ имъ предоставлено было особое помѣщеніе въ зданіи губернскаго правленія для устройства этого музея. Особою подкомиссіею составленъ былъ проектъ организаціи музея по типу губернскихъ музеевъ, существующихъ уже въ другихъ городахъ. Музей этотъ предположено организовать изъ 12 отдѣловъ: 1) географическаго, 2) естествовѣдѣнія, 3) этнографіи, 4) археологіи и нумизматики, 5) церковно-историческаго, 6) историческаго и архивнаго, 7) народнаго образованія, 8) сельско-хозяйственнаго, 9) промышленно-торговаго, 10) научнаго, 11) литературнаго и 12) художественнаго. Комиссія, утвердивъ составленную программу организаціи музея, постановила обратиться къ мѣстному епархіальному начальству, къ гг. предводителямъ дворянства, представителямъ земства, администраціи и другимъ учрежденіямъ. На призывъ комиссіи откликнулись нѣкоторыя учрежденія и лица и пожертвованія стали поступать. 7 октября 1897 г. послѣдовало открытіе музея, и сейчасъ же въ него стали поступать пожертвованія.

Слѣдуетъ также съ прѣвѣтствіемъ отмѣтить образованія при *Костромской* комиссіи особаго Романовскаго отдѣла при Музеѣ, а при *Нижегородской* — основаніе въ 1897 г. Городскаго художественнаго и историческаго музея. Цѣль Музея слѣдующимъ образомъ опредѣлена въ его уставѣ: а) „распространять художественное и историко-археологическое образованіе и наглядно знакомить съ произведеніями искусства и предметами древности и б) служить хранилищемъ коллекцій, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, отдаваемыхъ въ Музей на благо просвѣщенія“.

Въ дѣлѣ устройства собственнаго помѣщенія, *Рязанская* комиссія пошла впереди другихъ: не рассчитывая на помощь администраціи, она рѣшила построить историческій музей собственными силами.

Въ истекшемъ году комиссія получила возможность сдѣлать первый шагъ на пути осуществленія насущной для нея необходимости: обзавестись собственнымъ зданіемъ, въ которомъ съ должною безопасностью и просторомъ могли бы найти себѣ помѣщеніе собранья въ Музеѣ древности. По предложенію А. Д. Поваляшина комиссія въ засѣданіи 20 октября 1897 г. постановила учредить особый фондъ на постройку зданія Историческаго Музея. „На первыхъ порахъ рѣшено было открыть пріемъ пожертвованій и устроить рядъ публичныхъ лекцій. Въ первой серіи публичныхъ лекцій, состоявшейся въ ноябрѣ и декабрѣ прошлаго года, приняли участіе А. И. Черепнинъ, А. А. Грунау, Е. И. Воскресенскій, баронъ Н. В. Остенъ-Дривенъ и В. С. Малченко. Сумма, вырученная отъ чтеній въ размѣрѣ 201 р. 07 к. и положила основаніе особому фонду.“

Упомянутое рѣшеніе комиссіи нашло откликъ со стороны А. В. Половцева, который прочелъ въ Рязани 20 декабря 1897 г. публичную лекцію „Петръ Великій въ Голландіи и 200-лѣтній Петровскій юбилей въ Заандамѣ въ августѣ 1897 г.“, весь доходъ отъ которой пожертвовалъ въ фондъ на постройку Музея.

Одновременно съ пожертвованіемъ А. В. Половцева въ фондъ внесено княземъ В. П. Голицынымъ 100 руб. и лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, черезъ А. О. Поваляшина, пожертвованъ одинъ билетъ 4% государственной ренты въ 100 руб.

Наконецъ, по постановленію комиссіи отъ 18 декабря, въ тотъ же фондъ перечислены 58 руб. 60 коп. поступившіе отъ публичныхъ лекцій А. И. Кизеветтера, устроенныхъ членомъ комиссіи В. С. Малченко въ февралѣ 1897 г. съ цѣлью основанія особаго фонда для популяризаціи свѣдѣній о задачахъ и результатахъ дѣятельности Рязанской Ученой Архивной комиссіи. Такимъ образомъ особый фондъ на постройку Рязанскаго Историческаго Музея къ 1 января 1898 г. состоитъ изъ 500 руб. Достаточно прибавить, что къ концу 1898 г. фондъ на постройку дома удвоился.

Переходя къ обзору денежныхъ средствъ комиссій, надо замѣтить, что въ этомъ отношеніи замѣчается большое разнообразіе. Приходы и расходы отдѣльныхъ комиссій весьма неодинаковы.

По размѣру прихода выдѣляются двѣ комиссіи: *Рязанская* и *Костромская*. Приходъ Рязанской въ 1896 г. составлялъ 3114, въ 1897 г.—2724, въ 1898 г.—2877, а Костромской—въ 1896 г.—3637, въ 1897 г.—2147 р.

Это наиболѣе богатая комиссія. Въ послѣдній годъ *Симбирская* комиссія подходитъ къ двумъ первымъ, такъ какъ въ 1898 г. ея чистый приходъ равнялся 2554 р., тогда какъ въ 1896 г. составлялъ всего 1073 р.

Приходы остальныхъ комиссій значительно ниже. Напримѣръ, *Орловская* имѣетъ въ 1896 г.—1232 р., въ 1897 г.—650, *Нижегородская*—отъ 642 р. до 525 р., *Таврическая*—369 и 709, *Калужская* въ 1898 г. 352 р. Приходы *Ярославской* и *Тамбовской* совсѣмъ

ничтожны: напр. послѣдняя въ 1897 г.—получила всего 23 р. членскихъ взносовъ. Но дѣло даже не въ количествѣ ежегодныхъ поступленій, а въ ихъ случайности: доходъ составляется изъ случайныхъ поступленій, большею частью пожертвованій. Определенный бюджетъ имѣютъ только немногія комиссіи, но и онъ незначителенъ. Какъ велико колебаніе въ приходѣ, ясно будетъ изъ двухъ — трехъ примѣровъ. *Оренбургская* комиссія въ 1897 г. получила дохода 652 р., а въ слѣдующемъ — 102 р., *Таврическая* — въ 1896 г. — 369 р., а въ 1897 г. — 709 р. и т. п. Рязанская имѣла 2000 р. ежегодно стъ своего предсѣдателя покойнаго Повалишина, жертвовавшего свое жалованіе по должности члена по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Приходы *Орловской*, *Тамбовской* и нѣкоторыхъ другихъ комиссій совершенно случайны. Только *Костромская*, *Симбирская*, *Рязанская*, *Нижегородская* и *Калужская* пользуются постоянными субсидіями отъ земствъ,

Вообще отчеты комиссій единодушно отмѣчаютъ и недостаточность средствъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, часто полное ихъ отсутствіе, и случайность разнаго рода поступленій. Послѣднее обстоятельство, безъ сомнѣнія, должно удерживать архивныя комиссіи отъ планомѣрныхъ научныхъ работъ, требующихъ определенныхъ средствъ, вѣроятно, вліяетъ на случайный подборъ печатаемыхъ матеріаловъ, производимыхъ раскопокъ и пр. Эти недостатки чувствуются даже и комиссіями, обладающими небольшими субсидіями. Приведемъ слова отчета Оренбургской комиссії, хотя такое же впечатлѣніе оставляетъ и просмотръ другихъ отчетовъ: „Средства комиссії составляютъ ея больное мѣсто. Дѣятельность ея становится болѣе разнообразною и требуетъ болѣе значительныхъ расходовъ, а между тѣмъ средства ея таковы, что она не можетъ сводить концы съ концами. Постояннымъ источникомъ дохода служатъ ежегодно ассигнуемые Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ на ремонтъ и содержаніе дома комиссії 350 р.; другіе-же источники случайные: такъ въ 1897 г. Е. М. Симановъ пожертвовалъ 100 руб. на устройство музея. Членскіе взносы поступаютъ чрезвычайно туго, а между тѣмъ на комиссіи лежитъ долгъ Оренбургскому Отдѣлу Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ суммѣ 819 р. 33 к., считая и проценты“.

Такимъ образомъ недостатокъ и неопредѣленность средствъ, отсутствіе или недостатокъ помѣщеній—больной пунктъ въ дѣятельности комиссій. Несмотря на это, комиссіи въ общемъ работаютъ весьма успѣшно и дѣятельность ихъ съ каждымъ годомъ становится шире и болѣе планомѣрной: таково общее впечатлѣніе, которое неотразимо складывается при просмотрѣ отчетовъ и изданныхъ трудовъ. Тутъ много значить частныя инициатива, энергическая работа отдѣльныхъ лицъ и кружковъ, составляющихъ ядро комиссій. Эти качества особенно дороги въ дѣятельности комиссій. Комиссіи, какъ ученые учрежденія, плотно входятъ въ жизнь русской провинціи: дѣло не въ томъ только, что комиссіи охраняютъ памятники старины, собираютъ музеи и архивы, печатаютъ матеріалы и изслѣдованія, но онѣ будятъ умственную жизнь мѣстнаго общества, извлекаютъ изъ его среды научныя и литературныя силы; комиссіи становятся научно-литературнымъ центромъ города: на это, какъ кажется, съ особенной рельефностью указываютъ такія явленія въ жизни комиссій, какъ устройство публичныхъ лекцій, научно-литературныхъ выставокъ, юбилейныхъ засѣданій и пр.

О времени переселенія Славянъ съ сѣвера горъ Карпатскихъ въ Венгрію.

Проф. Л. Г. Нидерле изъ Праги.

Отвѣтъ на такой вопросъ прежде всего зависитъ отъ того взгляда, какого мы придерживаемся относительно первоначальнаго распространенія вообще всѣхъ Славянъ. Кто признаетъ до сихъ поръ вмѣстѣ съ лѣтописью колыбелью Славянъ средній и нижній Дунай, какъ Словаковъ и Пичъ, проще кто, признаетъ южный центръ распространенія Славянъ, для того, конечно, этотъ вопросъ не существуетъ. Но не оцѣнку этихъ разныхъ мнѣній и не защиту своихъ положеній я выбралъ своей темой. Я напрямикъ заявляю, что лично, послѣ разсмотрѣнія всѣхъ данныхъ, какія только могли мнѣ дать исторія, лингвистика и антропология, считаю за колыбель и центръ распространенія Славянъ область за Карпатами, съ границами отъ Вислы и Карпатъ на сѣверъ и востокъ, и средній Днѣпръ ¹⁾. Отсюда, по моему мнѣнію, Славяне распространялись во всѣ стороны, прѣ чемъ въ частности эпоха, когда они заняли отдѣльныя историческія мѣста, спорна и представляетъ для славистовъ цѣлый рядъ до сихъ поръ неразрѣшенныхъ вопросовъ.

Изъ всѣхъ этихъ вопросовъ я выбираю одинъ, къ которому хочу присоединить нѣсколько новыхъ соображеній съ археологической точки зрѣнія. Короче говоря, я касаюсь того, когда впервые Славяне, оставивъ свою колыбель, появились на южныхъ склонахъ Карпатъ и когда именно заселили нынѣшнюю землю Словаковъ.

На этотъ вопросъ до сихъ поръ было довольно затруднительно отвѣтить. Обращеніе къ исторіи дастъ отвѣтъ отрицательный. Изъ исторіи мы узнаемъ, когда впервые появились, по источникамъ, въ сѣверной Венгріи имена несомнѣнныхъ славянскихъ племенъ, — но что этотъ отвѣтъ нельзя считать равносильнымъ отвѣту, когда вообще впервые туда пришли Славяне—очевидно. Положительнаго исторія намъ не дастъ ничего больше, кромѣ того, что имя Славянъ въ чертѣ надъ Среднимъ Дунаемъ появилось только въ VI столѣтіи, и вотъ почему нашлись многіе, которые на этомъ основаніи не хотятъ признать болѣе древній приходъ Славянъ. Такъ напримѣръ, во главѣ ихъ Карлъ Мюлленгоффъ допускаетъ существова-

¹⁾ Сравни мою статью въ журналѣ „Slovansky Prehled“ Praha II, вып. 2. 1899 г.
труды XI-го археол. съезда въ Кивѣ. т. II.

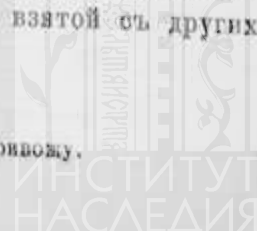
ніе Славянъ въ Венгріи только въ V столѣтіи, и самъ Ягичъ нѣсколько разъ заявлялъ, что не вѣритъ въ возможность пребыванія Славянъ подъ Карпатами передъ Птоломеевымъ вѣкомъ.

Всетаки я надѣюсь въ этой замѣткѣ указать, что не только на основаніи исторіи, но и на основаніи другой науки—археологіи мы можемъ строить очень вѣроятныя предположенія о болѣе раннемъ приходѣ Славянъ. По моему мнѣнію существуетъ объ этомъ и рядъ историческихъ доказательствъ. Конечно, отдѣльныя доказательства не равноцѣнны, и еслибы мы пожелали основаться исключительно на какомъ-нибудь отдѣльномъ, понятно намъ не удалось-бы въ достаточной степени поддержать свое положеніе. Но нѣкоторыя изъ нихъ очень вѣски, а въ особенности ихъ совокупность, и ставши на общую точку зрѣнія, съ которой будемъ разсматривать все распространеніе Славянъ — думаю, что не ошибемся, отнеся приходъ Славянъ въ Венгрію къ болѣе древней эпохѣ. Я предполагаю это на такомъ-же основаніи, какъ напримѣръ я допускаю давнишнее существованіе Славянъ въ Закарпатѣ, хотя о немъ мы и не имѣемъ никакихъ положительныхъ историческихъ данныхъ.

Доказательства, на которыя мы можемъ сослаться, — историческія и археологическія. Первые уже довольно часто разбирались другими, и ихъ я бѣгло коснусь—вторые-же я привожу въ первый разъ. Съ историческими доказательствами не всегда соглашались; отчасти это основательно, а отчасти и нѣтъ. Есть такія, которыя не имѣютъ того значенія, какое имъ придавали нѣкоторые авторы, какъ напримѣръ Шафарикъ, Первольфъ, Шараневичъ, Куно, Гильфердингъ и другіе, но есть и другія доказательства, значеніе которыхъ напрасно стараются ослабить противники.

Больше всѣхъ Шафарикъ, а за нимъ и Первольфъ привели доказательства такого рода: многія изъ нихъ, какъ я уже сказалъ, должно отбросить, такъ напримѣръ, неправильныя этимологическія объясненія названій *Karpaty*, *Tatry*, *Hron*, *Metubaris*, *Tesium* и такъ далѣе¹⁾. Но есть другія доказательства, которыя я считаю важными. Сюда относятся объясненія Шафарика, что названіе *Pelso*—славянское „Плесо“, что названіе *Tsierna* (Διέρνα) — „Черна“, что *Bustricius*—„Бистрица“, *Bersovia*—„Брзава“, и къ нимъ я безъ сомнѣнія отношу, какъ дальнѣйшее доказательство, названіе рѣки Влчи (*Vuka*), впадающей въ Дунай между Осекомъ и Винковцами, приводимое уже Діономъ Кассіемъ подъ именемъ *Οβολχος*. Знаю, что противъ этихъ отдѣльныхъ доказательствъ возставали не только Мюлленгоффъ, Росслеръ, но и Миклошичъ, Ягичъ, Соболевскій, но ихъ возраженія не на столько обоснованны, чтобы всѣ аргументы теряли свое значеніе. Неоспоримой истиной остается 1) что происхожденіе названій *Tsierna*, *Pelso*, *Bustricius*, *Bersovia*, *Ulcus* можно объяснить *легче всего* отъ славянскаго, 2) что онѣ сохранились въ исторической славянской номенклатурѣ края, 3) на частое возраженіе, что онѣ являются единичными среди цѣлаго ряда древнихъ топографическихъ названій въ области теперешней Венгріи, должно отвѣтить, что съ одной стороны мы вѣдь не знаемъ, въ сколькихъ *другихъ* искаженныхъ названіяхъ скрывается славянское происхожденіе, а съ другой, что вовсе мы не утверждаемъ, будто-бы *вся* Венгрія уже во время Римлянъ была занята Славянами. Наоборотъ считаемъ, что на ряду съ неоспоримымъ существованіемъ отдѣльныхъ племенъ галльскихъ, германскихъ, дакскихъ и сарматскихъ Славяне лишь частью проникли въ южную половину, занимая болѣе плотной массой только сѣверную часть подъ Карпатами. Такимъ образомъ мы не отрицаемъ совмѣстнаго существованія большинства не славянскаго элемента и подавно большинства наменклатуры, взятой съ другихъ языковъ.

¹⁾ Разные этимологическіе опыты Сасинка, Партицкого и другихъ я, конечно, и не привожу.

Меньшую цѣну, конечно, уже имѣютъ доказательства на основаніи этнологическихъ названій, какъ объясненія названій Озеріать, Койстобѣковъ, Преданенсовъ, Карповъ, Буровъ (Борановъ), Биессовъ, Сармать—рабовъ, но и эти вопросы я считаю еще не разрѣшенными. Опять-таки объясненіе Дринова слова *коляда* отъ слова *calendae* не совсѣмъ еще опровергнуто, за то всецѣло не признаю доказательства на основаніи имени „Траяна“. Но если бы даже не было этихъ отдѣльныхъ доказательствъ, уже одно историческое явленіе само по себѣ слишкомъ вѣско: именно *наплывъ Славянъ на Балканы въ теченіи III — VII вѣковъ*. Въ эту эпоху, какъ извѣстно, Славяне заняли не только всю Венгрію и всѣ Балканы, но и пошли на западъ даже черезъ Эльбу и въ восточные Альпы и на востокъ до Дона и верхней Волги, такъ что историки съ удивленіемъ перечисляютъ безконечное множество славянскихъ племенъ. Не смотря однако на такое сильное и внезапное расширеніе, мы вовсе не видимъ, чтобы ихъ закарпатская родина опустѣла. Тамъ вскорѣ возникаетъ могущественное польское и русское государство. Если бы Славяне до IV столѣтія не перешли на западъ Вислы и на югъ Карпатъ—мы не могли бы понять, почему при этомъ наплывѣ Славянъ въ Германію, Чехію, Моравію, Венгрію и Балканы и въ восточную Россію родина ихъ не опустѣла. А такъ какъ этого не случилось — на этомъ основаніи я предполагаю, что распространеніе Славянъ изъ подлинной закарпатской и завислянской родины должно было произойти гораздо раньше передъ тѣмъ, какъ ихъ область, сила и число давно уже раздвинулись черезъ Вислу на западъ и на югъ въ Венгрію. Только тогда, когда мы признаемъ болѣе древнее расширеніе области Славянъ въ направленіи къ Германіи и Венгріи, становится понятнымъ позднѣйшее удивительное заселеніе Германіи, Венгрии и Балканъ.

Придаю этому историческому явленію большое значеніе въ рѣшеніи вышенамѣченнаго вопроса.

Вотъ что говорить намъ исторія.

Въ какомъ же отношеніи къ этимъ выводамъ стоитъ *археологія*?

Въ настоящее время археологія въ большинствѣ случаевъ не можетъ точно опредѣлить національность, иначе—этнологическую принадлежность находокъ. Но всетаки есть области и группы, гдѣ даже при полномъ скептицизмѣ можемъ прийти къ правдоподобнымъ выводамъ. Однимъ такимъ правдоподобнымъ положеніемъ является *идентичность области такъ называемыхъ могильныхъ полей съ урнами лужицко-силезскаго типа съ областью западныхъ Славянъ*.

Знаю, что большинство нѣмецкихъ археологовъ возстаетъ противъ этого положенія, ихъ доводы мнѣ извѣстны, я считаю этотъ вопросъ спорнымъ, даже допускаю, что часть той области на западѣ неопредѣленнаго происхожденія, именно широкая полоса между Эльбой и Одеромъ, гдѣ соприкасаются между собой германскій міръ съ славянскимъ. Но если мы видимъ изъ исторіи и географіи, что древнѣйшій центръ Германіи былъ по теченію Эльбы, тогда какъ въ то же время центръ западныхъ Славянъ былъ на средней и верхней Вислѣ, если видимъ, что *на западѣ* этой полосы *была настоящая Германія, а на востокъ Славянскій край*, и если при этомъ видимъ опять изъ археологіи, что область могильныхъ полей съ урнами лужицко-силезскаго типа приходится на это второе мѣсто, а не на первое, не на настоящую залабскую Германію — то тогда для меня этотъ географическій моментъ является разрѣшающимъ положеніе о принадлежности этой группы могилъ Славянамъ, и опровергающимъ германское положеніе. Поэтому считаю лужицкій и силезскій типъ за мѣстный, выработанный областью западныхъ Славянъ, и расширеніе его идентичнымъ распространенію западной вѣтви Славянъ. Для Чехіи и Моравіи это объясненіе годится какъ нельзя лучше. Какъ же дѣло обстоитъ въ Венгріи?

Чтобы составить себѣ объ этомъ ясное представленіе, я заѣхалъ нѣсколько недѣль тому назадъ въ Венгрію и посѣтилъ вновь музей въ Пештѣ и *Турчанскомъ Мартинѣ*. Въ національномъ пештскомъ музеѣ я кладбищъ лужицко-силезскаго типа *не нашелъ*. Вообще въ этой части музея мало еще порядка, но изъ полнаго обзора всѣхъ находокъ старшаго времени видно, что въ Венгріи въ неолитическую и бронзовую эпоху жилъ *туземный* народъ съ развитой культурой, хоронившій своихъ покойниковъ, сожигая ихъ и собирая пепелъ въ урны. Типичными находками этого рода являются могильники и въ Гатванѣ (Hatvan), Тэколѣ (Tököl), Ловасѣ—Беренѣ (Lóvas—Béreny) и такъ далѣе, вообще въ средней Венгріи, и терраматры около Тосега (Toszeg). Особенно его керамика своеобразна, и сильно отличается отъ керамики лужицкой и силезской. Только частичное вліяніе послѣдней можно на нихъ наблюдать. Короче говоря въ пештскомъ музеѣ до сихъ поръ нѣтъ кладбища лужицко-силезскаго типа, и директоръ музея І. Гампель мнѣ еще сообщилъ, что кладбищъ этого рода онъ въ Венгріи вообще не знаетъ и что до сихъ поръ никто еще ихъ не нашелъ.

Неописуемо я обрадовался, когда вдругъ нашелъ ихъ въ *Турчанскомъ св. Мартинѣ* въ тамошнемъ музеѣ. Я навѣрное не ошибаюсь, относя часть тамъ разложенныхъ находокъ не къ вышеуказанной средне-венгерской области, а къ области лужицко-силезской. Это находки изъ могилъ въ Доманикахъ, Медоварцахъ, Лишовѣ, св. Анталѣ и изъ Пуховской скалы, и къ нимъ можно еще отнести и могилы изъ Кубяна, въ коллекціяхъ г. Кубинія. Типъ керамики, форма, орнаменты, далѣе обиліе ихъ, — все это принадлежитъ типу лужицко-силезскому, даже скорѣй силезскому. Словомъ, турчанскій музей даетъ достаточно *ясныхъ доказательствъ*, что *кладбища лужицкаго и силезскаго типа проникли и въ сѣверную Венгрію*. Это и вполне естественно, если мы посмотримъ, насколько часты онѣ въ сосѣдней Моравіи, Силезіи и въ западной части Галиціи. Оттуда они проникли горными перевалами въ сѣверную Венгрію до долинъ Вага, Грона и Иполы, и по теперешнему направленію мѣстъ находокъ мы можемъ представлять себѣ ихъ область, тянущуюся клиномъ отъ силезскихъ границъ до гонтскаго комитата.

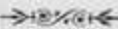
Констатированіе этого археологическаго факта даетъ очень важное основаніе вышеприведеннымъ историческимъ выводамъ, по которымъ переходъ Славянъ черезъ Карпаты въ Венгрію произошелъ уже до Христовой эпохи. Какъ я уже выше указалъ, область и распространеніе могилъ лужицко-силезскаго типа совпадаетъ съ областью и расширеніемъ западной вѣтви Славянъ. И даже, если теперь я осторожнѣй касаюсь этого положенія, чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, всетаки считаю это объясненіе наилучшимъ изъ всѣхъ, какія только ни строились на основаніи археологическихъ данныхъ тѣхъ краевъ. Къ этому положенію я подошелъ, параллельно сопоставляя географическое расположеніе могилъ этого типа съ исторически доказаннымъ расширеніемъ западныхъ Славянъ, именно на основаніи тѣхъ археологическо-этнологическихъ данныхъ въ Чехіи и Моравіи. Такъ какъ наши чешско-моравскія находки указываютъ, что приходъ лужицко-силезской культуры какъ нельзя лучше совпадаетъ съ предположеннымъ приходомъ Славянъ съ Вислы и Одера въ эти края, — то по моему нѣчто подобное произошло и въ Венгріи. При этомъ нужно всегда помнить, что лужицко-силезская культура проявилась у насъ не какъ вліяніе на развитіе болѣе древнихъ туземныхъ культуръ, но какъ нѣчто отдѣльное, совершенно новое, самостоятельное вошло съ сѣвера въ край, отличаясь своеобразной керамикой и своимъ похороннымъ обрядомъ. Это даетъ намъ право, чтобы мы не считали ее только за отдѣльные случаи вліянія, занесенные сюда торговлею, но чтобы ее появленіе признали одновременнымъ съ приходомъ новаго народа, который переселился къ намъ, и его я считаю, какъ уже выше указалъ, скорѣе славянскимъ народомъ, чѣмъ германскимъ.

Наше заключеніе относительно Венгріи—вполнѣ ясно.

Если лужицкій и силезскій типъ могиль на верхнемъ Одерѣ и Вислѣ—славянскій, далѣе если видимъ распространіе кладбищъ этого рода сплошнымъ не только въ Чехіи и Моравіи, но и въ сѣверной Венгріи, и если мы уже знаемъ изъ исторіи, что Славяне правдоподобно пришли сюда гораздо раньше, чѣмъ предполагалъ Мюлленгоффъ—то, конечно, слѣдующее наше заключеніе справедливо: *что этотъ типъ кладбищъ въ Венгріи даетъ намъ новое важное археологическое доказательство относительно болѣе ранняго появленія Славянъ у средняго Дуная.* При этомъ мы вовсе не намѣрены исключать совмѣстное существованіе въ сѣверной Венгріи неславянскаго элемента.

Когда именно началось прониканіе Славянъ въ теперешнее Словенско, я не рискую точно опредѣлить. Вѣрно только одно, что эти могилы относятся къ эпохѣ до Рождества Христова, и что Славяне проникли сюда самое меньшее, какъ въ послѣднихъ столѣтіяхъ до Р. Хр. Если-же лужицко-силезскій типъ служить представителемъ могильниковъ западныхъ Славянъ, то нѣтъ никакихъ препятствій заключить, что съ археологической точки зрѣнія—передъ нами уже *предки нашихъ Словаковъ*, вѣтви чешскаго племени, пришедшія сюда вѣроятно всего съ сѣвера черезъ Яблунковскій переваль или изъ Моравы.

Сводя теперь свои выводы, мы видимъ, что, какъ уже изъ вышеприведеннаго явствуетъ, къ доказаннымъ менѣе спорнымъ историческимъ аргументамъ присоединяется на основаніи мнѣнія о кладбищахъ лужицко-силезскаго типа въ сѣверной Венгріи *новое очень вѣское доказательство* относительно положенія, что Славяне изъ своей закарпатской родины не распространялись на югъ черезъ Карпаты только послѣ Р. Хр. и что они не проникли къ среднему Дунаю только послѣ ухода германскихъ племенъ—какъ до сихъ поръ гласить аксіома многихъ историковъ—но что пришли сюда, *гораздо раньше, по всему вѣроятію уже въ эпоху до Рождества Христова.*

О происхождении имени народа Русь.

Проф. Ф. Я. Кнауэра.

Вопросъ о происхожденіи имени народа *Русь* представляетъ интересъ не только для историковъ и лингвистовъ, но и для всѣхъ образованныхъ людей, которымъ дорого русское имя. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ еще не рѣшенъ, несмотря на то, что надъ рѣшеніемъ его трудились лучшіе умы. Нити, однако, уже найдены и даже сложены вмѣстѣ, недостаетъ только, какъ мнѣ кажется, узелка, которымъ слѣдуетъ ихъ связать. То, что я имѣю предложить для выясненія спорнаго вопроса, сводится, сравнительно съ комбинаціями, предложенными до сихъ поръ, главнымъ образомъ лишь къ болѣе широкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе опредѣленной, а слѣдовательно и болѣе ясной комбинаціи давно извѣстныхъ фактовъ. Смѣю думать, что въ моей комбинаціи можно найти искомый узелокъ.

Удастся или не удастся, но я попытаюсь доказать, что форма слова *Русь* чисто славяно-русскаго происхожденія, что русскій народъ получилъ свое имя непосредственно и исключительно отъ одной знаменитой и величавой рѣки, называемой нынѣ Волгою, и что, слѣдовательно, національное имя „*Русь*“, въ точной передачѣ слова, означаетъ не что иное, какъ „приволжскій народъ“.

Уже въ гимнахъ Ригведы, которые отчасти были сочинены, когда индійцы еще жили на рѣкѣ Индѣ, и которые, быть можетъ, тысячелѣтіями древнѣе Гомеровою Илиадою, встрѣчается мифическая рѣка, текущая вокругъ земли и воздушнаго пространства, рѣка, находящаяся какъ бы на краю свѣта. Названіе ея *Rasā* f. Имѣемъ основаніе думать, что эта мифическая рѣка была когда-то дѣйствительною рѣкою, на которой жили древніе индійцы раньше, чѣмъ пришли въ Индію. Что были у нихъ воспоминанія о какой-то величавой рѣкѣ на краю свѣта, т. е. въ прежней ихъ родинѣ на дальнемъ сѣверо-западѣ, на это указываютъ разныя намеки. Между прочимъ *Rasā* называется „великою матерью“, которую снабжаютъ водою Ашвины (индійскіе Диоскуры) и за которою живутъ демоны-разбойники (ликіе люди). „Преданіемъ“, какъ прямо сказано въ одномъ мѣстѣ, она рядомъ съ моремъ (извѣстнымъ, т. е. Каспійскимъ) и снѣжными горами (какими?) прославлена какъ твореніе бога. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что второстепенная рѣка *Rasā*, въ этой же Ригведѣ упоминаемая какъ принадлежащая къ бассейну рѣки Инда, получила свое имя вѣроятно отъ указанной мифической рѣки *Rasā*—„великой матери“. Все это какъ нельзя лучше подтверждается уже болѣе

опредѣленнымъ преданіемъ Авесты, священнѣхъ книгъ зендскаго народа. Въ первой главѣ Вендидада, гдѣ перечислены арійскія земли, послѣднею и крайнею на сѣверѣ названа страна полумионической рѣки *Raiha*, гдѣ живутъ люди безъ главарей, гдѣ господствуетъ зима и земля покрыта снѣгомъ. *Raiha*, по другимъ мѣстамъ Авесты, рѣка широкая и глубокая, изобилуетъ рыбами, изъ которыхъ главная рыба *Kara* (по Бундехешу *Kara* глава водяныхъ животныхъ въ озерѣ *Vourukasha*, т. е. въ Каспійскомъ морѣ), разливается въ степяхъ, знаетъ всѣ направленія водъ (т. е. она извилиста или имѣетъ множество притоковъ?) и пр. Изъ этого явствуется по крайней мѣрѣ то, что именемъ *Raiha* обозначалась когда-то дѣйствительно существовавшая рѣка, служившая сѣверною границею праиранской страны. По древнимъ туземнымъ толкователямъ эта зендская *Raiha*—древнеперсидская *Raha*—пограничная рѣка, отдѣляющая Азію отъ Европы. Это, по ихъ мнѣнію, какъ и по Геродоту, Яксартъ (*Ἰάξαρτις* ср. *Arg*; *Arang*—*Raiha*), и наши ученые присоединяются къ этому мнѣнію. Только два изъ нихъ (De Lagarde и E. Kuhn) усматриваютъ въ зендскомъ названіи *Raiha*—др.-перс. *Raha* древнее названіе 'Pā т. е. Волги, объясняя 'Pā какъ форму, прямо происшедшую изъ др.-перс. *Raha*—зд. *Raiha*. Если они правы, то и древнеиндійскую мионическую рѣку *Rasā* слѣдуетъ отождествить съ Волгою, потому что слово *Rasā* этимологически тождественно съ др.-перс. *Raha* и зд. *Raiha*. Такимъ образомъ неизвѣстная доисторическая и даже мионическая рѣка *Rasā*—*Raiha* (*Raha*) превращается въ намъ очень хорошо извѣстную рѣку 'Pā т. е. Волгу. На этомъ результатѣ названные нѣмецкіе оріенталисты остановились, не идя дальше; но имъ на встрѣчу пошли нѣкоторые всѣмъ извѣстные русскіе историки, приведа въ связь названіе *Русь* съ тѣмъ же древнимъ названіемъ Волги 'Pā, также Pōs, съ которыми тѣ связали названіе доисторической рѣки *Rasā*—*Raiha* (*Raha*). И такъ нѣкоторые русскіе историки и нѣкоторые нѣмецкіе оріенталисты очутились, такъ сказать, на берегахъ Волги, причемъ однако другъ-друга не видѣли. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ отчасти объясняется, почему тѣ и другія стороны, каждая въ своей странѣ, до сихъ поръ оставались съ своимъ мнѣніемъ въ поразительномъ меньшинствѣ. Къ этому меньшинству присоединяюсь и я, находя, что сравненіе слова *Русь* съ 'Pā, Pōs—*Raiha*, *Raha*—*Rasā* этимологически допустимо.

Что *Русь* какъ имя народа можетъ находиться въ связи съ названіемъ рѣки *Rasā*—*Raiha* (*Raha*)—'Pā—Pōs, объ этомъ свидѣтельствуется уже тотъ фактъ, что слово *Русь* въ разныхъ видахъ „*Рось*, *Русь*, *Роса*, *Русь*“ встрѣчается и какъ названіе рѣкъ (см. Геденова „Варяги и Русь“ стр. 420 сл.). Сопоставляя же эти имена, необходимо прежде всего имѣть въ виду, что если славянскій народъ *Русь* получалъ свое имя отъ рѣки, то во всякомъ случаѣ не отъ нарицательнаго слова, означающаго рѣку вообще, и не отъ многочисленныхъ рѣкъ, носящихъ названія *Рось*, *Русь* и пр., а лишь отъ одной опредѣленной рѣки, имѣющей или имѣвшей когда-то названіе *Рось* или *Русь* или *Роса* или *Русь*. Не любая рѣка, не цѣлая масса рѣкъ, а только одна, отличающаяся чѣмъ-то особеннымъ (величиною, географическимъ положеніемъ и т. под.), способна дать имя народу. Такая рѣка прежде всего Волга. И далѣе: если ясно, что названія рѣкъ *Рось*, *Русь*, *Роса*, *Русь* происходятъ отъ общаго корня и что этотъ корень, какъ мы увидимъ ниже, утратилъ свое первоначальное значеніе „течь“ еще въ индо-европейскую эпоху, вслѣдствіе чего отъ него нѣтъ и нарицательнаго слова, то также ясно, что рѣки съ названіемъ *Рось* etc. своего имени не могли получить отъ соответствующаго, уже съ незапамятныхъ временъ утраченнаго нарицательнаго слова въ значеніи „рѣка вообще“, но были названы такъ по извѣстному прототипу, а именно, какъ я полагаю, по „великой матери“ *Рось*, *Русь* etc.—*Rasā* etc. имѣвъ Волгѣ, какъ индійская историческая *Rasā* по мионической т. е. доисторической *Rasā*. Я, слѣдовательно,

смотрю на рѣчныя названія *Рось* etc. какъ на странствующія или переносныя имена, а не какъ на имена, возникшія независимо другъ отъ друга въ разныхъ мѣстахъ. Наконецъ: если историкъ приводитъ въ связь имя народа *Русь* съ рѣчными названіями *Рось* etc., то онъ обязанъ, или самостоятельно или подъ руководствомъ лингвиста выяснитъ эту связь и этимологически, потому что одно созвучіе обманчиво, а общія разсужденія обыкновенно имѣютъ лишь второстепенное значеніе—это съ одной стороны; а съ другой стороны, если языковѣдъ не признаетъ этой связи пожалуй на томъ основаніи, что *o* не переходитъ въ *y* или наоборотъ *y* въ *o*, и что, слѣдовательно, имя народа *Русь* не можетъ быть производимо отъ рѣчнаго названія *Рось* etc., то первая его обязанность объяснить, почему напр. притокъ Днѣпра имѣетъ названіе *Рось*, а притокъ Нарева *Русь*, или почему одна и таже рѣка въ новгородской губерніи носитъ тройное названіе *Рось*, *Роса* и *Русь*. А между тѣмъ мы видимъ, что историки не достаточно справляются у лингвистовъ, а лингвисты напрасно игнорируютъ такое поразительное явленіе какъ названіе рѣкъ въ разныхъ видахъ отъ несомнѣнно общаго корня.

Убѣжденный въ томъ, что всѣ слова съ корнемъ *рос* и *рус*, выражающія какое нибудь отношеніе къ водѣ или влагѣ, какъ-то: *оросить* (*орошать*), *роса*, *Роса*, *Рось*, *Русь*, *Русь*, *русло*, *руслина*, находятся между собою въ этимологической связи, я объясняю ихъ изъ идвр. корня съ двойною формою **ros* и **roñs*: слова съ *рос* образовались изъ идвр. **ros*, слова съ *рус*—изъ идвр. **roñs*, слѣдовательно *роса*, *Роса*, *Рось* изъ идвр. **rosā*, а *Русь*, *Русь* изъ идвр. **roñsā*. Сопоставляя ихъ съ санскр. *Rasā* и зендск. *Rañha* др.-перс. *Raha* мы получаемъ такое уравненіе:

идвр. <i>*rosā</i>	скр. <i>Rasā</i>	др.-перс. <i>Raha</i>	=русск. <i>роса</i> , <i>Роса</i> , <i>Рось</i> (<i>Ръсь</i>)
идвр. <i>*roñsā</i>	зендск. <i>Rañha</i>		=русск. <i>Русь</i> , <i>Русь</i>

Предполагая для идвр. языка двойную форму корня **ros—*roñs* и отсюда же двойную именную форму **rosā—*roñsā*, я долженъ объяснить, на какомъ основаніи я это дѣлаю. Для этого намъ необходимо сдѣлать маленькую экскурсію въ одну изъ лингвистическихъ пустынь. Цѣль нашей экскурсіи: выяснитъ причину различнаго отношенія отдѣльныхъ языковъ къ идвр. звуку *s*, играющему при объясненіи слова *Русь* не меньшую роль, чѣмъ звуки *o* и *y*.

Насъ интересуеетъ здѣсь лишь тотъ случай, когда идвр. *s* между гласными, вопреки главнымъ правиламъ, въ стслав. (и русск.) и лат. гесп. греч. остается неизмѣннымъ, а въ зендѣ переходитъ въ *ñh* вм. *h*. Спрашивается, откуда это исключеніе въ указанныхъ языкахъ? По новѣйшей формулировкѣ (ср. Brugmann, Grundriss 2-е изд.) правило для зевда гласитъ такъ: „Прааранское *h* [изъ идвр. *s*] передъ праарійскимъ гласнымъ *a* является въ видѣ *ñh*“. Такое исключительное явленіе фонетически не правдоподобно, о чемъ я здѣсь распространяться не могу; главное же, что указанное правило не совсѣмъ согласуется съ дѣйствительностью, такъ какъ *ñh* не рѣдко встрѣчается и передъ другими праарійскими гласными. Для интервокальнаго *s* въ стсл. (и русск.), греч. и лат. можно дать такое общее правило: *s* сохранилось при непосредственной поддержкѣ согласнаго, впоследствии утраченнаго. Хотя въ частности многое еще не выяснено и хотя сохраненію этого *s* могли содѣйствовать и другія обстоятельства, но въ принципѣ это этимологическое объясненіе вѣрно, такъ какъ подтверждается многими данными. По этому нужды нѣтъ, съ Ф. Θ. Фортунатовымъ предположить для идвр. языка два различныхъ *s*, хотя мысль такая сама по себѣ хороша. Возможно, но врядъ ли доказательному фонетическому объясненію я предпочитаю этимологическое, думая, что и зендское *ñh* сложный звукъ, образовавшійся изъ идвр. *ñs*, а не изъ идвр. простаго *s*, давашаго въ зендѣ простое *h* тамъ, гдѣ оно сохранилось въ санскритѣ, и измѣнившася въ

стсл. (и русск.), греч. и лат. согласно звуковымъ ихъ особенностямъ. Если зендское интервокальное *nh* образовалось изъ идвр. сложнаго *ñs*, то и стсл. (и русск.) и лат. геср. греч. неизмѣненное интервокальное *s* является результатомъ того же идвр. *ñs* въ глагольныхъ, именныхъ и суффиксальныхъ формахъ, имѣющихъ свои параллели въ зендѣ. Идвр. *ñs* могло получиться изъ **ns* и **ms*. Въ санскритѣ встрѣчается цѣлый рядъ корней съ носовымъ передъ конечнымъ согласнымъ и безъ носоваго, напр. *aç—añç* достигать, *idh—indh* воспламенять, *ud—und* мочить, *daç—dañç* кусать, *drh—drñh* укрѣплять, *rabh (labh)—rambh (lambh* ср. греч. $\lambda\alpha\mu\beta\acute{\omicron}$ — $\lambda\alpha\beta\acute{\omicron}$) брать и пр.; такъ и на *s*: *tas—tañs* трясти, *dhvas—dhvañs* разсыпаться (савс. *dhvasayati* метать, брызгать—*dhvañsayati* разсыпать, уничтожать), *ças—çañs* сказать, восхвалять, *sras—srañs* падать. Отъ такихъ двойныхъ корней образуются не только разныя глагольныя формы, но и именныя, какъ напр. отъ \sqrt{nid} —*nind* порицать *nidā—nindā* порицаніе, отъ *ças—çañs* восхвалять *çasya—çañsya* восхваляемый (ср. *dasma, dasra* чудотворный отъ \sqrt{das} и *dañsu* id. отъ $\sqrt{dañs}$ быть чудотворнымъ и т. под.). Эти двойные корни ничего общаго не имѣютъ съ такъ наз. *pasalis sonans*, какъ и не принадлежатъ къ числу чередующихся корней въ обыкновенномъ смыслѣ этого лингвистическаго термина, гдѣ одинъ гласный смѣняется другимъ, а представляютъ собою параллельныя формы, изъ которыхъ въ томъ или иномъ случаѣ выбиралась болѣе подходящая (скр. *ças* можетъ чередоваться съ *çās, çañs* съ *çāñs*, а не *ças* съ *çañs*). Подобныя двойныя формы съ носовымъ и безъ носоваго попадаются и въ другихъ языкахъ, особенно въ славяно-литовскомъ и въ зендскомъ. По этому ихъ слѣдуетъ отнести къ идвр. праязыку, въ которомъ, какъ я полагаю, обѣ формы корня были, такъ сказать, равноправныя, такъ что можно было пользоваться тою или другою изъ нихъ или обѣими, чѣмъ, кстати замѣтить, былъ данъ и толчекъ къ образованію діалектическихъ особенностей еще въ идвр. эпоху. Такимъ образомъ попадаются въ санскритѣ и корни въ одной только формѣ безъ носоваго тамъ, гдѣ мы на основаніи родственныхъ языковъ можемъ ожидать также ихъ второй формы съ носовымъ; напротивъ въ извѣстныхъ именныхъ формахъ санскрита и зенда носовой сохранился, тогда какъ онъ исчезъ въ другихъ языкахъ; иногда же мы не замѣчаемъ его уже ни въ одномъ языкѣ, такъ что его можно возстановить только теоретически; а въ иныхъ случаяхъ напрасно и искать его, такъ какъ его совсѣмъ не было въ идвр. яз., хотя впрочемъ онъ и могъ бы быть. Отчего такое разнообразіе, это собственно такой же праздный вопросъ какъ: отчего это дерево выше того или отчего одна лама красивѣе другой. Конечно, безпричиннаго ничего нѣтъ; но для насъ здѣсь достаточно, признать подобныя двойныя формы явленіемъ идвр. праязыка, не подлежащимъ никакому сомнѣнію. Позвольте однако указать на одинъ изъ немногихъ примѣровъ, поддающихся даже разбору. Я приведу его тѣмъ охотнѣе, что онъ подходит и къ предполагаемымъ мною формамъ **rosā* и *roñsā*. Разумѣю двойной корень **tres—*treñs*, гдѣ **tres* можетъ чередоваться съ **tros* (**trēs, *trōs*), а **treñs* съ **troñs* (**trēñs, *trōñs*). Въ скр. мы встрѣчаемъ его только въ видѣ *tras* (геср. *trās*) трясти; однако, если *tañs—tas* трясти лишь діалектическая особенность отъ *tras*, какъ это возможно, то ясно, что рядомъ съ *tras* существовало нѣкогда и *trañs*. Въ зендѣ этотъ корень безъ носоваго какъ въ скр. *tras*; но за то винословная форма его показываетъ *nh* вм. ожидаемаго *h*, вслѣдствіе чего я объясняю это *nh* изъ идвр. *ñs*, такъ что мы и для зенда можемъ предположить обѣ формы корня идвр. яз. **tres* и **treñs* (геср. **tros—*troñs*). Но если данныя санскрита и зенда покажутся еще не убѣдательными, то стслав. яз. уже не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что рядомъ съ **tres* (**tros* etc.) въ идвр. эпоху существовала и форма **treñs* (**troñs* etc.), потому что скр. *trāsami* соответствуетъ стсл. *trēsā* русск. *трясу*, ср. *trās* *трусъ* отъ средняго вида **troñs* (если русское *трусъ* др.-русск. *трусъ* происходитъ отъ того же корня(?), то отъ средняго вида **tros*).

Ясно, что въ стсл. яз. звукъ *s* здѣсь удержался лишь благодаря предшествовавшему носовому, слившемуся съ предыдущемъ гласнымъ въ одинъ нераздѣльный звукъ. Этотъ примѣръ поучителенъ и въ томъ отношеніи, что мы можемъ уяснить себѣ, откуда здѣсь носовой, являющийся въ стсл., отчасти и въ зендѣ *gesp.* скр., но утерянный въ другихъ языкахъ *gesp.* въ скр. Въ греч. рядомъ съ *tréō* дрожать (изъ **trēsō* ср. *hom.* аог. *tréssa* или *ātréstos* неустрашимый) встрѣчается и *trémō* въ томъ же значеніи, въ лат. рядомъ съ *terreo* (изъ **terseo* отъ идвр. **tres*) также *tremo* дрожать, въ лит. *trīmi* и *tresiū* (къ *trīmti* дрожать ср. также малорусск. *tremtity* и др.-саксонск. *thrimman*). Выходитъ, что въ идвр. языкѣ былъ корень **trem* (**trom* etc.), сохранившійся въ греч., лат. и лит. (также въ малорусск. и др.-сакс.), затѣмъ, но тоже еще въ идвр. эпоху, прибавился къ нему звукъ *s* (вѣроятно для легкой модификаціи первоначальнаго значенія корня, вполнѣдствіи опять сглаженной) и получился корень **treñs* (*m* передъ *s* должно было перейти въ *ñ*); наконецъ, но все еще въ идвр. эпоху, **treñs* сократилось и въ **tres*. И вотъ представился случай для—безсознательнаго конечно—выбора. Греки и италійцы удержали **trem* и **tres*, славяне **treñs* (**troñs* *gesp.* **tres*—**tros*), литовцы (*gesp.* малороссы и древніе саксонцы) **trem* и **tres*, индійцы **tres* (*gesp.* **treñs* ср. *tañs*), иранцы Авесты **tres* и **treñs*. Въ другихъ случаяхъ мы менѣе счастливы, т. е. обыкновенно мы не въ состояніи прямо указать на возможный процессъ образованія корневыхъ формъ, потому что еще въ идвр. эпоху многое было сглажено. Одно только остается несомнѣннымъ, что въ идвр. языкѣ рядомъ другъ съ другомъ существовало отъ каждаго корня нѣсколько видовъ, служившихъ основаніемъ для образованія какъ глагольныхъ такъ и именныхъ формъ, равно какъ и диалектическихъ особенностей, а въ концѣ концовъ и отдѣльныхъ языковъ. И въ этомъ отношеніи двойные корни съ носовымъ и безъ него представляютъ то же, что сильные и слабые виды корней вообще. Мало того. Если существовалъ таинственный носовой въ извѣстныхъ корняхъ и образовавшихся отъ нихъ глагольныхъ и именныхъ формахъ рядомъ съ формами безъ него, то мы имѣемъ основаніе предположить, что онъ подобную роль играетъ и въ извѣстныхъ суффиксахъ. Такъ и есть. Сюда относятся прежде всего суффиксы сравн. степени *ññs*, *ññs*, *ññs*, *ññs* (*ies*), *is* и причастія перфекта дѣйств. залога *ññs*, *ññs*, *ññs* (*uēs*), *uos* (*ues*), *us*. Ихъ разсматриваютъ какъ чередующіеся суффиксы не только по коренному гласному, но и въ томъ смыслѣ, что форма съ носовымъ мѣняется и съ формою безъ носоваго. Послѣдняя мѣна, однако, допустима лишь для позднѣйшей эпохи развитія подобныхъ двойныхъ формъ, но не для ихъ первоначальной функціи. Обратимъ здѣсь вниманіе только на первый двойной суффиксъ. Въ сильныхъ падежахъ въ скр. показывается *s* съ носовымъ, также въ зендѣ въ видѣ *ññ*, въ лат. *s* (*r*) безъ носоваго, въ греч. напротивъ носовой безъ *s*, въ стслав. соответствующая форма изъ **ies*, *ios* безъ носоваго; въ слабыхъ падежахъ въ скр. безъ носоваго, въ остальныхъ языкахъ какъ въ сильныхъ падежахъ (къ греч. *dat.* *loc.* *pl.* ср. основы на *n*). Санскритъ является тутъ представителемъ идвр. языка въ томъ отношеніи, что не только гласные, но и обѣ формы суффикса смѣняются послѣдовательно. Не такъ въ зендѣ, гдѣ въ слабыхъ падежахъ то же самое *ññ* вм. *h* что въ сильныхъ; ясно, что *ññ* слабыхъ падежей здѣсь образовалось подъ вліяніемъ *ññ* сильныхъ падежей, изъ чего далѣе явствуетъ, что *ññ* во всѣхъ падежахъ соответствуетъ идвр. *ñs*, а не то идвр. *ñs*, то идвр. *s*, или даже только идвр. *s*. Но и греч. яз. является тутъ, какъ мнѣ кажется, представителемъ идвр. языка въ виду того, что онъ пользуется тѣмъ же самымъ суффиксомъ, только безъ *s*, вслѣдствіе чего мы имѣемъ основаніе, выставить для идвр. яз. три формы этого суффикса, каждую изъ нихъ съ соответствующимъ чередованіемъ гласныхъ: **ññ* (*ion* etc.), **ññs* (*ions* etc.) и **ññs* (*ics* etc.). И выходитъ тоже самое что при **trem*—**treñs*—**tres*: было **ññ* etc., прибавилось *s* и получилось **ññs* etc., выпалъ носовой и обра-

зовалось **iōs* etc., и все это происходило еще в идвр. эпоху. Далѣе укажу на весьма загадочное явление в стслав. гесп. в русск. яз. Лингвистовъ озадачиваютъ формы в стслав. какъ *slovese*, *nebesa* ср. русск. *небеса*, *чудеса* отъ основъ на **es*, **os*, гдѣ *s* не должно было остаться неизмѣненнымъ. Я полагаю, что основы эти оканчивались в идвр. праязыкѣ не только на **es*, **os*, но и на **eñs*, **oñs*. Это подтверждается санскритскими формами напр. *manāñsi* (изъ *manāñs* сильн. вида +*i*) рядомъ съ *manasā*, также зендскими напр. *manāñha* instr. sg. съ *ñh* по подобію сильныхъ падежей мн. ч., гдѣ носовой врядъ ли иначе объяснимъ. Носовой в им. и вин. мн. ч. у основъ на *is*, *us* и пр. в скр. могъ быть вызванъ прототипомъ основъ на **es* (*os*) — **eñs* (*oñs*), причемъ однако не исключается возможность, что в нѣкоторыхъ случаяхъ онъ и здѣсь имѣетъ этимологическое основаніе. Ввиду санскрита и зенда и в связи съ тѣмъ, что изложено мною выше, я допускаю возможнымъ, что *es* в стслав. какъ уже в праслав. в сильныхъ падежахъ, — откуда, если вообще надо предположить для идвр. праязыка строгое чередованіе, *es* какъ зд. *ñh* могло быть перенесено и на слабые падежи, — удержалось лишь потому, что в идвр. яз. рядомъ съ **es* было и окончаніе **eñs* и что такимъ образомъ *es* в стслав. является какъ бы отголоскомъ идвр. слога **eñs*. Но почему в такомъ случаѣ в стсл. не *es* какъ в *tręsa* трясю? Потому что форма **eñs* идвр. праязыка не перешла в праслав. яз., а только форма **es*; но **es* могло удержаться благодаря послѣдственному дѣйствию бывшаго индр. **eñs*, какъ *s* сохранилось напр. в *měsęcь* мѣсяць лишь потому, что в идвр. яз. рядомъ съ формою **mēs* была и форма **mēñs*, причемъ послѣдняя форма не перешла в слав. праязыкъ. Хронологическій порядокъ формъ послѣдняго слова могъ быть такой же какъ в вышеуказанныхъ примѣрахъ: **mēñ* — **mēñs* — **mēs*; отъ **mēñ* образовались готск. *mēna*, *mēnōths* др.-верхне-нѣм. *mānōd* нѣм. *Mond*, *Monat* (также греч. *μήνη*, *μήν* лит. *mėnū?*), отъ *mēñs* зд. *māoñh*, *māoñha* греч. лесб. *μήνν-ος* (также *μήν*, *μήνν* и скр. *māñs* в *māñcatu* etc.?) лат. *mensis* лит. *mėnesis* (также *mėnū?*), отъ **mēs* скр. *mās*, *māsā* стсл. *mēs-ęcь* греч. дор. *μής* ион. *μείς* лат. *mēs-ibus* (надп.). Такъ же объясняется *s* в стслав. *pēsakъ* русск. *песокъ* изъ **pēs*, потому что рядомъ съ послѣднимъ в идвр. яз. было и **pēñs*, откуда скр. *pāñsu* в томъ же значеніи: **pēñs* не было принято праслав. языкомъ, а только **pēs*, но **pēs* могло продержаться здѣсь лишь в силу ближайшаго его родства съ **pēñs*, какъ *s* в рѣчномъ названіи *Роса*, *Рось* отъ **ros* могло сохраниться только благодаря прямой поддержкѣ со стороны родственной формы *Руса*, *Русь*, если послѣдняя, какъ я полагаю, получена отъ **roñs* (см. ниже). Послѣ этого уже не будетъ слишкомъ смѣло, объяснить такъ же стслав. *nosъ* русск. *носъ* скр. *nas* изъ **nas*, скр. *nās*, *nāsā* лит. *nōsis* лат. *nāsus*, *nāres* др.-верхне-нѣм. *nasa* нѣм. *Nase* изъ **nās*, зендск. *nāoñha* изъ **nāñs* (греч. *νησος* дор. *νᾱσος* островъ отъ **nās* гесп. *nāñs*; прежнее, но всѣми давно уже оставленное мнѣніе, что *νησος* этимологически то же что „носъ“ etc., можно защищать, если болѣе древнее его значеніе было полуостровъ или мысъ). Если правдоподобно (ср. Joh. Schmidt), что слогъ *ās* в исходѣ слова могъ утратить носовой передъ *s* еще в идвр. эпоху какъ напр. в вин. пад. мн. ч. ж. р. осн. на *ā* (**ām* вин. ед. ч. +*s* ср. **oisu* loc. изъ **oi* loc. sg. +*su*), то также правдоподобно, что этотъ носовой могъ удержаться внутри слова между гласными какъ напр. в скр. *manāñsi* = *manāñs-i*; а в такомъ случаѣ объясняются и скр. *nās* изъ **nāñs*, зд. *nāoñha* изъ **nāñs-ā*, скр. *nāsā* изъ скр. *nās* гесп. изъ **nās-ā*, скр. *nas* изъ **nas*, относящагося къ **nās* какъ слабый видъ къ сильному, стслав. *nosъ* русск. *носъ* изъ **nas-o-*, лат. *nāsus* изъ **nās-o-* (въ „*nāres*“ слово подверглось общему ротацизму) etc. Другими словами: первоначально была только одна основа на согласный в параллельныхъ формахъ **nāñs* — **nās* — **nas*, возникшихъ, быть можетъ, в этомъ же порядкѣ; изъ этой основы затѣмъ образовались и основы на гласные, вслѣдствіе чего исходное *s* сдѣлалось ин-

тервокальнымъ. Въ послѣднемъ положеніи *s* въ стслав., русск. и лат. должно было измѣняться, какъ это дѣйствительно случилось при *nāres*; но оно не измѣнилось въ *nāsus*, *ncsz* и *nosz* потому, что имѣло поддержку со стороны идвр. формы **nāns* въ силу дѣйствія этой формы еще впослѣдствіи (Nachwirkung). Такимъ образомъ и зд. *ih* въ нашемъ словѣ получаетъ свое полное этимологическое значеніе. Если мнѣ при этомъ укажутъ на то, что въ лат. яз. слабо произносимый идвр. носовой *n* передъ *s* не только не исчезаетъ, но даже усиливается, такъ что получается *ns* какъ въ *mensis* и проч., то я укажу на параллельныя формы вродѣ *mesibus*, *cesor*, *cosul* etc., встрѣчающіяся уже въ древнѣйшихъ надписяхъ. Въ нихъ напрасно видятъ лишь небрежности правописанія; на мой взглядъ, напротивъ, онѣ доказываютъ, что колебаніе въ выборѣ той или другой формы продолжалось въ лат. такъ же какъ въ другихъ языкахъ (въ какомъ объемѣ въ каждомъ языкѣ, это здѣсь безразлично). Кромѣ того нельзя упускать изъ виду, что лат. *ns* изъ идвр. **ns* могло одержать верхъ при поддержкѣ очень распространеннаго лат. *ns*, полученнаго изъ другихъ звуковъ, а не изъ идвр. **ns*. Mutatis mutandis можно то же самое сказать о греч. яз. И здѣсь, вопреки главному правилу, по которому *s* въ *ns* *gesp. ms* между гласными уподобляется предыдущему носовому, мы наталкиваемся на формы, въ которыхъ наоборотъ *s* сохранилось, а носовой безслѣдно исчезъ. Впрочемъ, если мы оставимъ въ сторонѣ формы вродѣ *δαίμοσι*, *ποιμέσι* и т. под., то изъ греч. можно привести, кажется, только одинъ несомнѣнный примѣръ, въ которомъ *s* получило перевѣсъ надъ предыдущимъ *n*, а именно *δασύς* = *densus*. Но и этотъ примѣръ можно считать несомнѣннымъ лишь при томъ предположеніи, что онъ находится въ этимологической связи съ скр. *dānsas* (ср. *dānsu*, *dāsva* и пр.) чудное дѣло и съ греч. *δήνεα* затѣи (ср. *δεδαώς* etc. изъ *δε-δασ-φως* etc.), какъ на самомъ дѣлѣ предполагаетъ Joh. Schmidt (Kritik zur Sonantentheorie p. 51 сл.). Въ такомъ случаѣ *δήνεα* объясняется изъ **dēnvea* отъ **dēns* (= *dēns* въ скр.), а *δασύς*, какъ я полагаю противъ Schmidt'a, изъ **dis* (= *das* въ скр.) т. е. параллельной формы къ **dēns*, такъ что *σ* въ *δασύς* могло удержаться при посредственной поддержкѣ идвр. **dēns*, хотя послѣдняя форма не перешла въ греч. яз. Сравнительно позднее слово *δαυλός* изъ **δασυλός* свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что **δασυ* въ концѣ концовъ не при всякой формѣ могло устоять противъ всемогущаго закона, по которому интервокальное *σ* должно было выпасть, какъ лат. *nāsus* въ видѣ *nāres* не всегда устанавливалъ противъ общаго ротацизма. Поэтому нѣтъ надобности, съ Joh. Schmidt'омъ видѣть въ *δασύς* новообразование. Если же Бругманъ правъ, что *σ* въ *δασύς* является результатомъ вассальнаго сонанта, то *σ*, правда, сохранилось при нѣсколькихъ другомъ условіи, чѣмъ я предполагаю; но тогда спрашивается, имѣемъ ли мы право, отнести этотъ сонантъ къ идвр. **dānsu*, какъ Бругманъ дѣлаетъ, или же только къ прагреч. **dūsu*, такъ какъ и **dānsu* все таки восходилъ бы къ болѣе древней формѣ **dēnsu*. Если это возможно, то спрашивается далѣе, имѣемъ ли мы вообще право, приписать идвр. языку слогаобразовательные сонанты; и легко можетъ быть, что споръ между Joh. Schmidt'омъ и Brugmann'омъ кончится тѣмъ, что эти сонанты уже не будутъ признаны свойственными идвр. праязыку, а свойственными лишь праязыкамъ отдѣльныхъ главныхъ группъ языковъ. Принимая во вниманіе все сказанное, мы можемъ успокоиться при мысли, что уже въ ту эпоху идвр. языка, когда стали образовываться въ немъ діалектическія особенности, существовали параллельныя формы, полученные въ прямое наслѣдство отдѣльными языками въ томъ или иномъ видѣ. Эта принципиальная точка зрѣнія очень важна и въ томъ отношеніи, что она избавляетъ насъ отъ многихъ лишнихъ объясненій по аналогіи, къ которой должны прибѣгать другіе съ Бругманомъ и Юг. Шмидтомъ во главѣ тамъ, гдѣ на мой взглядъ этого не нужно. По этому и даже готовъ, предположить двойную идвр. форму также для корня **s* быть, первоначальное значеніе кото-

раго было „дышать“; въ такомъ случаѣ объяснились бы напр. зд. *añhas*, *añhu* изъ **eñs*, а *ahura* изъ **es*, какъ *vaiñhu* изъ **eñs*, а *vahista* изъ **ues* = скр. *vas* (о сохраненіи двойной формы въ одномъ и томъ же языкѣ ср. еще ниже). И этимъ, конечно, не хочу сказать, что во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія, гдѣ только въ зендѣ встрѣчается *ñh* вм. *h*, а въ стслав. и лат. геср. греч. соотвѣтствующее *s*, вопреки главнымъ звуковымъ законамъ этихъ языковъ, непременно слѣдуетъ предположить предшествовавшій этому *s* геср. *h* носовой, потому что аналогія, которая несомнѣнно играла величайшую роль съ древнѣйшихъ временъ, тоже могла сдѣлать свое дѣло; главное для насъ то, что данные мною примѣры способны, убѣдить насъ въ существованіи несомнѣнныхъ прототиповъ, въ кругъ которыхъ могли быть вовлечены и такія формы словъ, которыя пожалуй нвкогда не имѣли носоваго передъ *s*; но если это могло случиться, то во всякомъ случаѣ лишь при такихъ словахъ и формахъ словъ, которыя находились въ прямой зависимости отъ своихъ прототиповъ, имѣвшихъ на нихъ посредственное или непосредственное вліяніе.

Послѣ этой необходимой лингвистической экскурсіи мы возвращаемся къ ближайшему своему предмету „*Русь*“. Констатировавъ двойную форму для названій рѣкъ, *Роса*, *Рось* съ одной и *Руса*, *Русь* съ другой стороны, мы, на основаніи изложеннаго, можемъ предположить для нихъ и двойной корень **ros* и **roñs*: отъ **ros* образовалась именная форма **rosā*, давшая въ русск. яз. *Роса* (*роса* etc.), а отъ **roñs* получилась **roñsā*, давшая *Руса*, *Русь* (*русла* etc.). Двойной корень **ros*—**roñs* въ идвр. яз. могъ принадлежать къ числу чередующихся корней въ томъ смыслѣ, что **ros* чередовалось съ **rōs* (геср. **res*, **rēs*), а **roñs* съ **rōñs* (геср. **reñs*, **rēñs*). Сильный видъ **rōs* далъ бы въ русск. *рас* (если существовало и „*Расъ*“ какъ названіе Волги, то такая форма получена отъ **rōs*; она, однако, исторически болѣе чѣмъ сомнительна); изъ **rōs*, слѣдовательно, нельзя вывести существующія формы *роса*, *Роса*, *Рось*, а только изъ **ros*. Сильный видъ **rōñs* далъ бы въ русск. вѣроятно (кажется нѣтъ примѣра внутри слова) такой же результатъ какъ **roñs*; однако нѣтъ никакой надобности думать о формѣ **rōñsā* въ виду зендской формы *Raiñha* изъ **roñsā* (отъ слабого вида **roñs* какъ скр. *Rasā* изъ **rosā* отъ слабого вида **ros*), вслѣдствіе чего и русск. *Руса* etc. слѣдуетъ произвести изъ идвр. **roñsā*. Не забудемъ при этомъ и того: если *Руса*, *Русь* какъ рѣчное названіе находится въ этимологической связи съ рѣчнымъ названіемъ *Роса*, *Рось*, въ чемъ врядъ ли кто нибудь можетъ сомнѣваться, то форма *Руса*, *Русь* обязательно предполагаетъ **roñsā* (геср. **rōñsā*?), потому что другіе возможные въ этомъ корнѣ гласные безъ носоваго (*o*, *ō* геср. *e*, *ē*, или теоретически даже *oi*, *ei* etc.) не перешли бы въ русск. яз. въ *y*, а послѣ теоретически возможныхъ *oi*, *oi* etc., которыя могли бы дать *y*, звукъ *s* не остался бы неизмѣннымъ; слѣдовательно уже самая форма *Руса*, *Русь*, не отдѣлимая по происхожденію отъ *Роса*, *Рось*, доказываетъ, что рядомъ съ формою корня **ros* (**rōs* etc.) была и форма **roñs* (**rōñs* etc.). Но гдѣ же встрѣчается двойной корень **ros*—**roñs* какъ живой элементъ глагольныхъ формъ? Кажется, уже ни въ одномъ языкѣ; сохранился онъ лишь въ производныхъ глаголахъ и, главнымъ образомъ, въ именныхъ формахъ. Правда, въ санскритѣ встрѣчается два корня *ras*, одинъ въ значеніи реветъ, кричать etc., другой въ значеніи вкушать, наслаждаться; но первый не относится къ нашему корню **ros* въ значеніи течь, а второй, судя по его флексіи и значенію равно какъ и потому, что онъ встрѣчается рѣдко и не въ древнѣйшихъ памятникахъ, вѣроятно не что иное какъ производный глаголъ отъ именной формы *rasa* м. р. сокъ, влажность, влага, жидкость, тоже въ женск. родѣ *rasā* влажность, влага (= *роса*), отсюда и *Rasā* какъ собств. имя рѣки (= *Роса*), слѣдовательно такой же производный глаголъ какъ наше *оросить*, *орошать* отъ **resco* или **rosca* въ значеніи влага, вода. Но такъ какъ скр. формы *rasa*, *rasā* съ своей стороны образова-

лись прямо изъ идвр. простого корня *ros, то спрашивается, куда послѣдній дѣвался въ санскритѣ? Отвѣтъ мой такой: онъ былъ поглощенъ указанными именными формами, а для образованія глагольных формъ былъ замѣненъ другою формою этого же корня rs, arṣ = *rs, *ors, за которою осталось ожидаемое нами первоначальное значеніе течь, быстро течь кроющееся и въ названіи рѣки Rasā. Мѣсто его, кромѣ того, занялъ совершенно другой корень *sru, встрѣчающійся въ именныхъ формахъ всѣхъ языковъ и оставшійся живымъ глагольнымъ элементомъ какъ въ скр., такъ и въ греч. и лит. Но не произвольно ли сопоставленію arṣ, rs съ ras или *ors, *rs съ *ros, *rons въ виду того, что arṣ можно объяснить изъ ar+s, какъ и дѣлаютъ? Нисколько, ибо здѣсь отношеніе такое же какъ напр. при arj, rj къ raj, rāj, rāij блистать, или при ardh, rdh къ radh, rādih, randih достигать цѣли. Такимъ образомъ мы можемъ предположить для санскрита не только двойной, но даже тройной корень идвр. яз. *ors (*rs), *ros (*rōs), *rons (*rōns) въ томъ порядкѣ, что *rs образовалось изъ *ros, а *ors эвфонически изъ *rs. Въ зендѣ корень *ros или *ors или *rons какъ таковой не попадаетъ (помнимъ, что отъ Авесты, можетъ быть, и десятая часть не дошла до насъ), а обнаруживается онъ лишь въ названіи рѣки Rañha (= Rasū) и въ посторонней формѣ Arañha. Послѣдняя форма, быть можетъ, отъ *ors съ носовымъ по подобію Rañha изъ *ronsū. Въ греч. яз. отъ *ros—rons, кажется, и слѣда нѣтъ. Этимологическое тождество ῥόσος съ лат. rōs, нашимъ rosa, сомнительно въ виду начального ῥ; но если оно возможно, то ῥόσος образовалось изъ вида корня *ros, а σ сохранилось при косвенной поддержкѣ не перешедшаго въ греч. яз. идвр. *rons такъ же, какъ въ ῥάσος (см. выше). Въ лат. только rōs (gen. rōris) отъ *rōs (возможно также отъ *rons—*rōns ср. асс. pl. осн. на o, въ какомъ случаѣ форму rōris вм. rōsis слѣдовало бы приписать вліянію подавляющаго ротацизма какъ въ nāres противъ nāsus, ср. выше). Можно ли изъ герм. яз. къ стел. rosa лит. rasa русск. rosa отнести ср.-верхне-нѣм. risel rosa нѣм. rieseln струиться, течь, я не рѣшаюсь утверждать, но считаю это отношеніе въ томъ случаѣ возможнымъ, если предполагаемый для risel, rieseln прагерм. корень *ris, *rīs восходитъ къ идвр. виду *rēs, *res, который въ идвр. эпоху могъ бы чередоваться съ *rōs, *ros. Также не смѣю утверждать, что нѣм. rinnen, rennen англ. run готск. и др.-верхне-нѣм. rinnan находится въ прямой связи съ нашимъ корнемъ *ros—rons, хотя соблазнительно думать объ этомъ. Нѣм. rinnen (caus. rennen) англ. run образовалось изъ прагерм. *ren, *run, первоначальное значеніе было „быстро двигаться“ и „быстро течь“, отсюда и Rinne русло и пр.; прагерм. формамъ *ren, *run могутъ соответствовать идвр. *ren, *ron, къ которымъ относились бы *reis, *rons какъ формы первоначальнаго корня *ren, *ron, расширенныя при помощи s. Если все это возможно, то мы получаемъ для идвр. языка даже четверной корень: *ors (*rs), *ros (*rōs, *res, *rēs), *rons (*rōns, *reis, *rēns) и *ron (*rōn, *ren, *rēn), имѣющую свою прекрасную аналогію въ выше изложенномъ тройномъ корнѣ *tres (*tros etc.), *treis (*trois etc.), *trem (*trem etc.). Такимъ образомъ нашъ корень остался бы дѣйствующимъ только въ герм. въ видѣ *ron (*res=*rēs только въ именной формѣ, отъ которой производный глаголъ rieseln), сохранилась бы здѣсь его древнѣйшая форма какъ удержалось бы въ немъ и его первоначальное значеніе „течь, быстро течь“. Въ слав. яз. простой корень *ros etc. утраченъ; но изъ слова rosa (отсюда просить, опрощать, росно), Роса, Росъ можно выводить *ros, изъ русло (руслина), Руса, Русь *rons, а изъ Orsova, Орша *ors (*rs). Отвѣтъ на вопросъ, почему rosa, Роса, Росъ оставили свое s неизмѣннымъ, данъ уже выше: потому что рядомъ съ ними были ближайшими родственницами формы русло (руслина), Руса, Русь, въ которыхъ s не могло измѣняться вслѣдствіе предшествовавшаго ему носоваго звука въ праслав. равно какъ и въ идвр. яз. и благодаря которымъ удержалось s и у нихъ. И такъ я считаю доказаннымъ, что русскія

рѣчныя названія *Rosa*, *Ros̄*, *Ryca*, *Ryś* этимологически тождественны съ названіемъ рѣки *Rasā* въ древне-индійскомъ, *Raha* въ др.-перс. и *Raiha* въ зендскомъ языкахъ.

Такой результатъ принуждаетъ насъ къ историческимъ соображеніямъ и выводамъ. Если *Rasā*—*Raiha* была Волга (ср. выше и ниже), то Волга въ виду рѣчныхъ названій *Rosa*, *Ros̄*, *Ryca*, *Ryś* имѣла нѣкогда и славянское названіе *Rosa*, *Rasa* и русское *Rosa*, *Ryca*. Значить, названіе въ двухъ видахъ? Да, какъ въ праиранск. *Raha* (др.-перс. отъ **ros*) и *Raiha* (зендск. отъ *rois*) и въ идвр. **Rosā*—**Roisā*. Допустимъ, что двойная форма идвр. яз. могла отразиться въ отдѣльныхъ главныхъ языкахъ какъ въ иранскомъ и славянскомъ; но могло ли быть то же самое и въ одномъ русскомъ языкѣ? По моему мнѣнію, да; но войти въ дальнѣйшія подробности этого послѣдняго вопроса я здѣсь не могу. Мой отвѣтъ вытекаетъ изъ вышензложеннаго. И въ самомъ дѣлѣ: если напр. двойная форма *трѣω*—*трѣω* при одинаковомъ значеніи возможна даже въ одномъ аттическомъ—классическомъ языкѣ, то двойная форма *Rosa*, *Ros̄*—*Ryca*, *Ryś*, унаслѣдованная изъ идвр. яз. такъ же какъ первая, могла продолжаться и въ одномъ русскомъ языкѣ. Кроются ли въ ней діалектическія особенности русскаго языка или нѣтъ, связана ли она съ передвиженіемъ русскихъ племенъ, была ли одна форма въ употребленіи исключительно на сѣверѣ, другая исключительно на югѣ etc.—подобнаго рода вопросы пусть рѣшаютъ уже специалисты по русскому языку. Положимъ, что все такъ, какъ я говорю; но почему слѣдуетъ прикрѣпить *Rasā*—*Raiha*—*Ryca* (*Rosa*) именно къ Волгѣ, а не напр. къ Яксарту? Потому что 'Рā и 'Рōς какъ названія Волги исторически засвидѣтельствованы, причемъ 'Рā по всей вѣроятности то же самое что др.-перс. *Raha*—здск. *Raiha*, а 'Рōς то же что *Ryś*. Я впрочемъ не думаю какъ Е. Кuhn, что 'Рā Птолемея прямо образовалось изъ иранскаго, такъ какъ мы въ такомъ случаѣ ожидали бы склоняемой формы этого слова. Скорѣе вѣроятно, что мордовское племя, придя въ приволжскую страну, застало *Raha* какъ названіе Волги и приняло его, передѣлавъ его на свой ладъ въ *Rhaw* (*Rhau*, *Rha*); и вотъ, такая форма греческимъ ухомъ могла быть воспринята какъ несклоняемая, точно такъ же какъ у византийцевъ оказалось несклоняемымъ имя народа 'Рōς т. е. *Ryś*. Если *Rhaw* (*Rhau*, *Rha*) изъ *Raha* (= *Raiha*), то въ историческомъ отношеніи безразлично, образовалось ли 'Рā прямо по первому или по второму, потому что въ обоихъ случаяхъ было бы доказано, что иранцы когда-то жили на Волгѣ, какъ это подтверждается и другими данными (напр. осетинами на сѣверномъ Кавказѣ, народомъ иранскаго происхожденія). Что же касается названія Волги 'Рōς, то я долженъ предварительно замѣтить слѣдующее. Въ сочиненіи 'Υποτύπωσις γεωγραφίας ἐν ἐπιτομή („изложеніе землеописанія въ сокращеніи“), которое одни приписываютъ Агаѳемеру (III. в. по Р. Хр.), другіе неизвѣстному автору болѣе поздняго времени (V. вѣка?), перечислены главныя рѣки, впадающія въ Каспійское море, а именно: 'Ιαξάρτης καὶ 'Ὠξος καὶ 'Ρόμμος καὶ 'Ρōς καὶ Κόρος καὶ 'Αράξης. Вмѣсто 'Рōς Karl Müller читалъ здѣсь противъ авторитета всѣхъ рукописей 'Ρās и принялъ эту конъектуру даже въ текстъ своего изданія (см. *Geographi Graeci minores*, vol. II p. 502, Pag. 1861). В. Латышевъ (см. „Извѣстія древн. писателей греч. и лат. о Скиіи и Кавказѣ“, т. I. Греч. пис., вып. 1-й стр. 295, СПб. 1893) перепечаталъ по Мюллеру 'Ρās безъ всякой оговорки и передалъ его въ русскомъ переводѣ черезъ „Ра“ также безъ малѣйшаго колебанія. Изъ этого я заключаю, что чтеніе Мюллера 'Ρās теперь можно считать общепринятымъ. Оно основывается очевидно на томъ соображеніи, что авторъ этой сокращенной географіи воспользовался разными письменными источниками, между прочимъ и сочиненіемъ Птолемея; и такъ какъ 'Рōς нигдѣ не встрѣчается, а только 'Рā, то онъ, слѣдовательно, не могъ писать 'Рōς. Но почему тогда 'Ρās, а не 'Рā какъ Птоломей? Кто рабски списываетъ, не смѣетъ поправлять; притомъ поправка 'Ρās вм. 'Рā была бы довольно

неудачная, такъ какъ одна неудобосклоняемая форма была бы замѣнена лишь другою неудобосклоняемою формою. Поэтому неизвѣстный авторъ (resp. Агаѳемеръ?) или на самомъ дѣлѣ писалъ 'Ρά какъ Птоломей, въ какомъ случаѣ σ ошибочно вкралось бы въ рукописи позднѣе, что крайне невѣроятно, или же онъ писалъ 'Ρως; въ послѣднемъ случаѣ онъ воспользовался другимъ, письменнымъ или устнымъ, источникомъ чѣмъ его предшественникъ Птоломей, что на мой взглядъ и не подлежитъ никакому сомнѣнiю, какъ и Гедеоновъ стр. 420 сл. совершенно правильно рассуждаетъ: „Все, что можно заключить изъ разногласiя между Агаѳемеромъ [?] и Птоломеемъ, между Эдруси и Аммианомъ, состоитъ въ томъ, что одни получили свое названiе Волги отъ народа славянскаго, говорившаго *Rosъ* [?], а другiе отъ народа финскаго, произносившаго *Rhai*“. Въ томъ все согласны и не могутъ быть несогласны, что подъ 'Ρως въ указанномъ мѣстѣ слѣдуетъ разумѣть именно Волгу. Это прямо подтверждается нубийскимъ географомъ: „*Verum influit in illud (sc. mare Chozar) pars fluminis Ross, Athel vocati*“ (Geogr. Nubiens. 243). Эту цитату у Гедеонова л. с. я, къ сожалѣнiю, проверить не могъ, но не сомнѣваюсь, что она вѣрна за исключенiемъ формы *Ross*, которую по всей вѣроятности слѣдуетъ замѣнить формою *Ros* или *Rōs* или *Rus* (ср. ниже при имени народа *Русь*). Когда жилъ этотъ географъ и изъ какихъ источниковъ онъ почерпалъ, это здѣсь совершенно безразличный вопросъ, такъ какъ никто не могъ взять съ воздуха такое названiе рѣки какъ „*Ross*“ и отождествить такую рѣку съ хорошо извѣстною рѣкою *Athel* т. е. Волгою, не имѣя для этого особаго основанiя. По всему этому я считаю исторически вполне доказаннымъ, что Волга носила когда-то и названiе, отличное отъ другихъ извѣстныхъ намъ названiй ея и переданное греческимъ безыменнымъ авторомъ (Агаѳемеромъ?) черезъ 'Ρως и нубийскимъ географомъ (Эдруси?) черезъ *Ross* (?). Но какого происхожденiя это названiе? Гедеоновъ правъ, указывая на славянское происхожденiе его, и я прямо объясняю 'Ρως изъ русской формы *Русь*, т. е. *Русь* какъ названiе рѣки Волги образовалось позднѣе изъ *Руса* и въ этомъ позднѣйшемъ видѣ „*Русь*“ Волга сдѣлалась извѣстною грекамъ еще въ доваряжскую эпоху. Если русскiе тѣхъ временъ произносили это слово еще *Rasъ* какъ можно предположить на основанiи „Лекцiй по исторiи русскаго языка А. Соболевскаго“ стр. 19 сл., то безыменный греческiй географъ тѣмъ больше имѣлъ основанiя передать его черезъ 'Ρως, въ которомъ ω звучало такъ же закрыто какъ въ *Rasъ*, а носовой его оттѣнокъ, конечно, не былъ терпимъ въ греческомъ словѣ; но и при произношенiи „*Русь*“ передача черезъ 'Ρως вполне понятна по той же причинѣ, что ω звучало закрыто, вслѣдствiе чего и русск. *у* часто передается въ греч. словахъ черезъ ω. *Ross* нубийскаго географа соответствуетъ или *Rosъ* или *Русь*. И такъ мы получаемъ весьма важное прямое историческое доказательство, что Волга нѣкогда имѣла и славяно-русское названiе *Русь* resp. **Rasъ* (изъ *Руса*—**Rasa*—**Rōnsā*) или *Rosъ* (изъ *Роса*—**Rosa*—**Rosā*). Позднѣйшiя названiя *Atel* (*Etel*, *Jtel*, *Jdel*: слово тюркское) и „*Волга*“ неиндоевропейскаго происхожденiя. Все разныя названiя Волги съ идвр. эпохи до нашихъ дней означали одно и тоже: рѣка по преимуществу! Какъ объяснить Геродотовское названiе Волги **Οαρος*, не знаю; одно только несомнѣнно, что это слово ничего общаго не имѣетъ ни съ 'Ρά, ни съ *Rosъ*, какъ фантазiя нѣкоторыхъ историковъ попыталась объяснить его именно такъ, не взирая на то, что **Οαρ* основа, а *ος* лишь окончанiе. Если однако вѣрно, что Гунны называли Волгу *Var'омъ*, то **Οαρος* можетъ быть отъ этого *Var*. Этимъ не устранялась бы возможность, что во время Геродота Волга также еще имѣла имя идвр. происхожденiя, такъ какъ она одновременно могла имѣть нѣсколько названiй, данныхъ отдѣльнымъ частямъ ея различными жившими по берегамъ ея племенамъ; Геродотъ, слѣдовательно, могъ черпать изъ другаго источника, чѣмъ Птоломей, какъ и у греческаго автора „географiи въ сокращенiи“ навѣрное былъ источникъ не тотъ, что у Птолемея. Впро-

чемъ сомнительно, слѣдуетъ ли подъ Геродотовскимъ **Oaroc* разумѣть именно Волгу. Вся важность заключается для насъ здѣсь въ томъ, что, какъ вытекаетъ изъ всего изложеннаго, древнѣйшее названіе Волги было **Rosā*—**Roñsā*, слово индоевропейскаго происхожденія, и что Волга подъ этимъ названіемъ не совсѣмъ исчезла изъ памяти индо-иранцевъ и славянъ включительно, вѣроятно, до литовцевъ. Другими идвр. народами это названіе было забыто по разнымъ причинамъ, которыхъ здѣсь коснуться не могу. Во всякомъ случаѣ лингвистическій результатъ нашъ достаточно обоснованъ для прямого заключенія, что приволжье слѣдуетъ считать прародиною идвр. народовъ, какъ это подтверждается и другими соображеніями. Отъ одинаго праязыка до конца идвр. періода былъ очень длинный путь. Въ эпоху непосредственно до раздѣленія народовъ идвр. вародъ, жившій на Волгѣ, состоялъ уже изъ цѣлаго ряда племенъ съ своими нарѣчіями. Какъ широко эти племена были распространены по ту и сю стороны Волги еще въ идвр. эпоху и какъ они были расположены географически по этой рѣкѣ, это, конечно, трудно сказать. По лингвистическимъ даннымъ можно убѣдиться пока лишь въ томъ, что славяне съ литовцами находились еще въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ индо-иранцами на Волгѣ, когда остальными европейскими народами идвр. прародина была уже окончательно покинута.

Отъ названія Волги *Руса*, *Русь* могло образоваться и имя *Русь* въ значеніи „приволжская страна, приволжье“ и „приволжскій народъ“. Ъ въ имени народа слѣдуетъ съ Соболевскимъ (ср. также уже Геденова) объяснить какъ суффиксъ собирательнаго имени, *Русь*, слѣдовательно, изъ *Русы*, а *Русы* изъ *Руса* т. е. Волга. вмѣсто формы *Русь* въ имени народа могла бы быть и форма *Рось*; но помимо того, что форма *Русь* изъ *Rasa* могла получить перевѣсъ подъ косвеннымъ вліяніемъ той части сосѣдняго праиранскаго народа, которая сохранила типъ слова съ носовымъ, она была удержана въ имени народа главнымъ образомъ вѣроятно потому, что форма *Рось* могла употребляться преимущественно для обозначенія рѣкѣ по прототипу *Rosa*=скр. *Rasā*=идвр. **Rosā*. Это самое обыкновенное явленіе во всѣхъ идвр. языкахъ, что извѣстная форма въ звуковомъ отношеніи по чему-либо дифференцируется, а затѣмъ къ обособившимся формамъ прикрѣпляется различное значеніе. Такое отношеніе могло быть также при *Русь* и *Рось*. Бываетъ и такъ, что колебаніе при этомъ продолжается очень долго, что могло быть и при рѣчномъ названіи *Русь*, *Руса* въ отношеніи его къ *Рось*, *Rosa*. Впрочемъ, это съ моей стороны только догадки, которымъ я самъ не придаю особеннаго значенія. Также я не берусь, объяснить ъ въ рѣчныхъ названіяхъ *Рось* и *Русь*, а скажу только, что это ъ требуетъ другаго объясненія чѣмъ ъ въ имени народа *Русь*. Въ имени народа венгерское *orosz* и тюркское *otuz* (послѣднее, по устному объясненію Академика Радлова, изъ **oros* съ звфоническимъ начальнымъ *o*) какъ бы указываютъ на форму *Рось* вм. *Русь*; но рѣшить этотъ вопросъ я, конечно, долженъ предоставить другимъ.

Русскіе получили свое имя отъ рѣки *Руса*, *Русь* (т. е. Волга), какъ индійцы свое имя отъ рѣки Инда ¹⁾. *Русь* въ началѣ была только на *Русь*, *Руси* (т. е. Волгѣ), какъ Индія только на Индѣ. *Русь* затѣмъ распространилась дальше къ западу, какъ Индія къ юго-востоку, вслѣдствіе чего имя *Русь* появилось и тамъ, гдѣ никогда не было никакой *Руси*-Волги, какъ Индія въ Индостанѣ, находящемся такъ же далеко отъ первоначальной Индіи на рѣкѣ Индѣ, какъ кievская *Русь* отъ приволжской *Руси*. Какъ названіе рѣки *Sindhu* (=Индѣ) было перенесено впоследствии на разныя другія рѣки въ центральной Индіи, такъ было перенесено и названіе рѣки *Rosa*, *Рось*, *Руса*, *Русь* (т. е. Волги) на разныя рѣки въ высшей европей-

¹⁾ Если параллель не во всѣхъ деталяхъ полная, то этимъ не устраняется важность ея. Вообще же прощу читателя, не придираться изъ-за мелочей, развѣ онѣ способны подорвать мои главные положенія.

ской Россіи. И какъ арабы застали на нижнемъ теченіи Инда еще въ 713 г. туземный народъ по имени *Sind* (=др.-перс. *Hind* отъ скр. *Sindhu* = др.-перс. *Hindu* здск. *Hendu* = греч. *Ἰνδοί* отъ др.-перс. *Hind*), такъ они еще раньше застали на верхнемъ теченіи Волги туземный народъ по имени *Русь* (или *Рось*: арабы, какъ извѣстно, пишутъ безъ обозначенія гласныхъ; по этому можно читать различно). Такимъ образомъ, какъ исторически засвидѣтельствовано названіе Волги *Русью*, такъ же исторически засвидѣтельствовано *Русь* какъ имя приволжскаго народа. И какой это могъ быть другой народъ, если не славяно-русскій, за которымъ это имя осталось и по настоящее время! Могутъ утверждать: но если *Руса*, *Русь* восходить къ идвр. языку не только по корню и нарицательному значенію „рѣка“, но и какъ собственное имя рѣки Волги, и если на этой рѣкѣ жили когда-то разные племена идвр. семьи, которыя тогда же, каждое по своему, также могли бы называться *Русью*, то когда же собственно было присвоено нынѣшнему русскому народу имя *Русь*, какъ исключительно ему принадлежащее? Тогда, когда на Волгѣ уже не было ни одного другого изъ идвр. народовъ, также ни одного другого изъ славянскихъ племенъ кромѣ русскаго: русскій народъ оставилъ общую прародину послѣднимъ. А въ какую эпоху? Для русской исторіи, конечно, въ доисторическую. Въ это время, т. е. задолго до варяжскаго періода, русскій народъ уже успѣлъ развѣтвиться по группамъ. Сколько приблизительно ихъ было въ началѣ IX. вѣка, выяснить, можетъ быть, русская діалектологія. Исторія прямо указываетъ на двѣ такія группы: на приволжскую Русь на верхнемъ теченіи Волги, скажемъ казанскую, и на кievскую Русь, а косвенно еще на третью: азовскую Русь. Если то же случилось на сѣверѣ, что могло случиться на югѣ, то можно присоединить еще четвертую: новгородскую Русь. Звеномъ между южными и сѣверными группами могла служить пятая срединная. Среди этихъ группъ находились клины инородцевъ. Далѣе оговариваюсь, что казанская Русь и новгородская скорѣе всего были въ сущности одною и тою же, т. е. казанская Русь, отброшенная натискомъ инородцевъ до Новгорода, была замѣнена новгородскою Русью. Также приазовская и приднѣпровская Русь одна и та же, т. е. главная часть приазовской Руси перешла въ приднѣпровье и превратилась такимъ образомъ въ кievскую, отчасти и въ галицкую Русь. Южная группа была оторвана вѣроятно отъ нижняго теченія Волги рѣзкими событіями, связанными съ вторженіями угрофинскихъ и тюркскихъ племенъ en masse, начавшимися, Богъ вѣдаетъ, сколько вѣковъ до нашей эры. Вотъ, какъ мнѣ, въ самыхъ общихъ чертахъ, отчасти представляется возможнымъ путь распространенія русскаго народа въ доваряжскую эпоху. Если значительно позже замѣчается обратное движеніе съ запада къ востоку или сѣверо-востоку, то это, конечно, не противорѣчитъ моимъ предположеніямъ, относящимся къ совершенно другой эпохѣ. Мнѣ нужно было слегка коснуться этого вопроса для постановки послѣдняго для насъ вопроса: осталось ли имя *Русь* въ одинаковой силѣ за всѣми группами русскаго народа до варяжскаго періода включительно, или же только за одною, отъ которой оно впоследствии опять вернулось къ остальнымъ, по разнымъ причинамъ временно лишившимся его? Тутъ, конечно, все возможно. Легко возможно, что на новгородской территоріи утратилась память о томъ, чѣмъ было для славяно-руссовъ имя *Русь*; но во всякомъ случаѣ это забвеніе не было полнымъ, какъ доказываютъ названія рѣкъ *Руса*, *Русь*, *Роса*, *Рось*. Притомъ спрашивается, насколько имя было забыто простымъ народомъ тогда, когда о немъ, такъ сказать, официально уже ничего неизвѣстно. Мѣстныя имена вродѣ полянъ, древлянъ и пр. не исключаютъ возможности, что одновременно было имя *Русь* и въ болѣе обширномъ смыслѣ. Далѣе легко возможно, что имя *Русь* на югѣ удержалось самымъ живымъ образомъ, такъ что оно позднѣе изъ кievской Руси пошло обратно на сѣверъ. Но если кievской Руси удалось сравнительно быстро навязать имя и сѣверу, то это на мой взглядъ объясняется не только политическими

событіями и не только культурнымъ вліяніемъ, но и тѣмъ, что южная Русь нашла на сѣверѣ для имени *Русь* хорошо подготовленную почву въ языкѣ. Такъ же слѣдуетъ заключить, если распространеніе этого имени шло съ сѣвера къ югу или другимъ путемъ. И съ этой точки зрѣнія русскіе люди въ началѣ вездѣ могли на вопросъ: „Вы кто и откуда вы“ отвѣчать: „Мы *Русь* (т. е. приволжскій народъ) изъ страны священной *Руси*“ (или *Русы*, т. е. Волги, „великой матери“). Вотъ откуда Русь на святой Руси!

Если изложенное мною вѣрно, то мы, помимо одного важнаго лингвистическаго, получаемъ два весьма важныхъ историческихъ результата, а именно:

- 1) Прародина идвр. народовъ приволжье;
- 2) Имя народа *Русь* чисто славяно-русскаго происхожденія.

Думается мнѣ, что этимъ послѣднимъ результатомъ могутъ быть довольны историки всѣхъ направленій не исключая норманистовъ, потому что въ культурномъ и государственномъ отношеніи этотъ результатъ врядъ-ли умаляетъ для Россіи значеніе варяговъ, готовъ и пр. Въ особенности же могутъ считать себя нѣсколько удовлетворенными тѣ подчасъ обиженные арабскіе писатели, которые относительно приволжской Руси черпали несомнѣнно изъ прямыхъ источниковъ, равно какъ и тѣ русскіе Эверсы, Гедеоновы, Иловайскіе и пр., которымъ какъ по разнымъ научнымъ соображеніямъ, такъ и по вѣрному чутью не хотѣлось вѣрить въ инородное происхожденіе русскаго имени, хотя такое происхожденіе, какъ это само собою разумѣется, не заключало бы въ себѣ ничего унижительнаго для великаго русскаго народа.

Къ вопросу объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Нестора Лѣтописца.

(Посвящается акад. А. А. Шахматову).

Д. Абрамовича.

Однимъ изъ источниковъ для изученія литературной дѣятельности Нестора Лѣтописца служить Кіево-Печерскій Патерикъ, источникъ очень существенный и важный.

Въ общемъ составѣ Кіево-Печерск. Патерика труды Нестора издавна занимаютъ довольно видное и почетное мѣсто. Я имѣю въ виду его Житіе преп. Θεодосія Печерск. и рядъ лѣтописныхъ статей, относящихся къ исторіи Печерской обители во второй половинѣ XI вѣка, — общихъ Патерику съ Повѣстью временныхъ лѣтъ.

Что особенно важно, болѣе или мевѣе внимательное отношеніе къ различнымъ редакціямъ Патерика даетъ возможность прослѣдить литературную исторію произведеній Нестора, пользовавшихся, очевидно, значительною популярностью въ нашей древней письменности.

Уже въ древнѣйшей изъ извѣстныхъ намъ редакцій Печерск. Патер., составленной „за мышленіемъ боголюбиваго епископа Арсенья Тфѣрьскаго“ въ 1406 г.¹⁾, — текстъ Несторова Житія читается не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вошелъ, напр., въ такъ назыв. Успенскій Сборникъ XII в., основной источникъ для изученія нашего памятника.

Въ самомъ дѣлѣ, 1) послѣ словъ, читаемыхъ въ Успенск. Сборн., „кже ѿ жити прѣбнааго ѿца нашего ѿѿдосіа бивъша игоумена монастыря сего. сѣзна вѣць наша бѣць“ (Л. 26, b—по изд. Шахматова и Лаврова. М. 1899 г.) въ спискахъ Арсеніевской ред. прибавлено: „анхимандрита всеа роуси начальника“ (Берсен. сп. л. 13, d); 2) опущено замѣчаніе „кгоже и дѣи оуспеникѣ изинѣ праздноующе. памать творимъ“ (У. Сб. л. 26, b); 3) послѣ „подражаа... великааго мѣню антоніа. чръньчскоуоумоу образоу“ (л. 26, c) вставлено сравненіе Θεодосія Печерск. съ Θεодосіемъ Іерусалимскимъ: „близъствине же свокмоу таклонменитомоу фѿдосыа крѣмьскомоу анхимандритоу“. (Л. 14, b—c); 4) названъ городъ, въ которомъ жили родители Θεодосія: „грѣ бо ксть... именемъ васильѣвъ“... (Л. 15, c—d); 5) въ

¹⁾ Рукоп. И. Публ. Библи. Q. п. I. № 31 (=Берсеневск. сп. Патер.), Тр.-Серг. Лавры № 712 и др.

описаніи послѣднихъ дней жизни препод. игумена пропущено то мѣсто, гдѣ говорилось о молитвѣ Θεодосія въ келии и недоумѣніи братіи по поводу прощальныхъ словъ умирающаго: „самъ жъ влѣзъ въ келию начать плакатисѧ“ и пр. до „таче по сихъ блаженаго замѣ възгрозивъши“... (Л. 37, b—c); 6) нѣсколько выше пропущена также тирада, начинающаяся словами „тоу же брати преселившемъсѧ“, а оканчивающаяся — „ограженъ бо бѣ вѣроу... и въ себе жилище сѣаго дѣа сътвори“.. (Л. 61, a—b).

Еще больше измѣненій вносятъ въ текстъ Несторова Житія Кассіановскія редакціи Патерика: первая и вторая.

Въ спискахъ первой редакціи, называемой иначе Акакіевскою, составленной въ 1460 г. „повелѣніемъ инока Кассіана, крилошанина Печерскаго... на имя священноиноку киръ Акакію, бывшаго намѣстника Кіевскаго“, — кромѣ тѣхъ вставокъ, которыми характеризуется Арсеніевск. ред., находимъ еще двѣ: а) годъ постриженія преп. Θεодосія (1032) послѣ словъ оригинала: „поймъ блаженаго Феодосіа. и по обычаю сѣтихъ оцѣ ѡстригы и ѡблече и въ мнѣншьскоую одежу“¹⁾... и б) рассказъ о посѣщеніи умирающаго Θεодосія великимъ княземъ Святославомъ (вмѣсто пропущенныхъ словъ первоначальной редакціи: „самъ же влѣзъ въ келию начать плакатисѧ“ и пр. до „и такоже и тоу тако тѣмъ мнѣшемъ“.. Усп. Сб. л. 62, b—c), при чемъ въ уста игумена влагаются такіа слова: „и се поручаю твоему благочестію святыи сии монастырь, да не обладаетъ имъ ни архіепископъ, ни ивъ никто же отъ клирикъ Софейскихъ, но токмо да завѣдуетъ его твоя держава и по тебѣ дѣти твои и до послѣднихъ роду твоего“²⁾).

10 апр. 1462 г. выходитъ въ свѣтъ вторая Кассіановская ред. „повелѣніемъ смиреннаго инока Кассіана, уставника Печерскаго“. Къ тѣмъ вставкамъ, какія мы нашли въ предыдущей редакціи, прибавляется еще одна новая: послѣ словъ „велѧ тоу възградити тоу таковою цѣкви“..., передъ „се же како же и по мѣтвѣ томоу самому начатъкъ копанию положить“ — вставлено: „и сѣтворише молитвою і извѣстисѧ стѣѡ то мѣсто росю с нѣсе, и паки соушею. и огня попаленіе трзніѧ. како же преже речено ісполнь въ ѡснованіи цѣкви“³⁾).

Кромѣ того, годъ, мѣсяцъ и день смерти преп. Θεодосія, читавшіеся въ древнѣйшей редакціи за рассказомъ о погребеніи игумена, помѣщены непосредственно за словами „и приложисѧ къ святымъ отцамъ“. Въ этомъ, конечно, нельзя не видѣть желанія редактора придать своему повѣствованію какъ можно больше хронологическаго порядка и послѣдовательности.

Текстомъ житія послѣдней ред. воспользовался и Іосифъ Тризна, бывшій архимандритомъ Кіево-Печерской Лавры съ 1647 по 1656 г., для своего „Патерикона Кіевопечерск.—Житія и подвиги преподобныхъ Отецъ нашихъ, въ пещерахъ просіявшихъ“⁴⁾. Здѣсь повторяется даже такая несомнѣнная описка, какъ „болгарина“ вм. „боларина“ въ фразѣ: „тѣгда же великии ликонъ и друуги чьрницъ сѣго минѧ монастыря. боларина тако наречемъ. сѣвѣ-

¹⁾ Въ однихъ рукоп. (напр. И. П. Б. Погод. № 894) на поляхъ, а въ другихъ въ самомъ текстѣ, по киноварью (напр. Новгор. Соф. б. № 1364, 1389; И. П. Б. Погод. 891—2, 895, 898; Троице-Серг. Л. № 713, и др.).

²⁾ Слѣдуетъ имѣть въ виду, что списки Патерика Кассіановск. первой ред., или Акакіевск. — представляютъ двѣ разновидности: въ однихъ — всѣ (четыре) указанная сейчасъ вставки, а въ другихъ только двѣ: сопоставленіе Θεодосія Печ. съ Θεодосіемъ Іерусалимск. и годъ постриженія его. Последняя разновидность — копія съ того оригинала, который изготовленъ былъ „рукою многогрѣшныхъ двухъ дьячшковъ Григорія и Ермолая скорости реди дѣл“, повелѣніемъ княгини инокини Евпраксіи, въ Москвѣ, въ ноябрѣ 1462 г. (Ср. рукоп. Новгор. Соф. б. № 1389; И. П. Б. Погод. 891, 892, 893, и др.). Въ такомъ, между прочимъ, видѣ текстъ Несторова житія вошелъ въ Четвы-Миней и Макарія (ср. рукоп. Новгор. Соф. б. № 1321; Моск. Синод. б. № 805; Чудовск. № 12/314). Въ майской Чет.-Мин. Германа Тузунова (р.к. Тр.Серг. Л. № 676) Житіе Θεод. почему-то пропущено.

³⁾ Замѣчаніе „какоже преже речено“ указываетъ на одно мѣсто Симонова Слова о созданіи церкви Печерской.

⁴⁾ Руки. Тр.-Серг. Л. № 714.

шавъшася тако отъидоста¹. Трудъ новаго редактора сказанъ въ томъ, что онъ изъ имѣющагося у него подъ руками текста, списка Кассіан. второй ред., выдѣлилъ цѣлый рядъ эпизодовъ, а именно: О Варлаамѣ (слово 9), о каженницѣ Ефремѣ (сл. 10), о напасти бывшей на стѣѣ (сл. 11), о крѣпости блажен. Варлаама (сл. 12), о преставленіи блажен. Варлаама (сл. 22), о ѿхожденіи бл. Исаіа (сл. 23) и о Даміанѣ прозвѣтерѣ (сл. 29)¹). Изъ этихъ словъ составлены отдѣльныя житія, съ соответствующими шаблонными вступленіями и заключеніями чисто риторическаго характера: житіе преп. Даміана, Никона, Варлаама и Исаіи. Та же 2-я Кассіан. ред. лежитъ въ основѣ и другихъ позднѣйшихъ редакцій: „велѣбнаго гдѣна бѣа Калистрата Холошѣско игумена обители ѿ: Гадѣцкой“ (1658 г.)²), Сильвестра Коссова (1635 г.) и славянскихъ печатн. изданій. Игуменъ Калистратъ Холошевскій внесъ въ текстъ Несторова Житія „Въпрѣ блговѣрнаго кнѣа Изаслава ѿ латынехъ“ (послѣ Слова 47: „ѿ исповѣданіи вѣры хѣи стго к жидѣ“), „ѿ бывше чудесіи ѿ видѣній томъ Бжтвѣнныа велікіа ѿ новыа цркви на Морѣ, и на воздѣсѣ“, „ѿ прбѣѣмъ Исакіи Печѣрницѣ“, „Слѣво ѿ пришѣствіи майстеровъ Цркви ѿ црѣграда... ѿ ѿ основаніи Цркви велікіа“ и, наконецъ, „ѿ созданіи цркви Печѣрскіа“. Сильвестръ Коссовъ, преслѣдовавшій, какъ извѣстно, полемическія цѣли³), значительно сократилъ текстъ Житія, но присоединилъ къ нему рассказъ о перенесеніи мощей при. Θεοδοσία, о вписаніи имени его въ Синодикъ и о покованіи раки.

Первое славянское печатное изданіе сдѣлано въ 1661 г. „повелѣніемъ и благословеніемъ пречестнаго ѿ Христѣ Господина Отца Иннокентіа Гизеля, милостію Божіею Архимандрита св. великіа Чудотворныа Лавры Печерскіа Кіевскіа“.

Общій характеръ тѣхъ измѣненій, какія претерпѣлъ здѣсь древнѣйшій текстъ, отмѣченъ уже Викторовой⁴) и Кубаревымъ⁵).

Биографическія свѣдѣнія, касающіяся Стефана, Никона, Варлаама, Ефрема и Исаіи, выдѣлены—и изъ нихъ составлены самостоятельныя жизнеописанія, съ прибавленіемъ риторическихъ, длинныхъ и безсодержательныхъ вступленій и заключеній, имѣющихъ для себя прототипъ въ редакціи Іосифа Тризны. Послѣдняя, во всякомъ, оказала нисколько не меньше давленія на нашихъ ученыхъ, чѣмъ редакція Сильвестра Коссова⁶).

Для большаго, очевидно, прославленія Θεοδοσία, въ печатномъ Патер. ему приписывается построеніе маленькой Церкви надъ пещерой, что сдѣлано—по Нестору—Варлаамомъ: „Тогда.. преподобный отецъ нашъ Θεοδοсій съ блажен. Варлаамомъ Игуменомъ.. постави надъ пещерою церковь малу Успенія Пресв. Богородицы“... (Л. 53),—читаемъ здѣсь вмѣсто: „тѣгда же бжтвѣнныи варламъ постави надъ пещерою малую црквицю во имя стѣна бѣа“... Обращаютъ на себя вниманіе попытки примирить нѣкоторыя противорѣчія между Житіемъ при. Θεοδοσία и лѣтописнымъ рассказомъ о началѣ Печерск. монаст.: по Житію, церковь во имя Пресв. Богородицы и Печерск. монаст. воздвигнуты преп. Θεοδοсіемъ („въ мало время възгради цркви“

¹) Для Кассіан. 2 ред. я пользуюсь рукоп. Новгор. Соф. б. № 1363 и Румянц. М. № 305, по котор. (а также и по Версен. сп. Арсен. ред.) издается Патерикъ И. Общ. люб. др. п., подъ редакціей акад. Шахматова и моей.

²) Руки. Муз. Кіевск. д. Акад. № 93.

³) Подробности см. въ II т. изслѣдованія проф. Голубева „Кіевскій митропол. Петръ Москва и его сподвижники“. К. 1898 г., 268—293.

⁴) „Составители Кіево-Печерск. Патерика и позднѣйшая его судьба“. Ворон. 1871.

⁵) „О Патер. Печерск.“—въ Чтен. въ Общ. Ист. и Др. 1847, № 9 и отд. Нельзя, конечно, думать (ср. Н. П. Смирновъ. Вибліогр. Матер. СПб. 1898. Предисл., VI), что печатн. Патерикъ ничего общаго не имѣетъ съ древнимъ Патер.: общее между ними то, что второй весь вошелъ въ составъ перваго, хотя и не безъ измѣненій.

⁶) То обстоятельство, что составители слав. печатн. Отечника воспользовались предисловіемъ къ изд. Коссова, не даетъ еще права видѣть въ слав. Патер. 1661 г. второе изданіе польскаго, Коссовскаго, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи. (См. Чистовичъ. Очеркъ ист. зап. р. с. II, 132; К. В. Харламовичъ. Зап.-русс. прав. шк., 406).

на мѣстѣ томъ во имя.. бѣа.. и постави келиѣ многы“...), а по лѣтописи (подъ 1051 г.)— Антоніемъ и Варлаамомъ: „идоша братья къ Антоню и рѣша... Игумень же (т. е. Варлаамъ) и братья заложиха церковь велику... кельѣ поставиша многы“...

„И такъ, читаемъ въ печатномъ Патерикѣ, — по благословенію преп. Антонія, испросивъ это мѣсто у христілюбиваго князя Изяслава, вскорѣ при помощи Божіей, онъ (Ееодосій) соорудилъ тамъ большую деревянную церковь Успенія Пресв. Богородицы, поставилъ много келлій и обвелъ все оградою“...

По Житію, какъ извѣстно, списокъ устава Студійскаго монаст. пріобрѣтенъ Ееодосіемъ непосредственно изъ Константинополя, чрезъ Ефрема Скопца („посла кдинога отъ брата въ константинь градъ къ ефремоу сконьцю. да весь оуставъ монастырскзи испьсавъ и посъла къ блженому оію нашему ееѡдосію“); по лѣтописи — этотъ уставъ найденъ въ Кіевѣ, у черноризца Студійск. монаст. Михаила, „иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ митропол. Георгіемъ“... Въ печати Патер. дѣло представляется так. образ.: „По молитвѣ и благословенію пр. Антонія, далъ Богъ великому Ееодосію узнать Студ. уставъ отъ честнаго Михаила, инока Студійск. обителя, пришедшаго съ митр. Георгіемъ изъ Греціи. Все то, что онъ рассказалъ о томъ Богоугодномъ чанѣ, понравилось преп. Ееодосію. И потому послалъ одного изъ братіи въ Константинополь къ блаженному егнуху Ефрему, который обходилъ въ то время святыя мѣста, чтобы онъ, дошедши до святаго Студійскаго мон., въ точности узналъ все порядки его и принесъ ему подробно списанный весь тамошній уставъ... „Блаж. же Ефремъ повелѣніе преп. отца Іліе сотвори: и весь уставъ св. Студ. мон., самовідецъ сми, по радѣ исписавъ, принесе к нему“...

Интересно, что такъ же примиряютъ эти противорѣчивыя мѣста—и Бутковъ, и преосв. Макарій, и Е. Е. Голубинскій, и проф. Н. В. Покровскій.

Въ печати. слав. изданіяхъ, начиная съ 1759 г., исключены, какъ тенденціозныя, слова умирающаго Ееодосія къ вел. кн. Святославу: „да не обладаетъ убо имъ ни Архіеп. Кіевскій, ниже инъ кто отъ клирикъ Софійскихъ: точію да завѣдуетъ имъ держава твоя, и по тебѣ дѣти твои, даже до послѣднихъ рода твоего“.

„Крайне невѣроятно, — читаемъ въ „Выпискѣ краткой изъ Патер. Печ.“, составленной по порученію Св. Синода архим. Іоасафомъ и іерод. Никодимомъ, — крайне невѣроятно, чтобы св. Ееодосій, кроткій и смиренный мужъ, не хотѣлъ быть монастырю своему подъ послушаніемъ Кіевскаго архіерея, яко главнаго тогда во всей Россіи пастыря. Ибо послѣ Печерск. мон. и былъ подъ митрополитомъ Кіевскимъ, а во время владѣнія въ Кіевѣ польскаго Печерскій монаст. былъ въ ставропигіи Константинопол. патріарха. Съ показанныхъ же будто св. Ееодосія словъ можно заключить, что онъ желалъ быть монастырю своему неподвластнымъ никакой духовной главѣ, но акибы безглавнымъ“¹⁾.

Не входя въ подробности о происхожденіи всѣхъ указанныхъ нами вставокъ въ Жит. Ееод., замѣчу, что важнѣйшія изъ нихъ (названіе Ееодосія архимандритомъ всея Россіи, сопоставленіе его съ Ееодосіемъ Іерусал. и сцена прощанія съ вел. кн. Святославомъ) носятъ, несомнѣнно, тенденціозный характеръ и стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ общей исторіей Печерской обители во второй половинѣ XII в., когда названная обитель была возведена на степень архимандріи, а ея настоятель получилъ санъ архимандрита²⁾...

¹⁾ Г. П. Георгіевскій. Печати. Печерскій Патерикъ. „Русск. Обозр.“ 1893 г., кн. 5 и 6.

²⁾ Есть основаніе думать, что первымъ архимандритомъ Печерск. мон. былъ Подкарпъ: въ 1168, 1170 и 1171 гг. онъ называется въ Ипатск. Лѣтоп. игуменомъ (ср. 2 изд. стр. 362—3. 369. 374), а въ 1174 и 1182 (стр. 423) — архимандритомъ-игуменомъ.

Перехожу къ вопросу о Несторовой Лѣтописи, напомнивъ предварительно, что въ Патерикѣ находится классическое, въ своемъ родѣ единственное доказательство въ пользу авторства Нестора по отношенію къ лѣтописи. Это — два мѣста въ Посланіи чернор. Поликарпа къ Акидину:

1) „и сего ве трѣпаше прибнїи ти ѡцы... нестеръ ѡже написа лѣтописецъ“... и 2) „блженнїи нестеръ в лѣтописцы написа ѡ блженнѣи ѡцѣ, ѡ дамїанѣ. іеремїи. и мафѣи. і ѡсакїи“¹⁾...

Все разнообразіе мнѣній по данному вопросу можно свести къ тремъ категорїямъ.

а) Нестору принадлежитъ вся такъ назыв. Повѣсть времен. лѣтъ, сохранившаяся, впрочемъ, не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а значительно измѣненная и искаженная вставками, пропусками и ошибками позднѣйшихъ переписчиковъ и редакторовъ (Татищевъ, Шлецеръ, Забѣлинъ, Погодинъ).

б) Нестору въ Повѣсти вр. л. могутъ принадлежать только тѣ статьи, которыя непосредственно касаются исторїи Кіево-Печерскаго монастыря.

Такимъ образомъ вопросъ о Несторовой Лѣтописи отдѣляется отъ вопроса о Повѣсти вр. л., въ томъ смыслѣ, что Несторова Лѣтоп. не можетъ и не должна быть отождествляема съ Повѣстью, какъ одна изъ составныхъ ея частей (Строевъ, Каченовскій, Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ, Шахматовъ и др.).

в) Наконецъ, нашъ Несторъ, авторъ житїя Θεодосїа Печерск. и Чтенїя о свв. Борисѣ и Глѣбѣ, и Лѣтописецъ — ничего общаго между собою не имѣютъ, а если и имѣютъ, то развѣ только имя (П. С. Казанскій²⁾, Е. Е. Голубинскій³⁾, А. И. Соболевскій⁴⁾).

Въ современной исторической наукѣ всѣ права гражданства получилъ взглядъ на Начальную лѣтопись, какъ на сводъ самаго разнообразнаго историческаго и литературнаго матеріала, нѣчто въ родѣ исторической хрестоматїи.

Высказанное еще въ 1820 г. Строевымъ⁵⁾, это мнѣніе вполне подтвердилось учеными наблюденїями Погодина⁶⁾, Соловьева⁷⁾, Срезневскаго⁸⁾, Бѣляева⁹⁾, М. И. Сухомлинова¹⁰⁾, Бестужева-Рюмина¹¹⁾, Костомарова¹²⁾, В. О. Ключевскаго, А. А. Шахматова¹³⁾, St. Srkulj'я¹⁴⁾, Е. Н. Щепкива¹⁵⁾, М. Грушевскаго¹⁶⁾, С. Θ. Платонова¹⁷⁾ и др.

Самыми типичными выразителями такого взгляда являются покойные Костомаровъ и Бестужевъ-Рюминъ, а въ наше время — акад. А. А. Шахматовъ. Въ лѣтописный сводъ, извѣст-

1) Рукп. Новгор. Соф. б. № 1363, лл. 105—6. 110 об.

2) „Временникъ И. Моск. Общ. ист. и др. р.“ Кн. I, 30.

3) Истор. р. цер. Т. I, кн. I, 643—4.

4) „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1888 г., кн. 6, 398: Въ какомъ году крестился св. Владимїръ?

5) „Софїйскїи Временникъ“. Ч. I. М. 1820. Предисловіе.

6) Исслѣдов., замѣчанїя и лекціи. Т. I, 89 и д. М. 1846.

7) Истор. Россїи. Т. III, 112 и д. М. 1880.

8) Чтенїя о др. р. лѣтп. СПб. 1862.

9) „Чтен. въ Общ. ист. и др. р.“ 1847 г., кн. V.

10) „О древне-р. лѣтоп., какъ памяти. литерат.“ СПб 1856 г. и „О преданїяхъ въ древн. русск. лѣтоп.“ (Основа, 1861, 4).

11) О составѣ русск. лѣтоп. до конца XIV в. СПб. 1868.

12) Лекціи по русск. исторїи. СПб. 1862.

13) „О начальномъ Кіевск. лѣтоп. сводѣ“. I—III. М. 1897. „Древнѣйшія редакціи Пов. вр. л.“ (въ Ж. М. Н. Пр. 1897, ч. 313), „Житїе Антонїа и Печерск. Лѣтоп.“ (въ Ж. М. Н. Пр. 1898 и отд.) и др.

14) Die Entstehung d. ält. rus. sogen. Nestorchronik. Požega, 1896.

15) „Zur Nestorfrage“ — въ Arch. f. sl. Phil., XIX и отд.

16) „Несторъ і лѣтописъ“ (Привѣт, юбилейный збірникъ дра Франка, 1898) и Исторїя України — Руси, Т. I (Льв. 1898), 439 и д.

17) Лекціи по русск. истор. СПб. 1900. Вы. I, 41—44.

ный под именем Повѣсти вр. л., вошелъ цѣлый рядъ статей и замѣтокъ, касающихся спеціально исторіи Кіево-Печерск. мон., короче сказать — Печерская (монастырская) лѣтопись.

Въ дѣлѣ составленія этой Печерск. лѣтоп. принималъ ближайшее участіе и преп. Несторъ: связываемый съ его именемъ (въ Печ. Патер.) „лѣтописецъ“ есть не что иное, какъ лѣтопись Печерской обители за вторую половину XI-го столѣтія. Вотъ, — по нашему крайнему разумѣнію, — единственно возможное рѣшеніе очень давняго уже вопроса объ отношеніи Нестора, составителя Житія и Чтенія, къ нашей Начальной лѣтоп.

Совершенно игнорировать свидѣтельства Патерика, хотя бы мы и не считали ихъ за „какое-то свидѣтельство богодухновенное, которое никоимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣно въ своей достовѣрности“¹⁾, или различать двухъ Несторовъ — современниковъ: младшаго, діакона, автора житій, и старшаго — лѣтописца, — мы не имѣемъ ни историческаго, ни литературнаго права²⁾.

На основаніи тѣхъ историко-литературныхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, можно думать, что въ составъ предполагаемой Несторовой Лѣтописи входили: 1) Сказаніе что ради прозвася Печерск. монаст., 2) Слово о первыхъ подвижникахъ Печерскихъ (о Даміанѣ, Іереміи, Матвѣѣ и Исаакіи), 3) Слово объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей прп. Θεодосія и нѣсколько сравнительно мелкихъ извѣстій, касающихся того же Печерск. монаст.

Вслѣдъ за Сказаніемъ что ради прозвася Печерск. мон. въ Несторовомъ „Лѣтописцѣ“ читалось, по всей вѣроятности, Житіе Θεодосія, какъ можно видѣть изъ заключительныхъ строкъ Сказанія: „а о Θεодосіевѣ житии паки скажемъ“³⁾...

Не мало уже потрачено труда и остроумія на выясненіе и примиреніе противорѣчій между Сказаніемъ о началѣ Печерск. мон. и Житіемъ Θεодосія, но при этомъ не достаточно обращалось вниманіе на то обстоятельство, что Несторъ, составляя Житіе и Сказаніе, преслѣдовалъ разныя цѣли и потому неодинаково пользовался имѣющимися въ его распоряженіи источниками.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ попытка акад. А. А. Шахматова доказать, что Сказаніе дошло до насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ-подъ пера своего составителя: часть измѣненій принадлежитъ одному изъ продолжателей Печерской лѣтописи, а часть — позднѣйшему редактору Повѣсти вр. л. „Необходимо допустить полную передѣлку Несторова Сказанія... Первоначальный текстъ Нестора не дошелъ до насъ; въ Печерской лѣтоп. онъ читался въ искаженномъ или исправленномъ видѣ; до насъ, путемъ Повѣсти вр. л., заимствовавшей Сказаніе изъ Печерск. лѣтоп., дошли обрывки первоначальнаго Несторова текста“...

Между прочимъ, смущающая всѣхъ фраза „к нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и приять мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего“ — стоитъ совсѣмъ не на мѣстѣ и поставлена въ ненадлежащую связь съ Θεодосіемъ, котораго Несторъ не засталъ уже въ живыхъ⁴⁾.

Слова о первыхъ подвижникахъ Печерск. акад. Шахматовъ не находитъ возможнымъ приписать Нестору, на томъ основаніи, что въ Житіи Θεодосія ясно говорится, что Антоній,

¹⁾ Голубинскій. Ист. р. ц. I, 1. 644.

²⁾ Въ Опис. иконописи Кіево-Печ. Лавры (Лаврск. руки. № 204), дѣйствительно, различаются: прпд. Несторъ діаконъ и прпд. Несторъ лѣтописецъ (ср. Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтоп., кн. XII. Прибав., 85), но первый, очевидно, есть Несторъ „Некнижный“ (см. Филаретъ. Русск. Свят., подъ 28 авг.; Арх. Сергій. Агіологія Востока. II, 228; Н. Барсуковъ. Источн. агіогр., 387; Арх. Дамитрій. Мѣсяцесловъ свят. Вып. II (1893), 193—4).

³⁾ Въ тѣхъ спискахъ Печ. Патер., въ которыхъ Житіе предшествуетъ Сказанію, конецъ послѣдняго измѣненъ: „а ѿ житии феодосіевѣ ѡкъ же напредѣ писава“... (Ср. рукоп. Тр.-Серг. Лавры № 712).

⁴⁾ „Нѣсколько словъ о Нестор. Житіи св. Θεодосія“, 1—2. СПб. 1896.

Труды XI-го археол. съезда въ Кіевѣ. т. II.

„ископавъ (послѣ основанія Печерск. м.) пещеру, живѣше в неѣ, и не излаза изъ неѣ, идѣже и донинѣ честное тѣло его лежитъ“; а въ житіи Исаакія разсказывается между прочимъ объ удаленіи Антонія на Болдины горы ¹⁾. Но это незначительное и въ существѣ дѣла легко объяснимое противорѣчіе ²⁾ едва ли можетъ поколебать краснорѣчивое свидѣтельство Патерика: „блжнны Нестеръ в лѣтописцѣ написа... в Дамьяни, Іеремѣи, и Матфеѣ, и Исакии“ ³⁾...

Въ основной (первоначальной) редакціи Печерск. Патер., не дошедшей до насъ, но восстанавливаемой на основаніи такихъ рукоп., какъ напр. Новгород. Соф. б. № 1388, Ундольск. № 388, Тр.-Серг. Лавры № 800, Синод. б. № 552, 945 и др., — въ основной редакціи Печ. Патер. читается одна лишь лѣтописная статья—Слово о первыхъ чернор. Печерск., въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась въ Повѣсти вр. л. Сказанія о началѣ Печ. мон. нѣтъ и въ Берсен. сп. Арсеньевск. ред.; за то мы находимъ его въ другомъ спискѣ той же редакціи—Тр.-Сергѣевск., съ такимъ заглавіемъ: „О началѣ печерьскаго монастыря что ради прозвася печерьскій монастырь. и ѿ сѣмъ антоніи“. Особенность въ текстѣ та, что совсѣмъ нѣтъ словъ „къ нему же и азъ придохъ.. и пріять ма лѣт ми соущю 17 ѿ роженіа моего“ ⁴⁾...

Очень можетъ быть, что это не случайный пропускъ, а особая редакція нашего Сказанія, ясно намекающая на то, что вышеприведенныя слова, дѣйствительно, не на мѣстѣ, какъ думаетъ Шахматовъ.

Изъ другихъ лѣтописныхъ статей въ Арсен. ред. вошла часть Слова о первыхъ подвижникахъ Печерск.: въ однихъ спискахъ (Берсен.) изъ этого Слова находимъ разсказъ о Даміанѣ и Іереміи, а въ другихъ (напр. Тр.-Серг.) только о Даміанѣ. Большой интересъ при изученіи Нестор. Лѣтоп. представляютъ Кассіановскія ред. Патерика; вторая изъ нихъ имѣетъ цѣлый рядъ существенныхъ особенностей даже по сравненію съ списками первой.

Въ заглавіи Сказанія видимъ указаніе на автора статьи — „Нестера мниха обители монасты. печерскаго“.

Въ самомъ текстѣ Сказанія между обѣими редакціями замѣчается крупная разница. Въ Кассіан. первой ред., такъ же какъ въ Арсеньевск., Θεодосіевской ⁵⁾ (румп. Новгород. Соф. б. № 1365) и въ Повѣсти вр. л., Сказаніе начинается повѣствованіемъ о поставленіи Иларіона въ митрополиты, о путешествіи Антонія въ святую гору, постриженіи его тамъ въ иноческій образъ и прибытіи на Русь по повелѣнію игумена Святогорск. обители; за тѣмъ говорится о поселеніи Антонія въ пещерѣ, оставшейся пустою послѣ Иларіона, и объ отшельнической жизни при Антоніи... Въ спискахъ Кассіановской 2-ой ред. совсѣмъ иное начало: здѣсь разсказывается о двукратномъ путешествіи Антонія на Аѳонъ. Первое паломничество было „во дни княженія самодержца рускія земли.. князя Владиміра Святославича“.. По совѣту игумена, у котораго Антоній постригся, инокъ возвращается въ Россію и поселяется въ окрестностяхъ Кіева, но не въ Ларіоновой пещеркѣ, а въ варяжской, „юже бѣша ископали Варязи“, и въ ней „ пребысть въ велицѣмъ въздержаніи“.. По смерти князя Владиміра настала на святой Руси великая крамола: „прия власть безбожнны окаянныи Святополкъ, и сѣде въ Кіевѣ и нача избивати братью свою, и уби святаго Бориса и Глѣба“... Антоній,

¹⁾ Отзывъ о сочин. Eug. Scepkin: „Zur Nestorfrage“. СПб. 1898, стр. 11.

²⁾ Фраза „живѣше в неѣ и не излаза изъ неѣ“—одна изъ обычныхъ литературн. приѣмовъ...

³⁾ Я знаю, что этого мѣста нѣтъ въ спискахъ Арсеніевск. ред. Печерск. Патер., но это, несомнѣнно, простой пропускъ.

⁴⁾ Ср. руп. Моск. д. Акад. № 94.

⁵⁾ По мнѣнію проф. В. М. Истрина, въ составъ Θεодос. р. вошла не древняя ред. Патерика, а такъ назыв. Іоанновская, появившаяся, по крайней мѣрѣ, къ самому началу XV в. („Извѣст. Отд. р. яз. и сл. Ак. Н.ч. Т. III кн. 2, 508). Но тщательное изученіе текста Новгородск. сп. привело меня къ заключенію, что у Θεодосія былъ подъ руками древній видъ Патерика, какъ замѣчено акад. Шахматовымъ.

„види таковая кровопролитія, яке содѣла окаянный Святополкъ, наки побѣжа въ святу ю гору“... Далѣе, какъ и въ первой редакц., разсказывается о поставленіи Иларіона въ митрополиты, новомъ возвращеніи преп. Антонія и поселеніи на этотъ разъ въ бывшей Иларіоновой пещерѣ...

Кромѣ того, въ концѣ Сказанія къ словамъ: „пріидохъ же и азъ къ нему, худый и недостойный рабъ“, читаемыхъ въ Кассіановск. 1-ой ред. и въ Пов. вр. л.,—въ Кассіановск. второй прибавлено „Нестеръ“.

Въ заглавныхъ строкахъ Слова объ открытіи и перенесеніи мощей Θεодосія въ спискахъ той же редакціи добавлено: „Нестора мниха монастыра пещерскаго“, между тѣмъ какъ въ Кассіановск. первой и въ Повѣсти вр. л. авторъ Слова не обозначенъ.

Въ началѣ того же Слова—довольно пространно и многорѣчиво восхваляются блаженные Печерскіе отцы, рѣшившіе перенести мощи препод. игумена: „С' похвалами бываѣшаа нами праведныхъ возвеселѣса люѣ рѣ премудрый Соломонъ“ и пр. (Ср. арх. Леонидъ. Два памятника древн.-р. кievск. письмен. XI и XIII в. М. 1890).

Въ Повѣсти врем. лѣтъ и въ спискахъ 1-ой Кассіан. ред. начало другое: „Лѣта 6599, индикта 14, вже бѣ въ 18 лѣто по преставленіи преподобнаго отца нашего Θεодосія, игумень и черноризца съвѣтъ сътвориша“... Наконецъ, въ жизнеописаніи Исаакія Печерскаго передъ самымъ разсказомъ читаемъ еще нѣсколько вводныхъ строкъ („Яко въ огни искушаѣса злато“ и т. д.), лишнихъ по сравненію съ Повѣстью вр. л. и болѣе ранними редакціями Патерика.

Источникъ всѣхъ этихъ особенностей, характеризующихъ Кассіановск. ред. Патерика, акад. Шахматовъ видитъ въ Печерской лѣтоп., въ составъ которой когда-то входила и Несторова. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли можно допустить, чтобы указанные измѣненія были плодомъ личныхъ и произвольныхъ измышлений Кассіана, начавшаго такъ усердно заботиться о литературной славѣ Нестора... Въ частности, что касается Несторова разсказа о началѣ Печерск. мон., то составитель Печерск. лѣтоп. хотѣлъ согласовать и исправить его, пользуясь другими источниками, повѣствовавшими о томъ же событіи. Однимъ изъ такихъ источниковъ могло быть извѣстное лѣтописцу Житіе Антонія.

Послѣдняя догадка акад. Шахматова, конечно, правдоподобна, но и только. Мнѣ лично страннымъ кажется то обстоятельство, что составитель Печерск. лѣт., передѣлывая Несторово Сказаніе сообразно съ Житіемъ преп. Антонія Печерск., не заимствовалъ отсюда извѣстіе о постриженіи имъ Иларіона, что было бы очень и очень кстати ¹⁾.

Кассіан. вторая ред., какъ я уже упоминалъ, легла въ основу всѣхъ позднѣйшихъ изводовъ Патерика: Юсифа Тризны, Калистрата Холошевскаго, Сильвестра Коссова и славянск. печатныхъ изданій; но на нихъ мы совсѣмъ не будемъ останавливаться, такъ какъ эти редакціи Патерика ничего новаго не даютъ для выясненія литературной исторіи Несторовой Лѣтописи.

Ограничусь замѣчаніемъ, что Сказаніе о началѣ Печерской обители извѣстно здѣсь подъ именемъ Житія Антонія Печерскаго ²⁾; кромѣ того, у Сильвестра Коссова, Юсифа Тризны и Калистрата Холошевскаго весь Патерикъ приписывается Нестору. Но это, конечно, простое недоразумѣніе, съ которымъ можно и не считаться.

¹⁾ „Иларіона же митрополита и самъ челъ еси въ житіи сѣго Антонія, яко ѿ того постриженъ бѣ и тако обшества сподобленъ“,—пишетъ Симонъ въ Посланіи къ Поликарпу. (Ср. Яковлевъ. Памяти, р. лѣт. XII и XIII в., 90). Разсказъ о первомъ путешествіи Антонія на Афонъ носитъ слѣды позднѣяго происхожденія (историческаго и литературнаго)—и должевъ быть относимъ къ концу XIV или началу XV в.

²⁾ Это видимъ и въ нѣкоторыхъ спискахъ Кассіан. ред., напр. И. П. В. Погод. № 900, Моск. Синод. б. № 217 и Царск. № 300, а также въ Чет.-Мин.: Волокол. б. № 597, Новгород. Соф. № 1321, и др.

Церковно-славянскія стихотворенія IX—X вѣковъ и ихъ значеніе для изученія церковно-славянскаго языка.

Акад. А. И. Соболевскаго.

I.

Византійскіе греки отличались большимъ пристрастіемъ къ стихотворству. Какъ извѣстно, наши церковныя пѣсни въ греческомъ подлинникѣ не что иное, какъ стихотворенія. Изъ другихъ произведеній византійскаго періода, самаго разнообразнаго содержанія, порядочное число также стихотворенія. Даже великіе отцы церкви, какъ Григорій Богословъ и Феодоръ Студитъ, находили время для стихотворства.

Византійскія стихотворенія нерѣдко имѣютъ акrostихъ того или другаго рода. Многія изъ нихъ снабжены азбучнымъ акrostихомъ: начальныя буквы ихъ стиховъ, или двустипій, или строфъ представляютъ собою греческую азбуку въ ея обычномъ порядкѣ.

Византійскій стихъ, извѣстный подъ именемъ *политическаго стиха* (στίχος πολιτικός), имѣетъ нѣсколько видовъ. Одинъ изъ нихъ — потомокъ ямбическаго триметра древнихъ поэтовъ, того триметра, который намъ хорошо извѣстенъ по произведеніямъ Софокла и Эврипида. Греческій языкъ византійскаго періода не различалъ долгихъ и краткихъ гласныхъ звуковъ, и потому политическій стихъ — нѣчто очень похожее на русскій силлабическій стихъ XVII—XVIII вѣковъ. Можно отмѣтить (на основаніи указаній специалистовъ по метрикѣ), что въ политическомъ стихѣ обычна цезура послѣ 5-го слога, какъ въ классическомъ ямбѣ, и — что для насъ важно — *обязательно* удареніе на предпоследнемъ слогѣ стиха; иначе говоря: последнее слово стиха должно имѣть удареніе на 2-мъ слогѣ отъ конца. Правда, нѣкоторые византійскіе стихотворцы не заботились объ постановкѣ ударенія на предпоследнемъ слогѣ стиха; но это были лишь немногіе ученѣйшіе люди, какъ Григорій Богословъ, стремившіеся писать вполне по классически.

Нѣкоторые изъ первыхъ славянскихъ писателей, писавшихъ на церковно-славянскомъ языкѣ (все равно, греки, хорошо знавшіе церковно-славянскій языкъ, или славяне, получившіе греческое образованіе), имѣли ту же любовь къ стихотворству, что и византійцы. Число дошедшихъ до насъ *древнихъ* церковно-славянскихъ стихотвореній относительно велико.

Я говорю: древнихъ, потому что они относятся къ тому періоду въ исторіи церковно-славянскаго языка, когда всѣ древніе *ѣ* и *ь* еще существовали какъ гласные звуки и составляли слогъ, т. е. ко времени никакъ не позднѣе конца X вѣка.

Эти церковно-славянскія стихотворенія дошли до насъ, конечно, не въ подлинникахъ, а въ болѣе или менѣе позднихъ спискахъ, гдѣ *ѣ* и *ь* часто опущены и языкъ вообще подновленъ. Поэтому ихъ текстъ нуждается въ восстановленіи. Последнее — вещь не хитрая. Нужно поставить на мѣста древніе *ѣ* и *ь*, окончанія прилагательныхъ *аго, уму, ымь* и т. п. замѣнить черезъ *ааго, ууму, ымь* и т. п., и то не всегда, и восстановленіе въ главномъ готово. Конечно, не всѣ стихи такимъ образомъ могутъ быть восстановлены; для другихъ необходимы болѣе значительныя поправки; но такими стихами мы можемъ не пользоваться.

Размѣръ церковно-славянскихъ стихотвореній — византійскій политическій стихъ въ 12 слоговъ или 6 стопъ. Теорія церковно-славянскаго стиха никѣмъ не записана, но она должна быть тождественна съ византійскою. Дѣйствительно, та цезура послѣ 5-го слога, которая обычна (но не обязательна) у византійцевъ, — обычна (но не обязательна) и у славянъ. Необходимо предполагать, что и удареніе на предпоследнемъ слогѣ стиха, обязательное у византійцевъ, — обязательно и у славянъ.

Обратимся къ стихотвореніямъ и возьмемъ изъ нихъ лишь тѣ, которыя дошли въ древнихъ спискахъ. Это —

1) Азбучная молитва Константина Болгарскаго, ученика Кирилла и Мефодія. Авторъ хорошо знакомъ съ византійскою теоріей стихосложенія и цезура послѣ 5-го слога для него обязательна:

Азъ словомъ—симв молюся Богу:
Боже всея—твари и зиждителю,
Видимымъ —и невидимымъ...

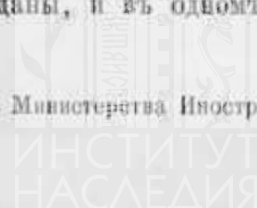
Азбучный акростихъ. Старшій списокъ—русскій—относится къ XII—XIII вѣку; болѣе позднихъ, XV—XVII вѣковъ, —также русскихъ, —очень много. Издана не разъ, между прочимъ мною въ восстановленномъ видѣ въ журналѣ *Библиографъ* за 1892 годъ. Изъ 40 стиховъ только пять не поддаются восстановленію или возбуждаютъ сомнѣнія (именно 9-й, 12-й, 15-й, 23-й, 29-й).

2) Похвала царю болгарскому Симеону въ такъ называемомъ Святославовомъ Сборникѣ 1073 года и въ русскомъ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерской библіотеки XV вѣка. Въ первомъ изъ названныхъ памятниковъ Похвала раздѣлена на стихи. Определенной цезуры нѣтъ. Издана не разъ, между прочимъ мною въ восстановленномъ видѣ въ вышеупомянутомъ журналѣ. Изъ 27 стиховъ всѣ восстанавливаются безъ труда, кромѣ 19-го, 23-го и 25-го.

3) Азбучная молитва въ русскомъ сборникѣ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ второй половины XIII вѣка, съ названіемъ „азбуковникъ“. Азбучный акростихъ не въ отдѣльныхъ стихахъ, а въ двустихіяхъ. Изъ 72 стиховъ поддается восстановленію около половины¹⁾.

Кромѣ этихъ трехъ стихотвореній, мы знаемъ еще цѣлый рядъ въ спискахъ XIV вѣка и позднѣе. Таковы: 1) Прогласъ св. Евангелія, вѣроятно, того же Константина, которому принадлежитъ первая азбучная молитва. Онъ находится въ трехъ сербскихъ спискахъ XIV вѣка (Гильфердинговскомъ, Хлудовскомъ и Хиландарскомъ), которые всѣ изданы, и въ одномъ

¹⁾ Есть еще поздній, XVII вѣка, списокъ этой молитвы въ сборникѣ Моск. Архива Министерства Иностр. Дѣлъ № 550—1144, заключающемъ въ себѣ и другія азбучныя молитвы.

русскомъ XVI вѣка, неполномъ, но важномъ по обилію вариантовъ; 2) Похвала царю болгарскому Симеону въ такъ называемомъ Златоструѣ. Старшій списокъ XV вѣка—русскій—уже не имѣетъ дѣленія на стихи (что особенно затрудняетъ возстановленіе). Попытка возстановить сдѣлана мною въ журналѣ *Библиографъ* за 1894 годъ; 3) около 20 различныхъ азбучныхъ стихотвореній, дошедшихъ въ рядѣ русскихъ списковъ не ранѣе XV вѣка, по преимуществу же XVII вѣка. Они сохраняютъ азбучный акростихъ, но такъ искажены переписчиками, что возможно возстановленіе лишь немногихъ отдѣльныхъ стиховъ.

Всѣ послѣднія стихотворенія оставляются мною въ сторонѣ и не будутъ въ дальнѣйшемъ приниматься въ соображеніе.

II.

Мы имѣемъ для изученія церковно-славянскаго языка довольно матеріала и по фонетикѣ, и по морфологіи, и по синтаксису. Но у насъ нѣтъ матеріала по ударенію. Средне-болгарскія рукописи съ разставленными удареніями начинаются лишь съ первой половины XIV вѣка; сербскія и русскія—нѣсколько позднѣе. Слѣдовательно, данныя по церковно-славянскому ударенію относятся самое большее къ XIV вѣку, къ тому времени, когда древніе *ъ* и *ь* во множествѣ случаевъ уже исчезли какъ звуки, когда вообще всѣ славянскіе языки успѣли претерпѣть значительныя измѣненія.

Три церковно-славянскія стихотворенія, выше мною указанная, имѣютъ около 100 возстановляемыхъ стиховъ, и такимъ образомъ даютъ намъ около 100 словъ съ удареніемъ конца IX или первой половины X вѣковъ. Они для насъ важны именно для изученія церковно-славянскаго ударенія.

Въ каждомъ изъ возстановляемыхъ стиховъ послѣднее слово должно имѣть удареніе на 2-мъ слогѣ отъ конца. Итакъ, у насъ около 100 словъ съ удареніемъ на 2-мъ слогѣ отъ конца, самыхъ разнообразныхъ: именъ, мѣстоименій, глаголовъ, нарѣчій, во всевозможныхъ падежныхъ и другихъ формахъ.

Взглянемъ на эти слова безъ предвзятой мысли найти въ нихъ какое-нибудь особенное удареніе, и сравнимъ ихъ со словами въ болѣе позднихъ памятникахъ или въ современномъ русскомъ языкѣ.

Значительная ихъ часть имѣетъ то же удареніе, что въ русскихъ текстахъ XIV вѣка и въ современномъ русскомъ языкѣ: бѣгъ (им. ед.), бѣгу, дѣхъ, дѣху (дат.), сѣнасе (зв.), слава, силу (вин.), прѣсвятая (им. ед.), избави (повел. н.), съподоби (повел. н.), нѣнѣ, паче, присно и др.

Другая часть словъ имѣетъ удареніе отличное отъ стараго и современнаго русскаго; но ихъ удареніе извѣстно въ средне-болгарскихъ текстахъ XIV—XV вѣковъ: раба (род.), тебе (род.), ёго (род.), сътвори (3 л. аор.), зѣло и друг.

Третья часть для меня представляетъ нѣчто новое: вѣси (им. мн.), при: всѣхъ, всѣмъ, въ заповѣдхъ ти, невидимымъ (дат. мн.) и друг. Знатоки средне-болгарскаго языка, можетъ быть, знаютъ подобныя ударенія изъ какихъ-нибудь неизвѣстныхъ мнѣ средне-болгарскихъ текстовъ. Эта часть словъ для лингвиста представляетъ особенную важность и интересъ.

Разсмотрѣвъ удареніе церковно-славянскихъ словъ IX—X вѣковъ, мы должны прийти къ заключенію, что церковно-славянскій языкъ этого времени былъ сравнительно близокъ по ударенію къ средне-болгарскому и русскому по памятникамъ XIV и XV вѣковъ.

III.

Вотъ списокъ словъ съ удареніемъ, извлеченныхъ изъ трехъ церковно-славянскихъ стихотвореній. Я обозначаю послѣднія: АК.—Азбучная молитва Константина Болгарскаго; АЯ.—Азбучная молитва Ярославскаго сборника; ПС.—Похвала царю Симеону. Сравнительныя данныя взяты мною изъ средне-болгарскихъ текстовъ: изъ книгъ Ветхаго Завета (книги Царствъ и слѣд.) XIV вѣка Имп. Публичной Библіотеки F. I. 161 (обозначаю ихъ буквами ВЗ.), изъ сборника 1348 года той же Библіотеки F. I. 376 (обозначаю буквою С.), изъ Псалтыри проф. Н. С. Тихонравова XV вѣка, писанной въ румынскомъ Хоморскомъ монастырѣ (обозначаю буквою Т.), изъ Псалтыри Хлудова XV вѣка, съ невѣрною датою 1211—1213 года (обозначаю буквою Х.).

Цыфры при названіяхъ стихотвореній означаютъ ихъ стихи; цыфры при названіяхъ средне-болгарскихъ текстовъ—ихъ листы.

Аминъ АК. 40.

Богъ АЯ. 61, богу (дат.) АК. 1.

въ божѣствѣ АК. 33.

болѣры (твор. мн.) ПС. 15.

въжделавъ ПС. 2.

възрасть АК. 34.

въпнию ти (1 л. ед. ч.) АЯ. 29, 41.

въсприѣти (неопр.) ПС. 23; въсприймъ (прич.) АК. 29.

въспѣвати АЯ. 47.

въси (им. мн.) АК. 13; въсѣхъ ПС. 20, въсѣмъ (дат.) АК. 6.

въкомъ (дат.) ПС. 27; срв. въ вѣкы Т. 12 об., Х. 7 об., 9.

вънѣцѣмъ (дат.) ПС. 25.

въ глѣбинѣ ПС. 14; срв. из глѣбины Х. 125.

гноѣщи (им. ед. женск.) ПС. 58.

грѣхы (вин. мн.) АЯ. 23.

даждь (повел.) АК. 16, 24.

даруи (повел.) АЯ. 21.

дѣхъ АЯ. 62, дѣху (дат.) АК. 37, дѣше (зв.) АК. 17.

дѣши (дат.) ПС. 24.

дыханія (род.) АК. 39; срв. орѣжіе ВЗ. 13 об., копіе ВЗ. 25 об., 26 об., веселиемъ (тв.) ВЗ. 71 об.

ѣго ПС. 9; срв. отъ него ВЗ. 7 об., въ него мѣсто ВЗ. 57.

ѣдино (ср. р.) АЯ. 70; срв. ѣдинъ С. 47 об., 97 об., ѣдиноу С. 22 об. 99, ѣдиному С. 59.

живѣщаго (род.) АК. 4; срв. прѣдстоѣщимъ (дат.) ВЗ. 31, носѣщому (дат.) ВЗ. 36 об.

жизви (ед.) АК. 8, АЯ. 54.

сѣло АК. 15, 27; срв. сѣло ВЗ. 10 об.

въ заповѣдѣхъ ти АК. 7.

зидитѣлю (зв.) АК. 2; срв. крѣститѣлѣ (род.) Т. 405.

зѣлѣ (нарѣч.) АЯ. 43.

издѣхъ (аор.) АЯ. 13.

избѣви (повел.) АК. 23, АЯ. 45.

инако ПС. 8.

исплѣнь (прич.) ПС. 21.

- кѣнигъ (род.) ПС. 5.
любодѣльна (им. ж.) ПС. 10.
милостиве (зв.) АЯ. 1.
мыслѣмъ (дат.) ПС. 16; срв. людѣмъ ВЗ. 9, 9 об., заповѣдемъ ВЗ. 26 об., заповѣдемъ Х. 116.
мѣжь (род. мн.) ПС. 26.
невидимыймъ (дат.) АК. 3.
некъчинѣвѣдию (дат.) ПС. 7.
обавѣти ПС. 3.
паче ПС. 18.
плѣмѣ АК. 12.
подаждь (повел.) АЯ. 44.
помилуй (2 л. повел.) АЯ. 49.
последуѣ (прич.) АК. 30.
прѣсно АК. 19, 36.
приѣти (неопр.) АК. 11.
просвѣти (повел.) АЯ. 14.
прѣлѣжи (повел.) АК. 26.
прѣмилостивъ АЯ. 16, прѣмилостива (род.) АЯ. 60.
прѣсвятая (женск.) АЯ. 63.
Птолемѣи ПС. 17.
пѣсанію (дат.) ПС. 11.
пѣсати АК. 27.
раба (род.) АЯ. 50; срв. раба (род.) ВЗ. 45 об., 46, 60 об, Х. 121 и др.
разумѣмъ (твор.) АК. 35, въ разумѣхъ ПС. 6.
рыданіе АЯ. 46.
своѣ (ср. р.) ПС. 13; срв. въ уши твои ВЗ. 31.
силѣ (вин.) АК. 21.
слава АК. 38; срв. въ слѣвѣ С. 96.
слово АК. 5, 32, слѣва (род.) АК. 10; срв. слово С. 47.
стѣзѣмъ (дат. мн.) АК. 9.
спѣсе (зват.) АЯ. 52.
сподѣби (повел.) АЯ. 48.
сѣтвори (аор.) ПС. 22; срв. створи С. 33, сѣтвори Т. 10 об., Х. 6 об., 9 об., за-
творисѣ С. 78 об.
сѣтъ (вин. ед.) ПС. 12.
Сумѣон ПС. 1.
таинѣя (ср. рода) АЯ. 11.
у тебе АК. 20, отъ—АК. 18, развѣ— АЯ. 59; срв. тебе Х. 9, отъ тебе ВЗ. 20 об., Х.
19 об., у—ВЗ. 25 об., у себѣ ВЗ. 25 об.
тебѣ (дат.) АЯ. 6; срв. о тебѣ Х. 7, к тебѣ Х. 18 об., себѣ (дат.) ВЗ. 19 об., Х. 19.
троице (зв.) АК. 25; срв. троици (дат.) С. 88 об.
учитѣлю (род. дв.) АК. 30.
не усыпѣища (род.) АЯ. 24.
хотѣще (им. мн.) АК. 14.
цѣлиши АК. 22.

Приложенія.

I.

Азбучная молитва по списку Спасо-Преображенскаго монастыря
въ Ярославлѣ¹⁾.

Азбуковникъ.

- 1 *Азь тебе припадаю, милостиве,
грѣхы многими одержимъ.
Буря мя грѣховная потапляеть,
по въ твою тишину настави мя.
- 5 Въ нощи и въ дне мя съхрани,
*на всякъ часъ въспѣвати тебѣ.
Грѣховныя ми волны утоли,
имиже грузимъ вопию ти.
Десницю ми простри, милостиве,
10 якоже Петру волнами грузиму.
*Югда хоцещи явити таинная,
не обличи мене прѣдъ ангелы.
*Житик бо свок въ мрацѣ вждихъ,
*но твоими ми щедротами просвѣти.
- 15 Зѣло бо кси, Христе, милостивъ,
*долготерпѣливъ и прѣмилостивъ.
Заблужьшаго прими мя, Христе,
якоже приять блуднаго сына.
Избави мя изъ глубины грѣховныя,
20 якоже Иону отъ кита, Христе.
*Икзекиины ми слезы даруй,
*имиже оязцю скверныя ми грѣхы.
Геоны и мя избави вѣчныя
*и грозы и червыи неусыпающа.
- 20 Ковникъ дьяволъ блазнять мя,
нѣ во твоѣ стадо причти мя, Христе.
Ловца диявола избави мя,
молитвами, Христе, рожьшая тя.
*Мытарю уподобся, вопию ти:
30 очисти мя, Христе, яко и оного.

¹⁾ Звѣздочкою обозначаю хорошо сохранившіеся и легко возстановляемые стихи. Титла раскрыты; *оу* передается через *у*, *а* и *и* — через *я*.

- Пошью мя на пѣник укрѣпи,
тяготу сонную отгнавъ ми.
Очи мои просвѣти, милостиве,
сърдце чисто съзижи въ мнѣ.
- 35 Простери ми десницу, милостиве,
уязвену суцю разбойники.
Руцѣ мои въздѣю к тебе, Христе,
грѣховными стрѣлами уязвенъ.
Свѣды немощи мока, Христе,
- 40 ицѣли мя, владыко, недостойнаго.
*Трепетомъ обѣдержимъ вопию ти,
помышляя, Христе, страшныи часъ.
*Упостась бо си осквернихъ злѣ,
*но покаянню слезы ми подавайъ.
- 45 *Фарисѣквы мя гордыня избави,
*мздоимъче ми дая рыданик.
*Хѣровимъскую пѣснь възспѣвати
*тебе, тресвятыи Боже, съподоби.
*О пресвятая Троице, помилуй
- 50 *недостойнаго твоюго раба.
Пѣсньми ти пою, припадая,
*просвѣти ми душу и умъ, Спасе.
Царю небеси и земля, Христе,
отверзи ми двери вѣчныи жизни.
- 55 Чиномъ мя причти, милостиве,
избранныхъ твоихъ овъцахъ.
Шествия мя направи на путь твои
отъ устъ золь укланяя мя.
*Иного бо не свѣмъ, развѣ тебе,
- 60 *милостива суца и прѣмилостива.
*Яко сми родомъ милостивъ Богъ,
*Отець и Сынъ и Святый Духъ.
Хвалами тя прославляю, прѣсвятая
*живодавице чьстная Троице,
- 65 Юже поють шестокрилни,
начальныи власти же и силы.
Юже конъчевая молебную пѣснь,
*въпию к тебѣ, святая Троице;
Лзыкомъ и умомъ ты славию,
- 70 *въ три лица суце божество кдино.
Тебѣ бо лѣпо ксть чьсть и поклонаник
въ вся вѣкы вѣкомъ. Аминъ.

Примѣчанія. Стихъ 2. Не надо ли читать: грѣхъми многими?

Стихъ 15. Не надо ли здѣсь и далѣе читать: Христосъ?

Стихъ 71. *Чьсть и*, судя по единств. числу сказуемаго, — позднѣйшая прибавка.

II.

Та же молитва по списку Московскаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ № 550—1144, XVII вѣка, л. 90 об.¹⁾.

Вторая молитва покаяльная.

- а. Азъ къ тебѣ припадаю, милостиве,
грѣхи многими одержимъ есмь.
- б. Буря мя грѣховная потопляетъ.
- в. Въ нощи и во дни на всякъ часъ восиѣваю тебе, Господи.
- г. Горкіе слезы мнѣ многи (?) оцущу скверные грѣхи.
- д. Десницу ми простри, милостиве,
якоже Петру и волнами погрузиму.
- е. Егда хочещи испытати таинная,
не осуди мене предъ ангелы, владыко.
- ж. Житие бо свое во мрацѣ изжихъ,
но твоими мя щедротами просвѣти.
- з. Зѣло бо, Христе, милостивъ,
и долготерпѣливъ и премилостивъ.
- з. Заблудьшаго мя прими, Христе,
якоже пріяте блуднаго сына.
- и. Избави мя отъ преисподняго,
якоже Иону отъ кита, Христе.
- і. Іезекѣины слезы даруй ми,
имиже очищу скверны грѣховныя.
- к. Ковникъ дьяволъ блазнитъ мя,
яко во твое стадо причти мя, Христе.
- л. Ловца ми дьявола избави,
молитвами, Христе, рождшая ты матери.
- м. Мздоимцу подобяся, вопию ти:
очисти мя, Христе, яко оного.
- н. Но тмы и огня и черви неусыпающаго.
- о. Нощию мя укрѣпи на пѣние
и тяготу сонную отжени.
- п. Очи мои просвѣти, Христе милостиве,
и сердце чисто созижди во мнѣ.
- р. Руцѣ воздѣю къ тебѣ, Христе,
грѣховными страстьми узвлень.
- с. Свѣси немощь мою, Христе,
уврачуй мене, окаяннаго.
- т. Трепетомъ, Христе, одержимъ, вопию ти,
помышляя страшный часъ.

¹⁾ Орфографія нѣсколько измѣнена. Титла раскрыты.

- у. Упостася бо си осквернихъ злѣ,
но покаянню слезы подайже ми, Христе.
- ѡ. Оарисѣовы мя гордыни избави,
мздоимца ми дая въздыханя.
- х. Херувимскую пѣснь воспѣвати
мя, трисвятый Боже, сподоби.
- ѡ. О пресвятая Троице, послушай гласа
неключимаго раба.
Пѣсне ти воспою, припадаю,
просвѣти душу мою и умъ.
- ц. Царю небесный и земли,
отверзи ми дары вѣчныя жизни.
- ч. Въ чинѣхъ мя причти, милостиве,
избранныхъ овецъ.
- ш. Шествию направи на путь твой,
отъ стезь золь уклони мя.
- щ. Щедрый человѣколюбець, не помяни беззаконий моихъ, направи вѣкъ
горящи.
- з. Егда неиспытаниемъ божественныхъ писаний, но дайже ми, владыко, вожа
ко спасеню, да не посрамленъ востану предъ тобою.
- ы. Рыдание и плачь мой многъ будетъ, но никто же мя избавить, развѣя дѣль
добрыхъ и милостивыя Божия Матери.
- ь. Еретицы тогда посрамлены будутъ, иже хулу глаголаше на Духъ Святой.
- ѣ. Яти будутъ бѣси лукавыи, въ муку вмѣщаеми (?).

III.

„Прогласъ святаго евангелія“ по русскому списку Троицкой Лавры № 214,
XVI вѣка, л. 851¹⁾).

Предслоуие евангелльское святаго Кирила.

Пригласъ есмь святому евангелію. Яко пророци прорекли суть прежде, Христос грядеть събрати языки, свѣтъ бо есть всему миру сему. Се сіе сбысться в седмыи вѣкъ сѣ. Рекоша бо ои: слѣпїи прозрять, глуши слышать слово книжно; Бога же убо познати достоинь. Того же деля слышите, словени вси: дар бо есть отъ Бога се данни туне, даръ Божїи есть десныи чясти, даръ николиже тлѣя душамъ. Тѣм же прїимуть, Матфеи, Маркъ, Лука, Иванъ учать весь народъ глаголюще: елико убо свовхъ душъ красоту видить, любите убо радоватися, грѣховную же тму отложити, или мира сего тму отгнати и раиское житїе обрѣсти и избѣжати отъ огня горяща. Слышите нынѣ отъ своего ума, слышасте убо, словенетиѣ вароди, слышите: слово отъ Бога бо прїиде, слово же кормля чловѣчьскаа душа, слово же крѣпя сердце и умъ, слово се убо готовѣ Бога познати. Яко безъ свѣта радость не будетъ, оку

¹⁾ Титла раскрыты; ѣ передается черезъ у, а и ы черезъ л.

видяцію Божію тварь всю, не видимо без дѣпосты (sic) было; тако и душа всяка безъ книгъ, не свѣдуше закона Божіа, законъ рай Божіа являюще. Кіа бо слухъ громнаго тутнаа не слыша можетъ Бога боятися, ноздри же цвѣта не ухающе како Божіа чудо разумѣють, уста бо яко сладко не чюють, яко камена творить человекъ; паче же сего душа явлетъ ся в человекѣхъ мертва. Се же все мы, братіе, смысляще, глаголомъ вы свѣтъ подобенъ. Аминь. Ника, сотіръ, братіе, зачало премудрости страхъ Господень, вся дасться вамъ и просящому и толкущому и ищущему. Аминь.

О кievскихъ денежныхъ гривнахъ.

А. И. Черепнина.

До сихъ поръ наши свѣдѣнія о древне-русской денежной системѣ представляютъ много неопредѣленнаго и спорнаго. Дѣйствительное значеніе нѣкоторыхъ денежныхъ единицъ, обращавшихся на Руси со времени ея историческаго возникновенія и до конца XIV столѣтія, а также нѣкоторыя существенныя измѣненія въ денежной системѣ, происходившія подъ вліяніемъ внѣшнихъ или внутреннихъ мѣстныхъ причинъ, — остаются или совсѣмъ неразгадаанными, или настолько сомнительными, что пользование выводами извѣстныхъ изслѣдователей древне-русской денежной системы для выясненія экономическихъ условій русской жизни, въ болѣе или менѣе отдаленныя эпохи, оказывается довольно рискованнымъ, а иногда и прямо невозможнымъ.

Еще въ 1854 году М. П. Заблоцкій такъ характеризовалъ наши знанія о древнихъ денежныхъ цѣнностяхъ: „Читая отечественныя бытописанія и встрѣчая многочисленныя указанія о различныхъ цѣнностяхъ тогдашней жизни, мы остаемся почти въ полномъ невѣдѣніи значенія цѣнъ того времени по отношенію къ нашимъ. Цифра древней цѣны въ отношеніи внутренняго смысла ея есть, можно сказать то же самое, что іероглифъ на египетской пирамидѣ: мы видимъ символическое изображеніе и не понимаемъ внутренняго ея значенія“... И въ другомъ мѣстѣ: „Объясненіе взаимныхъ отношеній различнаго наименованія монетныхъ цѣнностей, встрѣчаемыхъ въ письменныхъ памятникахъ того времени, доселѣ остается только въ сферѣ догадокъ и предположеній. Труды всѣхъ лучшихъ дѣятелей на поприщѣ историческихъ изысканій не привели доселѣ ни къ какому положительному результату“¹⁾.

Съ того времени изученіе древне-русской денежной системы продолжалось и такіе почетные ученые, какъ М. И. Погодинъ, Д. И. Прозоровскій, П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій и другіе потратили немало трудовъ надъ рѣшеніемъ вопроса о дѣйствительномъ значеніи разнородныхъ единицъ, входившихъ въ составъ древне-русской денежной системы. Къ сожалѣнію, эти работы не привели къ положительному рѣшенію всѣхъ поставленныхъ учеными вопросовъ. Сравнивая выводы и заключенія изслѣдователей о стоимости одноименныхъ денежныхъ единицъ, бывшихъ въ обращеніи на Руси въ опредѣленное время, мы только относительно немногихъ

¹⁾ „О цѣнностяхъ въ древней Руси“, стр. 2 и 10.

изъ нихъ находимъ полное сходство въ опредѣленіяхъ у большей или меньшей части изслѣдователей; что же касается совокупности опредѣленій всѣхъ денежныхъ единицъ, извѣстныхъ по древнимъ письменнымъ памятникамъ, то они представляютъ такое разнообразіе, при которомъ становится крайне затруднительнымъ выборъ изъ нихъ, для рѣшенія разныхъ вопросовъ объ экономическомъ бытѣ русскаго народа.

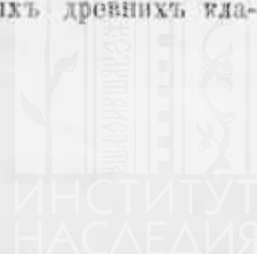
Знакомясь съ данными, на основаніи которыхъ ученые строили свои выводы и заключенія о значеніи древнихъ денежныхъ единицъ, мы видимъ, что въ большинствѣ случаевъ изслѣдователи пользовались одними и тѣми же свѣдѣніями, сохранившимися въ письменныхъ памятникахъ; и въ то же время убѣждаемся, что изслѣдователи не всегда одинаково понимали и объясняли смыслъ однихъ и тѣхъ же лѣтописныхъ извѣстій о денежныхъ цѣностяхъ древней Руси. Личныя соображенія и догадки, допускаемая учеными при толкованіи сохранившихся свѣдѣній, неизбежно вносили разнообразіе въ ихъ выводы о значеніи однородныхъ денежныхъ единицъ. Отсутствие единства въ пониманіи смысла письменныхъ свѣдѣній объясняется частью недостаточною ясностью нѣкоторыхъ изъ нихъ, частью ошибками или искаженіемъ подлинника переписчиками, но, какъ я полагаю, главною причиною разномыслія ученыхъ является полное устраненіе вещественнаго матеріала при объясненіи письменныхъ извѣстій о денежныхъ цѣностяхъ. Такимъ матеріаломъ, такимъ провѣрочнымъ средствомъ для правильнаго пониманія неясныхъ письменныхъ свѣдѣній, должны служить вещественные представители денежныхъ единицъ, обращавшихся на Руси. Если не всѣ денежные единицы, которыми пользовалась древняя Русь, какъ ходячими деньгами, то значительная часть ихъ сохранилась въ кладахъ, найденныхъ въ теченіе послѣдняго столѣтія. Эти, можно сказать, живые, несомнѣнные памятники представляютъ надежный матеріалъ при опредѣленіи истиннаго смысла если не всѣхъ, то большей части неясныхъ письменныхъ извѣстій о древнихъ денежныхъ единицахъ.

Слабая сторона научныхъ выводовъ о древне-русской денежной системѣ не ускользала отъ нѣкоторыхъ изслѣдователей. По этому поводу опредѣленно высказались М. Т. Каченовскій ¹⁾, П. С. Казанскій ²⁾ и М. П. Заблоцкій. „Какъ несправедливы жалобы нашихъ нумизматовъ, — говорилъ послѣдній, — на чрезвычайное, такъ сказать, безмолвіе, нашихъ первыхъ металлическихъ денегъ, которыя даже необыкновенному терпѣнію и опытности не всегда открываютъ время ихъ сдѣланія, цѣну и названіе, тѣмъ не менѣе, однакожъ, должно допустить, что только по намъ можно сколько-нибудь безошибочно судить о ихъ тогдашнемъ значеніи. Если множество сдѣланныхъ доселѣ попытокъ со стороны людей, обладающихъ всѣмъ возможнымъ запасомъ необходимыхъ свѣдѣній, попытокъ опредѣлить значеніе монетныхъ цѣнностей перваго періода, остались столь далеко недостигшими цѣли, то причину тому, по нашему мнѣнію, должно искать не только въ недостаточности дошедшихъ до насъ письменныхъ свидѣтельствъ, сколько въ неимѣніи вещественныхъ, такъ сказать, поличныхъ свидѣтелей тѣхъ цѣнностей, которыя могли бы подтвердить или опровергнуть соображенія, подать болѣе прочную руководную къ нимъ нить“ ³⁾. Дѣйствительно, полное отсутствіе древнихъ монетъ, при неполнотѣ и неясности лѣтописныхъ свѣдѣній о нихъ, крайне затруднило бы правильное рѣшеніе многихъ вопросовъ относительно древне-русской денежной системы; по сѣтованію М. П. Заблоцкаго на недостаточность этого рода памятниковъ были неосновательны, — и тогда уже имѣлись труды А. М. Френа, П. С. Савельева и другихъ, гдѣ были описаны отдѣльныя находки и цѣлыя денежные клады, и объяснено значеніе ихъ. Въ извѣстныхъ древнихъ кла-

¹⁾ „Два разсужденія о кожаныхъ деньгахъ и о Русской Правдѣ“, Москва, 1849 г.

²⁾ „Записки Импер. Археол. Общ.“ Томъ III, стр. 91 и 156.

³⁾ О цѣностяхъ въ древней Руси. Стр. 18 и 19.

дахъ сохранилась часть подлинныхъ представителей денежныхъ единицъ, обращавшихся на Руси въ отдаленныя эпохи. Къ сожалѣнiю, тогда слишкомъ мало обращали вниманiя на цѣнный матеріалъ, содержащійся въ древнихъ кладахъ. Между тѣмъ, клады могутъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовать, если не окончательному рѣшенiю вопроса о составѣ древне-русской денежной системы и ея послѣдовательныхъ измѣненiяхъ, то, по крайней мѣрѣ, могутъ установить болѣе твердое и правильное понятiе о значенiи гривны серебра, гривны кунъ и нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ денежныхъ единицъ. вмѣстѣ съ этимъ ограничилась бы возможность произвольныхъ толкованiй, допускаемыхъ изслѣдователями, при объясненiи письменныхъ свидѣтельствъ о древнихъ денежныхъ единицахъ, и въ то же время, былъ бы устраненъ поводъ къ разномыслию о самомъ существѣ древнихъ ходячихъ денегъ, извѣстныхъ подъ названiемъ: ногать, кунъ, рѣзанъ и т. д. Одни изслѣдователи древне-русской денежной системы, — Татищевъ, Карамзинъ, Бекетовъ, Шодуаръ, Заблоцкiй и Ланге, — были сторонниками условныхъ денежныхъ знаковъ, — они утверждали, что древняя Русь, вмѣстѣ съ серебряными денежными гривнами (слитками серебра опредѣленнаго вѣса), пользовалась кожаными деньгами, въ видѣ клейменовыхъ лоскутковъ кожи, мордочекъ и ушекъ отъ шкурокъ звѣрьковъ; эти условные денежные знаки, по мнѣнiю назвавшихся ученыхъ, не имѣли никакой внутренней цѣнности и служили разнѣною мелочью, какъ фиктивной кунной гривны, такъ и гривны серебра. Другiе же изслѣдователи, — Френъ, Кругъ, Каченовскiй, Казанскiй, Куникъ, Савельевъ, Бѣляевъ, Погодинъ, Мрочекъ-Дроздовскiй и гр. И. П. Толстой, — отрицаютъ обращенiе условныхъ денежныхъ знаковъ и признаютъ ногаты, куны, рѣзаны серебряными монетами разной стоимости, составлявшими опредѣленныя части кунной гривны и гривны серебра. Двойственное понятiе о составѣ древнихъ денежныхъ единицъ невыгодно отражалось на работахъ изслѣдователей. Допуская одновременное обращенiе на Руси условныхъ кожаныхъ денегъ, вмѣстѣ съ серебряными гривнами, ученые вносили крупное недоразумѣнiе въ понятiе о самой основѣ денежной системы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заутывали вопросъ о значенiи мелкихъ денежныхъ единицъ и отношенiи ихъ къ гривнѣ кунъ и гривнѣ серебра.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенiю значенiя кладовъ при изученiи древне-русской денежной системы, необходимо, хотя въ общихъ чертахъ, подвести итогъ тѣмъ результатамъ, какiе до сихъ поръ добыты нашими извѣстными изслѣдователями, трудившимися надъ рѣшенiемъ этого вопроса.

Еще въ прошломъ столѣтiи былъ затронутъ вопросъ о древне-русскихъ денежныхъ единицахъ, — Татищевъ, князь Щербатовъ и другiе пытались опредѣлить стоимость и отношенiе между денежными единицами, о которыхъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ. Основною единицею русскаго денежнаго счета была гривна (слитокъ серебра опредѣленнаго вѣса). По мнѣнiю Татищева гривна содержала 20 кунъ, куна равнялась 3 рѣзанамъ, а въ рѣзанѣ было 3 ногаты. Впослѣдствiи Татищевъ отказался отъ опредѣленiя числа рѣзанъ и ногатъ въ гривнѣ, но утверждалъ, что гривна содержала 50 кунъ ¹⁾.

Издатели „Русской Правды“ предполагали, что гривна состояла изъ 20 кунъ, куна равнялась 4 ногатамъ, ногата 5 бѣлкамъ или рѣзанамъ.

Н. М. Карамзинъ основательно доказалъ несостоятельность приведенныхъ предположенiй и высказалъ свое мнѣнiе объ особенностяхъ древне-русской денежной системы в отношенiи составныхъ частей ея. „Славяне росси́йскiе, — говорилъ Карамзинъ, — цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурами звѣрей, куницъ и бѣлокъ: слово куны означало деньги. Скоро неудобность носить съ собою цѣлыя шкуры для купли, подала мысль замѣнить оныя мордками и

¹⁾ Лесяковъ Рус. Ист. географ. полит. и гражд. Часть II, стр. 553.

другими лоскутами, купными и бѣлыми. Надобно думать, что правительство клеймило ихъ, и что граждане сначала обмѣнивали въ казнѣ сіи лоскутки на цѣлыя кожи. Однакожь, зная цѣну серебра и золота, предки наши издревле добывали ихъ посредствомъ внѣшней торговли“... „Нѣтъ сомнѣнія, что и внутри Государства ходило серебро въ монетахъ: Радимичи вносили въ казну щяги или шилинги, безъ сомнѣнія полученные ими отъ Козаровъ. Однакожь, мордки или куны долгое время оставались еще въ употребленіи: ибо малое количество золота и серебра не было достаточно для всѣхъ торговыхъ оборотовъ и платежей народныхъ. Именемъ гривны означалось извѣстное число кунъ, нѣкогда равное цѣною съ полуфунтомъ серебра, но сіи лоскутки, не имѣя никакого существеннаго достоинства, въ теченіе времени болѣе и болѣе унижались въ отношеніи къ металламъ, такъ, что въ XIII вѣкѣ гривна серебра содержала въ себѣ уже семь гривенъ Новгородскими кунами“¹⁾.

... „Въ договорѣ Смоленскаго Князя, Мстислава Давидовича, съ нѣмецкими городами въ 1228 году сказано: „оже убьютъ волнаго челоуѣка платити за голову 10 гривенъ серебра, по *четыре гривны кунами*“, т. е. полагая 4 гривны кунъ за одну гривну серебра... Слѣдственно гривна кунъ имѣла тогда разную цѣну въ Смоленскѣ и Новгородѣ“...²⁾.

Всѣхъ денежной гривны серебра Карамзинъ считалъ равнымъ полуфунту. Гривна же кунъ, по его мнѣнію, представляла лишь счетную единицу, состоявшую изъ опредѣленнаго числа кожаныхъ лоскутковъ, которые обращались какъ ходячія доньги, подъ именемъ: ногать, кунъ, рѣзанъ и т. д. Сначала стоимость гривны кунъ вполне равнялась гривнѣ серебра; затѣмъ послѣдовало паденіе цѣны кожаныхъ денегъ. „И въ лѣтописи Несторовой и въ Русской Правдѣ,—говоритъ Карамзинъ,—за числомъ гривенъ означается металлъ, когда говорится о золотѣ; но гдѣ рѣчь идетъ просто о гривнахъ, тамъ всегда разумѣется серебро. По какъ ходячая монета древнихъ Россіянъ была дѣйствительно не серебряная, а *кожаная*, то подъ именемъ гривны надо разумѣть единственно монету *числительную*, которая *сначала* хотя и представляла цѣну серебра, но скоро, не имѣя достоинства внутренняго, унизилась въ отношеніи къ металлу и вещамъ“³⁾.

Карамзинъ опредѣлилъ отношеніе стоимости ногать, кунъ и рѣзанъ къ гривнѣ по списку Русской Правды, полученному имъ отъ г. Горюшкина, и по лѣтописи Засѣцкаго. Пользуясь числовыми данными, сколько прибыли можно имѣть отъ всякаго скота въ извѣстное число лѣтъ, Карамзинъ вычислилъ, что гривна кунъ содержала 20 ногать, 25 кунъ, 50 рѣзанъ⁴⁾. Считая всѣхъ денежной гривны серебра въ полуфунтъ (48 золотн.), а стоимость полуфунта серебра въ 10 рублей на наши деньги, Карамзинъ утверждалъ, что въ XIII стол., въ Смоленскѣ, гривна кунъ, въ своей ходячей стоимости, соответствовала стоимости $\frac{1}{8}$ фунта серебра и на наши деньги стояла 2 р. 50 к. с. При такомъ расчетѣ цѣна ногаты опредѣлилась 12 $\frac{1}{2}$ к. с., куны—10 к. с. и рѣзаны—5 к. с. Въ то же время въ Новгородѣ стоимость ногаты, куны и рѣзаны была иная, такъ какъ въ гривнѣ серебра было, по соображеніямъ Карамзина, свыше 7 гривенъ новгородскихъ кунъ.

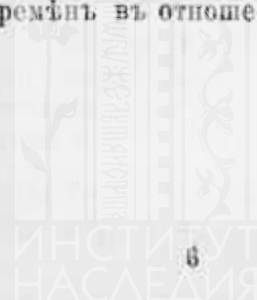
Выводы Н. М. Карамзина о древне-русскихъ денежныхъ единицахъ имѣли большое значеніе,—въ его время и гораздо позднѣе, лица, интересовавшіяся этимъ вопросомъ, не сомнѣвались въ правильности заключеній Карамзина о составѣ древне-русской денежной системы. Опредѣленіе числа ногать, кунъ и рѣзанъ въ гривнѣ кунъ, объясненіе перемѣнъ въ отноше-

¹⁾ Ист. Госуд. Россійскаго. Томъ I, стр. 246 и 247.

²⁾ Тамъ же, примѣчанія, 524 и 527.

³⁾ Тамъ же, примѣчаніе 298.

⁴⁾ Тамъ же, томъ II, примѣчаніе 79.

ни гривны серебра къ гривнѣ кунѣ, установленное Карамзинымъ, представляли большой шагъ впередъ и значительно приближали къ рѣшенію сомнительныхъ сторонъ древне-русской денежной системы. Но вмѣстѣ съ этимъ, Карамзинъ поддержалъ и упрочилъ своимъ авторитетомъ предположеніе объ употребленіи кожаныхъ денегъ во времена Русской Правды и ранѣе, предположеніе, не имѣвшее серіозныхъ основаній и возникшее благодаря сходству названій древнихъ металлическихъ денегъ съ шкурками звѣрей, которыя служили орудіями обмѣна на Руси въ доисторическое время.

И. П. Бекетовъ раздѣлялъ мнѣніе Карамзина о составѣ древне-русской денежной системы и не соглашался съ нимъ только въ томъ, что куна и рѣзана были разной цѣнности. По соображеніямъ Бекетова, тѣхъ и другихъ въ гривнѣ было 50, слѣдовательно, куны и рѣзаны имѣли одинаковую стоимость ¹⁾.

Баронъ Шодуаръ также придерживался воззрѣній Карамзина, съ тою разницею, что онъ считалъ вѣсъ гривны серебра въ одинъ фунтъ, признавалъ куну равною рѣзанѣ и допускалъ обращеніе кожаныхъ денегъ на Руси только въ мелочной торговлѣ ²⁾.

В. П. Лешковъ хотя и принадлежалъ къ сторонникамъ кожаныхъ денегъ, по расходился съ мнѣніями своихъ предшественниковъ относительно значенія и стоимости отдѣльныхъ единицъ денежной системы, — онъ полагалъ, что $2\frac{1}{2}$ куны или рѣзаны составляли одну *ногату*; въ *гривнѣ кунѣ* было 50 кунъ или рѣзанъ; въ *гривнѣ серебра* было 375 кунъ, или $7\frac{1}{2}$ гривенъ кунъ, и *въ гривнѣ золота* было 2,500 кунъ, или 50 гривенъ кунъ. Стоимость гривны золота Лешковъ опредѣлялъ по 50-й статьѣ Русской Правды (изданіе Калачева). Оцѣнивая, по примѣру Карамзина, полуфунтовую гривну серебра въ 10 рублей, Лешковъ опредѣлялъ стоимость гривны кунъ въ $1\frac{1}{3}$ руб., ногаты — въ $6\frac{2}{3}$ коп. с., рѣзаны или купы — въ $2\frac{2}{3}$ к. с. ³⁾.

Н. Ланге также былъ сторонникомъ кожаныхъ денегъ; его опредѣленія денежныхъ единицъ довольно близки къ опредѣленіямъ Карамзина и отличаются тѣмъ, что Ланге смотрѣлъ на куну и рѣзану какъ на равноцѣнные денежныя единицы и утверждалъ, что наши письменные памятники не разрѣшаютъ вопроса, — сколько считалось гривенъ кунъ въ гривнѣ серебра и золота во времена Правды, т. е. въ XI и началѣ XII вѣка. По его мнѣнію, этотъ вопросъ можно лишь нѣсколько разрѣшить однимъ мѣстомъ Ипатьевской лѣтописи, гдѣ говорится, что Иванко Берладникъ взялъ у Святослава *въ 1146 году 200 гривенъ, или 12 гривенъ золота*. Отсюда можно предполагать, какъ думаетъ Ланге, что гривна золота, въ началѣ XII вѣка, содержала $16\frac{2}{3}$ гривенъ серебра. Относительно стоимости гривенъ кунъ, ногаты и куны Ланге далъ приблизительное опредѣленіе, считая цѣну гривны кунъ въ одинъ теперешній рубль, цѣну ногаты — въ 5 коп. с. и куны — въ 2 к. с. ⁴⁾.

М. Т. Каченовскій былъ однимъ изъ первыхъ убѣжденныхъ противниковъ обращенія кожаныхъ денегъ на Руси. Иронически указывая на заслуги современной ему нумизматики, онъ говорилъ: „Нумизматика наша не безмолствовала, не оставалась въ бездѣйствіи: что, однако же, открыла она полезнаго для истины съ младенческой неопытностью своею? Высыпала тучу *кожаныхъ лоскутьевъ*, омрачила атмосферу исторіи и закрыла нѣкоторыя свѣтлыя точки въ письменныхъ памятникахъ нашихъ“ ⁵⁾. Не смотря на твердо установившееся мнѣніе о суще-

¹⁾ Трузы и Лѣт. Общ. Ист. и Древн.: Рос. Часть VI, стр. 158—160.

²⁾ Обзорніе русскихъ денегъ и иностранныхъ монетъ, употребляемыхъ въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Часть I, стр. 6—27.

³⁾ Русскій народъ и государство. Москва. 1858 г., стр. 175—182.

⁴⁾ Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. Стр. 25—54. (Архивъ истор. и практ. свѣдѣній, относящихся до Россіи. Книга I).

⁵⁾ Два разсужденія о кожаныхъ деньгахъ и о Русской Правдѣ. Москва. 1849 г.

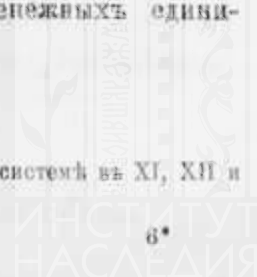
ствовааніи кожаныхъ денегъ на Руси въ X и XI ст., не смотря на отсутствіе въ его время серьезныхъ трудовъ по русской нумизматикѣ, Каченовскій рѣшительно опровергалъ господствующее заблужденіе и талантливо доказывалъ несостоятельность доводовъ сторонниковъ кожаныхъ денегъ. М. Т. Каченовскій проводилъ два главныхъ положенія: 1) ходячими деньгами древней Руси была *металлическая монета*, а не кожаные лоскутки, и 2) по качеству металла ходячія деньги назывались *черными* и *бѣлыми*, т. е. были изъ чистаго и низкопробнаго серебра.

И. Д. Бѣляевъ, въ двухъ статьяхъ— „Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси“ и „Били ли на Руси монету до XIV столѣтія?“—доказывалъ, что древняя Русь не знала кожаныхъ денегъ и имѣла металлическую монету. Относительно значенія ногать, кунъ и рѣзанъ, Бѣляевъ не сходилъ съ своими предшественниками,—первою денежною единицею послѣ гривны, онъ признавалъ *куну* и полагалъ, что если въ гривнѣ XI вѣка было 25 кунъ, то въ XIII вѣкѣ въ гривнѣ считалось уже 50 кунъ; за кунами, по его мнѣнію, слѣдовали *рѣзаны*, которыхъ въ кунѣ онъ считалъ почти $3\frac{1}{4}$ и подтверждалъ свою догадку ссылкой на XXXIV статью Правды, гдѣ сказано, что въ постъ вирику за рыбу полагалось по 7 рѣзаней на день, что въ недѣлю должно было составить 15 кунъ. По мнѣнію Бѣляева въ гривнѣ было отъ $62\frac{1}{4}$ до 75 ногать, ногата содержала 8 бѣлокъ. Въ гривнахъ золота и серебра Бѣляевъ предполагалъ вѣсовыя, а не монетныя единицы и вѣсъ ихъ приравнивалъ греческой литрѣ (72 нашимъ золотникамъ). По соображеніяхъ Бѣляева, денежныя единицы гривенной системы, по своей стоимости представляли такое отношеніе: *гривна серебра* равнялась $\frac{3}{4}$ фунтамъ серебра и стоила на наши деньги 15 р. с.; *гривна кунъ* составляла $\frac{1}{4}$ гривны серебра и стоила 3 р. 75 к. с.; *куна* равнялась $\frac{1}{20}$ гривны кунъ или $7\frac{1}{2}$ к. с.; ногата стоила отъ 5 до 6 к. с., и *бѣлка*—отъ $\frac{3}{8}$ до $\frac{3}{4}$ к. с. Впрочемъ, И. Д. Бѣляевъ не былъ убѣжденъ въ правильности своихъ выводовъ и сознавался, что „вообще, по открытымъ доселѣ источникамъ, гривенная система остается еще довольно неопредѣленною“.

П. С. Казанскій отрицалъ употребленіе кожаныхъ денегъ на Руси, указывалъ на недостатки и искаженія письменныхъ памятниковъ, въ которыхъ встрѣчаются свѣдѣнія о денежныхъ цѣностяхъ, и утверждалъ, что въ составъ денежной гривенной системы входили гривны золота и серебра, какъ высшія единицы, ходячею же монетою служили металлическія деньги разной цѣнности; между послѣдними только небольшая часть была русскаго чекана, большее же количество бывшихъ въ обращеніи денегъ состояло изъ иностранныхъ монетъ. Когда притокъ и разнообразіе иноземной монеты увеличились, явилась необходимость опредѣлять стоимость ихъ не счетомъ, а вѣсомъ, и съ этого времени гривна кунъ (счетная гривна), по своей стоимости, стала отличаться отъ гривны серебра. По мѣрѣ ухудшенія достоинства иноземной монеты, понижалась цѣнность гривны кунъ, по отношенію къ гривнѣ серебра. Казанскій признавалъ въ гривнѣ 50 кунъ и считалъ куну равноцѣнною единицею съ рѣзаною и указалъ на ошибочное заключеніе Бѣляева объ отношеніи рѣзанъ къ кунамъ. Въ заключеніе, П. С. Казанскій говоритъ: „Мы сознаемся, что и наши выводы суть не болѣе, какъ предположенія“¹⁾.

М. П. Погодинъ, изслѣдуя составъ древне-русской денежной системы, обратилъ вниманіе не на одни письменные памятники, въ которыхъ встрѣчаются извѣстія о денежныхъ единицахъ, но и на денежные слитки серебра, найденные въ кладахъ.

¹⁾ Записки Импер. Археол. Общ. Томъ III. Изслѣдованія о древней русской монетной системѣ въ XI, XII и XIII вѣкѣ.

Сопоставляя письменныя извѣстія о денежныхъ единицахъ съ вещественными представителями древнихъ денежныхъ единицъ (гривнами), М. П. Погодинъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

„Гривна серебра вѣсила фунтъ, или около фунта; въ Новгородѣ соответствовала маркѣ, въ Киевѣ соответствовала литрѣ“. „Изъ фунта въ 96 золотниковъ, въ Новгородѣ выливалось двѣ гривны кунъ, въ Киевѣ почти три, въ Смоленскѣ четыре“. Въ гривнѣ кунъ (серебряномъ слиткѣ) было 20 ногатъ, 25 кунъ, 50 рѣзанъ. Новгородская гривна кунъ, равная полуфунту серебра, стоила на наши деньги 10 руб. с.; кievская гривна кунъ, приблизительно равная $\frac{1}{3}$ фунта серебра, стоила около 8 р. с., и смоленская гривна кунъ, имѣвшая около $\frac{1}{4}$ фунта серебра, стоила 5 р. с.; новгородская ногата=50 к. с., кievская ногата=40 к. с., смоленская ногата=25 к. с.; новгородская куна=40 к. с., кievская куна=30 к. с., смоленская куна=20 к. с.; новгородская рѣзана=20 к. с., кievская рѣзана=15 к. с., смоленская рѣзана=10 к. с. ¹⁾.

Ногаты, куны и рѣзаны Погодинъ признавалъ серебряными деньгами, а не кожаными условными знаками. На серебряныя монеты Нѣжинскаго клада онъ смотрѣлъ какъ на кievскія рѣзаны русскаго чекана.

Д. И. Прозоровскій много потрудился для выясненія состава древне-русской денежной системы. Его обширный трудъ—„Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XVIII ст.“, вышедшій въ свѣтъ еще въ 1865 году, до сихъ поръ не получилъ надлежащей критической оцѣнки. Прозоровскій не признавалъ обращенія условныхъ кожаныхъ денегъ на Руси. На основаніи указаній Русской Правды и Олегова договора съ греками, онъ опредѣлялъ вѣсъ и цѣнность древней гривны серебра въ 35 теперешнихъ золотниковъ. Принимая вѣсъ греческой литры серебра равнымъ 84 нашимъ золотникамъ и приравнивая 12 гривенъ 5 литрамъ серебра, онъ получилъ вѣсъ гривны въ 35 золотниковъ, въ гривнѣ считалъ 20 ногатъ, въ ногатѣ— $2\frac{1}{2}$ рѣзаны. Въ *сребренникахъ* вел. кн. Владимира, Прозоровскій находилъ полное сходство съ римскимъ *денаромъ*. Изслѣдуя древнюю новгородскую денежную систему, Прозоровскій пришелъ къ заключенію, что новгородская гривна серебра XII стол. равнялась 100 нынѣшнимъ золотникамъ, содержала $7\frac{1}{2}$ гривенъ кунъ, въ гривнѣ кунъ было 12 ногатъ, а въ ногатѣ— $2\frac{1}{2}$ куны. Смоленская гривна серебра, по мнѣнію Прозоровскаго, мало разнилась отъ новгородской, но содержала только 4 гривны кунъ, въ гривнѣ кунъ было 20 ногатъ, въ ногатѣ— $2\frac{1}{2}$ куны.

Впослѣдствіи, Д. И. Прозоровскій нѣсколько измѣнилъ свои понятія о русскихъ кунахъ. Въ статьѣ „Куны“ ²⁾ онъ говоритъ: „я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что наши куны суть не что иное, какъ византійскія миліарезин“. Черезъ 13 лѣтъ, въ статьѣ „О кунныхъ цѣнностяхъ“, Д. И. Прозоровскій уже находитъ, что гривна Русской Правды представляетъ счетный фунтъ низкопробной монеты (въ 40 пробъ) и подобна денаровому фунту временъ Карла Великаго. Равенство же гривны кунъ съ денаровымъ фунтомъ, по мнѣнію Прозоровскаго, обусловливается тѣмъ, что она происходила отъ римско-византійскаго аргирія (евангельскаго сребреника), какъ и денаровый фунтъ Карла Великаго.

По соображеніямъ Д. И. Прозоровскаго, изложеннымъ въ статьѣ „О кунныхъ цѣнностяхъ“, денежная система временъ Русской Правды имѣла такой видъ: гривна состояла изъ фунта низкопробной монеты, стоимостью въ 8 руб. 30 коп. с. на наши деньги; въ гривнѣ было

¹⁾ Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи. Томъ VII, стр. 322—364.

²⁾ Извѣстія Импер. Русск. Археол. Общ. Томъ VII, выпускъ 2-й, стр. 136.

20 ногать (ногата равнялась $41\frac{1}{2}$ к. с.); въ гривнѣ было 50 рѣзанъ (рѣзана= $16\frac{2}{3}$ к. с.); въ гривнѣ было 100 кунъ (куна= $8\frac{3}{10}$ к. с.)¹⁾.

Мрочекъ-Дроздовскій въ трудѣ— „Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды“—излагаетъ свои воззрѣнія на денежную гривенную систему. Въ главныхъ выводахъ онъ является послѣдователемъ Погодина. „Гривна, говоритъ Мрочекъ-Дроздовскій, первоначально была единицею вѣса, соответствующею византійской *литръ* или римской *либрь*. Вѣсъ начинаетъ прилагаться къ денежнымъ расчетамъ только съ тѣхъ поръ, когда металлическія цѣнности становятся оборотными, ходячими“...

Гривнами кунъ, по мнѣнію Мрочекъ-Дроздовскаго, назывались слитки серебра, находимые въ древнихъ кладахъ. „Гривна, въ смыслѣ денежной единицы, не оставалась всегда одного и того же достоинства по вѣсу; напротивъ, съ теченіемъ времени вѣсъ ея уменьшался. Что же касается гривны, какъ единицы вѣса, то она отличается наибольшою устойчивостью... Основной единицей нашего вѣса является *фунтъ*; величина (вѣсъ) гривны-фунта была различна по мѣстностямъ: въ Кіевѣ или Подиѣровѣ, употреблялся греческій, малый или легкій фунтъ (*литра*) въ 24 лота, или 72 золотника (*солида*), а въ Новгородѣ и Смоленскѣ ходилъ большой, обыкновенный нашъ фунтъ въ 96 золотниковъ... Съ теченіемъ времени, легковѣсный греческій фунтъ исчезаетъ и всюду замѣняется новгородскимъ“... „Не то должно сказать о гривнахъ въ смыслѣ денегъ. Первоначальный вѣсъ гривны, какъ денежной единицы, съ теченіемъ времени уменьшился, но, по всей вѣроятности, въ первое время обращенія металловъ на Руси, въ качествѣ денегъ, т. е. въ то время, котораго не запомнитъ исторія, вѣсъ гривны былъ однообразный. Первое извѣстіе, по которому мы можемъ судить о вѣсѣ денежной гривны, представляетъ намъ ее равной (или почти равной) половинѣ греческой литры; это извѣстіе находится въ договорѣ Олега съ греками... въ гривнѣ оказывается около полуфунта, т. е. около половины греческаго легкаго фунта, литры“... „*Кунная*, т. е. денежная гривна, была легче гривны товара... съ теченіемъ времени она стала отличаться отъ вѣсовой и по достоинству металла, падая вмѣстѣ съ тѣмъ и въ вѣсѣ. Эти два обстоятельства: *очернѣніе* старой кунной гривны и уменьшеніе ея первоначальнаго, нормальнаго вѣса, въ концѣ-концовъ привели къ полному упадку кунныхъ цѣнностей древней Руси“...²⁾. Касаясь вопроса объ очернѣніи денежныхъ единицъ древней Руси, Мрочекъ-Дроздовскій раздѣляетъ воззрѣнія Каченовскаго.

Относительно частей денежной гривны, Мрочекъ-Дроздовскій соглашается съ мнѣніемъ Карамзина и Погодина, т. е. считаетъ въ гривнѣ 20 ногать, 25 кунъ, 50 рѣзанъ; затѣмъ признаетъ, что на Руси обращались арабскіе диргеми и рубленные части ихъ въ качествѣ мелкой размѣнной монеты.

Приведенный мною сжатый очеркъ трудовъ выдающихся изслѣдователей древне-русской денежной системы даетъ возможность составить приблизительное понятіе о результатахъ, достигнутыхъ по настоящее время въ вопросѣ о составѣ и особенностяхъ древне-русской денежной системы.

Сравнивая выводы и предположенія о значеніи крупныхъ и мелкихъ денежныхъ единицъ вышепоименованныхъ ученыхъ, мы встрѣчаемъ большое расхожденіе въ опредѣленіи ихъ, при чемъ нерѣдко одни опредѣленія прямо противорѣчатъ другимъ. Не говоря уже о различіи въ понятіяхъ о самомъ существѣ древне-русскихъ мелкихъ денежныхъ единицъ, которыя, по мнѣнію однихъ изслѣдователей, состояли изъ кожаныхъ лоскутковъ (Карамзинъ, Бекетовъ, Лещковъ и Ланге), или цѣлыхъ шкурокъ цѣнныхъ звѣрьковъ (Шодуаръ), а другіе признавали въ

¹⁾ Сборникъ Археолог. Института. Книга четвертая. 1880 г.

²⁾ Изслѣдованія о Русской Правдѣ. Выпускъ I. Москва. 1881 г.

нихъ серебряную монету, мы не находимъ сходства и въ опредѣленіяхъ главной денежной единицы древней Руси — *гривны*: по мнѣнію Карамзина, Бекетова, Лешкова и Ланге, гривна равнялась полуфунту серебра; по утверженію Шодуара, Бѣльева, Погодина и Мрочекъ-Дроздовскаго, гривна равнялась цѣлому фунту серебра (легкому—греческому или тяжелому—новгородскому).

Такое же отсутствіе однообразія мы видимъ въ опредѣленіи значенія гривны: Бѣльевъ, Казанскій, Лешковъ, Погодинъ, Ланге и Мрочекъ-Дроздовскій признаютъ въ гривнѣ серебра только вѣсовую единицу серебра, какъ товара, имѣвшую опредѣленную стоимость; Карамзинъ, Бекетовъ, Шодуаръ и Прозоровскій считаютъ гривну (слитокъ опредѣленнаго вѣса) за денежную единицу, образовавшуюся на Руси въ качествѣ крупной ходячей монеты, вмѣстѣ съ мелкими мѣновыми цѣнностями.

Въ опредѣленіи *гривны кунъ* изслѣдователи также расходятся во мнѣніяхъ: Карамзинъ, Бекетовъ, Шодуаръ, Лешковъ и Ланге видятъ въ ней лишь счетную денежную единицу, состоящую изъ опредѣленнаго числа условныхъ кожаныхъ денегъ или цѣлыхъ шкурокъ куницъ и бѣлокъ (Шодуаръ и Ланге); Каченовскій, Бѣльевъ, Казанскій и Прозоровскій утверждаютъ, что подъ гривною кунъ должно разумѣть извѣстное количество серебряной ходячей монеты разнаго наименованія, — ногаты, куны, рѣзаны, бѣлки и т. д. Погодинъ, а за нимъ и Мрочекъ-Дроздовскій признаютъ гривнами кунъ слитки серебра, находимые въ древнихъкладахъ; по ихъ мнѣнію, кievскими гривнами кунъ были шестиугольные слитки серебра, вѣсомъ отъ 30 до 38 золотниковъ; новгородскими гривнами кунъ были продолговатые слитки серебра, отъ 45 до 48 золотниковъ, а смоленскія гривны кунъ представляли слитки серебра отъ 21 до 24 золотниковъ; мелкая же и крупная серебряная монета служила для размѣна гривень кунъ.

Мнѣнія изслѣдователей объ отношеніи стоимости гривень кунъ къ гривнѣ серебра представляютъ больше сходства, — всѣ, или почти всѣ, ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ древнерусской денежной системы, признаютъ, что первоначально гривна серебра (слитокъ опредѣленнаго вѣса) и гривна кунъ (опредѣленное число ходячихъ мелкихъ денежныхъ единицъ) были равноцѣнны, т. е. гривна серебра по своей стоимости равнялась гривнѣ кунъ, и не ранѣе конца XI или начала XII ст. равноцѣнность гривень серебра и гривень кунъ нарушилась, — стоимость гривны кунъ стала понижаться по отношенію къ стоимости гривны серебра. Бекетовъ утверждалъ, что уже въ XI ст. въ гривнѣ серебра содержалось двѣ гривны кунъ, т. е. гривна кунъ вдвое подешевѣла. Въ XIII ст., въ смоленской гривнѣ серебра было уже 4 гривны кунъ, въ то же время, въ Новгородѣ гривна серебра равнялась $7\frac{1}{2}$ гривнамъ кунъ.

Къ убѣжденію о первоначальной равноцѣнности гривны серебра съ гривною кунъ, привело изслѣдователей то обстоятельство, что до смерти Ярослава, въ лѣтописныхъ памятникахъ, а также въ Правдѣ Ярославовой и Правдѣ Ярославичей, гривны не считаются серебромъ или кунами, а вездѣ поставлено просто слово „*гривна*“ и при словѣ „*гривна*“ нигдѣ не упоминается ни о серебрѣ, ни о кунахъ. Гривна серебра не встрѣчается даже въ распространенной Правдѣ и въ Правдѣ Мономаховой, гдѣ уже упоминается гривна кунъ, когда говорится объ одной гривнѣ, не больше. Въ XIII ст. слово „*гривна*“ уже постоянно сопровождается опредѣленіемъ, — серебра или кунъ. Слѣдовательно, съ этого времени или нѣсколько раньше возникло существенное различіе въ стоимости гривны серебра и гривны кунъ; очевидно, стоимость послѣдней понизилась и поэтому явилась необходимость обозначать, о какой гривнѣ идетъ рѣчь.

Относительно числа ходячихъ денежныхъ единицъ разной цѣнности, входившихъ въ составъ кунной гривны, мнѣнія большинства изслѣдователей довольно сходны: Бекетовъ, Шодуаръ, Лешковъ, Ланге и Казанскій признаютъ, что *гривна кунъ* содержала 20 ногатъ, 50 кунъ или рѣзанъ; Карамзинъ, Погодинъ и Мрочекъ-Дроздовскій также считаютъ въ *гривнѣ кунъ*

20 ногатъ, 50 рѣзанъ, но отрицають равенство *куны* и *рѣзаны*, и доказываютъ, что въ гривнѣ кунъ было 25 кунъ, слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, въ кунѣ содержалось 2 рѣзаны. Прозоровскій въ кievской гривнѣ считаетъ 10 ногатъ, 50 рѣзанъ, 100 кунъ. Бѣляевъ рѣзко расходится съ своими предшественниками въ опредѣленіи числа ногатъ, кунъ и рѣзанъ въ гривнѣ кунъ,—по его догадкамъ, въ XI стол. гривна кунъ состояла изъ 25 кунъ, 81 рѣзаны, а въ XIII стол. въ гривнѣ кунъ считалось уже 50 кунъ, отъ $62\frac{1}{2}$ до 75 ногатъ, 162 рѣзаны.

Отмѣченное нами сходство у большинства изслѣдователей въ опредѣленіи числа ногатъ, кунъ и рѣзанъ, входившихъ въ составъ кунной гривны, значительно нарушается, какъ только вышепоименованные изслѣдователи начинаютъ переводить стоимость древнихъ ногатъ, кунъ и рѣзанъ на современный имъ языкъ, выражая цѣну ихъ въ нашихъ копейкахъ. Само собою разумѣется, что сходство въ опредѣленіяхъ стоимости частей кунной гривны, могло оказаться только въ томъ случаѣ, еслибы всѣ изслѣдователи признавали въ гривнѣ серебра одинъ и тотъ же вѣсъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, считали въ ней одно и то же число гривенъ кунъ, а въ гривнѣ кунъ — одинаковое число ногатъ, кунъ и рѣзанъ. При отсутствіи же этого условія, какъ стоимость гривны кунъ, такъ и стоимость составныхъ частей ея въ выводахъ изслѣдователей, неизбежно должны были выразиться въ разныхъ величинахъ.

Разномысліе въ опредѣленіи стоимости одной и той же денежной единицы у названныхъ ученыхъ лишаетъ возможности пользоваться ихъ выводами при рѣшеніи самыхъ простыхъ вопросовъ, относящихся къ древне-русской жизни. Возьмемъ для наглядности одинъ или два примѣра. Если бы требовалось перевести на наши деньги стоимость серебра, которымъ выражена цѣна теленка въ Русской Правдѣ, именно 5 кунъ, то, руководствуясь выводомъ Карамзина о количествѣ серебра, которому соответствовала условная древняя куна, цѣна теленка равнялась бы 2 рублямъ на наши деньги, по Погдину—1 р. 50 к.; по Бѣляеву $37\frac{1}{2}$ к.; по Лешкову— $13\frac{1}{2}$ коп. Здѣсь цифры краснорѣчиво говорятъ о достоинствѣ отвѣтовъ на поставленный вопросъ. Приведемъ другой примѣръ изъ древнихъ цѣнъ на рабочій трудъ. Въ Русской Правдѣ сказано, что женщина, за работу въ теченіе лѣта, получала гривну кунъ: „а жонка съ дочерью, тѣмъ страда на 12 лѣтъ, по гривнѣ на лѣто, 20 гривенъ и 4 гривны кунами“¹⁾.

По опредѣленію стоимости гривны кунъ Прозоровскимъ, женщина получала за лѣто 8 р. 30 к., по Карамзину—2 р. 50 к., по Погдину—7 р. 50 к., по Бѣляеву—3 р. 75 к., по Лешкову—1 р. $33\frac{1}{2}$ коп. Изъ другого источника извѣстно, что при построеніи въ Кіевѣ церкви св. Георгія, вел. кн. Ярославъ приказалъ платить каждому рабочему по ногатѣ за день. „И возвѣстиша на торгу людемъ да воз(ь)мутъ каждо по ногатѣ на день. И бысть множество дѣлающихъ“²⁾. Стало быть, поденщикъ получалъ, по Карамзину, 50 коп. на наши деньги, по Погдину—40 к., по Бѣляеву—отъ 5 до 6 к., по Лешкову— $6\frac{3}{4}$ к.

Какіе же отвѣты ближе къ истинѣ и кому болѣе довѣрять? Почтенныя имена изслѣдователей, трудившихся надъ опредѣленіемъ стоимости древнихъ денежныхъ единицъ, крайне затрудняютъ выборъ между ними. По моему мнѣнію, только изученіе древнихъ кладовъ можетъ дать надежный матеріалъ для правильнаго рѣшенія вопроса о значеніи древне-русскихъ денежныхъ единицъ.

Въ Европейской Россіи найдено множество денежныхъ кладовъ, скрытыхъ въ землю въ теченіе болѣе чѣмъ цѣлаго тысячалѣтія, примѣрно, со II по XV стол. по Р. Х. Въ среднихъ и особенно южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ находили и находятъ небольшіе клады или

¹⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Томъ VI, стр. 63.

²⁾ Кіевлянинъ. Книга III, стр. 66.

единичные экземпляры древне-греческихъ, македонскихъ, римскихъ, босфорскихъ, сассанидскихъ и древне византийскихъ монетъ, чеканенныхъ частію до Р. Х., въ большинствѣ же находокъ—послѣ Р. Х. Между древнѣйшими изъ извѣстныхъ денежныхъ кладовъ, найденныхъ въ коренныхъ русскихъ областяхъ, чаще другихъ встрѣчаются клады, состоящіе изъ однѣхъ серебряныхъ римскихъ монетъ I, II и III стол. по Р. Х. Большая часть кладовъ, зарытыхъ въ землю въ IX, X и XI стол., содержитъ, преимущественно, куфическія серебряныя монеты (арабскіе диргемы). Въ кладахъ IX и X стол., вмѣстѣ съ диргемами, встрѣчаются сассанидскія серебряныя монеты, а изрѣдка попадаются и серебряныя гривны восточнаго происхожденія, имѣющія форму четырехъгранныхъ прутиковъ. Въ кладахъ, спрятанныхъ въ землю въ концѣ X и въ теченіе XI стол., кромѣ диргемовъ и слитковъ, нерѣдко находятъ византийскія и западно-европейскія серебряныя монеты, послѣднія всегда въ бѣльшемъ количествѣ, чѣмъ первыя. Денежные клады XII, XIII и XIV стол. состоятъ изъ серебряныхъ западно-европейскихъ, польскихъ, богемскихъ, вендскихъ и золотоордынскихъ монетъ и серебряныхъ слитковъ разнаго вѣса, какъ русскаго, такъ и нѣмецкаго литья.

Количество кладовъ съ диргемами, найденныхъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, на территоріи древней Руси, очень велико. „Число записанныхъ кладовъ съ арабскими монетами, по замѣчанію П. С. Савельева, представляетъ каплю въ морѣ, по сравненію съ дѣйствительнымъ количествомъ ихъ, извлеченнымъ изъ земли до настоящаго времени“. То же мнѣніе раздѣлялъ И. И. Срезневскій: „Денегъ съ Востока, говорилъ онъ, денегъ VIII—X вѣка, было въ землѣ Русской множество: это доказываютъ непрерывно умножающіяся находки кладовъ ихъ, находки случайныя, находки только одной части того, что въ свое время было зарываемо кладами. Ихъ открываютъ во всѣхъ областяхъ древней Руси, въ очень разныхъ мѣстахъ, въ столь разныхъ, что не должно сомнѣваться въ томъ, что никакіе-нибудь одни пришельцы, колонисты, а коренные жители клали эти клады, сберегая отъ насильниковъ пришельцевъ. Не менѣе другихъ краевъ обильны этими кладами тѣ, гдѣ жили Славяне въ IX вѣкѣ, отчасти прежде и послѣ, платившіе дань Варягамъ и Хозарамъ“. И далѣе: „Такимъ образомъ открывали и открываютъ клады монетъ VIII—IX вѣка тамъ, гдѣ жили Кривичи, Вятичи, Радимичи. И у нихъ же, въ IX—X вѣкѣ, по сказаніямъ лѣтописцевъ, было такъ много денегъ, что деньгами они платили свою дань. О Радимичахъ уже подъ 885 (6393) годомъ писано: „Послалъ Олегъ къ Радимичамъ, спрашивая: кому дань даете?“ Они отвѣчали: Козарамъ. И сказалъ имъ Олегъ: не давайте Козарамъ, и дайте мнѣ. И дали они Олегу „по щелягу“, какъ давали Козарамъ. О Вятичахъ тоже записано въ лѣтописяхъ подъ 964—966 (6472—6474) г.: „Пошелъ Святославъ на Оку и на Волгу, и нашелъ Вятичей, и сказалъ Вятичамъ: „кому дань даете?“ Они отвѣчали: Козарамъ и по щелягу отъ рала даемъ. Пошелъ Святославъ на Козаръ... побѣдилъ ихъ... побѣдилъ и Вятичей, и положилъ на нихъ дань“¹⁾.

Дѣйствительно: клады съ арабскою монетою находятъ въ Европейской Россіи и другихъ сосѣднихъ съ нею странахъ съ отдаленныхъ временъ²⁾.

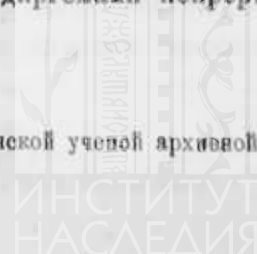
Можно съ увѣренностью утверждать, что ихъ находили въ Россіи еще въ эпоху татарскаго ига.

Въ теченіе моей многолѣтней нумизматической и археологической практики, мнѣ два раза пришлось встрѣтить обрѣзанные диргемы въ кладахъ съ золотоордынскими серебряными монетами XIV стол.³⁾. И до настоящаго времени клады съ арабскими диргемами непрерывно

¹⁾ Слѣды давняго знакомства русскихъ съ южной Азіей. Стр. 16 и 17.

²⁾ П. С. Савельевъ. Мухамеданская нумизматика.

³⁾ А. И. Черепнинъ. Значеніе кладовъ съ куфическими монетами. Изданіе Рязанской ученой архивной коммисіи. 1892 г.

открываютъ и мы не можемъ предугадать, когда прекратятся подобныя находки въ предѣлахъ областей древней Руси.

Наши предки имѣли обычай скрывать въ землѣ отъ разныхъ случайностей свои денежные сбереженія и цѣнныя вещи. Независимо отъ воли владѣльцевъ, ничтожная часть этихъ капиталовъ осталась въ землѣ, какъ бы въ наслѣдство отдаленному потомству. Невольно и случайно оставленное наслѣдство оказывается такъ велико, что оно неисчерпано до сихъ поръ. Принимая въ соображеніе количество извѣстныхъ находокъ, слагается приблизительное понятіе о громадномъ числѣ скромныхъ и богатыхъ сбереженій, которыя населеніе древней Руси на время прятало въ землю — въ теченіе IX, X и XI стол. Вмѣстѣ съ этимъ, прочно устанавливается убѣжденіе, что Русь IX, X и XI стол. располагала немалымъ количествомъ серебра въ арабской, византійской и западно-европейской монетѣ, въ слиткахъ и украшенияхъ.

Въ настоящее время извѣстны сотни русскихъ кладовъ, зарытыхъ въ землю съ IX по XIV стол., и немалое число болѣе древнихъ. Многіе изъ нихъ найдены въ прочныхъ глиняныхъ, а иногда и металлическихъ сосудахъ, тщательно закрытыхъ, и, замѣчательно, ни въ одномъ изъ этихъ кладовъ не оказалось никакихъ слѣдовъ отъ кожаныхъ лоскутковъ, ушекъ; однимъ словомъ, ничего такого, что можно было бы признать за остатки условныхъ денежныхъ знаковъ, которыя будто бы обращались на Руси. Нельзя также предположить, что кожаныя деньги были въ нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ кладовъ, но истлѣли отъ времени и безслѣдно уничтожились: каждому археологу-практику хорошо извѣстно, что при благоприятныхъ условіяхъ, не только кожа, но и предметы, приготовленные изъ менѣе прочнаго матеріала, сохраняются въ землѣ въ теченіе многихъ столѣтій, если не вполне, то отчасти. Полное отсутствіе какихъ бы то ни было слѣдовъ кожаныхъ денегъ въ извѣстныхъ древнихъ кладахъ положительно свидѣтельствуетъ, что въ IX, X, XI стол. и позднѣе Русь не знала и не употребляла никакихъ условныхъ денежныхъ знаковъ.

Благодаря торговымъ сношеніямъ съ Восточнымъ Халифатомъ, Византіею и другими странами, наши предки съ конца VIII стол., если не ранѣе, имѣли возможность ознакомиться съ достоинствомъ металлической монеты, какъ мѣнковой цѣнности, и пользовались иноземною монетою, какъ ходячими деньгами. Многіе народы, до введенія въ обращеніе монеты своего чекана, употребляли монету сосѣднихъ государствъ, стоявшихъ по культурѣ и политическому строю на болѣе высокой ступени развитія. То же самое наблюдается и въ древней Руси: составъ древнихъ русскихъ кладовъ вполне убѣждаетъ въ этомъ. Мы уже говорили, что въ нѣкоторыхъ кладахъ находили греческія, македонскія, босфорскія, римскія, византійскія монеты и особенно многочисленны клады съ арабскими и западно-европейскими монетами. Всѣ эти монеты проникали на Русь путемъ внѣшней торговли. Не говоря уже о древне-греческихъ, македонскихъ и босфорскихъ монетахъ, было бы слишкомъ смѣло утверждать, что даже римскія серебряныя монеты, которыя чаще встрѣчаются въ кладахъ южной, юго-западной и средней Россіи, чѣмъ вышеспоimenованныя, — обращались на Руси какъ ходячая монета: въ кладахъ съ римскими монетами, насколько мнѣ извѣстно, не обнаружено никакихъ замѣтныхъ признаковъ приспособленія римскихъ денаровъ къ особенностямъ мѣстной денежной системы, въ этихъ кладахъ не встрѣчается рубленной на части монеты, тогда какъ въ кладахъ съ арабскими диргемами, относящихся къ X и XI стол. очень часто содержится большое количество рубленныхъ и обрѣзанныхъ частей разной величины, начиная отъ половинъ и до весьма мелкихъ частей, равныхъ $\frac{1}{20}$ или $\frac{1}{24}$ цѣлаго диргема.

Многочисленность найденныхъ въ предѣлахъ древней Руси кладовъ съ арабскою монетою и своеобразное приспособленіе диргемовъ къ потребностямъ русской денежной системы достоверно указываютъ, что съ конца VIII и до XII стол. диргемы, части ихъ и слитки серебра

(гривны) были повсемѣстно распространенной и преобладающей ходячей монетой на Руси. Это мнѣніе о значеніи древнихъ русскихъ денежныхъ кладовъ не новое: оно было высказано еще Х. М. Френомъ. Покойный ориенталистъ-нумизматъ утверждалъ, что славяно-руссы X-го вѣка употребляли у себя арабскіе диргемы на ряду съ монетами византійскими ¹⁾.

П. С. Савельевъ также приписывалъ важное значеніе кладамъ съ арабскими монетами и предугадывалъ прямое отношеніе диргемовъ и частей ихъ къ древне-русской денежной системѣ ²⁾.

А. А. Куникъ, въ своемъ историко-нумизматическомъ изслѣдованіи— „О русско-византійскихъ монетахъ“,— между прочимъ говоритъ: „Въ Россіи съ IX до XII вѣка было еще иное металлическое средство для обмѣна и, при томъ, въ огромномъ количествѣ, именно: иностранныя деньги, особенно мугаммеданскія, меньше—византійскаго, англосаксонскаго и нѣмецкаго чекана. Извѣстно, что клады такого рода отъ времени и до времени находятся постоянно, и при томъ въ большомъ количествѣ, по берегамъ Балтійскаго моря, а внутри Россіи особенно близъ рѣкъ, и мугаммеданскія монеты оказываются битыми, по большей части, раньше начала X вѣка“.

В. В. Кёне еще рѣшительнѣе утверждалъ то же самое: „Западно-европейскія монеты, говорилъ онъ, такъ же, какъ и арабскіе диргемы, были для Россіи древнѣйшими металлическими деньгами“ ³⁾.

И. А. Бартоломей въ письмѣ къ Кунику писалъ: „Въ Россію начали привозить кувчинскіе диргемы въ VIII стол.; этотъ привозъ усилился въ IX, еще болѣе усилился въ первой половинѣ X-го стол... И далѣе: „Слѣдовательно, при св. Владимирѣ большіе тонкіе самманидскіе диргемы, которые такъ часто находятъ въ русскихъ кладахъ, были еще въ значительномъ обращеніи“ ⁴⁾.

Н. П. Авенариусъ, въ статьѣ „Нѣчто о кунѣ“, доказываетъ, что куны, мортки и другія денежные знаки, упоминаемые со временъ Русской Правды, были не кожанья, а металлическія деньги ⁵⁾.

И. Е. Забѣлинъ опредѣлительнѣе другихъ высказалъ свое мнѣніе по этому вопросу: „Наибольше многочисленныя монеты 8, 9 и 10 вв., онъ попадаютъ цѣлыми и рѣзанными на куски, половины, четверти. Очень впроятно и даже очевидно, что эти диргемы и ихъ обрѣзки ходили по всей Руси, какъ своя народная монета, и непременно обозначались русскими именами, въ родѣ кунъ, рѣзанъ, виверицъ, векшицъ и т. п.“ ⁶⁾.

Баронъ В. Г. Тизенгаузенъ раздѣляетъ тотъ же взглядъ на значеніе кладовъ съ арабскими монетами.

Графъ И. И. Толстой, по поводу древне-русской денежной системы, говоритъ: „Было бы чрезвычайно важно установить, къ какой монетной системѣ принадлежатъ древнѣйшія русскіе денежные знаки, но этого сдѣлать мнѣ пока не удалось въ той мѣрѣ, чтобы можно было утверждать что-либо положительно, мнѣ кажется, однако, болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что наши монеты, судя по ихъ вѣсу и формѣ, были предназначены замѣнить ходячую до X—XI вѣка въ Россіи восточную монету диргемы“ ⁷⁾.

1) Grähn. Iba Fosslan. 78—81.

2) Записки Имп. Археол. Общ. Томъ V, отд. 2-е, стр. 58.

3) Записки Имп. Археол. Общества. Томъ IV, стр. 2, 3 и 36.

4) Гр. И. И. Толстой. Древнѣйшія русскія монеты Вел. Кн. Кіевского. Стр. 136.

5) Извѣстія Имп. Рус. Археол. Общества. Томъ VII, вып. 2, стр. 113.

6) Исторія русской жизни. Томъ II, стр. 373.

7) Древнѣйшія русскія монеты X—XI вѣка. 1893 г. Стр. 58.

Приведенныя мнѣнія авторитетныхъ ученыхъ и знатоковъ русской старины, устраняють всякое сомнѣнiе въ важномъ значенiи древнихъ кладовъ, при рѣшенiи вопроса о древне-русской денежной системѣ. Наши лѣтописи, византiйскiе, арабскiе и западно-европейскiе письменные источники положительно свидѣтельствуютъ, что древняя Русь издавна вела торговыя сношенiя съ востокомъ, югомъ и западомъ, получала изъ тѣхъ странъ разнаго наименованiя серебряныя монеты, и эти иноземныя монеты обращались на Руси какъ ходячiя деньги. Въ кладахъ мы находимъ денежные цѣнности, бывшiя въ обращенiи на Руси въ IX, X, XI ст. и позднѣе.

Если политическiй строй, культурныя и другiя особенности древней Руси не представляли благопрiятныхъ условiй для установленiя и введенiя однообразной монеты русскаго чекана, то тѣ же самыя условiя еще въ большей мѣрѣ препятствовали бы введенiю въ общее обращенiе условныхъ денежныхъ знаковъ, нѣ имѣвшихъ никакой внутренней стоимости.

Отсутствiе на Руси монеты собственнаго чекана ничему не мѣшало, — если не древне-греческая и римская, то арабская и, отчасти, византiйская, затѣмъ западно-европейская серебряная монета и денежные слитки серебра (гривны) русскаго и иноземнаго происхожденiя вполне удовлетворяли всѣмъ потребностямъ внутренней и внѣшней торговли въ русскихъ областяхъ. Иностранная серебряная монета, благодаря внѣшней торговлѣ, ежегодно прилиwała на Русь; оставалось только приспособить ее къ стоимости мелкихъ мѣновыхъ цѣнностей, обращавшихся на Руси ранѣе введенiя въ общее употребленiе иностранной металлической монеты. Клады съ арабскими монетами убѣждаютъ насъ, что наши отдаленные предки такъ и поступали; они соразмѣряли и переводили свои гривны, погаты, куны, рѣзаны, бѣли и векши, сначала на опредѣленное число цѣлыхъ диргемовъ или частей диргема, затѣмъ, послѣ упадка торговыхъ сношенiй съ Восточнымъ Халифатомъ, той же системы держались относительно византiйскихъ и западно-европейскихъ монетъ. Такимъ образомъ, иноземная серебряная монета серебряные слитки (гривны) оставались ходячею монетою на Руси, до введенiя въ обращенiе серебряныхъ денегъ русскаго чекана.

Въ IX и X стол. въ русской денежной системѣ, цѣлый диргемень представлялъ единицу значительной цѣнности. Для торговли и другихъ повседневныхъ нуждъ требовалась мелкая монета. Недостатокъ въ ней былъ устраненъ довольно своеобразно: диргемены рубили и рѣзали на части разной величины; каждая часть, приблизительно, представляла опредѣленное отношенiе къ цѣлому диргемену. Такимъ путемъ получалась мелкая серебряная монета разной цѣнности. Образцы такой серебряной мелочи находятся во многихъ кладахъ съ арабскою монетою, найденныхъ какъ въ областяхъ южной Руси, такъ въ теперешнихъ среднихъ и сѣверо-восточныхъ губернiяхъ и въ другихъ мѣстахъ.

Арабская и византiйская мѣдная монета, повидимому, не ввозилась въ Россiю, а если и попадала въ южно-русскiя области, то въ небольшомъ количествѣ. Судя по составу древнихъ кладовъ, населенiе древней Руси предпочитало серебро; изъ этого же металла, преимущественно, приготовлялись и украшенiя. Въ IX и X стол. обращенiе золотыхъ монетъ и слитковъ (гривенъ), а также и употребленiе золотыхъ украшенiй было мало распространено на Руси.

Изложенное мною мнѣнiе о назначенiи рубленныхъ, обрѣзанныхъ и ломанныхъ монетъ въ древнихъ кладахъ подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ. Во многихъ извѣстныхъ кладахъ, открытых въ нынѣшнемъ столѣтiи и ранѣе въ предѣлахъ древней Руси, Литвы, Польши, Швеции, Норвегии, Дании и Пруссiи, оказалось большое количество рѣзанцевъ, — въ половину, треть, четверть, восьмую и болѣе мелкихъ части диргема. На большое количество рубленныхъ и ломанныхъ монетъ въ древнихъ кладахъ давно уже обращено вниманiе. Покойный П. С. Савельевъ такъ отмѣтилъ это явленiе: „Другая отличительная черта кладовъ съ куфическими

монетами, находимыхъ въ сѣверо-восточной Европѣ, состоятъ въ большомъ числѣ монетъ ломанныхъ и рубленныхъ, — явленіе, которое вовсе не представляютъ подобныя находки въ Азій, Африкѣ, на Пиринейскомъ полуостровѣ и въ Сициліи. Что эти обломки монетъ не случайно погребены вмѣстѣ съ цѣльными, доказывается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ кладахъ ихъ несравненно болѣе, чѣмъ цѣльныхъ¹⁾.... „*Ино, что обломки эти обязаны своимъ происхожденіемъ не простому случаю. Попадаются даже нѣкоторыя цѣльныя монеты, порочно надрубленныя на двое или на четвертинки, такъ что легко раздѣлить ихъ на части. Все это показываетъ, что и обломки монетъ имѣли значеніе въ торговлю Востока съ Сѣверомъ; по недостатку въ мелкой серебряной монетѣ, они употреблялись для уплаты цѣнностей менше диргема, или для пополненія вѣса, когда диргема принимались на вѣсъ²⁾*).

Диргема и другія монеты рубили на части съ цѣлью устранить недостатокъ въ мелкой монетѣ. Правильность такого объясненія о происхожденіи рѣзанцевъ въ русскихъ кладахъ доказывается большимъ числомъ кладовъ, въ которыхъ на одну цѣлую монету приходилось по нѣсколько десятковъ рѣзанцевъ, при чемъ многія рубленныя части диргемовъ, по своему вѣсу, имѣютъ одно и то же отношеніе къ цѣлому диргему. Въ кладахъ, найденныхъ въ среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи, иногда между рѣзанцами попадаются круглыя вырѣзки изъ диргемовъ, эти вырѣзки имѣютъ разный вѣсъ. Желаніе придать частямъ диргемовъ даже наружный видъ настоящихъ монетъ нельзя объяснить простымъ капризомъ, подт влияніемъ котораго тратили время и трудъ на вырѣзку кружковъ разной величины изъ диргемовъ. Если бы части диргемовъ служили только простыми довѣсками при уплатахъ серебра вѣсомъ, то не было бы надобности хлопотать о правильной формѣ и близкомъ сходствѣ вѣса такихъ довѣсокъ. Какъ на образецъ кладовъ съ рѣзанцами, укажу на Коростовскій кладъ, найденный въ 1891 году, въ Рязанской губ. и уѣздѣ, въ селѣ Коростовѣ. Кладъ состоялъ изъ одной серебряной гривны восточной отливки (четырёхгранный прутикъ длиною въ $9\frac{1}{2}$ дюймовъ, вѣсомъ въ $13\frac{1}{4}$ золотниковъ), 15-ти цѣлыхъ диргемовъ, чеканенныхъ въ X стол., одной серебряной монеты Іоанна Цимисхія (969—976 г. по Р. Х.), 4-хъ германскихъ пфенниговъ конца X ст. и 904 разной величины рѣзанцевъ; между ними было 30 штукъ правильно обрѣзанныхъ кружковъ или, вѣриѣ, многоугольниковъ разнаго вѣса. Крупные рѣзанцы и кружки были вырѣзаны изъ диргемовъ, среди же мелкихъ рѣзанцевъ встрѣчались и обрѣзки изъ серебряныхъ византійскихъ монетъ. На круглыхъ рѣзанцахъ не было отверстій, слѣдовательно, они не служили привѣсками на ожерельяхъ. Этотъ кладъ хранится въ моей монетной коллекціи³⁾.

На всей территоріи древне-русскихъ областей открыты клады съ арабскими монетами VIII, IX и X стол.; между ними встрѣчаются однородные по своему содержанію и времени, эти сходственные клады, найденные въ разныхъ мѣстахъ, отличаются между собою только количествомъ цѣлыхъ монетъ, рѣзанцевъ, украшеній и присутствіемъ или отсутствіемъ серебряныхъ прутиковъ восточной отливки; болѣе древніе изъ нихъ состоятъ исключительно изъ однихъ диргемовъ, вмѣстѣ съ которыми встрѣчаются иногда и серебряные прутики; въ болѣе позднихъ кладахъ этого вида, кромѣ диргемовъ, находятъ въ небольшомъ числѣ серебряныя византійскія и западно-европейскія монеты. Эта особенность русскихъ кладовъ IX и X стол., даже при отсутствіи письменныхъ извѣстій о денежныхъ знакахъ того времени, какъ я полагаю, даетъ серіозный поводъ заключить объ однообразіи денежной системы, бывшей въ то время въ употребленіи въ русскихъ областяхъ, — клады съ арабскою монетою раскрываютъ

1) П. С. Савельевъ. Мухаммеданская нумизматика. Стр. XXVIII—XXX.

2) А. И. Черепнинъ. Коростовскій кладъ. 1892 г. Изданіе Рязанской ученой Арх. Ком.

передъ нами крупныя и мелкія сбереженія нашихъ предковъ, ихъ денежные капиталы, скрытые на время въ землю. Наблюдаемое сходство въ содержаніи русскихъ кладовъ, относящихся къ одной и той же эпохѣ и найденныхъ въ предѣлахъ разныхъ русскихъ областей, удостоверяетъ насъ въ томъ, что населеніе древней Руси, не имѣя денегъ собственнаго чекана, пользовалось арабскою монетою, какъ своими ходячими деньгами. Широкое распространеніе на Руси диргемовъ и видимое приспособленіе этой монеты къ нуждамъ мѣстнаго денежнаго обращенія (рѣзанцы) даютъ основаніе предполагать, что основы денежной металлической системы древняя Русь первоначально заимствовала съ востока, отъ арабовъ. Справедливость этого мнѣнія подтверждается продолжительными торговыми сношеніями Руси съ арабами, обиліемъ кладовъ съ диргемами, вѣсомъ серебряныхъ слитковъ восточной отливки, цѣлыхъ и рубленныхъ монетъ. Однородный характеръ монеты и замѣтное сходство вѣса серебряныхъ слитковъ (прутиковъ восточной отливки) съ вѣсомъ арабской унціи серебра (около 27 нашихъ золотниковъ) наводятъ на достовѣрную догадку, что въ VIII и IX, а быть можетъ, и въ началѣ X стол., на Руси была въ обращеніи одинаковая, по вѣсу серебра, основная денежная единица—гривна; цѣлыя же монеты (диргемы) и рубленные части ихъ служили разнѣнными разной цѣнности долями гривенъ (серебряныхъ слитковъ восточнаго происхожденія).

Не останавливаясь на этой древнѣйшей денежной системѣ, основою которой, повидимому, служила денежная гривна, равная по вѣсу арабской унціи серебра, равноцѣнной 40 полноцѣннымъ диргемамъ VIII стол. Объ этой русской гривенной системѣ можно составить лишь приблизительное понятіе только по вещественнымъ памятникамъ, находимымъ въ древнихъ кладахъ съ арабскими монетами. Мы обратимся къ послѣдующей гривенной системѣ, которую можно назвать *киевскою гривенною системою*, или собственно *древне-русскою денежною системою*, образовавшеюся съ одной стороны подъ вліяніемъ перемѣнъ въ цѣнности арабскихъ диргемовъ, и съ другой стороны, подъ вліяніемъ византійской денежной системы, возникшемъ вслѣдствіе расширенія торговыхъ сношеній южной Руси съ Византією.

Въ концѣ IX стол. въ южныхъ областяхъ, входившихъ въ составъ древней Руси, уже обращались серебряныя денежные гривны русскаго происхожденія. Въ нашихъ лѣтописяхъ довольно часто упоминается о гривнахъ, какъ денежныхъ цѣнностяхъ, имѣвшихъ широкое распространеніе на Руси. Въ Лаврентьевской лѣтописи, подъ 882 годомъ сказано; „Олегу уставу Варягомъ дань даяти отъ Новгорода *гривенъ 300* на лѣто мира дѣля“. Подъ 907 годомъ читаемъ, что Олегъ получилъ съ грековъ *по 12 гривенъ* на ключъ. Южно-русскія гривны отличаются по наружной формѣ и вѣсу отъ прежнихъ гривенъ (серебряныхъ прутиковъ), принявшихъ съ востока въ Россію.

Первыми денежными гривнами русскаго литья мы признаемъ такъ называемыя *киевскія гривны*; онѣ имѣютъ форму шестиугольной толстой пластины съ гладкою нижнею и выпуклою поздраватою верхнею поверхностью. Топографія кладовъ съ киевскими гривнами доставляетъ вѣскія доказательства, что эти гривны отливались въ южной Россіи, а не записались въ нее изъ сосѣднихъ странъ, путемъ торговыхъ сношеній. Изъ ниже приведеннаго мною перечня нѣкоторыхъ извѣстныхъ находокъ съ киевскими гривнами видно, что большее число ихъ найдено въ самомъ Киевѣ и его окрестностяхъ и затѣмъ въ губерніяхъ сосѣднихъ съ Киевскою. Въ другихъ, болѣе отдаленныхъ отъ Киева мѣстахъ, киевскія гривны находятъ очень рѣдко, судя по записаннымъкладамъ.

Первое, что останавливаетъ вниманіе при изученіи киевскихъ гривенъ, — это большая разница въ вѣсѣ отдѣльныхъ экземпляровъ. Киевскія гривны представляютъ большее разнообразіе по своему вѣсу и не имѣютъ полнаго сходства по своей формѣ и качеству серебра. Вѣсъ извѣстныхъ киевскихъ гривенъ колеблется отъ 30 до 48 золотниковъ. Легковѣсные

слитки (отъ 30 до 32 золотн.) встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, по крайней мѣрѣ, мнѣ неизвѣстно ни одного клада, въ которомъ оказалось бы нѣсколько гривенъ такого вѣса. Легковѣсныя кievскія гривны изрѣдка попадаются какъ единичныя находки; нѣсколько чаще находятъ клады съ кievскими гривнами, вѣсомъ отъ 46 до 48 золотниковъ; въ большей же части извѣстныхъ кладовъ съ кievскими гривнами вѣсъ слитковъ отъ 34 до 39 золотниковъ. Этого вѣса слитки представляютъ собственно кievскія денежныя гриввы кievской гривной системы.

На разницу въ вѣсѣ гривенъ кievскаго типа нельзя смотрѣть какъ на простую случайность или злоупотребленіе ливцовъ. Особенно если мы возьмемъ для сравненія извѣстныя гривны наименьшаго и наибольшаго вѣса, т. е. гривны въ 30 и 48 золотниковъ. Истинную причину разницы въ вѣсѣ гривенъ открываетъ содержаніе тѣхъ же кладовъ, въ которыхъ, вмѣстѣ съ гривнами, находились монеты или металлическія украшенія. Монеты и украшенія, если не вполне точно, то довольно близко указываютъ на время зарытія клада въ землю и даютъ возможность опредѣлить большую или меньшую древность гривенъ, найденныхъ въ кладахъ. Обращая вниманіе на составъ кладовъ, не трудно замѣтить прямую зависимость между временемъ происхожденія гривенъ и ихъ вѣсомъ. Тяжелѣйшія гривны кievскаго типа (вѣсомъ отъ 46 до 48 золотниковъ), оказываются и болѣе поздними, — онѣ, насколько мнѣ извѣстно, не попадаются съ монетами и украшеніями X и XI стол., тогда какъ ихъ нерѣдко находятъ съ серебряными и золотыми украшеніями XIII и XIV стол., а иногда и съ монетами XIV ст. ¹⁾. Въ кладахъ же съ кievскими гривнами вѣсомъ отъ 34 до 39 золотниковъ не встрѣчаются ни монеты, ни вещи XIV стол.; въ такихъ кладахъ случается находить металлическія украшенія конца X, XI и начала XII стол. и монеты того же времени. Такъ, на примѣръ, въ кладѣ, найденномъ весной 1889 года въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Гребеновской, вмѣстѣ съ золотою діадемою, двумя перстнями, шейною гривною, браслетами, серьгами, оказалось 8 кievскихъ денежныхъ гривенъ и двѣ золотыя византійскія монеты импер. Алексѣя I Комнена (1081—1118 г.) ²⁾.

Въ 1885 г., въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Есикорскаго былъ найденъ кладъ, состоящій изъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній XI стол. и 9 кievскихъ гривенъ, средній вѣсъ которыхъ, приблизительно, равнялся 36 золотникамъ ³⁾.

Сравнивая русскія денежныя гривны, нельзя не замѣтить, что тяжеловѣсныя кievскія гривны (отъ 46—48 золотниковъ) представляютъ большое сходство съ полуфунтовыми новгородскими и понизовыми гривнами, имѣющими форму продолговатой четырехгранной призмы или продолговатаго полуцилиндра. По времени своего введенія въ обращеніе, новгородскія и понизовыя гривны относятся къ болѣе позднему времени и принадлежатъ къ другой денежной системѣ, когда русская гривна была приравнена нѣмецкой полуфунтовой маркѣ серебра. Кievскія же гривны, вѣсомъ отъ 34 до 39 золотниковъ, въ основѣ своей имѣли византійскую полулитру серебра и по времени своего происхожденія были древнѣе новгородскихъ и принадлежали *кievской гривенной системѣ*.

Полуфунтовые слитки кievскаго типа наглядно удостовѣряютъ, что южная Русь продолжала отливать гривны своего типа и тогда, когда уже собственно кievская гривенная система вышла изъ употребленія и была замѣнена новгородскою, — кievскія гривны сохранили прежнюю форму, но вѣсъ ихъ былъ уже иной.

Отнеся тяжеловѣсныя кievскія гривны къ періоду *новгородской гривной системы*, необходимо попытаться объяснить значительную разницу въ вѣсѣ гривенъ, принадлежавшихъ соб-

¹⁾ Археол. извѣстія и замѣтки. 1896 г. № 11 и 12, стр. 387.

²⁾ В. В. Антоновичъ. Археолог. карта Кievской губерніи, стр. 36.

³⁾ Русскія древности въ памятникахъ искусства. Вып. V, стр. 119—121.

ственно къ кievской денежной системѣ. Между гривнами этого періода, отдѣльные слитки вѣсятъ отъ 30 до 39 золотниковъ; хотя легковѣсныя гривны встрѣчаются очень рѣдко и могутъ быть выдѣлены какъ случайныя изъ общей массы гривенъ, тѣмъ не менѣе, между другими гривнами оказывается немалая разниця въ вѣсѣ—отъ 34 до 39 золотниковъ.

Самое происхожденіе основной денежной единицы (гривны) въ кievской гривенной системѣ, повидимому, вызвано было двумя причинами. Во-первыхъ, преобладающимъ направлениемъ вышней торговли южной Руси въ X стол., когда уже значительно развились торговыя сношенія съ Византією и нѣсколько ослабли торговыя связи съ Восточнымъ Халифатомъ. Въ Византіи, какъ извѣстно, основною единицею вѣса была *литра*, имѣвшая въ X и XI ст., судя по вѣсу византійскихъ серебряныхъ монетъ того времени, около 75 нашихъ золотниковъ. Изъ литры серебра чеканили 60 мелліарезій или 120 полумилліарезій. При крупныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, греки и русскіе производило расчеты преимущественно серебряными слитками. Бывшіе ранѣе въ обращеніи на Руси серебряныя прутки и неправильной формы слитки восточнаго происхожденія не совпадали съ вѣсомъ ни цѣлой греческой литры серебра, ни -- половины ея. Ради уже одного облегченія при торговыхъ сдѣлкахъ съ греками, южной Руси слѣдовало имѣть такую крупную денежную единицу, которая соотвѣтствовала бы по своему вѣсу цѣлой литрѣ серебра или половинѣ ея и въ то же самое время содержала бы круглое число серебряныхъ монетъ, обращающихся на Руси какъ ходячія деньги. Для достиженія того и другого, достаточно было отливать денежные гривны, равныя по вѣсу 50 кунамъ, т. е. 50 ходячимъ серебрянымъ монетамъ того времени, вѣсъ которыхъ если не вполнѣ совпадалъ съ вѣсомъ полулитры серебра, то былъ очень близокъ къ ней. Второю причиною разницы въ вѣсѣ кievскихъ гривенъ того времени, какъ я полагаю, было разнообразіе вѣса серебряныхъ монетъ, обращающихся на Руси въ качествѣ ходячихъ денегъ.

Въ IX и X стол. въ южной Руси обращались преимущественно арабскіе диргемы и сравнительно въ небольшомъ количествѣ византійскія серебряныя монеты. Въ X ст. диргемы не представляли уже близкаго сходства по вѣсу и качеству серебра. Въ это время на Руси обращались, вмѣстѣ съ аббасидскими диргемами, саманидскіе, тагиридскіе, бундскіе и другихъ чекановъ диргемы, отличавшіеся отъ аббасидскихъ по вѣсу и пробѣ серебра. Вѣсъ аббасидскихъ диргемовъ, чеканенныхъ съ VIII до первой четверти X ст. довольно однообразенъ (отъ 63 до 65 долей). Для опредѣленія средняго вѣса аббасидскихъ диргемовъ мнѣ служили хорошо сохранившіеся экземпляры моей коллекціи, собранные изъ кладовъ, найденныхъ въ Тульской, Рязанской, Московской, Ярославской и Кievской губерніяхъ, а также вѣсъ диргемовъ изъ клада, найденнаго въ Гнѣздовскомъ могильникѣ, близъ Смоленска ¹⁾.

Средній же вѣсъ саманидскихъ диргемовъ, чеканенныхъ въ X ст., приблизительно равенъ 80 долямъ. Диргемъ бундскаго чекана еще тяжеловѣснѣе, но примѣсь лигатуры въ саманидскихъ и бундскихъ диргемахъ значительно больше, чѣмъ въ аббасидскихъ, — послѣдніе чеканены изъ высокопробнаго серебра (отъ 89 до 92 пробъ) ²⁾.

Средній вѣсъ 50 диргемовъ аббасидскаго чекана IX ст. свѣше 33 золотниковъ, тогда какъ 50 саманидскихъ диргемовъ, чеканенныхъ въ X ст. вѣсятъ болѣе 39 золотниковъ. Сабатье опредѣляетъ средній вѣсъ милліарезій отъ 141 до 146 долей, а полумилліарезій—отъ 71 до 73 долей ³⁾. Средній вѣсъ 50 полумилліарезій составитъ $37\frac{1}{2}$ золотниковъ.

¹⁾ Баронъ Тизенгаузенъ. Монеты Восточнаго Халифата, стр. 311—316.

²⁾ А. Лихачевъ. Чистопольскій кладъ изъ куваческихъ монетъ, открытый въ 1885 г. Зап. Вост. отд. Имп. Русск. Арх. Об. Томъ II, вып. I и II.

³⁾ Description Générale des Monnaies Byzantines.

Въ IX и X ст. кунами южной Руси служили диргемы и частью византийскія серебряныя монеты, что подтверждается содержаніемъ русскихъ кладовъ того времени. Вѣсь тѣхъ и другихъ монетъ не былъ постояннымъ. Очень вѣроятно, что для сохраненія одинаковой стоимости между гривною серебра (слитковъ) и 50-ю серебряными ходячими монетами, приходилось время отъ времени измѣнять вѣсь денежныхъ гривенъ, соотвѣтственно съ измѣненіемъ вѣса ходячихъ серебряныхъ монетъ. Мы уже упоминали о вѣсѣ денежныхъ слитковъ кievской гривенной системы. Вѣсь ихъ въ цѣлыхъ золотникахъ даетъ слѣдующія числа: 34, 35, 36, 37, 38 и 39. Тотъ же рядъ чиселъ получимъ, взвѣсивая по 50 диргемовъ или полумилліарезій; чеканенныхъ въ VIII, IX и X ст. Вѣсь арабскихъ диргемовъ возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ XI ст. На основаніи этого наблюденія также можно заключить, что легковѣсныя гривны кievскаго типа древнѣе тяжеловѣсныхъ (отъ 46 до 48 золотн.). По мѣрѣ увеличенія вѣса серебряныхъ монетъ, обращавшихся на Руси въ IX и X ст. долженъ былъ возрастать вѣсь денежныхъ слитковъ (гривенъ), стоимость которыхъ опредѣлялась какъ ихъ вѣсомъ, такъ и опредѣленнымъ числомъ ходячихъ монетъ.

Въ кладахъ съ серебряными гривнами кievской денежной системы находятъ гривны разнаго вѣса,—отъ 34 золотниковъ до 39; значительное большинство этихъ гривенъ вѣсятъ отъ 36 съ дробью до 37 съ дробью золотниковъ. Такъ, на примѣръ, изъ крупнаго клада, найденнаго въ 1893 году въ Могилевской губерніи, въ дер. Задрутьи, извѣстенъ вѣсь 92 гривенъ; между ними было 12 гривенъ вѣсомъ свыше 34 золотниковъ, 36 гривенъ вѣсомъ болѣе 36 золотниковъ, 31 гривна—вѣсомъ въ 37 съ дробью золотниковъ каждая, 9 гривенъ—болѣе чѣмъ по 38 золотниковъ и 4 гривны съ отрубленными концами—вѣсомъ отъ 34 золотн. 12 долей до 35 золотн. 90 долей ¹⁾).

Кievскія гривны изъ многихъ извѣстныхъ кладовъ оказались отлитыми изъ серебра, отъ 90 до 93 пробы, но встрѣчаются отдѣльныя гривны изъ серебра болѣе низкой пробы.

Особенно часто находили кievскія гривны въ самомъ Кievѣ и его окрестностяхъ. Въ текущемъ столѣтіи записано много такихъ находокъ. Упомяну о нѣкоторыхъ изъ нихъ:

Въ 1826 г., въ развалинахъ Десятинной церкви, на глубинѣ 1 $\frac{1}{2}$ аршинъ найдены три серебряныя шестигольные слитка, вѣсомъ въ 38 золотниковъ каждый ²⁾).

Въ 1838 г., въ саду Королева найдены, между прочимъ, три кievскія гривны; двѣ изъ нихъ вѣсомъ по 36 $\frac{1}{4}$ золотн., а третья—38 $\frac{1}{4}$ золотниковъ ³⁾).

Въ 1847 г., въ саду Анненкова, на глубинѣ болѣе 2 аршинъ, была найдена кievская гривна съ золотыми и серебряными украшеніями ⁴⁾).

Въ 1851 г., въ той же усадьбѣ, найдено шесть серебряныхъ кievскихъ гривенъ ⁵⁾).

Въ 1876 г., возлѣ Десятинной церкви, въ усадьбѣ Лѣскова найденъ драгоцѣнный кладъ въ двухъ сосудахъ, мѣдномъ и глиняномъ. Въ глиняномъ сосудѣ, вмѣстѣ съ золотыми и серебряными украшеніями, было 14 кievскихъ серебряныхъ гривенъ ⁶⁾).

Въ 1880 г., близъ усадьбы Кувшинова, найденъ богатый кладъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ золотыми и серебряными вещами, оказалось 34 кievскихъ серебряныхъ гривны ⁷⁾).

¹⁾ Отчетъ Импер. Археол. Комиссіи, за 1893 г. стр. 42.

²⁾ Н. Вѣляшевскій. Монетные клады Кievской губерніи. Стр. 34.

³⁾ Тамъ же, стр. 9.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 11.

⁵⁾ В. Б. Антоновичъ. Археолог. карта Кievской губерніи, стр. 34.

⁶⁾ Н. Вѣляшевскій. Монетные клады Кievской губ., стр. 24—26.

⁷⁾ Археологическая карта Кievской губерніи, стр. 39.

Къ 1881 г. относятся находки, собранныя во время раскопокъ въ окрестностяхъ Десятинной церкви, въ усадьбѣ бывшего Климовича, между разнообразными предметами древности, было найдено 6 кievскихъ денежныхъ гривенъ; въ одной изъ нихъ было 37 золотни. 42 доли, въ другой—39 золотн. 12 долей, вѣсъ прочихъ мало разнился отъ первыхъ двухъ гривенъ ¹⁾.

Въ 1819 г., въ мѣстечкѣ Стойки, Киевскаго уѣзда; найдено въ горшкѣ 12 кievскихъ гривенъ ²⁾.

Въ 1840 г., въ томъ же уѣздѣ, въ с. Желянѣ, найдено было 20 кievскихъ гривенъ ³⁾.

Ранѣе было упомянуто, что легковѣсныя кievскія гривны встрѣчаются крайне рѣдко. Мы извѣстны только двѣ такія гривны,—одна изъ нихъ найдена въ 1890 г., на Княжей горѣ, близъ г. Канева, Киевской губерніи, вѣсъ ея 31 золотн. 1 доля ⁴⁾.

Другая гривна, вѣсомъ въ 30¹/₂ золотн., найдена также въ южныхъ губерніяхъ и хранится въ коллекціи Ф. К. Смирнова, хотя подлинность ея сомнительна.

Кievскія гривны, вѣсомъ отъ 34 до 39 золотниковъ, несомнѣнно тѣ вещественныя денежные цѣнности, о которыхъ упоминають древніе письменные памятники, подъ именемъ *гривенъ*. Въ X и XI ст. въ южной Руси не было другихъ денежныхъ серебряныхъ гривенъ, какъ то утверждаютъ Шодуаръ, Погодинъ, Бѣляевъ и Мрочекъ-Дроздовскій. Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ кладовъ не находили кievскихъ гривенъ серебра, равныхъ по вѣсу греческой литрѣ (около 75 золотниковъ) или нашему фунту (96 золотниковъ). Если бы такія денежные гривны были въ обращеніи, то онѣ попадались бы въ древнихъ кладахъ. Что же касается серебряныхъ гривенъ кievскаго типа, вѣсомъ отъ 44 до 50 золотниковъ, то онѣ относятся къ другой, болѣе поздней гривенной системѣ, вошедшей въ употребленіе на Руси не ранѣе конца XII или начала XIII ст.

Содержаніе древнихъ кладовъ рѣшительно устраняетъ предположеніе о существованіи какъ кievскихъ гривенъ серебра, вѣсомъ въ одну греческую литру, такъ и фунтовыхъ гривенъ повгородской гривенной системы. вмѣстѣ съ этимъ получается возможность болѣе правильнаго опредѣленія стоимости составныхъ частей гривны серебра: ногать, купъ, рѣзанъ и т. д.

До начала XI ст., подъ именемъ ногать, кунъ и рѣзанъ, на Руси обращались однѣ иностранныя монеты,—преимущественно арабскіе диргемы, въ меньшемъ количествѣ—серебряныя византійскія и западно-европейскія монеты. Широкое распространеніе диргемовъ ясно обнаруживается многочисленностью кладовъ съ арабскою монетою, найденныхъ на территоріи древней Руси; даже въ самомъ Киевѣ, гдѣ сосредоточивались крупныя торговые обороты съ Византіею, между извѣстными денежными кладами X и начала XI ст. большую часть составляютъ находки съ диргемами, тогда какъ записанныя находки въ Киевѣ византійскихъ монетъ оказываются незначительными, какъ по числу ихъ, такъ и по количеству монетъ. Вотъ нѣкоторые изъ извѣстныхъ кладовъ:

Въ 1706 г., во время постройки новой Печерской крѣпости, было найдено 2380 куфическихъ монетъ ⁵⁾.

Въ 1851 г. былъ открытъ кладъ въ глиняномъ сосудѣ, содержавшемъ отъ 2,000 до 3,000 диргемовъ аббасидскаго, саманидскаго и тагиридскаго чекановъ ⁶⁾.

1) В. Бѣляшевскій. Монетные клады Киевской губ., стр. 40. Н. Кондаковъ. Русскіе клады, стр. 121.

2) Монетные клады Киевской губерніи, стр. 61.

3) Тамъ же, стр. 60.

4) „Университетскія Извѣстія“, № 1. Киевъ. 1893 г.

5) В. Бѣляшевскій. Монетные клады Киевской губерніи, стр. 7.

6) Тамъ же, стр. 11 и 12.

ТРУДЫ XI-ГО АРХЕОЛ. СЪѢЗДА ВЪ КИЕВѢ. Т. II.

Въ томъ же году, на уступѣ горы, нашли 25 диргемовъ аббасидскаго и саманидскаго чекана ¹⁾).

Въ 1863 г., на горномъ кладбищѣ Иорданской церкви, на глубинѣ 2 аршинъ, въ горшкѣ найдено нѣсколько сотъ диргемовъ, главнымъ образомъ саманидскаго чекана (съ 895 до 933 г. по Р. X.) ²⁾).

Древніе клады даютъ опредѣленное понятіе о *кунѣ* или *рѣзанѣ* кievской гривенной системы; кую или рѣзаною, въ смыслѣ отдѣльной денежной единицы, называли диргеми и византійскія полумилліарезіи. Выше было упомянуто, что вѣсъ 50 диргемовъ и полумилліарезій имѣеть близкое сходство съ вѣсомъ серебряныхъ кievскихъ гривенъ, стало-быть, гривна содержала 50 кунъ. Впрочемъ, предположеніе Карамзина и Погодина, что въ гривнѣ считалось только 25 кунъ имѣеть нѣкоторое основаніе, если допустить, что на Руси, подъ именемъ куны, обращались византійскія милліарезіи, хотя бы и непродолжительное время.

До сихъ поръ въ древнихъ кладахъ неугадана денежная единица, извѣстная подъ именемъ *ногаты*. По лѣтописнымъ извѣстіямъ, ногата равнялась $2\frac{1}{2}$ кунамъ или рѣзанамъ. Если ногата была монета, а не условная счетная единица, то въ кievской гривенной системѣ она имѣла значительный вѣсъ,—отъ 165 до 200 долей. Въ обследованныхъ древнихъ кладахъ, насколько мнѣ извѣстно, монеты такого вѣса не встрѣчались; но мнѣ случалось находить въ кладахъ рубленные и ломанныя части такихъ диргемовъ, которые въ цѣломъ видѣ должны были вѣсить отъ 140 до 200 долей ³⁾. Обломки такихъ диргемовъ попадаются очень рѣдко и потому нельзя утверждать, что на Руси обращались подобные диргеми и носили названіе — *ногаты*. Впрочемъ, отсутствіе наличныхъ представителей ногаты ничему не мѣшаетъ, при томъ услѣвіи, что стоимость ногаты точно опредѣляется $2\frac{1}{2}$ кунами или рѣзанами, о которыхъ клады даютъ намъ опредѣленное понятіе, и мы можемъ выразить относительную стоимость ихъ почти точнымъ вѣсомъ серебра.

Что же касается мелкихъ ходячихъ денегъ кievской гривенной системы, именно частей куны или рѣзаны, то древніе клады лишь удостовѣряютъ въ существованіи ихъ, но не даютъ ясныхъ указаній на какія именно части дѣлилась куна или рѣзана; въ лѣтописныхъ памятникахъ также нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній ни о числѣ составныхъ частей куны, ни о томъ, подъ какими названіями *части куны* извѣстны были на Руси. Въ лѣтописяхъ упоминаются— *векша*, *виверица*, *бѣль*, но остается неизвѣстнымъ, какъ отношеніе этихъ мелкихъ денежныхъ единицъ къ кунѣ или рѣзанѣ, такъ время и мѣсто ихъ обращенія. Можно только предполагать, что дѣленіе цѣлой куны или рѣзаны было довольно дробно и самую мелкою денежною единицею была *векша*. Въ кладахъ съ большимъ числомъ рѣзанцевъ находятся крупныя и мелкія доли,—половины, трети, четверти, восьмыя, двѣнадцатыя и даже двадцать четвертыя доли цѣлаго диргема. На основаніи этихъ дробныхъ частей можно предполагать, что въ періодъ времени, когда куна или рѣзана содержала наибольшее число мелкихъ денежныхъ единицъ, въ ней было 24 векши, 12 бѣлей, 6 вивериць. Само собою разумѣется, что обозначенное число вивериць, бѣлей, векшъ въ кунѣ не болѣе какъ догадка, имѣющая нѣкоторую вѣроятность.

Въ началѣ XI ст. въ южной Руси впервые начали чеканить золотую (златницы) и серебряную (сребренники) монету. За образецъ для чекана взята была византійская монета ⁴⁾. Вѣсъ извѣстныхъ златницъ отъ 90 до 99 долей; тяжелыхъ болѣе, чѣмъ легковѣсныхъ; сребренники же

¹⁾ Тамъ же. стр. 12.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Коростовскій кладъ, стр. 5, примѣч. 14-е.

⁴⁾ Гр. Н. И. Толстой. Древнѣйшія русскія монеты вел. кн. Кievскаго.

по вѣсу представляютъ большое разнообразіе, — одни изъ нихъ вѣсятъ отъ 48 до 90 долей, другіе отъ 35 до 39 долей. Очень вѣроятно, что тяжелые сребренники служили куню или рѣзаною, легковѣсные же составляли половину куны или соответствовали легковѣснымъ кунамъ XII ст. Золотыя монеты русскаго чекана находятъ чрезвычайно рѣдко и только въ единичныхъ экземплярахъ, и потому нельзя думать, чтобы онѣ имѣли значительное распространеніе на Руси. Вообще, судя по содержанію древнихъ кладовъ, золотыя денежныя цѣнности не имѣли большаго значенія въ древне-русской денежной системѣ, состоявшей преимущественно изъ крупныхъ и мелкихъ серебряныхъ единицъ. Серебряныя монеты русскаго чекана также, повидимому, не широко расходились по Руси. До настоящаго времени извѣстны только два клада, въ которыхъ было порядочное количество сребренниковъ: нѣжинскій кладъ, найденный въ 1852 г. и описанный Волошинскимъ ¹⁾, и кievскій, открытый въ 1876 г. въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Кушнера; изъ этого клада извѣстны 55 монетъ ²⁾. Другія три находки дали по одному экземпляру и только гр. А. С. Уваровъ нашелъ 4 сребренника во время раскопокъ кургановъ въ Быховскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи ³⁾. Средній вѣсъ болѣе крупныхъ сребренниковъ можно принять равнымъ 72 долямъ; 50 такихъ монетъ вѣсятъ $37\frac{1}{2}$ золотниковъ, такой же вѣсъ имѣютъ многіе изъ кievскихъ гривенъ. Въ сребренникахъ мы также находимъ подтвержденіе, что кievская серебряная гривна содержала 50 ходячихъ монетъ, называемыхъ кунами или рѣзанами.

По содержанію древнихъ кладовъ и отчасти по лѣтописнымъ извѣстіямъ, должно признать, что первоначально кievская серебряная гривна, по стоимости своей равнялась гривнѣ кунъ, т. е. счетной денежной единицѣ, содержащей 50 кунъ или рѣзанъ, такъ что качество и вѣсъ серебра 50 кунъ признавали вполне равноцѣннымъ гривнѣ серебра. Въ дѣйствительности же, быть можетъ, не всегда существовало полное сходство въ стоимости гривны серебра и 50 кунъ или рѣзанъ. „Вообще, до смерти Ярослава, говоритъ П. С. Казанскій, мы не встрѣаемъ ни одного мѣста въ древнихъ памятникахъ нашей литературы, гдѣ бы гривны считались золотомъ, серебромъ или кунами; вездѣ говорится просто гривна“ ⁴⁾.

Простое названіе крупной денежной цѣнности *гривною* свидѣтельствуетъ о томъ, что не было надобности въ опредѣленіи ни металла, ни особенностей гривны, такъ какъ въ обращеніи были сначала однѣ серебряныя гривны (слитки) и равныя имъ по стоимости счетныя гривны, состоявшія изъ 50 монетъ. Въ XII ст. уже встрѣчается опредѣленіе металла гривны, — въ Густинской лѣтописи, подъ 1122 г. читаемъ: „Искупи Василька за двадцать тысящъ гривенъ серебра“. Обозначеніе металла гривенъ въ этой записи не могло быть случайнымъ, потому что повторяется и въ другихъ письменныхъ памятникахъ, относящихся къ болѣе позднему времени ⁵⁾. Слѣдовательно, въ XII ст. уже существовала разница въ стоимости денежныхъ единицъ, обращавшихся подъ именемъ гривенъ, и заставляла отличать гривну серебра отъ гривенъ другой мѣновой цѣнности. Такими денежными гривнами были золотыя гривны, а затѣмъ гривны кунъ. Когда сократился притокъ диргемовъ и полумилліарезій, на Руси значительно распространились и вошли въ обращеніе серебряныя западно-европейскія и отчасти византійскія монеты, отличавшіяся по вѣсу, а иногда и качеству серебра, отъ прежнихъ кунъ (серебряныхъ денегъ); вмѣстѣ съ этимъ должно было возникнуть различіе въ стоимости гривны серебра (слитка), сохранившей приблизительно прежній вѣсъ, и стоимости счетной гривны кунъ, состоявшей изъ

¹⁾ Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, принадлеж. минцъ-кабинету Импер. университета св. Владиміра...

²⁾ „Кievская Старина“, 1888 г., книга III, стр. 138.

³⁾ Древнѣйшія русскія монеты, X и XI вѣка, стр. 43.

⁴⁾ Записки Имп. Археол. Общества. Томъ III, стр. 112 и 113.

⁵⁾ Мрочекъ-Дроздовскій. Исслѣдованія о Русской Правдѣ. Вып. I, стр. 70–73.

50 ходячихъ монетъ; новыя 50 кунъ, по количеству содержавагося въ нихъ серебра, уже не соответствовали стоимости гривны — серебряному слитку. Эта разница должна была выразиться въ наименованіяхъ двухъ крупныхъ денежныхъ единицъ, утратившихъ прежнюю мѣновую равноцѣнность. Въ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятникахъ, первое извѣстіе о гривнѣ кунъ, какъ денежной единицѣ уже отличавшейся по своей стоимости отъ гривны серебра, встрѣчается въ XIII ст. Въ Ипатьевской лѣтописи, въ духовной грамотѣ Владиміра, князя Владимірскаго на Волини, подъ 1287 годомъ сказано: „А село есмь купилъ Березовичѣ Уревича у Давыдовича Оодорка, а далъ на пемъ 50 гривенъ кунъ“.

Исслѣдователи древне-русской денежной системы давно обратили вниманіе на двойной счетъ денежныхъ суммъ — въ *гривнахъ серебра* и въ *гривнахъ кунъ*. На основаніи преимущественно лѣтописныхъ извѣстій, они объясняли ихъ первоначальную равноцѣнность и возникшее впоследствии различіе въ ихъ стоимости. При рѣшеніи этого вопроса заключенія изслѣдователей не могли быть одинаковыми уже по одному тому, что одни изъ нихъ (Карамзинъ, Бекетовъ, Шодуаръ, Лешковъ и Ланго) подъ гривною кунъ подразумѣвали определенное число кожаныхъ знаковъ, не имѣвшихъ никакой цѣнности; другіе же (Погодинъ и Мрочекъ-Дроздовскій) за гривну кунъ признавали слитки серебра вѣсомъ въ $\frac{1}{2}$ литры, $\frac{1}{2}$ фунта и $\frac{1}{4}$ фунта, а гривнами серебра считали только вѣсовыя единицы — для южной Руси въ одну литру серебра (72 золотника) и для сѣверной Руси — въ одинъ фунтъ (96 золотниковъ). И только немногіе изслѣдователи гривну кунъ разсматривали какъ счетную денежную единицу, состоящую изъ определенного числа серебряныхъ ходячихъ монетъ, и на измѣненіе отношеній въ стоимости гривны кунъ къ гривнѣ серебра смотрѣли какъ на неизбежное явленіе, зависѣвшее отъ уменьшенія стоимости серебряныхъ монетъ, вошедшихъ позднѣе въ обращеніе на Руси.

Древніе клады даютъ полное подтвержденіе приведенному нами объясненію возникшаго различія между стоимостью гривны серебра и гривны кунъ.

Кромѣ гривенъ серебра и гривенъ кунъ, на Руси обращались золотыя денежные гривны. Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1097 годомъ сказано, что ляхи, обѣщавшіе свою помощь Давиду Игоревичу противъ Святополка, „взяша у него злата 50 гривенъ“. Въ поученіи Владиміра Мономаха, великій князь говоритъ о себѣ: „одахъ отцю 30 гривенъ злата“. Подъ 1155 годомъ записано, что Андрей Боголюбскій вковалъ въ ризу иконы Владимірской Божіей Матери „болше тридцать гривенъ злата“. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1146 г. читаемъ: „И ту отступи его Ивачко Берладникъ къ Ростиславу Смоленскому князю, вземъ у Святослава 200 гривенъ серебра, же 12 гривенъ злата“.

О вѣсѣ, пробѣ золотыхъ гривенъ и отношеніи стоимости ихъ къ гривнѣ серебра не имѣется определенныхъ свѣдѣній въ нашихъ письменныхъ памятникахъ. Мнѣнія нашихъ ученыхъ о значеніи денежной золотой гривны не даютъ ничего определенного и ограничиваются догадками. На основаніи постановленія „о безчестіи“, присоединеннаго къ Судебнику Константину, гдѣ гривна золота приравнена 50 гривнамъ кунъ, а гривна серебра — $7\frac{1}{2}$ гривнамъ кунъ, заключаютъ, что гривна золота была равноцѣнна $6\frac{2}{3}$ гривнамъ серебра. Должно замѣтить, что статья „о безчестіи“ не встрѣчается въ Русской Правдѣ и относится, повидимому, къ XIII ст. Кромѣ того, эта статья сама по себѣ составляетъ спорный вопросъ, — ей придаютъ разный смыслъ, и потому было бы слишкомъ смѣло опредѣлять отношеніе стоимости гривны золота къ гривнѣ серебра и кунъ, на основаніи этого пелснаго письменнаго извѣстія. Мрочекъ-Дроздовскій предполагаетъ, что отношеніе серебра къ золоту въ денежныхъ гривнахъ выражалось какъ 1 : 16 или 1 : 17. Это отношеніе выведено имъ изъ лѣтописнаго извѣстія: „и ту

отступи его Иванко Берладникъ къ Ростиславу Смоленскому князю, вземъ у Святослава 200 гривенъ серебра, же 12 гривни золота“¹⁾).

Мрочекъ-Дроздовскій придаетъ частицѣ „же“ значеніе — *что есть, то есть*, откуда и заключаетъ, что 200 гривенъ серебра равны 12 гривнамъ золота или одна гривна золота равна $16\frac{2}{3}$ гривнамъ серебра. Принимая въ соображеніе то предпочтеніе, которое наши предки оказывали серебру передъ золотомъ, нельзя допустить, чтобы въ XII ст. стоимость серебра къ золоту выражалась отношеніемъ $1 : 16\frac{2}{3}$. Въ обозначенное время такого отношенія не было и въ Византіи, гдѣ потребность въ золотѣ была несравненно больше, чѣмъ въ Россіи.

Въ древнихъ кладахъ несомнѣнно случалось находить денежныя золотыя гривны: о подобныхъ находкахъ сохранились болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія въ губерніяхъ Кіевской, Рязанской и на Волыни; но до послѣдняго времени въ нумизматической литературѣ не встрѣчалось никакихъ опредѣленныхъ данныхъ ни о формѣ, ни о вѣсѣ русскихъ золотыхъ гривенъ²⁾. На основаніи лѣтописныхъ извѣстій, нельзя сомнѣваться, что въ XI ст. на Руси уже были денежныя золотыя гривны, но мы ничего не знаемъ ни о вѣсѣ ихъ, ни о качествѣ золота. Древніе клады даютъ намъ указаніе только на то, что золотыя монеты русскаго чекана отличались по своему вѣсу отъ сребренниковъ, и это обстоятельство наводитъ на догадку, что золотыя денежныя гривны отличались по своему вѣсу отъ современныхъ имъ серебряныхъ гривенъ и, кромѣ того, золотыя гривны кіевской денежной системы имѣли иной вѣсъ, чѣмъ золотыя гривны новгородской денежной системы.

Этимъ мы закончимъ сообщеніе о кіевскихъ денежныхъ гривнахъ и въ заключеніе вкратцѣ повторимъ тѣ указанія, которыя даютъ намъ древніе клады для рѣшенія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ, относительно кіевской гривенной системы.

Древніе клады даютъ вещественный матеріалъ для слѣдующихъ выводовъ:

- 1) Въ составъ кіевской гривенной системы не входили кожаныя деньги.
- 2) Первоначально вѣсъ кіевской серебряной гривны имѣлъ близкое сходство съ вѣсомъ 50 серебряныхъ ходячихъ монетъ (диргемовъ и полумилліарезій) и, приблизительно, равнялся византійской полултрѣ серебра.
- 3) До половины XI ст. кіевская гривна серебра и счетная гривна, состоявшая изъ 50 (монетъ) кунъ или рѣзанъ, имѣли одинаковую стоимость, и та и другая безъ всякаго различія называлась „гривною“.
- 4) Позднѣе явилось различіе въ стоимости гриввы серебра и счетной гривны, которую, въ отличіе отъ первой, называютъ *гривною кунъ*.

Измѣненіе въ стоимости гривенъ было вызвано появленіемъ въ обращеніи иныхъ иноземныхъ монетъ, стоимость которыхъ была меньше стоимости диргемовъ и полумилліарезій, число же ихъ въ гривнѣ кунъ оставалось прежнее (50).

¹⁾ Исследования о Русской Правдѣ. Вып. I, стр. 96—97.

²⁾ Вскорѣ послѣ закрытія XI Археологическаго съѣзда, въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Бродскаго рабочіе нашли богатый кладъ, въ которомъ, между прочимъ, оказалось два золотыхъ слитка (гривны) и 13 золотыхъ монетъ, чеканенныхъ въ X и первой половинѣ XI ст. Изъ этихъ монетъ 12 было византійскихъ и одна арабская. Одинъ изъ золотыхъ ситковъ, напоминающій своею формою плитку сургуча, вѣситъ 22 золотника 80 долей, а другой—обрубленный ситковъ, вѣситъ 33 золотника 56 долей. В. Б. Антоновичъ предполагаетъ, что кладъ былъ зарытъ въ землю не позже второй половины или конца XI ст. („Кіевская Старина“. Октябрь, 1899 г., стр. 145—146). А. К. Марковъ, читавшій 16 октября 1899 г. въ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ докладъ объ этомъ кладѣ, относитъ обрубленную золотую гривну къ тому времени, когда обращались кіевскія серебряныя гривны въ 36 золотниковъ, а въ паружной формѣ и вѣсѣ другой, цѣлой гривны находить близкое сходство съ вѣсомъ *современнаго ей* новгородскаго серебрянаго рубля. Если признать послѣднее заключеніе А. К. Маркова правильнымъ, тогда зарытіе клада въ землю должно отнестись не ранѣе какъ къ XIV ст. По моему мнѣнію, двѣ золотыя гривны изъ клада Бродскаго не рѣшаютъ вопроса о древне-русскихъ золотыхъ гривнахъ и нужно подождать новыхъ находокъ, чтобы составить опредѣленное понятіе о золотыхъ денежныхъ единицахъ древней Руси.

O pierwotnej grzywnie menniczej w Polsce i o jej samoistnem podziale.

Przez Wiktora Wittyga.

Do niedawna było mniemanie, że z przyjęciem wiary chrześcijańskiej państwa dopiero zaczynały wybijać monetę pod własnym stęplem, przyjmując razem z chrystyanizmem i systemat monetarny niemiecki Karola W^o. Ostatnie badania wykazały inaczej. W Polsce i do Mieczysława I bito monetę własną i miano własną stopę menniczą.

Profesor Małecki w cennej swej jurydycznej pracy: „Grzywny karne w dawnej Polsce i najdawniejsza nasza grzywna mennicza“ wyjaśnił, że pierwotna u nas grzywna była pięć razy mniejsza od grzywny używanej przed r. 1300, t. j. peryodem groszowym; czyli że gdy grzywna epoki przedgroszowej ważyła 155,85 gm., to grzywna pierwotna—31,17 gm. i tę porównywa z uncyą używaną niegdyś na zachodzie. Następnie sądzi, że taka pierwotna grzywna dzieliła się na 24 pieniążki—skoty, więc każdy pieniążek powinien przecięciowo ważyć po 1,30 gm. i że reformę monetarną, podnoszącą pięciokrotnie wartość grzywny, przeprowadził Kazimierz I około r. 1054, t. j. w tym czasie, kiedy zobowiązał się płacić Czechom haracz w kwocie 500 grzywien srebra i 30 złota za powrócony Szląsk, gdyż uncyami dla malej ich wartości opłacać nie mógł. Wszystko to było by słusznem gdyby do wywodów prof. Małeckiego nie wkradła się pomyłka co do wagi pieniążka przedhistorycznego, do czego zresztą sam się następnie przyznaje, a któremu przyznał wagę 1,21 gm. Pod nazwą pieniążka przedhistorycznego prof. M. powinien był rozumieć cienkie blachmany, zwane półbrakteatami, gdyż innego pieniążka za przedhistoryczny znać nie można, o toż do wagi tego okazy wkradła się omyłka, jedna bowiem odmiana takiego pieniążka bez krzyża, naśladownictwo Doresztadskich, waży przeciętnie 0,15 gm., a z krzyżem—0,31 gm. i ta to różnica wagi zmienia o wiele i czas przeprowadzenia reformy monetarnej z 31,17 gm., na 155,85 gm., a także i sam podział grzywny.

Prof. Piekosiński, w swej pracy „Moneta polska w dobie piastowskiej“ rozwija teorie D^{ra} Małeckiego, przeprowadza niektóre zmiany poglądów, podnosząc wagę grzywny pierwotnej

¹⁾ *Literatura:* I. *Małecki*. Biblioteka Warszawska. Kwiecień. 1893. II. *Przyborowski* Biblioteka Warszawska. Czerwiec. 1893. III. *Wittyg*. Ateneum. Czerwiec. 1893. IV. *Piekosiński*. Wydawnictwa Akademii umiejętności. 1898. Kraków.

do 40 gm., dla przyczyny, że falszywą monetę z runicznymi napisami, roboty zdaje się że Przeszkodzińskiego z połowy tego wieku, uważa za oryginalny wiardunek, słowo spolszczone z niemieckiego *ferding*, który w epoce Bolesławowskiej egzystować nie mógł; następnie przyznaje, że Mieszko I bije denary naśladownictwo Doresztadskich Karola W^o, że Kazimierz I monet w ogóle nie wybija i że jeszcze w XII wieku w Polsce bito monetę z grzywny pierwotnej, t. j. 40 gramowej. D-r Piekosiński jest znakomitym archeologiem, heraldykiem—lecz nie numizmatykiem, nad którą poważnych studiów nigdy nie czynił, lecz wprawdzie posilkując się dokumentami i na podstawie analizy poczynił bardzo cenne wywody co do monet epoki Jagiellońskiej z XIV i XV w.—i tyle.

Wstęp ten uważaliśmy za niezbędny, ażeby chociaż w krótkości zaznajomić sz. p.p. z literaturą, zanim przystąpimy do studyów ściśle numizmatycznych, opartych na analizie. Pięciokrotne powiększenie grzywny, według nas, mogło tylko nastąpić za Mieszka I, a waga grzywny pierwotnej może się tylko odnosić do pieniązków tak zwanych przedhistorycznych, co postaramy się niżej udowodnić.

W X—XI wieku w Polsce w ogóle moneta była w użyciu niewielkim, zastępowały ją pewne surrogaty: bydło, skury zwierzęce, sól i. t. d.; metal był przedmiotem rzadkim—przez co drogim; kopalń własnych nie było. Metal stanowił również surrogat, lecz, jako dający się łatwo dzielić na cząstki, dogodniejszy od innych. Jednostką tego surrogatu była grzywna, wagi 31,17 gm.—do 32 gm., dzielona na cząstki, stanowiące ów przedhistoryczny pieniążek bez krzyża, wagi 0,15 gm., t. j. że oznaczoną grzywnę dzielono na 200 takich pieniązków, które to pieniążki są właściwie przedhistoryczne, bite na wzór denarów doresztadskich Karola; bito je przed wprowadzeniem wiary chrześcijańskiej, jak to udowadniają wykopaliska. Takie same pieniążki z wizerunkiem krzyża mają 0,31 gm., a za tem z tej samej grzywny musiano wybijać tylko 100 okazów i trzeba je odnieść do panowania Mieszka I, tylko że musiały być bite wkrótce po przyjęciu wiary chrześcijańskiej, jak to wskazuje krzyż na nich umieszczony. W obudwu razach widzimy, że grzywna dzieli się na 100 części (ułamki wagi odrzucamy, gdyż moneta bita *al marca* nigdy nie może być matematycznie ścisłą co do wagi), z czego wynika, że podział pierwotnej grzywny polskiej był setny—więc samoistny.

Jdźmy dalej. Mieszko I, przyjąwszy wiarę chrześcijańską, wszedł w stosunki z dworem cesarskim, a tem samem zapewne i w ściślejsze stosunki handlowe z Niemcami; nie raz musiał dawać podarunki w przedmiotach i pieniądzech ludziom wpływowym na dworze cesarskim; widział on monetę niemiecką, która była cięższą od jego własnej i dla ułatwienia stosunków na dworze cesarskim, a może być, że i handlowych, mógł rozkazać porównać wagę pieniążka polskiego z niemieckim. Niemiecki pieniążek od polskiego był cięższym pięć razy, więc dla zrównania walurowego należało i polski o tyleż powiększyć; a ponieważ z grzywny 31,17 gm. bito 100 pieniązków, wających przecięciowo każdy około 0,31 gm., więc i samą grzywnę należało powiększyć pięć razy, t. j. $31,17 \times 5 = 155,85$ gm., by otrzymać pieniążek wający około 1,55 gm. Wątpimy by Mieszko I przejął od Niemców cały systemat monetarny Karola W^o, chodziło mu bowiem tylko o ujednostajnienie dobroci monety polskiej z monetą Zachodu, więc Mieszko powiększa grzywnę polską pięć razy, pozostawiwszy podział grzywny dawny, t. j. setny. I rzeczywiście, pieniążek Mieszka I waży 1,50 gm., a gdy uwzględnimy procent na zużycie i to, że moneta była bitą *al marca*, to z takiej podwyższonej grzywny, t. j. z 155,85 gm. otrzymamy również 100 pieniązków; gdyż jeżelibyśmy nawet przyjęli podział grzywny o wadze 31,17 gm. na 24 pieniążki, jak tego chciał p. Malecki, to i w takim razie grzywna utworzona z takich pieniązków, wazyła by brutto 41 gm., a netto 38,44 gm., ponieważ monetki Mieszka I są bite z XV (90) próby

srebra, co nawet bez uwzględnienia procentu na możliwe zużycie monety, wprost sprzeciwia się samej wadze grzywny.

Wiemy z przykładów późniejszych, że przy zmianie systematu monetarnego, następnie moneta co do wagi, osobiście zaś co do dobroci ziarna srebra stawała się gorszą. Przyczyną tego była chęć osiągania coraz większych zysków z bicia monety, albo też konieczność zastosowania się do państw sąsiednich, które, deprecjonując swą monetę, wylawiały u sąsiadów dobrą, zamieniając ją na monetę przez nich bitą o niższej próbie srebra, t. j. wzbogacali się krzywdą sąsiadów, a tem samem przymuszali ich do zrównania i ujednostajnienia waloru monety w proporcji do monety bitej przez państwa sąsiednie, ponieważ wówczas moneta była kosmopolityczną. I w danym wypadku widzimy to samo. Po śmierci Mieszka Bolesław Chrobry bije również ciężkie pieniążki, lecz późniejsze, z napisem: REX BOLESLAVS, już są cokolwiek lżejsze, dochodzą do 1,25 gm. i w ogóle moneta w tym okresie zaczyna się pogarszać.

Pieniążki tak zwane wendyjskie, bito je u zachodnich słowian i u Sasów, mają już niższą wagę, począwszy od 1,30 gm. spadają do 0,75 gm. i próba srebra z XIV (84) obniża się do VII (42). Nieulega wątpliwości, że większa ich część wyszła z mennic polskich. Nie mamy tu zamiaru wyczerpywać tę kwestję, zajęła by ona nam za wiele czasu i ostatecznie nie o te pieniążki chodzi tu głównie; zaznaczymy więc tylko, że były one bite w całej zachodniej słowiańszczyźnie, a zatem i w Polsce, począwszy prawdopodobnie jeszcze od Mieszka II—aż do połowy panowania Bolesława II Śmiałego, t. j. mniej więcej blisko przez lat pięćdziesiąt, jak tego dowodzą wykopaliska. Zjawia się tu samo przez się pytanie, czy można przypuszczać, aby w tak krótkim czasie nastąpiło tak wielkie zdeprecjonowanie monety, równające się niemal połowie jej wartości (ciężkie dochodzą do 1,30 gm. i te mają XIV próbę srebra, kiedy najlżejsze, ważące około 0,75 gm., dochodzą zaledwie XII próby)? Przecież później, od czasów Bolesława III Krzywoustego, potrzeba było całych stu lat, ażeby moneta spadła mniej niż o połowę swej wartości! Poprobujmy tę kwestję wyjaśnić: Kazimierz I wychowany na zachodzie i nawskroś przejęty tą kulturą, pierwszy mógł zmienić starodawny podział grzywny setny. Nie darmo nazywa się on odnowicielem: zaprowadzał u siebie w kraju porządki widziane na zachodzie, więc możebna, że razem z tymi porządkami, umyślił wprowadzić i podział grzywny na 24 części, z których mógł kazać wybijać 240 pieniążków, odpowiadających wagą i dobrocią wewnętrzną zagranicznym; a to tem łatwiej było mu uczynić, że zagranicą moneta spodłala, więc i w Polsce, obniżywszy jeszcze cokolwiek jej wartość, z grzywny czystego srebra 155,85 gm., otrzymano 240 pieniążków po 0,65 gm. czystego srebra w każdym; wagi grzywny nienaruszono przez to, a zastosowano się do Zachodu. Temu podziałowi odpowiadają monetki ważące niżej grama — aż do 0,75 gm., jeżeli uwzględnimy znizenie próby srebra, to i one będą stanowić $\frac{1}{240}$ część grzywny ważacej 155,85 gm. Z tego wynika, że tak zwane monetki wendyjskie, ważące 1,30 gm. i znizające się do 1 gm., a trzymające XIV próbę srebra, powinny być uważane jako bite jeszcze według podziału grzywny setnego, a mające wagę niższą od grama i trzymające XII próbę srebra i niższą, powinny być zaliczone do monet bitych po przeprowadzeniu reformy monetarnej na 240 denarów z takiej samej grzywny. Jeżeli byśmy bowiem ten rodzaj monetek, ważących wyżej grama, uznali za bite po przeprowadzeniu reformy monetarnej, to by one nie odpowiadały wadze grzywny monet czystego srebra, gdyż 240 pieniążków, ważących każdy po 1,30 gm. stanowił by brutto 312 gm., a uwzględnivszy XIV próbę srebra—netto 273 gm., a za tem były by cięższe od wagi samej grzywny; tymczasem przy podziale setnym, mają one brutto 130 gm., a netto 113,75-gm., co odpowiada grzywnie wagi 155,85 gm., przyjąwszy na uwagę stopniowe podlenie grzywny monety; przeciwnie zaś, monetki ważące około 0,75 gm., próby XII, znowu odpowiadają nowemu podziałowi grzywny na 240 denarów, rozumie się, z uwzględ-

nieniem przypuszczalnej mniej więcej wagi pieniązka, gdyż waga one brutto 180 gm., a netto — 135 gm.

Następcy Kazimierza I, aż do wprowadzenia systemu groszowego, t. j. do r. 1300, utrzymują tę samą wagę grzywny i ten sam jej podział, tylko moneta stopniowo pogarsza się coraz bardziej i z grzywny coraz więcej wybijają monetek.

Tak więc, dzięki juredycznej pracy D[™] Maleckiego, który wykazał nam wagę grzywny polskiej przedhistorycznej, możemy obecnie twierdzić: że pierwotny systemat monetarny w Polsce był samoistny; że podział pierwotnej grzywny naszej, ważącej 31,17 gm., był setny; że Mieszko I powiększył wagę grzywny pięć razy, utrzymawszy ten sam podział setny; wreszcie zaś, że Kazimierz I Odnowiciel, zaprowadzając porządek w kraju na wzór zachodnich, mógł tylko pierwszy wprowadzić podział grzywny na 24 szęści, podział utrzymany nawet i w peryodzie groszowym pod nazwą *scotus* i z takiej grzywny wybijać 240 denarów.

Гдѣ находились города Липецкъ и Ворголь, а также и другія мѣста, упоминаемыя въ лѣтописяхъ подѣ 1283—1284 гг.?

А. И. Бунина.

Въ лѣтописяхъ¹⁾, подѣ 1283—1284 гг., находится подробный рассказъ о событіяхъ, происходившихъ въ юго-восточной украинѣ, при чемъ упоминаются города: Курскъ, Рыльскъ, Липецкъ и Ворголь, бывший въ княжествѣ Рыльскомъ, двѣ слободы, заведенныя баскакомъ Ахматомъ, въ княжествахъ Рыльскомъ и Липецкомъ, с. Туровъ и лѣса Воронежскіе; но географическое положеніе большей части изъ свѣхъ мѣстъ точнымъ образомъ еще не опредѣлено, а потому не представляется возможности составить ясное понятіе о томъ, гдѣ именно происходили изложенныя въ этомъ рассказѣ событія.

Изъ числа означенныхъ городовъ: *Курскъ* существуетъ и теперь, хотя онъ по совершенномъ раззореніи въ татарское время, построенъ уже вновь въ 1586 г., но несомнѣнно на старомъ городищѣ; а что касается предположенія²⁾, что первоначально онъ находился на р. Рати, гдѣ донынѣ уцѣлѣлъ валъ, то это едва ли можетъ быть признано основательнымъ, потому что самое названіе города, — отъ р. Куръ, при которой онъ находится, — показываетъ, что онъ и прежде былъ на этомъ же мѣстѣ; *Рыльскъ* также существуетъ и теперь, и уцѣлѣлъ во все татарское время, несмотря на неоднократныя раззоренія всего окрестнаго края. Такимъ образомъ мѣстоположеніе этихъ двухъ городовъ, во время событій 1283—1284 гг., не можетъ подлежать сомнѣнію.

Мѣстоположеніе г. *Липецка* опредѣляется историками различно. Карамзинъ (И. Г. Р. IV, прим. 166) говоритъ, что этотъ городъ, вѣроятно, былъ тамъ же, гдѣ и нынѣ, основанный на какихъ-то старыхъ развалинахъ. Но теперешній Липецкъ (Тамб. губ.) на р. Воронежѣ, находится въ краѣ, бывшемъ, со времени первоначальнаго раздѣленія Руси на удѣлы, постоянно во владѣніи князей Рязанскихъ, тогда какъ княжество Липецкое составляло удѣлъ одной изъ отраслей сѣверскихъ Ольговичей. Соловьевъ (И. Р. I, 899) замѣчаетъ, что у Татищева, вмѣ-

¹⁾ Лавр., изд. 1872 г., стр. 457—459; П. С. Р. Л. VII, 177; X, 162—165; Лѣт. служ. прод. Нест., 49—53; Львов. II, 54—56; Татищевъ. И. Р. IV, 62—68.

²⁾ Городецк. поселенія въ Россіи, III, 6.

сто Липецкій, поставлено сперва Ливецкій и потому, быть может, здѣсь надобно разумѣть Ливны Орлов. губ., вмѣсто Липецка Тамбовскаго. Но у Татищева въ другихъ мѣстахъ названіе этого города и княжества пишется различно, при томъ г. Ливны поставленъ уже Московскимъ правительствомъ въ 1586 г., для защиты отъ татарскихъ набѣговъ, у перелаза чрезъ р. Быструю Сосну, къ которому сходились дороги: Муравская, Изюмская и Калміуская. Преосв. Филаретъ (Ист.-стат. опис. Харьк. еп. III, 279—280) указываетъ, какъ на Липецкое городище, мѣсто въ 2 в., отъ г. Сумъ, наз. городищемъ, на крутой горѣ, при подошвѣ которой течетъ р. Пселъ; въ подтвержденіе чего приводитъ, изъ переписи русскихъ сторожъ 1571 г., выраженіе: „А Пселъ перелѣзти у Липецкаго городища, да на верхъ Боровни“. Но ссылака эта приведена въ значительномъ сокращеніи росписанія пути сторожевой станицы, съ пропускомъ такихъ подробностей, которыя имѣютъ существенное значеніе при опредѣленіи мѣстоположенія упомянутого въ ней Липенска, а съ другой стороны, при переправѣ черезъ Пселъ, въ указываемомъ мѣстѣ, для дальнѣйшаго движенія станицы до вершины р. Боровни, надобно было бы переходить нѣсколько рукавовъ Псла и озера, затѣмъ довольно значительный лѣвый притокъ Псла — р. Сыроватку, — чего въ росписаніи пути не упоминается, тогда какъ такія росписанія составлялись съ обозначеніемъ всѣхъ подробностей, и, наконецъ, вся мѣстность на сказанномъ пространствѣ лѣсистая, а это препятствовало бы станицѣ наблюдать за движеніями татаръ, что составляло цѣль, съ которою она постоянно передвигалась по назначенному ей пути. Все это приводитъ къ заключенію, что переправа сторожевыхъ станицъ черезъ Пселъ производилось не здѣсь, а потому и означенное городище не могло быть Липенскимъ.

При обзорѣнн мною, года четыре тому назадъ, этой мѣстности оказалось, что *городищемъ*, по словамъ одного изъ мѣстныхъ жителей, называется узкая полоса земли до 8 саж. шириною, составляющая подоль праваго, нагорнаго берега Псла, которая, начинаясь въ 2 в. къ сѣверу отъ Сумъ, при впаденіи р. Ольшаны въ Пселъ, тянется внизъ по его теченію версты на 1½. На всемъ протяженіи этой полосы находится четыре хаты и никакихъ признаковъ земляныхъ укрѣпленій не существуетъ. Почему эта мѣстность назыв. городищемъ — неизвѣстно, и если на ней былъ прежде городъ, то такъ давно, что о немъ никакого преданія не сохранилось. На горѣ мѣстность уже не называется городищемъ и никакихъ признаковъ когда-либо бывшихъ валовъ не замѣтно. Но, при осмотрѣ канавы, которою на значительномъ протяженіи обрыты отъ поля гряды съ овощами, замѣчено, что она на всей своей глубинѣ, болѣе 1½ арш., разрѣзаетъ культурный слой, состоящій изъ черепковъ кухонной посуды, угольевъ и осколковъ кирпича, — что свидѣтельствуетъ, что тутъ нѣкогда и въ продолженіи очень долгаго времени находилось поселеніе и можетъ быть городокъ, въ видѣ острога или рубленый; при такой же слабости укрѣпленія трудно допустить, чтобы этотъ городокъ могъ быть стольнымъ княжескимъ городомъ, какимъ былъ Липецкъ, который, при разореніи края татарами въ 1283 г., не былъ ими взятъ, слѣдовательно представлялся весьма крѣпкимъ, и въ 1284 г., по смерти кн. Святослава, былъ занятъ братомъ его Александромъ.

Обращаясь къ опредѣленію мѣстоположенія *Липенскаго городища*, упоминаемаго въ росписаніи 1571 г. пути сторожевой станицы, приводимъ относящееся сюда мѣсто полностью: „Отъ Путивля станицамъ перевестись Семь въ Дороголивѣ, на усть Вира, да ѣхати Виромъ вверхъ, да перелѣзти *Виръ* у *Хосотина* на усть *Руды*, да ко *Пслу*, а Пселъ перелѣзти у *Липенскаго городища*, да въ *проходы*, да на верхъ *Боровни*, да Боровнею на низъ, да черезъ колодезь *Рядомъ*, да въ *Ворсклу*, а Ворсколь перелѣзти у *Буенъ Борку* въ *Лосицахъ*“. (Акты Моск. Гос. I, 13, и, согласно съ симъ, у Бѣляева: О стор. и стан. службѣ, 13, откуда взято извлеченіе у Филарета).

По соображеніи этого росписанія съ 3 вер. Военно-топогр. картой (pp. XXI л. 12 и 13 и XXII л. 13), я полагаю, что здѣсь подъ словомъ *Хосотинъ* слѣд. разумѣть— *Лослтинъ*, — какъ нынѣ наз. лѣсъ, подоходя $\frac{1}{2}$ в. до дер. Николаевки; *Руда*, — рѣчка, правый притокъ Вира, при устьѣ коей наход. д. Николаевка; *проходы*, — гребень между вершинами рѣчекъ и овраговъ, направляющихся: съ лѣвой стороны къ р. Сыроваткѣ, а съ правой — къ р. Боромлѣ: *Боровня*, — р. Боромля; колодезь *Рядомъ*, — рч. Радомля¹⁾, лѣвый притокъ Боромли; *Буенъ Борокъ*, — лѣсъ на лѣвой сторонѣ Ворсклы, противъ впаденія въ нее Боромли; и *Лосицы*, по свидѣтельству Филарета, бывший Лосицкій острогъ, на мѣстѣ коего нынѣ с. *Литовка*, около того же лѣса (III, 57—59 с.).

Такимъ образомъ путь сторожевой станицы, согласно означеннаго росписанія, направлялся отъ устья р. Вира, лѣвой стороною этой рѣки, вверхъ ея теченія и пересѣкалъ ее у дер. Николаевки, далѣе шелъ по гребню между вершинами оврагомъ и pp. Сумки, Гуски, Ильмы и Стрѣльны, — съ лѣвой стороны и р. Сулы до ея вершины, а затѣмъ р. Ворожбы, — съ правой; недоходя верстъ 4-хъ до слоб. Сумской Ворожбы, онъ пересѣкалъ р. Пселъ, далѣе направлялся на востокъ проходами (гребнемъ) къ верховью р. Боромли, огибалъ его у д. Видневки, затѣмъ слѣдовалъ лѣвою стороною р. Боромли, пересѣкалъ р. Радомлю и близъ устья Боромли переходилъ черезъ р. Ворсклу у Лосицкаго острога.

На этомъ пути, передъ переправой черезъ Пселъ, въ 4 вер. къ сѣверу отъ Сумской Ворожбы, станица должна была проходить около урочища наз. *городокъ*. Это, какъ свидѣтельствуеъ преосв. Филаретъ, круглая гора, высотой до 40 саж., съ южн. стороны утесистая какъ скала, а съ трехъ другихъ окруженная холмами, поросшая густымъ полустроевымъ лѣсомъ и открытою стороною обращенная на югъ. Внутреннее пространство городка заключаетъ въ себѣ не менѣе 3 дес. На С. и З. его плоскости идетъ валъ, понинѣ въ вышину 2 арш., а въ ширину 3 арш.; на срединѣ плоскости въ разныхъ мѣстахъ разбросаны насыпи, отъ которыхъ, прямо на югъ, къ лугу, былъ тайный выходъ, слѣды коего замѣтны понинѣ; въ самомъ валѣ была, говорятъ, пещера, нынѣ засыпанная (Ист.-ст. опис. Харьк. оп. 513—514).

Городокъ этотъ, находящійся къ югу отъ Сумъ въ 20 вер., и надобно признать за *Липецкое городище* разсматриваемой описи, а принимая во вниманіе, что, по названію, оно имѣетъ близкое сходство съ лѣтописнымъ Липецкомъ, что оно занимаетъ довольно значительное пространство и что его защищаетъ земляной валъ, который, несомнѣнно, былъ въ древнее время болѣе значительной высоты и имѣлъ надъ собою деревянное укрѣпленіе, въ видѣ рубленнаго города, — представляется весьма вѣроятнымъ, что городище это есть остатокъ стольнаго княжескаго города *Липецка*.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ самой слободѣ Сумской Ворожбѣ одна улица, отдѣльнаго отъ слободы и расположенная на обрывистой горѣ, какъ свидѣтельствуеъ преосв. Филаретъ, издавна наз. *городищемъ*; но неизвѣстно, почему она такъ называется: потому ли, что здѣсь былъ городокъ первыхъ поселенцевъ казаковъ, или здѣсь было укрѣпленіе болѣе древняго времени (тамъ же). Но такая узкая полоса, какою представляется это городище, едва ли можетъ быть признана за остатокъ княжескаго города, а потому будетъ болѣе основательно принять за Липецкое городище описанный выше городокъ, въ 4 в. отъ Сумской Ворожбы.

Что же относится до того, что это Липецкое городище находится въ краѣ, входившемъ первоначально въ составъ Переяславскаго княжества, то край этотъ уже въ половинѣ XII ст. принадлежалъ княжеству Сѣверскому. Такъ г. Вырь, на старомъ городищѣ котораго нахо-

¹⁾ По кн. В. Черт. 3 и 5 стр., колодезьями наз. малая рѣчка.

дится теперешній г. Бѣлополье (Филар. Ист.—ст. опис. Харьк. еп. III, 407, 413—414), былъ въ 1160 году удѣломъ кн. Изяслава Давидовича; принадлежащій къ этому удѣлу г. *Зарытый* находился, вѣроятно, на мѣстѣ означеннаго выше городища въ 2 в. къ С. отъ Сумъ, что можно заключать изъ того, что когда, послѣ неудачнаго нападенія на Черниговъ, Изяславъ возвратился въ Вырь и оттуда пошелъ *въ поле*, то Святославъ Черниговскій съ Владимиромъ, преслѣдуя его, пожгли сначала посадъ около *Выря*, а потомъ пришли къ *Зарытому*, пожгли также и его. (Ип. 348 и 354 сс.). Владѣнія Сѣверскихъ князей простирались, кажется, и еще ниже по теченію Псла, что дастъ поводъ полагать находящееся въ Миргородскомъ уѣздѣ мѣст. *Устивица*¹⁾, которое могло быть удѣломъ кн. *Устивскаго* Всеволода, внука св. Михаила Черниговскаго (Ср. Зотова. О черниг. князяхъ по Любецкому синод. 109, 111).

Мѣстоположеніе г. *Воргла* опредѣляется также различно. Карамзинъ (И. Г. Р. IV, прим. 166) говоритъ, что это нынѣ село Елецкаго уѣзда, но не упоминаетъ, чтобы въ немъ сохранились остатки прежде бывшаго города; притомъ мѣстность этого села²⁾, находящ. въ 7 вер. отъ г. Ельца, также какъ и этотъ послѣдній, входила въ составъ владѣній Карачевского княжества и самый Елецъ впоследствии былъ стольнымъ городомъ особой отрасли, отдѣлившейся отъ Карачевскихъ,—кн. Елецкихъ. Соловьевъ (И. Р. I, 899) признавая, что Елецкій Ворголь далеко отъ Рыльска, высказываетъ мнѣніе: не Вольговскій ли? (Льговъ и Вольговъ—естественно); но Льговъ уже новый городъ, образовавшійся изъ монастырской слободы. (Городск. посел. Рос. III, 30 с.). Преосв. Филаретъ (Ист.—стат. оп. Черн. еп., VII, 323 с.) указываетъ на с. Ворголь Глухов. у.³⁾, какъ на существовавшее еще до татаръ и бывшее однимъ изъ удѣльныхъ городовъ Сѣверскаго княжества, но не объясняетъ существуютъ ли въ этомъ селѣ остатки прежде бывшаго города. Такихъ остатковъ, какъ видно изъ собранныхъ Д. Я. Самоквасовымъ свѣдѣній о городищахъ въ Черниговской губ., въ самомъ с. Ворглѣ не существуетъ; но въ 2 в. къ югу отъ него, надъ лугомъ р. Клевени, находится *городище*, расположенное на высококомъ мысѣ и состоящее изъ двухъ насыпей, лежащихъ рядомъ и раздѣленныхъ рвомъ, а величиною площади болѣе 1000 шаговъ въ окружности. (Древн. города Россіи, прил. 7 стр.). Соображая мѣстонахожденіе сего городища съ лѣтописными данными, относящимися къ г. Ворглу находимъ, что этотъ городъ былъ исходнымъ пунктомъ для Нагаевыхъ татаръ, при раззореніи ими княжествъ Рыльскаго и Липецкаго, при чемъ одни отряды татаръ погнались за князьями: Олегомъ Рыльскимъ, бѣжавшимъ въ Орду (Волжскую) къ хану Телобугѣ, и Святославомъ Липецкимъ, бѣжавшимъ въ лѣса Воронежскіе, но не догнавши князей они возвратились, а другіе отряды заняли все пути въ означенныхъ княжествахъ и воевали въ нихъ въ продолженіи 20 дней, наполняя слободы Ахматовы захваченными людьми, скотомъ и всякимъ другимъ имуществомъ Воргольскимъ, Рыльскимъ и Липецкимъ. Принимая во вниманіе, что Нагасва орда кочевала въ Черноморскихъ степяхъ и что, слѣдовательно, наступленіе татарской рати было произведено съ юга, можно было бы предполагать, что г. Ворголь находился на мѣстѣ означеннаго городища, какъ лежащаго на прямомъ пути отъ г. Липецка къ лѣсамъ Воронежскимъ, въ которые бѣжалъ преслѣдуемый татарами кн. Святославъ; но при этомъ необходимо принять въ соображеніе, что г. Ворголь принадлежалъ къ составу Рыльскаго княжества и постоянно упоминается въ непосредственной связи съ

¹⁾ По Сп. нас. м. Полт. губ. № 3102, мѣст. Устивица, при р. Пселѣ, съ 754 дв. и 4251 д. об. п.

²⁾ По Сп. насел. м. Орловской губ. № 1347, с. Георгіевское—Ворголь Нижній, при р. Ворглѣ, 119 дв. и 1349 д. обоего пола.

³⁾ По Сп. нас. мѣст. Черниг. губ. № 609, село Ворголь, при рч. Ворглѣ, 61 дв. 605 об. и. душ.

г. Рыльскомъ, означенное же городище находится въ отношеніи Рыльска, также какъ и путей ведущихъ съ юга, за землями княжествъ Путивльскаго и Глуховскаго, составившихъ особыя владѣнія, въ которыхъ сидѣли свои удѣльные князья (Зотовъ, О Черниг. князьяхъ по Любецк. синод. 192—3 с.); въ виду чего, если бы Ворголь находился на мѣстѣ сказаннаго городища, то, по разореніи его окрестностей, при переходѣ татаръ черезъ княжества Путивльское и Глуховское, для разоренія окрестностей Рыльска, неизбѣжно должны были бы подвергнуться такой же участи и названныя княжества, а между тѣмъ они остались нетронутыми; равнымъ образомъ они оставались нетронутыми и прежде того, когда производились грабежи около Рыльска и Воргла жителями Ахматовыхъ слободъ. Поэтому означенное городище нельзя признать соответствующимъ всѣмъ лѣтописнымъ даннымъ, относящимся къ гор. Ворглу; принимая же въ соображеніе, что при обозначеніи мѣстностей, въ которыхъ жители Ахматовыхъ слободъ производили грабежи, въ лѣтописяхъ они перечисляются въ такомъ порядкѣ: Курское княженіе, окрестности Воргла, окрестности Рыльска и окрестности Липецка, — надо полагать, что Ворголь находился между Курскомъ и Рыльскомъ. Подтвержденіемъ этому можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ описанія дорогъ, составленнаго по осмотру ихъ въ 1637 г.: „А промежь Семи Пузатой и Пузацкаго лѣсу сакма татарская лежитъ въ Курскіе и *Воргольскіе* мѣста и въ Кромскіе мѣста на Оржаное поле“¹⁾. Имѣя въ виду, что подъ упоминаемыми здѣсь: Семью Пузатой разумѣется верховье р. Сейма, а подъ Пузацкимъ лѣсомъ, — лѣсъ находящійся около тепер. с. Пузачи (въ 15 в. къ югу отъ г. Тима), черезъ который проходила Муравская дорога (Кн. Больш. Черт., изд. 1838 г., стр. 6, 86), слѣдуетъ признать, что означенная сакма, отдѣляясь отъ Муравской дороги, направлялась къ сѣверо-западу, а такъ какъ она проходила сначала Курскими мѣстами, а потомъ уже Воргольскими, то г. Ворголь долженъ былъ находиться къ западу отъ Курска²⁾. Принимая за симъ въ соображеніе, что г. Ворголь входилъ въ составъ Рыльскаго княжества, которое, какъ видно изъ переписныхъ писцовыхъ книгъ Рыльскаго у. 1678 г., заключало въ себѣ пространство, состоящее изъ большей части нын. Рыльскаго у. (кромѣ ю. и ю.-з. части его, входившей въ составъ Путивльскаго у.) и нын. уу. Львовскій и Дмитровскій, — сказанный городъ надобно искать на этомъ пространствѣ; но въ означенныхъ переписныхъ книгахъ населеннаго пункта съ такимъ названіемъ не встрѣчается; равнымъ образомъ и въ Сп. насел. мѣстъ Курской губ. на всемъ обозначенномъ пространствѣ не встрѣчается ни селенія, ни урочища, ни городища, которое бы своимъ названіемъ указывало на мѣсто бывшаго г. Воргла, а посему слѣдуетъ заключить, что остатки этого города представляются въ настоящее время въ видѣ ненаселеннаго городища въ Львовскомъ или Дмитріевскомъ уу.

Воронежскіе лѣса, въ которыхъ укрывался Липецкій кн. Святославъ во время нашествія татаръ, простырались, какъ и нынѣ, къ сѣверо-западу отъ Липецка, за р. Сеймомъ и наз. такъ по мѣст. Воронежу, которое находится къ сѣверо-западу отъ Глухова, близъ границы съ Кролевецкимъ у. и по словамъ преосв. Филарета принадлежитъ къ числу селеній до-татарскихъ (Ист.—ст. опис. Черн. еп. VII, 338 с.).

¹⁾ Матер. для истор. и колониз. и быта Харьк., Курск. и Ворон. губ. Д. И. Багаля. Т. 2-й, стр. 11.

²⁾ Относительно означенной татарской сакмы слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ конечной мѣтностью ея указывается въ Кромскихъ мѣстахъ Оржаное поле, подъ коимъ надобно разумѣть окрестности теп. с. Оржаное поле, при верх. рч. Оптушки (Мценскаго у., къ югу отъ города, по Спик. № 3503), то это была сакма, которая, по отдѣленіи отъ Муравской дор., выходила потомъ на Пахвутцкову дор. (Кн. В. Черт. 86—7) и ею продолжалась на упомянутое Оржаное поле; эта же дорога проходила только частію черезъ Курскія мѣста и потомъ принимала сѣверное направленіе, а посему, чтобы пройти въ мѣста, расположенныя къ западу отъ Курска, отъ нея должна была отдѣляться особая вѣтвь, которая шла по водораздѣлу между лѣвыми притоками р. Свапы и правыми притоками р. Сейма.

Село Туровъ упоминается какъ послѣднее селеніе, въ которое пришли татары изъ Воргла, по раззореніи Рыльскаго и Липецкаго кн—хъ. (Лавр. 457). Для соображенія могутъ быть указаны сходныя по названіямъ: д. Тураевка на р. Амонѣ и с. Туранское, оба находящіяся къ с. отъ Рыльска, въ 12 и 19 вв. (Списки нас. м. №№ 2009, 2033) и д. Туровка при рч. Туровкѣ, близъ ея впаденія въ р. Пселъ (№ 1631), находящаяся въ 10 в. къ западу отъ г. Обояни. Такъ какъ, по смыслу лѣтописи, с. Туровъ должно находиться на окраинѣ названныхъ княжествъ, и отъ него татары отправились прямо въ Орду, то болѣе другихъ будетъ соответствующимъ послѣднее изъ означенныхъ селеній.

О *двухъ слободахъ* заведенныхъ баскакомъ Ахматомъ въ лѣтописяхъ имѣются указанія, что они были поселены на земляхъ княжествъ Рыльско-Воргольскаго и Липецкаго; были многолюдны какъ города и что въ нихъ возводились укрѣпленія; а имѣя въ виду, что жители ихъ, состоящіе изъ разнаго сброда, производили грабежи и раззоренія въ Курскомъ княжествѣ и около городовъ Воргла, Рыльска и Липецка, — надобно полагать, что эти слободы находились на пространствѣ между названными городами, слѣдовательно между верхними теченіями рр. Сейма и Псла. Принимая же во вниманіе, что г. Суджа поставленъ, по преданію, на старомъ татарскомъ городищѣ¹⁾, можно признать вѣроятнымъ предположеніе (Гор. посел. Росс. III, 52 с.), что на мѣстѣ этого городища находилась прежде одна изъ означенныхъ слободъ, другая же должна была находиться къ западу отъ этой, гдѣ-нибудь около р. Сейма, можетъ быть при впаденіи въ нее р. Свагости. Въ подтвержденіе этого соображенія служитъ то, что кн. Святославъ изъ своего Липецка, лежащаго на югѣ, имѣлъ возможность нападать на сообщеніе между слободами; такъ онъ подстерегъ и ударилъ на слобожанъ, шедшихъ изъ одной слободы въ другую, а затѣмъ жители обѣихъ слободъ, изъ боязни нападенія его на самыя слободы, всѣ бѣжали въ Курскъ.

¹⁾ Изъ одной отписки 1644 г. о движеніи татаръ видно, что городище это наз. *Поанымъ* (Ак. Моск. гос. 1), 140 с.), что въ старинномъ смыслѣ однозначаще съ татарскимъ.

Съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Руси способъ защиты таборомъ?

Проф. П. В. Голубовскаго.

Общеизвѣстенъ способъ защиты „таборомъ“, примѣнявшійся съ такимъ успѣхомъ казаками на югѣ Руси. Хотя извѣстія о примѣненіи этого способа на югѣ Россіи не восходятъ къ отдаленной древности, и если мы не ошибаемся, не древнѣе XVI в., но самый фактъ существованія *таборнаго* то есть, *возоваго* способа защиты, несомнѣнно, древнѣе самыхъ извѣстій. Въ самомъ дѣлѣ, историческіе источники умалчиваютъ о многомъ и многомъ такомъ, что въ дѣйствительности существовало. Не всегда на молчаніи источниковъ, какъ извѣстно, можно основывать мнѣніе о существованіи или несуществованіи того или иного историческаго факта. Можно было-бы привести цѣлый рядъ примѣровъ, когда молчаніе источниковъ не выдерживаетъ критики. Для провѣрки молчанія источниковъ должны служить другія обстоятельства, при томъ, конечно, такія, которыя имѣютъ характеръ неизблемости, постоянства и въ своемъ *ensemble* даютъ согласное указаніе. Источники, ихъ авторы, говорятъ только о томъ, о чемъ имъ нужно или хочется сказать, а потому упоминаніе о тѣхъ или иныхъ историческихъ фактахъ, или умолчаніе о нихъ, являются совершенно случайными, особенно, если это факты бытоваго характера, какимъ является *таборная* или *возовая* защита.

Но теперь я долженъ нѣсколько оговориться. Я употребляю названіе „таборъ“ потому, что это названіе общеизвѣстно. Но это вовсе не значитъ, что такимъ именемъ называли это боевое построеніе во всѣ времена. Иногда понятія мѣняютъ слова, служація ихъ выраженіемъ. Такъ понятіе лагеря выражается въ разное время на Руси различными словами: *товары*, *станъ*, *коши* ¹⁾. Какъ безразлично мы могли-бы для *общаго* понятія *лагерь* употреблять

¹⁾ Когда въ 992 г. Печенѣжскій князь предложилъ Владиміру св. кончить войну единоборствомъ двухъ воиновъ, „Володимерь же приде въ *товары*, и посла бирічи по *товаромъ*, глаголя: ишту-лі такого мужа, иже бы съ ялъ о Печенѣжиномъ“. (Лавр. Лѣт. стр. 120).

Въ 1232 г. Поиде князь великій Гюрги к Сереньску, и стоявъ *станомъ* на Уполозѣхъ, и възвратяся в Володимерь“. (Ibidem, стр. 437).

1216 г. Липецкая битва: „и бысть сѣча люта велми, и пробихася сквозѣ полки и до *кошей* ихъ“. (Воскресенская Лѣт., П. С. Р. Л. т. VII, стр. 123).

любое изъ приведенныхъ выражений, такъ и въ данномъ случаѣ для *общаго* понятія мы безразлично употребляемъ выраженіе *таборъ*, а *видовыми* понятіями для насъ будутъ: таборъ (возовое укрѣпленіе) Венгровъ, таборъ (возовое укрѣпленіе) Гунновъ, таборъ (возовое укрѣпленіе) Печенѣговъ, таборъ (возовое укрѣпленіе) казаковъ, таборъ (возовое укрѣпленіе) Чоховъ. Выраженіе-же „таборъ“ для *общаго* понятія мы употребляемъ потому, что это выраженіе и общеизвѣстно и короче всаго другого, не касаясь вопроса о принадлежности слова „таборъ“ тому или иному языку, хотя самый таборъ ориенталисты выводятъ съ востока, отъ кочевниковъ, появившихся изъ Азіи ¹⁾.

Что такое „таборъ“? Это-передвижное укрѣпленіе изъ нагруженныхъ возовъ, поставленныхъ въ два или одинъ рядъ въ видѣ каре. Внутри этого каре помѣщается отрядъ. Четыре стѣнки изъ возовъ служатъ закрытіемъ для воиновъ отъ метательныхъ снарядовъ, въ эпоху огнестрѣльнаго оружія, отъ пуль. Для пѣхоты таборъ нельзя считать особенно сильнымъ укрѣпленіемъ. Если пѣхота идетъ штурмовать глубокіе рвы и высокіе валы, отвѣсныя стѣны городовъ и овладѣваетъ ими, то само собою разумѣется, что для пѣхоты укрѣпленіе изъ возовъ не можетъ считаться сильнымъ препятствіемъ. Таборъ изъ возовъ имѣлъ силу только противъ конницы. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ мѣстностяхъ лѣсныхъ, гдѣ существуютъ лишь небольшія свободныя пространства и узкія дороги, а прикрытія для людей достаточно, или оно можетъ быть быстро сдѣлано изъ поваленныхъ деревьевъ, „таборъ“ былъ невозможенъ и совершенно не нуженъ. Такимъ образомъ, защита таборомъ (возовымъ укрѣпленіемъ) могла явиться въ такой мѣстности, гдѣ нѣтъ природныхъ прикрытій, и гдѣ врагъ былъ по преимуществу конный. Таковыя условія именно и давали наши степи. Борьба русскаго населенія съ степными врагами ведетъ свое начало съ глубокой древности, примѣняться къ условіямъ мѣстности необходимо было съ отдаленнаго времени всегда, а слѣдовательно, не въ XVI только вѣкѣ существовала таборная (возовая) защита, но и въ болѣе раннее время, потому что условія борьбы были одинаковы, какъ въ XVI, такъ и въ XV, XIV, XIII, XII и т. д. вѣкахъ: характеръ мѣстности оставался тотъ-же, и врагъ былъ тотъ-же самый — легкая кавалерія, только мѣнявшая свои имена: то эта кавалерія называлась Печенѣгами, то она называлась Торками, то Половцами, то, наконецъ, Татарами. Одинаковыя, неизмѣнныя, условія должны были порождать неизмѣнно одинаковыя слѣдствія. Вотъ соображенія, которыя препятствуютъ намъ принять умолчаніе источниковъ о защитѣ таборомъ (возовымъ укрѣпленіемъ) до XVI вѣка и принуждаютъ считать это умолчаніе чисто случайнымъ.

Теперь является вопросъ: способъ защиты таборомъ (возовымъ укрѣпленіемъ) явился впервые у Руси или у ея враговъ? Мнѣ кажется, что таборная (возовая) защита должна была явиться естественно, развиться уже изъ готовыхъ данныхъ. Такія готовыя данныя могла дать жизнь кочевая, а никакъ не осѣдая. Постоянныя передвиженія съ мѣста на мѣсто съ кибитками-вежами, по мѣстности, лишенной всякихъ прикрытій, вывела кочевника на путь защиты посредствомъ этихъ-же самыхъ вежъ. До своего столкновенія съ осѣдымъ населеніемъ кочевники вели уже съ незапамятныхъ временъ борьбу между собою. Постоянныя нападенія, неожиданныя и стремительныя, одного кочеваго племени, одного колѣна на другое, очень рано заставили кочевника искать убѣжища за своими вежами. Особенно это было необходимо въ то время, когда то или иное племя перекочевывало со всѣмъ имуществомъ и стадами съ одного мѣста на другое. Въ этотъ моментъ кочевникамъ очень трудно было защи-

¹⁾ Извѣстный ориенталистъ Березинъ говоритъ, что Мстиславъ укрѣпнилъ свой лагерь „по способу кочевниковъ и самихъ Монголовъ“. См. его „Первое нашествіе Монголовъ на Россію“, въ Ж. М. Н. Пр. 1853 г. Сентябрь, стр. 248.

щаться, а потому естественно предполагать, что въ такихъ случаяхъ движеніе происходило таборомъ (возовымъ укрѣпленіемъ). Если происходило нападеніе, таборъ (возовое укрѣпленіе) останавливался; все имущество, стада, дѣти и жены, и часть воиновъ, замыкались въ таборѣ (возовомъ укрѣпленіи), а впереди выстраивалась масса всадниковъ, которая и шла на неприятеля; въ случаѣ неудачи, разбитые воины отступали къ табору (возовому укрѣпленію) и могли въ него скрываться. Такого рода тактика должна была развиваться и существовать у кочевниковъ съ незапамятныхъ временъ. Эта тактика вытекала изъ самаго образа жизни кочевниковъ, изъ ея условій. Анна Комнена, прекрасно знакомая съ кочевниками своего времени, которые такъ много хлопотъ причинили ея отцу, императору Алексѣю Комнену, замѣчаетъ, что кочевники имѣли свой особый строй, наученные, говоритъ она, не изъ книгъ, а по обычаю своихъ отцовъ¹⁾. Да, эта тактика была въ обычаѣ ихъ отцовъ и отцовъ ихъ отцовъ и вытекала, какъ и сами всѣ обычаи, изъ условій ихъ жизни. Мы должны, такимъ образомъ, искать происхожденія табора (возовой защиты) у народовъ кочевыхъ, а для Руси этотъ способъ защиты является заимствованнымъ, взятымъ въ силу необходимости примѣняться для успѣшной борьбы къ тактикѣ врага.

Спрашивается: какъ давно древняя Русь могла познакомиться съ способомъ защиты таборомъ (возовымъ укрѣпленіемъ)? Въ извѣстномъ Тактикѣ Византійскаго императора Льва Мудраго мы находимъ описаніе боевой тактики Венгровъ. Это указаніе относится къ IX вѣку. Особенно ясно выступаетъ тутъ одна черта этого боевого строя, именно, что Венгры выдвигали отряды кавалеріи впередъ, а сзади помѣщали повозки и багажъ²⁾. Слѣдя за боевымъ построеніемъ Половцевъ, мы замѣчаемъ, что всякій разъ при большихъ сраженіяхъ съ Русью, Половцы *„вежи свои пустили за ся, а сами, собравшеса отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлія“*³⁾. Здѣсь мы видимъ только помѣщеніе телѣгъ и тяжестей за боевымъ строемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ мы замѣчаемъ, что боевое построеніе Венгровъ и Половцевъ одно и то-же. Вышеприведенное извѣстіе относится къ 1184 году; то-же самое мы находимъ подъ 1191 годомъ⁴⁾. Такимъ образомъ, кочевникъ IX вѣка и кочевникъ XII вѣка строятся къ бою одинаково.

Мы имѣемъ извѣстіе о примѣненіи табора (возоваго укрѣпленія) при боевомъ построеніи еще въ IV вѣкѣ: Вогезій сообщаетъ объ употребленіи табора (возоваго укрѣпленія) еще Гуннами⁵⁾. Вотъ къ какому времени приходится отнести знакомство восточныхъ Славянъ съ защитой таборомъ (возовымъ укрѣпленіемъ). Не забудемъ при этомъ, что Гунны, какъ всегда бываетъ при нашествіи кочевниковъ, увлекали съ собой массы встрѣчавшихся на пути народцевъ, слѣдовательно, Анты, напр., могли и на практикѣ ознакомиться съ таборомъ (возовымъ укрѣпленіемъ), участвуя въ движеніи и битвахъ Гунновъ. Съ появленіемъ кочевниковъ въ южно-русскихъ степяхъ таборъ (возовое укрѣпленіе) не исчезалъ: смѣнялись кочевники, но тактика кочевника оставалась одна и та-же. И въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ рядъ свидѣтельствъ, обнаруживающихъ эту дѣйствительность.

Сообщеніе о боевомъ строѣ Венгровъ византійскаго императора Льва Мудраго дополняется извѣстіемъ Ѳомы, архидіакона Сплетскаго. Онъ говоритъ: „Венгры, располагая вокругъ телѣги и щиты, какъ-бы вмѣсто укрѣпленія лагеря“⁶⁾. Венгры передвигались по южно-рус-

¹⁾ Stritter. Memorial populorum, III, 862.

²⁾ Ссылаемся на изданіе Kuun'a въ Relationum Hungarorum historia, v. I, p. 192—3.

³⁾ Ипат. Лѣт. стр. 431.

⁴⁾ Ibid. стр. 453.

⁵⁾ Kuun. Relationum Hungarorum cum Oriente gentibusque orientalis originis historia antiquissima, Claudiopolis, 1893, v. I, p. 233.

⁶⁾ Kuun, op. cit., ibidem. „Circumponentes (Hungari) carrus et clypeos undique, quasi pro munimento castrorum...“

скимъ степямъ въ IX в. Въ томъ-же IX в. русскіе Славяне познакомились и съ боевымъ строемъ другого кочеваго народа, именно Печенѣговъ. Оказывается, что у нихъ также примѣнялась съ успѣхомъ защита таборомъ (возовымъ укрѣпленіемъ), о чемъ ясно свидѣлствуютъ современники событій. Послѣ пораженія, нанесеннаго Печенѣгамъ Ярославомъ Мудрымъ въ 1034 году подъ стѣнами Кіева, они, какъ извѣстно, перекочевали на Балканскій полуостровъ и стали подвергать страшнымъ опустошеніямъ предѣлы Византійской имперіи. Особенно энергично вели борьбу съ Печенѣгами византійскіе императоры, Алексѣй и Іоаннъ Комнены. Дочь перваго, Анна, такъ описываетъ боевое построеніе Печенѣговъ: „они вывели войска, поставленные въ первомъ строѣ клиньями...; между войсками поставили телѣги, которыя имѣли видъ вооруженныхъ башенъ; эти телѣги были заняты женами и дѣтьми“¹⁾. Съ этимъ описаніемъ надо сопоставить рассказъ Іоанна Киннама. Іоаннъ Комненъ нанесъ Печенѣгамъ пораженіе. Они отступили въ свой лагерь, но рѣшили продолжать сраженіе. Выдвинувши вперёдъ телѣги, которыя сверху покрыли воловьими шкурами, они аккуратно сдвинули ихъ одна съ другой. Произошло сильное сраженіе. Печенѣги, закрытые возами, наносили Грекамъ большой вредъ. Тогда императоръ двинулъ противъ табора (возового укрѣпленія) отрядъ Британцевъ, вооруженныхъ тяжелыми сѣкирами, и такимъ образомъ удалось сдѣлать въ нихъ брешь, въ которую и ворвались византійскія войска. Тогда произведено было страшное опустошеніе среди Печенѣговъ. Побѣда была полная²⁾. Здѣсь описанъ бой табора (возового укрѣпленія), стоящаго на мѣстѣ. Но у насъ есть рассказъ и о боѣ табора (возового укрѣпленія) отступающаго, въ движеніи. Мы находимъ этотъ рассказъ у Никиты Хониата. Вотъ какъ онъ описываетъ отступление Печенѣговъ. Сведши всѣ телѣги и размѣстивши ихъ во всѣ стороны (очевидно въ видѣ круга или скорѣе каре, такъ какъ приходилось двигаться), Печенѣги поставили на нихъ значительный отрядъ своихъ (конечно, сѣшенныя), чтобы пользоваться ими (телѣгами) какъ полисадомъ; среди телѣгъ они устроили узкіе проходы. Въ это укрѣпленіе изъ телѣгъ ѣхали Печенѣги, непрерывно сражаясь. Тѣснимые Византійцами, они отсупали къ телѣгамъ, какъ подъ защиту башенъ, и иногда уходили чрезъ узкіе проходы внутрь этого телѣжнаго укрѣпленія. Оправившись тамъ, отдѣльные отряды ихъ выносились оттуда, схватывались съ Византійцами и, потѣсненные послѣдними, снова искали защиты подъ этимъ подвижнымъ укрѣпленіемъ³⁾. Мы видѣли, какихъ потерь стоило Византійцамъ прорвать таборъ (возовое укрѣпленіе), по рассказу Іоанна Киннама. Очевидно, эта неприступность табора (возового укрѣпленія), когда люди прикрываются плотно сдвинутыми возами и съ нихъ и изъ-за нихъ поражаютъ наступающихъ, и дѣлала наступленіе для Печенѣговъ *πρός τὸ εὖ*, какъ выражается Никита Хониатъ.

Послѣ приведенныхъ извѣстій нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что въ южно-русскихъ степяхъ съ самаго перваго появленія въ нихъ кочевниковъ явился и способъ защиты таборомъ (возовымъ укрѣпленіемъ), и существовалъ онъ тутъ до тѣхъ поръ, пока существовали тутъ кочевники, какъ бы они не назывались, а если это несомнѣнно, а едва ли тутъ можно сомнѣваться послѣ приведенныхъ извѣстій, то и русскіе люди стали примѣнять таборъ (возовое укрѣпленіе) въ борьбѣ съ кочевниками, такъ какъ въ открытой степи надо было бороться съ врагомъ равными способами, и, стало быть, примѣняться этотъ способъ защиты началъ не съ XVI в., а Русь выучилась имъ пользоваться вскорѣ послѣ прибытія кочевниковъ въ наши степи, т. е., можетъ быть, даже съ X вѣка.

¹⁾ Stritter. Memorial populorum, III, 862—3.

²⁾ *Ἰωάννου Κιννάμου ἱστοριῶν βιβλία*. Bonnæ. 1836, p. 8.

³⁾ *Νικήτας Χονιάτου ἱστορία*. Bonnæ, 1835, p. 21.

На этомъ мы могли бы и кончить, но я хочу указать на данныя, которыя въ соединеніи съ вышеуказанными несомнѣнными свидетельствами, по моему мнѣнію, ясно показываютъ, что способъ защиты таборомъ (возовымъ укрѣпленіемъ) примѣнялся Русью, какъ въ походахъ противъ кочевниковъ, такъ и въ войнахъ внутреннихъ. Мы не разъ встрѣчаемъ въ лѣтописи военный терминъ „заложився“, „заложившеса“. Что означаетъ онъ? Я, да и не одинъ, можетъ быть, я, придавали слову „заложиться“ то значеніе, какого оно, судя по конструкціи, съ которой употребляется, не имѣетъ ни въ славянскомъ, ни въ русскомъ, языкѣ. Я придавалъ слову „заложиться“ совершенно чуждое ему значеніе „уложиться“, не обращая вниманія на то обстоятельство, что въ лѣтописи всегда употребляется конструкція „заложиться“ чѣмъ-нибудь, а такая конструкція совершенно отнимаетъ возможность отождествлять „заложиться чѣмъ“ съ „уложиться“ (на что-нибудь). Причиной такого ложнаго толкованія и отождествленія слова „заложиться“ было извѣстіе лѣтописи, что отряды войскъ въ древней Руси во время марша складывали все оружіе на возы для легкости движенія и двигались безоружными. Такъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ „Поученіи“ припоминаетъ случай, когда онъ наткнулся совершенно неожиданно на грабившій половецкій загонъ и не могъ напасть на него потому, что все оружіе было на возахъ, ушедшихъ нѣсколько впередъ. Но въ данномъ случаѣ Мономахъ совсѣмъ не употребляетъ термина „заложиться“, а выражается такъ: „оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ...“¹⁾ Кроме того необходимо было, конечно, обратить вниманіе на мѣстность и другія условія факта. Оказывается, что въ данномъ случаѣ Владиміръ Мономахъ двигался около рѣки Супоя и города Прилукъ, т. е., въ границахъ Переяславскаго княжества, по сю сторону р. Сулы, т. е., въ мѣстности, гдѣ могъ, дѣйствительно, не рассчитывать столкнуться съ Половцами, и гдѣ такое столкновеніе могло быть только „внезапу“, какъ говоритъ Мономахъ, т. е., сверхъ ожиданія. Отсюда ясно должно быть, что обобщать даннаго факта мы не имѣемъ права, не можемъ думать, что князья укладывали оружіе на возы даже тогда, когда двигались по непріятельской землѣ или когда могли ожидать или ожидали нападенія, или еще болѣе, когда движеніе происходило въ виду или на очень близкомъ разстояніи отъ враговъ.

Условія факта, случившагося съ Мономахомъ, наоборотъ, указываютъ, что укладка оружія на возы могла имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда князья не предвидѣли нападенія. Между тѣмъ терминъ „заложиться“ употребляется именно въ тѣхъ случаяхъ, когда грозила какая-нибудь опасность, гдѣ объ укладкѣ оружія на возы не могло быть и рѣчи.

Я укажу сейчасъ выдающіеся факты.

Такимъ образомъ, терминъ „заложиться“ никоимъ образомъ не можетъ имѣть значенія „уложиться“. Но вотъ фактъ, показывающій истинное значеніе слова „заложиться“. Въ 1148 году князья, Владиміръ и Изяславъ Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ, пришли къ Любечу, „и есть рѣка у Любча, и пришедше сташа, заложившася ею“²⁾ И такъ князья „заложились рѣкой“. Уложиться рѣкой — абсурдъ. Ясно: они „закрылись рѣкой“. Слѣдовательно, „заложиться“ значитъ закрыть себя, закрыться чѣмъ-нибудь („ею“). Дѣйствительно, князья и закрываются.

Но мы встрѣчаемъ выраженіе „заложившеса“ и въ такихъ случаяхъ, гдѣ: 1) нѣтъ никакихъ естественныхъ закрытій и 2) гдѣ войска не стоятъ на мѣстѣ, какъ у Любеча, а двигаются, а само собой разумѣется, что при движеніи нельзя же пользоваться во все его время естественнымъ прикрытіемъ — неподвижнымъ, а можно пользоваться только такимъ прикрытіемъ,

¹⁾ Лавр. Лѣт., стр. 239—240.

²⁾ Ипат. Лѣт., стр. 254.

которое бы точно также двигалось вмѣстѣ съ войскомъ и на всемъ движеніи непрерывно закрывало бы его на случай нападенія. Вотъ факты. Въ 1160 г. Изяславъ Давидовичъ подступилъ къ Чернигову. Съ нимъ были Половцы. Онъ послалъ ихъ впередъ къ Чернигову; ихъ побили. Изяславъ спрашиваетъ бѣгущихъ: „что это значитъ?“ Половцы отвѣчали: „види-хомъ полкъ многы стояче у города“. Тогда Изяславъ переѣхалъ быстро Десну, переждалъ на мѣстѣ до ночи и ночью „заложивъся поѣха к Выреви“¹⁾. Готовые полки у Чернигова заставляли и Изяслава Давидовича, и Половцевъ, опасаться преслѣдованія, а потому они отступали „заложившися“. Ясно само собой, что, ожидая преслѣдованія, нельзя было укладывать оружіе, идти безоружными, а необходимо было на случай нападенія чѣмъ-нибудь закрыться. Они „заложились“. Рѣкой Десной? Но она не могла закрывать ихъ во все время ихъ отступленія, да не можетъ лѣтопись разумѣть здѣсь рѣку, какъ закрытіе, потому что враги Изяслава сами переправились и могли переправиться спокойно, слѣдовательно, Изяславъ не могъ рассчитывать на рѣку, какъ на закрытіе во все время отступленія. Чѣмъ же можно было „заложиться“ при движеніи, какъ не возами? Присутствіе Половцевъ, кочевниковъ, еще болѣе подтверждаетъ наши слова. А вотъ другой фактъ. Въ 1191 году Ольговичи двинулись противъ Половцевъ за р. Осколь. Кто-то извѣстилъ Половцевъ объ этомъ движеніи, и князья наши готовыми къ бою, „Ольговичи же не могущи ся с ними бити, заложившися ночью идоша прочь; Половци же освѣтившесе и не узрѣша ихъ, и говившесе по нихъ и не постигоша ихъ“²⁾. Здѣсь еще болѣе рельефный случай: князья наткнулись на превосходныя силы враговъ; они рѣшили отступить, но ожидая, вполне основательно, преслѣдованія сильнѣйшаго непріятеля и нападенія во время своего отступательнаго движенія, они „заложашася“, т. е., окружили себя таборомъ (возовымъ укрѣпленіемъ).

Приведенныя раньше извѣстія византійскихъ писателей, современниковъ событій, о примѣненіи кочевниками таборной (возовой) защиты во время боя на мѣстѣ и при отступленіи не допускаютъ сомнѣнія. Эти византійскія извѣстія дали намъ право объяснить темныя показанія нашихъ лѣтописей о существованіи какого-то способа защиты во время отступленія, выражавшагося терминомъ „заложиться“ чѣмъ-нибудь.

И византійскія извѣстія и извѣстія нашихъ лѣтописей вмѣстѣ исправляютъ испорченный текстъ лѣтописи въ разсказѣ о битвѣ на Калкѣ 1223 года. Текстъ этого мѣста лѣтописи сохранился правильно только въ харатейномъ спискѣ Новгородской лѣтописи. Какъ извѣстно, до насъ дошло три редакціи разсказа о Калкской битвѣ. Одна—въ Лаврентьевской лѣтописи, другая—въ Ипатьевской и третья—въ Новгородской. Разсказъ о томъ же событіи въ позднѣйшихъ сборникахъ, какъ Воскресенскій, Никоновскій, не оригиналенъ, а повторяетъ древнѣйшіе. Оригинальными повѣствованіями являются только Лаврентьевскій, Ипатьевскій и Новгородскій. Но первыми двумя факты передаются въ данномъ случаѣ далеко не полно. Авторъ разсказа въ Лаврентьевской лѣтописи, представивъ въ краткихъ словахъ соображенія о происхожденіи татаръ, упомянувъ еще короче объ участіи въ этой битвѣ русскаихъ князей и ихъ пораженіи, главнымъ образомъ, радуется, что Василько съ Ростовцами не успѣлъ принять участія въ боѣ, а вернулся „по здорову“ изъ Чернигова, куда ему было принесено извѣстіе о разгромѣ князей. Авторъ совсѣмъ не интересуется подробностями самого боя. Онъ даже не знаетъ всѣхъ князей, участвовавшихъ въ битвѣ³⁾. Авторъ разсказа въ Ипатьевской лѣтописи

¹⁾ Ипатьев. Лѣт., стр. 348.

²⁾ Ипатьев. Лѣт., стр. 453.

³⁾ Лаврен. Лѣт., стр. 423—5. Прибавленный къ Лаврентьевской лѣтописи, въ изданіи Археографической комиссіи 1872 года, списокъ Академическій представляетъ чистѣйшую Новгородскую лѣтопись, попавшую въ руки суздальца

такъ же одностороненъ, какъ и предыдущій. Если первый все свое вниманіе сосредоточиваетъ на Василькѣ Константиновичѣ, то второй слѣдитъ только за Даниломъ Романовичемъ. Какъ только послѣдній „обрати конь свой на бѣгъ“, авторъ тотчасъ обрываетъ рассказъ. О дальнѣйшемъ ходѣ боя онъ ничего не рассказываетъ или потому, что не хочетъ, это его не интересуетъ, или потому, что бѣжалъ вмѣстѣ съ Даниломъ и конца боя не видѣлъ ¹⁾). Полную передачу фактовъ мы находимъ только въ одной Новгородской лѣтописи. Какъ извѣстно, мы имѣемъ Новгородскую лѣтопись (древнѣйшую или 1-ю) въ четырехъ спискахъ: списокъ Археологической комиссіи XV в., Академическій—XV в., Толстовскій — XVIII в., но списокъ Синодальный харатейный относится, по своимъ палеографическимъ признакамъ, въ описаніи событій до 1200 г. къ самому началу XIII вѣка, отъ 1200 г. до 1234 года къ первой половинѣ XIII в. и только отъ 1234 года до 1333 года къ первой половинѣ XIV вѣка ²⁾). Изъ этихъ палеографическихъ данныхъ вытекаетъ, что событія отъ 1200 до 1234 г. внесены въ лѣтопись, можно сказать, современно самымъ событіямъ, а не позднѣйшимъ составителемъ, такъ какъ сохранился почеркъ, современный этимъ событіямъ, другими словами, мы имѣемъ въ описаніи событій 1200—1234 годовъ—оригиналъ, современный самымъ событіямъ. Никакая другая лѣтопись не даетъ намъ ничего подобнаго, ни объ одной лѣтописи нельзя сказать, что текстъ не искаженъ переписчиками или хотя бы однимъ переписчикомъ. Здѣсь переписчика нѣтъ ни одного, здѣсь самъ оригиналъ ³⁾). Мы видимъ здѣсь передъ собой почеркъ челоуѣка, который жилъ во время самыхъ событій и, конечно, сознательно относился къ тому, что писалъ. Переписчики этого драгоценнаго оригинала уже въ XV вѣкѣ не понимали его, потому что въ ихъ время языкъ уже утратилъ много древнихъ словъ, сдѣлавшихся въ силу этого непонятными и не употреблявшимися въ литературѣ. Не понимая слова, переписчики угадывали его по своему, не вникая или не будучи въ состояніи вникнуть въ обстоятельства, примѣняли его, иногда по созвучію, не обращая вниманія на то, соответствуетъ ли условіямъ описываемаго факта придуманное ими слово въ замѣну непонятнаго. Такъ поступили они и въ данномъ случаѣ. Вотъ описаніе *самаго разгара боя* въ харатейной Синодальной, современной событію, лѣтописи: „... и заидоша за Калокъ рѣку, и послаша въ сторожихъ Яруна съ Половци, а сами станомъ сташа ту. Тѣгда же Ярунъ съступиса с ними, хотя битися, и побегоша не успѣвъше ничтоже Половци назадъ, и потѣпташа бежаще станы Русскихъ князь: не успѣша бо исполчитися противу имъ; и съмятошася вся, и бысть сѣця зла и люта. Мѣстиславъ же, Кыевскій князь, видя се зло, не движесе съ мѣста никаможе: сталъ бо бѣ на горѣ надъ Калкомъ; бѣ бо мѣсто то камянисто, и ту угоши городъ около себѣ *въ кольхъ*, и бися с ними из города того по три дни“ ⁴⁾). Для переписчиковъ XV в., незнакомыхъ съ бытомъ XIII вѣка, выраженіе „*городъ въ кольхъ*“ было совершенно непонятно. Для нихъ, какъ для жителей лѣснаго сѣвера, городъ могъ быть только изъ дерева. И вотъ они и замѣнили непонятное выраженіе *современной событію рукописи* „*въ кольхъ*“ яснымъ для нихъ „въ кольихъ“, „въ кольехъ“, откуда дальнѣйшіе кописты сдѣлали уже, не стѣсняясь, „кольемъ“, а съ легкой руки всѣхъ этихъ справщиковъ XV вѣка и въ русской наукѣ утвердилось мнѣніе,

и имъ продолженную, но неизмѣненную нѣсколько въ своей первой части: это все доказывается анализомъ Академическаго списка. Такъ какъ этотъ списокъ новгородскаго происхожденія, въ началѣ, то и рассказъ его о Калкской битвѣ есть новгородскій.

¹⁾ Ипатьев. лѣт., стр. 495—7.

²⁾ Новгородская лѣтопись по Синодальному хартейному списку. Спб. 1888 г. Предисловіе, стр. VI—IX.

³⁾ Нѣкоторое исключеніе представляетъ лишь лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, рукопись котораго совпадаетъ по времени съ послѣдними событіями.

⁴⁾ Новгород. Лѣтоп. по Синодальн. списку, стр. 213.

что Мстиславъ сдѣлалъ себѣ городокъ изъ кольевъ. Переписчики XV вѣка, незнавшіе быта XIII вѣка и отдѣленные отъ самаго событія тремя столѣтіями, не могли сообразить, что имъ противорѣчатъ неопровержимо слѣдующія обстоятельства: 1) вѣтъ никакихъ указаній, что наши князья возили съ собою запасы кольевъ, при чемъ эти запасы должны были быть очень велики, чтобы кольями можно было огородить цѣлый лагерь, — ничего подобнаго мы въ походахъ древне-русскихъ князей не находимъ, а особенно такая запасливость на всякій случай чужда южнымъ нашимъ князьямъ, которые были въ бою „дерзи“; 2) устройство укрѣпленія было произведено не послѣ боя, а въ самый разгаръ боя, когда все перепуталось и бѣжало, а потому не было никакой возможности заняться вбиваніемъ кольевъ, да еще въ каменистую почву: на обнесеніе цѣлаго лагеря палисадомъ потребовалось бы по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ, а изъ описанія видно, что татары уже ворвались въ русскіе станы; 3) въ степномъ мѣстѣ негдѣ было достать такого количества кольевъ, чтобы обнести ими цѣлый лагерь и, наконецъ, 4) если былъ вблизи лѣсъ, то не было возможности просить Татаръ: „обождите немного, не нападайте, пока мы сбѣгаемъ въ лѣсъ, нарубимъ кольевъ и вобьемъ ихъ вокругъ всего лагеря въ каменистый грунтъ“. Переписчики XV в. не заботились о томъ, чтобы то, что они пишутъ, соответствовало дѣйствительнымъ условіямъ факта. Современная оригинальная рукопись могла выразить ясно, если бы имѣла въ виду палисадъ, это понятіе словомъ, употреблявшимся въ древній періодъ. Это слово „столпіе“. Мы нашли бы въ ней выраженіе: „и угоши городъ около себе столпіемъ“, какъ это мы и находимъ въ древнихъ лѣтописяхъ ¹⁾. Но если современникъ событія, оригинальную рукопись котораго мы, къ счастью, можемъ читать, выражается не „столпіемъ“, а „въ кольяхъ“, словахъ, для него вполне понятныхъ, то стало быть, онъ сознательно, а не по ошибкѣ, такъ выражается. Такимъ образомъ, мы имѣемъ непреложное извѣстіе, что Мстиславъ Романовичъ, въ моментъ всеобщаго разгрома и бѣгства, успѣлъ устроить укрѣпленіе „въ кольяхъ“ — въ возахъ, то есть, сдвинуть возы, плотно сдѣлать ихъ, и за этой таборной (возовой) защитой дрался три дня ²⁾.

Этимъ мы заканчиваемъ наши соображенія и на основаніи всего сказаннаго рѣшаемъ сдѣлать выводъ: 1) всѣ приведенныя извѣстія византійскихъ писателей и нашихъ лѣтописей стоять въ полной гармоніи другъ съ другомъ и 2) таборная (возовая) защита, способъ защиты таборомъ (возовымъ укрѣпленіемъ) былъ извѣстенъ на Руси еще въ до-татарскій періодъ и употреблялся во время боя.

Что касается табора чешскаго, то, имѣя въ виду, что таборная (возовая) защита была извѣстна Венграмъ еще въ IX в., что обычай употреблять во время боя этотъ способъ защиты могъ постоянно поддерживаться въ Венгріи переселявшимися туда массами Печенѣговъ и Половцевъ, мы думаемъ, что Чехи не изобрѣли табора, а лишь видоизмѣнили и, можетъ быть, усовершенствовали его: сосѣдняя Венгрія дала имъ образецъ.

¹⁾ См. напр., Ипатьев. Лѣт., подъ 1161 годомъ: „стояше подлѣ *столпіе*, загорожево бо баше тогда *столпіемъ*...“. Стр. 353.

²⁾ Существованіе подробнаго разсказа указываетъ, что не всѣ защитники табора погибли, хотя лѣтопись утверждаетъ это. При всеобщей гибели никто бы и не зналъ о подробностяхъ второй половины боя. Мстиславъ Романовичъ былъ изъ князей смоленскихъ; въ битвѣ участвовалъ и Владиміръ Рюриковичъ съ Смольянами (о нихъ см. нашу „Исторію Смоленской земли“, стр. 291—292, 301, 185—187, 176). Въ таборѣ сидѣли Кіевляне и, весьма вѣроятно, Смольяне. Кто изъ нихъ спасся, тотъ и привезъ съ собою всѣ подробности боя, и, только благодаря этимъ спасшимся, мы и знаемъ о концѣ боя и воеводѣ Бродниковѣ Плескынѣ. Такъ какъ *почеркъ* при описаніи этого событія относится къ *первой же* половинѣ XIII в., то, стало быть, эта часть рукописи писана между 1223—1234 г. (до этого только года одинъ почеркъ), т. е. событіе записано на промежуткѣ всего однадцати лѣтъ. Такимъ образомъ, въ Синодальной рукописи мы имѣемъ автографъ современника, если не очевидца и участника боя.

Побратимство и чинъ братотворенія.

О. А. Фотинскаго.

Побратимство какъ соціально-юридическій институтъ и какъ пережитокъ прошлаго въ современныхъ народныхъ обычаяхъ имѣетъ за собою цѣлую литературу, весьма цѣнную. Но побратимство въ своей исторіи было также институтомъ религіознымъ. У всѣхъ народовъ оно сопровождалось извѣстными религіозными обрядами; въ Византіи составлено было для этого даже особое церковное чинопослѣдованіе *ἀκολουθία εἰς τὴν ἀδελφοποιίαν*, перешедшее и въ церковь славяно-русскую подъ именемъ чина братотворенія. Исторія этого чинопослѣдованія въ существующихъ излѣдованіяхъ о побратимствѣ—вопросъ наименѣе разработанный. И хотя не настало еще время сказать последнее слово по этому вопросу, за чрезвычайной малоизвѣстностью греческихъ текстовъ нашего чина, но для исторіи чинопослѣдованія въ церкви славяно-русской матеріала имѣется уже достаточно. Располагая къ тому же нѣкоторыми полными матеріалами по данному вопросу, я желаю систематизировать извѣстныя доселѣ данныя о побратимствѣ на Руси съ точки зрѣнія историко-литургической и канонической. Когда и въ какомъ видѣ перешелъ къ намъ чинъ братотворенія? Въ какихъ размѣрахъ онъ практиковался? Какія терпѣль измѣненія въ процессѣ своего историческаго развитія въ русской церкви? Когда вышелъ изъ употребленія? Вотъ вопросы, которые я ставлю задачей своего сообщенія, имѣя при этомъ въ виду матеріалы исключительно почти русскіе. Матеріалы южно-славянскіе и византійскіе будутъ привлекаемы лишь постольку, поскольку они способствуютъ уясненію побратимства какъ религіознаго института въ русской церкви.

Собственно русскихъ списковъ чина братотворенія старше XIV в. неизвѣстно. (Ркп. Моск. Синод. библ. № 371). Надо однако думать, что въ практикѣ русской церкви чинъ этотъ употреблялся гораздо раньше, въ спискахъ южно-славянскихъ, а можетъ быть и русскихъ, не дошедшихъ до нашего времени. Побратимство на Руси широко практиковалось еще въ эпоху дохристіанскую (побратимство Святослава съ Калокиромъ), а затѣмъ и позже (былинныя богатыри). Конечно, не всегда въ христіанскую эпоху побратимство освящалось церковнымъ чинопослѣдованіемъ. Въ большинствѣ случаевъ вѣроятно оно заключалось при такихъ условіяхъ—на войнѣ, въ благодарность за избавленіе отъ смертельной опасности, словомъ въ моменты сильнаго душевнаго аффекта,—которые исключали возможность немедленнаго освя-

щенія побратимства церковью. Въ такихъ случаяхъ, какъ и нынѣ въ южно-славянскихъ земляхъ (См. Н. А. Начовъ, За побратимство. Срѣдецъ 1896), довольствовались вѣроятно лишь обмѣною тѣльными крестами (братья крестовые) или другими символическими обрядами. Есть однако указанія, что побратимство и на Руси заключалось иногда въ храмѣ, въ присутствіи духовенства, а при этомъ уже трудно допустить, чтобы церковь не освящала этого акта какими либо особенными обрядами и молитвами, образецъ которыхъ легко было заимствовать изъ Византіи или отъ южныхъ славянъ. Въ Византіи въ IX—X вв. чинъ братотворенія уже окончательно сложился и отсюда перешелъ въ Болгарію, какъ показываютъ съ одной стороны тексты Гоара, съ другой—Синайскій глаголическій евхологіонъ XI в. Указанія на церковное освященіе у насъ побратимства можно видѣть въ свидѣтельствѣ Печерскаго Патерика о заключеніи побратимства Іоанномъ и Сергіемъ въ Печерскомъ монастырѣ и въ свидѣтельствѣ житія Петра царевича ордынскаго о побратимствѣ его съ княземъ ростовскимъ. Я полагаю, что на основаніи одного текста можно положительно утверждать существованіе у насъ списковъ чина братотворенія по крайней мѣрѣ въ XIII в. Таковъ списокъ требника 1403 г., принадлежавшій прежде Загоровскому Рождество-Богородичному монастырю Волынской губерніи, а нынѣ—Волынскому Епархіальному Древлехранилищу. Списокъ этотъ русской редакціи и сдѣланъ въ Москвѣ; слѣдовательно, нѣтъ основанія считать его спискомъ съ подлинника сербскаго, принесеннаго къ намъ либо изъ сподвижниковъ м. Кипріяна. Въ предисловіи къ номоканону, приложенному къ этому требнику сказано, что онъ списанъ въ 1403 г. „съ великаго и стараго номокануна“. Нельзя однако относить это указаніе къ одному только номоканону, такъ какъ это выписка не изъ подробной кормчей, а обыкновенный номоканонъ, прилагаемый къ большому требнику. Такимъ образомъ показаніе это относится ко всей рукописи, въ ея нынѣшнемъ составѣ. Но если оригиналъ нашего списка въ 1403 г. былъ уже старымъ, то происхожденіе его надо отодвинуть по крайней мѣрѣ на полтора столѣтія.

Съ церковнымъ освященіемъ побратимства нѣкоторые изслѣдователи отождествляютъ княжескіе союзы, сопровождавшіеся крестнымъ цѣлованіемъ, въ присутствіи духовенства (Прот. К. Никольскій. О службахъ русской церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ. СПб. 1884 г., стр. 372—373) и древне-русскія церковныя братчины (тамъ-же, стр. 371). Княжескіе союзы однако, по самой идеѣ своей, противоположны побратимству. Побратимство было актомъ добровольнымъ и обуславливалось исключительно личными симпатіями братающихся, а союзы княжескіе почти всегда обуславливались только соображеніями политическими и заключались нерѣдко при обоюдной личной антипатіи князей-союзниковъ, въ силу политической необходимости и давленія дружины или вѣча. Заключеніе побратимства необходимо требуетъ личнаго присутствія при обрядѣ обоихъ побратимовъ, а крестное цѣлованіе при княжескихъ союзахъ часто совершалось въ присутствіи одной только стороны, чрезъ посла отъ другого князя. Побратимство было въ глазахъ народа свято, заключалось на всю жизнь, а потому его нельзя было заключать легкомысленно и тѣмъ болѣе — съ предвзятою мыслью нарушить братскую связь, при первомъ удобномъ случаѣ. Между тѣмъ именно послѣдній характеръ носили княжескіе союзы и это зналъ всякій. Заключать при такихъ условіяхъ формальное побратимство, съ усугублявшимъ силу обычая церковнымъ освященіемъ его, было бы прямо небезопасно, невыгодно для князя. Остается одно названіе „братъ“, которое давали другъ другу князья-союзники. Но такъ же звали они другъ друга и во всѣхъ прочихъ случаяхъ. Это было актомъ политической вѣжливости, подобно тому какъ и нынѣ слово это обязательно употребляется царствующими лицами, при личныхъ сношеніяхъ ихъ другъ съ другомъ. А нашимъ удѣльнымъ князьямъ тѣмъ легче было употреблять эту дипломатическую формулу, что всѣ они были одного происхожденія, одного рода.

Что касается церковных братчинъ, то это были пиры, устраиваемые прихожанами известной церкви въ день храмового праздника. Иногда на пиры эти приглашались и сторонніе гости, что было выраженіемъ особаго почета. Ни откуда не видно, чтобы участіе въ братчинѣ налагало на участниковъ какія либо особенныя обязанности, какія налагало побратимство. То былъ актъ общительности, славянскаго гостепрѣимства, выраженіе идеи „Руси есть веселіе пити“ — и только. Этимологія слова можетъ быть выяснена пожалуй изъ кровнаго въ большинствѣ случаевъ родства между членами рода, составлявшаго населеніе даннаго церковнаго прихода, но никакъ не изъ спеціальнаго братанья между чужаками.

Такимъ образомъ если нельзя обоихъ указанныхъ обычаевъ отождествлять съ побратимствомъ въ собственномъ смыслѣ, то нельзя видѣть въ нихъ и указанія на совершеніе церковнаго чина братотворенія, которое и безъ того несомнѣнно въ иныхъ случаяхъ. За распространенность обычая церковнаго освященія побратимства въ XV—XVI вв. достаточно говорить учащающіеся къ этому времени списки чина братотворенія.

И въ греческой и въ славяно-русской церкви, въ рукописяхъ и въ печатныхъ изданіяхъ, чинъ братотворенія извѣстенъ въ двухъ редакціяхъ: краткой и пространной. Примѣромъ наиболѣе краткой редакціи чина братотворенія можетъ служить т. н. криптоферратскій списокъ Гоара (*Εὐλογογιον sive rituale Graecorum. Editio secunda. Venetiis 1730. p. 708*), состоящій изъ одной только молитвы *Господи Боже Вседержителю, сотворивый человека по образу своему и по подобію*; таковъ же списокъ Московс. Синод. библ. № 374. Въ требникѣ 1403 г. Волинс. Епарх. древлехранилища, гл. 308 чинъ братотворенія состоитъ уже изъ двухъ молитвъ: 1) *Господи Боже нашъ, иже вся ко спасенію нашему даровавый* и 2) *Владыко Господи Боже нашъ, иже ликъ святыхъ своихъ апостоловъ избравый во едино стадо, раздѣляемыхъ возгласомъ священника Главы ваша Господеви преклоните*. Таковъ же составъ чинопослѣдованія братотворенія въ требникахъ XIV—XV вв. Московс. Синод. библиот. №№ 371, 375 и 376. Немногимъ полнѣе чинъ, изложенный въ Московскомъ мірскомъ по требникѣ 1625 г. Здѣсь онъ состоитъ изъ краткой ектеніи (5 прошеній) о братающихся и двухъ молитвъ: 1) *Господи Боже Вседержителю, сотворивый человека по образу своему* и 2) *Господи Боже нашъ, давый намъ прошенія яже ко спасенію*.

Переходомъ къ болѣе распространенной редакціи служатъ тексты, заключающіе болѣе распространенныя ектеніи и нѣкоторую слабо еще развитую обрядность. Таковъ напримѣръ основной текстъ Гоара, гдѣ по обычномъ началѣ положенъ тропарь *Спаси Боже рабы твоя и благослови достояніе твое*; слава, тропарь *Апостоли святіи*, и нынѣ: *Во пришествіи Господни*; ектенія изъ 12 прошеній и двѣ молитвы: 1) *Господи Боже нашъ, иже вся ко спасенію нашему даровавый* и 2) *Господи Боже Вседержителю Творче неба и земли, сотворивый человека по образу своему*. Чинопослѣдованіе заканчивается сугубою ектеніею, при чемъ побратимы, съ заженными свѣчами, возлагаютъ руки на евангеліе, лежащее на аналогіи и по окончаніи чинопослѣдованія, цѣлуютъ евангеліе и другъ друга, при пѣніи стиха *Апостоли союзомъ любве сочетавшися*.

Въ списокѣ 1403 г. Волинскаго Епархіальнаго Древлехранилища подробный чинъ братотворенія описывается слѣдующимъ образомъ: *Придеть. по. въ цркъв. и постави малон срѣ цркви прѣ олтарѣ. и положить еѹглѣ. и положи роуцѣ. дасть нма крѣта. Далѣе слѣдуетъ ектенія изъ пяти прошеній и молитва Гѣ Бже нашъ. давыи намъ прошеніа ѣ к' спсѣнію. и премени крѣтома дроугѣ дроуни дая крѣтъ. Стихъ: прѣзрѣ гѣ пре мною, Апостоль 1 Керинѣ. 12, 27—13, 8, Евангеліе Мате. 10, 1—8 (въ прочихъ текстахъ положено Евангеліе Іоан. 17, 1—15 или 17, 8—26), ектенія сугубая, молитва Гѣ Бже нашъ сътворивыи нѣбо и землю и члвкъ по образоу своему, молитва тайная Гѣ Бже нашъ ты мѣбже съвршителю и мати илстаникъ и отпусть.*

Дальнѣйшимъ развитіемъ чина братотворенія можно считать тексты Синайскаго глаголическаго евхологіона и требника Московской Синодальной бібліотеки № 387. Крімъ осложненія ектеній и обилія стиховъ, существенное отличіе этихъ текстовъ составляетъ причащеніе побратимовъ преждеосвященными дарами. По окончаніи церковнаго чинопослѣдованія, побратимы вмѣстѣ съ священниками вкушаютъ братскую трапезу.

Изъ печатныхъ изданій краткій чинъ братотворенія помѣщенъ въ Московскихъ потребникахъ 1625 г. и 1621, а подробный — въ Венеціанскомъ требникѣ 1570 г., Львовскомъ требникѣ 1598 г., Московскомъ потребникѣ 1639 г. и Кіевскомъ требникѣ 1652 г. По первому изъ этихъ изданій, братотвореніе совершается предъ аналогіемъ среди церкви, на которомъ лежитъ св. Евангеліе и крестъ. Чинопослѣдованіе начинается великою ектенією, съ присовокупленіемъ къ ней прошеній о братающихся и о преждеосвященныхъ честныхъ дарѣхъ. Далѣе слѣдуетъ молитва *Господи Боже нашъ дави намъ прошенія къ спасенію*, Апостоль 1 Коринѣ. 12, 27—13, 8, Евангеліе Іоан. 17, 1—17, ектенія сугубая, молитва *Господи Боже Вседержителю . сгвори ми челоувѣка по образу своему*, взаимное цѣлованіе побратимовъ, молитва тайная *Господи Боже нашъ, Ты силою блавы совершилъ іеси*, Отче нашъ и причащеніе побратимовъ. Чинопослѣдованіе Московскаго потребника 1639 г., точную копію котораго представляетъ и чинопослѣдованіе Кіевскаго требника 1652 г., отличается отъ вышензложеннаго только перестановкою первыхъ двухъ молитвъ, стихами и Апостоломъ: Римлян. 8, 28—39.

Краткій чинъ братотворенія или просто молитва на братотвореніе встрѣчается въ рукописяхъ гораздо чаще подробнаго чинопослѣдованія. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ помѣщается оба чинопослѣдованія въ разныхъ мѣстахъ. Таковъ, напримѣръ, требникъ 1403 г. Волинскаго Епархіальнаго Древлехранилища. Такое повтореніе замѣчается даже въ одномъ изъ печатныхъ изданій, именно въ Венеціанскомъ молитвословѣ 1570 г., гдѣ молитва *Господи Боже нашъ иже вся ко спасенію нашему даровавый* помѣщена въ концѣ послѣдованія о исповѣданіи, а затѣмъ, особое, вышензложенное *Послѣдованіе на побратинство* находится послѣднею статьею, въ концѣ книги, и въ немъ повторена та же молитва *Господи Боже нашъ дави намъ прошенія яже ко спасенію*, только въ иномъ переводѣ, что показываетъ заимствованіе ея изъ двухъ различныхъ рукописныхъ изводовъ.

Обрядами, сопровождающими чинъ братотворенія, по различнымъ его текстамъ, являются: причащеніе побратимовъ Преждеосвященными Св. Дарами, поставленіе Св. Даровъ на алтарь, возложеніе св. креста и Евангелія на аналогіи, поставленіе братающихся предъ алтаремъ или аналогіемъ, съ возложеніемъ рукъ ихъ на св. Евангеліе, при чемъ имъ даются зажженные свѣчи, поставленіе старшаго побратима направо, а младшаго налево, соединеніе рукъ побратимовъ, связываніе ихъ „поясомъ единымъ“, перемѣна крестами, обхожденіе вокругъ налоя, при пѣніи церковныхъ стиховъ, взаимное цѣлованіе побратимовъ, пѣваніе св. Евангелія и совершающаго обрядъ священника. Обрядовою собственно стороною, различные тексты весьма сильно отличаются другъ отъ друга. Болѣе чѣмъ несомнѣнно, впрочемъ, что одни указанія рукописей не обнимали собою всего богатства и разнообразія обрядовъ этого чина въ церковной практикѣ. Особенно это несомнѣнно по отношенію къ краткимъ спискамъ братотворенія, какъ будто исключаящимъ всякую обрядность, которая, однако, несомнѣнно имѣла мѣсто и здѣсь. Изъ указанныхъ обрядовъ одни представляются заимствованными изъ иныхъ церковныхъ чинопослѣдованій, другіе носятъ на себѣ черты обычаевъ чисто народныхъ.

Самымъ важнымъ изъ обрядовъ чина братотворенія является причащеніе побратимовъ Преждеосвященными Св. Дарами. О. прот. К. Никольскій выразилъ мысль, что особенность эта внесена въ чинъ братотворенія изъ практики таинства брака. „Священнодѣйствія чина братотворенія сходны были съ священнодѣйствіями таинства брака. То и другое совершалось

въ храмѣ, предъ алтаремъ. Въ обоихъ случаяхъ становились передъ налоемъ, на которомъ лежали крестъ и Евангеліе, два лица, желающіе вступить въ союзъ. При совершеніи таинства брака и при братотвореніи, они держали зажженные свѣчи. Іерей соединялъ руки стоящихъ предъ налоемъ, молился о неразрывномъ союзѣ ихъ, водилъ около налоя, при пѣніи церковныхъ пѣсней, наконецъ, при совершеніи чина братотворенія бывало, какъ и при таинствѣ брака, причащеніе Преждеосвященными Дарами и въ концѣ чина — пѣніе пѣсни церковной: „Господи, Господи призри съ небесе и посети виноградъ Свой“. Одно сравненіе чинопослѣдованій не есть еще доказательство вліянія ихъ другъ на друга. Полагаю, что во-первыхъ, такое обоюдное вліяніе обоихъ чинопослѣдованій, прямо вытекаетъ изъ лежащей въ основѣ обоихъ чинѣвъ идеи такого полного духовнаго единенія, когда *будетъ два въ плоть едину*; во-вторыхъ, и въ таинствѣ брака, и въ братотвореніи обычай причащенія совокупающейся пары возникъ изъ болѣе древняго народнаго обычая вкушать вино изъ одной чаши, который въ свою очередь связанъ былъ и можетъ быть выродился изъ обычая пить кровь другъ у друга. Такой обычай, существовавшій и до нынѣ существующій у различныхъ народовъ, въ южной Россіи практиковался съ глубокой древности, въ эпоху дославянскую, какъ показываетъ извѣстный Куль-Обскій рисунокъ, практиковался и позже, въ эпоху русскихъ былинъ. Вышеуказанный требникъ 1403 г. Волынскаго Епархіальнаго Древлехранилища положительно доказываетъ, что такой обычай практиковался у насъ и въ церковномъ чинѣ братотворенія. Здѣсь сказано: и да ѿма причащеніа . Сщ҃еннѣ вина . вѣшии ѣ мѣ или з коув. Это „причастіе священнаго вина“ никоимъ образомъ нельзя отождествлять съ причащеніемъ Св. Дарами, какъ показываетъ вторая половина фразы. Въ чемъ состояло освященіе вина, изъ нашего текста не видно: могло оно состоять въ простомъ благословеніи вина священникомъ, въ поставленіи чаши съ виномъ на престолѣ и т. п., могла существовать для этого и специальная молитва, намъ неизвѣстная. Позволительно поставить предположеніе: при общераспространенной отдачѣ побратимства подъ специальное покровительство св. Іоанна Крестителя, не приурочивалось ли по мѣстамъ церковное освященіе побратимства къ дню этого святого (24 іюня), не подразумевается ли подобное приуроченіе въ нашемъ требникѣ и не тождественно ли въ такомъ случаѣ „причастіе священнаго вина“ съ т. н. старо-нѣмецкою *Iohannisminne*, существовавшею также и отчасти доселѣ практикующеюся у славянъ западныхъ и южныхъ? Находясь только въ пространныхъ чинопослѣдованіяхъ братотворенія, причащеніе побратимовъ не вездѣ требуется безусловно. Таковы лишь изъ извѣстныхъ намъ рукописныхъ текстовъ требникъ Московской Синодальной бібліотеки № 377 и требникъ Софійской бібліотеки № 836, а изъ печатныхъ изданій—Венеціанскій молитвословъ 1570 г. Прочіе тексты причащеніе побратимовъ предоставляютъ волю священника. „Въ нѣвѣихъ же зводѣхъ обрѣтается написано, яко подобаетъ причащати ихъ пречистыхъ танъ и тако отпустити тѣхъ, еже зѣло есть и богоугодно, обаче же се на разсужденіи настоятеля да будетъ, паче же аще уготовавшися, якоже подобаетъ, на сіе придуть“ (Кіевскій требникъ 1652 г.).

Вѣроятно, также изъ чинопослѣдованія таинства брака въ братотвореніе перешли обряды соединеніе рукъ и взаимное цѣлованіе; возложеніе на аналогіи креста и Евангелія, положеніе рукъ побратимовъ на св. Евангеліе можно считать заимствованнымъ изъ обряда клятвеннаго обѣщанія; поставленіе братающихся предъ алтаремъ или налоемъ, держаніе зажженныхъ свѣчей, цѣлованіе Евангелія, обхожденіе вокругъ налоя при пѣніи священныкъ пѣсней, находятъ себѣ аналогіи въ чинопослѣдованіяхъ многихъ другихъ таинствъ: крещенія, миропомазанія и т. п. Наконецъ, связываніе побратимовъ однимъ поясомъ и перемѣна крестами — представляются заимствованными специально изъ обрядовъ народнаго побратимства. Не всѣ однако, черты народнаго обычая вошли въ церковный чинъ; мы не видимъ важнѣйшаго изъ

нихъ: смѣшенія и взаимнаго питья крови побратимовъ. Отчасти обычай этотъ могъ замѣниться обычаемъ питья краснаго вина, символизировавшаго кровь. Но умолчаніе текстовъ чина братотворенія о прямомъ лизавіи побратимами крови другъ у друга не есть еще отрицаніе его. Подобный обрядъ доселѣ практикуется священниками въ глухихъ уголкахъ Болгаріи (Начовъ, *op. cit.* стр. 19—22), но не вносится въ болгарскіе требники. Могъ существовать такой обычай и у русскихъ славянъ.

Развиваясь и осложняясь съ теченіемъ времени, чинъ братотворенія могъ пріобрѣсти нѣкоторыя изъ этихъ осложненій и въ церкви славяно-русской. Ограничиваясь сравнительно немногими извѣстными намъ греческими текстами, нельзя, конечно, съ достовѣрностью утверждать, какія именно подробности вошли въ чинъ братотворенія, независимо отъ практики церкви греческой: но пока эти подробности неизвѣстны изъ греческихъ текстовъ, позволительно также предположить, что хотя нѣкоторые изъ нихъ составлены въ церкви славяно-русской. Изъ греческихъ текстовъ вовсе неизвѣстна намъ молитва *Владыко Господи Боже нашъ, ликъ святыхъ Своихъ Апостолъ избравый во едино стадо*, молитва тайная *Господи Боже нашъ, любы свершителю и миру наставниче* хотя извѣстна у Гоара, но положена здѣсь не въ чинѣ братотворенія, а *εις ἀγάπην καὶ ὁμόνοιαν ἐξ ἑχτρας τινός*; нѣтъ также въ греческихъ текстахъ чтенія Евангелія и Апостола и причащенія побратимовъ, съ сопровождающими ихъ возгласами.

XV—XVI в.в. являются эпохою, отъ которой наиболѣе дошло до насъ списковъ чина братотворенія. Было бы, однако ошибочно думать, что къ этому времени относится и наибольшее развитіе побратимства, какъ правового и въ частности каноническаго института. Не слѣдуетъ забывать, что литература до-монгольскаго періода, во-первыхъ, не могла отличаться большимъ богатствомъ, во-вторыхъ, въ громадномъ большинствѣ для насъ потеряна. Скорѣе можно думать, что по крайней мѣрѣ въ XVI в., подъ вліяніемъ усилившихся сношеній съ Византіею и увеличившагося знакомства съ каноническимъ правомъ, начинается во взглядахъ іерарховъ русской церкви колебаніе по отношенію къ братотворенію, завершившееся въ XVII в. его полнымъ запрещеніемъ.

Побратимство, по самой идеѣ своей, противно всеобщему братству вѣрующихъ во Христа. Поэтому его не знала церковь первенствующая и развитіе побратимства какъ института церковно-каноническаго относится къ эпохѣ упадка христіанскихъ правовъ. На практикѣ, однако, побратимство нерѣдко оказывалось неудобнымъ и съ точки зрѣнія гражданской, и съ религіозной. Побратимство вносило въ семью новыя тѣсныя узы, приходившія въ столкновение съ узами родства кровнаго и духовнаго (по воспріемничеству). Нарушались имущественныя право-отношенія, затруднялись брачныя связи; при громадномъ уваженіи народа къ побратимству, доходило иногда до кровавыхъ столкновеній между родичами изъ-за интересовъ побратимства. Вообще, по словамъ византійскихъ канонистовъ, „оно нерѣдко вело къ тяжкимъ грѣхамъ“ (А. С. Павловъ, *Номоканонъ при большомъ требникѣ*, изд. 2-е, стр. 30). Отсюда начинается осужденіе и запрещеніе побратимства. Въ VIII в. оно положительно запрещается базиликою Льва Философа, а затѣмъ его начинаютъ разбирать и осуждать византійскіе канонисты (Павловъ, *Номоканонъ*, стр. 311—314). Къ XII—XIII в.в. на Востокѣ побратимство окончательно запрещается церковью и въ номоканонъ вносится правило: *братотворенія же да не совершаются; законопреступна бо сія*. Гоаръ, помѣщая въ своемъ свхологіонѣ чинъ братотворенія, сопровождаетъ его, однако, слѣдующею оговоркою: *ιστέον, ότι ταύτην τήν ἀκολουθίαν, εἰ καὶ παρὰ τοῦ ἐκκλησιαστικοῦ καὶ βασιλικοῦ νόμου ἐκωλόθη ἐπιτελεῖσθαι, ἀλλ' ἡμεῖς ἐτοπώσαμεν, καθὼς καὶ ἐν ἄλλοις πολλοῖς βίβλοις εὐρήκαμεν.*

Все, что вырабатывалось въ Византіи, нами усваивалось съ опозданіемъ. Сказанное имѣло мѣсто и по отношенію къ чину братотворенія. Давно уже въ номоканонѣ, прилагаемомъ, обыкновенно, къ большому требнику добросовѣстно переписывалось и перепечатывалось вышеуказанное правило: *братотворенія же да не совершаются, законопреступна бо суть сія*; и при томъ въ тѣхъ же экземплярахъ находимъ чинъ братотворенія, видимъ въ книгѣ пятна, слѣды воска, доказывающія практическое примѣненіе этого чинопослѣдованія. Въ концѣ XVI—XVII в.в. начинается видимо сильное колебаніе представителей церковной іерархіи по отношенію къ этому чину. Его нѣтъ въ большинствѣ требниковъ южно-русскихъ; въ Москвѣ его перестаютъ печатать послѣ 1632 г., а вмѣсто него печатаютъ въ отрицательной формѣ лишь переводъ вышеприведенной оговорки Гоара. Существуетъ поэтому мнѣніе, по которому чинъ братотворенія уже съ XV в. потерялъ у насъ практическое значеніе, а если переписывался и перепечатывался, то лишь изъ слѣпного уваженія къ буквѣ стараго текста. Считаю, однако, мнѣніе это неосновательнымъ. Ему противорѣчатъ, во-первыхъ, явные слѣды употребленія этого чинопослѣдованія въ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ XVI—XVII вв. Затѣмъ, если можно еще допустить такую безсознательную переписку со стороны переписчика — рядового монаха, дьячка, а то и просто граматника, то ея никакъ нельзя допустить со стороны Московскихъ справщиковъ и патріарховъ, рецензировавшихъ московскія изданія и тѣмъ болѣе — кіевскихъ ученыхъ XVII в. Очевидно люди, стоявшіе во главѣ церковной іерархіи, сами колебались, какъ имъ относиться къ этому чину. Отсюда и двойственность въ запрещеніи его каноническимъ постановленіемъ и въ печатаніи чина, въ которомъ, очевидно, ощущалась практическая надобность. Такого печатанія не допускали болѣе строгіе канонисты, вродѣ Петра Могилы или Никона, другіе іерархи сами не знали какъ имъ быть. Есть, наконецъ, доказательство, что и много спустя послѣ оффиціального запрещенія, въ половинѣ, можетъ быть въ концѣ даже XVIII в. практиковалось церковное освященіе братотворенія въ Южной Россіи. Кіевскому Обществу Нестора лѣтописца принадлежитъ рукопись, писанная въ половинѣ XVIII в. въ Кіевщинѣ или Черниговщинѣ, судя по почерку, и заключающая въ себѣ одинъ только чинъ братотворенія — списокъ съ требника 1652 г. Если въ требникахъ чинъ братотворенія могъ быть переписываемъ случайно, заодно съ другими статьями, то здѣсь это обстоятельство не имѣетъ мѣста. Очевидно переписчикъ, какой-нибудь сельскій священникъ, списалъ для своей potreбы чинъ, котораго не находилъ въ современныхъ ему печатныхъ изданіяхъ требника, но въ которомъ ощущалъ надобность въ своей пастырской практикѣ. Тетрадка носитъ слѣды продолжительнаго употребленія. Во второй половинѣ XVIII в., въ помянникѣ церкви с. Смедыня, Ковельскаго уѣзда, Волинской губерніи, встрѣчаемъ любопытное прошеніе: „помяни Господи кумы и побратимы“. Сопоставляя вышеуказанное, мы можемъ придти къ заключенію, что чинъ братотворенія въ XVI—XVII в.в. совершался въ довольно широкихъ размѣрахъ, при колебаніи на этотъ счетъ представителей высшей церковной іерархіи; въ XVIII в. онъ окончательно выходитъ изъ употребленія, но практикуется еще по мѣстамъ сельскими священниками, въ силу прочно установившагося народнаго обычая.

Братотвореніе личное въ XVII в. въ западной Руси легко могло выразиться въ братотвореніяхъ болѣе широкихъ, коллективныхъ, въ церковныхъ братствахъ, возникшихъ въ это время здѣсь, для противоудѣйствія католичеству и униі, для охраны родной вѣры и національности. Но была и замѣтная разница между старымъ братотвореніемъ и вновь возникшими братствами. Братотвореніе основано было на чувствѣ личной любви другъ къ другу побратимовъ, въ основѣ западно-русскихъ церковныхъ братствъ лежала общность интересовъ, хотя бы и идейныхъ, но независимыхъ отъ чувства личной симпатіи и антипатіи. Отсюда негодился для принятія въ братство и старый чинъ братотворенія; новое вино требовало и мѣховъ новыхъ.

Въ XVI—XVII в.в. видимъ бѣдность и даже полное отсутствіе ритуала принятія въ братство. Въ уставахъ Львовскаго братства 1586 и 1589 г.г. требуется только, чтобы вновь принимаемый братчикъ „далъ вступного до скринки братской грошей шесть“ и ни о какомъ обрядѣ или чинопослѣдованіи приѣма не упоминается. По уставу Луцкаго братства 1623 г., вновь поступающій братчикъ долженъ былъ выразить согласіе на исполненіе братскаго устава, „а кгда на всѣхъ ниже описанные порядки позволить, на тот час въ рукахъ презвитерскихъ крестъ Chesный целовати мает и руку ерейскую и каждому брату, на держаня такового брацтва, руку дати маеть, где и вступного до скринки брацкое зараз положить повиненъ будетъ грошій шесть“. Здѣсь все таки не видно еще вовсе чинопослѣдованія церковнаго. Нѣкоторый специальный чинъ принятія въ братство является уже въ XVIII в. Для сужденія объ этомъ чинѣ я располагаю братскими уставами, данными еп. Оеодосіемъ Лубенецкимъ-Рудницкимъ въ 1736 г., Сильвестромъ Лубенецкимъ-Рудницкимъ въ 1765 г. и Стефаномъ Левинскимъ въ 1791 г. Во всѣхъ этихъ уставахъ, перепечатывавшихся почти безъ всякихъ измѣненій, въ артикулѣ первомъ такъ излагается чинъ вступленія въ братство новаго братчика: „в день той, в который вписатися изволить, исповѣдь святую съ всѣхъ грѣховъ своихъ сотворше, причастіе Таинъ Святыхъ улучити; а посемъ, при іереѣ церкви реченя (промотору братства реченнаго) и собранной братіи, обѣщаніе сие исполнити, колѣна преклонше предъ иконою Пресвятой Богородицы и положеннымъ Евангеліемъ; по исповѣданіи вѣры святой, сирѣчь: Вѣрую въ единаго Бога; и прочетше, послѣдствующая глаголати: Пресвятая Богородице Дѣво Маріе, Мати Господа Мосго Іисус Христа. Азъ имярекъ рабъ Сина твоего и твой грѣшній и непотребный и самаго пресвятаго лицезрѣнія твоего недостойный, разжженный любовію и желаніемъ по Бозѣ служити тебѣ, имѣяй несумнѣнную надежду въ твоей неисповѣдимой милости; днесъ предъ Богомъ и святыми небесными силами вручаю мя Тебѣ въ всегдашняго раба, лику братіи соединяюся, и отъ сего дне искреннѣе желаю ти имѣти себѣ Госпожу, Матерь и Предстательницу житія и спасенія моего, клятвенно съ усердіемъ обѣщаюся никогда же тя оставити, но найпаче честь достойную имени твоему пресвятому всегда воздавати и прочіихъ мнѣ врученыхъ къ томужде почтенію увѣщавати и наставляти долженствую: Сего ради, о Мати Божія, прилежно молю тя и с тобою Сина твоего, да мя ко спасенному всѣхъ благихъ житію и полезному наставитъ познавію и находящихъ бѣдъ и напастей избавитъ, и в часъ смерти, матерними твоими преклоненъ молитвами, помилуетъ. Аминь. Посемъ положше два персты на евангеліе, изречеть: сія вся яко истинно обѣщаю и уставы братскія съ послушаніемъ хранити имамъ; тако ми допоможи, Господи Боже и сіе святое евангеліе. Сія изрекши, лобызаетъ евангеліе и икону Пресвятой Богородицы“.

Въ изложенномъ чинопослѣдованіи нельзя найти ни одной черты, заимствованной изъ стараго чина братотворенія. Это обрядъ, составленный по образцу клятвеннаго обѣщанія, но внѣ всякаго отношенія къ чину братотворенія. Послѣдній однако возрождается отчасти уже въ XIX в., въ „Оуставахъ для братствъ церквей въ діецезіи Холмской обрѣтающихся, повелѣніемъ и благословеніемъ Его Преосвященства Куръ Фердинанда Ціехановскаго Епископа Холмскаго, сенатора царства Польскаго изданныхъ Р. Б. 1826“. Здѣсь послѣ изложенія устава братскаго, находится особый „чинъ принятія въ братство“. Чинъ этотъ совершается въ церкви священникомъ, облаченнымъ въ епитрахиль и фелонь. Послѣ вопросовъ священника вновь принимаемому братчику о желаніи вступить въ братство и исполнять его уставы, слѣдуетъ начало обычное, ектенія изъ трехъ прошеній о вновь принимаемомъ братчикѣ, о еже избавитися ему отъ всякія скорби, гнѣва и нужды и о еже совокупитися ему въ любовь совершенную въ семь братствѣ и нѣсколько измѣненная молитва *Владыко Господи Боже нашъ, ликъ святыхъ своихъ апостолъ избравый во едино братство*, заимствованная прямо изъ

чина братотворенія. Затѣмъ „іерей кропитъ водою священною представленнаго, глаголя: окропленіемъ воды сія священнымъ да спидеть на тя благословеніе всемогущаго Бога Отца и Сына и Святаго Духа, аминь“. Далѣе слѣдуетъ отпустить, съ упоминаніемъ св. чудотворцевъ и безсребренниковъ Космы и Даміана, въ союзѣ любви пожившихъ. Этого не было въ вышеизложенныхъ волынскихъ чинопослѣдованіяхъ XVII в. и можно допустить, что идея этого отпуста заимствована также изъ чина братотворенія, именно изъ молитвы *Господи Боже Вседержителю, сооривый челоуька по образу своему и по подобію.*

Было бы ошибкою думать, что одно оффиціальное каноническое запрещеніе повело къ вырожденію и наконецъ къ полному прекращенію чина братотворенія. Жизненно лишь то, что находятъ себѣ почву въ социальныхъ условіяхъ. Но побратимство какъ народный обычай обуславливалось исключительно неустойчивостью общественнаго быта, постоянной опасностью, грозившей челоуьку, причемъ выгоднымъ, необходимымъ даже становилось имѣть неизмѣнновѣрное сердце, помощника и защитника въ грозящей на каждомъ шагу опасности. Отсюда побратимствомъ характеризуется бытъ народовъ первобытныхъ, средніе вѣка въ исторіи Европы; потому-то оно во всей почти силѣ своей удержалось доселѣ у южныхъ славянъ, недавно еще освободившихся отъ турецкаго ига и донинѣ не могущихъ похвалиться полною юридическою обезпеченностью личности. Побратимство является противовѣсомъ сильно развитому социальному индивидуализму, и съ развитіемъ гражданственности, теряетъ свой *raison d'être*; оно можетъ сохраняться еще нѣкоторое время какъ привычный пережитокъ прошлаго, но это уже агонія народнаго обычая. Въ такомъ положеніи видимъ побратимство въ Россіи въ XVIII столѣтіи. вмѣстѣ съ побратимствомъ умеръ и чинъ братотворенія и напрасны были бы попытки какъ возродить его, такъ и ссылаться на „запрещеніе сего царскимъ и церковнымъ закономъ“. Онъ есть всецѣло достояніе археологій и ничѣмъ инымъ быть не можетъ.

П р и л о ж е н і е .

Чинъ братотворенія, по списку 1403 г. ркп. Волынскаго епархіальнаго древнехранилища № 24/24.

Чинъ бываемыи на братотвореніе .

Въходить хотацаа брататиса . приидеть . по . въ церкѡвъ . и постави налон срѣ церкѡн . прѣ батаре . и положить . ієвліє . и положи роуць . дасть има крта . и гаеть . діаконь . мирѡ гѡу помолиса . о свышнє мирѣ и ѡ спє . ѡ раба вѣтїю імрк . ѡ хѣтє любви и ѡ спєни єю . гѡу помолиса : — о кєбалзни пребывати любви братствє єю . ѡ избавитиса имь и намѡ ѡ всакїа . млатва . —

Гїи вѣе нашє давнїи намь прошенїа къ спєнїю . и заповѣдавнїи нѡ . люентн дроу дроуга . и ѡпоуцати сьгршенїа дроугѣ дроугѡу . ты вѡко вѡтїаю . уѡколюбєє сїа раба твоѡ . імрк . възлюбєанїа себе дхѡвнїи възлюбєнїемь . и пришеїаа въ церкѡвъ сїю ѡ тебе вѡентиса . даи же има вєрѣ непоствїднє . и любѡкѣ нелицемѣрноу . надежоу нїзвѣстнє . кѡко же даль єси стѣмь своимь оуѡнїѡ и ѡплѡ . мирѣ своїи и любѡвь . снма братѡма твоїма хѣ вѣє . даи же вса прошенїа . вѡже ко спєнїю жизни вєунїи . ты бо єси сѣх їстнїинын . и живѡ нлшь . и тобѣ славу възсылаємь съ вєзнауѡ . — здєстннїи сїи . прѡтоуѡу уѡтоуѡу . по кѡко ты єси вѣ їстнїинын . и жизнь вєунаа . и тобѣ славоу : — и прєменїи . крта . дроугѡ . дроуѡнїи давь . крѣть . жєзлє силы послєть тобѣ ѡ сїѡна . хѣ дасть има .

въ лѣвѣи рацѣ свѣци . дѣаконъ . премѣрость . прѣ . стѣ . же сѣ на зѣмлѣ . стѣ . прѣзрѣхъ гѣ прѣ
мною . апѣлъ . въ коринѣтѣмъ : + (гл. 12. 27, 13. 8) ѡлѣвѣа . глѣ ѣ . се коль добро ѡ коль красно .
стѣ . ѡко тѣ заповѣда гѣ . еѣаге ѡ матѣеа (гл. 10, ст. 1—8) . ѡ цѣлѣта . еѣаге . ѡ сама са . цѣ-
лѣста . тѣ . ѡктенѣа . помнази на бѣе . помани тѣ ѡ сѣю . матѣа . втаѣ .

Гѣ бѣе нашъ сѣтворивыи нѣо ѡ зѣмлю . ѡ уѣка по ѡбрѣзоу своѣмоу . ѡ по нѣкѣо ѡ дѣвѣ
ѣмоу животь вѣуныи . ѡзволѣвыи стѣа ѡ славыи апѣлы своѣ петрѣ ѡ пава . филиппа . калѣфромеѣа .
братѣи быти . ѡ не оузою рожественю . нѣо вѣрою дѣокною . ѡ любовѣю спѣбеныи . стѣа своа
мѣнка . сѣргѣа ѡ иѣаха . бранѣ быти . бѣаи раба твоа сѣа . не оужикою бѣтвенюю . нѣо вѣрою любве
ѡбразѣ . ты нѣе вѣко уѣбомуеуе гѣ . послѣи бѣаѣ стѣаго твоего дѣа на рабы сѣа твоа . ѡмѣ спѣбиль
ѣси братома быти . ѡ даѣ ѡма любовѣ свою не ѡкредѣноу . ѡ не искоусноу до послѣднѣа ѡзды-
ханѣа . ѡ даѣ же ѡма свою бѣгодать . юже даѣ ѣси стѣа своѣ апѣлѣ . да любать дроу дроуга .
бѣ зависти безѣ блазна . въ вса дѣи живота еѣю . бѣголемемъ ѡ бѣгѣю . ѣдинорѣднѣаго сѣа твоего
сѣи нѣи же бѣгенъ ѣси сѣ прѣтѣи ѡ бѣгѣи ѡ животворѣи тѣ дѣо . нѣе ѡ прѣ . нѣо . мирѣ всѣ .
дѣаконъ . глѣвы ваѣа гѣи прѣва . поѣ матѣа . таѣ .

Гѣ бѣе нашъ . ты любве сѣверѣшителю . ѡ матѣи ѡставникѣ . ѡ всѣ сѣсѣ . подѣи же нѣ мѣ-
дрѣвѣнѣе . ѣже ѡ хѣ ѣсѣ . ѣдинорѣднѣаго сѣа ѡ бѣ ѡнашего . спѣбѣи ны сѣмыса прѣимѣти ѣлюковѣ .
ѡко ѣдинорѣдынѣи сѣи твоѣ прѣатѣи ны . ѡ даѣ ѡма любовѣю слоужити дроу дроугоу . ѡ сѣверѣшити
зѣконъ хѣ твоего . сѣ всѣ дѣзѣниѣенѣемъ . ѡко твоѣ ѣсть дѣрѣжива . ѡ твоѣ ѣсть цѣрѣство ѡ сила : +
поѣ . вѣгла . вѣнѣа . стѣа стѣа . ѡ да ѡма прѣуастѣа сѣрѣа вина . вѣаѣиѣи вѣаѣ ѡнѣ ѡ водѣ .
гѣ ѡнѣ .

Послѣдніе слѣды казачества въ правобережной Украинѣ.

В. И. Щербины.

Исторія украинскаго казачества, составляющая одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ исторіи Малороссіи и вызвавшая цѣлый рядъ изслѣдованій авторитетныхъ ученыхъ, представляетъ и до настоящихъ временъ нѣсколько не вполне разъясненныхъ вопросовъ. Въ одномъ изъ за-сѣданій историко-географической секціи XI Археол. Съѣзда проф. Н. П. Дашкевичъ прочелъ чрезвычайно интересный докладъ, посвященный одному изъ этихъ вопросовъ — вопросу о происхожденіи украинскаго казачества. Предметомъ моего краткаго сообщенія послужитъ вопросъ менѣе важный, но во всякомъ случаѣ, думается мнѣ, заслуживающій вниманія—вопросъ о томъ, когда и какъ окончило свое существованіе казачество въ своей первоначальной родинѣ—правобережной Украинѣ.

По установленному въ наукѣ мнѣнію, казачество существовало въ правобережной Украинѣ только до 1711 года. Въ этомъ году былъ заключенъ Прутскій договоръ, по которому русское правительство отказалось отъ своихъ притязаній на обладаніе правобережною Україною, жившимъ же въ ней казакамъ дозволялось переселяться съ семьями и движимымъ имуществомъ на правый берегъ Днѣпра и водворяться въ какомъ-нибудь изъ казацкихъ полковъ лѣвобережной Гетманщины или въ какихъ-нибудь иныхъ краяхъ, находящихся подъ властью царской державы.

Это было, какъ извѣстно, уже вторичное постановленіе о запусѣніи Украины и уничтоженіи въ ней казачества. Въ первый разъ подобныя мѣры задуманы были сосѣдними правительствами тридцатью годами ранѣе: въ Бахчисарайскомъ договорѣ 1681 г. и Московскомъ 1686 г. встрѣчаются постановленія о томъ, чтобы „отъ Кіева до Запорогъ по обѣ стороны Днѣпра городовъ и городковъ не дѣлать“, такъ какъ „тѣ мѣста оставатись имѣють пусты, какъ нынѣ суть“. Постановленія эти въ дѣйствительности не были однако выполнены: въ опустѣвшей было, въ эпоху „руины“, Украинѣ вскорѣ явились самовольныя поселенія, составившія по большей части изъ возвратившагося на свои старыя пепелища прежняго населенія. Это возвратившееся населеніе съумѣло возстановить и свое прежнее казацкое устройство, — и даже добиться признанія его со стороны польскаго, а впоследствии и русскаго правительства.

Исторія этого воскресшаго, вопреки всѣмъ препятствіямъ, казачества, его геройская борьба за свои національные и общественные идеалы прекрасно обрисованы нашимъ высокоуважаемымъ ученымъ проф. В. Б. Антоновичемъ въ его извѣстномъ изслѣдованіи „Послѣднія времена казачества на правой сторонѣ Днѣпра“.

Описавъ, въ названномъ сочиненіи, трагическую судьбу Поля и его сторонниковъ и рассказавъ о новомъ занятіи Украины поляками, Владимиръ Бонифатіевичъ продолжаетъ: „Такимъ образомъ исчезло навсегда въ этой области казачество, возстановленное на время въ прежнемъ видѣ и въ формѣ согласной съ пониманіемъ народа... На правой сторонѣ Днѣпра отъ казачества осталось одно имя, которое паны присвоили своимъ надворнымъ милиціямъ и прислугѣ... Милиція эта, замѣнившая прежнія шляхетскія надворныя хоругви, удержала за собою названіе казаковъ... но кромѣ имени и костюма надворная казачина не имѣла ничего общаго съ прежнимъ казачествомъ, составлявшимъ свободное, владѣвшее землею и пользовавшееся самоуправленіемъ сословіе“.

Я далеко отъ мысли возражать противъ основныхъ положеній цитированнаго отрывка. Казачество въ томъ видѣ, какъ оно существовало въ правобережной Украинѣ въ XVII ст., дѣйствительно не могло уже возродиться послѣ смуть и разореній конца XVII и начала XVIII в.; но едва ли оно могло и исчезнуть безслѣдно. Прочно сложившіяся формы народнаго быта вообще не исчезаютъ безслѣдно, и часто сохраняются, въ видѣ „переживаній“ и послѣ того, какъ утратятъ свое внутреннее содержаніе; а казачество даже не утратило своего содержанія: съ одной стороны, оно по прежнему соответствовало общественнымъ идеаламъ малорусскаго народа, съ другой—представляло, по прежнему, извѣстныя выгоды для правительства, какъ средство военной обороны края. Вотъ почему можно а priori предположить, что казачество, возродившееся, не смотря на самыя неблагоприятныя условія, послѣ Московскаго договора, не могло совершенно исчезнуть и послѣ договора Прутскаго.

Предположеніе это подтверждается современными актами матеріалами. Въ нихъ можно найти нѣсколько указаній, правда весьма немногочисленныхъ и отрывочныхъ, на существованіе казачества на правомъ берегу Днѣпра во второй половинѣ XVIII ст. Разсмотрѣніе и оцѣнка этихъ указаній и составитъ содержаніе настоящаго доклада.

Въ люстраціи староствъ Кіевскаго воеводства и повѣта за 1765 г. ¹⁾ во всѣхъ почти староствахъ упоминается организованное военное и въ тоже время земледѣльческое сословіе, называемое *городовыми казаками*. Обязанности этихъ казаковъ опредѣляются, въ большинствѣ староствъ, слѣдующимъ образомъ: „эти городовые казаки несутъ военную повинность въ обозѣ короннаго войска, по распоряженію региментарей (Ci kozacy horodowi chodzą do obozu woyska koronnego za ordynansami panow regimentarzow na powinność wojenną);“ только въ двухъ староствахъ о козакахъ сказано что они „поставлены для обороны грунтовъ староства („Ci kozacy są postanowieni dla obrony grontow starostwa“). Казаки эти живутъ не только въ городахъ и мѣстечкахъ, но и въ селахъ, хотя приписаны къ главному городу староства; поэтому въ нѣкоторыхъ люстраціяхъ они не упоминаются при перечисленіи отдѣльныхъ сель, а приписаны огуломъ, въ концѣ люстраціи. Всѣ эти казаки совершенно свободны отъ налоговъ и повинностей, при чемъ въ нѣкоторыхъ староствахъ на извѣстное число казаковъ освобождается значительно большее число „халупъ“ (дворовъ), въ другихъ же число казаковъ и свободныхъ халупъ совпадаютъ, а именно:

¹⁾ Люстрація эта, равно какъ и люстрація 1789 г., печатаются въ настоящее время въ „Архивъ юго-западной Россіи“.

Въ староствѣ Черкасскомъ казаковъ	60	халупъ	132
„ „ Чигиринскомъ „	116	„	296
„ „ Звенигородскомъ „	25	„	64
„ „ Шаулисскомъ „	11	„	11
„ „ Корсунскомъ „	57	„	88
„ „ Каневскомъ „	102	„	110
„ „ Трахтамировскомъ	19	„	19
„ „ Кагорлыцкомъ „	12	„	12
„ „ Богусловскомъ „	52	„	52
„ „ Таращанскомъ „	13	„	13
„ „ Бѣлоцерковскомъ	156	„	354
„ „ Синицкомъ „	7	„	7
„ „ Романовскомъ „	47	„	47
„ „ Ставискомъ „	20	„	20
„ „ Дымирскомъ „	21	„	21
„ „ Нехворощскомъ „	16	„	16
Всего „		734	1262

По отношенію къ общему числу халупъ, занесенныхъ въ люстрацію, первая цифра составляетъ 3,8% вторая—6,6%.

Въ трехъ старостахъ совсѣмъ не встрѣчается упоминанія о казакахъ. Это староство Рожовское, Таборовское и сс. Строковъ, Буки и Бакожинъ—владѣнія, за которыми не вполне признавалось значеніе имѣній королевскихъ.

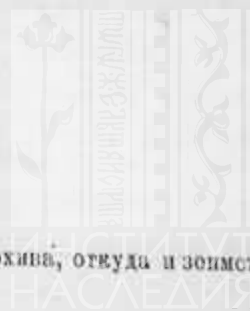
Приведенныя данныя люстраціи 1765 г. показываютъ, по нашему мнѣнію, что въ данное время во всѣхъ почти старостахъ Кіевского воеводства существовало казачество въ видѣ осѣдлаго земскаго сословія, несшаго военную повинность и свободнаго отъ всякихъ повинностей въ пользу староствъ. Въ болѣе значительныхъ старостахъ послѣднею привиллегією пользовались не только сами казаки, отбывавшіе повинность и ихъ семьи, но и другія лица и семьи, повидимому, замѣнявшія первыхъ или оказывавшія имъ извѣстную помощь въ несеніи военной службы. Такая организація напоминаетъ организацію казачества въ лѣвобережной Украинѣ, гдѣ кромѣ „выборныхъ“ козаковъ были еще ихъ „вспомогатели“ или „подпомощники“.

Нѣкоторыя дополненія къ даннымъ, сообщаемымъ люстраціями, можно найти въ подробныхъ инвентаряхъ королевскихъ имѣній, составившихся по случаю передачи ихъ новымъ владѣльцамъ¹⁾. Въ этихъ инвентаряхъ встрѣчаются поименные списки казаковъ, показывающіе, что дѣйствительно къ одной казацкой службѣ приписывалось нѣсколько различныхъ хозяевъ. Такъ въ инвентарѣ староства Корсунскаго, составленномъ въ 1774 г., встрѣчаются списки казаковъ подобные слѣдующему:

M. Korsuń

1. { Michaylo Ostrous
Klim Ostrousov zięć
Nyczipor Szpil

¹⁾ Много такихъ инвентарей находится въ актовыхъ книгахъ Кіевского Центрального Архива, откуда и заимствованы приводимыя ниже примѣры.

2.	{	Stefan Husak
	{	Prokop Husak
	{	Lewko Dawidenko
	{	Michayło Dawidenko
3.	{	Omelko Dawidenko
	{	Miron Dawidenko
	{	Stefan Dawidenko
4.	{	Parchom Litwinenko
	{	Klim Chemiczenko
	{	Iwan Ihnatenko
5.	{	Lazar Kolos
	{	Iwan, zięć Kolosow
	{	Pawło, syn Kolosow и т. д.

Иногда въ подобныхъ перечняхъ, на ряду съ мужскими именами, встрѣчаются и женскія (вдовы), напр.: Kalenik Nosacz, Hrucyha wdowa, Lukian Kolomjies (все три лица составляютъ одну службу). При каждомъ имени въ подобныхъ спискахъ указывается „тягло“ (т. е. количество рабочаго скота), но повинностей никакихъ не указано; ясно, что эти лица относились къ числу „либертованныхъ“, т. е. свободныхъ отъ всякихъ повинностей въ пользу старосты.

Совершенно аналогичныя данныя заключаются въ инвентарѣ староства Каневского, составленномъ въ томъ же 1774 г.

Совершенно въ иномъ свѣтѣ рисуется положеніе казаковъ въ послѣдней люстраціи королевскихъ имѣній, составленной въ 1789 г. Въ этой люстраціи казаки упоминаются только въ шести староствахъ, и при томъ въ незначительномъ числѣ, а именно:

Въ староствѣ	Черкасскомъ.	. . .	6
„	„	Чигиринскомъ.	. . . 38
„	„	Каневскомъ.	. . . 8
„	„	Богуславскомъ.	. . . 93
„	„	Дымирскомъ.	. . . 5
„	„	Нехворощскомъ.	. . . 9
		<hr/>	
		Всего.	. . . 159

Цифра эта по отношенію къ общему числу жителей составляетъ всего 1,1%. О военной повинности казаковъ въ люстраціи совсѣмъ не упоминается. Въ большинствѣ случаевъ казаки несутъ тѣже повинности, что и крестьяне.

Кромѣ имѣній королевскихъ казаки упоминаются и въ инвентаряхъ нѣкоторыхъ дѣдичныхъ имѣній¹⁾. Такъ, въ инвентарѣ м. Германовки, составленномъ въ 1768, при замѣнѣ этого дѣдичнаго тогда имѣнія (принадлежавшаго Миру) на староство Тытовецкое упоминаются казаки: въ м. Германовкѣ 13, въ с. Слободкѣ 6 и Ольшаницѣ 3. Казаки эти несутъ все повинности наравнѣ съ крестьянами—платятъ чиншъ, пофурцизну, ставщицзну, ралець, даютъ каплуновъ и мотки. Тѣмъ не менѣе въ инвентарѣ казаки обособлены отъ крестьянъ: о десяти-

¹⁾ Приводимые ниже факты также заимствованы изъ актовыхъ книгъ Кіевского Центрального Архива.

тинѣ напр. сказано, что ее обязаны давать какъ *подданные такъ и казаки*; въ общемъ счетѣ доходовъ имѣнія доходъ, получаемый отъ казаковъ, выдѣленъ въ особую рубрику:

М. Германовка	zł.	9737	gr.	26
„ Słobodka.	„	7198	„	15
„ Olszanka.	„	4510	„	15
„ Semenowka.	„	2584	„	0
z <i>kozakow</i> wynika.	„	1147	„	20

Въ инвентарѣ м. Паволочи, принадлежавшаго тогда кн. Гаспру Любомирскому, составленному въ 1778 г. приведенъ поименный списокъ хозяевъ съ указаніемъ ихъ тягла и повинностей, при чемъ при нѣкоторыхъ именахъ приписано *kozak*. Всѣхъ хозяевъ въ Старой Паволочи 149, изъ нихъ казаковъ 11; въ Новой Паволочи 76, казаковъ 5. Относительно повинностей, въ данномъ имѣніи очень легкихъ, казаки ничѣмъ не отличаются отъ подданныхъ.

Вотъ тѣ немногія данныя современныхъ актовъ, въ которыхъ можно видѣть указаніе на послѣдніе слѣды казачества въ правобережной Украинѣ. Слѣды эти представляются болѣе замѣтными въ имѣніяхъ королевскихъ. Городовые казаки люстраціи 1765, съ ихъ земельнымъ надѣломъ, освобожденіемъ отъ крестьянскихъ повинностей, военною организаціею, напоминающею организацію казачества лѣвобережнаго, представляютъ еще довольно ясное напоминаніе о прежнемъ вольномъ казачествѣ. Но при всемъ сходствѣ есть и существенное различіе, заключающееся въ полномъ подчиненіи ихъ польскому правительству (въ лицѣ региментора Украинской партіи). Это подчиненіе и повело впоследствии къ уравниенію казаковъ съ подданными, которое видно уже въ люстраціи 1789 г. Казаки, поселившіеся въ частныхъ имѣніяхъ, повидимому, раньше оказались въ подобномъ положеніи, хотя и они первое время, какъ можно видѣть изъ инвентаря м. Германовки, составляли особую группу населенія, отличающуюся отъ подданныхъ.

Начало и ростъ полтавскихъ владѣній князей Вишневецкихъ, по даннымъ Литовской Метрики.

Ө. Д. Николайчика.

Въ послѣдніе годы кіевскіе и варшавскіе историки съ живымъ интересомъ относятся къ вопросу о колонизаціи лѣвобережной Малороссіи въ послѣ-монгольскій періодъ. Благодаря трудамъ г. А. Яблоновскаго, А. М. Лазаревскаго, В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, г. Любавскаго, Д. Н. Багалѣя, Вас. Г. Ляскоронскаго, И. М. Каманина и другихъ, разработка этого вопроса значительно подвинулась впередъ. Изысканія пока направлены преимущественно на архивный матеріалъ и объединяются главнымъ образомъ въ двухъ кіевскихъ ученыхъ учрежденіяхъ: Комиссіи для разбора древнихъ актовъ и Обществѣ Нестора Лѣтописца, а также въ мѣстномъ историческомъ журналѣ „Кіевская Старина“. Недавно, впрочемъ, г. Вас. Ляскоронскій обратилъ вниманіе изслѣдователей на относящійся къ этому вопросу старинный картографическій матеріалъ, что вмѣстѣ съ приготовленнымъ кіевской Комиссіей къ печати выпускомъ самыхъ картъ южной Россіи древнѣйшаго времени должно пролить на вопросъ новый свѣтъ ¹⁾.

¹⁾ Важнѣйшія сочиненія по вопросу о колонизаціи лѣвобережной Малороссіи въ послѣ-монгольскій періодъ слѣдующія:

1. А. *Iablonoewski*. *Ukraina. Źródła dziejowe*, тт. XX, XXI, XXII.
2. *Ею же*. *Lustracye królewsczyzn ziem ruskich: Wołynia, Podola i Ukrainy z pierwszej połowy XVII wieku* (*Źródła dziejowe*, т. V).
3. *Ею же*. *Zadnieprze* (W *Słowniku Geograficznym*).
4. *Лазаревскій*. Историческіе очерки Полтавской Лубенщины XVII и XVIII вв. (въ „Чтеніяхъ въ истор. Общ. Нестора Лѣт.“, кн. XII).
5. *Ею же*. *Описание старой Малороссіи*. Тт. I и II.
6. *Ею же*. Лубенщина и князья Вишневецкіе (въ „Кіев. Старинѣ“ 1896 г. I—III).
7. Архивъ ю.-зап. Россіи. Ч. VII, тт. 1 и 2. Акты перваго тома подобраны *В. Б. Антоновичемъ*, втораго—*М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ*; послѣднему принадлежатъ и изслѣдованія, въ видѣ руководящихъ статей, въ обоихъ томахъ.
8. *Любавскій*. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута.
9. *Ляскоронскій Вас.* Иностранные карты и атласы XVI и XVII вв., относящіеся къ Южной Россіи („Чтенія въ истор. Общ. Нестора Лѣт.“, кн. XII).
10. Матеріалы по исторіи русскаго картографіи. Вып. I. Карты всей Россіи и южныхъ ея областей до половины XVII вѣка. Изд. Кіев. Ком. для разбора др. актовъ. Кіевъ. 1899 г.

Занимаясь исторіей одного изъ болѣе важныхъ въ облѣдуемомъ краѣ городовъ, а именно города Ромна, я считаю себя причастнымъ къ упомянутому вопросу и хотѣлъ бы внести послѣднюю лепту въ его разработку.

Г. Роменъ одно время входилъ въ составъ т. н. полтавской Вишневецчины, которую, по справедливому замѣчанію г. Яблоновскаго, скорѣе надо было бы назвать удѣльнымъ княжествомъ, чѣмъ лятифундіей магната ¹⁾. Чтобы въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить объемъ полтавскихъ владѣній князей Вишневецкихъ, достаточно сказать, что изъ нынѣшнихъ 15 уѣздовъ Полтавской губерніи къ концу польскаго владычества въ краѣ 11 уѣздныхъ городовъ съ приблизительнымъ объемомъ нынѣшнихъ ихъ уѣздовъ принадлежали кн. Іереміи Вишневецкому. Періодъ существованія владѣній Вишневецкихъ въ нынѣшней Полтавской губерніи, обнимающій послѣдніе 10 лѣтъ XVI-го и первую половину XVII вѣка, совпадаетъ съ моментомъ усиленной колонизаціи края, и сами Вишневецкіе были одними изъ главныхъ дѣятелей, хотя и дѣятелей *suī generis*, этой колонизаціи, съ которыми по объему дѣятельности могли сравниться весьма немногія южно-русскія фамиліи того времени, напр. князья Острожскіе. Понятно поэтому, насколько важно изученіе развитія Вишневецчины какъ для разработку упомянутого выше вопроса о колонизаціи края вообще, такъ и для исторіи cadaго изъ городовъ, входившихъ въ составъ этой Вишневецчины, въ частности.

Въ нынѣшнее лѣто мнѣ удалось извлечь изъ Литовской Метрики въ Москов. Архивѣ Мин. Юст. до 40 актовъ, которыми, повидимому, не пользовались историки полтавскихъ владѣній Вишневецкихъ ²⁾. Естественно, что документы эти, заключаая въ себѣ въ общемъ извѣстные факты, приносятъ въ изученіе вопроса, на мой взглядъ, и кое-что новое. Цѣль моего настоящаго сообщенія была бы достигнута, если бы въ немъ нашлось что-нибудь новое и на взглядъ ученыхъ изслѣдователей вопроса.

Оставляя въ сторонѣ какъ начало родословной князей Вишневецкихъ ³⁾, такъ и административное дѣленіе кievскаго воеводства въ XVI в., ⁴⁾ отмѣтимъ, что Вишневецкіе породнились, такъ сказать, съ нашимъ краемъ съ середины XVI вѣка, со времени знаменатаго черкаскаго старосты, кн. Дмитрія Ивановича Вишневецкаго, — „Байды“ народныхъ пѣсень. Къ пребыванію черкасскимъ старостой двоюроднаго брата его, Михаила Александровича, относится фактъ, служащій исходной точкой въ образованіи по-сульскихъ владѣній Вишневецкихъ. Именно, „шляхетный“ Михайлъ Грибуновичъ Байбуза, по рекомендаціи черкаскаго старосты, получаетъ въ 1578 году отъ короля Стефана Баторія привилей на рр. Сулу, Удай, Солоницу и „уходъ“ Лужокъ. Московскіе акты ⁵⁾ указываютъ на родство Байбузы съ князьями Глинскими, владѣвшими нѣкогда землями по Сулѣ и Ворсклѣ и, слѣдовательно, яко бы на право „дедичное“ Байбузъ на Поеулье. Изъ сопоставленія фактовъ мы увидимъ далѣе, что едва ли это справедливо. Привилей данъ на сеймѣ въ Варшавѣ 26 января 1578 года. „Маючи ласкавый взглядъ, говорится въ этомъ, нигдѣ доселѣ не напечатанномъ привилей, на залѣцонные намъ заслуги и дельность в речахъ рыцерьскихъ шляхетного Михайла Грибуновича Байбузы през урожоного княжати Михайла Вишневецкаго старосту нашего черкаскаго и каневскаго, при которомъ онъ от немалаго часу будучи на Украине, годве и пожитечне,

¹⁾ См. его статью „Zadnieprze“, въ „Słowniku Geograficznym król. Polskiego i innych krajów słowiańskich“.

²⁾ Привошу здѣсь искреннюю благодарность г. начальнику архива Д. Я. Самоквасову за благожелательное отношеніе къ моимъ занятіямъ и М. В. Довнаръ-Занольскому — за указаніе и содѣйствіе.

³⁾ Сводъ извѣстныхъ доселѣ данныхъ по этому предмету можно найти въ книгѣ Józefa Woiffa: „Kniaziowie Litewsko-Ruscy“. Warszawa, 1895.

⁴⁾ Объ этомъ съ историко-географической точки зрѣнія подробно говорится въ книгѣ г. Яблоновскаго „Źródła dziejowe“, т. XXII.

⁵⁾ Дворцовые разряды, II, 900.

не литуючи утратъ маестностей и розляня крови свое, вносечи в небезпечност здоровье свое, противъ неприятелеви нашему первой есче за панованя славное памяти наяснейшою Зикмунта Августа короля, продка нашего, а потом и теперь за счастливого панованя нашего, за каждою оказиею и потребою, нам и Речи Посполитой коронной верне служиль и служит не перестает,—далисмо ему и тым листом нашимъ даемо в старостве нашимъ Черкасским и Каневскимъ пустыню ку осажаню людми, названую реку Сулу, реку Удай и реку Солоницу з речьками и озерами, почавши с коньца горою Сулы отъ Снятина, рубежа московскаго, ажъ вниз до устя Днестра и ку тому в той же реце Суле уходъ названный Лужокъ, зо всими пожитьками и доходами, тыми, которые бы одно з них здавѣна належали и выналезены быть могли, а меновите з сивера з данею медовою, зверинными ловы, з бобровыми гоны, з рыбными уходы“... и т. д. ¹⁾.

Этотъ привилей какъ бы открылъ глаза Вишневецкимъ на успѣхи колонизаци въ краѣ и на доходность по-сульскихъ земель.

Черезъ два года послѣ этого (15 сент. 1580 г.) король Стефанъ Баторій на походѣ въ Великихъ Лукахъ далъ письменное согласіе кн. Михаилу Вишневецкому на „спущенье“ обонихъ его староствъ, Черкаскаго и Каневскаго, сыну его Александру ²⁾. Князь Александръ былъ въ это время „при господари“, а подстароста его Иляшъ Боруховскій, за „росказаньемъ и писаньемъ князя Александровымъ, тую выслугу его (Байбузы) реку Сулу, реку Удай, речку Солоницу зо всими уходами, пожитками и принадлежностями, в року... тысяча пять сотъ осмъ десять второмъ мца октебра семого дня моцно и гвалтомъ (у Байбузы) отнялъ, щ спокойного держанья его выбил и на пожитокъ свой до замку Черкаскаго привернувши, подданымъ (королевскимъ) черкасскимъ, которые до тое земли его ухаживаючи, дань ему давали, тыхъ даней и всякихъ повинностей ему отдавати и полнити не казалъ и загрозилъ под закладомъ стома копами грошей, абы послушны не были; и што колвекъ ему з нихъ и с помененое выслуги его приходило и до Черкасъ привезено было—медовъ, рыбъ, зверинъ—тые вси пожитки на себе побралъ, до замку Черкаскаго поотвозилъ и всего шкоды ему на чотыриста золотыхъ учинилъ“ ³⁾... Такъ какъ „то ся от князя Александра Вишневецкаго з ураду его (т. е. какъ старосты) стало“, то Байбуза позвалъ Вишневецкаго въ 1583 году на судъ королевскій. Но процессъ, кажется, дальше „зданья на перший позовъ“ не пошелъ, такъ какъ дѣло окончилось соглашеніемъ. Въ одномъ изъ актовъ 1645 года говорится, что Байбуза продалъ Вишневецкому рѣку Сулу ⁴⁾. По актамъ же конца XVI в. видно, что Александръ Вишневецкій, взамятъ Сулы, исхлопоталъ Байбузѣ р. Пселъ, но уже въ пожизненное владѣніе ⁵⁾.

Едва прошелъ годъ послѣ пожалованія Байбузѣ Псла, какъ бывшія его по-сульскія владѣнія перешли къ Вишневецкимъ въ „вечность“. Привилей на вѣчное владѣніе Сулой данъ былъ Александру Вишневецкому на сеймѣ варшавскомъ 18 апрѣля 1590 года ⁶⁾. Въ немъ дословно повторяется документъ, выданный Байбузѣ Стефаномъ Баторіемъ, и „моцью сейму“ утверждается право, „спущенное черезъ Байбузу“ кн. Вишневецкому. Въ актѣ говорится далѣ, что отъ сейма будутъ посланы комиссары для опредѣленія границъ уступаемыхъ Байбузой

¹⁾ „Облята привилею Байбузе на Сулу служачого“ (Литов. Метр., Книга записей коронныхъ 24-я, лл. 499—501).

²⁾ „Привилей князю Михаилу Вишневецкому на староство черкаскаго“ (Лит. Метр., кн. зап. кор. 26 — 27-я, лл. 252—253).

³⁾ „Зданье на перший позовъ отъ Байбузы на старосту черкаскаго“ (Лит. Метр., кн. зап. кор. 6-я, л. 145—146).

⁴⁾ „Декрет межъ вел. маршалкомъ короннымъ вадворнымъ а кнеж. Вишневецкимъ“ (Кн. зап. кор. 24-я, лл. 349 — 353).

⁵⁾ Привилей Байбузѣ на Пселъ отъ Сигизмунда III—20 апр. 1589 г. (Кн. зап. кор. 9-я, л. 84—85).

⁶⁾ „Вечности князю старосте черкаскаго на Сулу и на иншыя добра“ (Кн. зап. кор. 9-я, лл. 123—125).

владѣній. Послѣднее постановленіе, между прочимъ, „скутку своего не взяло“ и черезъ 30 лѣтъ послѣ выдачи документа, что было на руку Вишневецкимъ и произошло, разумѣется, не безъ участія съ ихъ стороны.

Черезъ полгода послѣ этого кн. Александръ Вишневецкій выпрашиваетъ у короля „доживотье“ на Пселъ и сыновьямъ Михаила Байбузы—Семену и Тихну Михайловичамъ ¹⁾.

Успокоивъ Байбузъ, кн. Александръ принялся за устройство своихъ новыхъ владѣній. Имъ были построены замки въ Лубнахъ и Пирятинѣ, съ надѣленіемъ обоихъ городовъ магдебургскимъ правомъ. Привилей на „фундацію местечка на врочищу Любне, а тепер ново названомъ Александровѣ“—выданъ Сигизмундомъ III 16 янв. 1591 г., ²⁾ „фундація местечка на урочищу Пирятине, а тепер названомъ Михайлове“ и магдебургія для этого города—9 февр. 1592 г., ³⁾ магдебургія „мещаномъ александровскимъ„—20 октября 1592 года ⁴⁾. Время не позволяетъ намъ останавливаться на устройствѣ Лубенъ, этой столицы Вишневецкихъ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Отмѣтимъ только, что обоимъ городамъ право магдебургское дается въ полномъ объемѣ,—„прикладомъ, яко ся около того порядокъ водле помененого права майдеборского в местехъ нашихъ головныхъ, Кракове, ве Лвове и инде заховуеть“, и съ оговоркой для Лубенъ—„ижъ люде осады иного местца на поле своволне, ку шкоде Речи Посполитое, ходити, такъ же выправовати и живности и иншимъ додавати не мают“. Но наши документы категорически устраняютъ всѣ гаданія о времени устройства замковъ въ Лубнахъ и Пирятинѣ.

Важнымъ указаніемъ на состояніе колонизаціи въ краѣ въ 90-хъ гг. XVI столѣтія можетъ служить сопоставленіе фактовъ, что Александръ Вишневецкій, рядомъ съ уступкою р. Псла Байбузамъ, въ 1592 году уступаетъ свое право „доживотное“ „з дву северы, зодное на Коломаку, а з другое на Счучной речкахъ, в державе его Черкасской лежачыхъ“, шляхетному Павлу Островскому ⁵⁾. Видно, что Попсѣлю и Поворсклю Вишневецкіе не придавали еще въ это время экономического значенія.

Князь Александръ умеръ въ 1594 году бездѣтнымъ. У него было два брата: Михаилъ, староста овруцкій, отецъ знаменитаго Іеремія, и Юрій, оставившій дочь Гальку, умершую безъ наслѣдниковъ ⁶⁾. По-сульскія владѣнія достались Михаилу Михайловичу, старостѣ овруцкому.

Князь Михаилъ первый начинаетъ практику захватовъ для увеличенія своихъ владѣній, которая тянется потомъ у Вишневецкихъ до самой потери ими этихъ владѣній въ 1648 году. Захваты начинаются слѣдующимъ фактомъ, могущимъ ввести въ заблужденіе изслѣдователя. Въ книгѣ гродской житомирской 1609 года (№ 11, л. 374, въ кiev. центр. архивѣ) вписана жалоба кн. Михаила Вишневецкаго на кв. Януша Острожскаго, въ это время старосту черкаскаго, что онъ послалъ вооруженный отрядъ на городъ Александровъ (Лубны), „яко и на другую маетность, которая недавно передъ тѣмъ пожалована отъ короля Вишневецкимъ, ... на пустыню, лежачую надъ рьками Псломъ и Ворскломъ“ ⁷⁾. Какая это новопожалованная маетность надъ рр. Псломъ и Ворскломъ, угрожаемая со стороны старосты черкаскаго? и какъ фактъ этотъ можетъ быть сочтенъ за первый шагъ въ земельныхъ насиліяхъ Вишневецкихъ, когда сами они являются здѣсь страдающей стороной?

¹⁾ „Доживотье Байбозомъ на Псолъ“ (Кн. зап. кор. 9-я. л. 144—145).

²⁾ „Фундація местечка в Александрове князю Вишневецкому“ (Кн. зап. кор. 10-я, л. 31).

³⁾ „Фундація в Михайлове права майдеборского“ (Кн. зап. кор. 10-я. лл. 62—63).

⁴⁾ Право майдеборское мещаномъ Александровскимъ (Кн. запис. корон. 7-я, лл. 37—38).

⁵⁾ „Данина Павлови Островскому на северы“ (Кн. зап. кор. 7-я, л. 39).

⁶⁾ I. Wolff: „Kniaziowie lit.-rusey“, 559—563.

⁷⁾ Лазаревскій: „Лубенщина и князья Вишневецкіе“. Кіев. Старина 1896 г., янв., 121.

Отвѣтъ на эти вопросы находится въ одномъ изъ нашихъ документовъ. Въ 1621 году, уже по смерти князя Михаила, судился, какъ увидимъ ниже, на задворномъ судѣ королевскомъ кн. Константинъ Вишневецкій, опекунъ малолѣтнихъ дѣтей Михаила, за захватъ земель на р. Пслѣ, въ томъ числѣ и гор. Миргорода. Уполномоченные отвѣтчика, въ числѣ другихъ доказательствъ правъ Вишневецкихъ на захваченныя земли, указывали на то обстоятельство, „же зошлый княжа Михайло Вишневецкій завѣше боронилъ старосте черькаскому тых добръ“ и „показали протестацие за свежа о кривды тыхъ слободъ и кгрунтьовъ на зошлого каштеляна краковского (кн. Я. Острожскаго), старосту тамочного, учиненные“. Инстигаторъ коронный отвѣчалъ на это въ судѣ: „ничого не помогутъ протестацие якиесь, которые отъ небощыка Михала Вишневецького якобы о якиесь кривды суть починеные, кгдаж не протестация право ани вечность творить; каждому протестовати се волно; але чинить вечность декретъ, диспозицие, донацие и иншые тымъ подобные; а если сторона тыми протестациями хочеть право якоесь сыновцовъ своихъ укгрунтовать, нехай намнейшую акцию до тых протестацій з небощыкомъ паномъ краковскимъ укажет; чого жаднымъ способомъ указати не можетъ и не указываетъ“¹⁾. Оказывается, значить, что первый учинилъ захватъ кн. Михаилъ Вишневецкій, а Янушъ Острожскій, не видя другого способа выжить его изъ Попселя, приказалъ выбить его оттуда вооруженною силою, на что Вишневецкій и записалъ въ книгѣ гродской житомирской жалобу.

Гдѣ же молодые Байбузы, которые всего 18 лѣтъ назадъ получили „доживотье“ на Песюль? Съ ними, очевидно, не церемонились. Семена и Тихна Байбузъ намъ не удалось потомъ встрѣтить въ просмотрѣнныхъ нами книгахъ Литовской Метрики. А другіе Байбузы, Ѳедоръ и Остафій, при люстраціи кievскаго воеводства въ 1616 году предъявляютъ свои права лишь на „*rewne Sywiery abo grunty na rzece Worskle*“²⁾. Въ виду этого едва ли можно Грибуновичей-Байбузъ считать наслѣдниками князей Глинскихъ. Скорѣе это—казакующіе украинные земляне XVI в., гораздо ближе знакомые съ „уходами—северами“, чѣмъ вельможные старосты каневскіе и черкасскіе³⁾.

Возвратимся къ Михаилу Вишневецкому. Въ 1611 году онъ обвиняется въ судѣ сеймовомъ извѣстнымъ Станиславомъ Жолкевскимъ, воеводою кievскимъ и гетманомъ полнымъ короннымъ, въ томъ, „ижъ держачи певные урочища на Украине за Днепромъ на рици Суле, которые констытуцыею Михайлови Байбузе были конферованы, над посесию Байбузину, много за мало, претекъстомъ права Байбузинога, мощно квалтомъ окупуючи всю реку Сулу, пустыню Горошын и Слелород смѣл себе привлащити, гдѣ мѣста и села садит, пожитки берет“ и проч. Судъ рѣшаетъ, что такъ какъ обѣ тяжущіяся стороны ссылаются на королевскіе привилеи, а назначенное при пожалованіи Вишневецкимъ владѣній Байбузы разграниченіе ихъ земель отъ королевскихъ „конца своего не взяло“, то назначить комиссаровъ для осмотра спорныхъ земель на мѣстѣ⁴⁾. Рѣшеніе это состоялось 1613 года и никогда не приводилось въ исполненіе. (Захваченной землей владѣли, конечно, Вишневецкіе). Въ книгахъ Литовской Метрики есть болѣе десяти „росписовъ“, т. е. судебныхъ отсрочекъ этого дѣла, на протяже-

¹⁾ „Декретъ межъ инстигаторомъ зъ деляции скарбовое поводами, а кнѣземъ Константымъ Вишневецкимъ старостою черкаскимъ“ (Кн. зап. кор. 19-я, лл. 233—238).

²⁾ Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 315—316.

³⁾ „З дѣтинныхъ летъ своихъ служачи на Украине...“ говорится о нихъ въ одномъ документѣ („Даниза Байбузомъ на Песюль“, см. выше); въ другомъ сказано: „мають и повинни будуть (Семень и Тихно Байбузы)... службу земскую военную служити, по тому, яко иншыи земляне нашыи, въ староствѣ Черкасскомъ мешкаючіи, служатъ“ („Доживатье Байбузомъ на Песюль“).

⁴⁾ „Декретъ межъ паномъ воеводою кievскимъ а княжатемъ Вишневецкимъ (Кн. зап. кор. 15-я, лл. 38—40).

ни болѣе полувѣка¹⁾, при чемъ послѣдній „роспись“ относится къ 1664 году и замѣчательно тѣмъ, что истцомъ и отвѣтчикомъ по этому дѣлу являются два будущихъ короля Польши: Янъ Собѣсскій, какъ потомокъ по женской линіи Жолкевскаго, и Михаилъ Вишневецкій, сынъ князя Іереміа²⁾. Уже и земли эти давно перешли въ казацкое пользованіе и въ иностранное государство, а изъ за нихъ все продолжала разыгрываться комедія судебного процесса.

Къ Михаилу Вишневецкому относится одно обстоятельство, недостаточно, какъ намъ кажется, обсуждаемое изслѣдователями, на которое мы хотѣли бы обратить вниманіе; а именно, онъ расширялъ свои владѣнія не только въ предѣлахъ Речи Посполитой, но и на счетъ сосѣднихъ земель Московскаго государства. По словамъ „данины Байбузиной“ (1578 г.) рубежъ московскій пересѣкаетъ Сулу у Снятина: „почавши с конца горою Сулы отъ Снятина, рубежа московскаго³⁾, ажъ внизъ до устья Днепра“ (т. е. Сулы въ Днѣпръ). На картѣ 1613 года, имѣвшейся на выставкѣ XI Арх. съѣзда, составленной, конечно, по даннымъ ранѣе этого года, рубежъ этотъ такъ и обозначенъ, немного выше Лубенъ⁴⁾. Между тѣмъ Михаилъ Вишневецкій въ 1614 году испрашиваетъ вольность отъ „податковъ до скарбу коронного“ на 4 года для своихъ „дичныхъ“ городовъ: Александрова (Лубенъ), Снятина, *Сенчи*, *Лохвицы* и *Замостья*,⁵⁾ изъ которыхъ Сенча и Лохвица лежатъ по Сулѣ значительно выше Снятина. Фактъ захвата Михаиломъ Вишневецкимъ пограничныхъ московскихъ земель, сопровождавшася международными „зачепками“ и даже настоящей войной, намъ кажется, удовлетворительно подтверждается слѣдующими словами изъ полномочій волынскихъ пословъ на сеймъ варшавскій 1645 года: „Trzeci document pokazal xiąże iego mość (говорится про князя Іереміа) taki: przywiley osobny, xięciu iego mości Michałowi, rodzicowi swemu dany, iż, propriis uiribus et armis odebrawszy Moskwie Putywl, miał od świętey pamięci krola iego mości Zygmonta Trzeciego w administraciei swey, który zamek Putywlsky lubo potem Moskwie iest ustompiony, grunty iednak, które armis posiadł xiąże iego mość świętey pamięci, zostali przy niem, których tanquam dilatato priuilegio suo subiectis, zażywał y slobody przy dawnych zamkach swoich poosadzal, y tego wszytkiego in pacifica possessione zostawał“⁶⁾.

Это обстоятельство даетъ возможность уяснить себѣ, почему Ромень, такой значительный городъ въ 40-хъ годахъ XVII вѣка, до 1618 года не попадаетъ въ польско-литовскихъ ак-

¹⁾ Напр. см. Книгу зап. кор. 30-ю, лл. 135—136, 202—203, 248—249; книгу 24-ю, лл. 224—225.

²⁾ „Arzeszt między urodzonym Sobieskim chorążym koronnym y wielm. wojewodziną guską y xiążęciem Wiśniowieckim“ (Кн. зап. кор. 32-я, лл. 266—269).

³⁾ Въ актѣ 1645 года сказано: „отъ Снятина лесу, рубежа давного московскаго“ (Кн. зап. кор. 24-я, лл. 349—353).

⁴⁾ Надписи на картѣ слѣдующія. *Вверху съ шитъ*: Magni ducatus Lithvaniae caeterarumque regionum illi adiacentium exacta descriptio. Illss^{mi} ac Excellss^{mi} Priçipis et Dñi D. Nicolai Christophori Radziwil, D. G. Olycae ac Niecwies Ducis, S. Rom. Imperii Principis in Szylawiec ac Mir Comitit et S. Sepulchri Hierosolimitani Militis etc. Opem cura et impensis facta ac in lucem edita. *Внизу слева, тоже съ гербовомъ шитъ*: „Signorum vel characterum declaratio“. *Подъ этимъ шитомъ, на развернутой хартии*: „Amsterdami Excudebat Guilhelmus Sansonius sub signo Solarij deavvati. Anno 1613“.

На картѣ есть только верховья рѣкъ Сулы и Удая. Въ самомъ углу вънизу справа — на мѣстѣ низовьевъ Сулы—надпись: „Campi deserti ultra Boristorem“. Въ лѣвобережной Украйнѣ есть лишь слѣдующіе города: Остеръ и Моравейскъ на Деснѣ, между ними граница; Навозъ и выше Любечъ—на Днѣпръ; Черниговъ — за границей; Переяславъ—при устьѣ Трубежа; на правомъ берегу Трубежа—Ruscinow; выше на Трубежѣ—Swiccelnow ugodzyższe; на Удаѣ—Пирятинъ, на Сулѣ—Лубны; на Днѣпрѣ, выше Черкасъ,—Domatow.

На археологическую выставку при XI съѣздѣ карта эта прислана Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей. Она упоминается и у г. Лякоронскаго, въ его статьѣ: „Иностранные карты и атласы XVI и XVII вв., относящіяся къ Южной Россіи“ (Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣт., XII, 118), но здѣсь на границу между Литвою и Московскимъ государствомъ не обращено вниманія.

⁵⁾ „Вольност местомъ квяжати Вишневецкого до чотырохъ летъ“ (Кн. зап. кор. 16-я, л. 35—36).

⁶⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, II, 1, 288—292.

тахъ, а около 1618 года упоминается еще какъ „Старое и Новое Румынское“, т. е. надо полагать — городище, селище. Лишь послѣ Поляновскаго договора фактическіе владѣльцы верхняго Посулья могли съ увѣренностью заводить тамъ города и испрашивать для нихъ у короля магдебургію.

Михаилъ Вишневецкій умеръ въ 1616 году, оставивъ вдову Райну Могилянку, сына Іеремію и дочь Анну. Опекуномъ малолѣтнихъ дѣтей (Іеремія было 4 года) два года былъ родной братъ Михаила Юрій, а по смерти его, съ 1618 года — троюродный братъ Михаила Константинъ Константиновичъ Вишневецкій, впоследствии воевода русскій (ум. въ 1642 г.)¹⁾.

Въ началѣ опекуинства кн. Константина умеръ (12 сентября 1620 г.) кн. Янушъ Острожскій, владѣвшій на лѣвомъ берегу Днѣпра староствами Переяславкимъ, Каневскимъ и Черкасскимъ. Королевское правительство рѣшило, до передачи этихъ староствъ другимъ лицамъ, выдѣлить изъ нихъ всѣ мѣста съ селитренными промыслами и учредить надъ ними особую администрацію. Эти селитренные промыслы раскинуты были на огромномъ пространствѣ; въ актахъ они перечисляются слѣдующимъ образомъ: „въ поляхъ дикихъ бѣлгородскихъ, очаковскихъ, путивльскихъ, около Муравскихъ шляховъ татарскихъ и около рѣкъ Псла, Ворскла, Орели и во всѣхъ диковизнахъ, гдѣ бы могли найтись удобныя для дѣланія селитры городища, могилы и другія мѣста“. Для удобства администраціи при нарядѣ стражи, при доставкѣ селитры и проч., сюда причислялись и „новоосаженныя слободы“ — мѣстечки Березань, Быковъ, Яблоновъ, Миргородъ, съ хуторами и селищами. Были назначены и администраторы этихъ „салетръ“²⁾. Староства кн. Януша Острожскаго были раздѣлены между кн. Константиномъ Вишневецкимъ, получившимъ Черкасы, и кн. Янушемъ Заславскимъ, получившимъ Переяславъ³⁾. Правительство сдѣлало оплошность, не оговоривъ въ привилеѣ К. Вишневецкаго объ исключеніи изъ его „державы“ „салетръ“, и вотъ онъ немедленно („зараз по смерти ясне вельможного Януша кжти Острожского“) занялъ „моцю и квалтомъ“ мѣстечки Яблоновъ и Миргородъ, какъ входящіе будто бы въ „данину Байбузину“, для опекаемыхъ наслѣдниковъ, а „салетры около рекъ Хароли, Псла, Грони Великое и другое Грони Черкасское и третее Грони Ташевское и Грони Сухое, и тежъ около городища Белскаго и около рекъ Ворскла, Орели, Мерчика, Орчика и около рекъ Голтѣу, реки Сулы и по иншихъ всихъ диковизнахъ“ — для своего черкаскаго староства, основываясь именно на отсутствіи оговорки, которая есть въ привилеѣ Заславскаго. Въ числѣ нашихъ документовъ есть одинъ чрезвычайно интересный, касающійся разбора этого дѣла, съ преніями сторонъ⁴⁾. Судъ королевскій задворный обязалъ Вишневецкаго возвратитъ Миргородъ и Яблоновъ и всѣ „салетры“ — селитряному администратору Обалковскому. Замѣчательно, что кн. Константинъ Вишневецкій отчасти исполнялъ постановленіе суда и возвратилъ на время Яблоновъ и Миргородъ, а хутора Золотушинъ, Остаповъ и Хомутець со всѣми „салетрами“ все-таки оставилъ за собою⁵⁾. За то вслѣдъ за этимъ, въ 1624 году, онъ захватилъ урочище Климятичи у

¹⁾ Wolff. Kniaziowie lit.-rusey, 570.

²⁾ „Danina Obałkowskieja czterech słobod w ziemi Kiiowskiej y na administratiją saletr ukraiennych“ (Кн. зап. кор. 19-я, лл. 238—239).

³⁾ „Starostwo czerkaskie xciu Constantemu Wiszniewickiemu po xciu Ostrogskim“ (Кн. зап. кор. 19-я, лл. 123—124). — „Starostwo pereiaslawskie Januszowi Zaslawskiemu po smierci xcia Janusza Ostrozkiego, kasztellana krakowskiego“ (Кн. зап. кор. 19-я, лл. 149—151).

⁴⁾ „Декретъ межы инстикгаторомъ зъ делящен скарбовое поводами, а кзѣмъ Константымъ Вишневецкимъ старостою черкасскимъ“ (Кн. зап. кор. 19-я, лл. 233—238).

⁵⁾ „Декретъ межы инстикгаторомъ зъ делящен скарбу и урожного Бартоломея Обалковскаго актарами з урожонимъ Константымъ Вишневецкимъ старостою черкасскимъ позванымъ за ремисією о хуторы“ (Кн. зап. кор. 19-я, лл. 252—255).

киевского Пустынно-Никольского монастыря. На этомъ урочищѣ онъ самовольно осадилъ м. Жолнивь. Дѣло объ этомъ изъ люблинскаго трибунала пересено было въ судъ сеймовый, гдѣ изъ года въ годъ откладывалось. Послѣдній „роспись“ этого дѣла встрѣтился намъ въ 1643 году ¹⁾.

Но всѣхъ своихъ предшественниковъ превзошелъ въ захватахъ земель знаменитый князь Іеремія.

По собраннымъ до сихъ поръ свѣдѣніямъ о немъ ²⁾, онъ возвратился изъ за границы, гдѣ доканчивалъ свое образование, около 1630 года, 18-ти лѣтъ, и съ этого времени начинаются его разнообразныя и разнородныя подвиги. Въ нашу задачу не входитъ ни характеристика, ни описаніе всей дѣятельности Іереміи Вишневецкаго. Оцѣнимъ лишь его хищническія предпріятія. Изъ 17 лѣтъ, протекшихъ съ возвращенія его изъ-за границы до начала возстанія Хмельницкаго, годы 1632 — 34 онъ провелъ въ войнѣ съ Московскимъ государствомъ, 1538-й—въ усмиреніи возстанія Острѣаницы, въ остальные 14 лѣтъ онъ провзвелъ 6 захватовъ, изъ которыхъ послѣдніе прямо поражаютъ своею грандіозностью. По недостатку времени мы сдѣлаемъ только краткій перечень этимъ захватамъ.

1. 14 сентября 1635 года, вооруживъ 1000 человекъ, онъ послалъ ихъ на „добра и державы“ стражника короннаго, овруцкаго и каневскаго старосты Самуила Лаца Тучапскаго, воспользовавшись отъѣздомъ послѣдняго на трибуналъ. Главныя предводители отряда (Александръ и Богуфаль Олекшичи Кгерановскіе) „съ знаками военными и ротмистрами над хоронгвьями“, „з стрелбою огнистою, квалтовне наехали“ на мѣстечки Домонтовъ, Песчаное и Золотоношь и ихъ „опановали“. Вотъ небольшая картинка этого способа завладѣнія: „слугъ поводовыхъ позабляли, постреляли, потопили, а особливе урожоныхъ Яна Ястрембскаго през оба уда, Петра Домашевскаго в тыл головы аж до мозку, Романа Окрынскаго в тварь с правого боку, Марцина Кремискаго в левую руку, Петра Совинскаго през шию пострелили, речи при том же наезде побрали, урожоныхъ Адама Агенскаго тыраньско забили, в дол вкинули, псом, свинюм на покормъ тело его отдали, Каспра Матушинскаго, Криштофа Домбровскаго забивши и тела их в пустки заволокли, попалили, Яна Ясинскаго поймавши, в везеню приватномъ тримали; также гайдуковъ, янгаровъ поводовыхъ — одних на смерть позабляли, других постреляли и поранили, оруже все и кони позабирали и вси спряты домовые в способъ луну побрали, преречоныя добра спустошили, белыя головы поквалтили“... Дѣло объ этомъ въ сеймовомъ судѣ все откладывалось; послѣдній встрѣтившійся „роспись“ относится къ 1641 году ³⁾.

2. 28 февраля 1643 года такимъ же способомъ Вишневецкій „квалтовне посегнулъ“ у старосты городельскаго Криштофа Харлезскаго городище Грайворовъ съ принадлежащими къ нему слободами: Дмитровкой, Липовымъ, Поченковымъ ⁴⁾.

3. 14 мая 1644 года отрядъ Вишневецкаго „въ личбе великой людей, арматне узброеныхъ, съ дракганями, хорогвьями и бубнами (што и самой Москве, яко въ пограничу тамошнимъ, не безъ подивеня и подозрениа zostало“...) „отнялъ у извѣстнаго любимца Вла-

¹⁾ „Ректа межъ чернцями Микольскими Киевъ, а кнеж. Еремияшомъ Вишневецкимъ“ (Кн. зап. кор. 24-л, лл. 238—239).

²⁾ См. Wolff. Kniaziowie lit.-ruscy, 562.—Лазаревскій, Киев. Стар. 1896 г., февраль.

³⁾ „Контумация на Олекшицахъ, кнежати Еремияшу Вишневецкимъ и инъшихъ велью отъ пана стражника коронного“ (Кн. зап. кор. 30-л, лл. 108—110; о томъ же см. ту же книгу, лл. 263—266). Въ нафздѣ, въ числѣ „принципаловъ“, участвуетъ между прочимъ Половня Домунтова, вдова кн. Григорія Домонта.

⁴⁾ „Контумация на кнежати Вишневецкимъ отъ урожоннаго старосты Городельскаго“ (Кн. зап. кор. 24-л, лл. 183—184 и 220—221).

дислава IV, надворнаго маршалка Адама Казановскаго „Румень зо всею волостю“, замками и „местами“. Казановскій одинъ убытокъ отъ грабежа и опустошеній оцѣнилъ въ 150 тыс. зол. полскихъ ¹⁾; кромѣ самого Вишневецкаго онъ привлекъ къ суду 24 человекъ предводителей. Дѣло это, какъ извѣстно, съ триумфомъ выигралъ Вишневецкій въ судѣ королевскомъ въ 1645 году ²⁾).

4. Иеремія съ лихою вознаградилъ себя за возвращенные дядей его Яблоновъ и Миргородъ. По словамъ жалобы 1646 года онъ „розными часы“ отнял у старосты переяславскаго Ал. Конецпольскаго земли „намней на 30 миль надъ реками Хоролемъ и Ржицею“. На этой землѣ онъ „выбудоваль и осадилъ место Хороль и инших местечок и селъ, слободъ и осадъ новыхъ килкадесят“. Убытокъ казны отъ уменьшенія кварты оцѣненъ былъ въ 100 тыс. золотыхъ ежегодно. Судъ сеймовый рѣшилъ, чтобъ Иеремія возвратилъ скарбу коронному эти земли, и ихъ должны отграничить отъ „данины Байбузиной“ особые комиссары. Конечно, комиссары эти никогда не выѣзжали на мѣсто и земли скарбу не были возвращаемы ³⁾).

5. Въ 1645 и 1646 гг. отнял у каштелянки черниговской Софїи Казаковской Дорогинку и Владиславовку, за р. Удаемъ ⁴⁾).

6. Наконецъ послѣдній захватъ особенно замѣчательнъ. Иеремія, съ 1646 года воевода русскій, подисывавшійся въ это время „*książe na Wiśniowcu i Lubniach Wiśniwiecku*“, задумалъ, очевидно, округлить свои лѣвобережныя владѣнія и уничтожить въ нихъ черезполосность. Собравъ до семи тысячъ человекъ, „съ арматами и всеми аппаратами военными до буреня оборонъ“, онъ прямо послалъ ихъ въ походъ, какъ въ неприятельскую землю. Начиная съ 19 іюля 1646 года, отряды Вишневецкаго въ буквальномъ смыслѣ завоевали слѣдующіе города и мѣстечки: Гадячь, Полтаву, Зигмунтовъ, Соколю-Гору, Кременчукъ, Подолки, Добрыкъ, Краснополе, Брукполе, Лукашовское, Борокъ, Опочинское, Глинскъ, Лютенку, Зиньковъ, Олесное, Ахтырь, Рухавку „и мѣстечка инные“. Въ актѣ описывается, какъ отряды одни города брали штурмомъ, другіе осаждали и проч. ⁵⁾ „Шкоды, добръ самыхъ не кладучи“, деляторъ Ал. Конецпольскій оцѣнивалъ въ 500 тысячъ золотыхъ. Судъ сеймовый

¹⁾ Приводимый въ актѣ перечень отнятаго имущества даетъ понятіе о хозяйствѣ въ этихъ мѣстахъ въ описываемое время. Обвиняемый, говорится въ жалобѣ Казановскаго, дерзнулъ силою выгнать управляющаго изъ роменской волости и присвоить себѣ „тые добра зо всеми фолварками, гумнами и збожами, оборами, будами и их шафарами, товарами лесными южъ выробленными, с вивезми готовыми, с чиньшовъ и провентовъ, также и за тые лесные товары выбранныи и зо всеми домовымъ, спрятомъ, который се в той державе руменской в фолваркахъ и селлахъ, до нее належачихъ, знайдоваль...“ (Кн. зап. кор. 24-я, лл. 288—290).

²⁾ См. „декрет меж. вел. маршалкомъ короннымъ надворнымъ а княж. Вишневецкимъ“ (Кн. зап. кор. 24-я, лл. 349—353). Кромѣ того см. *инструкцію*, данную по этому дѣлу волынской шляхтой своимъ посланъ на сеймъ варшавскій 1645 года въ Архивѣ Юго-Зап. Россіи (ч. II, т. 1, стр. 288—292) и интересный разказъ объ этомъ дѣлѣ въ мемуарахъ Альбрехта Станислава Радзивила, канцлера литовскаго (Pamiętniki A. S. x. Radziwiłła. Poznań, 1839. Т. II, 155—156, 157, 158, 164).

³⁾ „Декреть меж.и пномъ хоружимъ корон. а княземъ Вишневецкимъ воеводою рускимъ о Хоролѣ“ (Кн. зап. кор. 24-я, лл. 496—499).

⁴⁾ „Kontumacia od urodz. Kosakowskiey na wielmożnymъ woiewodzie ruskimъ“ (Кн. зап. кор. 24-я, лл. 572—573).

⁵⁾ Вотъ напр. описаніе взятія Гадяча: „способомъ военнымъ под местечко наше Гадячь... людъ свой тихо, през свое директоры, волю и росказанье позваного полначие, посадивъши, през тотъ наслазныи людъ страж, которая для неприятеля коронного на певные мѣста заведеная была, убогши, поймавши и затримавши, а потомъ под место подступивъши и оборомъ ся положивъши, людомъ збройнымъ в шку военнымъ з розвивеними хорогвями оточил, армату—дела и гаковниці—на разныхъ мѣстцахъ расадиивъши, стрелбу огнистую выпустиивъши, штурмъ приступилъ и страшимъ стрелянемъ з делъ и гаковниць мѣста добываючи, браму мѣсткую квалътомъ высекли и выломали; а тамъ тотъ же наслазныи людъ позваного иметомъ до мѣста вавши, разные квалты и усильства надъ обывателями тамошними доказуочи, а праве всехъ потугою потлумивши, до замку тамъ будучого кивудисъ и тамъ браму квалтовне выбивши и южъ все место и замокъ зо всими достатками опановали...“ (Декреть меж.и хоружимъ короннымъ а княж. Вишневецкимъ. Кн. зап. кор. 24-я, лл. 512—515).

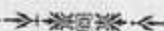
5 декабря 1646 г. отложилъ дѣло по болѣзни Вишневецкаго, въ наличности которой онъ долженъ былъ дать присягу ¹⁾).

Изъ всего перечисленнаго нами до сихъ поръ уже видно, что извѣстный перечень владѣній Вишневецкихъ, списанный Пшездзѣцкимъ *ex originali inventario*, составленнаго кѣмъ то раньше, если и не точенъ, то только въ смыслѣ неполноты ²⁾. До сихъ поръ мы еще не слышали объ Опошнѣ, Зѣньковѣ, Кременчукѣ, Ахтыркѣ. Наши акты впервые, кажется, говорятъ о нихъ. Между тѣмъ мы, конечно, не имѣемъ права и приблизительно утверждать, что исчерпали болѣе или менѣе, относительно нашего сюжета, одни даже акты Литовской Метрики.

Не извѣстно, куда бы дальше направились аппетиты кн. Іеремія, еслибы не возстаніе Богдана Хмельницкаго, въ одинъ годъ уничтожившее плоды почти столѣтнихъ усилій князей Вишневецкихъ. Можно себѣ представить, что долженъ былъ чувствовать князь Іеремія, покидая свое княжество.

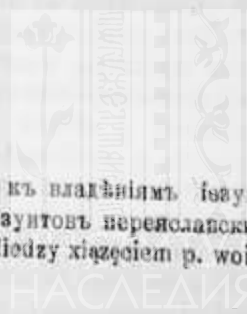
Изъ моего изложенія, надѣюсь, — опредѣлился способъ, которымъ одна изъ выдающихся фамилій польсколитовскаго государства того времени расширяла свои владѣнія въ краѣ; способъ этотъ состоялъ въ непрерывномъ захватѣ земель, мало-малыски покоренныхъ для культуры трудовыми руками южно-русскаго народа. Колонизаціонная роль этихъ знаменитыхъ хищниковъ была особаго рода. Какъ хищные звѣри и птицы тянутся вслѣдъ за гонимой физическими явленіями пернатою и четвероногою дичью, такъ и они шли шагъ за шагомъ вслѣдъ за могучею волною народнаго движенія, тщательно отмѣчая и закрѣпляя за собою пройденные пункты. Какія причины вызывали это народное движеніе, когда и гдѣ были его передовые вѣстники и его главные массы, мы не можемъ судить объ этомъ по характеру служившихъ намъ источниковъ.

Къ сожалѣнію, мы весьма мало имѣемъ данныхъ для сужденія объ этомъ и по состоянію относящихся къ данному вопросу источниковъ вообще, такъ какъ почти всѣ они оставлены въ распоряженіе историковъ лишь одною стороною, т. е. или колонизаторами, подобными князьямъ Вишневецкимъ, или правительствомъ Речи Посполитой, выступавшимъ въ роли такихъ же колонизаторовъ и дѣйствовавшимъ въ союзѣ съ ними. Будемъ надѣяться, что въ будущемъ изслѣдователямъ этого вопроса удастся найти слѣды какихъ-нибудь источниковъ, оставленныхъ и другою стороною.

¹⁾ *Ibidem*. Нельзя не прибавить, что Іеремія не употребилъ насилія по отношенію къ владѣніямъ іезуитовъ. Какъ староста каневскій, онъ лишь подалъ жалобу въ судъ сеймовый 1647 года на оо. іезуитовъ перемыславскихъ за присвоеніе ими села Прохоровки, издавна принадлежавшаго къ старосту каневскому. („*Miedzy książęciem p. wojewodą Ruskim u oycami Iezuitami collegium Pereasławskiego*“). Кн. зап. кор. 24-я, лл. 568—569).

²⁾ *Przedziecki*. Podole, Wołyń, Ukraina. Wilno, 1841. Т. 1, 41—44.

О ревизіяхъ въ Малороссіи въ XVIII столѣтіи.

Е. П. Радаковой.

Въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ хранится множество дѣлъ, относящихся къ ревизіямъ малороссійскихъ полковъ прошлаго столѣтія.

Въ нашей исторической литературѣ хорошо извѣстна такъ называемая „Румянцевская опись“ Малороссіи; по крайней мѣрѣ выяснено значеніе ея, какъ источника при изученіи экономическаго прошлаго Малороссіи, частью разработанъ даже цифровой матеріалъ, который содержитъ эта ревизія; многіе авторы на основаніи этого памятника пытались проводить параллель между экономическимъ положеніемъ низшихъ слоевъ населенія Малороссіи въ прошломъ и настоящемъ столѣтіяхъ.

Но кромѣ этого, наиболѣе изученнаго памятника, есть еще множество однородныхъ съ нимъ—это упомянутыя ревизіи, производившіяся очень часто начиная съ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Правда, ревизіи эти не отличаются той полнотой, точностью данныхъ, какъ Румянцевская опись, но тѣмъ не менѣе онѣ также имѣютъ большое значеніе при изученіи внутренней жизни Малороссіи—тѣмъ болѣе, что относятся къ болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ Румянцевская ревизія.

Конечно, прежде всего возникаетъ вопросъ—возможно ли пользоваться цифровымъ матеріаломъ этихъ ревизій въ цѣляхъ изслѣдованія?

Но раньше, чѣмъ говорить о годности статистическихъ данныхъ этихъ ревизій, мы остановимся на вопросѣ о томъ—какъ производились эти ревизіи? съ какими цѣлями? кѣмъ производились онѣ?—и тогда уже попытаемся установить извѣстную точку зрѣнія на значеніе того цифроваго матеріала, какой онѣ содержатъ.

Первая, болѣе подробная „опись“ Малороссіи была произведена по распоряженію Вельяминова въ 1723 году. Данными этой ревизіи отчасти воспользовался г-нъ Лазаревскій въ своемъ „Описаніи старой Малороссіи“ для опредѣленія численности дворовъ въ описываемыхъ имъ полкахъ. На основаніи этой ревизіи, г-нъ Лазаревскій раздѣляетъ на двѣ группы общее число дворовъ—на „тяглыхъ“ или грунтовыхъ и „бобылей“—безземельный классъ. Содержитъ ли этотъ источникъ и другія, болѣе полныя данныя, г-нъ Лазаревскій не упоминаетъ. Часть этой ревизіи хранится въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ. Но мы не имѣли возмож-

ности ознакомиться съ ней, и въ настоящемъ очеркѣ будемъ имѣть въ виду только тѣ ревизіи, которыя производились послѣ 1723 года.

Ревизіи эти относятся главнымъ образомъ къ двумъ наиболѣе многочисленнымъ группамъ населенія Малороссіи (сословіями ихъ трудно назвать)—къ казакамъ и посполитымъ.—Если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ иногда и перечисляются „старшинскіе дворы“, „заѣзжіе дворы“, или иногда—школы, шпитали, церкви, шинки—то это далеко не всегда, а потому и данныя, относящіяся къ этимъ дворамъ, носятъ отрывочный характеръ и не имѣютъ значенія.—Ревизіи „посполитыхъ“ производились обыкновенно съ фискальными цѣлями: „посполитые“ были однимъ изъ главныхъ податныхъ сословій Малороссіи; на нихъ же лежала и значительная доля тѣхъ разнообразныхъ натуральныхъ повинностей, которыя характеризуютъ государственное хозяйство всѣхъ странъ въ извѣстный періодъ ихъ исторической жизни.

Другой податной группой было рядовое казачество. Но на казачествѣ кромѣ того лежала еще военная служба; а потому, кромѣ фискальныхъ цѣлей, ревизіи казаковъ преслѣдовали и военныя цѣли. Каждый разъ, когда нужно было выставить извѣстное количество казаковъ отъ малороссійскихъ полковъ, Войсковая Генеральная Канцелярія (или другое господствовавшее въ то время правленіе) должна была произвести раскладку требуемаго количества казаковъ между всѣми казачьими дворами, на Войсковое Генер. Канцеляріи лежала обязанность опредѣлить, кто изъ казаковъ, по своему имущественному положенію, долженъ нести „выборную“ службу, кто долженъ только *помогать* въ этой службѣ выборнымъ казакамъ—служить „подпомощникомъ“.

Казаки выборные несли обыкновенно непосредственно военную службу: они отправлялись въ дальніе походы, должны были имѣть полную аммуницію, лошадей, запасы пороха, свинца и т. п. Эту службу несли обыкновенно наиболѣе зажиточные казаки. Менѣе зажиточные назначались въ недалніе походы, на форпосты, въ крѣпости; имъ должны были помогать самые бѣдные казаки, которые сами военной службы отбывать не могли—такъ называемые „подпомощники“. Эти казаки, кромѣ матеріальной помощи казакамъ выборнымъ, наравнѣ съ посольствомъ, платили различнаго рода денежные и натур. сборы, несли натуральныя повинности, отбывали различнаго вида „стойки“ въ городахъ, мѣстечкахъ, возили почту и т. п. (Зачастую, впрочемъ, въ военный походъ назначался несостоятельный козакъ „на коштѣ“ другого, болѣе зажиточнаго).

Съ этой цѣлью, т. е. распредѣленія различнаго рода службъ между казаками, въ *полковыхъ* канцеляріяхъ и должны были составляться *именные* списки или *табели* всѣхъ казаковъ. При этомъ всѣ казачьи дворы распредѣлялись обыкновенно на нѣсколько имущественныхъ группъ. Въ болѣе раннихъ ревизіяхъ такихъ группъ большей частью три—1) казаки можные 2) средніе 3) нищіе. Позднѣе группъ этихъ гораздо больше. Мы имѣемъ въ виду остановиться долѣе на этихъ группахъ, а пока будемъ говорить о способѣ производства этихъ ревизій.

Въ этихъ *табеляхъ*, составлявшихся въ полковыхъ канцеляріяхъ, указывается только общее число дворовъ той или другой имущественной группы. Но табели эти, составлявшіяся „за руками“ полковниковъ и старшины полковой, являются уже *сводными* таблицами, матеріаломъ для которыхъ служили *посотенные подворные списки*.

Въ этихъ посотенныхъ спискахъ, какъ видно изъ небольшого числа найденныхъ нами, и изъ инструкцій и доношеній различныхъ канцелярій по поводу этихъ списковъ, заключаются данныя объ имуществѣ каждаго казачьяго двора—о количествѣ пахатной земли, о количествѣ скота, лѣса, сѣнокоса; о занятіяхъ владѣльцевъ этихъ дворовъ различными промыслами, и наконецъ—перечисляется поименно все взрослое мужское населеніе каждаго двора. Вотъ эти

то посотенные списки и представляют наиболѣе цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ экономическимъ прошлымъ Малороссіи въ XVIII ст.

Каждая сотня описывалась отдѣльно сотниками и спеціально, съ цѣлями ревизіи, опредѣленными значковыми или бунчуковыми товарищами. Какъ видно изъ „указовъ“, „инструкцій“ и „доношеній“, эти ревизоры должны были составить списки всѣхъ дворовъ казачьихъ, именные списки всѣхъ взрослыхъ казаковъ, и ихъ имуществъ „на лице“, т. е. при непосредственномъ освидѣтельствованіи этого имущества и на основаніи указаній мѣстной старшины, куренныхъ атамановъ, а въ случаяхъ ревизій посполитыхъ, — на основаніи указаній старшины посполитаго званія и владѣльцевъ, или „державцевъ“); должны были распределить все количество дворовъ между опредѣленными имущественными группами, а затѣмъ уже — представить эти списки въ полковья канцеляріи, гдѣ полковая старшина, совмѣстно съ этими же сотниками и значковыми товарищами и составляла уже сводныя „табели“, опредѣляя „по усмотрѣнію числа душъ въ семьяхъ“ и имущества, какому изъ казаковъ нести службу выборную, кому быть подпомощникомъ, а кого совсѣмъ освободить отъ службы. — Послѣ этого эти „табели“, за подписью старшины полковой и сотниковъ, препровождались въ Войсковую Генеральную Канцелярію¹⁾.

Такова была, какъ мы видимъ, довольно сложная организація производства ревизій прошлаго столѣтія.

Надо прибавить еще, что ревизіи эти производились очень часто, нерѣдко ежегодно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ.

Насколько достовѣренъ цифровой матеріалъ этихъ ревизій? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть въ значительной степени основанъ на апріорныхъ заключеніяхъ.

Надо думать, что при этихъ ревизіяхъ имущество многихъ казаковъ умалось, а многихъ и совсѣмъ утаивалось, что подкупъ взятки, кумовство и тогда играли не малую роль. Но если и въ настоящее время главный статистическій матеріалъ собирается у насъ черезъ волостныя правленія, и цифрами этими находятъ возможнымъ широко пользоваться всѣ изслѣдователи современнаго экономическаго быта, то съ такимъ же правомъ, мы думаемъ, можно пользоваться и данными ревизій прошлаго столѣтія.

Всякій, кто хотя немного знакомъ съ постановкой дѣла въ нашихъ волостныхъ правленіяхъ и съ нравственной фізіономіей волостныхъ писарей, согласится съ тѣмъ, что и по своему экономическому положенію, и по умственному уровню, сотенная старшина и значковые товарищи, которые являются главными статистиками прежнихъ ревизій, стояли во всякомъ случаѣ выше современной волостной старшины. Наконецъ, и самый способъ собранія свѣдѣній во время этихъ ревизій, — подворная опись имущества и поименные списки, даетъ гораздо меньшій просторъ фантазіи, чѣмъ если бы требовались отвѣты въ круглыхъ цифрахъ, какъ при современномъ способѣ собранія свѣдѣній черезъ волостныя правленія.

¹⁾ См. Х. И. А. Д. М. К. №№ 530, 28. 486, 532, 552, 558, 592. Подъ этими сотенными списками стоятъ обыкновенно подписи сотниковъ и значковыхъ товарищей, производившихъ самыя ревизіи. Подписи эти сами служатъ указаніемъ того, какъ производились эти ревизіи. Поэтому позволимъ себѣ привести нѣкоторые изъ нихъ:

„Я, нижепоименованный сотникъ, съ атаманомъ сотни первой полковой переяславскаго полку“ (относится къ ревизіи 1731 г.) „вышеизображенную вѣдомость въ самую сущую правду всѣхъ казаковъ можныхъ, грунтовыхъ и прочихъ, показали *безъ утайки*; а ежели бы впрядь, въ другой ревизіи, могла бы явиться якая отъ насъ утайка, или что неправедно показали въ той вѣдомости, то да будемъ лишены чиновъ своихъ“.....

(Слѣдуютъ подписи сотниковъ, атамановъ, мѣстныхъ, куренныхъ и наконецъ — значковаго товарища. См. д. № 558. (Орфографія современная).

Определение отношения между различными имущественными группами, самого имущества этих групп, — вот главным образом, что можно извлечь из цифрового материала прежних ревизий.

Что же касается до абсолютного значения цифр этих ревизий, то до тех пор пока цифры эти не будут проверены сравнениями с другими более точными и лучше изученными источниками (напр. с Генеральным Следствием о маенностях, с Румянцевской описью) они не могут иметь значения.

Поэтому при разработках материала этих ревизий, мы будем иметь в виду главным образом *относительное* значение этих данных.

В табелях, составлявшихся в полковых канцеляриях, заключаются обыкновенно следующие сведения: 1) общее число дворов в полку, в сотнях, иногда — число семей и хат; 2) распределение их по имуществу на несколько групп.

Группы эти обыкновенно следующие: 1) возможные грунтовые, 2) средние, 3) малогрунтовые, 4) убогие-тяглые, при одних огородах живущие, имеющие скот, 5) весьма убогие-пешие, скота не имеющие, и, наконец — не всегда 6) подусьдки конные, или пешие.

Определение численности населения составляет вопрос первостепенной важности при изучении экономической жизни данной страны. И конечно, только в прежних ревизиях мы и можем почерпнуть более или менее точные данные для установления этой цифры. Но только тогда, когда будет разработан весь цифровой материал этих ревизий, по отношению ко всей территории Левобережной Украины, когда цифры эти будут сопоставлены с другими, лучше изученными источниками, можно будет сделать эту попытку.

Списки, или „табели“, бывшие в нашем распоряжении, — относятся всего к 5-ти полкам, а не ко всей территории Малороссии. — Поэтому мы не будем останавливаться на вопросе о численности населения а только на *отношении* различных групп к общему числу дворов.

Мы упоминали уже, что в табелях, составлявшихся в полковых канцеляриях, общее количество дворов, как казачьих, так посполитых, на основании имущественных признаков, распределяется на несколько групп.

Попытаемся, на основании этих данных определить, какой % по отношению ко всему населению составляют *безземельные* дворы?

Но для этого нам надо прежде всего установить, какие из перечисленных групп населения должны быть признаны за безземельные.

Конечно, три первые группы, как показывает самое определение их в „табелях“, составляли класс земельных, или „грунтовых“ казаков и посполитых. За безусловно безземельный класс надо считать конечно *подусьдков*, или „*сусьдей*“ посполитаго и казачьего звания, там, где таковые зарегистрированы.

Остается группа 4 и 5, относительно которых может возникнуть сомнение в том — имели ли они грунты. Хотя группа 4-я и определяется, как „убогие при огородах“, но в очень многих ревизиях они названы „тяглыми при огородах“, поэтому надо думать, что эта группа населения не составляла вполне безземельный класс, а скорее — малоземельный.

Что это справедливо, мы видим из посотенных списков, в которой перечисляется имущество каждой группы. Так, в этих списках „безгрунтовыми“ названы и такие казаки, которые имели сенокосную землю¹⁾.

¹⁾ См. Д. № 532, где „убогие при огородах“ названы „тяглыми при огородах“, и № 594, 560, из которых видно, что и „пешие“ имели сенокос, следовательно не были совершенно безземельной группой. См. также № 28486, где опять таки „нищетные“, названные безгрунтовыми, имели сенокосную землю.

Изъ сотенныхъ списковъ, относящихся къ 1-й полковой сотнѣ Переяславскаго полка 52 г., сообщенныхъ намъ г-номъ П. С. Ефименко, мы также видимъ, что имущество „нищетныхъ“ составляло не только рабочей скотъ, но и сѣнокосная, пахотная земля въ небольшомъ количествѣ и даже иногда лѣсъ у очень незначительнаго числа дворовъ.

То же и относительно посполитыхъ. Такъ, по ревизіи Переяславскаго полка 36 г. всѣ дворы „нищетные, убогіе“ раздѣлялись на „тяглыхъ“ и „пѣшихъ“, т. е. часть изъ нихъ имѣли „грунта“¹⁾. Въ нѣкоторыхъ спискахъ посполитые „нищетные, имѣвшіе скотъ“ характеризуются такъ „сіи (столько-то) человекъ при малыхъ часткахъ грунтовъ живучи“.....²⁾.

Изъ этого ясно, что эту группу населенія, т. е. „нищетныхъ, имущихъ скотъ“, мы не вправѣ считать за безусловно безземельный классъ, несмотря на то, что въ „табеляхъ“, составившихся въ полковыхъ канцеляріяхъ, они зачастую называются „безгрунтовыми огородниками“.— Это быть надо думать, очень недостаточный классъ, имѣвшій огородъ и небольшіе участки земли, большею частью сѣнокосной, а не пахотной, и небольшое количество скота.

Что касается послѣдней группы — „весьма убогихъ, скота неимущихъ“, то эта группа населенія, вмѣстѣ съ подсуздками, и составляла тотъ многочисленный безземельный классъ, на существованіе котораго обратили вниманіе многіе изслѣдователи экономическаго прошлаго лѣвобережной Украины.

Не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта группа составляла безземельный классъ, давныя сотенныхъ списковъ: при перечисленіи имущества этой группы, совершенно нѣтъ земельной собственности³⁾. Въ другихъ ревизіяхъ она характеризуется такъ: „казаки въ подпомогу опредѣленные, самые неимущіе, крайне убогіе, въ еднихъ хаткахъ живущіе“⁴⁾, или казаки „крайне нищетные и удовы, что въ еднихъ хаткахъ живутъ при огородахъ зъ за- жону и другой работизны питаются“⁵⁾, или какъ „весьма нищетные, заработкомъ кормящіеся, скота неимущіе“⁶⁾.

То же самое опредѣленіе этой группы встрѣчаемъ и относительно посполитыхъ.

Такъ, по ревизіи 37 г. Прилуцкаго полка, группа эта характеризуется такъ: „крайне нищетные заработками кормятся“, или „работизной кормятся“⁷⁾, или такъ: „посполитые и вдовы нищетные и весьма убогіе, которые не имѣютъ своихъ ни владѣльческихъ грунтовъ, но только въ самыхъ хаткахъ живутъ, зъ зажону и другой работизны себя кормятъ, (скота не имѣютъ—пѣшіе)⁸⁾“; или еще: „всѣ сіи 38 человекъ никакаго пространства къ имѣнію грунтовъ не знающіе, болѣе заработками, нежели хлѣбной пахотой жизнь свою снабждаютъ“⁹⁾...

Итакъ, за безусловно безземельныхъ мы будемъ считать только послѣднюю группу— „весьма убогихъ“, которые не имѣютъ и скота. Вмѣстѣ съ подсуздками они стоятъ на самой низшей ступени экономическаго благосостоянія. Главное ихъ занятіе составляла исполонщина („зажонь“) или просто—наемная работа. Отличались они отъ подсуздковъ видимо только тѣмъ, что имѣли свои хатки, такъ что представляли собой все-таки болѣе осѣдлое населеніе, чѣмъ эти послѣдніе.

1) № 532.

2) 594.

3) См. д. № 530, 28.486, 594.

4) 530.

5) Таблица ревизіи 52 г., сотни первой полковой, Переяславской, сообщенная П. С. Ефименко.

6) № 559, сотня Красноколядонская.

7) № 559.

8) № 532, сотня Басанская.

9) № 594.

Въ одной изъ ревизій подсусѣдки характеризуются такъ: „сусѣде, въ чужихъ хатахъ жиючіе, ничего неимущіе“. О нихъ примѣчаніе: „сіи 4 человека, весьма неосѣлы, по сусѣдамъ бродячіе и дневной пищи не имѣючіе“¹⁾). Вообще подсусѣдки, живя въ чужихъ хатахъ, рѣдко имѣли свой скотъ; главнымъ ихъ жизненнымъ ресурсомъ, также какъ и „весьма убогихъ“, были всякаго рода полевая работа и частью исполовщина²⁾).

Посмотримъ, насколько великъ былъ этотъ классъ безземельныхъ по ревизіямъ прошлаго столѣтія, и тогда уже остановимся нѣсколько на причинахъ, вызвавшихъ это явленіе.

На существованіе обширной безземельной группы обратили вниманіе многіе изслѣдователи, какъ мы упоминали уже.

Такъ, по изслѣдованіямъ г-на Филимонова, въ Суражскомъ уѣздѣ, во время Румянцевской описи было 32,3% безземельныхъ дворовъ и огородниковъ, въ среднемъ для казаковъ и посполитыхъ (при чемъ % безземельныхъ казачьихъ дворовъ былъ 14,9, а посполитыхъ, монастырскихъ и владѣльческихъ 31,1%)³⁾).

Г-нъ Червинскій разработалъ данные Румянцевской описи для уѣздовъ Городницкаго и Кролевецкаго Черниговской губерніи.

Процентъ безземельныхъ въ Городницкомъ уѣздѣ, на основаніи этихъ данныхъ, въ среднемъ для казаковъ и посполитыхъ былъ 37,8% къ общему числу дворовъ (% безземельныхъ казачьихъ дворовъ былъ 17,3%, посполитыхъ 34,8%)⁴⁾). Въ Кролевецкомъ уѣздѣ опять-таки % безземельныхъ былъ очень высокъ — 28,2%⁵⁾, (при чемъ % этотъ колеблется отъ 17,8% казачьихъ дворовъ до 40,7% владѣльческихъ посполитыхъ).

Еще болѣе высокой % безземельныхъ констатируетъ г. Мякотинъ для 4-хъ сотенъ Полтавскаго уѣзда; % безземельныхъ посполитыхъ въ этой мѣстности оказывается 47.68%⁶⁾). И наконецъ, по „Таблицамъ казачьяго землевладѣнія въ Золотоношскомъ уѣздѣ“, изданнымъ г. Лучицкимъ, % безземельныхъ казачьихъ дворовъ въ 4-хъ сотняхъ бывшаго Переяславскаго полка, по Румянцевской описи, колеблется отъ 7,4% до 41,7%⁷⁾).

Что % безземельныхъ былъ очень великъ въ концѣ прошлаго столѣтія, по всей территоріи лѣвобережной Украины, находимъ многочисленныя свидѣтельства и у Шафонскаго въ его „описаніи Черниговскаго намѣстничества“⁸⁾). Такъ во многихъ селахъ бывшаго Черниговскаго полка, обыватели „земли пахотной имѣютъ мало, и потому мало занимаются хлѣбопашествомъ, а получаютъ хлѣбъ изъ уѣздовъ Нѣжинскаго и Переяславскаго. — Упражняются больше въ промыслахъ“ (стр. 356, 357, 355). — Въ у. Борзенскомъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ „пахотной земли и сѣнокосовъ довольно всё не имѣютъ, а берутъ оныя у своихъ же жителей съ половины“⁹⁾) и т. д.

1) № 594, ревизія Переяславскаго полка 40 г., сотня Березанская.

2) Напр., въ сотнѣ Кобелякской подсусѣдки владѣльческіе, вдовствующей сотниковой, числомъ 36, „при горѣшнихъ ворсклянскихъ ея млинахъ, на купленной землѣ, въ собственныхъ ея же хатахъ мѣшкаючіе, безгрунтовые, крайне нищетные, которые съ женою и другой работницы (кормятся) и своихъ и владѣльческихъ грунтовъ не имѣютъ“, или въ сотнѣ Рѣшетилевскаго, 12 подсусѣдковъ владѣльца Кочубея „живутъ на скупленныхъ его грунтахъ, скота не имѣютъ“ (см. д. № 561) — № 593, 594.

3) См. Филимоновъ, „Румянц. Генер. опись Суражскаго у.“, Вятка. 1888 г., стр. 14, 15.

4) „Матеріалы оцѣнки земельныхъ угодій“. т. XIV, стр. 97, статья г-на Червинскаго.

5) См. „Матер. для оцѣнки земель. угодій Черниг. губ.“, т. XV, ст. Червинскаго, стр. 89—90.

6) См. Мякотина, „Крестьянское землевладѣніе Полтавск. у.“. Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ унив. Св. Влад., стр. 158.

7) См. Лучицкій, „Таблица казачьяго землевладѣнія въ Золотоношскомъ уѣздѣ“.

8) См. Шафонскій, „Описаніе Черниговскаго намѣстничества“, стр. 356, 359, 355, 441, 500, 220—219 и т. д.

9) Ibid., стр. 408.

Посмотримъ теперь, какой % составляли безземельные дворы по болѣе раннимъ ревизіямъ прошлаго столѣтія. Мы будемъ останавливаться отдѣльно на казакахъ и посполитыхъ.

Данныя этихъ ревизій, бывшія въ нашемъ распоряженіи относятся къ полкамъ: Переяславскому, Гадяцкому, Прилуцкому, Полтавскому, Черниговскому и сотнѣ Шентаковской, Стародубскаго полка ¹⁾).

На территоріи этихъ полковъ въ 30—40 годахъ прошлаго столѣтія % безземельныхъ казачьихъ дворовъ оказывается очень великъ, въ среднемъ составляя выше 30%, общаго числа дворовъ, если считать за безусловно безземельную ту группу населенія которую мы условились считать за таковую.

Вмѣстѣ съ огородниками тяглыми и пѣшими %, этотъ достигаетъ иногда 60% общаго числа дворовъ, но какъ мы говорили раньше и какъ видно изъ перечисленія имуществъ этой группы населенія, многіе изъ огородниковъ имѣли землю, а потому не могутъ быть причислены къ безземельному классу.

Считаемъ нужнымъ замѣтить слѣдующее. Далеко не во всѣхъ ревизіяхъ имѣются данныя о подсуздкахъ. И тѣ, которыя имѣются очень неполны, зачастую совершенно не сходны за 2 года ревизіи одной и той же мѣстности. Надо думать, что большинство подсуздковъ съ того времени, когда была уничтожена привиллегія, которой они пользовались — не платить никакихъ податей и не служить службъ, т. е. съ 34 года, зачислялись въ одну группу съ „нищими и весьма убогими, живущими одними хатками“.

Что касается посполитыхъ, то % безземельныхъ тамъ еще выше ²⁾. Въ 30—40-хъ годахъ

¹⁾ Примѣчаніе. По ревизіи Переяславскаго полка 1732 г. безземельные (группа „нищихъ и весьма убогихъ пѣшихъ“) казачьи дворы составляли 34,12% (по другому дѣлу этого же года=34,74% (X. И. А. Д. М. К., № 577...).

Въ 36-мъ году, въ 17 сотняхъ Переяславскаго полка огородниковъ („тяглыхъ при огородахъ“) зарегистрировано 60%; но какъ видно изъ самого опредѣленія — „тяглые“, — они не составляли совершенно безземельнаго класса, а только малоземельнаго (532). Безземельные же составляли 30% общаго числа дворовъ (№ 530).

По ревизіи 1731 г., въ Гадяцкомъ полку, % безземельныхъ казачьихъ дворовъ—28,26%, считая за таковыхъ „крайне убогихъ“ (по другимъ таблицамъ—27,8% [№ 562, 572]).

По ревизіи 38 г.—34,57%, 40 г.—31%, 41 г.—35,9% (№ 565, 563, 557, 564). Такимъ образомъ % безземельныхъ дворовъ за десятилѣтіе (отъ 31 г.—41 г.) въ Гадяцкомъ полку колеблется между 27,3—и 35,9%.

Въ Прилуцкомъ полку колебанія эти отъ 35—40% (№ 559, 593).

Въ Полтавскомъ, по ревизіи 35 г., всѣхъ „нищитныхъ, скота неимущихъ“ было 23%, а всѣхъ „нищитныхъ“ (вмѣстѣ съ огородниками тяглыми)—69% (№ 561).

Въ полку Черниговскомъ, по ревизіи 32 г., „нищихъ весьма убогихъ, пѣшихъ“ (которыя и составляли безземельную группу) было 34,12%, по ревизіи же 40 г.—всѣхъ „нищихъ, неимущихъ скота“—40,9%.

Въ 1731 г. нище вмѣстѣ съ огородниками составляли 43,88%, но какъ мы знаемъ уже не всѣ „огородники“ являются безземельнымъ классомъ, а потому и % этотъ выше дѣйствительнаго.

Наконецъ, въ сотнѣ Шентаковской, Стародубскаго полка, по ревизіи 38—40 г., какъ видно изъ сотенныхъ вѣдомостей, % безземельныхъ казаковъ, кромѣ подсуздковъ, составлялъ 35,3% (№ 28,486).

²⁾ Такъ, у по ревизіи 23 г., въ Переяславскомъ полку группа „весьма убогихъ“ составляла 45,5%, въ 29 г.—44,3% (№ 2,681).

Въ 31 г. количество посполитыхъ дворовъ раздѣлено только на 3 группы, такъ что „весьма убогіе“ не выдѣлены, а группа „убогихъ“, куда входили, какъ мы знаемъ, и многочисленный классъ тяглыхъ огородниковъ, составляло 57,12%, въ 32 г.—та же цифра—58,8% (№ 558, 556).

По ревизіи 36 г. группа „нищихъ, весьма убогихъ, скота неимущихъ“ было 41,06%, въ среднемъ (№ 532).

А среди различныхъ группъ посполитыхъ они составляли: 39,6% владѣльческихъ, около 50% свободныхъ, ратушныхъ, около 30% монастырскихъ, около 50% ратушныхъ г. Переяславля, и 36,5%—отписныхъ по двору.

Въ Гадяцкомъ полку въ 29 г. % „крайне убогихъ“ кромѣ подсуздковъ—29,32% (№ 2,606).

По ревизіи этого же полка 31 г., % безземельныхъ дворовъ („крайне убогихъ“) составлялъ 34,44% (№ 562); въ 38 г.—41,32%; 39 г.—46,07%, въ среднемъ за десятилѣтіе около 38% (№ 563, № 564).

Въ Прилуцкомъ полку въ 31 г. зарегистрировано 31% безземельныхъ дворовъ; въ 37 г. „нищитныхъ огородниковъ, скота неимущихъ“ (которыя не всѣ могутъ быть причислены къ безземельнымъ)—58,7%. При чемъ владѣльческіе посполитые составляли 50%, свободные, войсковые и ратушные—около 30%, монастырскіе—около 10%, остальные—около 10%.

Почти то же распредѣленіе даетъ ревизія 40 года:

прошлаго столѣтія онъ составлялъ въ среднемъ свыше 40% общаго числа дворовъ. Данныя, рассмотрѣнныя нами, относятся къ полкамъ: Переяславскому, Прилуцкому, Гадяцкому, Миргородскому, Полтавскому и Черниговскому. Полки эти составляли большую половину всей территоріи лѣвобережной Украины,—а такъ какъ то же самое мы видимъ и относительно казачьихъ дворовъ, то изъ всего вышесказаннаго мы можемъ вывести заключеніе, что, вообще, въ Малороссіи въ XVIII ст. % безземельныхъ какъ казачьихъ, такъ и посполитыхъ былъ очень высокъ; что этотъ безземельный классъ, благодаря какому-то особенному строю экономической жизни, продолжалъ составлять сельское сословіе, занимаясь исполвщиной, или просто наемными полевыми работами.

Невольно возникаетъ вопросъ, чѣмъ можно объяснить такой высокой % безземельныхъ въ прошломъ столѣтіи?

Намъ кажется, что объясненіе этого явленія надо искать въ цѣломъ рядѣ причинъ, дѣйствовавшихъ въ то время.

Несомнѣнно, одной изъ главныхъ, виѣшнихъ причинъ является неудовлетворительная финансовая политика: цѣлая система натуральныхъ повинностей и денежныхъ платежей, связанная съ владѣніемъ земельной собственностью, нерѣдко превышала выгоды, получаемыя владѣльцами отъ земли и заставляла отказаться отъ этой собственности и жить наемнымъ трудомъ, исполвщиной. Конечно, вопросъ этотъ недостаточно разработанъ, и для того, что бы доказать съ полною очевидностью, что вся сумма денежныхъ платежей, различнаго рода сборовъ и натуральныхъ повинностей, связанныхъ съ владѣніемъ землей, была настолько тяжела, что заставляло отказываться отъ этой земли, надо болѣе близко ознакомиться съ организаціей всей финансовой политики, дѣйствовавшей въ то время.

Въ это время, къ которому относятся данныя нашихъ ревизій, т. е. въ періодъ отъ 30—40 годовъ, въ Малороссіи смѣнялись нѣсколько управленій. Малороссійская Коллегія, учрежденная 1722 г., указомъ Петра II, въ 27 г. была уничтожена. Гетманство было восстановлено; въ гетманы былъ избранъ Даниилъ Апостоль. До учрежденія Коллегіи, всѣ сборы собирались „до скарбу войскового“, т. е. въ Малороссійскую казну, зависившую отъ гетмановъ. При учрежденіи коллегіи были опредѣлены спеціальныя лица, которыя должны были

Посполитые — владѣльческіе составляютъ опять-таки около 50% (50,06); посполитые свободные, войсковые и ратушные 33,26%, монастырскіе—15,68%. (Цифры эти представляютъ интересъ въ томъ отношеніи, что они могутъ быть сравниваемы съ данными „Генеральн. слѣдствія о маестностяхъ произведеннымъ въ 31 году, но еще не опубликованнаго для Прилуцкаго полка).

Въ Полтавскомъ полку, по ревизіи 35 г., % безземельныхъ въ среднемъ составлялъ 44,3%, при чемъ среди ратушныхъ и свободныхъ посполитыхъ, которые, по даннымъ этой ревизіи составляли 74% всего количества посполитыхъ дворовъ, % безземельныхъ былъ 40,37; среди владѣльческихъ посполитыхъ, составившихъ 21,13% общаго числа дворовъ, безземельныхъ было—47,09%, и наиболѣе высокой % безземельные дворы составляли среди монастырскихъ посполитыхъ, достигая 69,9% (монастырскихъ посполитыхъ было всего 4,87% общаго числа дворовъ (№ 561).

По ревизіи 29 года, въ 11 сотняхъ Черниговскаго полка безземельныхъ было 35,15% (№ 2,630); въ 31 г. въ 12 сотняхъ этого же полка всѣхъ „нищихъ“ было 57,63%; но изъ группы нищихъ здѣсь не выдѣлена группа „весьма убогихъ“, такъ что, надо думать, что сюда вошли и огородники тяглые и нѣшіе, а потому и % безземельныхъ по этой ревизіи опредѣлить нельзя.

Всѣ свободные посполитые дворы ратушные, мѣщане въ это время составляли 14,31%, а владѣльческіе и монастырскіе вмѣстѣ—85,69% (№ 577).

По ревизіи 32 г. опять-таки опредѣлить % безземельныхъ въ Черниговскомъ полку нельзя, такъ какъ группа „нищихъ“ (куда входили и тяглые огородники, т. е. малоземельный классъ) не раздѣлена, а составляетъ 57,31% (ibid. № 577).

По ревизіи 40 г., % безземельныхъ составляетъ 44,05% (№ 594).

Слѣдовательно, для опредѣленія % безземельныхъ въ Черниговскомъ полку, у насъ есть данныя ревизіи 29 и 40 г.; по этимъ даннымъ % этотъ колеблется отъ 35—44%.

Въ Миргородскомъ полку, въ 29 году, кромѣ подсуѣдковъ, % безземельныхъ=36,73% (№ 2,635). Для Нѣжинскаго полка есть данныя ревизіи 47 г., но % безземельныхъ опредѣлить нельзя.

слѣдить за сборами. Лица эти назывались подскарби, впоследствии генеральные подскарби. „Они, говоритъ Шафонскій, яко главные казначей, за всѣми доходами и расходами имѣли наблюдение и присутствовали въ особой для сего учрежденной канцелярїи, которая Генеральной скарбовой канцелярїей называлась“¹⁾. Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ Малороссійской коллегіи, всѣ сборы начали поступать въ Государственную казну²⁾.

Съ возстановленіемъ Гетманства возстановлены были и прежніе порядки, и отдѣльная казна, находившаяся подъ вѣдѣніемъ Гетмана. Но это правленіе длилось не долго. Въ 1734 г., со смертію Апостола, Анной Іоанновной учреждена была Войсковая Генеральная Канцелярїя,—правленіе изъ 6 старшинъ—3-хъ великорусскихъ и 3-хъ малорусскихъ. Во главѣ этого учрежденія стоялъ князь Александръ Ивановичъ Шаховской.

Самостоятельное управленіе Войсковой Генеральной канцелярїей длилось 16 лѣтъ, съ 34—50 г., до избранія въ гетманы Разумовскаго, когда Войсковая Генеральная Канцелярїя стала опять въ непосредственную зависимость отъ Гетмана, какъ было и раньше, когда она называлась „Правленіе Уряду-Гетманскаго“.

Въ 1764 г., съ уничтоженіемъ Гетманства, опять учреждена была военная коллегія въ Глуховѣ, изъ 8 душъ, съ Румянцевымъ во главѣ.

Въ 1765 — уничтожены были ненавистные Малороссіи „дачи на консистентовъ“, т. е. содержаніе натурой 6 Великорусскихъ полковъ Глуховскаго гарнизона и замѣнены были денежнымъ сборомъ со всякой мѣщанской, крестьянской и казачьей (подпомощниковъ) жилой избы, по 1 р. 2 к. Деньги эти шли на содержаніе комиссаровъ (сборщиковъ доходовъ³⁾).

Каковы были сборы въ Малороссіи во время господства всѣхъ этихъ самыхъ различныхъ правленій?

Нѣкоторое понятіе объ этомъ даетъ намъ отчетъ о доходахъ въ Малороссійской Коллегіи, который долженъ былъ представить Вельяминовъ въ 1727 г., съ уничтоженіемъ Коллегіи и возстановленіемъ Гетманства.

Изъ этого отчета видно, какіе доходы собирались во время господства Коллегіи, какъ и до ея учрежденія.

Сборы эти были двоякаго рода—денежные и натуральные. Денежные „до скарбу войскового“ собирались съ „вышинкованнаго вина“—*покуховное и скатное*, съ проданнаго вина—*помѣрное*; съ дегтю, съ винокуренныхъ казановъ, съ мельницъ, съ мостовъ, съ различныхъ товаровъ и т. п. Всего на сумму 14,372 р. 66 к. Содержаніе Гетмана стоило около 30,079 р. На гетмана опять же собирались эти денежные сборы съ тѣхъ же предметовъ. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ сборовъ на Генеральнаго Старшину, на полковниковъ и полковую старшину, на сотенную старшину, на ратуши и т. д. Общая сумма всѣхъ денежныхъ сборовъ при Гетманѣ достигла 71,482 р. 78 к. Главными плательщиками являлись казаки, посполитые, церковные и монастырскіе и затѣмъ, цѣлый классъ торговыхъ „заѣзжихъ людей“.

Казаки рядовые платили около 24% общей суммы сборовъ.

Посполитые около	28%	и
„Заѣзжіе“	48%	

Съ учрежденіемъ Коллегіи сборы эти повысились на 42.366 р. 95¼ к., такъ что общая сумма ихъ достигла 114.445 р. 20 к. въ 1726 году. Правда, прибавились новые плательщики — старшина генеральная, полковая, сотенная, раньше совершенно освобожденная отъ

¹⁾ См. Шаф. „Описаніе Черниг. намѣстничества“. Стр. 90.

²⁾ См. Сборникъ Русс. Ист. Общества. Томъ 11, стр. 510—515. Пункты Вельяминова.

³⁾ Ibid. Стр. 91—102.

сборовъ, по тѣмъ не менѣе, главную часть сборовъ всетаки платило рядовое казачество и посполство.

Эта общая сумма распредѣлялась слѣд. образомъ между различными плательщиками.

На казаковъ рядовыхъ падало 29% всѣхъ сборовъ, на посполитыхъ — 25, на торговыхъ людей — 29%, монастыри — 5%, бунчуковые — 3%, полковая старшина — 2%, остальные около 7%.

Но кромѣ этихъ денежныхъ, существовалъ еще цѣлый рядъ натуральныхъ сборовъ, главнымъ образомъ всѣми видами хлѣбовъ, провьянта, мукой съ мельницъ и т. п. — Какъ видимъ изъ „пунктовъ“ Вельяминова, на „Гетманскую булаву“ и на кухню, кромѣ хлѣбныхъ и денежныхъ сборовъ, съ гетманскихъ маестностей собирались — шубы, сапоги, козлиная, чулки, рукавицы, полотна, сани, телѣги, всякая пряжа, яйца, бараны, гуси, утки, капуста и т. п. ¹⁾

Хлѣбныхъ сборовъ на Гетмана собиралось 1680 четв. 5½ четвериковъ (главный сборъ падалъ на рядовыхъ казаковъ и посполитыхъ монастырскихъ), а всего натуральныхъ сборовъ 5549 четв. 6 четвериковъ.

Съ учрежденіемъ коллегіи, натуральные сборы эти увеличились очень значительно, достигнувъ 30.578 четв. 4 четвериковъ. Но кромѣ этого, существовалъ еще цѣлый рядъ мелкихъ сборовъ — въ видѣ табаку, меду, масла коноплянаго, и т. п. ²⁾ и наконецъ — совершенно не поддающийся учету рядъ *натуральныхъ повинностей*. Не говоря уже о томъ, что казаки несли военную службу, сопряженную съ значительными расходами, они въ то же время постоянно употреблялись на различнаго рода работы при постройкахъ каналовъ, крѣпостей, укрѣпленій, мостовъ; они возили почту, „полонили“ лѣдъ, должны были давать подводы проѣзжавшимъ чиновникамъ, отбывали „стойки“ и т. п.

То же самое надо сказать и о посполитахъ. Въ литературѣ хорошо извѣстны такіе факты, какъ постройка казаками Ладожскаго кагала, Украинской линіи, цѣлаго ряда крѣпостей на границѣ со степями, на Персидской границѣ на Кавказѣ, въ Крыму.

Все это вмѣстѣ, не поддаваясь учету, создавало такія условія, при которыхъ владѣніе землей не представляло особой выгоды.

Изъ причинъ внутреннихъ, способствовавшихъ образованію многочисленнаго безземельнаго класса, мы позволимъ себѣ указать на характеръ поземельныхъ отношеній, выразившійся въ господствѣ частной собственности на землю, дававшей просторъ для быстрого перехода этой собственности изъ рукъ однихъ владѣльцевъ въ руки другихъ — путемъ скупки, отобрания за долги, захвата и т. п.

Что касается причинъ ранняго распадѣнія общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи, — то на нихъ особенно подробно останавливается г-нъ Лучицкій. Приводя многочисленные примѣры, доказывающіе существованіе въ Малороссіи общиннаго владѣнія землей, авторъ приходитъ къ тому заключенію, что община эта, благодаря своеобразнымъ историческимъ условіямъ, не вылилась въ такую опредѣленную форму, какъ Великорусская — съ правильными передѣлами, разверстками и т. п., а представляла собой очень неразвитой типъ общины, гдѣ права отдѣльныхъ лицъ на долю владѣнія въ общей собственности, крайне неопредѣленны; такая община очень непрочна, — представляетъ прекрасный матеріалъ для развитія неравномерности во владѣніи земельными участками, для захватовъ, узурпаціи, — а слѣдовательно — и образованія земельного пролетаріата ³⁾.

¹⁾ См. Сб. Р. И. О. т. 11.

²⁾ См. Сб. Р. И. О. т. 63, стр. 486—507.

³⁾ См. „Слѣды общиннаго землевлад. въ Лѣвобережной Украинѣ“. От. Зап. 82 г. кн. XV, стр. 91.

Надо прибавить къ этому, что государство, или лучше сказать — постоянно смѣнявшія одно другое различныя управленія въ Лѣвобережной Украинѣ, почти не вмѣшивались въ земельныя отношенія различныхъ группъ населенія, и своей системой раздачи земель за услуги военныя и за службу, еще болѣе способствовали развитію частной собственности на землю и образованію класса крупныхъ землевладѣльцевъ.

Многочисленные примѣры подтверждающіе фактъ ранняго развитія частной собственности на землю, приводятъ и г-нъ Каманинъ¹⁾. Правда, рядовое казачество, по словамъ автора, долго боролось съ развивающейся частной собственностью на землю: рядъ королевскихъ указовъ сначала, позднѣе — гетманскихъ универсаловъ въ защиту этой собственности, служатъ доказательствомъ этому. Но въ то же время, и внутри самого казачества совершался тотъ же процессъ — раздѣла земель въ частную собственность: г-нъ Каманинъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ объ очень раннихъ фактахъ купли-продажи, завѣщанія земель рядовыми казаками въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ²⁾.

Въ „Таблицахъ казачьяго землевладѣнія въ Золотоношскомъ уѣздѣ“, изд. г-мъ Лучицкимъ на основаніи данныхъ Румянц. описи, содержится масса примѣровъ, доказывающихъ также, что господствующей формой землевладѣнія — было частное землевладѣніе. Слѣды пользованія общественными землями встрѣчаются въ упомянутыхъ „таблицахъ“ въ очень ограниченномъ числѣ случаевъ.

Изъ этихъ же „Таблицъ“ мы видимъ, что главнымъ способомъ приобрѣтенія казаками дворовой и пахатной земли является купля-продажа. А такъ какъ покупались больше казачьи же земли, то очевидно движеніе землевладѣнія было очень интенсивно со второй половины XVIII стол., какъ видно изъ обозначенія времени купли въ „таблицахъ“.

Второй способъ приобрѣтенія — это переходъ земельной собственности по наслѣдству („владѣть по наслѣдству“).

И наконецъ, рѣже всего, какъ мы упоминали уже, встрѣчаются слѣды пользованія общественными землями.

Такъ, *дворы* по способу приобрѣтенія были наслѣдственными, купленными у частныхъ лицъ и наконецъ — уступленными „на общеказачьемъ выгонѣ съ дозволенія“³⁾.

Примѣровъ владѣнія *пахатной* землей на общеобывательской землѣ, очень немного⁴⁾.

Главнымъ же способомъ приобрѣтенія пахатной земли, является — владѣніе ею по наслѣдству, купля, владѣніе за долги.

Земля сѣнокосная также почти вся находится въ частной собственности, и по способу приобрѣтенія является наслѣдственной, купленной, или доставшейся по *раздѣлу* общеказачьихъ, общеобывательскихъ степеней (см. напр. стр. 30, с. Келеберда, гдѣ земля сѣнокосная съ 31 г., съ согласія общества, занята отдѣльными владѣльцами „на общественномъ лугу“).

Довольно частые случаи хозяйничанья на наемной землѣ (т. е. развитіе аренды), встрѣчающіеся въ „таблицахъ“, указываетъ также на то, что запасъ общественныхъ земель былъ или невеликъ, или неудобенъ почему-то для пользованія — надо думать по своей отдаленности отъ населенныхъ мѣстъ.

1) См. „Матеріалы по исторіи казачьяго землевладѣнія“ въ Чт. О. Н. Л. кн. VIII, отд. III.

2) Ibid., стр. 16, 17, 19, 24 и т. д.

3) См. „Таблицы казачьяго землевладѣнія въ Золотон у.“ изд. Лучицкимъ стр. 5, № 55, 56; *ibid.* стр. 6, 7 и 9, № 41, 42; стр. 14, 15, 23 и т. д.

4) См. стр. 11, сел. Гельмязовъ.

Такъ, разсматривая данныя „таблицъ“ о разстояніи пахатной земли отъ села, мы видимъ, что земли наслѣдственныя, или купленныя лежатъ ближе къ селу, участки же занятыя „на общеказачьихъ“ и „общеобывательскихъ земляхъ“ гораздо дальше ¹⁾).

Вообще, въ „таблицахъ“ большая половина земельныхъ „кусковъ“ находится въ личной собственности, другая, — „въ нераздѣленномъ (съ родственными семьями) владѣніи“.

Ревизіи прежнихъ годовъ, которыя мы разсматриваемъ, даютъ также обширный матеріалъ для доказательства того факта, что личное землевладѣніе было господствующимъ въ Малороссіи уже въ первую половину XVIII ст.: въ подворныхъ спискахъ, гдѣ перечислено имущество каждаго двора, въ числѣ этого имущества перечисляется пахатная, сѣнокосная и лѣсная земля; — ²⁾ безземельныхъ дворовъ не могъ бы быть такъ великъ при господствѣ общиннаго землевладѣнія. Что перечисляемое въ ревизіяхъ прошлаго столѣтія имущество составляло личную собственность владѣльцевъ указываетъ еще и то положеніе, въ какое попадало имущество „шедшихъ“ и „спродавшихся“ казаковъ и посполитыхъ. Такъ въ полку Прилуцкомъ, по ревизіи 1740 г. зарегистрировано 982 случая „шедшихъ“ казаковъ (№ 593). Имущества этихъ „шедшихъ“ казаковъ, частью перешло въ другія руки, частью осталось свободнымъ: „ни въ чьемъ владѣніи не состоитъ“ ³⁾).

Въ руки другихъ владѣльцевъ это имущество попадаетъ или *за доли*, или „по родству“, или вслѣдствіе *купли*. Если бы это имущество не было личной собственностью оставившихъ его, оно должно бы было поступить въ общее владѣніе (по крайней мѣрѣ пахатная, лѣсная и сѣнокосная земля). Между тѣмъ въ приводимыхъ примѣрахъ, даже *пахатная* земля остается никѣмъ не занятой, иногда очень продолжительное время ⁴⁾).

Рядомъ мы видимъ примѣры, указывающіе съ одной стороны на *фактъ* личного владѣнія земельной собственностью, которая по уходѣ владѣльца отбирается „за долгъ“, а съ другой — и на *причину* ухода: задолженность другому лицу, грозившую не только отобраніемъ имущества, но и личнымъ закрѣпощеніемъ, потерей свободы ⁴⁾).

¹⁾ См. стр. 12, № 67, дворъ въ 4 семьи имѣетъ 9 кусковъ наслѣдственной земли, расположенной въ 1 вер., и 9 на общественной въ 5-ти верстахъ, или № 73, гдѣ случаи владѣнія на общественной землѣ въ 8 верстахъ. Такихъ примѣровъ множество въ таблицахъ.

²⁾ Вотъ болѣе подробныя данныя объ оставшемся имуществѣ. Осталось отъ „шедшихъ“: плещовъ съ хатами—11; безъ хатъ — 326, поля дней на—288, сѣнокоса—копѣ на 40; лѣсу рублей на—43. Все это имущество поступило во владѣніе другихъ лицъ. — Ни въ чьемъ владѣніи не состоитъ: плещовъ съ хатами — 5; безъ хатъ — 644; поля дней на—133, сѣнокосу возовъ—50, лѣсу—рублей 2 (см. Д. № 593).

³⁾ Така-то „сошла“ и оставила разнаго имущества, въ томъ числѣ поля пахатнаго дней на 6. . „полямъ (этимъ) никто не владѣетъ, но лежитъ оное впустѣ“... (№ 593).

⁴⁾ „.....Иванъ Шавоваловъ минушаго 39 г. безвѣстно куда сошелъ, а по немъ въ Антоновцѣ осталось хормное строеніе, при пустомъ плещу“.....

.....„А имъ, оставшимся хороннымъ строеніемъ владѣть значковой товарищъ полку Прилуцкаго Ф. Македонскій, потому что онъ, Македонскій держитъ у себя въ арестѣ *за долъ*“.

Или „Васылъ Брунь съ отца казацкую службу отбывалъ, а въ 33 г. *за долъ* уступилъ свою хату Македонскому и *подъ ямъ* живетъ„Тышко Мыщенко сего 740 году сошелъ безвѣстно куда, а по немъ осталась хата съ плещемъ, построенная на мужичьей землѣ, и поля пахатнаго—дней на 10“... „Онымъ плещемъ и хатою владѣетъ тою же самъ владѣлецъ асаулъ войсковой, генеральный Ф. Лысенко, потому что тотъ плещъ мужичій издавна былъ, а полямъ никто не владѣетъ“.

Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ часть имущества казака переходитъ къ владѣльцу этого села, такъ какъ хата его была на мужичьей землѣ, другая часть—пахатная земля, остается ни въ чьемъ владѣніи.

Или еще примѣръ..... „М. Фесененко, минушаго 30 году сошелъ въ городъ Прилуки, а по немъ въ селѣ Гнѣ динцахъ дворъ съ хатой рубленою, сѣножать на 100 копень, поля пахатнаго дней на—10..... Онымъ грунтомъ владѣетъ значковой Прилуцкаго подка товарищъ Аф. Довець *за должное*“.....

Факты эти указываютъ отчасти и на то, что въ эту эпоху начинало уже утрачиваться представленіе о прекраномъ правѣ владѣнія землей, т. е. *подъ условіемъ отбыванія известной, въ данномъ случаѣ—казацкой, — повинности, или службы*: значковой товарищъ, очевидно, не будетъ отбывать службу рязоваго казака, хотя и владѣетъ его грунтомъ.

Свѣдѣнія о „спешдшихъ“ имѣются за 10 лѣтъ (съ 30-хъ годовъ). И несмотря на такую давность имуществомъ этимъ никто не владѣеть. Кромѣ задолженности, имущество „спешдшихъ казаковъ“ переходитъ въ руки другихъ владѣльцевъ или „посредству“ (т. е. по наследству), или по куплѣ¹⁾.

Изъ всего вышесказаннаго можно вывести слѣдующее заключеніе: дворъ съ хатою, поле пахатное, а также лѣсъ и сѣнокосъ, составляютъ личное владѣніе казака; по его уходѣ, если на имуществѣ этомъ нѣтъ долга, или нѣтъ родственниковъ, имущество это не переходитъ въ общее владѣніе, а лежитъ „пусть“.

Факты *продажи* земли рядовыми казаками частнымъ владѣльцамъ указываютъ также съ одной стороны на то, что земля эта составляла частную собственность владѣльца, съ другой — на одну изъ причинъ *обезземеленія* казаковъ.—Причины „спродавшихся“ казаковъ встрѣчаются очень часто въ ревизіяхъ прошлаго столѣтія. Причемъ, надо думать, подъ „спродавшимися“ подразумѣвались не только тѣ, которые продали свою землю, но въ большинствѣ случаевъ — и личную свободу²⁾.

Все это указываетъ на то, что перечисляемое въ ревизіяхъ имущество, составляло *частную* собственность владѣльцевъ, а не долю участія ихъ въ общей собственности.

Высокій процентъ безземельныхъ дворовъ, обусловливался конечно еще и общими политическими условіями, въ какихъ находилась Лѣвобережная Украина; широкая система раздачи земель многочисленнымъ великороссійскимъ чиновникамъ и мѣстной старшиной за различныя услуги, почти полное невмѣшательство правительства въ поземельныя отношенія между различными слоями населенія; самовольные захваты земель, скупля въ частныя руки—все это вело къ образованію многочисленнаго класса болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, въ ущербъ равномерному распредѣленію земель между низшими земледѣльческими классами—казаками и посольствомъ.

Переходя къ вопросу объ имущественномъ положеніи различныхъ группъ населенія,—о размѣрахъ землевладѣнія, способахъ пользованія землей, мы должны обратить вниманіе на слѣдующее.

Хотя въ *сотенныхъ спискахъ* казаковъ содержится *подворная* опись имущества, но дворъ въ первой половинѣ XVIII ст. не есть уже цѣльная имущественная и хозяйственная единица: въ одномъ дворѣ живутъ, правда, обыкновенно небольшое количество родственниковъ семей, но каждая семья зачастую пользуется совершенно отдѣльнымъ имуществомъ, ведетъ самостоятельное хозяйство³⁾.

1) Въ с. Гужовцѣ „спешдшихъ“ 30 казаковъ. Отъ нихъ осталось: пустыхъ плещовъ съ хатами—3, безъ хатъ—27, садовъ 3, поля дней на 6, хворостяного лѣсу рублей на 5. „Съ того числа во владѣніи по сродству одинъ плещъ съ хатою, одинъ плещъ съ садомъ, поля дней 6, лѣсу на хворостъ рублей на 5, два плеща безъ хатъ, то два плеща *хуплено*, во владѣніи находятся; а одинъ плещъ съ хатою, да 23 безъ хатъ, ни въ чьемъ владѣніи“.....

Или, въ с. Монастырицахъ „отъ спешдшихъ казаковъ пустыхъ плещовъ, якими никто не владѣеть 7, а подъ владѣніе приверженныхъ *своиственными* 4“ (см. д. № 593).

2) Такъ, въ ревизіи Прилуцкаго полка 1740 г. встрѣчаются примѣры „спродавшихся“ казаковъ. — Они характеризуются такъ:

...Такой-то... „изъ отца и дѣда казакъ былъ, въ (такихъ-то) походахъ былъ, а въ (такомъ-то) году, *спродавъ* свой грунтъ живетъ подъ (такимъ-то)“...

Въ Переяславскомъ полку по ревизіи 1736 годъ зарегистрировано около 200 спровадшихся казаковъ. О нихъ встрѣчаются слѣдующія замѣчанія: „казаки, которые спродали свои грунты разнымъ владѣльцамъ и подъ ними жія, подданическую должностъ отбываютъ“ (см. д. № 532).

Въ сотнѣ Березанской того же полка, нѣсколько казаковъ живутъ „подъ асауломъ“ полковымъ, подъ сотниками, подъ значковыми товарищами и т. д. (ibid.).

Всѣ они составляютъ группу „весьма убогихъ“ „крайне нищетныхъ“, скота не имущихъ казаковъ.

3) См. сотенные списки въ д. № 530, 560, 28486 и др.

Въ среднемъ на одинъ дворъ въ различныхъ полкахъ приходилось отъ 1,1 до 2,6 семей; хать во дворахъ отъ 1,2 — до 2,4.

На каждую хату приходилось немногимъ болѣе одной семьи ¹⁾.

То же самое явленіе наблюдается и въ „таблицахъ казачьяго землевладѣнія“, изд. Луцкимъ для 4-хъ сотенъ Переяславскаго полка по даннымъ Румянцевской описи. Въ среднемъ на одинъ дворъ по этимъ таблицамъ приходится 2,2 семьи.

Просматривая имущество многосемейныхъ дворовъ въ „Таблицахъ“ мы видимъ, что въ большинствѣ случаевъ каждая изъ живущихъ въ одномъ дворѣ семей имѣетъ часть „лично-собственнаго“ земельного имущества; другая часть этого имущества находится въ *нераздѣленномъ* владѣніи этихъ семей.

Такъ, изъ 15.430 „кусковъ“ или „шматковъ“, на которые была раздѣлена вся пахатная земля въ 4-хъ сотняхъ Переясл. полка, въ нераздѣленномъ владѣніи „было 6606 кусковъ, „лично-собственныхъ“ 8824; половина сѣнокосовъ, зарегистрированныхъ въ „Таблицахъ“ была въ „нераздѣленномъ владѣніи“, другая — „лично-собственныхъ“.

Въ таблицахъ встрѣчаются дворы и до 14 семей, въ 60—70 душъ. Но такихъ очень немного; чаще всего — въ 4—6 семей. Всѣ эти семьи, живя въ одномъ дворѣ, пользуются пахатной землей частью „лично-собственно“; другая же часть земли остается въ нераздѣленномъ владѣніи; что неудивительно, такъ какъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда во дворахъ могли жить подсуздки, всѣ семьи между собой находятся въ самомъ близкомъ родствѣ и полученное по наслѣдству имущество могли раздѣлять постепенно. Всѣ дворы въ одну семью владѣли своимъ имуществомъ „лично-собственно“, какъ говорится въ „таблицахъ“ ²⁾

Итакъ — дворъ въ XVIII ст. не былъ уже имущественной и хозяйственной единицей: за частую во дворѣ ведется нѣсколько самостоятельныхъ хозяйствъ. Не всегда такой единицей была и семья. Слѣдовательно, мы сталкиваемся здѣсь съ тѣмъ же неудобствомъ подсчета имущества по дворамъ, на которое обратилъ вниманіе г-нъ Мякотинъ и другіе изслѣдователи экономическаго прошлаго Малороссіи.

Какъ мы упоминали уже, данныя объ имуществѣ заключаютъ въ себѣ *посотенные подворные списки*. Къ сожалѣнію, такихъ списковъ въ нашихъ рукахъ было очень немного, всѣ они относятся только къ казакамъ, къ небольшой территоріи Украины, такъ что дѣлать обобщенія объ имущественномъ положеніи рядового казачества всей страны на основаніи этихъ списковъ нельзя. — Кромѣ того, данныя эти очень неполны, далеко уступаютъ въ этомъ отношеніи Румянцевской описи.

¹⁾ Такъ, по ревизіи 40 г. въ Прилуцкомъ полку приходилось на одинъ дворъ — 1,2 семьи, 1,2 хать (№ 593).

Въ п. Гадяцкомъ, въ 39 г. — 1,34 семьи, 1,28 хать слѣдовательно на 1 хату — 1,03 семьи (№ 564).

Тоже почти отношеніе находимъ и въ данныхъ ревизій этого же полка 40-го и 41-го года. (См. д. № 564, 557).

Въ Нѣжинскомъ полку, по ревизіи 1747 года на одинъ дворъ приходилось 1,25 семьи (д. № 554), въ Полтавскомъ, по ревизіи 55 года на одинъ дворъ грунтовыхъ казаковъ 2,58 семьи, 2,35 хать (кромѣ бездворныхъ хать), на одну хату 1,08 семьи.

Значительно меньшее количество хать и семей во дворахъ того же полка въ группѣ безземельныхъ казаковъ: на одинъ дворъ беззем. казаковъ приходилось 1,75 семьи, 1,28 хать. На одну хату — 1,14 семей — (д. № 561).

По даннымъ ревизіи 52 г. въ сотни первой полковой Переяславской на одинъ дворъ *земельныхъ* казаковъ приходилось ,93 семьи, 1,83 хать; на одну хату — 1,08 семьи.

На каждый *безземельный* казачій дворъ той же сотни — 1,7 семьи, 1,28 хать; на каждую хату — 1,07 семьи. (документъ, сообщенный намъ П. С. Ефименко).

Почти то же отношеніе получается и по ревизіямъ послѣднихъ

Такъ, въ Гадяцкомъ полку по ревизіи 38 и 39 г. на одинъ дворъ приходилось 1,2 семьи; на каждую хату — 1,01 семьи. (д. № 563, 564).

Въ Прилуцкомъ полку въ 40 г. — 1,1 семьи на одинъ дворъ. (№ 593), тоже въ Нѣжинскомъ, Переяславскомъ и т. д. (№ 554).

²⁾ См. „Таблицы казачьяго землевладѣнія въ Золотоношскомъ уѣздѣ“ изд. г. Луцкимъ.

Такъ, въ спискахъ этихъ обыкновенно точно обозначено только количество пахатной земли. Что же касается остальныхъ земельныхъ угодій, то еще болѣе или менѣе точно указывается количество *стыночной* земли—(она считается копами, возами или косарями); *лѣсная* же не поддается совершенно никакому учету.

Скотъ, обыкновенно, зарегистрированъ только *рабочій*— въ смыслѣ Румянцевской описи— т. е. взрослые волы и лошади. Въ рѣдкихъ случаяхъ указывается количество коровъ и гулевого рогатаго скота. Изъ мелкаго скота болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія имѣются только относительно *овецъ*; остальной скотъ,—kozy, свиньи, совсѣмъ не заносился въ списки.

Поэтому, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи данныя объ имуществѣ казаковъ, мы пытаемся сгруппировать по двумъ признакамъ— по количеству пахатной земли и взрослому рабочаго скота на одинъ дворъ.

На неудобство такой сводки матеріала указываетъ г-нъ Лучицкій въ своемъ разборѣ труда г-на Филимонова— „Румянцевская Генеральная опись Суражскаго уѣзда“.

Г-нъ Л. говоритъ, что такія таблицы очень удобны для сравненія данныхъ прошлыхъ ревизій съ настоящими, но... „не даютъ намъ ровно никакого понятія о характерѣ поземельныхъ отношеній, отнимаютъ всякую возможность узнать, чисто ли подворное владѣніе или какая иная форма существовала въ XVIII стол., существовали ли крупныя семейныя союзы съ общей землей и хозяйствомъ или нѣтъ,... былъ ли дворъ или семья основой поземельнаго строя“...¹⁾.

Но отвѣта на многіе изъ этихъ вопросовъ ревизіи прошлаго столѣтія и не могутъ дать, несмотря ни на какую группировку имущественныхъ данныхъ, заключающихся въ нихъ.

Что касается вопроса поземельныхъ отношеній, то болѣе или менѣе опредѣленно ревизіи эти указываютъ только на господство частнаго землевладѣнія; существовали ли какія либо другія формы поземельныхъ отношеній— отвѣта на этотъ вопросъ мы стали бы тщетно искать въ ревизіяхъ²⁾; съ большей или меньшей точностью онѣ указываютъ намъ еще, какъ мы видѣли раньше, на существованіе обширной группы *безземельныхъ* дворовъ,—группы составлявшей настоящій земельный пролетаріатъ, единственнымъ имуществомъ котораго была хата съ небольшими дворами или усадьбами, единственнымъ средствомъ существованія—наемный трудъ или исповощина; что господствующей системой обработки земли является трехпольный сѣвооборотъ—а слѣдовательно и необходимое условіе трехполя—постоянное пастбище и сѣнокосъ; что дворъ въ XVIII ст. не былъ основой поземельнаго строя...

Ревизіи эти указываютъ намъ еще, что кромѣ земледѣлія, между сельскими сословіями были распространены еще и другія занятія—мелкія домашнія ремесла, различныя „промыслы“ извозный винокурениый, и наконецъ—торговля („крамарство“) и т. д...

Ввиду всего этого, переходя къ вопросу объ имущественномъ положеніи сельскаго казачьяго сословія, какимъ оно для насъ выясняется изъ ревизій прошлаго столѣтія, мы остановимся опять таки на той же группировкѣ данныхъ объ этомъ имуществѣ—т. е. по количеству пахатной земли и рабочаго скота на одинъ дворъ.

Наиболѣе обширный матеріалъ въ этомъ отношеніи даетъ намъ ревизія Переяславскаго полка 1736 года³⁾.

¹⁾ См. Юр. Вѣсти. 89 г. к. XII стр. 617.

²⁾ Правда, и въ болѣе раннихъ ревизіяхъ замѣчается тотъ же фактъ, на который обратилъ вниманіе г. Лучицкій для Румянцевской описи,—т. е. что количество пахатной земли между отдѣльными дворами находится въ известномъ постоянномъ отношеніи для каждой мѣстности (напр.—2: 4: 6, или 3: 6: 9, или 5: 10: 15). Но указываетъ ли этотъ фактъ на господство какой-то особой системы пользованія землей, или эта пропорціональность остается только, какъ пережитокъ этой системы—вопросъ остается открытымъ.

³⁾ См. д. № 530.

Передъ нами рядъ подворныхъ списковъ, относящихся къ семнадцати сотнямъ Переяславскаго полка и 152 населеннымъ пунктамъ (въ томъ числѣ мѣстечки, села, деревни, курени и др.). Кромѣ названія селенія, въ спискахъ этихъ содержатся еще слѣдующія данныя: поименный списокъ всѣхъ взрослыхъ казаковъ въ каждомъ дворѣ; перечисленіе имущества каждаго двора, причемъ зачастую, какъ мы упоминали раньше, во дворѣ ведется нѣсколько самостоятельныхъ хозяйствъ, — въ такомъ случаѣ зарегистрировано имущество каждаго хозяйства или семьи отдѣльно.

Земля пахатная указывается въ *четвертяхъ* посѣва или дняхъ пахати („маеть поля пахатнаго въ одной рукѣ на двѣ четверти, въ дву потомужъ“, или — „маеть поля якъ бы орати дней на 5“ прим.); земля *сѣнокосная* — возами, иногда копами; *лѣсная* — или на деньги — „маеть лѣсу рублей на (столько-то)“, или еще болѣе неопредѣленно — „маеть лѣсъ“, или часть лѣсу.

Что касается скота, то въ нѣкоторыхъ сотняхъ перечисленъ только взрослый рабочій скоть — волы и кони, въ другихъ — и коровы; овцы зарегистрированы не во всѣхъ сотняхъ. Поэтому и группировка дворовъ по скоту, возможна только на основаніи количества взрослого рабочаго скота — воловъ и лошадей.

Всѣхъ дворовъ казачьихъ по этой ревизіи въ полку Переяславскомъ зарегистрировано 6506; въ таблицѣ составленной въ полковой Переясл. канцеляріи, они распределены на слѣдующія группы:

- 1) „Казакъ грунтовые, къ службѣ выборной безъ подпомоги, отъ имуществъ своихъ отбывать должны“.
- 2) „Казакъ малогрунтовые въ службу выборную съ подпомогою“.
- 3) „Казакъ въ подпомогу опредѣленные безгрунтовые, убогіе, въ однихъ огородахъ мѣшкаючіе“.
- 4) „Казакъ въ подпомогу опредѣленные, самые неимущіе, крайне убогіе, въ однихъ хатахъ живуціе“.

А всего безгрунтовыхъ (вмѣстѣ съ огородниками, т. е. 2 послѣднія группы) около 30% всѣхъ дворовъ ¹⁾.

Имущественное положеніе грунтовыхъ казаковъ (имѣвшихъ кромѣ пахатной земли частью сѣнокосную и лѣсную) выразится слѣдующимъ образомъ:

1) Земли пахатной на одинъ дворъ	4,65 четверти.
2) Сѣнокоса.	3,17 воза.
3) Воловъ	2,4 штуки.
4) Лошадей	1,8.
5) Овецъ (въ 15 сотняхъ)	7,5 штуки ²⁾ .

Всѣ дворы этой группы имѣютъ пахатную и сѣнокосную землю, 6% изъ нихъ — и лѣсную (въ нѣкоторыхъ сотняхъ лѣсную имѣютъ 85%).

¹⁾ Подъ безгрунтовыми, въ прежнихъ ревизіяхъ, какъ мы говорили уже, подразумѣвались дворы, не имѣвшіе пахатной земли.

²⁾ По „Румянц. Описи“, составители „матеріаловъ оцѣнки земельныхъ угодій Черниг. губ. для Города, и Каролевецк. уѣздовъ“ приняли одну четверть посѣва ржи равной одной десятинѣ. А такъ какъ, ими, при опредѣленіи этой мѣры, принимались въ расчетъ и мѣры линейныя, то это отношеніе можно считать болѣе или менѣе правильнымъ. День пахоти, мѣра известная и теперь въ Малороссіи, равнялся $\frac{3}{4}$ десятины (или четверти). (См. стр. 80, XIV тома упомянутаго изслѣдованія).

Имущественное положеніе казаковъ, неимѣвшихъ пахатной земли, а только скотъ и очень незначительное количество сѣнокосной и частью лѣсной земли, выразится слѣдующимъ образомъ:

Воловъ на одинъ дворъ	1,4 штукъ.
Лошадей	1,2.
Овецъ (въ 16 сотняхъ)	4,3 штуки.

Что касается до другого рода имущества, то данные о немъ очень вѣточны (напр., сѣнокосная земля зарегистрирована только въ 10 сотняхъ), а потому мы не будемъ останавливаться на нихъ.

Наконецъ, послѣдняя группа—не имѣвшихъ скота и никакого имущества, кромѣ хатъ, составляла 15% общаго числа казачьихъ дворовъ въ Полку.

Какъ на видный промыселъ, кромѣ земледѣлія, можно указать на винокурение: во всемъ Полку зарегистрировано 183 винокурни. Но винокурение было распространено среди болѣе зажиточныхъ казаковъ. Впрочемъ, довольно развито было пчеловодство и „купеческій промыселъ“—опять-таки среди болѣе зажиточныхъ казаковъ.

Различнаго рода мелкія домашнія ремесла были развиты очень слабо, обыкновенно среди самого бѣднаго населенія.

Надо замѣтить однако, что колебанія количества земли, скота и другого имущества между отдѣльными дворами были очень значительны, а потому приводимыя выше среднія цифры, даютъ очень слабое представленіе объ имущественномъ положеніи населенія.

Поэтому, въ приводимой ниже таблицѣ мы попытались распредѣлить всѣ дворы на нѣсколько группъ, на основаніи которыхъ можно видѣть, какого рода дворы преобладали—съ большимъ количествомъ земли, съ среднимъ, или малымъ ¹⁾.

Дворовъ, имѣвшихъ:

До одной четверти земли.	Отъ 1—2.	Отъ 2—3.	Отъ 3—5.	Отъ 5—10.	Отъ 10—25	25 четв. и выше.
2,5%.	15,4%.	15%.	28%.	27,1%.	10,6%.	1,7%.

Преобладаютъ, слѣдовательно дворы со среднимъ количествомъ земли (отъ 3—10 четв.) каковыхъ было 55,1%; дворовъ съ большимъ количествомъ земли (отъ 10 до 25 четв. и выше)—12%, остальные—съ малымъ количествомъ (33%).

Что касается группировки всѣхъ дворовъ по количеству рабочаго скота, то, какъ мы говорили уже выше, дворовъ неимѣвшихъ совсѣмъ скота

было	15%
1 штуку	14%
2 штуки	18%
3 „	14%
4—5 штукъ	18%
6—10 „	17%
11 „ и болѣе	4%

¹⁾ Въ цѣляхъ сравненія, въ приводимой таблицѣ мы беремъ ту же группировку дворовъ по количеству пахатной земли и скота, что у гг. Мякотина, Червинскаго, Филимонова.

Слѣдовательно, дворовъ съ *небольшимъ* количествомъ скота (отъ 1—3 шт.) было 46%.
 Со среднимъ—(отъ 4—10 шт.)—35%.
 Съ *большимъ* количествомъ (свыше 10 шт.)—4%.

Такимъ является для насъ имущественное положеніе казаковъ Переясл. полка по ревизіи этого полка 1736 года.

Что касается другихъ мѣстностей, то у насъ есть неполные данныя для 16 сотенъ Черниговскаго полка и болѣе точные и полные—для сотни Шептаковской Стародубовскаго полка.

Имущественное положеніе тѣхъ дворовъ, которые кромѣ пахатной земли и скота, имѣли сѣнокосную и лѣсную землю, въ 16 сотняхъ Черниговскаго полка по ревизіи 1740 года, было слѣдующее.

Всѣхъ дворовъ этой группы зарегистрировано 2329. У нихъ: 1) земли пахатной 14.443 четв. $9\frac{1}{2}$ четвертокъ, 2) сѣнокосу — 39.356 возовъ, 3) воловъ — 4419 шт., 4) лошадей — 5496 шт., 357 винокурень и т. п., что на одинъ дворъ составляло:

Земли пахатной	6,22 четв.
Сѣнокосовъ.	17 возовъ.
Воловъ	1,9.
Лошадей	2,36 ¹⁾ .

Что касается другихъ группъ казачьихъ дворовъ, то данныхъ о нихъ въ этой ревизіи не оказалось; нѣкоторое представленіе какъ о численности, такъ и объ имущественномъ положеніи ихъ, мы находимъ въ другихъ ревизіяхъ ²⁾.

Число дворовъ „казаковъ нищихъ имущихъ скотъ“ — 1964. У нихъ на одинъ дворъ — 1,62 коня, 1,1 вола.

Дворовъ неимущихъ скота, самыхъ убогихъ (безземельныхъ) — 2134, т. е. около 40% (ibid, № 594).

Болѣе полныя данныя имѣются о сотнѣ Шептаковской Стародубскаго полка. Данныя эти относятся къ 38—40 году. Общее количество дворовъ казачьихъ въ таблицѣ, приложенной къ дѣлу, распределѣно на слѣдующія группы:

- 1) Среднегрунтовые, пахатные, дальній походъ служить могущіе — 2% (соотвѣтствуютъ выборнымъ безъ подмоги).
- 2) Убогіе малогрунтовые, въ походъ недалній служить могутъ — 33,78%.
- 3) Весьма нищетные, хатки одни имѣющіе, худоконные, безоружейные — 4,92%.
- 4) Весьма нищетные, хатки одни имѣющіе, коней не имѣющіе, пѣшіе — 30,7%.
- 5) Подсусѣдки, въ чужихъ хатахъ живущіе, заработка кормятся — 15,9% ³⁾.

По этой таблицѣ, всѣхъ дворовъ въ сотнѣ было 477.

Но данныя объ имуществѣ имѣются только для 255 дворовъ.

Попытаемся сгруппировать эти данныя по количеству земли пахатной на одинъ дворъ.

¹⁾ См. д. № 560.

²⁾ См. д. № 594.

1) Дворовъ, не имѣвшихъ никакой земли, было	21,18%
2) До одной четверти	4,32%
3) Отъ 1— 2 четвертей	27,85%
4) " 2— 3 "	27,85%
5) " 3— 5 "	5,89
6) " 5—10 "	12,12%
7) " 10—25 "	0,79%
8) " 25 четвертей и выше	0
	100%

Такимъ образомъ, здѣсь преобладаютъ дворы съ *небольшимъ* количествомъ земли (отъ 1—3 четв.), составляя 55,7%.

Въ сотнѣ господствовалъ трехпольный сѣвооборотъ.

По количеству скота, дворы распредѣлялись слѣд. образомъ:

1) Неимѣвшихъ совсѣмъ рабочаго скота	22,35%
2) Имѣвшихъ 1 штуку	18,82%
3) " 2 "	16,47
4) " 3 "	12,16
5) " 4—5 "	19,61%
6) " 6—10 "	10,59%
7) " 11 " и болѣе	0%
	100%

Преобладаютъ дворы съ *небольшимъ* количествомъ скота.

Въ среднемъ на одинъ дворъ земли пах. приходилось около 3 четв.

Сѣнокосу	6,91 воза ¹⁾
Коней	3,1
Коровъ	0,8
Овецъ	3,1.

Лошади были рабочимъ скотомъ, а потому количество воловъ очень незначительно²⁾.

Мы позволимъ себѣ привести еще одну таблицу, которая какъ намъ кажется, можетъ дать болѣе реальное представленіе объ имущественномъ положеніи тѣхъ группъ, на которыя въ прежнихъ ревизіяхъ, дѣлилось общее количество дворовъ.

Таблица эта составлена на основаніи подворной описи имущества и поименныхъ списковъ всѣхъ казаковъ сотни первой полковой Переяславской, произведена въ 1752 году; со-общена намъ П. С. Ефименко.

¹⁾ См. д. № 28486.

²⁾ Около 2-хъ десятинъ. См. XIV т. „Матеріаловъ оцѣнки земель. угодій Чернигов. губ.“, стр. 80-я. Ibid. Ша-фонскій „Описаніе Черниг. Намѣстич.“, стр. 199, ч. II.

Какъ обыкновенно, общее число дворовъ распределено на слѣдующія группы:

- 1) Казаки среднегрунтовые.
- 2) Малогрунтовые.
- 3) Нищетные.
- 4) Крайне нищетные.
- 5) Подсусѣдки.

Имущественное положеніе каждой изъ этихъ группъ выразится слѣдующимъ образомъ.
У казаковъ *среднегрунтовыхъ* на одинъ дворъ приходилось:

- 1) Поля пахатнаго. 222 конн.
- 2) Сѣнокосу. . . . 6,48 косаря¹⁾ (около 2 хъ десятивъ, принимая косаря= $\frac{1}{3}$ десятины).
- 3) Волось 5,48 штуки.
- 4) Коней 4,08 „

Данныя о другого рода имуществѣ—лѣсъ, мельницъ, пчель—неточны, а потому мы ихъ не приводимъ.

У *малогрунтовыхъ* на одинъ дворъ:

- 1) Поля пахатнаго. 87,72 конн.
- 2) Сѣнокосу косарей 1,74
- 3) Волось 3,21
- 4) Коней. 2,69

У *нищетныхъ*:

- 1) Поля 33,57 конн.
- 2) Сѣнокосу. 0,62 косаря
- 3) Волось 1,8
- 4) Коней. 1,49

Слѣдующая группа—*крайне нищетная* и подсусѣдковъ, составляли *безземельный* классъ, какъ видно изъ описи имущества.

У *крайне нищетныхъ*, кромѣ незначительнаго количества скота, нѣтъ другого имущества.

На одинъ дворъ они имѣли въ среднемъ—0,92 вола и 0,76 коней. Группа безземельныхъ составляла 31,35% общаго числа дворовъ.

На одинъ дворъ *грунтовыхъ* казаковъ приходится 1,99 семьи, 1,83 хаты; а слѣдоват. на хату—1,08 семьи.

На одинъ дворъ безгрунтовыхъ: 1,7 семьи, 1,28 хатъ, на каждую хату—1,07 семьи.

Резюмируя всѣ тѣ данныя, которыя приведены нами на основаніи ревизій прошлаго столѣтія, производившихся въ періодъ 30-хъ—40-хъ годовъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ.

На значительномъ пространствѣ тогдашней Лѣвобережной Украины, замѣчается крайне неравномѣрное распределеніе земельной собственности. Существуетъ цѣлая обширная группа

¹⁾ См. XV т. „Матер. оцѣнки земель. угодій Черниг. губ.“, стр. 68.

населенія, считавшаяся *безземельной*, т. е. не имѣвшей личной собственности на землю. Группа эта многочисленна какъ среди казаковъ, такъ и среди посполитныхъ.

Чѣмъ объяснить такое явленіе? Почему, при несомнѣнномъ существованіи значительнаго фонда необработанныхъ, не эксплуатируемыхъ земель, состоявшаго по замѣчанію г. Червинскаго изъ зарослей, лѣсовъ и послужившаго „для будущихъ поколѣній“, істояція (въ прошломъ вѣкѣ) не пользовались имъ?

Кромѣ всѣхъ приведенныхъ нами выше соображеній, причину этого явленія надо искать несомнѣнно въ самомъ строѣ тогдашняго хозяйства, тогдашнихъ условій экономической жизни; и пока эти условія недостаточно изучены, и объясненіе этого явленія не будетъ полнымъ.

Многіе авторы, на основаніи давнихъ Румянцевской ревизіи, пытались проводить параллель между экономическимъ положеніемъ сельскихъ сословій Малороссіи въ прошломъ и настоящемъ; но большинство этихъ изслѣдованій не приводило къ достаточно яснымъ выводамъ; зачастую даже выводы эти противорѣчили другъ другу.

Для того, чтобы провести это сравненіе, недостаточно, конечно, свести данныя объ имущественномъ положеніи различныхъ группъ населенія въ таблицы и сопоставить эти таблицы; чтобы сравненіе это было возможнымъ, надо принять во вниманіе еще очень и очень многія условія, оставшіяся неизученными въ экономической и соціальной жизни Малороссіи.

За этомъ періодъ — болѣе столѣтія, — въ жизни страны произошелъ цѣлый переворотъ: прежнее натуральное хозяйство, при которомъ производство и потребленіе совершалось почти внутри этихъ группъ населенія (государственныя потребности удовлетворялись также главнымъ образомъ въ формѣ натуральныхъ повинностей), смѣнилось денежнымъ; развился значительный городской классъ, развилась внѣшняя торговля; значительная часть продуктовъ производства земледѣльческихъ классовъ, въ переводѣ на деньги, поступаетъ въ видѣ платежей государству, земству. Какая доля этихъ продуктовъ теперь и какая тогда оставалась въ рукахъ производителей — каково было потребленіе этихъ продуктовъ въ прошломъ и настоящемъ — вотъ предварительные вопросы, разрѣшеніе которыхъ только и можетъ служить показателемъ дѣйствительнаго благосостоянія сельскихъ сословій Малороссіи въ прошломъ и настоящемъ.

Село Городище, Кашир. у. Тульской губ.—древній городъ Лопастня и монастырь св. Николая Чудотворца, Четырехъ Церквей.

Н. И. Троицкаго.

Каширскій берегъ р. Оки, составляя часть первой пограничной линіи на югѣ Московскаго княжества, потомъ государства, былъ въ свое время сильно укрѣпленъ. Нѣкоторыя изъ укрѣпленій относятся къ весьма отдаленному времени и представляютъ собою мѣста первобытныхъ поселеній доисторическихъ насельниковъ береговъ Оки (на пространствахъ Орловской, Калужской и Тульской губерній). Таковыя укрѣпленныя гвѣзда первобытныхъ обитателей этого края хранятъ въ себѣ памятники всѣхъ древнихъ культуръ, — каменнаго вѣка (палеолитической и неолитической эпохи), бронзоваго періода и позднѣйшихъ періодовъ. Остатки быта этихъ временъ иногда находятся въ одномъ и томъ же мѣстопоселеніи, какъ, на примѣръ, въ Городищѣ при с. Гремячемъ, Перемышльскаго уѣзда, Калужской губерніи ¹⁾. Къ числу такихъ мѣстъ древнихъ поселеній принадлежитъ и Городище, расположенное на Каширскомъ берегу Оки, на пространствѣ между устьями рѣкъ—Беспуты на востокѣ, Восьмы на югѣ и противъ устья Лопастны на сѣверѣ, точнѣе—при устьѣ рѣчки Стрѣлицы, впадающей въ Оку съ юга ²⁾. Въ окрестности этого Городища также находятся каменные орудія ³⁾. Въ виду финскихъ наименованій окрестныхъ рѣкъ: Восьмы, Беспуты, Лопастны и самой Оки, необходимо признать, что древнѣйшіе обитатели этой мѣстности и, въ частности Городища, расположеннаго при устьѣ р. Стрѣлицы и противъ устья р. Лопасни, были Финны. — Когда край былъ колонизованъ Славянами съ юга, то мѣста прежнихъ поселеній по Окѣ были заняты Вятичами или смѣшаннымъ населеніемъ обоихъ племенъ Финновъ-Вятичей.

Положеніе Городища, говоря по старинному, „на усть Лопасни“ послужило поводомъ Мих. Петр. Погодину предположить, что это Городище и есть мѣсто древняго города Лопастни.

¹⁾ Нѣкоторыя вещи изъ Гремячевскаго Городища находятся въ Тул. Епарх. Древлехранялицѣ (кремневые наконечники стрѣлъ, черепки и т. п.).

²⁾ Рѣчка Стрѣлица гѣтомъ пересыхаетъ и представляетъ скорѣе сухоходный оврагъ, который, впадая въ Оку противъ устья р. Лопасни, служитъ границей Городища съ запада.

³⁾ Недавно найденный на берегу каменистаго оврага каменный неолитическій топорикъ-молотокъ любезно предоставленъ мнѣ помѣщикомъ Александромъ Валеріановичемъ Кислинскимъ (въ приходѣ с. Хатавокъ).

стны, упоминаемаго въ лѣтописяхъ въ велико-княжескій періодъ. Предположеніе это казалось Погодину вѣроятнымъ тѣмъ болѣе, что при Городищѣ существуетъ погостъ подъ названіемъ Четыре Церкви; а такое число церквей говоритъ также за существовавшій здѣсь города въ государственномъ значеніи сего слова.

Первоначально и самъ Погодинъ о мѣстоположеніи г. Лопастны былъ иного мнѣнія; онъ признавалъ, что Лопастна находилась на мѣстѣ теперешняго села Лопасни, Московской губерніи, Серпуховскаго уѣзда, между Подольскомъ и Серпуховымъ ¹⁾, но потомъ, на основаніи показанія Кіевской лѣтописи ²⁾, долженъ былъ измѣнить свой взглядъ.

Погодинъ говоритъ: „Въ словарѣ древней Русской географіи я полагалъ его (т. е. г. Лопасню) нынѣшнимъ селомъ Лопаснею, Серпуховскаго уѣзда, между Подольскомъ и Серпуховымъ, съ чѣмъ согласились и Надеждинъ съ Неволинымъ; провѣряя мои изслѣдованія по документамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, они опредѣляли только точнѣе положеніе этого села Лопасни, въ 27 верстахъ отъ Серпухова, и указывали еще на другое сосѣднее село того же имени.

„Этотъ городъ Лопасню (а не нынѣшнее село) должно разумѣть и въ завѣщаніи Великаго Князя Ивана Даниловича Калиты: „се далъ есмь сыну своему Андрею Лапасну... Серпуховъ... Перемышль“, равно какъ и въ другомъ показаніи лѣтописи, въ которой читаемъ:

„Димитрій Донской, собравшись встрѣтить Мамаю... пойдя къ Коломнѣ... на Котель, и приде на Коломну... и поиде съ Коломны, и пришедъ ста у Оки на усть Лопасны рѣки, и и повелѣ имъ Оку рѣку возитися и заповѣда... аще кто иде по Рязанскія землѣ, да никтоже ни къ чесому некоснется... и прешедшу всему воинству его черезъ Оку въ день недѣльный, и на заутріе въ понедѣльникъ самъ перевезся, и остави у Лопасны великаго воеводу своего Тимофея Васильевича Тысяцкаго“ и проч.

Отсюда ясно, что правый берегъ Оки былъ рязанскій (прежде черниговскій), и что Димитрій Донской со всѣмъ своимъ воинствомъ противъ Мамаю переправился близъ нынѣшняго села Городищъ или древней Лопасни ³⁾.

Въ подтвержденіе этого мнѣнія Погодина можно еще привести болѣе точное свидѣтельство. Въ договорной грамотѣ вел. кн. Олега Рязанскаго съ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, 1389-го года, читаемъ: „А что на Рязанской сторонѣ за Окою, что доселе потягло къ Москвѣ, Поченъ, Лопастна, уѣздъ Мстиславль, Жадене Городище, Жадемль, Дубокъ Бродничъ, съ мѣсты, какъ ся отступили Князи Торускіе Федору Святославичу, тѣ мѣста къ Рязани“... ⁴⁾. Тутъ прямо говорится, что городъ Лопастна былъ „на Рязанской сторонѣ, за Окою“ (на южномъ берегу ея), чѣмъ, несомнѣнно, доказывается, что онъ былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Городище и погостъ Четырехъ Церквей, противъ устья рѣки Лопасни, такъ какъ другого Городища на этой (южной) сторонѣ Оки нѣтъ, не только вблизи устья р. Лопасни, но и по всему берегу Оки, на пространствѣ между древними городами (теперь селами) Тѣшиловымъ и Колтовскимъ.

¹⁾ М. П. Погодинъ. Древнія Русскія княжества, съ 1054 по 1240 годъ. Спб. 1848. — II. Княжество Черниговское. Стр. 30.

²⁾ 1176. „Посла Святославъ (Всеволодовичъ, В. К. Черниговскій) жены, Михалкову и Всеволоду (въ мужьямъ, принявшимъ наслѣдство Андрея Боголюбскаго), пристая къ намъ сына своего Олега проводить и до Москвѣ. Олегъ же проводивъ и, возвратися въ свою область, въ Лопасню. Оттуда пославъ Олегъ зая Свѣрилескъ, башать бо и то область Черниговская“.

³⁾ М. П. Погодинъ. Древняя Лопасня. „Правосл. Обзор.“ 1871 г. Мартъ.

⁴⁾ Договорная грамота великаго князя Рязанскаго Олега Ивановича съ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ и братомъ его княземъ Володиміромъ Андреевичемъ, 1389 г.—Древн. Россійск. Вивліюника. Изд. 2-е, ч. I. М., 1788. Стр. 91—92.

Изъ приведеннаго выше въ примѣчаніи отрывка изъ Кіевской лѣтописи подъ 1176 годомъ видно, что Лопастна была областнымъ городомъ удѣльнаго князя Черниговскаго Олега; потому она перешла къ Рязанскому княжеству и, наконецъ, была разорена татарами, которые много разъ опустошали берега р. Оки. О томъ, что и когда было на мѣстѣ Лопастны, послѣ разоренія ея татарами, лѣтописи и другіе историческіе памятники не говорятъ. Отвѣчать на это возможно при единственномъ условіи—при обстоятельномъ изученіи памятниковъ, доселѣ существующихъ на мѣстѣ Городища и на погостѣ „Четырехъ Церквей“.—Таковое изученіе и предпринято было мною при двукратномъ путешествіи въ с. Городище, лѣтомъ 1887 года и 1895-го года. — Это изученіе дало не мало свѣдѣній, вообще интересныхъ для науки и въ особенности для исторіи с. Городища.

Главнѣйшіе монументальные памятники с. Городища, суть церкви. Изъ „Четырехъ“, существовавшихъ прежде, двѣ Пятницкая и Николаевская, существуютъ доселѣ, а о существованіи двухъ другихъ говорятъ сохранившіеся памятники, отчасти письменные, отчасти вещественные. Изъ существовавшихъ прежде церквей одна была во имя Преображенія Господа, какъ свидѣлствуютъ о томъ сохранившіеся письменные памятники, а какого наименованія была другая, по общему счету четвертая, о томъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ не сохранилось, кромѣ преданія, по которому она была во имя Св. Троицы. По свидѣтельству того же преданія, церкви Троицкая и Преображенская существовали на самомъ Городищѣ,—Троицкая выше или южнѣе, а Преображенская ниже или сѣвернѣе, по направленію городищенскаго холма. Изъ двухъ этихъ церквей Преображенская была, вѣроятно, построена ранѣе Троицкой, судя по тому, что на такихъ Городищахъ, по тому же берегу Оки, древнѣйшія церкви суть Преображенскія, а именно: въ с. Дѣтчинѣ, на востокъ отъ г. Каширы, на городищѣ, въ с. Тѣшиловѣ (бывшемъ городѣ) на городищѣ тоже. Что кромѣ двухъ существующихъ теперь, существовали здѣсь еще двѣ церкви, это подтверждается и доселѣ сохранившимися двумя царскими и двумя сѣверными вратами, которыя, размѣщены на стѣнахъ средней части Пятницкой церкви, а также иконъ Пророковъ и Святителей, принадлежавшихъ по двумъ ярусамъ повидимому разныхъ иконостасовъ, на что указываетъ и разная мѣра, и разные типы иконописанія. — Въ отдѣльности, о существованіи Преображенской церкви свидѣлствуютъ подписи на богослужебныхъ книгахъ, ей принадлежавшихъ, а теперь находящихся въ Николаевской церкви.

И такъ, если здѣсь дѣйствительно существовали четыре церкви, то не было ли здѣсь города и послѣ татарскаго разоренія?—Нѣтъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: а) Бывшіе, а потомъ разоренные или упраздненные, города обыкновенно оставляли свое имя мѣстамъ поселеній, если таковыя, послѣ ихъ разоренія, возникали снова, въ видѣ слободъ или селъ. Таковы въ Тульской губерніи упраздненные и разоренные города Гремячевъ, Дѣдиловъ, теперь селенія Гремячее, Дѣдилово и др. и—ближе, на Каширскомъ берегу Оки—Колтовскъ, теперь село Колтово, въ 12-ти верстахъ отъ погоста Городища, „Четырехъ Церквей“, — Тѣшиловъ, теперь сего Тѣшилово, въ 15-ти верстахъ отъ онаго; б) въ бывшихъ городахъ, обыкновенно, за Городищемъ-крѣпостью располагались посадъ и его слободы, а когда, по разореніи города, возникало село, то его слободы располагались на мѣстѣ прежняго посада. Между тѣмъ, на холмѣ, который заканчивается Городищемъ, противъ устья Лопасни, нѣтъ и признаковъ поселеній: около него находятся только церкви, а отъ нихъ, въ разстояніи двухъ-трехъ верстъ, находятся селенія; в) если же при Городищѣ не было города, а было только село, то оно получало названіе обыкновенно отъ храма, какъ село Спасъ - Дѣтчино въ томъ же уѣздѣ и на томъ же берегу Оки. А совершенно отдѣльный погостъ на Городищѣ или близъ онаго, не унаслѣдовавшій древняго названія, принадлежавшаго разоренному городу, и не принявшій ка-

кого-либо прозванія, кромѣ топографическаго — „Городище“, прежде всего приводитъ къ предположенію, что на мѣстѣ такого погоста прежде былъ монастырь.

Въ настоящемъ случаѣ, при изслѣдованіи мѣста и изученіи памятниковъ, и оказалось, что на мѣстѣ погоста „Четырехъ Церквей“, при Городищѣ, дѣйствительно былъ монастырь, подъ своимъ собственнымъ названіемъ „Четырехъ Церквей“. Ясное и документальное свидѣтельство объ этомъ представляетъ синодикъ Николаевской церкви — рукопись XVII вѣка, съ подписью вкладчика 1653 года. Текстъ этой важной рукописи таковъ:

Лѣта 7161 году августа в 1 де. положилъ сеі синодик в монастырь Николаи Чудотворца зовомый четырехъ церквей Государевъ богомолецъ Благовѣщенской Протопопъ Стефанъ Вниаатьевъ что у Государя на сѣняхъ вкладу по своимъ родителехъ в' вѣчный поминокъ, і никому сего синодика отъ монастыря изъ церквей не отлучить никакимъ погрѣшенемъ (sic) аще ли кто презреть правило святыхъ отецъ і дерзнетъ похитити и той по вселенскому же собору анафема да будетъ.

И такъ, близъ Городища, расположеннаго противъ устья Лопасни, въ половинѣ XVII-го вѣка существовалъ монастырь св. Николая, подъ названіемъ „Четырехъ Церквей“. Судя по числу „Четырехъ“ церквей, можно начало монастыря относить къ началу XVII-го вѣка, и едва ли ранѣе, потому, что писцовая книга XVI-го вѣка, перечисляя монастыри и пустыни, съ ихъ угодьями, по всѣмъ стаямъ Каширскаго уѣзда, упоминаетъ о Городищѣ, но не упоминаетъ о существованіи при немъ ни монастыря, ни помѣщичьей вотчины.

При какой обстановкѣ существовалъ Николаевскій монастырь Четырехъ Церквей, когда приблизительно сталъ погостомъ-селомъ, какой давности его церкви и что въ нихъ научно интереснаго, на это хорошо отвѣчаютъ оставшіеся два храма и сохранившіеся въ нихъ памятники.

Изъ двухъ церквей, существующихъ въ настоящее время, наибольшій научный интересъ имѣетъ Пятницкая церковь, какъ по давности своего построенія, типу своей архитектуры и сохранившимся въ ней памятникамъ.

Сравнительно недавно появилось извѣстіе, будто Пятницкая церковь въ с. Городищѣ, будучи деревянною, построена въ двѣнадцатомъ столѣтіи, и даже именно въ 1185 году, т. е. имѣетъ семивѣковую давность. Это извѣстіе о столь глубокой древности Пятницкой церкви, было широко распространено по Тульской епархіи и за ея предѣлами мѣстнымъ приходскимъ священникомъ Уаромъ Федоровъ Лебедевымъ и нашло себѣ неожиданно скорый, но не заслуженный приѣмъ даже и въ мѣстной литературѣ¹⁾. Но извѣстіе о существованіи столь древней деревянной церкви, да не на сѣверѣ или юго-западѣ Россіи, а на берегахъ Оки, само по себѣ невѣроятное въ высшей степени, по тщательномъ изученіи мѣстныхъ историческихъ условій быта, самого зданія Пятницкой церкви и сохранившихся въ ней вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, становится только вымысломъ и не безъ задней мысли.

И по свидѣтельству лѣтописей, и по указанію писцовыхъ книгъ, извѣстно, что Каширскій берегъ Оки былъ постоянно опустошаемъ, а въ XIV-мъ, въ XV-мъ и въ XVI столѣтіяхъ татарами Золотой Орды и Крымскими, въ частности, была опустошаема и мѣстность противъ устья р. Лопасни, гдѣ теперь погостъ Четырехъ Церквей. Такъ, по сказанію лѣто-

¹⁾ Извѣстіе о семивѣковой древности Пятницкой церкви с. Городища, встрѣченное проф. Погодинымъ съ рѣшительнымъ сомнѣніемъ, принято, однако, съ полнымъ довѣріемъ, но совершенно неосновательно, составителями недавно вышедшей книги „Церкви и Приходы Тульской епархіи. Извлеченіе изъ церковно-приходскихъ лѣтописей“. Тула. 1895 г. Стр. 401.

писи, въ 1521 году, во время вшествія Крымскаго хана Махметъ Гирей былъ взятъ городъ Кашира, гдѣ съ войсками стоялъ князь Лопата-Оболенскій, но былъ разбитъ и плѣненъ. Въ то же время былъ опустошенъ и весь Каширскій берегъ Оки, такъ какъ Махметъ-Гирей съ войсками въ продолженіи десяти дней стоялъ между рѣчками Сѣверка и Лопасня. Въ какой опасности отъ вшествія татаръ была мѣстность около устья р. Лопасни, по ту и по сю сторону Оки и въ половинѣ XVI-го вѣка, это видно изъ слѣдующаго распоряженія Царя Ивана Васильевича Грознаго. По сказанію Никоновской лѣтописи во время вшествія татаръ въ 1556 году Царь Грозный, прибывши самъ въ Серпуховъ съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, Царемъ Казанскимъ Симеономъ, боярами, восводами и многими людьми, „велѣлъ у себя быти въ Серпуховѣ царевичу Кайбулѣ Ахкубекову цареву сыну Астороханскаго, а съ нимъ вси князи и мурзы городецкіе, а велѣлъ ему Государь стояти въ Тарусѣ, да въ Тарусѣ же велѣлъ быти передовому полку да правой рукѣ, а большому полку велѣлъ стоять усть Поротвы, а лѣвой рукѣ на Сенкинѣ перевозу, а сторожевому полку усть Лопасны“.

Рис. 1.

Писцовая книга Каширскаго уѣзда 1585—1587 годовъ постоянно упоминаетъ о сожженіи и разграбленіи разныхъ мѣстъ поселеній, которыя теперь находятся въ окрестности погоста Четырехъ Церквей. Посему, если бы и была выстроена въ XII-мъ столѣтіи деревянная церковь на данномъ мѣстѣ, то она никакимъ образомъ не могла бы уцѣлѣть до столь отдаленно поздняго времени.

Лучше всякихъ предположеній, однако, говорить о себѣ сама Пятницкая церковь, какъ памятникъ древняго деревяннаго зодчества, въ его цѣломъ и въ деталяхъ. — Предвзятая мысль о древнемъ происхожденіи церкви можетъ привести къ заключенію, что и самый видъ, составъ и детали ея также древни, какъ начало сооруженія храма; но, при обстоятельномъ изученіи этого памятника и безпристрастномъ отношеніи къ нему, можетъ бытъ выяснена уже не вѣроятная, а

дѣйствительная его давность. На первый же взглядъ зданіе Пятницкой церкви представляется составнымъ изъ далеко не одинаково древнихъ частей (рис. 1). Алтарь, средняя часть и трапеза относятся къ одному и болѣе древнему времени, а притворъ (сѣни) и колокольня въ три яруса съ прямымъ шпилемъ, рубленая въ лапу, могутъ бытъ относимы ко времени ни какъ не ранѣе начала XVIII-го вѣка. При изученіи древнѣйшихъ частей храма, оказалось, что они построены въ XVII-мъ столѣтіи и притомъ во второй его половинѣ. Наилучшее доказательство того представляетъ иконостасъ, гдѣ въ ряду иконъ, называемыхъ по древнему „на поклонѣ“ или по теперешнему „мѣстныхъ“, въ иконостасѣ Пятницкой церкви помѣщена икона Казанской Богородицы, совершенно тождественная по своему письму съ остальными древнѣйшими иконами храма, на которыхъ въ промежуточномъ поясѣ иконостаса (по древнему на „тяблѣ“), находямъ подписи, сдѣланныя скорописью XVII-го вѣка.

Хотя и этихъ наблюденій совершенно достаточно для того, чтобы признать временемъ построенія Пятницкой церкви вторую половину XVII-го вѣка, но такія данныя могутъ подлежать

спору, въ виду того, что они сосредоточиваются только на иконостасѣ, который могъ быть замѣненъ или измѣненъ; по этому я долженъ былъ искать другихъ доказательствъ, подтверждающихъ мое мнѣніе и нашелъ еще болѣе точное указаніе о времени построения Пятницкой церкви въ такъ называемой „лѣтописной доскѣ“, подобныя которой еще доселѣ сохраняются въ нѣкоторыхъ храмахъ Тульской епархіи XVII-го вѣка и которыя съ прошлаго столѣтія замѣнены храмозданными или лѣтописными крестами. „Лѣтописная доска“ Пятницкой церкви сохранившаяся не на своемъ мѣстѣ, и не въ цѣломъ видѣ, а въ видѣ наличниковъ къ веревкѣ царскихъ вратъ изнутри алтаря, но, по счастью, писанными сторонами наружу, гласитъ слѣдующее:

„...всѣя великія и малыя и белыя росіи самодержецѣ по благословенію же архіепископа Павла Коломенскаго и Каширскаго при священноіереѣ Иванѣ Бабае...“.

Текстъ надписи приводитъ меня къ слѣдующимъ выгодамъ: а) „Всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецѣ“, это — Царь Алексѣй Михайловичъ, б) Преосвященный Пѣвелъ (Моравскій, съ этимъ именемъ VI й) епископъ, потомъ Архіепископъ Коломенскій и Каширскій, былъ хиротонисанъ въ 1667 году, а въ 1682 году переведенъ въ Суздаль Архіепископомъ же, — в) священноіереѣ Иванъ — лицо монашествующее. И такъ, построение Пятницкой церкви, по свидѣтельству ея лѣтописной доски, относится къ послѣдней четверти XVII-го вѣка, ко времени 1667-го до 1682 года. — Что касается самаго стиля уставной вязи письма, то онъ совершенно сходенъ и по рисунку буквъ, и по раскраскѣ словъ, съ надписью лѣтописной доски въ церкви с. Бузукова, Алексинскаго у., построенной въ 1685 году и очевидно принадлежитъ одному и тому же художнику-писцу.

Лѣтописная доска несомнѣнно говоритъ, что Пятницкая церковь с. Городища построена въ концѣ XVII-го вѣка, приблизительно въ одно время съ церковью с. Бузукова. Но остается вопросъ: откуда о. Уаръ Лебедевъ взялъ 1185-й годъ, на который указывалъ проф. Погодину? — Въ отвѣтъ на это, по „Клировымъ Вѣдомостямъ“ Пятницкой церкви с. Городища (въ Архивѣ Тул. Дух. Консисторіи) выясняется слѣдующее. — До 1854 года въ „Клировыхъ Вѣдомостяхъ“ писалось, что Пятницкая церковь построена въ 1677-мъ году; а въ 1854-мъ году впервые написано, что Пятницкая церковь построена въ 1185-мъ году. Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшимъ измѣненіемъ документа „Клировой Вѣдомости“, что объясняется слѣдующимъ образомъ. Известно, что въ XVII-мъ столѣтіи года писались „отъ Сотворенія міра“. Посему, если мы къ 1677-му году отъ Р. Хр. прибавимъ 5508 лѣтъ отъ сотв. м. до Р. Хр., то получимъ годъ отъ Сотв. міра 7185-й, каковой годъ и былъ написанъ въ лѣтописной доскѣ о построении Пятницкой церкви. Слѣдовательно, въ Клировой Вѣдомости Пятницкой церкви могъ быть написанъ или 1677 годъ отъ Р. Хр. (какъ и писался дѣйствительно до 1854 го года), или 7185-й годъ отъ Сотворенія міра но въ Клировой Вѣдомости вмѣсто 7185 года, былъ написанъ 1185-й отъ Р. Хр., т. е., первая цифра семь замѣнена сходной съ нею единицей. И такъ Пятницкая церковь с. Городища, Каширскаго уѣзда, построена въ лѣто отъ Сотворенія міра 7185 е, или отъ Р. Хр. въ 1677 году, по благословенію Преосвященнаго Павла Архіепископа Коломенскаго и Каширскаго (1667 — 1682 г.), при священноіереѣ Иванѣ.

Построенная въ 1677-мъ году Пятницкая церковь, несомнѣнно, подверглась нѣсколькимъ, болѣе или менѣе значительнымъ, перемѣнамъ.

Уже самый видъ лѣтописной доски, распиленной надвое и употребленной въ видѣ наличниковъ (а не на аркѣ трапезы, какъ въ с. Бузуковѣ), ясно указываетъ, что была внутренняя передѣлка. Сколько можно замѣтить, передѣлка не произвела существенныхъ пере-

мѣнѣ. Слѣды передѣлки замѣтны только въ поднятіи иконостасной стѣны и царскихъ вратъ надъ помостомъ (приблизительно на четверть аршина) и въ расширеніи оконъ на южной сторонѣ средней части и трапезы, и, вѣроятно, въ перемѣнѣ престола. Когда произведена вся эта передѣлка, разобраться было бы невозможно, за неимѣніемъ въ церковномъ архивѣ какихъ-либо свѣдѣній; но, по счастью, нашлось иное указаніе. При осмотрѣ престола, при содѣйствіи мѣстнаго священника о. І. Христорождественскаго, были найдены двѣ монеты, положенныя на перекрестѣ, связывающемъ столбы престола. Монеты оказались мѣдныя, Московскаго чекана, именно — „двѣ копѣйки“ Елизаветинскаго чекана и „5 копѣекъ“ 1779 года. Слѣдовательно, передѣлка въ церкви производилась не ранѣе чекана послѣдней монеты, 1779 года, т. е., въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II-й.

Такъ какъ Пятницкая церковь въ своихъ древнихъ частяхъ не подвергалась существеннымъ передѣлкамъ, то въ ней, какъ монументальномъ памятникѣ XVII-го вѣка, сохранилось не мало интереснѣйшихъ особенностей какъ въ ея устройствѣ (архитектурномъ), такъ и въ убранствѣ, и, наконецъ, нѣсколько историческихъ памятниковъ.

А л т а р ь одиночный, съ пятигранной апсидой, съ прямымъ потолкомъ на одной переводѣ; изъ трехъ оконъ одно, въ восточной грани, четырехъугольное съ крѣпкимъ желѣзнымъ крюковатымъ стержнемъ вмѣсто рѣшетки, и два волоковыя — на южной и на сѣверо-восточной грани.

И к о н о с т а с ь деревянный (табл. I), столярной работы уставленный на полу, въ одномъ уровнѣ съ поломъ остальныхъ частей храма, такъ что нѣтъ возвышенія ни для соеи, ни для амвона, ни для клиросовъ. — Въ иконостасѣ, кромѣ „иконъ на поклонѣ“, помѣщается яруса иконъ праздниковъ (пядницъ) надъ косматомъ а надъ нимъ — Деисусъ. Вмѣсто цѣльнаго яруса „иконъ Богородицы съ пророками“, здѣсь является весьма оригинальная особенность: на карнизѣ иконостаса, прилежащемъ прямо къ потолку, изображены красками, въ особыхъ рамахъ — „Знаменіе Пр. Богородицы“, а по сторонамъ отъ него — справа „Серафимъ“ (синей краской); слѣва „Херувимъ“ (розовато-красно); въ правой рукѣ Серафима огненно-розовая вѣтвь, въ лѣвой труба; въ правой рукѣ Херувима — красная волнистая вѣтвь, въ лѣвой колосья пшеницы или кукурузы. Между этими тремя лицевыми изображениями купы разнородныхъ цвѣтовъ и плодовъ. Символическое значеніе этихъ лицевыхъ изображеній, ихъ эмблемъ и орнамента объясняется словами Псалма 73-го: „Богъ же Царь нашъ прежде вѣкъ содѣла спасеніе посредѣ земли. Твой есть день, и Твоя есть ночь: Ты совершилъ зарю и солнце. Ты сотворилъ еси вся предѣлы земли: жатву и весну Ты создалъ еси (ст. 12, 16 — 17)“. Всѣ иконы иконостаса сохранились безъ измѣненія, отличнаго письма: нѣкоторыя писаны простыми красками на бѣлкѣ, иныя на празелени, нѣкоторыя по золотному левкасу; ризы на иконахъ („доличное“) сдѣланы то тисненнымъ левкасомъ съ позолотой, то изъ деревянныхъ тонкихъ досокъ, съ прорѣзью для лица и рукъ; на нѣкоторыхъ оклады и вѣнцы серебряные съ травчатымъ чеканомъ. — Въ составѣ Деисуса вмѣстѣ съ Апостолами поставлены „Василій Кесарійскій“, „Іоаннъ Златоустъ“, „Григорій Богословъ“. — Въ ряду „праздниковъ“ замѣчательна икона Успенія Пр. Богородицы: при гробѣ Богоматери со Христомъ предстоятъ „Ерөөей“ и „Деонисей“ въ епископскихъ облаченіяхъ, въ омофорахъ съ крестами на плечахъ.

Царскія двери представляютъ выдающуюся особенность иконостаса. Построенныя по типическому рисунку XVII-го вѣка, они отлично сохранились въ своемъ изящномъ видѣ. Фигура вратъ представляетъ четвероугольникъ, увѣнчанный кокошникомъ: на двухъ половинкахъ створчатаго верха — Благовѣщеніе Пр. Богородицы; на остальномъ полѣ въ особыхъ клеймахъ — четыре Евангелиста: всѣ безъ символическихъ животныхъ (Іоаннъ съ Прохоромъ). Поле

вратъ внѣ лицевыхъ изображеній занято окладомъ изъ позолоченаго левкаса, воспроизводящаго древнюю басму. Врата обрамлены двумя четырехъ-гранными столбцами со многими изображеніями въ медальонахъ: на правомъ, южномъ столбцѣ, въ два ряда—Богородица, Іоаннъ Златоустъ, Николай Чудотворецъ и Серафимъ, архидіаконъ Стефанъ и архидіаконъ Еуплъ; на лѣвомъ, сѣверномъ — Іисусъ Христосъ, Василій Вел., Григорій Богословъ, архидіаконъ Стефанъ, и архидіаконъ Лаврентій.—Надъ вратами арка: на ней въ срединѣ—Христосъ въ облакѣ славы, по сторонамъ Его ангелы, съ ризидами въ рукахъ. Внизу на аркѣ, надъ самыми царскими вратами, подпись уставомъ: „Сія врата Господня (праведніи) внидутъ в ѳя“ (Псал. 117, ст. 20). Въ цѣломъ царскія врата производятъ впечатлѣніе превосходнаго памятника древне-русскаго искусства иконописанія и глубокаго символизма.—Кромѣ царскихъ вратъ, въ иконостасѣ помѣщается одна сѣверная дверь: на ней изображенъ въ ростъ „Благоразумный разбойникъ Рахъ“, съ крестомъ на правомъ плечѣ (табл. II).

Изъ числа иконъ, находящихся внѣ иконостаса, замѣчательна икона св. Николая Чудотворца въ деревянной ризѣ, на правомъ клиросѣ, икона Преображенія Господня, на южной стѣнѣ, двое царскихъ дверей на западной стѣнѣ, икона „Благоразумнаго разбойника“ — сѣверная алтарная дверь (изъ прежде бывшей церкви) и, наконецъ, большая прекрасная икона Господа Вседержителя ¹⁾.

Къ особенностямъ средней (настоящей) и трапезной частей церкви относится устройство пола изъ полубревень (изъ такъ назыв. „коланаго развала“, 4¹/₂ верш. толщины).

Во всѣхъ древнихъ частяхъ храма — въ алтарѣ, настоящей и трапезѣ лѣсъ — сосна, 6 верш. по отрѣзу, углы рублены въ крюкъ. Настоящая покрыта на два ската. Длина всей церкви, отъ восточной грани алтаря, сквозь царскія двери, до порога входа, 20 арш. безъ четверти. Длина алтаря 4³/₄ арш., ширина 5 арш.—Длина средней (настоящей) части, отъ колонны царскихъ дверей до порога подъ аркой трапезы—7 арш.; ширина 6 арш. 6 верш. Вышина настоящей 5 арш. и 5¹/₂ верш. Длина трапезы 7¹/₄ арш.; ширина таже; вышина трапезной арки 2 арш. 11 верш.—Длина притвора 3¹/₄ арш.; ширина 6 арш. 6 вер.—Колокольня длиною 5 арш. 3 верш.; ширина таже, что и притвора.

Пятницкая церковь, имѣя въ себѣ столь много особенностей, принадлежащихъ зодчеству и иконописанію XVII-го вѣка, сохранила и нѣсколько иныхъ историко-археологическихъ памятниковъ, а именно:

1. Антиминя съ настоящій, освященный Аванасіемъ Епископомъ Коломенскимъ и Тульскимъ въ 7299 г., отъ Рожд. Хр. 1791 году.

2. Евангеліе на престольное, Московской печати 1688 года; крышки обтянуты малиновымъ бархатомъ.—Вѣроятно, современное освященію Пятницкой церкви.

3. Миняя, мѣсяць августъ. Москва. 1754 года. Подпись: „Сія книга называемая миняя мѣсяца августа Каширскаго уезду вотчины Генералъ Лейтенанта і кавалера Родиова Михайловича Кошелева Жерновской волости села Городища церкви великомученицы Параскевы нареченные Пятницы куплена 1757 году мая 17-го дня“.

4. Миняя, мѣсяць Іулій. 1554 года, съ тою же подписью.

5. Собраніе поученій на всѣ воскресные и праздничные дни. Москва. 1776 года. Подпись: „Сія книга проповедная разныхъ поученій на три части церковная церкви святяя мученицы Параскевы что в селе Городищахъ подни“.

¹⁾ Копія съ этой иконы, исполненная Н. М. Сафоновымъ, въ настоящее время находится въ залѣ Тульскаго Архіерейскаго дома.

салъ Серпуховскаго духовнаго правленія управитель Преображенскій іерей Аѳанасіи Ивановъ декабра 19 числа 1779 года“ (часть 3-я).— Тоже, часть 1-я (въ Никол. церкви).

6. Синодикъ печатный XVIII в. Подпись: Синодикъ Каширскаго уезду села Городища церкви святаго великомученицы Параскевы нарицаемая пятиницы“. Внизу мелкимъ шрифтомъ: подписалъ діаконъ Іоанъ“. Начало печатное XVIII-го вѣка; продолженіе писано на гербовой бумагѣ. Переплетенъ въ доски, обтянутъ кожей съ тисненіемъ на лицевой сторонѣ „Благовѣщенія Пр. Богородицы“, а на исподней доскѣ — двуглаваго орла съ орденскимъ Андреевскимъ крестомъ, — слѣдоват., и переплетъ XVIII-го вѣка.

7. Колоколь, съ подписью: „лѣта 7187 (а отъ Р. Хр. 1679) го генваря въ 13 день поставилъ сей колоколь въ село Дѣвдовское (Давыдовское?) к церкви Воскресенію Христову при священнике Никите Ѳедотове на мирскія денги“. Колоколь, вѣроятно, вымѣненъ, какъ бывало, и перенесенъ изъ другого села.

Вторая изъ существующихъ церквей— деревянная, во имя св. Николая Чудотворца. Эта церковь, построенная въ 1752-мъ году не представляетъ ничего достопримѣчательнаго ни въ устройствѣ, ни въ убранствѣ своемъ; но въ ней сохранилось нѣсколько памятниковъ (изъ Пятницкой и другихъ бывшихъ здѣсь церквей), имѣющихъ существенное значеніе для исторіи не только этого храма, но и самаго погоста Четырехъ Церквей. Памятники эти слѣдующіе:

1. Потиръ деревянный, точеный, красный (табл. II); чаша въ видѣ правильнаго цилиндра, на узкой подставѣ и широкомъ поддонѣ. На чашѣ, въ прямоугольномъ клеймѣ — иконописный Деисусъ (поясной), съ обратной стороны— въ кругломъ медальонѣ— Голгоетскій крестъ.—(Изъ Пятницкой церкви).

2. Фелонъ изъ грубой шерстяной ткани, съ угловатой выемкой на подъемѣ. (Тоже изъ Пятницкой церкви).

3. Фелонъ изъ набойчатой холстины. (Тоже изъ Пятницкой церкви).

4. Трїодъ постная. Подпись: „Сия книга глаголемая треодъ постная по общанію своему приложилъ Исакъ Микифоровъ сынъ Кортавцевъ Каширскаго уѣзду Безспудскаго стану в церковь Боголѣпнаго Преображеніе Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа марта в 1 числѣ нынешняго 1797-го (т. е. 7197-го, отъ Р. Хр. 1689-го) года для вѣчнаго поминовения родителей своихъ раба Божіе (sic) инока схимника Пахнутія Никиѳора Исакіе иноку схимницы Неонила Артеміи Евдокѣи Евѳиміи Артеміи і въсехъ своихъ сродниковъ а хто сию книгу ис той Божіи церкви какимъ умысломъ похититъ или продастъ или заложитъ и тому на страшномъ Христове пришествіи судитъ Богъ а подписалъ сию книгу я Исакъ своею рукою“.

5. Крестъ храмозданный, лѣтописный, съ подписью: „освѣтися жертвенникъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во храмѣ Преображенія Господня при державѣ...ишия и самодержавнѣйшия великія Государыни нашея Императрицѣ Елисаветѣи Петровнѣ всея россіи и при наслѣдникѣ Ея внукѣ Петра Перваго Благовѣрномъ Государѣ великомъ князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ и супругѣ Его...рной великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и при сынѣ ихъ благовѣрномъ Государѣ великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ при святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ и при Преосвященнѣйшемъ Епископѣ Гавріилѣ Коломенскомъ и кошырскомъ в кошыр-

скомъ уездѣ в селѣ Городищѣ в лѣто отъ Адама 7262 го индикта 2 го отъ рождества Христова 1754 го мѣсяца Ноемврія 26 го дня на память преподобнаго Алимпіа...

6. Псалтирь слѣдованная, московской печати 1750. Подпись: „сія книга глаголемая Псалтирь села Городища церкви Преображенія Господня что слыветъ на Оке реке“.

Изъ памятниковъ Преображенской церкви, такимъ образомъ, очевидно, что она существовала въ 1689 мѣ году, а въ 1754-мъ была перестроена или обновлена. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія она упразднена и разобрана ¹⁾.

Памятника, принадлежащіе собственно церкви свят. Николая, суть слѣдующіе:

1. Крестъ напрестольный, четвероконечный, серебряный, вызолоченный. На оборотной сторонѣ подпись: „мощи Евангелиста Матѳея, Василия великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, часть гроба Сергія чудотворца великомученицы Варвары“. На рукояті: „поданъ въкладу калускимъ (калужскимъ) игуменомъ Теофаномъ въ церковь святителя Николая для поминовенія родителей и своєї души 1790 года генваря 20 дня“.

2. Ирмологій, XVIII в. Подпись: „Книга глаголемая Ирмологій царствующей града Москвы графа Алезѣя Кириловича Разумовскаго служителя его Сергія Іванова сына Кандакова отдана въ церковь каширскаго уѣзду села Городища что въ Четырехъ Николаю Чудотворцу своею рукою і подписалъ а стараніемъ Василья Николаева сына“.

3. Книга краткихъ поученій о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и заповедехъ Божіихъ и о должностяхъ изъ разныхъ святыхъ отецъ и учителей собранная. Москва 1786 года. Подпись на оборотѣ верхней крышки переплета: „Тѣшиловской десятины в село городищи в церковь святителя Николая Чудотворца отдана сія книга 1786 года декабря 18 дня благочиннымъ села Мокраго Кря Христорожественскимъ іереемъ Григоріемъ Назаревскимъ“.

4. Минея, мѣсяць май. Подпись: „Минея—мѣсяць май церкви Божіи во имя Николая Чудотворца Коширскаго уѣзду Тѣшиловскаго стану села Городища что словоеть четыре церкви вотчины думного дѣака Емелиана Игнатьевича Украинцова а сія книга куплена обѣщаніемъ нѣкоторога Христолюбца деревни Бородина Дементія Макарова сына а ежели еще забывъ страхъ божіи сию книгу из сей чудотворной церкви изнесетъ и отлучитъ и похититъ, а того да судитъ Господь богъ в семъ и в будущемъ вѣцехъ а книгу сию подписалъ сей же чудотворной церкви священникъ Карпъ Моисеевъ своею недостойною художною и грѣшною рукою иуна в 1 де. 1706 го впредъ во славу святыхъ Троицы Отца и Сына и святого духа аминь“.

¹⁾ Въ книгѣ „Церкви и Приходы Тул. Епархіи“, въ статьѣ о с. Городищѣ, между прочимъ, сказано, что деревянная церковь во имя Преображенія Господня изъ с. Городища была перенесена въ соседнее село Кутуково (стр. 401-я). Между тѣмъ, таже книга „Церкви и Приходы Т. Епархіи“; въ статьѣ о с. Кутуковѣ, говоритъ, что „по мѣстному преданію, самый ранній храмъ въ приходѣ былъ построенъ во имя св. Еван. Іоанна Богослова, въ память избавленія Россіи отъ ишествія татаръ; но къ какому времени нужно приурочить это событіе, сказать трудно. Храмъ былъ каменный, съ придѣломъ во имя святителя Алексія, Митрополита Московскаго. Въ 1696 году, вмѣсто него, построенъ также каменный храмъ во имя того же святого усердіемъ помѣщика Андрея Ів. Леонтьева. Къ 1819 году храмъ этотъ обветшалъ, а потому онъ былъ разобранъ, и, вмѣсто него, въ 1821 году выстроенъ новый каменный храмъ, съ такою же колокольнею, на средства помѣщика Павла Мих. Ртищева (Стр. 412—413-я).—Такъ; но спрашивается, а гдѣ же Преображенская церковь, „перенесенная“ сюда изъ с. Городища?!

5. Минея, м. Октябрь. Москва. 1704 года. Подпись: „Сия глаголемая книга минея мѣсяць Октовриі церкви божіи во имя Николая Чудотворца Коширского уѣзду села Городища что словеть четыре церкви вотчины думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева а сия книга куплена общаниемъ нѣкоторого Христолюбца вотчины боярича Александра Лвовича Нарышкина Коширского уѣзду Соломенской волости деревни Соломыкова Троеима Григорьева сына а ежели еще кто забывъ страхъ божіи сию книгу из сеі церкви Чудотворцовой изнесеть і отлучить и похитить и того да судить Господь богъ в семь і в будущемъ вѣцехъ а книгу сию подписалъ сей же чудотворцовой церкви священникъ Карпъ Моисеевъ своею недостойною художною и грѣшною рукою июня въ 1 де 1706 года впредь во славу святыя Троицы Отца и Сына и святого духа аминь.“

6. Служебникъ, московской печати 1699 года. Подпись: „1704 году июля въ 5 день далъ сию книгу служебникъ в' кладу въ в' коширской уѣздъ городища к церкви Николая Чудотворца по родителехъ в вѣчное поминовение дому думного дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова крестовой ево попъ Андрѣй Еремѣевъ а пожаловать поминать тоя церкви священникомъ кто тутъ будетъ служить за божественною службою с вынятиемъ частицъ а в забвеніи не чинить и поминать за упокой Ананию ерея Еремѣя схимонаха Филарета а киноі (къ иной) церкви никуда сеі книги не отдавать а буде кто еѣ без благословения возьметъ и затантъ и судить ево Богъ на второмъ и страшномъ своемъ...“

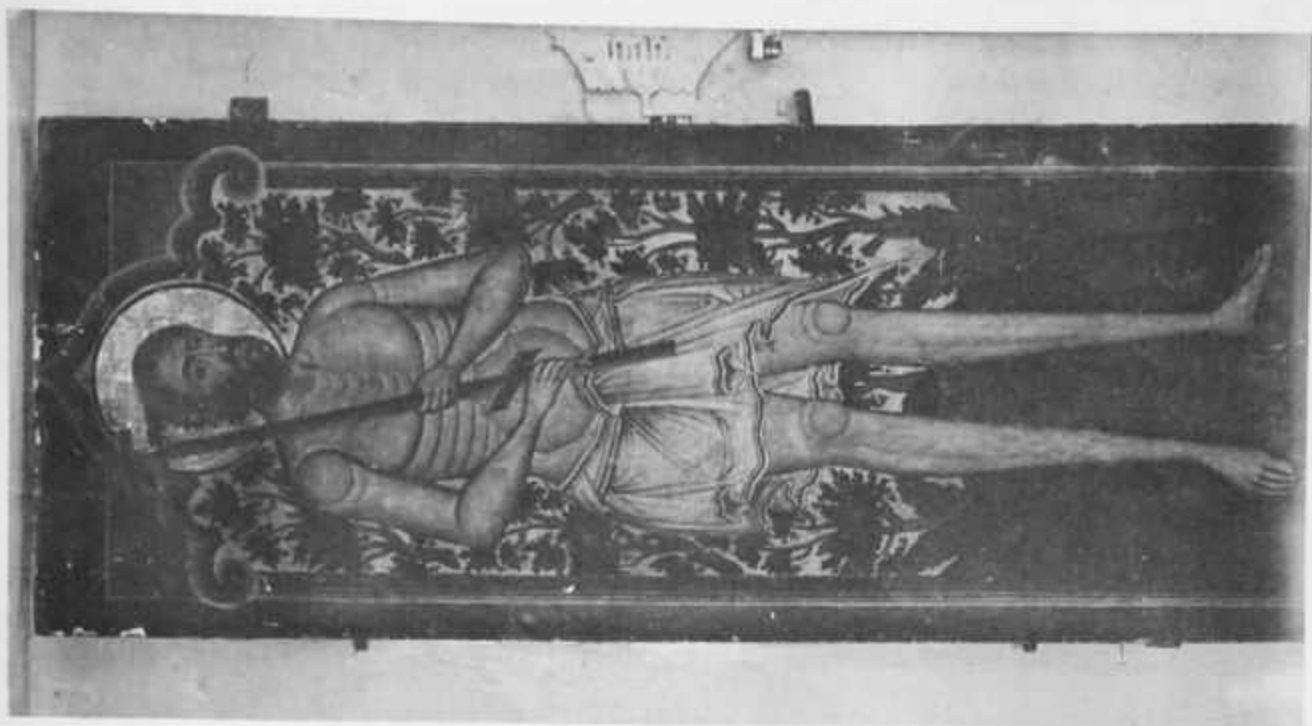
7. Синодикъ. Рукопись 1653 года. Подпись: „Сенодикъ коширского уезду Николаи чюдворца (sic) села Четырехъ церквей“. — По листамъ внизу подпись: „Лѣта 7162 году августа в 1 де. положилъ сеі сенодик в монастырь Николаи Чудотворца зовомый четырехъ церквей Государевъ богомолецъ Благовѣщенской протопопъ Стефанъ Вняеатьевъ что у Государя на сѣняхъ вкладу по своихъ родителехъ в' вѣчный поминокъ, і никому сего сенодика отъ монастыря изъ церквей не отлучить никакимъ погрѣшенемъ (sic) аще ли кто презреть правило святыхъ отецъ і дерзнетъ похитити и той по вселенскому же собору анафема да будетъ“. Писанъ крупнымъ полууставомъ на гербовой бумагѣ въ $\frac{1}{4}$ листа, переплетенъ въ доски, обтянутыя кожей, съ узорчатымъ тисненіемъ: въ срединѣ четверугольное клеймо, — по угламъ изображение 5-ти животныхъ: льва, орла, грифа, барса и единорога.

ЦАРСКІЯ ВРАТА ВЪ ПЯТНИЦКОЙ ЦЕРКВИ С. ГОРОДИЩА. XVII В.

ИИИ
Историко-культурный
и этнографический музей

„БЛАГОРАЗУМНЫЙ РАЗБОЙНИКЪ РАХЪ“

ДЕРЕВЯННЫЙ ПОТИРЪ XVII В.

БИБЛИОТЕКА
ГНУ ИИ-га Кримінологічної
і Музейної роботи

Рѣзные изображенія св. Николая Можайскаго и историческая судьба ихъ ¹⁾).

Н. И. Петрова.

Судя уже по самому названію, образъ св. Николая Можайскаго явился въ Можайскѣ, нынѣ уѣздомъ городѣ Московской губерніи, который былъ, съ 1389 года, удѣломъ Великаго Княжества Московскаго. О происхожденіи и славѣ этого образа мѣстное преданіе гласитъ слѣдующее. Задумали однажды татары напасть на Можайскъ. Тогда явилось дивное знаменіе. Въ ободреніе жителей Можайска и на страхъ врагамъ, святитель Николай, имени котораго посвященъ былъ Можайскій соборъ, показался въ грозномъ видѣ стоящимъ въ воздухѣ надъ соборомъ, держа въ одной рукѣ мечъ, а въ другой—изображеніе обнесеннаго крѣпостью храма. Непритель такъ устрашенъ былъ этимъ видѣніемъ, что снялъ осаду и бѣжалъ, къ удивленію и радости осажденныхъ. Тогда-то благочестивые граждане и устроили рѣзное изображеніе угодника Божія въ благодарность за чудную помощь Божью, находящееся и донинѣ въ Можайскомъ соборѣ. Теперь образъ въ соборѣ помѣщается по правую сторону царскихъ вратъ, въ качествѣ храмоваго. Святитель на немъ изображенъ во весь ростъ, величиной $2\frac{1}{4}$ аршина, въ шапкѣ или митрѣ, въ древне-епископскомъ облаченіи, т. е. въ фелони, а не въ саккосѣ. Спереди образъ обложенъ серебропозлащенной чеканной ризой; вѣнецъ ея и подъ нимъ привѣска (цата) изъ червоннаго золота, а серебропозлащенная митра украшена крупнымъ жемчугомъ и драгоценными камнями. Въ правой рукѣ угодника,—какъ уже выше сказано,—мечъ, а въ лѣвой—пятиглавый, обнесенный крѣпостью храмъ, оба деревянныя, позлащенные. Около вѣнца—надпись: „святый Николае, Можайскій Чудотворецъ“. Хранится образъ въ деревянномъ, позлащенномъ, въ видѣ сѣни, кіотѣ (рис. 2).

Рис. 2.

¹⁾ Настоящая статья составляетъ одну изъ главъ приготовляемаго авторомъ сочиненія: „Русская религіозная скульптура и важнѣйшіе моменты ея развитія“. Византійскому и Западно-европейскому вліяніямъ на русскую религіозную скульптуру, подъ вліяніемъ которыхъ появились рѣзные изображенія св. Николая Можайскаго, въ этомъ сочиненіи посвящены особыя главы.

Когда совершилось это чудо и устроенъ образъ св. Николая Можайскаго, объ этомъ мѣстное Можайское преданіе не помнитъ. Но соборъ Можайскій существовалъ уже въ 1303 году, а съ начала XV вѣка становятся извѣстными и копіи съ Можайскаго образа св. Николая, напр. Московская на Никольскихъ воротахъ кремля 1403 г. и Мценская 1416 года. Поэтому сооруженіе образа св. Николая Можайскаго въ самомъ Можайскѣ относятъ къ XIV вѣку¹⁾. Кажется, подтвержденіе этому мы находимъ на деньгѣ князя Можайскаго Андрея Дмитриевича, сына Дмитрія Донскаго (1389—1432 г.г.), на которой на одной сторонѣ надпись „печать кнзя Онд. Дм.“, а на другой — стоящая человѣческая фигура въ эпитрахили или омофорѣ, съ аркой кіота надъ главою, держащая въ одной рукѣ, повидимому, мечъ, а въ другой — неопредѣленный предметъ какъ бы съ крестомъ на верху, и до сихъ поръ неразгаданная нашими нумизматами²⁾. Фигура эта, какъ и надпись, вырѣзаны неправильно, въ обратномъ порядкѣ, и въ восстановленномъ, правильномъ своемъ видѣ вполне соответствуетъ образу св. Николая Можайскаго. Вѣроятно, св. Николай былъ св. патрономъ г. Можайска и Можайскаго Княжества, — и татарское нападеніе на этотъ городъ при Можайскомъ князѣ Андрѣе Дмитриевичѣ, а слѣдов. появленіе образа св. Николая, должны были случиться между 1389 и 1403 годами. Сынъ и преемникъ Можайскаго князя Андрея Дмитриевича Иванъ Андреевичъ пожертвовалъ, между 1432 и 1454 годами³⁾, въ Троице-Сергіеву Лавру иконописную копію съ образа св. Николая Можайскаго (табл. III), а самъ онъ бѣжалъ въ 1454 году отъ великаго князя Василія Темнаго въ Литву⁴⁾.

Такимъ образомъ, рѣзной образъ св. Николая Можайскаго явился въ Можайскѣ, по всей вѣроятности въ концѣ XIV в. Къ этому времени, если вѣрить мѣстному преданію города Елифани (нынѣ Тульской губерніи), занесенъ былъ сюда, именно въ 1380 году, изъ Литвы деревянный рѣзной образъ св. Николая⁵⁾, который, можетъ быть, и сталъ прототипомъ рѣзнаго изображенія св. Николая Можайскаго. Во всякомъ случаѣ, идея этого послѣднаго изображенія, какъ скульптурнаго, должна быть приписана вліянію сосѣдней съ Можайскомъ Литвы. Что же касается деталей этого изображенія, то онѣ находятъ объясненіе себѣ частію въ византійскихъ, частію въ отечественныхъ русскихъ источникахъ.

Храмъ въ лѣвой рукѣ святителя въ первоначальномъ смыслѣ принимаютъ за Можайскій Николаевскій соборъ, а въ смыслѣ переносномъ — за вселенскую церковь, которой святитель является вселенскимъ учителемъ и который явился горячимъ защитникомъ ея отъ Арія. Мечъ же въ правой рукѣ святителя, имѣя историческую основу въ чудесномъ видѣніи жителей Можайска, вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ-де общую мысль о заступничествѣ и покровительствѣ угодника Божія всякаго рода угнетеннымъ, обижаемымъ, страждущимъ и т. п. „Чудо спасенія невинныхъ отъ меча, — говоритъ А. Вознесенскій, — извѣстное всѣмъ читателямъ житія святителя, прекрасно объясняетъ присутствіе грознаго орудія — меча въ десницѣ святителя...

¹⁾ „Житіе и чудеса св. Николая и слава его въ Россіи“, А. Вознесенскаго и Ѳ. Гусева, С. П. Бургъ, 1899 г., стр. 205, 275—277; „Путеводитель къ святынямъ и священнымъ памятникамъ г. Москвы и ея окрестностей“, архим. Іосифа Левицкаго, изд. 6, Москва, 1896 г., стр. 120.

²⁾ „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, графа И. И. Толстаго и Н. П. Кондакова, вып. VI, С. П. Бургъ, 1899 г., стр. 6, 94 и 95.

³⁾ „Императорскій Россійскій Историческій Музей имени императора Александра III. Описаніе памятниковъ. Выпускъ I. Русскія монеты“. А. Орѣшникова. Москва, 1896 г., стр. 145.

⁴⁾ „Императорскій Россійскій Историческій Музей имени императора Александра III...“, вып. I, Москва, 1895 г., стр. 145.

⁵⁾ „Житіе и чудеса св. Николая Чудотворца и слава его въ Россіи“, А. Вознесенскаго и Ѳ. Гусева, 1899 г., стр. 536—7.

Въ данномъ случаѣ, мечъ и храмъ въ рукахъ святителя — символы брани и защиты церкви и православія ¹⁾“.

Не отрицая общецерковнаго значенія особенностей рѣзнаго изображенія св. Николая Можайскаго, мы однакоже полагаемъ, что первоначально онѣ имѣли специфически мѣстное можайское значеніе.

Храмъ въ лѣвой рукѣ святителя „обнесенъ *крѣпостью*“ ²⁾; точнѣе — частоколомъ. Слѣдовательно, это — не одинъ только Можайскій соборъ, а весь христіанскій городъ Можайскъ съ его главнымъ храмомъ. Въ Византіи, а затѣмъ и у насъ на Руси, изображались съ храмами и вообще зданіями въ одной рукѣ или строители ихъ, подносящіе свои постройки св. патронамъ, или же эти послѣдніе съ покровительствуемыми ими храмами и вообще постройками.

Въ первомъ отношеніи укажемъ слѣдующіе примѣры. Въ бронзовомъ изваяніи на Константинопольскомъ храмѣ всѣхъ святыхъ, построенномъ Львомъ Философомъ (886—911 г.г.), представлены были Михаилъ архангелъ и императоръ Михаилъ, подносящій архистратигу модель столицы ³⁾. Въ Константинопольскомъ монастырѣ Пандократора (Вседержителя), основанномъ императрицею Ириною, находилось изображеніе императора Мануила Комнена, подносящаго модель церкви Христу ⁴⁾. На фрескѣ Спасо-Нередицкой церкви, построенной въ 1198 году, строитель ея князь Ярославъ Владиміровичъ подноситъ ея модель Спасителю ⁵⁾. На волынскомъ рѣзномъ крестѣ начала XVII в. панъ Дедеркало держитъ въ рукѣ модель храма, вѣроятно имъ построеннаго ⁶⁾.

Но при коллективныхъ постройкахъ зданій и цѣлыхъ городовъ въ иконографіи изображались со зданіями въ рукѣ только святые покровители ихъ. На рѣзномъ крестѣ Замостьской Николаевской церкви, начала XVII в., внизу изображенъ св. Николай съ посвященнымъ ему храмомъ въ лѣвой рукѣ ⁷⁾. Кромѣ храмовъ, подобнымъ образомъ изображались и другія зданія и города. На византійскихъ монетахъ императоровъ Андроника II и Михаила IX Палеологовъ (1282—1320 г.г.) изображены стѣны Цареграда съ находящеюся среди нихъ Влахернскою (Вл) иконою Богородицы, какъ небесною покровительницею города ⁸⁾. Одинъ изъ барельефовъ на царскомъ мѣстѣ царя Іоанна Грознаго, 1552 года, представляетъ ограды Византіи съ пятиглавымъ храмомъ въ срединѣ ⁹⁾. О Спасителѣ, изображенномъ въ куполѣ Новгородской Софіи и представлявшемъ, по греческому обычаю, Господа Вседержителя, Новгородцы составили сказаніе невѣрное — впрочемъ — дѣйствительности, будто бы Спаситель въ своей сжатой десницѣ держитъ судьбу Новгорода, — преданіе, занесенное и въ лѣтописи подъ 1045 годомъ ¹⁰⁾. Къ разряду же изображеній святыхъ покровителей городовъ слѣдуетъ отнести и очень распространенныя въ до-татарскій періодъ Русской исторіи изображенія, на бронзовыхъ склад-

1) Тамъ же, стр. 203, 204 и 276; см. „Путеводитель къ святѣмъ и свящ. достопамятностямъ г. Москвы и ея окрестностей“, архим. Іосифа Левицкаго, 6 изд., Москва, 1896 г., стр. 120.

2) Тамъ же, стр. 277.

3) „Византійскія церкви и памятники Константинополя“, Н. П. Кондакова, Одесса, 1886 г., стр. 68.

4) Тамъ же, стр. 213.

5) „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, гр. И. И. Толстаго и Н. П. Кондакова, вып. VI, стр. 145.

6) Хранится въ Житомирскомъ церковномъ древне-хранилищѣ, а снимокъ есть въ Московскомъ Историч. Музеѣ. О гербѣ фамиліи Дедеркало, въ видѣ греческаго ипсилона, см. *Herbawłz Polski*, K. Niesieckiego, t. III, w Lipsku, 1839, стр. 333—4.

7) „Русскія древности и памятники православія Холмско-Подляшской Руси“, свящ. О. Гербачевского, Варшава, 1892 г., стр. 60—65, рисунокъ 21 и 22.

8) *Description générale des Monnaies Byzantines*, Сабатье, Парижъ, 1862 г., т. II, стр. 244, 251 и сл., и табл. LX, №№ 3, 4 и 13; см. „Записки Импер. Русскаго Археологич. Общества“, т. III, вып. 1, С.П.Бургъ, 1837 г., стр. 12.

9) *Древности Росс. Государства*, издав. по Высоч. повелѣнію, Москва, 1851 г., отд. II, стр. 109.

10) Русскія древности въ памятникахъ искусства, гр. И. И. Толстаго и Н. П. Кондакова, вып. VI, 1899 г., стр. 106 и 107.

ныхъ крестахъ, святыхъ князей страстотерцевъ Бориса и Глѣба, изъ коихъ каждый держитъ въ рукѣ по одному храму или зданію¹⁾. Святые страстотерпцы были еще очень юными князьями и не успѣли ознаменовать себя постройкою храмовъ Божіихъ, а младшій изъ нихъ Глѣбъ даже и не жилъ въ своемъ княжествѣ, а находился при отцѣ. Поэтому и зданія въ ихъ рукахъ — не храмы, которыхъ они не строили, а тѣ христіанскіе города Ростовъ и Муромъ, которые даны имъ были въ удѣлы и для которыхъ они явились, по своей страдальческой кончинѣ, святыми покровителями. Таково же значеніе храма или зданія въ рукѣ св. Николая Можайскаго: это—не одинъ храмъ, а цѣлый христіанскій городъ Можайскъ съ его храмомъ, окруженный крѣпостною стѣною и находящійся подъ особымъ небеснымъ покровительствомъ св. Николая.

Если же св. Николай Можайскій держитъ въ лѣвой рукѣ своей модель г. Можайска съ главнымъ его храмомъ, то понятнымъ становится и мечъ въ правой рукѣ святителя, какъ главное орудіе для защиты города. Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ св. Николай величается какъ „градъ спасенія всѣхъ“, „побѣждаемымъ помощь“, „побѣды носяй имя“ или „побѣды тезоименитъ“, „въ бранехъ помощникъ“²⁾ и т. п., слѣдовательно представляется воинственнымъ лицомъ. Святителю Николаю не первому усвоенъ иконографіей мечъ: съ мечомъ изображаются архистратигъ Михаилъ, великомученикъ Георгій³⁾ и др.

Но, если св. Николай Можайскій, въ первоначальномъ своемъ видѣ, держитъ въ одной рукѣ модель города Можайска, а въ другой—мечъ, какъ символъ защиты святителемъ этого города; то естественно возникаетъ вопросъ,—было ли рѣзное изображеніе св. Николая Можайскаго съ моделью города и съ мечомъ въ рукахъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, въ церковномъ употребленіи и чествованіи, и не предназначилось ли оно первоначально для какихъ-либо внѣ-церковныхъ цѣлей? Мы имѣемъ основаніе думать, что рѣзное изображеніе св. Николая Можайскаго первоначально предназначалось для городскихъ стѣнъ. Деревянный кіотъ, въ видѣ сѣни, надъ статуей св. Николая Можайскаго, по всей вѣроятности, назначался для защиты ея отъ вліяній непогоды на открытомъ воздухѣ, а старѣйшая копія св. Николая Можайскаго несомнѣнно предназначалась для крѣпостныхъ стѣнъ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду образъ св. Николая Можайскаго на Никольскихъ воротахъ Московскаго кремля.

Москва, становясь центромъ Русскаго государства, въ то же время старалась собирать и сосредоточивать въ себѣ и русскія святыни въ подлинникахъ или, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ или подражаніяхъ. Въ болѣе тѣсныхъ, зависимыхъ отношеніяхъ къ ней находился Можайскъ, какъ ся пригородъ, а потомъ—удѣлъ. Поэтому, съ самаго XV в. образъ св. Николая Можайскаго является, въ копіи, и въ Москвѣ и помѣщается надъ Никольскими воротами Московскаго кремля. Эти послѣднія ворота несомнѣнно существовали уже при Димитріѣ Ивановичѣ Донскомъ, войско котораго въ 1380 году выступало изъ этихъ воротъ въ походъ противъ Мамаѣ⁴⁾, и названы такъ по монастырю св. Николы Старога или Большая Глава, что нынѣ греческій Николаевскій монастырь, основанному еще въ XIV вѣкѣ и въ 1556 году переданному аѳонскимъ инокамъ⁵⁾. Образъ св. Николая появился на этихъ воротахъ въ

¹⁾ „Собраніе В. И. и В. Н. Ханенко. Древности русскія. Кресты и образки“. Кіевъ, вып. I, 1899 г., №№ 88—90, и вып. II, 1900 г., №№ 313, 314 и 316.

²⁾ „Житіе и чудеса св. Николая чудотворца и слава его въ Россіи“, А. Вознесенскаго и Ф. Гусева, 1899 г., стр. 203.

³⁾ „Собраніе В. И. и В. Н. Ханенко. Древности русскія кресты и образки“. Кіевъ, вып. I, 1899 г., № 55 и вып. II, 1900 г., №№ 291, 301, 320 и 322.

⁴⁾ „Кремлевскія Никольскія ворота въ Москвѣ“, И. Снегирева, въ „Душеполезномъ Читеніи“ за май, 1862 г., стр. 86.

⁵⁾ „Путеводитель къ святынямъ и свящ. достопамяностямъ Москвы“, архим. Іосифа Левицкаго 6 изд. Москва, 1896 г., стр. 120.

1403 г.¹⁾, при великомъ князѣ Московскомъ Василиѣ Дмитріевичѣ (1389—1425 гг.), сынѣ Дмитрія Донскаго.

Какой былъ первоначальный видъ Кремлевскаго изображенія св. Николая Можайскаго и изъ какого матеріала первоначально онъ былъ сдѣланъ, объ этомъ мы не имѣемъ положительныхъ, точныхъ свѣдѣній, а находящееся нынѣ настѣнное изображеніе св. Николая Можайскаго на Никольскихъ воротахъ Московскаго кремля недоступно археологическому изслѣдованію. Каменные стѣны Московскаго кремля, съ Никольскими воротами, построенныя, вмѣсто деревянныхъ, Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, повреждены были въ 1445 году пожаромъ, а въ слѣдующемъ году еще болѣе — землетрясеніемъ, и съ 1485 года, при Іоаннѣ III, совершенно перестроены подъ руководствомъ западно-европейскихъ мастеровъ²⁾. Перестроены были, въ частности, и Никольскія ворота, и устроена у нихъ „стрѣльница не по старой основѣ“³⁾. При этомъ оказалось, что на сосѣднихъ Флоровскихъ, нынѣ Спасскихъ воротахъ Московскаго кремля находилось изваяніе на бѣломъ камнѣ св. великомученика Георгія въ видѣ всадника на конѣ, поражающаго копьемъ дракона, каковое изображеніе Іоаннъ III велѣлъ поставить по близости, на открытомъ возвышенномъ мѣстѣ. Тамъ, гдѣ стояло это изваяніе, великій князь Василій Ивановичъ соорудилъ храмъ во имя Георгія Побѣдоносца въ 1527 году, — и прежній гербъ Московскій былъ обращенъ въ храмовой образъ. По упраздненіи Георгіевскаго храма, это изваяніе перенесено въ Вознесенскій монастырь въ кремль, въ церковь св. Михаила Маленна, гдѣ находится и теперь⁴⁾. При Іоаннѣ же III или при его сынѣ могъ быть перенесенъ съ крѣпостной стѣны въ Можайскій соборъ и тамошній рѣзной образъ св. Николая Можайскаго.

По аналогіи со Спасскими кремлевскими воротами и съ бывшимъ на нихъ каменнымъ изваяніемъ св. Георгія Побѣдоносца, можно заключать, что и на Никольскихъ, кремлевскихъ воротахъ могло быть, при Іоаннѣ III, рѣзное изображеніе св. Николая Можайскаго и притомъ на камнѣ. Это заключеніе подтверждается какъ наружнымъ видомъ нынѣшняго изображенія св. Николая Можайскаго на московскихъ Никольскихъ кремлевскихъ воротахъ, такъ и древнѣйшими копіями съ него. Судя по наружному виду, св. Николай Можайскій надъ Кремлевскими Никольскими воротами изображенъ рельефомъ на камнѣ, что подтверждается и подписями подъ симъ образомъ и рисункомъ съ него въ сосѣдней часовнѣ, свидѣтельствующими, что образъ „начертанъ на самомъ камени“. Въ правой рукѣ святитель держитъ мечъ, а въ лѣвой — пятиглавый храмъ, окруженный крѣпостью съ главными воротами подъ крышей и двумя башнями по ихъ сторонамъ. Кромѣ того, по сторонамъ желѣзнаго зонта или навѣса, покрывающаго образъ св. Николая, изображены на самой стѣнѣ красками Спаситель и Богородица, а внизу, соотвѣтственно верхнимъ изображеніямъ, — два ангела⁵⁾. Древность, если не самаго этого изображенія, то по крайней мѣрѣ, композиціи его, подтверждается и другими археологическими данными. Въ древнехранилищѣ Александро-Невскаго Владимірскаго Братства находится деревянный съ рѣзными изображеніями складень XV в.,

¹⁾ Тамъ же; кн. „Житіе и чудеса св. Николая и слава его въ Россіи“, А. Вознесенскаго и Ѳ. Гусева, 1899 г., стр. 276.

²⁾ „Приходская Библіотека. Москва, ея святыни и памятники“, изд. В. И. Шемякина, Москва, 1894 г., стр. 16.

³⁾ „Кремлевскія Никольскія ворота въ Москвѣ“, И. Снегирева, въ „Душеполезномъ Читаніи“, мѣй, 1862 г., стр. 86.

⁴⁾ „Кремлевскія Спасскія ворота въ Москвѣ“, И. Снегирева, въ „Душеполезномъ Читаніи“, іюнь, 1862 г., стр. 194 и слѣд.; „Московскій Покровскій и Василія Блаженнаго соборъ“, свящ. І. Кузнецова, Москва, 1895 г., стр. 88.

⁵⁾ Особливо доцентомъ Кіевской Духовной Академіи, священникомъ Ѳ. И. Титовымъ, лично осматриваннымъ, по моему просьбѣ, Никольскія кремлевскія ворота и находящійся надъ ними образъ.

центральную часть котораго (рис. 3) составляет рельефное рѣзное изображеніе св. Николая Можайскаго съ мечемъ въ правой и съ церковію въ лѣвой рукѣ, окруженною крѣпостными стѣнами и тремя башнями съ воротами. Не мало сохранилось и мѣдныхъ литыхъ воспроизведеній сего образа, относящихся къ XVI, XVII и XVIII вѣкамъ; для примѣра воспроизводимъ № 4230 Церковно-Археол. Музея въ Кіевѣ (рис. 4) ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что это суть копіи или произведенія образа св. Николая Можайскаго на Никольскихъ воротахъ Московскаго кремля, въ томъ приблизительно видѣ, въ какомъ этотъ образъ находился здѣсь въ XV вѣкѣ. Три крѣпостныя башни съ воротами вокругъ храма, который держитъ святитель въ лѣвой рукѣ, не встрѣчаются ни на статуѣ въ Можайскѣ, ни на другихъ извѣстныхъ намъ

Рис. 3.

Рис. 4.

изображеніяхъ сего святителя, кромѣ Московскаго, и вполнѣ отвѣчаютъ московской дѣйствительности XV вѣка: башни эти суть нынѣшнія кремлевскія башни Никольская въ центрѣ, существовавшая еще на „старой основѣ“, и Спасская и, вѣроятно, Троицкая — по сторонамъ. Слѣдовательно, мы должны видѣть въ лѣвой рукѣ кремлевскаго образа св. Николая Можайскаго собственно не храмъ, а московскій кремль съ его церквами, или точнѣе — сѣверный его уголь, окруженный тремя крѣпостными башнями и воротами, съ Никольскими въ центрѣ.

Такимъ образомъ, старѣйшая, московская копія рѣзнаго изображенія св. Николая Можайскаго, находящагося въ самомъ Можайскѣ, да — вѣроятно — и самый Можайскій оригиналь первоначально назначались

не для церковнаго употребленія или чествованія, а для городскихъ крѣпостныхъ стѣнъ, какъ святые покровители ихъ. А такимъ первоначальнымъ назначеніемъ сихъ изображеній объяс-

¹⁾ „Указатель церковно-археологич. музея при Кіевской дух. Академіи“, 2 изд., Кіевъ, 1897 г., №№ 4228—4237, и: Леонардов. коллекц., № 181 и др.

няется какъ матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы (дерево и камень), такъ и барельефная или статуарная форма ихъ, наиболѣе устойчивыя противъ вліяній непогоды.

Изъ Москвы и Можайска рѣзной образъ св. Николая Можайскаго распространился, въ копіяхъ и подражаніяхъ во всѣ концы обширнаго Московскаго государства, не исключая и отдаленной Сибири; но при этомъ онъ потерялъ тѣ мѣстныя индивидуальныя черты, какія принадлежали Можайскому оригиналу и старѣйшей его копіи — Московской. Тогда какъ въ Московскомъ кремлѣ рѣзное изображеніе святителя находилось не въ церкви, а надъ крѣпостными воротами, — внѣ кремля и Москвы подобныя изображенія стали помѣщаться въ часовняхъ и даже въ самыхъ храмахъ, подходить подъ категорію церковныхъ иконъ вообще и уподобляться живописнымъ иконамъ. Въ послѣдствіи времени барельефныя и статуарныя изображенія св. Николая Можайскаго раскрашивались даже красками, для большого уподобленія ихъ обыкновеннымъ иконописнымъ образамъ, и появилась даже цѣлая серія живописныхъ, а не рѣзныхъ изображеній св. Николая Можайскаго¹⁾. Самыя детали и особенности изображенія стали получать другое значеніе и даже видоизмѣняться, замѣняясь иногда совершенно иными деталями. Въ иногороднихъ копіяхъ и воспроизведеніяхъ московскаго изображенія св. Николая Можайскаго уже забыто было значеніе Кремлевскаго зданія въ лѣвой рукѣ святителя, которое стало изображаться теперь въ видѣ пятиглавой церкви, безъ частокола или крѣпостныхъ стѣнъ и башенъ вокругъ нея, и получило значеніе или мѣстнаго храма, или вселенской церкви вообще. Въ послѣднемъ отношеніи и имѣетъ всю свою силу приведенное выше мнѣніе позднѣйшихъ толкователей образа св. Николая Можайскаго о томъ, что храмъ въ лѣвой рукѣ святителя знаменуетъ вселенскую церковь, а мечъ въ правой — ревностную защиту этой церкви святителемъ. Но и въ этомъ общемъ значеніи своемъ указанныя атрибуты образа св. Николая Можайскаго, повидимому, приводили русскій народъ въ нѣкоторое смущеніе своею необычайностію и потому замѣнялись другими, болѣе обычными атрибутами. Храмъ или зданіе въ иныхъ случаяхъ замѣняется дарохранильцею²⁾ и кораблемъ³⁾, а мечъ — крестомъ⁴⁾ и свѣчей⁵⁾. Во всякомъ случаѣ, образъ св. Николая Можайскаго произвелъ наибольшее число скульптурныхъ копій и подражаній, количественно обогатившихъ собою скудную вообще исторію русской религіозной скульптуры.

Размноженіе въ Московскомъ государствѣ скульптурныхъ барельефовъ и статуй религіознаго характера и особенно рѣзныхъ изображеній св. Николая Можайскаго объясняютъ слѣдующимъ образомъ. „Нашъ простой народъ, хотя и просвѣщенный свѣтомъ христіанской вѣры и сознающій всю тщету идоловъ, въ умственномъ отношеніи все еще остается въ очень недалекомъ отъ дѣтства состояніи, и пониманію его все еще недоступны мысли и понятія въ ихъ наиболѣе возвышенномъ, отвлеченномъ представленіи. Изъ слова, рѣчи, ученія ему понятно только самое простое, общедоступное по выраженію, то, что опытомъ названо „млеко“ — духовной пищи. Еще лучше, если даже это млеко преподается ему въ образахъ: это ближе говорить его сердцу. Поэтому иконы, картины для простолюдина имѣютъ самое важное значеніе: они для него — своего рода книга. Поэтому же, понятно, среди иконъ для него еще важнѣе, доступнѣе, понятнѣе образы рѣзные, какъ образъ св. Николая Можайскаго, потому

¹⁾ Изъ живописныхъ или раскрашенныхъ иконъ св. Николая Можайскаго извѣстны Паниковская XVI в., Леминская, Березовская XV в., и др. См. „Житіе и чудеса св. Николая и слава его въ Россіи“, А. Вознесенскаго и Ѳ. Гусева, 1839 г., стр. 206, 444—448 и 575.

²⁾ Образъ Мценскій и Мамонтовскій. Тамъ же, стр. 320—323 и 553.

³⁾ Тамъ же, стр. 678, примѣч. 145.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 209, 707, 678, примѣч. 142.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 677, примѣч. 136.

что онъ еще ближе и нагляднѣе дѣлаетъ ему образъ чудотворца въ его обычномъ представленіи угодника¹⁾.

Но тѣлесно—чувственный характеръ рѣзныхъ священныхъ изображеній, притомъ же исполненныхъ неискусно, и широкое распространеніе ихъ въ до-Петровской Россіи послужили, съ другой стороны, главною причиною правительственныхъ ограниченій характера и круга подобныхъ изображеній. 21 мая 1722 года Св. Синодъ, находя многія рѣзныя, или истесанные, вздолбленные, изваянные иконы въ существѣ дѣла не противными благочестію, но по недостатку искуснаго мастерства весьма противными церковному благолѣпію, вынужденъ былъ „запретить сіе“. „Притомъ же, въ этомъ мастерствѣ происходятъ нерѣдко разныя уродства, напр. отломленіе носа, руки, ноги, главы и другихъ членовъ; а это ведетъ иногда къ непристойнымъ насмѣшкамъ; наконецъ, на такихъ иконахъ накопляется пыль, паутина, появляются птичьи и мышиныя гнѣзда; очищать же ихъ не столь удобно, какъ иконописные образа. Ради сихъ и симъ подобныхъ причинъ доселѣ въ Греціи и въ другихъ православныхъ странахъ не было и нѣтъ долбленныхъ иконъ, кромѣ малыхъ, искусно вырѣзанныхъ крестовъ и панагій. Въ Россію этотъ обычай занесенъ отъ иновѣрныхъ, особенно отъ римлянъ и поляковъ“. Принимая все это въ соображеніе, Св. Синодъ рѣшилъ воспретить долбленные иконы, „кромѣ, однакожъ, искусной рѣзбы распятій и иныхъ нѣкихъ штукатурныхъ мастерствомъ устроенныхъ и на высокихъ мѣстахъ поставленныхъ пунктовъ“. Всѣ остальные долбленные и рѣзныя иконы, если таковыя окажутся въ какомъ-либо мѣстѣ, должны быть доставляемы въ Синодъ²⁾.

Во исполненіе сего постановленія Св. Синода, много долбленныхъ и рѣзныхъ образовъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи отобрано было въ Синодальную ризницу. Такъ, въ 1723 году отобранъ былъ рѣзной образъ въ самомъ Петербургѣ изъ Успенской церкви и препровожденъ въ Тіунскую контору. Затѣмъ, были отосланы въ Синодальную ризницу образа св. Николая: Можайскій, Радовицкій, изъ собора св. Николая Гостунскаго, изъ селъ Можайскаго уѣзда Клушина и Сосницъ, изъ церкви Алексѣя челоуѣка Божія въ Коломнѣ и др. При этомъ нѣкоторые исполнители указа Св. Синода впадали иногда въ крайность, считая поклоненіе рѣзной иконѣ поклоненіемъ болвану³⁾. Къ счастью, указъ объ изыятіи статуй и рѣзныхъ иконъ изъ церковнаго употребленія со всею строгостію примѣнялся только въ столицахъ и въблизи ихъ и оставался безъ дѣйствія въ захолустьяхъ. Такъ, мы знаемъ, что рѣзной образъ св. Николая въ Брянскѣ, извѣстный со второй половины XVI в., спокойно оставался въ Нижне-Никольской Брянской церкви до 1760 года и пользовался всенароднымъ почитаніемъ⁴⁾. Въ иныхъ же случаяхъ статуи не доставлялись въ Синодальную ризницу, а просто выносились изъ церкви въ мѣстную ризницу и другія мѣста. Да и изъ отобранныхъ статуй и рѣзныхъ образовъ нѣкоторые вскорѣ (въ 1728 году) были возвращены на свои мѣста, какъ напр. Можайскій, Радовицкій, Гостунскій, Клушинскій, Сосницкій, Коломенскій. Св. Синодъ разрѣшилъ также Тобольскому митрополиту Антонію (Стаховскому) возвратитъ въ Тобольскую церковь св. Николая рѣзной образъ этого святителя, „ежели онъ учиненъ искусною работою, которая церкви непротивна и никакого неблагообразія не содержитъ⁵⁾. Нѣкоторые рѣзные

¹⁾ Тамъ же, стр. 205.

²⁾ „Синодальный художникъ Алексѣй Антроповъ“ Н. В. Покровскаго, въ „Христіанскомъ чтеніи“ за 1887 годъ и особымъ оттискомъ, стр. 5 и 6. Судя по слогу, опредѣленіе Св. Синода редактировано извѣстнымъ архіепископомъ Теофаномъ Прокоповичемъ.

³⁾ „Житіе и чудеса св. Николая и слава его въ Россіи“, А. Воздвиженскаго и Ѳ. Гусева, 1899 года, стр. 676—677.

⁴⁾ „Брянскій Петропавловскій монастырь“, Брянскъ, 1886 г., стр. 193 и слѣд.

⁵⁾ „Житіе и чудеса св. Николая и слава его въ Россіи“, А. Воздвиженскаго и Ѳ. Гусева, 1899 г., стр. 677, примѣч. 133.

Изображение Н. Рогова, Москва

Икона святителя Николая Можайскаго № 20. съ окладомъ басемнымъ и вѣнцомъ сканнымъ сереброзолочеными. вкладъ князя Ивана Андрѣевича въ поминокъ.

БИБЛИОТЕКА
ИИИ им. К. Г. Крамского
и Музейной работы

образá, изъяты из церковнаго употребленія, но не отосланные въ Синодъ, во второй половинѣ XVIII в. опять возвращены были на свои мѣста, вслѣдствіе происходившихъ отъ нихъ благодатныхъ знаменій, но возвращены, повидимому, безъ особаго на то разрѣшенія высшей духовной власти. Такъ возвращены были въ храмы, для церковнаго чествованія, рѣзные образа св. Николая: Никольскій близъ С.-Петербурга, Валаамскій и Волоколамскій¹⁾.

Постановленіе Св. Синода 1722 года и доселѣ не потеряло своей обязательной силы и чуть ли въ настоящее время не понимается даже строже, чѣмъ понималось первоначально. Этимъ синодальнымъ постановленіемъ въ принципѣ допускалось церковное употребленіе статуарныхъ изображеній и рѣзныхъ иконъ, исполненныхъ художественнымъ образомъ. Но въ настоящее время, при развитіи художественнаго ваянія и рѣзбы, мы не знаемъ ни одного примѣра, чтобы вновь сооружена была, для церковнаго употребленія, какая-либо статуя или рѣзная икона; церковнымъ почитаніемъ пользуются только древнія рѣзные статуи и иконы, и притомъ далеко не всѣ. Но относительно скульптуры орнаментальной, декоративной, а также не предназначаемой для церковно общественнаго почитанія и поклоненія, полное значеніе имѣетъ и до настоящаго времени Синодальное постановленіе 1722 года, допускающее всѣ эти виды христіанской религіозной скульптуры.

¹⁾ Тамъ же, стр. 485, 486, 491, 492 и 538.

Церкви Чернигова и Новгорода Сѣверска.

Проф. П. А. Лашкарева ¹⁾.

Въ 1895 году мнѣ пришлось въ первый разъ ознакомиться съ древними церквами г. Чернигова. Сдѣланный въ то время мною бѣглый осмотръ ихъ убѣдилъ меня, что церкви эти и со стороны своего архитектурнаго типа, и по своей исторической судьбѣ вполне напоминаютъ древнія церкви Кіевскія. Изучивъ въ свое время, какъ мнѣ кажется, достаточно типическія особенности Кіевскихъ церквей великокняжескаго періода, и свойство, и характеръ тѣхъ исправленій (?) и перестроекъ, какимъ онѣ подвергались въ позднѣйшіе періоды своего существованія, я рѣшился предложить Предварительному по устройству Кіевского Сѣзда Комитету нарочитую съ своей стороны экскурсію въ Черниговъ, съ цѣлю ознакомить Сѣздъ съ характеромъ и значеніемъ тѣхъ остатковъ церковнаго зодчества домонгольскаго періода, какія въ Черниговскихъ церквахъ могутъ быть наблюдаемы ²⁾. Благодаря благосклонному принятію Комитетомъ моего предложенія и снабженію меня необходимыми для экскурсіи средствами, я нахожусь въ состояніи ознакомить читателей какъ съ общимъ видомъ древнихъ Черниговскихъ церквей, такъ и съ ихъ планами и конструкціею, обозначивъ на планахъ и разрѣзахъ этихъ церквей болѣе темнымъ цвѣтомъ тѣ части ихъ, которыя, по моему по крайней мѣрѣ мнѣнію, должны быть признаны за весьма вѣроятные, если не вполне несомнѣнные, остатки древняго сооруженія.

Изъ изслѣдованія древнихъ кіевскихъ церквей я вынесъ убѣжденіе, что безусловно—вѣрнымъ признакомъ церковныхъ сооружений великокняжескаго періода служитъ особенность ихъ кладки: особыхъ размѣровъ кирпичъ, употреблявшійся въ перемежку съ камнемъ, обдѣланнымъ въ видѣ плитъ (весьма часто изъ краснаго шифера), въ основаніи арокъ, какъ оконныхъ по стѣнамъ, такъ и соединявшихъ внутренніе столбы подъ сводами и куполами, и т. п., а глав-

¹⁾ Докладъ Лашкарева, доложенный почтеннымъ авторомъ на Кіевскомъ Сѣздѣ, печатается въ весьма неоконченномъ и необдѣланномъ видѣ, такъ какъ неожиданная кончина и сильное до того нездоровье помѣшало автору лично обработать свидѣнія и записи вывезенныя имъ изъ поѣздки въ Черниговскую область. Отъ Редакціи.

²⁾ Единственныя пока свидѣнія объ этихъ церквахъ въ нашей литературѣ имѣютъ характеръ свидѣній историко-статистическихъ, и какъ такія, страдаютъ неопредѣленностію (съ точки зрѣнія археологической), а иногда и противорѣчіемъ, пояснительными рисунками и чертежами не сопровождаются вовсе, и потому въ археологическомъ смыслѣ остаются бездоказательными.

нимъ образъ особаго состава цементъ изъ толченаго кирпича съ известью, отличающійся необыкновенною крѣпостію. Цементъ этого состава внесенъ къ намъ въ тотъ періодъ несомнѣнно греческими зодчими. Въ развалинахъ Херсонеса легко отличить слой построекъ совершенно такой же кладки, какъ и Кіевскихъ церквей великокняжескаго періода, съ употребленіемъ цемента того же состава и цвѣта. Полагаемъ, что это тотъ самый цементъ, способъ приготовленія котораго читается въ описаніи сооруженія св. Софіи Константинопольской у одного аполимнаго греческаго автора и у греческаго же писателя Кодтса. Тожественная съ древне-Кіевскими церквами кладка наблюдается и въ церквахъ Черниговскихъ. Но какъ въ церквахъ Кіевскихъ, такъ и въ Черниговскихъ, ее можно наблюдать только подъ кровлями церквей, а въ стѣнахъ лишь по случайнымъ обнаженіямъ ихъ отъ штукатурки. Наблюденія послѣдняго свойства возможны лишь для мѣстныхъ ученыхъ, но, разумѣется, не для стороннихъ экскурсантовъ и потому осматривая дрезніа церкви Чернигова мы относительно ихъ кладка должны ограничить свои наблюденія тѣмъ, что въ данное время этому наблюденію подпадало, а въ остальномъ полагаться на показанія прежнихъ изслѣдователей.

Но при изслѣдованіи Кіевскихъ же церквей мнѣ пришлось уяснить для себя, какъ я сказалъ, и типическія особенности въ планѣ, конструкціи, фасадныхъ и кровельныхъ формахъ сооруженій великокняжескаго періода, равно и характеръ позднѣйшихъ въ этихъ церквахъ исправленій и перестроекъ; при чемъ послѣдующія наблюденія кладки при случайныхъ обнаженіяхъ стѣнъ отъ штукатурки, обыкновенно, подтверждали мои заключенія о степени сохранности зданій, сдѣланныя первоначально на основаніи единственно формъ архитектурныхъ. Къ этому же способу опредѣленія древности церквей Черниговскихъ и степени сохранности ихъ до настоящаго времени мы и нашли возможнымъ обратиться, предоставляя въ будущемъ провѣрить наши выводы тѣмъ изъ мѣстныхъ черниговскихъ ученыхъ, которые возмуть это на себя изъ любви къ родной старинѣ.

Послѣ Кіева, наиболѣе памятниковъ древняго великокняжескаго періода сохранилъ Черниговъ. Черниговскіе изслѣдователи мѣстной старины относятъ къ этому періоду по первоначальному сооруженію пять изъ существующихъ понынѣ церквей, менѣе (по крайней мѣрѣ) на половину сравнительно съ Кіевомъ, но во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ всѣ другіе города юга Россіи даже взятые вмѣстѣ.

Въ настоящее время Черниговъ представляетъ собою одинъ изъ захудалыхъ губернскихъ городовъ имперіи. Но въ тотъ древнѣйшій періодъ онъ былъ, послѣ Кіева, важнѣйшимъ центромъ политической жизни русскаго народа. Благодаря отчасти своему географическому положенію на правомъ (высокомъ) берегу Десны, служившей воднымъ путемъ изъ Кіева въ области Сѣверянъ, древняго Муромъ и Ростова, а главнымъ образомъ—смѣлой и предприимчивой политикѣ владѣвшихъ имъ князей, Черниговъ долгое время держалъ въ зависимости отъ себя едва не половину всей Русской земли, распространяя до извѣстной степени эту зависимость и на самый Кіевъ, и въ княжескихъ усобицахъ, погубившихъ велико-княжескую Русь, имѣлъ, къ сожалѣнію, выдающееся значеніе. Стоя нѣсколько въ сторонѣ отъ великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки, Черниговъ черезъ область Сѣверскую, бассейномъ Дона и моремъ Азовскимъ съ его берегами, имѣлъ свой путь въ Греки, и стоялъ съ Греками даже въ болѣе непосредственныхъ отношеніяхъ, чѣмъ самый Кіевъ, простирая на югъ свои владѣнія до Тмуторокани включительно. Такъ было по крайней мѣрѣ до появленія въ бассейнѣ Дона Половцевъ. Орды Половецкія преградили Черниговскимъ князьямъ доступъ къ Дону и послѣдніе вынуждены были отказаться отъ Тмуторокани навсегда, особенно послѣ несчастной попытки пробиться къ ней со стороны подручныхъ Черниговскимъ князей Сѣверскихъ, Игоря и Всеволода.

Стремленіе первыхъ Черниговскихъ князей дать стольному своему городу положеніе по возможности равносильное положенію Кіева, а за тѣмъ закрѣпленіе этого города съ оставшимися подъ нимъ областями за потомствомъ Святослава, естественно, должны были и внутреннимъ благоустройствомъ выдѣлить Черниговъ изъ ряда другихъ городовъ древняго юга Россіи, имѣвшихъ значеніе болѣе укрѣпленныхъ лагерей для князей съ ихъ дружиною, чѣмъ городовъ въ собственномъ смыслѣ—стольныхъ, предназначенныхъ служить подчиненными центрами и политической, и церковной жизни народа, и устроивавшихся въ видахъ развитія послѣдней. Укрѣпляя и украшая сооруженіями Черниговъ, князья Черниговскіе укрѣпляли и украшали въ немъ свое родное и родовое гнѣздо, и какъ такой городъ, къ которому сами собою тянулись бы подчиненныя ему области во всемъ, что касается не только матеріальныхъ, но и духовно-правственныхъ нуждъ краеваго населенія. Святославъ, которому древній Черниговъ несомнѣнно болѣе всего обязанъ своимъ возвышеніемъ, оставался княземъ Черниговскимъ и въ то время, когда сидѣлъ на столѣ кievскомъ, и если, умерши въ Кіевѣ, былъ погребенъ въ Черниговѣ, то сдѣлано было это не вопреки, разумѣется, его предсмертной волѣ.

Древнѣйшихъ церквей въ Черниговѣ пять: соборы — Спасо - Преображенскій и Борисоглѣбскій, Успенская церковь Елецкаго монастыря, церковь Ильинская (бывшая монастыря Ильинскаго, нынѣ приходская) и церковь Пятницкая (бывшая Ясенскаго Пятницкаго монастыря и въ настоящее время тоже приходская). На сооруженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ тѣми или другими князьями находятся болѣе или менѣ ясныя указанія въ источникахъ лѣтописныхъ; другія приурочиваются къ періоду великокняжескому на основаніи свидѣтельствъ послѣдующаго періода только о возстановленіи ихъ въ этотъ періодъ, но не о первоначальномъ ихъ сооруженіи, и на несомнѣнномъ присутствіи по крайней мѣрѣ въ ихъ фундаментальныхъ частяхъ древней кладки и т. д.

Но описанія историко-статическія не сообщаютъ данныхъ, по которымъ можно было составить болѣе или менѣ ясное и отчетливое представленіе о церквахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, чтобы можно было судить, дѣйствительно ли въ нихъ сохранились, и насколько сохранились, памятники древнѣйшаго церковнаго зодчества, представляютъ ли они какія либо особенности сравнительно съ памятниками того же времени другихъ мѣстностей и какое мѣсто должны они занимать въ монументальной исторіи нашего отечества. Воспользовавшись, какъ сказано выше, благосклоннымъ содѣйствіемъ Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству Кіевскаго Археологическаго Съѣзда, я въ 1899 г. произвелъ осмотръ упомянутыхъ Черниговскихъ церквей съ цѣлью ознакомить съ ними Съѣздъ какъ именно съ памятниками строительнаго искусства, отмѣтивъ въ нихъ то, что можно признать за несомнѣнный остатокъ древности и что должно быть отнесено ко времени болѣе позднему.

Археологическая литература наша пока обходитъ ихъ полнымъ почти молчаніемъ. Это потому конечно, что церкви эти сохранились далеко не въ своемъ первоначальномъ видѣ, и не производятъ обычнаго впечатлѣнія глубокой старины. Даже знаменитый соборъ Мстислава, во второй половинѣ прошлаго столѣтія поражавшій своимъ древнимъ видомъ Потемкина, въ настоящее время уже не производитъ былаго впечатлѣнія. Позднѣйшіе возстановители древней святыни, къ сожалѣнію, не стѣснялись, подъ видомъ украшеній, передѣлывать зданія на свой вкусъ и по своему вкусу украшать и расписывать ихъ, уничтожая остатки древнихъ орнаментовъ, которые не отвѣчали ихъ вкусу и пониманію.

Чѣмъ менѣе памятниковъ сѣдой старины сохранилось до нашего времени, тѣмъ цѣннѣе тѣ, которые успѣли сохраниться. Памятники эти—тѣже книги Сивиллы: два—три, оставшіеся отъ сотни истребленныхъ, равняются по своей цѣнности девяносту семи и восьми безвозвратно погибшихъ. Въ нашествіе же татаръ погибли не сотни, а тысячи, памятниковъ, и вѣроятно

самого ранняго разсвѣта русской народной жизни. Какъ же не дорожить русскому народу тѣмъ немногимъ, что изъ нихъ успѣло уцѣлѣть?

Все, что сохранилось до нашего времени отъ дотатарскаго періода исторіи края, по правую сторону Днѣпра ограничивается нѣсколькими церквами въ Кіевѣ, церковію въ Каневѣ и развалинами церкви во Владимірѣ Волинскомъ. Сохранившіяся церкви сохранились однако же далеко не въ первоначальномъ своемъ видѣ. Важнѣйшія изъ нихъ, какъ Софійскій соборъ, церковь Золотоверхомихайловская, Великая Лаврская, загромождены позднѣйшими постройками и надстройками, заслонившими и вовсе измѣнившими фасады и профили древнихъ сооружений. Незаслоненнымъ остался фасадъ только церкви Кирилловской; но кровельныя формы не сохранились и въ ней. Замѣчательно совпаденіе судьбы ея въ этомъ отношеніи съ судьбою ея, такъ сказать, родной сестры и сверстницы, церкви Каневской. Обѣ онѣ построены почти одновременно, однимъ и тѣмъ же В. Княземъ, по одинаковому плану хотя не въ одинаковыхъ размѣрахъ; въ обѣихъ одинаково сохранились алтарныя части и главный куполъ; но въ обѣихъ верхніе западные своды и купола одинаково обрушились и замѣнены новыми.

Еще менѣе сохранилось памятниковъ отъ того времени по лѣвой сторонѣ Днѣпра. За исключеніемъ Чернигова, ни одинъ изъ древнихъ городовъ по той сторонѣ Днѣпра не уберегъ хотя бы и въ подправленномъ и даже въ передѣланномъ видѣ сооруженій дотатарскаго періода. Извѣстенъ разваливающійся остатокъ алтарной стѣны древней церкви близъ г. Остра; открытъ не такъ давно остатокъ основанія древней, строенной Мономахомъ, церкви въ г. Переяславлѣ; и только. Но за то Черниговъ, хотя уберегъ и весьма не многое, уберегъ въ извѣстномъ отношеніи гораздо лучше, чѣмъ успѣли въ томъ города правой стороны Днѣпра. Разумѣемъ прежде всего Спасо-Преображенскій Соборъ. Изъ названныхъ лѣтописью церквей это—первая по времени постройки послѣ Кіевской Десятинной, и слѣдовательно первая вообще изъ сохранившихся, такъ какъ отъ Десятинной Кіевской не уцѣлѣло и угла.

Благодаря ли положенію своему за Десною, составлявшею естественную границу набѣгамъ хищническихъ ордъ съ юга, или другимъ чисто мѣстнымъ условіемъ, Черниговъ, какъ сказано, успѣлъ сохранить свой соборъ лучше, чѣмъ всѣ другіе древнѣйшіе города. Кіевъ въ данномъ отношеніи былъ въ иномъ положеніи. Собравшееся по разгромѣ ничтожное населеніе не было въ состояніи поддержать той массы сооружений, которая разбросана была по горамъ Кіевскимъ: поддерживался Софійскій соборъ; поддерживались кое-какъ церкви монастырскія, и то далеко не всѣ; и только.

Исслѣдователи Черниговской старины относятъ къ дотатарскому періоду сооруженіе нѣсколькихъ церквей: соборовъ—Спасо-Преображенскаго и Борисоглѣбскаго, церкви Успенской Елецкаго монастыря, Ильинской, у пещеры пр. Антонія. О сооруженіи перваго мы имѣемъ прямое свидѣтельство въ лѣтописи ¹⁾.

Есть данныя, которыми безошибочно опредѣляется древность сооружений дотатарскаго періода помимо прямыхъ о нихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Это особенность архитектурныхъ формъ сооружений, а еще болѣе—особенность кладки сооружений. Особенность эту упомянутые исслѣдователи отмѣчаютъ въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ, добавляя, что кладка эта „особаго, нынѣ неизвѣстнаго, свойства“; но не отмѣчаютъ этого же въ кладкѣ Борисоглѣбскаго собора. На этой особенностяхъ мы и считаемъ нужнымъ остановить также особое вниманіе.

Особенность эта такого свойства, что составляетъ отличительную черту не только кіевскаго великокняжескаго періода сооружений, но и видимо современныхъ этому періоду соору-

¹⁾ Говоря о погребеніи Мстислава, лѣтописецъ замѣчаетъ: „Положиша и въ церкви святаго Спаса, юже самъ создалъ; бѣ бо въздано ея при немъ възвыше яко и на конѣ стоячи рукою досщи“.

женій Херсонеса Таврическаго. Сохранились и тамъ остатки церквей того же архитектурнаго типа, какъ и древнекиевскія, и такой же точно кладки. Не была эта кладка собственно изобрѣтеніемъ и Херсонесскихъ техниковъ, а заимствована ими въ свою очередь у Грековъ Константинопольскихъ. Сказаніе о сооруженіи Софіи Константинопольской, передавъ подробности подготовленій къ постройкѣ, о самой постройкѣ говоритъ слѣдующее: „По сихъ вново котлѣхъ варимъ бяше ячмень, и съ водою тою мѣшаху извѣсть и скудель в воды мѣсто; (въ) таковой укропъ клеевать, отъ древа глаголемаго вербіа оусѣкающе вмѣтающе в котлы коупно съ ячменю; и творяху корыта на 4 углы имуща по 50 лакоть въ долготу, и 50 в широту, а 20 въ толстоту и полагаху во основаніе; да ни тепла сего творяху, ни паки студена, по тепла, заве быти ему липку; и верху корытъ полагаху камень великъ равенъ в широту и в долготу. И бѣ вѣдѣти (видѣти) тогда, акы желѣзо дръжа“. (Сказаніе о св. Софіи Цареградской.—Рукоп. Библ. гр. Уварова, № 902. Памят. Древн. письм. LXXVIII. Сообщ. арх. Леонида). Тоже „Сказаніе“ уясняетъ и другую особенность древнихъ сооружений, наблюдаемую въ кладкѣ куполовъ и сводовъ русскихъ церквей дотатарскаго періода. „Посла же царь (Юстиніанъ), говоритъ сказаніе, Троила Кувкисіа и Феодора епарха и Василида строителя въ островъ цвѣтнй. И содѣлаша ту керамиды, и равны въ мѣру и равны въ долготу, великы назнамянаны тако... и чтущи количество (ихъ) послаху цареви. Мѣрило же, 12, керемиду одинаго отъ свойскихъ (?), зане быти ему калу легку зѣло, и губообразну и дуплю и бѣлу обличіемъ, легко же есть; тѣми керамидами сздаша 4 комары великыя“... Керамиды (у насъ—кувшинны) эти въ кладкѣ куполовъ и сводовъ замѣняли камни, шедшіе въ кладку стѣнъ. Наблюдаясь въ кладкѣ уцѣлѣвшихъ древнихъ сводовъ въ Киевскихъ церквахъ великокняжескаго періода, керамиды эти въ видѣ обломковъ или кусковъ встрѣчаются обыкновенно массами вмѣстѣ съ древнимъ цементомъ въ щебнѣ, остающемся на мѣстахъ разрушившихся древнихъ сооружений.

По этимъ двумъ особенностямъ древней кладки не трудно узнается какъ принадлежность сооруженія къ данному періоду, такъ и степень старинности первоначальнаго зданія, если оно потомъ перестраивалось.

Спасо-Преображенскій соборъ (табл. IV).

Въ запискѣ, составленной архіеп. Іерофеемъ Малицкимъ (съ 1796 г. митроп. кievскимъ) въ 1783 году для князя Потемкина-Таврическаго, заложеніе собора отнесено было къ 1003-му году, на основаніи греческой цифры Ϙ, высѣченной на одной изъ мраморныхъ колоннъ съ правой стороны собора. Преосв. Филаретъ Черниговскій съ своей стороны полагалъ, что это было число, указывавшее на годъ высѣченія колонны въ Греціи, но никакъ не на основаніе самаго зданія собора. Въ годъ смерти Мстислава (въ 1034 г.), заложившаго соборъ, зданіе его было возведено лишь на высоту „яко на конѣ стоячи досяи рукою“. На этомъ основаніи преосв. Филаретъ полагалъ, что основаніе собора нужно относить или къ 1026 году, когда Мстиславъ покончилъ миромъ войну съ Ярославомъ, или въ 1031, году окончанія войны съ ляхами и возвращеніемъ къ Россіи Червенскихъ городовъ: „такъ какъ древніе князья строили храмы въ память особенныхъ событій (Ярославъ, напр., кievскій Софійскій соборъ въ память побѣды надъ печенѣгами“. Такъ какъ съ 1026 года до смерти Мстислава протекло 8 лѣтъ и Мстиславъ, если бы въ томъ году заложилъ соборъ, успѣлъ бы довести его до окончанія,—преосв. Филаретъ призналъ болѣе вѣроятнымъ отнести заложеніе собора къ 1031 году.

О таинственной цифрѣ φ съ своей стороны мы ничего сказать не можемъ. Ни этой цифры, ни колоннъ, на одной изъ которыхъ она высѣчена, въ настоящее время нѣтъ на лицо. При капитальномъ исправленіи собора въ концѣ прошлаго столѣтія мраморныя колонны обложены кирпичемъ и обращены въ круглыя массивныя столбы, по два въ рядъ съ сѣверной и южной стороны, предназначавшіеся, какъ и колонны, для поддержки сводовъ и хоръ по сѣверному и южному концамъ архитектурнаго креста. Но думаемъ, что цифра едва ли означала годъ высѣченія колонны: тогда носила бы ее не одна, а каждая изъ колоннъ; да и обстоятельство это не настолько значительно, чтобы его отмѣчать на колоннахъ. Заложенный Мстиславомъ соборъ не былъ первою по времени соборною церковію въ Черниговѣ. Онъ могъ быть заложенъ на мѣстѣ другого, а цифра могла относиться къ тому, который замѣненъ новымъ. Могла цифра относиться и къ обстоятельству, не имѣвшему непосредственной связи съ сооруженіемъ Спасо-Преображенскаго собора, если самыя колонны были вывезены, напр., изъ Тмутаракани, гдѣ могли входить въ составъ какого-либо общественнаго сооруженія. Также точно приуроченіе закладки собора къ тому или иному году, отмѣченному важными событіями въ жизни Мстислава, по нашему мнѣнію, трудъ и лишній, и бесполезный. Сооруженіе церковей обѣтныхъ было дѣломъ незначительнаго свойства. Между тѣмъ добившись отдѣленія подъ свою власть цѣлой половины Русской земли съ Черниговомъ во главѣ, Мстиславъ въ силу самаго положенія вещей долженъ былъ озаботиться дать Чернигову и такое сооруженіе, какъ Спасо-Преображенскій соборъ, которое могло бы соперничать съ подобными сооруженіями Кіева и до извѣстной степени уравнивать его столицу съ столицей Ярославля.

Исслѣдователи Черниговской старины выставляютъ соборъ за самое древнее изъ сохранившихся въ Россіи сооружений этого рода. Съ своей стороны древнѣйшимъ сооруженіемъ изъ сохранившихся мы признаемъ кіевскую Васильевскую, иначе—Трехсвятительскую церковь. Мнѣніе о болѣе поздней постройкѣ ея мы не считаемъ достаточно обоснованнымъ. Позднѣйшія упоминанія лѣтописныя о постройкѣ и освященіи церкви Василя (лѣт. 1183) относятся къ церкви на Великокняжескомъ дворѣ (домовой). Лѣтопись упоминаетъ (1231 г.) игумена Васильевского, что къ дворцовой церкви примѣненія не могло имѣть. На болѣе глубокую древность указываютъ самыя архитектурныя формы этой церкви. Тѣмъ не менѣе соборъ Черниговскій изъ большихъ церковныхъ сооружений несомнѣнно самое древнее. Возможно, что въ Преображенскомъ соборѣ мы имѣемъ воспроизведеніе кіевской Десятинной церкви, исчезнувшей къ сожалѣнію безслѣдно. Соборъ имѣетъ въ планѣ особенности, въ другихъ церквахъ того времени не встрѣчающіяся. Но возможно, что общій планъ его, равно какъ и планы нѣкоторыхъ другихъ церковей Черниговскихъ, заимствованы изъ Тмутаракани, съ которою Черниговъ имѣлъ близкія сношенія.

О Мстиславѣ лѣтопись говоритъ, что въ походъ „на Косоги“ („Мстиславу сущу Тмутарокани“), во время поединка съ Редедю, Мстиславъ далъ обѣтъ: „О Пречистая Богородице! помози ми: аще бо одолѣю сему, съзижду церковь во имя Твое“. Послѣ побѣды „Пришедъ Тмутароканю, заложи церковь Святыя Богородица, и созда ю, яже стоитъ и до сего дне Тмутарокани“ (Лѣт. Лавр.). Строитель Тмутараканской церкви Св. Богородицы могъ, такъ или иначе, повторить приемы ея сооруженія и къ постройкѣ церкви въ Черниговѣ, куда перешелъ изъ Тмутаракани.

Связь Чернигова съ Тмутараканью поддерживается и послѣ Мстислава. Святославъ даетъ Тмутаракани на княженіе сына своего Глѣба. Олегъ Святославичъ идетъ добывать Черниговъ изъ Тмутарокани. („Тый бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по землѣ сѣяше; ступаетъ въ златъ стремянъ въ градѣ Тмутароканѣ“.—Слово о полку Игоревѣ, строфа 16).

Внуки Олега, Игорь Новгородский и Сѣверский и Всеволодъ Трубчевский, снаряжаются въ походъ на Половцевъ „поискати града Тмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону“, (Слово о полку Игоревѣ, строфа 26).

Разбираясь въ архитектурныхъ подробностяхъ Спасо-Преображенскаго Черниговскаго собора (рис. 5 и 6), мы приходимъ къ убѣжденію, что за исключеніемъ боковыхъ папертей, изъ коихъ отъ южной остался только фундаментъ до уровня окружающей соборъ площади, а отъ сѣверной едва замѣтный слѣдъ (въ видѣ тоже небольшого остатка фундамента), соборъ сохранилъ свои древнія стѣны, внутренніе столбы, купола, своды, за незначительнымъ исключеніемъ и отчасти—кровельную форму. Сохранилась у сѣверо-западнаго угла съ внѣшней

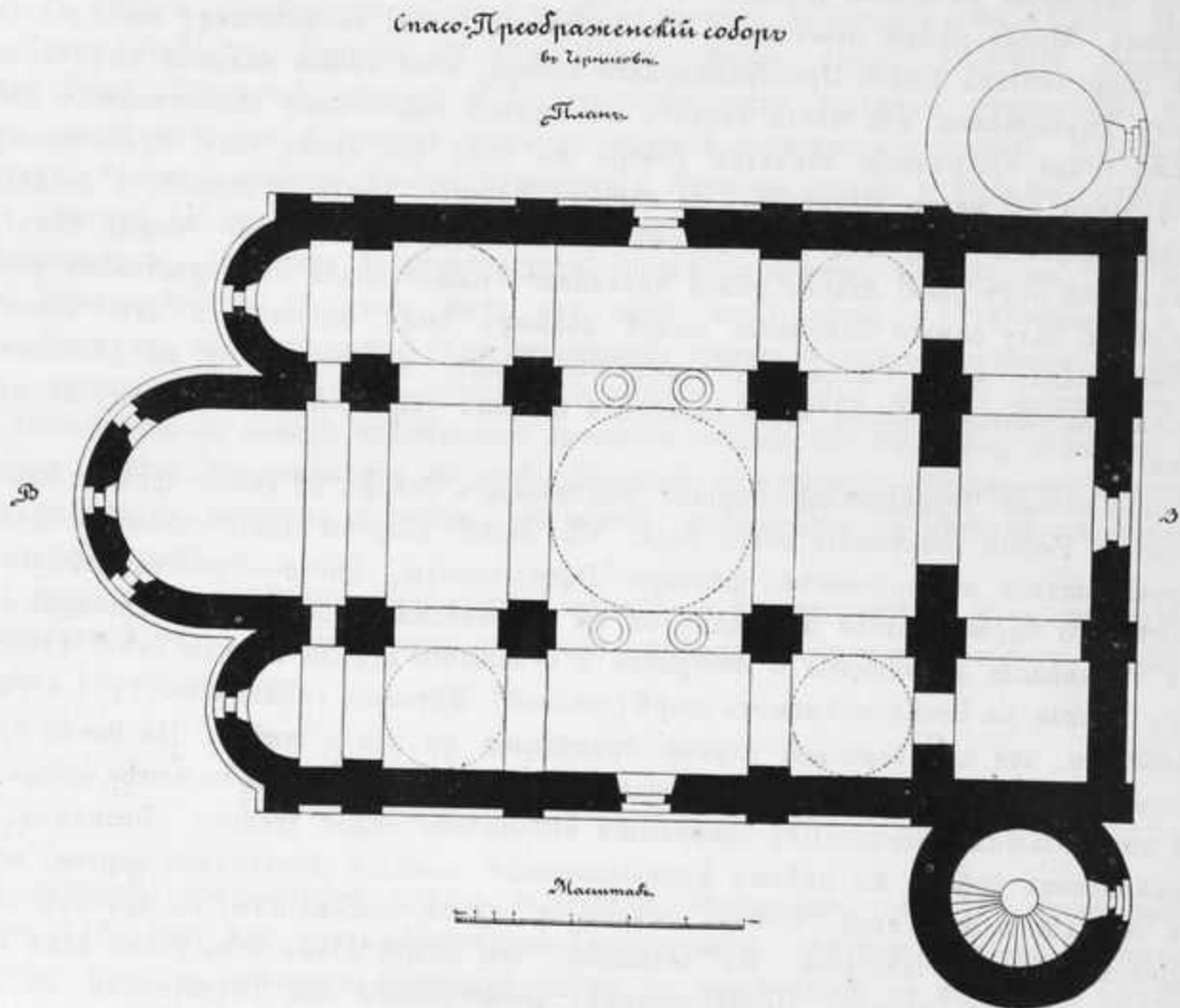

Рис. 5.

стороны круглая башня, ведущая нынѣ на хоры, но лишь до извѣстной высоты; отъ башни у юго-западнаго угла, если она тамъ въ древности стояла, не осталось и слѣдовъ (башня нынѣшняя построена позднѣе и представляетъ изъ себя точную копию сѣверо-западной древней башни послѣ новѣйшей ея надстройки). Не сохранились, къ сожалѣнію, въ полномъ видѣ и хоры. Остались они надъ западною внутреннею церковною папертію, но ихъ продолженіе по обѣимъ сторонамъ средняго церковнаго нефа (до алтаря) уничтожено, и при томъ—нарочито, въ концѣ прошлаго уже вѣка, съ цѣлію дать церкви лучшее освѣщеніе пробивкою по линіи сводовъ, на которыхъ хоры лежали, ряда оконъ ¹⁾. Кровельныя формы сохранились

¹⁾ Но уничтоживъ хоры, реставраторы оставили нетронутою линію арокъ, соединившихъ столбы по линіи хоровъ съ лицевой внутрь церкви (средняго нефа) съ горизонтальнымъ поверхъ нихъ карнизомъ и паранетами хоръ. По-

по сводамъ, покрывающимъ сѣверный, западный и южный концы архитектурнаго креста. Своды эти выступаютъ въ соответствующихъ мѣстахъ вверху наружныхъ стѣнъ въ видѣ фронтовъ формы правильной арки, и имѣютъ непосредственно по нимъ и по аркѣ закругленную кровлю. Но промежутки между концами архитектурнаго креста покрыты кровлею, четырехскатной формы. Измѣненіе здѣсь правильной формы стояло въ связи съ перекладкою сводовъ ¹⁾ и стѣнъ въ этихъ частяхъ церкви. Восточный конецъ архитектурнаго креста скрытъ вовсе подъ кровлею восточной половины церковнаго зданія; отъ чего кровля этой части уже вовсе древней кровли не напоминаетъ.

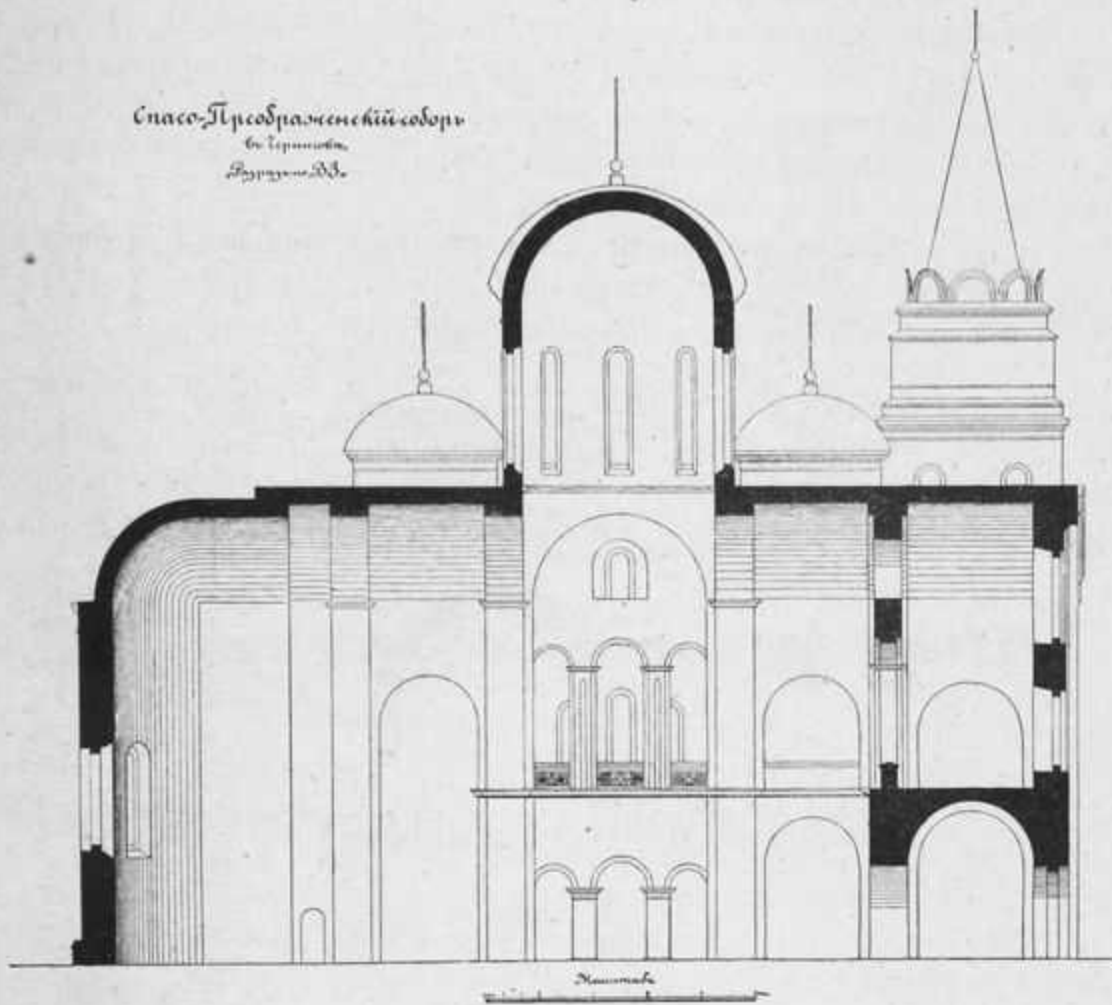

Рис. 6.

Въ поправкахъ, надстройкахъ и пристройкахъ древнихъ Черниговскихъ церквей видно стремленіе или подражать древнему стилю, или совершенно преобразовывать зданія до ихъ неузнаваемости. Первое—въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ; последнее—въ Пятницкой и Ильинской церквахъ. Выдѣляется только Борисоглѣбскій соборъ, ясно носящій слѣды по крайней мѣрѣ трехъ эпохъ и типовъ.

слѣдніе въ трехъ пролетахъ арокъ (по три съ каждой стороны съ восточной части) изъ каменныхъ плитъ съ барельефными украшениями изъ разнаго сочетанія линий. Эта линия арокъ съ парапетами надъ нею заслоняетъ свѣтъ отъ ряда вновь прорубленныхъ въ стѣнѣ оконъ.

¹⁾ Квадратныя площадки отдѣленій этихъ на хорахъ прерываются, вмѣсто крестовыхъ, коробовыми сводами, опирающимися на западную стѣну и на поперечныя арки отдѣленій хоръ къ востоку, и выдѣляются новою кладкою, равно какъ новая кладка замѣчается въ надстроенныхъ рядомъ съ ними наружныхъ стѣнахъ церкви до высоты вышшняго горизонтальнаго подиравленнаго карниза.

Кому принадлежит исправление сводовъ надъ юго-западнымъ и сѣверо-западнымъ углами Спасо Преображенскаго собора? Къ какому времени относится постройка у юго западнаго угла башни и надстройка башни у угла сѣверо-западнаго?

Въ чемъ состояло возобновленіе собора Дунинымъ-Барковскимъ, производившееся въ 1675 году? Филаретъ говоритъ объ этомъ глухо: „возможно приличное возобновленіе совершено усердіемъ“ и пр., стр. 5. Еленевъ—краснорѣчивѣе, что „сей благочестивый и ревностный христолюбецъ, устраивалъ въ градѣ семь вновь храмы Божіи и обновляя обветшалые, возобновилъ святѣйшо и сей Всемилостиваго Спаса храмъ и богатыми утварми снабдилъ въ 1672 и 1685 годахъ“. Въ краткомъ описаніи собора 1783 года, составленномъ мѣстнымъ архіереемъ на основаніи лѣтописныхъ сказаній и дополненномъ „изъ другихъ достопамятностей“, представленномъ князю Потемкину генер.-поруч. А. С. Милорадовичемъ, сказано: „въ прошедшемъ же семнадцатомъ столѣтїи ¹⁾ возобновлена святымъ усердіемъ и щедростью бывшаго полковника Черниговскаго, потомъ генеральнаго войскъ запорожскихъ обознаго Василія Дунина-Барковскаго“ (Опис. Черн. соб. стр. 25).

Филаретъ цитуетъ при этомъ статью: „Маркова достопамятности Чернигова въ Чт. Общ. Ист. 1846 г., отд. IV, 14—16. Юбилейный сборникъ добавляетъ: (въ 1792—1798) „всѣ придѣлы и боковыя пристройки разобраны и уничтожены“ и пр.

Борисоглѣбскій соборъ (рис. 7 и 8).

Построенъ, полагають, Давидомъ Святославичемъ (1090—1123 г.). Разоренъ, якобы,

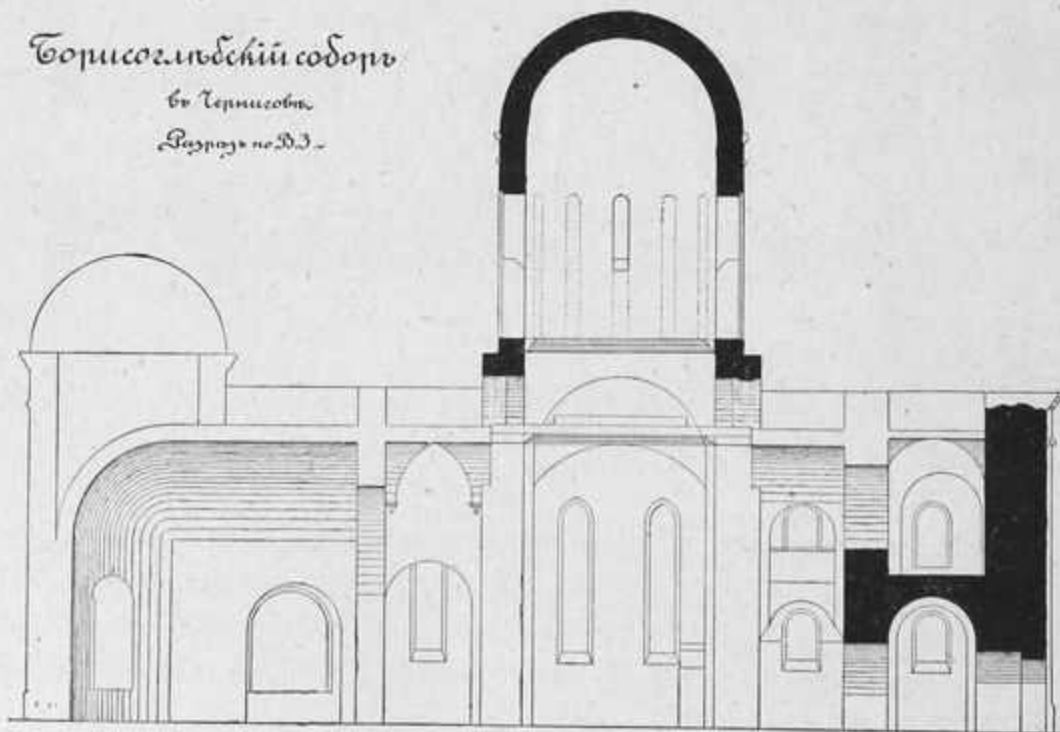
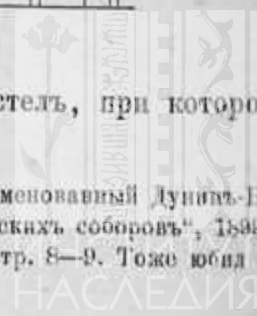

Рис. 7.

въ 1618 г. поляками. Въ 1627 года былъ обращенъ въ латинскій костелъ, при которомъ

¹⁾ Елецкаго Черниговскаго монастыря въ большой церкви, гдѣ погребенъ вышеупомянутый Дуниинъ-Барковскій, въ надгробной ему надписи, упоминается о реставраціи собора. „Описаніе Черниговскихъ соборовъ“, 1839 г., Чер., капитальныя передѣлки въ соборѣ и пристройку башни относятъ къ 1792—1798 гг. стр. 8—9. Тоже юбил. сб. стр. 77. Филар. Черн. 5.

устроенъ Доминиканскій монастырь. Въ 1654 году возвращенъ православнымъ и въ 1657 г.

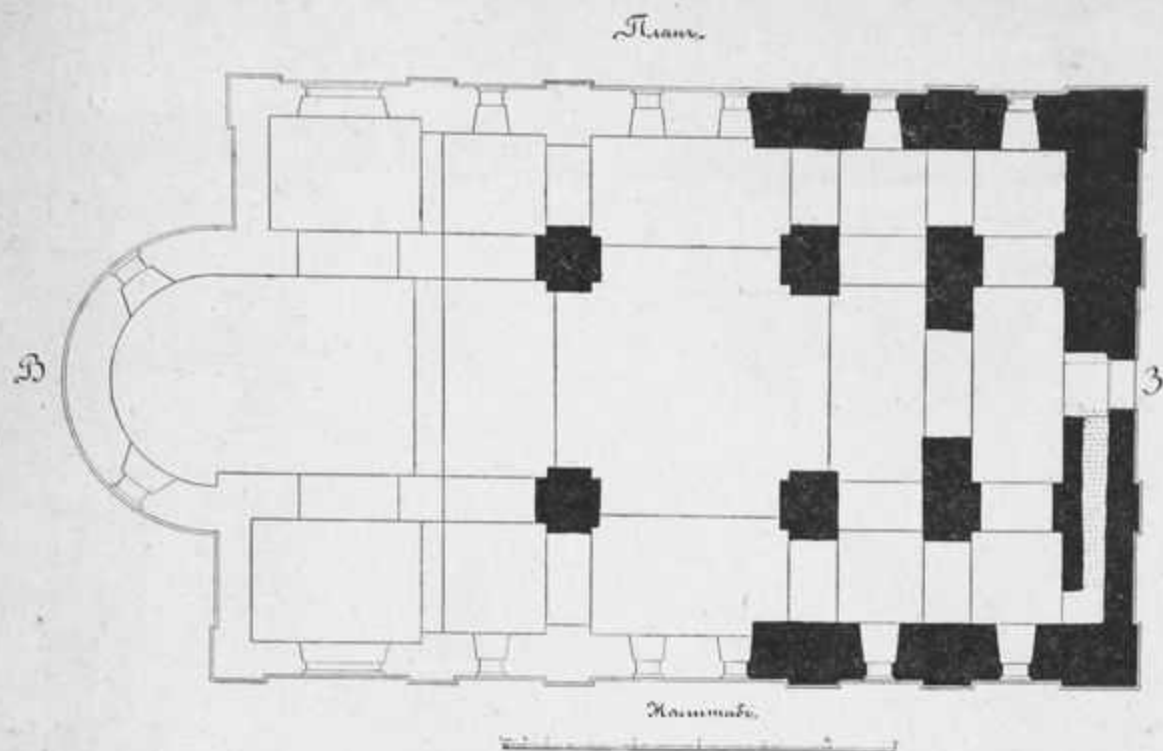

Рис. 8.

былъ возстановленъ Лазаремъ Барановичемъ въ значеніи монастыря кафедральнаго, въ который онъ и переселился въ 1671 году изъ Новгорода-Сѣверска.

Успенская церковь въ Елецкомъ монастырѣ (табл. V).

Святославъ, которому приписывается основаніе Елецкаго монастыря и сооруженіе въ немъ Успенской церкви (рис. 9 и 10), какъ видно изъ патерика Печерскаго, относился къ монашеству съ особымъ уваженіемъ и имѣлъ въ области Черниговской не одинъ монастырь. Рассказывая о гибѣвѣ его на преп. Θεодосіа, вызванномъ смѣлыми обличеніями послѣдняго за возстаніе на старшаго брата (Изяслава) и захватъ принадлежавшаго брату стола Кіевскаго, Патерикъ говоритъ: „Но обаче онъ, аще вельми разгнѣвался бѣ на блаженнаго, но не дерзну ѿ ни единого же зла, ни скорбна створити тому; видяше бо мужа преподобнаго и праведна суца его, якоже преже многажды и его ради завидѣти брату своему, еже такова свѣтильника имать въ области своей, якоже сновѣдеша, слышавъ отъ того черноризца (*zeig*), Павелъ игуменъ сын, отъ единого монастыря, сущихъ въ области его“. (Арс. Пат. по сп. Пет. Дух. Ак. стр. 137—138).

Что церковь эта потеряла сравнительно съ первоначальною ея конструкціею и формами, можно видѣть изъ сличенія ея въ ея нынѣшнемъ состояніи съ тѣми двумя видами ея, какіе даны ей на иконѣ Елецкой Богородицы (рис. 11 и 12). Между прочимъ, на обоихъ этихъ изображеніяхъ она имѣетъ главы той самой формы, которая отличаетъ Успенскій соборъ въ Звенигородѣ (Моск. губ.), сооруженный, по преданію, въ концѣ XI столѣтія, форму котораго Снегиревъ охарактеризовалъ названіемъ „шишакообразною“.

Въ Елецкой церкви сводъ, покрывающій концы архитектурнаго креста, древней кладки и выступаетъ арками изъ-подъ кровли. Форма кровли надъ нимъ островерхая, поверхъ арки закрытая деревянными досками. Кирпичъ 8×5×1 вершк.

Елизаветинская церковь
в Термисови.
План

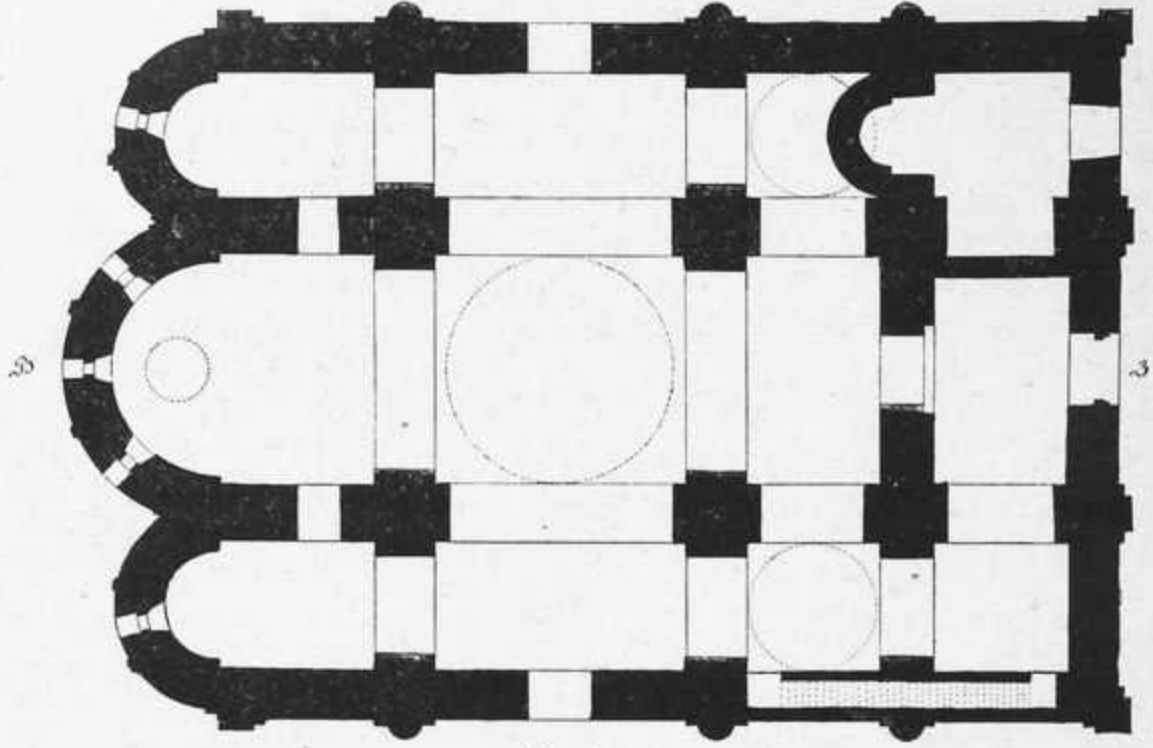

Рис. 9.

Вид изнутри Д.З.

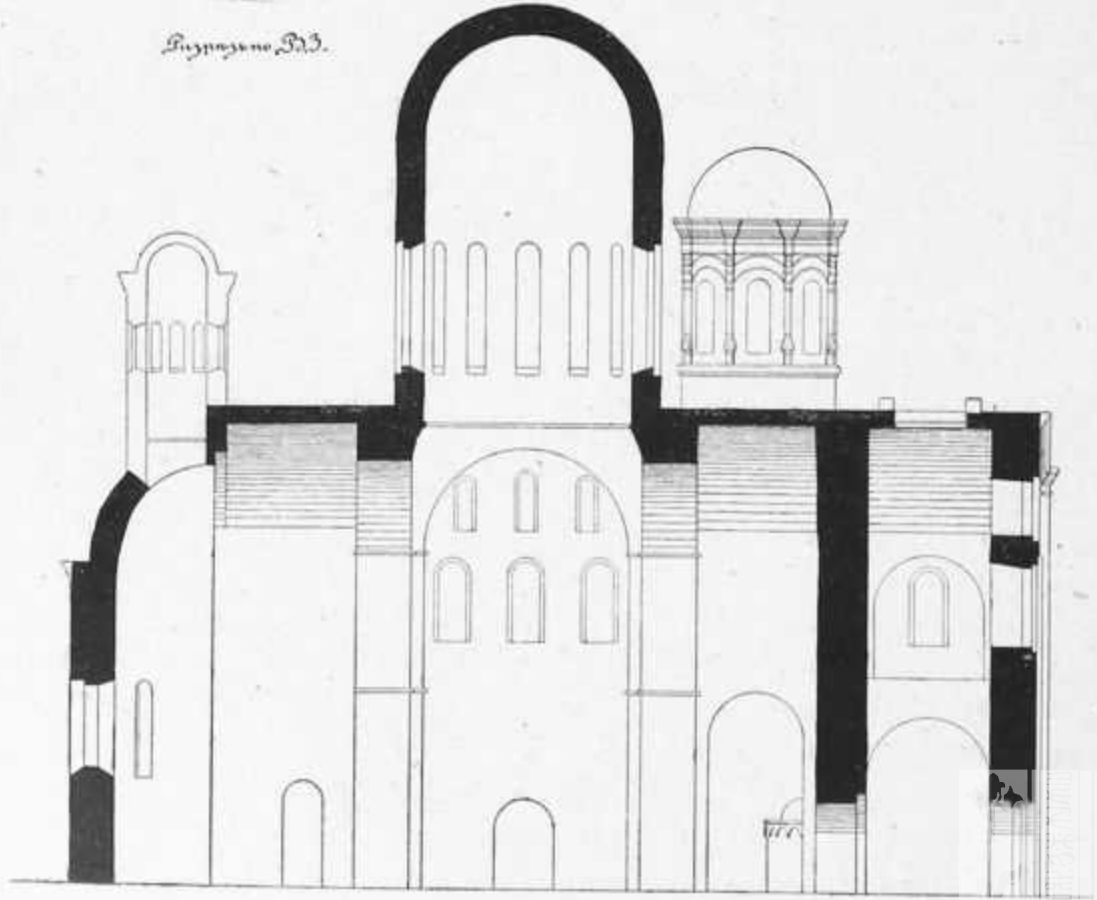

Рис. 10.

Монастырь и церковь подверглись въ 1611 году разоренію отъ Горностая, и находи-

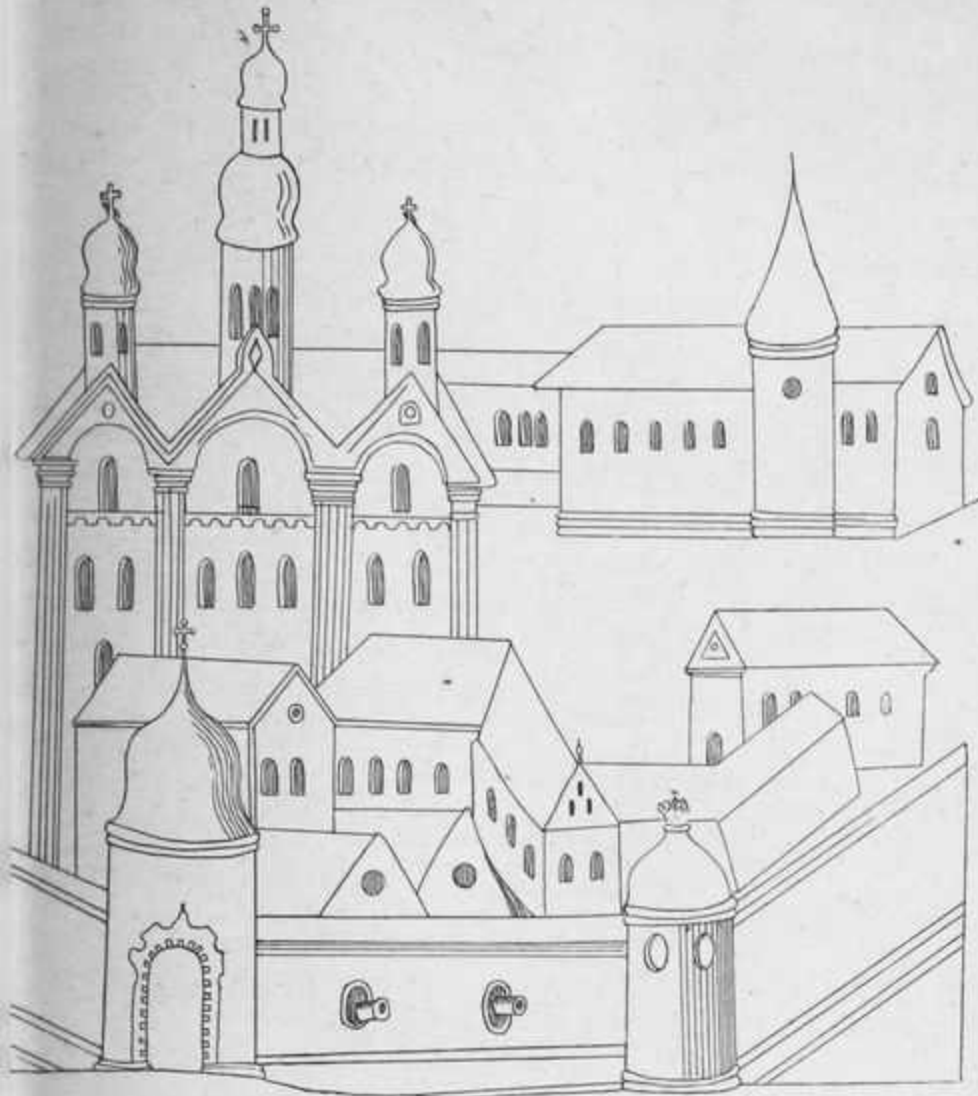

Рис. 11.

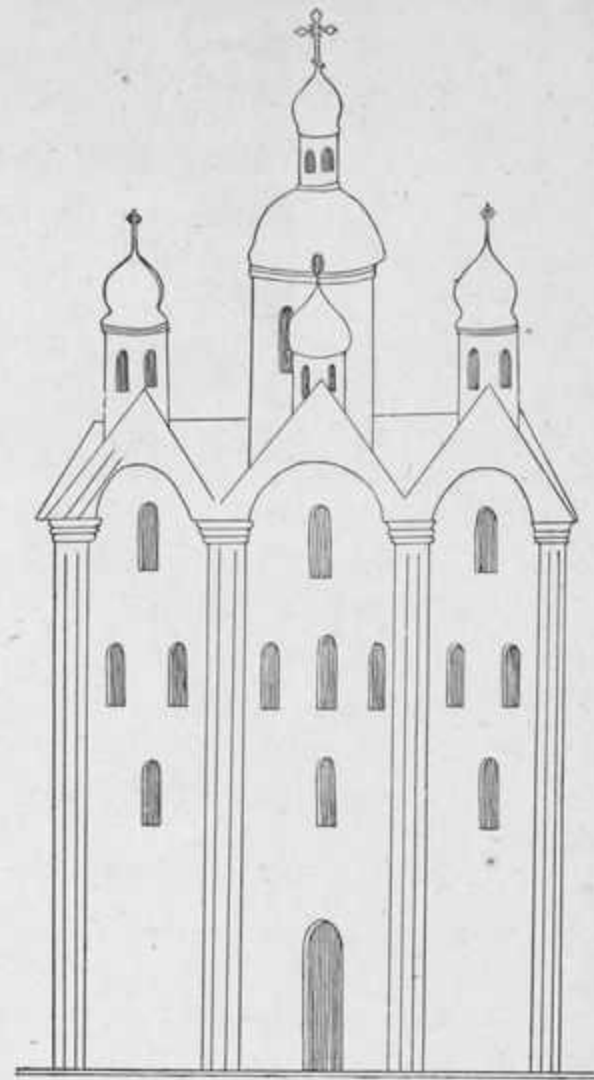

Рис. 12.

лись въ запустѣніи до 1671 года. Возстановлены при архим. Іоанникіи Галатовскомъ, при содѣйствіи полковника Черниговскаго, Вас. Андр. Дунина-Барковскаго.

Ильинскій монастырь (табл. V).

Отъ монастыря сохранились: Ильинская церковь, построенная у входа въ пещеры (рис. 13 и 14) и пещерныя церкви: а) преп. Антонія, б) пр. Θεодосія и в) пр. Николы святоши.

Церковь Ильинская, какъ сказано, имѣетъ видъ возстановленной и расширенной съ надстройкою вверху небольшой древней церкви. Церкви пещерныя всё имѣютъ видъ позднѣйшихъ сооружений, и при томъ—недоведенныхъ до конца для отправленія въ нихъ богослуженія.

Историческія данныя относительно монастыря ограничиваются слѣдующимъ. Пещера ископана преп. Антоніемъ въ Болдиной горѣ въ 1069 г. Имъ же яко бы положено начало и монастырю ¹⁾. Къ тому же времени относятъ постройку Святославомъ церкви (последняя могла

¹⁾ Житіе преп. Антонія. „Извѣщенъ бывъ о томъ (о гнѣвѣ Изяслава на пр. Ант.) князь Черниговскій Святославъ, яко-братъ его Изяславъ на преподобнаго Антонія гнѣвается зѣло, присла по святого воцѣю, и въ Черниговъ того взя: вѣдѣже онъ возлюбилъ мѣсто близъ града, въ горѣ Болдынѣ: и тамо пещеру ископавъ, живяше въ ней, по

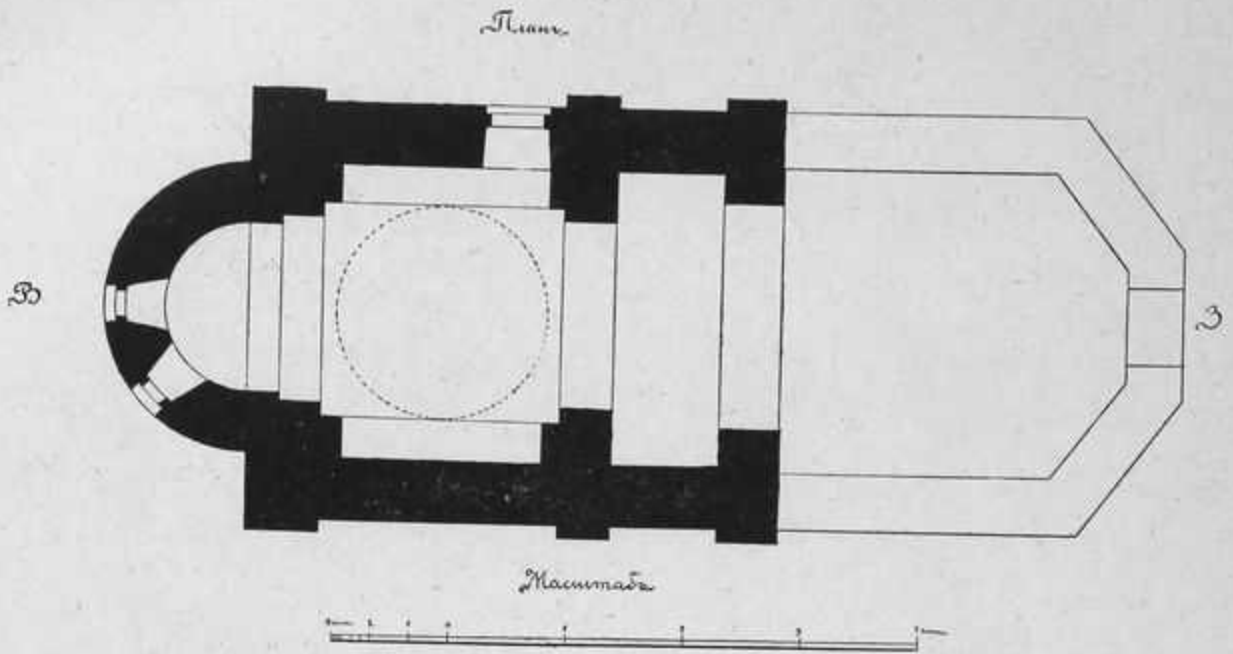

Рис. 13.

Чыринская церковь

въ Чыриновѣ.

Разрѣзъ по АА

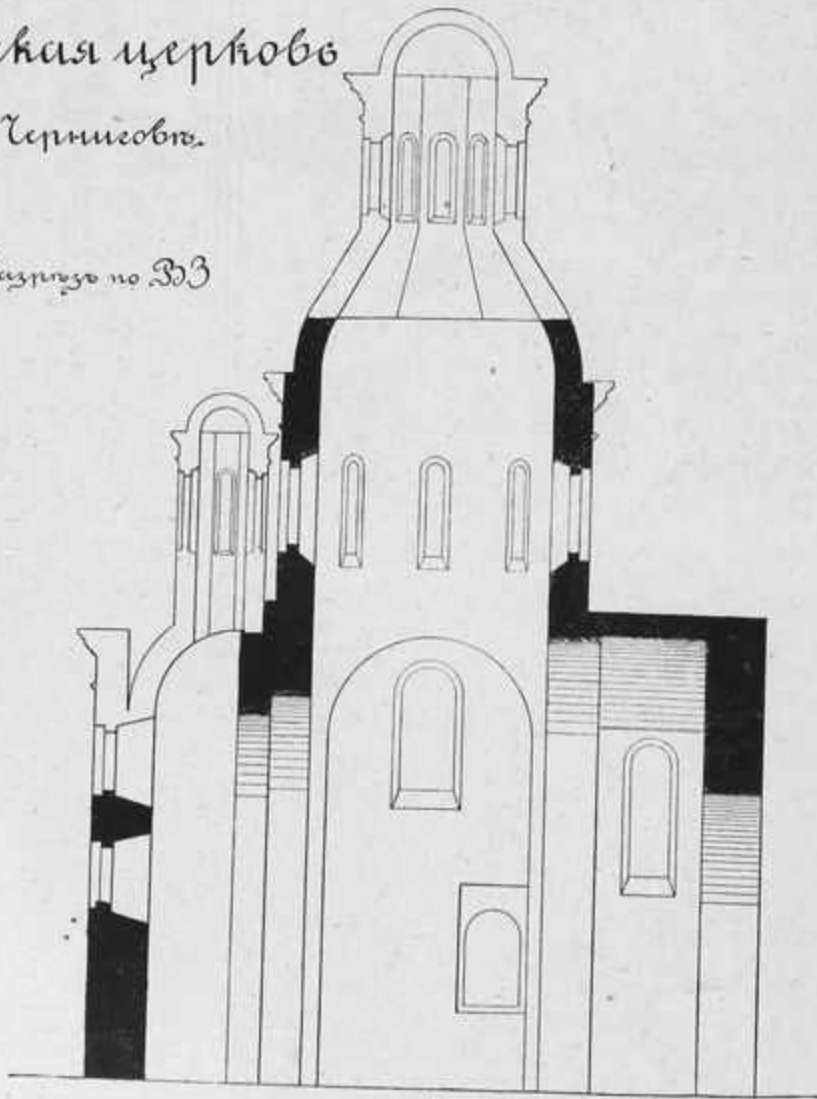
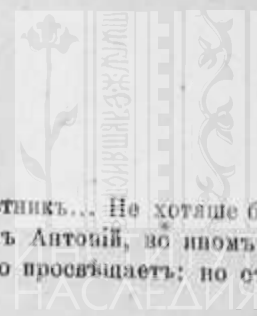

Рис. 14.

неже мѣсть созданъ бысть *псалти* и монастырь. Но не долзѣ ликоваше добра ненавистникъ... Не хотяше бо Богъ до сей всесвѣтатъ свѣтильникъ, Россійское свѣтозарное солнце, преподобный отецъ нашъ Антоній, во иноуѣ градѣ, кроуѣ богоспасаемаго стопаго града Кіева, начинаиѣмъ благочиннаго житія иноческаго просвѣщаетъ; но сть ову-

быть заложена съ возникновеніемъ монастыря, но не съ водвореніемъ просто—самаго Антонія, который не былъ пресвитеромъ). Реставрированъ былъ монастырь съ церковію Іліи въ 1649 году стараніемъ іеромонаха Зосима Тишлевича, игумена монастыря, и коштомъ ктитора папа Стефана Пободайла (до этого „пустова чрезъ 420 лѣтъ“¹⁾). Въ 1689 г. начать постройкою новый (Троицкій) монастырь съ церковію на горѣ Лазаремъ Барановичемъ.

О времени построения пещерныхъ церквей свѣдѣній нѣтъ, кромѣ тѣхъ что въ 1798 — 1799 г. церкви и пещеры были реставрированы по распоряженію архіеп. Виктора Садковского на пожертвованія разныхъ благотворителей.

Если ограничиться этими данными, можно дать такія заключенія. Возстановленіе Ильинской церкви и приведеніе ея въ нынѣшній видъ—дѣло Зосимы Тишлевича и Пободайла. Даннымъ археологическимъ это нисколько не противорѣчитъ. Устройство пещерныхъ церквей въ ихъ настоящемъ видѣ—дѣло арх. Виктора Садковского, недоведенное однако до конца. Возстановленіе пещернаго монастыря по задуманному имъ плану было не по времени, да и не по мѣсту. Начатыя работы по снабженію церковей царскими вратами изъ желѣза съ иконописью по желѣзнымъ листамъ, напоминающею конецъ прошлаго столѣтія, приостановились, не будучи доведены даже до половины.

Кирпичъ древней церкви $7\frac{1}{8} \times 5\frac{1}{4} \times 1$ вершокъ.

Пятницкая церковь (рис. 15—18).

Преосв. Филаретъ говоритъ, что „храмъ этотъ для cadaго, кто только видѣлъ древніе русскіе храмы, представляетъ красивѣйшую русскую древность дотатарскаго времени; по высотѣ столбовъ и арокъ храмъ очень походитъ на Ростовскій соборъ, только противъ послѣдняго размѣры его уменьшены“ (кн. 4, стр. 116).

Пятницкая церковь имѣетъ видъ церкви, возстановленной или точнѣе—построенной изъ остатковъ древней церкви. Древняя, первоначальная, оставалась въ развалинахъ, видимо весьма продолжительное время. Ея древній куполь и своды, за исключеніемъ алтарныхъ абсидовъ, упали; упали и столбы, на которыхъ лежалъ куполь и своды; успѣли обрушиться до извѣстной высоты и верхнія части стѣнъ; узкій, снизу вверхъ поднимавшійся въ западной стѣнѣ, ходъ на хоры съ выходомъ, обращеннымъ въ средину церкви, ничѣмъ по разрушеніи сводовъ незащищенный отъ заноса въ него снѣга и дождя, успѣлъ утратить видъ правильнаго устроеннаго хода и обратился въ какую-то, будто промытую дождемъ, щель въ стѣнѣ. Для возстановленія или вѣрнѣе—постройки существующей церкви, строители могли воспользоваться, если можно такъ сказать, только алтарною частью древней церкви и ея окладовъ, т. е. ея наружными стѣнами до извѣстной высоты. Послѣднія, съ обрѣзами алтарныхъ абсидовъ, образуя квадратъ, послужили фундаментомъ для возведенія церковнаго зданія до нынѣшней его высоты (рис. 16); разрушившіеся внутренніе столбы были замѣнены столбами новыми, возведенными на болѣе значительную высоту, сравнительно съ древними, и безъ приданія имъ связи со стѣ-

дуже свѣтъ православныя вѣры во всю Россійскую землю чрезъ благовѣрнаго князя Владиміра возсія, оттуда и луча совершеннаго закона постническаго чтя преподобнаго отца нашего Антонія благоволи, да возсіяетъ“. Патер. Печ. Кіевъ 1783 г. л. 7.

Въ житіи Θεодосія: „Обаче точаючи Преподобный отъ сія пещеры... вставъ ноцію, отхождаше въ едино монастырское село... На полѣ отхождаше той въ пещерѣ на село Лесники“. (Ibid. № 39 аб.).

¹⁾ Свидѣтельство Дм. Рост., проживавшаго въ Черниговѣ съ 1675 г. по 1677 г.

нами чрез промежуточные арки, и своды, обыкновенно служащая основаниемъ для хоровъ; послѣдніе устранины были вовсе и выходная дверь (ходовой пролетъ) на нихъ въ западной стѣнѣ заложены; для обезпеченія устойчивости новому фонарю и куполу, лежащихъ на центральныхъ высокихъ столбахъ, возстановители признали достаточными одни своды надъ окружающимъ фонарь и куполь пространствомъ церкви, — которымъ и придали соответствующія этой цѣли формы, совершенно отличныя отъ формы древнихъ сводовъ вообще (рис. 16).

Продолжительная заброшенность церкви, доведшая ее до полного почти разрушенія, объясняется, конечно, тѣмъ, что она стояла внѣ валовъ, окружавшихъ Черниговъ, и съ

Рис. 15.

Рис. 16.

кратилась необходимость укрываться за городскими валами.

По историческимъ документамъ монастырь Пятницкій съ каменною церковью становится известнымъ съ половины XVII вѣка. Во второй половинѣ этого столѣтія много потрудился для монастыря тотъ же черниговскій полковникъ Дуниѣ Барковский: „онъ отъ основанія дѣвичу обитель воздвиге и бысть оной прещедрый кормитель“¹⁾. Не Дунину ли Барковскому при надлежитъ капитальная перестройка церкви? — Это можетъ выясниться изученіемъ оригинальныхъ

1) Фил. От., кн. 4, стр. 119.

Спасо-Преображенскій Соборъ въ Черниговѣ.

Бр. 230/1914
2014/11/10
в Музейный фонд

Успенская церк. Елецкаго мон.

Ильинская церковь.

Черниговъ.

БИБЛИОТЕКА
гид. Митя Краковской
и Музейной работы

особенностей, приданных фасаду этой церкви, въ связи съ подобными же памятниками XVII вѣка.

Но чтобы монастырь Пятницкій женскій существовалъ въ данномъ мѣстѣ и при данной церкви еще въ періодъ великокняженій, въ этомъ позволительно усумниться. Для монастырей женскихъ

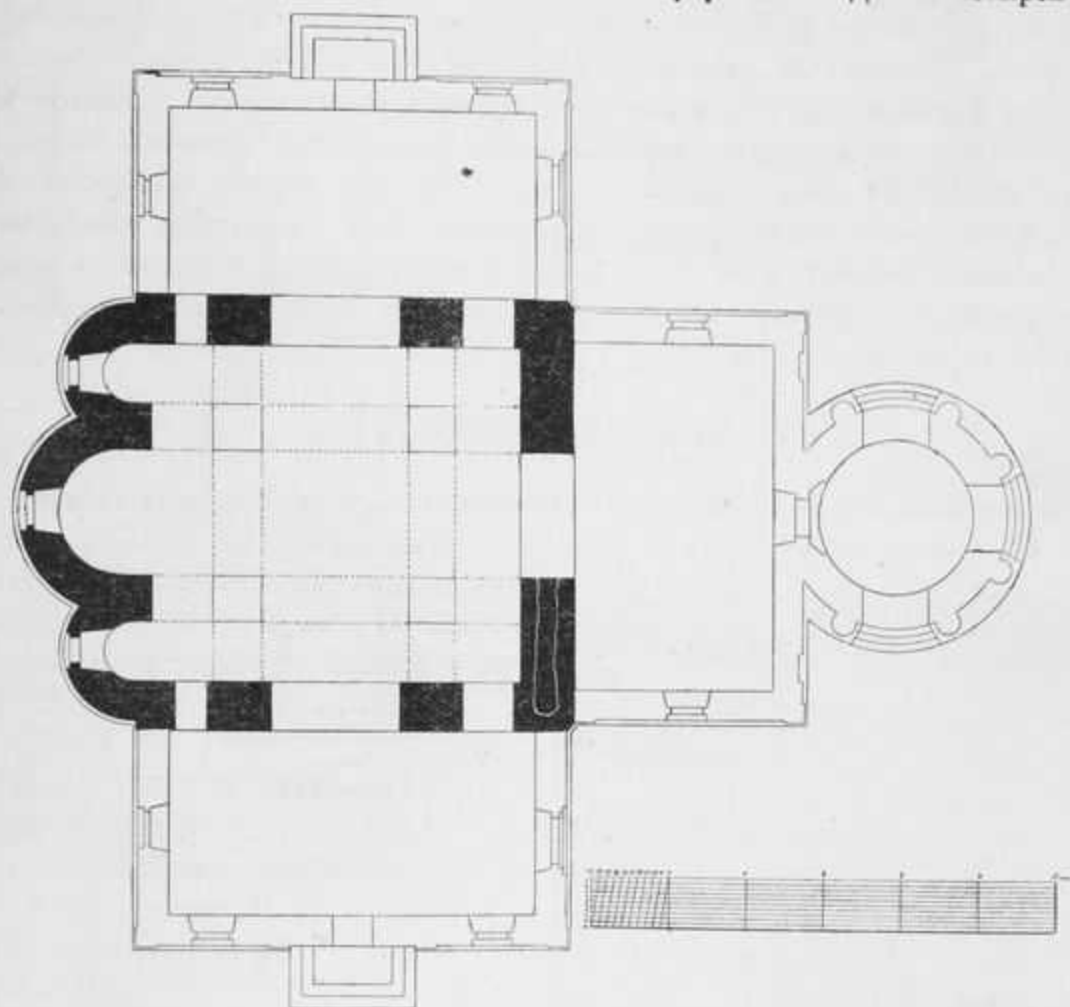

Рис. 17.

должны были избираться болѣе защищенныя, укрытыя мѣстности. Женскій монастырь, если былъ, долженъ былъ находиться внутри, или подъ защитою валовъ, окружавшихъ Черниговъ.

Кирпичъ древнихъ стѣнъ Пятницкой церкви имѣетъ размѣръ въ фундаментѣ: $8 \times 4\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{4}$ верш.; въ стѣнѣ $6\frac{1}{2} \times 4\frac{1}{2} \times 1$ верш. На одномъ изъ кирпичей по ребру зарисовано мною слѣдующее тавро (рис. 18).

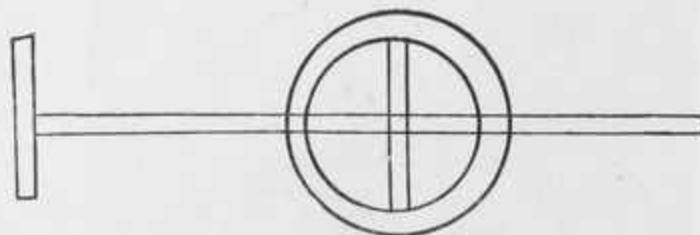

Рис. 18.

Какія-же новыя данныя для характеристики архитектуры XI—XII вѣка можно отмѣтить въ церквахъ Черниговскихъ?

Въ планѣ церквей представляютъ особенности соборъ Спасо-Преображенскій и церковь Ильинская. Первый даетъ квадратъ совершенно правильный и правильный же равноконечный крестъ, независимо отъ алтаря и притвора, тогда какъ въ Кіевскихъ и въ другихъ церквахъ того-же времени восточный конецъ креста образуется уже среднимъ алтарнымъ полукружіемъ и до размѣровъ квадрата площадь пополяется тремя абсидами. Ильинская церковь однабсидная.

За исключеніемъ Спасопреображенскаго собора Черниговскія церкви имѣютъ лѣстницы на хоры внутри стѣнъ. Успенская церковь Елецкаго монастыря въ юго-западномъ углу имѣетъ внутреннюю, съ особымъ ходомъ со двора, каплицу. Изъ Кіевскихъ церквей внутри стѣнъ имѣетъ ходы только Кирилловская; только она же имѣетъ (по хорамъ впрочемъ) особую каплицу (божницу). Эти особенности въ Кирилловской церкви не слѣды ли вліянія Чернигова?—Кирилловская церковь сооружена Всеволодомъ Ольговичемъ, изъ князей Черниговскихъ.

Фасадныя формы болѣе или менѣе тождественны. Но на церкви Елецкаго монастыря нельзя не отмѣтить линіи арочекъ, расположенныхъ подъ рядомъ верхнихъ оконъ, выше линіи хоровъ. Арочки эти представляются остаткомъ (верхнею частію) галлерейки, фасаднаго украшенія, наблюдаемаго между прочимъ на церквахъ такъ называемаго романскаго стиля. Нельзя не обратить вниманія и на форму карниза снаружи абсида божницы въ югозападномъ углу: она напоминаетъ карнизъ подъ куполомъ Каневской церкви а еще болѣе Спасопреображенскаго Собора въ Переяславлѣ ¹⁾.

Новгородъ - Сѣверскій ²⁾.

Время основанія города неизвѣстно. Одни относятъ его къ Владиміру Святому, другіе къ Ярославу. Во всякомъ случаѣ онъ уже существовалъ въ концѣ XI в. Первоначально входилъ

Рис. 19.

въ составъ Черниговскаго княжества, но съ конца XI в. въ немъ является отдѣльный княжескій столъ. Въ немъ княжили:

1095—1097 г. Мстиславъ Святославичъ;

1113—1122 г. Глѣбъ Давидовичъ;

1128— Рогволодъ Борисовичъ;

Затѣмъ Святославъ Ольговичъ до 1157 г., до перехода въ Черниговъ;

1157—1164 г. Святославъ Всеволодовичъ;

1165—1180 г. Олегъ Святославичъ;

1180—1202 г. Игорь Святославичъ;

1202—1206 г. Владиміръ Игоревичъ;

Послѣ 1206 г. Рюрикъ Ольговичъ.

Ставъ съ 1503 г. пограничнымъ русскимъ городомъ Новгородъ Сѣверскій былъ сильно укрѣпленъ; въ 1618 г. переданъ Польшѣ; при Хмельницкомъ вошелъ въ составъ гетманщины. Въ 1708 г. онъ былъ сильно укрѣпленъ Мазепой. Укрѣпленія эти, состоявшія изъ вала и рва съ деревяннымъ тыномъ, бойницами и четырьмя воротами, скрыты въ 90 годахъ XVIII ст. Въ 1781 г. былъ

сдѣланъ губернскимъ городомъ, но съ 1802 г. вошелъ въ составъ Черниговской губерніи и низведенъ въ уѣздное.

¹⁾ Атласъ къ Трудамъ I Археол. Съѣзда, листъ XVII.

²⁾ Географическо-Статистическій словарь Россійской имперіи—П. Семенова, т. III.

Плани Покровской церкви
въ Новгородѣ-Сѣверномъ.

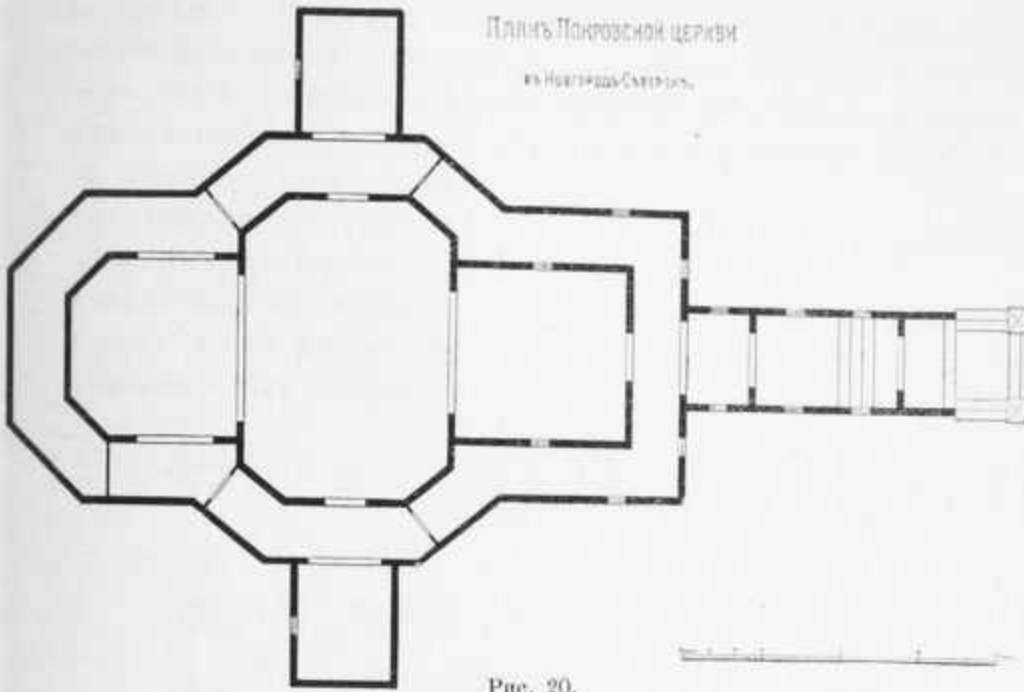

Рис. 20.

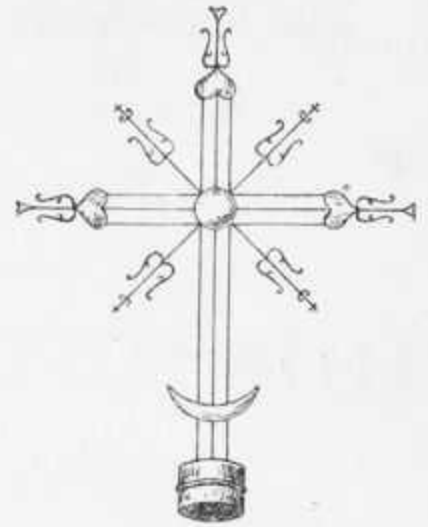

Рис. 21.

Въ Новгородѣ Сѣверскомъ никакихъ слѣдовъ церковныхъ сооружений великокняжескаго періода замѣтить мнѣ не удалось. Самыми древними по своей постройкѣ церквами въ городѣ нахожу: церковь Покровскую, на слободкѣ Сухомлиивкѣ и Успенскій соборъ.

Первая церковь деревянная (рис. 19 и 20), перенесенная въ 1767 году на каменный полуэтажъ, съ устройствомъ въ послѣднемъ теплой Трехсвятительской церкви, но по своему первоначальному сооруженію не безъ основанія относимая къ концу XVII столѣтія. Церковь обращаетъ на себя вниманіе окружающею ее со всѣхъ сторонъ закрытою напертью; не лишень интереса и крестъ, украшающій главную главу церкви (рис. 21).

Успенскій соборъ ¹⁾ представляетъ изъ себя образецъ польско-русской архитектуры первой половины прошлаго столѣтія (рис. 22).

Рис. 22.

¹⁾ Памятная книжки Черниговской губ. при Корвинѣ-Петровскомъ.

Въ монастырѣ Преображенскомъ¹⁾ старѣйшая по постройкѣ церковь Петропавловская относится только ко второй половинѣ прошлаго столѣтія и не представляетъ ничего заслуживающаго вниманія по своей архитектурѣ. Болѣе древней (относительно) постройки и болѣе интересной въ архитектурномъ отношеніи представляется стѣна, окружающая монастырь (рис. 23).

Монастырская стѣна въ Новгородѣ-Свердловѣ

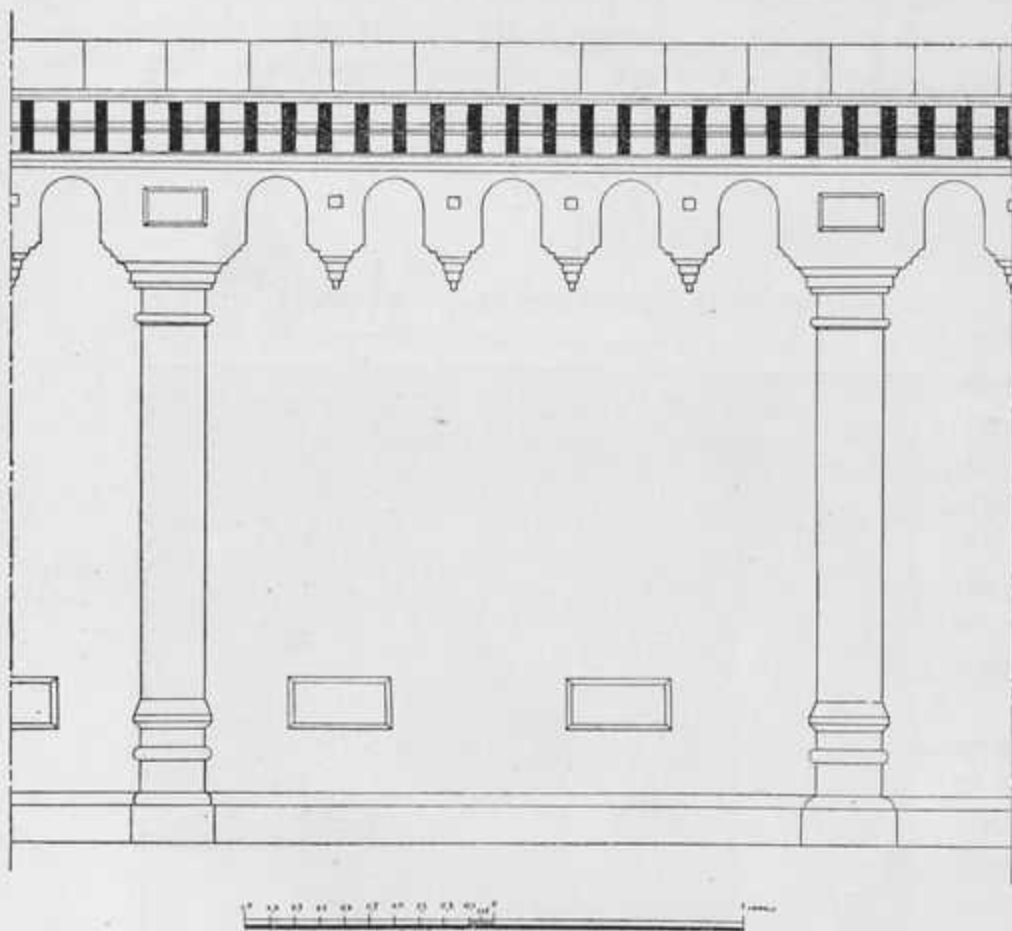

Рис. 23.

Стѣны эти выводились съ видимымъ приспособленіемъ къ военной оборонѣ монастыря, но съ примѣненіемъ къ лицевой ихъ сторонѣ и опредѣленныхъ фасадныхъ

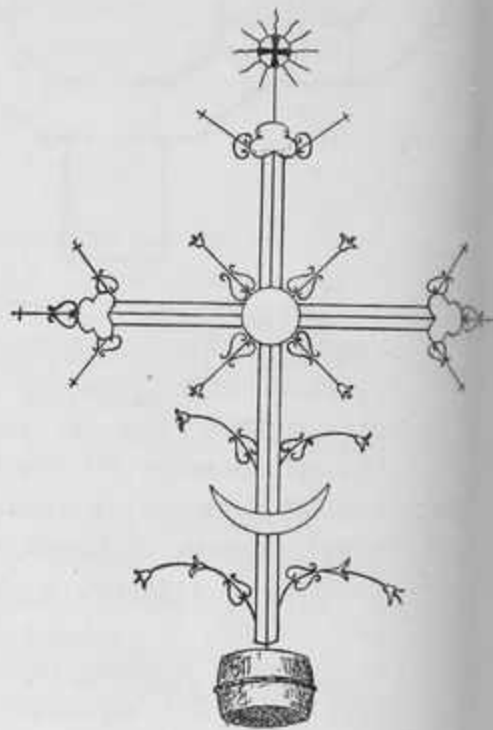

Рис. 24.

формъ, могущихъ служить для характеристики архитектуры извѣстнаго мѣста

и времени. Обнесеніе стѣнами монастыря приписывается Лазарю Барановичу.

Крестъ, вѣнчающій главу теплой церкви монастыря представляетъ также не малый интересъ своими формами и изяществомъ (рис. 24).

¹⁾ Краткая Лѣтопись Малой Россіи съ 1506 по 1776 г., изд. въ 1777 г. Петербургъ, въ 12 д. 3. (съ участіемъ Безбородко). У Ратшина сказано, что онъ основанъ въ концѣ XVI в.; въ Ист. Р. Гос. во второй половинѣ XVII в. Черниговскимъ арх. Лазаремъ Барановичемъ. Вѣрнѣе же, что онъ существовалъ въ XVI в. потому что при Годуновѣ имѣлъ архимандрита, а въ 1679 г. начаты каменные постройки, а именно дѣлѣ церкви, келии и стѣны. Былъ кафедральный и въ немъ жили епископы. Въ соборѣ находилась явленная икона Богородицы. По преданію въ обители жилъ некоторое время Гришка Отрепѣевъ. Соборная церковь освящена въ 1806 г. (Облагодѣнный сборникъ Черн. као. стр. 42).

Средневѣковые памятники Босніи и Герцеговины.

Д-ра Константина Хормана.

Средневѣковая исторія Босніи и Герцеговины повѣствуетъ о непрерывной борьбѣ за индивидуальное существованіе народа и за господство отдѣльныхъ родопачальниковъ. Эта вѣчная борьба мѣшала развитію высшей культуры, но зато способствовала упроченію національной индивидуальности. Лишенная возможности шествовать впередъ по пути цивилизаціи, Боснія и Герцеговина въ то же время сохраняли до новѣйшихъ временъ свою самобытную культуру. Эта культура не была такъ развита, какъ въ сосѣднихъ земляхъ, находившихся подъ вліяніемъ запада; но цѣлый рядъ средневѣковыхъ памятниковъ свидѣтельствуетъ о томъ, что искусство не было чуждо Босніи и Герцеговинѣ.

Создатели этихъ памятниковъ не были еще въ состояніи легко и свободно располагать представляющимся имъ матеріаломъ. Каждый памятникъ какъ бы говоритъ о мытарствахъ своего творца, не умѣвшего придать своему произведенію усовершенствованной художественной формы. Тѣмъ не менѣе, наблюдатель видитъ, что тогдашніе скульпторы проникнуты были желаніемъ завѣщать грядущимъ поколѣніямъ достойные памятники о своемъ существованіи.

Эти памятники, которыми старые Босняки украшали могилы своихъ покойниковъ, народъ называетъ: *стечцами*, *бѣльями* (билигами), *мраморями* (мраморниками) или *машетами* (турецк.). Для обозначенія же ихъ древности народъ называетъ ихъ просто „греческими“, то есть древними гробницами. Въ одной части Сѣверной Босніи говорятъ также о *гяурскихъ* гробницахъ, то есть о гробахъ невѣрныхъ.

Эти памятники представляютъ собою достопримѣчательные культурные остатки временъ боснійской самостоятельности. За исключеніемъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ земель (Далмаціи, Старосербіи, Черногоріи и Южной Сербіи) памятники встрѣчаются только въ области современной Босніи и Герцеговины. Я, поэтому, того мнѣнія, что Сараевскій Музей не безъ основанія называетъ ихъ старобоснійскими.

Эти памятники чрезвычайно распространены; имѣются они во всѣхъ частяхъ этихъ земель, но больше всего распространены въ Герцеговинѣ, въ Средней и Восточной Босніи; по направленію къ рѣкамъ Унѣ и Савѣ (боснійской Краинѣ и Посавинѣ) они встрѣчаются рѣже, а въ долинѣ рѣки Босны попадаются совсѣмъ рѣдко: въ станахъ (котахахъ): Градацацѣ, Градишкѣ, Приedorѣ и Санскомъ-Мосту памятниковъ совсѣмъ не видать, а Чажинѣ,

Бигаць, Крупа, Новый и Жепче ¹⁾ насчитываютъ всего отъ одного до пятнадцати. Чаше же всего можно ихъ видѣть въ Герцеговинскихъ станахъ, въ Сараевскомъ и Травниковомъ округахъ и, наконецъ, въ горныхъ станахъ Власениць, Сребрениць и Кладани Тузловскаго округа.

Въ Босніи и Герцеговинѣ ихъ имѣется не менѣе пятидесяти девяти тысячъ пяти сотъ штукъ; они зачастую образуютъ цѣлыя, порою очень просторныя кладбища; большинство изъ нихъ размѣщено по холмамъ и часто почти среди недоступныхъ отвѣсныхъ скалъ; но нерѣдко они встрѣчаются и въ низменностяхъ или равнинахъ и также особняками на горахъ. Христіане обѣихъ церквей еще понынѣ хоронятъ своихъ покойниковъ на многихъ изъ этихъ кладбищъ. Среди нѣкоторыхъ памятниковъ богомиловъ попадаются также и магометанскіе.

По прилагаемымъ таблицамъ постараюсь познакомить съ главнѣйшими формами, встрѣчаемыми какъ на старобоснійскихъ кладбищахъ, такъ и съ остальными наиболѣе замѣчательными памятниками Босніи и Герцеговины.

У насъ не имѣется никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы эти памятники, которые изрѣдка встрѣчаются въ пограничныхъ общинахъ Далмаціи, когда-либо были найдены въ Хорватіи и Славоніи. Въ Сербіи они иногда попадаются въ Ужицкомъ уѣздѣ. Зато ихъ можно чаще видѣть въ Новобазарскомъ Санджакѣ и въ Старосербіи. Если принять во вниманіе мѣста нахожденія памятниковъ и тотъ фактъ, что въ этихъ мѣстностяхъ богомильство втеченіи цѣлыхъ вѣковъ считалось чѣмъ то вродѣ національной религіи, то можно было бы, пожалуй, допустить, что памятники служили надгробными камнями для богомиловъ. Я, однако, сомнѣваюсь въ принадлежности всѣхъ памятниковъ богомиламъ, но среди нихъ имѣются такіе, которыхъ я по содержанію надписей и по вырѣзаннымъ символамъ (большею частью кресты) не могу признать богомильскими. Наукѣ придется въ этомъ отношеніи еще много выяснить, изслѣдовать характерныя различія между памятниками, оставленными намъ обѣими христіанскими церквями, и опредѣлить, какіе именно слѣдуетъ приписать той сектѣ, которая безъ слѣда исчезла въ тотъ моментъ, когда въ этихъ земляхъ водворился полумѣсяцъ.

Формы описываемыхъ памятниковъ весьма различны. Чаше всего встрѣчаются чрезвычайно большія плиты и памятники въ формѣ саркофаговъ (табл. VI, VIII и IX). Последніе стоятъ обыкновенно на плитѣ, которая либо самостоятельно отдѣлана либо же вмѣстѣ съ саркофагомъ высѣчена изъ одного камня. Величина саркофагообразныхъ памятниковъ различна. Иногда мы находимъ также тумбы на горизонтальныхъ плитахъ и съ болѣе или менѣе вертикальными краями (табл. VI и VII). Найдены также двойные саркофаги, выдѣланные изъ одного камня, при чемъ одинъ больше другого (табл. VIII). Колонны и обелиски попадаются довольно рѣдко (табл. VII и VIII). Позволю себѣ кстати замѣтить, что въ бывшихъ каменоломняхъ найдены громадныя обломки скалъ, которые, видимо, предназначались для надгробныхъ камней, но впоследствии оставлены неоконченными.

Памятники, размѣщенные на большихъ кладбищахъ и повѣствующіе о боснійскомъ прошломъ, настолько громадны, что посетитель невольно задается вопросомъ: какимъ образомъ такіе колоссы при тогдашнихъ примитивныхъ приспособленіяхъ очутились на мѣстахъ ихъ нахожденія? Эти пункты зачастую находятся на разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ мѣстъ добыванія и представляютъ собою крутыя горы и отвѣсныя скалы. Такъ на примѣръ надгробный памятникъ Влатка Влагевича во Влагевинѣ Рогатицкаго стана высѣченъ изъ одного цѣльнаго куска известняка и представляетъ плиту длиною въ 3.50 метра, шириною 1.60 и толщиною

¹⁾ Станъ Жепче—на р. Боснѣ; всѣ предыдущіе—по сѣв. границѣ и въ с.-з. углу Босніи (ср. чертежъ у А. Хариузина, *Боснія и Герцеговина*, СПб. 1901 г., стр. 228).

0.60 стм. Саркофагъ длиною 2.85 метра, шириною 1.15 и вышиною 1.35. Памятникъ составляетъ, такимъ образомъ, почти восемь метровъ въ кубѣ, а такъ какъ кубическій метръ известняка вѣситъ 2,600 килограммовъ, то весь памятникъ вѣситъ болѣе 1250 пуд. Нечего, поэтому, удивляться, если сооруженію такихъ памятниковъ придавали, какъ видно по нѣкоторымъ надписямъ, особое значеніе. На одномъ памятникѣ читаемъ слова: „Пусть всѣ знаютъ, когда этотъ памятникъ былъ воздвигнутъ“. — На другомъ памятникѣ написано: „Этотъ памятникъ поставилъ самъ сынъ сообща съ дворнею съ помощью Бога и никого другого“.

Боснійскій Земскій Музей до сихъ поръ изслѣдовалъ многія могилы, украшенныя подобными памятниками, но кромѣ костей умершихъ ничего не открылъ. Каменные могилы встрѣчаются рѣдко. Трупы обыкновенно погребены въ простыхъ могилахъ глубиною едва-ли въ одинъ метръ. Каменная гробница считается особымъ отличіемъ, какъ видно по надгробной надписи Радойча Вилча въ Старомъ Селѣ въ Яйцѣ: „Божіей милостью и помощью моихъ родныхъ я соорудилъ эту славную могилу и поставилъ мнѣ этотъ надгробный камень. Эту вѣчную почивальню я при жизни соорудилъ для себя и для своей супруги, если Богу угодно будетъ“.

Сравнительно немногіе памятники снабжены надписями и всѣ онѣ за исключеніемъ нѣкоторыхъ появившихся, видимо, позже, написаны „босанчицею“, измѣненною кириллицею, на діалектѣ, который еще понынѣ сохранился среди магометанскаго и христіанскаго населенія Босніи и Герцеговины.

Сараевскому Музею посчастливилось открыть и обнародовать нѣкоторыя надписи историческаго содержанія, о которыхъ и позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ.

I. Старѣйшею и важѣйшею является надпись бана Кулина изъ Мугашиновичей близъ Висока (табл. XII). На надписи сказано, что банъ Кулинъ построилъ въ Кучевскомъ Загорѣ церковь, въ которую ударилъ громъ и надъ вратами которой онъ вырѣзалъ свой образъ. Заключительныя слова надписи гласятъ: „Боже храни бана Кулина и баншу Войславу“. Изъ этой надписи мы впервые узнаемъ имя его супруги, которое до сихъ поръ не было извѣстно, равно какъ имена его сановниковъ. Эти имена находятся на нижней части плиты въ кругахъ надъ крестами. Тутъ увѣковѣчены: жупанъ Криле, Десивой, Радохна, Обрадъ, Миогость и ратникъ Деянъ. Банъ Кулинъ слылъ ревностнымъ богомиломъ; онъ принялъ католичество со своими дворянами только къ концу своей жизни, то есть въ собраніи на Больномъ Полѣ 8-го апрѣля 1203 г. на основаніи чего появленіе надписи можно приурочить между 1203 г. и 1204 г., когда о Кулинѣ упоминается въ послѣдній разъ.

II. Въ деревнѣ Полицѣ Требинскаго стана сохранилась на камнѣ, служащемъ ступенью у входа въ тамошнюю сербско-православную церковь, слѣдующая фрагментарная надпись: „Въ дни правотѣрнаго короля Владислава представился рабъ Божій и потомственный жупанъ Прибылша...“ Упомянутый здѣсь сербскій король Владиславъ есть или Степанъ Владиславъ, скончавшійся въ 1261 году или же Владиславъ Второй, царствовавшій до 1323 года. Надпись составлена, такимъ образомъ, не позже, какъ въ началѣ XIV столѣтія.

III. Вблизи села Доня Дрежанка въ Мостарскомъ стану на естественной скалѣ вырѣзана слѣдующая надпись: „Во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Это—дворъ воеводы Масана и его сыновей Радослава и Мирослава; сіе написано рабомъ Бога и святого Дмитрія въ дни господина короля венгерскаго Людвига и господина боснійскаго бана Твртка. Будь проклятъ Отцомъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ тотъ, кто это разрушитъ“. Банъ Твртко принялъ королевскій титулъ въ 1377 году, такъ что надпись составлена ранѣе этого года.

IV. Очень интересная надпись находится на надгробномъ памятникѣ въ селѣ Кочеринѣ недалеко отъ Мостара; она гласитъ: „Во имя Отца, Сына и Святаго Духа, аминь. Тутъ по-

коится Виганъ Милошевичъ; онъ служилъ бану Стефану, королю Твртку и королю Дабишъ и королевѣ Грубѣ и королю Остоѣ. И въ то время Остоя разошелся съ герцогомъ и съ Босніею, и Остоя пошелъ на венгровъ. Въ это время меня, Виганя, застигла смерть и я нашоу вѣчный покой въ своемъ родовомъ имѣніи (на своемъ племенитомъ) близъ Кочерина. Прошу васъ не наступать на меня. Я былъ, какъ вы, а вы будете, какъ я". Виганъ служилъ, такимъ образомъ, всѣмъ боснійскимъ государямъ до Остою, то есть съ 1350 г. до 1410—1411 года, когда венгерскій король Сигизмундъ воевалъ съ Остоєю.

V. Важна также надпись на надгробномъ памятникѣ князя Батича въ селѣ Копошичѣ Висоцкаго стана (табл. XII) слѣдующаго содержания: „Во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь. Тутъ покоится князь Батичъ на своей родовой землѣ, милостью Бога и славнаго короля Твртка боснійскій князь. Въ Високѣ я заболѣлъ, въ Дубокѣ меня застигла смерть. Этотъ памятникъ поставила мнѣ госпожа Вукава сообща съ моими вѣрными приближенными. Вѣрная въ жизни, она осталась вѣрною и по смерти".—Этотъ князь Батичъ никто другой, какъ тотъ Батичъ—Мирковичъ, который въ качествѣ вѣрнаго сторонника короля Твртка Втораго игралъ видную роль при королевскомъ дворѣ и умеръ около 1420 года.

VI. Надпись изъ Величанъ на Поповомъ Полѣ Столацкаго стана (табл. XIII) извѣщаетъ о дворянскихъ фамиліяхъ въ Хумѣ (Герцеговинѣ) въ XIV столѣтіи подъ правленіемъ короля Твртка Перваго. Она гласитъ: „Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Тутъ покоится раба Господня Полихранія, мірскимъ именемъ госпожа Радача, супруга жупана Пенца Чигорича, невѣстка жупана Влатка, слуги Дабижива и придворнаго Стипка, и дочь жупана Милтъна Драживоевича и сестра казначея Санка. Этотъ памятникъ поставилъ ей сынъ Дабиживъ съ Божьей помощью и при содѣйствіи его вѣрныхъ во дни господина и короля Твртка".

VII. Знаменитый боснійскій воевода Сандаля, господствовавшій во всей Хумской землѣ, въ нынѣшней Герцеговинѣ, увѣковѣченъ въ двухъ надписяхъ. Одна находится въ деревнѣ Врхиолѣ Билецкаго стана (табл. VIII) и гласитъ: „Въ дни господства воевода Сандаля. Здѣсь покоится князь Покраяцъ Оливеровичъ. Братья и бояре! Я, Покраяцъ, какъ вѣрноподанный моего государя, дѣлалъ все, что былъ въ состояніи дѣлать согласно духу права и справедливости. Богъ былъ ко мнѣ настолько милостивъ, что я могъ у себя дома благочестиво принять своего государя и друга. Въ этомъ то имѣніи меня застигла смерть и я этимъ опечалилъ свой домъ". Вторая надпись въ Бротинѣ Мостарскаго стана (таже табл.) гласитъ: „Тутъ покоится князь Павелъ Комленовичъ въ его родовомъ имѣніи на Прозарчацѣ въ дни воеводы Сандаля, который уважалъ его въ жизни и отличилъ его также по смерти".

VIII. Достопримѣчательна также надпись на порталѣ сербско-православной церкви въ Гораждѣ на Дринѣ (таже табл.). Надпись упоминаетъ, что въ 6954 году по сотвореніи міра, то есть въ 1442 г. послѣ Рождества Христова, „рабъ Христа, господинъ герцогъ Стефанъ, построилъ церковь святого христіанскаго великомученика Георгія". Это—Стефанъ Вукчичъ, герцогъ святого Саввы, игравшій важную роль въ боснійской исторіи XV вѣка.

IX. Позволяю себѣ обратить еще вниманіе на надпись надгробнаго камня въ сербско-православной церкви въ Ошаничѣ Столацкаго стана (таже табл.). Она гласитъ: „Тутъ покоится воевода Радосавъ Храбрень, 7013 г. двадцать пятаго апрѣля". Эта надпись сообщаетъ намъ о той воеводской фамиліи Храбрень-Милорадовичей, которая по народнымъ преданіямъ основала старинный достославный монастырь Житомысличъ близъ Мостара. Въ этомъ монастырѣ сохранился портретъ помѣщика Храбрена 1609 года. Кромѣ того на одной колоннѣ имѣется надпись, что одинъ Храбрень обновилъ монастырскую церковь въ 1563 году.

Наряду съ этими историческими памятниками мы имѣемъ сотни другихъ, частныхъ надгробныхъ надписей. Эти послѣднія не имѣютъ историческаго значенія и не разъясняютъ

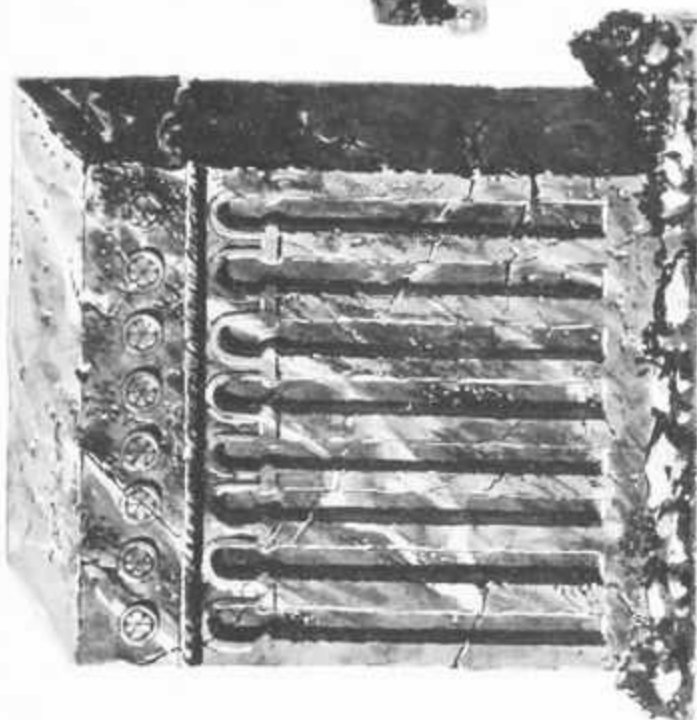
Памятникъ въ Жаковѣ

Судебный ступль изъ Бишнола.

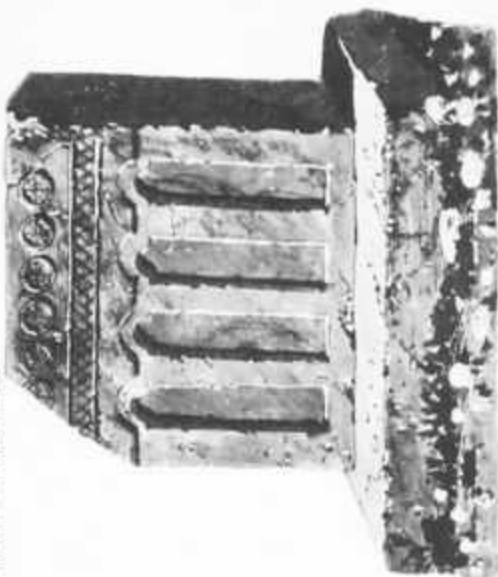
Орнаментъ надгробнаго памятника близъ Житомирска.

Памятникъ въ Старомъ Слану.

Судебный ступль воеводы Павловича.

Памятникъ въ Междурѣччѣ.

Обелискъ близъ Прѣгора.

Памятникъ въ Жаковѣ.

БИБЛИОТЕКА
ул. 21-го Кривоголоса
в Луцьку р. 2. 1978

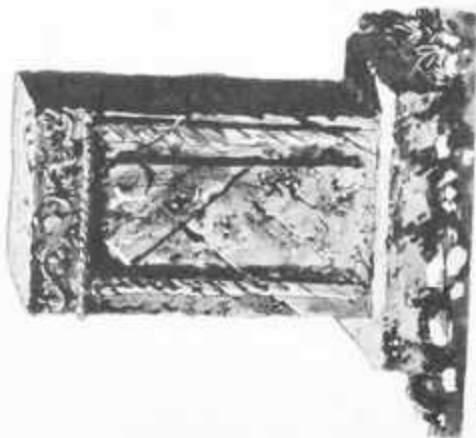
Двойной саркофагъ на Гласницѣ.

Двойной Саркофагъ близъ Малой Гостини.

Двойная тумба близъ Зубанья.

Памятникъ близъ Гачка.

Памятникъ близъ Столака. Обелискъ близъ с. Бакрчи.

Надгробіе близъ Прѣвора.

Судебный стулъ воеводы Степана Милорадовича.

Памятникъ близъ Гачка.

Памятникъ князи Радой въ Забрѣ.

ВНУТРЕННЯ
ЗАКОННОСТЬ
НА БЪЛГАРИЯ

Памятникъ Комеловича въ Бродитѣ (герцога Сандаля).

Памятникъ близъ Житомирска.

Саркофагъ близъ Широкаго брѣга.

Надгробный камень въ Зборнѣе громилѣ.

Обелискъ близъ Рогатиче.

Надпись Ку. Оливеровича въ Виноградѣ.

Надпись воеводы Радослава Грабрена въ Отчанчѣ, 1505 г.

Вотвиная надпись въ церкви въ Гораздѣ на Дринѣ, 1442 г.

БИБЛИОТЕКА
Института этнологии и антропологии
Российской академии наук

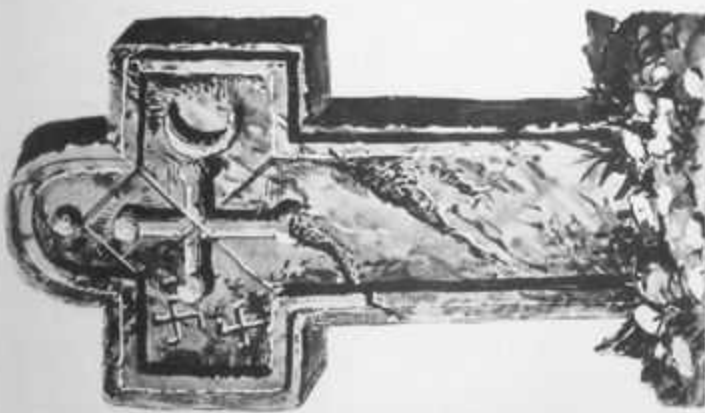

Надгробный памятникъ въ Згощахъ.

БИБЛИОТЕКА
УСТАВНОГО СБОРА
в г. Рязань

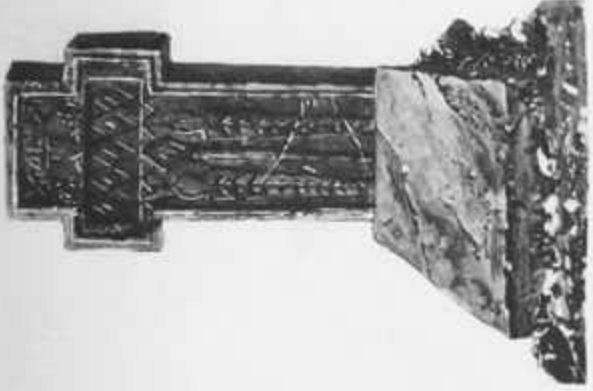
Крестъ близъ Стрижена.

Обелскъ близъ Спасовина.

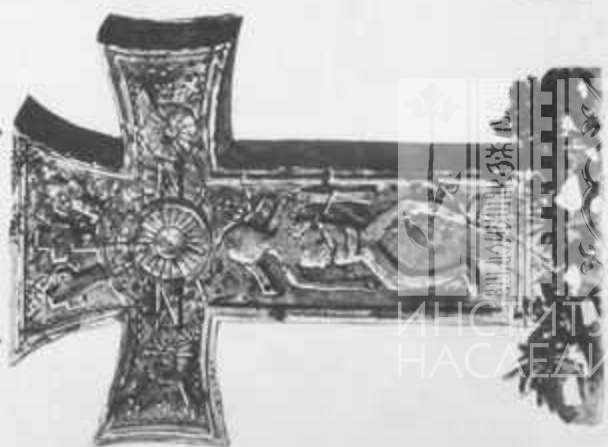
Крестъ въ Нелукѣ.

Крестъ близъ Ковачихъ, Кршовъ.

Обелскъ близъ Колошцы.

Крестъ близъ Лѣсковча.

Крестъ близъ Подбердича.

Обелокъ близъ Ягча.

Крестъ близъ Горной Вртрочи.

Обелскъ близъ Милча.

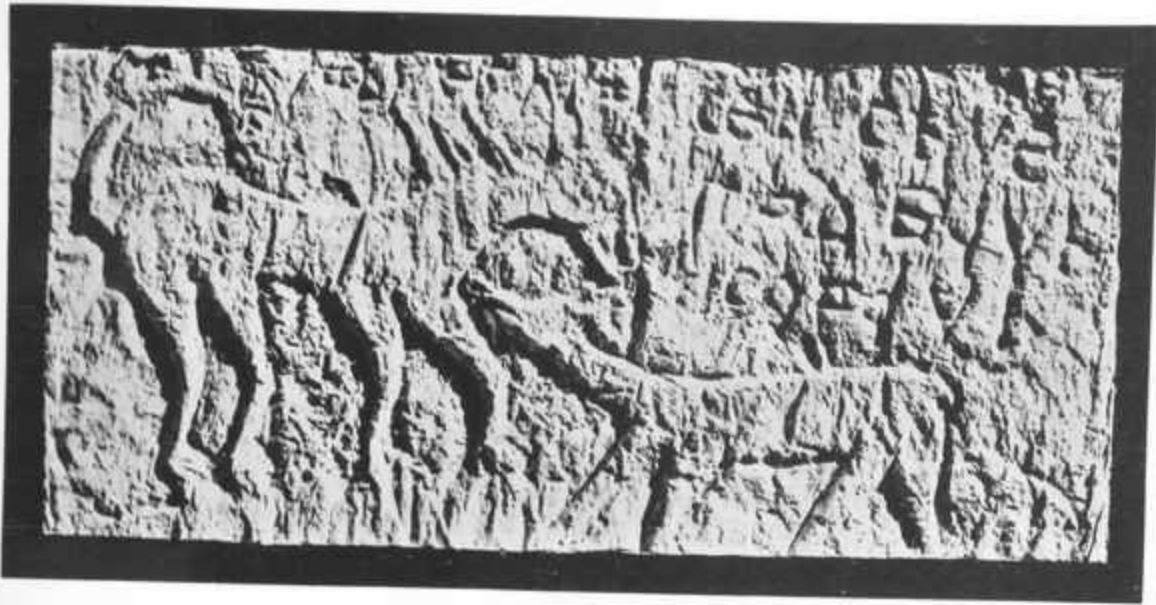
Обелокъ близъ Бланицы.

БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВА
И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО
ЦЕНТРА «ПЕДАГОГ»

Надпись на судебномъ стулѣ въ Осаничѣ.

Опличицѣ.

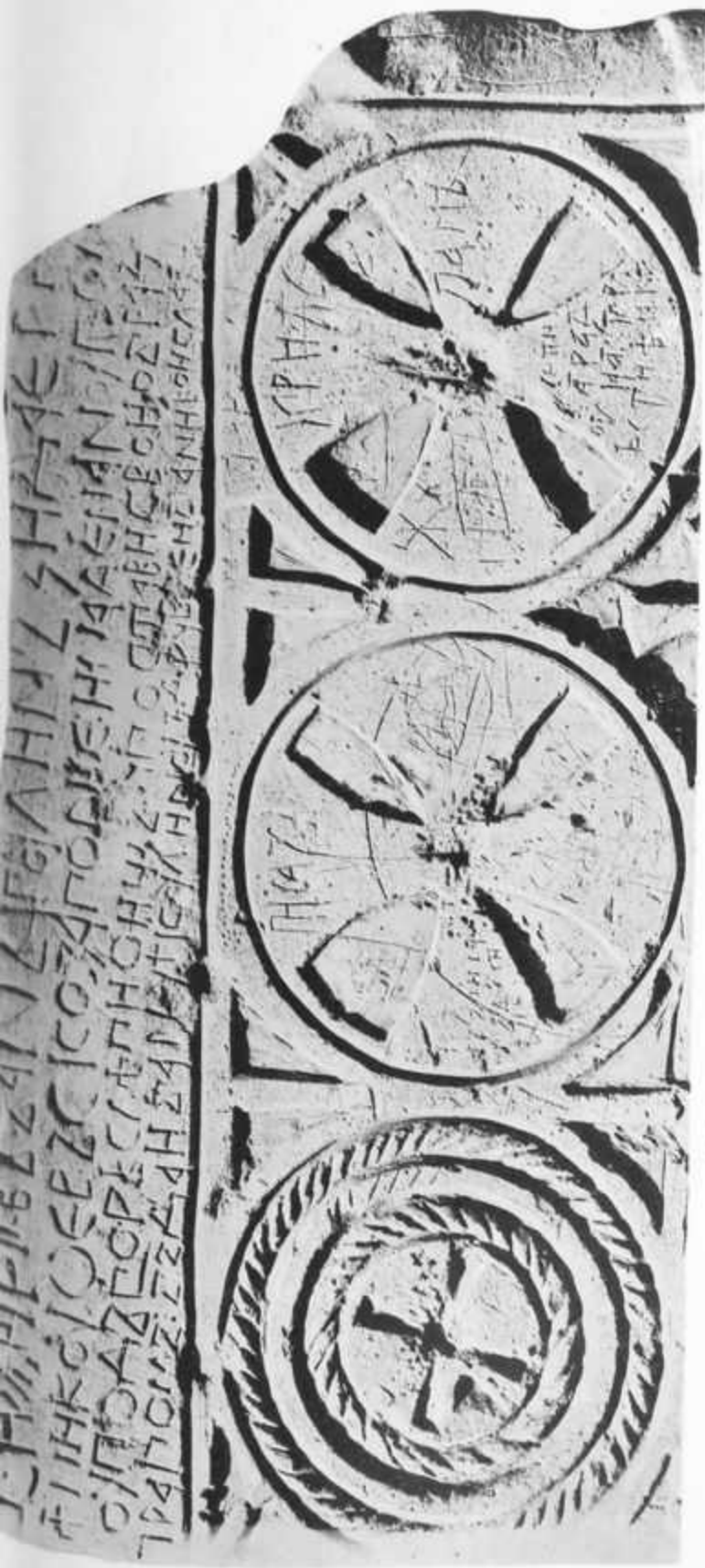

Вѣтреница.

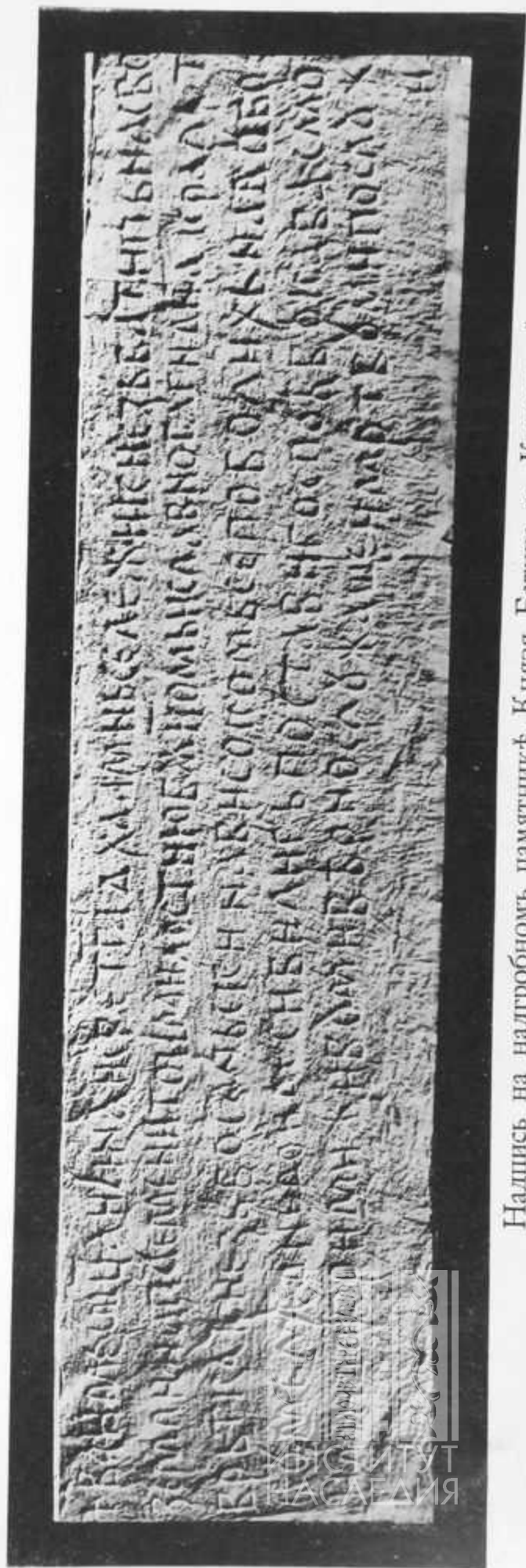
ИНСТИТУТЪ
САБА

БИБЛИОТКА
И.И. А. за Кривопаланкський
в міському будинку

Надпись бана Кулина изъ Мугашиновича.

Надпись на надгробномъ памятникѣ Князя Батича въ Колопицѣ.

БИБЛИОТЕКА
ИИИ Имях Криминалистич
и Музейна Република

Надпись на надгробномъ памятникѣ въ Величанѣ (Попово поле).

БИБЛИОТЕКА
Института Краеведения
и Музейной Работы

намъ эпохи богомилства; но зато онѣ содержатъ богатый матеріалъ для филологическихъ изслѣдованій. Эти надписи изложены на чистомъ народномъ языкѣ съ выразительнымъ мѣстнымъ колоритомъ и съ чисто-боснійскимъ правописаніемъ. Стилъ соответствуетъ вполне слогу боснійскихъ документовъ и буллъ старѣйшей эпохи вплоть до шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій.

Кромѣ того эти надписи знакомятъ насъ со взглядами и образомъ мыслей старыхъ босняковъ; порою они выражаютъ чудесныя, чисто-классическія мысли. Съ особою гордостью указывается на то, что умершій похороненъ въ своемъ боярскомъ имѣніи, унаслѣдованномъ отъ своихъ предковъ. Если кто-либо скончался вдали отъ своей родины, то надпись констатируетъ этотъ печальный фактъ. Въ одной надписи говорится: „Я нашолъ вѣчный покой на чужбинѣ; но мой памятникъ находится на родинѣ“. „Я палъ на полѣ битвы на границѣ; но мои соратники привезли меня на родину“. Насколько старые босняки высоко цѣнили своихъ богатырей и геройство вообще, показываютъ слѣдующія эпиграммы: „Туть покоится Радивой Драшчичъ, доблестный герой“ (изъ Ластвы). „Это — памятникъ достопочтеннаго и славнаго воеводы Радивоя Опрашича“. „Туть покоится славный герой“... (Милянвичи Любинскаго стана).

Надписи отмѣчаютъ также другія добродѣтели усопшихъ, какъ показываютъ слѣдующіе тексты:

„Туть покоится Влатко Влагевиць, который никогда ни у кого не просилъ услуги, обѣзжалъ многія страны и умеръ дома“. (Влагевина въ Рогатицкомъ стану).

„...Умеръ на честной службѣ за своего государя, а поставилъ ему этотъ памятникъ князь“. (Крушево близъ Столаца—табл. VII).

„...Поощрялъ при жизни одно только доброе“. (Жупа Столацкаго стана).

„...Былъ наибольшимъ человѣкомъ въ Дубравѣ (Опличичъ)“.

„...Кому я въ жизни служилъ, я служилъ честно и вѣрно“. (Мршичи Власеницкаго стана).

„Туть покоится Богданъ Хательевичъ, слуга воеводы Радича; я родился въ счастливый моментъ въ Дабрѣ, отстаивалъ право въ своей дружинѣ и умеръ на вѣрной службѣ у моего воеводы“. (Дабаръ-Поле въ Герцеговинѣ).

„Живыхъ охранялъ, мертвыхъ хоронилъ“. (Герцеговина).

Содержаніе иныхъ надписей очень трогательно. Вотъ нѣкоторые примѣры:

„...Разбогатѣлъ, а это богатство погубило меня“. (Арапи близъ Мостара).

„Родные радовались моему рожденію и оплакивали мою смерть. (Святава, Герцеговина).

„Боже, я давно уже лежу здѣсь и долго еще придется мнѣ туть почивать!“ (Премилово Поле).

„Туть легъ я на родовой своей землѣ, а она мягка и блага“. (Болюни).

„Смерть поразила меня какъ разъ въ то время, когда я рылъ себѣ могилу“. (Вареваць, Гламочскаго стана).

„Мать Анна посвятила ему этотъ памятникъ“. (Подградинье въ Герцеговинѣ).

„Господь Богъ положилъ конецъ его жизни и призвалъ его къ Влатку“. (Ластва).

„Я находился наканунѣ побѣды, какъ смерть меня поразила“. (Калесья Зворницкаго котара).

„Этотъ памятникъ поставленъ мною еще при жизни“. (Ходово въ Герцеговинѣ).

Не менѣ трогательны просьбы умершихъ на имя родныхъ:

„Умоляю васъ, братья, тетушки и невѣстки, навѣщайте мою могилу, оплакивайте меня, но не попирайте меня ногами!“ (Старо Село близъ Ййца, табл. X).

„И прошу васъ не топтать меня“. (Кочеринъ близъ Мостара).

„Умоляю васъ, братья и господа, не перетрясайте моихъ костей“. (Ходово, Столаць).

„Васъ застигнетъ моя теперешняя участь, но я никогда уже не буду въ вашемъ нынѣшнемъ состояніи“. (Старо Село близъ Яйца).

„Я былъ прежде тѣмъ, чѣмъ вы теперь, а вы будете тѣмъ, чѣмъ я теперь“. (Кочеринь).

А какъ ужасны слѣдующія проклинанія:

„Странникъ, не трогай меня, если не хочешь быть проклятымъ! Да будетъ проклятъ тотъ, кто дотронется до меня!“

„Да будетъ проклятъ тотъ, кто не дастъ мнѣ покоя!“ (Подградинье въ Герцеговинѣ).

„Будь проклятъ, если разрушишь этотъ памятникъ!“ (Жупа въ Герцеговинѣ).

„Прокляты будутъ руки, которыя сіе разрушатъ“. (Подбрдница близъ Столаца—табл. X).

„Будь проклятъ, пришлецъ, если займешь этотъ гробъ“. (Черинь близъ Мостара).

Кромѣ формъ надгробныхъ памятниковъ насъ интересуеетъ также ихъ декоративное украшеніе, которое, впрочемъ, встрѣчается довольно рѣдко. Изъ ста памятниковъ врядъ-ли среднимъ числомъ попадаются пять, снабженныхъ орнаментомъ. Обыкновенно это — архитектурныя или орнаментальныя украшенія; иногда встрѣчаются также фигурныя изображенія. Рѣзьба на камнѣ произведена очень примитивно, такъ что рельефъ не выдается.

Архитектурныя украшенія носятъ чисто декоративный характеръ и представляютъ собою неглубоко задуманныя и невзрачно исполненныя колонады (табл. VI).

Въ орнаментальныхъ украшеніяхъ первое мѣсто занимаютъ цвѣты и вьющіяся растенія (табл. VI и X), круги, звѣзды, спиральныя линіи (табл. VI, IX и X) и оружіе. Среди этого послѣдняго чаще всего находимъ прямой и кривой мечъ съ прямою или согнутою рукояткою (табл. VI, VIII и X). Встрѣчаются также геральдическіе знаки, которые зачастую представляютъ собою щитъ съ перевязью, со звѣздою, кругами, полумѣсяцемъ въ полѣ (табл. VII и X). За щитомъ или, вѣрнѣе, сквозь щитъ проведенъ почти всегда мечъ. Только относительно двухъ памятниковъ можно по составнымъ частямъ погребенныхъ геральдическихъ знаковъ допустить, что художникъ имѣлъ въ виду изобразить фамильный гербъ усопшихъ. Одинъ изъ этихъ памятниковъ въ Забрдѣ близъ Тарчина (табл. VII) имѣетъ во фронтѣ щитъ съ волчьей головою, а надъ этимъ надпись: „Это — знакъ князя Радоя, боснійскаго великаго князя“. Другой памятникъ въ формѣ обелиска въ окрестности села Бакичи близъ Олова изображаетъ видъ фантастическаго драконообразнаго звѣря, который держитъ щитъ безъ примѣтъ (табл. таже). Замѣчательно еще то, что мы нерѣдко находимъ на памятникахъ лиліи.

Фигурныя скульптуры изображаютъ рыцарей, которые со стрѣлою или съ копьёмъ въ рукахъ отправляются охотиться на оленей, медвѣдей, вепрей и цапель (табл. VI, IX и XI); наряду съ ихъ изображеніями мы обыкновенно видимъ также гончихъ собакъ или гончихъ соколовъ (кречетовъ). Довольно часто изображены также турниры, эти любимѣйшія развлеченія средневѣковаго рыцарства, при чемъ рыцарь окруженъ знаменосцами и щитоносцами. Чаще же всего подобные рельефы изображаютъ хороводы, національное „коло“ (табл. VII и VIII). Костюмы фигуръ изображены такъ неясно, что нѣтъ возможности разобрать ихъ покроя. На мужскихъ фигурахъ какъ будто платья, похожія на албанскую фустанеллу или на колеть средневѣковыхъ рыцарей; на женскихъ же фигурахъ видны широкія и длинныя платья, крѣпко перевязанныя у талии.

Художественное значеніе этихъ вкратцѣ описанныхъ орнаментовъ неважно. Тѣмъ не менѣе, украшенія даютъ намъ богатый матеріалъ для изученія старобоснійской орнаментики, взятой изъ народной жизни. Ея главные мотивы мы еще понынѣ встрѣчаемъ какъ на народныхъ вышивкахъ, коврахъ и другихъ тканяхъ, такъ и на рѣзбѣ по дереву и, наконецъ, въ гравированныхъ и выбивныхъ работахъ туземныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ и мѣднѣжковъ.

Красивыми художественными формами отличается надгробный памятникъ въ Жгощахъ (табл. IX) Висоцкаго котара. Въ виду изящныхъ орнаментовъ его украшавшихъ многіе полагали, что памятникъ созданъ иностраннымъ, западно-европейскимъ художникомъ, приглашеннымъ соорудить памятникъ для знатной особы, имя которой неизвѣстно. На камнѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ ни надписи, ни другихъ примѣтъ. Этотъ красивый памятникъ содержитъ, однако, многіе мѣстные орнаментальные мотивы, которые при менѣе удачной отдѣлкѣ можно замѣтить и на многихъ другихъ памятникахъ. Такіе орнаменты мы, кромѣ того, находимъ въ старинныхъ церквахъ въ Зеницѣ и Добравинѣ, при чемъ они тамъ выполнены прекрасно. Я, поэтому, нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что этотъ памятникъ составленъ кореннымъ боснійскимъ скульпторомъ.

Пользуюсь случаемъ, чтобы назвать по имени нѣкоторыхъ скульпторовъ, создавшихъ боснійскіе памятники. Имена ихъ сохранились во многихъ надписяхъ, указывающихъ намъ, что мастера эти у народа назывались „ковачамъ“.

Ковачи *Грубачъ* и *Семорадъ* упоминаются на герцеговинскихъ памятникахъ въ окрестностяхъ сель Болюни, Дольне Красно, Ластва и Опличича; они безспорно оставили лучшія работы. Далѣе обозначены ковачи: *Радой* въ Жаковѣ (табл. VI), *Огостъ* на памятникахъ въ окрестностяхъ Влаховича, *Боляшинъ Богачичъ* въ Опличичѣ, *Иво Обрадовичъ* близъ Старога Слана, *Кримицъ* близъ Некука (табл. X), *Ратко Бративоичъ* близъ Радимни, *Обрадъ Поповлянинъ* и *Ильичъ* близъ Болюна. Нѣкоторые скульпторы именуютъ себя „діяками“, какъ, напримѣръ, *Прерадъ Войновичъ* на памятникѣ близъ Чоршулича; иные увѣковѣчили свои фамиліи подъ формулою: „Это написалъ...“

Имя мусульманина обозначено на надписи одного только памятника. Этотъ памятникъ въ формѣ четырехгранной колонны, оканчивающейся наверху пирамидою съ округленною вершиною, находится близъ Рогатицы (табл. VIII). На лицевой сторонѣ видно изображеніе волка и прямой мечъ съ нѣсколько согнутою рукояткою; подъ волкомъ у меча имѣется надпись боснійскимъ шрифтомъ. „И онъ палъ въ борьбѣ съ деспотомъ. Это — памятникъ Магамута Бранковича въ его имѣніи въ Петровомъ Полѣ. Да благословитъ Богъ руку, которая соорудила памятникъ и снабдила его надписью“. Характерно, что это письмо, босанчица, до сихъ поръ сохранилось въ старинныхъ магометанскихъ фамиліяхъ во всей Босніи и Герцеговинѣ; прозвано оно „беговскимъ письмомъ“.

Одновременно съ надгробными памятниками таже эпоха оставила намъ и другого рода монументы, которые съ культурно-исторической точки зрѣнія имѣютъ также важное значеніе. Это—такъ-называемыя „столицы“, судебныя кресла, которыми воеводы и князья, по народнымъ преданіямъ, пользовались при разборѣ процессовъ своихъ подданныхъ. Эти кресла или престолы открыто лежатъ подъ развалинами средне-вѣковыхъ замковъ на болѣе или менѣе возвышенныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ надписей, какъ, напримѣръ, кресло у Невесинья надъ ключемъ „Херцогово врло“. Другое кресло, которое народъ называетъ „столицей краля Сандаля“, находится у развалинъ историческаго дворца Ключъ, южнѣ Гацка а третье можно видѣть близъ Лисичицы въ Коницкомъ котарѣ. Два кресла, высѣченныя въ скалѣ, находятся въ общинѣ Женѣ подъ развалинами замка Вратара.

Обрацу вниманіе на судебныя кресла, снабженныя надписями. Первое изъ нихъ изъ Бици-Поля Мостарскаго стана, гдѣ боснійскіе короли проводили обыкновенно лѣтніе мѣсяцы (табл. VI). Кресло это находилось недалеко отъ подножья Степанограда, резиденціи знатнаго рода Храничей-Косачей, а теперь помещено въ Сараевскомъ Музеѣ. На правой сторонѣ имѣется надпись на боснійскомъ діалектѣ: „Помни, чьимъ этотъ камень былъ, чьимъ есть и чьимъ не будетъ“. Второе кресло (табл. таже) находится близъ Буковицы въ

области Старой Рамы. Надпись на немъ гласить: „Это—столъ Павловича Ивана“. Кресло, стало быть, принадлежало извѣстному въ боснійской исторіи воеводѣ Павловичу.

На разстояніи около ста шаговъ отъ сербско-православной церкви въ Ошаничѣ въ Столацкомъ уѣздѣ можно также видѣть два примитивно отдѣланныя кресла высѣченныя въ скалѣ. Большее имѣетъ на спинкѣ надпись: „Это—столъ воеводы Степана Милорада(овича)“, а по сторонѣ насупротивъ другого меньшаго кресла написано: „а его поновилъ воевода Петръ, его сынъ“ (табл. VII и XI). Стало быть, это—судебныя мѣста того рода Милорадовичей—Храбреновъ, которому, какъ я уже выше упомянулъ, герцеговинскій монастырь Житомысличъ обязанъ своимъ основаніемъ. Единственные потомки этой старинной герцеговинской боярской фамиліи живутъ теперь въ Россіи. Русскій генералъ, графъ Милорадовичъ, посѣтилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ родину своей фамиліи, равно какъ упомянутый монастырь своихъ достопочтенныхъ предковъ, въ честь которыхъ онъ соорудилъ памятную доску въ монастырской церкви въ Житомысличѣ ¹⁾).

Я указалъ въ однѣхъ только общихъ чертахъ на важнѣйшіе памятники, составляющіе особенность Босніи и Герцеговины. Детальное изслѣдованіе этихъ памятниковъ потребуютъ еще много трудовъ и усилій. Изслѣдованія этихъ древностей производятся на прочныхъ началахъ, вполне добросовѣстно, при строгомъ примѣненіи прикладныхъ наукъ. Не подлежитъ, поэтому, сомнѣнію, что намъ съ теченіемъ времени удастся всесторонне изучить и разъяснить эти дорогія реликвіи, эти святыни славянскаго прошлаго.

¹⁾ Ср. *Радимскій* въ *Wiss. Mitth. aus Bosnien und der Herceg.* II, 41—44. Архив. *Дудичъ*—монографія о Житомысличѣ въ Книжевни Радови, Београдъ 1891. *Гр. Г. А. Милорадовичъ*—Православный монастырь Житомысличъ въ Герцеговинѣ. Черниговъ, 1890 г.

Дополненія къ статьѣ д-ра Хөрмана.

Отъ редакціи.

Авторъ предшествующей статьи, д-ръ Хөрманъ состоитъ директоромъ Босно-Герцеговинскаго музея въ Сераевѣ. Музей этотъ, открытый въ 1888 г., созданъ оккупационнымъ правительствомъ, существуетъ на средства области и представляетъ, при своемъ штатѣ въ 15 человекъ, мѣстный научный центръ, который, неутомимо и систематично работая, собралъ превосходныя коллекціи и заслужилъ почетную извѣстность въ европейскомъ ученомъ мірѣ.

Въ Музеѣ сосредоточенъ богатый матеріалъ и по средне-вѣковымъ славянскимъ надписямъ Босніи и Герцеговины, а въ повременномъ сборникѣ Музея: „Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und der Hercegovina“¹⁾ помѣщены и главныя статьи по этимъ памятникамъ, и наиболѣе точное и обширное изданіе ихъ. Въ сборникѣ посвятили статьи этимъ надписямъ гг.: Хөрманъ, Ягичъ, Пречекъ, Радимскій, Фіала (II, 319) и Трухелка,—особенно послѣдній, представившій какъ общее изслѣдованіе о надписяхъ, такъ и возможно полное ихъ собраніе.

Еще въ 1889 г. Ягичъ писалъ: „Въ отношеніи къ открытію эпитафическихъ памятниковъ, къ Босніи и Герцеговинѣ могутъ быть примѣнены слова: „послѣдніе станутъ первыми“,—ибо нѣтъ славянской страны, гдѣ бы въ послѣднее время было открыто столько славянскихъ надписей, какъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Не могу утверждать, но думаю, что и въ другихъ юго славянскихъ земляхъ, на примѣръ Сербіи, есть довольно надписей, но нигдѣ ихъ не извлечено на свѣтъ столько, какъ въ названныхъ областяхъ“.

Всякій, разѣзжавшій по странѣ, невольно обращаетъ вниманіе на эти памятники: такъ ихъ много и такъ бросаются въ глаза цѣлыя поля этихъ, большею частью крупныхъ надгробій (средняя величина $3 \times 1,5$ аршина при 2 арш. высоты; нерѣдки кресты и столбы и въ сажень вышиною). Разнообразіе и интересъ представляемые ими, ясно выражены въ настоящемъ докладѣ д-ра Хөрмана—отголоскѣ обширной работы, произведенной въ ученомъ кругу Сераевскаго Музея. Весьма желательно изученіе этого матеріала и со стороны русскихъ ученыхъ, изученіе и по книгамъ²⁾, и на мѣстѣ. Ибо при всемъ усердіи и заслугахъ мѣ-

¹⁾ Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und der Hercegovina, herausgegeben v. dem Bosnisch-Hercegovinischen Landesmuseum in Sarajevo. Redigirt von Dr. Moritz Hoernes. Wien.—Сборникъ выходитъ съ 1893 г. и доселѣ вышло семь отлично изданныхъ томовъ (посвящаемыхъ археологіи, исторіи, этнографіи и естествознанію).

²⁾ Кромѣ *Wiss. Mitth. aus Bosnien u. d. Herceg.* и *Гласника земальскогъ музеја у Босни и Херцеговини*, отмѣтимъ: *Viestnik hrvatskog arkeolog. društva*, Zageb; *Mitth. d. kais. Anthropol. Gessdsch.*, Wien; г. Смирнова—*Очерки культурной исторіи южныхъ славянъ*, Казань, 1900; А. Н. Харузинъ—*Боснія и Герцеговина*, СПб., 1901 (глава IX, посвященная средне-вѣковой культурѣ страны, гдѣ дана и библиографія).

стных австрийских изследователей, довольно остается работы и для других. Подлежать проверкѣ заключенія, относящіяся къ эпохѣ и странѣ, гдѣ всякій фактъ, въ силу современныхъ мѣстныхъ условій, такъ легко можетъ получить тенденціозное или одностороннее освѣщеніе¹⁾; переводъ порой отражаетъ неполную освоенность со славянской церковностью или языкомъ²⁾; есть мѣсто колебанію и въ чтеніи надписей, древнихъ и обветшавшихъ. Наконецъ возбуждаетъ сомнѣніе и самая передача письменъ въ fac-simile. При статьяхъ въ Wiss. Mitth. a. Bosn. u. d. Herseg., какъ и при прилагаемой здѣсь статьѣ д-ра Хөрмана, почти всѣ фототипии и цинкографіи сдѣланы не съ натуры, а съ художественно исполненныхъ рисунковъ (большою частью руки д-ра Трухелки). Отсюда ихъ красота, но отсюда и возможность сомнѣваться порою въ точности воспроизведеній³⁾. Проблематичность этихъ ясныхъ изображеній проявляется уже и тогда, когда два-три мѣстныхъ ученыхъ разво читаютъ какую-нибудь надпись⁴⁾; но возможны недоумѣнія и болѣе общаго характера. Такъ въ з, столь ясномъ на фотографіи надписи бана Кулина (табл. XII) г. Трухелка видитъ лишь замѣну знака ѣ и не вездѣ соблюдаетъ его⁵⁾; ж въ этой надписи (силь) онъ принимаетъ за неумѣлое начертаніе знака ю: слѣдовательно, не имѣй мы здѣсь, по исключенію, фотографіи, отъ насъ легко ускользнули бы обѣ церковно-славянскія черты правописанія, имѣющіяся лишь въ этой, пока древнѣйшей, надписи. Далѣе при наличности надписей, датированныхъ: однѣ XIII—XIV-мъ вѣкомъ, другія и XVIII—XIX-мъ, особенно желательна для недатированныхъ надписей увѣренность въ различеніи характера шрифтовъ, но рисунки отъ руки не даютъ здѣсь твердой опоры.

По изданію въ „Wiss. Mitth. aus Bosnien und der Hersegovina“ даемъ здѣсь оригинальный текстъ большинства тѣхъ надписей, которыя, въ переводѣ г. Хөрмана, приведены, сполна или частями, въ его статьѣ или представлены на его таблицахъ, и пополняемъ этотъ подборъ немногими другими надписями. *Курсивомъ* обозначаемъ вязъ (кромѣ надп. VIII, простое слитіе сосѣднихъ вертикальныхъ чертъ между собою, рѣдко съ л, с, о).

I. Надпись бана Кулина, 1180 — 1204 гг., (См. табл. XII и стр. 168; ср. Трухелка, Wiss. Mitth. VII, 215—220).

силь цркви банз коулинз зида: с.д... ѣни коучевзско заго...е: и наде на ноу г...⁶⁾
оу подзгорѣ слѣпичициз: и постави свои образ... прагомз: ѣз дан баноу коулиноу заравне
и бани⁷⁾ воислави.

1) Такъ въ самомъ наименованіи подобныхъ памятниковъ „древне-боснійскими“ не сказалось ли характерное и невольное въ дѣятеляхъ оккупации стремленіе обособить Боснію-Герцеговину отъ сербскаго міра? Разъ памятники, помимо Боснии и Герцеговины, встрѣчаются обширными „полями“ въ старой Сербіи, въ Сербіи, въ Черногоріи, то они не специально боснійскіе, а обще-сербскіе. Ср. вопросъ о кириллицѣ и „босанчицѣ“, о вязи и т. п.

2) Порикло — Geburt, Stamm; вольнии чловѣкъ — williger Mann; лежи на покою ruht endlich и т. п. Сравни и „Господинъ Богъ“ при раскрытіи скобокъ W. M. III, 490 и т. п.

3) Изъ 46 изображеній на таблицахъ при статьѣ г. Хөрмана, три—фотографіи съ натуры (при чемъ двѣ безъ надписей) и три оттиска бумагой (одинъ безъ надписей). Остальное—рисунки.

4) Напримѣръ въ надписи изъ Ошанича, столь ясной на табл. VIII, проф. Вулетичъ-Вукасовичъ вмѣсто „воевода Радосавъ Храбрень“ читалъ-было: „робъ. дфадосозых. роб. рень“. Въ надп. Полихраніи изъ Величанъ, г. Трухелка читалъ: „жена Поганеньца“, а г. Иречекъ прочелъ: „жупана Неньца“, какъ стоитъ и на табл. XIII — фототипии съ рисунка тушью, гдѣ все уже выведено ясно и опредѣленно, но гдѣ нѣтъ уже, слѣдовательно, документа. Подобнымъ образомъ фотографію съ оттиска работы Грубача въ Оличичахъ (табл. XI) нельзя сравнить съ ясной, живымъ-фотографической картинкой въ Wiss. Mitth., V стр. 277.

5) Ср. въ Wiss. Mitth. II, Trubelka—Die Bosančica, 360, указаніе (до открытія надписи Кулина), что з въ боснійскихъ надписяхъ не употребляется.

6) Чтеніе „громъ“ (гг. Трухелка и Хөрманъ) нетвердо; по смыслу же ожидается рѣчь о дарѣ на церковь.

7) Г. Трухелка читаетъ „баници“, дополняя съ рамки орнамента.

Ниже идутъ два ряда крестовъ въ кругахъ (верхній рядъ представленъ на нашей таблицѣ, а оба въ цинкографіяхъ при статьѣ г. Трухелки въ W. M.), а на крестахъ и пространствахъ между крылами ихъ—подписи (grafitti), которыя г. Трухелка читаетъ такъ:

писах... криле жѣпанъ (судя по фотографіи на концѣ стоитъ *z* а не *y*)—аз писах десивон [к]риже за бана—писах аз писах—се писа радохна крѣстиѣннѣ—д(е)ѣнѣ ратник[ъ за с]танов... писа. богъ мѣ дан здравне а мѣнѣ живеть—писа обрадъ—мигость писа¹⁾.

II. Надпись въ Полицѣ, Требиньскаго стана (см. стр. 167). Старый надгробный камень пошелъ на порогъ въ церковку, и средняя часть столпана. Чтеніе г. Трухелки (W. M. III, 427) такое:

† Въ дни правовѣрнаго краля Владислава прѣстависе ра... Бж... нъ а порикломь... упанъ Прибыльшъ... и... ап... н... рѣа по Бжѣи млости... дѣд н... на поч.²⁾.

III. Надпись на скалѣ при впаденіи Дрежанки въ Наренту—у станціи Дрежанки (стр. 167; г. Трухелка, Wiss. Mitth. II, 366 и III, 427). *Вязь* по двѣ, разъ три буквы.

† Ва име Щца и Сна и Стаго Дха. А се дворъ воеводе Масма и неговню сну Радослва и Мирослва се писа рабъ Бжи и стаго Дмитриѣ у дни гдна краля угарскога Лонша и гдна бана босаньскога Тврьтка. Тко би то потрьль (=кто это разрушить) да е проклетъ Щцмъ и Сномъ и Стимъ Дхомъ³⁾.

IV. Надпись изъ Кочерина бл. Мостара (стр. 167; Wiss. Mitth., III, 430, Truhelka). *Вязь* (Ва име, оprime, аминь; остальное по двѣ и по три буквы).

† Ва име Щца и Сина и Светго Дха аминь. Се лежи Виинъ Милошевиѣ. Служи бану Стипану и кралу Т(врьт)ку и кралу Дабиши

¹⁾ Чтеніе этихъ подписей остается сомнительнымъ. Въместо „криле“ (собств. имя у гг. Трухелки и Хёрмана) мы готовы предположить „криже“ (подобно второй подписи). Весьма сомнительно „ратникъ“. Именемъ Мигоста (Милгоста) можетъ объясняться неправдоподобное имя рѣзчика „Огоста“, упоминаемое въ статьѣ г. Хёрмана.

Могущественный банъ Кулинь, основатель политической жизни Босніи, правилъ съ 1180 по 1204 гг. Латинскіе источники при немъ говорятъ о regnum Bosniae. Въ борьбѣ противъ Венгровъ за свободу и національность родины, онъ явился покровителемъ богомилства, получившаго при немъ впервые въ Босніи широкое распространение и національное значеніе. Но какъ ни толковать богомилство его времени, несомнѣнно, что въ латинскомъ актѣ 8 апрѣля 1203 г. (Theiner, Vetera monum. Slav. merid., 20; Wiss. Mitth., V, 322) коимъ боснійскіе богомилы принимаютъ родъ униѣ съ Римскою церковью, нѣтъ ни слова объ обращеніи или возвращеніи самого Кулина въ католичество. Поддерживая богомилство, онъ защищался передъ папой Иннокентіемъ III выраженіемъ мнѣнія, что богомилы—не противники церковнаго ученія (то же убѣжденіе выражалъ въ 1233 г. епископъ боснійскій, „по простодушію“ ex simplicitate—говоритъ папскій легатъ—присоединившійся къ богомиламъ). Церкви были и у богомилловъ, а вопросъ объ употребленіи или неупотребленіи креста тогдашними боснійскими богомилами достуевенъ спору. Все это указываетъ, что нѣтъ причины относить надпись непременно къ году католической униѣ, послѣднему году Кулина.

²⁾ Г. Трухелка указываетъ, что если этотъ Прибыльшъ—отецъ жупана Прибыловича, упоминаемаго подъ 1332 г. (Миклошичъ, Monum. serb. 102), то надпись относится ко времени Владислава II сербскаго (1316—1323).—Словамъ: „рабъ Божій N, а порикломъ жупанъ Прибыльшъ“ соответствуетъ въ надписи Полихранія та же формула: „раба Божія П., зовомъ мірекивъ госпожа Радача“—указаніе на принятіе иноческаго образа? См. стр. 176 прим. 3.

³⁾ Людовикъ венгерскій правилъ съ 1342 по 1382 г. Твртко I (1353—1391), банъ, потомъ король Босніи, сынъ Владислава Котриманича и Елены Субичъ, наследуетъ дядѣ Стефану Котриманичу, воеводу короля Людовика венгерскаго, женатаго на дочери Стефана. Въ борьбѣ съ Венграми то побѣждалъ, то подчинялся (въ 1367 г. онъ титуруетъ себя: „Божією и нашего господина короля Людовика милостью банъ Босніи“ а въ 1374 опять „Божією милостью баномъ Босніи“), Твртко постепенно расширяетъ Боснію за Дрину, за Никшичъ, а особенно на западъ, по морю до Котора; въ 1376 г. вѣнчается двумя королевскими коронами: Босній и Сербіи (въ Милашевѣ, у гроба св. Саввы, изъ рукъ православнаго митрополита), сохраняя добрыя отношенія съ Лазаремъ (которому помогаетъ на Ковомъ полѣ); въ 1390 г. провозглашаетъ себя королемъ Хорватіи и Далматин. Скончался въ 1391 г.

и кралици Груби и крал(у) Остои. И у то време доиде и свадисе Остоѣ краль с херцегомъ и з Босимъ, и на Угре пое Остоѣ. То време мене Визна доиде кончина, и легохъ на своемъ племенитомъ подь Кочериномъ. И молу вас не наступайте на ме, ѣ смъ биль како ви есте, ви ћете бити како есамъ ѣ¹⁾.

V. Памятникъ князя Батича (табл. XII, стр. 168; Wiss. Mitth. III, 481—485 Högmann).

† Во име Шѣа и Сима и Светѣа Дѣа аминь. Се лежи кнезь Батифъ на сво... земли на племенитой милостию Бжѣомъ и славнога гндѣа краля Твртка²⁾ кнезь Босански. На Високомъ се поболихъ, на Дубоку ме меднь доиде. Си билигъ постави госпоѣ(а) Вукава с моими добримъ, живу ми вѣрно служаше и мртву ми послужи.

VI. Надпись съ Величанскаго кладбища на Поповомъ Полѣ, Столацкаго стана въ Герцеговинѣ (стр. 168, табл. XIII; Wiss. Mitth. III: Truhelka, 427—429 и таблица; Jiriček — Die Edelleute von Hum auf der Inschrift in Veličani, 474—480; приводимъ текстъ по чтенію Иречка).

Въ име Шѣа и Сна и Стго Дѣа. Се лежи раба Бжѣя Полихранія, зовомъ мирьскимъ госпою (госпою) Радача, жоупана Неньца Чихориѣа кучьвица и невѣста жупана Вратька и слуге Дабижива и тепъчѣе (тепъчѣк) Стипка, а кѣчи жупана Милѣтѣна Драживоевика а казнѣцу Снѣку сестра. А постави съ бѣлѣгъ не снѣ Дабиживъ съ Божишмъ помощію самъ своими людъми, а въ дѣи гдна краля Твртка³⁾.

VII. Памятникъ кн. Покраяца въ Врхполѣ (табл. VIII, стр. 168; Wiss. Mitth. V, 283—285, Truhelka). Вышина 2,10 метра, длина 1,90; шир. 0,65 и 0,78.

¹⁾ Банъ Стефанъ умеръ въ 1353, Король Твртко I правилъ съ 1353 по 1391 г. Младшій братъ его Стефанъ Дабиша (1391—1395), католикъ, въ 1393 г. завѣщаль верховныя права на Боснію венгерскому королю Сигизмунду. Елена (Груба) вдова его, возведена на престолъ народной партией, противъ Сигизмунда, правила по 1398 и свергнута Стефаномъ Остоей (богомилемъ) который сначала, отразивъ Сигизмунда, править всей Босніей, поддерживаемый могучими національными вассалами: Хрвоей Вукчичемъ герцогомъ Сплѣтскимъ, Сандалемъ Храничемъ воеводой Захумскимъ (Хумскимъ) и Павломъ Радиновичемъ Требинскимъ; но въ 1404 г. отдавшись Сигизмунду, свергается народной партией подь предводительствомъ Хрвои и королемъ ставится Твртко II. Въ 1408 году, когда Сигизмундъ взялъ въ плѣнъ Твртка, Остои вновь призванъ, выдерживаетъ въ 1410—1411 гг. походы Сигизмунда на Боснію (причемъ большая часть магнатовъ, и съ ними Хрвои переходятъ на сторону Сигизмунда, но Сандаля Хумскій продолжаетъ стоять за народнаго короля), но подь конецъ подчиняется силѣ Венгровъ. Умеръ въ 1416 г. Герцогъ, упоминаемый въ надписи,—Хрвои.

²⁾ Твртко II, 1404—1408 и 1421—1443. Во второй періодъ область его сильно урѣзается и одно время со всѣмъ дѣлится между Георгіемъ Бранковичемъ Сербскимъ и Сандалемъ Захумскимъ (1436—1435), а Тв. бѣжить въ Венгрію. Вернувшись по смерти Сандаля, онъ править опираясь на Венгрію и явно содѣйствуя католикамъ. Имъ призванъ на борьбу съ турками Владиславъ Польскій во имя единства христіанской вѣры и славянскаго племени.

³⁾ Надпись относится ко времени короля Твртка I, 1377—1391 г. Всѣ мужчины, въ ней упомянутые, известны по актамъ Рагузскаго архива 1332—1399 гг., а надпись выясняетъ родство ихъ между собою. Для знанія ихъ интересно перечисленіе, въ грамотѣ 1330 г., чиновъ собора сербской земли, гдѣ вождѣ за епископами и иудеями идутъ: и казнѣце, и тепъчѣе, и воеводы, и слугы, и ставильчѣ (Mon. Serb. 99; Wiss. Mitth. III, 479). Въ „Полихранія“ г. Иречекъ видитъ нерѣдкое монашеское имя Полихронія. Мы отмѣтили выше (надп. II) какъ былъ монашескій характеръ употребленной здѣсь формулы. Названіе „раба Божій“ рѣдко въ нашихъ надписяхъ. См. стр. 176, надп. III; 180, прим. 2; W. M. II, 367 и III, 443.

Въ дни гдна воеде Сандѣла¹⁾. А сеи лежи кнезь Покраѣць Шливеровиѣ. Братиш и властеле, ѣ Покраѣць гну мому слуга шомохъ въ праведи и толико хохъ²⁾. У момъ доми Богъ ми подили ѣ могахъ гна мога и друга мога у почтени приѣти, и у томъ момъ добри доге смръть у време живота, домъ мон шжалостихъ.

VIII. Надпись надъ дверьми церкви близъ Горажды (табл. VIII, — рисунокъ, не натура! — стр. 168; Wiss. Mitth., III, 508). *Вязь сложная*, см. табл. VIII.

Надпись эту г. Трухелка (прилагая такой же, какъ у насъ, рисунокъ) читаетъ такъ:

† Въ лѣто Господа 6954 азъ рабъ Христу Богу господинь херцогъ Стефанъ въздвигохъ храмъ святаго великомученика Христова Георгия моле ему да помолить се о мнѣ грѣшномъ владицѣ моему Христу³⁾.

Донаси во Власеницкомъ стану (169 W. M. IV, 347, Truhelka). Кромѣ послѣдней фразы обращена вся вѣво, какъ въ зеркалѣ.

А се лежи Драгило Милетичъ на свое земли племенито Дона(с)цихъ. Прави..ь леть м (=40) су своемъ родомъ волнии чловѣкъ кому му годѣ служити гонсподѣну⁴⁾, а кому годѣ служаше вѣрни бѣше. И се писа Драгиша синь еговь.

Памятникъ „гостя“ Мишлена⁵⁾ близъ Зеницы (W. M. IV, 349).

А се лежи добригднъ гость Мишлень, кому бѣше пр... по уредби Аврамъ свое велико гостолубство („которому угототоваль, по чину, Авраамъ свое великое гостепримство“). (Господи)не добр, када придешь придь Гда нашего Ису... едно(га спо)менн и насъ своихъ рабовъ. Писа...

¹⁾ Великий воевода Сандаля Храничъ владѣтель Захумія (Захуміе, Хумъ — ядро нынѣшней Герцеговины, южн. часть ея), постоянно стоявшій на стражѣ національныхъ интересовъ. Его зависимость отъ короля была лишь номинальной, (тѣмъ болѣе что и съ другимъ могучимъ магнатомъ, Хрвоемъ Вукчичемъ, Сандаля былъ въ свойствѣ). По мѣрѣ того, какъ въ силу вещей росли силы Захумія, какъ расширялась его территорія и какъ все болѣе переносился въ него центръ тяжести національной жизни и обороны, Сандаля постепенно сталъ фактически единственнымъ повелителемъ всей страны. Онъ былъ богомилемъ, а умеръ въ 1435 г.

²⁾ Г. Трухелка объясняетъ: „хотехъ“.

³⁾ Стефанъ Вукчичъ Косача, племянникъ и наследникъ Сандаля Хранича, великий воевода Боснии, герцогъ св. Саввы (такъ называли на Западѣ Захуміе, по святыни его, мощамъ св. Саввы въ Милешевскомъ монастырѣ), править съ 1435 по 1466 г., богомилъ.

Г. Трухелка отрицаетъ подлинность этой надписи, и готовъ относить ее къ концу XVI, къ XVIII даже къ XIX вѣку, но опирается для сего на рядъ недоказанныхъ положеній: что вѣрно прочтена дата; что Стефанъ не называлъ себя герцогомъ, пока не получилъ этого титула отъ папы (1448 г.); что какъ богомилъ онъ не могъ создать православной церкви; что чисто церковно-славянское письмо, съ вязью и сокращеньями, обычное въ Сербіи, не употреблялось въ Босніи до конца XVI в. и т. п. Мы не имѣемъ ни вѣншаго, ни внутренняго основанія сомнѣваться въ подлинности этой надписи, и лишь чтеніе даты ея считаемъ графически не установленнымъ, даже по прилагаемому рисунку: цифры во всякомъ случаѣ возбуждаютъ сомнѣніе (а слова „Господа“ мы совѣтъ не видимъ на рисункѣ и, необычное при датѣ въ нашихъ надписяхъ, оно, вѣроятно опиской попало въ переводъ изъ латинскаго anno Domini).

⁴⁾ Г. Трухелка перевелъ: „Er war ein williger Mann jedem Herrn zu dienen“. Смыслъ обратный: „вольный чловѣкъ, кому угодно служить“.

⁵⁾ „Гостями“ назывались священники у богомилевъ.—Въ гднъ, добр, еднога—д и б сверхъ строкн.

Труды XI-го археол. съезда въ киевѣ. т. II.

Памятникъ Влатка Влагевича въ Влагевинѣ (стр. 166 — 167 и 169; W. M. III, 435, Truhelka). Надпись обращена вся влѣво, какъ въ зеркалѣ.

Въ име Шца и Сина и Свего Дха. А се лежи Влатко Влацинъ кои не молаше ни еднога человека так могна ¹⁾, а шбиде много земле, а дома погибе. А за нимъ не оста ни сын ни братъ. А нанъ усиче ками неговъ воевода Миотошъ с Лужина Божиомъ помоѣю и кнеза Павла милостю, кои укопа Влатка, помену Бга.

Памятникъ Богдана Хательевича на Дабар-Полѣ (169; W. M. III, 429 Трухелка).

† А се лежи Бгаданъ Хательеви[нъ Р]адича воеводе слуга. У добри часъ родих се у Д(а)брѣ, у дружини права чине(нъ) и умрѣхъ гдну вѣрно служе(нъ). А сам билегъ синове мои поставише.

Арапи, на ю.-з. отъ впаденія Буны въ Неретву (169; W. M. III 459 Трухелка).

А се пише на кръсту Еорѣа да е знати свакому човику Еоран Ив(а)новиѣ како стекохъ благо и ш(т) нега погибохъ. А ками усиче Радичъ ковачъ. ²⁾

Премилово Поле (169; W. M. III, 497, Hörmann).

А се лежи Стипко Радосавиѣ. Боже, давно ти самъ легао и веле ти ме е лежати.

Подбрдница, близъ Видоштока (табл. X; W. M. III, 463 Трухелка).

† А се нека се зна ере уби пушка Врешка Боровичица. Да су клете то руке кое би швои притуриле.

Памятникъ князя Радоя (табл. VII, стр. 170; Wiss. Mitth. III, 433, Truhelka).

Се зламене кнеза Радое великога кнеза Босанскога, а постави... синъ неговъ кнезь Радичъ ³⁾ з Божиомъ помоѣю и своихъ вѣрнѣхъ а с иномъ ни едномъ иномъ помоѣю него самъ о...ь.

Премилово Поле, Бранковичи (магометанскій памятникъ 2,20 м. высоты. Стр. 171; W. M. III, 407, 438 Трухелка).

Погибе на бою деспотову. А си бил(и)гъ Махмута Бранковиѣа на свои баштини на Петрову Полу. Да е бла(го)с(л)овена рука коѣ сиече и писа.

Ходово, въ Герцеговинѣ (169, 170; W. M. III, 445 Трухелка).

А сие лежи Павко Радохтиѣ. Шви... (=камень) уснекохъ на се за живота. Могу секе брат... и господо не моите ми кости прѣтресати.

¹⁾ „Какъ-бы могучъ тотъ ни былъ“—Трухелка.

²⁾ Слова отдѣлены другъ отъ друга тремя вертикально расположенными точками.

³⁾ Радичъ Радоевичъ упоминается при Тврткѣ II въ 1420 г.

Подградиње въ Герцеговинѣ (169; W. M. III, 454—6 Truhelka).

А се лежи Вукъ синь кнеза Шбрада сестромъ Еломъ (=съ сестрою Еленою), и покамен(ов)а га мати Ан(и)а. Клетъ и проклетъ тко ќе крети у ме.

Памятникъ Билича въ Старомъ Селѣ близъ Яйца. (стр. 167, 169, 170; W. M. III 490, Högmann).

В име Шца и Сина и Светога Дха амень. Се е ками Радоица Билића. Милостию Божиомъ и с помоћню рода мога изидахъ много-часну гробницу и поставихъ си кам(е)н на гробници мои и уготовихъ си вичи домъ за живота своего; ако хоће Гъ Бгъ себи и другу моему. Могу братию и стрине и невесте: приступите и жалите ме и не попрайте ме ногама. Ере ћете бити ви каковъ есмь ѣ, а ѣ нећу бити какови есте ви. (А се) писа Весеоко Кукуламовићъ.

Памятникъ Бѣлича, въ церкви въ Влаховичахъ близъ Любинья (W. M. III, 492, Högmann).

† А се лежи кнезь Влаћъ Биелићъ у свои цркви у светомъ Лазару. Чловѣче тако да ниеси проклетъ, не тикаи у ме.

Миляновичи близъ Любинья на Поповомъ Полѣ (169; W. M. III, 495, Högmann).

А сие лежи похвалими юнакъ Радихна. И сие усиче син му Вукосавъ.

Некукъ близъ Столаца (табл. X, W. M. III, 439—442 Truhelka).

Ва име Бога и светогъ Ивана. Се лежи Радосавъ Валаховићъ. Ме спасе сама ере легахъ на свои племенити баштин... Се писа Радичъ Радосалићъ и сиче ми лето ковачъ Крилићъ.

Крушево (169, W. M. III, 446, Truhelka).

† А се лежи жупанъ Юрое кои... пог...бе на почтено служби за св... гдна. А поближ га кнезь.

Болюни, на Поповомъ Полѣ (169; W. M. III, 3 447, Truhelka).

1. † А се лежи Радосавъ Хераковићъ. Швд... легахъ на свои племе(ни)тои ш(дм)и(р)ачи, и та е мака блга.

2. А се лежи добри юнакъ и чоекъ Влатко Вуковићъ. Пише Семорад.

3. А се лежи Боговаць Тарахъ (?) Болуновићъ с Ђму. А се сѣче Грубачъ. Могу се, Боже, помилуи ме милости... тве.

4. † Се писа Шбрадъ П(о)повлана синъ на Грубача¹⁾.

¹⁾ Могила Грубача.

Жаково (W. M. III, 463, Truhelka).

...а се: усѣче: и писа: Радое: ковачь
...а се усѣче Радое Ковачь—шван шба: камена.

Опличичь (табл. XI, стр. 169; Wiss. Mitth. V, 277—279 Truhelka).

1. † А сеи лежи кнез Рдивои Влатковиѣ¹⁾, у тои време наиболи мужь у Дубравахъ бихъ.

Надъ изображеніями звѣрей (табл. XI) неясная надпись: вреба лавь

И подпись: сеи сѣче Грубачь ковачь.

2. † А се лежи Божидара Вукачиѣ. А сѣче Грубачь ками.

3. (Двойная гробница).

† А се лежи Вукиѣ Вукчиѣ. А усиче нань мати Рдсави,
и на се.

Кртинье (W. M. V, 301 Truhelka).

...тов почива Радосавь Грубаче(ви)ѣ мрътавь.

Мала Гостиля, въ Вышеградскомъ стану (табл. VIII, W. M. V, 279, Truhelka).

Двойная гробница:

† А се лежи Вукиѣ синь Вукашина Носако(виѣ) своном
манкомъ Ружомъ.

Гарево близъ Гацка. (W. M. V, 296 Truhelka).

А сеи лежи Дена мати попа Вукашина.

Турски Нѣгановичь, близъ Плавь (W. M. V, 298 Truhelka).

А сие лежи рабь Божи²⁾ дѣкъ Вуѣнь Драгишиѣ. Прости му
Бѣ грехе.

Брайчевичи въ стану Гацка (W. M. V, 297 Truhelka).

Нека се зна крсть Батриѣ Семировиѣ. Шво износихъ...
младост... земли. Вечна му память, блажени покои.

Надписи на каменныхъ креслахъ:

1. На Бищѣ-Полѣ, въ южной его части, близъ Косора на р. Бунѣ. „Херцег Степана столица“ по именованію народа (табл. VI, стр. 171; W. M. II, 25—27, Radimsky).

Си каминь варда чи ли ѣ биш, чи ли ѣ саде, чи ли неѣ(е) б(и)ти.

2. Въ Буковицѣ (табл. VI, стр. 172; W. M. IV, 343—345).

Се е сто Павловиѣ Ивана.

3. Въ Ошаничѣ (табл. VII и XI, стр. 172; W. M. II, 41—42, Radimsky).

А се сто воеводе Стипана Милорад... а попови га воевода
Петар синь му.

¹⁾ Радивой Влатковичь, въ ряду своихъ братьевъ, противникъ герцога Стефана Косачи, умеръ между 1458—1463 гг. Этой надписью опредѣляется время дѣятельности Грубача.

²⁾ Къ этой надп. дѣка (въ церковномъ смыслѣ?) Вуяна ср. стр. 175 прим. 2 и 176 прим. 3.

Указатель къ таблицамъ, приложеннымъ къ статьѣ д-ра Хёрмана¹⁾.

Табл. VI. Жаково—на Поновомъ Полѣ къ югу отъ Столаца, въ Герцеговинѣ.
Житомышльчъ—монастырь близъ Мостара въ Герцеговинѣ.
Старо Слано—на р. Требинчицѣ, въ южн. углу Герцеговины.
Междурѣчье—бл. Самобора, въ Босніи.

Бище Поле—долина Неретвы съ Мостара къ югу. Стр. 171 и 180.

Буковица (изображенъ „столъ“ воев. Павловича)—на сѣв.-з. границѣ Герцеговины, въ котарѣ Жупаньяца-Дувна. Стр. 172 и 180.

Пріеворъ—въ южной Герцеговинѣ.

¹⁾ Здѣсь исправляются вмѣстѣ съ тѣмъ и ошибки, попавшія, при печатаніи таблицъ, въ вѣкоторыя подписи.

²⁾ Къ прилагаемому наброску карты дополнимъ, что нинѣ Боснія съ Герцеговиной дѣлится административно на шесть округовъ (=уѣздовъ) и 50 котаровъ (становъ). Изъ округовъ 3 сѣверныхъ: Вихачъ на Унгъ и Савѣ, Бавьялука на Савѣ, Тузла между Савой и Дриной; 2 среднихъ: Трапникъ и Сераево; 1 южное—Мостаръ (средняя и важная Герцеговина). Богатыя памятниками (стр. 166) станы: Кладанъ, Власеница, Сребреница лежатъ въ в. Тузл. окр., врьдѣ, подходя къ Сербіи. — О прекрасныхъ картѣ и таблицахъ, поднесенныхъ г. Хёрманомъ, см. въ Протоколъ Сѣзда. Къ стр. 173 ср. стр. 142—9 у Н. Н. Смирнова: „Новыя изд. о Босніи и Герц.“ Ж. М. В. II. 1899, сент.

Табл. VII. Гласинацъ — плоскогоріе верстахъ въ 30 на востокъ отъ Сераева (извѣстное до- историческими курганами и городищами).

Малая Гостиля — въ Вышеградскомъ котарѣ, на средн. Дринѣ. Стр. 180.

Зубанье.

Гацко — версть 60 къ ю.-в.в. отъ Мостара въ Герцеговинѣ.

Столацъ — на р. Брегавѣ, версть 30 къ югу отъ Мостара.

Бакячи — бл. Олова (на р. Кривой, версть 30 къ сѣв. отъ Сераева).

Пріеворъ — въ южн. Герцеговинѣ.

Ошаничъ („столы“ Милорадовичей) — въ сѣв. окрестн. Столаца. Стр. 172 и 180.

Забрдье — у Топлика (версть 40 къ зап. отъ Сераева, между Тарчиномъ и Кре- шево). Стр. 170 и 178.

Табл. VIII. Бротна — въ Мостарскомъ котарѣ въ Герцеговинѣ. Стр. 168.

Житомышличъ — бл. Мостара.

Широкій Брѣгъ — въ Герцеговинѣ, версть 20 къ зап. отъ Мостара.

Зборные Громиле.

Рогатица — центръ котара, сосѣдящаго съ Сераевскимъ съ востока. Стр. 171 и 178.

Врхполе — въ Билецкомъ котарѣ, на югѣ Герцеговины. Стр. 168 и 176—177.

Ошаничъ — въ сѣв. окрестн. Столаца. Стр. 168.

Горажда — на верхн. Дринѣ, версть 50 къ ю.-з. отъ Сераева. Стр. 168 и 177.

Табл. XI. Жгоща — въ Висоцкомъ котарѣ, на верх. Боснѣ стр. 171.

Табл. X. Стрижево.

Спасовина — у Горней Врточн, въ Босніи.

Неукъ — у Ошанича, въ окрестн. Столаца. Стр. 179.

Ковачкіе Крши.

Копошичъ — въ котарѣ Висока на верхн. Боснѣ.

Лѣсковаца — въ ю.-з. углу Босніи, въ котарѣ Жупаняца-Дувна.

Подбрдница — тамъ же, близъ Видоштока Стр. 178.

Яйце — при впаденіи Пливы въ Вырбасъ.

Горна Врточъ — въ Босніи.

Миличъ — въ котарѣ Билека на югѣ Герцеговины.

Блача — версть 35 на с. в. отъ Мостара.

Табл. XI. Ошаничъ — въ окрестн. Столаца въ Герцеговинѣ. Стр. 172 и 180.

Опличичъ — въ окрестност. Столаца. Стр. 180.

Вѣтреница — бл. Столаца.

Табл. XII. Мугашиновичи — у Висока (на верхн. Боснѣ). Стр. 167 и 174.

Копошичъ — нѣ котарѣ Висоцкомъ. Стр. 168 и 176.

Табл. XIII. Величани — на Поповомъ Полѣ (къ югу отъ Столаца). Стр. 168 и 176.

Новгородская школа иконописи по даннымъ миниатюры.

В. Н. Щепкина.

I.

Школы русской иконописи различаются между собою красками и рисункомъ. Изученіе различій перваго рода, т. е. выбора и способа употребленія красокъ, требуетъ извѣстныхъ техническихъ знаній и продолжительныхъ, отчасти очень мелочныхъ наблюденій надъ иконами. Накопленіе свѣдѣній въ этой области и мысленное сопоставленіе многочисленныхъ иконъ, видѣнныхъ въ различное время — иногда на разстояніи многихъ лѣтъ — представляетъ свои трудности и предполагаетъ у изслѣдователя отчетливую память и быструю наблюдательность. Немногочисленные изслѣдователи— всего нѣсколько именъ на разстояніи столѣтія — удѣляли свое время на поиски и наблюденія въ этой области. Коллекціонеры по страсти, для которыхъ казалось-бы дана возможность изучать иконы постоянно и безпрепятственно, рѣдко доходили до разумѣнія исторіи нашей иконописи: нечего говорить о томъ, какъ много случайнаго входитъ въ программу и взгляды любителя; коллекція является отраженіемъ владѣльца: дилеттантизмъ или расчетъ, суевѣріе или суетность кладутъ на нее свой отпечатокъ. Иконописцы, иконные торговцы, особенно старообрядцы, эти естественные хранители нашей старины, обладаютъ лучшими свѣдѣніями и болѣе вѣрными примѣтами. Передаваемая семейной традиціей отъ поколѣнія къ поколѣнію, такія примѣты восходятъ иногда къ старинѣ. Но въ продолжительномъ и невѣрномъ пути устной передачи онѣ утратили много изъ своей первоначальной ясности и испытали примѣсь случайнаго. Какъ часто напр. знатоки этого разряда при наличности многихъ типичныхъ признаковъ опредѣленной школы, отказываются отнести къ ней икону исключительно потому, что не находятъ въ ней какой-нибудь одной второстепенной черты. Школы иконописи или имѣютъ для нихъ значеніе немногочисленныхъ неподвижныхъ касть, между которыми нѣтъ и не можетъ быть переходовъ, или является представленіе, что каждая любопытная деталь непременно составляетъ особенность какой-нибудь отдѣльной школы, число которыхъ произвольно увеличивается въ угоду такому взгляду. Идея постепеннаго развитія, — родства школъ одной и той-же эпохи, преемства школъ различныхъ эпохъ, перекрестныхъ вліяній, индивидуальныхъ особенностей отдѣльныхъ мастеровъ — за немногими, дѣйствительно замѣчательными исключеніями — чужда и этимъ цѣнителямъ древности.

Преподаваніе церковной археологіи въ нашихъ духовныхъ училищахъ не внесло въ область иконописи научнаго свѣта. Нигдѣ нельзя встрѣтить столько предвзятыхъ мнѣній о нашей иконописи, какъ среди преподавателей и питомцевъ нашихъ духовныхъ академій и семинарій. Извинительное незнакомство съ массой памятниковъ, разбросанныхъ по лицу Россіи и въ большинствѣ случаевъ мало доступныхъ, и какое-то поразительное равнодушіе къ этому неисчерпаемому наличному матеріалу очень многихъ обрекаетъ на дешевый скептицизмъ, другимъ механическіе декуктивные выводы изъ предвзятыхъ общихъ началъ замѣняютъ живое изслѣдованіе. Точныя и цѣнныя обобщенія главныхъ различій, сдѣланныя около полувѣка тому назадъ Д. А. Ровинскимъ, и до сихъ поръ—отчасти вслѣдствіе крайней рѣдкости его книги—не вошли въ общее сознаніе. Нечего говорить о томъ, что они никѣмъ не были продолжаемы¹⁾. Безъ преувеличенія надо сознаться, что иконныя различія въ технику красокъ фактически и сейчасъ остаются случайнымъ достояніемъ немногихъ посвященныхъ. Казалось бы, что изученіе иконнаго рисунка доступнѣе. Снять кальку съ иконы, или хоть схематически зарисовать черты иконной композиціи, ландшафта, палатной обстановки—никогда не представитъ такого труда, какъ изготовленіе надежнаго снимка въ краскахъ. Но даже Ровинскій, которому впрочемъ мы и въ этой области обязаны нѣсколькими рѣзкими наблюденіями и надежными формулами, къ сожалѣнію сравнительно мало обращался къ этой сторонѣ иконы.

Ровинскій основалъ свои наблюденія на тщательномъ изученіи иконъ, носящихъ дату, или по какимъ-либо инымъ соображеніямъ съ достовѣрностью относимыхъ къ опредѣленному времени. Такія иконы всегда составляли ничтожное меньшинство. При такой ограниченности достовѣрнаго иконнаго матеріала изслѣдователь иконописи съ большою пользою могъ бы руководиться показаніями русской миниатюры; лицевыя рукописи имѣютъ то преимущество предъ иконами, что несравненно чаще носятъ дату; даже при отсутствіи таковой языкъ, почеркъ и матеріалъ памятника даютъ намъ возможность довольно точно выяснитъ время, а нѣрѣдко и мѣсто его возникновенія. Ровинскій сознавалъ возможность именно въ этомъ направленіи расширить поле наблюденія, но отвлеченный другими трудами, не успѣлъ приступить къ систематическому изслѣдованію миниатюры.

Послѣ наблюденій Ровинскаго нельзя серьезно сомнѣваться въ существованіи отдѣльной, очень характерной Новгородской школы иконописи. Традиція, усвоивающая одному разряду иконъ названіе новгородскихъ, вполнѣ оправдывается наблюденіями, которыя произвелъ Ровинскій надъ многочисленными и старыми, мѣстнаго происхожденія, иконами въ самомъ Новгородѣ. Въ настоящей статьѣ я намѣренъ подкрѣпить его выводы нѣкоторыми наблюденіями надъ миниатюрой. Матеріаломъ служатъ мнѣ нѣсколько рукописей или завѣдомо писанныхъ въ Новгородѣ и его области, или съ вѣроятностью относимыхъ къ Новгородскимъ предѣламъ или мастерамъ на основаніи убѣдительныхъ косвенныхъ соображеній. Сооставленіе имѣетъ цѣлью дать новыя данныя въ пользу доказательности главныхъ примѣтъ Новгородской иконописной школы и одновременно въ пользу исторической вѣрности самаго термина Новгородская школа. Если иконопись и миниатюра, процвѣтавшія въ Новгородской области дѣйствительно носятъ одинъ и тотъ-же художественный и техничeskій характеръ, какъ и иконы неизвѣстнаго происхожденія, относимыя по традиціи къ Новгороду, то основа этой традиціи должна быть принята, какъ истинная. Но какъ я сказалъ уже, сравненіе иконописи съ миниатюрой кромѣ различій по мѣсту возникновенія откроетъ не менѣе цѣнныя различія по времени, для

¹⁾ Дальнѣйшаго, очень крупнаго шага въ этомъ направленіи русская наука можетъ ожидать отъ обширнаго изслѣдованія иконописи, подготовляемаго Н. П. Лихачевымъ.

которых иконы дают мало точных данных. Даты, извлеченные из рукописей, уясняют нам со временем постепенное изменение техники, при чем сравнение с миниатюрами других, заведомо новгородских рукописей, укажет нам пределы, в которых существовала в ту или другую эпоху Новгородская манера, — ибо заранее естественно ожидать, что границы территориальных особенностей и в иконописи не были ни неподвижны ни непроницаемы¹⁾.

II.

Ровинский подробно определяет особенности Новгородской школы на стр. 11—16 своего труда, шаг за шагом снабжая свои обобщения доказательными примерами — ссылками на те памятники, от которых они отвлечены. Далее, при определении других школ русского иконописания Ровинский нередко снова имеет повод коснуться Новгородской манеры, и сообщает новые частности или точнее формулирует сказанное ранее. Еще ниже, во второй главе книги, при объяснении техники производства (стр. 48 и след.) мы снова встречаем данные и по Новгородской школе. Наконец кое-что может быть извлечено для оценки этой школы также из приложенного к книге Ровинского словаря иконописцев и словаря иконописных терминов. Для целей моей статьи я должен вкратце сопоставить здесь весь этот материал. Полагаю, что такое сопоставление будет в интересах тех многих лиц, которым недоступна книга Ровинского.

Отличительные признаки Новгородского письма составляют: *рисунки* резкой, длинными, прямыми чертами; *фигуры* по большей части короткия, в $7\frac{1}{2}$, 7 и даже $6\frac{1}{2}$ голов²⁾. *Лице* длинное, *нос* спущен на губы; *ризы* прописаны в две краски (напр. по ризѣ, кры-

¹⁾ Ограничиваясь в этой статье только типическими произведениями Новгородской кисти, я не останавливаюсь подробно ни на других манерах, ни на распространении Новгородской манеры за пределами Новгородской области. Укажу лишь, что миниатюры Евангелистов в западно-русских Евангелиях XV—XVI вв. обнаруживают явную зависимость от Новгородской школы как в рисунке, так и в технике и колорите красок. В старых и роскошных образцах западно-русской миниатюры иногда очень близко подходит к своим Новгородским оригиналам. Таково напр. Евангелие XV в. принадлежавшее И. Д. Силину (см. Каталог Археологической выставки при VIII Археологическом Съезде в Москве, Силинская коллекция, примечание): миниатюры этой рукописи должны быть отнесены к хорошей Новгородской школе, между тем как правописание текста обнаруживает болгарскую манеру, господствовавшую в западно-русских областях. Чем позднее западно-русская миниатюра, тем легче отличить ее от Новгородской: рисунок вообще быстро грубеет; горный ландшафт доходит до невзрачного схематизма; цветные пробы накладываются на ризы без всякого понимания. Встречаются миниатюры без тени в зеленые лики писанные плавью. В XVI в. западно-русская миниатюра очень часто носит уже примитивно-народный характер. При всем том основные черты Новгородской школы так типичны, что их нельзя не узнать и в этом крайнем искажении. Аналогичный пример влияния Новгорода на западную Россию представляет история геральдического орнамента XIII—XIV вв. Этот замечательный, много раз описанный исследователями орнамент, господствует во всех Новгородских рукописях названной эпохи и достигает в них большой типичности. Общее впечатление такой Новгородской заставки можно сравнить с эффектами северного заката: солнце давно зашло; на свинцовом фоне тяжелой тучи красными и желтыми тонами зари обозначаются контуры причудливо переплетенных чудовищ. В западной России очень распространен тот же орнамент, но рисунок его тяжел и колорит утрачен: появляется лиловый и зеленый фон, который лишает композицию ее смысла. На юго-востоке доходят только слабые отголоски этого Новгородского стиля, который по причинам, до сих пор не уясненным, в очень огрубевшей форме, проявляется в Рязанских рукописях XVI в. (зеленый фон).

²⁾ Ниже Ровинский еще раз оговаривается, что дѣлает этот вывод из большинства случаев. Изрѣдка и в Новгородских письмах могут быть встречены и болѣе длинныя размѣры в 8 и $8\frac{1}{2}$ голов. Важно наблюдение, что Менологій Василия II, рукопись X—XI в., къ данным которой нам придется обращаться и далее, представляет фигуры в $6\frac{1}{2}$, 7 и $7\frac{1}{2}$ голов. Новгородская школа очевидно сохранила в этом случаѣ византийскую традицію X—XI вѣка.

той баканомъ, складки раздѣланы празеленью и т. д.) или раздѣланы толстыми чертами, бѣлилами и чернилами ¹⁾. *Движки* ²⁾ въ лицѣ, рукахъ и ногахъ, попадающіяся и въ другихъ письмахъ, составляютъ одну изъ главныхъ принадлежностей Новгородскихъ иконъ какъ большаго, такъ и малаго размѣра. *Палаты* просты и обведены неправильно отъ руки ³⁾. *Горы* раздѣланы шашками и кружечками ⁴⁾, *Травы и деревья* просты, *инокопъ* ⁵⁾ въ ризахъ, а иногда *свѣтъ* (т. е. фонъ) и *поля* въ иконѣ, наложены листовымъ золотомъ на зельѣ.

Что касается *раскраски* новгородскихъ образовъ, то въ этомъ отношеніи ихъ можно подраздѣлить на *три разряда*. Въ одномъ преобладаетъ *празелень* (здѣсь имѣется въ виду прежде всего *личный санкиръ* ⁶⁾), или подмалевка), въ другихъ, довольно темнаго цвѣта, лица писаны *коричневою краскою*; третьи—совершенно *желтаго цвѣта*, переходящаго иногда въ оранжевый. Изъ сохранившихся памятниковъ видно, что эти три пошиба существовали въ одно и тоже время (по крайней мѣрѣ въ концѣ Новгородской школы, около середины XVI вѣка).

¹⁾ На стр. 58 и слѣд., говоря о техникѣ наложенія красокъ, Ровинскій подробно говоритъ и объ этой Новгородской чертѣ и ея распространеніи: „Ризы покрываются сперва темными красками: санкиромъ (изъ чернилъ, бѣлизны, вохры, празелени и другихъ красокъ), багромъ, празеленью и т. д. По этому грунту накладываются складки, которыя въ высокихъ мѣстахъ пробѣливаются. Эти пробѣлы въ древнихъ иконахъ, и въ особенности въ Новгородскихъ, прописаны совершенно другими красками, нежели самыя ризы. Такъ напр., голубыя ризы пробѣлены баканомъ, красныя празеленью, синія багромъ и т. д.“—Таковы по указанію Ровинскаго „иконы, находящіяся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ и многія изъ иконъ Строгановскихъ писемъ. Въ иконахъ XVII вѣка эта особенность встрѣчается рѣже и пробѣлы часто прописываются въ тѣнь, тою-же краскою, которою покрыта риза. Въ иконахъ конца XVI и XVII вѣка ризы сверхъ того прописываются золотомъ. Во многихъ образахъ XVI вѣка Новгородскихъ (Ярославскихъ) писемъ и Строгановскихъ 1-хъ писемъ въ ризахъ вовсе нѣтъ пробѣловъ. Онѣ крыты одинаковыми красками, безъ тѣней, а складки обозначены черными чертами. Этотъ способъ встрѣчается даже и въ Строгановскихъ 2-хъ письмахъ“.

²⁾ Ср. стр. 64—65: „Въ иконахъ Новгородскаго писья въ лицахъ на выпуклыхъ мѣстахъ—подъ глазами, подъ губами, на лбѣ и на носу, на суставахъ рукъ и ногъ—прочеркнуты бѣлилами тонкія коротенькія движечки (черточки, или отмѣтины). Въ Новгородскихъ желтыхъ письмахъ эти движки иногда образуютъ длинныя черты, которыя тянутся во всю руку или ногу. Движки составляютъ одинъ изъ главныхъ, отличительныхъ признаковъ Новгородскихъ писемъ, кромѣ Ярославскихъ; онѣ встрѣчаются довольно рѣдко въ Московскихъ 1-хъ письмахъ; въ Московскихъ 2-хъ, и Строгановскихъ 2-хъ я замѣчалъ ихъ только на иконахъ большаго размѣра и чрезвычайно рѣдко въ мелкихъ письмахъ. Впрочемъ въ иконахъ плохихъ писемъ, какъ большаго такъ и малаго размѣра, движки были употребляемы въ продолженіи всего XVII вѣка“.

³⁾ Ниже, читаемъ: „Палаты кроются всѣми возможными красками. Въ старыхъ письмахъ, Новгородскихъ и Московскихъ, онѣ довольно просты, линія, круги и арки обведены неправильно и часто даже отъ руки. Но зато краски въ нихъ наложены съ тѣнями, такъ что видна попытка представить зданіе въ перспективѣ. Въ новыхъ письмахъ палаты чрезвычайно сложны. Онѣ крыты одинаковыми красками и раздѣланы узорами, бѣлилами, киноварью и чернилами (стр. 60).

⁴⁾ И ниже: „Горы по большей части писались вохрою съ примѣсью другихъ красокъ и пробѣливались вохрою же съ бѣлилами. Въ греческихъ и новгородскихъ письмахъ эти пробѣлы имѣютъ форму шашекъ, трехугольниковъ и кружковъ. Въ строгановскихъ 1-хъ письмахъ горы раздѣланы длинными и широкими чертами и закруглены шашками. Во 2-хъ строгановскихъ и московскихъ письмахъ эти черты тоньше, шашки мельче и формы самыхъ горъ разнообразнѣе и красивѣе“.

⁵⁾ Въ Новгородской школѣ употреблялся только болѣе старій и примитивный способъ золотой декоративной штриховки въ ризахъ и зданіяхъ: сначала проводились черты клейкимъ составомъ, потомъ по нимъ накладывалось листовое золото. При такомъ способѣ золотыя черты могли быть получаемы только самыя простыя, толстыя и съ частичными перерывами. Этимологія слова *инокопъ* до сихъ поръ не была установлена; возможно, что слово заимствовано и находится въ связи съ италіанскими терминами живописи: *incupire, incupimento*, которые значатъ „оттѣнять“, а также „придавать блескъ“; слово могло быть заимствовано въ Москвѣ у италіанскихъ мастеровъ вмѣстѣ съ новою техникой „творенаго золота“.

⁶⁾ Ср. на стр. 63: „Лица грунтуются прежде всего *санкиромъ*. Санкиръ—техная краска, составляется изъ вохры, чернилъ, празелени и черлени. Пропорція этихъ красокъ въ санкирѣ бываетъ различная. Въ старыхъ новгородскихъ письмахъ и строгановскихъ 1-хъ въ санкирѣ больше празелени, въ московскихъ 1-хъ санкирѣ изъ вохры съ празеленью, въ московскихъ 2-хъ—почти изъ одной вохры, въ Строгановскихъ 2-хъ онъ состоитъ изъ вохры съ умброю, въ 3-хъ и царскихъ—санкиръ еще свѣтлѣе. Въ греческомъ подлинникѣ санкиръ называется пролазмомъ Панселлина и дѣлается изъ бѣлизны, вохры, празелени и чернилъ. Покрывши тѣло и лица темнымъ санкиромъ, иконникъ начинаетъ *оживлять* ихъ. Прежде всего иконникъ составляетъ личную вохру первую: изъ вохры, бѣлизны, чер-

Иконы *перваго разряда*, которыя по преимуществу должны быть названы новгородскими, писаны довольно грубо: на зеленомъ санкирѣ съ рѣзкими темнозелеными (съ красниною) тѣнями. Изъ датированныхъ иконъ этой манеры Ровинскій называетъ Иоанна Предтечу 1551 года, съ дѣяньемъ, въ Ярославской церкви Николы Надѣна (надпись вырѣзана на окладѣ); святой въ ростъ, лице съ зелеными тѣнями (съ красниною); подъ глазами и въ бѣлкахъ, на шеѣ, рукахъ и ногахъ прочеркнуты бѣлилами движки. Дѣянье писано довольно грубо, лица круглыя, фигуры толстыя и короткія (въ 7 и 7¹/₂ головъ). Палаты безъ тѣней и перспективы, горы раздѣланы кружечками, копытцами и шашками.

Въ мелкихъ иконахъ этого разряда новгородскихъ писемъ замѣтна большая пестрота, происходящая отъ чрезмѣрнаго употребленія *празелени* и *киновари*.

Къ этому-же разряду надо отнести иконы, писанныя почти *безъ тѣней*. Лица въ нихъ покрыты темною празеленью, безъ затѣнки и оживки, иногда даже и безъ движекъ; ризы безъ пробѣловъ, раздѣланы черными чертами. Иконы этого письма безъ тѣней составляютъ переходъ новгородскихъ писемъ къ строгановскимъ 1-мъ, или устюжскимъ. Датированнымъ памятникомъ этой манеры служитъ образъ Николая Чудотворца съ дѣяньемъ, поставленный въ церкви Николы Надѣна Богданомъ Михайловичемъ Куксинимъ въ 1553 году. (Надпись вырѣзана на оборотѣ доски).

Примѣромъ манеры *темнокоричневыхъ ликовъ* является четырехмѣстная икона московскаго Благовѣщенскаго собора, писанная въ 1554 году псковскими иконописцами Останиею и Якушкой. Четыре отдѣла этой иконы—разнаго письма, хотя не очень отличаются другъ отъ друга; лица коричневые съ небольшими движекками, ризы безъ тѣней, раздѣланы чертами: бѣлилами, чернилами и накладнымъ золотомъ.

Въ иконахъ новгородскаго письма *третьяго разряда* преобладаетъ вохра: лица желтыя съ оживкой бѣлилами; ризы крыты вохрой съ сурикомъ или празеленью. Число иконъ этого письма очень велико, нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть отнесены къ первой половинѣ XVI вѣка, другія къ концу XVI и даже къ XVII. Датированныхъ Ровинскій не указываетъ. Но изъ сопоставленія трехъ датированныхъ иконъ 1551, 1553 и 1554 гг. онъ дѣлаетъ выводъ, что три пошиба, различныя по раскраскѣ, существовали въ одно и тоже время.

Въ собственно новгородскихъ письмахъ *преобладаетъ празелень*; въ этомъ отношеніи они имѣютъ нѣкоторое сходство съ московскими 1-ми письмами, въ которыхъ однако празелени гораздо менѣе и раскраска ближе къ живописи. Коричневые письма имѣютъ много общаго съ греческими, зеленые письма безъ тѣней очень сходны съ Строгановскими первыми письмами.

Съ половины XVII вѣка новгородская иконопись теряетъ свой характеръ и мало-помалу переходитъ въ фряжское письмо.

нилъ и киновари,—и покрываетъ ею по санкиру лобъ, щеки, шею и т. д., оставляя впрочемъ между всѣми этими частями полоски санкира. Такимъ же точно образомъ онъ составляетъ личную вохру вторую, прибавляя въ первую бѣлизу. Потомъ беретъ дичь: составъ изъ второй вохры, бѣлизу и чернилъ; имъ оттѣняетъ онъ щеку, високъ, возлѣ носа, подъ губой и позади шеи. Далѣе онъ *подрумяниваетъ* щеку, носъ, уста, бороду и шею — *подрумянкою* изъ первой личной вохры съ черненью. Наконецъ иконникъ покрываетъ лица личною вохрою третью, которая еще свѣтлѣе двухъ первыхъ, а сверхъ нея одними бѣлилами *оживляетъ* во лбѣ, на переносѣ, посреди и на концѣ носа, возлѣ глазъ, надъ губами и губу, бороду и шею. Всѣ эти краски: три вохры, подрумянка, дичь-составъ и бѣлила, *стѣниваются* съ санкиромъ, оставленнымъ по окраиванью щекъ и носа, вокругъ подбородка и т. д. *Затѣнка* эта, а равно и число личныхъ красокъ и самый составъ ихъ не всегда одинаковы. Въ плохихъ новгородскихъ письмахъ и московскихъ первыхъ замѣтна такъ называемая *костоватость*, состоящая въ томъ, что черты свѣтлой краски и пробѣлы наложены рѣзко на темномъ санкирѣ и не стѣнены съ нимъ. Эта костоватость впрочемъ не составляетъ принадлежности однихъ древнихъ иконъ: она встрѣчается и въ плохихъ письмахъ XVII вѣка, въ особенности-же въ образахъ Николая Чудотворца. Въ нѣкоторыхъ изъ иконъ большаго размѣра новгородскихъ (ярославскихъ) и строгановскихъ 1-хъ писемъ лица писаны *плавью*—однимъ санкиромъ почти безъ тѣней и оживки.

Главнымъ хранилищемъ иконъ новгородскаго письма Ровинскій называетъ новгородскій Софійскій соборъ и другія новгородскія и ярославскія церкви. Ярославскія письма изслѣдователь повидимому считаетъ отдѣломъ Новгородскихъ.

Общая оцѣнка новгородской школы у Ровинскаго скорѣе хододная, чѣмъ сочувственная: онъ цѣнитъ въ новгородскихъ письмахъ главнымъ образомъ архаизмъ традиціи, сохраняющейся въ композиціи и рисункѣ: „Собиратели иконъ, въ особенности *московскіе*, не высоко цѣнятъ новгородскія письма. Дѣйствительно, иконы этого письма не отличаются ни тонкостью отдѣлки, которая такъ дорого цѣнится въ строгановскихъ письмахъ, ни живостью раскраски, которою отличаются старые *московскіе* образа. Однако переводы этихъ (новгородскихъ) иконъ займутъ едва-ли не первое мѣсто въ нашей иконографіи“ (стр. 11—12). Къ новгородской школѣ прежде всего относится по этому все то, что говоритъ Ровинскій о сохраненіи древнѣйшихъ византійскихъ чертъ композиціи въ нашей иконописи и о сохраненіи смысла стараго рисунка; о томъ, что по разсчету головъ новгородскія письма стоятъ очень близко къ Менологію Василя II-го, упомянуто выше. На стр. 60 читаемъ: „въ древнихъ иконахъ XVI вѣка палаты, портики, церкви, длинныя покрывала, перекинутыя съ одного зданія на другое, напоминаютъ рисунки Менологіума императора Василя“. Объ осмысленности Новгородскаго рисунка говорится нѣсколько выше: „Чѣмъ древнѣе образа, тѣмъ складки въ ризахъ наложены правильнѣе и лучше обозначаютъ части тѣла и сочлененія. Въ новыхъ письмахъ строгановскихъ и московскихъ, онѣ наложены очень красиво одна параллельно другой, но уже не выполняютъ главнаго своего назначенія“. Въ числѣ любимыхъ архаизмовъ новгородскаго рисунка Ровинскій отмѣчаетъ крестчатая ризы, а въ числѣ архаизмовъ надписей—сохраненіе греческаго *ὁ ἄγιος* при именахъ святыхъ.

Изъ приведенныхъ наблюденій Ровинскаго можно извлечь слѣдующія общія положенія для исторіи русской иконописи. Въ Новгородѣ лучше чѣмъ гдѣ-либо сохранилась традиція византійской живописи, при томъ по отношенію къ краскамъ—въ нѣсколькихъ манерахъ, въ которыхъ съ теченіемъ времени взяла верхъ одна, которая и легла въ основу типично-новгородской школы. Новгородская иконопись обнаруживаетъ тѣсную связь съ другими сѣверными письмами, особенно съ ярославскими. Отдѣльныя черты новгородской манеры до середины XVI вѣка, и отчасти далѣе, продолжали отзываться въ другихъ русскихъ письмахъ,—совокупность этихъ чертъ характерна для Новгорода.

III.

Поставивъ себѣ задачей прежде всего точное выясненіе существенныхъ чертъ, которыми характеризуются въ манерѣ и техникѣ отдѣльныя школы русскаго иконописанія, Ровинскій избѣгалъ пускаться въ субъективную область непосредственныхъ художественныхъ впечатлѣній. Казалось бы къ тому-же, что оцѣнка и опредѣленіе иконъ съ этой точки зрѣнія вообще невозможны. Такого взгляда обыкновенно и держатся всѣ, оставшіеся чуждыми обаянію иконописи. Въ самомъ дѣлѣ, какого рода художественныхъ впечатлѣній можно ожидать отъ разряда религіозной живописи, традиціонно и въ значительной мѣрѣ механически воспроизводящаго одни и тѣ же образцы, и допускающаго при этомъ вопіющія—съ современной точки зрѣнія—неправильности рисунка. Быть можетъ, однако, къ этому послѣднему недостатку иконописи искренніе цѣнители искусства найдутъ возможность отнестись снисходительнѣе: рисунокъ вообще не составляетъ такой стороны живописи, которая давалась-бы легко русскимъ мастерамъ. Какъ современные русскіе живописцы (рѣчь идетъ здѣсь конечно о всей массѣ) въ дѣлѣ рисунка не могутъ идти въ сравненіе съ своими западными современниками,

такъ наши старые мастера не равнялись въ рисунокъ съ византійцами; съ старыми западными мастерами они принципиально не могутъ быть сопоставляемы въ этомъ вопросѣ: рисунокъ улучшался на западѣ по мѣрѣ того, какъ пробивали себѣ свободный путь принципъ наблюденія природы и культъ непосредственнаго творчества. Иконопись сложилась и продолжалась на почвѣ, не знавшей сознательнаго воздѣйствія этихъ идей на художника. Въ Россіи, въ противоположность Византіи, даже самые инстинкты здоровой художественной наслѣдственности не составляли общаго, счастливаго достоянія расы. Они доставались въ удѣлъ только немногимъ избраннымъ. Вотъ почему русская живопись по неволѣ ограничила художественный реализмъ своихъ византійскихъ образцовъ и усвоила своимъ изображеніямъ болѣе отвлеченный характеръ. Меньшая самостоятельность русскихъ художниковъ и неизбежная утрата первоначальнаго богатства типовъ въ такой-же мѣрѣ содѣйствовали этому процессу, какъ и большее сосредоточеніе на религіозныхъ темахъ. Русская живопись вообще оказалась абстрактнѣе и суше своихъ образцовъ. Но въ ея менѣе свободныхъ и менѣе совершенныхъ формахъ сильно сказался религіозно-созерцательный элементъ: она всего болѣе дорожитъ тѣми образами, подъ которыми представлялись всему народу существа инаго, высшаго порядка. Такимъ направленіемъ опредѣляется вся дальнѣйшая судьба русской иконописи и русской миниатюры: тѣ свободные и естественные переходы отъ поздней византійской традиціи къ лучшимъ приобрѣтеніямъ западной живописи, которые наблюдаются иногда у греческихъ иконописцевъ XV—XVI вѣка, были немыслимы въ Россіи. Искусство сосредоточилось здѣсь на возвышенной задачѣ, исключавшей возможность движенія впередъ: разъ достигнутые типичные образы, подъ которыми мыслима вѣчность, должны были быть сохранены и переданы далѣе въ возможно нетронутомъ видѣ. Но не слѣдуетъ думать, что передача такъ и ограничивалась техническимъ повтореніемъ формъ: традиціей передавалось и самое воззрѣніе на существа инаго міра. Только указанная неизмѣнная цѣль иконописи и примитивная техника этого искусства предполагаютъ извѣстную подготовку и извѣстнаго рода усиліе со стороны того, кто хочетъ достигнуть непосредственнаго художественнаго пониманія иконы; оно не дается сразу и требуетъ тѣмъ большей помощи отъ фантазіи самого зрителя, чѣмъ позднѣе произведенія иконописи, чѣмъ больше скованы они тою хладной неподвижностью, въ которую съ теченіемъ времени все сильнѣе облекалось это искусство. Существуетъ извѣстная градація: византійскіе образцы X—XII вѣка доступнѣе чувству неподготовленнаго зрителя, чѣмъ новгородскіе XIV—XV. Новгородская иконопись доступнѣе, чѣмъ московская XVI и особенно доступнѣе, чѣмъ Строгановская XVII вѣка; эта послѣдняя доступнѣе каллиграфической поморской школы XVIII—XIX вѣка.

Мнѣ пришлось впрочемъ быть очевидцемъ того, какъ художникъ, — котораго я не могу здѣсь назвать, — надѣленный особой силой созерцанія, обнаруживалъ скрытую религіозную жизнь въ такихъ позднихъ образцахъ, которые ничего болѣе не говорили пишущему эти строки, и своею кистью умѣлъ снова вызывать къ жизни какъ-бы замершее чувство, таившееся въ этихъ неподвижныхъ формахъ. Правда, въ теченіе вѣковъ и донинѣ, русское религіозное искусство можетъ назвать только трехъ мастеровъ, обладавшихъ столь искренней и столь ясно выраженной художественной индивидуальностью. Въ произведеніяхъ остальной, безыменной массы мастеровъ отражается не столько индивидуальность, сколько эпоха: ея настроеніе, тонъ ея религіознаго чувства. Попытаемся подойти съ этой точки зрѣнія къ произведеніямъ Новгородской школы. Каковы непосредственныя впечатлѣнія, сю внушаемая? Тотъ „простой Новгородскій рисунокъ, длинными, прямыми чертами“, о которомъ говоритъ Ровинскій, имѣетъ одно преимущество предъ позднѣйшими школами: рѣшительность. Онъ сильно упрощаетъ дѣйствительность, но его формулы какъ разъ позволяютъ художнику обходиться безъ механической копій; Новгородскій ри-

сунокъ находится въ родствѣ съ рисункомъ стѣнописи, по самымъ условіямъ своимъ не допускающей робко вырисованныхъ, съ усиліемъ найденныхъ линий. Рѣзко и сильно выступаютъ Новгородскіе облики уже благодаря одной схематичности рисунка. Сильное движеніе или сильный покой выражаютъ Новгородскія фигуры. Лики обладаютъ энергичнымъ выраженіемъ. Несмотря на хорошо сохранившійся византійскій типъ лица, выраженіе говоритъ уже о иной средѣ: воля и спокойный умъ, которымъ вѣетъ отъ этихъ ликовъ, облечены въ какую-то простую, элементарную форму. Характерна активность Новгородскихъ ликовъ: они какъ бы предполагаютъ внѣшній міръ, они обращаются къ зрителю. На этой особености основано главное религиозное значеніе Новгородской школы: она изображаетъ дѣятельное божество. Всего полнѣе выразился этотъ смыслъ Новгородскаго искусства въ ликахъ Спасителя. Выраженіе болѣе тонкое, внутренняя жизнь болѣе богатая и изящная, при извѣстнаго рода мечтательной погруженности въ себя—прямо характеризуютъ кисть неновгородскую. Таковы бывають хорошіе греческіе лики еще въ XIV вѣкѣ. Въ Россіи этотъ психическій типъ доведенъ до высокаго, поэтического совершенства несравненнымъ Андреемъ Рублевымъ ¹⁾. Оба эти воззрѣнія на божество заключаютъ высокую степень художественной идеализаціи.

Смотря по мастеру, въ Новгородскихъ иконахъ Христа можно встрѣтить сухость, рѣзкость или большую суровость выраженія, но общій тонъ остается тотъ-же: это существо дѣятельное и облеченное высшими дарами духа. То прозаичное, *бытовое*—ограниченное, простонародное или некультурное выраженіе ликовъ, которое такъ распространено въ Московскихъ письмахъ XVI—XVII вѣка, и такъ характерно для посредственныхъ произведеній этой школы, рѣдко встрѣчается у Новгородцевъ XIV—XV вѣка. Новгородская икона Вседержителя, принадлежащая Третьяковской галлерей въ Москвѣ, прилагается въ снимкѣ къ этой статьѣ, какъ образецъ очень тонкаго новгородскаго выраженія (табл. XXI). Этотъ внимательный, спокойный, сочувственный и грустный взглядъ сознательно обращенъ къ несовершенствамъ и нуждамъ земли. Та-же Третьяковская галлерей содержитъ другой Новгородскій ликъ Христа, съ инымъ, строгимъ и рѣзкимъ выраженіемъ. Эта икона заключена въ Деисусѣ, утвержденномъ надъ царскими дверями, и издана фототипіей въ каталогѣ иконной коллекціи Н. М. Посникова, которому ранѣе принадлежала. (См. Каталогъ собранія христіанскихъ древностей Н. М. Посникова, фототипія послѣ стр. 18). Оба лика одинаково по Новгородски выражаютъ идею Вседержителя ²⁾.

IV.

Не всякая лицевая рукопись допускаетъ непосредственное сопоставленіе съ иконой: миниатюра имѣетъ свои особенности въ области композиціи, рисунка и въ области красокъ. Есть впрочемъ иконы, обыкновенно многоличныя, писанныя въ миниатюрной манерѣ, какъ есть и миниатюры, старающіяся точно воспроизвести все впечатлѣнныя иконнаго мастерства.

Прежде чѣмъ предложить изслѣдованіе нѣсколькихъ лицевыхъ рукописей, какъ источниковъ для изученія иконописи, необходимо остановиться на общихъ условіяхъ, ограничивающихъ сферу сравненія.

¹⁾ Я говорю о его письмѣ исключительно на основаніи древнѣйшей иконы Троицы въ Сергіевой Лаврѣ.

²⁾ Въ Златоустѣ, принадлежащемъ Историческому Музею (инв. № 35887, рукопись XVI вѣка, съ записью 1593 года) я изшелъ миниатюру, которая по техникѣ и краскамъ можетъ быть отнесена къ Московскимъ, довольно старымъ, письмамъ. Это—фигура въ ростъ, изображающая Іоанна Златоуста. Золотой фонъ, крестчатая риза (кресты темнокоричневые, риза—сурикъ), короткія движки въ ликѣ и на рукахъ, сильныя бѣлые пробѣлы исподней голубой

Цѣль. Икона имѣетъ самостоятельное значеніе, и интересъ ея сосредоточивается на изображеніи главной фигуры или лика. Обстановка имѣетъ второстепенное значеніе. Ровинскій замѣчаетъ, что ландшафтъ и палаты пріобрѣтаютъ болѣе самостоятельности только въ стѣнописи, въ иконахъ большаго размѣра или поздней эпохи — царскихъ и строгановскихъ конца XVII вѣка. Миниатюра не имѣетъ цѣлью сосредоточить вниманіе на главной фигурѣ или ликѣ, она есть иллюстрація событія и должна дать изображеніе дѣйствія — при помощи болѣе сложной композиціи и обстановки, выражающейся въ ландшафтѣ и палатахъ. Служебнымъ значеніемъ миниатюры, какъ одного изъ видовъ украшенія рукописи, обусловлено и большее богатство и разнообразіе раскраски. Въ иконописи носятъ этотъ характеръ чаще всего строгановскія письма, которыя вообще перемѣстились въ направленіи къ миниатюрѣ въ сравненіи съ иконами болѣе старыхъ школъ. Размѣръ. Миниатюра рѣдко достигаетъ размѣра обычной иконы (5 × 7 верш.) и въ этомъ случаѣ всегда бываетъ многочисленною, вслѣдствіе чего отдѣльныя фигуры и лики на такой миниатюрѣ всетаки очень мелки. Естественно, что ограниченный размѣромъ, миниатюристъ не имѣетъ возможности подробно разработать ни рисунка, ни раскраски въ томъ видѣ, какъ они являются на иконѣ, и какъ бы ограничивается эскизомъ. Матеріалъ. Иконная техника тѣсно связана съ матеріаломъ: она предполагаетъ письмо яичными красками по левкасу, въ нѣсколько послѣдовательныхъ слоевъ, которыми передаются тона, свѣтъ и тѣнь. Миниатюра являлась на пергаментѣ и на бумагѣ. Неровность и желтоватый цвѣтъ пергамента дѣлаютъ необходимой густую грунтовку бѣлиломъ, по которой и самая раскраска производится густыми, тяжелыми красками, смѣшанными съ бѣлиломъ. Эта техника менѣе благодарна, чѣмъ яичныя краски, и не допускаетъ большой тонкости и отдѣлки. Техника, господствующая на бумагѣ, напротивъ того даетъ большую свободу художнику и увеличиваетъ его техническія средства: ему доступны различныя манеры, начиная отъ самой легкой акварельной (приплескъ), и кончая тяжелыми красками на бѣлялахъ. Переходъ съ пергамента на бумагу несомнѣнно содѣйствовалъ и болѣе опредѣленности рисунка и завершилъ его стилизацію.

Если миниатюра пишется по сплошному фону изъ листоваго золота, она можетъ быть сравниваема съ такой-же иконной техникой. Впрочемъ Ровинскій замѣчаетъ (стр. 69), что онъ не видѣлъ ни одной иконы, писанной сплошь по листовому золоту: имъ покрываются только поля, свѣтъ (фонъ) и вѣнцы на иконѣ, т. е. вся верхняя часть иконы, вслѣдствіе чего и верхняя часть изображеній — головы, палаты, горы, небо приходится писать по золоту. Замѣтимъ, что, отчасти вслѣдствіе рутинности, миниатюра на пергаментѣ пишется тяжелой манерой даже и тогда, когда пергаментъ предварительно покрытъ золотомъ. Изъ сказаннаго ясно, что для сравненія съ иконами могутъ быть привлекаемы прежде всего такія рукописи, гдѣ фигуры и лики писаны крупнѣе обыкновеннаго, при томъ прежде всего — рукописи на бумагѣ съ миниатюрами, исполненными на яйцѣ. Только при этихъ условіяхъ можно ожидать иконной техники наложенія красокъ. Для иконнаго рисунка особенно важны такія рукописи (очень рѣдкія), которыя даютъ рисунокъ тонкій, подробно разработанный и не скрытый густою или грубою раскраскою. Въ частности для новгородской школы имѣютъ значеніе рукописи болѣе древней эпохи, не позднѣе XVI вѣка.

ризы, — все ясно указываетъ на преемство Новгородскихъ традицій. Но, колоритъ лика уже ярко-коричневый; санкирь, видимый на правой щекѣ святаго и въ надяхъ глазъ, еще темный, но съ малымъ количествомъ иззелени; какъ въ ризахъ, такъ и въ ликѣ, очень мало рельефности вслѣдствіе почти полнаго отсутствія тушевки. Круглая шапка волосъ и незначительныя черты: короткій носъ, круглыя пухлыя губы, круглыя глаза и очень вынуклыя скулы, придаютъ лику бытовой характеръ: общее впечатлѣніе небогатой, и простонародной, хотя и вѣдурной натуры.

А. Румянцевское Евангеліе 1401 года.

Рукопись очень точно описана Востоковымъ подъ № 118 на стр. 182—183. Это—четвероевангеліе, писанное на пергаментѣ, въ форматѣ малой четвертки, на 215 листкахъ, въ два столбца, мелкимъ простымъ уставомъ. Дата на л. 202 сообщаетъ только, что писаніе книги окончено 1 іюня ~~1401~~ лѣта. Въ началѣ каждаго Евангелія заставка (въ одинъ столбецъ шириною) тератологическаго (новгородскаго) стиля и того же стиля инициалъ. Въ заглавіяхъ киноварь, иногда золото; вязи нѣтъ—ее замѣняютъ крупныя буквы двойнаго контура, обычныя для болѣе древней эпохи (до XV вѣка). Стиль орнаментовъ указываетъ скорѣе всего на сѣверо-западную половину Россіи (въ широкомъ смыслѣ). Правописаніе—русское въ томъ видѣ, какъ оно установилось въ XIV вѣкѣ, съ особенностями, свойственными концу этого вѣка. Специальныхъ діалектическихъ чертъ языка почти нѣтъ, при чемъ напр. отсутствіе московскихъ и бѣлорусскихъ особенностей косвенно свидѣтельствуетъ въ пользу сѣвера. Въ 3 л. глаголовъ—постоянно мягкое окончаніе—*тъ*; мягки шипящія и *и*. Послѣ гортанныхъ ставится уже *и*; въ винит. мн. м. р. часто окончаніе: — *овъ* вм. болѣе стараго—*ъ*: избытковъ, укруповъ, въпроси книжниковъ и т. д. Достоверныхъ примѣровъ *аканья* нѣтъ. Новгородской смѣны $\frac{3}{4}$ нѣтъ; можно бы видѣть псковскую смѣну $\frac{6}{10}$ въ формѣ помышлаште (=шлесте) $\frac{76}{100}$, но здѣсь *и* можетъ быть объясняемо опиской или другими причинами. Какъ бы то ни было, косвенныя примѣты позволяютъ допустить, что Евангеліе писано къ сѣверу или сѣверо-западу отъ Москвы, въ сферѣ распространенія новгородскаго искусства.

Миниатюры представляютъ счастливое исключеніе изъ обычной техники: онѣ писаны не на бѣлѣ: пергаментъ не грунтованъ, краски легкія, вѣроятно на яйцѣ. Рисунокъ свободный, подробности умѣренно разнообразны. Тона спокойныя, не свѣтлыя и не яркіе, хорошо сгармонизированныя.

Л. 3. Надпись золотомъ ѿ мѣфен. Евангелистъ сидитъ на четырехугольномъ табуретѣ, посланномъ красной (киноварь) подушкой, лицомъ въ лѣво, въ рукѣ запахнувшись складками иматіона, держитъ полураскрытую книгу; подъ ногами скамья (безъ ножекъ, въ видѣ четырехугольника); предъ Евангелистомъ другой, подобный табуретъ съ двухмѣстнымъ ящикомъ (чернильницей) и пюпитромъ въ видѣ рѣзной колонны съ раскрытой книгой наверху. Табуреты и пюпитръ свѣтло-коричневые съ перспективной оттѣнкой, съ золотою вкось штриховкою (инкопъ) и кое-гдѣ съ золотыми простѣйшими орнаментами. Штрихи листоваго золота, положены не съ кисти. На второмъ планѣ палаты: слѣва башня круглая оливковато-коричневая съ перспективной оттѣнкой, сверху сѣнь полусферическая голубая, вдоль ея низа—полукруглыя ниши, въ которыхъ видна красная паволока (киноварь), перекинутая съ праваго зданія. Верхъ сѣни клѣтчатый, желтоватый (средняя охра). Сзади башни, въ дали—высокая стѣна или зданіе съ легкимъ расчлененіемъ частей и украшеніями, оливковато-коричневое. Справа (на первомъ планѣ) — зданіе съ двускатной крышей и высокой, округленной сверху дверью; по бокамъ ея два выступа на подобіе поручей кресла, опирающіеся на колонкахъ (подобное зданіе см. на прилагаемой табл. XVIII, рис. 3, налѣво); зданіе тускло-малиновое (баканъ съ чернилами) съ тщательной перспективной оттѣнкой; крыша чернильная—темно-голубая (лазорь съ черниломъ). Зданія перваго плана соединены вверху киноварной паволокой съ прямыми, нѣсколько неподвижными складками и слабой оттѣнкой. Земля зеленая съ изображеніемъ травъ въ видѣ точекъ и въ видѣ черточекъ, расположенныхъ звѣздами в

уголками. Ризы Евангелиста: верхняя—тускло-зеленая съ темно-зелеными линиями контуровъ¹⁾, т. е. точиѣ—очерками фигуры, ея частей, одежды, ея частей и глубины складокъ. Пробѣлы свѣтло-голубые, а на сильно освѣщенныхъ мѣстахъ бѣлые (бѣлило). Исподняя риза: контуры темно-зеленые, пробѣлы зеленые и бѣлыя²⁾. Ликъ писанъ на темно-оливковомъ санкирѣ (вѣроятно охра, чернила и празелень), который виденъ мало (вдоль виска, уха, по краю щеки), и оживленъ охрой (средней тѣни); кромѣ того въ ликѣ грубая (пятнами) подрумянка; движки въ лицѣ и на пальцахъ мало характерныя, ибо также пятнами и потому отъ оживки бѣлиломъ отличаются только тѣмъ, что не стѣнены съ окружающею охрой).

Л. 58 об. Евангелистъ Маркъ, надпись золотомъ оѧ марко. Сидящая фигура обращена влѣво. Табуреты, скамейка—по формѣ и цвѣтамъ тѣ-же, что у Матѳея, только пюпитръ не колонкой, а въ видѣ змѣи или дельфина, поставленнаго на голову, и чернильница въ видѣ флакона. На второмъ планѣ два орнаментальныхъ (не реальныхъ) зданія, соединенныхъ вверху киноварной, реально брошенной паволокой съ слабой оттѣнкой. Правое зданіе: зеленый архитравъ, съ двумя бойницами или башенками по сторонамъ, лежитъ на двухъ колонкахъ съ голубыми капителями и чернымъ туловомъ. Колонки утверждены на низкой и широкой, длинной стѣнѣ оливковаго цвѣта (цвѣта санкира). Лѣвое зданіе: двускатный фронтонъ (охра), узкая вверху закругленная дверь, по бокамъ ея два выступа (оливковыхъ), покоящихся на колоннахъ (голубая капитель, черное тулово),—все поставлено на высокой свѣтлозеленой цоколь. Болѣе или менѣе всѣ архитектурныя части тушеваны перспективно въ тѣнь. У лѣваго зданія справа изображено стройное темнозеленое деревцо (кипарисъ?), слегка наклоненное влѣво, какъ бы отъ вѣтра, и пересѣкаемое паволокой, которая ближе къ зрителю. Изображены отдѣльныя вѣтви, смѣло и естественно; нѣкоторыя изъ нихъ,—ближайшія къ зрителю—голубыя, что одновременно соотвѣтствуетъ перспективной оттѣнкѣ и новгородской пробѣлкѣ (другою краской). Земля изображена какъ на л. 3. Ризы Евангелиста: исподъ—киноварь; верхъ—темно-голубой (лазорь съ черниломъ), пробѣлы—бѣлило. Въ ликѣ (вдоль виска и щеки, во впадинахъ глазъ) санкиръ: зелень довольно свѣтлая (празелень, бѣлило, мало охры, чернила вѣроятно нѣтъ совершенно). Личная охра (довольно свѣтлая) болѣе замѣтна на шеѣ, чѣмъ въ ликѣ; грубая подрумянка лба, губъ, щеки, уха. Движки: на лбу, въ бѣлкѣ, вдоль носа, вкось шеи, по большимъ и указательнымъ пальцамъ (на правой рукѣ—также по среднему пальцу).

Л. 94 об. Надпись золотомъ: оѧ лѣкас. Евангелистъ сидитъ обратясь вправо, пишетъ, держа книгу на колѣняхъ (обрѣзъ—киноварь). Табуретъ болѣе узорный, съ колонками; подушка голубая, подвожіе—какъ ранѣе, письменный табуретъ—шестиугольный, чернильница—ящикъ двухмѣстный; пюпитръ—колонка рѣзная,—все, какъ и ранѣе, свѣтло-коричневое съ золотомъ. На второмъ планѣ палата слѣва: башня зеленая съ болѣе низкой пристройкой справа; крыша башни сводчатая черепичная (голубая), открыта спереди и позволяетъ видѣть квадратный открытый верхъ башни (ср. нѣчто подобное на табл. XVIII. 2, правая часть зданія). Слева изъ-за башни, справа изъ-за пюпитра выступаютъ два дерева одинаковой породы, свободно и правдиво изображенныя: стройный, съ изгибами стволъ, на немъ—одинъ надъ другимъ—два зонта зелени: узкіе листья загнулись внизъ, зелень двухъ (перспективныхъ) тѣней, листья передняго плана—голубые. Ризы: исподъ—голубой (лазорь съ черниломъ и бѣлиломъ), сильно пробѣленъ бѣлиломъ. Верхъ—тускло-малиновый (баканъ съ черниломъ), сильно пробѣленъ бѣлиломъ. Въ ликѣ видно много санкира и очень мало охры; гру-

¹⁾ Гдѣ въ послѣдующемъ не оговаривается цвѣтъ контуровъ, имѣется въ виду, что они рисованы темной тѣнью того цвѣта, которымъ писана риза.

²⁾ При встрѣчѣ бокъ-обокъ пробѣловъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ, первые всегда выражаютъ яркія свѣтловыя пятна на выпуклыхъ поверхностяхъ, послѣдніе—полутѣни на скатахъ.

бая подрумянка, грубыя короткія движки (или нестусшеванная оживка бѣлиломъ?) на концѣ носа и на суставахъ пальцевъ.

Л. 157 об. Іоаннъ Богословъ (см. фототипич. таблица XIV рис. 2). Надпись золотомъ: *oā iō o εσολογος*. Гористый ландшафтъ: скалы крутыя, сильно уступчатыя, свѣсившіяся однѣ впередъ, другія назадъ,—свободнаго и реального рисунка. Верхнія площадки уступовъ—свѣтлая охра, широко пробѣленная бѣлиломъ разной силы, всего сильнѣе къ краю, „пашками“ по терминологіи Ровинскаго. Отвѣсныя переднія части уступовъ—тоже охра, пробѣленная и контурно раздѣланная лазорью съ черниломъ, какъ кое-гдѣ и другія части (зады и бока уступовъ). Отвѣсныя бока скалъ—охра болѣе глубокая, по крайней мѣрѣ трехъ тѣней, наложенныхъ очень перспективно. Позднѣйшей однообразной стилизаціи уступовъ еще мало: площадки еще не всюду расположены попарно въ рядъ, ихъ уклонъ различенъ, ихъ заднія конечности только кое-гдѣ ограничены округлостями — „копытцами“ по терминологіи Ровинскаго. Очень реальны растенія, оживляющія ландшафтъ, особенно двѣ кустистыхъ травы—направо вверху и посрединѣ внизу. Въ верху между двухъ скалъ деревцо описанной выше породы (какъ на л. 94 об.), здѣсь оно болѣе приземистое и сильное. Всѣ три растенія темно-зеленыя съ оттѣнкой и съ голубыми пробѣлами листвы на первомъ планѣ. Лики обоихъ святыхъ отдѣланы гораздо лучше, чѣмъ на предыдущихъ миниатюрахъ. У Іоанна въ черепѣ (почти големъ), вдоль виска, вокругъ глазъ, по сторонамъ носа, въ бородѣ—оливковый санкирь; все оживлено очень рельефно теплой охрой, движки на лбу и подъ глазами тонки и хорошо видны на прилагаемомъ рисункѣ. Подрумянка тонкая. Лицо Прохора отдѣлано нѣсколько костоватѣе, но съ хорошимъ рельефомъ. Вдоль виска и щеки ясно лежитъ незатусшеванный оливковый санкирь. Ризы Іоанновы: верхъ—зелень оливковая, пробѣлы голубые (полутѣнь) и бѣлые (свѣтъ); исподъ—голубой въ двѣ тѣни. Прохоровы ризы: исподъ—какъ у Іоанна, верхъ тускло-коричнево-малиновый (баканъ съ черниломъ), контуры—зеленые, пробѣлы голубые двухъ тѣней (полутѣни) и бѣлые (свѣтъ). Разсматривая ризы обоихъ святыхъ въ ортохроматической передачѣ на фототипіи, невольно приходится убѣдиться, что цвѣтные пробѣлы не вполнѣ реальны только по цвѣту: по силѣ красокъ они представляютъ вѣрные полутоны. Табуреты, на которыхъ сидятъ обѣ фигуры, какъ и въ предыдущихъ миниатюрахъ украшены инокопью.

Мнѣ остается прибавить очень немного къ этому протокольному описанію миниатюрь 1401 года. Рисунокъ, тушевка, накладка красокъ въ ликахъ и ризахъ, ландшафтъ и зданія—все говоритъ за то, что любители иконописи правы, опредѣляя XIV—XV вѣкъ, какъ эпоху высокихъ и старыхъ новгородскихъ писемъ. Читатель согласится, что мое описаніе, сдѣланное съ натуры, поразительно близко подходитъ къ характеристикѣ новгородской манеры, какъ ее даетъ Ровинскій. Нѣкоторое упрощеніе техники (особенно въ ликахъ), естественно объясняется меньшими размѣрами нашихъ миниатюрь (2×3 верш.).

В. Румянцевское Евангеліе 1567 года.

Оно описано у Востокова подъ № 141. Рукопись писана въ листъ, крупнымъ литургическимъ (не слишкомъ изящнымъ) полууставомъ, съ модной примѣсью большаго юса. Заставки, въ богатомъ стилѣ XVI вѣка, представляютъ мелкія травы на золотомъ полѣ, вписанныя въ простѣйшія геометрическія формы. Въ заглавіяхъ строки вязи изображены иногда золотымъ просвѣтомъ въ синемъ или зеленомъ полѣ. Но всѣ эти приемы роскошной техники являются лишь наслѣдіемъ лучшей эпохи и использованы не вполнѣ тонко. Интересно, что миниатюры писаны на особыхъ четырехугольныхъ кускахъ бумаги, тщательно вклеенныхъ въ узорную раму,

которая повидимому, одна и рисована орнаментаторомъ рукописи: лицевыя изображенія на вклеенныхъ листкахъ писались отдѣльно, вѣроятно, особымъ мастеромъ-иконникомъ. На первыхъ двухъ листахъ—лѣтопись, которая сообщаетъ, что тетроевангеліе было положено $\times 30$ пятого года ѿ юля въ церковь свв. Бориса и Глѣба на торговой сторонѣ (Новгорода) повелѣніемъ священника той же церкви Іоны, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и архіепископѣ Пименѣ богоспасаемыхъ градовъ Новгорода и Пскова. Водяные знаки бумаги: въ этой лѣтописи—кувшинъ, увѣнчанный крестикомъ, въ текстѣ Евангелія—кабанъ и перчатка съ цвѣткомъ (раскрытый тюльпанъ) поверхъ пальцевъ и оторочкой кружками внизу. Одна миниатюра этого Евангелія прилагается въ фототипіи (Ю. Богословъ, табл. XIV, рис. 1). Я нарочно помѣщаю здѣсь эту позднѣйшую изъ разсматриваемыхъ мною рукописей, чтобы на двухъ миниатюрахъ одинаковаго содержанія показать измѣненія, которыя за полтора вѣка (1401—1567) успѣли произойти въ новгородской школѣ: ея цвѣтущая эпоха находилась уже позади. Переходъ Макарія на московскую митрополию (1542) и великій московскій пожаръ (1547) давно отвлекъ лучшія художественныя силы въ новую столицу. Новгородъ находился почти наканунѣ разгрома 1571 года, которымъ трагически завершается вліятельный періодъ новгородскаго искусства.

Общее впечатлѣніе тоновъ миниатюръ—яркое, хотя тяжелое и нѣсколько грубое; свѣтъ—золотой. Довольно узкій и высокій размѣръ рисунка не позволялъ изобразить лики и фигуры въ большомъ масштабѣ, но за то оставлялъ большее поле для обстановки—палаты и ландшафта, которые далеко вытянуты вверхъ. Краски повидимому яичныя.

Л. 11 об. Надпись: оа мѣ. Евангелистъ въ палатной обстановкѣ сидитъ обратившись вправо. Два изящныхъ тщательно рисованныхъ зданія, соединенныхъ красной паволокой, занимаютъ второй планъ. Въ противность Евангелію 1401 года изображенъ одинъ передній фасадъ зданій. Самые типы зданій хорошо извѣстны изъ предыдущей эпохи живописи; они не слишкомъ вычурны, но выписка частей и особенно раскраска—каллиграфическая; краски разнообразны: двѣ зеленыхъ, коричневая, охра, голубая и малиновая (баканъ) съ оттѣнкой тѣми-же колерами, но уже въ интересахъ украшенія, а не перспективы; равнымъ образомъ пробѣлка не выражаетъ освѣщенія: бѣлила наложены по зданіямъ тонкими узорами. Ликъ святаго тускло-коричневый, почти безъ тѣней (плавью), у виска—оливковатый, но вообще въ санкирѣ мало празелени и много чернила. Личная охра розоватая, румяна—только въ губахъ, движки только въ яблокѣ глазъ и на пальцахъ руки, но въ послѣднемъ случаѣ скорѣе это пробѣлы, обозначающіе рельефъ, чѣмъ настояція движки для обозначенія граней поверхности. Ризы: исподъ—довольно ярко зеленый, пробѣленъ бѣлиломъ; верхъ коричневый въ двѣ тѣни; но въ лѣвой сторонѣ фигуры (правое плечо, рука и бедро) коричневая краска сверху сильно затушевана синимъ цвѣтомъ въ три тѣни, образуя съ коричневымъ фономъ темныя тона, такъ что вся эта часть фигуры представляется тускло-синей, а не коричневой; кромѣ того наиболѣе освѣщенные мѣста пробѣлены бѣлиломъ. Миниатюры Евангелія 1401 года должны были убѣдить насъ, что новгородская пробѣлка другою краской отнюдь не составляетъ обязательной особенности школы. Изъ двухъ фигуръ, соединенныхъ на одной миниатюрѣ, одна можетъ быть пробѣлена иной краской, другая—бѣлилами. Цвѣтная пробѣлка примѣнялась, когда у мастера другая краска была случайно подъ рукой: колеръ пробѣлки обыкновенно встрѣчается тутъ же, въ другихъ частяхъ миниатюры; рисуя напр. голубыя части зданій, мастеръ мимоходомъ накладывалъ съ той-же кисти голубыя пробѣлы на зеленую, уже выписанную ризу. Но въ цвѣтущую эпоху искусства мастеръ очевидно зналъ, что второй колеръ имѣетъ техническое а не орнаментальное значеніе, что онъ допустимъ именно лишь въ пробѣлкѣ (полуосвѣщенныхъ частей) и не долженъ покрывать сплошь частей ризы. Какъ разъ явленіе этого рода,—утрату смысла техники—находимъ мы въ разсмотрѣнной миниатюрѣ 1567 года:

правая бѣльшая сторона ризы—сплошь коричневая, лѣвая меньшая — почти сплошь синяя. Очевидно отъ старой осмысленной техники осталась уже одна привычка украшать ризы разными цвѣтами. Это явленіе заключаетъ дату.

Л. 115 об. Евангелистъ Маркъ. Грубость красокъ та-же, яркость еще сильнѣе. Зданія въ той-же манерѣ. Ликъ, который у Матѳея писанъ почти плавью, здѣсь хорошо оживленъ, тщательно и умѣренно подрумяненъ; характерныя, тонкія и короткія движки: на лбу, у внѣшнихъ концовъ глазъ (гусиная лапка), подъ глазами, въ бѣлкѣ (сильно), на носу и ноздрѣ—очень реально, на пальцахъ — волной по выпуклымъ мѣстамъ. Санкирь еле виденъ, очень темный, но кажется въ немъ больше празелени, чѣмъ у Матѳея. Ризы: исподъ—киноварь въ двѣ тѣни, пробѣлы—бѣлило; верхъ—синій двухъ тѣней, пробѣлы—бѣлила въ двѣ тѣни (силы).

Л. 184 об. Евангелистъ Лука сидитъ обратившись вправо. Зданія и ликъ такіе же, какъ у Марка. Ризы: исподъ—какъ у Марка; верхняя риза коричневая (баканъ съ черниломъ) въ двѣ тѣни, пробѣлы—бѣлила въ двѣ силы. Правое бедро Евангелиста и нога по колѣно поверхъ коричневаго штрихованы зеленой краской, а совсѣмъ къ низу — голубою; на самыхъ сильныхъ мѣстахъ наложены пробѣлы бѣлиломъ въ двѣ силы. Штриховка зеленымъ и голубымъ цвѣтомъ до извѣстной степени исполняетъ здѣсь роль цвѣтныхъ пробѣловъ, изображая полутѣнь, но отклоненіемъ отъ традицій школы является трехцвѣтность ризы. (Дата).

Л. 289 об. Евангелистъ Іоаннъ съ Прохоромъ. Лики свѣтлѣе, чѣмъ на предыдущихъ миниатюрахъ. Въ ликѣ Іоанна санкирь тщательно задѣланъ, у Прохора лицо костоватѣе, у виска и около уха виденъ зеленый санкирь (зелень, охра, но вѣроятно безъ чернилъ). Лицная охра не одна, а по крайней мѣрѣ двѣ. Подрумянка очень осторожная; оживки бѣлиломъ мало: еѣ замѣняетъ послѣдняя охра, которой тушевано и штриховано на лбу, подъ глазами, на рукахъ; этимъ достигнута мягкость переходовъ отъ свѣта къ тѣни, въ чемъ можно убѣдиться по фототипическому снимку (табл. XIV. 1). Бѣлило вѣроятно не употреблено въ ликѣ въ томъ расчетѣ, чтобы сильнѣе выразить имъ серебряную сѣдину волосъ, бровей и бороды. Ризы Іоанновы: исподъ — баканъ почти малиновый въ двѣ тѣни, пробѣлы — бѣлила въ двѣ силы; верхъ—зелень въ двѣ тѣни—вообще оливковатая, однако чисто зеленая въ правой рукѣ, въ бедрѣ и ногѣ до колѣна, (ср. выше болѣе сильныя цвѣтовые различія въ тѣхъ-же частяхъ фигуръ), пробѣлы—бѣлила въ двѣ силы. У Прохора ризы: исподъ голубой въ двѣ тѣни, пробѣлы бѣлилами въ двѣ силы; верхъ—баканъ коричневатомалиновый въ двѣ тѣни, лѣвое бедро и верхъ ноги по бакану штрихованы голубой краской; пробѣлы всюду бѣлоломъ въ двѣ силы. Высокія горы изображены на золотомъ фонѣ. Онѣ писаны охрой въ двѣ тѣни, но оттѣнка вообще слаба; пробѣлы наложены бѣлилами въ двѣ силы. Въ ращелинахъ растутъ довольно естественныя кустарники.

Посмотримъ теперь, какъ въ полтора вѣка измѣнился рисунокъ горъ. Уступы стали строго парными и получили одинъ общій уклонъ и общее направленіе. Вертикальное разстояніе уступа отъ уступа стало очень незначительно и кромѣ того послѣдовательно и рѣзко проведена манера изображать на каждой площадкѣ два, а иногда и три ряда плитокъ, одинъ рядъ надъ другимъ, — на подобіе черепичной крыши. Зады скалъ всюду изображены въ видѣ закругленій. Боковой отвѣсный склонъ скалъ представленъ въ ракурсѣ, лишающемъ ихъ глубины. Изъ парныхъ площадокъ та, которая обращена влѣво, имѣетъ очень острый уголъ. Какъ видимъ живые уступы скалъ, еще такъ хорошо угадываемые въ изображеніи 1401 года, получили теперь однообразную схему (Дата). Реальный ландшафтъ, уже въ болѣе древнемъ рисункѣ стализованный по своимъ существеннымъ признакамъ, въ болѣе позднемъ рисункѣ приобрѣлъ еще бѣльшую обстрактность вслѣдствіе удаленія различныхъ несущественныхъ, но характерныхъ признаковъ, а также—вслѣдствіе извѣстнаго рода непреднамереннаго искаженія

признаковъ существенныхъ. Въ этой поздней Новгородской схемѣ уже можно предвидѣть то уклоненіе въ причудливую, сознательно удаляющуюся отъ природы манеру, которая будетъ выработана Строгановской (2-ой) школой: очень скоро, почти чрезъ полъ-вѣка по прихоти иконописцовъ-каллиграфовъ отдѣльные уступы растрескаются въ видѣ узкихъ перитныхъ коралловъ или листьевъ, которые потянутся въ верхъ своими концами и придадутъ горному ландшафту растительный характеръ какихъ-то гигантскихъ невиданныхъ лишаевъ.

Изъ четырехъ изображеній Евангелистовъ Іоаннъ Богословъ обыкновенно оказывается нарисованнымъ всего тщательнѣе. Его популярность, какъ автора Апокалипсиса, и его характерный духовный обликъ подавали къ тому поводъ. Сама традиціонная композиція этой миниатюры содѣйствовала тому: послѣ трехъ монотонныхъ изображеній Маттея, Марка и Луки миниатюристъ отдыхалъ на горномъ ландшафтѣ Патмоса и влагалъ болѣе чувства въ лики Іоанна и его ученика. Въ Евангелии 1401 года лики трехъ первыхъ Евангелистовъ по выраженію довольно незначительны; въ Евангелии 1567 года выраженіе этихъ ликовъ застывшее, хотя еще и не заслуживаетъ эпитета „бытоваго“ въ томъ смыслѣ, какъ мы условились понимать его выше. Лики Іоанна и Прохора въ обоихъ Евангелияхъ характерны для Новгородской школы: они сосредоточены, спокойны. Быть можетъ болѣе позднему Евангелию принадлежитъ даже первенство: оно даетъ обоимъ ликамъ — старому и молодому — печать какой-то суровой энергіи.

С. Евангеліе апракосъ 1562 года.

Оно принадлежитъ Историческому Музею (инв. № 24598). Рукопись писана въ листъ на 484 листахъ и содержитъ на послѣднемъ листѣ слѣдующую лѣтопись: „Мѣтїю бѣіією и прѣтые вѣи и всѣ сѣи мѣтвами написано въ сіе сѣое сѣліе во шбитѣ прѣтые вѣи чѣнѣ и славна еѣ и чудотворнаго образа срѣтенїа владимерскїа на рѣкѣ на веражѣ¹⁾ и лѣ 33²⁾ мѣа іюла при державѣ блгочїнїа цѣа и гдѣа велика вѣзѣа іѣа вѣсѣвї всеа рѣсїи и при архїеїкпѣ серапїонѣ великѣ новаграда и псковѣ повелѣнїе многорѣшнѣ рава вѣїа фѣшдѣра дмїресѣа сїа сыркова³⁾ и срѣжено въ сіе сѣліе златѣ и сребрѣ и каменїе украшено в памѣ вѣчнѣю ктиторѣ сѣи шбителї ш хѣ ісѣамїнѣ“.

Камни, серебро и золото давно исчезли съ оклада: рукопись переплетена въ совершенно гладкій кожаный переплетъ, обрѣзъ густо покрытъ красной краской, листы мѣчены славянскими цифрами старообрядческаго почерка, — все указываетъ, что книга прошла сквозь поморскїя руки и что позднїй владѣлецъ зналъ цѣну прекрасному памятнику. Внутренность рукописи вполне соответствуетъ ея происхожденію: заставки (травы въ золотомъ полѣ, вписанныя въ простѣйшія геометрическія формы), инициалы и строки вязи въ заглавіяхъ крупныхъ отдѣловъ, рамки миниатюръ, защищенныхъ тафтою, — неподобно хороши и содержатъ прекрасные орнаментальные мотивы. Сами миниатюры рисованы (яичными красками) на от-

¹⁾ Вержа или Варяжа, рѣка Новгородской губ. и уѣзда, беретъ начало изъ Вязецкаго озера и впадаетъ въ озеро Ильмень съ западной стороны.

²⁾ Ѣ, которое не имѣетъ надъ собою тїтла, не можетъ быть читаемо за кирилловскую цифру ѣ = пять: оно есть окончанїе предыдущаго слова: шестидесятое.

³⁾ Сырковъ, Феодоръ Дмитріевъ сынъ, государевъ дьякъ въ Новгородѣ, смѣненъ въ 1555 году. См. Лихачева, Разрядные Дьяки, указатель. Первыми свидѣніями объ этомъ лицѣ я обязанъ устнымъ указанїямъ Н. П. Лихачева. Упоминаемая въ записи обитель Срѣтенїа создана вѣроятно старшимъ поколѣніемъ семьи Сырковыхъ, ср. Карамзина т. VII прим. 383, гдѣ подъ 1509 годомъ упоминается гость Иванъ Сырковъ, а подъ 1529 московскїй гость Дмитрій Сырковъ въ качествѣ строителя въ Новгородѣ.

дѣльныхъ листкахъ и наклеены на страницы рукописи. Эти изображенія (см. фототипическую таблицу XV, рис. 1 и 2) имѣютъ исключительный интересъ. Всѣ четыре Евангелиста представлены въ большомъ размѣрѣ, въ ростъ, безъ всякой обстановки, на сѣровато-синемъ фонѣ Спасо-Нередицкихъ фресокъ. Это типическіе образцы Новгородскаго настѣннаго письма, со всѣми качествами его рисунка и раскраски. Подобно каллиграфу, украшавшему рукопись, иконописецъ, писавшій эти миниатюры, былъ изъ числа лучшихъ мастеровъ своего времени. По иконописнымъ типамъ Евангелисты 1552 года единственное явленіе среди подобныхъ миниатюръ. Эти типы свободно перенесены на нихъ художникомъ съ Апостоловъ и Пророковъ настѣнной росписи.

Л. ѿ об. (см. табл. XV, рис. 2). еѣ іоѡ ѡсолѡ. Ризы Евангелиста: исподъ — голубой въ двѣ тѣни, пробѣлы — бѣлила; верхъ — оливковый, трехъ постепенныхъ тѣней; пробѣлы наиболѣе освѣщенныхъ частей — всюду бѣлило, въ двѣ силы; пробѣлы-полутоны въ самомъ верху, а также на правой сторонѣ (по лѣвому плечу и рукѣ фигуры и на развѣвающимся концѣ одежды) и въ самомъ низу (кайма подола), т. е. почти на всѣхъ складкахъ передняго плана синевато-сѣрые; всѣ пробѣлы широки, покрываютъ всю выпуклую поверхность, только въ падахъ складокъ (по сторонамъ темной линіи контура, идущей въ глубинѣ пади) виденъ оливковый (основной) цвѣтъ ризы; все очень тщательно стѣнено и представляетъ Новгородскую манеру пробѣловъ въ самомъ совершенномъ видѣ. Въ остальныхъ частяхъ фигуры пробѣлы-полутоны синевато-зеленые; тѣмъ-же цвѣтомъ тушеваны тѣневые части. Линіи контуровъ и пробѣловъ обнаруживаютъ типическую прямоу и рѣшительность Новгородскаго рисунка. Ликъ поражаетъ богатствомъ прекрасно ступенчатыхъ тоновъ: санкирь по цвѣту подходит къ свѣтлымъ мѣстамъ верхней (оливковой) ризы и такимъ образомъ заключаетъ мало охры и чернилъ. Оживка (охра въ ликѣ) по крайней мѣрѣ двухъ тоновъ, коричневатая и не яркая; подрумянка тщательная, въ нѣсколько тѣней. Оживка бѣлиломъ (или б. м. движки) въ бѣлкѣ, у внѣшнихъ угловъ глазъ (гусиная лапка), подъ глазами, на носу, на лбу, и на рукахъ наложена въ видѣ тонкихъ слабыхъ линій.

Л. ѿ об. надпись: еѣ мѡѡ ѡ¹). Стоящая фигура. Ризы: исподъ голубой, пробѣлы наложены сѣро-синей краской (полутоны) и синеватымъ бѣлиломъ (въ сильно освѣщенныхъ мѣстахъ). Риза верхъ неяркаго пепельно-коричневаго цвѣта (=общій колоритъ лика), пробѣлы — бѣлило въ двѣ силы, тѣни (не пробѣлы полутоновъ) болѣе ярко коричневые. Ликъ нѣсколько тусклѣе, чѣмъ у Іоанна (подрумянка болѣе коричневая), санкирь — какъ у Іоанна, оживка бѣлиломъ легкая (не линіями, а хорошо ступенчатыми съ окружающимъ пятнами).

Л. рѣѡ об., еѣ мѡѡ¹) см. табл. XV, рис. 1. Стоящая фигура Марка. Ризы: исподъ — какъ раньше, верхъ — оливково-коричневый въ двѣ тѣни, пробѣлы — сѣро-синіе и бѣлило синеватое. Ликъ того-же тонкаго письма, какъ раньше, по колориту ближе къ лику Іоаннову. Оживка бѣлиломъ не такъ расплывчата, какъ въ ликѣ Матѡея, и мѣстами болѣе походитъ на движки, какъ у Іоанна.

Л. рѣѡ еѣ мѡѡ¹). Стоящая фигура. Ликъ — какъ раньше у Матѡея, только пятна бѣлилъ (оживка) и подрумянка грубѣе (менѣе ступенчаты съ окружающимъ). Риза-исподъ, какъ раньше, голубая, только пробѣлы зеленовато-голубовато-сѣрые. Риза-верхъ — коричневато-малиноватая (баканъ съ небольшою примѣсью чернилъ), въ двѣ тѣни. Линіи рисунка поразительно прямыя, чему благоприятствуетъ спокойная прямая постановка фигуры. Пробѣлы всюду зеленовато-голубовато-сѣрые (полутонъ) и бѣлиломъ того-же сѣраго оттѣнка (яркій свѣтъ). Пробѣлы всѣ

¹) Sic: въ сознаниі писавшаго вѣроятно смѣшались сокращеніе ѡ=ѡ аѣѡѡ и окончаніе именъ—ѡѡ.

линейные, не переходят въ расплывчато тушеванные поверхности и расположены по сторонамъ падей, въ глубинѣ которыхъ идетъ темная линия контура.

У этихъ большихъ фигуръ могутъ быть произведены измѣренія: фигуры вообще около $6\frac{1}{2}$ дюймовъ, голова отъ $\frac{7}{8}$ до 1 дюйма: фигура Иоанна—семь головъ, Матфея— $6\frac{3}{4}$ (голова святого слишкомъ велика), Марка—семь головъ, у всѣхъ троихъ въ виду позы измѣреніе возможно лишь приблизительное. У Луки, стоящаго впрямь, ясно опредѣляется размѣръ въ шесть съ половиною головъ (голова святого слишкомъ длинна). Какъ видимъ размѣры фигуръ колеблются въ предѣлахъ типичной Новгородской пропорціи.

Д. Евангеліе апракосъ 1534 года.

Роскошный памятникъ принадлежитъ Историческому Музею (инв. № 20737). Рукопись писана на 401 л. въ листъ большаго размѣра и украшена большими и малыми заставками тончайшей работы, того же травнаго стиля, какъ и заставки предыдущихъ рукописей, и кромѣ того многочисленными инициалами того-же травнаго рисунка, отчасти съ фантастическими мотивами. Сохранность памятника прекрасная. Обрѣзъ старый, имѣетъ красивыя круглыя клейма (черниломъ), въ которыхъ писано вязью. Переплетъ: доски вѣроятно старыя, въ ровень съ обрѣзомъ. Алыи бархатъ и серебряные съ позолотой среднякъ и угольники—новые (на серебрѣ проба 1817 года), но очень хорошо подобраны. Пасхальныи и Рождественскій листы одни нѣсколько захватаны, откуда слѣдуетъ заключить, что это Евангеліе только дважды въ году употреблялось при церковной службѣ. Листы 6—6 об. содержатъ слѣдующую лѣтопись:

«И лѣтѣ 7351 написана бы сѣа книга зовомое [ε]уагѣ при влѣовѣрномъ и вѣохранимѣ великомъ кѣзѣ нванѣ василькѣи самодержци всеа роуѣи и при сѣинѣмитрополите московскѣи и всеа роуѣ Данилѣ и при архѣеписѣи великѣи новаграда и пѣсковѣа влѣдкѣ макарьѣи влѣннѣемъ прѣпѣнѣи игумена александра вывшѣа¹⁾ а повелѣннѣемъ раба вѣиѣа пѣиѣкѣ²⁾ рекомѣ перо-ирѣа григорѣава сѣа и врата его лѣвѣтѣа и положи сѣе еуагѣ сѣиѣи трѣцѣи во александриѣи повѣстыѣи³⁾ при игуменѣ никодимѣ⁴⁾ и при сѣинницѣи при сѣинницѣи родѣи и при ісае и при лешитѣи и при всеѣи вѣрѣи на намѣ сѣѣи и свѣиѣи родителѣи сѣи же родителѣи пѣиѣкины помѣни дѣиѣа гѣи обсопѣи ра своѣи іусиѣа григорѣа александра оуланѣи наталиѣи іусиѣа.

Л. 7 об. Иоаннъ и Прохоръ на фонѣ горнаго ландшафта. Надпись ѿ іѡ... Въ ликахъ санкирь (зелень нетемная съ нѣкоторой примѣсью охры) по тону очень близкій къ цвѣту верхней ризы Иоанновой. У Иоанна санкирь особенно замѣтенъ вокругъ глазъ, у Прохора санкиря видно больше. Оба лика не слишкомъ темной охряной оживки съ тонкой оживкой бѣлилами. Ризы Иоанновы: нижняя—голубая, пробѣлы—бѣлиломъ, наложенные слишкомъ прямыми чертами. На верхней ризѣ, сѣро-оливковой, пробѣлы (также бѣлилами) очень хороши, сложны и разнообразны, въ три силы. Риза Прохорова— всего одна, верхняя, киноварная, въ двѣ силы, съ еле замѣтными пробѣлами бѣлиломъ. Горы на золотомъ фонѣ: слѣва—гора свѣтлой охры, справа—свѣтло-лиловая. На боковыхъ склонахъ въ обѣихъ горахъ наложены

¹⁾ Такимъ образомъ написаніе роскошной рукописи было замышлено еще при основателѣ обители (см. прим. 2 и 4).

²⁾ Пѣиѣкѣи, бояре, изъ рода Ярославскихъ князей.

³⁾ Очевидно Александро-Свирскій Троицкій, нынѣ Спасскій монастырь въ тридцати шести верстахъ отъ Олонца, прежде Новгородской, съ 1828 года Олонецкой епархіи, основанъ въ 1508 году св. Александромъ († 1533, канонизованъ въ 1547 году).

⁴⁾ Послѣ перваго игумена Александра Свирскаго Строевъ (Списки іерарховъ) называется Исаѣи, очевидно вѣдолаго правившаго, и *Никодима*, которому наследовалъ въ 1545 году Продионъ.

голубыя тѣни, которыя замѣтнѣе на лиловой горѣ. Поверхности горныхъ площадокъ нѣсколько изогнуты коробомъ, уклонъ большинства ихъ одинъ и тотъ-же, не горизонтальный, а довольно наклонный. Площадки отдѣлены верхняя отъ ближайшей нижней довольно высокими отвѣсными обрывами, но не систематично, ибо, при парности отдѣльныхъ площадокъ, нѣтъ общихъ, правильныхъ горизонтальныхъ рядовъ; сзади и отчасти справа — обычные полукружия, замыкающія площадку, обратились въ орнаментальные кружки (бѣлило), совершенно утратившіе связь съ природой, расположенные отдѣльно другъ отъ друга на подобіе какихъ то бусинъ вдоль линіи контура. Многочисленные пробѣлы площадокъ (бѣлиломъ) также носятъ орнаментальный характеръ: по низу каждой изъ парныхъ площадокъ обыкновенно прописаны двѣ короткія толстыя полоски въ одинъ рядъ. Надъ двумя полосками прописаны, также въ рядъ, два острыхъ уголка, черты которыхъ параллельны низу и лѣвой грани площадки. Надъ парными уголками (кверху) — одинъ большой уголъ (черты въ томъ же направленіи), въ который вписанъ подобный меньшій уголокъ. Иногда большіе углы вмѣсто острыхъ обращенныхъ влѣво, бываютъ тупые, обращенные вправо; иногда въ нихъ вписанъ не уголокъ, а черта, раздѣляющая уголъ пополамъ, но не доходящая до его вершины. Выше, въ миниатюрахъ двухъ Евангелій (табл. XIV рис. 1 и 2) мы разсмотрѣли умѣренную (1401) и сильную (1567) стилизацію горнаго ландшафта. Теперь мы имѣемъ предъ собою третье и послѣднее Новгородское измѣненіе горъ, то самое, въ которомъ они перешли въ старыя московскія и строгановскія письма. Можно сказать, что въ Евангеліи 1534 года стилизація не такъ сильна, какъ въ Евангеліи 1567 года, но за то надъ нею господствуетъ *манера*, сознательно удаляющаяся отъ природы въ область орнамента. Любопытно, что такая манера по свидѣтельству Евангелія 1534 года возможна уже въ первой половинѣ XVI вѣка, въ миниатюрѣ богатой и тщательной — очевидно уже въ эту эпоху сказалось каллиграфическое направленіе въ живописи (Дата).

Л. 59 об. Напись ба мѣѣ. Свѣдѣющая фигура обращена вправо. Фонъ, какъ на всѣхъ остальныхъ изображеніяхъ — листоваго золота. Палаты красивы, но довольно просты и мало тушеваны. Ликъ такой-же, какъ ранѣе, тщательно выписанный въ иконной техникѣ. Ризы: исподъ — во всемъ такой-же, какъ выше у Іоанна; риза верхъ — лѣвая сторона (отъ зрителя правая) средней коричневой тѣни, пробѣлы-полутоны — сѣрые, пробѣлы сильнаго свѣта — бѣлило. Правое бедро и нога (отъ зрителя налѣво) свѣтлокоричневые, пробѣлы — бѣлила въ двѣ силы, изъ нихъ болѣе слабыя (полутонъ) — сѣроватыя; по лѣвому краю фигуры контуръ и тѣневые части — голубые (Дата).

Л. 115 об. оа маркъ. Ликъ менѣе отдѣланъ, видно болѣе санкиру (между прочимъ — въ волосахъ и всей нижней части лица, начиная отъ бровей). Риза (одна верхняя) — голубая въ двѣ тѣни, пробѣлы — бѣлила въ двѣ силы, складки еще хорошо поняты, но изображены отчасти въ орнаментальной манерѣ; такъ, между плечемъ и локтемъ изображенъ правильный длинный овалъ (широкой частью кверху) заполненный косыми параллельными штрихами. Колѣно изображено въ видѣ кружка, который сверху и снизу охватываютъ острые уголки. Зданія такія-же какъ ранѣе.

Л. 147. ба лоука. Ликъ не такъ тщательно отдѣланъ, какъ у Іоанна и Марка. На щекахъ и лбу виденъ зеленоватый санкиръ. Оживки охрой мало (вѣроятно личная охра всего одна), за то много коричневатой подрумянки, которая придаетъ лику костоватость, или точнѣе красноватая щека на зеленомъ санкирѣ представляется припухлою. Зданія — какъ ранѣе. Ризы: исподняя — какъ ранѣе; риза-верхъ: въ правой отъ зрителя сторонѣ — коричневато-лиловато-малиновая (цвѣтъ клюквы), пробѣлы слабыя, бѣлиломъ въ одну тѣнь. Налѣво (правое бедро сидящей фигуры) многочисленные пробѣлы: бѣлила въ двѣ силы, сѣроватыя, въ значительной степени скрываютъ упомянутый основной цвѣтъ ризы, хотя они и наложены чертами, а не сплошными полосами.

Е. Лицевой Нифонтъ Историческаго Музея и Козьма Индикопловъ 1542 года въ Минеяхъ Макарія.

Музейское житіе Нифонта, съ миниатюрами легкой, не иконной раскраски, имѣетъ важность главнымъ образомъ для пониманія Новгородскаго рисунка и композиціи. Въ этомъ отношеніи оно замѣняетъ собою цѣлую коллекцію рѣдчайшихъ иконъ.

Рукопись писана на бумагѣ въ листъ, въ два столбца, полууставомъ, на 163 листкахъ. Въ началѣ небольшая (въ столбецъ шириною) заставка: тонкія травы на золотомъ и голубомъ фонѣ, вписанныя въ простѣйшія геометрическія формы.

Въ текстѣ 348 миниатюръ, нѣсколькихъ различныхъ рукъ, по большей части тончайшаго мастерства. Раскраска за самыми незначительными исключеніями — тонкая и тщательная, иногда сплошная съ оттѣнками, иногда сплошная въ одну прозрачную тѣнь, иногда — *въ приплекъ*, т. е. въ самой легкой акварельной манерѣ, состоящей въ томъ, что сильно освѣщенные части остаются безъ раскраски, при чемъ слѣдовательно свѣтлый бумажный фонъ замѣняетъ пробѣлы, а остальное покрывается самой слабой, водянистой краской, которую кисть направляетъ къ наименѣ освѣщеннымъ частямъ изображенія.

Рукопись не содержитъ ни даты, ни какихъ-либо указаній на мѣсто происхожденія. Нѣкоторыя любопытныя соображенія по обоимъ вопросамъ могутъ однако быть извлечены изъ ея водяныхъ знаковъ. Судя по даннымъ, собраннымъ въ послѣднемъ капитальномъ трудѣ Лихачева (Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ) подобные знаки сравнительно рѣдко встрѣчаются въ русскихъ рукописяхъ. Въ житіи Нифонта всего два вида водяныхъ знаковъ: одинъ послѣдовательно встрѣчается въ основной, болѣе древней части рукописи, другой въ болѣе поздней вставкѣ, на л. л. 27—33. Водяной знакъ основной части — небольшая корона, сверху ея — одинъ надъ другимъ — два крестика, снизу — готическая строчная буква *b*. Лихачевъ приводитъ (подъ №№ 1580 и 1587, 1588) подходящіе знаки всего изъ двухъ датированныхъ рукописей. Одна изъ нихъ — Маргаритъ Румянцевскаго Музея № 195; вкладная писавшаго сообщаетъ, что „многогрѣшный чернецъ Ионишко, порекломъ Тофа“ (=Коза) далъ книгу „отъ своего рукодѣла“ въ Ферапонтовъ Монастырь при митрополитѣ Московскомъ Данилѣ, при архіепископѣ Ростовскомъ Кириллѣ, при игуменѣ Ферапонтова монастыря Ферапонтѣ въ 7038 = 1530 году. Монастырь находится въ сорока верстахъ отъ г. Бѣлозерска и въ пятнадцати верстахъ отъ г. Кириллова, Новгородской губерніи; игуменъ Ферапонтъ упоминается въ 1530—1539 гг. Монастырь относится къ новгородской епархіи; въ записи-же названъ архіепископъ Ростовскій потому, что съ конца XIV по конецъ XVI вѣка существовали архіепископы съ титуломъ Ростовскихъ, Ярославскихъ и Бѣлозерскихъ, въ епархію которыхъ входила сѣверо-восточная часть современной Новгородской губерніи.

Точно такой-же знакъ, съ незначительными вариантами, не имѣющими палеографическаго значенія, Лихачевъ приводитъ подъ №№ 1587 и 1588 изъ рукописи Московской епархіальной бібліотеки № 14. А. XVI. I (Слова Григорія Богослова), писанной въ 1533 году для Троицкаго Бѣлопѣсоцкаго монастыря (въ Калужской губ.) при игуменѣ Сергій (Свиньянѣ), который по Строеву упоминается въ 1530—1538 годахъ. Памятникъ прекрасно сохранился и даетъ понятіе о высокомъ качествѣ бумаги, на которой писанъ.

Обратимся теперь къ болѣе поздней вставкѣ, лл. 27—33. Она отличается отъ основной части по почерку, характеру миниатюры, а также по водяному знаку и качеству бумаги. Хотя въ то-же время графическія и художественныя примѣты вставки убѣждаютъ, что она немно-

гимъ моложе основной части. Въ частности, относительно миниатюръ можно сказать, что онѣ должны быть отнесены къ той-же школѣ, какъ и рисунки болѣе древней части. Онѣ отличаются отъ этой послѣдней только нѣсколько большей простотой композиціи и меньшимъ разнообразіемъ мотивовъ, что болѣе приближаетъ ихъ къ иконѣ. Что-же касается рисунка, то онъ здѣсь и тамъ обладаетъ одними и тѣми-же достоинствами. Водяной знакъ вставки одинъ и встрѣчается на каждомъ листкѣ, то въ верхней, то въ нижней его трети. Кромѣ того каждый листокъ, то выше то ниже, имѣетъ поперекъ страницы слѣдъ стараго сгиба. Изъ этихъ двухъ признаковъ должно быть ясно, что вставка писана на раскрытыхъ листахъ, а не „въ десть“. Водяной знакъ изображаетъ длинную перчатку. Надъ большимъ пальцемъ — пятилепестный цвѣтокъ, внизу у обшлага перчатка охвачена браслетомъ или лентой, концы которой заходятъ другъ за друга и имѣютъ по круглой пуговкѣ. Между концами не вполне ясныя латинскія буквы PC, PG или б. м. KC. Совершенно тождественнаго знака мы не находимъ у Лихачева, но у него издано нѣсколько сходныхъ знаковъ, очевидно относящихся къ тому-же времени и къ той-же фабрицѣ, какъ и бумага вставки въ житіи Нифонта ¹⁾. Именно подъ №№ 1655—1665 Лихачевъ даетъ нѣсколько вариантовъ перчатки: нѣкоторые имѣютъ совершенно тотъ-же цвѣтокъ (особенно № 1600), что и вставка Нифонта, но другія буквы и прочія мелкія отличія; варианты №№ 1658 и 1659 имѣютъ вмѣсто цвѣтка корону, но тѣ-же, что и въ Нифонтѣ, латинскія буквы и сходныя заставки. Рукопись, въ которой встрѣтились вмѣстѣ всѣ эти варианты, есть № 1319 С.-Петербургской Духовной Академіи, т. е. — Софійскій списокъ миней четыхъ Митрополита Макарія (мѣсяць ноябрь), писанный въ Новгородѣ между 1535 — 1540 годами, какъ принимаетъ Лихачевъ вслѣдъ за преосв. Макаріемъ (Лих. I. 157). Мѣсяцы сентябрь, октябрь и май Софійскихъ Миней имѣютъ вкладныя 1541 года. Прибавимъ еще, что въ ноябрьской миней Софійскаго списка нѣкоторыя части писаны на листахъ раскрытыхъ, совершенно также, какъ вставка Нифонта. Вотъ нѣкоторыя палеографическія указанія, позволяющія отнести миниатюры Нифонта къ такъ называемымъ митрополичьимъ письмамъ, или работамъ новгородскихъ иконописцевъ митрополита Макарія ²⁾. Ниже увидимъ, что содержаніе рисунковъ подкрѣпляетъ эту догадку. Но рѣшающимъ оказывается свидѣтельство одного несомнѣннаго памятника митрополичей, или Макарьевской миниатюры. Успенскій списокъ Четыхъ Миней Макарія, мѣсяць августъ, содержитъ лицевой текстъ Козьмы Индикоплова, заканчивающійся (на л. 1319) слѣдующей записью:

Въ лѣтъ ~~ж~~ѣ, геньварѣ въ .Ѣ. днѣ, написаны быша книги сѣа козмѣ индикопловѣ. Пшвелѣніемъ гдѣмъ пресщеннаго, архіепѣна великѣ новагородѣ и псковѣ, вѣли макарія: — оумножи гѣ живѣтъ еѣо.

Миниатюры Индикоплова.

Около пятидесяти миниатюръ украшающихъ текстъ Индикоплова, имѣютъ въ рисунокѣ и раскраскѣ признаки Новгородской школы. На л. 1179 об. Козьма Индикопловъ (сидящая пишущая фигура) имѣетъ коричневатый реальный колоритъ лика (что какъ мы видѣли, нерѣдко въ Новгородской миниатюрѣ), очень тонкія (отчасти реальныя) движки и чисто Новгородскій санкирь, котораго много видно вокругъ глазъ и на вискѣ. Въ ризахъ рисунокъ

¹⁾ При пользованіи филигранями для опредѣленія даты я руководюсь въ общемъ тѣми приемами, которые работали Лихачевымъ и изложены имъ въ т. I стр. LXXXIII и слѣд. его труда.

²⁾ Полагаю, что эти соображенія представлялись уже Н. П. Лихачеву, который первый подвѣлъ мнѣ мысль о возможности отнести миниатюры Нифонта къ митрополичьимъ письмамъ.

складокъ, прямой не орнаментальный. Исподняя риза, видная въ верхней части фигуры, — голубая, пробѣленная бѣлиломъ. Верхняя риза — малиновато-коричневаго цвѣта; пробѣлы: на правой сторонѣ изображенія (лѣвая рука и нога) наложены зеленовато-сѣрымъ цвѣтомъ на бѣлилѣ и бѣлиломъ болѣе чистымъ, влѣвъ (правая нога отъ бедра) — синевато-сѣрымъ цвѣтомъ на бѣлилѣ и бѣлиломъ болѣе чистымъ.

Техника лика прекрасная. Выраженіе хотя не дурное, но элементарное и безъ религиозной идеализаціи (см. табл. XIX^о). (Шесть ликовъ той-же техники находимъ на л. 1181 об.). Въ дальнѣйшихъ миниатюрахъ, писанныхъ приплескомъ, типичный Новгородскій характеръ обнаруживается въ рисункѣ: палатахъ и горахъ (см. табл. XIX^п), причемъ въ глаза наблюдателя бросается родство всей манеры съ миниатюрами Музейскаго Нифонта и нѣсколько болѣе отдаленное — съ нѣкоторыми частями огромнаго Музейскаго Сборника, иллюминированнаго въ мастерской палатѣ Грознаго. Рисунки Макарьевского Индикоплова, писанные на раскрытыхъ листахъ, очень велики по размѣрамъ: это едва-ли не самые крупные образцы русской миниатюры. Композиціи или простыя и крупныя или сложныя, съ мелкими многочисленными фигурами. Въ томъ и другомъ случаѣ достоинства исполненія не одинаковы: иногда рисунокъ бойкій и небрежный, иногда болѣе стильный и тщательный. Въ послѣднемъ случаѣ крупныя фигуры часто напоминаютъ Музейскій Сборникъ, мелкія — Нифонта. И горы и палаты Макарьевского Индикоплова всюду довольно близки къ Нифонту. Правда, палатное письмо лицаваго Нифонта несравненно богаче мотивами и сложнѣе сочетаніями, нежели Индикопловъ. Послѣдній содержитъ только традиціонныя палаты, — одинъ изъ трехъ крупныхъ разрядовъ палатнаго письма, представленныхъ въ Нифонтѣ. Но въ этомъ разрядѣ Индикопловъ повторяетъ не только любимыя основныя типы Нифонта, но также различныя спеціальныя ихъ комбинаціи и подробности отдѣлки. И это родство тѣмъ доказательнѣе, что миниатюры русскихъ иллюстрацій Индикоплова въ извѣстной мѣрѣ идутъ своими путями, сохраняя (и въ палатномъ письмѣ) болѣе ясную связь съ различными византійскими иллюстраціями того-же памятника, помимо обычныхъ традицій той или другой русской школы. Что касается раскраски, то приплескъ миниатюръ Макарьевского Индикоплова тотъ-же, что въ началѣ Нифонта: яркій, неполнѣ гармоничный; слишкомъ много ризъ приплеснутыхъ зеленью, сурикою и киноварью; эти краски пересиливаютъ болѣе спокойное впечатлѣніе четвертаго цвѣта: тусклаго сѣро голубаго. Невольно всоминается приведенное выше замѣчаніе Ровинскаго: „въ мелкихъ иконахъ этого (I-го) разряда Новгородскихъ писемъ замѣтна большая пестрота, происходящая отъ чрезмѣрнаго употребленія празелени и киновари“. Замѣтимъ, что митрополичья миниатюра передала эту манеру и школѣ Грознаго: тотъ-же, но только еще болѣе кричащій приплескъ находимъ въ Музейскомъ Сборникѣ въ одной части книги Бытія.

Приведенная выше дата Макарьевского Индикоплова — январь 1542 года — почти на одиннадцать лѣтъ старше общей вкладной, ноябрь 1552, — читаемой на л. 1 того-же тома. Макарий именуется въ датѣ все еще архіепископомъ Новгородскимъ и Псковскимъ. Его официальное посвященіе на Московскую кафедру произошло только 19-го марта 1542 года. Водяные знаки Индикоплова хорошо соотвѣтствуютъ тридцатымъ и сороковымъ годамъ XVI вѣка, и мы не имѣемъ основанія подозрѣвать, что предъ нами списокъ съ болѣе древняго, также Макарьевского, оригинала, заказанный для Московскаго свода Четыхъ Миней и лишь по инерціи повторяющій „лѣтопись“ своего подлинника. Индикопловъ дѣйствительно древнѣе Московскаго свода Четыхъ Миней и лишь случайно включенъ въ ихъ послѣдній томъ наряду съ другими случайными матеріалами, остававшимися на рукахъ у редактора.

Индикопловъ своимъ изящнымъ нѣсколько острымъ почеркомъ сильно отличается отъ окружающаго текста и на оборотѣ послѣдняго листа имѣетъ статьи, текстъ которыхъ обры-

вается вмѣстѣ со страницей. Почеркъ Индикоплова—самый лучший изъ почерковъ Макарьевскихъ Четвѣхъ Миней и всего болѣе подходитъ къ почерку Нифонта¹⁾.

И въ житіи Нифонта вставка могла бы относиться къ концу 30-хъ или началу сороковыхъ, а главная часть—къ началу или срединѣ 30-хъ годовъ. Не даромъ миниатюры Макарьевского Индикоплова въ палатномъ письмѣ и горномъ ландшафтѣ всего ближе именно къ вставной части Нифонта. Близость даты и художественнаго стиля заставляютъ безъ сомнѣнія и древнѣйшую часть Нифонта отнести къ школѣ Макарія. Вспомнимъ однако, наблюденія Лихачева, которыя дѣлаютъ очень вѣроятнымъ, что водяные знаки бумаги опредѣляютъ время написанія рукописи въ лучшемъ случаѣ съ точностью десятилѣтія. Примѣняя этотъ принципъ къ нашему случаю, мы, особенно въ виду крайней ограниченности матеріала, должны будемъ допустить, что Музейскій Нифонтъ могъ бы быть и болѣе поздней даты, но во всякомъ случаѣ не моложе начала сороковыхъ годовъ, а вставка—не моложе самага начала пятидесятихъ. Любопытный вопросъ о томъ, возникла-ли замѣчательная рукопись еще въ Новгородѣ, или вскорѣ послѣ перехода Макарія на Московскую митрополию (1542), остается такимъ образомъ открытымъ. Нѣкоторыя особенности рисунка Муз. Нифонта могли бы говорить въ пользу послѣдней возможности.

Миніатюры Нифонта.

I. Фигуры. Въ рисункѣ, какъ и въ ранѣе разсмотрѣнныхъ памятникахъ, есть обычныя для русской иконописи непропорціональности и неправильности. Кромѣ того линіи обнаруживаютъ извѣстную рѣзкость и прямизну, свойственныя новгородской школѣ. При этомъ, однако, непониманіе смысла линій почти не встрѣчается: складки передаютъ движенія и скрытыя формы тѣла. Нѣкоторыя болѣе крупныя религіозныя фигуры отличаются типическимъ спокойствіемъ, ихъ лики надѣлены серіознымъ индивидуальнымъ выраженіемъ (табл. XVIII, рис. 3) По выраженному движенію особенно интересны фигуры бѣсовъ, во множествѣ изображаемыя въ рукописи (табл. XVIII, 6, XIX 1—6). Это едва ли не лучшіе типы бѣсовъ въ русскихъ рукописяхъ. Они имѣютъ бытовой интересъ и не даромъ, подобно бытовымъ, аксесуарнымъ фигурамъ, изображаются не въ три четверти, а въ профиль. Ихъ типы создались изъ художественнаго соединенія отрицательныхъ чертъ человѣческой природы съ характерными чертами различныхъ животныхъ. Одни изъ нихъ поражаютъ дикостью (XIX, 5), другіе—чертами животной ловкости и граціи (XVIII, 6, XIX, 6). Наиболѣе человѣкообразной является замѣчательная фигура сатаны (табл. XIX, 1—3). Она вѣроятно была распространена въ цвѣтущую эпоху русской миниатюры, ибо отдаленные отголоски ея еще звучатъ въ одной фигурѣ позднѣйшихъ апокалипсисовъ. До сихъ поръ мнѣ не удалось открыть непосредственный западный источникъ этого замѣчательнаго типа. Его повидимому нѣтъ въ старыхъ нѣмецкихъ гравюрахъ XV вѣка, имѣвшихъ нѣкоторое вліяніе на русскія композиціи XV—XVI вѣковъ. Непосредственное впечатлѣніе также отказывается признать въ этомъ образѣ произведеніе нѣмецкаго художника. Онъ могъ бы еще восходить къ какой-нибудь италіанской переработкѣ типа античнаго силена и типовъ родственныхъ съ нимъ гротэсковъ, хорошо извѣстныхъ по терракотовымъ статуэткамъ. Эта

¹⁾ Н. П. Лихачевъ, говоря о лицевыхъ спискахъ Индикоплова (op. cit. т. I), не упоминаетъ о спискахъ, входящемъ въ Четвѣ Миней Макарія и въ альбомѣ (т. III) не пользуется его водяными знаками. Тѣ же знаки извѣстны изслѣдователю изъ другихъ памятниковъ: кувшинчикъ съ одной ручкой и двойною полоской по тулову, увѣчаный короною, а поверхъ ея крестоцвѣтной розеткой—изъ ноябрьскаго тома тѣхъ-же Макарьевскихъ Миней (Успенскій списокъ), возникшаго безъ сомнѣнія задолго до эпохи общей вкладной, еще въ сороковыхъ годахъ столѣтія (см. Лихачева op. cit. т. III № 1689), а также изъ рукописи 1514 года (ibid. № 1711). Другой господствующій водяной знакъ Макарьевского Индикоплова—готическое р съ крестоцвѣтной розеткой вверху и корневиднымъ раздвоеніемъ внизу—имѣетъ въ атласѣ Лихачева много вариантовъ, всего ближе—типы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ столѣтія.

натура, нѣкогда живая и одаренная, прошла всѣ стадіи человѣческаго паденія; подобно си-
лону, она сохранила ясныя слѣды своихъ прежнихъ способностей и отличается отъ него только
болѣе отталкивающей грубостью. Циничный вызовъ чувствуется въ позахъ и взглядѣ этого
распушеннаго старца, то пляшущаго на одной ногѣ передъ преп. Нифонтомъ, то съ беззащитно-
чивымъ видомъ наблюдающаго, что происходитъ въ душѣ святаго?

II. Ландшафтъ. Растительность утратила разнообразіе, отдѣлку деталей и тѣ реальныя
черты породъ, которыя мы видѣли въ Евангеліи 1401 и отчасти 1567 года. Растенія, изо-
бражаемыя въ житіи Нифонта вообще рѣдко и однообразно, до извѣстной степени оправды-
ваютъ характеристику Ровинскаго, который деревья новгородскихъ иконъ сравниваетъ съ гри-
бами (см. табл. XVIII, 1, 2). Болѣе художественный и болѣе реальный прототипъ этого позд-
няго новгородскаго шаблона мы видѣли на табл. XIV, 2 (Евангеліе 1401 года). Горы, изобра-
жаемыя въ большомъ количествѣ почти на каждой миниатюрѣ, представляютъ сильную сте-
пень стилизаціи, приблизительно такую, какъ въ Евангеліи 1567 года (табл. XIV, 1), причемъ
контурный характеръ миниатюръ Нифонта рѣзче выдаетъ основную схему. Стилизація сильнѣе
въ миниатюрахъ вставки (табл. XVIII, 2), чѣмъ въ миниатюрахъ основной части (табл. XVIII, 1, 5,
XIX, 4): эти послѣднія еще сохраняютъ свободу общаго очерка утесовъ, — то болѣе крутыхъ, то
болѣе отлогихъ, то вознесенныхъ къ небу, то сползающихъ въ долину, или нависшихъ надъ
нею. Обращаемъ вниманіе изслѣдователей на одно совершенно исключительно изображеніе
скаль (табл. XVI, 5): контуры лѣвыхъ склоновъ, особливо крайняго слѣва, представляютъ,
повидимому не случайно, подобіе фантастическихъ профилей.

III. Палаты также изображаются во множествѣ, причемъ онѣ могутъ быть раздѣлены
на три класса.

1) Традиціонныя, въ основѣ восходяція къ византійской миниатюрѣ XIII — XIV в. но
часто осложняемыя въ цѣляхъ украшенія, иногда — измѣненныя неяснымъ пониманіемъ архи-
тектурныхъ деталей и быть можетъ незамѣтнымъ введеніемъ нѣкоторыхъ западныхъ мотивовъ
(табл. XVIII, 1—6, XIX, 1—3, 5, 6).

2) Фантастическія палаты, созданныя чрезвычайно сложными и произвольными комби-
націями традиціонныхъ формъ (табл. XVI, 6, IV, 4—6).

3) Реальныя, вновь заимствованныя изъ окружающей дѣйствительности.

Менологія Василя II всего яснѣе даетъ намъ элементы того палатнаго письма, которое
перешло къ намъ изъ византійской иконописи: колонна съ византійской тяжелой капителю;
базилика съ длиннымъ прямоугольнымъ кораблемъ съ черепичной двускатной или полуцилин-
дрической крышей и одной алтарной абсидой, иногда боковые болѣе низкіе корабли, одинъ
или два, крытые на одинъ скать; одноглавый храмъ съ полусферическимъ куполомъ или гра-
ненымъ коническимъ покрытіемъ на тамбурѣ; наковецъ — многокупольные храмы съ арками
по фронтону, высокими тамбурами крытыми полусферически. Нѣкоторыя типы появляются
иногда вмѣстѣ, стѣсненные въ изображеніи обнесеннаго стѣною города. Всѣ они вполнѣ
ясны еще въ русской миниатюрѣ XIV вѣка, но уже значительно измѣнены въ новгород-
ской школѣ XV вѣка (Евангеліе 1401 г.) и еще болѣе въ XVI вѣкѣ. Въ Музейскомъ
житіи Нифонта всего лучше сохранился обнесенный стѣною городъ (XVIII, 4, верхъ), но
и въ этомъ случаѣ появляется уже луковичный куполь вмѣсто полусферическаго). Изобра-
жаемыя порознь, основныя типы измѣняются всего болѣе. Сводчатая черепичная крыша
особаго рода, появляющаяся въ Менологіи, въ изображеніи какаго-то чердака, усвоена
въ житіи Нифонта какъ любимое покрытіе какой-то башни (XVIII, 2; также, въ измѣнен-
номъ видѣ, на фантастическомъ палатномъ письмѣ XVII, 4 — 6). Базилика съ двускатной
крышей, сокращена здѣсь также до размѣровъ башни и т. д. Комбинація двухъ и трехъ

основныхъ типовъ въ одно зданіе является очень часто. Я не могу сейчасъ рѣшить вопроса, въ какой мѣрѣ въ палатное письмо Нифонта проникли западные мотивы. Укажу лишь, что двухъ, наиболѣе рѣзкихъ западныхъ типовъ (нѣмецкаго происхожденія), — готической базилики и двускатнаго фронтона, украшеннаго уступами, въ житіи Нифонта не находимъ¹⁾. Кое-что западное проскальзываетъ, повидимому, въ сложныхъ нагроможденіяхъ фантастическаго палатнаго письма.

Фантастическія палаты Музейскаго Нифонта возникли изъ сложной комбинаціи различныхъ унаслѣдованныхъ и заимствованныхъ со стороны мотивовъ. Въ этомъ типѣ палатнаго письма художникъ сознательно стремился къ созданію новаго. Архитектурные результаты его фантазіи крайне вычурны и грозятъ паденіемъ. Такихъ комбинацій мы не находимъ ни въ византійскомъ искусствѣ, ни въ русскомъ до XVI вѣка. Этотъ гротескъ очевидно возникъ на склонѣ новгородской школы и перешелъ изъ нея отчасти въ школу Грознаго и особенно — въ лицевые апокалипсисы XVI—XVII вѣка, которые по содержанію своему давали постоянный поводъ для изображенія фантастическихъ зданій. Въ апокалипсисахъ они встрѣчаются вмѣстѣ съ слѣдами другихъ чертъ новгородскаго стиля.

Кое-что въ фантастическомъ палатномъ письмѣ основано на первоначальномъ непониманіи и на заимствованіи со стороны. 1) Въ византійской миниатюрѣ на углахъ крыши, внизу, изображается особый узорный крюкъ, очевидно реальнаго происхожденія, на которомъ закрѣпляются концы наволокъ, перекинутыхъ съ одного зданія на другое. Въ Музейскомъ Нифонтѣ миниатюры вставныхъ листовъ еще представляютъ этотъ мотивъ въ довольно первоначальномъ видѣ (табл. XVIII, 2). Въ фантастическомъ палатномъ письмѣ (табл. XVII, 5, 6) этотъ крюкъ развился въ самостоятельный длинный хоботъ, первоначальная цѣль котораго утрачена. Въ нѣкоторыхъ апокалипсисахъ XVI и XVII вѣка такими хоботами систематически украшаются справа и слѣва всѣ этажи высокихъ зданій, пріобрѣтающихъ вслѣдствіе этого случайное сходство съ китайскою архитектурой (таковы напр. Буслаевскій апокалипсисъ к. XVI вѣка, рисунки котораго изданы при трудѣ Буслаева „Лицевой апокалипсисъ“, и апокалипсисы 1629 и 1644 годовъ, принадлежащіе Историческому музею).

2) Западнаго происхожденія вѣроятно мотивы, находимые на табл. XVII, 4, 5 — острокопечные шпили, три соединенныя вмѣстѣ башенки съ острыми крышами и карнизы, украшенные бойницами. Въ той же сложной комбинаціи эти мотивы встрѣчаются и въ апокалипсисахъ, въ болѣе простой формѣ — въ миниатюрѣ школы Грознаго.

Изображенія реальныхъ зданій интересны въ нѣсколькихъ отношеніяхъ. Мы уже отмѣтили, что миниатюры Нифонта еще не заключаютъ изображеній тѣхъ двухъ реальныхъ готическихъ зданій, которыя одни справедливо отмѣчены Султановымъ въ палатномъ письмѣ школы Грознаго. Во-вторыхъ, мы не находимъ въ Нифонтѣ и типическаго произведенія реальной новгородской архитектуры, — храмовъ съ восьмискатной крышей, которые также найдены Султановымъ въ миниатюрахъ школы Грознаго, но которые еще отсутствуютъ въ памятникахъ новгородской школы. Тѣмъ неожиданнѣе встрѣтить въ Музейскомъ Нифонтѣ замѣчательныя изо-

¹⁾ Оба эти типа встрѣчаются въ миниатюрахъ, вышедшихъ изъ мастерской палаты Грознаго, но не слишкомъ часто. Султановъ (въ известной статьѣ „Русская архитектура по даннымъ миниатюры“) ошибается, утверждая, что готика въ большомъ количествѣ типовъ проникла въ палатное письмо школы Грознаго. Основавъ свои наблюденія на лицевомъ житіи Николая Чудотворца (рукопись XVI в., въ Румянцевскомъ музеѣ), Султановъ не различилъ двухъ рукъ, писавшихъ миниатюры: всѣ примѣры готики извлечены Султановымъ изъ первыхъ 72-хъ листовъ рукописи, миниатюры которыхъ представляютъ нѣчто исключительное, совершенно необычное для школы Грознаго; онѣ рисованы нѣмецкимъ мастеромъ, который перешелъ въ мастерскую палату царя изъ дружины митрополитскихъ иконописцевъ Макарія и знаменилъ по гравюрамъ старопечатной Шюренбергской хроники 1493 года. Остальныя, большая часть рукописи, почти не содержащая западныхъ типовъ, одна характерна для школы Грознаго.

браженія Московскихъ храмовъ XV—XVI вѣка: храмы съ четырьмя или пятью полукруглыми арками по фронтонамъ, съ полуцилиндрическимъ по этимъ аркамъ покрытіемъ, при пяти луковичныхъ главахъ на высокомъ тамбурѣ (табл. XVII, 1—типъ Успенскаго собора, табл. XVII, 2—типъ Архангельскаго собора); рѣже—храмы подобнаго типа, но со вторымъ рядомъ арокъ (табл. XVI, 5), а иногда еще—съ арками въ основаніи тамбуровъ (табл. XVI, 4)—московскіе мотивы XV—XVI вѣка, находимые напр. въ церкви Покрова въ Москвѣ, въ старой церкви Николая Явленнаго, въ церкви Николая на Берсеневкѣ, въ Благовѣщенскомъ соборѣ и др. На рисункахъ Нифонта изображаются или три главы, видныя съ одного фаса (табл. XVI—13), или съ нарушеніемъ перспективы—всѣ пять главъ (табл. XVII, 1—3). Для богатаго, разнообразнаго стиля миниатюръ Нифонта характерны различныя переходныя формы,—отчасти, вѣроятно, чисто орнаментальныя варианты, не имѣющіе основанія въ реальной архитектурѣ.

Важно отмѣтить, что изображенія Успенскаго собора въ житіи Нифонта совершенно независимы отъ изображеній того же храма, находимыхъ въ школѣ Грознаго, именно въ Румянцевскомъ житіи Николая Чудотворца, гдѣ мы видимъ два типа Успенскаго собора: одинъ—болѣе перспективный и реальный, принадлежащій рукъ нѣмецкаго мастера, другой—болѣе схематичный, созданный русскими мастерами и повторяющійся въ другихъ произведеніяхъ мастерской палаты Грознаго, напр. въ огромномъ сборникѣ Историческаго музея, заключающемъ начальную часть Библии и Троянскую исторію. Оба эти типа изображаютъ соборъ снаружи въ нѣсколькихъ вариантахъ, между тѣмъ какъ миниатюра Нифонта даетъ нѣчто неопредѣленное—какъ бы схематическій разрѣзъ зданія, который обнаруживаетъ его внутренность (табл. XVI, 1—2; XVII, 1—3). При этихъ схемахъ Московскихъ храмовъ XV—XVI вѣка въ Музейскомъ Нифонтѣ встрѣчается еще и ихъ болѣе простой первообразъ—одноглавый и пятиглавый (на рисункахъ три главы) храмъ Владимірскаго-Суздальскаго типа—съ тремя арками, или кокошниками вдоль фронтона (табл. XVI, 1—3). Вопросъ о томъ, когда впервые проникли въ миниатюру эти реальные типы, остается открытымъ. Подобныя новшества, какъ показываетъ примѣръ нѣмецкаго мастера, рисовавшаго лл. 1—72 Румянцевскаго житія Николая, были дѣломъ отдѣльныхъ лицъ и не сразу становились общимъ достояніемъ школы.

Вслѣдствіе легкаго акварельнаго характера своей раскраски миниатюры Нифонта даютъ сравнительно мало для изученія техники новгородскихъ красокъ. Впрочемъ нѣсколько наблюдений можно сдѣлать надъ ризами и надъ ликами фигуръ.

Казалось бы, что въ акварельной манерѣ, не стремящейся изобразить всю скàлу свѣта и тѣни, особенно въ манерѣ приплескомъ нѣтъ мѣста для пробѣловъ бѣлиломъ или цвѣтными красками. Бѣлило дѣйствительно отсутствуетъ, его замѣняетъ свѣтлый бумажный фонъ. Что же касается цвѣтныхъ пробѣловъ, которые, какъ мы видѣли, употребляются новгородскими мастерами XVI вѣка для выраженія полусвѣта и для выраженія глубокой тѣни, то въ нѣкоторыхъ миниатюрахъ Нифонта цвѣтные пробѣлы могутъ быть найдены и въ томъ и въ другомъ качествѣ. Въ XVI вѣкѣ это дѣлалось не столько съ сознательной цѣлью передать оттѣнки, сколько въ силу инерціи, по вкоренившейся привычкѣ нѣкоторыхъ новгородскихъ мастеровъ пускать въ ходъ двѣ и три различныя краски, рисуя ризы: какъ я упомянулъ, второй и третій цвѣтъ наносились на одноцвѣтную ризу вскользь, когда мастеръ расписывалъ этими цвѣтами другія части миниатюры—ландшафтъ и зданія. Въ миниатюрахъ Нифонта эта черта повидимому можетъ быть связана съ индивидуальностью одного мастера: тамъ, гдѣ встрѣчаются фантастическія палаты, встрѣчаются и разноцвѣтныя ризы¹⁾.

¹⁾ Приплескъ съ цвѣтными (голубыми) тѣнями извѣстенъ и въ византийской миниатюрѣ.

Исключение составляет развѣ только одинъ рисунокъ (табл. XVI, 6). Но здѣсь болѣе рѣшительная, ремесленная штриховка контура и темный колоритъ раскраски (господствуютъ синіе и зеленые тона) указываютъ на совершенно другаго мастера, повидимому рисовавшаго во всей рукописи только эту одну миниатюру. Что же касается фантастическаго характера архитектуры этого рисунка, то у даннаго мастера онъ объясняется вѣроятно заимствованіемъ: палатное письмо этой миниатюры при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается упрощеннымъ повтореніемъ рисунка табл. XVII, 5, гдѣ мы встрѣчаемъ вмѣстѣ: фантастическія палаты и разноцвѣтныя ризы.

Что касается ликовъ въ житіи Нифонта, то съ одной стороны ихъ незначительные размеры, съ другой—акварельная техника не допускаютъ полной отдѣлки и ограничиваютъ поле наблюденія. Легкая акварельная манера стремится намѣтить лишь общій колоритъ уже отдѣланнаго лика, т. е. охраний цвѣтъ той или другой тѣни, и конечно не изображаетъ особо санкира (темной подмалевки), хотя и покрываетъ краской только тѣневые мѣста, оставляя на освѣщенныхъ—бумажный фонъ. Въ Нифонтѣ лики, писанные въ этой манерѣ, имѣютъ колоритъ или свѣтлой оранжеватой охры, или охры оливковатой, также не темной; въ этомъ послѣднемъ случаѣ очевидно подѣ общей свѣтло-охриной оживкой какъ-бы чувствовался новгородскій зеленый санкирь. Лики той и другой раскраски по колориту очень напоминаютъ лики древнѣйшей росписи Благовѣщенскаго собора и отвѣчаютъ свѣтлому разряду новгородскихъ иконъ XVI в., установленному Ровинскимъ. Чистая зеленъ въ миниатюрахъ Нифонта встрѣчается только въ нѣкоторыхъ (человѣкообразныхъ, крупныхъ) лицахъ дьяволовъ, гдѣ этотъ цвѣтъ имѣетъ специальное значеніе и разумѣется не изображаетъ новгородскаго санкира.

Въ рисункахъ Нифонта есть нѣсколько болѣе крупныхъ ликовъ съ болѣе тщательной отдѣлкой. Я имѣю въ виду лики иконъ, изображенныхъ на миниатюрахъ (табл. XVI, 2, XVIII, 3). Ихъ колоритъ—тѣхъ же двухъ оттѣнковъ охры, которые описаны выше; но въ тѣневыхъ мѣстахъ видно немного празелени (санкира), а оживка охрой и оживка бѣлиломъ на одномъ (болѣе темномъ) ликѣ тщательно ступешаны съ санкиромъ (табл. XVI, 2). И рисунокъ этихъ ликовъ—чисто новгородскій. По выраженію однако, оба эти лика гораздо ниже своей техники: въ нихъ уже сказывается тотъ прозаизмъ и та неподвижность выраженія, въ которыхъ должна была исчезнуть суровая воля и важная мысль болѣе древнихъ новгородскихъ ликовъ. Эпоха, а еще болѣе специальное ремесло миниатюриста или писца иконъ по преимуществу многочисленныхъ, сказались въ этомъ выраженіи иконныхъ ликовъ Нифонта¹⁾.

¹⁾ Втеченіе изложенія мнѣ мало приходилось привлекать для сравненія памятники не новгородскаго происхожденія, лишеныя особенностей новгородскаго стиля и техники. Таблица XIX⁴ передаетъ изображеніе Іоанна Златоустаго, описанное выше на страницахъ 190—191, прим.—Таблица XX, прилагаемая къ статьѣ, воспроизводитъ замѣчательную икону Третьяковской галлерей; икона эта по близости рисунка и композиціи съ миниатюрой мастерской палаты Грознаго должна быть относима именно къ этой школѣ; икона эта — „Дѣянія Пресвятыя Троицы“ имѣетъ вокругъ главнаго изображенія двадцать пять меньшихъ, библейскаго содержанія; эти послѣднія представляютъ поразительныя совпаденія 1) съ того-же содержанія миниатюрами въ упомянутомъ Музейскомъ сборникѣ времени Грознаго и 2) съ серіей замѣчательныхъ многоличныхъ иконъ у раки преп. Никона въ Троицкомъ соборѣ Сергіевой Лавры. Всѣ эти памятники обнаруживаютъ тождество эпохи и школы. Послѣ всего сказаннаго, читатель безъ труда найдетъ въ этой иконѣ различныя слѣды новгородскаго стиля, который утратилъ свою типичность въ манерѣ Грознаго, но составляетъ все же ея лучшую основу.

2. Евангелие 1401 года,
из наст. книги.

1. Евангелие 1567 года, уместы.

ЦИТЛИЦА
ЦИТЛИЦА
ЦИТЛИЦА

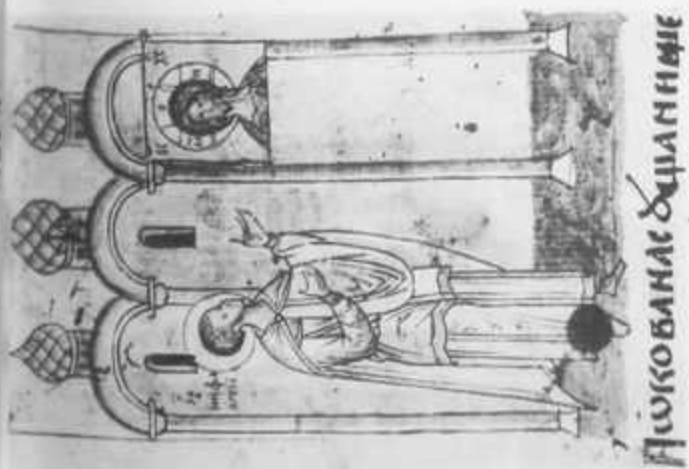
БИБЛИОТЕКА
г.п.п. Кривого Рогу
4. 12. 2012 р.р.р.

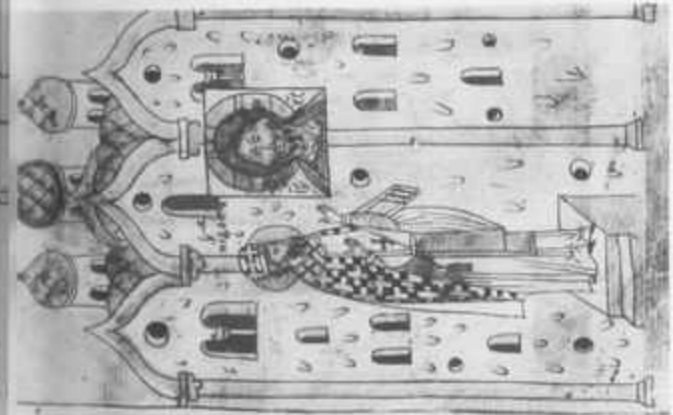

Евангеліе 1552 года.
уменьш.

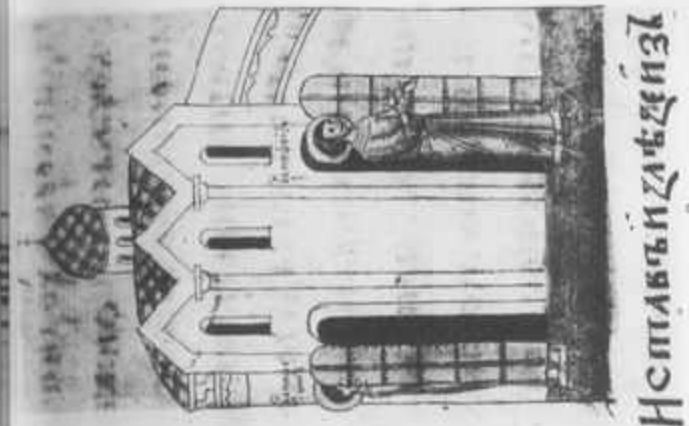
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

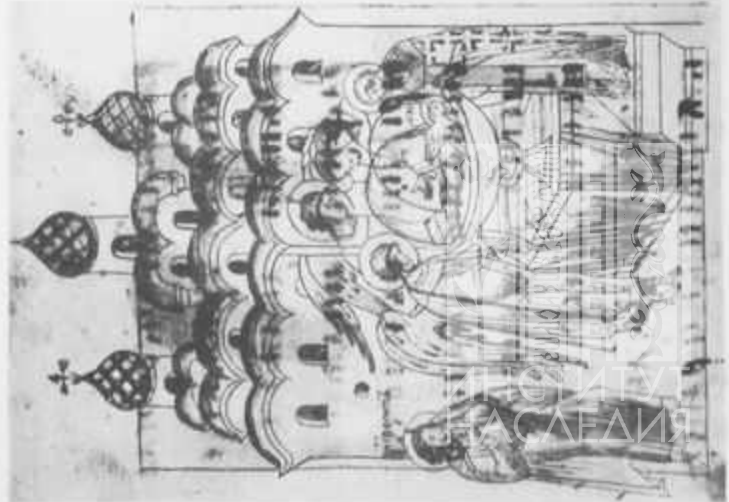
1. **ДЮКОВАНАСЪЩАННИЕ**

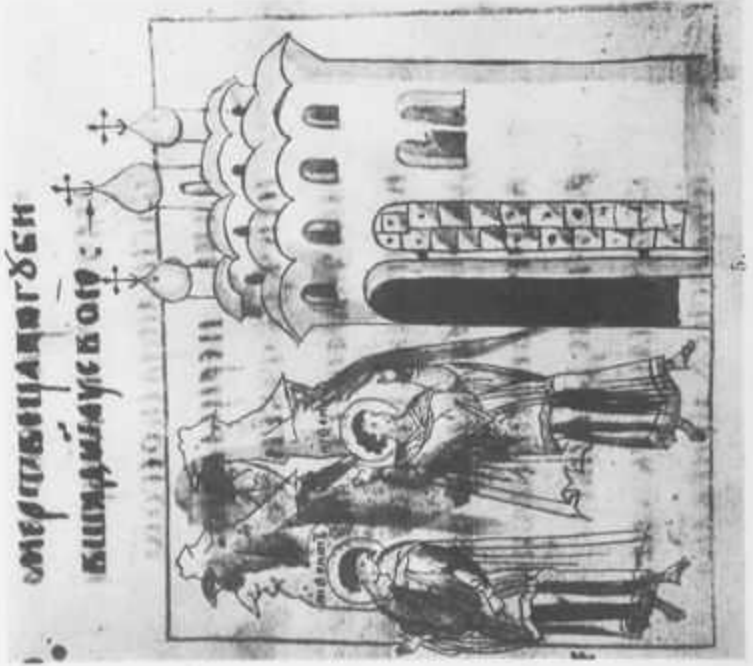
2.

3. **ИСПЛВЪЙЗЪЦЪЙЗЪ**

4.

5. **МАРТИРАЖЪНЪ
ВЪШЪМЪСКОУ**

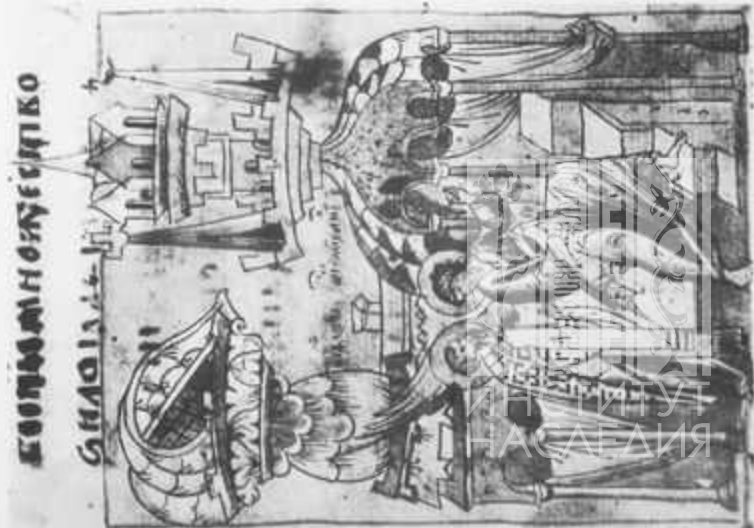
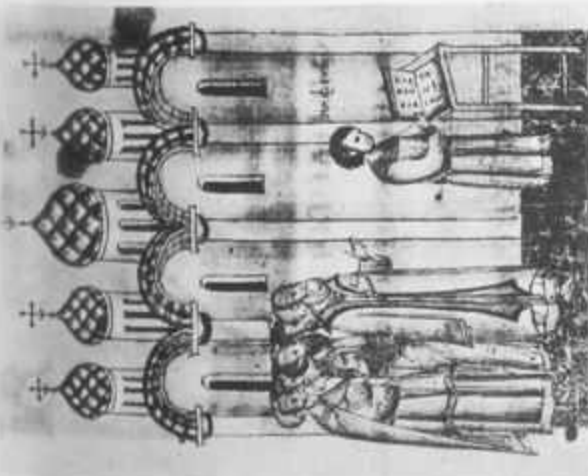
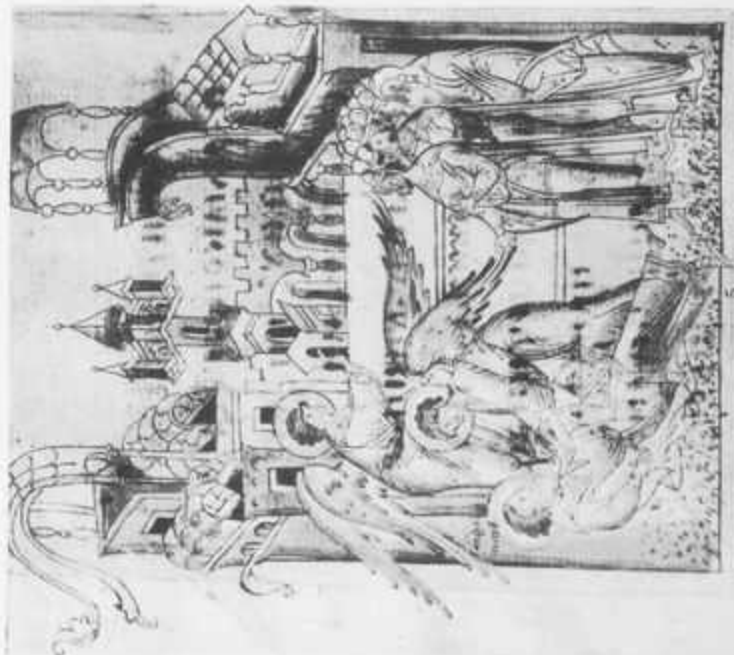
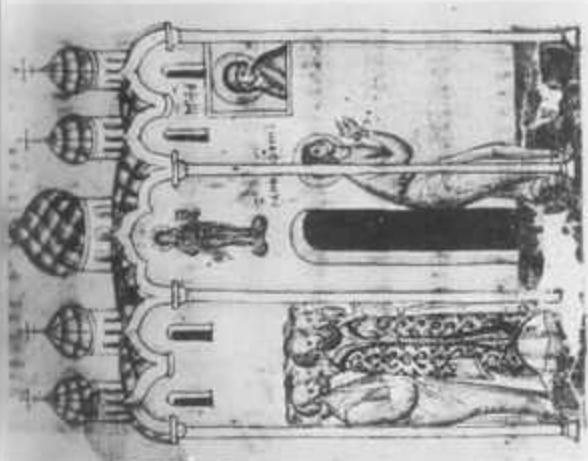
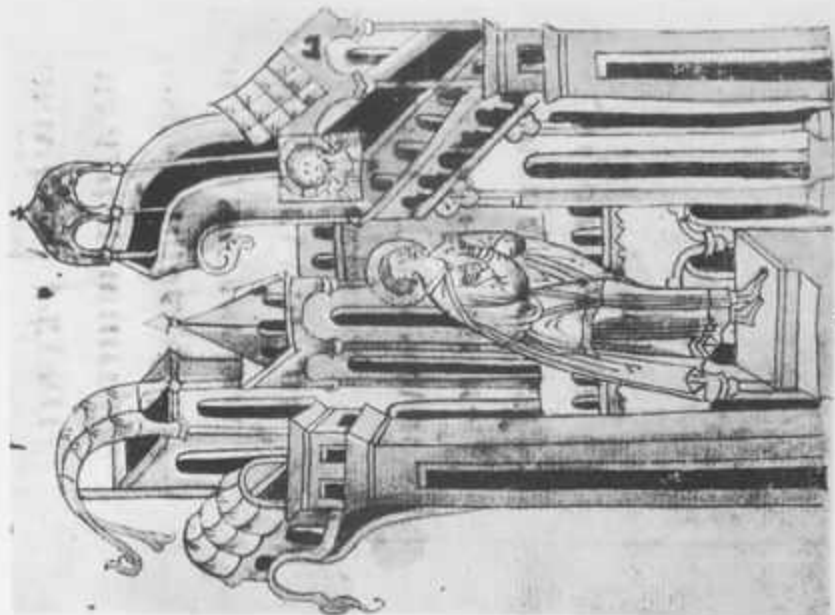
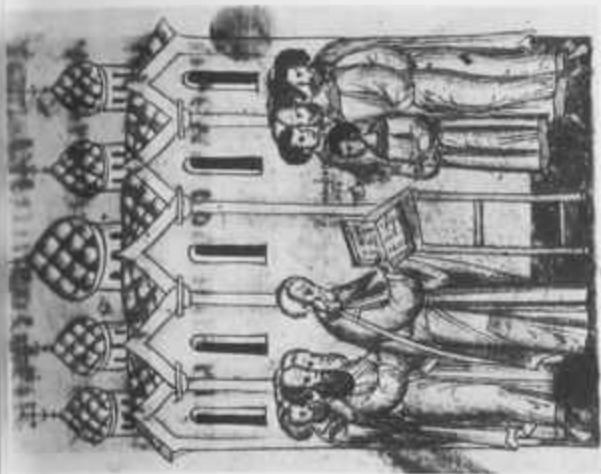
5.

ЖИТИЕ НИФОНТА, XVI ВѢКЕ
ЧАСТ. ПОДВ.

6.

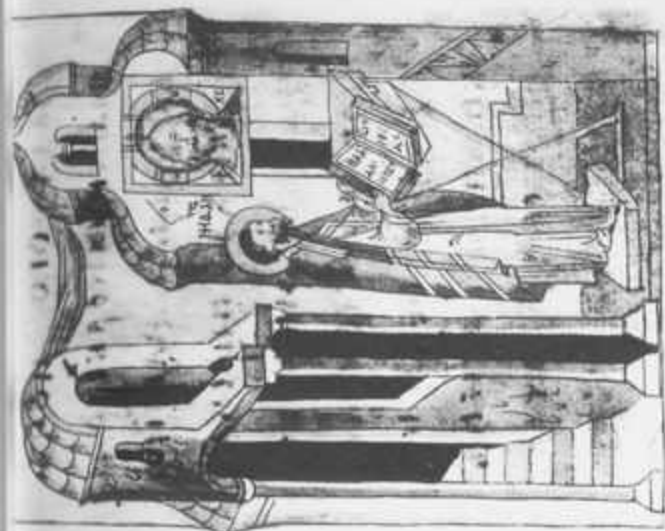
МИРАЖИСТА
ПАСАДЪРМА
ТАСИМЧИ

ЖИТИЕ НИФОНТА, XVI ВѢКА
ПОСТ. ВОДН.

БИБЛИОТЕКА
ИИИ им. Курмангалиева
в г. Алматы, ул. Тимур

3.

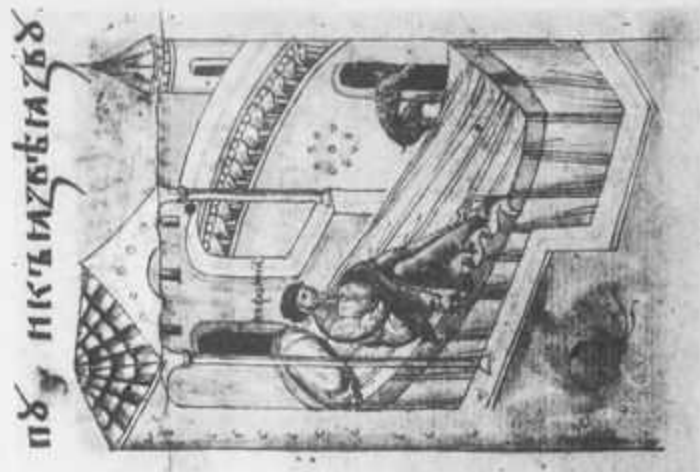
Прѣжидѣмъ слово

2.

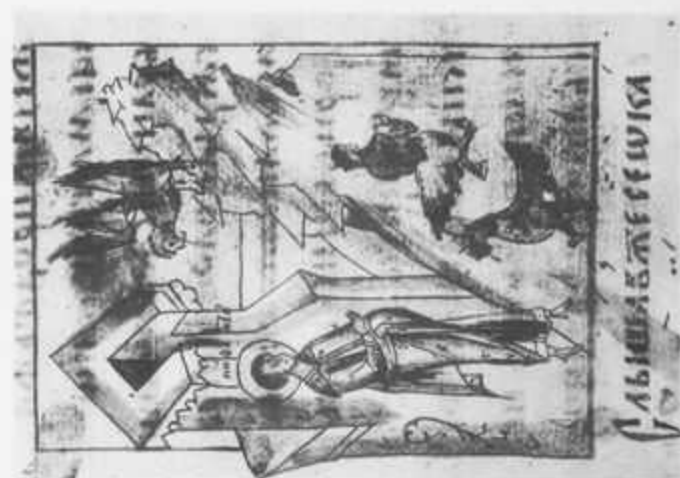

Нѣщивъ тѣ прѣ

1.

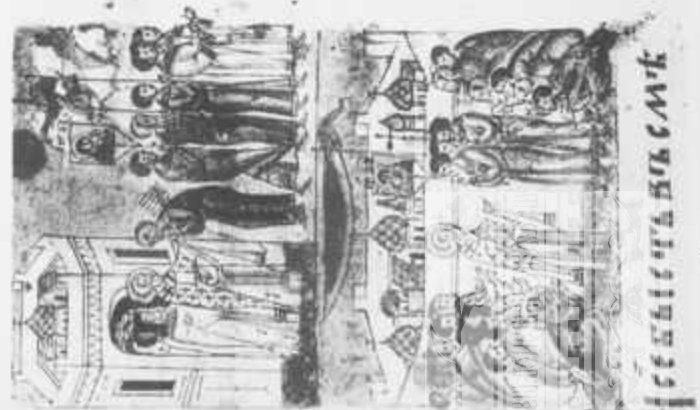

6.

Съшеде се

5.

Нѣщивъ тѣ прѣ

4.

ЖИТИЕ НИФОНТА, ХУГЕ ВЪНЪ.
ИЛЛ. ВАРНУ.

БИБЛИОТЕКА
Историко-культурного
и этнографического музея

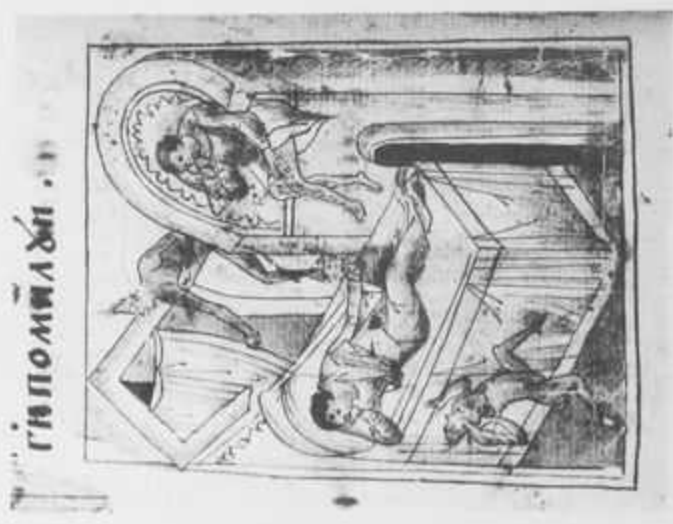
3.

6.

2.

5.

1.

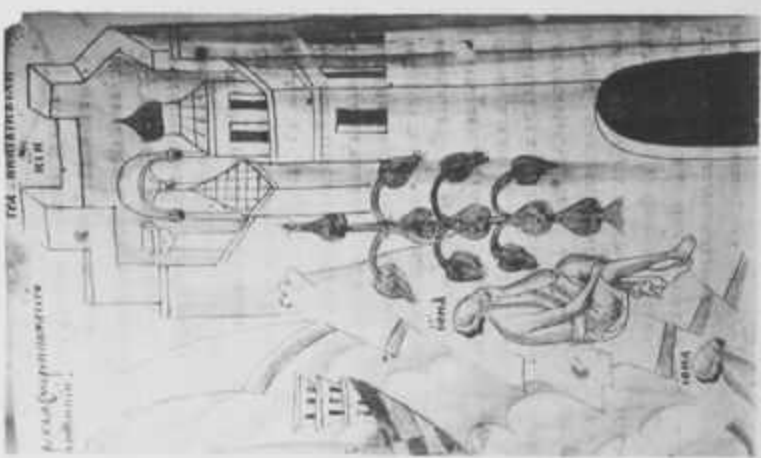
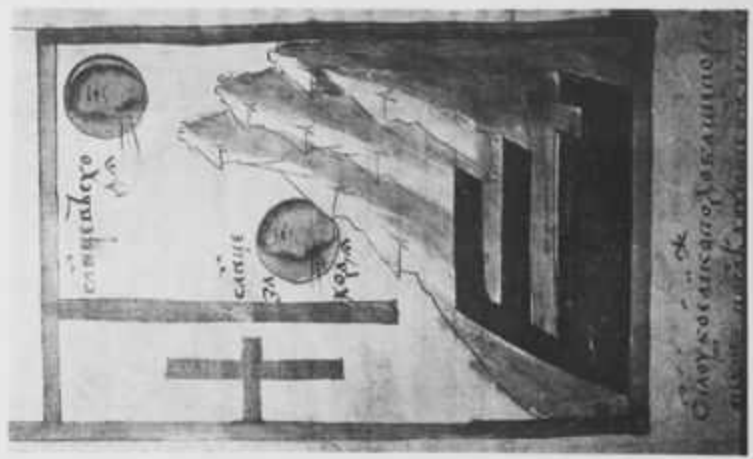
4.

ЖИТИЕ НИФОНТА. ХVІ ВѢКА.
ИЗСТ. ВОЛНИ.

ИНСТИТУТ
ИСТОРИЧЕСКИХ
ИСКУССТВ

Библиотека
ул. М. в Кривом Роге
к. 100-101

Козьма Индиколовъ 1542 года въ Минеяхъ Четыхъ Макарія.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

А
КОЗМАНИНЪ

КОПЦОВЪ,

Козьма Индикопловъ. 1542 года въ Минейхъ Четъихъ Макарія.

БИБЛИОТЕКА
г. Москва, Кривоколенный переулок
д. 10, стр. 1

Изъ Музейскаго Златоуста.

БИБЛИОТЕКА
Музея на Кривошанском
и близлежащих окрестностях

ИКОНА ТРОИЦЫ СЪ ДЪЯНЬЕМЪ, XVI ВѢКА

ОРИГИНАЛЬ ВЪ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ.

наст. велич.

Академия наук
и литературы
Украины
Институт украинского
языка

ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ

Третьяковской галереи, Новгородское письмо XV—XVI вв.,
 реставр., наст. величина.

БИБЛИОТЕКА
ШУИ «Курмангалиевской»
в г. Ижевске

Жизнь и деятельность католикоса Грузии Антонія I.

А. С. Хахановъ.

Антоній I, католикосъ-патріархъ Грузии—одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей христіанскаго востока. Жизнь, полная самыхъ неожиданныхъ приключеній, и дѣятельность, отличающаяся необыкновеннымъ разнообразіемъ, обрисовываютъ этого энергичнаго пастыря человекомъ съ жельзной волей и съ глубокимъ умомъ, благороднымъ патриотомъ и пламеннымъ поборникомъ Христова ученія въ тяжелую эпоху жизни грузинскаго народа. То проповѣдникъ, то тонкій дипломатъ, отвлеченный мыслитель и практической дѣлецъ, авторъ философскихъ и историческихъ трактатовъ, боецъ за православіе съ явными наклонностями къ католицизму, авторитетный руководитель общественной жизни Грузии и изгнанникъ, пріютившійся въ Россіи,— католикосъ Антоній I занимаетъ чрезвычайно оригинальное мѣсто въ исторической литературѣ XVIII вѣка.

Этотъ XVIII вѣкъ, къ которому относится жизнь и дѣятельность католикоса Антонія I, весь бурлилъ и волновался на пошатнувшихся отъ вражескихъ рукъ традиціонныхъ устояхъ, измѣнчивость общественнаго настроенія и колебанія въ государственномъ строѣ стали обычными, неизбежными явленіями; политическое ренегатство и религиозное отступничество, возведеніе на тронъ Грузии и низложеніе царей по волѣ шаха или султана, усилившіяся неурядицы среди обособившихся феодаловъ насыщали воздухъ міазмами, воспитывавшими въ современникахъ излишнюю нервозность и неуверенность въ разѣ отмежеванномъ кругѣ интересовъ. Подъ постояннымъ страхомъ, персидскій-ли ханъ или турецкій паша пройдетъ съ огнемъ и мечемъ, отъ государевыхъ палатъ до монастырской кельи, одинаково непрочно держалась на головѣ и пышная царская корона, и скромный иноческій клобукъ. Въ такой смутный періодъ, исполненный неожиданностей и быстрыхъ перелетовъ съ вершины славы въ бездну пропасти, люди съ гибкимъ умомъ и богатыми способностями, всплывавшіе на поверхность бурной жизни, должны были естественно проникнуться сознаніемъ необходимости жить поспѣшно, торопиться исполненіемъ задуманнаго плана дѣйствій, приспособляться къ измѣнившимся условіямъ окружающей среды, не разѣ жертвуя при этомъ своими коренными убѣжденіями, пускать все средства въ ходъ, чтобъ удержать за собою кормило правленія или направленія возбужденныхъ умовъ.

Таковъ общій абрисъ исторической картины Грузии XVIII в. Послѣдствія отмѣченнаго государственнаго порядка и общественнаго броженія плотно отложились въ духѣ и характерѣ дѣятельности истаго сына своего вѣка, лучшаго его выразителя, Антонія I, католикоса Грузии.

Антоній I, въ мирѣ Теймуразъ¹⁾, сынъ царя Иессея Карталинскаго, т. е. Восточной Грузии, перешедшаго въ исламъ для снисканія милости шаха, и племянникъ извѣстнаго Вахтанга VI,

¹⁾ Свѣдѣнія объ его жизни см. *Жорданія въ Духовномъ Вѣстн. Грузии. Эпизодата*, (1891 г.) «Антоній I, католикосъ Грузии, архіепископъ Владимірскій и Еропольскій». *Мтварелинцвилл*, «Антоній I, католикосъ Грузии» (Иверія, 1880 г. № 4).
Объ его политической дѣятельности см. *Цаирели*, Грамоты XVIII в., относящія къ Грузии, т. I. СПб. 1891 г. Объ его научныхъ трудахъ *Хахановъ*, «Очерки по ист. груз. слов.», вып. III. Москва, 1901 г.

царя-законодателя, по рождению предназначался для политической карьеры, а не для того, чтобы быть духовным пастырем. Семейное несчастье, постигшее царевича Теймураза в юном возрасте, побудило его произнести иноческий обет, не отрекаясь, впрочем, от мирской суеты, в кипучей водоворот которой втягивался в XVIII в. наряду с неутомимым обитателем укрепленных замков и смиренный отшельник монастырской кельи. Родившись в 1721 г., Теймураз семилетью потерял отца и остался на попечении матери своей, Елизаветы, которая приставила к царевичу знаменитых наставников и между ними С. С. Орбелиани, автора «Книги Мудрости и Лжи» и ближайшего соратника царя Вартава VI на политическом и литературном поприще. Рано покинув школьную скамью, преждевременно развившись физически под теплыми лучами юга, Теймураз, едва достигши пятнадцатилетнего возраста, был уже объявлен женихом дочери крупного феодала, князя Гиви Амилахвари. Но предполагавшийся брак царевича совпал с тем тяжелым моментом в жизни грузинского народа, когда имущественная и семейная безопасность была мало гарантирована от шахского произвола. Сладострастные взоры повелителя Ирана, шаха Надира, остановились на престольной княжне, невесте Теймураза, и... она была доставлена ему в гарем покорным шахскому приказу собственным ее отцом. Этот нравственный удар, открыв глаза на ненормальный склад политической организации Грузии, заставил Теймураза посвятить себя Богу и искать приюта в Давидо-Гераджийской пустыни. Восемнадцатилетью от роду, испытав много невзгод и наглядившись на безконечную сеть интриг и крамоль, Теймураз в 1739 г. постригается в Гелатском монастыре в монахи под именем Антония. «Душа его, — пишет архиеп. Тимофей²⁾, ученик Антония, — пламенела к Богу и искала иноческого пристанища, она жаждала и порывалась подняться мыслью до обиталища божества.. Молодой отшельник, не взирая ни на высоту своего царского происхождения, ни на предлагаемый ему царский трон, бросив все это, возложил на себя тяжелый крест и избрал жизнь подвижническую».

Родовитость и образование открыли юному иноку свободный путь для беспрепятственного восхождения быстрыми шагами по ступеням иерархической лестницы. В том же 1739 году он получил место игумена Гелатского монастыря, центра духовного просвещения Имеретии, а в 1740 г. Антоний, будучи от роду 20 лет, был возведен в сан архиепископа с назначением кутаисским митрополитом. Через два года после этого он, в виду изменившихся политических обстоятельств, покидает Имеретию и переселяется в Телав, столицу Кахетии. Со временем его переселения в Восточную Грузию совпадает смерть католикаса Доментия Соборь, созванный для избрания ему преемника, единогласно провозглашает Антония католикосом, как «сугубо достойнейшего иерарха». Антоний не принял высшего иерархического сана «из смирения и любомудрия» и вернулся в Имеретию, престол которой после продолжительных колебаний достался царю Александру. Однако, в 1743 г. Антоний окончательно покидает Кутаис, поселяется в Иоанно-Крестительском монастыре (в 60 верстах от Тифлиса) в качестве простого инока, добровольно превратившись из архимонаха в «пасомаго и раба» настоятеля пустыни. Тихая келья, изолирующая Антония от житейских страстей, недолго могла удовлетворить его общественные замыслы и порывы. В 1744 г. он стоит в центре политического движения Грузии, принимает близкое участие в народном торжестве по случаю пожалования шахом карталинского престола Теймуразу II, а кахетинскому сыну его, Ираклию II, впоследствии вступившему в союз с Императрицей Екатериной II.

Политическое соединение Карталии и Кахетии под властью отца и сына сопровождалось небывалым в истории грузинской церкви событием: рука злодья 11-го августа 1744 г. по-

²⁾ Об нем и его путешествии по Святым местам см. у меня «Очерки» и пр. вып. III.

разила кинжаломъ католикоса Николая (Херхеулидзе). Осиротѣвшая кафедра снова протянула съ молбой руки къ Антонію, который на этотъ разъ уже согласился принять власть, «но не безъ страха», какъ онъ самъ выражается. Такимъ образомъ, Антоній I сталъ 24 лѣтъ высшимъ іерархомъ Иверской церкви, вліятельнымъ руководителемъ не только духовной, но и политической жизни. Историческія условія благоприятствовали осуществленію замысловъ, давно лелѣемыхъ Антоніемъ I. Параллельно съ государственными реформами, предпринятыми Иракліемъ II, начинается католикосомъ обновленіе въ церковной жизни. Прежде всего, Антоній I старается опредѣлить свои отношенія къ царской власти и укрѣпить послѣднюю, такъ какъ только при твердости ея обуславливалась прочность церковныхъ порядковъ. Сливъ интересы церкви съ интересами государства, Антоній I издаетъ всѣ распоряженія отъ имени царя, устраняя, такимъ образомъ, поводъ къ столкновенію между двумя равноправными, по законамъ царя Вахтанга VI, главами народа.³⁾ По приведеніи въ извѣстность церковныхъ имуществъ, онъ, въ видахъ огражденія отъ злоупотребленій, установилъ церковный судъ. Ревностно онъ принялся за возстановленіе разрушенныхъ храмовъ, открылъ рядъ монастырскихъ школъ, возобновилъ печатаніе книгъ, оживилъ своими учеными трудами грузинскую литературу. Дѣятельность его стала уже приносить свои благотворные плоды, какъ неожиданно она должна была прерваться въ 1755 г. въ виду увлеченія его флорентійской уніей, совращенія въ католичество и изгнанія изъ отечества. Сближеніе Антонія I съ католическими миссіонерами произошло на научной почвѣ. Задавнись мыслью обновить школу и внести новый лучъ просвѣщенія въ общественную жизнь, Антонію необходимо было воспользоваться услугами католическихъ духовныхъ лицъ, при содѣйствіи которыхъ онъ написалъ грузинскую грамматику и «Готовое слово», рѣчь о которомъ предстоитъ ниже. Продолжительныя научныя занятія съ папскими нунціями повлекли за собою совращеніе его въ католицизмъ. Духовный соборъ, созванный во Мцхетѣ, древней столицѣ Грузіи, въ присутствіи царей Теймураза и Ираклія, отрѣшилъ совращеннаго католикоса отъ патриаршаго трона. Антоній I, изгнанный изъ родины, нашелъ пріютъ въ Россіи, представилъ символъ вѣры Св. Синоду, который нашелъ его согласнымъ съ ученіемъ православной церкви, и оправдавнись въ «минутныхъ увлеченіяхъ», получилъ кафедру архіепископа *владимирскаго и пропольскаго*. Владимирской епархіей Антоній I управлялъ съ 1757 года до 1762 г. По смерти царя Теймураза II, Ираклій II, ставъ обладателемъ обоихъ троновъ — Кахетинъ и Карталиннъ, — вызвалъ Антонія изъ Россіи и снова возвелъ на патриаршій престолъ. Пребываніемъ въ изгнаніи Антоній воспользовался для изученія латинскаго и русскаго языковъ и близко ознакомился съ извѣстными тогда философскими и богословскими сочиненіями. Въ немъ не гаснетъ любовь къ отчизнѣ, онъ весь проникается мыслью о нравственномъ и умственномъ ея развитіи. Въ Россіи онъ заготовилъ цѣлый кругъ книгъ и учебниковъ для новаго типа задуманныхъ имъ грузинскихъ школъ. Труды его въ научной и педагогической области весьма разнообразны. Онъ началъ свою прерванную литературную дѣятельность съ перевода годичной мишенъ, напечатанной имъ впоследствии въ Тифлисѣ.

Не останавливаясь на книгахъ чисто-духовнаго содержанія, укажемъ, что Антоній перевелъ съ своими примѣчаніями Философію, Логику, Метафизику — Баумейстера⁴⁾, философа Лейбницево-Вольфовой школы, — физику знаменитаго философа, примѣниваго къ философіи строго-матема-

³⁾ Ст. 25 законовъ царя Вахтанга гласитъ: «Всякое вообще преступленіе противъ царя и католикоса пріемлется за одно; ибо одинъ изъ нихъ имѣетъ власть надъ тѣломъ, а другой надъ душой».

⁴⁾ Baumeister (Фридрихъ-Христианъ), принадлежавшій къ философской школѣ Вольфа, написалъ: *Philosophiae definitiva* (Wittenberg, 1735, in-4°); *Institutiones philosophiae rationalis methodo wolfiano conscriptae*, I b. 1736, in-8°; *Institutiones methaphysicae methodo Wolfiana adornatae*, ib. 1738 in-8; *Elementa philosophiae recentioris*; Leipzig, 1747, in-8°. *Elements de rhétorique*; Coerlitz, 1740, in-8°.

тической методъ, Христіана Вольфа⁵⁾, Исторію Александра Македонскаго Курціуса, категоріи пер-
въ 1767 г. (рши. 1769 г. Общ. гр. и СПб. пуб. б. 1782 г.) Аристотеля, Риторикѣ Мхитаря, Исто-
рію ефесскаго собора Камень въры Стефана Яворскаго и др. Для открытыхъ имъ въ Тифлисѣ и
Телавѣ семинарій, по образцу славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ, онъ написалъ учеб-
ники по грамматикѣ, риторикѣ, исторіи, философіи на основаніи категоріи Аристотеля (см. рук.
Общ. грам. № 82, перепис. въ 1767 г.) и богословію. — Риторика по опредѣленію Антонія есть
искусство выражать мысли въ упорядоченной и улучшенной формѣ. რიტორიკაჲ სწეს ზეჯეჯებჲ
განგარგებჲ და სწამოგნებჲ განცხადებჲ ჰსზრთჲ თჳისთჲ. Содержаніе его⁶⁾ риторикѣ слѣд:
гл. I о періодѣ, гл. II о дѣленіи періодовъ, гл. III о тропахъ, гл. IV о частяхъ (ბეკვთჳის) вообще
и частяхъ словъ, далѣе идутъ главы объ эпистолиахъ, хріяхъ, объ управленіи словъ. Поэзія,
поэзія драматическая, словообразование и образованіе понятій (გამცხატჳჲ ჰსზრთჲ სხუ გრმბე-
ბთჲ ცხეკუჯთჲ ხმათ). Вліяніе риторикѣ Ломоносова на соч. Антонія незамѣтно.

Обзоръ этихъ трудовъ свидѣтельствуеъ о широкой подготовкѣ Антонія I, объ его глубокихъ
познаніяхъ и неутомимой энергіи. Въ примѣчаніяхъ сказывается способность его мышленія и огром-
ная эрудиція. Нѣкоторыя изъ его примѣчаній мы ниже приводимъ. Наибольше крупными его вкла-
дами въ грузинскую науку являются: мартиріка—описаніе мученической кончины святыхъ, грамматика,
«Мзатквелеба» — «Готовое слово» и «Цкоблиситкვაоба» или «Мѣрное слово». Мартиріка Антонія
представляетъ огромную рукопись. Между прочимъ она хранится въ Тифлисѣ. Обществѣ грамот-
ности. Названный экземпляръ переписанъ 31 октября 1768 г. Трудъ этотъ могъ быть подска-
занъ прологами и мѣсяцесловомъ Симеона Полоцкаго.

«Мзатквелеба» — готовый отвѣтъ, — обвиняющій 600 слишкомъ печатныхъ, по изд. епископа
Александра, страницъ, представляетъ строго обдуманное, основанное на твореніяхъ отцовъ церкви
и исторіи, опроверженіе системъ монофизитскихъ ученій вообще и въ частности армянской ереси,
усилившейся въ Грузіи при Антоніи I. (См. объ немъ А. Натроевъ Духовн. Вѣстн. Груз.
Экз. 1899 г. и Хагановъ III в. Очерковъ).

Другой его трудъ «Цкоблиситкვაоба», написанное ямбами въ 12 слоговъ, изд. въ 1853 г.
Пл. Иосселиани, заключаетъ въ себѣ похвальное слово въ честь грузинскихъ царей, писателей
и дѣятелей. Это — весьма цѣнное произведеніе, заключающее въ себѣ массу библиографическихъ
данныхъ по древней грузинской письменности.

По языку Антоній составилъ грамматику въ трехъ видахъ. Первая грамматика, 1753 г.,
была составлена по образцу армянской Мхитаровой грамматики, вторая — пространная 1767 г.
и третья — «Симетне» представляетъ краткій учебникъ грамматики въ вопросахъ и отвѣтахъ.
Языкъ онъ дѣлитъ на три стіля: 1) простой для всѣхъ доступный, 2) выразительный для об-
разованныхъ, 3) высокій, доступный ученымъ. Замѣтимъ при этомъ, что въ этомъ трудѣ Антонія не-

⁵⁾ Ученникомъ его (1679—1754 г.) является М. В. Ломоносовъ, который перевелъ его экспериментальную физику,
«Вольфианская экспериментальная физика съ нѣмецкаго подлинника на латынскомъ языкѣ сокращенная, съ котораго
на російскій языкъ перевелъ Михаилъ Ломоносовъ». СПб. 1746. Въ своей риторикѣ («Краткое руководство къ краснор-
рѣчию» СПб. 1748 г.) Ломоносовъ замѣтываетъ у него параграфъ «о сопряженіи простыхъ идей и объ изображеніи
доводовъ». О Баумейстерѣ и Вольфѣ см. Гогонокій философ. лексиконъ, т. I, стр. 253 и 425 и сл.

⁶⁾ Ср. «Краснорѣчіе есть искусство о всякой данной матеріи красно говорить и тѣмъ превозносить другихъ къ своему
объ оной мнѣнію». (Ломоносовъ. Крат. рук. къ краснор.) Содержаніе риторикѣ Ломоносова: ч. I о изобрѣтеніи. Гл. I о
изобрѣтеніи вообще, гл. II о изобрѣтеніи простыхъ идей, гл. III о сопряженіи простыхъ идей, гл. IV о положеніи пе-
ріодовъ и о распространеніи словъ, гл. V о изобрѣтеніи доводовъ, гл. VI о возбужденіи, утоленіи и изображеніи стра-
стей, гл. VII о изображеніи витѣватыхъ рѣчей, гл. VIII о вымыслахъ. Ч. II, гл. I о украшеніи вообще, гл. II о значеніи
слова, гл. III о тропахъ реченій, гл. IV о тропахъ предложеній, гл. V о фигурахъ реченій, гл. VI о фигурахъ предло-
женій, гл. VII о соединеніи и смѣшеніи фигуръ. Ч. III, гл. I о расположеніи идей вообще, гл. II о хриі, гл. III о рас-
положеніи по силлогизму, гл. IV о расположеніи по разговорѣ, гл. V о расположеніи описаній. VI о расположеніи и
союзѣ періодовъ.

замѣтно его, какъ и въ реторикѣ, знакомство съ грамматикой Ломоносова. (О грам. трудахъ Антонія см. А. А. Цагарели О груз. грам. литературѣ).

Подъ именемъ грамматики Антоній разумѣть «искусство» правильно говорить и писать⁷⁾. По его мнѣнiю, грамматика можетъ предписывать правило по своему усмотрѣнiю, чтобы научить искусству правильно говорить и писать. Въ виду этого ошибочнаго пониманiя роли грамматики, онъ ввелъ звуки для облегченiя произношенiя, несуществующую форму винительнаго пад. предложилъ обозначать черточкою сверху, послѣлоги, господствующiе въ грузинскомъ языкѣ, замѣнилъ предлогами и проч.⁸⁾

Что касается до его философскихъ трудовъ, къ сожалѣнiю, по-нынѣ еще неизданныхъ, то они являются буквальными переводами съ русскаго текста съ нарушенiемъ правилъ грузинской конструкцiи. Такъ, «Наставленiя метафизическiя» переведены Антонiемъ не съ латинскаго оригинала автора — Баумейстера, а съ русскаго его перевода, что явствуетъ изъ того, что въ грузин. переводѣ отсутствуетъ латинское предисловіе (Praefatio ad benevolum lectorem de dignitate, necessitate et utilitate metaphisicis), приложенное и къ русскому переводу⁹⁾. Очевидно, Антоній не владелъ твердо латинскимъ языкомъ и искусственно приспособлялъ грузинскую рѣчь къ русской конструкцiи. Образчикомъ можетъ служить какъ переводъ заглавія — Наставленiя (вѣрнѣе «положенiя») «метафизическiя» ზედდაგანებნა მეტაფიზიკასნა, такъ и вся книга (см. дальше). Заслуга Антонія больше заключается въ томъ, что онъ впервые ввелъ грузинскую философскую терминологию, изобрѣлъ выраженiя для передачи отвлеченныхъ понятiй, иногда весьма удачныя, какъ напр., сущность, совершенство и пр.

Таковы напр., термины изъ Метафизики католика Антонія I¹⁰⁾.

ბრსო — сущее.

ბრბრსო — несуществующее.

შესაძლებელი — возможное § 13.

შეუძლებელი — невозможное.

წერილის გვარო — стиль.

ბრსებ — сущность.

ბრსებ ბრსისა შეუცვლელი სდაბე ბრს და უზიარებელი — сущность сущаго есть неизмѣнное и непричастное.

⁷⁾ ღრმობაგ ბრს შემძლებელბ მართლებობად და წესიერად წერად. гласитъ § 153 грам. Антонія I. Привожу для сравненiя оглавленiе російской грамматики Ломоносова.

Наставленiе первое. О человѣческомъ словѣ вообще.

Гл. I о голосѣ.

II о выговорѣ и нераздѣлимыхъ частяхъ слова.

III о сложенiи не раздѣлимыхъ.

IV о знаменальныхъ.

V о сложенiи знаменательныхъ.

Наставленiе второе. О чтенiи и нравственной философи.

Гл. I о азбукѣ російской.

II о произношенiи буквъ російскихъ.

III о складахъ и реченiяхъ.

IV о знакахъ.

V о правописанiи.

Грамматика Антонія начинается главой О падежахъ именъ существительныхъ и мѣстоименiй, далѣе идетъ спряженiе; во II ч. онъ разсматриваетъ буквы, слоги и слова, III ч. — Синтаксисъ.

⁸⁾ Знакъ ჯ (ср. армян. ղ) соответствуетъ по мысли Антонія ѣ и полагался при стеченiи согласныхъ, напр. მჯრებნა. Послѣлоги не всегда у него замѣняются предлогами, см. напр. § 272 უკუელთ განიერთ ზმნათაჲს, ср. § 452 и др.; предлогъ иногда у него стоитъ между прилагательнымъ и существительнымъ напр. въ § 454 и 456 თქმულისგან მგვლითისა. Но у него же послѣлогъ — თჲს является предлогомъ — თჲს სსუელისა; ср. მებრ კაცისა.

⁹⁾ Христiана Баумейстера метафизика, переводъ съ латинскаго вновь высмотрѣнъ и на многихъ мѣстхъ исправленъ проф. Дмитр. Синьковскимъ. Изд. 2-е Москва, 1789 г. (Въ университетской типографiи у Новикова). На второмъ листѣ читается: Excellentissimo ac magnifico Caesareae universitatis mosquensis directori domino Paulo Ioanni divon Wisin. Sacr. Imperial. Majest. Russ. Consiliario status actuati Ord. Sti Wladimiri Tertiae classis, Equiti, optimo litterarum patrono earum Promitori vigilantissimo Metaphisica Rossica conversa offertura Demetrio Synowaky.

¹⁰⁾ Въ XI и XII кн. журнала *Моямб* за 1901 г. появилась статья С. Гурдзе «философiя и ея прогрессъ», на основанiи русскихъ авторовъ и переводовъ. Эта работа, можно сказать, первый опытъ изложенiя на грузинскомъ языкѣ философскихъ системъ и потому не чужда промаховъ въ передачѣ терминологiи. Изученiе трудовъ Антонія I можетъ быть полезна именно со стороны усвоенiя если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ изъ введенныхъ терминовъ.

Таковы напр., термины изъ Метафизики католика Антонія I.

უსაზღვრადელი — всеобщій.
 დადებულეობა — положеніе.
 სანსარკტიკო — характеристическій.
 ყელადი და კერძო — цѣлое и часть.
 სრულეობა — совершенство.

კბრგი — порядокъ.
 ჭეშმარიტეობათა — истинный.
 არსი შეზავებული — сложное существо.
 იდეა — გამოსატყა — идея.
 სანგრძობელი — ощущение.

Примѣчаніе Антонія стр. 912, 18, 20, 23 упоминается объ Іоаннѣ (Петрици), грузинскомъ философѣ XII в. Ср. стр. 26, 39, 43, 55, 62, 69.

Примѣчанія къ философскимъ переводамъ отличаются зрѣлостью мысли и оригинальностью. Недостаткомъ его трудомъ слѣдуетъ признать тяжелый, витіеватый и мѣстами искусственно созданный языкъ. Во всякомъ случаѣ работы Антонія I создали эпоху въ грузинской наукѣ. Отъ его грамматическихъ изысканій ведетъ начало обстоятельная разработка грузинскаго языка, его богословскія и философскія сочиненія доннынъ остаются чуть-ли ни единственными образцами грузинской теологической и философской системы. Съ его именемъ, наконецъ, связывается представленіе о просвѣщенномъ архинастырѣ, внесшемъ новую струю въ школьное образованіе Грузіи.

Я прилагаю отрывки изъ нравственной философіи и метафизики, при чемъ первый изъ нихъ сопровождаю переводомъ на русскій языкъ, а ко второму не прилагаю перевода въ виду того, что, какъ видно изъ примѣчанія моего къ первому параграфу грузинскаго текста метафизики, Антоній I воспроизвелъ ее согласно съ русскимъ переводомъ *Institutiones methaphysicae*.

Грузинскій текстъ кончается четырьмя параграфами (§§ 1, 2, 3 и 302), заимствованными изъ реторики Антонія I.

შინაქსი სპულტკეკოის ფილოსოფიის:

თავი		პარაგრაფი.
	წინა-სიტყვაობა სანთიკოასადმი ფილოსოფიის:	§, 1.
1.	საქმეთა თავს კაცობრივთა, და განწუნებობის მათის:	§, 5.
2.	შეკრულებისათვის, ესე იგი შეკრუს:	§, 18.
3.	ბუნებობისათვის შესჯულის:	§, 31.
4.	შატაისათვის თავს და კეთილ-მოსანგებულთ:	§, 32.
5.	მექმედობისათვის კეთილის და ბორტის და კაცობრივის დღე კეთი- ლობის, ანუ კეთილ შემთხვევის:	§, 40.
6.	სუნადისათვის თავს:	§, 45.
7.	შერატხისათვის:	§, 52.

ფილოსოფიის სანსარკტიკოას ნაწილი, 2:

ზედ-დადგინებანი ბუნებობის სანსარტლისანი:

	წინასიტყვაობა:	§, 62.
1.	თან-ნადებთათვის თავს ღვთის მიმართთ:	§, 64.
2.	თანნადებთათვის კაცისათ თავისადმი თავისათ:	§, 66.
3.	თანნადებთათვის გულის-ხმის-ყელის მიმართთ:	§, 70.
4.	თანნადებთათვის ნების მიმართთ:	§, 73.
5.	თან-ნადებთათვის სსულის მიმართთ:	§, 76.
6.	თან-ნადებთათვის კაცისათ თავისადმი თავისათ გრეგნობის მებრ მდგომობისათვის:	§, 76.
7.	სსუტადმი თან-ნადებთათვის სსუადღად:	§, 91.
9.	თან-ნადებთათვის შესჯის შინათ უფლების, ანუ ფლობისათ:	§, 95.
10.	თან-ნადებთათვის კაცისათ სიტყვისათ შინ, და დაზავებთათ:	§, 108.

Оглавление (пинакси) нравственной философии.

ГЛАВА.	ПАРАГРАФЪ.
Предисловіе къ «этической» философіи	§ 1.
1. О дѣлахъ человѣческихъ и раздѣленіи ихъ	§ 5.
2. О связываніи или связи	§ 18.
3. О природѣ закона	§ 31.
4. О карѣ и воздаяніи	§ 37.
5. О дѣйствіи добра и зла и человѣческаго благоденствія или благополучія	§ 40.
6. О совѣсти	§ 45.
7. О вмѣненіи ²⁾	§ 57.

II часть практической философии.

Положенія естественнаго права.

Предисловіе	§ 62.
1. Объ обязанностяхъ по отношенію къ Богу	§ 64.
2. Объ обязанностяхъ человѣка къ самому себѣ	§ 66.
3. О велѣніяхъ уразумѣнія ²⁾	§ 70.
4. О велѣніяхъ воли	§ 73.
5. О велѣніяхъ плоти	§ 76.
6. Объ обязанностяхъ человѣка по отношенію къ самому себѣ по вишнему положенію	§ 78.
7. Объ обязанностяхъ къ другимъ вообще	§ 91.
8. Объ обязанностяхъ къ друзьямъ и врагамъ	§ 94.
9. Объ обязанностяхъ въ сужденіи о владѣніи	§ 95.
10. Объ обязанностяхъ человѣка въ (данномъ) словѣ и союзѣ	§ 108.

III часть практической философии.

ГЛАВА.	ПАРАГРАФЪ.
<i>Положеніе этики или ученіе нравственной философіи, краткій означенія.</i>	
Предисловіе къ этикѣ вообще	§ 125.
1. Показатель нѣкоторыхъ общихъ законовъ зависти къ добрымъ дѣламъ, какъ его слѣдуетъ находить	§ 127.
2. О родѣ, какова должна быть ноима, т. е. уразумѣніе, чтобы быть совершенной и успѣшной ²⁾	§ 128.
3. О направленіи и воздержаніи страстей	§ 145.
4. Объ осторожности или строгости	§ 147.
5. О святости (или чистотѣ)	§ 154.
6. О соблѣзнованіи и щедрости и объ употребленіи строгости	§ 158.
7. О кротости	§ 168.
8. О добрыхъ дѣлахъ въ случаяхъ добрыхъ или злыхъ	§ 171.
9. О добрыхъ дѣлахъ по отношенію къ другимъ	§ 178.
<i>Положенія политическія т. е. государственныя.</i>	
Предисловіе	§ 1.
1. О благоразуміи вообще сужденій и благоразумій [разумѣ?] законовъ ⁴⁾	§ 2.
2. О законахъ благоразумія по отношенію къ себѣ и независимо отъ разума	§ 21.
3. О законахъ благоразумія по отношенію къ волѣ	§ 47.
4. О благоразуміи въ обращеніяхъ съ другими	§ 71.
5. О благоразуміи въ словахъ	§ 102.
6. О благоразуміи въ поступкахъ	§ 116.

К О Н Е Ц Ъ О Г Л А В Л Е Н І Я .

¹⁾ Антоній I здѣсь ссылается на «Вольфіуса»; слово совѣсти называется тотъ моментъ, когда она перестаетъ быть руководящею.

²⁾ Антоній I въ примѣчаніи объясняетъ, что древніе философы уразумѣніе называли силой познанія.

³⁾ Здѣсь онъ ссылается на логику, имъ же составленную.

⁴⁾ Въ § 8 этой главы Антоній I такъ классифицируетъ дѣянія: иное дѣйствовать по справедливости, иное по честности и иное по благоразумію. Справедливо дѣйствуетъ тотъ, который сообразно съ законами естественной истины правитъ свои дѣла, хотя бы даже безъ направленія воли своей; честно дѣйствуетъ тотъ, который не только вишнимъ образомъ правитъ свои дѣла сообразно съ закономъ, но и проникнуть [желаніемъ къ] добродѣтели, обладаетъ внутренней волей, чтобы дѣлать то, что честно. Что касается до дѣяній по благоразумію, то необходимо знать природу, свойства и образъ, благоразумія. Благоразуміе ничто иное, какъ сила дѣйствовать благоразумными средствами, чтобы пріобрѣсти вишнее благополучіе и сохранить наше состояніе (§ 14, этики).

ძილსოფიის სპირიტუალის, ნაწილი 3:

ზედ-დადგინების სათიკლის, ანუ ყოფიქვევთ მძღურების

ძილსოფიის ესთ შემოკლებით ზედ-წოდებულისანი:

- წინ-სიტუბობა ითიკას სანოკადოდ: §, 125.
- 1. მწუცნებელი რომელთაჲ კანონთ სანოკადოდთ შურისათჳს კეთილთ სქესთას და სქმეთას, თუ ვითარ ჯერ-არს ჰოვანდ იგი: §, 127
- 2. სქესის თჳს, თუ ვითარ ჯერ-არს ნომის ესე იგი გულისხმის-ყოფა, რწ უსრულეს იყოს და წარმართებული: §, 128.
- 3. გნგების თჳს, და დაყუდების ვნებათას: §, 145.
- 4. სიმკაცრის თჳს, ანუ კრძალულების: §, 147.
- 5. სიწმიდისათჳს: §, 154.
- 6. ტკივილთ მყოწრებისათჳს, და სიუხვის და სიმკაცრის წარგებისათჳს: §, 158.
- 7. სიწყნარისათჳს: §, 168.
- 8. კეთილთ სანქმეთ თჳს შემთხვევას შწ კეთილთ ანუ ბორცტას: . . . §, 171.
- 9. სხვათ მიმართთ თჳს კეთილთ სანქმეთ: §, 178.

ზედ-დადგინების ჰოლიტიკისანი ესე იგი სანოქქლასქოასანი:

- წინსიტუბობა: §, 1.
- 1. კეთილ-გონიერებისათჳს სანოკადოდ განშსჴილის და კანონთ კეთილ-გონიერებისათ: §, 2.
- 2. კეთილ-გონიერების კანონთ თჳს თანან-ნადებთას თავისადმი რწისა, და განთჳსებულად გონების მიმართთ: §, 21.
- 3. კანონთ თჳს კეთილ-გონიერებისათ ნების მიმართთ: §, 47.
- 4. კეთილ-გონიერებისათჳს სხვათ თანან ქვევას შინა: §, 71.
- 5. კეთილ-გონიერებისათჳს სიტუბობათ შინათ: §, 102.
- 6. კეთილ-გონიერების თჳს ქვევათ შინათ: §, 116.

დასასრული შინაქისა:

წინ-სიტუბობა სათიკლადმი ძილსოფიის:

§, 1.

უკეთუ ვჴმურებით რწ ამისთჳს, რწ უცხადესად გამოვანინეთმც კანონნი, რომელთადმი ქვევანი კაცობრივი სათანადო-არან თან-გმობად, ვინაც თანან-გუნამს წულილ-გამომიებად, ჰდ ბუნებამ, ანუ თჳსებამ ძილსოფიის, რომელიცა იზედ-წოდების სპირიტუალად, ანუ სანქმითად, და მერმელა ყოველნი ნაწილნი მისნი:

§, 2.

რათ უსრულესად ვიგულ-ხმენითმც, რამ არს იგი, რომელიცა შეიქმს სპირიტუალს ფილსოფიას, სანამსო არს ცნობად დადებულენი ესე:

ა) გმად ვიდრემე გნსწავებს ყოველთ მცნობელობა, ვითარმედ ნებ ჩვენი მსწადნომ ამასოდენ, რამცაღა წარმომიდგების რწ ვითა კეთილი რამე, რომლისაგან ივლტის და მიაქვევის, არა კეთილად მითვალული:

დადებულენ ესე უმჯობეს სანამე განმართებულ არს და დამტკიცებულ მეტავიზიკას შინა, §, 230:

ბ) გვანდ უკრწ ვსცნობთ მცნობელობის ძალით, ვითარმედ ცთომილით რომელითაჲ აზრითა კეთილად მივითუანავთ მას გშირად, რომელიცა თუთ მას ნივთს შინა სანქმე არა არს კეთილი, ესთაჲ მრავალ-ჯერ კეთილსაც მითვალულგყოფთ არა კეთილად:

გ) იქმნების ამისგან სანამე, ვდ შეშსცდების ნებ გვისანგან ჴემმართისა, და სიბორცისადმი მიდრკების სშირად, და კეთილისაგან, და სანოკარებულისა სანქმის მიაქვევის: და ესრეთ არა ვისე თანან-ამს განკურნებად, კდ კანნი მრავალნი წარწყმედანს შინა დიდს მთაცვიან, და ჴემმართის და განგრძელებადს ბედნიერობას მოაკლდებინ:

Предисловіе къ этической философіи¹⁾.

§ 1.

Если мы прилагаемъ старанія къ тому, чтобы видѣе выяснитъ законы, въ согласіи съ которыми должны быть дѣйствія человѣка, то намъ слѣдуетъ подробно изслѣдовать, во первыхъ природу или свойства философіи, которая называется практической или дѣловой и затѣмъ всѣ части ея.

§ 2.

Для того чтобы полнѣе уразумѣть, что такое то, что составляетъ практическую философію, подобаетъ знать слѣдующія положенія.

а) Достаточно пока научаетъ насъ сознаніе, что наша воля желаетъ того, что представляется какимъ-либо благомъ, и избѣгаетъ и отвращается отъ того, что признано неблагомъ. Положеніе это наилучше опредѣлено и установлено въ метафизикѣ, § 230.

в) Еще силой сознанія мы познаемъ, какъ по нѣкоторымъ ложнымъ мыслямъ часто засчитываетъ благомъ то, что въ самой той вещи не есть благо, точно также не разъ благомъ мы засчитываемъ.

г) Отсюда происходитъ иногда, что воля сбывается съ пути истины и наклоняется часто ко злу и отступаетъ отъ блага и жизненнаго дѣла, и такимъ образомъ никто не долженъ удивляться, что многіе впадаютъ въ гибель и лишаются истины и продолжительнаго счастья.

д) Ибо насколько подобаетъ человѣку рожденному въ красотѣ и счастіи, чтобы нигдѣ онъ не лишился счастья, настолько необходимо указать путь, съ помощью котораго будетъ возможно достигнуть, чтобы направить волю свою такъ, чтобы воля его желала только одного блага, а отъ всего недобраго и вреднаго дѣянія отклонялась и отвращалась.

е) Вотъ въ этомъ-то заключается философія практическая или дѣловая, или этическая.

з) Теперь ясно ужъ, что практическая или этическая философія ничто иное, какъ часть той философіи, въ которой исчисляются законы, направляющіе волю человѣка при выборѣ добра и отстраненіи зла.

§ 3.

Первыя основы практической философіи легко уразумѣемъ по тѣмъ положеніямъ, которыя необходимы въ ихъ установленіи, и которыя мы опредѣлили наиболѣе соответственнымъ добромъ.

а) Такъ какъ практическая или нравственная философія излагаетъ законы, руководящіе волей человѣка при выборѣ добра и отстраненіи отъ зла (§ 2, положеніе б), то прежде всего при этой философіи слѣдуетъ усвоить, какія дѣйствія суть добрыя, къ которымъ воля должна имѣть склонность, и какія дѣйствія суть злыя, отъ которыхъ должна она отклоняться.

б) По этому въ практической философіи необходимо изложить нѣкоторые извѣстные законы и опредѣляющія положенія, что такое благо (добро) и что такое неблаго или зло, и указующіе человѣку, чего нужно желать и чего отвращаться.

в) Законы, человѣку указующіе, чего нужно желать или хотѣть и отъ чего отстраняться, слѣдуетъ намѣтить такого рода, чтобы они не превосходили силы человѣческой, т. е. чтобы указывали что возможно исполнить и свободно дѣйствовать.

¹⁾ При печатаніи отрывковъ изъ метафизики и философіи въ переводѣ Антонія I я пользовался ркн. Моск. библиотек. Мнѣ извѣстны такыя же манускрипты изъ Общ. распростр. грамоты среди грузинъ №№ 27, 178 и 351, перенес. въ 1757 и 1762 г., въ СПб. П. Б. ркн. Метафизика, №№ 238 и 240, 1781 и 1762 г.г., Нрав. философія № 242, Логика № 284 1762 г., автографъ Антонія.

დ) ვინაიდან რაოდენ იგი უკმს კაცსა შუწნიერებასა შინა და ბედნიერობასა შობილსა, რათა ნუსადა მოაკლდეს-მცა თვისის მისგან ბედნიერობისა, ეგოდენ სწორ-არს გზაა ჩუწნიებად მისა, რომლისა ძალით შესაძლებულ-აყოს მისულად, რა წარმართლმცა ნებაა თვისი ესთ, რა ნება მისი მწადნელ-აქმნას ჭეშმარიტისა ოდენ კეთილისა, ხოლო ყოვლი-საგან არა კეთილისა, და სავნებულისა საქმისა მადრკებოდეს, და გარე-მიექცეს:

ე) და ესე იგი არს, რომლისა გარემო ფილესოფია სავრატკიკო, ანუ საქმიით, ანუ საითიკო იქცევის:

ვ) აწ სადამე ცხად არს, ვითარმედ ფილესოფია სავრატკიკო, ანუ საითიკო არა რაიმე სხვა არს, გარნა კერძო იგი ოდენ ფილესოფიისა, რომელსა შინა გარდმოცემიან კანონნი კაცობრივისა ნებისა წარმართებულნი, გამორჩევასა შინა კეთილისასა, და შუურაცხ-ყოფასა ბორცისასა:

§ 3.

სავრატკიკოსა ამის ფილესოფიისა განსახლვრებისა პირველ დამდებულნი ადვილ-სადამე გულის-სამ ვყოფთ წინა-დადებათა მათ, რომელნიცა განსახლვრებისა ამის შინა იმ-ჭირვან, და რომელნიცა განვმარტნეთ უქსანამესიათა გარვითა:

ა) ოდეს იგი ფილესოფია სავრატკიკო, ანუ საითიკო გარდამოცემებს კანონთა კაცობ-რივისა ნებისა წარმართებულთა, გამორჩევასა შინა კეთილისასა, და შუურაცხ-ყოფასა ბო-რცისასა, (§ 2—დადებულ, 6)—რომლისათვის ჯერ-არს პირველად სწავლად ფილესოფიასა ამის შინა, თუ რომელნი არიან კეთილნი საქმენი, რომელთაცა ნებისა უკმს სურვალი, და რომელნი არიან ბორცნი საქმენი, და რომელთაგან უკმს გარე-მიექცებად:

ბ) ვინაიდან სავრატკიკოსა შინა ფილესოფიასა სწორ-არს გარდამოცემად რომელნიმე საცნაურნი კანონნი, და წინადადებანი გამსახლვრებულნი, რაა არს კეთილი, და რაა არს არა-კეთილი, ანუ ბორცო, და რომელნი აჩუწნიებენ კაცსა, თუ რაასა უკმს მწადნელ-ყოფად, და რომლისაგან გარე-მიექცებად:

გ) კანონნი კაცთაში მწუწნიებულნი, თუ რომლისადმი ჯერ-არს მწადნელ-ყოფად, ანუ სურვალად, და რომლისაგან განშორებად, ჰვამს უკმე ძიებად ესე გზანი, რა არა უხესთაეს-აუწინე მცა ძალით კაცობრივთა, ესე იგი რა აჩუწნიებდენმცა რაა ცალა შესაძლო აყოს ქმნად, და თავის-უფალ-ყოფად: ძალით რომელნიცა აქვს კაცსა სულსა შინა და ხორცსა იქმონენ ბუნებისა მისისა, (§ 162, კოსმოლოგიასა შინა): მამსადამე რომელნიცა ფილესოფიასა შინა საქმიითა გარდამოცემიან კანონნი, ჰვამს მადებად ივანი ბუნებისაგან კაცობრივისა:

დ) სადითგანცა წარმოებს ახალი იგი სავრატკიკო მსწავლად, რომელსა შინა განამარტ-ვიან მსჯულნი ბუნებითნი, რომელნიცა აიძულებენ კაცსა კეთილისა-ყოფად, და გარემოქცებად ბორცისაგან, სწავლად ესე ახედწოდებისა ბოჯრებიოთად სამართლად, რომელსა გნესი-სად მსჯულთა ბუნებითთა, რომელთა მიერ თანა-მდებ არს კაცი:

ე) დამტკიცებისა კაცობრივისა დღე-კეთილობისა, ანუ ბედნიერობისასა, კერ კვამების რათა აჩუწნილმცა კანონნი იგი კაცსა, რომელთადმი თანა-ამს თან-სამ-ყოფად თვისთა საქ-მეთა, ანუ ბრძანებად ოდენ რა ჰყოსმცა, რაა ცალა თანა-ამს ყოფად, და რა არა ჰყოს რაა-ცალა არა ჯერ-არს ყოფად, განადა ჰვამს გზაა ჩუწნიებად, რომელთა ძლით ძალ-ედვას კაცსა ბუნებითისა მსჯულისა დამორჩილებად, და დამორჩილებითა მით დღე-კეთილობათ თვისთა განმრავლებადცა, და დამტკიცებად:

თ) ხოლო ამით ყოველთა შინა კერძოთა საქმეთა საქმიითისა ფილესოფიისათა მართ-ლიად უკმე ქცევად კერ ძალგვძს, თუ სადამე პირველ არა დაგვხდუნეთ დასაბამნიცა, და საფუძუწილნი რომელთაგან შესაძლომცა აყოს მტკიცედ დამტკიცებად ჭეშმარიტებანი დადუ-ბულებანი ითიკისა შინა, ბუნებითსა სამართლსა და პოლიტიკასა კანონებრითა გავშირითა.

ი) და ესრეთ ფილესოფია სავრატკიკო დაშრუწმის მტკიცედ-დამტკიცებათ შინა სახო-გადლოთ ამით მოგონებთა, და დადებულებათისა, ხოლო სახოგადლო ვრატკიკოებითა ფილესო-ფიასა არს, რომელსა შინა გარდამოცემიან ყოვლად სახოგადლონი საფუძუწილნი და დასა-ბამნი, რომელთა მიერ მტკიცედ-დამტკიცებად შესაძლებულ არიან კანონნი ქცევათა, ანუ ჩუწნიებათანი, და ჭეშმარიტებანი სავრატკიკოთა სწავლათანი, კანონებრივითა გავშირითა.

Силы, которыми обладает человекъ въ душѣ своей и плоти составляютъ его природу (§ 162, въ космологіи), стало быть законы, излагаемые въ практической философіи, должны быть заимствованы изъ природы человека.

г) Отсюда возникаетъ новое практическое ученіе, въ которомъ опредѣляются законы естественные, принуждающіе человека дѣлать благо и отвращаться отъ зла,—ученіе это называется естественнымъ правомъ (справедливостью), какъ согласное съ законами природы, коимъ подлежитъ человекъ.

д) Для утвержденія въ человеческомъ благоденствіи или счастіи недостаточно указать законы эти человеку, согласно съ которыми слѣдуетъ ему править свои дѣла или только приказать, чтобы онъ дѣлалъ то, что слѣдуетъ дѣлать и не дѣлалъ того, чего не слѣдуетъ дѣлать; но слѣдуетъ указать путь, съ помощью котораго человекъ будетъ въ силахъ покоряться естественному закону и повиновеніемъ этимъ упрочить и усугубить свое благоденствіе.

е) Но мы не въ состояніи по истинѣ дѣйствовать во всѣхъ частныхъ вопросахъ практической философіи, если сперва не установимъ начала и основы, на которыхъ можно прочно утвердить истинныя положенія этики о законной связи естественнаго права и политики.

ж) И потому практическая философія исчерпывается опредѣленными общими идеями и положеніями, а общая практическая философія это та, въ которой излагаются основы и начала, при помощи которыхъ возможно прочно утвердить законы поступковъ или показатели истины пракческаго ученія по законной связи.

§ 4.

Отсюда можно уразумѣть, какія ученія необходимы въ практической философіи, и такимъ образомъ возможно уяснить, какъ лучше передать это ученіе.

а) Сперва слѣдуетъ опредѣлить общія основы и общія идеи, безъ которыхъ истины естественнаго права (неясны) и пониманіе этики невозможно, и такъ общая практическая философія опредѣлится.

б) Послѣ этого выставимъ законы, сообразно съ которыми каждому, насколько онъ человекъ, подобаешь дѣлать добро и отвращаться отъ зла, однако слѣдуетъ, что бы оно (дѣйствіе) было въ природѣ права (§ 3, полож. 3), по этому въ другомъ мѣстѣ выясняемъ естественную справедливость.

г) Наконецъ, укажемъ путь и средство, насколько подобаешь жить согласно съ природой естественнаго закона, какъ подобаешь это по этикѣ, поэтому мы относимъ этику въ третье мѣсто.

Въ заключеніе опредѣлимъ то, что долженъ защищать человекъ, насколько онъ членъ гражданскаго общества, и потому послѣднее мѣсто займетъ политика.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ДѢЛАХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ И РАЗДѢЛЕНІИ ИХЪ.

§ 5.

Такъ какъ нравственная философія указываетъ стремленіе къ нѣкоторымъ вещамъ и отвращеніе отъ другихъ, то слѣдуетъ сначала установить общія идеи вмѣсто основы (§ 4, полож. 1), поэтому слѣдуетъ опредѣлить, что такое доброе дѣяніе, что такое свободное дѣйствіе, что такое не доброе или злое, что такое законъ, что такое обязанность, что такое кара, что такое милость, что такое благодѣяніе, что такое вина, что такое счастье, совѣсть и пр.

§. 4.

ამიერ გულის-შმის ყოფნად შესაძლებელ არს, თუ ვითარნი მსწავლანი იმჟინვიან საპრინციპალს შინა ჭილვოსოქიასს. კვ სასუედ შესაძლებელ არს განჭვრეტად, თუ ვითარითა კარგითა სათანადო-არს სწავლათ მათ კარდმოცემად:

ა) პირველ ვიდრეჲე ჯერ-არს დადებად დასაბამნი საზოგადონი, და განმარტებად საზოგადონი მოკონებანი, რომელთაც კარდა ჭეშმარიტებანი ბუნებითისა სამართლისანი, და ითიკისა გულ-შმებად შეუძლებელ არს, და ესრეთ საზოგადო იგი პრინციპალითი ჭილვოსოფთა შიდა განიმარტოს:

ბ) ამისა შიდა დავსრეთ კანონნი, რომელთა მიერ ყოველსა კაცსა რაოდენცადაც კაცი არს, თანა-ამს რა ჰქმნას კეთილი და კარგიიქცეოდეს ბოროტისაგან: ხოლო ჯერ-არს ესე რა იყოს ბუნებითსა შა სამართლისა (§. 3. დადებულ. 4): მაშასადამე მეორესა შა კანონმარტნეთ ადგილსა ბუნებითი იგი სამართალი:

გ) ხოლო უკანასკნელ კანონით გზა, და სქესი, თუ ვითარ სათანადო-არს თანხმევან ცხევრებად ბუნებითისა სჯულისა: ხოლო ჯერ-არს ესე რათა იყოს ითიკისა შინა (§. 3 დადებულ. 6). ვინადაც დავსდვით ითიკა მესამესა ადგილსა:

დ) უკანასკნელ განკმარტოთ იგი, თუ რადაცადაც თანა-ამს დაცვად კაცსა, რაოდენ ცხევრებს იგი საზოგადოებისა შინა სამოქალაქოსა, რომლისათვის პოლიტიკა დაიდუნს უკანასკნელსა შინა ადგილსა.

თავი პირველი:

საქმეთა თვის კაცობრივთა და განწოვლებისა მათისა:

§. 5.

ოდეს ფილვოსოფიასა შინა ითიკისა მრწამსებელსა ვითართამე ნივთთა მწადნელ-ყოფად, და რომელთაგანმე განწოვრებად ჯერ-არს, რა პირველ დადებულ-ყოთ საზოგადონი მოკონებანი საფუძვლისა წილ (§. 4. დადებ. 1). ამისთვის სახმარ-არს განმარტებად, რაა არს საქმე კეთილი, რაა არს საქმე თავის-უფალი, რაა არს არა კეთილი, ანუ ბოროტი, რაა არს სჯული, რაა არს თანა-მდები, რაა არს პატიჲი, რაა არს წყალობა, რაა არს კეთილ-მოქმედება, რაა არს ბრალი, რაა არს ბედნიერობა, სუნიდასი, და სხვანი:

§. 6.

იპყრობს თვის შორის მეტაქიისიკა მარისაებრ ახალთა ჭილვოსოქოსთისს, ოთხთა მათ მსწავლათ: 1, ორტოლოლიასს, რომელსა შინა საზოგადონი იდეანი და დასაბამნი კაცობრივისა ცნობისანი განწოვლებულად განიმარტვიან; 2, კოზმოლოლიასს, ესე იგი გნოსისსა სოფლისასა საზოგადოდ, 3, მისოლოლიასს, რომელიცა განმარტებს მას, რადაცა მეცნავეგართ მშვიინვიერისათვის მცნობელობისა მლით, და მასცა უკუე, რომელსაცა მშეცნავეგართ შექვიანითა გამონიერებისათა, 4, ბუნებითსა ღვთისმეტყუელებსა, რომელსა შინა განიმარტებისა ობისათვის, ესე იგი ყოფისათვის ღვთისა, თვისებათა თვის და საქმეთა მისთა:

ვინადაცა მეტაქიისიკა თვის შორის იპყრობს სწავლათ მათ, მისთვის შესაძლო შენდა გულისხმისყოფა, თუ რადაცათვის ტუმბახილს, და სხვანი, რომელნი ესთ განსახვედრებენ მას, მეტაქიისიკა არს გნოსისა მყოფისა და სოფლისა საზოგადოდ და ნივთთა უნივთოთა: რწმინ უკუე კარდამოცემისა შინა მისსა ესე გზარი უკუე დავიცვით წესნი: 1, დასაბამნი უმარტველესნი კაცობრივისა ცნობისანი და საზოგადონი იდეანი განკმარტნეთ ორტოლოლიასსა შინა; 2, იგი რომელიცა თვის ყვიის მიწოლმისსა სოფლისასა საზოგადოდ, ვმითქვით კოზმოლოლიასსა შინა; 3, ბუნება სულისა კაცობრივისა და ბუნება სამლოთა და თვისება მისი კანონით მისოლოლიასსა შინა, და ბუნებითსა ღვთის-მეტყუელებსა.

მ ი ნ ა ქ ს ი მ ე ტ ა მ ი ზ ი გ ი ს ა .

თავი

მარადრედი:

წინა-სიტყუბა ბუნებისათვის და თვისების მეტაფიზიკისა §. 1.

ზედ-დადგინებანი ონტოლოგიისანი: Ср. рукоп. Общ. расп. грам. № 17, in 16°:

ონტოლოგიის ანუ ფილოსოფიის შიგნით:

წინა-სიტყუბა	§.	7.
1. ყოველთათვის დასაბამთა კაცობრივისა ცნობისათ	§.	9.
2. ზედ-მიწევნილებისათვის არსისა და არა არსისა	§.	16.
3. არსებისათვის	§.	27.
4. უსაზოგადოებისათვის თვისებისათვის არსისათ	§.	29.
5. იგივეობისათვის და სხვაობისათ	§.	37.
6. განსაზღვრებისათვის და განუსაზღვრებულისა	§.	43.
7. ყოველდღისათვის და კერძოთა	§.	47.
8. საჭიროებისათვის და შენდობისა, ანუ შემთხვევითისა	§.	51.
9. კარგისათვის და სამეტაფიზიკოებისა ჭეშმარიტებისა და სრულებისა	§.	57.
10. არსისათვის შეზღუდულისა	§.	73.
11. მარტივისათვის არსისა	§.	105.
12. არსებისათვის და შემთხვევითისა	§.	110.
13. არსისა დასრულებადისა, და არა დასრულებადისა	§.	117.
14. დასაბამთათვის მიზეზთა	§.	123.
15. ნაშანთა თვისა და დანიშნულისა	§.	125.

მ ე ტ ა მ ი ზ ი გ ი ს ა ნ ა წ ი ლ ი 2:

კოზმოლოგიის საზოგადო:

თავი

მარადრედი:

1. კოზმოლოგიისათვის საზოგადო	§.	139.
2. იდეისათვის სოფლისა	§.	140.
3. სხეულთა თვისა	§.	153.
4. სხეულთათვის მოძრაობისათ	§.	164.
5. დასაბამთათვის სხეულთა	§.	166.
6. ბუნებისათვის თვისა და ზესთანბუნებისათვის ესე იგი საკვირველებისა რაღას სასწაულისა	§.	168.
7. სრულებისათვის სოფლისა	§.	173.

მეტაფიზიკის ნაწილი 3:

პაკეპტოლოგიისა და პსიქოლოგიისა და ბუნებისა ღვთისმეტყველების გარეშემტყულო.

თავი	პარაფრაზი:
1. სულისათვის სარგებლოდ	§, 175.
2. პსიქისათვის, ესე იგი სულისა კაცობრივისა, ანუ მშვიდვივისა	§, 177.
3. ძალისათვის ცნობისა და უფარვისა ანუ უქმნიანისა კერძოა მისისა ვითარ იგი წოდებულ-ჰყოფენ	§, 183.
4. ძალისათვის გრძობისა	§, 184.
5. ძალისათვის გამოსატვისა	§, 187.
6. სხეულისათვის და აღსვენებისა	§, 194.
7. ძალისათვის ცნობისა და უკეთილშობილებისათვის ესე იგი უზუნანისა კერძოა და პირველად ძალისათვის უურადლებისა და განხილვისა	§, 199.
8. გულისხმისყოფისათვის გნობისა და გონებისა	§, 203.
9. ძალისათვის წადიერებისა, ანუ სურვილისა, და უფარვისათვის, ანუ უქკნანისა კერძოა მისისა	§, 218.
10. ვნებისათვის	§, 232.
11. წადილისათვის გონიერებისა ანუ ნებისა და თავისუფლებისა მისისა	§, 266.
12. ზიარებისათვის სულისა სხეულისა თანა	§, 269.
13. ოჯგდნებისათვის პსიქისა ესე იგი სულისა კაცობრივისა	§, 273.
14. მშვიდვიერთა თვის უსიტყუთა	§, 277.

მეტაფიზიკის ნაწილი 4:

ღვთის-მეტყველებს ბუნებითი:

1. ყოფისათვის ღვთისა	§, 280.
2. არსებისათვის და თვისებისა ღვთისა სარგებლოდ	§, 285.
3. სანდოა გულის-ზმის-ყოფისათვის	§, 288.
4. ნებისათვის სანდოა	§, 290.
5. სანდოა მკმედებთან თვის	§, 306.

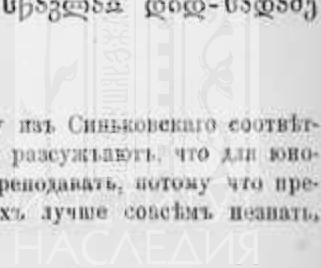
ზედადგინებანი მეტაფიზიკისა:

წინა სიტყვა ბუნებისათვის და თვისების მეტაფიზიკისა 2):

§, 1.

დალთუ გულის-მსიტყულოდენ რამეღნიმე, ვითარმედ ყრმანთაში სწოლათა შინა პსიქონურთა სწავლათა შესწავლეთ, არ სათანადო არს გარდამოცემად მეტაფიზიკა, მათ რამელთა თვისა შინა თვისსა ურაცნეთ და მნელთა წინადგებთან იპურებს იგი, რამელთა უმჯობეს სანდამე არს არა ცნობად, მაგრამ მეტაფიზიკა-ვარ ნამდვილად, ვითარმედ ყრმანთა სანდოა სანდოა სიტკბოებისა შეუგუნებულ-არს განყენებად, რადეინტა სანდოა არს ზედ-მანქონილ-ყოფა მათი განყოფილებისადმი განსჯისა, რამლისა მიღებად უფარვისა ესე სწავლანად დიდ-სანდამე შესწავნელ არს:

2) Для подтверждения мысли моей, что переводъ сдѣлавъ съ русскаго, я привожу изъ Синьковскаго соотвѣствующее мѣсто: *Предуподомкнѣн о свойствѣ и сущности метафизической.* Хотя нѣкоторые и разсуждаютъ, что для юношества въ публичныхъ ученыхъ мѣстахъ сложнымъ наукамъ обучающагося не надобно преподавать, потому что премного съ ней находится пустыхъ сбывчивыхъ и замысловатыхъ такихъ вопросовъ, конхъ лучше совѣтъ незнать, однако я подлинно увѣренъ, что юноши...

სამუდგულ იქმნა სსხელი მეტაფისიკაჲს და უპატიოების კრწმე შეკრდომილ, მით რა-
მეთუ ესთა გარდამოჰსცემდიან სსოლასტიკოსნი, ვითარმედ უხმართათს ნიკთთა მრავლსა,
გარნა სსხმართა თუს ცოტასა შსთქმიდიან და იკუკუდიან ლექსთა ცაღიერთა და ბარბარო-
სებრთა და უღირსთა სმენისათა: ამისგან უკრწმე მეტაფისიკა მრავლთა და უგონიერესთა
კაცთა შორის სსცინელ-იქმნა, და თუ შსთქვა გინების წილ უწოდებდიან მეტაფისიკად, მაგრან
შემდგომად აღსპობისა სსსოლასტიკოსთა ბარბაროსებრისა მეტაფისიკა ღირსებანსაჲ ზუდა
თუსსა აღვიდა, და აწ სსადამე ესე ვითარ-არს, რაოდენცა შარველთა მათგან უხმარ-ყოფითა
განსწრაჲბულეს ეგოდენ მოყრბრეთა თვისთა სარგებელ ყუოფის:

§. 2.

რათა უმჯობეს ვიგულ-ხმოთმცა, თუ რაჲ არს მეტაფისიკა, დაჲსწნედ შარველად რა-
მელნიმე დადებულესანი, რომელთაგანცა გამომჩნდეს უბრწეინრბლესად, თუ რაჲ-არს იგი,
რომლითა მეტაფისიკა ყოველთაგან სსვანთა სწავლათა განსწრაჲვდების:

§. 3.

ყოველი ვადრემე კაცობრივი ცნობა გამოებს სსგრძნობელთაგან: ხოლო ყოველი იგი
რამკესნცა მივსწვთებით სსგრძნობელთაგან თუს ყუვის განუკრწმეთელთა, რომელნიცა წარ-
მოადგებიან ჩრწინდა გარეშეცუღნი სსწრა-სსწრათაგან თუსებათა და გარემოებათა ადგილისაჲბრ,
ანუ დროჲსა, ანუ შარისა, რომლისათუს გარდამოცემულ არს ლოღიკასა შინა ვრცელადრე.

§. 4.

დადათუ ყოველნი განუკრწმეთელნი სსგრძნობელთა მიერ მიწთომადნი გარემოებათათუს
ურიცწვთა ესთა სსწრაბენ ურთაერთარს, ვითარმედ ერთი მეორესა არსსადა ემსგავსების
ყოველითურთ, არამედ არიან რომელნიმე თუსებანი და ნიშანი, რომელთა მიერ განუკრწმე-
თელნი ერთმანეთისა შორის მსგავს-არიან (§. 46, ლოღიკასა შინა):

მაგალითებრ, იუღაღს კესარა, ცაცერონ, პომპიოს არიან განუკრწმეთელნი: ამათ შინა
სსკვრკელი რაჲიმე იხილო სსწრაბაჲ, გარნა რომელთამე რაჲიმეთა შინა მსგავსებაჲცა შპოვო-
მაგად. ამათ შინა, ვითარმედ ყოველნი ესე განუკრწმეთელნი არიან არსება, ცხოველებენ და
შგრძნობენ და არიან, და სსწრანი:

§. 5.

ოდეს იგი ნიშანთა ამათ და თუსებათა მრავლთადმი ნიკთთა სსხოვადოთა გამოკრწნა-
ტავთ გონებისა შინა, მანთან იდეანი ანუ გამოხატვანი ამათ თუსებათა სსხოვადოთანი, მრ-
ავლთადმი ნიკთთა იხედ-წოდებანი იდეად სსხოვადოდ ანუ განყენებულესათად: ხოლო
გნოსის ნიკთთა სსხოვადოთა, ანუ სწავლან იგი რომელსა შინა განამარტვიან იდეანი სსხო-
ვადონი მეტაფისიკად იხედ-წოდებანი: მანსადაჲმე მეტაფიზიკასა თანა-აჲს განყოფილადრე
განმარტვად სსხოვადონი იდეანი ნიკთთანი და შოვნად სსწრაბანი მათნი, და წინა-დადებანი,
და აქსიომნი, რომელთა სსგუშკელისა წილ სსვანთა შინა სწავლათა დადებად სათანადო
არს, მაგად, ფილოსოფიასა შინა სსყოფაქცელსა, ფისიკასა შინა და სსწრათა, ეს-გუბარ-დად-
გინებად, რათა მათ ზუდა დაფუშინად უძღონ მტკიცე-დამტკიცებათ:

§. 6.

იყრდბს თუს შორის მეტაფისიკა შსხრისებრ ახალთა ფილოსოფიოსთასა, ოთხთა
ამათ მსწავლათა: 1, ონტოლოღიასა, რომელსა შინა სსხოვადონი იდეანი და დასაზამნი კ-
ცობრივისა ცნობისანი განწრაჲბულად განამარტვიან; 2, გოზმოლოღიასა, ესე იგი გნოსისისა
სოფლისასა სსხოვადოდ, 3, შსიხოლოღიასა, რომლიცა განმარტებს მას, რამისცა შეცნა-

კართ მშვიდგონებისთვის მცნობელის ძლით, და მასცა უკუწმ, რომელსაც მეცნაგ-კართ შექვენით გამომჩინებისათა, 4, ბუნებისა ღვთისმეტყულებსა, რომელსაშინა განიმარტების აღბისათს, ესე იგი ყოფისათს ღვთისა, თვისებათ თს და სქმეთა მისთა:

ვინადგან მეტაფიზიკა თს შორის იყრობს სწავლათა მათ, მისთვის შესაძლო შენდა გულისხმისყოფა, თუ რადასათს ტუმბაზიოს, და სხუნი, რომელი ესთ განსაზღვრებენ მას, მეტაფიზიკა არს გნოსის მყოფისა და სოფლისა საზოგადოდ და ნივთთა უნივთოთა: ჩუწნ უკუწმ კარდამოცემას შინა მისისა ესე გუნი უკუწმ დავიცვათ წესნი: 1 დასაბამნი უპირველესნი კაცობრივისა ცნობისანი და საზოგადონი იდეანი განვმარტნეთ ანტოლოლიანს შინა; 2, იგი რომელიც თს უყვის მიწთომას სოფლისას საზოგადოდ, ვსთქნათ კოზმოლოლიანს შინა; 3, ბუნება სულისა კაცობრივისა და ბუნება სამლოთა და თსება მისი ვაჩუწნოთ მისი-ლოლიანს შინა, და ბუნებისა ღვთის-მეტყულებსა.

§ 1^ა).

საჭირო ვიდრე არს სიბრძნის-მოყვარებისა და მოწინავე ქმილთა ცნობა რაოდენ გურობს ზედ მიწეგნილებსა კაცობრთვი: მათ რომელ უკადუ არ მეცნიე იქნებისცა ამისდა მოწინა-ფეთა სიბრძნის მოყვარებისანი, არადა სადმე შესძლი მათდა იქმნეს ზედ მიწეგნილ ყოფა-ფილოსოფიისა და წინამდებარე იგი კერლია მიიღონ ქვემდებრებით:

§ 2.

ფილოსოფია, რომლისა ქუა-მდებრებ სანელ-ნართაულებრქვინმე (და მის მიერ ფი-ლოსოფიის-ზედწოდების), განისაზღვრების ესთა ფილოსოფია არს ცნობა ნივთთა, რა-მელიც არინ, ანუ იქმნებინ: არამედ გვარნი ზედ მიწეგნილებისა კაცობრივისანი არინ. || 1 მიწთომა რაამე ქმილ არს, და რაამე იქმნებინ. || 2 მიწთომა მიზეზთა ნივთთა, რომელი არინ, ანუ იქმნებინ, ცხად ვიდრემე განვიცდით. || 3 ანუ შუა რაოდენობს მივსწვთებით ნივთთასა, და ძალთა მათთა შემძლებელ ვიქმნებით განზომად:

§ 3.

ცნობისა, ანუმიცთომისა ნივთი არს, ანუ იქმნების, ეწოდების ცნობა ისტორიკობი: მაგალ-ვიცით დანადმყოფთა შორის ალფა-ვიტთა, ვუ ქართულსა ანბანსა შორის:

§ 302.

ესე უკან ზარებად თვისსაცა დაგანუყრელსა შემთხვევითსა, მარად ყოფა განთვისე-ბულსა დაშემთხვევითისა: მაგალ. კაც ნიანდაგ მოცინარიარს. ანდონიცა ნიანდაგ უკანან: კვლად ვითარი-არსობითცა შესმენაა აერთავე:

2) Изъ реторики Антонія I.

Коптскіе тексты, пріобрѣтенныя экспедиціей пок. В. Г. Бока въ Египтѣ.

Б. А. Тураева.

Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ предпріятій отечественной археологіи за время, истекшее послѣ предыдущаго съѣзда, слѣдуетъ несомнѣнно признать русскую экспедицію въ Египетъ, снаряженную въ сезонъ 1897/8 года по порученію Императорскаго Эрмитажа для изученія и собиранія памятниковъ христіанскаго прошлаго этой страны, т. е. коптской древности. Предпринимая эту экспедицію, наша наука выполняла свою прямую задачу — изучать христіанскій Востокъ, связанный съ нами столькими историческими, культурными и религіозными узлами, тяготѣющей къ намъ, не смотря на всѣ приступы западной пропаганды съ одной стороны, и наше равнодушіе и косность — съ другой. Если наша наука и дала въ этой области нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ, принадлежащихъ преосв. Порфирію, В. В. Болотову и А. В. Розову, то наши бібліотеки и музеи до послѣдняго времени были слишкомъ бѣдны коптскими рукописями и памятниками и, конечно, не могли въ этомъ отношеніи идти даже въ отдаленное сравненіе съ хранилищами Парижа, Лондона, Берлина, Рима, Турина и Вѣны. Во всѣхъ бібліотекахъ Петербурга едва ли можно насчитать два десятка коптскихъ рукописей, да и изъ этого числа большая половина придется на позднія богослужебныя книги. Еще хуже дѣло стояло съ отдѣломъ *Coptica* въ нашихъ музеяхъ: онъ долго совсѣмъ отсутствовалъ, и только богатая коллекція В. С. Голенищева, обладающая значительнымъ количествомъ надгробныхъ плитъ, черепковъ съ надписями (*ostraca*), папирусовъ съ миниатюрами и тканей составляла въ этомъ отношеніи исключеніе. Впрочемъ богатое собраніе коптскихъ тканей въ количествѣ болѣе 2000 нумеровъ пріобрѣлъ Эрмитажъ еще въ 1889 году, благодаря стараніямъ В. Г. Бока, командированнаго въ Египетъ зимой 1888/9 г., составившаго эту коллекцію и посвятившаго коптскому искусству, которымъ онъ всегда интересовался, нѣсколько интересныхъ монографій¹⁾. Экспедиція 1897-8 года также была поручена пок. В. Г. Боку и подъ его руководствомъ достигла прекрасныхъ результатовъ. Къ глубокому прискорбію, она была роковой для него: преждевременно наступившая кончина не дала покойному возможности даже разобраться въ богатыхъ результатахъ своей экспедиціи и сообщить о нихъ на настоящемъ Съѣздѣ. Эти результаты такъ обширны и разносторонни, что разработку ихъ придется взять на себя цѣлому ряду спеціалистовъ. Я ограничусь здѣсь только краткими замѣчаніями о томъ, что даютъ они для коптской археологіи вообще, и остановлюсь на коптскихъ текстахъ, собранныхъ и пріобрѣтенныхъ В. Г. Боконъ, а въ настоящее время вмѣстѣ со всей коллекціей поступившихъ въ средневѣковое отдѣленіе Императорскаго Эрмитажа. Послѣдній, благодаря этому пріобрѣтенію, занялъ теперь по отдѣлу коптскихъ древностей одно изъ самыхъ видныхъ, если не первое мѣсто среди европейскихъ музеевъ.

Интересуясь коптскимъ искусствомъ, покойный В. Г. Бокъ собиралъ для его всесторонняго изученія самый разнообразный матеріалъ. Такъ, онъ работаетъ въ Бѣломъ и Красномъ монастыряхъ, дѣлая фотографическіе снимки съ ихъ внѣшняго вида и внутренняго убранства, снимая планы. Онъ путешествуетъ въ Великій Оазисъ, фотографируетъ въ немъ замѣчательныя росписи

¹⁾ М. пр. «О Коптскомъ Искусствѣ. Коптскія узорчатая тканя» — въ „Трудахъ VIII Археол. Съѣзда въ Москвѣ“ (М. 1897). Т. III. На семи таблицахъ изданы образцы тканей.

стѣнь часовень христіанскаго некрополя первыхъ вѣковъ²⁾. Въ монастырскихъ бібліотекахъ онъ дѣлаетъ снимки съ датированныхъ коптскихъ рукописей, а въ музеяхъ Египта—Каирскомъ и Александрійскомъ, всѣ имѣющіеся тамъ памятники коптской скульптуры, изданные весьма неудовлетворительно Gayet.— Кроме того онъ и его ученый спутникъ В. С. Голенищевъ не упускали случая занести въ свои записныя книжки попадавшіяся имъ неизданныя или плохо изданныя коптскія надписи и graffiti.

Дѣлая такимъ образомъ доступными для изученія въ Европѣ памятники, находящіеся на мѣстѣ, В. Г. Бокъ не упускаетъ случая дѣлать пріобрѣтенія для пополненія коллекціи, отвозимой въ Россію. Это богатое собраніе обнимаетъ греческій, коптскій и арабскій періоды исторіи Египта и состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Здѣсь мы находимъ прежде всего церковную утварь: кадильницы стоячія и на цѣпочкахъ, паникадила, ковчегцы, кресты самыхъ разнообразныхъ формъ, величинъ и матеріаловъ, лампы и глиняныя лампочки (очень много всѣмъ извѣстныхъ отъ св. Минны, а также съ рельефами лягушекъ и головастикавъ—символовъ воскресенія), печати для просфоръ и самыя просфоры. Далѣе, коллекція богата предметами домашняго обихода, какъ бронзовые сосуды и ихъ части въ видѣ животныхъ, сосуды самыхъ разнообразныхъ формъ изъ глины, нерѣдко орнаментированными и даже разрисованными человѣческими лицами, цвѣтами, птицами. Особенно богата коллекція одеждами и тканями съ интересными узорами и фигурами, иногда съ коптскими и арабскими надписями (б. ч. изъ Св. Писанія). Большой интересъ представляютъ скульптурные фрагменты; между ними есть рѣдкіе образцы коптскаго искусства: деревянныя скульптуры б. ч. арабскаго времени, только одна изъ нихъ, представляющая водную фауну (бегемота и рыбу), приближается по стилю къ коптской древности. Наконецъ упомянемъ о болѣе мелкихъ предметахъ коллекціи—вѣсовыхъ гиряхъ, бездѣлушкахъ изъ бронзы, дерева, кости, печатяхъ и другихъ вещахъ, назначеніе которыхъ далеко не всегда можетъ быть опредѣлено.

Весь этотъ богатый матеріалъ, обладаніе которымъ сдѣлало Императорскій Эрмитажъ однимъ изъ наиболѣе важныхъ хранилищъ коптской древности, до сихъ поръ ждетъ изданія, и трудно сказать, когда онъ будетъ сдѣланъ доступнымъ для изученія.

Что касается памятниковъ письменности, пріобрѣтенныхъ и собранныхъ экспедиціей, то и они относятся къ тѣмъ же тремъ періодамъ исторической жизни Египта: греческому, коптскому и арабскому. Представляя специалистамъ по греческой палеографіи и арабской словесности заняться памятниками, относящимися до ихъ компетенціи, я представлю здѣсь результаты моихъ работъ надъ коптскими текстами. Среди привезенныхъ В. Г. Бокомъ памятниковъ есть и надписи, и рукописи на папирусѣ, бумагѣ, черепкахъ и т. п., есть и копии съ надписей и graffiti, находящихся въ Египтѣ. Въ числѣ папирусовъ и черепковъ есть много слишкомъ фрагментарныхъ, изданіе которыхъ бесполезно, и потому на слѣдующихъ страницахъ будетъ данъ не полный сводъ всего, пріобрѣтеннаго экспедиціей, а выборъ болѣе цѣльныхъ и понятныхъ текстовъ.

Слѣдуетъ вообще замѣтить, что въ дѣлѣ пониманія подобнаго рода текстовъ современное состояніе науки далеко не можетъ быть названо вполне удовлетворительнымъ. Разнаго рода дѣловые документы, написанные на сахидскомъ діалектѣ только сравнительно недавно стали дѣлаться предметами изданій и изученія; пока ихъ приведено въ извѣстность не много, и только привлеченіе возможно большаго количества матеріала сдѣлаетъ возможнымъ полное пониманіе многочисленныхъ юридическихъ терминовъ и техническихъ словъ, переполняющихъ дѣловые папирусы и особенно черепки, а также дастъ больше образцовъ канцелярскаго слога, столь отличнаго отъ той литературной прозы, къ которой такъ привыкли изслѣдователи коптской богословской письменности.

²⁾ Результаты этихъ работъ выстѣ съ текстомъ, составленнымъ м. пр. по дневнику покойнаго, входятъ въ изданіе: В. Г. Бокъ. Матеріалы по Археологіи Христіанскаго Египта. (Посмертное изданіе). СПб. 1901.

І. Р У К О П И С И.

а) на папирусь.

1. Листокъ папируса, написанный съ обѣихъ сторонъ. Почеркъ уставный. 0,23×0,098 см.

Recto	Δ.	Verso	Δ.
	ΑΠΤΑΝΤΑ ΕΠΡΡΟ.. ἸΑΤ ΜῆΟΥ ΠΕΧΣ· ΝΣΙ ΟΥΡ Μῆ ΝΕΠΑΤΡΪΚΪ ΟΣΤΕΤΑΘΕΡΑΤΟΥ ΕΠΡΡΟ		ΤΑΠΟΛΟΓΪΑ ΜΠΙ ΕΤΜΜΑΥ ΝΤΕΙ ΤΜΚΑΑϞ ΕΘΟΥΝ ΝΕ ΜΑΝ· ΕϞΔΩ ΜΙΜΟΣ
5.	ΨΑΥΣΠΟΥΔΑΖΕ ΕΙΦΟΡΕΪ ΝΝΕΥΘΟΙΤΕ ΕΙΤΝΑΝΟΥΟΥ ΔΕ ΕΥ ΕΟΥΩΗΘ ΕΒΟΛ ΝΣΑΙΕ ΠΑΡΑ ΝΕΤΑΘΕΡΑΤΟΥ	5.	ΔΕ ΠΡΩΣ ΕΤΟ ΝΙΨΟ ΜΝΤ ΝΚΑΠ ΜΙΕϞ ΒΕΠΗ ΕΣΩΛΠ ΕΨΔΕ ΜΠΕΤΝΙΚ ΑΤ ΝΕΪ ΕΘΟΥΝ ΕΙϞ
10.	ΕΠΡΡΟ· ΤΑΪ ΘΩΩϞ ΕΤΑΘΕ ἸΝΑΘΑΡΕΘ Ε ΤΑΨΤΗΝ ΕΣΡΑΘΕ Μῆ ΠΕΦΕΛΩΝΪΟΝ ΨΑ ΠΝΑΥ ΕἸΝΑΒΩΚΙΤ	10.	ΠΨΟΜΝΤ ΘΝΤ ΕΠΑΡΧΪΑ ΑΥΕΪ Ε ΘΟΥΝ· ΕΟΥΝΤΑΥ ΜΜΑΥ ΜΠΩΡΔ Ν΄ ΤΠΪΣΤΪΣ ΠΑΡΑ ΕΠΙϞ ΚΟΠΟΣ ΗΪΜ.
15.	ΑΘΙΩΛΒ ΕΝΝΤΑΨ ΥΧΙΗ ΜΕΡΪΤΟΥ ΕΤΕ ΙΩΘΙΑΝΝΗΣ ΠΒΑΠ ΤΙΪΣΤΗΣ ΠΕ ΜΝ ΕΛΪΣΣΑΙ ΟΣΠΕΠΡΟΦΗΤΗΣ·	15.	ΑΝΟΚ ΔΕ ΝΤΕΡ ΤΕ ΜΠΕΪΘΕ ΜΑΚΑ ΡΪΟΣ ΕϞΟΙΥΕΘ ΝΣΩΙ ΑΪΡΘΕ ΘΩΙ
20.ϞΔΕ ΝΑΪ ΑΪΡ ΨΠΙΗΡΕ ΝΝΙϞΨΑΔΕ ΕΤΙΘΟΛΒ...ΙΜΙΝΝΣΑ ΝΑΙ ΑΥΔΪΤΝ.....	20.	ΠΑΛΑΣ ΘΪΡ ΜΠΡΟ΄.. ΠΑΛΑΣ ΝΤΑ ΝΤΕΪΝΟΥ ΑΙΚΟ ΠΑ... ΕΠΑΘΟΥ ΕΥΝΟΤΑΡΪΟΣ

Данный отрывокъ представляетъ страницу изъ «Похвального слова аввѣ Макарію, епископу города Ткоу», переписываемаго извѣстному монофиситскому патриарху Діоскору и издаваго въ извлеченіяхъ Zoega³⁾ и Revillout⁴⁾ а полностью Амелино⁵⁾; В. В. Болотовъ⁶⁾ перевелъ извлеченія на русскій языкъ и посвятилъ имъ обширное изслѣдованіе, составляющее первый выпускъ его труда «Изъ церковной исторіи Египта». Здѣсь онъ съ достаточной очевидностью доказалъ подложность этого слова, по крайней мѣрѣ въ его коптской формѣ, а также принадлежность къ отреченной еретической литературѣ. Нашъ отрывокъ принадлежитъ къ числу изданныхъ⁷⁾ и переведенныхъ⁸⁾; въ немъ разсказывается о томъ, какъ Діоскоръ и Макарій, прибывъ изъ Александріи въ Константинополь готовятся представиться императору Маркіану. Но значеніе оиѣ

³⁾ Catalogus codd. copticorum mus. Borgiani. Romae 1810, pp. 99—107.

⁴⁾ Revue Égyptologique I (1880, pp. 187—9), II (1881, pp. 21—5), III (1883, pp. 17—3).

⁵⁾ Monuments pour servir de l'histoire de l'Égypte chrétien. Mission de Caire.

⁶⁾ Христ. чтеніе 1884, II, 581—625. 1885, I, 9—94.

⁷⁾ Revillout, Récits, de Dioscore etc. Revue Ég. III, 17—18.

⁸⁾ Болотовъ, главы 15 и 16 принятаго имъ дѣленія.

все же имѣть, представляя единственную дошедшую до насъ редакцію этого мѣста памятника на *верхне-египетскомъ (сахидскомъ) нарѣчїи*; до сихъ поръ была извѣстна только нижне-египетская (бохейрская) редакція всего произведенія, а сахидскій отрывокъ, находящійся въ вѣнской коллекціи Райнера⁹⁾, не заключаетъ въ себѣ нашего мѣста. Вотъ его переводъ:.....

«чтобы срубить безсмертнаго царя Христа¹⁰⁾. Евнухи и патриции, предстоящіе царю, усердствуютъ носить красивыя одежды, чтобы выставить красоту болѣе всѣхъ, предстоящихъ царю. Таковъ же и мой образъ дѣйствія: я сохранию мое одѣяніе въ чистотѣ и фелонь до часа, когда я пойду, чтобы обнять тѣхъ, кого возлюбила душа моя — Иоанна Крестителя и Елисея Пророка».

Когда онъ это (сказалъ), я¹¹⁾ удивился словамъ его сладкимъ. Затѣмъ повели насъ.....
V..... Апологія въ тотъ часъ (?)... когда (?) его не пускали внутрь съ нами. Онъ сказалъ: «веревка изъ трехъ нитокъ не скоро рвется. Если вы и не впустите меня внутрь, то трое изъ энархїи уже вышли туда: у нихъ раздѣленіе вѣры болѣе, чѣмъ у всѣхъ епископовъ».

Я же взглянувъ на Макарія, слѣдовавшаго за мной, сталъ самъ подобенъ (оставившему) свой языкъ за дверями..... тогда я обернулся и увидать назадъ нотаріа».

Кромѣ діалектическихъ особенностей, нашъ текстъ даетъ не мало существенныхъ вариантовъ, употребляя другія слова и даже дѣлая пропуски. Такъ, въ бохейрск. редакціи читается «предстоящіе царю земному»; конецъ рѣчи Макарія такой: «у нихъ крѣпость въ вѣрѣ больше, чѣмъ у всѣхъ епископовъ, и они весьма опыты». Большіе пропуски и несоотвѣтствія въ концѣ часто, вѣроятно, происходятъ отъ потери нѣсколькихъ строкъ. Во всякомъ случаѣ сахидская редакція памятника не тождественна буквально съ бохейрской и, какъ заключаетъ Krall на основаніи своего длиннаго отрывка, болѣе исправна и цѣнна, чѣмъ послѣдняя. — Что означаетъ пометка Δ — «4» незнаю; едва ли «четвертый листъ» — ихъ должно предшествовать гораздо больше. Можетъ быть — четвертое подраздѣленіе слова, получившаго, какъ извѣстно, церковное употребленіе и читавшееся вмѣсто поученія 21-го папи (18-го Октября), о чемъ сдѣлана замѣтка въ текстѣ изданномъ Ревилью. Этимъ же объясняется и распространенность произведенія, извѣстнаго уже въ трехъ экземплярахъ изъ различныхъ эпохъ. Нашъ отрывокъ, повидимому, происходитъ изъ наиболѣе древняго экземпляра.

2. 0,11 × 0,26. Почеркъ уставный, крупный.

Recto

ΔΕ ΜΠΟΥΡ. 2. Μ. .
 ΔΩΜΜΟС.ΟΥ
 ΚΕΖΕΣΤΕΙΝ ΝΕ
 ΤΡΕΝΔΙΤΚ ΕΡΟΥΝ
 5. ΕΤΕΝΨΥΦΟС
 ΔΕ ΑΚΠΑΡΑ Δ'Ι.
 ΔΟΥ....
 ΝΤΟΚ

ΝΤΟΟΥ ΔΕ ΠΕΔΑΥ
 ΔΕ ΝΤΟΚ ΕΤΡΩ
 ΨΕ. ΑΥΩ ΝΤΕΡΕQ
 ΣΩΤΜ ΕΝΑΙ ΑQΑ
 ΝΑΧΩΡΙ ΑQΒΑΚ
 ΑQΟΒΤQ ΝΑΨ Ν
 QΕΤΕΝΟΥ ΑΥΝ
 ΤΑ? ΜΕΤΑΝΟΙΑ

⁹⁾ Изд. KrallРемъ въ Mittheilungen aus d. Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer. IV 93—75.

¹⁰⁾ Макарій, высадившись на берегъ, идетъ ко двору въ грязной одеждѣ. На предложеніе діакона переодѣться отвѣчаетъ и пр.: «будь у меня другая одежда грязнѣе этой, я надѣлъ бы ее, лишь бы мнѣ облечься въ свѣтлое одѣяніе, когда пойду, чтобы....»

¹¹⁾ Диоскоръ.

Verso

ANEIME ΔΕ ΠΝΟΥ	ΜΕΤΑΝΟΙΑ ΑΥΩ
ΤΕ ΠΝΟΥΤΕ ΠΕΤ	ΕΠΙΔΗ ΠΔΟΕΙΣ
ΨΑΔΕ ρ̄ΝΤΕΚΤΑ	COOYN ΔΕ ΜΠΡ?
ΠΡΟ ΕΤΟΥΑΑΒ.	ΜΕΤΕΧΕΙ?ΝΕQ?
5. ΤΝΟΥΩΨ ΔΕ ΕΕΙ	?ΗΤ̄Ν ΕΠΟΥΡΑ
ΜΕ ΔΕ ΝΡΕΛΛΗΝΕΤΒΕΤΑΙ
ΜΝ ΚΕΣΕΕΤΕ Ν̄Μ̄ΜΟΥ
ρ̄ΕΘΝΟС ΕΤΒΕΟΥΝ
...ρ̄Ν ρ̄Λ.....	
.....	

Отрывокъ изъ какого-то богословскаго или агиологическаго произведенія.

- а) нельзя намъ, взять тебя въ нашъ...? ибо ты передашь (?)
- б) они же сказали: «ты.....
И онъ, слыша это, удалился, ушелъ и былъ въ многообразныхъ изгнаніяхъ. Тогда они..... покаяніе.....
- в) Мы знаемъ, что Богъ — тотъ Богъ, Который рекъ своими святыми устами.
Мы хотимъ знать, почему эллины и прочіе язычники.....
- г)

3. Папирусъ 15,6×12,9. Почеркъ курсивный. Текстъ представляетъ письмо, не поддающееся пониманію. Факсимиле см. на таблицѣ I подъ № 1.

4. 11×17 см.

.....
.... ΝΑΡΡΟΥ?..... ΤΑΟ..... ΤΝΟΥ Ερ...
..... ΩΡΙΕ ΨΑΓΤΕΡΕΥ..... ΟΝ̄ ρ̄ Ν̄ΓΤΝΟΥС NAI
ΤΙΠΑΡΑΚΑΛΕΙ Ν̄ΤΕΚΜ̄Ν̄ΤΜΑΙΝΟΥΤΕ Ν̄ΕΙΩ[Τ] Ν̄ΓΤΙ ΟΥ
ΚΟΥΙ..... ΑΕ... Ν̄Ν̄ΝΕΡΑΜΚΗΛΕ...? Ν̄СОУСМΝТ̄ ρ̄ Ν̄ΓΤΝΟΥС
5. ΝΑΝ ΑΥΩ Τ̄Ν̄ΝΟΥ... Ν̄СІΝΔΩ[Ν]?Ε ΜΝΟΥΨΤΗΝ ΝΑΝ
Ε?ΤΑΝΤΝΟΥС NAI ΝΑΚ ΑΥΩ ΑΙΤΝΟΥС ΤΛΟΥΒΙΤΟΥС Ν̄ΤΕ
ΜΝ ΠΛΕΝΤΕ ΝΑΚ ρ̄ΙΤΟΟТ̄ ρ̄. Ν̄ΝΑΡΡΑ ΠΒΩΛ NAI ΕΙ
СРАΙ ΜΜΟΥС ΤΙΠΡΟСΚΙΝΕΙ ΑΥΩ ΤΙΑСПΑΖΕΙ ΤΕΚ
Μ̄Ν̄ΤΜΑΙΝΟΥΤΕ ΝΔΟΕΙС Ν̄ΕΙΩТ ΕΤΟΥΑΑΒ ΑΥΩ
10. ΕΤΕ(Κ?) ΜΝΤΕΙΩТ ΔЕСПОΤΑ

..... чтобы онъ прислать мнѣ.

Я прошу твое боголюбіе, отче, дай немного..... мѣдникамъ, чтобы они (?) сработали его. Пошли намъ и пошли (?).... полотно и одежду намъ... мы послали ихъ тебѣ, и Я послать тебѣ черезъ авву Пжоль. Я написать это. Кланяюсь и лобызая твое боголюбіе, господинъ, святой отецъ и твое отечество, владыка.

5. 0,067×0,08.

ϕΟΥΩΨ ΤΕΚΤΙ ρ̄ΤΟΟΥ
Ν̄ΚΙΤΡΑ Μ̄Ν ΨΟΜ̄ΝΤ
ΝΨΟΛ ΝΛΑΧΑΝ Μ̄Ν
ρ̄ΤΟΟΥ ΝΨΟΛ ΝΟΥΟΟΤΕ
5. Μ̄Ν ΨΟΜ̄ΝΤ ΝΨΟΛ
ΝСΤΟΙ ΝΕΙΚΛΗΡΙΚΟС ρ̄Α
ТΠΟΛΙС ϕ

Verso — нѣсколько полустершихся словъ.

«Я хочу, чтобы ты (?) далъ четыре лимона, три связки зелени, четыре связки овощей и три мѣры ладона. Клирики (?) для города».

Повидимому требовательная записка. Конецъ непонятенъ, хотя чтеніе ясно. Интересно, что коптское *ouoote* имѣеть, повидимому, другое значеніе, чѣмъ его греческій эквивалентъ *laxanov*. исправлено *A* надъ словомъ вмѣсто написаннаго.

6. Папирусъ 16,8×31,9 см. Курсивное письмо VIII вѣка. Факсимилэ см. табл. I, н' 2.

1. ✚ ΤΚΟΙΝ̄ ΝΠΤΙΜΕ ΠΜΑΝΘΑΒΙ ΝΠΡΗC ΝΨΜΟΥΝ ΖΙΤΟΟΤΝ ΑΝΟΝ ΑΜΜΟΝΕ ΠΑΠΕ
MΝΕΝΩΧ ΠΨΕ ΝΨΕΝΟΥΤΕ
2. ΜΝΑΝΟΥΠ ΠΒΟΙ° ΜΝΠCΕΕΠΕ ΝΕΡΩΜΠΕΝΤΙΜΕ ΕΝCΘΑΙ ΝΒΑCΙΛΕ ΠΨΕ ΝΠΜΑΚ ΙΟΥCΤΕ
ΠΡΩΜΤΠΟΛΙC ΨΜΟΥΝ
3. ΔΕΕΠΙΔΗ ΝΤΑΝΠΩΛΒ ΝΕΜΑΚ ΚΟCΜΑ ΠΑΜΟΥΝ ΠΡΩΜΠΕΝ ΤΙΜΕ ΝΑΚ ΔΝΝΕΝΑ'ΜΑΘΕ
ΝΜΟΚ ΛΑ'Υ'
4. ΖΝΝΕΔΗΜ° Ν 'ΚΡ/Τ ΠΑΡΑ CΝΑΥ ΝΘΟΛΟΚ' ΝΔΙΑΓΡΑΦΟΝ ΝΑΤΘ'ΟΓ'ΤΟ'Ν ΝΑΤΑΛΩΤ
ΝΑΤΛΑΑΥ ΝΒΑΡΟC ΕΠΤΗΡΥ ΠΑΡΑ ΠΕΙCΝΑΥ
5. ΝΘΟΛΟΚ' ΝΜΑΤΕ ΜΕΝΤΕΥΓΕ ΔΕ ΕΝΨΑΝΟΥΩΨ ΝΠΛΑΝΕ ΝΜΟΚ ΠΑΡΑ ΠΕΙCΝΑΥ ΝΘΟΛΟΚ
ΠΗ ΝΤΑΚΤΑΑΥ
6. ΝΑ'Ν' ΖΑΡΟΒ ΤΑΝC'ΤΟΒ ΕΡΟΚ ΤΑΝΒΕΙ ΠΕΝΡΩΜΕ ΟΥΩΡΔ ΝΑΚ ΑΝ'C|ΜΗΝ ΤΙΘΟΜΟΛΟΓΙΑ
ΝΑΚ ΕΝCΤΟΙ ΕΡΟC
7. [ΕΝ]ΩΡΚ ΕΠΝΟΥΤΕ ΠΑΝΤΩΚΡΚΤΩΡ ΤΑΡC'ΨΩΠΕ ΕΡ'..... ΤΕCΒΟΜ ✚ Ἰ ΦΑΜ ΚΑ
Ἰ/ Γ ΑΝΟΝ ΝΕΤΩΗΡΕΠ
8. CΘ'Α'Ι ΤΝCΤΟ'Ι ? ✚ ΑΝΟΚ ΜΗ[ΝΑ'] ΠCΥΜ ΝΤΑΙCΘ'Α'Ι ΖΑΡΟΟΥ ΔΝCΟΥ 'ΝΟΙ. 'ΑΝ ΝCΘΑΙ
ΑΥΩ †' ΝΜΝΤΡΕ ✚
9. ✚ ΑΝ'Ν ΚΡ/ Ο Ν'Ν ΚΟ'C'ḿ ΠΑΜ ΑΡΙ° Ἰ Γ ΤΡΙΤ 'ΝΑ/ ΑΠΟ'Υ'? ? ? ΑΝΟΚ ΕΝΩ ΤΙCΤΟΙ
ΜΗΝ CΥḿ ΕΓΡ ✚ ✚
10. ✚ ΦΑΡΜΟΥ ΚΕ Ι/ Β ΤΗΑΥΤΗ Ἰ Γ ΤΡΙΤΙ'Ν ✚ ΑΜΜΩ ΝΕ CΤΟΙ ✚
Verso
✚ ΘΟΜΟΛΟΓΙΑ ΝΚΟC [L. S.] ΜΑ ΔΙΑΓΡ/ ΑΝΔΡΙCΜΟΥ ? ΙἸ
ΦΑΡΜΟΥ° ΚΕ

Община селенія Имангави къ югу отъ Шмуна чрезъ насъ: Аммонне Папе и Эноха, сына Шенути и Ануна воина и прочихъ людей нашего города.

Мы пишемъ Василию, сыну покойнаго Густа, жителю города Шмуна: мы условились съ тобой. Косма Памунъ, человекъ изъ нашего селенія... тебѣ; мы не возьмемъ съ тебя ничего изъ димосія, сверхъ двухъ золотыхъ за διάγραφον..... безъ всякаго обремененія, сверхъ этихъ двухъ золотыхъ. Если мы захотимъ обмануть тебя сверхъ этихъ двухъ золотыхъ, которыя ты отдалъ намъ за него, то мы вернемъ его тебѣ и возьмемъ нашего человекъ. Это тебѣ надежно. Мы удостовѣряемъ это соглашеніе и согласны съ нимъ. Клянемся Богомъ Вседержителемъ, что оно (?) будетъ для насъ (?) [хранимымъ] во всей силѣ.

Мѣсяца фаменова 21-го дня, 3-го идикта. Мы, вышписанные, согласны. † Я, Минна симмахъ, писавшій за нихъ по ихъ безграмотности, свидѣтельствую + Аннона? ячменя? имени? Космы Памунъ 1/3 золотой монеты..... Я Энохъ согласенъ. Минна Симмахъ написалъ † † † Фармути 25-го, идикта 2-го та же треть золотой монеты. † Аммонне согласенъ.

Verso: Договоръ (соглашеніе) Кос ^{нѣско}/_{нечты} мы. X Диаграфъ андрисма..... 25-го фармути.

Текстъ представляетъ большія трудности для пониманія, особенно вследствие рѣдкости подобныхъ по содержанию. По формѣ и выраженіемъ весьма близокъ къ нему документъ, дошедшій также изъ окрестностей Шмуна, къ сожалѣнію въ поврежденномъ видѣ, и изданный Крааллемъ въ *Corpus papyrologum Raineri II*, 125 sq. (n' CXLV). Въ транскрипціи и разборѣ мнѣ сдѣлалъ нѣсколько существенныхъ указаній многоуважаемый д-ръ Сгим, которому приношу искреннюю благодарность.

1 ΠΜΑΝΘΑΒΙ — мѣстность, встрѣчающаяся здѣсь впервые. ΠΑΠΕ рl. ΑΠΗΥΕ по Краллю *ibid.* p. 64 n' LXV) первоначально «глава» (praeses), потомъ просто прозвище.

2 ΠΒΟΙ — βοηθος = помощникъ (въ служебномъ чиновническомъ смыслѣ), секретарь См. Wilcken, *griechische Ostraka* (Berl. Leipz. 1899) I, 171.

3. Строка не понятна вследствие пропуска второго глагола (относящагося къ «Косма»). М. б. впрочемъ она представляетъ намекъ на извѣстное изъ к. л. прежняго письма.

4. ΔΗΜ = δημόσιον.

Непонятныя слова послѣ διάγραφον ср. у Krall, о. с. p. 126 въ указанномъ документѣ l. 10.

6. Вм. ΠΕΝΡΩΜΕ ожидалось бы ΠΕΝΡΩΟΥΩ = «мы бы несли наши заботы».

9-я строка должна объяснить по гречески сущность нашего документа. ΑΝΝ м. б. = ἀνώνα (Crim) — натуральная повинность, взимаемая въ придачу къ денежной. См. Wilcken, о. с. I, 155. ΚΡ/ здѣсь, какъ и въ стр. 4 вѣроятно — κριτής Οἴνῃ м. б. ὀνόματος (Crim) такъ часто встрѣчающееся въ греческихъ ostraca, ΣΥΜ здѣсь и въ стр. 8 — σύμμαχος — курьеръ. См. Krall, *Mittheilungen etc.* II/III, 61 и *Corpus* p. 28 nota 1.

Что за терминъ ἀνδρισμός на обратной сторонѣ папируса, мнѣ неизвѣстно.

7. 11×14, 4 см.

....]ΦΑΓΙΟΣ ΦΟΙΒΑΜΩΝ ΝΤΑΓΟΡΑ.....
ΑΝΟΚ ΙΓΝΑΤΕ ΠΙΕΛΑΧ ΝΔΙΑΚΟ ΕΙΣΘΑΙ ΝΚΟΛΘΕ ΠΠΟΤΑΜΙΤΗΣ
ΑΙΔ| ΝΤΟΟΤΚ ΕΠ...?... ΕΚΤΙ ΝΜΟΦ ΝΑΙ
...ΕΠΗΠ ΝΠΕΜΠΤΗΣ ΙΝ ΩΑ ΕΠΗΠ ΝΕΚΤΗΣ ΙΝ
...ΝΘΟΜΝΤ ΕΥΩΡΔ [ΟΥΝ] ΑΙCΜΝ ΤΕΙ
ΑCΦΑΛΕΙΑ ΝΑΚ.. ✚ ΑΝΟΚ ..?|ΓΝΑΤΕ ΠΙΕΛΑΧ ΝΔΙΑΚΟ ΤΙCΤΟΙΧΕΙ ✚

5.

..... Святой Фивамонъ.....

Я, смиренный Игнатій діаконъ) пишу Колѣе потамиту: (Я получилъ) отъ тебя....., которое ты далъ мнѣ..... съ зинфи пятаго индикта до зинфи 6-го индикта..... денегъ. Это надежно. Я выдаю (тебѣ это удостовѣреніе).... Я, Игнатій смиренный діаконъ согласенъ.

Текстъ представляетъ обрывокъ *домового обязательства*. Имя кредитора Колѣе встрѣчается часто въ памятникахъ этого времени и есть сокращаеніе Колλόθος. Что такое потαμίτης = «рѣчникъ» титулъ или зинтель по происхожденію, не знаю.

Въ 1-ой строкѣ въ концѣ видны слѣды нѣсколькихъ (3—4) стершихся буквъ; въ срединѣ третьей строки неясность произошла отъ того, что написанное слово передѣлано на другое. Въ немъ, вѣроятно, названа сумма долга.

8. Кусокъ папируса, 13,4×9,5 см. Курсивный, небрежный почеркъ.

† ΑΝΟΚ ΙΟΥΛΕ ΠΜ|ΟΝΑΧΟC.....
ΝCΒΗΘῚ ΔΕ ΕΙΟΥΝ....
ΘΑΡΑΤC ΕΓΡΑΦ..... [ΑΝΟΚ ΙΟΥΛ
5. Ε ΠΜΟΝΑΧΟC ΤΙCΤΟΙ|ΧΕΙ..... ΑΝΟΚ.....
ΠΨΕΝΔΑΜΙΑΝ
ΑΥΩ ΤΙ.. ΝΜΝ..... |†Ο ΜΜΕΤΡΕ?
Ε†ΜΙCΘΩCΙC ††

Начала строкъ наемнаго контракта (ΜΙCΘΩCΙC въ послѣдней строкѣ), заключеннаго отъ имени монаха Іулія.

б) На бумагу.

9. Узкая полоска бумаги. Текст написанъ съ обѣихъ сторонъ рыжими чернилами. Факсимилэ см. табл. I, № 3. Арабская приписка вдоль verso непонятна.

Recto.

ΟΥΑΛΠΕСОУР ΔΙ'
 Ω ΕΨΙ ΝΚΟΠΡΟΣ
 ΕΥΛΕΚΛΩΚ ρΝΟ'
 ΥΜΑΝΦΜΝΝΙ
 5. ΧΕС'Ν'.....
 ΝΟΥΨΙΝΟΒΕΝ
 СΙΡΕQΡΟΧ' Μ...
 ΚΟΥ· ΜΝΝΕΥΕ
 ΡΗΥ· ΕΨΩΠ'Ε'
 10. ΟΥΑΛΠΕС'ΟΥΡ
 ΕΡΝΟΔ ΤΑQС
 ΕΡΩΤΕ Ν'СQIME (?)
 ΕΡΟС Ν ΝСОП
 ΜΝΝΕ· ΝТСРО...
 15. QPEQ ΕΔΩС Μ
 ΠΙΠΑQPE ΠЕСТ'
 ΨΑС СΩΛΙΠ—

ΕСΨΑΝСΩΛΠ
 Θ/ ΘΑΡΜΟΥС
 20. ΝΘΕ ΜΠΕСТΗ'
 ΜСРОQPEQ Ε
 ΔΩС—
 ΕΚΟΥΩΨ ΕΔ
 ΟΡΟС ΕΒΟΛ ΤΑ
 25. ρС ΝΑQΡΑТΩΡ
 ΝГСРОQPEQ Ε
 ΔΩС ΝΠΙПАQ
 ΡΕ· ΕΚΟΥΩ
 Ψ ΕΤРЕСЕРНО
 30. Б· ТЕРΩΤΕ Ν
 СQIME ΕΔΝΟΥ
 ΠΟΒΕ ΝΨΕΝ
 ΝΟΥQΕ ΝГQΙ
 ΕΔΝ ТΠΟΒΕ
 35. ΝΝΟΥQΕ

Verso

..ΟΥ..Π.....
 ΒΙΝ.....ТЕQ
 ΔΡΟ· ΝГ'ТΩQС
 ΕΡΟВ ρΙΩΩQ
 40. ΨΑ)СЕРНОБ ТЕΙ
 ΚСОЛПС ρΝ
 ΠΕ'ΝТАК
 ΔΟΟ'Q ΕΤ
 ΠΕΡΩΤΕ
 45. ΝΚΕΝΤΕΠΕ

ΕΨΩΠТЕ АС
 ΠΩΒΕ АСЕР
 СНОQ ΝΠΑ
 ТЕКБNTС
 50. ΔΙ ΝQNNΟΥ
 ΝΕΚΙ' КЕП
 ΑΡΙС Θ/
 ΨΕΛΨΩ
 ΛΟΥ· СРО
 55. QPEQ ΕΔΩ
 ΟΥ ЖΩ

Несмотря на варварский языкъ и стертость многихъ буквъ, содержание можно опредѣлить, какъ медицинскій, или м. б. алхимическій рецептъ, подобный изданнымъ Stern'омъ въ XXIII т. *Zeitschrift für Aegyptische Sprache* по пергаменту, приобретенному Эйзенлоромъ. По крайней мѣрѣ я не могу подыскать другого опредѣленія для слѣдующихъ строкъ: (9)... «если apresur (?) помажь молокомъ..... разъ. Положи на него лѣкарство. Вари, оно разрываетъ (?), а когда разорветъ—положи на него бобы, какъ мазь. Если хочешь его распустить, помажь виномъ (25—ΑQΡΑТΩΡ=άκρατον?), опусти на него лѣкарство. Если хочешь увеличить его—молоко женщины помѣсти на щепку изъ смоковничнаго дерева; на щепку изъ смоковничнаго дерева (verso) помажь его сверху—онъ увеличится. Разорви его тѣмъ, что ты..... это—молоко (созь) смоковницы. Если разорвется и пойдетъ кровь, ты еще не нашель ее. Возьми нѣсколько корней...(?) кинариса.. потряси ихъ, опусти на нихъ».

Монограмма и омега, стоящія на самомъ концѣ, могутъ быть поняты какъ дата «Эры мучениковъ 800-й», т. е. 1084-й годъ по Р. Х. Какъ извѣстно, бумага стала замѣнять папирусъ съ X вѣка, а потому эта дата сама по себѣ вполне возможна. Въ виду крайней рѣдкости подобнаго рода текстовъ¹²⁾, и данный имѣетъ свое значеніе, хотя техническіе термины, непонятныя значки (во 2-й стр. $\bar{\omega}$, въ 19 и 52— Θ) ошибки и лакуны дѣлаютъ его совершенно неудобочитаемымъ. По слогу и отчасти содержанію онъ напоминаетъ изданный Stern'омъ. $\Theta\Upsilon\Lambda\text{Π}\text{E}\text{C}\text{O}\Upsilon\text{P}$, конечно, какое нибудь испорченное арабское слово съ коптскимъ членомъ, подобныхъ которому такъ много въ упомянутомъ эйзендоровомъ пергаментѣ. И въ немъ дозы измѣряются извѣстнымъ количествомъ ω съ непонятными значками. Изъ ингредиентовъ, упоминаемыхъ въ нашемъ текстѣ молоко встрѣчается часто у Штерна и Zoega-Delaugier, въ последнемъ кромѣ того есть бобы (J. As. IV. 1, p. 450, n°78) и КОПРОС.

10. Полоска бумаги $0,31 \times 0,07$ см.

† CYN°
 ϠMΠPAN EP
 ANOK ATTAΛI
 $\text{EP E ΠO\bar{C} KAAB}$
 $\text{TOOY EBO\bar{\Lambda} EN}$
 5. $\text{EΠIAKAΘO\bar{N} N}$
 MN ΠOOP. PK
 $\text{ΠEKPA\omega\text{E} \text{ϠIΠA}$
 $\text{OYOEINAI: \text{ϠIMA}$
 $\text{\text{X}NTAI KAK EE}$
 10. $\text{AIMO\omega\text{T} ΠATO}$
 $\text{OY\Lambda\Lambda\Upsilon NTAP}$
 $\text{NΠOY\text{†}OYA \text{ϠI}$
 $\text{OYA \text{ϠANOY}$
 $\text{EC ΠICNA\Upsilon EN}$

15. ϠAPOOY MAPEN
 TOYBOΠE...AY
 $\text{AITI\omega KIN...OY}$
 $\text{OYAKH\omega\text{E}NOI: M}$
 $\text{EMMT\omega\text{X}\text{A}\text{X}\text{E}: \omega\text{A}$
 20. $\text{ϠNΠO\bar{C}}$

Надъ текстомъ написано въ обратную сторону (вверхъ ногами):

$\text{TNBATA\text{E}}$
 BAON=

Начало строкъ письма. На обратной сторонѣ написанъ коптскимъ уставомъ греческій текстъ— (8 и 9 пѣсни канона св. Анупу), изданный мною въ «Византійскомъ Временникѣ» (VII, 3).

¹²⁾ Кромѣ Stern, Fragment eines Koptischen Tractates über Alchimie. Zeitschr. f. äg. Spr. XXIII 1886, 102—119, слѣдуетъ упомянуть отрывокъ у Zoega, Catalogus cod. Copt. p. 626 и pl. VI, IX и 38. Переводъ и комментарий Delaurier въ Journ. Asiatique (Fragment d'un traité de médecine Copt.) IV, I (1843) p. 433—452. Bouriant, Fragment d'un livre de médecine en Copte thébain (найденъ у Ахмиа). Comptes rend. Acad. Inscript. 1887 (XV) 374—9. Aegyptische Urkunden aus d. K. Museen in Berlin. Kopt. Urk. I, pp. 29—31.

в) *На черепках* (ботрака).

11. 13×7 см. Кусок известняка с красивым уставным почерком. Луксорь.

.....MAPQ̄ CECTC ΠΔΟΕΙC ΔΕΚΑC Ε...
 ΘΑΡΕΙΘ ΕΡΟΝ ΕΠΙΡΑCΜΟC ΝΙΜ.....
 ... ΕΠΩΡΔ ΝΙΜ ΘΙΘΑΙΡΕCΙC ΘΙ...[ΚΙ?Ν
 Δ?Ι]ΝΟC. ΘΙ ΜΝΤΔCΘΗΤ ΝΙΜ
 5. ... ΕΡΠΕΜΨΑ ΝΤΕΧΑΡΙC ΝΤΕΘ
 ΕΤΔΙΚΑΙΟCΥΝΗ ΘΙΤΜ̄
 ΠΔΟΕΙC ΙC ΠΕΧC ΔΙΝΤΕ
 ΝΟΥ.. ΨΑΙΕΝΕΘ ΘΑΜΗΝ

.....Пусть молитъ онъ Господа, да сохранитъ Онъ насъ отъ всякаго искушенія... и всякаго раскола и ереси и всякой напасти (?) и всякой гордыни,... да сподобитъ насъ благодати своей правды Господомъ Исусомъ Христомъ отъ нынѣ (?) до вѣка. Аминь.

12. 15×12 см. Глиняный черепокъ съ волнообразной поверхностью. Луксорь.

† ΠΑΡΑΚΑΛΕΙ ΜΠΝΟΥΤΕ
 ΕΙΠΑΡΑΚΑΛΕΙ ΜΜΩ ΕΤ
 ΡΕΠΕΝΑ ΤΑΘΟ ΜΑΡΙΑ
 ΤΑΡΕ ΠΝΟΥΤΕ ΝΑΘΜΕ ΜΝ̄
 5. ΠΟΥΝΙ ΕΝΕΙΜΟΥ ΕΤCΗΡ ΕΒΟΛ
 ΜΝ ΝΕΨΩΝΕ ΝΤΕ ΠΝΟΥΤΕ
 CΜΟΥ ΕΡΩ ΜΝ ΝΑΠΕΝΙ ΤΗΡΟΥ
 ΤΑΑC ΝΤΜΑΪΝΟΥΤΕ ΑΥΩ Ν
 ΡΕΘΡΟΤΕ ΑΝΝΑ ΘΙΤΝ̄
 10. ΑΝΔΡΕΑC ΠΕΠΙCΚΟ
 ΠΟC

Призывай Бога, и убѣждаю тебя, Марія, да посѣтитъ тебя милость (?), да избавитъ Богъ тебя и твой домъ отъ этихъ готовыхъ смертей и отъ этихъ болѣзней, да благословитъ Богъ тебя и всѣхъ твоихъ домашнихъ. Боголюбивой и богобоязливой Аннѣ отъ Андрея епископа.

Это архіерейское посланіе, какъ и слѣдовало ожидать, представляетъ по разборчивости и красотѣ почерка и по понятности счастливое исключеніе. Но и въ немъ, повидимому, съ грамматикой не совсѣмъ благополучно.

13. 13,9×12,5 см. Красная глина съ волнообразной поверхностью. Луксорь.

ΘΑΘΗ ΜΕΝ
 ΘΑΠΨΑΔΕ †ΨΙΝΕ ΕΡΟΚ Ε
 ΜΑΤΕ †ΨΠΘΜΟΤ Α ΠΑΘΗΤ
 ΜΤΟΝ ΤΕΝΟΥΒΕ ΠΑCΟΝ
 5. ΡCΜΟΤ ΝΙΜ. ΝΓΒΩ
 ΜΑΔΕ ΝCΜΑ ΕΔΜΠΝΕΘ
 ΜΝ̄ ΤΜΑΔΕ ΝΤΗ.. ΜΑ
 ΤΑΔΟΟΥCΟΥ ΝΤΟΥ ΝΑΚ
 ΑΥΩ ΝΓΔΟΟC ΜΜΑΡ⁷
 10. ΘΑΝΓCΒΤΩΤC ΕΒΟΛ
 ΝΤΑ ΔΟΟΥ ΝΛΑCΕΡΗ
 ΝΓΘΙCΤΟΥ ΔΟΟΥ
 ΤΒΟΟΤ ΝΤΑΡ⁷ΟΥ(?)
 ΝΑΝ* ΤΑΑC Μ
 15. ΠΑCΟΝ ΨΙΝΕ
 ΠΕΤΡΟC ΜΝΙCΑ
 ΑΚ

Прежде всего привѣтствую тебя очень. Благодарю. Сердце мое всячески (?) спокойно, Тенуже (?) братъ мой, доставь *маже* ягодъ для (?) масла и *маже*....., которыя я послать ихъ тебѣ и скажи Марѣ и приготовь ее, чтобы я послать....., и ты? Пошли?, чтобы я..? намъ. Моему брату. Поклонъ Петру и Исааку (?)

14. 17,4×11 см. Луксоръ—Гурна. Красная глина съ волнообразной поверхностью.

† ANOK ICAK
 ΠΡΕΣΒΗΤΕΡΟΣ
 ΕΤΣΩΑΙ ΜΠΑ
 ΠΝΟΥΤΕ ΔΕΣ
 5. ...COI'Λ'ΩΜΟΝ
 ΑΙ'ΚΑΠΩΣΑΡΟ...
 ΣΑΠΚΕΡΟΝ
 ΕΚΤΜΕΙ...
 ΣΗΤ ΝΤΝ...
 10. ΑΚΜΕΙΤ...
 ΑΥΕΚΙ...
 ΑΙΩ...

15. 21×16,2 см. Красная глина съ волнообразной поверхностью. Луксоръ.

† ΜΩΥΣΗΣ ἸΜΠΑΣΑΜ
 Μ'Ν ΕΙΩΘΑΝΝΗΣ ΕΥΣΩΑΙ
 ΜΝ ΝΕΥΕΡΗΥ ΔΕΕΠΙ
 ΤΙ ΑΝΠΩΛΒ ΕΒΟΛ ΝΕ
 5. ΑΠΕ ΤΗΡΟΥ ΣΑΠΑΣΟΥ
 Τ... ΟΥ ΕΝΣ'Η'ΚΕ ΣΕΝ
 Τ... ΕΝΣΟΟΥΝ ΕΝΣΑΥ
 ΝΕΜΜΑΥ ΕΝΕ† Ν
 ΕΝΣΚΕΥΕ ΕΒΟΛ ΠΕ
 10. ΤΑΠΛΑΝΕ ἸΣΗΤΝ
 ΜΝΕΡΗΥ Ψ'Α' ΤΝ†
 ΝΕΝΣΚΕΥΕ ΕΒΟΛ
 ΜΝ ΤΕΩΣΗΥ ΕΔΙ

16. 16×13 см. Кусокъ сосуда изъ красной глины. Волнообразная поверхность. Луксоръ.
 Неясное письмо. VIII в.

† ΠΕΤΝΑΤΑΘΟ ΠΜΕΡΟΣ
 ΣΙΘΗ ΕΦΝΑΔΟΕΙΤ ΤΩΗΕΙΤ
 ΝΣΟΥΕ'Ν'Σ ΠΝΟΥΣ ΔΙΝ'ΝΤΝΙΔΕ
 ΝΤΔΟΕΙΤ ΑΡΝΣ ΨΑΤΝΙΔΕ ΝΤΔΟΕ
 5. ΤΑΝΣΗΤ ΝΣΟΥΚΑΤΣ ΜΝΝΕΥΕΡΕΥ
 ΝΤΕΠΨΙΣ ΝΨΟΠ ΝΣΙΡ ΨΩΠΕ ΝΚΟΙ
 ΝΟΝ ΝΑΥ ΤΗΡΟΥ ΑΥΩ ΤΟΨΤΕΤΒΑΙΜΑΥ
 ΣΗΘΗΕΙΤ ΑΥΩ ΟΝ ΤΕ ΤΚΑΛΑΔ ΤΩΡΤ
 ΕΤΣΑΠΤΩΡΤ ΝΘΕ ΘΗΕΨΤΟΜ ΨΩΠΕ
 10. ΝΑΥ ἸΚΟΙΝΟΝ ΜΝ ΠΤΩΡΤ ΔΙΝΠΚΑΣ
 ΨΑΡΑΤΗΥ ΝΠΜΕΡΟΣΣΝΑΥ ΨΑΤΝ
 ΤΒΑΙΜΑΥ ΝΘΗΤΨΤΟΜ..Ν
 ΤΜΗΤΕ ΜΝ ΠΗΙ ΝΤΑΝΟΥΝΩ
 ΒΩΚ ΠΡΟ ΕΠΣΙΡ ΜΝ ΤΠΕΨΕ
 15. ΝΠΑΝΣ ΝΠΣΙΡ ΤΑΣΡΗΜΑ° ΜΝ?
 ΨΗΡΕ ΝΑ? Κ?

По определению Д-ра Сгум, сдѣлавшаго мнѣ цѣпныя указанія для транскрипціи текста, онъ принадлежитъ къ довольно распространенному типу раздѣловъ по закону купленного или унаслѣдованнаго имущества. Ср. W. E. Crum, Coptic Ostraca p. 30, № 147—151. Ad. 4. Обиліе непонятныхъ словъ и терминовъ дѣлаетъ невозможнымъ переводъ этого интереснаго текста.

17. 16,2×18,4 см. Кусокъ глинянаго сосуда съ волнообразной поверхностью.

-
СТΡ.....
ΕΤΟΥΑ.....
ΤΒΕ ΑΝΑΘ.....
 ... ΑΚΣΑΙ ΕΤΒΕ.....
5. ΠΨΩΠ ΝΘΑΤ ΜΝ ΠΤ'ΕΡΩΝ ΕΑΘ'ΔΙ
 ΤΟΥ ΑΝΤΑΑΥ ΝΑΥ ΚΑΤΑ ΤΕΚΚΕΛΕΥΣΙΣ
 ΕΑΚΣΑΙ ΔΕ ΨΑΥΕΙ ΝΠΣΝΑΥ ΝΤΡΜΗΣΙΟΝ
 ΝΗΤΝ ΨΑΣΟΥΔΟΥΩΤ ΤΕΝΟΥ ΕΙΣ ΣΟΥΔΟΥΩ
 ΑΘΟΥΕΙΝΕ ΠΝΟΥΤΕ ΣΟΟΥΝ ΟΥΝ ΠΑΨΤΡΜΗ
10. ΣΙΟΝ ΘΝ ΞΕΜΗ ΕΘ'ΣΑΙ ΝΑΝ ΘΑΡΟΣ ΝΕΣΑ
 ΒΛΛΑΚΑ'Ν' Γ'Ε... ΑΘΚΩ ΝΣΚΗΥΕ ΕΒΟΛ
 ΟΥΩΨ·ΚΑΤ ΑΘΕ ΝΤΑΚΣΑΙ Μ
 ΠΑ..... ΜΑΡΟΥΤΝΝΟΟΥ
 ΣΟΥ ΤΑΑΣ ΝΑΠΑ ΚΥΡΙ
15. ΑΚΟΣ ✕ ΘΙΤΝ ΚΩΝΣ
 ΤΑΝΤΙΝΟΣ

....ради (?)...
 ...ты писалъ о ... шонъ серебра и ?, ко-
 торыя онъ взялъ, мы отдаемъ ему по тво-
 ему повелѣнiю, которое ты написалъ, го-
 воря: слѣдуетъ вамъ два тримисiя съ
 20-го по 20-е. Прошло. Богъ знаетъ.
 Половина тримисiя въ Жеми, о которой
 ты писалъ намъ.....?
 Онъ оставилъ свое имущество
 сообразно тому
 какъ ты писалъ.....
 Пусть они пришлютъ ихъ. Аввѣ Кириаку
 Константинь.

18. 18,6×11 см. Черепокъ сосуда изъ красной глины съ волнообразной поверхностью.

- † ΤΡΑΚΑΤΕ ΜΝ ΘΝ...
 ΜΑΡΘΕ ΝΝ'ΑΝ'ΣΚΕΥΕ...
 Τ'Α'ΤΑΣΝΤΟ ΕΘΟΥ ΕΠΑΝΙ...
 ΟΥΒΟΣ ΜΝΘΙΚ ΝΔΟΥΟΥΔ...
 5. ΘΟΜΟΥ ΜΡΟΥ'Ε ΟΥΛΑΚ...
 † ΟΥΨΒΑΝΙ ΠΕ ΟΥΛΟΠΕΣ
 ΝΘΟ'ΜΤ ΟΥΑΡΗΝΘΟΜΤ
 ΚΝΤΟ ΜΝΟΥΚΟΚΟΝΟ ΟΥΨΟΜ
 ΤΝΚΕΡΟΝ ΠΟΥΑ ΠΟΥΑ ΠΘΘΕ
10. ΒΣ: ΘΙΝΙΩΘ ΠΝΑΚΟΤ]ΝΘΗ
 ΤΟΥ ΘΘΟΤΡ' ΝΣΝΑΥ ΝΘΕ
 ΒΣ ΟΥΤΕ ΝΨΝ'..... ΑΥΠΡ
 ΗΨΨΗΜΜΥΝΚΕ.

Повидимому—рецептъ. Въ стр. 4 надъ ΜΝΘΙΚ написано ΕΤΕΣ.

19. 16,4×13 см. Луксоръ-Гурна.
 Крупный уставный почеркъ.

-
 ...ΕΤΣΑΙ Ν
 ...Θ'ΑΡΡΑΔΕΜΑ
 ...ΝΤΠΕΚΤΑΓΕ
 ...ΝΤΑ ΠΕΤΡΟΣ
5. ...ΝΤΣΕΝΘΗΤ С'Ω'
ΜΟΥΘ
 ...ΝΤΟΟТ ЕСΩΝ
 ...Τ'ΕΡΩΝ· ΠΕΤΝΗ'
 ...ΕΒΟΛ ΕΡΟ· ΟΥΘΟ..'
10. ...ΤΣΕ· ΚΥΡΙΚΟΣ
 ...ΜΑΡΤΗΡΩ.

20. 11×10 см. Луксоръ. Плоскiй глиняный
 черепокъ.

-
 ...✕ ΟΥΒΙΜΓΑΡ ΝΤ...
 ...ΕΠΙΣΤΕΥΕ ΕΠΙ...
 ...ΤΔΙΚΑΙΟΣΥΝΗ ΓΑ...
 ...ΕΒΟΛ ΝΘΗΤΘ ΘΝΟΥ...
 5. ...ΓΑΘΕ ΕΤСНΘ ΔΕ...
 ...ΝΘ' ΘНТΠΙΣΤΙС †
 ...ΠΝΟΥΤΕ ΝΑΙ ΝТ
 ...ΕΔΝ. ΜΝТ...

21. 11×8 см. Плоский черепок. Красивый, уставный почерк. Ассуанъ.

...ΑΓΑΘΟΣ Α
...ΠΠΑΠΑ ΦΙΒ
...ΑQMTON ΜMOQ
..APM2OTΠ ΜN̄...
5. ...ΠPMΤANACA...
...NCY†ΟΥM....
ΑΠΤΑ ΑΠΟΛΛΩ...
..ΜMOQ.....

Кусокъ копѣи съ надгробной надписи, ср. Сgim, Cop. Ostr. № 491—2.

22. 11×9,5 см. Красная глина съ волнообразной поверхностью. Луксоръ.

ΕΙΩΤ ΕΤΤΑΙΝΥ ΚΑΤΑ ΣΜΟΤ
NIM ΕΙC ΠΕΜΑΝΚΑΜΟΥΛ
ΑΙΤΝΝΟΟΥQ ΨΑΤΕΚΜΙΝΤ
ΕΙΩΤ ΜΝΠΓΡΟ ΜΠΕN̄....
5. COΥO ΝQΩΒ ΝΒΙΔ ΕΤΕ?....
..?M̄N̄ I NPTAB M̄N̄
ΨΙΤΕ ΝM?AΔΕ ΝΕΡΤΑ...
ΝΑΠΑ ΚΥΡΙΑΚΟC
QITN ΔΑΥΕΙΔ
10. ΕΠΙCΚΟΠΟC (?)

Дѣло идетъ о погонщикѣ верблюдовъ, посланномъ адресату, аввѣ Кириаку епископомъ (?) Давидомъ вмѣстѣ съ десятью артабами и девятью маже артабъ хлѣба.

23. 10,5×8,5 см. Черепокъ сосуда изъ темно-красной глины съ волнообразной поверхностью.

† ΝΤΟΚ ΔΕ ΦΕΥ ΑΚ
ΒΩΚ ΝΑΚ QITOOT ΔΕ
..?ΔOΟΥ ΠΤΡΙΜΗCΙΟΝ
ΝΑΙ NTOOTC ΝΚΑΛΑ
5. ΜΡΩ ΠΕΔΑΚ NΚΑΛΑ
ΜΡΩ ΔΕ ΟΥΑ ΝΤΕ?ΚΑΚΗ?...
...OYN M̄N̄ ΝΕCΨΗΡΕ
ΝΤΑΕΙ QANQN?B?

24. 14×15 см. Черепокъ горшка темной глины съ волнообразною поверхностью. Луксоръ.

† ΑΝΟΚ ΔΑΥΕΙΔ
ΕΤCQAI ΜΨΜΩ NΔ
ΑΥΕΙΔ ΕΙΧΡΩ CΝΑΥ
NQME ΝΨΕ NQWMNT
5. ΝΕΝ?Ε ΧΕΡΟΝΟΥΛΙΨΙC
ΕΤΕCΟΥΡΗΤΕ QAPΩ ΟΥΛΟ
ΓΙΑ ΑΥQΗΒC NQOMNT ΠΑΙ ΕΥ
ΟΥΗQ NTOO?T̄N̄ QQME
ΝΨI NQWMNT
10. ΑΝΟΚ ΝΟΥI †ΟΜΑΡ

Долговая росписка какого то Давида въ томъ, что онъ долженъ Псеμο, сыну Давида 8000 мѣдныхъ монеть.

25—27. Податныя квитанціи изъ Луксора, писанныя на небольшихъ кусочкахъ глазированныхъ черепковъ курсивнымъ почеркомъ съ лигатурами. Въ различныхъ музеяхъ имѣется до 50 экземпляровъ этихъ документовъ, относящихся къ половинѣ VIII в., о чемъ см. у Сгит, *Coptic Ostraca*, p. 36 (№№ 409—429).

а) 10,2×10,5 см. *Черепокъ сосуда изъ желтоватой глины.*

ΕΙΣ ΣΝΑΥ ΝΡΟΛΟ....

ΡΙΘΜΙΑ ΑΥΕΙ ΕΤΟΟΤ

ϋΙΤΟΟΤΚ ΝΤΟΚ ΠΕΣΥΝ

ΘΙΟΣ ΠΑΑМ ϋΑΠΕΚΔΙΓΡΑ

5. ΦΟΝ ϋΙΤΕΤΡΑ ΚΑΤΑΒΟΛΗ... (?)

?.....МФАМ̄ € ινδ/ Η †

ΡΩΜΠΕ ...?... † ΑΝΟΚ ΨΑΤΕ

ΠΙΣΡΑΗΛ ΑΦΑΙΤΕΙ ΜΜΟΙ ΑΙΣΜΝ̄

ΠΕΙΕΝΤΑΓΙ † ΒΙΚΤΩΡ †ΣΤΕ

10. ΧΕ † ΑΝΑΝΙΑС

СΤΟΙΧΕ (?)

Двѣ золотыхъ монеты переходятъ въ мои руки отъ тебя Песивѳіа Паама подъ эту росписку, какъ четвертый взносъ..... фаменоѳа.... 5-го, индикта 8-го Псате, сынъ Израиля писалъ это удостовѣреніе по его просьбѣ. Я, Викторъ подписался. Я Ананія подписался

б) 10,5×10,8 см. *Плоскій черепокъ; надпись по побѣленной глины.* Луксоръ.

† ΕΙΣ ΟΥϋΟΛΟΚ° ΝΑΡΙΘΜΙΟΣ

ΑΦΕΙ ΕΤΟΟΤ ϋΙΤΟΟΤΚ ?

Μ.ΦΑΥСТОС ϋΜΠΕΚΔΙΑΓΡ/

ϋΝΤΠΡΩΤΗ ΚΑΤΑΒΟΛΗ

5. ϋΜΤΙΡΩΜΠΕ ΠΡΩΤΗ ΑΡ̄ Α ΕΓΡ

Μ'ΜΕΧΙΡ Η ινδ/ ΑΝΟΚ ΦΙΛΟ

ΘΕΟС ΠΑΠΕ †СΤΟΙΧΕ † ΑΝΟΚ

ΨΑ'ϋ' ΒΑΣΙΛΕΙΟС ΑΦΑΙΤΕΙ

ΜΜΟΙ ΑΙСΜΝ' ΠΕΙΕΝΤΑΓΙΟ

Одна золотая монета переходитъ въ мои руки отъ тебя Фавста этой роспиской какъ первый взносъ въ этомъ первомъ году. Одна золотая монета. Написано 8-го мехира 8-го инд. Я Филоѳей папе подписался. Я писецъ Василій. Онъ просилъ меня, и я скрѣпилъ это удостовѣреніе.

в) 8,3×8 см. *Черепокъ сосуда изъ желтоватой глины.* Луксоръ.

† ΕΙΣ ΟΥΠΑΨΕ ΝΡΟΛΟΚΟ

ΜΝ ΟΥΤΡΙМ/ ΑΡΙΘΜΙΑ ΑΥΕΙ

ΕΤΟΟΤ ϋΙΤΟΟΤΚ ΝΤΟΚ ΕΠΙ (?)

ΦΑΝΕΙΟС ΠΑΥΛΟС ϋΑΠΕΚΔΙΑ

5. ΓΡΑΦΟΝ ϋΙΤΕΥΤΕΡΑ ΚΑΤΑΒΟΛΗ Ν̄

ΤΕΙΡΟΜΠΕ ΔΕΚΑΤΗ Γ'Ι'Ρ

? Θ ινδ/ ϋΙ ΒΙΚΤΟРОС

?

Половина золотой монеты и треть переходятъ въ мои руки отъ тебя Епифанія Павла подъ твою росписку, какъ второй взносъ этого десятого года.

28. Ахмимъ. Глиняный черепокъ. Курсивный, неясный почеркъ

† ϋΟΛΟΚΟΒ Ο....ΤΜΕϋΩΜΤΕ

Ν'ϋ°ΟΥΡΑ ΝСΟΥΑ...? Λ'МΝТС'NT

ΜΝ'БНNE ϋΙΤΟΟΤϋ ΝΘΟΜΑС

ϋΑΝΒΑΜΟΥΛ ΙΒ

29. 9,5×11 см. Ахмимъ. *Глиняный черепокъ*. Уставный почеръ.

† ΓΕ

† COYMETCAYEQ
 ΝΕΠΗΠ ΕΠΒΑ
 ΛΑΨΙΡΕ ΦΟΥΡΑ
 5. ΝCOYΩ ΔΟΥΤC
 ΝΩΟΥΕC ΝΕΡΤΩϞ ?
 ΕΠΜΟΥΝΑCΤ
 ΗΡΙΩΝ
 ΠΛΙΩΘ

30. 11×10 см. Ахмимъ.

† COYQTWOY
 ΜΕCOYΡΗ
 ΠΨΙ ΝΦΗΡΕ
 ΦΟΥΡΑ ΝCOYΩ
 5. ΘΑ²ΑΙΕ
 ΜΕΝΤΑCΕ
 ΘΩΜΑC
 ΓΕ

31. Ахмимъ.

† COYMET....
 ΕΠΗΠ.....
 ΙΑC ΦΟΥΡΑ
 ΝCOYΩ.....
 5.ΤϞΜ...
ΓΕ

32. 11,3×9,8 см. *Черепокъ сосуда изъ красной глины*. Фаюмъ. Какой-то счетъ.

Β
Θ ?
...C	Η ΕΚΓ
...IKO..	Ι
5. ..ΑΡΤΥC	Ε ΕΛΙ ⁷
ΚΑΡΤΥC	Ε ? ΡΑ
ΕΤΟC	Α
ΤΕΙΜΗCCI ⁷ ΝΟΥ	Ε
ΚΕΡΑΜΙΩΝ ΤΙΚ ² Ι	ΕΜ
10. ΚΩΜΩ	Ε
ΦΟΡΕΤΡΟΝ ΟΙΝΟΥ	Μ

32. 10×7,2 см. Фаюмъ. Счетъ.

ΑΜΜΩΝ ⁷
ΦΙ...?	Ι
ΧΗΜ	ΙΘ
CIΜΩΝ.	Κ
CIΜΩΝ.	CHK
ΕΝΩΧ.	NH
Verso неясно.	

33. 15×11 см. *Черепокъ сосуда изъ красной глины съ волнообразною поверхностью*. Луксоръ.

Сирийскій алфавитъ, написанный дважды въ четырехъ вертикальныхъ строчкахъ. Подъ двумя лѣвыми строчками въ обратномъ направленіи написано по коптски двумя горизонтальными строчками ΔΙΟΣΚΟΙ ΡΟC.

II. НАДПИСИ.

d) Плиты, *поступившія въ Императорскій Эрмитажъ.*

34. 37×24,6 см.

- ✝ ΠΙΩΤ ΠΩΗΡΕ ΠΕΠ̄ΝΑ:
 ΕΕΤΟΥΑΑΒ: ΠΕΝΙΩΤ: ΜΙΧΑ
 ΗΛ: ΓΑΒΡΙΗΛ: ΤΕΝΜΑΑΥ
 ΜΑΡΙΑ: ΠΕΝΙΩΤ ΑΔΑΜ
 5. ΜΝΝΕΩΨΗΡΕ ΤΗΡΟΥ ΝΔΙΚ
 ΑΙΟΣ: ΜΠΑΤΡΙΑΡΧΗΣ: ΝΕΠ
 ΡΟΦΗΤΗΣ ΝΑΠΟΣΤΟΛΟΣ: ΝΜ
 ΜΑΡΤΥΡΟΣ ΑΠΑ ΒΙΚΤΩΡ: ΑΠΑ
 ΦΟΙΒΑΜΩΝ: ΑΠΑ Σ'ΟΥΤΩΟΥ
 10. ΑΠΑ ΨΑΜΟΙ: ΑΠΑ ΦΑΝΝΟΥ
 ΡΕ: ΜΝΝΕΥΣΝΗΥ: ΝΕΝΙΟΤΕ
 ΝΝΟΒ ΝΡΩΜΕ ΑΠΑ ΑΠΟΛΛ
 Ω: ΑΠΑ Α'ΝΟΥΠ: ΑΠΑ ΦΙΒ:
 ΑΠΑ ΣΑΙΩ²: ΝΕΤΟΥ
 15. ΑΑΒ ΤΗΡΟΥ ΑΡΙΠΜΕΕΥΕ ΠΑ
 ΣΟΝ ΑΒΙΒΟ: ΠΡΜ'ΕΟΥΤΩΟΥ
 ΝΤΑΩΜΤΟΝ ΜΟΩ ΝΣΟΥ
 ΨΟΜΤ ΜΠΑΨΟΝΣ: ΨΝΝΟΥΕΙ
 ΡΗΝΗ ΑΜΗΝ

Отець, Сынъ, Святой Духъ, отецъ нашъ Михаилъ, Гавріиль, мать наша Марія, отецъ нашъ Адамъ, и все его чада праведные патриархи, пророки, апостолы и мученики, авва Викторъ, авва Фивамонъ, авва Сутоу (?), авва Хамой, авва Фаннуре и сихъ братія, отцы наши великіе человекѣ: авва Аполлонъ, авва Ануль, авва Фивъ, авва Саіо (?)... все святые помяните брата моего Авива, уроженца Евтоу (?), упокоившагося третьяго нахонса въ мирѣ. Аминь.

Эта надпись принадлежит къ весьма распространенному типу надгробныхъ стѣлъ, встречающихся въ редакціяхъ разнообразныхъ степеней полноты. Образцы ихъ см. у Gayet, *Monuments Coptes (Mission Franç. du Caire III, 3) №№ 3, 6, 41, 42, 45, 50.* См. особенно Bouriant, *Notice des monuments Coptes au Musée de Boulaq (Recueil de travaux, relatifs à la phil. égypt. V) p. 63 n. 3.* Греческій переводъ краткой редакціи см. у Н. В. Помилловскаго. По поводу одной христіанской надписи, найденной недавно въ Египтѣ.

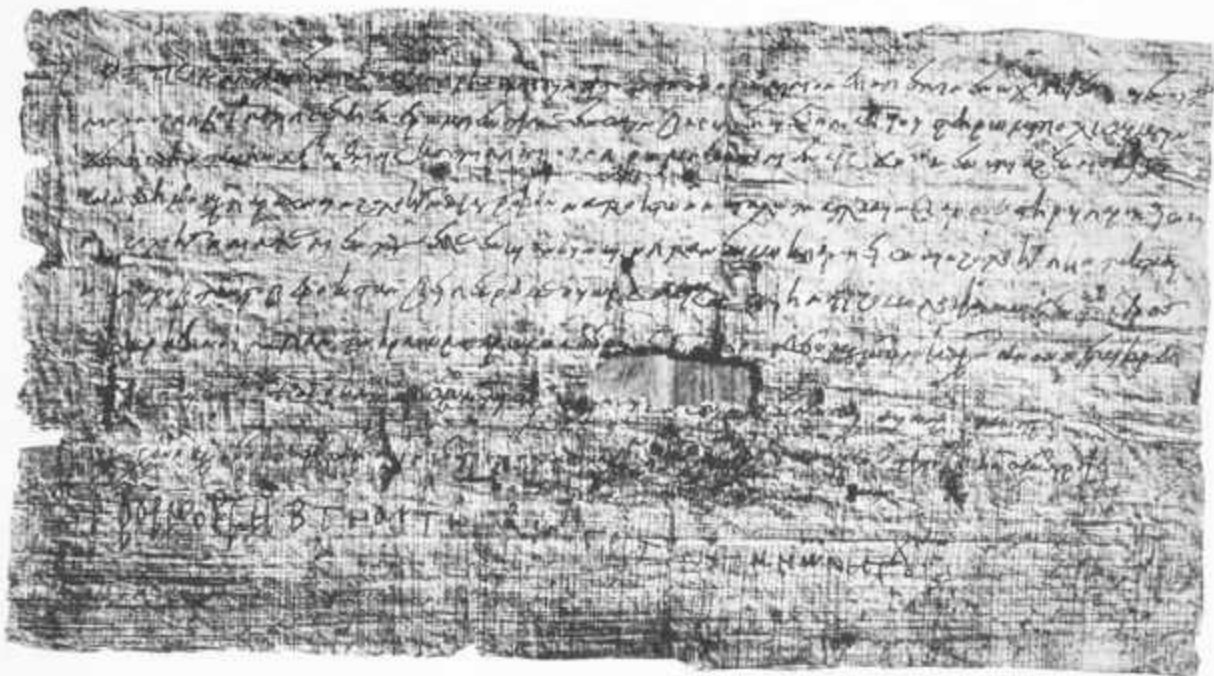
Наша надпись можетъ считаться наиболее полной изъ извѣстныхъ до сихъ поръ; кромѣ обычно упоминаемыхъ Архангеловъ и Адама, а также часто встречающихся евр. Виктора, Филамона, Аполлона, Анула и отчасти Фила, мы находимъ здѣсь неизвѣстныхъ изъ другихъ источниковъ Сутоу, Хамой, Саіо и Фаннуре. Вѣроятно это были мѣстные святые. Слѣдуетъ замѣтить, что чтенія Сутоу и Евтоу — сомнительны, т. к. первая буквы въ обоихъ случаяхъ пострадали.

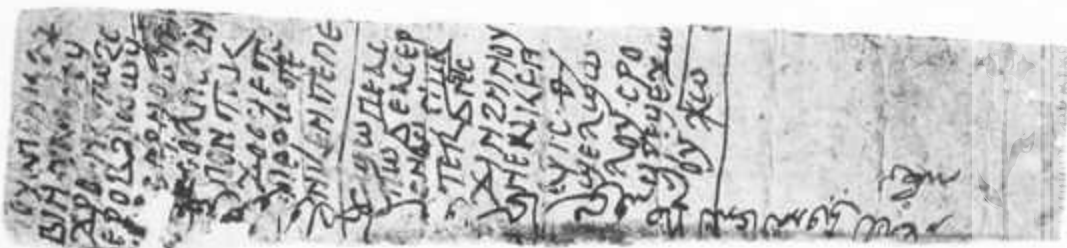
1

4

2

3

35. 35×30 см. Abydos.

✠ ΑΓΙΑ ΤΡΙΑΣ ✠
 ΕΡΚΗ ΕΡΡΑΙ ΜΠΙ
 ΜΑΝΒΙΠΛΙΨΑΝΟΝ¹³⁾
 ΜΠΜΑΚΑΡΙΟΣ ΑΠΑ
 5. ΑΠΡΗ ΠΔΙΑΚ ΑΥΩ
 ΠΜΟΝΑΧΟΣ ΝΤΑϞΜ
 ΤΟΝ ΜΜΟϞ ΝСОУΔΟΥ
 ΤΗ ΝΤΩΒΕ ΑΠΟΥ¹⁴⁾
 ΔΙΟϞ ΦϞ ΠΔΟΕΙϞ
 10. ΠΝΟΥΤΕ ΕΚΑΡΟΥΝΑ¹⁵⁾
 ΝΜΜΑϞ ΑΜΗΝ

Святая Троица.
 Положенной въ сей
 гробъ¹³⁾
 блаженнаго — авва
 Апри діаконъ и
 монахъ, упоков-
 шійся 20-го
 тови, отъ Діоклитіана
 въ 590 годъ¹⁴⁾. Господь
 Богъ да сотворитъ милость
 съ нимъ. Аминь.

36. 34×25,2 см.

† ΠΝΟΥΤΕ ΠΑ
 ΓΑΘΟΣ ΑΡΠΜ
 ΕΕΥΕ ΜΠΑΣΟΝ
 ΚΛΟΥΔ ΠΡΜ
 5. Α⁷ ΩΟΥ ΑϞΜ
 ΤΟΝ ΜΜΟϞ
 ΝСОУΨΜΟΥΝ
 ΝΕΠΗΠ ϞΝΟΥ
 ΕΙΡΗΝΗ ϞΑΜΗΝ

Боже Благій! Помяни
 брата моего Клужа,
 уроженца Д.?.у, упоко-
 вшагося 8-го эпифи
 въ мирѣ. Аминь.

37. 26×20 см. Луксоръ.

ΜΝ ΛΥΠΗ
 ΙΑΚΩΒ
 ΑΤΜΟΥ ϞΙ
 ΔΝ ΠΚΑϞ

Нѣтъ печали!
 Іаковъ
 безсмертенъ
 на землѣ.

Ср. Gayet, Les Monuments Coptes du musée de Boulaq. *Mémoires publ. par les membres de la Mission Franç. au Caire*. III, 3: pl. 89 (Едфу), 92 (тоже), 95. Покупка нашей плиты въ Луксорѣ, конечно, не рѣшаетъ вопроса о ея происхожденіи.

38. 47×33 см.

.....
 ΜΑΡΙΑ ΑΡΙΠ
 ΜΕΟΥΕ ΝΚΙΡΑ
 ΑΣΚΑΣΩΜΑ ΙΕ
 ϞΡΑΙ ΝСОУМЕ
 5. ΝΤΗ ΝΠΑΩΟΝϞ
 ϞΕΝ ΟΥϞΙΡΗΝΕ ΘϞ

.....
 Marie! помяни
 Киру,
 отложившую плоть
 15-го
 пашонса
 въ мирѣ. Аминь.

¹³⁾ Собств. «мѣсто воспріятія останковъ» (λείψανον).

¹⁴⁾ Ср. Bouriant въ *Recueil de trav.* V, p. 69 n. 19.

ТРИДЦАТИ ПЕРВАЯ СЪЛЛАДА ВЪ КИЕВѢ. Т. II.

Надписи этого типа, къ сожалѣнію, фрагментарныя и безъ обозначенія мѣстъ находокъ см. Gayet, o. c. стр. 27 текста №№ 7 и 8. Ср. № 40.

39. 39×22 см.

† КОΛΘΕ ΦΑΜ|ΨΕ?
ΠΝΟΥΤΕ ΝΕΜΑΚ

Колѣе плотникъ (?),
Богъ съ тобою!

Надпись двумя вертикальными столбцами по обѣ стороны головы портретнаго барельефа покойнаго въ позѣ адоранта.

40. 57×38 см. *Луксоръ.*

ΕΡΑΒΩΔ, N	ΠΛ
ΝΕΨΨΗΡΕ	ΗΜ
ΝΜΩΝΟΧΟΣ	Π//
ΕΤΟΥΑΑΒ//	ΗΡ
	ΟС

?	(неразборчиво).
Его чада	
монахи	?
святые.	

41. 29,4×35 см. *Луксоръ.*

.....
ΝΡΑΝΝΙ|Μ?.....
ΛΒ¹⁵⁾ ΝΤΚΟΙ|ΝΟΒΙΑ ? ΑΠΑ
ΠΑϞΩΜΩ ΑΠΑ ΠΑΛΑ
ΜΩΝ ΑΠΑ ΠΕΤ|ΡΟΝΙΟΣ
5. ΑΠΑ ϞΩΡСΙΕСΙОС ΑΠΑ
ΘΕΟΔΟΡΟС ΑΠΑ ΨΕ
ΝΟΥΤΕ ΠΔΩΩΡΕ ΑΜ⁷⁾ΗΝ
ϞΙΤΝ¹⁷⁾ ΤΕСПΟΥНΔΕ ΝΑΠΑ
ΙΩСНФ ΠΑΝΑΧΩΡΙΤΗС ΝΤΑϞ⁷⁾
10. СМН̄СН̄ТЕ М̄ПЕΙТОПОС...
ΑϞΔΟΚῆ ΕΒΟΛΕ²⁾ΝΤΑΡΧ¹⁶⁾....
ΟΓΔΟΕΙС ΙΝΔΙΚΤΙΟΝΟ|С

Имена всѣ?... святыхъ?¹⁹⁾?
? (Киновиі авва?)
Пахомій, авва Паламонъ.
Авва Петроній,
авва Орсисій, авва
Θεοδoρ²⁰⁾, авва Шенути
могучій. Аминь (?)
Тцаніемъ аввы
Іосифа анахорита, кото-
рый положилъ основаніе мо-
настыря сего. Окончилъ его
въ началѣ 8-го индикта.

Единственная въ собраніи не надгробная надпись. Начертана, я думаю, основателемъ обители—Іосифомъ для постоянного напоминанія его духовнымъ чадамъ великихъ именъ египетскаго подвижничества. Этотъ текстъ долженъ служить для новаго монастыря тѣмъ-же, чѣмъ для новаго монаха былъ изданный мною ostrakon № 20 коллекціи В. С. Голенищева (*Изв. И. Академіи Наукъ X, 445-6*).

¹⁵⁾ Ср. Sauser, Coptic and early Christian Inscript. in Upper Egypt. въ *Proceedings Soc. Bibl. Arch.* VIII, p. 186, 2.

¹⁶⁾ = 874 по P. X.

¹⁷⁾ М. б. описка вм. АВ, какъ въ стр. 5, гдѣ ясно ППА. Если такъ, то вѣроятно ΕΤΟΥΑΑ|Β.

¹⁸⁾ Освященный.

¹⁹⁾ Въ надписи пропущена.

²⁰⁾ Строка вырѣзана неразборчиво и небрежно на проведенной черткѣ, которая проходитъ чрезъ 6-ую съ конца букву, а потому Ε или С?

42. 38×28 см. El-Hagg.

.....
.....ΑϞ.....
.....ϞCON ΑϞΚΑCΙΩΜΑ
.....ΤΕ ϞΝΟΥΕΙΡ|ΗΝ⁷Η
.....ΟΥΙ ΠΕΚΩΤ ΠΕ.....
5. ϞΑΘΩΡ ϞΝΟΥΕΙΡ|Η⁷Η
.....Π|ΕΚΩΤ ΑϞΕΜΤΟ|Ν....
.....Ϟ ΒΙΚΤΩΡ ΠΕ.....
ΙΕ ΙΝΔΙΚ.

44. 18×31 см.

.....
.....Α
.....ΝΗ ϞΑΜΗΝ
.....ΩΡ Μ̄Ν ΠΑΥ
ΑΜΗΝ ✠

46. 33,5×26,2 см.

.....
Φ.....
ϞΙΟΥΝΑΝ....
ΝΙΜ̄ ΠΕ.....
ΕΞ̄Ν ΝΑ....
5. ΟCΤΙΝΑ.....
ΝΤΑΡΞ̄....
ΕΡϞΗΒ.....
ΗΟΥΡΙΜ⁷....
ΤΕΡΜΝ....
10. ΒΕ ΕΞ̄Ν....
ϞΟΥΥ ΝΤ....
ΕΝΝΕΟ....²¹⁾

43. 16,5×19.1 см.

.....
ΒΡΙ⁷.....
ΗΛ ΨΛΗ....
CΕΡΝΕΠ.....
Ε⁷ΤΒΗΚ Π.....
....ΜΤΟΝ Μ|ΟϞ...
ΤΟ....

45. 10,4×11 см.

ΠΕϞΟΥ Ν	День
ΤΑΝΑΠΑΥCΙC	упокоения
ΝCON.....	брата.
.....

47. 19×18,3 см. Abutig.

.....
...ΝΤΟΥ.....
Ξε⁷ΜΤΕ: Τ.....
ΤΕ: ΠΠΑΠΑ Μ...
ΤΟΝΙ.....
ΝΕΜ ΨΙΡ ΝΨΗΡΕ...
Ρ⁷ΑΠΑ ΙΩϞΑΝΗC....
ΠΜΕΕΥΕ ΜΠΠΑΠΑ...
?: ΜΝΕϞCΝΗΟΥ ϞΝΟΥΕΙΡΗΝΗ

²¹⁾ Эта начертанная на надгробномъ, украшенномъ барельефами жертвенникъ, одного порядка съ над. мною въ X в. *Зап. Вост. Отд. Арх. Общ.* стр. 79—83, но представляеть другой текстъ, а потому потеря ея особенно прискорбна. Стр. 3 и 4 какъ будто напоминають стр. 12 и 13 изданной мною надписи. Двѣ послѣднія указываютъ на дату дня (ϞΟΥΥ) кончины—девятый годъ (?).

б) Надписи, списанныя на мѣсть.

48—49. Надгробныя плиты, списанныя въ Esneh. Рисунки 91 и 92 посмертнаго изданія В. Г. Бока. «Матеріалы для археологіи Христіанскаго Египта».

Α
 ΙϞ ✠ ΧϚ ΝΤΑϞΜΤΟΝ. Ϟ. ΜΟϞ Ϛ̄ΜΙΠΡΙΑΝΝ
 Ω ΙϚ ΠΕΝϚϚ ΝΒΙ ΠΜΑΚΑΡΙϚ
 ΝΑΛ:ΑΥ ΝΔΙΑΣ ΦΙΛΘΘΕΟС. ΥΥ ΠΜΑ
 ΚΑΡΙϚ. ΠΙCΡΑΗΛ̄ ΥΥ ΦΙΛΘΕ.....
 5. ϚΕΝ ΠΟ..... Υ ΝϚϚϚϚ ΠΑΡΜΟΥ
 ΘΕΟС..... Μ. ΑΥΝΟ...
 ΕΝΕΙ..... ΜϚΕΝΕϞΡΟΥ.....
 ΕΤ..... ΟΛ ΔΕ ΕϞΘΕ....
 ΕΝ..... ΙΝΝΑΠC....
 ΕΝ..... ΝΟΥΤΕ Ν...
 ΕΓ..... ΔϚ ΝCΑΡ...
 ΕΚ..... ϞΜΑΚΑΡΙ...

Упокойшийся (во имя)
 Иисуса, Господа нашего — блаженный
 ? діаконъ Филовей, сынъ (?) бла-
 женнаго Исраиля, сына (?) Филовея,
 въ... дней Фарму —
 он... Мучениковъ 902.

(слѣдуетъ шесть полуразрушенныхъ строкъ).

ΙϚ ΠΕ ✠ ΧϚ
 ✠ ΠΟϚ ΙϚ ΠΕΧϚ ΠΕΙΑΛΛΑΘΙΝΟС
 ΝΝΟΥΤΕ ϚΕΝΟΥΜΕ ΕϞΕ
 ΕCΜΟΥ ΑΥΩ ΝϞϚΑΡΕϚ Μ
 ΠΙΜΑΙΝΟΥΤΕ ΝCΟΝ ΕϞΤΑΙ
 ΗϚ ΘΕΩΔΟΡΟС ΜΟΝΑΧΟС 5
 ΠΕΠΡΕCΒ ΠΑΤΗΡ ΕΤΑΠ'Ο ΡΜΟΝΤ
 ΜΝ ΠΕϞCΑΝ ΠΔΙΑϞ ΜΑΡΚΟΥϚ
 ΕΠΨΗΡΕ ΜΠΑ..... ΑϚΑΕΑΠΟ (?)
 CΕΝ ? ΝΝΤ.....?

Господь Иисусъ Христосъ, Истинный
 Богъ воистину, да благо-
 словить и да сохранить
 боголюбиваго брата нашего слав-
 наго Θεодора монаха
 пресвитера, отца что изъ Ермонта (?)
 и брата (?) его діакона Марка
 сына Па..... что изъ (?)
 Сен....

50. Копія В. Г. Бока съ надписи въ Красномъ Монастырѣ. «Матеріалы». Рисунокъ 78 (стр. 66).

ΕΝ ΟΝΟΜΑΤΙ ΤΟΥ ΠΑΤΡΟС ΚΑΙ ΤΟΥ.....
 ΠΑΓ'ΙΑ ΤΡΙΑС ΠΙΩΤ ΜΝ ΨΗΡΕ ΜΝ....

ΜΕΕΥ ϚΝΝΕΤΝΨΛΗΛ ΕΠΝΟΥΤΕ Κ...
 ΑΝΟΚ ΠΙΕΛΑΚΙCΤΟС ΚΟΛΘΕ ΠΙΑТ...
 5. ΑΧΟС CΟΠC ΜΠΝΟΥΤΕ ΕΔΩΙ ϚМ...
 ϚΙΔМ ΠΕΘΥCΙΑCΤΗΡΙΟΝ ΕΤΕΤΝΔΙ?...
 ΡΟΥ ΝΑΜΝΤΕ ΨΥΧΗ ΝΕΒΙΗΝ ΜΠΕϚϚϚϚ Ε...
 ΝΑΒМΠ ΑΨΙΝΕ ΝϚΗΤϞ ΝΕΤΟ ΑΜΗΝ.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Св.
 Тронца, Отець, Сынъ и Св. Духъ.....
 Поминайте въ вашихъ молитвахъ къ
 Богу.... меня недостойнаго Колѣз.....
 молитесь Богу о мнѣ въ (молитвахъ ва-
 шихъ?) предъ жертвенникомъ.... (да спа-
 саетъ?) изъ ада душу убогую въ день...
 нашего испытанія... Аминь.

51. *Grafitto* въ угловой комнатѣ на с. в. части сѣверной стѣны въ Красномъ Монастырѣ. (Копія В. Г. Бока). «Матеріалы», рисунокъ 76, стр. 65.

ΑΝΟΚ ΠΙϚΗΚΕ ΜΕΡΚΟΥΡΙ ΖΩΚΡΑΦΟС ΠΨΗΡΕ
 ΝΠΜΟΝΑCΤΗΡΙΟΝ
 ΑΠΑ ΨΕΝΟΥΤΕ ΠΝΟΥΤΕ ΝΑΝΑϞ ΑΜΗΝ ΚΑΘ
 ΠΡΟΥ ΠΑΙ CΟΥ ΙΑ ΕΒΟΤ ΜΕCΟΡΗ
 ✠ Μ̄ ΑΙϚ

Я убогій Меркурій живописецъ, сынъ монастыря
 аввы Шенути. Богъ да будетъ милостивъ. Аминь.
 День сей 11-е число мѣсяца Месори.

Въ 1017 г. эры Мучениковъ. (= 1301 по Р. X.).

Grafitto представляетъ особенный интересъ въ виду изданнаго въ Catal. des monum. et inscriptions de l'Égypte Antique, publié sous les auspices de S. A. Abbas II Helmi I. Haute

Egypte I, p. 138 и 140, 9 grafitto, происходящего также отъ «убогаго зографа»... KOYPI²²⁾ и датированнаго 1034 г. зры мучениковъ = 1318 г. по Р. Х. Надпись найдена въ монастырѣ Св. Симеона; имя художника неизмѣнно МЕРКОУРІ. Если онъ тожественъ съ нашимъ, за что говорить время (разница всего въ 17 лѣтъ) и почти буквальное совпаденіе словъ и выражений, то слѣдуетъ отмѣтить фактъ путешествія въ началѣ XIV в. коптскаго художника Меркурія, постриженца Бѣлаго Монастыря по другимъ египетскимъ обителямъ. Было ли цѣлью этого путешествія богомолье, или онъ странствовалъ по приглашенію для художественныхъ работъ въ церквахъ этихъ монастырей? Отвѣтъ на это можетъ дать только изученіе источниковъ этой поздней эпохи исторіи египетскаго христіанства, а также болѣе близкое знакомство съ судьбами коптской живописи.

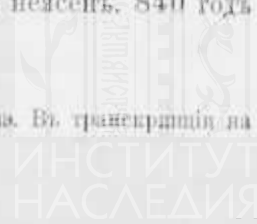
52. Надпись списанная въ Бѣломъ Монастырѣ В. С. Голенищевымъ. Восточная абсида. «Материалы» рис. 70, стр. 58.

ΘΕΟΔΩΡΟΣ ΖΑΚ
 ΡΑΦΟΣ ΤΕΡΒΕΒΙΒΕ
 ΠΟΨ ΙΣ ΠΕΧΣ
 ΕΓΓΕΣΜΟΥ ΝΘ
 ΖΑΡΕΖ ΕΠΟ
 ΝΘ ΜΠΜΜΑΙ
 5. ΝΟΥΤΕ ΝΣΟΝ
 ΜΜΑΙΑΚΑΠΤΕ
 ΠΑΡΧΗΔΑΚ
 ΨΕΝΟΤΕ Π
 ΜΟΥΝΑΧΟΣ
 ΜΠΜΟΥΝΑΣ
 10. ΤΗΡΙΟΝ ΠΨΗ
 ΡΗ ΜΜΑΚΑΡΙΟΣ
 ΠΑΠΝΟΥΤΕ Δ
 ΕΝΤΟΦ ΑΦΔΙ Μ
 15. ΠΡΨ ΜΠΙΛΗΜ
 ΗΝ ΖΝΝΕ ΖΟΨ Μ
 ΠΕΝΪΩΤ ΑΒΒΑ
 ΠΑΥΛΟ ΠΑΡΧ
 ΜΑΝΤΡΙΤΗΣ
 20. ΕΡΕ ΠΑΙ ΕΤΖΙΚ
 ΝΙΛΙΩ ΜΜΕΖΣΝΑ
 Υ ΕΝΕΠ... Χ̅ Ω Ν ΠΡΡΟ
 ΕΣΡΑ..... ΟΝ ✠ ΨΩΜ

Θеодоръ живо—
 писецъ Тервевие
 Господь I. X.
 да благословить и да
 сохранить жизнь
 боголюбиваго
 брата
 любезнаго
 архидіакона
 Шенути
 монаха
 этого мона-
 стыря, сына
 покойнаго
 Пафнутіа, ибо
 онъ радѣлъ
 о пристанищѣ этомъ
 во дни
 отца нашего аввы
 Павла Архи-
 мандрита
 Это было....
 ..? во второй
 ... царствующу Христу.
 ... Мучениковъ Христовыхъ
 въ 840 лѣто.

Двѣ надписи, случайно оказавшіяся вмѣстѣ. Первой соответствуетъ тутъ же армянская, также называющаяся «Θеодора художника и писателя». Вторая посвящена архидіакону Шенути. Какъ понимать его «заботу о пристанищѣ», т. е. вѣроятно монастырѣ? Конѣцъ неясенъ. 840 годъ Мучениковъ = 1124 по Р. Х.

²²⁾ Забѣчу, что это чтеніе ясно вытекаетъ изъ приложеннаго на стр. 140, 9 факсимиль. Въ транскрипціи на стр. 139 дано... KOOPE.

53. Известковая плита въ Атрибѣ близъ Сохага (списана В. С. Голенищевымъ) «Материалы», рисунокъ 81, стр. 69.

ΕΙΣ ΘΕΙΟΥΣ Ο ΒΟΗΘΟΝ ΤΡΗΝΗ
ΜΠΙΤΟΟΥ ΕΤΟΥΑΒ
ΑΠΑ ΨΕΝΟΥΤΕ ΠΑΝΑΧΩΡΙ
ΤΗΣ ΠΜΕΡΙΤ ΝΣΟΝ ΠΑΜΙΝ
ΑΦΜΠΤΟΝ ΜΜΟΦ ΖΝΟΥΕΙΡΗ
ΝΗ ΝΣΟΥΨΜΟΥΝ ΜΠΑΡΑΜ
ΖΑΤ Π'ΑΡΙΤΑΓΑΠΗ ΝΤΕΤΝ
ΨΛΗΛ ΕΧΩΦ ΝΕΤΟΥΑΒ
ΤΗΖΟΥ ΖΑΜΗΝ.

Единъ Богъ, помогай.
Миръ святой горы
аввы Шенути Анахорита.
Возлюбленный братъ Паминъ
упокоился въ мирѣ
8-го парамхата.
Будьте милостивы,
молитесь о немъ
всѣ святые. Аминь.

Копія В. С. Голенищева. Атрибѣ близъ Сохага находился вблизи Блага Монастыря и даже даль для него строительный материалъ. Отсюда понятно упоминаніе «св. горы аввы Шенути».

54. Grafitto въ Gebel—Ter. Копія В. С. Голенищева «Материалы», рисунокъ 30, стр. 38.

ΠΙΩΤ ΜΝ ΠΨΗΡΕ ΜΝ ΠΝΑ ΤΟΑΑΒ
ΠΕΝΙΩΤ ΑΔΑΜ ΜΝ ΝΕΦΨΗΡΕ ΤΗΡΟΥ ΝΔΙΚΑΙΟΣ
ΑΠΑ ΠΑΤΕΡΜΟΥΤΕ ΑΠΑ ΤΡΟΥ: ΑΠΑ ΜΑΚΑΡΕ ΜΝ ΝΕΦΨΗΡΕ
ΑΠΑ ΠΤΑ: ΑΠΑ ΖΩΡ ΑΠΑ ΙΩΖΑΝΝΗΣ ΜΠΑΚΗ ΑΠΑ ΠΑΠΝΟΥΤΕ ΑΠΑ ΠΑΥΛΟΣ
5. ΑΡΙ ΠΑΕΥΕ^{sic} ΑΝΟΚ ΠΑΠΑ ΚΩΣΤΑΝΤΙΝΕ ΜΝ ΠΑΣΟΝ ΙΩΖΑΝΝΗΣ
ΠΕΜΜΕΡΙΤ ΝΙΩΤ ΑΠΑ ΙΩΖΑΝΝΗΣ ΝΥ^{sic} ΖΑΜΗΝ ΕΦΨΩΠΕ
ΜΤΟΟΥ ΝΝΒΩΤ.... ΝΗΣ ΨΛΗΛ ΧΩΙ ΚΩΝΑΙ ΕΒΟΛ ΠΑΓΑΠΗ
ΝΕΝΙΩΤΕ ΜΑΡΤΥΡΟΣ
ΑΠΑ ΒΙΚΤΩΡΟΣ ΑΠΑ Ψ... ΑΜΥ
10. ΑΠΑ ΓΕΩΡΓΟΣ ΑΠΑ ΚΙΡΛΟΣ
ΑΠΑ ΜΗΝΑ ΑΠΑ ΦΙΡΘΗΟΣ

Отець, Сынъ и Святой Духъ. Отець нашъ Адамъ и всѣ его чада праведные. Авва Патермуѳий, авва Пру, авва Макарий и его чада, авва Пта, авва Горъ, авва Иоаннъ изъ Паки (?), авва Пафнутий, авва Павелъ. Помяните меня, авву Константина и моего брата Иоанна, нашего возлюбленнаго отца авву Иоанна, Аминь (?) Да будетъ (?).....? Молись за меня. Прости мнѣ въ любви.

Отцы наши мученики. Авва Викторъ, авва Ш.... авва Георгій, авва Кирилль, авва Мна, авва Филоѳей (?).

Текстъ приближается къ типу надгробной надписи № 34 нашего изданія, но избилуетъ именами святыхъ, неизвѣстныхъ изъ другихъ источниковъ и вѣроятно мѣстныхъ для обители Богородицы Deir-al-Bakarah близъ Gebel-at Ter.

Въ стр. 5 второе слово читай ПАΜΕΕΥΕ, въ 6-й послѣднее вѣроятное ΕΥΕΨΩΠΕ. Строки 8—11 списаны непосредственно за 7, но вѣроятно представляютъ другое grafitto.

в) На поиребальмахъ пеленахъ.

55. ΠΟC ΕΦΕΤΜΤΟΝ ΝΤΨΥΧΗ ΜΠΕΠΡΕCΨΥΤΕΡΟC
ΑΒΒΑ ΨΕΝΟΥΤΕ
ΖΝ ΜΜΑΡΤΗΡΟC ✠ ΜΛ α ΚΔ ΠΟC ΕΦΕΤ ΝΑΦ
ΝΟΥΝΑΙ ΖΑΜΙΝ Κ ϞΘ

Господь да подасть упокоеніе душѣ пресвитера
аввы Шенути.
Мучениковъ Христовыхъ въ 1024-е лѣто.
Господь да дасть ему милость.
Аминь и Аминь

Обѣ строчки написаны уставомъ во всю длину другъ противъ друга вверхъ ногами. Между ними—два креста, а на краю—большой крестъ, по сторонамъ котораго—ΙΗΣΟΥC ΠΧC 1024 г. зры мучениковъ = 1308 по Р. Х. Такимъ образомъ данный текстъ—одинъ изъ наиболѣе позднихъ, начертанныхъ на коптскомъ языкѣ.

О такъ называемыхъ «ванскихъ» (урартскихъ) лексикальныхъ и суффиксальныхъ элементахъ въ армянскомъ языкѣ.

Л. Э. Мсерианцъ.

Посвящается дѣйствительному члену Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества

Михаилу Васильевичу Никольскому,

автору изслѣдованія «Клинообразныя надписи Закавказья».

Предварительное примѣчаніе. Послѣ того, какъ настоящій рефератъ былъ доложенъ (10 августа 1899 года) на кievскомъ археологическомъ съѣздѣ [см. *Извѣстія XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ* (1—20 августа 1899 г.). Кіевъ, 1899, стр. 114—115], авторомъ были сдѣланы въ немъ значительныя дополненія: былъ прибавленъ § 4, а введение (Prolegomena) подверглось переработкѣ и было расширено; что же касается примѣчаній, то огромное большинство ихъ написано вновь, другія—дополнены и переделаны.

Транскрипція армянскихъ (древне-, средне- и ново-армянскихъ) словъ принадлежитъ автору и разъяснена въ его *Этюдахъ по армянской діалектологіи*, ч. I (Москва, 1897), стр. XXIV, срв. также ч. II (Москва, 1901), стр. XII. (Главное отличіе отъ транскрипціи проф. Гюбшмана, *Armenische Grammatik*, I, pp. 1—2, заключается въ обозначеніи придыхательныхъ мгновенныхъ и придыхательныхъ аффрикатъ чрезъ приписанное h).

Изслѣдованіе М. В. Никольскаго, *Клинообразныя надписи Закавказья*, на которое мы постоянно ссылаемся, составляетъ V выпускъ (Москва, 1896 г.) изданія — «Матеріалы по археологіи Кавказа, собранныя экспедиціями Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства. Подъ редакціей графини Уваровой».

PROLEGOMENA.

Начиная съ Н. Petermann'a, положившаго своею *Grammatica linguae armeniacae* (Berolini, 1837) начало *научному* изученію армянскаго языка, вниманіе лингвистовъ и арменистовъ было направлено къ выясненію генезиса его фактовъ—грамматическихъ и лексикальныхъ, имѣя въ виду ихъ эквиваленты въ родственныхъ *индо-европейскихъ* языкахъ¹⁾. Благодаря трудамъ цѣлаго ряда ученыхъ—Lagarde'a, Fr. Müller'a, К. П. Патканова, Hübschmann'a, Bartholomae, Bugge, Meillet и др.—удалось выяснить генезисъ очень многихъ фактовъ какъ изъ области фонетики, такъ и морфологіи армянскаго языка; многія формы, потерявшія всякій обликъ «индо-европеизма», стали постепенно выступать передъ изслѣдователями какъ результаты про-

¹⁾ Выразаясь подобнымъ образомъ, мы имѣемъ въ виду общее положеніе дѣла, наблюдаемое преимущественно въ работахъ новѣйшихъ лингвистовъ. У Петермана, (*Grammatica linguae armeniacae*), наиримѣрь, мы еще встрѣчаемъ попытки къ сближенію извѣстныхъ фактовъ армянскаго языка съ соответствующими фактами въ языкахъ не-индо-европейскихъ (срв. на стр. 94 цит. соч.: «terminationes *ean, ear, er, an* unius ejusdem videntur esse originis, et *tataricam* indolem prae se ferre»), не говоря уже о постоянно отмѣчаемыхъ аналогичныхъ явленіяхъ въ области языковъ семитской и иныхъ семей (срв., наиримѣрь, на стр. 100—101, сопоставленіе префикса accusativi «definitis» «[s-]» съ древне-еврейскою частицею **ס**, срв. наши *Этюды по армянской діалектологіи*, ч. II [Москва, 1901], стр. XV; на стр. 150 о способѣ описанія превосходной степени посредствомъ удвоенія, «ut apud Hebraeos», и т. д.).

цесса послѣдовательной лингвистической эволюціи, отдѣльные этапы и законы которой выяснялись все болѣе и болѣе. Благодаря трудамъ тѣхъ же ученыхъ сдѣлала значительные успѣхи и разработка армянскаго словаря²⁾: съ каждою новою работою увеличивалось количество выясненныхъ отдѣльныхъ армянскихъ словъ, ранѣе стоявшихъ какъ бы совершенно изолированными, а теперь нашедшихъ своихъ индо-европейскихъ сородичей.

Но какъ бы успѣшно ни подвигалась научная разработка армянскаго языка, всетаки въ немъ продолжаетъ оставаться довольно значительнымъ, по своему объему, матеріалъ, не получившій надлежащаго лингвистическаго разъясненія. Матеріалъ этотъ одинаково ожидаетъ изслѣдователя и въ грамматикѣ и въ словарѣ. Такъ, напримѣръ, въ области именной флексіи является загадочнымъ происхожденіе образованія множественнаго числа въ средне- и ново-армянскомъ, принципиально противоположнаго образованію, которое мы находимъ въ древне-армянскомъ литературномъ языкѣ (въ такъ называемомъ *грабарѣ*). Въ то время, какъ въ послѣднемъ падежи *pluralis* отличаются отъ соответствующихъ падежей *singularis* особыми суффиксами (какъ это мы видимъ и въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ), — въ средне-армянскомъ и, въ особенности, ново-армянскомъ падежи множественнаго отличаются отъ падежей единственнаго лишь *особымъ показателемъ pluralitatis*, который фиксируется между основою (формально совпадающею съ именительнымъ единственнаго числа) и падежнымъ суффиксомъ *singularis*, т. е. образованіе *pluralis* совершается по принципу, напримѣръ, урало-алтайскихъ и угро-финскихъ языковъ³⁾. Далѣе, мы имѣемъ цѣлый рядъ суффиксовъ (въ различныхъ отдѣлахъ армянской морфологіи), этимологія которыхъ остается невыясненною; есть между ними и такіе, индо-европейское происхожденіе которыхъ можетъ быть, съ большимъ или меньшимъ основаніемъ, подвергнуто сомнѣнію. Сказанное о грамматическомъ матеріалѣ въ одинаковой степени примѣнимо и къ матеріалу лексическому. Такимъ образомъ, оставаясь въ предѣлахъ индо-европейскаго языковѣднія, мы напрасно будемъ стремиться къ достиженію всесторонняго разъясненія фактовъ армянской грамматики и словаря⁴⁾, а уже это обстоятельство само по себѣ, помимо всякихъ иныхъ апіористическихъ соображеній, должно заставитьъ насъ обратиться за справками и къ инымъ лингвистическимъ семьямъ, чтобы среди этого чуждаго матеріала искать разъясненія для извѣстной части фактовъ армянскаго языка.

Армянскій языкъ представляетъ собою довольно сложный организмъ, и задачей лингвистическаго изслѣдованія должно быть поставлено выясненіе (насколько это окажется въ силахъ науки) различныхъ, по своему происхожденію, составныхъ частей этого организма. Эти различныя составныя части, тѣсно сросшіяся и слившіяся съ исконными — *индо-европейскими*⁵⁾, и образо-

²⁾ Въ числѣ изслѣдователей армянской лексики слѣдуетъ также упомянуть много работающаго, за послѣдніе годы, въ этой области приватъ-доцента будапештскаго университета L. Patrubány (Patrubanean); свои наблюденія онъ печатаетъ отчасти въ издаваемыхъ имъ же *Sprachwissenschaftliche Abhandlungen*, отчасти въ другихъ изданіяхъ (см. *Zeitschrift f. vergl. Sprachforschung* — Кuhn'a, Bd. XXXVII, pp. 427—428).

³⁾ См. подробности, по этому поводу, въ нашихъ *Этюдахъ по армянской диалектологіи*, ч. II. (Сравнительная морфологія мусскаго діалекта въ связи съ морфологіей грабара и средне-армянскаго). М. 1901, стр. 162 и слѣд.; срв. также нашъ рефератъ *Объ образованіи въ армянскомъ языкѣ множественнаго числа*, доложенный въ Восточной комиссіи Императорскаго московскаго археологическаго общества (о чемъ см. *Древности Востока*, т. II, вып. 1, отдѣлъ протоколовъ, стр. 73).

⁴⁾ Противъ односторонняго стремленія выяснить грамматическій и лексическій составъ армянскаго языка (за исключеніемъ фактовъ, представляющихъ очевидныя замѣтованія) при посредствѣ однихъ индо-европ. языковъ, за послѣдніе годы неоднократно и горячо высказывался проф. Н. Я. Марръ; см., напримѣръ, его рецензіи: на S. Bugge — *Beiträge zur etymologischen Erläuterung der armenischen Sprache* (Christiania, 1889) — въ армянскомъ сборникѣ *Գրքիկ* [*Архивъ*] (С.-Петербургъ), 1890, II, стр. 188 и слѣд., на наши *Этюды по армянской диалектологіи*, ч. I. (Сравнительная фонетика мусскаго діалекта въ связи съ фонетикою грабара). Москва, 1897 — въ *Запискахъ Вост. Оид. Инст. Русс. Археологич. Общ.*, т. XIII, стр. 121 и слѣд.

⁵⁾ Это догматическое воззрѣніе современной лингвистики, а именно, что основа армянскаго языка индо-европейскій, — оснанивается извѣстнымъ армянистомъ, проф. Н. Я. Марромъ. По нашей просьбѣ Н. Я. любезно прислалъ

вали вмѣстѣ съ ними то цѣлое, которое называется армянскимъ языкомъ — лингвистическій процессъ, явившійся результатомъ воздѣйствія извѣстныхъ культурно-историческихъ факторовъ⁶⁾.

Между этими факторами наиболѣе важными являются, безъ сомнѣнія, слѣдующіе: 1) культурное вліяніе сосѣднихъ народностей; 2) столкновение съ извѣстными племенами на общей территоріи, результатомъ чего являлось отчасти вытѣсненіе, отчасти поглощеніе этихъ племенъ. Вліяніе болѣе или менѣе культурныхъ сосѣдей мы имѣемъ, напримѣръ, въ фактѣ присутствія въ армянскомъ языкѣ (главнымъ образомъ въ лексикѣ, рѣже въ грамматикѣ) заимствованій изъ языка персидскаго различныхъ эпохъ (преимущественно изъ языка эпохи Аршакидовъ и Сасанидовъ, такъ называемаго «средне-персидскаго»⁷⁾), сирскаго⁸⁾, греческаго⁹⁾ и др.¹⁰⁾, а также

намъ (въ письмѣ изъ С.-Петербурга, отъ 14 дек. 1901 г.) формулировку своего взгляда на родственныя отношенія армянскаго языка съ другими, которую мы и выписываемъ почти цѣлкомъ; вотъ эта формулировка:

1) Грузинскій, вмѣстѣ съ родственными языками (сванскимъ, мингрело-лазскимъ и т. д.), находится въ генетическомъ родствѣ съ семитическими.

2) До-арійскій [гермизъ «арійскій» проф. Марръ употребляетъ въ значеніи «индо-европейскій»] армянскій языкъ находится въ родствѣ съ грузинскимъ, какъ напр. мингрельскій съ грузинскимъ. До-арійскій армянскій языкъ не исчезъ изъ Арменіи безслѣдно: онъ сохранился въ наличномъ армянскомъ (въ древне-армянскомъ классическомъ и т. д.) въ видѣ многихъ переживаній. Онъ, кромѣ того, повліялъ на дифференціацію того арійскаго нарѣчія, которое осяло въ Арменіи».

Взглядъ на родство грузинскаго съ семитскими впервые печатно былъ высказанъ проф. Марромъ въ груз. газетѣ «Иверія» за 1886 г. (№ 86); далѣе, взглядъ на родство армянскаго («до-арійскаго») съ грузинскимъ и возведеніе «армяно-грузинской» вѣтви къ тому же началу, откуда выдѣлилась и семитская вѣтвь, мы находимъ въ слѣдующихъ трудахъ петербургскаго армянина: *Грузинскій изводъ сказки о трехъ остроумныхъ братьяхъ изъ «Русудаваніи»* (Сборникъ факультета восточныхъ языковъ *Восточныя Записки*, С.-Петербургъ, 1895, стр. 227—228); *Къ вопросу о задачахъ арменовѣдѣнія*, С.-Петербургъ, 1899, стр. 7 (= *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1899, июль); отдѣльные лексические примѣры находимъ, въ различныхъ мѣстахъ, въ *Сборникахъ притчъ Вардана*, ч. I (Издѣловіе), С.-Петербургъ, 1899 и въ *Текстахъ и речевыхъ примѣрахъ по армяно-грузинской филологіи*, [ч.] III, С.-Петербургъ, 1901. («Изданія факультета вост. языковъ Императорскаго с.-петербургскаго университета, № 5»).

Мы воздерживаемся пока высказаться по вопросу о грузино-армянскомъ родствѣ, такъ какъ специальное изслѣдованіе проф. Н. Я. Марра по этому вопросу еще не появилось въ свѣтъ.

6) Такимъ образомъ, армянскій языкъ представляетъ для лингвистовъ еще специальный интересъ, какъ языкъ, въ значительной степени, смѣшаннаго характера. (Срв. по этому вопросу вступительную лекцію проф. И. А. Бодуэна-де-Куртена — *О смѣшанномъ характерѣ всего языка*, напечатанную въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1901 г., сент., стр. 12 и слѣд.; въ частности объ армянскомъ языкѣ см. тамъ же, стр. 16). Срв. также статью Hirt'a — *Die Verwandtschaftsverhältnisse d. Indogermanen* въ I. F., IV, p. 36 sq. и у Kretschmer'a, *Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache* (Göttingen, 1896), p. 120, гдѣ есть интересное замѣчаніе по поводу вліянія языка «ванскихъ» надписей на армянскій.

7) Наиболѣе изслѣдованъ «средне-персидскій» лексикальный (и суффиксальный) составъ, вошедшій въ армянскій языкъ; см. отдѣлъ *Die persischen Lehnwörter im Armenischen* въ трудѣ проф. Гюбшмана — *Armenische Grammatik*, I, p. 9 sq., заключающій подраздѣленія: *Persische Namen* (pp. 17—91) и *Persische Wörter* (pp. 91—259). Какъ совершенно вѣрно указано Гюбшманомъ, значительное большинство средне-персидскихъ заимствованій относится къ параванской эпохѣ (время Аршакидовъ), а не къ сасанидской. Значительное число заимствованій мы имѣемъ въ армянскомъ также изъ ново-персидскаго (у Гюбшмана, *о. с.*, pp. 259—280: *Neupersische und arabische Wörter*).

Считаемъ нелишнимъ, пользуясь случаемъ, обратить вниманіе изслѣдователей *иранско* лексикальнаго элемента въ армянскомъ языкѣ на слѣдующія обстоятельства:

1) До сихъ поръ, говоря о персидскихъ заимствованіяхъ, изслѣдователи обращали вниманіе лишь на значительнѣйшую ихъ часть — именно на заимствованія *средне-* и *ново-персидскія*. Такимъ образомъ, ими какъ бы оставленъ въ сторонѣ вопросъ, нѣтъ ли среди персидскихъ заимствованій въ армянскомъ языкѣ такихъ, которыя можно было бы возвести къ эпохѣ *древне-персидской* или, точнѣе, къ *до-параванской* вообще. Имѣя въ виду, что древняя Арменія одно время входила въ составъ владѣній Ахеменидовъ, а слѣдовательно подлежала воздѣйствію древне-персидской культуры, — мы можемъ ео ipso искать слѣды этого культурнаго вліянія и въ области древне-армянскаго языка. *Среди значительнаго состава персидскихъ заимствованій въ армянскомъ языкѣ, можно выдѣлить (въ чемъ мы не сомневаемся) такихъ, которыя восходятъ къ древне-персидской или, точнѣе, до-параванской эпохѣ.* На нѣкоторыя изъ такихъ заимствованій мы уже указали (на основаніи соображеній, вызываемыхъ фонетическими особенностями) въ *Этюдахъ по армянской диалектологіи*, II, стр. 22. См. также Meillet — *La déclinaison et l'accent d'intensité en Perse* (Extrait du *Journal Asiatique*), Paris, 1900. — На фактъ существованія въ древней Арменіи заимствованнаго древне-персидскаго *собственно* имени Dādarš-š («Name eines Armeniers», Вh. II, 29, 31, 48 etc.) — Spiegel, *Die altpers. Keils. Glossar*, s. v.) уже обращено вниманіе Гюбшманомъ, *Arm. Gramm.*, I, p. 15. (Въ армянскихъ памятникахъ мы этого имени не встрѣчаемъ).

2) Изслѣдователямъ слѣдуетъ обратить вниманіе также и на возможность присутствія въ армянскомъ заимствованій изъ *авестійскаго* языка (*Zendā*), имѣя въ виду, съ одной стороны, что этотъ языкъ, насколько дознано въ настоящее время, есть языкъ древней Мидіи (cf. Darmesteter, *Études Iraniennes*, I, pp. 12—13), съ другой — что подлѣ культурнымъ вліяніемъ этой страны также находилась одно время Арменія, будучи отъ нея зависима. Быть можетъ,

изъ языковъ «кавказскихъ»¹¹⁾. Выясненіе этихъ культурныхъ струй, съ разныхъ сторонъ направлявшихся въ Арменію—задача сравнительно легкая, такъ какъ языки: персидскій (различныхъ эпохъ), сирскій, греческій и т. д. намъ извѣстны въ достаточной степени¹²⁾.

Гораздо труднѣе выяснитъ этнической составъ армянскаго языка по отношенію къ языкамъ тѣхъ племенъ, о которыхъ наши свѣдѣнія болѣе чѣмъ ограничены, и объ языкахъ которыхъ мы или ничего не знаемъ или наши свѣдѣнія очень немногочисленны и шатки. Это, именно, тѣ племена, съ которыми впервые столкнулся армянскій народъ, водворяясь на территоріи будущей Арменіи. Въ вліяніи языковъ этихъ племенъ на армянскій мы и должны видѣть древнѣйшія культурныя теченія, въ той или другой степени оказавшія свое воздѣйствіе на его организмъ.

нѣкоторыя изъ заимствованій, которыя можно было бы возвести къ древне-персидскому, придется отнести къ авестійскому (разумѣется въ томъ случаѣ, если звуковой видъ формы слова уже самъ по себѣ не будетъ въ состояніи рѣшить вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ).

3) Списокъ *иранскихъ* заимствованій въ армянскомъ языкѣ слѣдуетъ дополнить тѣми *ново-персидскими* заимствованиями, которыя мы въ большомъ количествѣ встрѣчаемъ какъ въ памятникахъ «средне-армянскаго», такъ и въ живыхъ, современныхъ ново-армянскихъ діалектахъ. Съ другой стороны, слѣдуетъ имѣть въ виду также и *курдскія* заимствования въ извѣстныхъ діалектахъ ново-армянскаго языка (какъ то: мушскомъ, ванскомъ и др.).

*) См. работы Гюбшмана: *Die semitischen Lehnwörter im Altarmenischen* (въ *Z. D. M. G.*, XLVI, p. 226 sq.), а также отдѣлъ: *Die syrischen Lehnwörter im Armenischen* въ его *Armenische Grammatik*, I, p. 281—321.

Говоря о семитскомъ элементѣ въ армянскомъ языкѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующее:

1) Въ армянскомъ языкѣ мы вправѣ искать также заимствования изъ ассирійскаго, причемъ не слѣдуетъ забывать, что нѣкоторыя изъ этихъ заимствованій могутъ быть разсматриваемы не какъ непосредственныя, а какъ перешедшія черезъ посредство языка «ванцевъ» (или урартцевъ), находившихся, какъ извѣстно, подъ сильнымъ культурнымъ вліяніемъ Ассиріи. [На необходимость считаться съ этимъ обстоятельствомъ обращаетъ вниманіе также и Jensen, *Hittiter und Armenier*. Strassburg, 1899, p. 214].

[Въ связи съ предполагаемымъ Jensen'омъ родствомъ хеттовъ (Hatio-) съ армянами, ассирійскіе и др. элементы въ армянскомъ языкѣ получаютъ совершенно новое освѣщеніе («Im Armenischen findet sich eine Reihe von Wörtern, die an sumerische und semitische, darunter spezifisch neubabylonische, anklingen, und demnach zu beweisen scheinen, dass die Armenier vor der Einwanderung in ihre jetzigen Sitze in oder nicht weit von Vorderasien und zwar in der Nähe der semitischen Gebiete, also etwa, wie die Hattier, in Nordsyrien und nördlich davon ansässig gewesen sind»). *O. c.*, p. 203]. См. также Brockelmann, *Ein assyrisches Lehnwort im Armenischen* въ *Zeitschrift f. Assyriologie etc.*, XIII (за 1899 г.), pp. 327—328].

2) Арабскій элементъ (еще недостаточно выясненный, см. у Гюбшмана, *Armenische Grammatik*, I, 259 sq.) вошелъ въ армянскій языкъ не какъ послѣдствіе арабскаго владычества надъ Арменіей (съ половины VII-го столѣтія), но вслѣдствіе перевода многихъ арабскихъ ученыхъ трактатовъ (на средне-армянскій), начиная съ XII-го вѣка. Выясненіе состава арабскихъ заимствованій въ средне-армянскомъ находится въ связи съ дальнѣйшимъ изученіемъ текстовъ и памятниковъ пока еще мало изслѣдованной средне-армянской письменности. Списокъ арабскихъ заимствованій долженъ быть дополненъ тѣми, которыя черезъ посредство другихъ языковъ (главнымъ образомъ турецкаго) проникли въ ново-армянскіе діалекты (а также уже и въ средне-армянскій).

*) См. трудъ Brockelmann'a, *Die griechischen Fremdwörter im Armenischen* (въ *Z. D. M. G.*, XLVII, pp. 1—42), использованный Гюбшманомъ въ его работѣ—*Die griechischen Lehnwörter im Armenischen* въ *Armenische Grammatik*, I, pp. 323—389; здѣсь же мы находимъ внесенными и латинскія заимствования, проникшія въ раннюю эпоху черезъ греческій. Греческія слова оставались, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, словами книжными, т. е. употреблялись лишь въ научномъ обиходѣ.—Для дальнѣйшей исторіи греческаго лексикальнаго элемента въ армянскомъ языкѣ важна работа проф. А. Thumb'a—*Die griechischen Lehnwörter im Armenischen. Beiträge zur Geschichte der κοινή und des Mittelgriechischen* (въ *Byz. Z.*, IX, pp. 388—452). [Срв. обстоятельную рецензію А. Meillet (на франц. языкѣ) въ арм. журналѣ «*Видникъ*» (*Banasir=Philologus*). Парижъ, т. III, вып. 2/3, стр. 71—75].

10) Такъ, напримѣръ, мы имѣемъ немногочисленныя заимствования изъ французскаго языка (проникшія въ армянскій въ эпоху крестовыхъ походовъ); см. у Гюбшмана, въ *Armenische Grammatik*, I, pp. 389—391 (рубрика: *Französische Wörter*); срв. также у Karst'a, въ его прекрасномъ и образцовомъ трудѣ—*Historische Grammatik des Kilikisch-Armenischen*. Strassburg, 1901, p. 36 sq. (Anhang: *Die Fremdwörter und ihre Wiedergabe*).

11) Подъ «кавказскими» языками мы разумѣемъ не-индо-европейскіе языки Кавказа. Заимствования (немногочисленныя) изъ нихъ въ армянскомъ указаны Томасчек'омъ, *Deutsche Literaturzeitung*, 1893, p. 1254, и особенно Bugge, *K. Z.*, XXXII, p. 82 sq. (рубрика: *Lehnwörter aus nicht indogerm. kaukasischen Sprachen*). При разсмотрѣніи вопроса о «кавказскихъ» заимствованияхъ въ армянскомъ, слѣдуетъ имѣть въ виду критическія замѣчанія, высказанныя (по поводу сопоставленій Томасчек'a и Bugge) Гюбшманомъ, въ *Armenische Grammatik*, I, p. 596 sq.

12) Для полноты отмѣтимъ, что за послѣдніе годы поднятъ вопросъ о взаимномъ вліяніи угро-финской семьи языковъ на армянскій и обратно. См. замѣтки Patrubány въ статьѣ—*Ungarische Etymologien* (въ *Sprachwissenschaftl. Abh.*, I, p. 1 sq.), а также статью А. Gleye—*Ugro-finnischer Einfluss im Armenischen* (въ *Keleti Szemle=Revue Orientale*. Budapest, II, pp. 157—159). Относительно работы Gleye пока замѣтимъ, что она не можетъ не вызывать частныхъ возраженій по поводу отдѣльныхъ сопоставленій. (Работѣ этой мы намѣрены посвятить особый разборъ).

Какъ извѣстно, историческая жизнь армянскаго народа начинается съ водворенія на территоріи, занятой инымъ народомъ, т. е. съ завоеванія. Откуда появилось въ предѣлахъ Малой Азіи армянское племя и какими путями оно распространялось, пока водворилось на своей исторической территоріи — это вопросъ, еще ожидающій своего окончательнаго разрѣшенія¹³⁾. Для насъ, собственно, важно отмѣтить результаты борьбы, произошедшей между туземцами и пришлымъ элементомъ: армяне вытѣсниютъ прежнихъ насельниковъ и занимаютъ ихъ мѣста; такимъ образомъ, на руинахъ одной культуры возникаетъ другая. Это событіе было слишкомъ многозначительнымъ моментомъ въ жизни армянскаго племени, чтобы не оставить послѣ себя воспоминаній въ народной памяти. И мы, дѣйствительно, у Моисея Хоренскаго, въ его «Исторіи Арменіи», не разъ встрѣчаемся съ отголосками этихъ воспоминаній. Не приводя всѣхъ относящихся сюда мѣстъ, мы ограничимся лишь нѣкоторыми изъ нихъ, въ которыхъ это событіе выступаетъ наиболѣе рельефно. Вотъ эти мѣста¹⁴⁾:

Кн. I, гл. 10: *Արու՛մ ոչ կամեցեալ Հայկայ՝ Հնազանդ լինել Բելլոյ, յիս ծնանկոյ զորդի իւր զԱրմենակ ՚ի Բարեղունի, չու արարեալ զնայ յերկիրն Արարազայ, որ է ՚ի կողմանս Հրասիտոյ, Հանդերձ որդւո՛վք իւրովք և զսանբօք և որդւոյ որդւո՛վք..... երթեալ բնակէ ՚ի լեռնատին միւսւմ ՚ի դաշափայրի, յորում սակաք ՚ի մարզկանէ յառաջագոյն ցրուելոյն զազարեալ բնակէին զորս Հնազանդ իւր արարեալ Հայկ.....* т. е. «....Хайк¹⁵⁾, не желая покориться Балу, послѣ рожденія сына его, Арменака, въ Вавилонѣ, двинувшись пошелъ въ землю Араратскую, что въ странахъ сѣвера, съ сыновьями, дочерьми и сыновьями своихъ сыновъ.... (Здѣсь) онъ поселился у подошвы горы на полянѣ, *идѣ жило уже небольшое число еще прежде разстѣвшихся людей, которызъ Хайкъ подчинилъ себѣ*». — Приводя эти строки изъ Маръ-Абаса, своего источника для древнѣйшаго періода армянской исторіи, Моисей Хоренскій присовокупляетъ отъ себя: «Это оправдываетъ древнія устныя сказанія» (*Այս արդարացուցանէ զանգիր ասացեալ զընդս*).

Кн. I, гл. 12: *Բայց սքանչելի իմն ասէ պատմագիրն, թէ ՚ի յուզ անդիս գտան բնակեալ ՚ի մարզկանէ յերկիրս միւսւմ ցան և ցիր սակաք յառաջ քան զգալուստ բնկին մերոյ նախնւոյն Հայկայ, т. е. «Но историкъ [Маръ-Абасъ] говоритъ нѣчто (достойное) удивленія: до прихода кореннаго предка нашею, Хайка, во мнозиыхъ мѣстахъ нашей страны разбросанно жило небольшое число людей».*

Кн. II, гл. 8: *Այլ մտացաք և զգճնայ Սլաքն անուանեալ այր. զոր ոչ կարեմ Հաւատուեալ ասել, ՚ի Հայկոյ ևթէ յառաջագունից քան զնա եզելոյ յաշխարհին, զոր Հին զընդքն պատմն լինել, т. е. «Мы было забыли свирѣпаго мужа Слакха, который, не могу сказать навѣрное, отъ Хайка ли происходитъ, или отъ *аборигеновъ*¹⁶⁾, бывшихъ въ странѣ до него, о чемъ повѣствуютъ древнія сказанія».*

¹³⁾ Здѣсь мы не ставемъ излагать взгляды на эти вопросы (они, болѣе или менѣе подробно, резюмированы у Гюбшмана, *Armenische Grammatik*, I, p. 399 sq., а также въ статьяхъ: проф. Д. Анучина, *Армяне въ антропологическомъ и географическомъ отношеніи*, въ сборникѣ *Братская помощь Армянамъ*, 2-е изд., стр. 361 и слѣд. — арм. пер. (Вагаршанъ, 1890) стр. 29 и слѣд., Н. Zimmerer, *Armenien*, въ органѣ «Нѣмецко-азіатскаго общества» *Asien*, 1901, № 1, p. 6 sq.] — и лишь ограничимся указаніемъ на основныя работы; вотъ литература предмета: Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, I, p. 295 sq.; II, pp. 41, 58; Tomaschek, *Die alten Thraker* (въ *Sitzungsberichte* вѣнской академіи наукъ, Bd. CXXVIII), I, p. 4; Belck и Lehmann, *Chaldische Forschungen* (въ *Verhandlungen d. Berliner anthropolog. Gesellschaft*, Bd. CXXVIII), I, p. 4; Jensen, *Hittiter und Armenier*. Strassburg, 1898; Zimmerer и Oberhammer, *Durch Syrien und Kleinasien* (Berlin, 1899) въ главахъ: «Zur Bevölkerung Kleinasiens» и «Kappadokien»; Fr. Murad, *Ararat und Mosis. Studien z. armen. Altertumskunde und Litteratur*. Heidelberg, 1901, p. 5 sq. и нѣк. др. Срв. также обшія статьи: Geizer'a *Armenien* въ *Real-Encyclopädie f. protest. Theologie u. Kirche* и Baumgartner'a, *Armenia* въ *Realencyclopädie Pauly* — Wissowa. — Для вопросовъ по антропологии армянъ важны работы: Luschan'a, Вирхова, Sergi (см. вышеприведенныя статьи: Анучина, стр. 357; Zimmerer'a, въ *Asien*, p. 7, а также у Jensen'a, *Hittiter und Armenier*, p. 214 sq.) и Анучина.

¹⁴⁾ Приводимъ по венеціанскому изданію 1843 г. (*Opera omnia*) и въ новомъ переводѣ проф. Н. О. Эмиля (*Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго. Новый переводъ* Н. О. Эмиля. Посмертное изданіе. Москва, 1893 г. — *Этнографическій фондъ Н. О. Эмиля*, вып. I).

¹⁵⁾ Легендарный основатель армянскаго царства.

¹⁶⁾ Въ подлинникѣ: *yağadaganich khan zna eřeloch uazgarhiin*, собс. «отъ ранѣе находившихся въ странѣ, чѣмъ онъ».

Всё только что приведенные цитаты из Моисея Хоренского¹⁷⁾ — глухие отголоски, так сказать, «до-армянской» культуры — не оставляют никакого сомнения, что армянский народ, выступая на арену исторической жизни и водворяясь на своей новой территории, столкнулся с носителями иных культур, исконными насельниками данной территории. Сколько было таких культур — вопрос, на который, быть может, лишь со временем наука будет в состоянии дать более или менее удовлетворительный ответ¹⁸⁾. Пока же мы можем констатировать наличие лишь одной высокой и мощной культуры — культуры «урартского», «хальдского», «аларо-

¹⁷⁾ Заметьте мимоходом, что эти свидетельства о до-армянской эпохе Армении, находимые у Моисея Хоренского и получившие надлежащее освещение лишь с изучением клинописных памятников — ассирийских и урартских — особенно важны для характеристики и выяснения научной ценности его исторического труда. Мы не сомневаемся, что дальнейшее изучение урартских древностей прольет еще более света на известные места в «Истории Армении» Моисея Хоренского. Это обстоятельство особенно следует иметь в виду тем, кто занимается критическим изучением труда «отца армянской истории». Чтобы не быть голословными, мы предлагаем обратиться к труду М. В. Никольского, *Клинообразные надписи Закавказья*, стр. 15—16 (объ укрѣпленных мѣстах Большого Арарата; срв. Моисей Хор., кн. I, гл. 12; стр. 32 и слѣд. (по поводу отождествления «Армавира» Моисея Хоренского с Argisti-hini-li вавских клинописей). Далее, считаем нужным обратить внимание также и на следующие строки, читаемые в интересной замѣткѣ W. Belck'a — *Bauten und Bauart der Chalder* (составляющей третью часть его и С. Lehmann'a статьи — *Chaldische Forschungen*): «Ich wollte hier nur an der Hand einiger Beispiele von Neuem darauf hinweisen, dass die Angaben des Moses von Chorene, wenn ihrer sagenhaften Gewandung und Verkapselung entkleidet, sehr wohl mit zur Reconstruction der ältesten Geschichte Armeniens, bezw. des Reiches Chaldia benutzt werden können, und dass darin häufig genug werthvolle Fingerzeige für die archäologische Forschung enthalten sind. An anderer Stelle werde ich ausführlicher nachweisen, dass bei Moses von Chorene auch äusserst werthvolle, fraglos glaubwürdige Mittheilungen über die älteste Geschichte der heutigen Armenier zu finden sind, dass sich namentlich aus seinen Angaben theils direct, theils indirect nicht nur ergibt, dass...» (*Zeitschrift f. Ethnologie*, Bd. 27 [1895], *Verhandlungen d. Berl. Gesellschaft f. Anthr., Ethnologie u. Urgesch.*, p. 606).

Изъ всего вышесказаннаго ясно, насколько важнымъ моментомъ является освѣщеніе начальныхъ страницъ «Истории Армении» Моисея Хоренскаго фактами, доставляемыми изучениемъ урартскихъ древностей и обратно. Въ виду этого, конечно, нельзя согласиться съ Гр. Халатьянцемъ («Армянскій эпосъ изъ истории Армении Моисея Хоренскаго. Москва, 1896, стр. 111), находившимъ возможнымъ устранивать «историю Урартійцевъ (Урарту=Араратъ)» при изученіи извѣстій по «изначальной» истории Армении у Моисея Хоренскаго.

¹⁸⁾ Хотя вопросъ о тѣхъ народностяхъ, съ которыми пришлось столкнуться армянскому племени (по мѣрѣ постепеннаго включенія ихъ въ предѣлы исторической Армении) и до известной степени арменизировать, — еще недостаточно исследованъ, но онъ уже поставленъ на очередь и обращаетъ на себя все болѣе и болѣе вниманія. Какъ извѣстно, еще Кннертъ (въ *Handbuch der Alten Geographie*. Berlin, 1878, p. 79 sq.) указалъ на присутствіе въ предѣлахъ исторической Армении (преимущественно на ея окраинахъ) разнообразныхъ этнографическихъ элементовъ (см. въ особенности §§ 79, 83, 84). Гюбшманъ, въ статьѣ *Die altarmenischen Personennamen*, на основаніи разсмотрѣнія географическихъ названій, пришелъ къ заключенію, что «sass eine dichtere armenische Bevölkerung nur in Hocharmenien, Aïarat, Turuberan und Vaspurakan» (*Festgruss an R. Roth*. Stuttgart, 1893, p. 100, 3-е подстр. прим.), между тѣмъ какъ «in Tsophkh [Ծոփխ] und Adznikh [Աճնիխ] überwogen wohl die Aramäer und Kurden, wie in Mokkh und Kortšaikh [Մոքիխ]», in den übrigen (nördlichen und nordöstlichen) Provinzen Kaukasische Stämme» (l. c.). [Срв. также у него въ *Armenische Grammatik*, I, p. 405]. Въ 1895 году Томашекъ, въ своемъ изслѣдованіи *Sisun und das Quellengebiet des Tigris* (= *Sitzungsberichte d. Kais. Akademie d. Wiss. in Wien, phil.-hist. Classe*, Bd. CXXXIII; арм. переводъ въ *Handes Ansoareay*, 1896, начиная съ № 2, и отдѣльно) также обратилъ вниманіе на существованіе въ Армении не-армянскаго этнографическаго (и лингвистическаго) элемента, указавъ, между прочимъ, на свидѣтельство византийскаго писателя (начала VII вѣка) Георгія Кипрекаго (Εἰς δὲ καὶ οἱ οἰκοῦντες εἰς τὸ βρος τοῦ Τσιῖρου πλησίον τοῦ αὐτοῦ κλίμακος λαοὶ δύο, ὀνομαζόμενοι ὁ μὲν εἰς Χοβαίται [срв. названіе армянской области Xoith-Խոյթъ въ провинціи Turuberan], ὁ δὲ ἕτερος Σαλασοῦνται [срв. названіе армянской области Sasunkh, Sanasun въ провинціи Arjnikh-Արձնիխ]). Томашекъ выставляетъ на видъ, что на ряду съ господствовавшимъ въ странѣ армянскимъ языкомъ могли продолжатъ свое существованіе также и мѣстные (т. е. исконные) языки, особенно въ отдаленныхъ отъ центра областяхъ. Далѣе, отмѣтимъ, вслѣдъ за Nöldeke (*Zwei Völker Vorderasiens* въ *Z. D. M. G.* [1879] Bd. XXXIII, pp. 157—165), особую народность, называвшуюся по сирски Urjāyū (= греч. Ὀρταίοι), территория которой находилась въ древне-армянской области Վոսթիթ (Haujith, у Птолемей, 5, 12, Ἀρζιτα и т. д.), составлявшей часть провинціи Четвертой Армения (l. c., pp. 163—165).

Принимая въ соображеніе фактъ разнообразія первоначальнаго этническаго состава Армении, Гюбшманъ (*Armenische Grammatik*, I, p. 518 sq.) склоненъ видѣть въ перечисляемыхъ армянскимъ грамматикомъ XIV вѣка Іоанномъ Ерзнкійскимъ (Թովմածեալ Երզնկացի) семи армянскихъ *диалектахъ* (см. объ этомъ въ нашей статьѣ — *Армянская диалектологія*. Москва, 1898, стр. 4=арм. переводъ Мѣнѣвиѣан'а [Віна, 1899], стр. 5 и слѣд.=срв. англ. изданіе Grauh въ *Proceedings of the American Philological Association*, vol. XXXII, p. 127) отдѣльные, самостоятельные языки. Какъ ни остроумно такое предположеніе, однако врядъ ли можно быть увѣреннымъ, что Іоаннъ Ерзнкійскій (или точнѣе тотъ источникъ, изъ котораго почерпнуты приводимыя имъ свѣдѣнія) имѣлъ въ виду отдѣльные языки, отличные отъ армянскаго.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ отмѣтить, что фактъ распространенія вмѣстѣ съ армянскою культурою

дйского» или «ванского» народа, съ незапамятныхъ временъ населявшаго страну, известную изъ ассирйскихъ памятниковъ подъ именемъ Ugartu, съ которымъ тождественно древне-еврейское אַגָּאֵי (= согласно пункторамъ) Agāgāi и переданное Геродотомъ — III, 94; VII, 79 — названіе народа 'Алародіи¹⁹⁾, а изъ туземныхъ — Віаіна (срв. армянское Van — какъ названіе города²⁰⁾). Эта культура въ настоящее время начинаетъ понемногу выясняться, благодаря чтенію такъ называемыхъ «ванскихъ» (= «урартскихъ», «хальдскихъ», «алародійскихъ») клинообразныхъ надписей. Хотя самый «языкъ надписей» еще не удалось отождествить ни съ одною изъ известныхъ намъ лингвистическихъ группъ²¹⁾» (М. В. Никольскій — *Древняя страна Урарту [Араратъ] и*

армянскаго языка въ странахъ съ иными этническими элементами быть можетъ позволительно усмотрѣть въ томъ народномъ сказаніи (приводимомъ Моисеемъ Хоренскимъ [изъ Маръ Абаса Катина] въ кн. I, гл. 14 его «Исторія Арменіи») объ легендарномъ царѣ Арамѣ, въ которомъ говорится, что этотъ Арамъ приказалъ жителямъ покоренной страны «учиться рѣчи и языку армянскому» (*բայր հրահան արար թագաւոր արար ինն աստուծու զհրահան և զլեզուս հայկականն*).

¹⁹⁾ М. В. Никольскій полагаетъ, что съ ассирйскимъ Ugartu тождественно «ванское» (урартское) Urtaḫini (собс. Ur-ta-ḫi-i-ni), читаемое на надписи ванскаго царя Сардури II, находящейся около селенія Захалу; см. *Клинообразныя надписи Захавала*, стр. 4 и, особенно, 117—118 (надпись подъ № XV, l. 5); срв. у него же, въ статьѣ — *Древняя страна Урарту [Араратъ] и слѣды ассиро-авилологической культуры на Кавказѣ*, стр. 20 отд. оттиска изъ *Земледѣлія* (1895 г., кн. I).

Древне-еврейское אַגָּאֵי (Agāgāi) является, какъ это дознано въ настоящее время, названіемъ не библейской горы, но известной страны; подробности по этому поводу собраны у Murad'a — *Ararat und Masis etc.*, Heidelberg, 1901, pp. 1—5. Срв. также у Патканова — *Ванскія надписи и ихъ значеніе для исторіи персидской Азии*, С.-Петербургъ, стр. 95 и слѣд.

Относительно 'Алародіи въ «Энциклопедіи» Pauly-Wissowa читаемъ слѣдующую замѣтку Baumgartner'a: «Alarodii (Алародіи), pontisches Volk, zur Zeit des Darius I mit Matienern und Saspeiren zusammen den 18 Abgabenbezirk bildend und im Zuge des Xerxes gleiche Bewaffnung, wie die Kolchier führend...» (*Realencyklopädie*, s. v.).

Форма 'Алародіи, сравнительно съ формами Ugartu, Urtaḫini (?), Agāgāi, является съ диссимилацией перваго r въ l ('Алародіи изъ *'Алародіи) — явленіе хорошо известное изъ различныхъ эпохъ греческаго языка (см. G. Meyer, *Griechische Grammatik*, § 301; Brugmann, *Grundriss*, I, § 974); подобную диссимилацию мы имѣемъ, напримѣръ, въ беоійскомъ Ἀλαρτοςъ вм. Ἀρλαρτοςъ (Meister, *Die griech. Dialekte*, I, p. 252), аттическомъ Κλάραχοςъ изъ Κρίταρχοςъ элидскомъ Χαλάριοι изъ Χαράριοι, въ приводимой у ак. Латышева, въ *Inscriptiones Ponti Eux.*, формѣ Ἀλαφ[ράτης] (о. с. II, 402, 60) при Ἀλαφράτης (*ibid.* 404, 14) изъ Ἀρπο-, Ἀρφοκράτης и, наконецъ, въ сообщаемой Гесихіемъ glossē — θηλητήρ. κονητός (=θηρητήρ); интересно отмѣтить также ном. грорг. Ὀλοφέρωνς (Collitz, 3549, 20) = Ὀροφέρωνς — ванскаго происхожденія («d. i. nach Wunsch Glück habend», Justi, *Iranisches Namenbuch*, p. 234, s. v.); другіе примѣры см. у G. Meyer'a, l. с. Изъ ново-греч. отмѣтимъ: πλήρη = πρῶρα, ἀρίστερά = ἀριστερά.

Названія Ugartu, Agāgāi, 'Алародіи вполнѣ покрываютъ древне-армянское Արարատ (Aīratat), какъ названіе известной провинціи на картѣ древней Арменіи; отсылая за подробностями, касающимися этого географическаго термина (Aīratat), къ цитированному труду Murad'a, стр. 20 и слѣд., отмѣтимъ здѣсь лишь самую форму армянскаго соответствія. Форма Aīratat вм. Aarat представляетъ примѣръ осмысленія стариннаго наименованія путемъ народной этимологіи: aīr по армянски значить «мужь, vir». (Срв. *Древности Восточныя*, т. II, вып. 2-й, отдѣлъ протоколовъ, стр. 159 — гдѣ «айръ — отецъ» должно быть исправлено въ «айръ — мужь»).

²⁰⁾ Такимъ образомъ, въ армянскую эпоху древнее (урартское) названіе государства (Віаіна) было перенесено на его столицу, которая въ урартскій (ванскій) періодъ называлась Туфра, собс. Ту-и-фра (соотвѣствующее названіе встрѣчается и въ ассирйскихъ памятникахъ; срв. также у Птолемея: Θωσπία и пр.). Обратное, древнее названіе города (Туфра) въ армянскую эпоху было перенесено на область, въ которой оная находилась; въ соответствіи съ Туфра въ армянскомъ является Թոսբ (*Tozb*), Թոսբ (*Tozb* — съ измѣненіемъ z въ z въ положеніи передъ слѣдующимъ звоникомъ); область *Tozb* входила въ составъ одной изъ обширѣйшихъ провинцій древней Арменіи — Vaspurakan. Впрочемъ, названіе Туфра, въ значеніи города, еще продолжало жить и въ армянскую эпоху: мы при названіи города Van (Վան) встрѣчаемъ выраженіе — Վան Թոսբայ (*Van Tosray*), т. е. Ванъ (въ области) Тушны (Моисей Хоренскій, «Исторія Арменіи», кн. III, гл. 35) или цѣлое сложеніе — Վանտոսբ (*Vantosp*) у историка X вѣка Թոմս Արշրույն; подробности см. у Murad'a, *Ararat und Masis*, pp. 6—7.

²¹⁾ Какъ известно, Morđtmanн, первый сдѣлавшій попытку дешифровки ванскихъ надписей, пытался въ то же время сблизить языкъ этихъ надписей съ армянскимъ (см. его статья: *Entzifferung und Erklärung d. armen. Keilschriften von Van und Umgegend* въ *Z. D. M. G.*, XXVI, p. 465 sq.). Попытка эта оказалась неудачною (срв. Hübschmann, *Ueber die Stellung des armen. im Kreise d. indogerm. Sprachen* въ *K. Z.*, XXIII, p. 44 sq., а также Guayard, *Les inscriptions de Van* въ *Journal Asiatique*, 1880, Mai-Juin, p. 540). Неудача Мордмана надолго остановила попытки искать родство между языкомъ урартскаго народа и армянскимъ. Однако, за послѣднее время были сдѣланы некоторые шаги въ этомъ, именно, направленіи. Здѣсь мы имѣемъ въ виду отмѣтить лишь попытку о. Sandaljian'a, неудавшуюся ея автору (см. его работы: *L'idiome des inscriptions cunéiformes urartiques*. Rome, 1898 — срв. обетонительную рецензію о. Я. Д[аньшяна] въ арм. журналѣ *Handès Ansovcay*, 1899, p. 16 sq. — и *Les inscriptions cunéiformes urartiques, transcrits avec une triple traduction interlinéaire*. Venise, 1900).

Довольно много было ученыхъ, которые склонялись къ отождествленію языка «ванскихъ» надписей съ грузинскимъ

сльдъ ассиро-вавилонской культуры на Кавказъ, стр. 5—6 отд. оттиска = *Клинообразныя надписи Закавказья*, стр. 3),—однако его особенности, по крайней мѣрѣ въ своихъ общихъ чертахъ, мало по малу начинаютъ вырисовываться передъ нами. Исслѣдователямъ — Guyard'u, Saucе'y, К. Патканову, D. Müller'y, М. В. Никольскому, С. F. Lehmann'y и др. — уже удалось намѣтить извѣстныя грамматическія формы и составить небольшой глоссарій²²⁾.

Выше мы сказали, что армянское племя утвердилось на почвѣ Арменіи путемъ завоеванія, путемъ вытѣсненія автохтоновъ съ извѣстнымъ культурнымъ прошлымъ. Разумѣется, если эти автохтоны — «Ванцы» (= «Урартцы», «Хальды», «Алародійцы»)²³⁾ — и уступили въ концѣ концовъ свое мѣсто—или, точнѣе, первенство—новому этнографическому элементу, за то, въ свою

(Saucе, *The cuneiform inscriptions of Van etc.*, J. R. A. S., Vol. XIV, Part. 3, p. 411—срв. Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, I, § 247; Lenormant, *Lettres assyriologiques sur l'histoire et les antiquités de l'Asie antérieure*, I. Paris, 1871, 2 письмо: «Sur l'éthnographie et l'histoire de l'Arménie avant les Achémémides» — главные выводы приводятся у проф. К. Патканова, *Нѣсколько словъ о названіяхъ древнихъ армянскихъ мѣстцевъ*. С.-Петербургъ, 1871, стр. 11 и слѣд.; возраженія противъ Леиормана у него-же, *Ванскія надписи* и пр. С.-Петербургъ, 1881, стр. 16; Hommel, *Zeitschr. f. Keilinschriftforschung*, p. 333; срв. также § 1 въ настоящемъ этюдѣ, гдѣ говорится о тождествѣ «ванскаго» pili съ груз. mili).

Guyard, которому мы обязаны *установленіемъ* дешифровки «ванскихъ» надписей, считалъ языкъ «ванскаго» народа за неизвѣстный, т. е. за совершенно особый языкъ («Les inscriptions du lac de Van,— читаемъ въ его первой замѣткѣ. *Les inscriptions de Van*, въ *Journal Asiatique*, 1880, тетрадь Mai-Juin, pp. 540—543, — écrites en caractères cunéiformes assyriens, mais redigées en une langue inconnue...»).

Отдѣльно должно быть упомянуто мнѣніе Г. Теръ-Мкртчяна (онъ же Miaban), предлагающаго считать языкъ современныхъ удинцевъ (живущихъ близъ г. Нухи, въ селеніяхъ: Нижъ и Вардашевъ) за языкъ находящейся въ родствѣ съ языкомъ урартскаго народа. См. его интересную статью: *Արարտեան քիւնայրերի լեզուն (Urtartean beoefagere lezun) = La langue des inscriptions cunéiformes de l'Arménie par G. Ter-Mekertchian*. Вагаршанатъ, 1893, стр. 6 отд. оттиска изъ журнала *Արարտ* [Ararat] за 1893, ноябрь).

Наконецъ, по мнѣнію Belck'a и Lehmann'a (*Ueber neuerlich aufgefundenen Keilinschriften in russisch und türkisch Armenien* въ *Zeitschrift f. Ethnologie*, XXIV, Heft II, p. 130) языкъ «ванскихъ» надписей находится въ родствѣ съ языкомъ народа митани. («Das... Mitanische, eine chetitische Sprache, zeigt in den Bildungselementen und in Lexicon... mehrfach so nahe Anklänge an die Sprache von Van, dass man hier von der Wahrscheinlichkeit einer Verwandtschaft reden kann»). Срв. также у Никольскаго: «Вѣроятно народъ митани былъ одного происхожденія съ урартскимъ». *Клинообр. надписи Закавказья*, стр. 5). Если вѣрно, что митани одно изъ хеттскихъ племенъ (срв. Winckler, *Die Völker Vorderasiens*. Leipzig, 1899, p. 21),—то мы должны имѣть въ виду и теорію ассиролога Jensen'a, считающаго хеттовъ за предковъ армянскаго народа, какъ бы прото-армянами; см. его главный трудъ: *Hittiter und Armenier*. Strassburg, 1898.

Такимъ образомъ, мы, повидному, еще очень далеки отъ выясненія мѣста языка урартскаго («ванскаго») народа въ лингвистической классификаціи!

²²⁾ Отмѣтимъ, что глоссарій къ ванскимъ надписямъ былъ составленъ (въ 1882 г.) Saucе'омъ; см. его капитальную работу—*The cuneiform Inscriptions of Van, deciphered and translated*, помѣщенную въ *Journal of the R. Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, Vol. XIV, Part 3. Грамматическій очеркъ «ванскаго» языка представилъ G. Bertin въ своемъ трудѣ—*Abridged Grammars of the languages of the cuneiform inscriptions*. London, 1888 (часть III-я: *Vannic grammar*).

²³⁾ До сихъ поръ еще не удалось разъяснить происхожденіе урартцевъ, подобно тому, какъ не удалось отождествить ихъ языка ни съ одною изъ извѣстныхъ лингвистическихъ семей. «Мы не знаемъ,—читаемъ у М. В. Никольскаго,—какъ называлъ самъ себя тотъ народъ, на языкѣ котораго написаны ванскія клинообразныя надписи» (*Клинообразныя надписи Закавказья*, стр. 3). Поэтому, въ научной литературѣ этотъ народъ является подъ различными наименованіями (Ванцы, Урартцы и пр.). Леманъ и Белькъ предлагаютъ называть его *Сверыми* или *Понтійскими Халдеями* (или *Халдійцами*, *Халдами*). «Nach meiner Ueberzeugung sind es,—говорятъ они,—s. g. nördlichen oder pontischen Chaldäer, die Chaldäer des Sophocles [Stephan von Byzanz, p. 680 sub 1. S. 298. Χαλδαῖοι εἰσὶ δὲ καὶ Χαλδαῖοι ἔθνος πλησίον τῆς Κολχίδος. Σοφοκλῆς Τυμπανισταῖς: Κόλχος τε Χαλδαῖός τε καὶ Σύρων ἔθνος. Den Hinweis auf diese Stelle verdanke ich Prof. Th. Nöldeke], des Xenophon [Anab. IV, 3, 4. V, 5, 17; vgl. VII, 8, 25] und des Strabo [XII, 549], die uns in den Anbetern des Gottes Chaldi(s) der Inschriften von Van entgegenreten. Es liegt hier ähnlich wie im Assyrischen der Fall vor, dass die Namen des Hauptgottes und des Volkes gleich sind oder an einander anklingen...» (*Zeitschrift f. Ethnologie*, Bd. XXIV, Heft II, p. 131; см. также въ *Zeitschrift f. Ethnologie*, XXVII—отдѣлъ «Verhandlungen» — статью Лемана: *Der Name «Chalder»*, p. 578 sq., въ которой онъ полемизируетъ съ Jensen'омъ по поводу взгляда, высказаннаго имъ въ работѣ—*Grundlagen für eine Entzifferung der (hatischen oder) cilicischen (?) Inschriften*, помѣщенной въ Z. D. M. G. за 1894 г., Bd. XLVIII; срв. также статью Лемана: *Das vorarmenische Reich von Van* въ *Deutsche Rundschau*, XXI, Heft 3, Dec. 1894, pp. 402—418). Срв. также армянское названіе *Քաղդայեր* (Хайти-кх, ном. pl.), напр. Моисей Хоренскій, «Исторія Арменіи», кн. II, гл. 4 (սու. սահմանաբ. Քաղդայեր).

очередь, оказали на него известное, и вероятно довольно значительное, культурное воздействие²⁴). Это культурное воздействие, конечно, должно было сказаться и в области языка, куда могло проникнуть известное количество как лексикальных, так и морфологических (суффиксальных) элементов. Раскрытие этих элементов в армянском языке и является одною из наиболее трудных задач, ожидающих исследователя его истории и состава. В нижеследующих §§-х мы и желали бы обратить внимание на некоторые из таких элементов.

«ВАНСКІЕ» (УРАРТСКІЕ) ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ АРМЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

I. ЭЛЕМЕНТЫ ЛЕКСИКАЛЬНЫЕ.

§ 1. «Ванское» pi-li = арм. mil (𐎎𐎗).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ засѣданій Восточной комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, 18 декабря 1893 г., мы сдѣлали сообщеніе²⁵), въ которомъ пытались доказать тождество армянскаго (средне-армянскаго и народнаго) слова mil²⁶) съ «ванскимъ» (урартскимъ) pi-li и грузинскимъ mil-i. Исходя въ то время исключительно изъ (сообщенныхъ намъ письменно) соображеній проф. Н. Я. Марра, который предполагалъ въ «средневѣковомъ» арм. mil значение: «резервуаръ или иное сооруженіе, куда проходила вода по трубѣ», — мы, на основаніи лингвистическихъ данныхъ²⁷), находили возможнымъ признать въ mil культурное заимствованіе изъ языка клинообразныхъ надписей «ванской» системы. Спустя

²⁴) Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи исторія культуры армянскаго народа представляется аналогичною съ исторіей культуръ многихъ другихъ народовъ.

Въ настоящее время еще не представляется возможнымъ рѣшеніе вопроса, насколько урартское племя приняло участіе въ процессѣ образованія армянской народности, т. е. насколько урарты вошли въ составъ новаго этнографическаго элемента, появившагося на ихъ территоріи. Также мало мы знаемъ о такомъ же участіи и другихъ древнѣйшихъ этнографическихъ элементовъ, которые, повидимому, находились въ тѣсномъ соприкосновеніи съ армянами. Такимъ образомъ, вопросъ объ этнографическомъ синкретизмѣ армянской народности—вопросъ, который представляется интереснымъ и для изученія этнографическаго синкретизма вообще—есть дѣло будущаго.

²⁵) *Къ интерпретаціи ванскихъ надписей*. (Краткое издеченіе изъ даннаго сообщенія помѣщено въ *Археологическія извѣстія и замѣтки*, 1894 г., № 3—4).

²⁶) Встрѣчается въ двухъ надписяхъ г. Ани: одной—1036 г. (Эминъ, *Армянскія надписи въ Карсѣ, Ани и пр.* М. 1881, s. n° 28), другой—1215 г. (*О. с.*, s. n° 34). Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ нашей статьѣ—*Къ интерпретаціи ванскихъ надписей* въ сборникѣ *Харистіана*, p. 395 sq. (=p. 5 sq. отд. изданія).

²⁷) Именно, на основаніи распространеннаго въ языкахъ разныхъ семей общаго фонетическаго явленія замѣны губнаго мгновеннаго (а равно и фрикативнаго) носовымъ соответствующаго класса, т. е. m, и обратно. Къ прежнимъ указаніямъ присоединимъ весьма интересную статью Kretschmer'a—*Zur griechischen Lautlehre: 5. Wechsel von β und μ* (*K. Z.*, Bd. XXXV, p. 603 sq.; здѣсь же указана и предшествующая литература предмета). О чередованіи m|b во фракійско-фригійской вѣтви индо-европейской семьи см. у Kretschmer'a, *Einleitung in die Geschichte d. griech. Sprache*, pp. 236—237.—Относительно греческаго языка см. у G. Meyer'a, *Gr. Gram.*, 3 Aufl., § 180; чередованіе m|b въ заимствованныхъ словахъ въ греческомъ отмѣтимъ, напр., въ Μύλλα=вавил. Belit, о чемъ см. у H. Lewy, *Die Semitischen Fremdwörter im Griechischen* (Berlin, 1895), p. 45. О чередованіи b|m въ египетскомъ, что отражается и на греческихъ транскрипціяхъ собственныхъ египетскихъ именъ, см. у Sethe, *Das ägypt. Verbum*, p. 121.

Для насъ особенно важно отмѣтить здѣсь, со словъ проф. Н. Я. Марра, чередованіе b|m въ грузинскомъ и родственныхъ ему языкахъ: при груз. m въ гурійскомъ является b (напр. vzeга «смотреть»—vzeга). Проф. Марртъ, допускающій родство грузинскаго языка съ семитскими (о чемъ см. въ прим. 5-мъ), указываетъ на случай, когда известный корень въ семитскихъ является съ b, а въ грузинскомъ съ m (въ діал. b); примѣры пока см. въ его трудѣ—*Тексты и разсужденія по армяно-грузинской филологіи*. III (С.-Петербургъ, 1901), стр. XI.VIII.

Въ заключеніе, намъ остается сказать два слова о чередованіи b|m въ армянскомъ языкѣ въ дополненіе къ сказанному въ нашей статьѣ—*Къ интерпретаціи ванскихъ надписей*, стр. 7—8, подстрочн. прим. 17. Существованіемъ въ армянскомъ чередованія b|m должно объяснять такіе параллели, какъ Armog|Arbok, Senekherib—срв. Տեղափոխում, Hübschmann, *Arm. Grammatik*, I, p. 336—и Senekherib; поэтому, нельзя согласиться съ Гр. Халатъянцемъ, толкующимъ форму Armog изъ Arbok, между прочимъ, *палеографически*, именно «смѣшеніемъ [?] m и b вслѣдствіи ихъ сходства» (См. *Армянскій языкъ въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго*. Москва, 1896, стр. 82). Обѣ формы представляютъ лишь фонетическіе варианты.

полгода мы получили свѣдѣніе отъ Галуста Теръ-Мкртчяна (въ его письмѣ отъ 22 мая 1894 г., изъ Эчмиадзина), что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Карабаха (Шушинскій уѣздъ Елисаветопольской губ.) *mil* употребляется въ значеніи «*подземнаго водопровода*»; это свѣдѣніе, равно какъ и другія сюда относящіяся *addenda*, появившіяся со времени доклада вышеупомянутаго сообщенія, заставили насъ вновь пересмотрѣть вопросъ о тождествѣ арм. *mil* и «ванскаго» *ri-li*. Въ результатѣ получилась новая статья, которая, подъ заглавіемъ—*Къ интерпретаціи ванскихъ надписей*, появилась въ *Харистірія* (*Сборникъ статей по филологіи и лингвистикѣ въ честь О. Е. Корша*). Москва, 1896, стр. 391—399, а затѣмъ вышла и отдѣльнымъ изданіемъ (Москва, 1896). Резюмируя въ этой статьѣ наше мнѣніе объ армянскомъ *mil*, мы говорили: «Какъ уже было сказано, съ грузинскимъ *mili* проф. Н. Я. Марръ сопоставляетъ арм. *mil*. Если это сопоставленіе вѣрно, то интересно объяснить отношеніе арм. *mil* къ ванскому *ri-li*. Быть можетъ, арм. *mil* является заимствованнымъ словомъ изъ языка ванскаго народа, занимавшаго часть территоріи Арменіи до появленія на ней армянскаго народа.... Представляется весьма вѣроятнымъ, что изъ ванскаго языка должны были перейти въ армянскій термины, относящіяся къ тѣмъ искусствамъ, которыя процвѣтали у ванцевъ, а однимъ изъ нихъ, несомнѣнно, было искусство проводить каналы, которые сохранились до нашихъ дней. Позволительно, поэтому, предполагать, что въ армянскомъ языкѣ можно будетъ разыскать нѣкоторые термины, заимствованные или, лучше сказать, перешедшіе изъ языка представителей предшествующей культуры, изъ языка ванскаго народа, этой этнографической подпочвы Арменіи» (*Харистірія*, стр. 399 = стр. 9 отдѣльнаго изданія).

Въ настоящее время, мы можемъ сдѣлать нѣкоторыя новыя дополненія, которыя еще болѣе могутъ способствовать выясненію значенія какъ армянскаго *mil*, такъ и «ванскаго» *ri-li*.

Относительно употребленія *mil* въ современной армянской народной рѣчи нами были получены (въ іюль 1897 г.) свѣдѣнія отъ г. Ерванда Шахъ-Азиза (преподавателя Нахичеванской на/Д. армянской духовной семинаріи). Г-нъ Шахъ-Азизъ пишетъ намъ слѣдующее²⁸⁾: «Я помню еще съ дѣтства, что населеніе Эриванской губерніи слово «*mil*» — помимо тѣхъ значеній, которыя приведены вами, въ вашей статьѣ, — употребляетъ также и относительно водяныхъ мельницъ, говоря: *ğağachi milə; ğağachə aiskhan mil uni; aiskhan məlani*²⁹⁾ *ğağach* и пр., подъ тѣмъ разумѣетъ тѣ ручьи [по арм. *ağvak*], которые, протекая черезъ большія деревянныя трубы [*pağdan*], перс. заимствование³⁰⁾], приводятъ въ дѣйствіе поставы мельницы. Въ Арменіи рѣчки, по большей части, протекаютъ черезъ глубокія лощины, вслѣдствіе чего онѣ не въ состояніи доставлять воду для отдаленныхъ водяныхъ мельницъ. Поэтому,стали проводить водопроводы спеціально для водяныхъ мельницъ. Изъ такихъ водопроводовъ нѣкоторые приводятъ въ дѣйствіе по одной мельницѣ, нѣкоторые же, если они велики и обильны водою, приводятъ въ дѣйствіе нѣсколько мельницъ, будучи раздѣлены на нѣсколько «вѣтвей» [*ğicü*]. Такимъ образомъ, значеніе слова *mil* переходитъ и на эти водопроводы; сколько существуетъ водопроводовъ или «вѣтвей» водопровода, столько—и водяныхъ мельницъ. Вотъ смыслъ выраженія: *aiskhan məlani ğağach* [= водяная мельница, имѣющая столько то *mil*] и др.». Далѣе г. Шахъ-Азизъ сообщаетъ, «что по дорогѣ изъ г. Эривани въ селенія *Şengavith* и *Norağavith* находится мѣсто, которое до сихъ поръ назы-

²⁸⁾ Нижеслѣдующая выдержка изъ письма г-на Е. Шахъ-Азиза приводится въ переводѣ съ армянскаго.

²⁹⁾ Производное прилагательное отъ *mil* съ суффиксомъ *-ani*; *məlani* «имѣющій *mil*» правильно изъ *mil-ani*. (См. наши *Этюды по армянской диалектологіи*, I, § 40).

³⁰⁾ Ново-перс. *nāvdān* «canalis»; также употребляется въ ново-армянскомъ и *nav*, заимствованное ново-перс. *nāv-canalīs*, *per quem aqua molam agens fluit*. См. Hübschmann, *Arm. Grammatik*, I, p. 201.

вается Mæler³¹⁾. Вѣроятно, прежде здѣсь находились водопроводы и канавы³²⁾. Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ находится кладбище».

Такимъ образомъ, въ настоящее время мы можемъ установить тотъ фактъ, что слово *mil* со значеніемъ «водопроводъ» (или, во всякомъ случаѣ, какое либо сооруженіе въ этомъ родѣ) еще доселѣ живетъ въ армянской народной рѣчи.

Съ другой стороны и значеніе «каналъ», которое даютъ ванскому *ri-li* Белькъ и Леманъ³³⁾, приобретаетъ все болѣе и болѣе вѣроятія. М. В. Никольскій, который ранѣе слѣдовалъ толкованію Saussure'a («the memorial», т. е. памятникъ), а затѣмъ находилъ болѣе вѣроятнымъ значеніе «надпись»³⁴⁾, — въ настоящее время вполне признаетъ значеніе «каналъ», представляя и со своей стороны немаловажную аргументацію въ пользу такого, именно, толкованія³⁵⁾.

Примѣчаніе. Вѣнскій мхитаристъ, Dr. Я. Дашьянъ (*Sargis*) обратилъ наше вниманіе (январь 1901 г.) на то обстоятельство, что, по его мнѣнію, *ri-li* является древнѣйшею армянскою формою грабарнаго *heṭul* «лить, проливать», сопоставляемого съ лит. *plū*; *pilti* «giessen, schütten» (см. Bugge въ K. Z., XXXII, p. 15; Hübschmann, *Armen. Grammatik*, I, p. 466, s. n° 240, съ прибавкою «unsicher»). Въ такомъ случаѣ, этотъ древнѣйшій армянскій языкъ еще сохранялъ индо-европ. *r- рефлексомъ котораго является грабарное *h-* (срв. *haiṛ* «отецъ» при *katir* и т. д.); что касается *é* (въ *heṭul*), то оно могло бы восходить къ *i*, замѣнявшемуся въ грабарѣ передъ *h* (т) въ *e*; соотвѣтствіе *γ* (*heṭul*) и *l* (*ri-li*) одно изъ обычныхъ. Къ соотношенію *ri-li*: *heṭul* можно было бы привести въ параллель русс. проливъ (въ архангельскомъ нарѣчій—пролой): лить.

Dr. Дашьянъ держится взгляда, что въ языкѣ «ванскихъ» надписей должно видѣть древнѣйшую стадію армянскаго языка.

§ 2. «Ванское» *u-li-š(e)* = арм. *urish* (*ուրիշ*).

Армянское *urish*, спорадически встрѣчающееся въ древне-армянской литературѣ (начиная съ V в.) въ значеніи «хорисъ; seorsim» и болѣе обычное въ ново-армянскомъ литературномъ языкѣ, равно какъ и въ ново-армянскихъ діалектахъ, гдѣ оно употребляется въ качествѣ мѣстоимѣнія «другой», — до сихъ поръ остается необъясненнымъ въ этимологическомъ отношеніи. Ни у Hübschmann'a, ни у Lagarde'a мы ничего не находимъ о немъ. Проф. Meillet, какъ это мы узнали изъ письма къ намъ г-на К. Басмаджяна (изъ Парижа, отъ 8 января 1898 г.), держится того мнѣнія, что арм. *urish* не-индо-европейскаго происхожденія.

Между тѣмъ, въ надписяхъ «ванской» системы читается слово *u-li-š(e)*³⁶⁾, какъ форма ном. sing., со значеніемъ «другой», даваемомъ ему специалистами-кунеологами. Въ виду этого, мы, принимая въ соображеніе, съ одной стороны, фонетическую близость къ «ванскому» *u-li-š(e)*

³¹⁾ Очевидно *plig* отъ *mil*, правильно изъ *milig*; срв. подстрочное примѣчаніе 29.

³²⁾ Какъ мы уже указывали въ нашей статьѣ *Къ интерпретации ванскихъ надписей* (стр. 7 отъ изд.), въ арм. тифлисской газетѣ *Azjaganakh* (1894, № 122) было помѣщено весьма интересное сообщеніе изъ Санаина (Тифл. губ.), въ которомъ говорилось о существованіи въ этой мѣстности источника, называемаго *Mil*.

Въ доводеніе къ вышеприведенному сообщенію г. Е. Шахъ-Азиза считаемъ нужнымъ присоединить свидѣнія, полученные нами отъ проф. С. Егіазарова (также уроженца Эрив. губ.). Изъ составленнаго имъ, по нашей просьбѣ, описанія устройства мѣстной (Эрив. губ.) водяной мельницы, съ обозначеніемъ названій каждой изъ ея составныхъ частей, — видно, что *mil* (по крайней мѣрѣ, въ некоторыхъ мѣстностяхъ) употребляется въ значеніи «железный стержень, который вставляется въ колесо [приводящее къ движенію мельницу]». Такимъ образомъ, это значеніе *mil* примыкаетъ къ уже указанному нами въ статьѣ — *Къ интерпретации ванскихъ надписей*, стр. 6, значенію «ось», являющемуся во многихъ ново-армянскихъ діалектахъ.

³³⁾ См. ихъ ихъ статью — *Ueber neuerlich aufgefundenen Keilinschriften in Russisch und Türkisch Armenien* въ *Zeitschrift für Ethnologie*, Bd. XXIV (1892), p. 136 sq.

³⁴⁾ См. нашу статью — *Къ интерпретации ванскихъ надписей*, стр. 5, подстрочн. прим. 8-е (отъ изд.). Значеніе «Inchrift, Gedenktafeln» видѣлъ въ *ri-li* и D. Müller (*Die Keilinschrift von Aschut-Dorga*, Wien, 1886, p. 23).

³⁵⁾ См. *Ксилообразныя надписи Закавказья*, стр. 57—58. [Цитата изъ относящагося сюда мѣста приведена въ концѣ отдѣльнаго изданія нашей статьи — *Къ интерпретации ванскихъ надписей*, стр. 10, addenda]. Срв. также сообщеніе М. Никольскаго, сдѣланное имъ въ докладѣ Восточной комиссіи Импер. моск. археол. общества, 2 апрѣля 1897 г. (См. *Древности Востока*, т. II, вып. 2, стр. 141). Значеніе «каналъ» принимается для *ri-li* и В. Голенищевымъ, *Надписи древне-ванскаго царя Русы II-го*, С.-Петербурга, 1901, стр. 90.

³⁶⁾ Варианты: *u-li-š(e)*, *u-li-é*.

армянскаго *uḡiṣ*, которое почти покрываетъ его³⁷⁾, а, съ другой, *не*-индо-европейскій характеръ этого мѣстоименія, — полагаемъ, что арм. *uḡiṣ* можетъ быть разсматриваемо какъ заимствованіе изъ урартскаго («ванскаго») языка, въ формѣ ном. sing. (*uli-š[e]*).

На то обстоятельство, что арм. *uḡiṣ* слово заимствованное, можетъ указывать (помимо невозможности найти ему индо-европейскихъ родичей) еще и то, что въ древне-армянскомъ литературномъ языкѣ («грабарѣ») для понятія «другой» обыкновенно употребляются: *ail* «*ἄλλος; alius; λοιπός*», *mius* «*ἕτερος; alter*» и какъ substantiva: *mius omni* или *okh* и *ail omni* или *okh*, тогда какъ *редкое* *uḡiṣ* встрѣчается, какъ мы уже замѣтили, въ значеніи: «*χωρίς; seorsim*». Кроме того, слѣдуетъ замѣтить, что *uḡiṣ* (въ ванскомъ діалектѣ *uḡiṣ*, съ переходомъ *i* въ *ü*, о чемъ см. Adjaḡean — *Lautlehre des Van-Dialektes* въ *Zeitschrift f. Armen. Phil.*, I, pp. 83, 86), встрѣчающееся въ значеніи «другой» въ ново-армянской рѣчи, не представляетъ единственнаго слова для этого понятія; его синонимомъ является сложное мѣстоименіе, въ составъ котораго входитъ старое *ail*, а именно: *mekel* (въ однихъ діалектахъ), *mekal* (въ другихъ).

Въ тѣсной связи съ *uḡiṣ* находится въ грабарѣ *oḡiṣ* (*ողիշ*), являющееся, однако, болѣе распространенною въ памятникахъ письменности формою и съ большимъ количествомъ значеній. *Большой Армянскій Словарь* (Венеція, 1836—1837 гг.) даетъ слѣдующія (греческія и латинскія) значенія для *oḡiṣ*: «*χωρίς, seorsim; ἰδίως, propter; ἴδιος, proprius; διάφορος, diversus, παρηλλαγμένος, distinctus, alienus*» (s. v. *oḡiṣ-ողիշ*). Также встрѣчается повтореніе: *oḡiṣ-oḡiṣ* «различный, различно». Мы склонны думать, что *oḡiṣ* является фонетическимъ вариантомъ къ *uḡiṣ*; быть можетъ, та и другая формы являютъ собою древнія діалектическія разновидности. (Приводимое *Большимъ Армянскимъ Словаремъ* *oḡoṣ-ողոշ* «опредѣленный» [отсюда *verbum denominativum* — *oḡoṣel* «опредѣлять»] въ связи съ *uḡiṣ* — слѣдуетъ, конечно, отдѣлять отъ него).

II. ЭЛЕМЕНТЫ СУФФИКСАЛЬНЫЕ.

§ 3. «Ванскій» суффиксъ -*ni* въ армянскихъ географическихъ и родовыхъ собственныхъ именахъ.

Въ числѣ древне-армянскихъ родовыхъ, а также и географическихъ собственныхъ именъ, весьма часто встрѣчаются такія, которыя оканчиваются на -*ni*. Срв. такія имена «нахарарскихъ» родовъ, какъ напр. *Arḡuni*, *Īštuni*, *Arahuni*, *Amatuni* и пр. (См., напр., «Отрывокъ изъ древнихъ разрядныхъ книгъ армянскихъ» — открытый Ю. Ахвердовымъ и изданный Н. О. Эминымъ въ приложеніи къ его русскому переводу «Исторіи Арменіи» Моисея Хоренскаго, стр. 294 и слѣд. въ изд. 1893 г.). Нѣкоторые изъ армянскихъ ученыхъ, начиная съ «отца армянской исторіи», Моисея Хоренскаго, склонны были объяснять ихъ въ связи съ арм. глаголомъ *uni-l* «имѣть и т. д.». Такъ, напр., Моисей Хоренскій относительно имени *Arḡuni* замѣчаетъ: «*Arḡuni* должны были бы называться *Arḡuni-ni* потому, что они *носили* передъ царемъ *орловъ*³⁸⁾» (М. Хор. II, 7); или, напримѣръ, относительно рода *Guni* говорить: «*Guni*, по моему, означаетъ *Gini-ni*³⁹⁾. (Родоначальникъ этого рода) приготавливалъ для царя напитки. Счастливое совпаденіе имени этого человѣка съ его занятіемъ: онъ приготавливалъ для царя отличныя, вкусныя

³⁷⁾ Арм. *g*, въ соответствіи ванскому *l*, не можетъ служить препятствіемъ къ сопоставленію обѣихъ формъ. Другимъ аналогичнымъ примѣромъ можетъ служить арм. *Arḡi* при «ванскомъ» *Arḡani*. (См. § 3).

³⁸⁾ *Arḡuni* (параллельная форма къ *arḡiv*) «орель», -*ni* въ значеніи «имѣющей, держащей» къ *uni-l* «имѣть и пр.».

³⁹⁾ *Gini* — «вино», -*ni* — «имѣющей, держащей».

вина, и было ему имя Gip» (тамъ же)⁴⁰). Въ настоящее время эта традиціонная этимологія, которая, впрочемъ, и раньше являлась мало убѣдительною, должна быть совершенно оставлена.

Собственные имена на -uni бываютъ не только именами *известныхъ родовъ*, но, какъ мы уже замѣтили, и именами *географическими*, служа названіями известныхъ областей на картѣ древней Арменіи. (Срв. Hübschmann, *Die altarmenischen Personennamen* въ *Festgruss an R. v. Roth*. Stuttgart, 1893, p. 100, 4-е подстрочн. прим.). Какъ географическія собственные имена, исходяція на -uni (обыкновенно во множ. числѣ -uni-kh; срв. Паткановъ, *Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи передней Азии*. С.-Петербургъ, 1881, стр. 115), отмѣтимъ: Ršt-uni-kh, Bud-uni-kh, Vuž-uni-kh, Erith-uni-kh, Pal-uni-kh, Vagažn-uni-kh (въ провинціи Васпураканъ), Geřakh-uni (область въ провинціи Siunikh), Vzn-uni-kh, Arah-uni-kh (области въ провинціи Туруберагъ) и мн. др. Нѣкоторыя изъ собственныхъ именъ на -uni служили одновременно и родовыми и географическими; срв., напримѣръ, названіе области—Rštunikh и нахарарскаго рода—Rštuni (Rštuneach tēg = владѣтель Rštunikh) или названіе области—Arahunikh и нахарарскаго рода—Arahuni (Arahuneach tēg = владѣтель Arahunikh) и т. д. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія уже Моисея Хоренскаго, который въ 8 главѣ II книги своей «Исторіи Арменіи», приводя нѣсколько именъ нахарарскихъ родовъ, говоритъ: «Не знаю только, отъ этихъ ли именъ происходятъ названія ихъ областей, или отъ областей получили свои наименованія ихъ нахарарства».

Сопоставленіе нѣкоторыхъ изъ армянскихъ *родовыхъ и географическихъ* именъ на -uni съ ихъ эквивалентами, прочитанными на «ванскихъ» надписяхъ и являющимися тамъ *географическими* названіями, должно убѣдить каждаго, что образованіе этихъ армянскихъ именъ носитъ слѣды до-армянскаго происхожденія⁴¹ и что суффиксъ ихъ -uni принадлежитъ языку «ванскихъ» надписей⁴². Должно, впрочемъ, замѣтить, что на «ванскихъ» надписяхъ встрѣчается не одно -uni (напр. Arahuni, Kieřuni), но и -uani (Akuani), -ini (Arkukini), -aini (Rišuaini, Ařazaini, Eriaini), -ani (Alziřani). Если при арменизированіи этихъ «ванскихъ» именъ другіе суффиксы уступили мѣсто суффиксу -uni, то, вѣроятно, причиною этого являлось то обстоятельство, что это -uni, отождествленное съ армянскимъ глаголомъ *unił* «имѣть, владѣть», нашло поддержку въ народной этимологіи.

Изъ именъ на -ni, прочитанныхъ на «ванскихъ» надписяхъ, слѣдующія находятъ себѣ (болѣе или менѣе вѣроятныя) соотвѣтствія въ армянскомъ:

«Ванскія»	Армянскія:
Adař-uni	Arah-uni-(kh) — Արահունի-ք (срв. Ἀραχουνί у Константина Порфир. de adm. imp., с. 44).
Šanař-naini ⁴³	Amat-uni-(kh) — Ամատունի-ք
Riš-uaini	Ršt-uni-(kh) — Րշտունի-ք

⁴⁰ Въ этомъ же мѣстѣ (кн. II, гл. 7) можно найти аналогичное этимологическое толкованіе именъ: Spanduni и Navenuni.

⁴¹ Надо думать, что первоначально родовыя имена съ исходомъ -uni принадлежали представителямъ арменизированныхъ родовъ древнихъ насельниковъ. Замѣтимъ, что Моисей Хоренскій различаетъ родовыхъ владѣтелей изъ рода Naik'a (см. выше, подстрочн. прим. 15) и таковыхъ, предки которыхъ были не-армянскаго происхожденія. Очень характернымъ въ этомъ отношеніи является слѣдующее мѣсто въ 8 гл. II кн. его «Исторіи Арменіи». «Мы было забыли свирѣпаго мужа Слалка, который, не могу сказать наирно, отъ Хайка ли происходитъ, или отъ абортеновъ, бывшихъ въ странѣ до него». (См. выше въ *Prolegomena*). Дальнѣйшее изученіе «ванской» клинописи, несомнѣнно, должно многое выяснитъ въ этой области.

⁴² На это обстоятельство обратилъ вниманіе Г. Теръ-Мкртчянъ (*Մարտիկի—Արարիկի քեռականի լեզուի / La langue des inscriptions cunéiformes de l'Arménie*). Вагаршанатъ, 1893, стр. 3 и слѣд. (= *Արարիկ*, 1893, ноябрь); срв. также статью М. Шовръяна (исевд.): *Վաստ Լ-ի քեռականի լեզուի հարկի թարգմանիքներ* въ газетѣ *Մեծապետ*, 1894, № 7.

⁴³ Такъ читается въ изд. *Клинообразная надпись Закавказья*, № XVIII, л. 6. Раньше М. В. Никольскій читалъ Šamařuaini (*Клинообразная надпись Русм Гот Келамы-Бирламъ и пр.* Москва, 1893, стр. II—*Археол. изв. и вѣст.* 1893 г., № 12); въ этомъ словѣ «періе два знака (ša-na) не тверды».

Далѣ, сопоставимъ «ванскія» географическія названія, исключительно какъ таковыя являющіяся и въ армянскомъ: Kiekhuni⁴⁴) = арм. Geṛakhuni (форма Geṛarkhuni явилась какъ результатъ народной этимологіи, срв. arkhau «царь»); Suinia⁴⁵) = Siunikh (одна изъ провинцій Великой Арменіи)—срв. у Константина Порфиророднаго de Cerim. 687: Ἀρχων τῆς Σουήης — быть можетъ вмѣсто ожидаемаго *Sunikh. Наконецъ, нѣкоторыя ванскія имена на армянской почвѣ потеряли конечное -i; сюда мы относимъ: арм. Egehan (г. Эривань) при Eḡiaini⁴⁶), Aḡigean (т. е. Aḡigian)—древнее названіе р. Карсъ-чая—при Aḡigiani (М. Никольскій, *Клинообразныя надписи Закавказья*, стр. 91—92), Arzi (одна изъ областей Aṛjnikh'a) при Alzirani⁴⁷); Aragan при Piruaini⁴⁸). Изъ арменизированныхъ «ванскихъ» именъ, потерявшихъ совершенно характерное -ni, отмѣтимъ названіе области Aṭaz (въ Васпураканѣ) при Aṭazaini⁴⁹).

Выше мы привели цѣлый рядъ суффиксовъ, образующихъ географическія имена, встрѣчающіяся въ «ванскихъ» надписяхъ. Но, быть можетъ, нѣкоторые изъ этихъ суффиксовъ выдѣлены нами не совсѣмъ правильно. Такъ, можетъ представляться вопросъ, не слѣдуетъ ли въ Šanaṭuaini, Akiaini видѣть суффиксъ не -ianī, а -ainī (-aini), какъ въ Alzirani. Далѣе, является вопросъ фонетическаго характера относительно именъ на -aini, какъ Aṭazaini и т. д. Именно, не должно ли это -aini разсматривать какъ форму, равную -ani (напр. Alzirani), но только съ обозначеннымъ энентетическимъ i, развившимся подъ вліяніемъ i послѣдующаго слога,—явленіе хорошо извѣстное, напр., изъ зендекаго (авестійскаго) языка⁵⁰). Разборъ этихъ, болѣе специальныхъ, вопросовъ предоставляемъ знатокамъ «ванской» клинописи, мы же высказываемъ здѣсь лишь одни предположенія съ обще-лингвистической точки зрѣнія.

§ 4. «Ванскій» суффиксъ -hi = арм. (fem.) -uhi (-urhi).

Въ надписяхъ «ванской» системы мы часто встрѣчаемъ суффиксъ -hi, служащій для обозначенія принадлежности вообще⁵¹). Входя въ составъ *собственныхъ именъ лицъ* этотъ суффиксъ обозначаетъ, что такой то является отцомъ лица, имя котораго поставлено впереди; такимъ образомъ, суффиксъ -hi въ собственныхъ именахъ лицъ является для образованія patronymicum; срв., напр.: Sar-du-gi-še [т. е. -š] Ar-giš-ti-hi-ni-še [т. е. -š] (Никольскій, *Клинообразныя надписи Закавказья*, № XX, 1—2 и 5), т. е. «Сардури, (сынъ) Аргшти (точнѣе: «Аргштиновичъ»)», Me-nu-a-še

⁴⁴) См. М. В. Никольскій, *Клинообразныя надписи Закавказья*, стр. 107 и слѣд.

⁴⁵) См. М. В. Никольскій, *Клинообразныя надписи Закавказья*, стр. 125.

⁴⁶) Если только -van не имѣетъ особаго значенія; срв. еще: Naḡḡ-van, Kaṛz-van ([-]-van; относительно чередованія v / m срв. сказанное въ подстрочн. прим. 27, а также см. въ нашей статьѣ—*Къ интерпретации ванскихъ надписей*, стр. 7—8, подстрочн. прим. 17. См. М. В. Никольскій, *О. с.*, р. 97 sq.

⁴⁷) Форма Arzi (названіе области въ провинціи Aṛjnikh) при «ванскомъ» Alzirani съ такимъ же измѣненіемъ i въ g, какъ и въ urīš || ulīše. См. выше подстрочное прим. 37.

Форма, соответствующая армянскому Arzi, у Амміана Марцелина является какъ Arzapene.

⁴⁸) См. М. В. Никольскій, *О. с.*, р. 77.

М. В. Никольскій, приводитъ мнѣніе Г. Теръ-Мкртчяна, который «считаетъ тождественнымъ съ названіемъ *Аларанъ* по происхожденію другое немного отличное отъ него названіе двухъ селеній... именно *Парни*», — со своей стороны замѣчаетъ: «И склоненъ думать вмѣстѣ съ о. Галустомъ [Теръ-Мкртчяномъ], что эти названія *Парни*, *Аларанъ* суть въ дѣйствительности арменизованныя формы древне-урартскаго названія этихъ мѣстностей» (l. c.).

⁴⁹) Относимся сюда примѣромъ могло бы быть еще и Širikukini (см. М. В. Никольскій, *Клинообразныя надписи Русы I въ Келамы — Берланы и пр.* Москва, 1893, стр. II [текстъ надписи Русы I, строка 5-я] = *Археол. изв. и зам.* 1893, № 12), которое раньше сопоставлялось съ названіемъ одной изъ айратскихъ областей древней Арменіи — Širak. Однако, въ настоящее время вм. Širikukini читается Arkukini (см. у М. В. Никольскаго—*Клинообразныя надписи Закавказья*, стр. 119, 128, 131).

⁵⁰) См., напримѣръ, у Bartholomae, *Handbuch der altiranischen Dialekte*. Leipzig, 1883, §§ 48—50. (Объ явленіи энентезы вообще см. у Sievers'a въ его *Grundzüge der Phonetik*, 4 изд. [1893 г.] стр. 270).

⁵¹) Критику взгляда Лепормана (см. *Lettres assyriologiques*. Paris, 1871; *письмо второе*) на этотъ суффиксъ см. у Патканова, *Ванскія надписи и пр.* стр. 17—18.

İs-ru-u-ni-ḫi-ni-še (*О. с.* № III, 3, срв. также 8—9), т. е. «Менуа, (сынъ) Ишнуни» и т. д. [*Срв. G. Bertin, Abridged grammars of the languages of the cuneiform inscriptions. London, 1888, p. 72; Никольскій, О. с., pp. 88, 126; Голенищевъ, Надпись древне-ванскаго царя Руся II-го. С.-Петербургъ, 1901, стр. 90 (= Записки восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго арх. общества, т. XIII)].*

Далѣе, этотъ же суффиксъ является въ некоторыхъ географическихъ названіяхъ, причемъ на ряду съ формами съ -ḫi являются также формы безъ -ḫi; такъ, напримѣръ, при Etiḫini(l)i, Etiḫinaidi, Etiḫinili мы находимъ Etiḫini (Никольскій, *О. с.*, p. 88); при Argišti-ḫi-na «страна Аргшти», Argišti-ḫi-ni-li «мѣсто А.» встрѣчается Haldi-na «страна Халди» (Никольскій *О. с.*, p. 44; срв. также его же — *Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ Россіи въ Древностиахъ Восточныхъ*, т. I, вып. 3, стр. 388, 426, 441); названіе упоминаемой въ ассирийскихъ надписяхъ страны Dairani является въ «ванскихъ» подъ формою Diaḫini (Никольскій, *Клинообразныя надписи Закавказья*, стр. 88, срв. также на стр. 14)⁵²⁾.

Наконецъ, мы встрѣаемъ, хотя и рѣже, суффиксъ -ḫi и не въ nomina propria, для образованія именъ, обозначающихъ понятіе принадлежности, извѣстнаго отношенія къ чему либо, и т. д.; такъ, напримѣръ, šu-ḫi-e по D. Müller'у означаетъ, вѣроятно, «zur Darbringung gehörig», «als eine Darbringung» (*Inscription von Aschur Darga. Wien, 1886, p. 12*)⁵³⁾.

Мы остановимся спеціально на разсмотрѣніи случаевъ перваго рода, т. е. когда суффиксъ -ḫi образуетъ patronymica. Разсматривая относящійся сюда матеріалъ⁵⁴⁾, мы видимъ, что этотъ суф-

⁵²⁾ М. В. Никольскій предполагаетъ, что географическія названія «Eriaini и Eriḫini тождественны по значенію и суть только видоизмѣненныя формы одного и того же названія» (*Клинообразныя надписи Закавказья*, стр. 88).

По поводу встрѣчающагося въ Тамбурунской надписи формы Eriduaḫi (№ I, l. 2—въ изданіи *Клинообразныя надписи Закавказья = Древности Восточныя*, I, вып. 3, стр. 417) М. В. Никольскій говоритъ слѣдующее: «Названіе: «страна Еридухи» собственно значить: «страна сына Ериду» или: «страна, принадлежавшая Ериду», причемъ Ериду есть, очевидно, имя лица, ср. Менуа. Такая форма собственныхъ именъ земель нерѣдко встрѣчается въ ассирийскихъ текстахъ между названіями странъ Наири, напр. Subi, Kirḫi, Kalḫi. Съ этими именами совпадаютъ имена отчества въ ванскихъ текстахъ: *Ишнуниахъ = сына Ишнуни, Менуахъ = сына Менуа, Аргштиахъ = сына Аргшти*, въ полной формѣ: *Ишнуниахине, Менуахине, Аргштиахине...*» (*Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ Россіи въ Древностиахъ Восточныхъ*, т. I, вып. 3, стр. 421).

⁵³⁾ Впрочемъ, šu-ḫi-e другимъ понимается иначе; срв. у Голенищевъ, *Надпись древне-ванскаго царя Руся II-го. С.-Петербургъ, 1901, стр. 89—90.*

⁵⁴⁾ Считаемо излишнимъ привести собранный нами матеріалъ (указанія сдѣланы на изданіе М. В. Никольскаго — *Клинообразныя надписи Закавказья*):

- № I, 6: Me-nu-a-ni E-ru-u-ni-ḫi-ni-še, т. е. «за Менуа, (сына) Ишнуни».
- № III, 3: Me-nu-a-še E-ru-u-ni-ḫi-ni-še, т. е. «Менуа, (сынъ) Ишнуни».
- № III, 8—9: Me-nu-a-ni E-ru-u-ni-ḫi-ni, т. е. «Менуа (dat.), (сыну) Ишнуни».
- № IV, 2—3: Ar-gi-š-ti-i-še Me-nu-a-ḫi-ni-še, т. е. «Аргшти, (сынъ) Менуа».
- № VI, 5: Ar-gi-š-ti-ni Me-nu-a-ḫi-e, т. е. «за Аргшти, (сына) Менуа».
- № VI, 8: Ar-gi-š-ti-ni Me-nu-a-ḫi, т. е. «для Аргшти, (сына) Менуа».
- № IX, 2: Ar-gi-š-ti-še Me-nu-a-ḫi-ni-še, т. е. «Аргшти, (сынъ) Менуа».
- № IX, 11: Ar-gi-š-ti-ni Me-nu-a-ḫi, т. е. «(въ честь) Аргшти, сына Менуа».
- № XII, 2—3: Sar-du-u-ri-i-še Ar-gi-š-ti-ḫi-ni-še, т. е. «Сардури, (сынъ) Аргшти».
- № XIII, 2: Sar-du-ri Ar-gi-š-ti-ḫi-ni-e, т. е. «Сардури, (сынъ) Аргшти».
- № XIII, 12: Sar-du-ri-ni Ar-gi-š-ti-ḫi, т. е. «Сардури, (сыну) Аргшти».
- № XIV, 4: Sar-du-ri Ar-gi-š-ti-ḫi-e, т. е. «Сардури, (сынъ) Аргшти».
- № XV, 7: Sar-du-ri-ni Ar-gi-š-ti-ḫi, т. е. «Сардури, (сыну) Аргшти».
- № XVI, 2: Sar-du-ri-še Ar-gi-š-ti-ḫi-ni-še, т. е. «Сардури, (сынъ) Аргшти».
- № XVI, 4: Si-na-li-bi-i Lu-e-ri-ḫi-ni-i, т. е. «Синалиба (gen.), (сына) Луери».
- № XVIII, 1—2: Ru-sa-a-še Sa-ri-du-ri-ḫi-ni-še, т. е. «Руца, (сынъ) Сардури».
- № XIX, 1: Ru-sa-še E-ri-me-na-ḫi-ni-še, т. е. «Руца, (сынъ) Еримена».
- № XX, 1—2 и 5: Sar-du-ri-še Ar-gi-š-ti-ḫi-ni-še, т. е. «Сардури, (сынъ) Аргшти».
- № XXI, 18: Ar-gi-š-ti-ni Me-nu-a-ḫi-ni, т. е. «Аргшти, (сыну) Менуа».
- № XXII, 1—2: Ar-gi-š-ti-i-še Me-nu-a-ḫi-ni-še, т. е. «Аргшти, (сынъ) Менуа».
- № XXIV, 2: Ar-gi-š-ti-še Me-nu-a-ḫi-ni-še, т. е. «Аргшти, (сынъ) Менуа».
- № XXIV, 8: Ar-gi-š-ti-ni Me-nu-a-ḫi, т. е. «(въ честь) Аргшти, (сына) Менуа».

фиксъ примыкаетъ непосредственно къ тому виду или къ той формѣ собственнаго имени, которая морфологически можетъ быть опредѣлена какъ основа; такимъ образомъ, мы имѣемъ при ном. *sing.* Menua-še (осн. Menua-)—patronymicum Menuaḥi-, которое можетъ являться какъ известная надежная форма (см. примѣры изъ надписей № VI, 8 и № IX, 11, приведенные въ подстрочномъ прим. 54). Съ другой стороны, -ḥi, присоединяясь къ основѣ nominis propria, въ свою очередь образуетъ новую основу, подлежащую дальнѣйшимъ измѣненіямъ; такимъ образомъ, мы имѣемъ, напримѣръ, такія формы: въ значеніи nominativi—Menuaḥiniše (-še = -š) «(сынъ) Менуа», Argištihiniše или Argištihiniē «(сынъ) Аргинти» и т. д.; въ значеніи genitivi (?)—Luēriḥini «(сына) Луери», въ значеніи dativi—Išruiniḥini «сыну Ишруини».

Итакъ, изъ всего вышесказаннаго ясно, что въ языкѣ «ванскихъ» надписей существовалъ суффиксъ -ḥi, употреблявшійся для образованія patronymicum. По нашему предположенію этотъ суффиксъ возможно видѣть и въ древне-армянскомъ, гдѣ ему соответствуетъ суффиксъ -uhi (-ուհի) въ именахъ, обозначающихъ лицъ женскаго пола и притомъ какъ въ собственныхъ, такъ и въ нарицательныхъ; срв., напримѣръ, такія образования, какъ Tigran-uhī (Տիգրանուհի), п. propr. къ masc. Tigran, ном. pr., ašakert-uhī (աշակերտուհի) «ученица» къ masc. ašakert «ученикъ» (Hübshmann, *Arm. Grammatik*, I, p. 100), thag-uhī (Թագուհի) «царица» къ thagavor «царь» (*ibid.*, p. 153) и т. д.⁵⁵).

Суффиксъ -uhi (-urhi) — «sola... terminatio vere feminina apud Armenios» (Petermann, *Grammatica linguae armeniacae*. Berolini, 1837, p. 92)—является однимъ изъ сгук'овъ армянской морфологіи. Первую попытку объяснить этотъ загадочный суффиксъ мы находимъ у de Lagarde'a, въ его *Beiträge zur baktrischen Lexicographie* (Leipzig, 1868), гдѣ онъ (p. 62), опираясь на вторичную форму -urhi (-ուրհի), возводитъ -uhi къ «древне-бактрійскому» (т. е. авестійскому) ридга- «сынъ» (= др.-перс. ридга-, др.-инд. putrá-), «so dass ուհի [-uhi] vollkommen dem Femininum von *pidra*, nämlich *pidri* entspräche» (Fr. Müller, *Armeniaca*, II, p. 9). Возражая противъ этого объясненія, Фр. Мюллеръ со своей стороны предлагалъ толкованіе⁵⁶), которое еще болѣе можетъ быть оспариваемо.

Проф. К. П. Паткановъ, коснувшійся армянскихъ nomina propria лицъ женскаго пола вообще и собственныхъ именъ на -uhi (-urhi) въ частности (см. его *Материалы для армянскаго словаря*. Выпускъ I. С.-Петербургъ, 1882, стр. 18—22), не затронулъ вопроса о происхожденіи нашего суффикса. Точно также и Гюбшманъ, въ статьѣ—*Die altarmenischen Personennamen* (въ *Festgruss an R. v. Roth*, Stuttgart, 1893, p. 105), ограничился лишь замѣчаніемъ, что -uhi происходитъ изъ -urhi («*uhi* aus *urhi*») — слѣдовательно, высказался лишь по вопросу о хронологіи формы суффикса. (По этому поводу см. ниже).

Въ своемъ капитальномъ трудѣ *Iranisches Namenbuch* (Marburg, 1895), проф. Ферд. Юсти также коснулся армянскаго суффикса -u(r)hi (O. c., pp. 514—515), примыкая въ своихъ взглядахъ на него къ Lagarde'у (см. выше). Юсти также считаетъ -urhi болѣе древнею формою, нежели -uhi

⁵⁵) Вотъ что говоритъ объ этихъ образованияхъ о. E. Geanğechean: «Das armenische besitzt einige Frauennamen auf -uhi, die eine eigenartige... Declination haben. Diese Namen sind grösstenteils Ableitungen aus Männernamen, gebildet mit hinzutretenden Suffix -uhi, das ein näheres verwandtschaftliches Verhältniss zwischen der betreffenden weiblichen und der den Eigennamen zu Grunde liegenden männlichen Persönlichkeit bezeichnen soll, nämlich die Beziehung der Tochter zum Vater oder der Schwester zum Bruder» (*Beiträge zur altarmenischen nominalen Stammbildungslehre im Zeitschrift f. Armen. Philologie*, I, p. 38).

⁵⁶) Вотъ выводъ, къ которому приходитъ Фр. Мюллеръ: «Wir finden im Altbaktrischen unter den Ausdrücken für Gattin auch den Ausdruck *vanta*, neben dem Masculinum *vanta*, aus denen auf die Möglichkeit eines *vantar*, dessen Femininum **vāthri* lauten würde, geschlossen werden kann. Dieses **vāthri* würde aber im Armenischen den Lautgesetzen gemäss namentlich als letztes Compositionsglied -urhi lauten». *Armeniaca*, II, Wien, 1870, p. 9 = *Sitzungsberichte d. Kais. Akademie d. Wiss. zu Wien, phil.-hist. Cl.*, Bd. LXIV, p. 455).

и приводить его въ связь съ авест. руθга- (срв. выше) черезъ uhr «Sohn»⁵⁷), которое онъ принимаетъ за суффиксъ masculini въ соответствии суффиксу feminini -u(r)hi; это uhr Юсти указываетъ въ п. рг. W(a)rduhr⁵⁸), «d. i. Sohn des Ward» (O. c., p. 353), которое по своему образованію аналогично, напримѣръ, съ средне-перс. Šāhruhr (и Šāhruhrī), т. е. regis filius («Königssohn») или образованіями припонтійскихъ (боспорскихъ) собственныхъ именъ на -φουρτος (напр. Ραδαμόφουρτος = древне-перс. *Fratama-руθга-) или -ποθρος (Γεόποθρος).

Послѣднимъ высказался по вопросу о суффиксѣ -uhi (-urhi) арменистъ о. Е. Geanğeschean (Եղիկ Գեանջեղեան) въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи—*Beiträge z. altarmenischen nominalen Stammbildungslehre*⁵ (въ Հանդէս Հայագիտութեան = *Zeitschrift f. arm. Philologie*, I, pp. 32 sq.). Указавъ на недостаточную убѣдительность толкованій нѣкоторыхъ изъ своихъ предшественниковъ, о. Geanğeschean предлагаетъ выводить -uhi (которое онъ считаетъ совершенно основательно болѣе древнею формою, нежели -urhi) изъ индо-европейскаго *-us-iā, служащаго въ родственныхъ языкахъ для образованія part. perf. act. (cf. Brugmann, *Grundriss*, II, § 136). Толкованіе это врядъ ли окончательно разрѣшаетъ вопросъ, въ виду нѣкоторыхъ фонетическихъ затрудненій, являющихся со стороны исторіи звуковъ армянскаго языка⁵⁹). Такимъ образомъ, вопросъ о суффиксѣ -uhi (-urhi) продолжаетъ оставаться открытымъ, вслѣдствіе чего мы и позволяемъ себѣ предложить настоящее толкованіе, на которое смотримъ лишь какъ на попытку выяснитъ происхожденіе этого загадочнаго суффикса.

Остановимся, прежде всего, на соотношеніи формъ -uhi и -urhi. Въ противоположность тѣмъ арменистамъ и иранистамъ, которые считаютъ болѣе древнею формою -urhi, мы, вмѣстѣ съ о. Geanğeschean'омъ (*Zeitschrift f. armen. Philologie*, I, p. 41), принимаемъ ее за болѣе позднюю, за дальнѣйшее преобразованіе формы -uhi. Форма -urhi (при -uhi) возникла по аналогіи такихъ случаевъ, которые представляютъ при (болѣе древней) формѣ на r+consonans параллельную на одинъ consonans; срв., напримѣръ, marh: mah («смерть»; cf. Hübschmann, *Armen. Gramm.*, I, p. 472), kharšel: khašel («влечь, тащить, тянуть»; cf. Hübschmann, *Persische Studien*, Strassburg, 1895, § 158, p. 260 sq.) и т. д.⁶⁰). По аналогіи подобныхъ случаевъ возникли и другіе, какъ, напримѣръ, baržanel при bažanel («раздѣлять»), которое, будучи verbum denominativum къ bažm- «часть», никогда не имѣло r (срв. Hübschmann, *Armen. Gramm.*, I, p. 115); такое же образованіе по аналогіи представляетъ и -urhi при -uhi.

Далѣе, мы должны особенно отмѣтить, что суффиксъ -uhi выражаетъ тѣсную связь между

⁵⁷) Приводитъ -uhr въ связь съ авест. руθга- и т. д. Юсти выставляетъ слѣдующія фонетическія ступени: fuhr, huhr, uhr; при этомъ онъ считаетъ допустимымъ, что «eine zweite armen. Form von puthra ist ũstr, worin der Anlaut wie dort behandelt, der Auslaut nach dūstr analogisch verändert ist». (O. c., p. 515). По поводу ustr срв. также Hübschmann, *Arm. Gramm.*, I, p. 484—485).

⁵⁸) Что касается собственнаго имени Վարդուհի [Varduhri] (такова встрѣчающаяся въ армянскихъ текстахъ форма!) которое носилъ «Anführer im Heere des Sahrwarāz gegen die Armenier unter Wahan ad. 628, Joh. Mam. [арм. историкъ VII вѣка]» (I. c.),—то Гюбшманъ замѣчаетъ: «Varduhri ein persischer Heerführer bei Joh. Mam. 50, 51 ist sehr bedenklich» (*Arm. Gramm.*, I, p. 82). Во всякомъ случаѣ -uhr (или въ дальнѣйшемъ видоизмѣненіи -uh, срв. Sapuhr и обычное Sapuh) является не въ армянскихъ, но персидскихъ собственныхъ именахъ, и должно быть отдѣляемо отъ -uhi (-urhi).

⁵⁹) Мы ожидали бы исчезновеніе индо-европ. *u въ положеніи не въ конечномъ слогѣ слова (срв. Hübschmann *Arm. Gramm.*, I, p. 410 sq.); Brugmann *Grundriss*, II, § 99); далѣе, измѣненіе индо-европ. *s въ h мы имѣемъ лишь въ hin (изъ *senos, срв. др.-инд. śana-, авест. hana-, греч. ἔνος etc., cf. Hübschmann, o. c., pp. 409, 467; составленіе проф. Фортунатова арм. hach «хлебъ» съ др.-инд. śasya- (*Bezz. Beiträge*, VII, p. 88) вызываетъ возраженія, см. Hübschmann, o. c., p. 465 и срв. Patrubānu, въ K. Z., XXVII, p. 428). Вопросъ, восходитъ ли конечное арм. i къ индо-евр. *-iā (срв. наши *Этюды по арм. диалектологіи*, ч. II, § 26 и слѣд.) или -iā (какъ думаетъ о. Geanğeschean, *Zeitschr. f. Arm. Phil.*, I, pp. 36, 44), не представляется, въ данномъ случаѣ, существенно важнымъ.

⁶⁰) Исторія армянскаго языка показываетъ, что съ теченіемъ времени формы съ группою r+consonans подлежатъ упрощенію съ утратою r. Въ этомъ отношеніи указанія даютъ ново-армянскіе діалекты. Срв. наши *Этюды по армянской диалектологіи*, ч. I, § 189.

лицомъ, носящимъ имя, исходящее на -uhi и тѣмъ, отъ имени котораго оно (т. е. имя на -uhi) произведено.

Имѣя, такимъ образомъ, въ виду:

- 1) недоказанность индо-европейскаго (или иного) происхожденія арм. суффикса -uhi;
- 2) его первоначальную форму въ видѣ -urhi (а не -urhi);
- 3) обуславливаемое имъ значеніе тѣснаго соотношенія и связи,

— мы предложили бы считать арм. -uhi (-urhi) «ванскаго» (урартскаго) происхожденія и сопоставлять его съ «ванскимъ» суффиксомъ -hi, образующимъ, между прочимъ, какъ мы уже говорили, patronymica.

Сопоставимъ, въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, «ванскія» (урартскія):

Argištiše Menua-hi-niše, т. е. «Аргишти, (сынъ) Менуа».

Sarduriše Argišti-hi-niše, т. е. «Сардури, (сынъ) Аргишти».

Argišti-ni Menua-hi, т. е. «(въ честь) Аргишти, (сына) Менуа».

— а, съ другой, древне-армянскія⁶¹⁾:

п. рг. Tigran-uhî (*Տիգրանուհի*)—(дочь) Тиграна, «Тиграновна» (точнѣе: лицо женскаго пола, принадлежащее семьѣ Тиграна),

п. рг. Smbat-uhî (*Սմբատուհի*)—(дочь) Смбата, «Смбатовна» (точнѣе: лицо женскаго пола, принадлежащее семьѣ Смбата).

Такимъ образомъ, армянскія образованія собственныхъ именъ на -uhi (-urhi), по своему происхожденію, первоначально обозначали происхожденіе отъ извѣстнаго лица (patronymica) или тѣсную отъ него зависимость. (Срв. въ греческомъ: Κρονίδης, Πριάμίδης, Πηλείδης; Πριάμης, Νηρηΐς и т. д.; срв. Brugmann, *Grundriss*, II, § 128, p. 383, *Griech. Gramm.* 3, § 221, 5; эти образованія выражали зависимость отъ кого или принадлежность кому). Впоследствии эти образованія обратились въ настоящія nomina propria, каковыми они и являются въ армянскомъ языкѣ. (Срв. въ греческомъ patronymica, обратившіяся въ nomina propria: Λεωνίδης etc.). Образование именъ собственныхъ на -uhi (-urhi) представляетъ аналогію съ другими перифрастическими nomina propria лицъ женскаго пола въ армянскомъ языкѣ, восходящими, впрочемъ, къ персидскимъ образцамъ⁶²⁾; мы разумѣемъ, именно, образованія: на -duxt (*- دختر*) «дочь» (средне-персидское заимствованіе, Hübschmann, *Armen. Gramm.* I, p. 144), напр. Orm(i)z-duxt («дочь Ормизда») при Ormzd-uhî, и на -anoiš (*- انوش*) «приятная, милая» (средне-персидское заимствованіе, срв. ново-перс. *نوش* «grati saporis, suavis, dulcis», etc.), напр., Smbat-anoiš при Smbat-uhî. (Подробности и сопоставленія съ соответствующими средне-персидскими образованіями см. у Патканова, *Матеріалы для армянскаго словаря*. Вып. I, стр. 19 и слѣд.; Hübschmann, *O. c.* p. 18 sq.; 37 sq.).

Что касается фонетической стороны дѣла, то слѣдуетъ замѣтить слѣдующее: въ соответствии «ванскому» (урартскому) h въ армянскомъ языкѣ можетъ являться h(հ), какъ оно же является (однимъ изъ соответствій) семитскому h въ перешедшихъ въ армянскій заимствованіяхъ, о чемъ см. у Гюбшмана, *Die semitischen Lehnwörter im Altarmenischen* (Z. D. M. G., XLVI, p. 229) =

⁶¹⁾ Собственные имена на -uhi (-urhi) собраны и пояснены у Патканова, *Матеріалы для армянскаго словаря*, Вып. I. С.-Петербургъ, 1882, стр. 19—20, и у Гюбшмана, *Die altarmenischen Personennamen* (въ *Festgruss an R. v. Roth*, Stuttgart, 1893, p. 105).

⁶²⁾ Это уже отмѣчено было Петерманомъ въ его *Grammatica linguae armeniacae*. Berolini, 1837, pp. 91—92.

= *Armen. Gramm.*, I, p. 286⁶³); но, съ другой стороны, остается загадочнымъ -и- (въ -uhi) и возникновение его, быть можетъ, неорганическаго характера.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что характернымъ для армянскаго языка является то обстоятельство, что -uhi служитъ для образованія nomina propria исключительно лицъ женскаго пола⁶⁴).

На этомъ мы заканчиваемъ нашъ этюдъ въ области выясненія урартскихъ («ванскихъ») элементовъ въ армянскомъ языкѣ⁶⁵). Правда, матеріаль, находящійся у насъ подъ руками, пока очень не великъ; но мы не сомнѣваемся, что современемъ онъ возрастетъ, такъ какъ, съ одной стороны, въ самомъ армянскомъ языкѣ остается извѣстный контингентъ словъ, не поддающихся сравненію съ индо-европейскими, а также не представляющихся заимствованіями изъ извѣстныхъ намъ языковъ,— съ другой— изученіе «ванскихъ» (урартскихъ) надписей годъ отъ году приноситъ намъ все новые и новые матеріалы, увеличивая, такимъ образомъ, наши свѣдѣнія по языку древнѣйшихъ обитателей Арменіи. Кромѣ того, живые, народные діалекты Арменіи еще далеко не изучены надлежащимъ образомъ, а между тѣмъ, вѣроятно, словарь нелитературнаго армянскаго языка могъ бы дать извѣстный матеріаль по вопросу о «ванскомъ» (урартскомъ) элементѣ въ этомъ языкѣ.—Послѣдующимъ наблюденіямъ надъ урартскими («ванскими») элементами въ армянскомъ мы предполагаемъ посвящать отдѣльные этюды, подъ общимъ заглавіемъ—*Матеріалы для выясненія урартскаго («ванскаго») элемента въ армянскомъ языкѣ.*

Москва.

21 Юля 1899 г.—5 Юня 1902 г.

⁶³) Считаю великимъ привѣсти то, что говоритъ Belek, въ *Zeitschrift f. Ethnologie*, Bd. XXVII, *Verhandlungen*, p. 607 (1-е подстрочное примѣчаніе), по поводу арм. географическаго имени Ani-Gamach: «Nach freundlicher Mittheilung des Hrn. Galust Ter-Mekertschian früher Hani-Gamach genannt; da die Armenier mitunter fremdländisches h durch li wiedergaben..., so kann dafür auch Hani-Gamach gesprochen werden. Es ist mir nicht zweifelhaft, dass dieses Hani-Gamach) irgend wie mit dem in den assyrischen Inschriften wiederholt erwähnten Landesnamen Hanigalbat zusammenhängt, zumal letzterer geographisch mit Sicherheit in jener Gegend zu suchen ist».

⁶⁴) Помимо nomina propria на -uhi (-urhi) мы имѣемъ въ армянскомъ языкѣ нѣкій рядъ именъ нарицательныхъ, образованныхъ съ этимъ суффиксомъ [списокъ ихъ см. у о. Geanğechean'a (*Zeitschrift f. Armen. Philologie*, I, p. 39)]; такъ, къ masc. ašakert «ученикъ» мы имѣемъ fem. ašakert-uhi «ученица», къ ašakheal «апостолъ» — ašakheal-uhi, къ thag-avor «царь» — thag-uhi «царица» thag («корона»), къ khurm «жрецъ» — khurm-uhi «жрица» и т. д. См. выше, въ началѣ настоящаго §-а.

Возникли ли подобныя nomina appellativa по аналогіи собственныхъ именъ (khurm-uhi: khurm=Tigran: Tigran-uhi!), или же они стариннаго происхожденія? Намъ думается, что, если мы будемъ исходить отъ мысли о «ванскомъ» (урартскомъ) происхожденіи нашего -uhi, то скорѣе всего слѣдуетъ считать образованіе именъ нарицательныхъ женскаго рода съ этимъ суффиксомъ—двѣніемъ, возникшимъ по аналогіи именъ собственныхъ лицъ женскаго пола.

⁶⁵) Сравненія армянскихъ и «ванскихъ» (урартскихъ) географическихъ и личныхъ именъ мы намѣрены коснуться болѣе подробно, какъ съ точки зрѣнія историко-географической, такъ и лингвистической, въ специальномъ этюдѣ. Замѣтимъ, что этимъ сравненіемъ за послѣднее время занимались: М. В. Никольскій, Г. Теръ-Мкртчянъ [*Le langage des inscriptions en, de l'Arménie* (на арм. яз.). Вагаршавать, 1893, стр. 3 и слѣд.], Хр. Кучукъ-Гюджиневъ [см. его сокращенный армянскій переводъ труда М. В. Никольскаго—*Клинообразныя надписи Закавказья*, Венеція, 1897, стр. 63], А. Клитчлянъ [*Древній городъ Astuhini (Астахана)*, въ *Древностихъ Восточныхъ*, т. II, вып. 2, стр. 102 и слѣд.], Гр. Халатянъ [*О некоторыхъ географическихъ названіяхъ древней Арменіи и пр.*, см. тамъ же, стр. 120 и слѣд.] и др. Замѣчанія по поводу тѣхъ или другихъ мѣстъ нѣкоторыхъ изъ этихъ работъ будутъ сдѣланы нами въ специальномъ этюдѣ.

ПРОТОКОЛЫ.

Засѣданія Московскаго Предварительнаго Комитета XI Археологическаго Съѣзда.

1.

Первое засѣданіе Предварительнаго Комитета по устройству въ 1899 году, въ Кіевѣ, XI Археологическаго Съѣзда, 4 января 1897 года, въ домѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ академика Д. Н. Анучина, въ присутствіи гг. депутатовъ и представителей: Н. Е. Бранденбурга, С. А. Бѣлокурова, Н. Ф. Бѣляшевскаго, И. А. Вахрамѣева, Б. К. Веселовскаго, П. В. Владимірова, Рих. Гаусмана, В. А. Городцова, С. О. Долгова, В. З. Завитневича, Д. И. Иловайскаго, С. И. Кедрова, К. В. Корвинъ-Пиотровскаго, В. А. Кордта, М. С. Корелина, А. И. Кириичникова, И. А. Линиченко, А. Н. Львова, А. И. Маркевича, И. П. Машкова, И. В. Миовидова, В. Ф. Миллера, М. В. Никольскаго, Н. И. Новосадскаго, А. М. Павлинова, Н. В. Покровскаго, С. В. Пускова, Е. В. Пѣтухова, Е. К. Рѣдина, Д. Я. Самоквасова, А. П. Сапунова, В. И. Сизова, С. С. Слуцкаго, А. И. Соболевскаго, В. Д. Соколова, М. И. Соколова, М. Н. Сперанскаго, В. Н. Сторожева, А. И. Станкевича, В. В. Сулова, А. А. Титова, А. Н. Трефолева, Н. И. Троицкаго, В. А. Уляницкаго, И. П. Филевича, Т. Д. Флоринскаго, Г. А. Халатьянца, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, И. Д. Четыркина, Э. Р. фонъ Штерна, Д. И. Эварницкаго, В. О. Эйнгорна, и секретаря В. К. Трутовскаго.

Предъ началомъ засѣданія Д. Н. Анучинъ привѣтствовалъ собравшихся отъ имени Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и его Предсѣдателя, графини П. С. Уваровой, которая по болѣзни не могла присутствовать на засѣданіи, и въ заключеніе, напомнивъ о тяжелой потерѣ, понесенной русской исторической наукой въ лицѣ скончавшагося, 2 января, академика К. Н. Бестужева-Рюмина, предложилъ почтить память его вставаніемъ, что и было исполнено всѣми присутствовавшими.

За симъ Секретарь доложилъ отношеніе г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Тайнаго Совѣтника Аничкова, отъ 5 ноября 1896 года, за № 27346, съ разрѣшеніемъ Императорскому Московскому Археологическому Обществу созвать въ Москвѣ съ 4 по 8 января 1897 г. Предварительный Комитетъ по устройству въ 1899 году, въ г. Кіевѣ, XI Археологическаго Съѣзда, а Предсѣдательствующій предложилъ избрать закрытою биллотировкою Предсѣдателя и Секретаря Комитета, но всѣ присутствовавшіе постановили единогласно просить графиню П. С. Уварову принять на себя званіе Предсѣдателя, а В. К.

Трутовскаго — Секретаря Комитета, въ виду же болѣзни графини, просить академика Д. Н. Анучина быть временнымъ Предсѣдателемъ Комитета, на что Д. Н. Анучинъ и В. К. Трутовскій выразили полное согласіе, принеся собранію глубокую благодарность за избраніе. Послѣ сего приступлено было къ очереднымъ занятіямъ.

1. Доложены официальные увѣдомленія ученыхъ учреждений, Обществъ и иныхъ о назначеніи депутатовъ въ Комитетъ, при чемъ оказались назначенными:

- а) отъ Императорской Академіи Наукъ—Д. Н. Анучинъ;
- б) отъ Императорскихъ Университетовъ: Московскаго—Д. Н. Анучинъ, Д. Н. Зерновъ, М. С. Корелинъ, В. О. Миллеръ, И. Ф. Огневъ, А. С. Павловъ, М. И. Соколовъ и И. В. Цвѣтаевъ;
- в) С.-Петербургскаго—А. И. Соболевскій;
- г) св. Владиміра — П. В. Владиміровъ, Ю. А. Кулаковскій, Т. Д. Флоринскій и В. А. Кордтъ;
- д) Новороссійскаго—А. А. Кочубинскій, И. А. Линниченко и Э. Р. фонъ-Штернъ;
- е) Харьковскаго — В. П. Бузескуль, Я. А. Денисовъ, А. С. Лебедевъ и Е. К. Рѣдинъ;
- ж) Казанскаго—Д. В. Айпаловъ и О. Г. Мищенко;
- з) Юрьевскаго—П. П. Пусторослевъ, Е. В. Пѣтуховъ и Е. Ф. Шмурло.
- и) Варшавскаго—Н. И. Новосадскій и П. В. Филевичъ;
- к) отъ Императорской Академіи Художествъ—В. В. Сусловъ;
- л) отъ Историко-Филологическаго Института князя Безбородко—М. Н. Сперанскій;
- м) отъ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ — О. Е. Коршъ и Г. А. Хатъянцъ;
- н) отъ Московской Духовной Академіи—А. П. Голубцовъ;
- о) отъ С.-Петербургской Духовной Академіи—Н. В. Покровскій;
- п) отъ Археографической Комиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія — А. С. Павловъ и В. А. Уляницкій;
- р) отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея: И. Е. Забѣлинъ, В. И. Сизовъ, А. В. Орѣшниковъ, А. И. Станкевичъ и князь Н. С. Щербатовъ;
- с) отъ Московскихъ Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ—директоръ М. А. Веневитиновъ и хранитель отдѣла рукописей С. О. Долговъ;
- т) отъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ С. А. Бѣлоруровъ, В. П. Вульфійусъ, А. В. Лопухинъ, С. С. Слуцкій, В. К. Трутовскій и В. А. Уляницкій;
- у) отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи — Н. Н. Харузинъ и В. И. Холмогоровъ;
- ф) отъ Архива Святѣйшаго Синода—А. Н. Львовъ;
- х) отъ Архива Варшавской Казенной Палаты—Н. О. Бѣляшевскій;
- ц) отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: предѣдатель графиня П. С. Уварова, секретарь В. К. Трутовскій и члены Общества: К. М. Быковскій, Д. И. Иловайскій, А. И. Киричниковъ, И. П. Машковъ, М. В. Никольскій, А. Л. Оберъ, А. М. Павлиновъ, А. С. Павловъ, Д. Я. Самоквасовъ, С. С. Слуцкій, М. И. Соколовъ, С. У. Соловьевъ, А. С. Хахановъ, и Д. П. Эварвицкій.

ч) отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: Н. И. Веселовскій, А. И. Киричниковъ и князь П. А. Путятинъ;

ш) отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей — А. И. Киричниковъ, А. А. Кочубинскій, И. А. Линниченко, А. И. Маркевичъ и Э. Р. фонъ-Штернъ;

щ) отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ — С. А. Бѣлокуровъ, Д. И. Иловѣйскій, Н. В. Никитинъ, В. А. Уляницкій и В. О. Эйнгорнъ;

э) отъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца—В. З. Завитневичъ;

ю) отъ Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ — А. А. Кочубинскій, И. А. Линниченко, А. И. Маркевичъ, Э. Р. фонъ-Штернъ;

я) отъ Общества Археологіи Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ—Д. В. Айналовъ и Ф. Г. Мищенко;

е) отъ Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній—Рих. Гаусманъ;

в) отъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи — В. З. Завитневичъ;

ъ) отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы—А. П. Павловъ и В. Д. Соколовъ;

ы) отъ Уральскаго Общества Любителей Естествознанія: графиня П. С. Уварова и Д. Н. Анучинъ;

ь) отъ Эстляндскаго Литературнаго Общества—Рих. Гаусманъ;

ѣ) отъ Московскаго Архитектурнаго Общества: А. Л. Оберъ, А. М. Павлиновъ и А. П. Поповъ;

аа) отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ: Б. К. Веселовскій, Н. В. Сулгановъ и В. В. Сусловъ;

бб) отъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія — генераль-лейтенантъ Н. Е. Бранденбургъ.

вв) отъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей: И. А. Вахрамѣевъ и А. А. Титовъ;

гг) отъ Тульскаго Церковнаго Древлехранилища—Н. И. Троицкій;

дд) отъ Археологическаго Института: Н. В. Покровскій и А. И. Соболевскій;

се) отъ Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій: Калужской—товарищъ председателя И. Д. Четыркинъ;

жж) Нижегородской — С. В. Пусковъ, В. Ф. Ржига, В. Н. Сторожевъ и В. О. Эйнгорнъ;

зз) Костромской—В. Ф. Лугвинъ и И. В. Миловидовъ;

ии) Рязанской—В. Н. Сторожевъ, А. И. Черепнинъ, С. Д. Яхонтовъ;

кк) Саратовской—С. И. Кедровъ и В. Н. Смольяниновъ;

лл) Симбирской—В. Н. Поливановъ.

мм) Таврической—Н. И. Веселовскій, Ю. И. Кулаковскій, А. И. Маркевичъ и А. А. Смирновъ;

нн) Ярославской —И. А. Вахрамѣевъ, В. А. Городцовъ и Л. Н. Трефелевъ;

оо) отъ Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: А. П. Сапуновъ;

пп) отъ Могилевскаго Губернскаго Статистическаго Комитета—М. В. Фурсовъ;

рр) отъ Эстляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета — К. В. Корвинъ-Пиотровскій.

2. Обсуждались и выработаны были правила XI Археологического Съезда, при чемъ за основаніе были приняты правила X Рижскаго Съезда и отчасти III Кіевскаго.

3. Согласно заявленію М. С. Корелина, поддержанному 14 депутатами, постановлено занести въ протоколъ пожеланіе, чтобы почетные предсѣдатели засѣданій Съезда или предсѣдатели отдѣленій резюмировали пренія каждаго засѣданія.

4. Доложены письма В. Б. Антоновича, въ коихъ, высказывая глубокое сожалѣніе, что по нездоровью не могъ прибыть въ Москву, онъ выражаетъ желаніе принять на себя слѣдующія работы для Съезда: а) организовать выставку, привлечь къ ней всѣ коллекціи, находящіяся на территоріи 5 губерній Кіевскаго Учебнаго Округа и напечатать каталогъ этой выставки; б) составить археологическую карту Волинской губерніи и в) произвести лично и при посредствѣ мѣстныхъ силъ рядъ систематическихъ раскопокъ на Волини. Кромѣ того онъ проситъ привлечь къ участию въ подготовительныхъ работахъ къ Съезду Кіевскую Комисію для Разбора Древнихъ Актовъ.

5. Т. Д. Флоринскій высказалъ отъ имени и по порученію г. ректора Университета св. Владиміра привѣтствіе Комитету и готовность предоставить въ распоряженіе Съезда и его Выставки университетскія залы. Затѣмъ передалъ, отъ имени проф. Антоновича, его соображенія о выставкѣ, раскопкахъ и экскурсіяхъ Съезда:

I. *Соображенія о выставкѣ.* Я полагалъ бы, что удобнѣе всего было бы поручить организацію выставки Историческому Обществу Нестора Лѣтописца; Общество могли бы войти въ сношеніе какъ съ общественными музеями, существующими въ краѣ (въ Кіевѣ, Каменцѣ, Житомирѣ, Луцкѣ, Владимірѣ), такъ и съ частными коллекціями. Съ осени 1897 года можно бы постепенно просить о присылкѣ коллекцій и составить каталогъ, который былъ бы изданъ къ Съезду. Конечно всѣ подробности (имена, адреса коллекціонеровъ, классификація каталога, порядокъ описанія коллекцій и т.), будутъ выработаны послѣ установленія Комитета, завѣдующаго выставкою.

II. *Раскопки во время Съезда.* При выборѣ могильника я полагалъ бы ориентироваться удобствомъ сообщеній съ Кіевомъ; въ этомъ отношеніи я предложилъ бы на выборъ три могильника, почти совершенно еще не изслѣдованные: 1) у Вышгорода (до 80 кургановъ), въ 16 верстахъ отъ Кіева, съ сообщеніемъ пароходомъ; 2) у Китаевской пустыни (до 300 кургановъ), въ 8 верстахъ отъ Кіева, сообщеніе пароходомъ, и 3) на Батыевой горѣ, на берегу Лыбеди (около 100 кургановъ)—могильникъ, лежащій на чертѣ самаго города. Конечно, можно бы въ недалекомъ разстояніи отъ Кіева указать болѣе интересные могильники, какъ у с. Демидова—въ 40 верст. отъ города; у города Переяславля (въ 20 верст. отъ берега Днѣпра), на Бѣлокняжескомъ полѣ—въ 30—40 верст. отъ Кіева, но думаю, что раскопки эти были бы неудобны для переѣзда цѣлымъ Съездомъ, въ виду необходимости передвигаться на указанныхъ пространствахъ по грунтовымъ дорогамъ.

III. *Эккурсія въ заключеніе Съезда.* Для заключительной экскурсіи можно бы предложить два маршрута: 1. Экскурсія на Волинь могла бы быть предпринята для обзоренія городовъ: Бердичева, Житомира, Дубна, Кременца, Почаева, Луцка, Ковеля, Холма. Перечисляя эти города, я имѣю въ виду только такіе, которые лежатъ или на линіи желѣзныхъ дорогъ, или составляютъ конечные пункты боковыхъ вѣтвей этихъ дорогъ, или (какъ Почаевъ) лежатъ не

дальше 20 верстъ отъ ближайшей желѣзнодорожной станціи. Потому въ маршрутѣ не включенъ Владиміръ-Волинскій отстоящій на 40—50 отъ ближайшей станціи — Ковеля. 2. Въ случаѣ, если бы Съѣздъ предпочелъ ознакомиться съ Поддѣпровіемъ, то можно бы предложить такой маршрутѣ: Бѣлая Церковь, Корсунь, Черкасы (по желѣзной дорогѣ) и затѣмъ Каневъ, Переяславль, Трахтыміровъ, Триполіе (пароходомъ).

Если Предварительному Комитету угодно будетъ выбрать тотъ или другой маршрутѣ, или же назначить иной по своему усмотрѣнію, то во всякомъ случаѣ было бы полезно указать заблаговременно Кіевскому Отдѣленію Комитета избранный маршрутѣ и послѣднее могло бы озаботиться составленіемъ и напечатаніемъ своевременно путеводителя съ указаніемъ историческихъ и археологическихъ данныхъ, относящихся къ мѣстностямъ, лежащимъ на пути избраннаго маршрута.

Докладъ писемъ и соображеній проф. Антоновича и предложенія ректора были выслушаны съ глубокимъ интересомъ и вызвали выраженія горячаго одобренія, при чемъ единогласно постановлено: просить В. Б. Антоновича при образованіи Кіевского Комитета принять на себя въ немъ предсѣдательство.

6. Библіотекаръ Университета Св. Владиміра В. А. Кордтъ представилъ программу устраиваемой имъ къ Съѣзду историко-географической выставки, обнимающей собой западныя и восточныя границы Имперіи и охватывающей время до конца XVIII столѣтія, а именно:

„Съ разрѣшенія г. ректора Университета св. Владиміра я предлагаю, ко времени открытія XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ, свои услуги для устройства въ помѣщеніи библіотеки Университета св. Владиміра географической выставки, съ цѣлью собрать, по возможности, имѣющіеся матеріалы по исторіи картографіи русской земли и прилегающихъ къ ней частей Азіи. Выставка такимъ образомъ, по своему свойству, должна дать русскому историку собраніе источниковъ по исторіи развитія географическихъ представленій о Россіи и въ ней должны найти себѣ мѣсто: атласы, отдѣльныя карты, планы и виды мѣстностей, имѣющіе значеніе для исторіи землевладѣнія Россіи до конца XVIII вѣка. Для объясненія выставленныхъ предметовъ будетъ составленъ каталогъ ихъ. Съ цѣлью достигъ большей полноты выставки, я предлагаю обратиться къ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ съ просьбою оказать этому предпріятію свое просвѣщенное содѣйствіе высылкою, на время выставки, имѣющихся у нихъ историко-географическихъ матеріаловъ“.

Предложеніе это было принято съ глубокою благодарностью.

7. В. З. Завитневачъ заявилъ объ устраиваемой имъ къ Съѣзду выставкѣ рукописей, старопечатныхъ книгъ и печатей и сообщилъ, что Церковно-Археологическій Музей при Кіевской Духовной Академіи также устраиваетъ выставку своихъ собраній для Съѣзда.

Заявленія эти были встрѣчены съ глубокою благодарностью и постановлено: программы В. Б. Антоновича и В. А. Кордта напечатать въ протоколѣ.

8. Слѣдующее засѣданіе Комитета назначено на воскресенье 5 января въ томъ же помѣщеніи и въ то же время (1 ч. 30 мин. дня).

2.

Второе засѣданіе Предварительнаго Комитета, 5 января 1897 г. подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Анучина, въ присутствіи гг. депутатовъ и представителей: Н. Е. Бранденбурга, С. А. Бѣлокурова, Н. О. Бѣляшевскаго, К. М. Быковскаго, И. А. Вахрамѣева, Б. К. Веселовскаго, П. В. Владимірова, Р. Гаусмана, В. А. Городцова, С. О. Долгова,

В. З. Завитневича, Д. И. Иловайского, А. И. Кирпичникова, К. В. Корвинъ-Шотровскаго, В. А. Кордта, М. С. Корелина, А. А. Кочубинскаго, И. А. Линниченко, В. О. Лугинина, А. Н. Львова, А. И. Маркевича, И. В. Миловидова, О. Г. Мищенко, М. В. Никольскаго, Н. И. Новосадскаго, А. Л. Обера, Н. В. Покровскаго, А. П. Попова, С. В. Пускова, Е. В. Пѣтухова, Е. К. Рѣдина, Д. Я. Самоквасова, А. П. Сапунова, В. И. Сизова, С. С. Слуцкаго, М. И. Соколова, М. Н. Сперанскаго, В. Н. Сторожева, В. В. Сулова, А. А. Титова, Л. Н. Трефолева, Н. И. Троицкаго, В. А. Уляницкаго, И. П. Филевича, Т. Д. Флоринскаго, Г. А. Халатянца, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, И. Д. Четыркина, Э. Р. фонъ-Штерна, Д. И. Эварницкаго, В. О. Эйгорна и Секретаря В. К. Трутовскаго.

1. По открытіи засѣданія, Секретарь передалъ отъ имени графини П. С. Уваровой выраженіе ея глубокой благодарности за избраніе Предсѣдателемъ Комитета и полной готовности посвятить всѣ силы на возможно лучшее устройство Съѣзда въ Кіевѣ.

2. Затѣмъ былъ читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

3. Выслушаны были заявленія о вопросахъ предлагаемыхъ на обсужденіе Съѣзду, и запросовъ, къ нему обращенныхъ (причемъ особый интересъ возбудили предложенные В. Б. Антоновичемъ, въ количествѣ 31, съ мотивировкой ихъ постановки), и тѣ и другіе были распределены по Отдѣленіямъ.

4. Депутатъ В. Н. Сторожевъ поставилъ рядъ запросовъ касательно архивнаго дѣла вообще и въ частности Архивныхъ Комиссій, съ обстоятельной ихъ мотивировкой.

5. И. А. Линниченко возбудилъ вопросъ о желательности собрать и издать къ Съѣзду сводъ всѣхъ вопросовъ и запросовъ, заявленныхъ къ бывшимъ 10 археологическимъ съѣздамъ, какъ получившихъ отвѣты, такъ и оставшихся безъ таковыхъ, присоединивъ сюда и тѣ, которые не вошли въ программы этихъ съѣздовъ, но были заявлены или доложены во время съѣздовъ. Сборникъ этотъ сопроводить библиографическими примѣчаніями.

6. Профессоръ Т. Д. Флоринскій возбудилъ вопросъ о желательности привлечь къ участию на Съѣздѣ и его выставкѣ ученые общества и учрежденія и отдѣльныхъ лицъ славянскихъ государствъ, Греціи и Румыніи.

Предложеніе это вызвало живой обмѣнъ мыслей между авторомъ предложенія, А. А. Кочубинскимъ, указывавшимъ на необходимость привлеченія на ряду съ Румыніей и Венгріей, что, по мнѣнію Кочубинскаго, можетъ повлечь за собою непріятные конфликты на Съѣздѣ, И. П. Филевичемъ, поддерживавшимъ предложеніе Флоринскаго и настаивавшимъ на привлеченіи Венгріи, и многими другими.

Постановлено: принимая въ принципѣ мнѣнія профессоровъ: Флоринскаго и Филевича о привлеченіи на Съѣздѣ и его Выставку ученыхъ учреждений и обществъ и отдѣльныхъ лицъ изъ славянскихъ земель, Греціи, Румыніи и Венгріи, предоставить выполненіе сего Московскому и Кіевскому Комитетамъ по взаимному ихъ соглашенію, программы же Съѣзда, его правила и приглашенія напечатать въ такомъ случаѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ.

7. Слѣдующее засѣданіе постановлено назначить на 7 января, тамъ же, въ 2 ч. дня.

3.

Третье засѣданіе Предварительнаго Комитета, 7 января 1897 г., подъ предсѣдательствомъ Д. И. Анучина, въ присутствіи гг. депутатовъ и представителей: Н. Е. Бранден-

бурга, С. А. Бѣлокурова, Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, Б. К. Веселовскаго, П. В. Владимірова, Р. Гаусмана, В. А. Городцова, В. З. Завитневича, А. И. Кирпичникова, А. А. Кочубинскаго, К. В. Корвинъ-Пиотровскаго, В. А. Кордта, И. А. Линиченко, А. И. Маркевича, В. Ѳ. Миллера, М. В. Никольскаго, Н. И. Новосадскаго, Н. В. Покровскаго, С. В. Пускова, Е. В. Пѣтухова, В. И. Сизова, С. С. Слуцкаго, А. И. Соболевскаго, М. И. Соколова, М. Н. Сперанскаго, В. Н. Сторожева, В. В. Сулова, Л. Н. Трефолева, Т. Д. Флоринскаго, Г. А. Халатьянца, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, И. Д. Четыркина, Э. Р. фонъ-Штерна, Д. И. Эварницкаго, В. О. Эйгорна и Секретаря Комитета В. К. Трутовскаго.

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.
2. Заявлены новые „вопросы“ и „запросы“ къ Сѣзду.
3. Предсѣдатель, отъ имени А. И. Соболевскаго, возбудилъ вопросъ о мѣрахъ къ полученію возможно большаго количества отвѣтовъ на заявленные къ XI Сѣзду запросы.

Послѣ долгаго обсужденія характера необходимыхъ для сего мѣръ и способовъ ихъ выполненія, *постановлено*: обратить на это вниманіе Комитета, поручить ему принятіе и исполненіе нужныхъ для сего мѣръ по его усмотрѣнію и къ запросамъ вновь поставленнымъ просить его прибавить и нѣкоторые изъ старыхъ, по его выбору.

Затѣмъ засѣданіе было закрыто, и всѣ дѣла переданы для дальнѣйшаго движенія въ постоянный Московскій Комитетъ.

СОСТАВЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА.

Почетный Предсѣдатель.

Его Императорское Высочество Великій Князь Сергѣй Александровичъ.

Предсѣдатель Московскаго Комитета.

Графиня Прасковья Сергѣевна Уварова, депутатъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Уральскаго Общества Любителей Естествознанія.

Секретарь Московскаго Комитета.

Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, депутатъ Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Ч л е н ы:

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, депутатъ Императорской Академіи Наукъ, Московскаго Университета, Московскаго Археологическаго Общества и Уральскаго Общества Любителей Естествознанія.

Айналовъ, Дмитрій Власьевичъ, депутатъ Казанскаго Университета и Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ.

Ахлестышевъ, Павелъ Дмитриевичъ, депутатъ Тверской Архивной Комиссіи.

Бранденбургъ, Николай Ефимовичъ, депутатъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія.

Бѣлокуровъ, Сергѣй Алексѣевичъ, депутатъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Быковскій, Константинъ Михайловичъ, депутатъ Московскаго Археологическаго Общества.

Вахрамѣевъ, Иванъ Александровичъ, депутатъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей и Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи.

Веневитиновъ, Михаилъ Алексѣевичъ, депутатъ Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ.

Веселовскій, Николай Ивановичъ, депутатъ Русскаго Археологическаго Общества и Таврической Ученой Архивной Комиссіи.

Веселовскій, Борисъ Константиновичъ, депутатъ С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ.

- Владиміровъ, Петръ Владиміровичъ, депутатъ Университета св. Владиміра.
- Вульфгусъ, Владиміръ Павловичъ, депутатъ Московск. Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
- Гаусманъ, Рихардъ, депутатъ Эстонскаго Ученаго Общества, Рижскаго Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній, Эстляндскаго Литературнаго Общества и Латышскаго Литературнаго Общества.
- Голубцовъ, Александръ Петровичъ, депутатъ Московской Духовной Академіи.
- Городцовъ, Василій Алексѣевичъ, депутатъ Ярославской Ученой Архивной Комиссіи.
- Долговъ, Семень Осиповичъ, депутатъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ.
- Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, депутатъ Россійскаго Историческаго Музея.
- Завитневичъ, Владиміръ-Зеноновичъ, депутатъ Кіевскаго Церковно-Археологическаго Общества и Историческаго Общества Нестора Лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра.
- Зерновъ, Дмитрій Николаевичъ, депутатъ Московскаго Университета.
- Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ, депутатъ Московскаго Археологическаго Общества и Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.
- Кедровъ, Сергій Ивановичъ, депутатъ Саратовской Ученой Архивной Комиссіи.
- Кириичниковъ, Александръ Ивановичъ, депутатъ Московскаго Археологическаго Общества, Русскаго Археологическаго Общества и Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
- Корвинъ-Пиотровскій, Казимиръ Викентьевичъ, депутатъ Эстляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.
- Корелинъ, Михаилъ Сергѣевичъ, депутатъ Московскаго Университета.
- Кордтъ, Веніаминъ Александровичъ, депутатъ Университета св. Владиміра.
- Коршъ, Федоръ Евгеньевичъ, депутатъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ.
- Кочубинскій, Александръ Александровичъ, депутатъ Новороссійскаго Университета, Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ.
- Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ, депутатъ Университета св. Владиміра и Таврической Ученой Архивной Комиссіи.
- Линиченко, Иванъ Андреевичъ, депутатъ Новороссійскаго Университета, Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ.
- Лопухинъ, Алексѣй Викторовичъ, депутатъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
- Львовъ, Анолинарій Николаевичъ, депутатъ Архива Святѣйшаго Синода.
- Лугининъ, Владиміръ Федоровичъ, депутатъ Костромской Ученой Архивной Комиссіи.
- Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ, депутатъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей при Новороссійскомъ Университетѣ и Таврической Ученой Архивной Комиссіи.
- Машковъ, Иванъ Павловичъ, депутатъ Московскаго Археологическаго Общества.
- Мещеряновъ, Владиміръ Петровичъ, депутатъ Симбирской Ученой Архивной Комиссіи.
- Миллеръ, Всеволодъ Федоровичъ, депутатъ Московскаго Университета.
- Миловидовъ, Иванъ Васильевичъ, депутатъ Костромской Ученой Комиссіи.
- Мищенко, Федоръ Герасимовичъ, депутатъ Казанскаго Университета и Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ.
- Никольскій, Михаилъ Васильевичъ, депутатъ Московскаго Археологическаго Общества.
- Никитинъ, Николай Васильевичъ, депутатъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

- Новосадскій, Николай Ивановичъ, депутатъ Варшавскаго Университета.
- Оберъ, Александръ Лаврентьевичъ, депутатъ Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Архитектурнаго Общества.
- Огневъ, Иванъ Флоровичъ, депутатъ Московскаго Университета.
- Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ, депутатъ Россійскаго Историческаго Музея.
- Павлиновъ, Андрей Михайловичъ, депутатъ Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Архитектурнаго Общества.
- Павловъ, Алексѣй Степановичъ, депутатъ Московск. Университета, Московск. Археологическаго Общества и Археографической Комиссiи.
- Павловъ, Алексѣй Петровичъ, депутатъ Московск Общества Испытателей Природы.
- Пастуховъ, Евгений Владиміровичъ, депутатъ Юрьевскаго Университета.
- Поливановъ, Владиміръ Николаевичъ, депутатъ Симбирской Губернской Архивной Комиссiи.
- Поповъ, Александръ Петровичъ, депутатъ Московскаго Архитектурнаго Общества.
- Пусковъ, Сергѣй Владиміровичъ, депутатъ Нижегородской Ученой Архивной Комиссiи.
- Пусторослевъ, Петръ Петровичъ, депутатъ Юрьевскаго Университета.
- Путятинъ, князь Павелъ Арсеньевичъ, депутатъ Русскаго Археологическаго Общества.
- Ржига, Ѳедоръ Вячеславовичъ, депутатъ Нижегородской Губернской Ученой Архивной Комиссiи.
- Самоковасовъ, Дмитрій Яковлевичъ, депутатъ Московскаго Университета и Московскаго Археологическаго Общества.
- Сапуновъ, Алексѣй Парѣеновичъ, депутатъ Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.
- Сизовъ, Владиміръ Ильичъ, депутатъ Московскаго Археологическаго Общества и Россійскаго Историческаго Музея.
- Слущкій, Сергѣй Сергѣевичъ, депутатъ Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностраннхъ Дѣлъ.
- Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ, депутатъ С.-Петербургскаго Университета.
- Соколовъ, Матвѣй Ивановичъ, депутатъ Московскаго Университета и Московскаго Археологическаго Общества.
- Соколовъ, Владиміръ Дмитриевичъ, депутатъ Московск. Общества Испытателей Природы.
- Смирновъ, Андрей Андреевичъ, депутатъ Таврической Ученой Архивной Комиссiи.
- Смольяниновъ, Владиміръ Николаевичъ, депутатъ Саратовской Ученой Архивной Комиссiи.
- Соловьевъ, Сергѣй Устиновичъ, депутатъ Московскаго Археологическаго Общества.
- Сперанскій, Михаилъ Несторовичъ, депутатъ Историко-Филологическаго Института князя Безбородко.
- Станкевичъ, Алексѣй Ивановичъ, депутатъ Россійскаго Историческаго Музея.
- Сторожевъ, Василій Николаевичъ, депутатъ Нижегородской Губернской Архивной Ученой Комиссiи и Рязанской Ученой Архивной Комиссiи.
- Султановъ, Николай Владиміровичъ, депутатъ С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ.
- Сусловъ, Владиміръ Васильевичъ, депутатъ Императ. Академіи Художествъ и С.-Петербургскаго Общества Архитекторовъ.
- Титовъ, Андрей Александровичъ, депутатъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей.
- Трефолевъ, Леонидъ Николаевичъ, депутатъ Ярославской Ученой Архивной Комиссiи.

- Уляницкій, Владиміръ Антоновичъ, депутатъ Московск. Главнаго Архива Министерства Иностраннѣхъ дѣлъ, Археографической Коммиссіи М. Н. П. и Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.
- Филевичъ, Иванъ Порфирьевичъ, депутатъ Варшавскаго Университета.
- Флоринскій, Тимоѣей Дмитриевичъ, депутатъ Университета св. Владиміра.
- Фурсовъ, Матвѣй Васильевичъ, депутатъ Могилевскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.
- Халатьянцъ, Григорій Абрамовичъ, депутатъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ.
- Харузинъ, Николай Николаевичъ, депутатъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.
- Хахановъ, Александръ Соломоновичъ, депутатъ Московскаго Археологическаго Общества.
- Холмогоровъ, Василій Николаевичъ, депутатъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.
- Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ, депутатъ Московскаго Университета.
- Черепнинъ, Алексѣй Ивановичъ, депутатъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи.
- Четыркинъ, Иванъ Даниловичъ, депутатъ Калужской Ученой Архивной Коммиссіи.
- Шмурло, Евгений Францевичъ, депутатъ Юрьевскаго Университета.
- фонъ-Штернъ, Эрнестъ Романовичъ, депутатъ Новороссійскаго Университета, Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и Историко Филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ.
- Щербатовъ, князь Николай Сергѣевичъ, депутатъ Россійскаго Историческаго Музея.
- Эварницкій, Дмитрій Ивановичъ, депутатъ Московскаго Археологическаго Общества.
- Эйнгориъ, Виталій Осиповичъ, депутатъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи.
- Яхонтовъ, Степанъ Дмитриевичъ, депутатъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи.

СОСТАВЪ КІЕВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

Предсѣдатель:

Антоновичъ, Владиміръ Бонифатьевичъ.

Секретарь:

Ясинскій, Михаилъ Никитичъ.

Казначей:

Каманинъ, Иванъ Михайловичъ, завѣдывающій Кіевскимъ Центральнымъ Архивомъ.

Члены:

Отъ Императорскаго Университета св. Владиміра:

Фортинскій, Феодоръ Яковлевичъ, ректоръ Университета.

Владимировъ, Петръ Владимировичъ.

Голубовскій, Петръ Васильевичъ.

Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ.

Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ.

Кордтъ, Веніаминъ Александровичъ.

Отъ Кіевской Духовной Академіи:

Завитневичъ, Владиміръ Зеноновичъ.

Корольковъ, Иванъ Николаевичъ.

Петровъ, Николай Ивановичъ.

Титовъ, о. Феодоръ Ивановичъ, священникъ.

Отъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца:

Лазаревскій, Александръ Матвѣевичъ.

Ляскоронскій, Василій Григорьевичъ.

Малиновскій, Іоаннскій Алексѣевичъ.

Науменко, Владиміръ Павловичъ.

Щербина, Владиміръ Ивановичъ.

Отъ Кіевской Археографической Комиссіи:

Левицкій, Орестъ Ивановичъ.

ПРАВИЛА СЪЪЗДА

утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 17 мая 1897 года.

1. Археологическій Съѣздъ открывается въ Кіевѣ съ 1 по 20 августа 1899 года.
2. Всѣ подготовительныя работы для Съѣзда возлагаются на Московскій Предварительный Комитетъ съ предоставленіемъ ему права открыть Кіевскій и, по мѣрѣ необходимости, другіе мѣстные комитеты. Комитетъ входитъ въ сношеніе съ мѣстными учеными и приглашаетъ ихъ для совмѣстныхъ работъ подъ своимъ наблюденіемъ и руководствомъ.
3. За четыре дня до открытія Съѣзда, т.-е. 28 іюля 1899 года, открываетъ свои дѣйствія въ Кіевѣ Совѣтъ Съѣзда.
4. Совѣтъ Съѣздъ составляютъ: а) всѣ прибывшіе къ Съѣзду члены Предварительнаго Комитета и б) присланные на Съѣздъ депутаты отъ тѣхъ высшихъ ученыхъ учреждений и ученыхъ обществъ, коихъ представителей не было на Предварительномъ Комитетѣ.
5. Членами Съѣзда признаются всѣ лица, изъявившія желаніе принять участіе въ занятіяхъ Съѣзда и заплатившія 4 рубля. Этимъ лицамъ выдается членскій билетъ и особый знакъ, который предоставляетъ имъ право посѣщать засѣданія Съѣзда и принимать участіе въ оныхъ. Но въ экскурсіяхъ Съѣзда могутъ принимать участіе только тѣ лица, которыя получаютъ на это особое приглашеніе со стороны Распорядительнаго Комитета.
- Примѣчаніе. Членами Съѣзда признаются также ученые учрежденія и Общества, по взносу ими 4 рублей.
6. Предварительный Комитетъ имѣетъ право, если найдетъ то полезнымъ для Съѣзда, пригласить и иностранныхъ ученыхъ.
7. Члены Совѣта не освобождаются отъ членскихъ взносовъ.
8. Записаться въ члены Съѣзда, внести установленную плату и получить членскій билетъ можно заблаговременно въ Московскомъ и Петербургскомъ Археологическихъ Обществахъ и въ Отдѣленіяхъ Предварительнаго Комитета XI Съѣзда.
9. Съѣздъ раздѣляется на одиннадцать Отдѣленій: I. Древности первобытныя. II. Древности историко-географическія и этнографическія. III. Памятники искусствъ и художествъ. IV. Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный. V. Древности церковныя. VI. Памятники языка и письма. VII. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія. VIII. Древности южныхъ и западныхъ славянъ. IX. Древности восточныя. X. Пумизматика и сфрагистика и XI. Памятники археографическія.

Совѣтъ Съѣзда въ правѣ, если признаеть необходимымъ, увеличить число Отдѣленій или нѣкоторыя изъ нихъ слить вмѣстѣ.

10. При Съѣздѣ предполагается устроить Археологическую Выставку.

11. Въ секретари Съѣзда приглашаются заблаговременно Совѣтомъ нѣсколько лицъ изъ членовъ Съѣзда. Секретари признаются членами Совѣта Съѣзда.

12. Всякій членъ Съѣзда можетъ, по своему желанію, приписаться къ одному или нѣсколькимъ Отдѣленіямъ.

13. Совѣтъ Съѣзда въ первомъ своемъ засѣданіи избираетъ изъ среды своей председателя Совѣта и шесть членовъ въ Распорядительный Комитетъ на все время Съѣзда. Председатель Совѣта признается Председателемъ Съѣзда. Независимо отъ сего Совѣтъ въ томъ же засѣданіи раздѣляется по числу отдѣленій Съѣзда, на комиссіи, впредь до открытія Отдѣленій, которыя немедленно избираютъ своихъ особыхъ председателей, при чемъ послѣдніе, съ своей стороны, приглашаютъ секретарей.

14. Распорядительный Комитетъ завѣдуетъ всею хозяйственною частью и всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ распорядкомъ Съѣзда.

15. Въ составъ Распорядительнаго Комитета, кромѣ шести членовъ, избранныхъ Съѣздомъ, входитъ казначей Съѣзда.

16. Председатели и секретари Отдѣленій Съѣзда составляютъ Ученый Комитетъ Съѣзда.

17. Председателямъ Отдѣленій вмѣняется въ обязанность, съ утвержденія Ученаго Комитета Съѣзда, допускать къ докладу только тѣ изъ рефератовъ, которые этого заслуживаютъ. Словесныя сообщенія допускаются Комитетомъ по разсмотрѣніи тезисовъ.

Примѣчаніе. Референты приглашаются присылать свои доклады, по мѣрѣ возможности, заблаговременно въ Предварительный Комитетъ Съѣзда.

18. Ученый Комитетъ руководитъ всей ученою частью Съѣзда и наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ его ученыхъ работъ.

19. Комитеты Ученый и Распорядительный сами избираютъ своихъ председателей и секретарей. Они засѣдаютъ ежедневно во все продолженіе Съѣзда.

20. Совѣты Съѣзда и Отдѣленій созываются ихъ Председателями. Каждое Отдѣленіе въ правѣ избирать въ свои члены изъ среды Съѣзда ученыхъ, коихъ постоянное содѣйствіе оно признаеть для себя необходимымъ. О такихъ выборахъ Председатели Отдѣленій доводятъ до свѣдѣнія Председателя Совѣта Съѣзда.

21. Засѣданія, какъ Совѣта, такъ и Комитетовъ Ученаго и Распорядительнаго, а равнымъ образомъ Отдѣленій Съѣзда, происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

22. Засѣданія Совѣта бывають общія и частныя по Отдѣленіямъ. На общихъ засѣданіяхъ обсуждаются всѣ вопросы общаго характера. На засѣданіяхъ Отдѣленій обсуждаются спеціальныя вопросы, входящіе въ кругъ занятій того или другого Отдѣленія.

23. Засѣданія Съѣзда публичны.

Примѣчаніе. Корреспонденты журналовъ и газетъ обращаются въ Распорядительный Комитетъ за полученіемъ особыхъ мѣстъ.

24. Почетные Председатели, какъ общихъ собраній Съѣзда, такъ и Отдѣленій, назначаются на каждое засѣданіе особо Ученымъ Комитетомъ Съѣзда изъ среды членовъ Съѣзда. Наблюденіе за порядкомъ засѣданій лежитъ на Председателяхъ. Почетный Председатель обязанъ остановить каждаго члена Съѣзда, который въ своей рѣчи удалится отъ предмета обсужденія или уклонится отъ научной цѣли.

Примѣчаніе. Ученый Комитетъ Съезда избираетъ Почетныхъ Предсѣдателей засѣданій только изъ тѣхъ лицъ, которыя по своимъ научнымъ занятіямъ соотвѣтствуютъ характеру назначенныхъ засѣданій.

25. Программы каждаго засѣданія Съезда, какъ общихъ собраній, такъ и Отдѣлений, опредѣляются заблаговременно на каждый разъ особо Ученымъ Комитетомъ Съезда. Программы засѣданій, заключающія въ себѣ названіе рефератовъ и ихъ главные тезисы, раздаются членамъ Съезда и вывѣшиваются наканунѣ засѣданій у дверей зала. Ни одинъ новый вопросъ не можетъ быть возбужденъ въ засѣданіяхъ Съезда безъ предварительнаго заявленія Ученому Комитету.

26. Во время продолженія Съезда издаются отдѣльными выпусками, по окончаніи засѣданій, краткіе о нихъ отчеты, которые выдаются членамъ Съезда бесплатно.

Примѣчаніе. Въ этихъ отчетахъ помѣщается содержаніе лишь тѣхъ докладовъ, авторы которыхъ представили секретарю Отдѣленія, передъ чтеніемъ, краткое изложеніе своего реферата. Изложеніе это не должно превышать 40 печатныхъ строкъ. Лица, принимавшія участіе въ преніяхъ, приглашаются своевременно доставлять краткое изложеніе своихъ замѣчаній, для помѣщенія въ тѣхъ же отчетахъ.

27. Время каждаго засѣданія, какъ общихъ собраній Съезда, такъ и Отдѣлений, назначается Ученымъ Комитетомъ.

28. На засѣданіяхъ Съезда допускаются какъ словесныя, такъ и письменныя сообщенія. Но ни одинъ членъ не въ правѣ говорить или читать болѣе получаса, не испросивъ на то разрѣшенія присутствующихъ Предсѣдателей и Ученаго Комитета.

Примѣчаніе. Работы, не подходящія, по мнѣнію Предсѣдателей Отдѣлений, подъ рубрику рефератовъ, выдѣляются въ особую группу и предлагаются на обсужденіе и обработку въ частныхъ засѣданіяхъ специалистовъ, безъ допущенія на нихъ публики.

29. Всѣ разсужденія и пренія въ засѣданіяхъ Съезда, какъ общихъ, такъ и частныхъ по Отдѣленіямъ, происходятъ на русскомъ языкѣ, но ученый Комитетъ можетъ назначить особыя засѣданія на французскомъ, нѣмецкомъ и южныхъ и западныхъ славянскихъ языкахъ.

30. Исслѣдованія или сообщенія, присланныя на Съездъ въ отвѣтъ на предложенные вопросы, поступаютъ въ Ученый Комитетъ, разсматриваются въ Отдѣленіяхъ Совѣта и докладываются кѣмъ-либо изъ членовъ въ одномъ изъ засѣданій Съезда.

31. Каждый членъ Съезда, при входѣ въ засѣданіе, долженъ предъявить свой членскій билетъ и знакъ.

32. Для напечатанія „Трудовъ Съезда“ избирается Совѣтомъ Съезда особый Редакціонный Комитетъ.

Вопросы, предложенные на обсуждение XI Археологического Съезда.

Вопросы общіе:

1. Н. Ф. Бѣляшевскій. Обзоръ археологическихъ изслѣдованій Юго-Западнаго края за послѣдніе 25 лѣтъ.
2. — Обзоръ археологическихъ изслѣдованій Холмской земли
3. В. П. Бузескулъ. — О заслугахъ покойнаго профессора М. С. Корелина въ области изученія исторіи италянскаго гуманизма и искусства и его обще-историческихъ взглядахъ.
4. — Объ успѣхахъ и главныхъ направленіяхъ въ области изученія греческой исторіи за послѣднее 25-лѣтіе.
5. К. В. Корвинъ-Пиотровскій. Обзоръ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Юго-западномъ краѣ за послѣднее пятидесятилѣтіе.
6. — О мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ зодчества въ Юго-Западномъ краѣ.
7. П. А. Линиченко. Сношенія Киевской Руси (до вшествія Татаръ) съ западной Европой.
8. Л. Г. Нидерле. — Обсужденіе вопроса о лучшей постановкѣ славяновѣдѣнія и взаимныхъ отношеній славянскихъ ученыхъ.
9. Н. Е. Сѣверный. — О необходимости приступить къ скорѣйшему выполненію мысли покойнаго графа А. С. Уварова: „О составленіи хронологическаго указателя ко всѣмъ изданнымъ у насъ историческимъ актамъ“.
10. Графиня П. С. Уварова. — О необходимости введенія въ университетахъ кафедръ по археологіи.
11. Т. Д. Флоринскій. О важности составленія общей программы собиранія и изученія остатковъ старины у всѣхъ славянскихъ народовъ.

I. Древности первобытныя.

1. В. Б. Антоновичъ. Есть ли на территоріи Волини курганы скифскаго типа, и если есть, то до какой сѣверной широты они простираются.
2. — Похоронные типы въ курганахъ Волинской губ.: а) въ Волинскомъ Полѣсьи, б) въ гористой Волини, с) въ степной Волини, d) въ восточной Волини (земли Древлянъ).

3. В. Б. Антоновичъ. Похоронные типы каменнаго вѣка, найденные понынѣ на территории Волини.
4. — Какія данныя о предметахъ бронзоваго вѣка извѣстны въ западной Волини, особенно въ бассейнѣ Западнаго Буга.
5. — Найдены ли чашечные камни (pierres à écuelles) на Волини.
6. — Мастерскія полированныхъ и отбивныхъ орудій въ Дубенскомъ и Острожскомъ уѣздахъ.
7. — Мастерскія пряслицы изъ краснаго шифера и краснаго желѣзняка въ Волинскомъ Полѣсьѣ.
8. — Мастерскія каменныхъ орудій на Волини.
9. — Памятники каменнаго вѣка въ долинѣ рѣки Норыни.
10. — Стоянки каменнаго вѣка въ гористой западной Волини.
11. — Стоянки каменнаго вѣка въ Волинскомъ Полѣсьѣ.
12. С. Н. Гамченко.—Раскопки въ бассейнѣ р. Случи.
13. В. А. Городцовъ. Происхожденіе пепелисто- или углисто-темныхъ культурныхъ слоевъ на дюнахъ рр. Волги и Оки.
14. — Существуютъ ли подобные слои на дюнахъ р. Днѣпра и другихъ рѣкъ Южной Россіи и можно ли объяснить ихъ происхожденіе одною и тою же причиною, какая дѣйствовала въ образованіи культурныхъ слоевъ на рр. Волгѣ и Окѣ.
15. — Древность пепелисто- или углисто-темныхъ культурныхъ слоевъ на рѣчныхъ дюнахъ Россіи.
16. К. В. Корвинъ-Піотровскій. Памятники каменнаго вѣка, найденные въ Юго-Западномъ краѣ.
17. П. Н. Милюковъ. Некрополь Гальштатскаго періода въ Македоніи.
18. В. П. Сизовъ. Опредѣленіе стиля вещей въ курганахъ съ погребеніемъ коня (по р. Роси).
19. Д. Я. Самоквасовъ. О происхожденіи трупосоженія у Славянъ.
20. М. В. Фурсовъ. Раскопки кургановъ по рр. Друти и Проци въ уѣздахъ Чаусскомъ, Горецкомъ и Могилевскомъ.
21. И. Д. Четыркинъ. Результаты археологическихъ изслѣдованій въ 1893—1896 гг. по нижнему теченію рѣчки Калужки до впаденія ея въ р. Оку.
22. Д. И. Эварницкій. Объ уцѣлѣвшихъ въ Новороссіи каменныхъ бабахъ.

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

1. В. Б. Антоновичъ. Какіе памятники старины княжескаго времени остались въ городахъ Холмской земли (Холмъ, Угрускъ, Верещинъ, Столнѣ, Комовъ, Бусовно, Андреевъ).
2. — Памятники старины княжескаго времени, оставшіеся въ г. Каменцѣ Литовскомъ.
3. — Мѣстоположеніе какихъ Болоховскихъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи, можетъ быть опредѣлено, и какіе памятники старины отъ нихъ остались.
4. — Татарскія поселенія на Волини.
5. — Типографія битвы у Берестечка и оставшіеся отъ нея слѣды.
6. — „Шереметовы валы“ и историческое ихъ происхожденіе.
7. — Какіе памятники старины остались отъ городовъ, упоминаемыхъ лѣтописью въ княжеское время: а) Владиміръ, Турійскъ, Камень Коширскій, Мельница, Любомль, Усти-

лугъ, Чарторыйскъ, в) Луцкъ, Дубровица, Степань, Муравица, Дубенъ, Пересопница, Мыльскъ, Перемышль, Дорогобужь; с) Шумскъ, Торчевъ, Тыхомль; д) Вручевъ, Искорость, Возвягель, Мычскъ, Котельничъ, Райгородъ.

8. — Гдѣ находился древній городъ „Волынь“ и какіе слѣды его остались понынѣ.

9. Д. И. Багалъй. О составленіи историко-географическихъ словарей губерній и областей Россіи.

10. — Двухсотъ-пятидесятилѣтіе г. Харькова; планъ труда и матеріалъ для него.

11. М. Н. Бережковъ. Гдѣ мѣстность „Нѣжатиной нивы“, на которой была извѣстная битва 1078 года.

12. Г. К. Бугославскій. — О водномъ пути Западной Европы на востокъ къ рѣкѣ Волгѣ, чрезъ г. Смоленскъ и его область.

13. — Топографія древней Смоленской области по уставной грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича и епископѣи Смоленской на основаніи мѣстныхъ изысканій.

14. А. И. Бунинъ. — Гдѣ находились города Липецкъ и Варголь, упоминаемые въ лѣтописяхъ подъ 1283—4 г.?

15. Бѣлла-де-Пошта. — Венгерскія находки IX—X вѣка и ихъ сравненіе съ подобными находками въ Россіи.

16. Н. П. Дашкевичъ. О происхожденіи южно-русскаго казачества.

17. В. И. Колосовъ. Распространеніе христіанства въ Тверскомъ краѣ и сношенія Тверскаго края съ Кіевомъ до присоединенія Тверскаго княжества къ Москвѣ.

18. — Время основанія города Твери.

19. — Водный путь по р. Вазузѣ изъ р. Днѣпра въ р. Волгу и значеніе этого пути въ древней Руси.

20. К. В. Корвинъ Піотровскій. Территорія Волыни въ княжеское время.

21. В. А. Кордтъ. Къ исторіи картографіи Россіи.

22. А. А. Кочубинскій. О названіяхъ нѣкоторыхъ пороговъ Днѣпра у Константина Багрянороднаго.

23. А. И. Маркевичъ. О путяхъ изъ Черноморья на Волынь и Подолію въ XIV—XVII вѣкѣ.

24. Н. В. Мятлевъ. Археологическая карта Старо-русскаго уѣзда Новгородской губерніи.

25. А. П. Станкевичъ. Библиографическій обзоръ сказаній иностранцевъ путешественниковъ по Россіи о Кіевѣ, съ XV в. до 1700 года.

26. — Книга Гербинія о подземномъ Кіевѣ. (Полный переводъ на русскій языкъ и необходимыя примѣчанія).

27. В. Н. Сторожевъ. Пересмотръ вопроса о существованіи человѣческихъ жертвоприношеній у Славянъ и Финновъ и сводъ литературныхъ мнѣній по этому вопросу русскихъ и западно-европейскихъ ученыхъ.

28. Н. Е. Сѣверный. — О географическихъ названіяхъ Тульскаго края (каковы: рѣки, рѣчки, ручьи, озера, болота, пруды, колодцы, урочища и населенныя мѣстности), какъ матеріалъ для естественной исторіи этого края и его археологіи, исторіи и этнографіи.

29. Таврическая Архивная Коммиссія. Объ отношеніяхъ между Крымомъ и малороссійскимъ казачествомъ.

30. — О нападеніяхъ Татаръ на Волынь и Подолію.

31. Н. И. Троицкій. Древній городъ Лопастня, его мѣстонахожденіе и памятники.

32. Ученое Общество имени Шевченка во Львовѣ. Первоначальное казачество и реформа Баторія (XVI ст.).
33. — Галицкое боярство въ XIII столѣтіи.
34. — Татарскіе набѣги на Галичину въ XV столѣтіи.
35. — Вопросъ о древне-русской діалектологіи.
36. — Объ удареніяхъ въ галицко-русскомъ языкѣ.
37. — О діалектологіи въ Угорской Руси.
38. — О мѣстоположеніи древняго Галицкаго Звенигорода.
39. — Раскопки въ селѣ Чехахъ.
40. — Молотовскій кладъ.
41. — Анты и ихъ прародина.
42. — Изслѣдованіе о русскихъ хорватахъ.
43. — Орнаменты на писанкахъ въ Галицкой Волинѣ.
44. — Этнографическія черты Гуцуловъ.
45. — Русскія колоніи въ Бачкѣ.
46. — Никодимово Евангеліе.
47. Т. Д. Флоринскій. О сношеніяхъ южныхъ Славянъ съ Русью въ до-турецкую эпоху.
48. — Научная классификація славянскихъ языковъ и нарѣчій.
49. Д. П. Эварницкій. О направленіи трактовъ въ Запорожьи.
50. В. О. Эйнгорнъ. Сношенія Стеньки Разина съ малороссійскимъ казачествомъ.

III. Памятники искусствъ и художествъ.

1. В. Б. Антоновичъ. Какіе замки литовскаго времени остались на Волинѣ. Характеристическія черты этихъ замковъ: фортификаціонные приемы, контуры укрѣпленій, кладка стѣнъ (Луцкъ, Кременецъ, Острогъ, Корець, Клеванъ и т. д.).
2. — Древнѣйшія синагоги на Волинѣ XIV—XV ст. (Луцкъ, Любомоль).
3. — Могилы соцініанъ въ западной Волинѣ (такъ называемые „синюты“).
4. К. М. Быковскій. Архитектурные памятники Кіева XI вѣка и отношеніе ихъ къ сооруженіямъ той же эпохи въ другихъ мѣстностяхъ древней Руси.
5. С. О. Долговъ. Пренія въ Новгородѣ въ концѣ XV вѣка объ одной иконографической композиціи: икона о Богѣ-Отцѣ.
6. К. В. Корвинъ-Пиотровскій. Домъ гетмана Мазепы въ Черниговѣ.
7. — Археологическіе памятники г. Луцка.
8. — Объ исторіи замковъ князей-епископовъ Сѣверскихъ въ Правяслянскомъ краѣ.
9. Е. К. Рѣдинъ. Восточное вліяніе въ памятникахъ изъ слоновой кости IV—VI вв. и критика теорій о существованіи различныхъ школъ скульптуръ: римской, монцкой, равеннской, брешіанской и др.
10. — Обзоръ русско византійскихъ памятниковъ искусства, находящихся въ церквахъ Кіева и найденныхъ на почвѣ его.
11. В. В. Сусловъ. Тождественность нѣкоторыхъ формъ въ русскихъ и западныхъ памятникахъ архитектуры.
12. — Періодъ упадка русскаго зодчества.
13. Э. Р. фонъ Штернъ. О значеніи керамическихъ находокъ на югѣ Россіи.

IV. Быть домашній, юридическій, общественный и военный.

1. С. О. Долговъ. Новыя данныя по Московскому собору 1492 г. по вопросу о живущихъ.
2. А. И. Кирпичниковъ. Національный и византійскій элементы въ обрядахъ московскаго двора.
3. К. В. Корвинъ-Піотровскій. Русская и польская генеалогическая литература.
4. Д. П. Миллеръ. Права и привилегіи малороссійскаго шляхетства и казацкой старшины въ періодъ гетманщины.
5. — Положеніе лѣвобережнаго казачества отъ времени Богдана Хмѣльницкаго до введенія въ Малороссіи Учрежденія о губерніяхъ.
6. Д. Я. Самоквасовъ. О происхожденіи и значеніи крестьянскаго перехода въ древней Россіи.
7. О. А. Фотинскій. Братотвореніе въ древней Руси и его церковное освященіе.
8. В. О. Эйнгорнъ. Малороссійское поспольство въ лѣвобережной Украинѣ по даннъмъ переписи 1666 года.
9. — Рада полковниковъ при лѣвобережныхъ гетманахъ третьей четверти XVII в.
10. — Малороссійскіе купцы на Макарьевской ярмаркѣ и вообще въ Великой Россіи во вторую половину XVII в.

V. Древности церковныя.

1. В. Б. Антоновичъ. Церкви, построенныя въ литовское время. Особенности ихъ архитектуры и кладки. (Острогъ, Зимно, Нескивичи, Вербки и т. д.).
2. — Церкви княжескаго времени въ г. Владимірѣ Волинскомъ: Успенскій соборъ, церковь св. Василя, „Старая катедра“.
3. — Свѣдѣнія о церкви св. Василя въ Овручѣ.
4. М. П. Истоминъ. Объ особенностяхъ южно-русской церковной живописи.
5. — Фрески XVII—XVIII в. въ храмахъ и костелахъ Юго-западной Россіи и отголоски прошлаго въ нихъ.
6. — Главнѣйшія черты иконографіи на Волини съ XVI по XVIII вв.
7. К. В. Корвинъ-Піотровскій. Церковно-археологическіе памятники города Владиміръ-Волинска и мѣстечка Киселина, Волинской губ.
8. А. Н. Половцевъ. О Юрьевской божницѣ у г. Остра.
9. В. В. Сусловъ. Главнѣйшія черты русскаго церковнаго зодчества за всѣ періоды его развитія.
10. О. И. Титовъ. Что было въ древности на мѣстѣ нынѣшней Кіево - Андреевской церкви.
11. Н. И. Троицкій. Греческій (аѳонскій) крестъ „Животворящее Древо“ XVI в. и его иконографія.
12. — Женскія лицевыя вериги и ихъ значеніе.
13. М. И. и В. И. Успенскіе. О школахъ въ русской иконописи.
14. И. Д. Четыркинъ. Кресты, употребляемые калужскими старообрядцами съ различными религіозными дѣлами. (Матеріалъ, изъ котораго дѣлались кресты; форма ихъ, различныя надписи на нихъ; украшеніе крестовъ разнообразными цвѣтами финифти и проч.).

VI. Памятники языка и письма.

1. А. Г. Барвинскій. — О носовыхъ самогласныхъ ж и ш.
2. П. В. Владиміровъ. Можно ли указать слѣды неизвѣстныхъ русскихъ сочиненій въ до-монгольскій періодъ, на основаніи дошедшей до насъ литературы?
3. — Вопросъ объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Нестора лѣтописца.
4. — Въ какомъ научномъ выводѣ можно прийти по чтеніямъ затруднительныхъ мѣстъ „Слова о полку Игоревѣ“?
5. Н. П. Дашкевичъ. Къ какой степени измышленное лицо Илья Муромецъ?
6. О. П. Истоминонъ. О началѣ и развитіи книгопечатанія въ Кіевѣ.
7. Н. М. Каманинъ. О южно-русской палеографіи.
8. Е. О. Карскій. О вліяніи малорусскаго нарѣчія на старое и новое бѣлорусское нарѣчіе.
9. М. Н. Сперанскій. Византійскій матеріалъ для исторіи поздняго славянскаго списка статьи о книгахъ „истинныхъ и ложныхъ“.
10. Т. Д. Флоринскій. Значеніе новѣйшихъ наблюденій въ области славянской діалектологіи для рѣшенія вопроса о происхожденіи старославянскаго языка.
11. — О нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи глаголическаго письма.
12. — О вліяніи южно-славянскаго эпоса на русскій.
13. А. С. Хахановъ. Отраженія апокрифовъ въ сказаніяхъ народовъ Кавказа.

VII. Древности классическія, византійскія и западно-русскія.

1. М. С. Корелинъ. Что дала археологія для древнѣйшей исторіи Рима?
2. О. Г. Мищенко. Въ какой мѣрѣ Поволжье было извѣстно древнимъ Грекамъ и Римлянамъ?
3. — Геродотъ, какъ археологъ и этнографъ.
4. Н. И. Новосадскій. Религіозныя вѣрованія древнихъ Грековъ сѣвернаго побережья Чернаго моря.
5. Э. Р. фонъ-Штернъ. Очеркъ исторіи Херсонеса и его отношеній въ древней Руси на основаніи новыхъ археологическихъ открытій.

VIII. Древности южныхъ и западныхъ Славянъ.

1. Бѣлла-де-Пошта. — Славянскіе триптихи и юго-славянскія древности въ Национальномъ Музеѣ въ Буда-Пештѣ.
2. К. В. Корвинъ-Пиотровскій. Городище и такъ называемая „Витольдова башня“ и „Витольдовъ гай“ въ селѣ Большіе Подгайцы, Луцкаго уѣзда, Волынской губ.
3. П. Н. Милюковъ. — Раскопки въ Македоніи.
4. Н. Е. Сѣверный. — Какъ относилась до сихъ поръ историческая наша критика къ основнымъ и второстепеннымъ источникамъ о жизни и дѣятельности славянскихъ просвѣтителей и первоучителей св. Кирилла и Меѳодія и въ чемъ нуждается въ настоящее время научная критика тѣхъ же источниковъ.

5. Ю. Трухелка — Les problèmes préhistoriques et leurs résultats en Bosnie depuis la fondation du Musée.
6. Т. Д. Флоринскій. Говоры македонскихъ славянъ.
7. — Современное положеніе вопроса о подлинности Краледворской рукописи.
8. — Вопросъ о моравскихъ Валахахъ.
9. — Результаты археологическихъ изслѣдованій въ Босніи и Герцеговинѣ по времени австрійской оккупации.
10. — Успѣхи археологическихъ изысканій въ Болгаріи.
11. — Старыя и новыя мнѣнія о происхожденіи польской шляхты.
12. — Черты древняго славянскаго быта у болгарскихъ помаковъ и сербскихъ потурченцевъ.
13. — Отраженія богомилскаго ученія въ литературѣ, искусствѣ и народной поэзіи Южныхъ Славянъ.
14. — Черты сходства и различія между сербскимъ и болгарскимъ эпосомъ.
15. — Происхожденіе южно-славянскаго народнаго эпоса.
16. Хёрманнъ. Конст. — Средневѣковыя памятники Босніи.

IX. Древности восточныя.

1. А. Н. Гренъ. Алародскій вопросъ въ такъ называемыхъ сумерійскихъ клинообразныхъ надписяхъ.
2. — Слѣды хамитскаго вліянія на берега Чернаго моря на Кавказѣ.
3. — Закавказье въ эпоху проповѣди св. Ниною христіанства.
4. — Доисторическая археологія Дагестана, на основаніи лингвистической палеонтологіи горныхъ нарѣчій.
5. К. В. Корвинъ-Шіотровскій. О нѣкоторыхъ памятникахъ армянской письменности, сохранившихся въ бібліотекахъ и архивахъ Западнаго края.
6. Л. З. Мсеріанцъ. — О книгѣ Марра: Сборникъ притчъ Вардона.
7. — О такъ называемыхъ „алародійскихъ“ элементахъ въ армянскомъ языкѣ.
8. М. В. Никольскій. Какія народности населяли Малую Азію и Кавказъ въ эпоху ассирійскаго владычества?
9. — Было ли извѣстно Ассирійцамъ Черное море и Каспійское?
10. Н. И. Троицкій. Пергаментный армянскій шараканъ; его орнаменты.
11. Г. А. Халатьянцъ. Армянскія колоніи въ Крыму и въ Юго-западной Руси, начиная съ XI вѣка.
12. — Каменецкія лѣтописи на армянскомъ и турецкомъ языкахъ за XV, XVI, XVII столѣтія и значеніе ихъ для исторіи отношеній Польши къ ея сосѣдямъ.

X. Нумизматика и сфрагистика.

1. А. И. Черепнинъ. Правиленъ ли установившійся взглядъ на мѣновую стоимость серебрянаго рубля за четыре послѣднія столѣтія?
2. В. О. Эйнгорнъ. Монетное дѣло въ Малороссіи послѣ ея присоединенія къ Великой Россіи.

XI. Памятники археографическія.

1. Д. И. Багалъй. О необходимости преобразования Харьковскаго историческаго архива въ центральный.
2. К. В. Корвинъ-Піотровскій. Ревизіи и инвентари волинскихъ замковъ въ XVI и XVII стол.
3. О. И. Левицкій. О судьбѣ актовыхъ книгъ, относящихся къ исторіи юго-западнаго края и Малороссіи.
4. — Къ исторіи учрежденія центральныхъ архивовъ (Кіевскаго, Виленскаго и Витебскаго).
5. А. Н. Львовъ. Принципы русскаго законодательства объ архивахъ.
6. — Принципы западно-европейскаго и преимущественно французскаго законодательства относительно архивнаго дѣла вообще и въ частности разработки архивныхъ матеріаловъ.
7. — Правительственныя и частныя мѣропріятія, обнаружившіяся у насъ за послѣднія десятилѣтія, къ урегулированію архивнаго дѣла и результаты этихъ мѣропріятій.
8. — Обзоръ современнаго русскаго законодательства объ архивахъ.
9. — Что было бы желательно предпринять нынѣ для болѣе правильной постановки у насъ архивнаго дѣла?
10. В. Б. Нечаевъ. — Описи французскихъ провинціальныхъ архивовъ и публичныхъ библиотекъ.
11. П. Радаковъ. Компуты и ревизіи, какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи.
12. Д. Я. Самоквасовъ. — Правительственная централизація архивныхъ матеріаловъ въ Западной Европѣ.
13. В. Н. Сторожевъ. Опытъ характеристики платежныхъ книгъ XVI вѣка, какъ историческаго источника.
14. С. К. Шамбизаго. — Къ вопросу о разборкѣ дѣлъ, подлежащихъ храненію и уничтоженію.
15. Г. Н. Шмелевъ. — Теорія и практика архивныхъ описей.
16. Е. Ф. Шмурло. — Проектъ учрежденія русскаго архивной комиссіи при Ватиканскомъ и др. италіанскихъ архивахъ.
17. В. О. Эйнгорнъ. Печатные источники исторіи Малороссіи и необходимыя въ настоящее время изданія.

Запросы, на которые желательно получить разъяснение на Съездѣ.

Вопросы общіе.

А. И. Черепнинъ. Какимъ путемъ удобнѣе подвинуть впередъ вопросъ о народности племенъ, заселявшихъ Среднюю Россію до XI ст.?

I. Древности первобытныя.

1. В. Б. Антоновичъ. Похоронные типы въ курганахъ южной части Гродненской губ. (уѣзды Брестскій, Кобринскій, Пружанскій, Слонимскій). Не возможно-ли было бы опредѣлить типы кургановъ: ятвяжскій и славянскій и указать ихъ распредѣленіе и взаимное отношеніе?

2. — Похоронные типы въ курганахъ Холмской земли.

3. — Нѣтъ-ли мегалитическихъ сооружений въ гористой западной Волини?

4. — Нѣтъ-ли слѣдовъ свайныхъ построекъ въ большихъ озерахъ въ сѣверной части Владимирскаго и Ковельскаго уѣздовъ (озера: Туръ, Святизь, Пулемець, Крымно и др.).

5. — Нѣтъ-ли пещеръ со слѣдами жизни первобытнаго человѣка въ гористой части Волини.

6. Н. Ф. Бѣляшевскій. Желательно обследовать въ археологическомъ отношеніи берега рѣки Западнаго Буга въ предѣлахъ Волинской, Гродненской, Люблинской и Сѣдлецкой губерній.

7. — Желательно, чтобы къ Съезду была составлена археологическая карта Люблинской и Сѣдлецкой губерній.

8. В. З. Завитневичъ. Установить по курганнымъ раскопкамъ различіе между славянскимъ и литовскимъ типами погребальнаго обряда и указать границу ихъ соприкосновенія въ области р. Пѣмана.

9. В. И. Сизовъ. Культурная исторія урочища „Калесина“ на Двѣрѣ, по находкамъ и раскопкамъ.

10. А. И. Черепнинъ. Насколько археологическія изслѣдованія подтверждаютъ достоверность лѣтописнаго извѣстія о языческомъ похоронномъ обрядѣ Кривичей и Вятичей?

II. Древности историко-географическія и этнографическія.

1. В. В. Антоновичъ. Определить мѣстоположеніе волынскихъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи, но нынѣ не существующихъ: Пель, Всеволожь, Городець Волынской, Гнойница, Выгошевъ, Колодяжинъ и, если возможно определить ихъ мѣстоположеніе, то указать памятники старины, оставшіеся отъ княжескаго времени.

2. А. И. Бунинъ: Гдѣ находились города: Шарухань, Сугровъ, Осеневъ, Балинь или Галинь, Чешюевъ или Чешлюевъ и рѣка Салница, упоминаемые въ лѣтописяхъ при описаніи походовъ въ землю Половецкую въ 1111 и 1116 г.г. и р.р. Сюрля и Каяла—въ походъ 1185 г.?

3. — Гдѣ находились города: Рижовъ, Дмитровъ, Зартый, Попашъ, Вяханъ или Бяханъ, Глѣбль или Глѣбовъ, Старая Бѣловежа, Ярышевъ, Сновскъ, Оргоць, Семьнь, Хороборъ и Уненѣжъ?

4. — Не было-ли изслѣдовано и сдѣлано какихъ-либо находокъ древнихъ вещей: на городищѣ древняго Выря (на коемъ теперь находится г. Бѣлополье, Сумскаго уѣзда), на упоминаемыхъ въ книгѣ Большаго Чертежа городищахъ, расположенныхъ: а) по Сѣверскому Донцу: Нежегольскомъ, Салтановскомъ, Котковскомъ или Колновскомъ, Гумнинѣ, Чугуевѣ, Мохначевѣ, Змѣевѣ, и Каменномъ и б) по р. Удамъ: Кабановѣ, Хорошемъ и Донецкомъ, а также на упоминаемыхъ въ Историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи городищахъ: по лѣвую сторону р. Мжа: Ординскомъ, Казарскомъ и на р. Коломанѣ — Коломацкомъ?

5. — Гдѣ находился валъ половецкій, упоминаемый въ лѣтописяхъ подъ 1223 г.?

6. Н. П. Дашкевичъ. Установить границу земель: Полянской и Древянской.

7. — Древянскія историческія преданія.

8. В. З. Завитневичъ. Объяснить происхожденіе названія и определить границы географическаго распредѣленія Руси: Бѣлой, Черной и Желтой.

9. А. А. Кочубинскій. Ройцы или Райляне въ нынѣшней сѣверной Бессарабіи.

10. — Ономастиконъ Старой Бессарабіи по грамотамъ Славяно-Руссовъ.

11. — Происхожденіе православно-униатскихъ Мадьяръ въ сѣверо-восточной Венгріи.

12. — Теорія Др. Милитича о болгаряхъ Трансильваніи.

13. Н. И. Петровъ. Желательна точная формулировка „спорныхъ вопросовъ по топографіи Кіева“ и особенно относительно плана Кіева 1638 года, возбужденныхъ профессоромъ С. Т. Голубевымъ, и рѣшеніе этихъ вопросовъ.

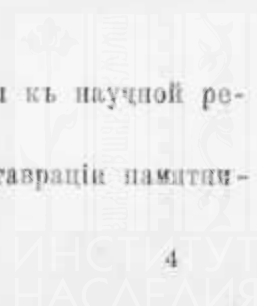
14. — М. М. Плохинскій. Архивныя данныя о заселеніи нѣмецкими колонистами Бѣловѣжской пустоши.

15. Э. Н. Сетэля. Какія заключенія можно вывести по даннымъ языка и другимъ обстоятельствамъ о древнѣйшей культурѣ Финно-угровъ. Какова была степень образованія, на которой находились предки нынѣшнихъ западныхъ Финновъ и Мордвы въ то время, когда тѣ и другіе говорили однимъ общимъ языкомъ?

III. Памятники искусствъ и художествъ.

1. Н. В. Покровскій. Какія требованія должны быть предъявляемы къ научной реставраціи памятниковъ стариннаго русскаго иконописанія?

2. — Какія требованія должны быть предъявляемы къ научной реставраціи памятниковъ старинной русскаго архитектуры?

3. В. В. Сусловъ. Постепенное искаженіе памятниковъ русской архитектуры и средства къ ихъ охраненію.

4. — Охарактеризовать отрасли искусства въ древнемъ быту русскаго народа по вещественнымъ памятникамъ.

IV. Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный.

1. П. В. Владиміровъ. Существовали ли въ древней Руси до XV ст. правильно организованныя школы и, если существовали, то гдѣ искать ихъ слѣдовъ?

2. Д. П. Миллеръ. Судебное устройство въ Малороссіи отъ 1648 г. до реформы 1763 года.

3. Н. И. Петровъ. Данныя для исторіи православной Гойской или Гоцанской коллегіи на Волини XVII вѣка.

4. М. М. Плохинскій. Необходимость составленія объяснительнаго словаря товаровъ, которыми торговали на Руси въ XVII—XVIII вв., особенно на югѣ.

V. Древности церковныя.

1. А. И. Кирпичниковъ. Вліяніе русской иконописи на афонскую въ XVI—XVII вѣкахъ.

2. Н. И. Петровъ. Кіевская старина по древнимъ эколпіонамъ, крестикамъ и образкамъ.

3. Н. В. Покровскій. Черты русской самобытности въ памятникахъ искусства Кіевского періода (X—VII в.).

4. Н. И. Троицкій. Желательно получить къ Съезду свѣдѣнія, гдѣ и какія находятся вериги и древнія параманды (по возможности точное описаніе матеріала, вѣса, вида и проч.).

5. А. С. Хахановъ. Грузинскія древности въ ризницахъ кіевскихъ храмовъ.

6. Л. М. Савеловъ. Вѣрно ли извѣстіе, что Московскій патріархъ Іоакимъ Савеловъ († 1690) получилъ образованіе въ Кіево-Могилянской академіи.

VI. Памятники языка и письма.

1. П. В. Владиміровъ. Какіе переводы съ греческаго и другихъ языковъ были сдѣланы въ предѣлахъ древней Руси до XIV ст.?

2. А. И. Кирпичниковъ. Взаимодѣйствіе русской иконописи и письменности въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

3. Н. И. Петровъ. Желательно было бы имѣть ко времени Съезда описаніе собранія кіево-софійскихъ рукописей, какъ единственно остающихся въ Кіевѣ безъ описанія.

VII. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія.

1. М. С. Корелинъ. Что дала антропология и сравнительное языковѣдѣніе для древней этнографіи Италіи?

2. Н. И. Троицкій. Нельзя ли опредѣлить общія типическія черты лицевыхъ композицій на западныхъ порталахъ храмовъ готической архитектуры (Страсбургскаго собора и др.)?

3. Э. Р. фонъ-Штернъ, Опредѣлить по археологическимъ даннымъ, особенно по находкамъ кладовъ (Depotfunde), какъ далеко распространялись въ придунайскій бассейнъ сношенія съ классическими народами и ихъ вліяніе.

VIII. Древности южныхъ и западныхъ Славянъ.

1. Т. Д. Флоринскій. Пересмотръ (въ цѣломъ и частяхъ) вопроса о расселеніи Славянъ и объ образованіи славянскихъ народностей на основаніи новѣйшихъ данныхъ исторической этнографіи и діалектологіи.

IX. Древности восточныя.

1. И. А. Линниченко. Общій очеркъ сношеній Кіевской Руси (до Татаръ) съ Востокомъ.

2. М. В. Никольскій. Нѣтъ ли въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ кавказскихъ народовъ упоминанія о народѣ *Халдеевъ* или *Халдѣйцевъ*, одноименномъ съ Халдеями Месопотаміи, жившемъ въ Курдистанѣ и около Чернаго моря?

3. А. С. Хахановъ. Поселенія Грузинъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ.

X. Нумизматика и сфрагистика.

1. А. И. Черепнинъ. Можно ли считать вполне устраненнымъ мнѣніе объ обращеніи кожаныхъ денегъ на Руси до XV ст.?

XI. Памятники археографическіе.

1. Нижегородская и Ярославская Архивныя Коммиссіи. О выработкѣ общей программы дѣятельности Архивныхъ Коммиссій.

2. Н. И. Петровъ. Желательны были бы разборъ и приведеніе въ извѣстность содержанія стараго архива Кіевской Духовной Консисторіи.

3. В. Н. Сторожевъ. Составить обзоръ хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи документовъ касающихся исторіи Малороссіи вообще и Кіева въ частности, при чемъ желательно, чтобы особенное вниманіе обращено было: 1) на дѣла Кіевского стола, Разряда, Малороссійскаго приказа, Петровскихъ — Сената и Коллегій, 2) на данныя экономическаго быта и 3) на точное и окончательное уясненіе отношенія, въ какомъ находятся изданные Н. И. Костомаровымъ и Г. О. Карповымъ документы XVII столѣтія къ тѣмъ, которые остались неизданными, и на то, чтобы характеризованы были самыя издательскіе приемы двухъ названныхъ лицъ.

4. — Выработать приемы систематическаго и строго научнаго описанія и изданія документовъ центральныхъ и областныхъ учреждений Россіи XVIII столѣтія.

5. В. Н. Сторожевъ. Представить опытъ документальной разработки исторіи Помѣстнаго приказа и Вотчинной Коллегіи по столбцамъ, книгамъ и связкамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

6. — Составить систематическое и строго научное описаніе такъ называемыхъ грамотъ Коллегіи Экономіи, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

7. — Не слѣдуетъ ли принять скорыя и рѣшительныя мѣры по вопросу о предоставленномъ губернскимъ Ученымъ Архивнымъ Коммисіямъ правѣ оцѣнки архивныхъ документовъ съ точки зрѣнія необходимости одни сохранить, другіе подвергнуть уничтоженію?

Засѣданіе Совѣта Съѣзда.

31 Іюля, вечеромъ.

Въ 8 ч. вечера, въ актовомъ залѣ Императорскаго университета Св. Владиміра, состоялось засѣданіе Совѣта Съѣзда подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Московскаго Предварительнаго Комитета Съѣзда, графини П. С. Уваровой и въ присутствіи г.г. депутатовъ и представителей ученыхъ Обществъ и учреждений, Д. И. Абрамовича (С.-Петербургской Духовной Академіи) В. В. Антоновича (Предсѣдателя Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета и депутата Императорскаго университета Св. Владиміра и Историческаго Общества Нестора Лѣтописца), Д. Н. Анучина (Императорскаго Московскаго Университета и Имп. Московскаго Археологическаго Общества), Д. И. Багалѣя (Имп. Харьковскаго университета и Историко-Филологическаго Общества при Харьков. унив.), С. К. Богоявленскаго (Московск. Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ), П. А. Божко (Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета), А. К. Бороздина (Импер. С.-Петербургскаго университета), г.-л. Н. Е. Бранденбурга (Главнаго Артиллерійскаго Управленія), І. А. Бродовича (Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи), В. П. Бузескула (Импер. Харьковскаго университета и Историко-Филологическаго Общества при Харьков. унив.), А. И. Бунина (Импер. Московскаго Археологическаго Общества), Н. Θ. Бѣляшевскаго (Историческаго Общества Нестора Лѣтописца), П. В. Владимірова (Импер. унив. Св. Владиміра), А. П. Воронова (Археологическаго Института въ Спб.), А. К. фонъ-Геденштрёмъ (Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній), Ю. Г. Гендуке (Археологическаго Института въ Спб.), В. Т. Георгіевскаго (Владимірской Ученой Архивной Комиссіи), Е. В. Дегенъ (Варшавской Казенной Палаты), М. В. Довнаръ-Запольскаго (Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Архива Министерства Юстиціи), В. З. Завягневича (Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи), В. Н. Златарскаго (Вышей Школы въ Софіи), М. П. Истомина (Импер. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и Историко-Филологическаго Общества при Новоросійскомъ унив.), В. В. Калаша (Импер. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи), И. М. Каманина (Кіевскаго Центральнаго Архива), А. И. Кириичникова (Импер. Московскаго універс., Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ), д-ра Ф. Копера (Краковской Академіи Наукъ), Θ. В. Кораллова (Холмскаго Св.-Богородицкаго братства), прот. І. Н. Королькова (Кіевской Духов-

ной Академіи), В. А. Кордта (Импер. университета св. Владиміра и Эстляндскаго Литературнаго Общества), Ю. А. Кулаковскаго (Импер. университета св. Владиміра и Таврической Ученой Архивной Коммисіи), Л. Я. Лавровскаго (Смоленскаго церковно-археологическаго Комитета), В. П. Ламанскаго (Императорскаго Русскаго Географическаго Общества), П. А. Лашкарева (Кіевской Духовной Академіи), А. С. Лаппа-Данилевскаго (Археографической Коммисіи Мин. Нар. Просв.), А. П. Лебедева (Импер. Московскаго университета), О. И. Левицкаго (Кіевской Археографической Коммисіи), М. И. Лилеева (Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ кн. Безбородко), В. Г. Ляскоронскаго (Историческаго Общества Нестора Лѣтописца), А. Н. Львова (Архива Святѣйшаго Синода), Е. Н. Мельникъ (Историческаго Общества Нестора Лѣтописца), Г. А. Муркоса (Спеціальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ), Л. Г. Пидерле (Чешскаго Университета), В. Н. Николаева (Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета), Н. Г. Николаева (Археологическаго Института въ СПБ.), А. А. Парландъ (Археологическаго Института въ СПБ.), д-ра П. Папачекъ (Общества Чешскихъ древностей), Н. И. Петрова (Церковно Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи), С. П. Писарева (Смоленскаго Статистическаго Комитета), о. В. И. Плисъ (Рижскаго Церковно-Археологическаго Музея), И. М. Покровскаго (Казанской Духовной Академіи), Н. В. Покровскаго (С.-Петербургской Духовной Академіи и Археологическаго Института въ СПБ.), д-ра Ю. Поливка (Чешскаго университета), О. О. Похвалинскаго (Орловской Ученой Архивной Коммисіи), С. Л. Пташицкаго, (Импер. Русскаго Археологическаго Общества), А. С. Раевского (Архива Мин. Нар. Просв. и Археологическаго Института въ СПБ.), О. Ф. Ретовскаго (Таврической Ученой Архивной Коммисіи), Ф. В. Ржига (Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи), С. В. Рождественскаго (Импер. С.-Петербургскаго университета и Импер. Русскаго Археологическаго Общества), А. В. Розова (Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета), Л. М. Савелова (Русскаго Генеалогическаго Общества), В. И. Сизова (Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Импер. Россійскаго Историческаго Музея), М. Н. Сперанскаго (Историко-филологическаго Института кн. Безбородко), И. А. Сребницкаго (Историко-филологическаго Общества при Институтѣ кн. Безбородко), о. О. И. Титова (Кіевской Духовной Академіи), Н. И. Троицкаго (Гульскаго епархіальнаго древнехранилища), В. К. Трутовскаго (Импер. Московскаго Археологическаго Общества и Московской Оружейной Палаты), Б. А. Тураева (Импер. С.-Петербургскаго универс.), В. И. Успенскаго (Археологическаго Института въ СПБ.), М. И. Успенскаго (Воронежскаго Статистическаго Комитета), Ф. А. Ушакова (Псковскаго Археологическаго Общества), Б. В. Фармаковскаго (Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ), И. П. Филевича (Императорскаго Варшавскаго университета), д-ра С. Филиппа (Чаславскаго Музея), О. Я. Фортинскаго (ректора Императорскаго университета св. Владиміра), О. А. Фотинскаго (Волинскаго Церковно-археологическаго Общества), И. Н. Халиппа (Бессарабской Ученой Архивной Коммисіи), Б. И. Ханенко (Кіевскаго Общества Древности и Искусствъ), І. А. Хайновскаго (Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета), В. В. Хвойко (Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ), Д. В. Цвѣтаева (Импер. Варшавскаго университета и Варшавскаго Генераль-Губернатора), Б. Цонева (Высшей Школы въ Софіи), А. И. Черепнина (Рязанской Ученой Архивной Коммисіи), И. Д. Четыркина (Калужской Ученой Архивной Коммисіи), И. Шишманова (Высшей Школы въ Софіи), Н. А. Штоффъ (Археологическаго Института въ СПБ.), В. Н. Щенкина (Импер. Россійскаго Историческаго Музея), В. И. Щербина (Историческаго Общества Нестора Лѣтописца), Д. П. Эваривецкаго (Импер. Московскаго Археологическаго Общества), О. О. Эйхельмана (Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета), Я. Янко (Національнаго Музея въ Будапештѣ),

А. Н. Ясинскаго (Импер. Юрьевского университета), М. Н. Ясинскаго (Историческаго Общества Нестора Лѣтовисца), С. Д. Яхонтова (Рязанской Ученой Архивной Коммисіи) и Х. П. Ящуржинскаго (Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ и Таврической ученой архивной коммисіи).

1. Доложены и проверены увѣдомленія ученыхъ Обществъ и учреждений о назначеніи депутатовъ на Съѣздъ.

2. Предсѣдатель доложилъ правила Съѣзда, какъ руководство къ предстоящимъ занятіямъ Съѣзда.

3. Доложено отношеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія съ увѣдомленіемъ, что официальное открытіе и закрытіе Съѣзда поручено г. Попечителю Кіевскаго учебнаго округа тайн. сов. В. В. Вельяминову-Зернову.

4. Произведены выборы должностныхъ лицъ Съѣзда, причемъ за малымъ количествомъ докладовъ, заявленныхъ по X отдѣленію—Пумизматика и сфрагистика—отдѣленіе это соединено съ III—Памятниковъ искусствъ и художествъ.

Личный составъ Създа.

Почетный Предсѣдатель Създа

Его Императорское Высочество Великій Князь Сергѣй Александровичъ.

Предсѣдатель Създа

Графиня Прасковья Сергѣевна Уварова.

Секретари Създа:

Василій Григорьевичъ Ляскоронскій и Владиміръ Константиновичъ Трутовскій.

Предсѣдатель Ученаго Комитета:

Владиміръ Бонифатьевичъ Антоновичъ.

Секретари Ученаго Комитета:

Сергѣй Константиновичъ Богоявленскій и Орестъ Ивановичъ Левицкій.

Распорядительный Комитетъ:

Предсѣдатель: Илья Андреевичъ Спѣжко.

Члены: П. А. Божко, Н. М. Бубновъ, В. Н. Николаевъ, А. В. Розовъ, и О. О. Эйхельманъ.

Казначей Совѣта:

Иванъ Михайловичъ Каманинъ.

Предсѣдатели и Секретари Отдѣленій:

I. Древностей Первобытныхъ.

Предсѣдатель: Дмитрій Николаевичъ Анучинъ.

Секретарь: Николай Федотовичъ Бѣляшевскій.

II. Древностей историко-географических и этнографических.

Председатель: Димитрій Ивановичъ Багалъй.

Секретарь: Орестъ Авксентьевичъ Фотинскій.

III. Памятниковъ искусствъ и художествъ.

Председатели: Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ и Алексѣй Андреевичъ Павловскій.

Секретарь: Борисъ Владиміровичъ Фармаковскій.

IV. Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный.

Председатель: Ѳедоръ Яковлевичъ Фортинскій.

Секретари: Андрей Сергѣевичъ Вязиганъ и Антонъ Никитичъ Ясинскій.

V. Древностей церковныхъ.

Председатель: Николай Васильевичъ Покровскій.

Секретари: Альфредъ Александровичъ Парландъ и Василій Ивановичъ Успенскій.

VI. Памятниковъ языка и письма.

Председатель: Николай Ивановичъ Петровъ.

Секретари: Александръ Корнилевичъ Бороздинъ и Борисъ Александровичъ Тураевъ.

VII. Древностей византийскихъ, классическихъ и западно-европейскихъ.

Председатель: Юліанъ Андреевичъ Кулаковскій.

Секретарь: Борисъ Владиміровичъ Фармаковскій.

VIII. Древностей южныхъ и западныхъ славянъ.

Председатель: Владиміръ Ивановичъ Ламанскій.

Секретари: Василій Николаевичъ Златарскій и Николай Эрнестовичъ Глокке.

IX. Древностей восточныхъ.

Председатель: Владиміръ Владиміровичъ Вельяминовъ-Зерновъ.

Секретарь: Борисъ Александровичъ Тураевъ.

XI. Памятниковъ археологическихъ.

Председатель: Петръ Васильевичъ Голубовскій.

Секретари: Митрофанъ Викторовичъ Довнаръ-Запольскій и Николай Геннадьевичъ Николаевъ.

Депутаты ученых Обществъ и учреждений.

1. Императорскаго Московскаго Университета: Д. Н. Анучинъ, М. В. Духовской, Д. Н. Зерновъ, А. И. Кирпичниковъ, В. О. Ключевскій, А. П. Лебедевъ, В. О. Миллеръ, И. Ф. Огневъ, Д. Я. Самоквасовъ, М. И. Соколовъ.
2. Императорскаго С.-Петербургскаго Университета: А. К. Бороздинъ, Н. И. Веселовскій, Н. В. Волковъ, В. И. Ламанскій, С. О. Платоновъ, С. В. Рождественскій, А. И. Соболевскій, Б. А. Тураевъ.
3. Императорскаго Казанскаго Университета: О. Г. Мищенко.
4. Императорскаго Новороссійскаго Университета: В. М. Истринъ, А. А. Кочубинскій, П. А. Лавровъ, И. А. Линиченко, А. А. Павловскій, Э. Р. фонъ-Штернъ.
5. Императорскаго Университета Св. Владиміра: В. Б. Антоновичъ, П. В. Владиміровъ, П. В. Голубовскій, В. С. Иконниковъ, Ю. А. Кулаковскій, О. Я. Фортинскій, В. А. Кордтъ.
6. Императорскаго Харьковскаго Университета: Д. И. Багалъй, В. П. Бузескулъ, А. С. Вязигинъ, М. С. Дриновъ, Н. А. Максимовъ, И. Н. Миклашевскій, Е. К. Рѣдивъ, М. Е. Халанскій.
7. Императорскаго Юрьевскаго Университета: М. А. Дьяковъ, М. Е. Красножовъ, В. К. Мальмбергъ, Е. В. Пѣтуховъ, Е. Ф. Шмурло, А. Н. Ясинскій.
8. Императорскаго Варшавскаго Университета: П. П. Филевичъ, Д. В. Цвѣтаевъ, Н. Н. Любовичъ.
9. Чешскаго Университета въ Прагѣ: Л. Нидерле, Г. Поливка.
10. Высшей Школы въ Софіи (Болгарія): В. Н. Златарскій, Л. Милетичъ, Б. С. Цоневъ, И. Д. Шимановъ.
11. Историко-филологическаго Института кн. Безбородко: М. Н. Бережковъ, В. К. Пискорскій, М. Н. Сперанскій.
12. Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Г. А. Муркосъ, А. С. Хахановъ, баронъ Р. Р. Штакельбергъ.
13. Рижскаго Учебнаго Округа: О. Милевскій.
14. Чешской Академіи Наукъ: Яроміръ Челяковскій и О. В. Пичъ.
15. Краковской Академіи: Ф. Копера.
16. Московскаго Духовнаго Академіи: А. П. Голубцовъ.
17. С.-Петербургскаго Духовнаго Академіи: Д. И. Абрамовичъ, П. Н. Жуковичъ, Н. В. Покровскій, А. И. Пономаревъ.
18. Кіевскаго Духовнаго Академіи: П. В. Голубевъ, А. А. Дмитріевскій, прот. Г. Н. Корольковъ, П. А. Лашкаревъ, свящ. О. И. Титовъ.
19. Казанскаго Духовнаго Академіи: П. М. Покровскій.
20. Смоленскаго Духовнаго Семинаріи: Д. К. Вишневскій.
21. Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: А. Л. Бертъе-Делагардъ, М. П. Истомино, А. А. Кочубинскій, П. А. Ливниченко, А. В. Лонгиновъ, А. И. Маркевичъ, П. А. Маврокордато, А. А. Павловскій, Э. Р. фонъ-Штернъ.
22. Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: Н. П. Кондаковъ, С. Л. Пташницкій, С. В. Рождественскій.
23. Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: Д. Н. Анучинъ, А. И. Бунинъ, К. М. Быковскій, В. А. Городцовъ, Ю. В. Готье, М. В. Довнаръ-Запольскій, Д. И. Иловайскій, А. И. Кирпичниковъ, В. О. Миллеръ, Л. З. Мсерианецъ, Н. В. Ники-

тинъ, М. В. Никольскій, Д. Я. Самоквасовъ, С. С. Слуцкій, С. У. Соловьевъ, М. И. Соколовъ, В. И. Сизовъ, В. К. Трутовскій, Графиня П. С. Уварова, А. И. Успенскій, А. С. Хахановъ, В. И. Холмогоровъ, Д. И. Эварницкій.

24. Историческаго Общества Нестора Лѣтописца: В. Б. Антоновичъ, А. М. Лазаревскій, В. Г. Ляскоронскій, І. А. Малиновскій, В. П. Науменко, В. И. Щербина, М. Н. Ясинскій.

25. Импер. Общества Любителей Древней письменности: В. В. Майковъ, П. Н. Шефферъ.

26. Импер. Русскаго Географическаго Общества: П. И. Веселовскій, В. И. Ламапскій.

27. Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии: Д. Н. Анучинъ, В. В. Каллашъ, В. О. Миллеръ.

28. Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ: В. С. Иконниковъ, Н. И. Петровъ, С. С. Слуцкій.

29. Императорскаго Московскаго Общества Испытателей природы: В. Д. Соколовъ.

30. Кіевскаго Общества древностей и искусствъ: Б. И. Ханенко, В. В. Хвойко.

31. Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ: В. П. Бузескулъ, А. С. Вязигинъ, А. Я. Ефименко, Е. К. Рѣдинъ, С. В. Соловьевъ, Н. О. Сумцовъ, Н. А. Федоровскій.

32. Историко-филолог. Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ: М. И. Истомино, П. А. Линиченко, А. И. Маркевичъ, П. Н. Шейминъ, Х. П. Ящуржинскій.

33. Историко-филологическаго Общества при Институтѣ Ки. Безбородко: А. П. Кодлубовскій, М. И. Лилеевъ, И. А. Сребницкій.

34. Общества Археологии, Исторіи и Этнографии при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ: А. И. Александровъ, А. С. Архангельскій, Д. В. Васильевъ.

35. Общества Любителей Чешскихъ Древностей въ Прагѣ: П. Папачекъ.

36. Общества Любителей Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній: Р. Гаусманъ, А. фонъ-Геденштремъ.

37. Кіевскаго Отдѣленія Обществъ Классической Филологии и Педагогики: В. И. Петръ, А. О. Поспишилъ, Э. И. Тимошенко.

38. Русскаго Генеалогическаго Общества: Л. М. Савеловъ.

39. Псковскаго Археологическаго Общества: А. А. Тавнеръ, Ф. А. Ушаковъ.

40. Эстонскаго Ученаго Общества: Р. Гаусманъ.

41. Эстляндскаго Литературнаго Общества: В. А. Кордтъ.

42. Рижскаго Латышскаго Общества: А. Веберъ.

43. Общества Prussia въ Кенигсбергѣ: д-ръ Читакъ.

44. Société des Antiquaires de France: баронъ І. А. деБай.

45. Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи: І. А. Бродовичъ, В. З. Завитневичъ, Н. И. Петровъ.

46. Волинскаго Церковно-Археологическаго Общества: о. А. Фотинскій.

47. Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета: о. Е. Сѣцинскій.

48. Смоленскаго Церковно-Археологическаго Комитета: Л. Я. Лавровскій.

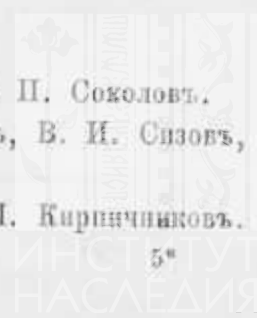
49. Холмскаго Св. Богородицкаго Братства: О. В. Коралловъ.

50. Тульскаго Епархіальнаго Древлехранилища: Н. И. Тронцкій.

51. Рижскаго Церковно-Археологическаго Музея: о. В. И. Плиссъ, П. П. Соколовъ.

52. Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея: И. Е. Здѣляевъ, В. И. Сизовъ, В. Н. Щепкинъ, кн. Н. С. Щербатовъ.

53. Московскаго Публ. и Румянцевск. Музеевъ: С. О. Долговъ, А. И. Киричниковъ.

54. Московской Оружейной Палаты: В. К. Трутовскій.
55. Музея города Берсунь (въ Чехіи): П. Паначекъ.
56. Музея въ Сераевѣ (Боснія): К. Хорманнъ и Ч. Трухелка.
57. Венгерскаго національнаго Музея: Я. Янко.
58. Императорскаго Музея въ Вѣнѣ: Ф. Хегеръ.
59. Школы Изящныхъ Искусствъ въ Кёнигсбергѣ: Чихакъ.
60. Национальнаго Музея въ Ольмюцѣ: г-жа М. Ванкелова.
61. Московскаго Архива Министерства Юстиціи: М. В. Довнаръ-Запольскій.
62. Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: С. К. Богоявленскій, Н. В. Рождественскій, С. С. Слуцкій.
63. Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора: А. В. Половцевъ.
64. Кіевскаго Центральнаго Архива: И. М. Каманинъ.
65. Архива Святѣйшаго Синода: А. Н. Львовъ.
66. Археографической Коммисіи Мян. Нар. Просвѣщенія: А. С. Лаппо-Данилевскій.
67. Кіевской Археографической Коммисіи: О. П. Левицкій.
68. Археологич. Института: А. П. Вороновъ, Ю. Г. Гендуне, А. А. Парландъ, Н. Г. Николаевъ, А. Л. Погодинъ, Н. В. Покровскій, А. И. Соболевскій, В. И. Успенскій, Н. А. Штофъ.
69. Бессарабской Ученой Архивной Коммисіи: И. Н. Халиппа.
70. Владимірской Ученой Архивной Коммисіи: Е. В. Войниловичъ, В. Т. Георгіевскій, А. П. Поливановъ, А. В. Селивановъ.
71. Калужской Ученой Архивной Коммисіи: В. М. Кашкаровъ, Д. В. Смирновъ, П. А. Трейтеръ, П. Д. Четыркинъ.
72. Костромской Ученой Архивной Коммисіи: Н. М. Бекаревичъ, А. П. Поливановъ.
73. Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи: А. И. Звѣздннъ, Ф. В. Ржига, А. А. Савельевъ, В. Н. Сторожевъ, В. О. Эйпгорнъ.
74. Орловской Учен. Архивной Комм.: Графъ П. Е. Комаровскій, О. О. Похвалинскій.
75. Рязанской Ученой Архивной Коммисіи: А. И. Черепнинъ, С. Д. Яхонтовъ.
76. Симбирской Уч. Арх. Комм.: М. А. Евреиновъ, В. П. Мещериновъ, В. Н. Поливановъ.
77. Таврической Ученой Архивной Коммисіи: Н. И. Вессловскій, Ю. А. Кулаковскій, Ал. И. Маркевичъ, Арс. И. Маркевичъ, О. Ф. Ретовскій, Х. П. Ящуржинскій.
78. Тамбовской Ученой Архивной Коммисіи: И. И. Дубасовъ.
79. Черниговской Ученой Архивной Коммисіи: П. Н. Тихановъ.
80. Ярославской Ученой Архивной Коммисіи: В. А. Городцовъ.
81. Витебскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: И. А. Введенскій.
82. Волынскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: Н. И. Коробка, И. И. Леонтьевъ.
83. Воронежскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: М. Н. Быловъ, о. С. Е. Звѣревъ, А. М. Правдинъ, А. И. Успенскій.
84. Ковенскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: К. П. Гуковскій.
85. Лифляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: В. К. Фогель.
86. Смоленскаго Губернскаго Статистическаго Комитета: С. П. Писаревъ.
87. Главнаго Артиллерійскаго Управленія: г.-л. Н. Е. Бранденбургъ.
88. Управленія Варшавскаго Генераль-Губернатора: Д. В. Цвѣтаевъ.
89. Варшавской Казенной Палаты: Л. В. Дегенъ.
90. Кіевскаго Городскаго Общественнаго Управленія: П. А. Божко, Н. М. Бубновъ, В. Н. Николаевъ, А. В. Розовъ, И. А. Снѣжко, О. О. Эйхельманъ.

Ч л е н ы С ъ ъ з д а.

- Абламовичъ, Іосифъ Эдуардовичъ.
Абрамовичъ, Дмитрій Ивановичъ (С.-П.-Б.).
Абуладзе, Валентинъ Фаддеевичъ. (Кіевъ).
Александрова, Вѣра Васильевна. (Кіевъ).
Алексѣева, Антонина Васильевна. (Кіевъ).
Андріевскій, Иванъ Семеновичъ.
Андрониковъ, Александръ Николаевичъ.
Антоній, о. архимандритъ. (Кіевъ).
Антоновичъ, Владиміръ Бонифатьевичъ. (Кіевъ).
Антоновичъ, Дмитрій Владиміровичъ. (Кіевъ).
Антошевскій, Иванъ Казиміровичъ.
Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ. (Москва).
Армашевскій, Петръ Яковловичъ. (Кіевъ).
Архангельскій, Александръ Семеновичъ. (Казань).
Архивъ Министерства Юстиціи. (Москва).
Афанасьевъ, Георгій Емельяновичъ. (Кіевъ).
Багалій, Дмитрій Ивановичъ. (Харьковъ).
Бай, баронъ-де, Іосифъ Августовичъ. (Парижъ).
Балашовъ, Сергій Семеновичъ.
Барацъ, Германъ Марковичъ. (Кіевъ).
Барвинскій, Александръ. (Львовъ).
Бекаревичъ, Николай Михайловичъ. (Кострома).
Безсмертный, Евгенийъ Адріановичъ. (Кіевъ).
Бережковъ, Михаилъ Николаевичъ. (Нѣжинъ).
Беренштамъ, Вильямъ Людвиговичъ.
Берзинъ, Людвигъ Ансовичъ. (Рига).
Берло, Анна Львовна. (Кіевъ).
Бертъе-де-ла-Гардъ, Александръ Львовичъ. (Одесса).
Бестужевъ-Рюманъ, Николай Васильевичъ. (Кіевъ).
Беценбергеръ, докторъ Адальбертъ. (Кенигсбергъ).
Бобинъ, Сергій Павловичъ. (Кіевъ).
Бобринскій, графъ Алексій Александровичъ. (Петербургъ).
Богдановъ, Иванъ Андреевичъ. (Кіевъ).
Богдановичъ, Порфирій Герасимовичъ. (Кіевъ).
Богоявленскій, Сергій Константиновичъ. (Москва).
Божко, Прокофій Артемьевичъ. (Кіевъ).
Болеуновскій, Карлъ Васильевичъ. (Кіевъ).
Борисовъ, Владиміръ Леонидовичъ. (Казань).
Бороздинъ, Александръ Корниліевичъ. (Петербургъ).
Бороздина, Елена Виссаріоновна. (Петербургъ).
Борнмиллеръ, Карлъ Генриховичъ.
Бранденбургъ, Николай Ефимовичъ. (Петербургъ).
Бродовичъ, Іосифъ Александровичъ. (Кіевъ).

- Бубновъ, Николай Михайловичъ. (Кіевъ).
Бугославскій, Григорій Кирилловичъ. (Смоленскъ).
Бузескуль, Владиславъ Петровичъ. (Харьковъ).
Бузескуль, Екатерина Гавриловна. (Харьковъ).
Букшованый, Василій Ивановичъ. (Ромны).
Бунинъ, Алексѣй Ивановичъ. (Гатчина).
Бутовичъ, Владиміръ Николаевичъ. (Кіевъ).
Быловъ, Михаилъ Николаевичъ. (Воронежъ).
Бѣлла де Пошта. (Бухарестъ).
Бѣляевъ, Александръ Дмитріевичъ. (Сергіевъ Посадъ).
Бѣляшевскій, Николай Ѳедотовичъ. (Кіевъ).
Вагнеръ, Генрихъ Ивановичъ. (Нарва).
Вакуловскій, Николай Николаевичъ. (Петербургъ).
Ванкелова, Магдалина. (Моравія, Ольмюцъ).
Ванѣкъ, Иванъ Каэтановичъ. (Чехія).
Василенко, Николай Прокофьевичъ. (Кіевъ).
Васильевъ, Александръ Тихоновичъ.
Васильевъ, Дмитрій Васильевичъ. (Казань).
Вельяминовъ-Зерновъ, Владиміръ Владиміровичъ. (Кіевъ).
Веневитиновъ, Михаилъ Алексѣевичъ. (Москва).
Веселовскій, Николай Ивановичъ. (Петербургъ).
де Витте, Елизавета Ивановна. (Кіевъ).
Виттыгъ, Викторъ Михайловичъ. (Варшава).
Вишневскій, Дмитрій Кузьмичъ. (Смоленскъ).
Владиміровъ, Петръ Владиміровичъ. (Кіевъ).
Войниловичъ, Евгеній Викентіевичъ. (Ковровъ, Владимір. губ.).
Волковъ, Николай Владиміровичъ. (Петербургъ).
Волянскій, Адамъ Адамовичъ. (Волинской губ.).
Вороновъ, Андрей Петровичъ. (Петербургъ).
Воронова, Лидія Дмитріевна. (Серпуховъ).
Выслоухъ, Антонъ Антоновичъ. (Гродненской губ.).
Вязигинъ, Андрей Сергѣевичъ. (Харьковъ).
Галимскій, Владиславъ Михайловичъ. (Кіевъ).
Гамченко, Сергѣй Сергѣевичъ.
Гебенштрайтъ, Христіанъ Дмитріевичъ.
Геденштремъ, Альфредъ Карловичъ фонъ. (Рига).
Геллихъ, Богуславъ Эммануиловичъ. (Прага).
Геллихъ, Иванъ Эммануиловичъ. (Чехія, Подеброды).
Гендриковъ, графъ Александръ Дмитріевичъ. (Петербургъ).
Гендуне, Юлія Густавовна. (Петербургъ).
Георгіевскій, Василій Тимофеевичъ. (Владиміръ на Клязмѣ).
Глазеръ, Карлъ Францевичъ. (Австрія).
Глинка, Оттонъ Томашевичъ. (Кіевъ).
Глокке, Николай Эрнестовичъ. (Кіевъ).
Голубовскій, Петръ Васильевичъ. (Кіевъ).
Голубцовъ, Александръ Петровичъ. (Сергіевъ Посадъ Моск. губ.).

- Гольдштейнъ, Александръ Львовичъ. (Кіевъ).
Городцовъ, Василій Алексѣевичъ. (Ярославль).
Горталовъ, Николай Константиновичъ.
Госсе Альфонсъ. (Реймсъ, Марна, Франція).
Гремплеръ, докторъ. (Бреславль).
Гудимъ-Левковичъ, Анатолій Викторовичъ. (Кіевъ).
Гуляева, Любовь Михайловна. (Кіевъ).
Гурскій, Владиславъ Юліановичъ. (Подольской губ.).
Дадыкинъ, Иванъ Макаровичъ.
Данилевичъ, Василій Ефимовичъ. (Юрьевъ).
Дашкевичъ, Николай Павловичъ. (Кіевъ).
Дегенъ, Евгений Викторовичъ. (Варшава).
Дединцовъ, Модестъ Александровичъ.
Демченко, Григорій Васильевичъ. (Варшава).
Дени, Людвигъ Людвиговичъ.
Димковичъ, Емельянъ Юліановичъ.
Длускій, Алонзій Юсифовичъ.
Дмитріевъ, Николай Андреевичъ. (Полтава).
Добровольскій, Леонидъ Павловичъ. (Кіевъ).
Довгялло, Дмитрій Ивановичъ. (Витебскъ).
Довнаръ-Запольскій, Митрофанъ Викторовичъ. (Москва).
Долговъ, Семень Осиповичъ. (Москва).
Долячко, Брониславъ Антоновичъ. (Петербургъ).
Долячко, Варвара Брониславовна. (Петербургъ).
Древицкій, Емельянъ Николаевичъ.
Дроздовъ, Николай Михайловичъ. (Кіевъ).
Дружининъ, Василій Григорьевичъ. (Петербургъ).
Дубасовъ, Иванъ Ивановичъ. (Тамбовъ).
Еничъ, Викторъ Людвиговичъ. (Звенигор. уѣзда, Антоновка).
Житецкій, Игнатій Павловичъ. (Кіевъ).
Житынский, Людвигъ Константиновичъ. (Луцкъ, Волынской губ.).
Жуковъ, Петръ Егоровичъ.
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ. (Москва).
Завадынскій, Оаддей Викторовичъ.
Завитневичъ, Владиміръ Зеноновичъ. (Кіевъ).
Зайеръ, Юліусъ. (Прага).
Замараевъ, Иванъ Алексѣевичъ. (Кіевъ).
Захарьевскій, Николай Гавриловичъ. (Кіевъ).
Звѣревъ, о. Стефанъ Егоровичъ. (Воронежъ).
Златарскій, Василій Николаевичъ. (Болгарія, Софія).
Злотницкій, Александръ Дмитріевичъ. (Кіевъ).
Золотницкій, Яковъ Абрамовичъ. (Кіевъ).
Иваницкій, Карлъ Людвиговичъ.
Ивановъ. (Юрьевъ).
Ивановъ, Павелъ Андреевичъ.
Иванова, Надежда Михайловна.

- Извольскій, Петръ Петровичъ. (Кіевъ).
Износковъ, Илларионъ Александровичъ. (Казань).
Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ. (Кіевъ).
Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ. (Москва).
Истоминъ, Александръ Павловичъ. (Кіевъ).
Истоминъ, Михаиъ Павловичъ. (Могилевъ на Днѣпрѣ).
Истоминъ, Ѳеодоръ Павловичъ. (Кіевъ).
Іоанникій, о. ректоръ Кіевской семинаріи.
Кадлоцъ, Карлъ Яковлевичъ. (Чехія, Прага).
Калиниченко, Петръ Емельяновичъ.
Каллашъ, Владиміръ Владиміровичъ. (Москва).
Камаровскій, графъ, Павелъ Евграфовичъ. (Орель).
Каманинъ, Иванъ Михайловичъ. (Кіевъ).
Каминскій, Вячеславъ Арсеньевичъ.
Канышинъ, Викторъ Павловичъ.
Карташевъ, Михаилъ Степановичъ. (Таганрогъ).
Кашкаровъ, Василій Михайловичъ. (Калуга).
Кибальчичъ, Турвоъ Венедиктовичъ. (Кіевъ).
Кивлицкій, Евгений Александровичъ. (Кіевъ).
Киричинскій, Емельянъ Ивановичъ.
Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ. (Москва).
Кирпичникова, Юлія Николаевна. (Москва).
Кистяковскій, Василій Ѳеодоровичъ. (Кіевъ).
Кистяковскій, Игорь Александровичъ.
„Кіевлянинъ“ редакція.
Клисичъ, Родованъ Саввичъ. (Кіевъ).
Клюевъ, Николай Александровичъ. (Маріуполь).
Кнауэръ, Ѳедоръ Ивановичъ. (Кіевъ).
Ковалевскій, Яковъ Михайловичъ. (Кіевъ).
Кожинъ, Илья Фроловичъ. (Кіевъ).
Козловскій, Иванъ Павловичъ. (Кіевъ).
Козменко, Григорій Васильевичъ. (Кавказъ).
Комаренко, Александръ Михайловичъ.
Кондаковъ, Никодимъ Павловичъ. (Ялта).
Конискій, Александръ Яковлевичъ. (Кіевъ).
Константиновъ, Пароеній Евграфовичъ.
Копера, Феликсъ. (Краковъ).
Копфъ, Александръ Августовичъ. (Лебединъ, Харьков. губ.).
Коралловъ, Ѳедоръ Васильевичъ. (Холмъ, Люблин. губ.).
Кораллова, Александра Автоновна. (Холмъ, Люблин. губ.).
Кордтъ, Веніаминъ Александровичъ. (Кіевъ).
Коробка, Николай Ивановичъ. (Житомиръ).
Корольковъ, о. Іоаннъ Николаевичъ. (Кіевъ).
Котырло, Тимофей Карповичъ.
Крейтонъ, Владиміръ Николаевичъ. (Рязань).
Крейтонъ, Марія Львовна. (Рязань).

- Брыловскій, Амвросій Семеновичъ. (Кіевъ).
Кудрина, Марія Николаевна. (Кіевъ).
Куз, Георгій Семеновичъ. (Кіевъ).
Кузьминъ, Евгений Михайловичъ.
Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ. (Кіевъ).
Кулжинскій, Ярославъ Степановичъ. (Кіевъ).
Кульженко, Василій Степановичъ. (Кіевъ).
Кундеревиць, Оадей Оадеевичъ. (Кіевъ).
Кунцевичъ, Георгій Захаревичъ. (Кіевъ).
Лавровъ, Петръ Алексѣевичъ. (Одесса).
Лавровскій, Лавръ Яковлевичъ. (Смоленскъ).
Лазаревскій, Александръ Максимовичъ. (Кіевъ).
Лазовскій, Генрихъ Григорьевичъ.
Ламанская, Ольга Владиміровна. (Петербургъ).
Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ. (Петербургъ).
Ланно-Данилевскій, Александръ Сергѣевичъ. (Петербургъ).
Ласкинъ, Гавріиль Александровичъ. (Посадъ Салець, Радом. губ.).
Лашкаревъ, Петръ Александровичъ. (Кіевъ).
Лебедевъ, Алексѣй Петровичъ. (Москва).
Левіцкій, Орестъ Ивановичъ. (Кіевъ).
Ле-Жювь, Базиль Фердинандовичъ. (Бреславль).
Леонтьевъ, Иванъ Ивановичъ. (Житомиръ).
Леціусъ, Іосифъ Андреевичъ. (Кіевъ).
Лилеевъ, Махавль Ивановичъ. (Нѣжинъ).
Ливникъ, Григорій Емельяновичъ.
Линиченко, Иванъ Андреевичъ. (Одесса).
Лихачевъ, Иванъ Оедоровичъ. (Парижъ).
Лихачевъ, Николай Петровичъ. (Петербургъ).
Лобода, Андрей Митрофановичъ. (Кіевъ).
Лонгиновъ, Аркадій Васильевичъ. (Одесса).
Лотоцкій, Владиміръ Константиновичъ.
Лукьяновъ, Григорій Григорьевичъ.
Львовъ, Аполливарій Николаевичъ. (Петербургъ).
Любовичъ, Николай Николаевичъ. (Варшава).
Ляскоронскій, Василій Григорьевичъ. (Кіевъ).
Лятошинскій, Н. Л. (Кіевъ).
Лященко, Аркадій Іоакимовичъ.
Майковъ, Владиміръ Владиміровичъ. (Петербургъ).
Максименко, Николай Алексѣевичъ. (Харьковъ).
Максимовичъ, Николай Ивановичъ.
Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ. (Юрьевъ).
Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ. (Одесса).
Марсъ, Оадей.
Матвѣевъ, Антонъ Александровичъ. (Варшава).
Матушевскій, Оеодоръ Павловичъ. (Кіевъ).
Махалъ, Иванъ. (Австрія, Прага).

- Мельникъ, Екатерина Николаевна. (Кіевъ).
Мещериновъ, Владиміръ Петровичъ. (Сенгалей, Симбир. губ.).
Милевскій, Орестъ Николаевичъ. (Рига).
Милетичъ, Любоміръ. (Болгарія, Софія).
Миллеръ, Дмитрій Петровичъ. (Харьковъ).
Милорадовичъ, графъ Григорій Алексѣевичъ. (Черниговъ).
Милюковъ, Павелъ Николаевичъ. (Софія, Болгарія).
Миннсъ, Эллисъ. (Москва).
Михалевскій, Владиміръ Андреевичъ. (Керчь).
Михаловская, Софья Титовна.
Михаловскій, Оома Титовичъ.
Мищенко, Феодоръ Герасимовичъ. (Казань).
Могиланскій, Николай Михайловичъ.
Монгресоръ, графъ, Владиміръ Владиміровичъ.
Мсеріанцъ, Левъ Займаровичъ. (Москва).
Музыкаско, Гавріиль Вуколовичъ. (Румынія, Яссы).
Муколовъ, Николай Дементьевичъ. (Кіевъ).
Мурко, Матвѣй Максимовичъ. (Вѣна).
Муркосъ, Георгій Абрамовичъ. (Москва).
Мѣржинскій, Антонъ Оаддеевичъ. (Варшава).
Мятлевъ, Николай Владиміровичъ.
Надеждинъ, Иванъ Анастасевичъ.
Науменко, Владиміръ Павловичъ. (Кіевъ).
Нефедьевъ, Сергѣй Александровичъ.
Нидерле, Либоръ Генриховичъ. (Прага).
Никифоровъ, Александръ Павловичъ.
Никифоровъ, о. Василій. (Александрійск. ул., Екатер. губ.).
Николаевъ, Николай Геннадіевичъ. (Петербургъ).
Николаевъ, Владиміръ Николаевичъ. (Кіевъ).
Николайчикъ, Феодоръ Давиловичъ. (Ромны).
Никольскій, о. Сумеонъ. (Ставрополь Кавказскій).
Нѣчуя-Зѣмѣяцкій Феодоръ. (Краковъ).
Нойсъ, Г. (Сѣв. Америка, Вашингтонъ).
Павловскій, Алексѣй Андреевичъ. (Одесса).
Павловскій, Митрофанъ Ивановичъ. (Кременчугъ).
Павлуцкая, Софья Анастасевна. (Кіевъ).
Павлуцкій, Григорій Григорьевичъ. (Кіевъ).
Паевскій, о. Левъ. (Брестъ-Литовскъ).
Паначекъ, Павелъ Осиповичъ. (Прага).
Парландъ, Альфредъ Александровичъ. (Петербургъ).
Пастернакъ, Александръ Филипповичъ. (Кіевъ).
Петровъ, Николай Ивановичъ. (Кіевъ).
Писаревъ, Семенъ Петровичъ. (Смоленскъ).
Пирлингъ, о. Павелъ Осиповичъ. (Парижъ).
Пискорскій, Владиміръ Константиновичъ. (Нѣжинъ).
Пичъ, Осипъ Викентьевичъ. (Австрія, Прага).

- Плиссъ, о. Владиміръ Игнатъевичъ. (Рига).
Погодинъ, Александръ Львовичъ. (Петербургъ).
Покровскій, Александръ Михайловичъ. (Кіевъ).
Покровскій, Иванъ Михайловичъ. (Казань).
Покровскій, Николай Васильевичъ. (Петербургъ).
Поливановъ, Владиміръ Николаевичъ. (Симбирскъ).
Поливанова, Марія Николаевна. (Симбирскъ).
Поливка, Юрій Ивановичъ. (Прага).
Половцевъ, Анатолій Викторовичъ. (Петербургъ).
Порядинскій, Никита Михайловичъ. (Кіевъ).
Потѣхивъ, Павелъ Борисовичъ. (Петербургъ).
Похвалинскій, Θεодоръ Θεодоровичъ. (Орелъ).
Правдинъ, Александръ Матвѣевичъ. (Воронежъ).
Преображенскій, о. Павелъ Григорьевичъ. (Кіевъ).
Прове, Θεодоръ Ивановичъ. (Москва).
Прушинскій, Брониславъ Мечиславовичъ. (Волин. губ.).
Пташицкій, Станиславъ Львовичъ. (Петербургъ).
Пуласкій, Францискъ Казиміровичъ. (Подольск. губ. ст. Городокъ).
Пугатинъ, князь Павелъ Арсеневичъ. (Петербургъ).
Пѣтуховъ, Евгенийъ Вячеславовичъ. (Юрьевъ).
Раговъ, Степанъ. (Кіевъ).
Радвановскій, Іосифъ Васильевичъ.
Раевскій, Александръ Сергѣевичъ. (Петербургъ).
Ретовскій, Оттонъ Фердинандовичъ. (Θеодосія).
Ржига, Θεодоръ Вячеславовичъ. (Нижній-Новгородъ).
Родакова, Е. П.
Рождественскій, Сергѣй Васильевичъ. (Петербургъ).
Розовъ, Алексѣй Васильевичъ. (Кіевъ).
Розенбергъ, Яковъ Григорьевичъ. (Кіевъ).
Романовъ, Михайлъ Петровичъ. (Казань).
Рубинштейнъ, С. Ф. (Вильна).
Руликовскій, Эдуардъ Осиповичъ. (Волин. губ. м. Высоцкъ).
Румшевичъ, Конрадъ Осиповичъ. (Кіевъ).
Рѣдинъ, Егоръ Кузьминъ. (Харьковъ).
Савеловъ, Леонидъ Михайловичъ. (Острогожскъ, Воронеж. губ.).
Савельевъ, Александръ Александровичъ. (Ниж.-Новгородъ).
Савенко, Анатолій Ивановичъ. (Кіевъ).
Самоковасовъ, Дмитрій Яковлевичъ. (Москва).
Селивановъ, Александръ Θεодоровичъ. (Петербургъ).
Сергій, преосвященный епископъ Уманскій.
Сергѣевъ, Владиміръ Александровичъ. (Кіевъ).
Сиверсъ, Александръ Александровичъ. (Петербургъ).
Сизовъ, Владиміръ Ильичъ. (Москва).
Сякорскій, И. А. (Петербургъ).
Симони, Павелъ Константиновичъ. (Петербургъ).
Синицкій, Даніиль Александровичъ. (Кіевъ).

- Скаржинская, Екатерина Николаевна. (Лубны, Полтавск. губ.).
Слатовъ, Аркадій Григорьевичъ. (Кіевъ).
Слуцкій, Сергѣй Сергѣевичъ. (Москва).
Смаль-Стоцкій, Степанъ Осиповичъ. (Австрія, Буковина).
Смирновъ, Дмитрій Васильевичъ. (Калуга).
Смольскій, Григорій Аполлинарьевичъ. (Вѣна).
Снѣшко, Илья Андреевичъ. (Кіевъ).
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ. (Петербургъ).
Соколовъ, Владиміръ Дмитріевичъ. (Москва).
Соколовъ, Матвѣй Владиміровичъ. (Кіевъ).
Соколовъ, Матвѣй Ивановичъ. (Москва).
Соколовъ, Петръ Павловичъ. (Рига).
Солуха, Василій Васильевичъ. (Кіевъ).
Сольскій, Стефанъ Михайловичъ. (Кіевъ).
Сперанскій, Михаилъ Несторовичъ. (Нѣжинъ).
Сперанскій, Николай Васильевичъ. (Кіевъ).
Спилюти, Николай Михайловичъ. (Кіевъ).
Сребвицкій, Иванъ Аѳанасьевичъ. (Нѣжинъ).
Старкъ, Павелъ Ѳеодоровичъ.
Стебницкій, Михаилъ Януаровичъ.
Стебницкій, Петръ Януаровичъ.
Степовичъ, Андроникъ Іоанникіевичъ. (Кіевъ).
Страшкевичъ, Владиміръ Михайловичъ.
Стороженко, Андрей Владиміровичъ. (Кіевъ).
Стороженко, Николай Владиміровичъ. (Кіевъ).
Странскій, М. И.
Сторожевъ, Василій Николаевичъ. (Москва).
Строевъ, Василій Николаевичъ. (Кіевъ).
Сукачевъ, Поликарпъ Яковлевичъ. (Кіевъ).
Суловскій, Ромуальдъ Станиславовичъ. (Варшава).
Сумцовъ, Николай Ѳеодоровичъ. (Харьковъ).
Суринъ, Михаилъ Васильевичъ. (Кіевъ).
Сусловъ, Владиміръ Васильевичъ. (Петербургъ).
Сѣверный, Николай Емельяновичъ. (Тула).
Сѣцинскій, о. Евфимій Іосифовичъ. (Каменецъ Подольскъ).
Ѳеодоровичъ, Николай Ивановичъ. (Волинск. губ.).
Тимошокъ, Павелъ Родіоновичъ. (Кіевъ).
Титовъ, о. Ѳеодоръ Ивановичъ. (Кіевъ).
Тиховскій, Павелъ.
Томичъ Сима. (Бѣлградъ).
Троицкій, Николай Ивановичъ. (Тула).
Трублаевичъ, Дмитрій Ѳомичъ. (Каменецъ-Подольскъ).
Трутовская, Александра Владиміровна. (Москва).
Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ. (Москва).
Трухелка Чиро, консерваторъ музея. (Сараево).
Тураева, Елена Филимонова. (Петербургъ).

- Тураевъ, Борисъ Александровичъ. (Петербургъ).
Уварова, графиня Прасковья Сергѣевна. (Москва).
Уварова, графиня Прасковья Алексѣевна. (Москва).
Уварова, графиня Екатерина Алексѣевна. (Москва).
Уваровъ, Владиміръ Вячеславичъ.
Уваровъ, Сергѣй. (Житомиръ).
Уманецъ, Феодоръ Михайловичъ.
Успенскій, Василій Ивановичъ. (Петербургъ).
Успенскій, Михаилъ Ивановичъ. (Воронежъ).
Ушаковъ, Феодоръ Алексѣевичъ. (Псковъ).
Фармаковскій, Борисъ Владиміровичъ. (Константинополь).
Фельцманъ, Иванъ Францевичъ. (Чехія, Смиховъ).
Филевичъ, Иванъ Порфиріевичъ. (Варшава).
Филиппъ, Степанъ. (Австрія, Чехія).
Флоринскій, Тимофей Дмитріевичъ. (Кіевъ).
Фортинскій, Феодоръ Яковлевичъ. (Кіевъ).
Фоссъ, Альбертъ. (Берлинъ).
Фотинскій, Орестъ Авксентіевичъ. (Житомиръ).
Фохтъ, В. Р.
Фуссъ, Борисъ. (Кіевъ).
Фуссъ, Ольга. (Кіевъ).
Хайновскій, Іосифъ Адамовичъ. (Кіевъ).
Халиппа, Иванъ Николаевичъ. (Кишеневъ).
Хамецъ, Ксаверій Эдуардовичъ.
Ханенко, Варвара Николаевна. (Кіевъ).
Ханенко, Борисъ Ивановичъ. (Кіевъ).
Хахановъ, Александръ Соломоновичъ. (Москва).
Хвойка, Викентій Вячеславовичъ. (Кіевъ).
Хегеръ Францъ, докторъ. (Вѣна).
Хоецкая, Ксаверія.
Хорманъ, Константинъ. (Сараево).
Хребтовъ, Александръ Кузьмичъ. (Петербургъ).
Цвѣтаевъ, Дмитрій Владиміровичъ. (Варшава).
Цоневъ, Беню С. (Болгарія, Софія).
Цѣховскій, Вацлавъ Феликсовичъ. (Кіевъ).
Челяковскій, Яроміръ Францевичъ. (Прага).
Червенная, Марія Феодоровна. (Кіевъ).
Червенный, Вячеславъ. (Кіевъ).
Черепнинъ, Алексѣй Ивановичъ. (Рязань).
Черкуновъ, Николай Трофимовичъ. (Кіевъ).
Чернева, Ольга Морицовна. (Кіевъ).
Черневъ, Николай Павловичъ. (Кіевъ).
Черната, Захарій Евстратовичъ.
Четыркинъ, Иванъ Даниловичъ. (Калуга).
Чирко, Филиппъ Антоновичъ.
Чистоклѣтовъ, Григорій Григорьевичъ. (Калуга).

- Чихакъ г-жа. (Кенигсбергъ).
Чихакъ, Евгений. (Кенигсбергъ).
Чичинадзе, Николай Александровичъ. (Кіевъ).
Шафранскій, Андрей Ивановичъ.
Шеферъ, Петръ Николаевичъ. (Петербургъ).
Шишмановъ, Иванъ Дмитріевичъ. (Болгарія, Софія).
Шиповичъ, о. Іоаннъ.
Шкуратовъ, Семенъ Павловичъ.
Шмелевъ, Григорій Николаевичъ. (Москва).
Шмуклеръ, Исаакъ Клементьевичъ. (Кіевъ).
Шмурло, Евгений Францевичъ. (Юрьевъ).
Шригъ, Илья Людвиговичъ. (Черниговъ).
Штернъ, Эрнестъ Романовичъ фонъ. (Одесса).
Штофъ, Николай Александровичъ. (Петербургъ).
Шугуровъ, Николай Васильевичъ. (Нѣжинъ).
Щепкинъ, Вячеславъ Николаевичъ. (Москва).
Щербатова, княжна Анна Борисовна. (м. Терны, Харьков. губ.).
Щербатова, княжна Марья Борисовна. (м. Терны, Харьков. губ.).
Щербатовъ, князь Николай Сергѣевичъ. (Москва).
Щербива, Владиміръ Ивановичъ. (Кіевъ).
Эварницкій, Дмитрій Ивановичъ. (Москва).
Эйхельманъ, Оттонъ Оттоновичъ. (Кіевъ).
Эккъ, Александръ Арнольдовичъ. (Варшава).
Эренбургъ, баронъ, Максимилианъ Максимилиановичъ. (Кіевск. у., Андреевка).
Эртель, Александръ Дмитріевичъ.
Яблоновскій, Александръ Петровичъ. (Варшава).
Яблоновскій, Владиславъ Юліановичъ. (Варшава).
Явровскій, Николай.
Якимовичъ, Яковъ Никифоровичъ. (Кіевъ).
Якубовскій, Казиміръ Леонардовичъ.
Якубовичъ, Константинъ Теофиловичъ. (Кіевъ).
Янко, Иванъ. (Будапештъ).
Янковскій, Дмитрій Порфирьевичъ. (Кіевъ).
Яновскій, о. Феодоръ Павловичъ.
Яновскій, Хрисанъ Гавриловичъ. (Кавказъ).
Яроцкій, Яковъ Васильевичъ.
Ясинскій, Антонъ Никитичъ. (Юрьевъ).
Ясинскій, Михаилъ Никитичъ. (Кіевъ).
Яхонтовъ, Степанъ Дмитріевичъ. (Казань).
Ящуржинскій, Хрисанъ Петровичъ. (Умань).

Открытие Съезда.

1 августа, въ актовомъ залѣ Университета св. Владиміра состоялось торжественное открытіе XI Археологическаго Съезда. Въ 1 часть дня обширный залъ былъ наполненъ собравшимися на праздникъ науки многочисленными членами Съезда, а также и посторонней публикой. Въ числѣ присутствовавшихъ на открытіи Съезда были: г. начальникъ края, генералъ-адъютантъ М. И. Драгомировъ, н. д. кievскаго губернатора баронъ Ф. А. Штакельбергъ, губернской предводитель дворянства князь Н. В. Репнинъ, попечитель кievскаго учебнаго округа В. В. Вельяминовъ-Зерновъ и многіе другіе. Въ 1 часть дня преосвященнымъ членомъ Съезда, Сергіемъ, епископомъ Уманскимъ, въ сослуженіи съ членами же Съезда: намѣстникомъ Кіево-Печерской лавры архимандритомъ Антоніемъ, ректоромъ духовной семинаріи архимандритомъ Іоанніемъ, настоятелемъ Владимірскаго собора протоіереемъ І. Н. Корольковымъ и протоіереемъ П. Г. Преображенскимъ, было отслужено молебствіе, по окончаніи коего преосвященный Сергій, обратился къ присутствующимъ съ привѣтственной рѣчью, выясняя значеніе археологическихъ съездовъ въ дѣлѣ возстановленія дорогой всѣмъ намъ русской старины и благословляя начало занятій.

По открытіи засѣданія графиня П. С. Уварова прочла привѣтственную телеграмму отъ Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Съезда:

„Прошу васъ, многоуважаемая графиня, передать Съезду мое самое искреннее сожалѣніе, что я лишена возможности принять участіе въ его многополезныхъ работахъ. Отъ души желаю Съезду полного успѣха на дальнѣйшее процвѣтаніе родной археологіи.

Сергій“.

Въ отвѣтъ на эту телеграмму Археологическій Съездъ поручилъ предсѣдателю, графинѣ П. С. Уваровой отправить на имя Его Императорскаго Высочества слѣдующую телеграмму:

„Въ Ильинское, Его Императорскому Высочеству Велкому Князю Сергію Александровичу. Члены Кіево-Печерскаго Археологическаго Съезда въ день открытія приносятъ Вашему Императорскому Высочеству выраженія почтительнѣйшей благодарности за милостивое привѣтствіе и выраженіе глубокаго сожалѣнія, что Вашему Высочеству не угодно осчастливить Съездъ Вашимъ присутствіемъ. Предсѣдатель Съезда графиня Уварова. Предсѣдатель ученаго комитета Антоновичъ. Предсѣдатель распорядительнаго комитета Свѣжко“.

Засимъ Начальникъ края генераль-адъютантъ М. И Драгомировъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Съ чувствомъ искренняго радушія привѣтствую въ вѣренномъ мнѣ краѣ одинадцатый Русскій Археологическій Съѣздъ. Преуспѣяніе нашего отечества находится въ прямой связи съ развитіемъ въ немъ интенсивной научной дѣятельности. Развитію народнаго самопознанія болѣе другихъ наукъ помогаетъ изученіе отечественной исторіи, древняго быта нашихъ предковъ и исторіи ихъ культуры и письменности. Всѣ эти задачи входятъ въ программу XI Археологическаго Съѣзда. Несомнѣнно, многочисленныя сообщенія членовъ Съѣзда по вопросамъ, поставленнымъ въ его программѣ, и оживленный обмѣнъ мыслей по этимъ вопросамъ дадутъ богатые научные результаты и принесутъ подобающую лепту въ сокровищницу отечественной науки. Съ отраднымъ чувствомъ привѣтствую въ числѣ членовъ Съѣзда иностранныхъ гостей нашихъ и особенно представителей родственныхъ намъ славянскихъ народовъ. Только общеніе на полѣ науки можетъ развить ту культурную связь между отдельными народностями, которая способна установить дружелюбныя и солидарныя отношенія между группами образованныхъ людей различныхъ національностей. Это культурное общеніе представляетъ для нашего времени лучшее знаменіе гуманитарнаго развитія человѣчества. Надѣюсь, что съѣздъ найдетъ здѣсь вполне соотвѣтствующую почву для своихъ занятій, какъ въ историческихъ культурныхъ традиціяхъ самого Кіева, такъ и въ осмотрѣ памятниковъ, оставшихся отъ отдаленной старины этого города. Въ Кіевѣ впервые на Руси возсіялъ свѣтъ христіанства и подъ его вліяніемъ развились первыя школы и древнѣйшая наша письменность. Въ Кіевѣ христіанство положило прочную основу будущему просвѣщенію Руси и ввело ее въ общій кругъ европейской цивилизаціи. Впослѣдствіи, въ XVII столѣтіи, въ Кіевѣ возникло древнѣйшее на Руси высшее учебное учрежденіе—Кіево-Могилянская академія, дѣятельность которой оказала немаловажныя услуги для просвѣщенія всей Россіи и которая и понынѣ продолжаетъ культурныя традиціи своего трехвѣковаго существованія. Наконецъ, въ первой половинѣ истекающаго столѣтія въ Кіевѣ основанъ былъ университетъ св. Владиміра, который, несмотря на короткое, относительно, свое существованіе, принесъ значительную пользу русской наукѣ. Господа члены Съѣзда вспомнятъ различныя стадіи культурной жизни Кіевѣ при осмотрѣ памятниковъ искусства, оставшихся отъ времени Владиміра Святого и его преемниковъ, при осмотрѣ коллекцій и трудовъ Кіевского Университета, Кіевской Духовной Академіи, и вынесутъ благоприятное впечатлѣніе о культурной жизни „матери городовъ русскихъ“. Высказываю искреннее пожеланіе возможно большаго успѣха въ занятіяхъ Съѣзда“.

Далѣе произнесъ привѣтствіе Съѣзду отъ имени Кіевского городского общественнаго управленія исполняющій обязанности городского головы И. А. Свѣжко.

Затѣмъ г. Попечитель Кіевского Учебнаго Округа, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, исполняя порученіе, данное ему г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Н. П. Боголѣповымъ, объявилъ собравшійся въ Кіевѣ XI Археологическій Съѣздъ открытымъ.

Послѣ сего Ректоръ Университета св. Владиміра, Ѳ. Я. Фортинскій, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Милостивые государи! На долю Университета св. Владиміра выпала высокая честь три года подрядъ принимать въ своихъ стѣнахъ ученые съезды: въ 1897 г.—Медицинскій Пироговскій, въ слѣдующемъ—Съѣздъ Естествоиспытателей и Врачей и, наконецъ, въ настоящее время XI Археологическій Съѣздъ. Каждый разъ, какъ на томъ или иномъ изъ предшествующихъ ученыхъ съездовъ, возникала мысль о созывѣ слѣдующаго съѣзда въ Кіевѣ, Университетъ св. Владиміра никогда не отказывалъ въ содѣйствіи его устройству. Члены Уни-

верситетской корпораціи и состоящія при Университетѣ ученыя общества въ подготовительный періодъ употребляли все усилія на то, чтобы обезпечить правильность и успѣшность занятій будущаго съѣзда. Сравнивая данныя о съѣздахъ, устраиваемыхъ какъ въ столичныхъ, такъ и въ провинціальныхъ городахъ, можно смѣло сказать, что по многолюдности участниковъ, по обилію рефератовъ, по важности затронутыхъ въ нихъ научныхъ вопросовъ кievскіе съѣзды могутъ быть призваны одними изъ наиболѣе удачныхъ. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, эти отрадные данныя о прежнихъ съѣздахъ, а съ другой — обширность программы XI Археологическаго Съѣзда, большія подготовительныя работы къ нему, значительное число съѣхавшихся на него не только русскихъ, но и славянскихъ ученыхъ, я позволяю себѣ выразить твердую надежду, что предстоящая ученая дѣятельность XI Археологическаго Съѣзда будетъ ничѣмъ инымъ, какъ новымъ славнымъ торжествомъ науки въ стѣнахъ Университета св. Владиміра^а.

Послѣ рѣчи проф. Ѳ. Я. Фортинскаго Съѣздъ привѣтствовалъ отъ имени Казанскаго Университета профессоръ Ѳ. Г. Мищенко, а затѣмъ Предсѣдатель Предварительнаго Комитета Съѣзда, графиня П. С. Уварова доложила слѣдующій

Отчетъ Предварительнаго Комитета.

„Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ, приступая къ печатанію исторіи русской археологической науки, помѣстивъ эпитафію перваго своего тома окликъ древняго русскаго богатыря: „Кто въ полѣ живъ человекъ, отзовися!“ Думаю, что эпитафія этотъ не случайно попалъ подъ перо основателю археологическихъ изслѣдованій въ Россіи и что онъ остановился на немъ какъ на фразѣ болѣе всего выражающей его мысли, намѣренія и надежды касательно развитія и распространенія археологическихъ знаній въ Россіи. Графъ, какъ извѣстно, былъ серьезнымъ кабинетнымъ ученымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ болѣе кого другаго уважалъ познанія другихъ, въ какомъ бы слабомъ видѣ они не представлялись, и пришелъ къ убѣжденію что въ обширномъ Государствѣ, какъ Россія, одно Правительство, одни ученые Учрежденія, не могутъ ничега для науки, безъ содѣйствія и *дружной постоянной* работы всего общества, всѣхъ думающихъ и работающихъ въ разныхъ углахъ нашего обширнаго отечества.

Вѣплощеніемъ этой мысли, этихъ надеждъ покойнаго и являются наши періодическіе Археологическіе Съѣзды, созываемые всякіе три года, вначалѣ—на удачу, то въ томъ, то въ другомъ Университетскомъ городѣ; — за послѣдніе годы — болѣе *систематично приурочиваемые* къ нашей западной окраинѣ съ цѣлію болѣе систематичнаго изслѣдованія и изученія собственно славяно-русскихъ погребеній и памятниковъ и ихъ взаимодействія на соприкасающіяся съ ними народности.

„Кто въ полѣ живъ человекъ, отзовися!“ — вызовъ есть; онъ сдѣланъ человекомъ науки и дѣла. — Какъ же откликнулись мы, какъ отозвались на требованіе отъ насъ дружныхъ совместныхъ занятій?

Мнѣ думается, что до сихъ поръ осуществившіеся десять Съѣздовъ и ученые изслѣдованія ими вызванныя достойно отвѣчаютъ на этотъ запросъ.

Наступающіе дни покажутъ насколько XI Съѣздъ, нынѣ открываемый, будетъ достоинъ своихъ предшественниковъ, а пока я постараюсь охарактеризовать предъ почтеннымъ собраніемъ дѣятельность Предварительнаго Комитета какъ Московскаго, такъ и Кіевскаго его Отдѣленія, изъ которыхъ *первый* призывался, по установившемуся порядку: *a*—исполнить постановленія закрывшагося Рижскаго Съѣзда; *b*—продолжить начатыя труды вышеупомянутаго

Съѣзда, подъ видомъ печатанья читанныхъ рефератовъ и продолженія незаконченныхъ исследований и с — собирать матеріалъ и приготовить работу для ново-созываемаго Съѣзда въ Кіевѣ.

Рижскій Съѣздъ оставилъ послѣ себя *шесть* ходатайствъ, по которымъ достигнуто слѣдующее:

1. Съѣздъ ходатайствовалъ объ организаціи Архивовъ Прибалтійскаго края (Шведскаго и Генераль-Губернаторскаго въ Ригѣ и Герцогскаго въ Митавѣ), съ цѣлью дать имъ соотвѣтствующее помѣщеніе и ученыхъ архиваріусовъ и такимъ образомъ сдѣлать ихъ доступными для пользованія и изученія.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ отнеслось сочувственно къ этому ходатайству и предписало перевезти Архивы, о которыхъ шель вопросъ, въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи; но такъ какъ подобная мѣра навсегда бы лишила Прибалтійскія Губерніи мѣстнаго ученаго матеріала, болѣе доступнаго по языку мѣстнымъ ученымъ, Императорское Московское Археологическое Общество входило съ всеподданѣйшимъ ходатайствомъ къ Государственному своему Покровителю Государю Императору, прося милостиваго вниманія къ мѣстнымъ нуждамъ и ходатайствуя объ оставленіи Архивовъ въ Прибалтійскомъ краѣ и приведенія ихъ въ порядокъ и извѣстность на мѣстѣ.

Его Императорскому Величеству благоугодно было милостиво согласиться на представленіе Общества и 17 іюля 1897 г. приказать соизволить, приостановивъ перевозку Архивовъ, образовать на мѣстѣ Комиссіи — *въ Ригѣ* — подъ Предсѣдательствомъ члена отъ Минист. Внутр. Дѣлъ, Старшаго Совѣтника Лифл. Губерн. Правленія Юшкевича, представителя Мин. Юстиціи Товар. Прокурора Риж. Окружнаго Суда Хруцкаго, представителя Военнаго Министерства, Дѣлопроизводителя канцеляріи Военно-Ученаго Комитета Генер. Штаба Полковника Мишлаевскаго, представителя Лифляндскаго Дворянства Барона Брунинга и членовъ Общества Истории и Древностей доктора Антона Бухгольца и докт. Бинемана. *Въ Митавѣ* — Комитетъ составился подъ Предсѣдательствомъ Губернатора, при участіи Губернскаго Предводителя Дворянства и мѣстнаго Ученаго Общества.

Архивы, помѣщавшіеся, какъ извѣстно, въ Ригѣ — на чердакѣ Губернаторскаго дома, или замка, а въ Митавѣ — въ проходномъ корридорѣ — перенесены въ болѣе удобныя помѣщенія и работы по ихъ приведеніи въ извѣстность расчитаны такъ, чтобы онѣ могли быть закончены черезъ три года, послѣ чего, исполняя Высочайшее повелѣніе, докладъ о сдѣланномъ, равно какъ и окончательное рѣшеніе касательно участи Архивовъ будутъ повергнуты на Высочайшее усмотрѣніе Его Императорскаго Величества Государя Императора.

2. Съѣздъ постановилъ просить Императорскую Археологическую Комиссію, чтобы вещи, добываемыя на казенныхъ земляхъ изъ могильниковъ извѣстной мѣстности, если онѣ не нужны главнымъ Музеямъ Имперіи: Императорскому Эрмитажу и Императорскому Россійскому Историческому въ память Императора Александра III Музею, представлялись Музеямъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ найдены эти вещи. вмѣстѣ съ тѣмъ Съѣздъ просилъ чтобы Комиссія въ своихъ сношеніяхъ съ мѣстной администраціею по вопросу о случайныхъ находкахъ, разъясняла этимъ властямъ, что, на основаніи существующихъ законовъ Имперіи, вещи находимыя на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, принадлежать симъ послѣднимъ и отчуждаемы быть не могутъ.

На представленіе по этому ходатайству Импер. Моск. Археологическое Общество получило отъ Археол. Комиссіи отъ 31-го Января 1897 г. за № 161 слѣдующій отзывъ:

„Не только вещи, добываемыя при раскопкѣ могильниковъ на казенныхъ и общественныхъ земляхъ, но и случайныя археологическія находки, дѣлаемыя на этихъ земляхъ, по

„выдѣленіи изъ нихъ тѣхъ предметовъ, которые должны поступить въ государственные Музеи, передаются, по возможности, въ Музеи тѣхъ губерній, въ которыхъ вещи найдены. Въ этомъ легко убѣдиться при разсмотрѣніи прилагаемыхъ къ ежегоднымъ печатнымъ Отчетамъ Археологической Коммисіи вѣдомостей о распредѣленіи присылаемыхъ ей древностей. Такъ какъ существованіе большинства губернскихъ и городскихъ Музеевъ вообще мало обезпечено, доступность ихъ, способы храненія и самая цѣлость могущихъ поступить въ нихъ изъ Коммисіи коллекцій, составляющихъ государственное достояніе, не вполне гарантированы, однимъ словомъ вся организація большинства этихъ Музеевъ въ точности не опредѣлена, то Коммисія впредь до окончательнаго выясненія положенія нашихъ провинціальныхъ музеевъ, считаетъ долгомъ относиться къ раздачѣ вещей этимъ Музеямъ съ крайнею осторожностью.

„Разъясненіе же мѣстнымъ властямъ необходимости охранять частную археологическую собственность было-бы со стороны Археологической Коммисіи вмѣшательствомъ въ область вѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“.

3. По поводу сообщенія академика Сулова о реставраціи храма Св. Софіи въ Новгородѣ возникли пренія, изъ которыхъ выяснилось, что при реставраціи частью пострадали нѣкоторые важные памятники древности и частью совсѣмъ уничтожены. X-й Археологическій Съѣздъ выражалъ по этому случаю свое глубокое сожалѣніе и просилъ Императорскую Археологическую Коммисію принять мѣры къ предупрежденію подобныхъ нежелательныхъ случайностей.

По этому вопросу отъ Археологической Коммисіи полученъ слѣдующій отвѣтъ:

„Что касается до нѣкоторыхъ „важныхъ“ памятниковъ древности въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, которые, по мнѣнію Совѣта Рижскаго Археологическаго Съѣзда, пострадали и уничтожены, то Археологическая Коммисія полагала бы желательнымъ выяснить какіе именно важные памятники имѣлись въ виду. Если же дѣло касается нѣкоторыхъ выцарапанныхъ на стѣнѣ надписей, покрытыхъ штукатуркой при работахъ академика Сулова, то этотъ вопросъ можетъ вполне выясниться лишь при ближайшей обработкѣ найденныхъ надписей,—трудъ, который взялъ на себя доцентъ С.-Петербургскаго Университета И. А. Шлякинъ. Тогда выяснится также, должна-ли Коммисія сожалѣть о томъ, что лица, которымъ она довѣрила дѣло, не оправдали ея довѣрія“.

4. Въ виду важности и необходимости дальнѣйшей разработки Русскими учеными древностей Балканскаго полуострова, прилегающихъ къ нему Славянскихъ Государствъ и Малоазіатскаго полуострова, X-й Археологическій Съѣздъ ходатайствовалъ объ увеличеніи средствъ и ученаго персонала Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Ходатайство Съѣзда повергнуто Г-мъ Министромъ на милостивое воззрѣніе Государя Императора и бюджетъ Константинопольскаго Института увеличенъ съ 1898 г. на 5 тысячъ золотомъ; ученый же персоналъ дополненъ должностью *второго* ученаго Секретаря.

5. Въ виду поднятаго Французскимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія вопроса о совмѣстномъ обследованіи и изданіи рукописныхъ сокровищъ Аѳона—X-й Археологическій Съѣздъ ходатайствовалъ о предоставленіи средствъ Русскому Археологическому Институту въ Константинополѣ на осуществленіе этого важнаго научнаго предпріятія. Обследованіе древностей Аѳона приняла на себя Академія Наукъ и снарядила съ этой цѣлью на особо отпущенныя на то средства экспедицію съ проф. Кондаковымъ во главѣ, которая вывезла съ Аѳона массу научнаго матеріала, къ сожалѣнію до сихъ поръ неизданнаго.

6-ое ходатайство Рижскаго Съѣзда касалось печальнаго положенія многихъ Губ. Архивныхъ Коммисій, на что опредѣлено обратить вниманіе Г-на Министра Внутр. Дѣлъ,

ходатайствуя чтобы Комиссіямъ оказывалась помощь и субсидія при посредствѣ Г-дъ Губернаторовъ.

На это ходатайство отъ Министра Народнаго Просвѣщенія получено 2-го марта 1897 г. (№ 5478) слѣдующее сообщеніе: „Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ меня, что Губернаторы, въ качествѣ Непремѣнныхъ Попечителей Архивныхъ Комиссій, принимаютъ мѣры къ снабженію ихъ помѣщеніями, когда къ сему представляется возможность и оказываютъ вмѣ всякое содѣйствіе, но къ сожалѣнію не всегда могутъ сдѣлать многое, по ограниченности находящихся въ ихъ распоряженіи средствъ и казенныхъ помѣщеній.

И такъ изъ 6 ходатайствъ Рижскаго Археологическаго Съѣзда три: касательно Архивовъ Прибалтійскаго края, Константинопольскаго Археолог. Института и изученія древностей Аона уважены высшимъ Правительствомъ; касательно Архивныхъ Комиссій отвѣтъ Министра равняется отказу; что-же касается до двухъ ходатайствъ, обращенныхъ къ Археологич. Комиссіи, то отвѣты послѣдней не такъ похожи на отказъ, какъ на простую отписку.

Продолжая работы по Рижскому Съѣзду, Моск. Предварит. Комитетъ или что-тоже Москов. Археол. Общество напечатало два тома Трудовъ Съѣзда, составленныхъ изъ 41 реферата, и приступило къ печатанью третьяго и послѣдняго тома; при печатаніи обращено особое вниманіе на изслѣдованіе какъ самого Прибалтійскаго края, такъ и соприкасающихся къ нему губерній. Въ числѣ этихъ трудовъ назовемъ: *Изслѣдованіе бассейна р. Вилии*—О. В. Покровскаго; его же *Археологическую карту Ковенской губ.*; С. К. Богоявленскаго — *Раскопки въ Лифляндской и Курл. губ.*; проф. Гаусмана — *Обзоръ археол. изслѣдованій въ Балтійскомъ краѣ, за послѣдніе пятидесятилѣтіе*; пастора Биленштейна — *разныя изслѣдованія касательно Латышской народности*; Левисъ оф-Менаръ — *Историческая карта Лифляндіи во время ордена*; А. и В. И. Успенскихъ—*Очеркъ церковныхъ древностей города Риги*; А. О. Мѣржинскаго—статья о „*Ромове*“, на которое обращалъ вниманіе ученыхъ въ Божѣ почивающій Государь Императоръ Александръ III, когда Его Величеству угодно было указать на желательность созыва Съѣзда въ Прибалтійскомъ краѣ; Довнаръ Запольскаго—*Кокенхузское староство въ связи съ поземельной реформой 1580—92 г. и Ревизія Кокенхузена 1582 г.* Н. Н. Харузина — *Къ исторіи Кокенхузена* и Н. О. Бѣляшевскаго—*Матеріалы по исторіи Прибал. края, хранящіеся въ архивахъ бывшаго финансоваго управленія царства Польскаго и Ревизія Люцинскаго староства*, и другіе.

Подготовительныя работы собственно къ Кіевскому Съѣзду начались при весьма благоприятныхъ условіяхъ, такъ какъ 10 іюля, 1897 г. Его Императорскому Величеству Государю Императору всемилостивѣйше угодно было, отвѣчая на всеподданнѣйшее ходатайство Моск. Археологическаго Общества приказать выдавать Обществу на устройство Съѣздовъ, подготовительныя къ нимъ работы и печатанье трудовъ по 5000 р. въ годъ. Подобное милостивое вниманіе Его Величества къ научнымъ нуждамъ, вызываемымъ періодичностью нашихъ Археологическихъ Съѣздовъ, еще разъ доказываетъ, что Съѣзды наши получили право гражданства и что они заслужили довѣріе и могутъ рассчитывать на поддержку со стороны Правительства.

При выборѣ мѣста для нынѣ открываемаго Съѣзда было указано на желательность изслѣдованія преимущественно древностей Волыни; при дальнѣйшемъ-же развитіи работъ Предварительнаго Комитета къ этимъ пожеланіямъ прибавились: собраніе по возможности болѣе полныхъ свѣдѣній о частныхъ коллекціяхъ южнаго и юго-западнаго края, привлеченіе ихъ на Выставку Съѣзда, привлеченіе на Выставку вообще церковныхъ древностей края, изслѣдованіе Подолія, лѣвобережной Украины и вообще слѣдовъ казачества подъ видомъ церковныхъ вкладовъ, живописи и пр. Въ этомъ направленіи и работали какъ Московскій Предварительный Комитетъ, образовавшійся въ 1897 г. при Императорскомъ Московскомъ Археологиче-

скомъ Обществѣ, такъ и Кіевское его Отдѣленіе, составившееся въ томъ-же году подъ Предсѣдательствомъ В. Б. Антоновича и при Секретарѣ Искискомъ изъ представителей *Общества Нестора-Литописца* (В. И. Щербина, И. М. Каманинъ, М. П. Ясинскій, А. М. Лазаревскій, В. П. Пауменко, В. А. Малиновскій и В. Г. Ляскоронскій), *Церковно-Археолог. Общества при Кіевской Духовной Академіи* (П. И. Петровъ и В. З. Завитневичъ), *Кіевской Археологической Коммисіи* (О. И. Левицкій), *Кіевской Дух. Академіи* (П. А. Лашкаревъ, проф. протоіер. Корольковъ, А. А. Дмитріевскій, о. О. И. Титовъ и П. В. Голубевъ), Ректора Кіев. Университета О. Я. Фортинскаго, А. Д. Злотницкаго, представителя отъ Ген. Губернатора Н. В. Молчановскаго, А. В. Стороженко, Б. И. Ханенко, В. В. и П. Я. Тарновскихъ, Н. О. Бѣляшевскаго, Г. А. Хайновскаго, Е. П. Мельникъ и В. В. Хвойла и *Представителей Кіев. Городскаго Управленія* И. А. Свѣжко, проф. А. В. Розова, От. От. Эйхельмана и Н. М. Бубнова, П. А. Божко и В. Н. Николаева.

На Волынь, еще въ 1897 г., былъ посланъ академикъ и членъ Моск. Арх. Общества архитекторъ А. М. Павлиновъ съ цѣлью обмѣра, обследованія и изданія древнѣйшихъ памятниковъ края, но къ сожалѣнію преждевременная кончина, унесшая Андрея Михайловича черезъ нѣсколько дней послѣ его возвращенія изъ поѣздки, не дозволила ему не только сдать свою работу Моск. Археологическому Обществу, но даже привести ее въ такой видъ, чтобы возможно было ею воспользоваться.

Въ томъ-же 1897 г. рѣшено подвергнуть древности Волыни всестороннему обследованію и въ виду этого поручить: изслѣдованія и раскопки въ Кременецкомъ, Житомирскомъ, Новоград-волынскомъ, Дубенскомъ, Ковенскомъ и Заславскомъ уѣздахъ Предсѣдателю Кіевского Предварительнаго Комитета Влад. Бон. Антоновичу; въ уѣздахъ Луцкомъ, Ровенскомъ и Острожскомъ—Ек. Ник. Мельникъ; въ уѣздахъ Ковельскомъ и Владиміро-Волынскомъ—Н. О. Бѣляшевскому. Кромѣ того М. Г. Истоминонъ командированъ въ разныя мѣстности Волыни для изученія и описанія старинной церковной живописи и архитектуры; П. М. Каманинъ—для осмотра и описанія частныхъ архивовъ и собранія свѣдѣній касающихся палеографіи въ предѣлахъ Волыни и Подолія.

Рядомъ съ обследованіемъ Волыни шло изученіе и остальнаго юго-западнаго края. Такъ: представитель Подольскаго епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета *священникъ Евфимій Спицинскій*, *Никандръ Вас. Молчановскій* и *Орестъ Ив. Левицкій*—занялись изученіемъ древностей Подолія, *проф. П. Ал. Лашкаревъ*—получилъ командировку имѣвшую цѣлью осмотрѣть и описать церковныя древности г. Чернигова, Новгородъ-Сѣверска и Острога; *А. Вл. Стороженко*—описать Сулимовскій архивъ; *Н. И. Петровъ*—осмотрѣть Музей Скажинской; *Н. О. Бѣляшевскій*—обследовать берега рѣки Буга съ притоками и собрать свѣдѣнія о древностяхъ Сѣдлецкой и Люблинской губ.; *В. Гр. Ляскоронскій*—обследованіе мѣстностей по лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ предѣлахъ Полтавской, Харьковской и Черниговской губ.; *М. М. Плохинскій*—изученіе Архивовъ Черниговской губ.; *В. О. Эйморъ*—изученіе Архивовъ городовъ Чернигова, Кіева и Харькова и *Мих. Павл. Истоминонъ*—иконографическіе памятники Люблинской губ. Въ помощь этимъ ученымъ изслѣдователямъ была составлена Кіевскимъ Отдѣленіемъ Предварительнаго Комитета *Программа* для собранія свѣдѣній, которая была распространена по Волыни и сосѣднихъ съ нею мѣстностяхъ между священниками, учителями и пр.

Рефераты, которые будутъ представлены Съѣзду, покажутъ, насколько предпринятая поѣздки, командировки и раскопки отвѣчаютъ тѣмъ требованіямъ, которые мы вправѣ имъ заявить. Пока же позволимъ себѣ указать на вполнѣ законченныя работы, являющіяся плодомъ этихъ изслѣдованій: на *археологическую карту Волыни*, представленную многоуважаемымъ Предсѣдателемъ Кіевского Отдѣл. Предвар. Комитета и нынѣ Предсѣдателемъ Ученаго Комитета Съѣзда Влад. Бон. Антоновичемъ, на *археологическую карту Подолія*—священника

Сѣцинскаго и на *описаніе 20 ти Архивовъ Черниловской губ.* изданное М. М. Плохинскимъ въ 3-мъ Вып. Трудовъ Археографической Комиссіи Импер. Моск. Археол. Общества—труды которые представляютъ не малый вкладъ въ русскую науку.

Кіевское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета собрало свѣдѣнія о 40 частныхъ коллекціяхъ, насчитываемыхъ въ предѣлахъ юго-западнаго края, Полтавской и Харьковской губ., но къ сожалѣнію, не смотря на переписку, которую принялъ на себя Кіевскій Комитетъ и на выраженіе сочувствія многихъ изъ коллекціонеровъ, на Выставку собрано изъ этихъ коллекцій весьма незначительное количество.

Мало удалось или скорѣй *почти ничего* не удалось сдѣлать и по собранію церковныхъ древностей на Выставку, не смотря на то, что мѣстность захваченная обслѣдованіемъ членами Предв. Комит. должна была, казалось бы, представить не маловажный центръ для изученія югозападнаго русскаго искусства, весьма интереснаго по тѣмъ различнымъ вліяніямъ, съ которыми ему пришлось не разъ бороться, которымъ оно не разъ подчинялось, и въ борьбѣ съ которыми оно выработало себѣ и особыя формы, и своеобразныя пониманія.

Неудачу постигшую Выставку съ этой стороны слѣдуетъ, вѣроятно, приписать несогласію, возникшему среди Кіевского Отдѣленія касательно устройства и группировки отдѣловъ Выставки, и, *главнымъ образомъ* отказу Волинскаго Преосвященнаго Модеста, отказавшагося отпустить изъ церквей и монастырей Волыни просимые Предварит. Комитетомъ церковныя вещи. Отказъ Преосвященнаго тѣмъ болѣе необъяснимъ, что ходатайство о высылкѣ вещей на Кіевскую Выставку исходило отъ Императ. Моск. Археол. Общества, которому Волинская Епархія обязана возвращеніемъ въ 1890 г. тѣхъ церковныхъ сокровищъ, которыя тѣже церкви и монастыри такъ легкомысленно допустили одному любителю вывезти изъ предѣловъ епархій.

Совершенно иное отношеніе къ дѣлу встрѣтилъ Предвар. Комитетъ въ самомъ Кіевѣ, гдѣ Владыко Митрополитъ еще въ 1897 г. изъявилъ полнѣйшую готовность всеми силами способствовать успѣху Сѣзда и Выставки.

Такое-же просвѣщенное сочувствіе встрѣтило стремленіе Предварительнаго Комитета у управляющаго Луцко-Житомирскою католическою епархіею, Епископа-суфрагана Клопотовскаго, доставившаго на Выставку изъ костеловъ все тѣ предметы, о которыхъ было написано Его Преосвященству.

Такимъ образомъ то незначительное *собраніе церковныхъ древностей*, которое находимъ на нашей Выставкѣ получено исключительно благодаря старанію Мих. Павл. Истомина и получены изъ: Заславскаго Бернардинскаго монастыря, изъ Волинскаго, Подольскаго и Холмскаго Древлехранилищъ, изъ Музея Владиміро-Волинскаго Братства, изъ гор. Острога и мѣстечка Полонное Волинской губ. и изъ Почаовской Лавры.

Не лучшая участь постигла и собраніе свѣдѣній о церковныхъ предметахъ временъ казачества. Предметы эти и свѣдѣнія о нихъ представляли бы особый интересъ въ Кіевѣ, но не смотря на то, что времена казачества принадлежатъ къ новѣйшей исторіи, достиженіе намѣченной цѣли представило не мало затрудненій и разочарованій; такъ: *хотѣлось*, напр. собрать свѣдѣнія о церковныхъ драгоценностяхъ, перевезенныхъ казаками изъ Межигородскаго монастыря на Лебяжьи Острова, на Кубани. Члены Кубанскаго Статист. Комитета отозвались весьма любезно на запросъ Моск. Археол. Общества, но ничего пока не сдѣлали, а обѣщаютъ трудъ свой *только* къ будущему Сѣзду. *Собирались* напр.: свѣдѣнія въ монастыряхъ Акона, Молдавіи и Румыніи, куда по указаніямъ историковъ сѣчевики и ихъ старшины уходили часто кончать свою буйную жизнь, о вкладахъ и рукописяхъ, которые должны были приноситься казаками въ эти монастыри—но и здѣсь поиски не привели ни къ какому удовлетворительному результату, не смотря на любезность, съ которой отнесся къ запросамъ Моск.

Арх. Общества отецъ Матѳей, бібліотекаръ русскаго монастыря на Авоиѣ. Хотѣлось собрать на Выставку болѣе серьезную коллекцію иконъ излюбленнаго казачествомъ мотива Покрова Божіей Матери, равно какъ и другихъ изображеній принадлежащихъ кисти юго-западныхъ художниковъ времени казачества, съ цѣлью изученія духа и искусства этой—хотя и близкой, но не совершенно ясной и весьма разнѣ толкуемой страницы нашей исторіи — по эта попытка совершенно не удалась...

Не смотря однакожь на всѣ эти неудачи *Выставка Съѣзда* представляется въ слѣдующемъ составѣ:

Часть Выставки, размѣщенная въ зданіи Университета — въ аванзалѣ мѣста нашихъ засѣданій, въ Библіотекѣ, Архивѣ и XIII аудиторіи — состоитъ изъ *Отдѣловъ: Каменнаго вѣка* — самаго обширнаго на Выставкѣ; весьма незначительнаго — *Отд. Бронзоваго вѣка; Скиѣскихъ древностей; Древностей времени переселенія народовъ; Славянскихъ древностей*; незначительнаго *Отдѣла Классическаго искусства*; такого-же незначительнаго *Отдѣла Историческихъ Древностей; Отдѣла Церковныхъ Древностей*, о которомъ рѣчь была выше; *Картографическаго Отд.* устроеннаго съ цѣлью собрать по возможности имѣющійся матеріалъ по исторіи русской картографіи, отдѣлъ пополнившійся, благодаря любезному вниманію Имп. Академіи Наукъ, Имп. Публичной Библіотеки, Университетовъ Московскаго, Новороссійскаго, Юрьевскаго, Варшавскаго и Кіевскаго, Военно-Топографическаго Отд. Главнаго Штаба, Министерства Путей Сообщенія, Морскаго Министерства, Архива Иностр. Дѣлъ, Инженернаго Управленія, Кіев. Комм. для разбора древнихъ актовъ, Одесскаго Общества Ист. и Древностей, Эстляндск. Провинц. Музея и Эстл. Литерат. Общества въ Ревелѣ, Кіевской Город. Управы, Витебск. Губернскаго Правленія и частныхъ лицъ Россіи и заграницей, имена которыхъ занесены въ каталогъ, и наконецъ *Отдѣла рукописей и Старопечатныхъ книгъ* — весьма полнаго, собраннаго въ Волынскомъ и Подольскомъ Древлехранилищахъ, Луцко-Крестовоздвиженскомъ и Владиміро-Волынскомъ Братствахъ, въ Библіотекѣ Почаевской Лавры, въ Нѣжинской Городской Думѣ, въ Нѣжинѣ же у собирателя Михайловскаго и въ Библіотекѣ Михайловскаго Златоверхаго Монастыря въ Кіевѣ.

Первый изъ переименованныхъ мною Отдѣловъ: отдѣлъ древностей добытыхъ раскопками, состоящій изъ древностей каменнаго и бронзоваго вѣка, Скиѣскихъ древностей, времени переселенія народовъ и Славянскихъ древностей, охватывая собой губерніи Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Черниговскую, Полтавскую, Херсонскую и Екатеринославскую — представляетъ довольно полную картину того, что желательно обыкновенно соединить на Выставкѣ Археолог. Съѣзда, что-бы дало пріѣзжему возможность ознакомиться съ мѣстными типами и мѣстными погребеніями.

Выставка эта составила главнымъ образомъ изъ коллекцій Университета Св. Владиміра, проф. В. Бен. Антоновича, Е. Н. Мельникъ, мелкихъ собраній Кіевскихъ любителей: проф. Лашкарева, Червинскаго, Таховскаго и Кнауэра, изъ собранія Пулавскаго съ Подоліи и коллекцій Житинскаго и Радзимиинскаго съ Волыни.

Каталогъ, систематически и серьезно составленный по всѣмъ Отдѣламъ, въ размѣрѣ 25 листовъ, совершенно готовъ, но въ него не вошли коллекціи древностей добытыя во время послѣднихъ раскопокъ Е. Н. Мельникъ и Ник. Фед. Бѣляшевскимъ; впрочемъ коллекціи эти будутъ демонстрированы г-жей Мельникъ и г. Бѣляшевскимъ во время докладовъ.

Главными работниками по собранію, организаціи и установке Выставокъ, равно какъ и по составленію каталога и по напечатанію являются В. Б. Антоновичъ, Е. Н. Мельникъ, В. А. Кордтъ, М. П. Истомино, Пв. А. Каманинъ, Юл. А. Кулаковскій, В. З. Завитневичъ, прот. Корольковъ и свещ. Титовъ.

Второй Отдѣлъ Выставки организованъ въ только что построенномъ Городскомъ Музеѣ, постройкой и устройствомъ котораго всецѣло обязаны энергіи и дѣятельности В. Ив. Ханенко. Тамъ установлены коллекціи древностей и портретовъ, принадлежащія Обществу Древностей и Искусствъ, коллекція древностей южнаго и юго-западнаго края, присланная изъ Импер. Археол. Коммиссіи, собранія Чернева и Кундыревича, цѣнныя раскопки Мазараки, принадлежащія нынѣ Богд. Ив. Ханенко, въ высшей степени интересныя раскопки Хвойко и наконецъ собранія древностей и бытовыхъ предметовъ Ник. Яковл. и Василя Вас. Тарновскихъ.

Кромѣ этихъ Выставокъ, устроенныхъ специально для Съѣзда, членамъ онаго будутъ любезно открыты Собранія Духов. Академіи, Бориса Ив. Ханенко и Юс. Адам. Хайновскаго.

Послѣдняя задача Московскаго Предварительнаго Комитета состояла въ облегченіи по возможности задачи лицамъ поставившимъ на очередь разные вопросы, обсужденіе которыхъ на Съѣздѣ должно получить большую оконченность и удовлетворять большее число лицъ: такъ напр.: Ник. Ефим. Бранденбургу была дана возможность продолжать разслѣдованія *могилъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойникомъ погребены остовы коней*, о которыхъ онъ дѣлалъ докладъ на Рижскомъ Съѣздѣ; собирались свѣдѣнья по распросамъ А. С. Хаханова касательно *грузинскихъ древностей въ ризницахъ Кіевскихъ храмовъ и поселенія Грузинъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ*; много и усердно работали по подготовленію матеріаловъ по *вопросамъ археографическаго характера*—по части урегулированія архивнаго дѣла въ Россіи, выработки общаго законоположенія объ архивахъ и выработки плана возможнаго существованія и свободы занятій Архивныхъ Коммиссій при введеніи новыхъ законовъ объ Архивахъ.

Оканчивая обзоръ дѣятельности Предварительнаго Комитета XI Археологическаго или что тоже 2-го Съѣзда въ Кіевѣ, послѣ перваго, состоявшагося ровно 25 лѣтъ тому назадъ, не могу не перенестись мысленно къ памяти тѣхъ, которые поработали на *первомъ* Кіевскомъ Съѣздѣ, но вспоминая и пересчитывая дѣятелей того Съѣзда, приходится прийти къ тяжкому сознанію что болѣе половины ихъ уже нѣтъ въ нашихъ рядахъ. Выбывшихъ членовъ такъ много, что пересчитать ихъ было-бы трудно. На этомъ основаніи позволяю себѣ назвать только имена тѣхъ, которые отошли въ вѣчность со времени Рижскаго Съѣзда; я говорю, господа, о заслуженномъ работникѣ первыхъ Археологическихъ Съѣздовъ академикѣ и Директорѣ Имп. Публич. Библиотеки А. О. Бычковѣ, о Предсѣд. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей В. Н. Юргевичѣ, В. Г. Василевскомъ и А. С. Павловѣ, о болѣе молодыхъ сотрудникахъ Андр. Мих. Павлиновѣ и Мих. Сергѣев. Карелинѣ, о безвременно усопшемъ Губерн. Предводителѣ Черниговскаго Дворянства Кн. Н. Д. Долгорукомъ, ожидавшемъ Съѣздъ съ нетерпѣніемъ, мечтавшемъ принять его въ Черниговѣ и при его посѣщеніи заложить Городской Музей, наконецъ—о просвѣщенныхъ Кіевскихъ собирателяхъ древностей Н. Я. и В. В. Тарновскихъ, изъ которыхъ послѣдній оставилъ всѣ свои сокровища гор. Чернигову.

Миръ праху ихъ и вѣчная память ихъ доброму имени и примѣру!

Послѣ рѣчи графини П. С. Уваровой, покрытой рукоплесканіями, секретарь Съѣзда В. К. Трутовскій сообщилъ собранію о результатахъ выборовъ, произведенныхъ наканунѣ, въ засѣданіи Совѣта Съѣзда. Закончилось первое общее засѣданіе перечисленіемъ телеграфныхъ и письменныхъ привѣтствій, полученныхъ Съѣздомъ по случаю его открытія. Въ числѣ многочисленныхъ привѣтствій получены, между прочимъ, привѣтствія отъ директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь О. И. Успенскаго, отъ проф. Маріана Соколовскаго изъ Львова, отъ Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній изъ Риги, отъ А. О. Мѣржинскаго изъ Варшавы, отъ Донскаго Музея изъ Новочеркаска, отъ А. Г. Оссовскаго, отъ Симбирской Ученой Архивной Коммиссіи и друг.

Протоколы засѣданій XI Археологическаго Съѣзда.

2-го августа, 10 ч. утра.

I Отдѣленіе. Древности первобытныя.

Почетный предсѣдатель: деп. Чешскаго университета въ Прагѣ д-ръ Л. Г. Нидерле.

Предсѣдатель отдѣленія: Д. Н. Анучинъ.

Секретарь отдѣленія: Н. О. Бѣляшевскій.

Д. Н. Анучинъ открылъ засѣданіе краткою рѣчью, въ которой принесъ благодарность отдѣленію за оказанную ему честь избраніемъ въ предсѣдатели и указалъ на успѣхи, достигнутые въ дѣлѣ собиранія и изученія южно-русскихъ древностей, начиная съ каменнаго вѣка и кончая славянскимъ и великокняжескимъ періодомъ, упомянувъ также о трудахъ историко-географическаго и этнографическаго содержанія, касающихся южно-русской области. Здѣсь, въ Южной Россіи мы встрѣчаемъ, можетъ быть, наиболѣе энергичную, наиболѣе послѣдовательную и наиболѣе систематичную, въ нашемъ отечествѣ, разработку памятниковъ глубокой старины—отъ древнѣйшихъ слѣдовъ человѣка въ бассейнѣ Дунаѣ и отъ скиво-сарматской эпохи—черезъ послѣдующую славянскую и великокняжескую до позднѣйшихъ временъ казачества. Указавъ затѣмъ на важность сравнительнаго изслѣдованія остатковъ старины и сопоставленія аналогичныхъ чертъ въ древностяхъ сосѣднихъ странъ, г. Анучинъ отмѣтилъ, что особое значеніе для насъ въ этомъ отношеніи имѣютъ древности въ земляхъ южныхъ и западныхъ Славянъ, и что поэтому представляется весьма желательнымъ установленіе болѣе тѣсныхъ сношеній между русскими и славянскими изслѣдователями въ дѣлѣ изученія памятниковъ отдаленной старины. Уже на III-мъ Съѣздѣ, 1874 г., въ Кіевѣ, приняли участіе многіе славянскіе ученые; нынѣшній, XI-й Съѣздъ, также привлекъ многихъ дѣятелей—изъ Праги, Софіи, Сераева, Кракова, Бѣлграда. Высоко цѣня такое дѣятельное сочувствіе, ученый комитетъ Съѣзда избралъ почетнымъ предсѣдателемъ 1-го засѣданія проф. Л. Г. Нидерле (Прага), много поработавшаго въ послѣднее время надъ сравнительнымъ изученіемъ доисторическихъ древностей славянскихъ странъ и Россіи.

Избраніе это было встрѣчено оживленными знаками одобренія и затѣмъ г. Нидерле предоставилъ слово директору музея въ Сераевѣ, д-ру Константину Хөрману.

1. Д-ръ Хөрманъ, прочелъ на русскомъ языкѣ, о *Старобоснійскихъ надгробныхъ памятникахъ* (см. выше, отдѣлъ II, стр. 165—172), сопроводивъ докладъ рядомъ прекрасно исполненныхъ наглядныхъ пособій. Тутъ были: 1) таблицы художественныхъ рисунковъ и фотографій, изображающихъ отдѣльные памятники, подборъ ихъ по типамъ и видамъ кладбищъ; 2) превосходная карта Босніи и Герцеговины на 8 листахъ въ масштабѣ 1 : 300000 (т. е. 3 версты въ сантиметрѣ), на коей отъ руки нанесены по возможности все мѣста находженія

этихъ памятниковъ съ указаніемъ числа ихъ; 3) графическія таблицы распространенія и густоты этихъ памятниковъ по округамъ и ставамъ. Всѣ эти пособия г. Хөрманъ принесть въ даръ Императорскому Московскому Археологическому Обществу¹⁾. — Свое чтеніе г. Хөрманъ закончилъ приглашеніемъ посѣтить замѣчательные памятники боснійской старины и увѣреніемъ, что людямъ науки будетъ оказано полное вниманіе.

Графиня Уварова, отвѣчая на послѣднія слова, указала на любезное гостепримство, которымъ она пользовалась въ Сераевскомъ Музеѣ. Н. В. Покровскій отмѣтилъ въ украшеніяхъ явственныя слѣды византійскаго вліянія и нѣкоторыя сходныя формы крестовъ и орнамента среди новгородскихъ древностей. А-ѣй И. Маркевичъ выразилъ мнѣніе о сходствѣ нѣкоторыхъ изображеній всадниковъ и сценъ охоты со сценами на памятникахъ, найденныхъ въ Южной Россіи и приписываемыхъ нѣкоторымъ Фракійскимъ народностямъ.

2. Д-ръ Чиро Трухелка, хранитель музея въ Сараевѣ, прочелъ докладъ: *Documents préhistoriques de Bosnien-Herzégovine.*

Всего 10 лѣтъ, какъ возникъ музей въ Сараевѣ, но онъ заключаетъ уже въ себѣ болѣе 20,000 предметовъ доисторическихъ древностей, около 800 римскихъ и средневѣковыхъ, 360 надписей на камнѣ, до 10,000 монетъ, печатей и т. п., около 250 череповъ изъ могилъ. Доисторическими древностями: городищами, курганами—страна чрезвычайно богата. Древнѣйшая эпоха въ странѣ—*неолитическая*, представленная въ Бутмирѣ (недалеко отъ Сараева) находками предметовъ изъ камня, кости, глины и т. д., въ томъ числѣ—любопытныхъ статуэтокъ. *Бронзовый вѣкъ* представленъ отдѣльными находками (въ томъ числѣ и мастерскими для отливки орудій), но эта культура не была самостоятельной и не привилась здѣсь. Она шла не съ юга, а съ сѣвера, ибо формы сходны съ находимыми въ Венгріи. Болѣе самостоятельной является начальная культура *железнаго вѣка*, примыкающая къ *Галльско-италійской*, но выказывающая мѣстныя, характерныя для прибалканскихъ странъ черты (особенно въ могильникѣ на плоскогоріи Гласинацъ), которыя свидѣтельствуютъ о преобладающемъ вліяніи съ юга. Нѣкоторыя бронзы—чисто греческаго происхожденія, напр. шлемъ коринфской формы, поножи, терракотовыя вазы и т. д., и рядомъ являются мѣстныя имъ подражанія. Греческое вліяніе замѣтно и въ формѣ фибулъ, напр. въ дугообразной, съ орнаментированнымъ расширеніемъ на заднемъ концѣ дужки, и др., подобныя которымъ были найдены въ Греціи, въ Микенахъ, Олимпіи, на о-вѣ Критѣ и, наконецъ, въ Сициліи. Тотъ же типъ фибулъ, въ послѣдующемъ его измѣненіи, встрѣчается и въ Кобанскомъ могильникѣ на Кавказѣ. Въ округахъ, пограничныхъ съ Далмаціей, рядомъ съ мѣстными формами фибулъ, встрѣчаются въ большемъ числѣ формы южно-италійскія съ продолженной иглой и ея приѣмникомъ („a navicella“), а на западѣ и сѣверѣ—форма могильниковъ Чертозы; эта послѣдняя сопровождается предметами ла-тенской эпохи и свидѣтельствуетъ уже о вліяніи съ сѣвера Италиі, черезъ Альпы, именно о послѣдующей кельтской культурѣ, смѣнившей иллирійскую, причемъ Кельты, завладѣвъ боснійской Краиной, были посредствующимъ зве-

¹⁾ Изъ 27 таблицъ рисунковъ см. часть на табл. VI—XIII этого тома. Изъ карты и графическихъ таблицъ видно, что область обилія памятниковъ примыкаетъ къ Сербіи, Новобазарскому санджаку и Черногоріи и охватываетъ юго-восточную Боснію и всю Герцеговину. Сѣверная граница идетъ отъ Зворника на Сераево, Фойницу и Ливно. Къ замѣткамъ г. X. на стр. 165—166, отмѣтимъ цифры: во Власеницкомъ стану приходится 52 памятника на 100 кв. км. (6325 нам.), въ Сребреницкомъ 27,6; въ сосѣднихъ съ ними на западѣ: Рогатицкомъ и Сераевскомъ—24,8 и 27,6; отсюда къ югу, въ Герцеговинѣ: въ Мостарскомъ и Невесиньскомъ 19,9 и 18,1; въ Столацкомъ, Гацскомъ, Вилецкомъ, Требньскомъ (послѣдніе три примыкаютъ къ Черногоріи) отъ 29,1 до 33,2. На востокѣ отмѣченной области, на границѣ съ Новобаз. санджакомъ 11,8—13,4; на сѣв.-западѣ Герцеговины 14,5—15,5; на переходѣ въ юго-зав. Боснію: Прозорѣ, Жупаньянцѣ, Бугайно 8,2—11,4; а въ Ливанскомъ стану опять 30,1 (5248); на сѣв. области нам., въ станахъ: Зворницкомъ, Кладаньскомъ, Фойницкомъ 12—16; сѣвернѣе ихъ: въ Виецкомъ 4, въ Трапницкихъ 7—4, а въ сѣверной половинѣ Босніи, въ станахъ: Бихачскихъ, Ваньлауцкихъ и Тузлаевскихъ 2—0.

номъ между Италіей и странами прибалканскими. Но это кельтское вліяніе не было здѣсь столь значительнымъ, какъ въ болѣе сѣверныхъ странахъ (напр. въ Венгріи), гдѣ ла-тенская культура рано вытѣснила галльштатскую. Сообщение г-на Трухелки сопровождалось поясненіями на большихъ художественно исполненныхъ таблицахъ рисунковъ и раздачей альбома босно-герцеговинскихъ древностей, изданнаго докладчикомъ въ честь Съѣзда.

З. В. Б. Антоновичъ. *О раскопкахъ кургановъ въ зап. Волини.* (Т. I, стр. 134—140).

Д. Н. Анучинъ, указалъ на нѣкоторыя аналогіи между волинскими и костромскими курганами, какъ въ обстановкѣ погребеній, такъ и въ характерѣ вещей, (причемъ сѣверные курганы представляютъ большіе слѣды торговыхъ сношеній и несравненно богаче волинскихъ). — И тамъ, и здѣсь на извѣстной высотѣ слой угля и золы и остатки дерева; двускатной крышѣ соответствуетъ въ костромскихъ курганахъ известковая заливка; и тамъ, и здѣсь оружіе очень рѣдко. Далѣе есть аналогіи въ кольцахъ, обильныхъ въ Костромскихъ курганахъ; въ шиноватыхъ бусахъ, которыя встрѣчаются тамъ цѣлыми ожерельями; въ серьгахъ, остаткахъ тканей. Курганъ съ остатками костяного колчана и стременами могъ принадлежать какому-нибудь тюркскому кочевнику.

В. З. Завитневичъ, указалъ на обиліе въ дреговичскихъ курганахъ по Припяти бусъ филигранной работы: тамъ большія ожерелья изъ бронзы и чистаго серебра и даже отдѣльныя золотыя филигранныя бусы. Присутствіе слоя угля и золы на извѣстной высотѣ, равно какъ и прочность кургановъ, несмотря на отсутствіе утрамбовки (какая видна въ скивскихъ курганахъ) В. З. объясняетъ предположеніемъ, что курганы насыпались въ нѣсколько разъ: по мѣрѣ того какъ насыпь осѣдала, земля улегалась, — производилась новая насыпка.

В. М. Виттыгъ, указалъ на распространеніе бронзовыхъ бусъ по Нѣману: по Припечи и на Волини онѣ, вѣроятно, привозныя съ сѣвера.

Въ заключеніе были доложены привѣтственные телеграммы, полученныя отъ Чешской Академіи, Углицкаго Музея Древностей, отъ проф. Корсакова изъ Казани, отъ г. Люба-Радзминскаго съ Волини и г. Боя изъ Митавы.

2-го августа. 2¹/₂ часа дня.

XI Отдѣленіе—Памятники археографическіе.

Почетный Предсѣдатель: Почетный членъ Академіи Наукъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: П. В. Голубовскій.

Секретари Отдѣленія: М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

1. Д. В. Цвѣтаевъ, доложилъ *О Варшавскихъ архивахъ.* (Т. II, ч. 1, стр. 48—54).

Л. В. Дегенъ, представилъ дополнителныя свѣдѣнія объ архивѣ бывшаго Финансоваго Управленія Царства Польскаго, а В. М. Виттыгъ, указалъ на необходимость составленія должныхъ описей въ варшавскихъ архивахъ.

2. А. Н. Львовъ. *Русское законодательство объ архивахъ.* (Т. II, отд. 1, 1—11).

3. А. С. Раевскій. *Что стало съ Калачевской комиссіей 1873 года объ устроителствѣ архивовъ.*

Докладчикъ, пользуясь дѣлами Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, могъ объяснить, что вышеупомянутая Коммиссія, Высочайше учрежденная 27 февраля 1873 года по

всенеподданнѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія изъ представителей всѣхъ министерствъ и главныхъ управленій, вслѣдствіе ходатайства II русскаго Археологическаго Съѣзда, основаннаго на заключеніи выдѣленной имъ изъ своей среды спеціальной комиссіи¹⁾, — официально не закрыта до сихъ поръ, хотя изъ прежняго многочисленнаго ея состава въ живыхъ осталось всего 5—6 человекъ (Н. Н. Селифонтовъ, Г. К. Рѣпинскій, П. И. Ореусъ, П. А. Гильтебрандтъ и нѣк. др.) и со смертію въ 1885 г. Н. В. Калачева не стало предсѣдателя. Что касается до времени, когда прекратилась ея дѣятельность, то послѣднимъ было засѣданіе 16 апрѣля 1876 г., гдѣ обсуждался проектъ правилъ о рѣшенныхъ дѣлахъ по Министерству Путей Сообщенія и протоколъ котораго, вмѣстѣ съ протоколами всѣхъ предыдущихъ засѣданій Комиссіи, напечатанъ въ „Сборникѣ Археологическаго Института“ т. I; спустя два года проектъ этихъ правилъ былъ рассмотрѣнъ Комитетомъ Министровъ, который рѣшилъ, что вмѣсто правилъ для отдѣльныхъ Министерствъ необходимо поручить Комиссіи выработать главныя начала устройства и управленія всѣми безъ исключенія архивами (въ сущности, какъ видно изъ напечатанныхъ протоколовъ Комиссіи, ова уже въ 1875 году выработала таковыя, такъ что предстояло лишь пересмотрѣть и пополнить ихъ), и положеніе Комитета Министровъ было 15 декабря 1878 г. Высочайше утверждено, о чемъ тогда же Комиссія была поставлена въ извѣстность. Тѣмъ не менѣе, за послѣдующіе годы о Комиссіи имѣются лишь отрывочныя упоминанія, а представлявшіеся до февраля 1883 года, ея предсѣдателемъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія ежемѣсячныя краткіе отчеты даютъ наглядное представленіе лишь о его собственной кипучей дѣятельности, но не Комиссіи въ цѣломъ составѣ; послѣднее официальное обращеніе къ Комиссіи, по одному незначительному поводу, относится къ 9 сентября 1883 году, какъ видно изъ ея бумагъ, сохранившихся въ Археологическомъ Институтѣ, между которыми, къ сожалѣнію, нѣтъ протоколовъ и большинства доставленныхъ въ Комиссію свѣдѣній объ архивахъ, послѣднихъ — такъ какъ они, о чемъ упоминается въ печатныхъ протоколахъ, были розданы для составленія сводныхъ вѣдомостей представителямъ соответственныхъ министерствъ, въ архивахъ которыхъ теперь отчасти завѣдомо находятся (въ Архивѣ Главнаго Штаба и Министерства Народнаго Просвѣщенія), отчасти вѣроятно найдутся впоследствии, какъ, можетъ быть, найдутся и подлинныя протоколы.

Пренія по докладамъ гг. Львова и Раевского велись въ совокупности. М. В. Довнаръ-Запольскій поддерживалъ предложеніе г. Львова объ образованіи особой комиссіи, которая выработала бы и представила Съѣзду основанія упорядоченія у насъ Архивнаго дѣла на предметъ ходатайства передъ Правительствомъ. Графиня Уварова полагала, что вопросъ слишкомъ серіозенъ и сложенъ, чтобъ рѣшать его на Съѣздѣ. Н. Г. Николаевъ предполагалъ, что порученіе это лучше, чѣмъ комиссія выбранная на Съѣздѣ и затѣмъ имѣющая фактически разойтись, исполнилъ бы Археологическій Институтъ съ его пребывающимъ характеромъ, запасомъ матеріала и ученыхъ силъ и опорой въ исторіи вопроса. Н. В. Покровскій, П. В. Голубовскій и другіе обращали вниманіе на необходимость подождать прібытія другихъ заинтересованныхъ въ вопросѣ лицъ и заслушанія ихъ докладовъ (указывалось на отсутствіе пока А. В. Селиванова и Д. Я. Самоковасова), на что А. Н. Львовъ возражалъ, что если ждать однихъ, то другіе въ это время могутъ уѣхать, между тѣмъ какъ вновь прібывшіе всегда могли бы присоединиться къ Комиссіи. Н. В. Покровскій особенно настаивалъ на необходимости прежде самого рѣшенія объ избраніи Комиссіи

¹⁾ Въ комиссію при II русскомъ Археологическомъ Съѣздѣ гоже были приглашены представители правительственныхъ учреждений и многіе изъ нихъ впоследствии вошли въ составъ Высочайше учрежденной комиссіи.

Съѣзда, подвергнуть вопросу обсужденію и выясненію въ бесѣдахъ частнаго характера. Результатомъ обмѣна мыслей было формулированное председателемъ отдѣленія постановленіе: въ одинъ изъ ближайшихъ дней назначить административное засѣданіе отдѣленія для обсужденія вопроса, нужна ли Коммиссія и, если нужна, для выбора членовъ ея.

2-го августа, вечеромъ.

III Отдѣленіе.—Памятники искусствъ и художествъ.

Почетный Предсѣдатель: Д-ръ Францъ Копера, депутатъ Краковской Академіи Наукъ.
Предсѣдатель Отдѣленія: А. И. Кирпичниковъ.
Секретарь Отдѣленія: Б. В. Фармаковскій.

Въ началѣ засѣданія проф. А. И. Кирпичниковъ сказалъ слѣдующее:

„Вполнѣ естественно, что на Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ отдѣленіе памятниковъ искусствъ и художествъ является какъ-бы подъ-отдѣленіемъ христіанскихъ древностей. Мать городовъ русскихъ была когда-то центромъ язычества, но она такъ энергично христіанизировалась, создала такіе памятники христіанскаго искусства и такъ искусно сохранила ихъ, что св. Софія заставляетъ забывать о памятникахъ не христіанскихъ. Отрадное явленіе, которое замѣчается на этомъ съѣздѣ— это присутствіе славянскихъ ученыхъ, и поэтому вполнѣ понятно, что мы просили быть нашимъ почетнымъ председателемъ представителя Краковской Академіи Наукъ доктора Копера, который, несмотря на свою молодость, уже имѣетъ большія заслуги въ научномъ мірѣ“.

Д-ръ Копера отвѣтилъ по-русски благодарностью за сдѣланую ему честь, относя ее къ представляемой имъ Краковской Академіи.

1. М. П. Истоминъ прочелъ докладъ: *Фрески XVII—XVIII в. въ храмахъ и костелахъ Юго-Западной Россіи и отголоски прошлаго въ нихъ*. Фрески тутъ слѣдуетъ понимать въ общеупотребительномъ смыслѣ стѣнописи, а не въ специально техническомъ *al fresco*, чего нельзя искать въ XVII—XVIII вв. Рефератъ является продолженіемъ занятій ¹⁾, предпринятыхъ съ цѣлью изученія особенностей въ иконографіи Юго-Запад. Россіи съ XVI-го по XVIII в.—періодъ столь замѣтнаго вліянія Запада. Вопросъ этотъ представляетъ большой интересъ, если разсматривать иконографію какъ *отраженіе народнаго міросозерцанія* въ періодъ, когда религіозныя впечатлѣнія, продолжая служить сильнымъ двигателемъ, часто варьировались подъ вліяніемъ новыхъ наслоеній, проникавшихъ въ Южную Русь чрезъ посредство Польши съ Запада Европы. Избравъ первоначальнымъ базисомъ для своихъ работъ храмы Кіева и его окрестностей, авторъ потомъ подвигается далѣе и далѣе къ западу Малороссіи, имѣя въ виду прослѣдить: во 1-хъ тѣ пути, чрезъ которые западное вліяніе проникало въ иконографію Юго-Запад. Руси, во 2-хъ, тѣ характерныя черты, въ которыхъ оно тутъ выразилось.

Въ самомъ Кіевѣ и его окрестностяхъ была обследована съ этою цѣлью стѣнопись запад. придѣла Великой церкви (во имя св. первомученика Стефана) въ Лаврѣ и Троицкой

¹⁾ Настоящій рефератъ является продолженіемъ читанныхъ на IX-мъ Виленскомъ Съѣздѣ. (Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ прошлаго вѣка) и на X-мъ Рижскомъ Съѣздѣ (Обученіе живописи и стѣнописи Великой церкви въ Кіево-Печерской Лаврѣ прошлаго вѣка).

церкви что надъ такъ называемыми Святыми вратами тамъ-же, далѣе: „Бѣлый Спасъ“ (по народному прозванію) въ Межигорскомъ монастырѣ, нѣкогда игравшемъ такую роль въ исторіи Запорожскаго казачества, и древній „Спасъ на Берестовѣ“. Стѣнопись первыхъ трехъ храмовъ относится къ XVIII-му в. и сдѣлана по гравюрамъ такъ называемыхъ лицевыхъ библій Пискатора (собственно Фишера, въ лаврск. библ. изд. 1674 г.) и Вейгеля (въ лаврск. библиотекѣ изд. 1712 г.). Фрески Спаса на Берестовѣ представляютъ слѣды наслоенія нѣсколькихъ эпохъ, изъ которыхъ наиболѣе рельефно выступаетъ XVII-й в.; фрески эти въ главномъ проникнуты отпечаткомъ византійскимъ, но болѣе поздняго происхожденія—приблизительно періода „Ерминія“ Діонисія Фурноаграфіота. Подвигаясь въ томъ-же направленіи къ западу, авторъ изслѣдовалъ стѣнопись величественнаго костела въ Бердичевѣ, монастыря въ м. Городищѣ (Волинск. губ.), закрытаго теперь костела въ Вишневцахъ, Почаевской Лавры нѣкоторыхъ костеловъ въ Заславлѣ, грандіозныхъ православныхъ и католическихъ храмовъ въ Люблинѣ и т. д. Особенно благодарную почву въ смыслѣ отраженія западнаго вліянія въ искусствѣ представляютъ храмы и костелы въ районѣ древней Волини; при чемъ стѣнопись, какъ своего рода роскошь, украшаетъ лишь храмы и костелы болѣе богатые и почти отсутствуетъ въ церквахъ болѣе убогихъ.

Главные выводы, въ которыхъ приводитъ изученіе стѣнописи въ храмахъ и костелахъ Юго-Запад. Россіи XVII—XVIII-го вѣка—слѣдующіе:

1) На стѣнописи отражается весьма сильное вліяніе лицевой библіи Пискатора, Вейгеля и вообще западной гравюры, которая давала въ этомъ отношеніи незамѣнимый по богатству матеріалъ для художника. Гравюра въ однихъ случаяхъ во всей неприкосновенности переносится на плафонъ или стѣны храма, въ другихъ—нѣсколько варьируется. По мѣрѣ приближенія къ тому пограничью Волини, гдѣ западное вліяніе укрѣпилось значительно раньше XVI—XVII-го в., какъ напр. Люблинъ, значеніе гравюры лицевой библіи становится слабѣе и наконецъ въ самомъ Люблинѣ почти прекращается. Здѣсь стѣнопись костеловъ получаетъ характеръ весьма близкій къ самостоятельному творчеству.

2) Къ числу композицій съ намеками на болѣе оригинальное творчество нужно отнести такія, въ которыхъ воспроизводится богословская тенденція по адресу ереси Арія, ученій Лютера и Кальвина—словомъ протестантскихъ вѣроученій, столь распространенныхъ въ Юго-Запад. Россіи въ XVI, XVII и XVIII-мъ вв.

3) Одною изъ характерныхъ чертъ разсматриваемой стѣнописи (какъ напр. въ Почаевск. лаврѣ, Загоровскомъ монастырѣ, костеловъ въ Бердичевѣ и Люблинѣ св. Креста) является подробная иллюстрація чудесъ, происшедшихъ отъ чтимой въ данномъ храмѣ иконы или святыни. Компановка этихъ сюжетовъ, если отбросить перѣдкое однообразіе, можетъ дать довольно богатый матеріалъ для историка въ смыслѣ бытовомъ и умонастроенія обществъ въ періодъ XVII—XVIII-хъ вв.

4) Сравнительно одиноко стоятъ православные храмы, фрески коихъ въ общемъ или по частямъ въ этотъ періодъ столь сильнаго вліянія Запада сохранили еще византійскій отпечатокъ болѣе поздняго пошиба (времена Діонисія изъ Фурны аграфійской). Изъ нихъ на первомъ планѣ нужно отмѣтить церковь Спаса на Берестовѣ въ Киевѣ, фрески коей представляютъ не малый интересъ въ научномъ отношеніи, какъ противопоставленіе образцамъ непосредственно западнаго вліянія (потому что и на „Ерминія“ Діонисія отчасти оказываетъ уже вліяніе западно-европейское).

Въ общемъ нужно сказать, что фрески православныхъ и католическихъ храмовъ въ Юго-Запад. Россіи XVII—XVIII-хъ вв., составляя своего рода роскошь, могутъ служить мѣриломъ художественнаго развитія высшихъ и болѣе культурныхъ слоевъ мѣстнаго общества,

но въ нихъ сравнительно мало отголосковъ собственно народнаго міросозерцанія. Гораздо болѣе богатый матеріалъ даютъ въ этомъ отношеніи иконы мѣстностей, изслѣдованныхъ авторомъ на Волини, чего онъ и обѣщаль коснуться въ слѣдующемъ рефератѣ.

2. И. Д. Четыркинъ сдѣлалъ докладъ: *О нѣкоторыхъ предметахъ старины, появившихся изъ Южной Россіи (Черниговской и Кіевской губ.) въ г. Калугу.*

Предметы эти слѣдующіе: 1) жетонъ въ память коронаванія Почаевской Богоматери 1773 г.; 2) деревянное клише, представляющее собою вѣнецъ, съ котораго старообрядцы печатали „вѣнички“ для возложенія на уважаемыхъ покойниковъ; 3) синодикъ, написанный въ Кіевѣ въ 1667 году; 4) мѣдное клише 1767 г. и 5) брошюра „о хиротоніи“ Лазаря Барановича, напечатанная въ 1676 году.

1) Жетонъ 1773 г. вдѣланъ въ серебряный ободокъ съ колечкомъ для пошенія. На обѣихъ сторонахъ жетона имѣются надписи на латинскомъ языкѣ.

2) Деревянное клише, съ датой 1765 г., употреблявшееся для отпечатанія „вѣнцовъ“ для возложенія на болѣе замѣчательныхъ умершихъ старообрядцевъ, напоминаетъ вѣнцы Царственной книги, а также вѣнцы древнихъ мудрецовъ фресковой живописи Московскаго Успенскаго собора.

3) Рукопись, съ датой 1667 г., состоитъ изъ 22 полулистовъ, написанныхъ довольно крупнымъ полууставомъ. Обертку ея составляетъ выходной листъ 1-го изданія Патерика Печерскаго. Содержаніе рукописи заключается въ краткихъ біографическихъ свѣдѣніяхъ о 42 святыхъ подвижникахъ кіевскихъ, вторая же часть рукописи составляетъ „Помникъ“ (синодикъ). Рукопись получила свое начало „въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, року отъ Р. Х. 1733 мѣя марта 16 дня“ и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, интересныя біографическія данныя и о преп. Ильѣ Муромцѣ, который называется здѣсь „богатыремъ и воинномъ кіевскимъ“, постригшимся наконецъ „въ иночество“.

4) Клише на красной мѣди, съ датой 1767 г. (барская конфедерация), рѣзано въ Бердичевѣ граверомъ Раковѣскимъ. Почти вся поверхность доски занята изображениями и надписями вверху и внизу на латинскомъ языкѣ. Не смотря на довольно сложную композицію, рисунокъ (клише) представляетъ собою стройное художественное произведеніе. Референтъ въ докладѣ своемъ выразилъ мнѣніе, что клише могло попасть въ Калугу двумя путями: или съ Залусскимъ, Ржевусскимъ и еп. Солтыкомъ, которые въ октябрѣ 1767 г. были препровождены кн. Репнинымъ въ Калугу, или же оно попало въ руки М. Н. Кречетникова, взявшаго въ 1768 г. Бердичевъ и бывшаго впоследствии первымъ калужскимъ намѣстникомъ съ 1777 года.

5) Неизвѣстная до 1891 г. печатная брошюра 1676 г. напечатана въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, въ которомъ существовала типографія съ 1663 по 1679 годъ; вслѣдствіе пожара 7 іюня 1679 г. типографія была переведена въ Черниговъ. По содержанію своему брошюра не представляетъ новости, такъ какъ подновленный текстъ ея мы имѣемъ въ экземплярѣ 1716 г. „О хиротоніи“ Лазаря Барановича; но она замѣчательна въ томъ отношеніи, что 1) Новгородѣ-Сѣверское изданіе „О хиротоніи“ Л. Барановича прежде не было извѣстно, и 2) случайное приобрѣтеніе референтомъ этой брошюры, вноситъ поправку въ трудъ покойнаго Ровинскаго: „Русскіе граверы“, гдѣ граверъ „Константинъ“ названъ черниговскимъ граверомъ XVIII, а не XVII столѣтія. Брошюра, кромѣ предисловія, изложена языкомъ Юго-Западной Руси XVII столѣтія.

3 августа, 10 ч. утра.

V Отдѣленіе съѣзда — Церковныя древности.

Почетный Предсѣдатель: А. П. Лебедевъ.

Предсѣдатель: Н. В. Покровскій.

Секретари: А. А. Парландъ и В. И. Успенскій.

Засѣданіе открыто слѣдующею рѣчью Предсѣдателя Отдѣленія, Н. В. Покровскаго: „Еще гораздо раньше, чѣмъ возсіялъ свѣтъ христіанства на горахъ Кіева, Кіевъ былъ уже городомъ благоустроеннымъ, и культурно-археологическія изслѣдованія, особенно двухъ послѣднихъ десятилѣтій, показали съ замѣчательной ясностью слѣды культуры въ этотъ отдаленный періодъ кіевской исторіи. Появленіе въ Россіи христіанства и крещеніе Руси оживили сношенія съ Византійской Имперіей.

Благодаря обширнымъ археологическимъ разысканіямъ, русскимъ и иностраннымъ, мы знаемъ, какое положеніе въ цивилизованномъ мірѣ занимала Византія; она была центромъ культурной жизни своего времени, центромъ наукъ и искусствъ, и во всемъ христіанскомъ мірѣ не было ни города, ни страны, которые могли-бы соперничать съ Византіей. Она заключала въ себѣ и искусство Запада, и подъ вліяніемъ генія Византіи образовалось византійско русское искусство. Искусство византійское въ эпоху его полнаго процвѣтанія перенесено было и сюда въ Кіевъ. Памятники показываютъ съ ясностью, насколько оживились эти сношенія съ Византіей послѣ принятія христіанства и какіе новые элементы вошли на территорію Россіи. Сюда перешли памятники византійской архитектуры, образцы которыхъ есть въ храмахъ: Софійскомъ и Михайловскомъ монастырѣ, въ Кирилловской церкви и т. д. Правда эти памятники подверглись измѣненію, но основы Византіи еще есть и до настоящаго времени. Сюда были перенесены и памятники византійской скульптуры, образцы которыхъ мы видимъ въ саркофагѣ Ярослава и въ другомъ саркофагѣ неизвѣстнаго времени. Сюда была перенесена и мозаика, какъ отраженіе вкусовъ восточныхъ народовъ,—памятники единственные во всей Россіи. Сюда были перенесены фресковая иконопись, металлическія производства, образцы которыхъ находятся въ частныхъ рукахъ собирателей. Сюда же перенесена была византійская эмаль. Раскопки послѣдняго времени, отчасти случайныя, отчасти систематическія, сопровождавшіяся находками эмали въ Михайловскомъ монастырѣ, показываютъ, въ какомъ блестящемъ состояніи находилась византійская эмаль. Въ то же время онѣ показываютъ нѣкоторыя попытки русскихъ мастеровъ и художниковъ не только поддержать византійское искусство, но и пойти по этому пути нѣсколько далѣе. Въ находкахъ, хранящихся въ петербургскомъ Эрмитажѣ, мы видимъ уклоненіе отъ византійской техники, напр. замѣну греческихъ надписей русскими. Правда, эти попытки очень незначительны, но вѣ-таки онѣ уже есть. Несчастныя историческія обстоятельства, особенно татарскій разгромъ и столкновеніе съ сосѣдями не позволили искусству церковному въ Кіевѣ развиться до той полноты, какую обѣщало его начало, но начало, положенное въ Кіевѣ Византіей, не пропало въ исторіи византійско-русскаго искусства. Эти начала были переданы Суздаю, а затѣмъ перешли въ Москву. Честь и слава древнему городу Кіеву, матери русскихъ городовъ, сохранившему остатки отдаленной старины! Честь и слава мѣстнымъ собирателямъ и изслѣдователямъ этой святой старины!“

1. В. Н. Щенкинъ прочелъ докладъ: *Рисунокъ въ Новгородской иконописной школѣ* (стр. 183—208).

М. И. Успенскій не признавалъ научнымъ дѣленіа на школы иконописи. Оно основано на отзывахъ любителей и собирателей иконъ, принадлежащихъ большею частью къ московскому купечеству. Никакихъ другихъ основаній къ этому дѣленію нѣтъ. Школы не различаются ни въ древнихъ иконописныхъ подлинникахъ, ни въ церковныхъ описяхъ, гдѣ такъ подробно описываются иконы,—нигдѣ не говорится, чтобы та или иная икона относилась къ Новгородской, Строгановской или Московской школѣ. Дѣленіе на школы явилось въ 40—50 годахъ нашего столѣтіа въ подражательной живописи. Первый, кто ввелъ это дѣленіе въ археологическую литературу, былъ Сахаровъ, а затѣмъ Снегиревъ и Ровинскій, но на самомъ дѣлѣ въ Россіи не было основанія для образованія школъ съ особенными художественными направленіями. Школы зависятъ отъ особенностей міросозерцанія, но такихъ особенностей въ древней Руси мы не замѣчаемъ. Если была школа, то эта школа кievская, потому что міросозерцаніе, отразившее на себѣ сосѣдство съ католичествомъ, при особой малорусской національности, могло выработать особое направленіе иконописи, но ни Ярославль, ни Новгородъ, ни Кострома не отличались особенностями въ своемъ міросозерцаніи. Дѣленіе на школы не установилось у самихъ любителей и собирателей школъ: одинъ признаетъ 3 школы, другой—28. Въ каталогѣ Постникова мы находимъ это послѣднее число: есть здѣсь Устюжскія, Олонецкія, Поморскія, Стародубскія письма. Неужели же слѣдовать въ эти дебри насажденные нашими любителями и собирателями иконъ? Мнѣ кажется, прежде чѣмъ говорить о Новгородской школѣ, необходимо доказать, что такая школа существовала. Полагаться на отзывъ любителей, изъ которыхъ большинство посвящаютъ себя не наукѣ, а торговлѣ, по меньшей мѣрѣ не научно. Надо обнародовать иконы съ датами раньше, чѣмъ дѣлать классификацію; нужно выяснитъ то, что есть. Прочитанный рефератъ имѣетъ несомнѣнное достоинство, потому что выясняетъ одинъ изъ памятниковъ иконописи XVI вѣка.

В. Н. Щепкинъ. Вы правы кое въ чемъ, но ваше возраженіе не относится къ моему реферату. Вы говорите, что школы произвольны, я говорилъ, что онѣ еще не опредѣлены въ точности. Я говорилъ, что есть классификація, произведенная любителями. Что же намъ нужно дѣлать? Намъ нужно спросить любителей, къ какой школѣ относятъ они икону, — и проверить этотъ сырой матеріалъ, который все-же содержитъ много вѣрнаго. Первый шагъ подобной проверки я сдѣлалъ въ своемъ рефератѣ, и его выводы оказались не противъ традиціи, которую Вы отрицаете такъ легко и безусловно.

А. А. Павловскій, какъ представитель строгой археологін, привѣтствовалъ прочитанный рефератъ, съ его строго-научнымъ, единственно плодотворнымъ методомъ: установить школы можно лишь путемъ детальнаго стилистическаго изслѣдованія, какое и сдѣлано г. Щепкинымъ.

Д. Н. Анучинъ замѣтилъ, что формы горъ въ миниатюрахъ не условны, какъ полагалъ докладчикъ, но соответствуютъ дѣйствительнымъ очертаніямъ горъ Палестины и вообще передней Азіи. Горы бывають двоякаго рода, въ связи съ двоякою дѣятельностію земной коры. Трещины, образуемая земною корой, или разрастаются путемъ обваловъ въ острые гребни, раздѣленные глубокими долинами, и образуютъ цѣпи (напр. Альпы), или-же пояса, раздѣленные трещинами, опускаются одинъ ниже другаго, образуя систему уступовъ; возникаютъ горы плоскостныя, которыя сохраняютъ горизонтальность напластованія. Всѣ горы Сиріи относятся къ этой послѣдней категоріи: слѣдовательно, художникъ рисовалъ природу вѣрно.

В. Т. Георгіевскій: Вполнѣ присоединяясь къ заявленію проф. Павловскаго относительно важности работы референта, положившей первый шагъ къ научному опредѣленію иконописныхъ русскихъ школъ, я считаю нужнымъ замѣтить только одно, что для наиболѣе точнаго установленія признаковъ иконъ и для правильной классификаціи ихъ по школамъ, кромѣ рисунка имѣютъ громадное значеніе самыя краски, потому что рисунки этотъ еще

мало заключаетъ въ себѣ типичнаго; рисунокъ, т.-е. прорись, переходилъ изъ одной области въ другую, и могъ пользоваться имъ и новгородецъ, и москвичъ. Но по однѣмъ и тѣмъ же прорисьямъ каждый иконописецъ употреблялъ свои особенныя краски, которыя даютъ больше особенностей и чертъ типичныхъ для того, чтобы отнести ту или другую икону къ той или другой школѣ. Определенія купцовъ не научны, но нельзя согласиться съ тѣмъ въполнѣ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ нимъ, какое выражаетъ М. И. Успенскій: даже и въ томъ случаѣ, когда купецъ называетъ икону просто по мѣсту, откуда получилъ ее (изъ Архангельской губерніи— „архангельское письмо“), эта отмѣтка иконниковъ можетъ быть полезна какъ исходный пунктъ для изслѣдователя.

В. Н. Щепкинъ признавая за рисункомъ различныхъ школъ большую типичность, согласился съ замѣчаніемъ о краскахъ и выразилъ сожалѣніе, что не приступилъ еще и къ такой работѣ. Что касается любительскаго дѣленія на школы, то оно, несомнѣнно, еще не научно. Но и любители не спрашиваютъ, для опредѣленія письма, откуда привезена икона: у нихъ есть для этого черты подмѣченныя, которыхъ они упорно держатся. Нѣкоторыя изъ этихъ чертъ могутъ оказаться вѣрными, нѣкоторыя—произвольными, сложившимися вслѣдствіе неточнаго обобщенія.

В. И. Ламанскій указалъ, что говоря о Снегиревѣ, Сахаровѣ и Ровинскомъ, одинъ изъ оппонентовъ не назвалъ другихъ изслѣдователей, труды которыхъ имѣютъ большое значеніе по данному вопросу: Стасова съ его монументальной работой о миниатюрахъ и Горностаева. Что касается школъ, то „надо быть въ Новгородѣ и Кіевѣ, чтобы увидѣть различіе Новгорода отъ Кіева. Это не купеческій или раскольниковый терминъ!“.

Н. Г. Николаевъ указалъ, что въ характерѣ той или другой школы играло большое значеніе и то лицо, которое стояло во главѣ иконниковъ. Очень долго во главѣ Оружейной Палаты въ царствованіе Алексѣя Михайловича стоялъ бояринъ Хитрово. Онъ былъ поклонникомъ западнаго вліянія и въ составъ иконниковъ Оружейной Палаты онъ включалъ много иноземцевъ. Во главѣ иконниковъ стоялъ армянинъ, и крупныя оклады получали выходцы изъ Смоленской области. Въ этотъ періодъ царскія иконы были очевидно подъ вліяніемъ Запада, потому что тѣ иноземцы, которые рисовали царскія иконы, подносимыя въ царскія палаты, вносили въ русскую иконопись многое изъ своихъ странъ. Царская икона могла отступать объ общепринятой формѣ иконы, потому что не было строгаго контроля, который имѣли другія иконы, такъ какъ контролеромъ былъ тотъ же Хитрово.

А. П. Голубцовъ присоединился къ проф. Павловскому въ привѣтствованіи метода докладчика, какъ представитель церковной археологій, и привелъ свидѣтельство Ровинскаго, выражавшаго ему устно сожалѣніе, что во время своей работы о школахъ иконописи „просмотрѣлъ главный источникъ—миниатюры: нужно было начать съ датированныхъ миниатюръ“. Но прежде чѣмъ характеризовать иконописную школу на основаніи миниатюръ, слѣдовало бы фактами подтвердить, что миниатюристами были иконописцы. Не имѣя свѣдѣній для XVI в., А. П. Голубцовъ для XVII-го указалъ на статью скромнаго труженика, іеромонаха Арсенія въ „Сборникѣ Общ. древне-русскаго искусства“ на 1873 г., гдѣ есть свѣдѣнія, что въ XVII в., для рисованія миниатюръ въ рукописяхъ подносимыхъ царю, или красныхъ яичекъ съ надписями вызывались на Москву Оружейной Палатою монахи иконописцы изъ Троицкой Лавры,—свѣдѣніе подтверждающее вѣрность пути, на который сталъ докладчикъ.

Н. В. Покровскій выразилъ живое чувство удовольствія по поводу того, что докладчикъ и въ изслѣдованіи этого предмета шелъ тѣмъ-же вѣрнымъ путемъ художественно-археологической анатоміи, какой онъ показалъ въ своихъ прежнихъ трудахъ. Это методъ положительнаго знанія, который одинъ приведетъ къ точному результату. Но не слѣдуетъ прини-

мать на вѣру новгородское происхожденіе памятника, а сравненіе его съ близкими по времени лицевыми рукописями (какъ Пятъевская псалтирь 1591 года) могло бы значительно расширить кругозоръ доклада.

2. Н. И. Троицкій въ докладѣ: *Архистратигъ Михаилъ (гербъ города Кіева) въ русской иконографіи въ связи съ литературой библейской, талмудической и греко-византійской при посредствѣ юго-западной русской* — композицію Тульской иконы 1734 года объяснял на основаніи „Учительнаго Евангелія“ Кирилла Транквиліюва, которое, въ свою очередь, составлено подъ вліяніемъ Талмуда.—М. И. Успенскій замѣтилъ, что при рѣшеніи вопроса объ иконографіи Архангела Михаила въ русскомъ искусствѣ необходимо было обследовать изображенія Архистратига въ московскихъ церквахъ, и прежде всего въ Чудовѣ монастырѣ и Архангельскомъ соборѣ, и что генезисъ композиціи Тульской иконы устанавливается гораздо легче путемъ сравненія ея съ московскими изображеніями, нежели съ указанными книгами. М. И. Соколовъ указалъ на византійскіе и славяно-русскіе апокрифы, на Минеи Четин и на богослужебную письменность, которыми вполнѣ объясняется разсматриваемая композиція. В. Т. Георгіевскій указалъ, что уже на Суздальскихъ вратахъ вачала XIII столѣтія (изображеніе коней привезено имъ на выставку при Сѣздѣ), имѣется изображеніе Арх. Михаила съ дѣяніями, какъ на Тульской иконѣ XVIII в.

Н. И. Троицкій благодарилъ за это указаніе, а остальнымъ оппонентамъ отвѣтилъ, что онъ имѣлъ въ виду и московскія изображенія, но что рѣчь у него идетъ не о ближайшемъ заимствованіи композиціи, а о вліяніи на нее книжной учености и притомъ не о позднѣйшихъ апокрифахъ, а о первоисточникахъ ихъ.

3. И. Д. Четыркинъ доложилъ о *Крестахъ у калужскихъ старообрядцевъ* (крестахъ-тѣльникахъ, „мошевицахъ“, крестахъ для поклоненія).

В. Т. Георгіевскій указалъ, что коллекція крестовъ г. Четыркина интересна въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ разныя образцы крестовъ XVII в. названіе которыхъ сохранилось чисто народно. Всѣ эти кресты до настоящаго времени еще дѣлаются въ одной мастерской Владимірской губ. Вязниковскаго уѣзда; но желательно, чтобы эти кресты собирались, потому что мастерство падаетъ, мастерская остается одна единственная и скоро прекратитъ свое существованіе. Въ настоящее время старообрядцы болѣе безразлично относятся къ этимъ крестамъ, но старыя вещи переходятъ изъ рода въ родъ.

3 августа. 8 часовъ вечера.

IV Отдѣленіе—Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный.

Почетный Предсѣдатель: Яромиръ Челяковскій (Прага).

Предсѣдатель Отдѣленія: О. Я. Фортинскій.

Секретари Отдѣленія: А. С. Вязигинъ и А. Н. Ясинскій.

О. Я. Фортинскій поблагодарилъ за честь избранія его въ предсѣдателя Отдѣленія, при чемъ выразилъ надежду, что въ лицѣ Почетныхъ Предсѣдателей Отдѣленія найдетъ специалистовъ, которые будутъ способствовать успѣхамъ занятій Отдѣленія. Яр. Челяковскій, избранный сегодня Почетнымъ Предсѣдателемъ, можетъ въ совершенствѣ вынести выпавшій на его долю обязанности, будучи опытнымъ педагогомъ, пытливымъ исследователемъ и

извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Занимая съ честью кафедру исторіи чешскаго права въ Пражскомъ университетѣ, будучи членомъ Пражской Королевской Академіи наукъ, стоя во главѣ Городскаго Архива, издавая памятники права, будучи членомъ чешскаго сейма и членомъ государственнаго парламента, проф. Челяковскій сдѣлался извѣстенъ далеко за предѣлами своей родины; воздавая должное его ученымъ заслугамъ, Совѣтъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета въ прошломъ году поднесъ ему дипломъ на званіе доктора всеобщей исторіи.

По выслушаніи словъ предсѣдателя Отдѣленія, члены Съѣзда и многочисленная публика привѣтствовали проф. Челяковскаго продолжительными и единодушными рукоплесканіями и выраженіями сочувствія. Когда въ собраніи водворилась наконецъ тишина, проф. Челяковскій принесъ благодарность въ горячихъ выраженіяхъ, какъ всѣмъ присутствующимъ, такъ и проф. О. Я. Фортинскому. Затѣмъ онъ сказалъ слѣдующее:

„Открывая первое засѣданіе четвертаго отдѣленія, посвященное исторіи быта и права, считаю своимъ долгомъ прежде всего поблагодарить за выборъ въ Почетные Предсѣдатели засѣданія. Выборъ этотъ я объясняю себѣ тѣмъ, что я состою предсѣдателемъ Чешской Академіи наукъ, отъ имени которой я и приношу искренній братскій привѣтъ собравшимся здѣсь представителямъ русской и славянской науки“.

Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ по-русски, проф. Челяковскій провнесъ на чешскомъ языкѣ рѣчь, въ которой отмѣтилъ успѣхи въ разработкѣ русской и славянской правовой исторіи, достигнутые въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ десятилѣтій главнѣйшимъ образомъ, благодаря трудамъ русскихъ ученыхъ. Съ особеннымъ уваженіемъ и сочувствіемъ онъ упоминалъ о трудахъ Калачева, Владимірскаго-Буданова, Сергѣевича, Загоскина, Леонтовича, Зигеля, Якушкина и другихъ, многіе изъ которыхъ могутъ похвалиться плеядою талантливыхъ учениковъ, съ успѣхомъ продолжающихъ дѣло научной разработки исторіи права русскаго и славянскаго. Труды русскихъ ученыхъ, отличаясь строго научнымъ методомъ, способствуютъ правильному пониманію не только русской исторической жизни, но въ значительной степени содѣйствуютъ движенію впередъ какъ обще-славянской правовой исторіи, такъ и исторіи отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. Дѣйствительно, въ русской жизни и бытѣ сохранилось въ чистотѣ доселѣ много исконныхъ славянскихъ началъ и порядковъ, а потому нисколько не удивительно, что, благодаря сравненію и сопоставленію данныхъ, относящихся къ исторіи русскихъ учреждений, получается возможность правильно понимать такія явленія правовой исторіи западныхъ славянъ, которыя были затемнены наносами и вліяніями, идущими изъ романо-германскаго міра.

1. Г. В. Демченко: *Притомные люди*. Въ актахъ о копныхъ судахъ постоянно встрѣчаются указанія на то, что эти суды отправляются въ присутствіи какихъ-то постороннихъ лицъ. Объ этихъ лицахъ законически говорится, что они „при томъ были“, и иногда они обозначаются производнымъ отъ такихъ словъ выраженіемъ: „люди притомные“ (*„ludzie przytomni“*). Такіе сторонніе люди отличаются отъ самихъ копниковъ, въ составъ копы не входятъ и не обязаны присутствовать при копномъ разбирательствѣ, пользуясь правомъ, по желанію, на одну и ту же копу то выходить, то не выходить. Но во всякомъ случаѣ старинные обычаи считаютъ вполне умѣстнымъ, чтобы копа судила при участіи постороннихъ добрыхъ людей. Чаще всего копа судить при участіи вознаго, (вижа, генерала), съ нѣсколькими добрыми сторонними мужами. Это обозначается: „при томъ былъ возный со стороны добрыхъ людей такихъ-то“. Возный и состоящая при немъ сторона добрыхъ людей представляютъ изъ себя обычную группу судныхъ мужей, съ которой можнѣ встрѣтиться и въ другихъ судахъ Руси Литовской того времени. Эта группа, измѣчивая по своему составу, появляется на копѣ по

желанію истца, отвѣтчика, суда и вообще лицъ, интересы которыхъ затрагиваются даннымъ судебнымъ разбирательствомъ. Призывъ такой стороны осуществляется тѣмъ, кто ее желаетъ имѣть на копѣ. Это лицо „просить“, „берегъ“, „уживаетъ“, „вызываетъ“, „способляетъ“ свою сторону. Съ такой просьбой или вызовомъ оно обращается къ своимъ „пріятелямъ“ или даже къ другимъ лицамъ, именно — къ тѣмъ, кто сподручнѣе, кого легче достать, на кого скорѣе можно положиться, за кѣмъ нечего далеко ходить и кого не трудно отыскать. Поэтому сторона берется иногда изъ случайно присутствующихъ сосѣдей, гостей, проѣзжихъ кунцовъ и т. д. Кромѣ простой коллегіи (группы) вознаго со стороной (или стороны, замѣняющей вознаго), акты отмѣчаютъ и весьма сложныя группы различныхъ притомныхъ людей: въ однихъ случаяхъ присутствуетъ сложная группа нѣсколькихъ возныхъ со стороной, въ другихъ случаяхъ—сложная группа нѣсколькихъ сторонъ, въ третьихъ—сложная группа вознаго со стороной и стороннихъ людей. Но всегда всё эти сложныя группы въ основѣ своей имѣютъ указавшую уже сторону вознаго, и всегда притомные люди копы являются въ роли судныхъ мужей, которые могутъ принимать активное участіе во всѣхъ актахъ копнаго процесса и даже въ постановленіи самого приговора.

При обсужденіи доклада, М. Н. Ясинскій замѣтилъ, что основываясь на заглавіи предложеннаго реферата, онъ ожидалъ услышать что-либо о *добрыхъ людяхъ* (судныхъ мужахъ), фигурировавшихъ на судѣ западно-русскихъ воеводъ, намѣстниковъ и пр., а равно на судѣ вотчинномъ или панскомъ (относительно людей этого рода терминъ „притомные люди“ имѣлъ бы нѣкоторое оправданіе, какъ сокращеніе описательной формы, употребляемой въ актахъ для опредѣленія *добрыхъ людей*: „добрые люди, которые *при томъ*—т. е. при судѣ—были“), и никакъ не предполагалъ, что рефератъ посвященъ будетъ, такъ назыв., *стороннимъ* или *постороннимъ* людямъ, упоминаемымъ нерѣдко въ актахъ о копномъ судѣ. Терминъ „притомные люди“ неудаченъ вообще, а въ приложеніи къ *стороннимъ* людямъ, фигурировавшимъ на копѣ, въ особенности. Эти послѣдніе обыкновенно въ актахъ называются „люди сторонніе“, наименованіе же *ludzi przutomni* встрѣчается въ актахъ сравнительно весьма рѣдко и то лишь въ актахъ позднѣйшихъ (примѣрно со 2-й пол. XVII в.) и писанныхъ лишь на языкѣ польскомъ. Нельзя одобрить попытку референта отказаться отъ наиболѣе употребительнаго и установившагося термина, и притомъ термина древнѣйшаго, въ пользу термина позднѣйшаго и малоупотребительнаго. О причинахъ появленія *стороннихъ людей* на копѣ и ихъ роли въ копномъ судѣ въ литературѣ выказаны два различныя мнѣнія: Иванюшевъ признаетъ ихъ людьми сторонней копы, присутствующими на судѣ въ качествѣ контролирующей власти, замѣняя собой протоколь; Спрогисъ считаетъ ихъ людьми той же копы, но лично незаинтересованными въ дѣлѣ. Въ актахъ можно найти указанія для обоихъ мнѣній. Термины „сторонній“, „чужой“ употребляются весьма разнообразно. Но изученіе обширнаго числа памятниковъ привело г. Ясинскаго къ убѣжденію, что „сторонніе люди“ это люди изъ сторонней копной общины, но принимавшіе активное участіе въ процессѣ, когда процессъ захватывалъ 2—3—4 округа. Проф. Демченко напрасно смѣшиваетъ этотъ терминъ съ терминомъ „возная сторона“: то — понятие. Референтъ увлекается сближеніемъ древне-русскаго института послуховъ со „сторонними людьми“ копнаго суда.

Г. В. Демченко отвѣчалъ указаніемъ, что терминъ „притомныхъ людей“ не сочиненъ имъ, а взятъ изъ актовъ копныхъ судовъ, гдѣ онъ употребляется, хотя и не очень часто. Тѣже притомные люди называются послухами, хотя очень рѣдко. Терминъ „стороннихъ людей“, какъ указалъ и оппонентъ, употребляется весьма разнообразно, и докладчикъ разсматривалъ его въ тѣсномъ значеніи его употребленія, утверждаемомъ актами.

В. З. Завитневичъ указаль, что самое слово „притомный“ значить *правоспособный* со всѣми отгѣнками. („Непритомный“, добавиль М. Н. Ясинскій, значить — „не въ своемъ умѣ“).

2. П. В. Голубовскій прочель докладъ по вопросу: *съ какого времени можно прослѣдить на Югѣ Россіи способъ защиты таборомъ?* (Т. II, ч. 1, стр. 72—79).

При обсужденіи доклада Н. Г. Николаевъ, отмѣчая интересъ вопроса для специалистовъ военнаго дѣла, поясниль, что для кочевника защита за таборомъ была нормальнымъ строемъ, когда одна сторона должна была отступать и прикрываться обозомъ: кавалерія сильна не на мѣстѣ, а только на шокѣ и въ движеніи, а когда одна сторона теряла свои силы, она отступала, прикрываясь обозами. Но извѣстенъ фактъ, когда таборъ служиль тактической формой нападенія — въ гуситскія войны. Противъ стройныхъ и хорошо вооруженныхъ рыцарей выступали гуситы — крестьяне съ крѣпкими повозками и плохимъ оружіемъ; искусно расположивъ повозки и соединивъ ихъ цѣпями, они завлекали рыцарей въ проходы между повозками и здѣсь, приведенныхъ въ смятеніе, побѣждали.

Проф. Кадлецъ полагаль, что способъ защиты таборомъ занесенъ былъ въ Россію отъ Чеховъ, которые со времени гуситскихъ войнъ постунали въ войска сосѣднихъ славянскихъ странъ. Слово „таборъ“ — гуситско-библейское (ср. у гуситовъ Таборъ, Сионъ, Виолеемъ).

В. Б. Антоновичъ видѣль въ защитѣ за таборами защиту въ лагерѣ, а не въ движеніи. Принести къ намъ защиту таборомъ могъ тотъ князь Оедько Острожскій, который въ литовско-русскомъ контингентѣ ходиль въ Чехію на помощь гуситамъ.

А. И. Маркевичъ замѣтиль, что за возами защищались и Германцы въ борьбѣ съ Римлянами: слѣдовательно за объясненіемъ такой защиты надо идти въ древнее время или совсѣмъ никуда не идти, ибо извѣстное положеніе вездѣ могло выдвинуть извѣстную тактику, какъ естественный, обще-человѣческій пріемъ.

Докладчикъ, сказаль, что, ожидавъ возраженія съ фактической стороны онъ встрѣчается съ возраженіями подобными тому, какъ при немъ человѣку сообщавшему, что русскіе въ XI вѣкѣ занимались огородничествомъ, возражали указаніемъ, что въ Западной Европѣ это занятіе извѣстно лишь съ XIV вѣка. Слово „таборъ“ онъ употребляль за неимѣніемъ другаго, хотя и старался избѣгать его и говорить объ „укрѣпленіяхъ изъ возовъ“.

В. З. Завитневичъ сближалъ слово: „таборъ“ и „товаръ“ и для защиты за возами указываль примѣръ Романа Мстиславича въ Линецкой битвѣ.

Д. И. Иловайскій указаль на битву при Ворсклѣ 1383 года и полагаль, что не слѣдуетъ поспѣшно рѣшать вопросъ, кто на кого вліяль.

Н. П. Дашкевичъ указаль, что употребленіе табора Мстиславомъ при Калкѣ не можетъ быть утверждаемо съ полной рѣшительностью въ виду варианта о „городѣ съ кольемъ“ въ Троицкой лѣтописи. Слово „таборъ“ въ этомъ значеніи врядъ-ли можно производить отъ горы Оаворъ. Это слово тюрское, и гуситы могли заимствовать его у Мадьяръ; что Мадьяры употребляли его есть прямое указаніе въ польскомъ извѣстіи о вторженіи ихъ въ Мазовію въ 1383 года.

4-го августа. 10 часовъ утра.

VI Отдѣленіе—Памятники письмена и языка.

Почетный предсѣдатель А. И. Маркевичъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Н. И. Петровъ.

Секретари: А. К. Бороздинъ и Б. А. Тураевъ.

1. В. Н. Щепкинъ. *Диалектическое дѣленіе языковъ старо-славянскаго и болгарскаго.* Указавъ на недавнее происхожденіе изслѣдованій старо-славянскихъ діалектовъ и коснувшись работы Облака по этому вопросу, докладчикъ предложилъ установить три діалектическія группы въ старославянскомъ языкѣ, въ противность Облаку, принимавшему двѣ.

Къ первой діалектической группѣ докладчика принадлежатъ глаголическіе памятники XI вѣка, замѣняющіе *ъ* посредствомъ *о*, и *ь* посредствомъ *е*, какъ въ русскомъ языкѣ; этой группѣ соотвѣтствуютъ юго-западные болгарскіе говоры. Вторую діалектическую группу представляютъ—часть Супрасльскаго кодекса, и нѣкоторые болѣе мелкіе памятники; въ нихъ *ъ=ъ*, а *ь=е*; этой группѣ соотвѣтствуютъ восточно-болгарскіе говоры. Къ третьей группѣ относятся—другая часть Супрасльскаго кодекса, Остромирово Евангеліе, Саввина книга, Новгородскіе листки и Слуцкая Псалтырь; въ нихъ *ъ=ъ*, *ь=ь*; соотвѣтствія этой группѣ въ современныхъ болгарскихъ говорахъ не замѣчается. Эта третья группа можетъ быть названа архаической. Въ XI в. существовали всѣ три группы, но въ XII в. говоры архаической группы примкнули вѣроятно къ нарѣчіямъ юго-западному или восточному болгарскаго языка¹⁾.

Возражая референту, проф. Цоневъ замѣтилъ, что въ болгарскихъ говорахъ существуетъ и третья, сѣверо-западная группа, занимающая средину между языками болгарскимъ и сербскимъ и соотвѣтствующая третьей группѣ, установленной референтомъ.

В. Н. Щепкинъ отрицалъ связь, устанавливаемую проф. Цоневымъ, объясняя, что по всей своей фонетикѣ сѣверо-западные говоры суть говоры сербскіе, при чемъ они представляютъ сербскую фонетику на древнѣйшей стадіи: *ъ* и *ь* уже совпали въ *ъ*, но послѣднее еще не измѣнилось въ *а*, и только отсутствіе въ нихъ флективнаго склоненія и употребленіе члена являются особенностями болгарскими. Можно предположить, что эти пограничные, нѣкогда сербскіе, говоры въ эпоху второго болгарскаго царства, съ к. XII в., примкнули къ болгарскому общественному союзу и, не утративъ своей сербской фонетики, въ морфологій и синтаксисѣ раздѣлили судьбы средне-болгарскаго языка; преемственности между ними и указанной 3-й группой старославянскихъ говоровъ нельзя видѣть, ибо эта 3-я группа сохраняетъ различіе между *ъ* и *ь*, которую пограничные сѣверо-западные болгарскіе говоры утратили безъ слѣда и очевидно еще въ глубокой древности.

Проф. Милетичъ высказалъ мнѣніе, что въ XI, XII вв. являются уже только 2 нарѣчія, въ которыхъ *ъ* и *ь* смѣшиваются и это смѣшеніе (*ъ* и *ь=ъ*) есть не только сербская, но и обще-болгарская черта. Сѣверо-западное нарѣчіе есть наслѣдникъ архаическаго, причемъ *ъ* и *ь* предварительно совпали. Сѣверо-западное нарѣчіе древнѣе двухъ остальныхъ.

В. Н. Щепкинъ возразилъ, что совпаденіе *ъ* и *ь* въ *ъ* во всѣхъ завѣдомо болгарскихъ говорахъ есть явленіе позднѣйшее и частичное, а не древнѣйшее и общее (какъ въ пограничныхъ, сѣверо-восточныхъ говорахъ). Всѣ завѣдомо болгарскіе говоры, измѣнили *ь* въ *ъ* только въ извѣстномъ положеніи, а при иномъ положеніи измѣняли *ь* въ *е*, а *ъ* или сохра-

¹⁾ См. подробности въ сочиненіи докладчика „Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги“. Спб. 1899 г.

няли или измѣняли въ *o*, что указываетъ ясно на строгую раздѣльность полугласныхъ въ древне-болгарскомъ языкѣ, чего не представляютъ другіе юго-славянскіе языки: ни сербо-хорватскій, ни словенскій.

Проф. Н. В. Волковъ замѣтилъ, что при діалектологическихъ изслѣдованіяхъ надо принимать въ соображеніе хронологію памятниковъ и количество копій, проходя черезъ которыя оригиналъ могъ подвергаться значительнымъ измѣненіямъ. Важнымъ источникомъ для опредѣленія фонетическаго состава старославянскаго языка являются нотныя книги, которыя всегда сохраняютъ древнее письмо. Во всѣхъ древнѣйшихъ нотныхъ книгахъ сохраняются *z* и *ь* безъ замѣны ихъ посредствомъ *o* и *e*. Изъ этого можно заключать объ единствѣ древняго языка, а возникновеніе діалектическихъ группъ приходится признать позднѣйшимъ, при чемъ оппонентъ склонялся къ тому, что въ XI столѣтіи архаическое нарѣчіе еще существовало.

2. А. С. Раевскій. *О часословѣ библиотеки Ярославскаго архіерейскаго дома XIII в., съ молитвами Θεодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго и славяно-католическими.* Докладчику удалось выяснитъ мѣстонахожденіе пергаментнаго литургическаго сборника съ молитвами Кирилла Туровскаго, о которомъ, безъ указанія мѣста храненія, былъ представленъ докладъ Е. В. Барсовымъ на VII русскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, напечатанный въ III томѣ трудовъ этого Съѣзда; при этомъ оказалось, что названная рукопись представляетъ не что иное, какъ включенный И. И. Срезневскимъ во 2-е изданіе „Памятниковъ древняго русскаго письма и языка“, подъ датой „до 1200 г.“, „Чиновникъ разныхъ церковныхъ чиновъ“,

На самомъ дѣлѣ, такъ какъ архаическій видъ рукописи лишь кажущійся, то ее слѣдуетъ относить ко второй половинѣ XIII в., т. е. ближе къ мнѣнію Барсова, считающаго ее принадлежащей къ XIV в.; съ другой стороны, нельзя согласиться съ мнѣніемъ послѣдняго относительно ея содержанія и назначенія. Е. В. Барсовъ упустилъ изъ виду, во-первыхъ, что въ рукописи четыре листа вырванной 57-ой тетради подшиты были впоследствии въ самомъ ея началѣ, и счелъ за конецъ полунощницы находящійся на первомъ листѣ конецъ молитвъ послѣ вечерни, несмотря на то, что непосредственно за нимъ, на томъ-же листѣ, имѣется заглавіе „чинъ меѣмона“, т. е. повечерія по студійскому уставу; на самомъ же дѣлѣ началомъ рукописи слѣдуетъ считать 5-ый листъ, передъ которымъ было 248 утерянныхъ листовъ или 31 тетрадь, заключавшихъ несомнѣнно полунощницу, заутреню съ рядомъ молитвъ послѣ нея (между прочимъ, конечно, съ 7 молитвами Кирилла Туровскаго) и половину часовъ. Далѣе, г. Барсовъ не обратилъ вниманія на находеніе въ рукописи несомнѣнно принадлежащей преп. Θεодосію Печерскому „молитвы о вѣрныхъ“ и могущей быть ему приписанной, такъ называемой молитвы І. Златоуста, въ текстѣ которой включено поминаніе за „Θεодосія, написавшаго молитву сію“; кромѣ того, г. Барсовымъ не былъ отмѣченъ явно католическій характеръ многихъ молитвъ, помѣщенныхъ за часами и вечерней, а также на необычныхъ 7—8 и 10—12 часахъ (подобные часы, по словамъ проф. Тураева, имѣются въ одномъ видѣнномъ имъ эѳіопскомъ часословѣ); наконецъ, Барсовъ считалъ рукопись предназначенною для часовенныхъ службъ, тогда какъ заключающійся въ ней рядъ специально монашескихъ молитвъ показываетъ, что она назначалась для общаго или келейнаго монастырскаго правила. Вообще же рукопись слѣдуетъ признать сводомъ, составленнымъ изъ часослова по студійскому уставу, въ соответственныхъ мѣстахъ котораго были размѣщены молитвы, сочиненныя печерскими иноками (изъ русскихъ святыхъ во всей рукописи упоминается лишь преп. Антоній и Θεодосій, Борвель и Глѣбъ), Кирилломъ Туровскимъ (въ рукахъ составителя былъ отдѣльный сборникъ его молитвъ) и взятыхъ изъ славяно-католическаго бревиарія, быть можетъ, монаховъ Сазавскаго монастыря.

Въ Ярославль (или Ростовъ) рукопись могла быть прислана изъ Кіева въ руководство тамошнимъ монастырямъ, такъ какъ палеографическія особенности ея не сходятся съ особенностями рукописей, заведомо написанныхъ въ Ростовско-Суздальской области.

3. И. М. Каманинъ. *Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв.*¹⁾

Указавъ на важное практическое и научное значеніе палеографіи, на слабое развитіе этой вспомогательной науки при изученіи историческихъ памятниковъ, докладчикъ отмѣтилъ тѣ условія, при которыхъ должны производиться палеографическія изслѣдованія. Для настоящаго доклада авторъ изъ трехъ почерковъ, господствовавшихъ въ Юго-Западномъ краѣ въ XV—XVIII вв.: латинскаго, польскаго и русскаго, остановился надъ изученіемъ послѣдняго. Въ исторіи послѣдняго, на основаніи собраннаго матеріала, представленнаго въ снимкахъ и демонстрированнаго при чтеніи, докладчикъ различаетъ четыре періода: 1-й періодъ самостоятельнаго развитія письма съ половины XV до половины XVI в., когда буквы являются упрощеніемъ уставной скорописи; 2-й періодъ съ половины XVI в. до начала XVII, когда письмо, подъ дѣйствіемъ польско-нѣмецкаго вліянія, принимаетъ готическій характеръ; 3-й періодъ начинается со времени возникновенія при братствахъ школъ, усвоившихъ себѣ программу католическихъ коллегій, когда русское письмо измѣняется подъ вліяніемъ латинскаго, теряя характеръ готическаго, и оканчивается на правомъ берегу Днѣпра во 2-й половинѣ XVII в. замѣной польскимъ письмомъ, а на лѣвомъ—замѣной сѣверно-русскимъ; такимъ образомъ 4-й періодъ въ исторіи южно-русскаго письма есть господство сѣверно-русскаго почерка; оно начинается на лѣвомъ берегу Днѣпра съ половины XVIII в., а на правомъ съ конца XVIII вѣка, когда Юго-Западный край былъ присоединенъ къ Россіи. Такимъ образомъ Южная Русь, съ потерей своей культурной самостоятельности, теряетъ и свойственный ей характеръ письма, позднѣйшія измѣненія котораго даютъ возможность наблюдать происходившія перемены въ культурной и политической жизни народа.

По поводу доклада И. М. Каманина, М. В. Довнаръ-Запольскій замѣтилъ, что референтъ вводитъ слишкомъ дробное дѣленіе по школамъ письма, допуская въ предѣлахъ одной области нѣсколько школъ (Владимірская, Луцкая) и не отличая строго канцелярскаго письма отъ церковнаго. О. П. Истоминъ настаивалъ на томъ, что разница между Владимірскими и Луцкими почерками, указанная референтомъ, несомнѣнно существуетъ и должна объясняться именно вліяніемъ школы, а не какъ результатъ индивидуальной особенности писца.

На возможность рѣзкой особенности мѣстной школы указалъ и проф. А. И. Маркевичъ, приведя въ примѣръ письмо Ахтырскаго полка.

4-го августа, 2¼ часа дня.

XI Отдѣленіе. Памятники археографическіе.

Почетный Предсѣдатель: А. П. Яблоновскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: П. В. Голубовскій.

Секретари Отдѣленія: М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

1. Проф. Д. И. Багалъй. *Объ историческихъ матеріалахъ, какъ источникахъ археологій.* (Т. 2, ч. 1, стр. 83—89).

¹⁾ См. предисловіе И. М. Каманина въ книгѣ: „Палеографическій сборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русскаго письма XV—XVIII вв.“.—Кіевъ, 1899, изданіе Комиссіи для разбора древнихъ актовъ.

Въ дополненіе къ реферату, д-ръ Папачекъ, депутатъ Общества любителей чешскихъ древностей въ Прагѣ, указалъ, что богатыми данными къ письменнымъ памятникамъ въ области археологіи могутъ быть преданія, живущія въ языкѣ народа, у котораго напр. топографическія названія нерѣдко имѣютъ тѣсную связь съ далекимъ прошлымъ. А. И. Маркевичъ полагалъ, что мысли докладчика получили бы болѣе реальное значеніе, если бы сопровождались программой для ихъ осуществленія. Въ виду же огромности исполненія всей предложенной задачи, ограниченіе ея хотя бы памятниками историческаго прошлаго, имѣющими общее значеніе, — способствовало бы ея скорѣйшему осуществленію. Такую программу онъ и предлагалъ Д. И. Багалѣю выработать для Предварительнаго Комитета будущаго съѣзда.

2. А. П. Вороновъ. *Французскій областной архивъ*. (Т. II, ч. 1, стр. 43—47).

Д. В. Дегенъ указалъ, что сосредоточіе всѣхъ архивовъ въ одномъ изъ министерствъ едва ли можно признать и желательнымъ, и возможнымъ. Въ архивномъ дѣлѣ заинтересованы всѣ вѣдомства и поэтому во главѣ его должно стоять учрежденіе или лицо нейтральное, независимое ни отъ какого вѣдомства. А. С. Раевскій указалъ, что трудно, почти невозможно отдѣлить отъ учрежденій ихъ архивы, но что это легче будетъ сдѣлать въ отношеніи историческихъ архивовъ, къ которымъ надо причислить въ Москвѣ архивы Министерствъ — Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи, а въ Варшавѣ — архивы Генералъ-губернаторскій старыхъ дѣлъ и Казенной Палаты. Всѣ эти четыре архива слѣдовало бы передать въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, которое уже вѣдаетъ тремя центральными архивами, — кievскимъ, виленскимъ и витебскимъ, также имѣющими историческое значеніе.

4-го августа, 8 часовъ вечера.

II-е отдѣленіе. Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель: Н. П. Дашкевичъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. И. Багалѣй.

Секретарь Отдѣленія: О. А. Фотинскій.

Предсѣдатель Отдѣленія Д. И. Багалѣй привѣтствовалъ почетнаго предсѣдателя засѣданія, Н. П. Дашкевича: „Ровно 25 лѣтъ тому назадъ, на Кіевскомъ Съѣздѣ 1874 г., въ этой же историко-географической секціи, Н. П. Дашкевичъ сдѣлалъ свое сообщеніе о Болоховской землѣ, которое оказалось не только однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ рефератовъ прошлаго Кіевского Съѣзда, но и наиболѣе замѣчательнымъ сочиненіемъ по русской областной исторіи. Докладчикъ открылъ намъ территорію Болоховскихъ князей и ихъ самихъ и впоследствии не разъ возвращался къ этому вопросу. Не могу не выразить ему глубокой признательности какъ одному изъ наиболѣе видныхъ представителей той историко-географической школы, настоящимъ родоначальникомъ которой является нашъ общій учитель В. Б. Антоновичъ“.

Н. П. Дашкевичъ, благодаря за избраніе, отвѣчалъ: „Труды мои слишкомъ незначительны и скромны, и если я могу въ чемъ либо усматривать объясненіе благосклонному отношенію къ нимъ, то только въ томъ, что я руководился всегда глубокимъ сочувствіемъ къ этнографическимъ изученіямъ, которыя составляютъ одну изъ главныхъ заслугъ исторической науки въ XIX столѣтіи. Меня привлекала эта сторона, потому что она находилась въ согласіи съ направленіемъ нашего вѣка, съ его гуманнымъ отношеніемъ къ личности индивидуальной и

народной, какова бы ни была эта личность. Здѣсь сказывается истинная двигательная сила исторіи—сила народнаго духа^а.

1. В. И. Щербина. *Украинскія староства по люстраціямъ XVIII в.*¹⁾.

Украинскія староства сгруппированы были въ Кіевскомъ повѣтѣ и заключали важнѣйшую часть старой Кіевской земли. Населеніе ихъ составляли потомки исконнаго населенія края; польская колонизація была крайне незначительна (около 2%). Сравненіе двухъ люстрацій 1765 и 1789 гг. показываетъ довольно значительное возрастаніе населенія (до 23%) и въ то же время увеличеніе зависимости его отъ старостъ. Налоги и повинности, составлявшія въ 1765 г. 31% доходности имѣнія, въ 1789 г. возрастаютъ до 45%. Чиншъ, составлявшій въ 1765 г. главную сумму обложенія, въ 1789 году уменьшается; за то возрастаетъ панщина и являются различныя натуральныя повинности (куры, яйца, грибы, мотки нитокъ и т. п.). Такимъ образомъ положеніе королевскихъ имѣній постепенно приближается къ положенію имѣній дѣдичныхъ. Въ концѣ столѣтія нѣкоторыя староства обращены были въ дѣдичныя имѣнія, другія розданы на эмфитевтическомъ правѣ; на четырехлѣтнемъ сеймѣ составленъ былъ проектъ совершеннаго упраздненія староствъ. Населеніе староствъ не сочувствовало реформамъ четырехлѣтнаго сейма и старалось воспользоваться имъ для возвращенія своихъ старинныхъ правъ.

2. П. И. Троицкій. *Древній городъ Лопасня, его мѣстонахожденіе и памятники*—(Т. II, ч. 2, стр. 126—136).

По поводу реферата И. М. Покровскій указалъ на недостатокъ у насъ до сихъ поръ подобныхъ историко-географическихъ детальнымъ изысканій. Вопросъ о положеніи Лопасни очень важенъ для церковно-исторической географіи, такъ какъ здѣсь сходились границы епархій Рязанской и Черниговской, т.-е. Восточной и Западной русскихъ митрополій. Было бы интересно опредѣлить на основаніи данныхъ церковно-археологическихъ, принадлежала ли Лопасня къ епархіи Черниговской или Рязанской. Что касается вопроса о построеніи Пятницкой церкви въ XVII в., засвидѣтельствованномъ лѣтописною доскою, то, по аналогіи словоупотребленія, въ данномъ случаѣ можно допустить, что церковь была не вновь построена впервые въ это время, а лишь перестроена или поновлена только. Докладчикъ отвѣтилъ, что Лопасня принадлежала къ епархіи Черниговской несомнѣнно; допущеніе же болѣе ранней постройки ея невозможно въ виду предшествовавшихъ татарскихъ набѣговъ и въ виду того, что въ XVI вѣкѣ здѣсь было „дикое поле“.

3. А. И. Бунинъ. *Гдѣ находились города Липецкъ и Ворголъ, а также другія мѣста, упоминаемая въ лѣтописи подъ 1283—1284 г.г.* (Т. II, ч. 2, стр. 66—71).

П. В. Голубовскій высказалъ свое удовольствіе тому, что референтъ инымъ путемъ пришелъ къ тому-же выводу относительно мѣстоположенія этихъ городовъ, къ которому пришелъ и онъ, подготавливая изданіе исторической карты Черниговской и Полтавской губерній. Д. И. Багалъй указалъ на значительный интересъ вопросовъ по древней исторической географіи, на обиліе ихъ („ихъ столько же, сколько городовъ древней Руси“) и на скудость данныхъ для рѣшенія ихъ. Давно сознава необходимость, помимо излѣдованія древнихъ источниковъ, анализа и сопоставленія разныхъ мѣстъ лѣтописи, привлечь къ изслѣдованію и данныя болѣе позднія, XVI—XVII в., а въ третьихъ безусловно необходимы археологическія изслѣдованія на мѣстѣ. Докладчикъ удовлетворилъ двумъ первымъ требованіямъ, а въ докладѣ П. И. Троицкаго мы видимъ попытку примѣнить данныя археологическія къ рѣшенію топографическаго вопроса. Выводы того и другаго референта весьма правдоподобны, но катего-

¹⁾ Кіевская Коммиссія для изданія древнихъ актовъ, 1899 г.

рическое рѣшеніе такихъ вопросовъ врядъ ли можетъ быть достигнуто. Въ данномъ случаѣ относительно Воргола остается сомнѣніе на томъ соображеніи, что Сумы лежатъ за официальной границей древнихъ русскихъ княжествъ. Потому слѣдовало бы произвести такое же изслѣдованіе относительно Липецка въ Фатежскомъ уѣздѣ, на который указываетъ Барсовъ. А. И. Бунинъ пояснилъ, что Барсовъ впалъ въ явную ошибку, прочитавъ на картѣ „Липецкъ“ вмѣсто „Линецъ“, почему съ мнѣніемъ Барсова нельзя считаться.

5-го августа. Въ 10 часовъ утра. (XV аудиторія).

XI отдѣленіе—Памятники археографическіе.

Почетный Предсѣдатель: А. С. Лаппо-Данилевскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: П. В. Голубовскій.

Секретари: М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

1. И. М. Каманинъ. *Объ экспертизъ древнихъ подложныхъ документовъ.* (Т. II, ч. 1, стр. 38—42).

А. С. Раевскій сдѣлалъ сообщеніе о дѣятельности комиссіи 1892 г., которая касалась этого вопроса и подготовила проектъ; но желательно было бы просить о приведеніи въ исполненіе ея постановленій. И. А. Линниченко указывалъ на большую сложность данного вопроса. В. Б. Антоновичъ полагалъ, что, несмотря на всю трудность вопроса, онъ не неразрѣшимъ на практикѣ. С. Л. Пташицкій присоединился къ мнѣнію докладчика полагая необходимымъ экспертизу документовъ предоставить самимъ архивамъ, а для разрѣшенія сомнительныхъ историческихъ вопросовъ образовать повѣрочную комиссію, которая должна собираться въ случаяхъ надобности въ опредѣленные сроки въ мѣстахъ нахождения подлежащихъ архивовъ, съ допущеніемъ въ засѣданія комиссіи представителя заинтересованной стороны. Рѣшенія комиссіи могутъ подлежать обжалованію для кассачіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ С. Л. Пташицкій находилъ крайне желательнымъ учрежденіе при Археологическомъ Институтѣ курса по западной и южно-русской палеографіи съ практическими упражненіями. Д. В. Цвѣтаевъ призналъ серьезное значеніе вопроса, поднятаго докладчикомъ. Порча документовъ производилась не только въ архивахъ Кіевского и Виленскаго районовъ, но и въ Варшавскихъ. Чиновникъ одного изъ Варшавскихъ архивовъ за поддѣлку документовъ на дворянскія права, поплатился около 1880 года ссылкой въ Сибирь. Не безъ причинъ, конечно, документы о герольдіи не особенно давно взяты въ С.-Петербургѣ. Практика поддѣлки документовъ въ предѣлахъ бывшихъ польскихъ владѣній имѣетъ болѣе раннюю исторію, нежели указано докладчикомъ. Какъ видно изъ „Опытовъ русской исторіографіи“ В. С. Иконникова, о мастерскихъ, поддѣлывавшихъ текстъ актовъ, упоминается уже въ 1736 году. Отсюда, въ дѣлѣ распознаванія подлинности старыхъ документовъ, очень много опасности и для служащихъ въ архивахъ, и для суда. Предлагаемое докладчикомъ средство—періодическіе съѣзды немногихъ специалистовъ—при всей его полезности, недостаточно. Много цѣлесообразнѣе было бы учрежденіе комиссіи или иного органа по округамъ. Хотя и особая комиссія, еще съ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія назначавшіяся въ Кіевъ для проверки подлинныхъ актовъ, не предохраняли кіевскихъ архивовъ даже отъ намѣренной въ нихъ порчи актовъ, тѣмъ не менѣе комиссіи или иные органы по округамъ имѣютъ то преимущество, что компетентныя лица, живущія въ

округѣ, ближе знакомы съ характеромъ документовъ; свою помощь они могутъ оказывать и суду, и самимъ архивнымъ служащимъ непрерывно, по мѣрѣ надобности, и самые акты, подвергаемые провѣркѣ, не потребуются тогда вывозить на тысячеверстныя разстоянія. Д. И. Багалѣй поддерживалъ предложеніе въ томъ смыслѣ, что необходимо настаивать на учрежденіи особыхъ учреждений по округамъ. Деп. Калужской Архивной комиссіи В. М. Кашкаровъ сдѣлалъ нѣсколько указаній на старообрядческіе подложные документы.

Въ дальнѣйшихъ преніяхъ принимали участіе: П. В. Голубовскій, М. В. Багалѣй, М. В. Довнаръ-Запольскій, В. М. Виттыгъ, Д. И. Иловайскій.

Поч. предсѣдатель А. С. Лаппа-Данилевскій, формулируя пренія, предложилъ на рѣшеніе секціи выяснившіеся вопросы.

Рѣшено: 1) принять въ принципѣ предложеніе И. М. Каманина и возбудить соответственное ходатайство черезъ Совѣтъ Слѣзда;

2) выбрать особую комиссію для выработки детальнаго доклада, въ составѣ не болѣе 5 членовъ.

Произведенной баллотировкой избранными большинствомъ голосовъ оказались: И. М. Каманинъ, Д. И. Багалѣй, С. Л. Иташицкій, Д. В. Цвѣтаевъ и В. Б. Антоновичъ

2. Священникъ І. Е. Шиповичъ. *Лѣтопись Винницкаго капуцинскаго монастыря за 1744—1862 годы.* Въ Винницѣ до 80-хъ годовъ настоящаго столѣтія существовалъ капуцинскій монастырь, основанный въ 1744 году винницкимъ старостой Калиновскимъ, который употребилъ для этого 40,000 злотыхъ, полученныхъ имъ отъ графа Потоцкаго въ вознагражденіе за нанесенное послѣднимъ Калиновскому оскорбленіе. Монастырь этотъ въ 1880-хъ гг. упраздненъ, а храмъ его обращенъ въ приходской костелъ. Въ 1897 г., въ руки докладчика попала на нѣсколько дней рукописная лѣтопись этого монастыря, веденная, повидимому, настоятелями его отъ 1749 по 1862 гг. Во введеніи къ лѣтописи сообщены, кромѣ того, свѣдѣнія о событіяхъ 1744—1749 гг. Какъ видно изъ этого введенія, капуцинскій монастырь въ Винницѣ былъ построенъ рабочими и мастерами, выписанными Калиновскимъ изъ Львова, на мѣстѣ, гдѣ рачьше находился монастырь базилианъ. Въ самой лѣтописи сообщается много свѣдѣній о событіяхъ, пережитыхъ краемъ во второй половинѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX в.: объ эпидеміяхъ, объ истребленіи полей тучами саранчи и голодахъ, о разбойническихъ походахъ гайдамаковъ, о борьбѣ съ ними и казняхъ пойманныхъ гайдамаковъ, о движеніяхъ русскихъ войскъ и конфедератовъ, о занятіи въ 1767 году Винницы русскимъ гарнизономъ, состоявшимъ изъ донскихъ казаковъ, и т. д. (любопытно, между прочимъ, сообщеніе о томъ, какъ по распоряженію генерала Кречетникова одному казаку было дано 1,000 ударовъ палкой; несмотря на это, сообщаетъ лѣтописецъ, казакъ остался живъ). Названная лѣтопись въ 1897 году отослана въ архивъ капуцинскаго ордена. Слѣдуетъ отмѣтить, что, на основаніи сообщаемыхъ въ лѣтописи топографическихъ данныхъ, нынѣ представляется возможнымъ легко опредѣлить мѣсто православнаго винницкаго монастыря XVII в., въ которомъ была основана Петромъ Могилой Вяницкая православная школа и въ которомъ въ 1651 г. Богунъ выдержалъ борьбу съ польскими войсками. Въ заключеніе референтъ указалъ на документы католическихъ костеловъ и бывшихъ католическихъ монастырей Юго-Зап. края, какъ на источники исторіи Юго-Зап. Россіи весьма цѣнные, но мало изученные.

5-го августа. 10 ч. утра (въ актовомъ залѣ).

VII Отдѣленіе—Древности византійскія, классическія и западно европейскія.

Почетный Предсѣдатель: А. Л. Бертъе-Делагардъ.

Предсѣдатель Отдѣленія Ю. А. Кулаковскій.

Секретарь Отдѣленія Б. В. Фармаковскій.

1. В. П. Бузескулъ: *Объ успѣхахъ и главныхъ направленіяхъ въ области греческой исторіи.*

Докладчикъ остановился преимущественно на болѣе характерныхъ чертахъ новѣйшихъ направленій въ разработкѣ греческой исторіи и на взаимодействіи новыхъ открытій и новыхъ возрѣній на предметъ, задачи и методъ исторической науки. Разработка греческой исторіи за послѣднее 25-лѣтіе характеризуется прежде всего *чрезвычайнымъ ростомъ матеріала* (открытія Шлимана, раскопки въ Олимпіи на Делосѣ, въ Дельфахъ, Пергамѣ и проч.: многочисленныя надписи, дающія *документальный*, своего рода *архивный*, матеріалъ; монеты, топографическія изслѣдованія; папирусы и вновь открытыя рукописи, въ числѣ ихъ такой источникъ, какъ „Аѳинская Политія“ Аристотеля и такія произведенія, какъ бытовыя сцены Геронда и баллады Бакхилида). Послѣднія 25—30 лѣтъ характеризуются также особымъ интересомъ къ *документальнымъ* даннымъ и увлеченіемъ надписями. Господствовавшая съ конца 60-хъ годовъ „*Einquellentheorie*“ уступила мѣсто иному возрѣнію, по которому древніе авторы вовсе не являются простыми переписчиками одного какого-либо своего источника. *Гиперкритика*, проявлявшаяся въ оцѣнкѣ источниковъ, историческихъ дѣятелей и даже самой аѳинской демократіи, уступила также мѣсто болѣе умѣренному и безпристрастному отношенію, отчасти подъ вліяніемъ новыхъ открытій, доказавшихъ, что въ распоряженіи нашихъ древнихъ историковъ могли быть надежныя данныя.

Тенденція современной историографіи, направленная къ умаленію значенія личности (Лампрехтъ), нашла себѣ выраженіе и въ греческой исторіи. Представителемъ такого направленія является, по крайней мѣрѣ отчасти, Белохъ. Теорія *эволюціи* и постепеннаго, органическаго развитія находитъ себѣ опору въ археологическихъ данныхъ и въ свидѣтельствѣ такихъ источниковъ, какъ „Политія“ Аристотеля. Въ настоящее время замѣтно стремленіе къ изученію исторіи *общества* (представитель этого направленія—Пельманъ) и *соціально-экономической* стороны (Белохъ, Мейеръ, упомянутый уже Пельманъ и друг.). Надписи даютъ для этого богатый матеріалъ. Обращается вниманіе также на *второстепенные* греческія города, для исторіи коихъ надписи также служатъ богатымъ источникомъ. Въ противовѣсъ излишней спеціализаціи раздается требованіе болѣе *универсальной* точки зрѣнія (на этомъ особенно настаиваетъ Мейеръ и отчасти Пельманъ). Наконецъ современное направленіе въ изученіи греческой исторіи характеризуется стремленіемъ къ *модернизаци*и этой исторіи: указывается на аналогію между явленіями древности и новаго времени, на то, что въ древности существовали тѣ же проблемы, которыя волнуютъ современное общество, и доказывается неосновательность извѣстной теоріи Родбертуса относительно экономическихъ отношеній древняго міра (Мейеръ, Пельманъ). Вопросъ о томъ, кому надлежитъ заниматься древней исторіей, филологу, какъ требуетъ Виламовицъ, или историку, является въ сущности празднымъ. Ближайшая же задача историка Греціи въ наше время состоитъ въ комбинаціи прежде извѣстныхъ данныхъ съ вновь открытыми и въ обработкѣ греческой исторіи въ томъ духѣ и направленіи,

въ какомъ уже началъ эту обработку Э. Мейеръ, безъ односторонности и съ обще-исторической точки зрѣнія.

Ө. Г. Мищенко къ сообщенію В. П. Бузескула замѣтилъ слѣдующее: „Уважаемый докладчикъ далъ сжатую, ясную характеристику движенія въ греческой историографіи за послѣдніе 2—3 десятка лѣтъ. При этомъ онъ сдѣлалъ не совсѣмъ заслуженный упрекъ тому направленію въ изученіи греческой исторіи, которое онъ вполне основательно сближаетъ съ господствующей нынѣ теоріей эволюціи, и главными представителями котораго являются въ настоящее время Пельманъ, Эд. Мейеръ и др. Типическою чертою этого направленія В. П. Бузескуль называетъ модернизацию греческой исторіи, какъ бы отличающую это направленіе отъ предшествовавшихъ ему. На самомъ дѣлѣ модернизация въ исторіи Греціи есть явленіе весьма старое, восходящее ко времени первыхъ греческихъ историковъ въ самой древне-греческой литературѣ. Древніе историки, начиная съ предшественниковъ Геродота, прилаживали извѣстія о старинѣ къ своимъ собственнымъ понятіямъ и къ современнымъ имъ отношеніямъ, мало заботились о критическомъ возстановленіи давнихъ событій въ ихъ особенныхъ условіяхъ. Такъ поступали Геродотъ, Фукидидъ, Полибій, Страбонъ и др. Въ новой европейской литературѣ подъ вліяніемъ увлеченія древностью господствовала до послѣдняго времени идеализация грековъ и римлянъ и такое изображеніе ихъ жизни, которое давало бы возможность найти въ античной жизни желательныя для историковъ идеи и отношенія. Протестъ противъ такого метода изложенія греческой исторіи вышелъ изъ школы англійскихъ филологовъ и нѣмецкихъ конца XVIII в. Въ новое время эволюціонная, или сравнительно-историческая теорія обѣщаетъ освободить греческую историографію отъ предвзятыхъ идей и отъ модернизации. Историко-сравнительной методъ самъ по себѣ даетъ въ руки историку вѣрнѣйшее орудіе къ возстановленію фактовъ въ ихъ реальныхъ чертахъ и ихъ собственныхъ условіяхъ. Необходимо только воздерживаться отъ поспѣшныхъ сближеній, по сущности метода здѣсь ни при чемъ; самому методу модернизация не свойственна“. Докладчикъ отвѣтилъ, онъ далекъ отъ мысли упрекать Эд. Мейера и напротивъ полагаетъ, что дальнѣйшаго прогресса въ области изученія греческой исторіи можно ожидать именно отъ той точки зрѣнія, которой придерживается Мейеръ. Опасность заключается въ крайностяхъ, въ которыя могутъ впасть менѣе талантливые и менѣе образованные послѣдователи.

2. Б. В. Фармаковскій. *Послѣднія научныя предпріятія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь.*

Указавъ на важное значеніе изслѣдованія нѣкогда бывшихъ византійскихъ областей и въ частности изслѣдованія древностей христіанскихъ, въ нихъ находимыхъ, докладчикъ остановился на послѣднихъ предпріятіяхъ Института въ области изученія христіанскихъ древностей, на которыя Институтъ обращаетъ особенное вниманіе. Институтъ приступилъ въ настоящемъ году къ всестороннему изученію мечети *Казріз-джаміи въ Константинополь (бывшаго некогда византійскаго монастыря „Хора“)*, ея мозаикъ и фресокъ. Мозаики воспроизводятся художникомъ Н. К. Клуге въ краскахъ и фотографируются. Весь этотъ матеріалъ предполагается выпустить отдѣльнымъ большимъ изданіемъ. Докладчикъ предложилъ вниманію слушателей одинъ готовый въ настоящее время рисунокъ съ одной изъ мозаикъ и ея фотографію (фигура св. Анны изъ композиціи XI в. во второмъ нартексѣ). Вторымъ предпріятіемъ Института являются *работы въ Мадебѣ, въ Палестинѣ*. Докладчикъ предложилъ на разсмотрѣніе планы, рисунки и фотографіи находящихся съ Мадебѣ древностей, исполненныя по порученію Института Н. К. Клуге. Указавъ вкратцѣ на значеніе ихъ и на ихъ эпоху (IV—IX в. по р. Хр.), докладчикъ далъ краткое описаніе Мадебы, ея базиликъ и мозаикъ, въ нихъ найденныхъ. Наконецъ, Институтъ продолжаетъ *обработывать добытый имъ раньше научный матеріалъ и*

приготавливаетъ къ изданію въ своихъ „Извѣстіяхъ“ памятники древности, собранные въ его музеѣ, однимъ изъ наиболѣе выдающихся среди которыхъ является византійскій пергаментный свитокъ съ миниатюрами XII вѣка.

3. Д-ръ К. Хёрманъ: *Римское укрѣпленіе въ Могорело*. (Ueber das römische castrum in Mogorello).

Укрѣпленіе, отъ котораго сохранились на значительную высоту стѣны прекрасной кладки, расположено по близости отъ далматской границы въ Герцеговинѣ, на рѣкѣ Нарентѣ, близъ мѣста древняго богатаго торговаго города Нароны (нынѣ Видъ), на склоняющемся къ югу плато, носящемъ имя *Могорело*. Раскопки на мѣстѣ укрѣпленія предприняты были весной текущаго года управленіемъ Боснійско-герцеговинскаго музея и продлятся еще долго, обѣщая интересныя находки. Размѣры укрѣпленія—100 метровъ въ длину и 80 въ ширину, указываютъ на гарнизонъ человекъ въ 500. Планъ укрѣпленія (характерный римскій прямоугольникъ съ башнями по угламъ и съ воротами въ каждой стѣнѣ,—хотя porta praetoria заложена въ болѣе поздній императорскій періодъ) представляетъ ту особенность, что къ стѣнамъ его съ внутренней стороны—съ востока, сѣвера и запада, примыкаютъ небольшія квадратныя двухэтажныя пристройки. Находки, дѣланныя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ работъ по расчисткѣ внутренней площади укрѣпленія, (вещи, кирпичи съ клеймами итальянскихъ заводовъ, монеты) позволяютъ утверждать, что укрѣпленіе это существовало непрерывно отъ временъ имп. Нерона до имп. Θεодосія и его сыновей. Конецъ его существованію положилъ пожаръ; катастрофа постигла его столь внезапно, что населеніе не могло ничего унести или спасти изъ своего имущества: намъ осталась любопытная картина жизни римскаго гарнизона въ мирное время.—Докладъ былъ поясняемъ планами и видами.

5-го августа 2¹/₂, ч. д. (въ XV аудиторіи).

I Отдѣленіе — первобытныхъ древностей.

Почетный Предсѣдатель: О. В. Пичъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. Н. Анучинъ.

Секретарь Отдѣленія: Н. Θ. Бѣляшевскій.

1. Д-ръ Ф. Хегеръ (Fr. Heger.): Ueber einige fremde Formen in der prähistorischen Kultur des Kaukasus. *О нѣкоторыхъ чуждыхъ формахъ доисторической культуры Кавказа*.

Въ 80-хъ годахъ сдѣлалась извѣстной замѣчательная доисторическая культура Кавказа, относящаяся къ начальному желѣзному вѣку и характеризуемая оригинальными формами бронзовыхъ орудій. Съ культурой этой ознакомили раскопки могильниковъ въ Осетіи, особенно близъ аула Кобань, а также около станціи Казбекъ (Степанъ-Цминда), близъ ауловъ Комунты, Фаскау и др. Культура эта обнимаетъ рядъ вѣковъ; въ самомъ Кобаньскомъ могильникѣ можно различить вѣсколько этажей. Древнѣйшія могилы здѣсь восходятъ къ первому тысячелѣтію до Р. Х., позднѣйшіе же могильники Осетіи относятся уже къ византійской эпохѣ. Характерными предметами древнѣйшаго могильнаго инвентаря служатъ красиво изогнутые бронзовые топорики, нерѣдко съ орнаментомъ и изображеніями животныхъ, плоскіе бронзовые кивжалы, своеобразныя украшенія, булавки, фигуры животныхъ и т. д.; въ числѣ оружія, въ древнѣйшихъ могилахъ нѣтъ ни мечей, ни даже наконечниковъ копій и стрѣлъ, а тѣмъ болѣе щитовъ или шлемовъ.

Въ основныхъ своихъ чертахъ эта древнѣйшая культура связывается съ средиземною (дугообразныя фибулы и т. д.), и нѣкоторые изслѣдователи видѣли въ ней извѣстныя аналогіи съ болѣе древней гомерической эпохой, но сколько она извѣстна по раскопкамъ Шлимана. Но въ ряду бытовыхъ предметовъ этой древнѣйшей кавказской культуры металлическаго вѣка встрѣчаются формы, чуждыя средиземному культурному кругу. Къ нимъ относятся, напр., мѣдные изогнутые топоры болѣе грубаго очертанія, сходные съ подобными-же изъ сѣв.-вост. Россіи и Сибири, также мѣдныя круглыя зеркала съ короткой ручкой или съ срединнымъ ушкомъ на обратной сторонѣ, иногда и съ рельефнымъ орнаментомъ здѣсь, — повидимому, китайскаго происхожденія. Присутствіе такихъ формъ указываетъ на нѣкоторыя сношенія и культурныя вліянія съ сѣвера и китайскаго востока.

2. В. И. Сизовъ: *Длинные курганы въ Смоленской губ.* Курганы такой формы, отличной отъ обычной полушаро-образной, были изслѣдованы референтомъ по теченію верхняго Днѣпра и р. Вопи около Ярцева и другихъ селеній, въ недалекомъ разстояніи отъ Смоленска. Въ длину они имѣютъ до 40 арш., при высотѣ $2\frac{1}{2}$ — 3 арш., ссыпаны обыкновенно изъ песку и ориентированы перпендикулярно къ теченію рѣки. На курганы этого типа обратилъ вниманіе референта прежде всего г. Кухаренко, нашедшій, между прочимъ, въ одномъ изъ нихъ три глиняныхъ сосуда, вставленныхъ одинъ въ другой, причемъ въ самомъ маленькомъ оказались жженыя кости и пряжка, а также въ поверхностномъ слой кургана характерная узорчато-прорѣзная фибула, украшенная красною и желтою эмалью. При собственныхъ своихъ раскопкахъ референтъ также нашелъ въ одномъ курганѣ бляху отъ пояса, украшенную такою-же эмалью. Курганы эти вообще заключаютъ въ себѣ слѣды трупосожженія, но существенно отличаются отъ другихъ, полушарообразныхъ, кургановъ съ признаками трупосожженія, относящихся (судя по найденнымъ въ нихъ монетамъ) къ X вѣку. Они, несомнѣнно, древнѣе послѣднихъ и заключаютъ въ себѣ много рода предметовъ, находимые часто въ верхнемъ слой кургана непосредственно подъ дерномъ (иногда кострище на одной сторонѣ кургана—на материкѣ, на другой—вверху, подъ дерномъ); въ числѣ характерныхъ предметовъ слѣдуетъ указать вырѣзанныя ихъ кости фигурки лебеда, съ отверстиями, служившими для подвѣшиванія фигурокъ; костяныя привѣски трапецевидальной формы; голубыя, синія, изрѣдка желтыя бусы; большой величины бубенчики; найденъ былъ также обломокъ бронзоваго сосуда. Глиняные сосуды (горшки)—грубой работы и отличаются отъ болѣе искусно сдѣланныхъ и снабженныхъ волнистымъ орнаментомъ горшковъ славянской эпохи. Иногда этими курганами пользовались и для позднѣйшихъ погребеній, но послѣднія отличаются ориентированіемъ костяка съ В. на З. и положенными при немъ предметами; иногда умершій помѣщался въ слой кострища, отъ чего костякъ его получалъ впоследствии видъ „обожженнаго“. Референтъ встрѣтился съ длинными курганами въ 10 могильникахъ, причемъ могъ констатировать до 100 такихъ могилъ. Но вообще они уступаютъ въ числѣ полушарообразнымъ курганамъ и представляются болѣе разбѣяными, что указываетъ, повидимому, на недолгое (временное) пребываніе въ странѣ воздвигавшаго ихъ народа. По времени курганы эти относятся къ эпохѣ, предшествовавшей X-му вѣку и (судя по убраннымъ эмалью украшениямъ) сохранившей еще нѣкоторыя черты сходства въ культурѣ съ эпохой переселенія народовъ, именно „готской“, во всякомъ случаѣ не позже VII—VIII вв.

Замѣчанія по поводу доклада сдѣлали: В. З. Завитневичъ, сообщившій, что къ югу отъ Смоленска никакихъ слѣдовъ подобныхъ кургановъ не найдено; А. И. Черепнинъ, сообщившій, что въ Рязанской губ. ихъ также нѣтъ, хотя и извѣстны случайныя находки украшеній „готскаго“ типа, съ эмалью, объясняемыя торговымъ ихъ завозомъ; О. В. Пичъ, указавшій на важность изслѣдованій могилъ до-славянской эпохи для разъясненія вопросовъ

о древнѣйшихъ судьбахъ славянскихъ народовъ и приведшій нѣкоторыя параллели съ находками въ земляхъ западныхъ славянъ, напр. въ Подбабѣ, гдѣ были открыты слѣды меровингской культуры VI—VII вв. и т. д.; Д. И. Иловайскій, высказавшій мнѣніе о древности славянъ въ Европѣ, и И. А. Линниченко, сообщившій полученное отъ г. Мазараки извѣстіе, что на берегу р. Сулы, въ Роменскомъ уѣздѣ, при раскопкѣ „Долгой могилы“, найдена эмалированная фибула „готскаго“ типа.

5-го августа, 2¹/₂ часа дня (въ актовомъ залѣ).

V Отдѣленіе—Древности церковныя.

Почетный предсѣдатель: А. И. Соболевскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: Н. В. Покровскій.

Секретари: А. А. Парландъ и В. И. Успенскій.

1. В. В. Суловымъ прочтенъ докладъ: *Возстановленіе наружныхъ первобытныхъ формъ Новгородскаго Софійскаго собора*, гдѣ референтъ изложилъ свои наблюденія надъ формами древней архитектуры собора, обнаруженными при его реставраціи.

2. С. О. Долговъ сообщилъ *Сказаніе объ иконѣ Бога-Отца въ образѣ Давидовъ*, найденное въ рукописи Н. С. Тихонравова XVI в. (доселѣ извѣстное лишь по передачѣ Зиновія Отенскаго).

А. П. Голубцовъ напомнилъ о литературѣ, имѣющей отношеніе къ предмету доклада. Еще въ 50-хъ годахъ А. В. Горскій затронулъ вопросъ объ иконѣ Бога-Отца въ образѣ царя Давида, въ статьѣ о „Максимѣ грекѣ святогорцѣ“ (*Прибавл. къ Твор. св. отецъ* за 1859 г. ч. XIII, стр. 190—192). П. Д. Мансвѣтовъ уже довольно подробно на основаніи Зиновія Отенскаго излагалъ и отъ себя пояснялъ древне-русское сказаніе о названной иконѣ (*Древности Моск. Археол. Общ.*, т. IV, стр. 39 и далѣе, въ статьѣ: *Объ изображеніи Распятія на лѣзвѣ находящейся въ Антоніевомъ монастырѣ въ Новгородѣ*). Касался кратко даннаго вопроса и оппонентъ въ своихъ очеркахъ: „*Изъ исторіи древне-русской иконописи*“ (М. 1897), стр. 14—18. Н. П. Троицкій сожалѣлъ, что докладчикъ выяснилъ не все содержаніе иконы. Докладчикъ отвѣтилъ, что его задачей было не объясненіе иконы, а только передача „сказанія“.

3. Проф. свящ. Ѳ. И. Титовъ сдѣлалъ докладъ: *Что было въ древности на мѣстѣ нынѣшней Андреевской церкви*. На основаніи найденныхъ имъ документовъ референтъ доказывалъ, что на мѣстѣ нынѣшней Андреевской церкви и раньше была церковь во имя св. Андрея Первозваннаго,—самостоятельная, а не предѣлъ Воздвиженской церкви, какъ полагаетъ проф. С. Т. Голубевъ.

5-го августа, 8 часовъ вечера.

Административное засѣданіе XI-го Отдѣленія.

Предсѣдатель: П. В. Голубовскій.

Секретари: М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

На поставленные предсѣдателемъ вопросы, собраніе постановило: 1) считать засѣданіе состоявшимся при наличномъ числѣ членовъ и 2) допустить присутствіе случайныхъ посѣтителей, уже находящихся въ залѣ.

Предсѣдатель изложилъ пренія и постановленіе секціи въ засѣданіи 2 августа по поводу предложенія А. Н. Львова объ образованіи изъ членовъ секціи особой комиссіи для разсмотрѣнія нуждъ архивнаго дѣла въ Россіи и составленія о нихъ особаго доклада секціи и Съѣзду.

Послѣдовали пренія въ коихъ приняли участие гг. Багалѣй, Василенко, Голубовскій, Дегенъ, Довнаръ-Запольскій, Лаппо-Данилевскій, Львовъ, Милюковъ, Покровскій, Раевскій, Халипина и др. Обсуждались вопросы: 1) должно ли предварительно работы комиссіи собрать ей матеріалъ въ административныхъ засѣданіяхъ секціи, путемъ заявленій о нуждахъ и желаніяхъ и обмѣна мыслей; 2) о срокѣ работы комиссіи (долженъ проэктъ быть представленъ Совѣту этого или слѣдующаго Съѣзда) и 3) о размѣрахъ задачи комиссіи (вырабатывать ли общій проэктъ или ограничиться частными нуждами, — какъ нуждами архивныхъ комиссій и т. п.). Въ заключеніе Д. И. Багалѣемъ предложена на постановленіе секціи формула, принятая, послѣ нѣкоторыхъ поправокъ, единогласно въ такомъ текстѣ:

Настоящее собраніе признаетъ нужнымъ избрать особую комиссію, которая бы, на основаніи письменныхъ заявленій со стороны находящихся здѣсь на лицо представителей архивныхъ учреждений, формулировала для Совѣта Съѣзда ходатайство о нуждахъ архивнаго дѣла и желаніяхъ различныхъ архивныхъ учреждений, предварительно сообщивъ результаты своей работы на обсужденіе втораго административнаго засѣданія секціи.

Затѣмъ постановлено избрать комиссію изъ 9 членовъ, въ число которыхъ должны войти 4 депутата отъ архивныхъ комиссій, остальные 5 — не изъ сихъ депутатовъ. При этомъ постановлено отдѣльно баллотировать тѣхъ и другихъ. Баллотированные, посредствомъ записокъ, четыре депутата отъ архивныхъ комиссій получили большинство голосовъ и были избраны въ комиссію: В. Н. Поливановъ — 40 избирательными голосами, С. Д. Яхонтовъ — 36, И. И. Дубасовъ — 35, А. А. Савельевъ — 23. Въ числѣ пяти членовъ комиссіи изъ не депутатовъ получили большинство избирательныхъ голосовъ и были избраны: Д. И. Багалѣй — 37 голосовъ, Н. В. Покровскій — 34, А. Н. Львовъ — 34, М. В. Довнаръ-Запольскій — 22 и А. С. Лаппо-Данилевскій — 20. Вслѣдствіе отказа А. С. Лаппо-Данилевскаго отъ занятій въ комиссіи, по случаю отъѣзда, избраннымъ признанъ П. Н. Милюковъ, получившій 19 избирательныхъ голосовъ. Затѣмъ засѣданіе было закрыто.

Примѣчаніе. Такъ какъ П. Н. Милюковъ впоследствии также отказался отъ участія въ занятіяхъ комиссіи, то его мѣсто занялъ П. В. Голубовскій, получившій наибольшее, послѣ П. Н. Милюкова, число голосовъ — 16. Присоединились къ составу комиссіи вновь прибывшіе: Р. Ф. Гаусманъ, А. К. Геденштремъ и Д. Я. Самоквасовъ.

Протоколъ специальной комиссіи Археографической Секціи XI Археологическаго Съѣзда.

Комиссіа имѣла 3 засѣданія, въ составѣ предсѣдателя директора Археологическаго Института проф. Н. В. Покровскаго и членовъ: предсѣдателя секціи проф. П. В. Голубовскаго, предсѣдателя и депутата Симбирской Ученой Архивной Комиссіи В. Н. Поливанова, предсѣдателя и депутата Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи И. И. Дубасова, начальника и депутата Архива Св. Синода А. Н. Львова, предсѣдателя и депутата Нижегородской Архивной Комиссіи А. А. Савельева, депутата отъ Император-

скаго Московскаго Археологическаго Общества и Московскаго Архива Министерства Юстиціи приватъ-доцента М. В. Довнаръ-Запольскаго, депутата изъ Рязанской Архивной Комиссіи С. Д. Яхонтова, депутата отъ Харьковскаго университета, завѣдующаго харьковскимъ историческимъ архивомъ, проф. Д. И. Багалѣя; въ присутствіи: председателя Съѣзда графини П. С. Уваровой, депутата отъ Московскаго Университета и Имп. Московскаго Археологическаго Общества Управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи проф. Д. Я. Самоквасова и депутатовъ Рижскаго Общества исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній проф. Р. Ф. Гаусмана и доктора А. К. Геденштремъ.

Слушали: нижеслѣдующій *Проектъ основаній архивной реформы въ Россіи* Д. Я. Самоквасова:

Проектъ

основаній архивной реформы въ Россіи.

1. Учредить центральный органъ архивнаго управленія въ Россіи, подобный существующимъ въ государствахъ Германіи, Скандинавіи, Англіи, Голландіи, Бельгіи, Франціи и Италіи, долженствующій объединить управленіе государственными архивами разныхъ вѣдомствъ и подчинить ихъ общимъ правиламъ храненія и публичнаго пользованія.

2. Сосредоточить въ одномъ центральномъ публичномъ государственномъ архивѣ, подобномъ столичнымъ центральнымъ архивамъ западно-европейскихъ государствъ, дѣлопроизводства по 1825 годъ упраздненныхъ и дѣйствующихъ высшихъ и центральныхъ государственныхъ учреждений, за исключеніемъ уже обладающихъ благоустроенными центральными архивами, открытыми для публичнаго пользованія.

3. Дѣлопроизводства мѣстныхъ правительственныхъ учреждений по 1775 годъ сосредоточить въ двѣнадцати центральныхъ публичныхъ областныхъ государственныхъ архивахъ древнихъ актовъ, подобныхъ провинціальнымъ архивамъ западно-европейскихъ государствъ.

4. Областные государственные архивы древнихъ актовъ снабдить штатами служащихъ, проектированными Высочайше учрежденной комиссіей 1892 года, и архивными зданіями германскаго типа, такъ называемой „магазинной системы“.

5. Дѣлопроизводства губернскихъ и уѣздныхъ правительственныхъ учреждений 25-лѣтней давности сосредоточить въ губернскихъ центральныхъ публичныхъ государственныхъ архивахъ.

6. Центральное архивное управленіе: а) проектируетъ штаты, соотвѣтствующіе потребностямъ губернскихъ центральныхъ государственныхъ архивовъ; б) озаботится снабженіемъ центральныхъ губернскихъ архивовъ помѣщеніями, спеціально приспособленными для храненія рукописей и соотвѣтствующими требованіямъ раціональнаго архивоведенія; в) проектируетъ правила централизаціи и условія публичности государственныхъ архивныхъ матеріаловъ; г) проектируетъ порядокъ архивной службы, направленный къ храненію въ цѣлости, классификаціи, описанію, изданію и научной разработкѣ государственныхъ архивныхъ матеріаловъ; д) проектируетъ общія правила храненія и публичности древнихъ и новыхъ актовъ дѣлопроизводства общественныхъ учреждений.

7. Нынѣ существующія и вновь открываемыя губернскія ученые архивныя комиссіи сохраняютъ самостоятельное значеніе мѣстныхъ ученыхъ обществъ по храненію и научной разработкѣ мѣстныхъ древностей, приглашаются центральнымъ архивнымъ управленіемъ къ содѣйствію въ централизаціи, изданіи и научной разработкѣ государственныхъ архивныхъ матеріаловъ, вѣдаютъ дѣло храненія, описанія, изданія и научной разработки архивовъ об-

щественныхъ учреждений, а также и частныхъ, въ случаяхъ согласія владѣльцевъ этихъ послѣднихъ.

9. Издать немедленно циркулярное распоряженіе по всѣмъ вѣдомствамъ о прекращеніи уничтоженія какихъ бы то ни было бумагъ, относящихся къ дѣлопроизводствамъ государственныхъ и общественныхъ учреждений, пока не будетъ учреждено центральное архивное управленіе въ Россіи и не будутъ выработаны и изданы общія правила уничтоженія ненужныхъ актовъ дѣлопроизводства государственныхъ и общественныхъ учреждений.

По обсужденіи означеннаго проекта, коммиссія въ полномъ своемъ составѣ таковой одобрила во всѣхъ его частяхъ, но сочла необходимымъ присоединить, въ видѣ дополненій, нижеслѣдующія предложенія:

1. Отъ имени членовъ: П. В. Голубовскаго, В. П. Поливанова, А. А. Савельева, И. И. Дубасова, А. Н. Львова, Н. В. Покровскаго, М. В. Довнаръ-Запольскаго, С. Д. Яхонтова и Д. Я. Самоквасова:

Губернскія ученые архивныя коммиссіи, для храненія своихъ историческихъ архивовъ, пользуются особымъ помѣщеніемъ въ зданіи губернскаго центрального архива, а для научныхъ своихъ работъ и изданій историческихъ документовъ получаютъ отъ правительства особую необходимую субсидію.

Ходатайствовать предъ правительствомъ объ оказаніи существующимъ губернскимъ архивнымъ коммиссіямъ пособія въ размѣрѣ до 1500 р. сжегодно, въ виду того, что губернскія архивныя коммиссіи являются пока единственными учреждениями, на которыя возложена правительствомъ обязанность охраны и собиранія древностей, какъ письменныхъ, такъ и предметныхъ, и на которыя въ будущемъ будетъ возложена важная задача при организаціи архивнаго дѣла въ Россіи.

2. Выражено депутатами Рижскаго Общества Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній Р. Ф. Гаусманомъ и А. К. Геденштремомъ мнѣніе, чтобы общественные архивы Прибалтійскаго края, доступные для научныхъ розысканій и уже приведенные въ надлежащій порядокъ, сохранили этотъ порядокъ неизмѣненнымъ и на будущее время.

Приведенный протоколъ былъ доложенъ въ засѣданіи Археографическаго Отдѣленія 10 августа.

6-го августа члены Съѣзда осматривали достопримѣчательности Печерска. Въ поѣздкѣ приняло участіе около 200 человекъ. Осматривали Никольскій монастырь, Николаевскій военный соборъ, храмъ Спаса на Берестовѣ и Лавру. Знакомство съ достопримѣчательностями послѣдней, экскурсанты начали съ Троицкой церкви, на Святыхъ вратахъ, во время осмотра которой проф. В. З. Завитневичемъ вкратцѣ была изложена исторія ея. Построенная въ XII вѣкѣ черниговскимъ княземъ Николой Святошей, она впоследствии была полуразрушена, но потомъ вновь возстановлена, при чемъ часть стѣнъ уцѣлѣла со времени первоначальной постройки до нашего времени. Во время польскаго владычества церковь эта попала въ руки униатовъ, отъ которыхъ перешла къ лаврскому духовенству при Петрѣ Могилаѣ. Отъ владычества униатовъ здѣсь и до сихъ поръ остались слѣды въ видѣ живописи въ алтарѣ. Послѣ осмотра Троицкой церкви на Святыхъ вратахъ экскурсанты перешли въ Великую лаврскую церковь, гдѣ В. З. Завитневичемъ также былъ предложенъ имъ краткій историческій очеркъ. Храмъ этотъ, какъ извѣстно, построенъ во второй половинѣ XI вѣка. При вшествіи татаръ

онъ былъ разгромленъ; восстановленный вновь, онъ былъ вторично разгромленъ въ XV вѣкѣ Менгли-Гиреемъ. Затѣмъ слѣдовалъ періодъ медленнаго восстановленія храма, благодаря, главнымъ образомъ, великимъ поборникамъ православія на юго-западѣ Россіи, Петру Могилѣ и Константину Острожскому. Въ 1718 году Великая лаврская церковь сильно пострадала отъ большого пожара, во время котораго почти всѣ ея сокровища, какъ религіознаго, такъ и научно-археологическаго характера, погибли. Въ томъ числѣ погибла и библіотека. Впослѣдствіи она была вновь восстановлена. Въ настоящее же время, какъ извѣстно, производятся обширныя работы по реставраціи этого храма. Послѣ осмотра Великой лаврской церкви участницы экскурсіи раздѣлились на двѣ группы, изъ которыхъ одна перешла въ помѣщеніе лаврской ризницы и занялась осмотромъ собранныхъ здѣсь сокровищъ, а другая отправилась въ помѣщеніе библіотеки, находящейся въ колокольнѣ; въ библіотекѣ же помѣщены портреты русскихъ императоровъ и царей, начиная отъ Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, портреты и иконы настоятелей лавры, начиная съ XI вѣка, и кievскихъ митрополитовъ. Въ особыхъ нишахъ расположены портреты царя Василя Іоанновича Шуйскаго, гетмановъ: Богдана Хмельницкаго, И. И. Скоропадскаго, Мазепы и друг. Собственно, библіотека раздѣлена на два отдѣла: книги, печатавшіяся въ типографіяхъ юго-западной Россіи, и книги, вышедшія изъ типографій сѣверо-восточной Россіи. Лаврская ризница замѣчательна своими богатствами, такъ какъ большинство собранныхъ здѣсь предметовъ сдѣланы изъ золота, украшены множествомъ брилліантовъ и другихъ драгоценныхъ камней. Предметовъ же глубокой старины здѣсь очень мало. Наибольшій интересъ представляютъ составляющія значительную цѣнность панатин и другіе предметы: фельдмаршальскій жезлъ Румянцева, старинныя ризы, изъ которыхъ двѣ составляютъ даръ царя Алексѣя Михайловича, многочисленныя чаши, въ томъ числѣ подарки гетмановъ Самойловича и Мазепы и митрополита Стефана Яворскаго, митры, клобуки, кадила, изъ которыхъ одно XVI вѣка и др. предметы. Здѣсь же хранится образчикъ кирпича XI вѣка, изъ котораго была построена Великая лаврская церковь. Послѣ осмотра Киево-Печерской лавры большинство экскурсантовъ отправилось въ Выдубецкій монастырь, гдѣ, радушно принятыя о. архимандритомъ Евлогіемъ, осматривали эту древнюю обитель и предметы ризницы: старинныя ризы, Евангелія, сосуды, рукописи и т. п., выставленныя въ покояхъ о. архимандрита.

Вечеромъ, члены Съѣзда чествовали ужиномъ своихъ товарищей западно- и южно-славянскихъ гостей. На ужинѣ были приглашены и другіе западно-европейскіе ученые, пріѣхавшіе на Съѣздъ. Торжество происходило въ лѣтнемъ помѣщеніи Киевскаго купеческаго собранія. Къ 9 часамъ здѣсь собралось болѣе 150 участниковъ вечера, съ предсѣдателемъ Съѣзда, графиней П. С. Уваровой во главѣ. Въ числѣ почетныхъ гостей здѣсь были: профессора: Яроміръ Челяковскій и О. В. Пичъ, депутаты Чешской академіи наукъ; профессора: Л. Нидерле и І. Поливка, депутаты Пражскаго университета; П. Папачекъ, депутатъ общества любителей чешскихъ древностей въ Прагѣ; К. Хорманъ и Ч. Трухелька, депутаты музея въ Сараевѣ, въ Босніи; проф. Шишмановъ, Цоневъ, Златарскій и Милетичъ, изъ Болгаріи; профессора Ф. Копера и Л. П. Яблоновскій, депутаты Краковской академіи наукъ; докторъ Янко, депутатъ Венгерскаго національнаго музея; Ф. Хегеръ, депутатъ императорскаго музея въ Вѣнѣ; докторъ Чихакъ, депутатъ школы изящныхъ искусствъ въ Кенигсбергѣ; г-жа М. Ванкель, депутатъ національнаго музея въ Ольмюцѣ; г. Беценберггеръ изъ Кенигсберга, г. Маршаллъ изъ Лондона, баронъ де-Бай изъ Парижа, г. Кадлецъ изъ Будапешта, г. Мурко изъ Вѣны и другіе.

Первый гость провозглашенъ былъ проф. В. И. Ламанскимъ въ честь всѣхъ прибывшихъ гостей. Послѣ него д-ръ Хорманъ въ прекрасной рѣчи на сербскомъ языкѣ благодарилъ

русскихъ ученыхъ за оказанный славянамъ радушный приѣмъ и въ заключеніе провозгласить тость за предсѣдателя Съѣзда, графиню П. С. Уварову; потомъ проф. Шишмановъ произнесъ рѣчь на русскомъ языкѣ, въ которой провель мысль о необходимости общенія славянскихъ ученыхъ между собою. Такое общеніе достигается лучше всего періодическими съѣздами. Закончилъ свою рѣчь проф. Шишмановъ тостомъ въ честь графини П. С. Уваровой. Затѣмъ проф. Яромиръ Челяковскій сказалъ по русски слѣдующую рѣчь:

„Милостивыя государыни и милостивые государи!

Позвольте мнѣ, отъ имени чешскихъ членовъ Археологическаго Съѣзда, выразить вамъ нашу благодарность за тотъ поистинѣ братскій приѣмъ, съ какимъ насъ здѣсь всюду встрѣчаютъ. Дни нашего пребыванія здѣсь останутся для насъ незабвенными, и, вернувшись къ себѣ домой, на родину, мы расскажемъ землякамъ нашимъ, что мы здѣсь были не только свидѣтелями могучаго прогресса науки, который произвелъ на насъ глубокое впечатлѣніе своею серьезностью и любовью къ истинѣ, которыя отличаютъ русскій духъ, но также и то, что мы здѣсь, въ Кіевѣ, узнали биеніе сердца братскаго для насъ народа русскаго, а также, что здѣсь нашли мы отзвукъ тѣхъ симпатій, скрывать которыя въ настоящемъ положеніи мы не имѣемъ повода.

Находясь въ средѣ столь выдающихся ученыхъ и изслѣдователей на полѣ культурной исторіи, собравшихся изъ разныхъ земель, мы можемъ обратить нашу мысль на духовную жизнь европейской интеллигенціи и съ удовольствіемъ привѣтствовать каждый случай проявленія солидарности въ области научныхъ и вообще культурныхъ отношеній. Такого рода явленія представляютъ русскіе археологическіе съѣзды, въ которыхъ принимаютъ участіе также и иноземные ученые. Кроме того, для насъ, славянъ, съѣзды эти представляютъ иную, не менѣе важную сторону. Въ то время, когда мысль о мирѣ, несмотря на всѣ препятствія, все болѣе и болѣе распространяется между народами подъ покровомъ могучей защиты, оказываемой этой мысли просвѣщеннымъ Властелиномъ великаго, могучаго государства русскаго, въ то время, когда на Западѣ европейскомъ представители разныхъ племенъ народныхъ, независимо отъ принадлежности къ различнымъ государствамъ, постоянно громко заявляютъ о своей взаимности на полѣ науки и культуры, а также въ другихъ отношеніяхъ, мы, славяне, имѣемъ полное право также стремиться къ сближенію и къ ознакомленію другъ съ другомъ въ цѣляхъ прогресса и взаимности на полѣ культуры. Для этой то цѣли служатъ прекраснымъ средствомъ научные съѣзды. Они могутъ вести и къ тому, что мы, западные славяне, являющіеся вѣкъ всякаго сомнѣнія адептами или представителями Западной Европы, имѣемъ возможность познакомиться съ культурой восточной, именно русской, и воспользоваться ею, а также и къ тому, что вслѣдствіе этого мы постепенно становимся участниками въ той же степени и культуры восточной; это ясно видно теперь въ нашей изящной словесности, а также въ нашей наукѣ и искусствѣ. И разъ часть европейскаго Запада, хотя и наименѣе интересная часть,—представляетъ въ новѣйшее время, именно по отношенію къ намъ, чехамъ, такъ мало утѣшительнаго, не будетъ удивительно, если вліяніе Востока будетъ постоянно расти между нами, западными славянами.

Объясняя себѣ такимъ образомъ причины интереснаго и радостнаго для насъ явленія, именно, что процессъ сближенія всѣхъ славянъ на почвѣ культуры растетъ неослабно, позволяю себѣ поднять бокалъ съ горячимъ пожеланіемъ общенія и братской взаимности между русскими и чешскими учеными, а также и всѣми славянскими вообще, взаимности, которая такъ ярко проявляется на археологическихъ съѣздахъ. Да цвѣтетъ могучая наука русская на радость, честь и славу всѣмъ славянамъ“.

Затѣмъ баронъ Де-Бай сказалъ по французски блестящую рѣчь, въ которой отмѣтилъ прогрессъ русской науки и провозгласилъ тостъ за ея представителей. Послѣ него проф. Н. А. Линиченко произнесъ весьма оригинальную рѣчь, въ которой первымъ иниціаторомъ научныхъ сѣздовъ на Руси назвалъ св. князя Владиміра, созвавшего на пренія представителей разныхъ религій. Прочувствованный тостъ произнесъ проф. Ю. А. Кулаковскій, въ которомъ указалъ на то, что всѣхъ здѣсь присутствующихъ объединяетъ археологія; наиболее виднымъ представителемъ этой науки изъ находящихся здѣсь гостей является профессоръ Люборъ Нидерле, за котораго проф. Ю. А. Кулаковскій въ заключеніе поднялъ бокаль. Затѣмъ провозгласили тосты проф. Пичъ за патріарха русскаго славяновѣдѣнія, проф. В. И. Ламанскаго, д-ръ Кадлецъ—за русскихъ славистовъ вообще и достойнаго представителя этой науки въ Кіевскомъ университетѣ проф. Т. Д. Флоринскаго, и проф. А. И. Маркевичъ—за проф. О. В. Пича.

Затѣмъ провозглашены были тосты за проф. Я. Челяковскаго, представителей польской науки членовъ Краковской академіи: Яблоновскаго и д-ра Конеру, за чешскихъ, болгарскихъ и боснійскихъ гостей. Оживленная славянская бесѣда затянулась до глубокой ночи.

7-го августа. 10 часовъ утра (актовый залъ).

VIII Отдѣленіе — Древностей южныхъ и западныхъ славянъ.

Почетный Предсѣдатель: П. Поливка.

Предсѣдатель Отдѣленія: В. И. Ламанскій.

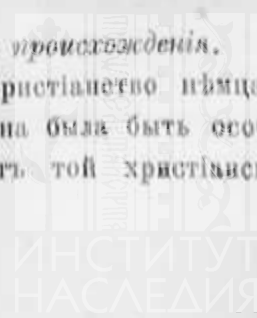
Секретари Отдѣленія: В. Н. Златарскій и Н. Э. Глѣкке.

Предсѣдатель Отдѣленія, В. И. Ламанскій: На прошлыхъ сѣздахъ древности южныхъ и западныхъ славянъ входили въ составъ отдѣленія русскихъ древностей. Въ настоящее время, когда наука славяновѣдѣнія значительно расширилась и оказала въ своей области громадныя усилія, явилась необходимость выдѣлить древности южныхъ и западныхъ славянъ въ особое отдѣленіе, что впервые сдѣлано на нынѣшнемъ XI Археологическомъ Сѣздѣ, который почтили присутствіемъ многіе южные и западные славянскіе ученые, стяжавшіе себѣ почетную извѣстность многочисленными научными трудами. Однимъ изъ наиболее достойныхъ представителей славяновѣдѣнія на Западѣ является профессоръ пражскаго чешскаго университета д-ръ П. Поливка, извѣстный своими трудами не только въ области славянской филологіи, но и въ русской этнографіи. Поэтому избраніе его ученымъ комитетомъ въ Почетные Предсѣдатели настоящаго засѣданія является вполне заслуженной данью уваженія проф. П. Поливу.

Почетный Предсѣдатель, проф. П. Поливка, отвѣчалъ на привѣтствіе, упомянувъ, что онъ очень счастливъ и гордится предсѣдательствомъ на сѣздѣ въ залѣ Кіевского университета, вмѣщающаго въ своемъ составѣ такого заслуженнаго представителя славянской науки, какъ проф. Т. Д. Флоринскій.

1. А. И. Соболевскій—*Церковно славянскіе тексты мараваго происхожденія.*

Референтъ вышелъ изъ того положенія, что у обращенныхъ въ христіанство нѣмцами мараванъ, задолго до прибытія къ нимъ Кирилла и Меодія, должна была быть особая христіанская терминологія латинно-нѣмецкаго происхожденія, отличная отъ той христіанской

терминологія греческаго происхожденія, которая была принесена первоучителями; эта латино-нѣмецкая терминологія, вмѣстѣ съ данными моравскаго нарѣчія, должна была отражаться всего сильнѣе у переводившихъ въ Моравіи съ латинскаго языка. Въ виду этого, надо искать тексты моравскаго происхожденія между древними церковно-славянскими переводами съ латинскаго.

Такихъ текстовъ референтомъ указано четыре: 1) Бесѣды на евангеліе папы Григорія Великаго; 2) Кіевскіе глаголическіе отрывки; 3) Житіе св. Бенедикта, и 4) Никодимово Евангеліе. Словарь ихъ значительно отличается отъ словаря какъ кирилло-меоодіевскихъ переводовъ, такъ и церковно-славянскихъ текстовъ несомнѣнно болгарскаго происхожденія, и наиболѣе типичными словами являются: *законникъ*—священникъ, *рѣчь*—дѣло, *рचितи*—удостоить. Словарныя особенности этихъ текстовъ особенно легко объясняются при помощи данныхъ западно-славянскихъ языковъ (*edaco* aliquid—чешск. *ledaco*; *тольвоєка tantum*, сравни чешск. *kolvěk*; *поневаже*—чешск. *popěvadž*; *законникъ*—ст.—чешск. *zakonnik*), что и указываетъ на ихъ моравское происхожденіе.

Изъ текстовъ, переведенныхъ съ греческаго, пока неизвѣстно ни одного, въ которомъ бы словарный матеріалъ былъ близокъ къ матеріалу переводовъ съ латинскаго, хотя нѣсколько текстовъ, по своеобразности своихъ словарныхъ данныхъ и по другимъ основаніямъ, могутъ быть считаемы также за переведенные въ Моравіи.

Изъ оригинальныхъ произведеній, по словарнымъ даннымъ, слѣдуетъ считать написанными въ Моравіи древнія житія Кирилла и Меоодія.

По прочтеніи реферата произошелъ оживленный обмѣнъ мнѣній. В. И. Ламанскій сдѣлалъ референту замѣчаніе по поводу того, что въ эпоху перевода указанныхъ имъ текстовъ могла быть рѣчь скорѣе о Панноніи, чѣмъ о Моравіи; затѣмъ, что приводимые референтомъ латинизмы не могутъ быть относимы къ одной группѣ нѣмецкаго происхожденія: среди нихъ могли попадаться и перешедшія изъ Албаніи.

А. Л. Погодинъ въ дополненіе къ реферату А. И. Соболевскаго указалъ на другіе слѣды вліянія латинскихъ текстовъ. Къ нимъ относится сохраненіе греческихъ словъ латинскаго происхожденія (преторъ, кентуріонъ), при чемъ нѣкоторыя принимаютъ даже латинскую окраску (драгма, лат. *dragma*, греческое *δράχμη*); далѣе, въ переводахъ попадаются ошибки, возникшія подъ вліяніемъ латинскаго языка (напр. *ἐν ἄρματι*—въ оружіихъ, въ Свн. Псалт.); наконецъ, никейскій символъ вѣры переведенъ почти навѣрное не съ греческаго, а съ латинскаго языка. Какъ возникли эти латинизмы? А. Л. Погодинъ думаетъ, что первоучители принесли съ собою не готовые переводы, а греческія оригиналы снабженные славянскими глоссамъ; только части текстовъ они придали литературную форму; но при небрежномъ переписываніи рукописей писцами, славянскія слова иногда опускались, вслѣдствіе чего въ рукописяхъ осталось много греческихъ словъ (*догма* рядомъ съ *повеленіе* и мн. др.) и ошибокъ (*къ дине*, *келевей* и пр.). Ю. А. Кулаковскій напомнилъ, что слова *преторъ*, *кентуріонъ* и др. остались и позднѣе въ греческихъ текстахъ безъ перевода, какъ техническіе, и оттуда перешли въ славянскіе.

Проф. П. Поливка указалъ на то, что передачу латинскихъ *s* и *z* черезъ *ш* и *ж*, которую референтъ указалъ въ рассмотрѣнныхъ имъ переводахъ съ латинскаго, нельзя считать исключительно чехо-моравскимъ явленіемъ: его можно найти и въ языкѣ юго-западныхъ славянъ.

2. Л. Нидерле—*О времени переселенія славянъ съ сѣвера юръ Карпатскихъ въ Венгрію*. (Т. II, ч. 2 стр. 1—5).

Новость и общій интересъ доклада проф. Л. Нидерле вызвали въ высшей степени оживленные и продолжительныя пренія А. Л. Погодинъ находилъ, что референтъ пренебрегъ

лингвистическими данными, которые показывают, что при сношеніяхъ народовъ въ ихъ языкахъ появляются заимствованныя слова. Славяне пришли черезъ Карпаты поздно, когда еракійцы потеряли уже свою національность. Насколько намъ извѣстенъ еракійскій словарь, въ славянскомъ языкѣ заимствованій изъ него нѣтъ. Славяне распространились на сѣверъ и на югъ, на западѣ сидѣли германскіе, и на востокѣ финскіе и литовскіе народы, которые не позволяли распространяться имъ въ эту сторону.

Д. И. Иловайскій указывалъ, что не за чѣмъ прибѣгать къ различнымъ детальнымъ изслѣдованіямъ, когда сама исторія представляетъ достаточно доводовъ въ пользу ранняго распространенія славянъ на западъ, при чемъ оппонентъ повторилъ свое прежнее мнѣніе, что сарматы—славяне.

И. П. Филевичъ, отмѣтилъ, что для рѣшенія столь важныхъ вопросовъ, какъ поставленный референтомъ въ своемъ докладѣ, необходимо принимать во вниманіе совокупность всѣхъ научныхъ доводовъ. Проф. Л. Нидерле, по мнѣнію оппонента, не привлекъ этнологическихъ данныхъ, которые имѣютъ большое значеніе для массоваго населенія.

П. Н. Милюковъ вполне согласился съ методомъ референта, состоящимъ изъ соединенія антропологии съ археологіей, методомъ, который имѣетъ особенное значеніе для русскихъ ученыхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не раздѣлялъ нѣкоторыхъ научныхъ взглядовъ проф. Л. Нидерле.

7 августа. 10 часовъ утра. XV аудиторія.

XI Отдѣленіе—Памятники археографическіе.

Почетный Предсѣдатель: Д. В. Цвѣтаевъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: П. В. Голубовскій.

Секретари Отдѣленія: М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

Предсѣдатель проф. П. В. Голубовскій заявилъ, что почетнымъ предсѣдателемъ на настоящее засѣданіе избранъ проф. Варшавскаго университета Д. В. Цвѣтаевъ, какъ ученый, труды котораго по русской исторіи основаны, главнымъ образомъ, на неизданныхъ архивныхъ матеріалахъ и который такъ обширно и научно знакомъ съ архивнымъ дѣломъ. Въ отвѣтъ своемъ, Д. В. Цвѣтаевъ, объяснивъ свое избраніе данью уваженія къ учрежденію и лицамъ, отъ имени которыхъ онъ командированъ, т. е. къ Варшавскому университету и г. Главному Начальнику Привислянскаго края, и заявивъ, что принимаетъ званіе, полагаясь на опытность своего сотрудника П. В. Голубовскаго, сказалъ: „Я лично дорожу оказываемою честию и приношу за нее свою признательность въ особенности потому, что избраніе меня выпало на засѣданіе, посвященное вопросамъ по архивному дѣлу. Дѣло это теперь у насъ самое живое, жизненное и наиболѣе назрѣвшее. Направляясь на Съѣздъ, мы напередъ знали и сознавали, что оно будетъ для насъ центральнымъ. Честь и слава Императорскому Московскому Археологическому Обществу и Кіевскому Археологическому Съѣзду, что они, не опасаясь трудностей въ выполненіи, неутомимо ведутъ вопросъ объ улучшеніи и реорганизациіи архивнаго дѣла Россіи! Каковы бы ни были ближайшіе результаты работъ, важно уже то, что всѣ мы одинаково воодушевлены мыслью и стремленіями принести ему возможно болѣе пользы, какихъ бы трудовъ отъ насъ ни потребовалось!“

1. Первый рефератъ былъ прочтенъ Г. Н. Шмелевымъ: *Теорія и практика архивныхъ описей* (Т. II, ч. I, стр. 30—37).

Докладъ вызвалъ продолжительную бесѣду. Д. В. Цвѣтаевъ дополнилъ его свѣдѣніями, присланными въ Московское Археологическое Общество И. Я. Сирогисомъ о Виленскомъ Центральномъ Архивѣ (случайно не бывшими въ рукахъ докладчика), А. В. Половцевъ выразилъ сожалѣніе, что въ докладѣ не дано практическихъ примѣровъ для правильного веденія описей. М. В. Довнаръ-Запольскій, расширяя матеріалъ докладчика напечатанными описями, изложилъ примѣрную классификацію извѣстныхъ описей, дѣля ихъ на: каталоги дѣлъ (съ указаніемъ годовъ и п^о п^о), инвентарныя описи (съ простымъ названіемъ дѣла или съ краткой научной замѣткой), подробныя описи (содержаніе каждаго отдѣльнаго документа и съ извлеченіями — видъ, переходящій въ изданіе). Отдѣльно стоятъ: съ одной стороны — обзорнѣе документовъ по рубрикамъ, съ другой карточный указатель, замѣняющій каталогъ или опись. А. Ѳ. Селивановъ указалъ на плохія помѣщенія провинціальныхъ архивовъ, весьма существенно затрудняющія приведеніе архивовъ въ порядокъ и составленіе имъ описей, а также выражалъ желаніе, чтобъ секціей былъ выработанъ рядъ примѣрныхъ формулъ въ руководство архивистамъ, желающимъ потрудиться надъ составленіемъ описей. П. В. Голубовскій помимо „дѣлъ“ и „документовъ“ считалъ нужнымъ различать „сборники“, какъ требующіе въ свою очередь особыхъ приѣмовъ описанія. Д. Я. Самоквасовъ на рядѣ примѣровъ выяснилъ, что схемы для описей не могутъ быть установлены, такъ какъ опись всецѣло зависитъ отъ характера данныхъ дѣлъ и документовъ: о боярской книгѣ нечего сказать иного, какъ дать ей номеръ, время, назвать составившаго ее дьяка; о писцевой книгѣ — что она относится къ землямъ такого-то уѣзда, составлена въ такомъ-то году такимъ то: сверхъ этого пришлось бы только переписывать всю книгу; напротивъ для столбцовъ разряда, въ коихъ цѣлый сборникъ челобитій, отписокъ, подобное опредѣленіе ничего не скажетъ — и въ Архивѣ Министерства Юстиціи раздѣляютъ такіе сборники на группы, указывая число челобитій, число отписокъ, имена воеводъ и т. п. Въ большей части европейскихъ государствъ — какъ въ Германіи, Италіи, Бельгіи, составляютъ описи самой разнообразной формы, руководясь содержаніемъ документовъ. Исключеніе составляетъ Франція, гдѣ, учрежденіемъ департаментскихъ архивовъ былъ разбитъ между ними матеріалъ до-революціонныхъ провинціальныхъ архивовъ. Чтобы дать возможность ученымъ найти нужный матеріалъ по мѣстнымъ вопросамъ, чтобы дать руководство административнымъ властямъ, въ вѣдѣніи коихъ оказались архивы, и чтобы предохранить послѣдніе отъ расхищенія, французское центральное управленіе архивовъ было вынуждено установить извѣстный обязательный типъ описей. У насъ въ этомъ нѣтъ нужды. Давъ центральные архивы Великороссіи, Малороссіи, Польшѣ, мы получимъ свою Бельгію, Пруссію, Италію, и ориентироваться ученому относительно поисковъ матеріала будетъ легко. А. А. Савельевъ защищалъ практику Костромской и Рязанской Архивныхъ Коммиссій, примѣняющихъ порой подробное описаніе: нельзя установить общаго плана для описей, и, напримѣръ, иногда является необходимымъ передать полностью или въ извлеченіи акты, которые имѣютъ общее значеніе и для ознакомленія съ которыми трудно было бы ѣздить по разнымъ губернскимъ архивамъ. А. Н. Львовъ далъ поясненіе о карточной системѣ въ Архивѣ Св. Синода. Здѣсь опись должна была служить двумъ задачамъ: канцелярской и научной; въ выработкѣ типа описей принимало участие много лицъ и по многому обсужденіи остановились на карточной системѣ для протоколовъ Св. Синода, представляющихъ собою экстрактъ, или резюме, канцелярскихъ дѣлъ (эти же дѣла съ одной стороны не всегда доходятъ до архива, съ другой стороны могутъ быть легко отысканы по протокольнымъ карточкамъ). Карточекъ составляется для одного протокола нѣсколько; такъ

къ протоколу о построеніи храма, пишутся карточки: для имени преосвященнаго, вошедшаго съ ходатайствомъ, для епархіи, для другихъ именъ, встрѣчающихся въ протоколѣ (храмоздатели и т. д.), а затѣмъ указатели эти группируются по отдѣламъ за извѣстный періодъ лѣтъ. Такимъ образомъ дается не только указатель дѣлъ, но и указатель всего матеріала, личный и предметный. А. П. Вороновъ указалъ, что петербургскіе архивы, при огромномъ наплывѣ дѣлъ изъ провинціи, должны довольствоваться сдаточными описями, отъ неудовлетворительности коихъ и зависятъ во многомъ затрудненія этихъ архивовъ при составленіи своихъ описей. Къ мнѣнію о необходимости озаботиться объ упорядоченіи сдаточныхъ описей, присоединился и А. С. Раевскій, рекомендуя вмѣстѣ съ тѣмъ для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ карточную систему, причемъ карточки вмѣстѣ съ дѣлами поступали бы въ центральный архивъ; вмѣстѣ съ тѣмъ надо заботиться объ увеличеніи ценза архивистовъ. А. В. Половцевъ сообщилъ, что въ Архивѣ Императорскаго Двора, для новыхъ дѣлъ имъ вводится карточная система.

Почетный предсѣдатель Д. В. Цвѣтаевъ подвелъ итоги бесѣдѣ, указавъ на богатство сообщенныхъ въ ней данныхъ, и благодарилъ участниковъ ея отъ лица труженниковъ, на работу которыхъ обыкновенно смотрятъ свысока, тогда какъ она необходима, полезна и весьма тяжела: отъ лица составителей архивныхъ описей.

2. Л. М. Савеловъ прочелъ докладъ *Объ архивахъ дворянскихъ депутатскихъ собраній* (Томъ II, ч. I.). Докладъ вызвалъ разъясненія М. В. Довнара Запольскаго о попыткахъ Московскаго Археологическаго Общества собрать свѣдѣнія о сихъ архивахъ. А. И. Маркевичъ и В. Н. Поливановъ въ общемъ присоединились къ предложенію докладчика. С. Д. Яхонтовъ сообщилъ о составѣ архива Рязанскаго дворянскаго собранія.

7-го августа. 2¹/₂ ч. дня (въ актовомъ залѣ).

I Отдѣленіе—Первобытныя древности.

Почетный Предсѣдатель: В. З. Завитневичъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. Н. Анучинъ.

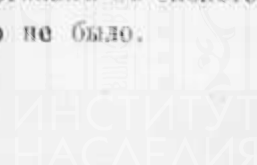
Секретарь Отдѣленія: Н. Θ. Бѣляшевскій.

1. В. Б. Антоновичъ. *О каменномъ вѣкѣ въ Волынской губерніи.* (Т. I, 141—147).

Д. Я. Самоквасовъ выразилъ убѣжденіе, что въ періодъ каменнаго вѣка жители Волынскаго края жили городскими обществами и такимъ образомъ соединяли свои слабыя силы. Мѣста стоянокъ служили лѣтнимъ обиталищемъ. В. З. Завитневичъ сдѣлалъ замѣчаніе о методологическихъ достоинствахъ доклада. Д. Н. Анучинъ предположилъ, не занималось ли многочисленное населеніе Волынскаго края земледѣліемъ.

2. Н. Е. Бранденбургъ. *Аборигены Кіевскаго края.* (Т. I, 155—169).

Д. Я. Самоквасовъ считалъ нужнымъ различать въ каммерійскихъ могилахъ три культуры: каменную, бронзовую (ранняя скифская эпоха) и желѣзную; киммерійцы не вымерли, подчинившись скифамъ, а сохранили свой обрядъ, заимствуя культуру побѣдителей; оппонентъ видитъ и въ вещахъ данныхъ могилъ соединеніе различныхъ культуръ и древнюю форму погребенія. В. Б. Антоновичъ сообщилъ, что въ извѣстныхъ ему могилахъ съ скелетомъ въ скорченномъ положеніи никакихъ металлическихъ предметовъ найдено не было.

3. Д-ръ К. Кадлецъ, въ докладѣ *О необходимости изданія въ Россіи извѣстій о славянахъ у византійскихъ писателей*, отмѣтилъ успѣхи въ изученіи славянскаго права въ Россіи, но нашелъ ихъ недостаточнымъ по отсутствію организаціи работы, свода матеріаловъ и пр. Особенно мало изслѣдованъ древнѣйшій бытъ славянъ, свѣдѣнія о которыхъ разбросаны по разнымъ сборникамъ и не переведены на русскій языкъ. Существующія изданія византійскихъ источниковъ (Стриттера) не удовлетворительны по расположенію матеріала, недостаточной точности передачи и пр. Желательно, чтобы изданіемъ византійскихъ памятниковъ и переводомъ ихъ на русскій языкъ завѣдывала Академія Наукъ.

Д. Я. Самоквасовъ поддержалъ предложеніе докладчика, но выразилъ желаніе, чтобы издавались полные тексты, а не выборки, при томъ не только византійскихъ, но и латинскихъ писателей. Д. И. Иловайскій указалъ на настоятельную нужду переводить и издавать латинскихъ писателей. По предложенію Д. Я. Самоквасова рѣшено просить совѣтъ Съѣзда ходатайствовать объ исполненіи прокта д-ра Кадлеца.

7-го августа. 2¼ ч. дня.

IV Отдѣленіе—Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный.

Почетный Предсѣдатель: Т. Д. Флоринскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: О. Я. Фортипскій.

Секретари Отдѣленія: А. С. Вязигинъ и А. Н. Ясинскій.

1. Ант. Н. Ясинскій сдѣлалъ докладъ на тему: *Средне-вѣковой аграрный строй Чехіи*.

Указавши на обширность темы, докладчикъ объяснилъ, почему онъ рѣшился подвергнуть разсмотрѣнію только два вопроса: 1) о системѣ расположенія полевыхъ участковъ; 2) о поземельныхъ единицахъ. Представивъ характеристику системы полевыхъ участковъ и плана поселеній, на основаніи изслѣдованій проф. Авг. Мейтцена, отмѣтивъ при этомъ, что разсужденія этого ученаго имѣютъ раціоналистическую окраску, докладчикъ указалъ акты данныя, которыя свидѣтельствуютъ о существованіи въ чешскихъ селахъ расчистокъ, состоящихъ изъ полосъ.—Главная же часть доклада посвящена была выясненію характера чешскихъ поземельныхъ мѣръ. По мнѣнію докладчика, первоначально земля дѣлилась на сохи или плуги, а впослѣдствіи въ практику вошло дѣленіе на мапсы или ланы; тѣ и другія единицы поземельныхъ мѣръ были одинаковы по размѣрамъ, какъ видно изъ распоряженія о взиманіи берны (1310 г.). Ланы слагались изъ посѣвныхъ югеровъ или югеровъ—стриховъ и югеровъ въ собственномъ смыслѣ слова. Посѣвные югеры составляли около ¼ десятины, а югеры второго рода около ½ десятины. Помимо этого различія, одни ланы отличались отъ другихъ неодинаковою величиною. Бывали большіе и малые ланы, причемъ первые назывались „королевскими“. Кроме того различались ланы, называемые по имени того или другого поселенія, а именно: доксанскіе, хрудомскіе, чаславскіе, мельницкіе, пацовскіе, бездезскіе, страконицкіе и т. д. Далѣе докладчикъ представилъ доказательства территориальной группировки лановъ одинаковаго размѣра въ предѣлахъ сѣверной и центральной Чехіи. Отмѣтивши, что въ Пильзенской области существовали ланы нѣмецкаго происхожденія, пр. Ясинскій указалъ на то, что эти ланы были меньшихъ размѣровъ, по сравненію съ чешскими. Въ заключеніе доклад-

чикъ высказалъ мысль, что тѣ ученые, которые, увлекаясь внѣшнимъ сходствомъ, пытаются явленія историческаго развитія Чехіи объяснять воздѣйствіемъ нѣмецкаго вліянія, а въ средне-вѣковыхъ чешскихъ институтахъ видятъ лишь копію нѣмецкихъ, стоятъ по ложной дорогѣ.

В. И. Ламанскій обратилъ вниманіе докладчика на сербо-лужицкое землевладѣніе, знающее также раздробленіе полей на множество участковъ, причемъ принималось въ расчетъ качество земли, что служить признакомъ общиннаго владѣнія.

2. А. М. Черепнинъ прочелъ сообщеніе: *О Кіевскихъ денежныхъ гривнахъ*. (Т. II, ч. I, стр. 38—61).

Въ дополненіе къ сообщенію г. Черепнина, С. П. Писаревъ отмѣтилъ, что въ найденномъ въ г. Смоленскѣ кладѣ, состоявшемъ изъ пражскихъ грошей, оказалось три слитка серебра являющихся частями гривны. На одномъ изъ слитковъ имѣется знакъ СО. По вѣсу цѣлый слитокъ равняется 180 грам. и приближается къ копѣ изъ 60 грошей, вѣсящихъ по 3 грам. Въ Смоленскѣ говорятъ копа или 60 раковъ, сноповъ и т. д. Самый знакъ СО, по мнѣнію г. Писарева, есть сокращеніе латинскаго *Sora*. При той же раскопкѣ нашли насаженные на шпенекъ кожаные ярлычки съ довольно сложнымъ изображеніемъ. Вскорѣ эти ярлычки совершенно разсыпались. А. Н. Ясинскій указалъ на то, что чешская денежная копа была единицей идеальной, а не реальной, что въ Чехіи на копу считали то 56, то 60, то 64 грошей. Что же касается копы хлѣба, то въ средне-вѣковой Чехіи на копу считали 50 сноповъ. Подпись на пластинкахъ СО нельзя толковать, какъ обозначеніе копы, потому что копа въ латинскихъ актахъ называется всегда *sexagena*, а по чешски писалась съ буквы К.

Б. А. Долячко сообщилъ что въ Курской губерніи копа равняется 52 снопамъ.

3. В. М. Виттыгъ прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ „*O pierwotnej grzywnie menniczej w Polsce i o jej samoistnem podziale* (*О первоначальной польской гривнѣ и о самостоятельномъ ея подраздѣленіи*); (Т. II, ч. I, стр. 62—65).

Сдѣлавъ вкратцѣ обзоръ этого вопроса въ литературѣ, вопроса, возбужденнаго въ 1893 г., докладчикъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ, основаннымъ на изученіи актовъ XIV столѣтія: 1) что въ Польшѣ гривна существовала еще до принятія христіанства и притомъ вполне самостоятельно; вѣсъ этой гривны равнялся 31,17 gr. и она заключала въ себѣ 200 монетъ, чеканныхъ по образцу дорештатскихъ Карла Великаго, вѣсомъ каждая 0,15 gr. (90 пробы серебра); 2) что послѣ принятія христіанства Мечиславъ I чеканилъ подобныя монеты съ изображеніемъ креста, но вѣсомъ лишь въ 0,31 gr. каждая; 3) что тотъ же Мечиславъ, вѣроятно для упрощенія и облегченія торговыхъ сношеній съ Западомъ и уравненія польской монеты съ нѣмецкой, увеличиваетъ вѣсъ первой, и въ томъ числѣ и гривны, въ 5 разъ и доводитъ вѣсъ гривны до 155,85 gr., а монеты до 1,50 gr. и такимъ образомъ сохраняетъ подраздѣленіе гривны въ сотенныхъ доляхъ: 4) что перемѣну монетной стопы могъ провести только Казиміръ I, воспитанный при дворѣ императора, ровно какъ ввести въ Польшѣ монетную систему Карла Великаго, подраздѣляющую гривну на 240 частей, что ему тѣмъ легче было сдѣлать потому, что въ это время повсемѣстно, также и въ Польшѣ, монета потеряла свой вѣсъ и первоначальную доброкачественность пробы, именно: монеты, такъ называемыя *вендійскія*, чеканенныя у саксонцевъ и западныхъ славянъ, а равно и въ Польшѣ, вѣсили въ это время—однѣ отъ 1,3 до 1 gr. 84 пробы, другія же только 0,75 gr., 42 пробы; такимъ образомъ, первыя слѣдуетъ причислить къ монетамъ, чеканнымъ по сотенному подраздѣленію гривны; другія же, 42 пробы, слѣдуетъ разсматривать, какъ чеканенныя по нововведенной системѣ Карла Великаго на 240 частей, иначе денаріевъ, такъ какъ невозможно объяснить инымъ образомъ такое сильное пониженіе пробы и притомъ въ такой небольшой

сроку, и это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ анализѣ монетъ, и въ пропорціональности отношенія къ вѣсу самой гривны.

Докладъ сопровождался демонстрированіемъ всѣхъ упомянутыхъ въ чтеніи типовъ монетъ.

7-го августа, 8 часовъ вечера.

Отдѣленіе II—Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный предсѣдатель: Д. И. Иловайскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. И. Багалъй.

Секретарь Отдѣленія: О. А. Фотинскій.

Предсѣдатель Отдѣленія, Д. И. Багалъй открылъ засѣданіе слѣдующей рѣчью: Почетнымъ предсѣдателемъ нынѣшняго засѣданія нашей секціи является Д. И. Иловайскій. Имя Д. И. Иловайскаго настолько хорошо извѣстно не только среди специалистовъ, но и среди широкой публики, что мнѣ нѣтъ никакой необходимости касаться его научныхъ заслугъ въ области русской исторіи. Его Исторія Россіи является въ настоящее время настольной книгой для всякаго, кто захотѣлъ бы познакомиться съ общей схемой русской исторической жизни. Его первый ученый трудъ, специальная монографія, посвященная исторіи Рязанскаго княжества и въ настоящее время не утратилъ своего значенія. Его борьба по варяжскому вопросу является крупной заслугой. Что касается русской исторической географіи, которой посвящена наша нынѣшняя сессія, то и этой послѣдней онъ отводилъ очень видное мѣсто въ своей Исторіи Россіи. Позвольте же мнѣ выразить благодарность уважаемому Д. И. за то, что онъ, несмотря на свои недуги, явился къ намъ на нынѣшній археологическій съѣздъ, гдѣ какъ нельзя болѣе умѣстна будетъ его обширная начитанность въ памятникахъ русской исторіи и въ историческихъ сочиненіяхъ. Темы настоящаго засѣданія Д. И. касался на послѣднихъ страницахъ своего труда по исторіи Россіи.

1. Н. П. Дашкевичъ прочелъ докладъ: *Нѣсколько догадокъ о началѣ южно-русскаго казачества (до конца XV в.).*

Авторъ старался взойти къ первичной формѣ южно-русскаго казачества, при помощи ретроспективнаго метода и соединенія историческихъ розысканій съ филологическими. На основаніи данныхъ того и другого рода, отираившись отъ козацкихъ „ротъ“ начала XVI в. и доведя изслѣдованіе до Подольскихъ „ватамановъ“ XIV в., авторъ пришелъ къ выводу, что первичною формою южно-русскаго казачества были небольшіе военно-промышленные отряды, во главѣ которыхъ стояли ватаманы. Эти дружины возникали среди осѣдлаго сельскаго населенія на окраинахъ Литовскаго Подолья и Кіевской земли и пребывали въ разбросанномъ видѣ по окраиннымъ селамъ южно-русскихъ господарскихъ замковъ, пока не собирало ихъ то или другое предпріятіе. Такое „хождение въ казацтво“ могло существовать уже во время Литовскаго завоеванія Подолья, но могло развиться и раньше, во время вѣковаго совмѣстнаго сожителства подольячъ, и можетъ быть, порослянъ, съ татарами. До 80-хъ годовъ XV в., однако, это было явленіе мало замѣтное; оно было мало замѣтно внутри государства, въ отдаленіи отъ окраинъ, потому что не принимало еще значительныхъ размѣровъ и не ознаменовывалось крупными послѣдствіями. Потому и имя „казакъ“, могшее быть уже въ ходу, не достигло еще тогда широкаго распространенія и не вошло въ литовско-русскую письменность. Оно начало получать мѣсто въ послѣдней съ усиленіемъ наступательныхъ движеній со стороны южно-русскихъ казаковъ, въ концѣ XV в.

2. Д. И. Эварницкій. *Къ вопросу о числѣ, порядкѣ и топографіи Запорожскихъ Сѣчей по новымъ архивнымъ даннымъ.*

Указываемые источники автору удалось разыскать въ Московскихъ Архивахъ: Министр. Иностранныхъ Дѣлъ, Министр. Юстиціи и Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба. Сѣчи Хортицкую и Томаковскую авторъ не вводитъ въ число сѣчей, ибо онѣ такъ не назывались, но говорить о нихъ, какъ о мѣстахъ продолжительной стоянки запорожцевъ. Спорный вопросъ о положеніи о-ва Малой Хортицы авторъ разрѣшаетъ на основаніи изслѣдованія нѣмецкаго текста показанія по этому поводу Эриха Ласоты (1594 г.), личныхъ топографическихъ изслѣдованій и двухъ рукописныхъ плановъ конца XVIII в. Архива Минист. Иностран. Дѣлъ. Мнѣніе г. Падалки о соответствіи о-ва Малой Хортицы нынѣшнему мысу „Степку“, въ 8 в. отъ о-ва Большой Хортицы противорѣчитъ и показанію Ласоты о смежности этого острова съ о-мъ Большою Хортицею, и естественнымъ условіямъ защиты, и показанію того же Ласоты о положеніи его противъ устья трехъ рѣчекъ Хортиць. Наоборотъ, всѣ эти данныя говорятъ за соответствіе о-ва Малой Хортицы о-ву Канцерскому. Указавъ далѣе на сѣчи: Томаковскую, Микитинскую и Чертомлыцкую, мѣстоположеніе которыхъ не возбуждаетъ сомнѣній, авторъ перешелъ къ разбору запутаннаго вопроса о мѣстопребываніи запорожцевъ, послѣ разоренія русскими войсками Чертомлыцкой Сѣчи, въ 1709 г. Къ извѣстному показанію кошевого атамана Ивана Милашевича 1734 г. референтъ добавилъ показаніе Данила Иванова Красноперича, свидѣтельствующее, что запорожцы, прежде чѣмъ поселиться въ Кардашинской Сѣчи, съ годъ прожили „на урочищахъ Глухихъ“, которыя должны соответствовать двумъ гирлямъ Глухимъ, находящимися немного выше Алешекъ и Кардашина. Наконецъ, для топографіи Новой или Подпильной Сѣчи (1734—1775 гг.) референтомъ найдено подробнѣйшее и обстоятельнѣйшее описаніе запорожскаго войскового писаря Ивана Чугуевца 1766 г., проливающее новый свѣтъ не только на топографію Подпильной Сѣчи, но и ея окрестностей—ордѣ татарскихъ. Въ заключеніе референтъ сообщилъ о начатомъ имъ уже изданіи „Источниковъ для исторіи запорожскаго казачества съ половины XVII в. и до конца XVIII в.“, которое будетъ памятникомъ славному прошлому Запорожья.

Д. И. Багалъйй привѣтствуя новую работу Д. И. Эварницкаго и отмѣчая важность и цѣнность представленныхъ имъ документовъ, высказалъ сожалѣніе о недостаточно подробномъ и тщательномъ со стороны докладчика опроверженіи доводовъ г. Падалки. Статьи послѣдняго, посвященныя тому же вопросу, который въ продолженіе многихъ лѣтъ съ такой энергіей и съ такимъ успѣхомъ разрабатывается докладчикомъ—вопросу о запорожскихъ сѣчахъ и ихъ историческомъ значеніи, среди читателей специалистовъ произвели все же настолько сильное впечатлѣніе своей скептической струей, что заслуживали бы болѣе тщательнаго разбора. А. И. Маркевичъ указалъ на данныя для исторіи Запорожья, находящіяся въ мѣстническомъ дѣлѣ Юзина съ Нагимъ.

8-го августа. 2¹/₂ часа дня.

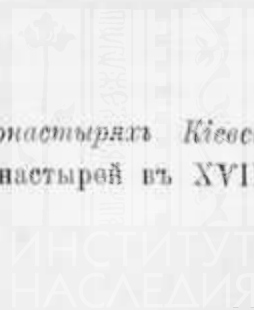
У-ое Отдѣленіе сѣзда—Древности церковныя.

Почетный Предсѣдатель: о. І. Н. Корольковъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Н. В. Покровскій.

Секретари: А. А. Парландъ и В. И. Успенскій.

1. Свящ. О. И. Титовъ сдѣлалъ докладъ „О заграничныхъ монастыряхъ Кіевской митрополіи“, въ которомъ, указавъ, что подъ именемъ заграничныхъ монастырей въ XVII —

XVIII вв. разумѣлись монастыри въ польско-литовскомъ государствѣ, находившіеся въ непосредственномъ подчиненіи кievскому митрополиту,—взложили исторію ихъ на основаніи документовъ стараго архива Кievской духовной консисторіи и Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Заграничные монастыри образовались съ присоединеніемъ Кіева къ Россіи въ 1686—1687 году изъ ставропигій патріаршихъ и митрополичьихъ. Съ прекращеніемъ зависимости кievскаго митрополита отъ константинопольскаго патріарха и съ подчиненіемъ Кievской митрополіи патріарху московскому, кievскій митрополитъ унаслѣдовалъ отъ константинопольскаго патріарха права надъ его ставропигіями въ Польско-Литовскомъ государствѣ. Число ставропигій митрополита кievскаго особенно увеличилось при Петрѣ Могилѣ, который, давая благословеніе на основаніе новаго монастыря, нерѣдко подчинялъ его непосредственно себѣ, помимо епархіальныхъ архіереевъ. Въ 1760 году кievскій митрополитъ Арсеній Могиланскій уступилъ заграничные монастыри въ Бѣлоруссіи епископу бѣлорусскому Георгію Конисскому. Виленскіе же и слуцкіе монастыри оставались въ подчиненіи Кievской митрополіи до образования въ Минскѣ и Литвѣ самостоятельныхъ епархій.

Свящ. о. С. Е. Звѣревъ указалъ на антимишь, освященный Петромъ Могилою для Дивногорскаго Успенскаго монастыря, Воронежской епархіи, возникшаго въ періодъ заселенія степной окраины южно-русскими выходцами. Референтъ объяснилъ, что къ этому монастырю не можетъ быть отнесено названіе заграничнаго.

2. Свящ. о. Е. І. Сѣцинскій прочелъ докладъ: *Древнѣйшія церкви Подоліи*. Указавъ на причины малочисленности въ Подоліи древнихъ храмовъ (набѣги татаръ, частыя войны и т. п.), референтъ описалъ храмы пещерные—въ с. Лядовѣ Могилевскаго уѣзда и въ с. Бакотѣ, Ушицкаго уѣзда, и приспособленные для защиты въ нихъ отъ враговъ—въ с. Сутковцахъ Летичевскаго уѣзда, XV—XVI вв., въ м. Меджибожѣ, того же уѣзда, 1669 г. Рефератъ демонстрировался снимками съ древнихъ подольскихъ храмовъ.

3. М. П. Истоминымъ сдѣланъ докладъ: *Главнѣйшія черты въ иконографіи на Волыни отъ XVI до XVIII вѣковъ*. Докладчикъ сдѣлалъ попытку опредѣлить въ иконописи волынскихъ храмовъ, съ одной стороны, традиціи византийскія, а, съ другой,—слѣды вліянія западнаго искусства, при чемъ показывались фотографическіе снимки съ иконъ.

А. П. Голубцовъ замѣтилъ референту, что, во-первыхъ не было надобности сопоставлять, тѣмъ болѣе ставить въ генетическую связь произведенія древне-христіанской живописи съ памятниками иконографіи на Волыни съ XVI по XVIII в., и что, во вторыхъ, черты, указанныя какъ характерныя для послѣдней, наблюдаются вообще въ нашихъ иконографическихъ памятникахъ, создавшихся подъ сильнымъ западнымъ вліяніемъ и разсѣянныхъ по всей Россіи. Н. В. Покровскій обратилъ вниманіе: 1) на то, что нѣтъ достаточныхъ основаній говорить объ *особой волынской* иконографіи, такъ какъ все главнѣйшія черты ея находятъ полное объясненіе въ памятникахъ, съ одной стороны, русскихъ переходной эпохи, а съ другой, въ западныхъ, и 2) на неправильное толкованіе референтомъ образа Богоматери *πλωτῆρα τῶν οὐρανῶν* и одной изъ иконъ на выставкѣ Съѣзда: эта икона, по мнѣнію г. Истомина, оригинальное грубо реальное изображеніе—„Богъ изъ боку твоею пройде“, а, по словамъ проф. Н. В. Покровскаго—общезвѣстный на Западѣ образъ Вероники съ веруководящимъ Спасомъ въ рукахъ.

В. Т. Георгіевскій, въ доказательство западнаго вліянія не только на волынскую, но и сѣверно-русскую иконопись, сообщилъ объ иконахъ въ церкви Казанской Б. М. въ Суздальѣ, изъ которыхъ на одной надпись: „Образъ укрестованія Господа нашего Иисуса Христа“, съ изображеніями на 16 клеймахъ страстей Христовыхъ.

8-го августа, 7½ час. вечера.

VI Отдѣленіе.—Памятники письма и языка.

Почетный Предсѣдатель: М. И. Соколовъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Н. И. Петровъ.

Секретари: А. К. Бороздинъ и Б. А. Тураевъ.

1. А. И. Соболевскій: *Древнія церковно-славянскія стихотворенія и ихъ значеніе для исторіи языка* (Т. II, ч. I, стр. 28—37).

А. С. Раевскій предложилъ вопросъ, не тождественно ли четвертое изъ упомянутыхъ референтомъ стихотвореній, какъ находящееся въ той самой рукописи, гдѣ вмѣются молитвы Кирилла Туровскаго и о которой имъ, г. Раевскимъ, былъ сдѣланъ, докладъ въ засѣданіи 4 августа, съ тѣмъ покаяннымъ канономъ, который, по свидѣтельству житія Кирилла Туровскаго, былъ имъ составленъ „по главамъ азбуки“. Проф. Соболевскій призналъ невозможнымъ приписать Кириллу Туровскому эти легко возстановляемые стихи, въ виду орфографическихъ особенностей ихъ, восходящихъ къ IX—X вѣку. Проф. И. Шишмановъ заявилъ, что послѣ прослушаннаго доклада ему приходится отказаться отъ мысли искать въ древне-славянскомъ стихѣ первообраза южно-славянскаго стиха въ народныхъ произведеніяхъ. Если древне-славянскій книжный стихъ былъ рабскимъ подражаніемъ византійскому, то для поисковъ за родоначальникомъ народнаго южно-славянскаго стиха придется, какъ онъ думаетъ, обратиться на западъ.

2. Н. П. Дашкевичъ: *Нѣсколько соображеній о былевомъ Ильѣ Муромцѣ на основаніи нѣкоторыхъ кіевскихъ данныхъ (XVI—XVII вв.)*. Указавъ вначалѣ на неполноту изслѣдованій о возникновеніи и постепенномъ ростѣ сказаній объ Ильѣ Муромцѣ, референтъ выразилъ надежду, что можетъ оказаться небезполезнымъ новый связный пересмотръ старыхъ кіевскихъ преданій о немъ, и, прежде всего, для рѣшенія обязательнаго для науки вопроса: нѣтъ ли чего-нибудь историческаго въ образѣ былеваго Ильи? Старыя кіевскія преданія обращаютъ неизбѣжно къ этому вопросу. Преданіе, сообщенное Кальнофойскимъ, о томъ, что Илья жилъ въ концѣ XII вѣка, можетъ быть принято за исходный пунктъ разысканія, и, отправляясь отъ него, слѣдуетъ остановиться на извѣстіи Лаврентьевскаго списка, подъ 1164 г., о суздальскомъ „слѣ“ въ Константинополѣ. Илья этого извѣстія могъ быть первообразомъ былеваго Ильи: въ пользу этого говорятъ и разсмотрѣніе упоминаній объ „Иліасѣ Русскомъ“ въ германской сагѣ и нѣкоторыя подробности русскихъ былинъ. Сопоставленіе же подвиговъ Ильи въ Чернигово-Сѣверской землѣ съ древнею формою его имени „Моровлинъ“ и другими сродными этой формѣ прозвищами Ильи позволяетъ выдвинуть предположеніе, что былевой Илья былъ родомъ изъ города Моравійска. Происходя оттуда, Илья XII-го вѣка могъ служить сѣвернымъ князьямъ и окончить свои дни въ Кіевѣ. Былевой Илья и святой, почивающій въ кіевскихъ пещерахъ, одно и то же лицо. Раздѣлять ихъ нѣтъ основанія.

Н. И. Петровъ указалъ, что мѣстности, къ которымъ приурочиваются подвиги Ильи, находятъ себѣ соотвѣтствіе въ названіяхъ Орловской губерніи (Карачевъ-Карачарово, урочища „Девять Дубовъ“, „Соловьиный перевозъ“), и что съ этими послѣдними урочищами у мѣстныхъ жителей связаны преданія объ Ильѣ. Н. П. Дашкевичъ замѣтилъ, что свѣдѣнія о мѣстахъ, указанныхъ проф. Петровымъ, и о преданіяхъ объ Ильѣ напечатаны въ Трудахъ Орловской архивной комиссіи 1889 г., № 2. А. И. Соболевскій, указавъ на упомина-

ніе объ Ильѣ Муромцѣ въ „Поморскихъ отвѣтахъ“, выразилъ сомнѣніе въ соответствіи имени „Илья“ и „Ііаз“, и отмѣтилъ возможность народной этимологіи въ эпитетѣ „Муровлянинъ“. Н. О. Сумцовъ указалъ на возможность приуроченія имени Муромецъ къ „Муравскому шляху“. В. П. Бузескулъ предложилъ вопросъ, почему Илья въ былинахъ крестьянинъ, тогда какъ по историческимъ соображеніямъ референта онъ оказывается бояриномъ. Референтъ пояснилъ, что окрестяненіе Ильи есть, вѣроятно, позднѣйшее явленіе. Н. И. Троицкій высказалъ, что если для эпического Ильи *Муромца* основой послужилъ историческій Илья *Муравецъ*, то и для дѣяній его, опозтизированныхъ въ эпосѣ, основой послужили какія-либо дѣянія историческія: а былина между прочимъ и указываетъ ту заслугу Ильи, что онъ проложилъ дорогу прямоѣзжую; эта дорога и есть единственно извѣстный древній путь „муравскій шляхъ“ или „муравка“. За эту-то заслугу, столь важную въ свое время, и получилъ Илья прозваніе *Муравецъ*, позднѣе Муромецъ.

9 августа, 10 ч. утра.

І Отдѣленіе — Первобытныхъ древностей.

Почетный Предсѣдатель: Н. Е. Бранденбургъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. Н. Анучинъ.

Секретарь Отдѣленія: Н. О. Бѣляшевскій.

Предсѣдатель Съѣзда Гр. П. С. Уварова доложила письмо Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя Съѣзда Е. И. В. Великаго Князя Сергѣя Александровича, въ которомъ Его Высочеству угодно было высказать глубокое сожалѣніе, что различныя обстоятельства не позволили Его Высочеству пріѣхать въ Кіевъ на Съѣздъ. Вмѣстѣ съ письмомъ Его Высочество изволилъ прислать для помѣщенія въ отдѣлѣ церковныхъ древностей выставки Запорожскую икону Богоматери, принадлежавшую нѣкогда Переяславскому Собору и нынѣ находящуюся въ собраніи Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича. Единогласно постановлено повернуть предъ Его Высочествомъ выраженія глубокой признательности Съѣзда за столь милостивое вниманіе къ его нуждамъ и ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ о возвращеніи иконы въ Переяславскій соборъ.

1. П. Н. Милюковъ сообщилъ *О результатахъ раскопокъ, предпринятыхъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополь осенью 1898, возлѣ с. Пателы, у озера Острова, въ Македоніи*. Изложивъ исторію находки, референтъ остановился на описаніи мѣстности, въ которой расположенъ древній некрополь. Небольшой холмъ, спускающійся къ сосѣднему озеру, постепенно высыхающему и заносящему своимъ пескомъ сосѣднія мѣстности, состоитъ изъ двухъ слоевъ: верхній — изъ бѣлаго песка съ прѣсноводными раковинами и нижній — изъ плотнаго желтоватаго песка; отчасти въ верхнемъ, отчасти въ нижнемъ слоѣ были расположены могилы, изъ которыхъ 154 раскопаны референтомъ при помощи секретаря Института Б. В. Фармаковскаго. Всѣ погребенія помѣщались въ каменныхъ ящикахъ, дно которыхъ иногда устлано каменными плитами или мелкими камнями. Ни одного случая сожженія не встрѣчено. Въ одномъ только случаѣ костякъ положенъ въ согнутомъ положеніи, въ могилѣ маленькихъ размѣровъ. Другія могилы такихъ же

размѣровъ предназначались для дѣтскихъ погребеній. Наконецъ, третій типъ малыхъ могилъ не имѣлъ самостоятельнаго значенія и служилъ дополненіемъ для сосѣднихъ большихъ, къ характеристикѣ которыхъ референтъ и перешелъ затѣмъ. Почти никогда въ этихъ послѣднихъ могилахъ не встрѣчалось одиночнаго погребенія: въ самыхъ простыхъ случаяхъ, при полномъ костякѣ было находимо 1—2 черепа, а иногда число этихъ череповъ доходило до 12 и больше. Тутъ же, въ ногахъ или по сторонамъ полнаго костяка, помѣщались и кости другихъ костяковъ. Но, наконецъ, въ могилѣ становилось тѣсно; тогда эти кости старыхъ погребеній выбрасывались изъ могилы, иногда клались въ тутъ же выкопанную ямку, иногда помѣщались въ большой глянцый сосудъ, чаще же всего складывались въ особый каменный ящикъ, или примыкавшій тремя сторонами къ главной могилѣ, или строившійся на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея. Объясняя описанный способъ погребенія, референтъ находилъ, что онъ является необходимымъ послѣдствіемъ постепеннаго накопленія погребеній въ одной *семейной* могилѣ. Если каждая отдѣльная могила служила такимъ образомъ достояніемъ отдѣльной семьи, то совокупность сосѣднихъ могилъ съ полнымъ основаніемъ можно относить къ высшей общественной группѣ того времени—къ роду. Последнее положеніе референтъ доказывалъ расположеніемъ могилъ въ некрополѣ: на представленномъ имъ планѣ видно, что могилы располагались группами, отдѣленными другъ отъ друга или пустыми пространствами, или, въ случаѣ тѣснаго соприкосновенія группъ, заборами изъ стоячихъ камней. Могилы каждой группы распредѣлялись кругами около центральнаго незанятаго пространства, соответствовавшего, очевидно, мѣсту похороннаго ритуала, на которомъ, можетъ быть, находились и святилище рода. Головами скелеты были обращены, — за нѣкоторыми исключеніями, для которыхъ можно найти объясненіе, — со всѣхъ сторонъ къ центру, что еще болѣе доказываетъ ритуальное значеніе послѣдняго.

Обращаясь затѣмъ къ находкамъ въ могилахъ, референтъ связалъ характеристику наиболѣе типичныхъ изъ этихъ находокъ съ общей характеристикой положенія могильника въ ряду другихъ подобныхъ. Могильникъ принадлежитъ къ такъ называемому Галльштаттскому періоду, т. е. къ эпохѣ перваго распространенія въ Европѣ желѣза, хронологически опредѣляемому археологами, какъ промежутокъ 1300—1500 гг. до Р. X. По типамъ вещей могильникъ относится къ первой половинѣ этого періода, занимая притомъ промежуточное положеніе между собственно Галльштаттской культурой Средне и Верхне-Дунайскаго бассейна, Сѣверной Италіи и сѣверо-западнаго угла Балканскаго полуострова и между аналогическими находками въ Греціи, на островахъ Средиземнаго моря и въ Южной Италіи.—*Керамика* некрополя въ Патели рѣзко отличается отъ собственно Галльштаттской керамики и примыкаетъ къ керамикѣ Средиземнаго моря, составляя, однако ея *Vorstufe*, сохранившуюся въ данномъ мѣстѣ благодаря его захолустному положенію. Особенно характеренъ орнаментъ чисто геометрической, наиболѣе близкій къ орнаменту древнѣйшихъ кипрскихъ, беотійскихъ, протокоринѣскихъ геометрическихъ и протоиталійскихъ вазъ. Не только вліяніе такъ называемаго стиля *diryon* (животнаго и растительнаго орнамента) здѣсь не видно, но отсутствуютъ даже нѣкоторые геометрическіе рисунки, именно—состоящіе изъ кривыхъ линий и изъ пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ (въ томъ числѣ свастика и меандръ). Не менѣе характерна единственная встрѣчающаяся въ некрополѣ форма фибулы, такъ назыв. очкообразная (*Brillenfibel*), — свойственная всему Галльштаттскому району, но сопровождающаяся тамъ также и другими формами, у насъ отсутствующими — итальянской древнѣйшей, такъ называемой *ad arco semplice* и ея дальнѣйшимъ развитіемъ—дугообразной (*Bogenfibel*), змѣевидной (*Schlangefibel*) и др. Всему этому богатому развитію, переходившему съ юга изъ Греціи на западъ—въ Южную Италію и на Сѣверъ — въ Боснію и на Средній Дунай,—некрополь въ Патели,

расположенный, очевидно, въ сторонѣ отъ торговыхъ дорогъ, остался совершенно чуждъ. Изъ другихъ вещей референтъ остановился на желѣзномъ мечѣ очень древняго типа, уваслѣдованнаго отъ бронзоваго періода, встрѣчающагося въ очень древнюю эпоху въ Греціи и на островахъ. Упомянувъ затѣмъ о рядѣ другихъ параллелей, также приводящихъ изслѣдованный некрополь въ связь съ находками въ Греціи и на Кипрѣ (особенно въ Айя Параскеви), авторъ перешелъ къ вопросу о способѣ погребенія въ могильникѣ. Сожженіе и погребеніе, по мнѣнію референта, суть обряды, сравнительная древность которыхъ должна опредѣляться отдѣльно для каждой отдѣльной мѣстности. Такъ ограничиваясь Галльштатскимъ періодомъ, въ могильникахъ Сѣверной Италіи, вообще болѣе позднихъ, сожженіе древнѣе погребенія: чѣмъ древнѣе могильникъ, тѣмъ сожженіе болѣе въ немъ преобладаетъ. Наоборотъ, въ Южной Италіи и Босніи, гдѣ могильники вообще относятся къ болѣе древней эпохѣ, погребеніе древнѣе сожженія. Относительно Южной Италіи г. Orsi прямо признастъ это за общее правило. Въ ряду *этихъ* могильниковъ—изслѣдованный референтомъ могильникъ, по *исключительно* господствующей въ немъ формѣ погребенія, долженъ быть отнесенъ къ особенно древнимъ. По типамъ вещей,—также, какъ указано раньше, могильникъ очень древенъ; но по времени и способу погребенія,—эти вещи могли сохраняться здѣсь и позднѣе, какъ пережитокъ отъ болѣе стараго времени. По мнѣнію гг. Нѳгнес'а и Stombaty, которымъ референтъ подробно сообщил о своихъ находкахъ, некрополь, самое позднее, можетъ относиться къ 800—700 гг. до Р. X. Въ заключеніе референтъ коснулся вопроса о народности могильника. А ргіогі можно предположить, что народность эта иллирійская.

Краниологическій матеріалъ, собранный референтомъ, остался еще не обследованнымъ, но общее впечатлѣніе, произведенное на референта во время раскопокъ то, что большинство населенія короткоголовое, такъ называемаго ретійскаго типа (His'a и Rättimeyer'a), причемъ встрѣчаются черепа и другихъ типовъ—до рѣзко выраженнаго длинноголовія включительно. Референтъ кончилъ пожеланіемъ, чтобы раскопки въ Патели были доведены до конца, въ виду великаго научнаго значенія этой находки, возстановляющей неизвѣстное до сихъ поръ, хотя и предполагавшееся археологами промежуточное звено между югомъ и сѣверомъ—между источникомъ Галльштатской культуры въ Греціи и на островахъ и ея разцвѣтомъ на Дунаѣ.

Гр. А. А. Бобринскій напомнилъ о раскопкахъ В. О. Миллера въ Крыму, гдѣ встрѣчены такіе же ящики и такое же расположеніе череповъ и скелетовъ, и сообщил о своихъ раскопкахъ въ Алустѣ, гдѣ при гораздо болѣе бѣдномъ инвентарѣ, было то же вѣрообразное расположеніе костяковъ и тѣ же кучи костей. Въ правильности ограниченія времени Галльшт. культуры графъ сомнѣвался. Къ невольной мелькающей мысли о каннибализмѣ, онъ, какъ и докладчикъ, считалъ возможнымъ отнестись отрицательно. В. З. Завитневичъ подѣлился своей гипотезой, по которой трупосожженіе вызвано желаніемъ по возможности сохранить дорогіе остатки (въ видѣ костей или пепла), и возникло позднѣе погребенія. Д. Н. Анучинъ привѣтствуя обстоятельный докладъ, образцовый по осторожности и послѣдовательности выводовъ, отмѣтилъ сходныя погребенія въ Крыму и въ Костромской губерніи и высказался противъ мнѣнія Серджи, видящаго арійцевъ въ короткоголовыхъ. Что касается вопроса о погребеніи и сожженіи, то оба обряда встрѣчаются во всѣ эпохи: каменную, бронзовую, желѣзную. Когда при господствующемъ погребеніи является нѣсколько сожженій, то можно думать, что ими указываются выдающіяся личности или заѣзжіе купцы: въ костромскихъ курганахъ $\frac{1}{2}$ % сожженій и при нихъ украшенія изъ чистаго серебра съ чернью, а въ остальныхъ серебро плохое. Стремленіе сохранить прахъ дорогаго покойника свойственно болѣе поздней эпохѣ культурнаго развитія: прежде мертвый былъ предметомъ страха, противъ котораго часто принимаются предосторожности, очищается жилище и т. п. На послѣднее

замѣчаніе В. З. Завитневичъ отвѣтилъ указаніемъ на слова руса Ибнъ-Фадлау: „вы глупые люди: дорогое существо отдасте червямъ; мы же сожигаемъ покойника, чтобъ онъ вознесся къ небу“.

2. А. Л. Погодинъ доложилъ *Объ отношеніи индо-европейскаго племени къ финнамъ.*

Индогерманцы, какъ этническое цѣлое, представляютъ вѣтвь финскаго племени. Географическое распространеніе отдѣльныхъ индо-германскихъ народовъ указываетъ на Карпаты, какъ на центръ распространенія; тождество антропологическихъ признаковъ у германцевъ, кельтовъ, древнихъ славянъ и др. народовъ, съ одной стороны, и загадочныхъ аборигеновъ Сибири (*динъ-линъ* китайскихъ историковъ) и древнихъ пермяковъ (геродотовскихъ будиновъ), съ другой,— это тождество ручается за расовое единство народовъ, тянувшихся отъ восточной Сибири до Карпатъ (эти признаки: рыжій цвѣтъ волосъ, голубые глаза, высокій ростъ); раскопки показали, что народъ, жившій въ Южной Россіи и въ Венгріи, былъ долихоцефалической, чистота типа измѣняется по мѣрѣ удаленія отъ Карпатъ на югъ, востокъ и западъ. Все это готовится за близость индо-германскаго племени къ финскому.

Исходя изъ этого положенія, г. Погодинъ попытался опредѣлить, при какихъ условіяхъ совершалось отдѣленіе индо-германцевъ отъ финновъ. Такое опредѣленіе имѣетъ то значеніе, что культура индо-германцевъ, при ихъ раздѣленіи на отдѣльныя вѣтви, болѣе или менѣе установима по даннымъ языкамъ. Еслибы можно было освѣтить ихъ культуру при отдѣленіи отъ финновъ, то мы имѣли бы два крайніе пункта, между которыми прошла исторія развитія индо-германской культуры. По даннымъ языкамъ въ этомъ случаѣ работать не можемъ, потому что не установленъ еще самый методъ такой работы, хотя по духу индо-германскій и обще-финскій языки очень близки (чередованіе гласныхъ, тѣсное соединеніе корней съ суффиксами и т. п.). Приходится искать документовъ на сторонѣ. Ихъ даетъ зоологія. Расовые признаки вытекаютъ изъ аномаліи; аномаліи развиваются и укрѣпляются въ племени, какъ это давно извѣстно зоологамъ, при скрещиваніи ближайшихъ родственниковъ. Если между финнами и индо-германцами такого расоваго различія первоначально не было, то можно думать, что индо-германцы отдѣлились отъ финновъ при такихъ условіяхъ, когда скрещиваніе родственниковъ не было, по крайней мѣрѣ, необходимостью. Въ такую необходимость поставлены охотничьи племена, которыя, по самымъ условіямъ своего быта, принуждены жить особо, маленькими группами, состоящими иногда изъ одной семьи. Такъ, цейлонскіе ведды живутъ отдѣльными родами, не знающими другъ о другѣ и говорящими на отдѣльныхъ языкахъ; у нихъ отецъ женится на дочери, братъ на сестрѣ и т. п. Повидимому, индо-германцы не были охотниками, когда отдѣлились отъ финновъ, и это отдѣленіе совершилось цѣлымъ племенемъ, забредшимъ путемъ постепеннаго распространенія въ прикарпатскую область.

9 августа, 2¼ часа.

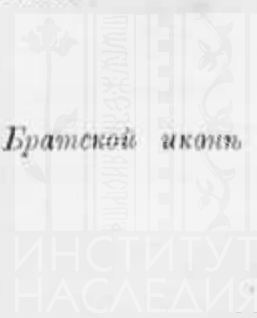
V-е Отдѣленіе съѣзда—Церковныя древности.

Почетный Предсѣдатель: преосвященный Сергій, епископъ Уманскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: Н. В. Покровскій.

Секретари: А. А. Парландъ и В. И. Успенскій.

1. Проф. А. П. Голубцовъ сдѣлалъ докладъ: *Къ вопросу о Братской иконѣ Богоматери, Богоявленской церкви и старомъ корпусѣ Кіевской Академіи.*

Давъ представленіе о публичныхъ богословскихъ диспутахъ конца XVII — первой половины XVIII в. въ Киевской и Московской академіяхъ и ихъ виѣшней показной обстановкѣ, референтъ обратилъ вниманіе членовъ Съѣзда на два выставленныхъ имъ въ залѣ засѣданія (изъ собранія Московск. дух. академіи) печатныхъ съ гравюрами тезиса философско-богословскихъ состязаній, происходившихъ въ іюнѣ 1713 года въ Киевской академіи. На одномъ изъ тезисовъ, поднесенномъ отправлявшемуся тогда чрезъ Киевъ на предполагавшуюся войну съ Турціей графу Бор. Петр. Шереметеву, оттиснуто „истинное изображеніе“ Киево-Братской иконы Богоматери; на другомъ, посвященномъ митроп. Іоасафу Краковскому, изображены портретъ этого святителя, а за нимъ Богоявленскій Братскій храмъ, старое зданіе Киевской академіи съ питомцами впереди, нагорная часть Кіева съ видами Михайловскаго монастыря и, вѣроятно, Трехсвятительской, Десятинной и Андреевской церковей. Кратко описавъ и подробно разъяснивъ гравюры, докладчикъ въ заключеніе указалъ мѣсто и значеніе первой изъ нихъ въ ряду сохранившихся и въ наукѣ мало извѣстныхъ древнихъ снимковъ съ Киево-Братской иконы (работы Мигуры 1704 и 1706 гг.) и отмѣтилъ важность второй въ вопросахъ о первоначальномъ покрытіи и виѣшнемъ вообще видѣ Богоявленскаго храма, старомъ, такъ называемомъ *Мазетинкомъ* корнуусѣ академіи, костюмѣ кіевского студента первой четверти XVIII стол., исторіи и топографіи вышепоименованныхъ церковей.

2. Священникъ о. С. Е. Звѣревъ прочелъ рефератъ свой и М. И. Успенскаго: *Къ вопросу объ изображеніяхъ св. Митрофана Воронежскаго*. Въ рефератѣ установлена классификація изображеній св. Митрофана, изложена ихъ исторія и отмѣчено согласіе ихъ съ историческими данными о виѣшнемъ видѣ святителя. Въ заключеніе было высказано сожалѣніе о распространеніи въ послѣднее время изображеній, искажающихъ ликъ святителя, и текстъ изъ его духовнаго завѣщанія; даже въ Киевскомъ Владимірскомъ соборѣ изображеніе св. Митрофана далеко не соответствуетъ установившемуся иконописному его типу.

Н. П. Троицкій привѣтствуя обстоятельный и цѣнный докладъ, указалъ на икону св. Митрофана въ Тульскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ, относящуюся, повидимому, къ половинѣ XVIII вѣка. О. Звѣревъ отвѣтилъ, что и въ другихъ музеяхъ показываются иконы св. Митрофана, относимыя къ XVIII вѣку, но это — недоразумѣніе, такъ какъ св. Митрофанъ канонизованъ въ 1832 г. и только съ этого времени могли появиться его иконы. Рефератъ демонстрировался фотографическими снимками, гравюрами, переводами.

3. В. Т. Георгіевскій въ докладѣ: *Древности г. Суздаля*, сообщилъ о многочисленныхъ памятникахъ древности (архитектуры, иконографіи, церковной утвари, шитья) г. Суздаля, въ особенности-же Суздальскаго собора и монастырей: Спасо-Евфиміевскаго (гдѣ сохранились вклады князя Д. М. Пожарскаго, погребеннаго въ этомъ монастырѣ), Ризположенскаго и Покровскаго (служившаго мѣстомъ заточенія Соломоніи Сабуровой — супруги Василия III, Ксєвія Годуновой, царицы Евдокии Лопухиной, бояринь Шуйскихъ, Сицкихъ, Ногтевыхъ, Кислыхъ). Въ заключеніе референтъ высказалъ пожеланіе объ изданіи какимъ-либо археологическимъ обществомъ описи Покровскаго монастыря 1595 г., съ объяснительными примѣчаніями, составленными референтомъ, и снимками. — Докладчикомъ были представлены фотографическіе снимки. Постановлено просить редакціонный комитетъ трудовъ Съѣзда имѣть въ виду эту работу.

4. Ө. Ө. Похвалинскій сдѣлалъ докладъ: *О древне-русскихъ натѣльныхъ крестикахъ, образкахъ и панатіяхъ*, — гдѣ, указавъ на искаженія священныхъ изображеній повѣжественными и иновѣрными мастерами, выразилъ пожеланіе, чтобы противъ этого зла были приняты мѣры.

9 го августа, 8 часовъ вечера.

Отдѣленіе II—Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель: О. Г. Мищенко.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. И. Багалъй.

Секретарь Отдѣленія: О. А. Фотинскій.

Засѣданіе открылось рѣчью предсѣдателя II отдѣленія Д. И. Багалъя, посвященной указанію на научныя заслуги почетнаго предсѣдателя, бывшаго профессора университета св. Владиміра, а нынѣ Казанскаго университета, О. Г. Мищенко, который „стяжалъ себѣ почетную извѣстность въ области классической филологіи и своими цѣнными изслѣдованіями, и образцовыми переводами древнихъ греческихъ историковъ: Геродота, Страбона, Поливія, Фукидида—и, что имѣетъ для насъ теперь особенное значеніе—извѣстенъ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій относящихся вменно къ исторіи и этнографіи древней нашей Скивіи, о которой столько свѣдѣній даетъ Геродотъ. Вотъ почему подъ его предсѣдательствомъ мы можемъ смѣло приступить къ чтенію докладовъ, посвященныхъ русской исторической географіи“. Рѣчь Д. И. Багалъя была покрыта дружными рукоплесканіями. О. Г. Мищенко въ краткихъ выраженіяхъ благодарилъ за оказанную ему честь.

1. В. Г. Ляскоронскій доложилъ *О Городищахъ, длинныхъ (зміевыхъ) валахъ и курганахъ въ бассейнѣ р. Сулы* (т. I, 404—457).

Графъ А. А. Бобринскій, приведя на память, для южныхъ городищъ и валовъ, труды Фундукля, Подберезскаго, Срезневскаго, и на основаніи городищъ лично имъ раскопанныхъ и также изслѣдованныхъ г. Ханенко и проф. Антоновичемъ въ губ. Полтавской, Подольской, Кіевской, Херсонской—указалъ характерныя черты ихъ: 1) это — стратегическія сооруженія того времени, когда не было извѣстно огнестрѣльное оружіе (ибо надъ ними господствуютъ окружающіе холмы); 2) они всегда находятся около рѣчки или устроены такъ, чтобы черезъ майданъ проходила рѣчка, защищенная валомъ; 3) неровная поверхность ихъ, со владинами, возвышеніями, не то курганами, не то наносной землей, свидѣтельствуетъ о древнемъ поселеніи, а пробныя раскопки даютъ значительное количество разбросанныхъ въ беспорядкѣ черепковъ посуды, между прочимъ толстые черепки греческихъ красныхъ амфоръ), костей животныхъ и человѣка и разныхъ вещей скивской или сарматской эпохи. Посреди многихъ изъ городищъ находятся коническія возвышенія, курганчики; подлѣ Шпола раскрытъ курганъ и найдены вещи высокаго художественнаго достоинства: ожерелья, золотыя кольца и т. п. Въ городищѣ подлѣ селенія Цвѣтное, Херсонской губ., въ боковой сторонѣ кургана случайно найдено богатое скивское погребеніе, для котораго, очевидно, воспользовались существовавшимъ валомъ. Это городище графъ подвергъ тщательному изслѣдованію, разрѣзавъ въ 22 мѣстахъ, доходя до грунта, нигдѣ не встрѣтилъ погребенія, но мѣстами, на глубинѣ 3—4 сажень, встрѣтилъ ямы и провалы: здѣсь найдены обломки котла, слѣды бронзы и рядъ подземныхъ ходовъ, которые шли въ разныхъ направленіяхъ и развѣтвлялись; изслѣдованіе кургановъ, лежащихъ рядомъ, указывало на каменный вѣкъ. Изслѣдованіе городищъ трудъ неблагодарный: приходится копать наудачу, не зная, гдѣ и какъ слѣдуетъ искать; но эти изслѣдованія чрезвычайно желательны, и великую заслугу окажутъ тѣ лица, которыя взялись бы за нихъ.

2. В. И. Щербина: *Послѣдніе слѣды казачества въ правобережной Украинѣ*. (Т. II, ч. 1, стр. 90—94).

По поводу доклада, В. Б. Антоновичъ замѣтилъ: обрисованнаго референтомъ перешитка нельзя уже называть казачествомъ, по тремъ основаниямъ: 1) казачество это совершенно лишено права самоуправления и самосуда; 2) казаки эти не являются землевладельцами и 3) нѣтъ у нихъ, кажется, сословной наслѣдственности. Докладчикъ отвѣтилъ что это — казачество въ той формѣ, въ которой хотѣло его видѣть раньше польское правительство.

3) Х. П. Ящуржинскій. *Обрядности и пѣсни, касающіяся жатвы хлѣба*. Изслѣдованіе автора относится преимущественно къ Малороссіи и Бѣлороссіи. Первый день жатвы „зажинки“ отличается освященіемъ полей, особымъ празднованіемъ и угощеніемъ. Самая жатва сопровождается пѣснями, которыя въ поэтическихъ образахъ воспѣваютъ трудъ — собраніе хлѣба. Послѣдній день жатвы — „дожинки“ имѣетъ много знаменательныхъ обрядностей, какъ „Спасова борода“, послѣдній снопъ, плетеніе вѣнка.

Н. О. Сумцовъ отмѣчая, что у насъ вообще собраніемъ этнографическаго матеріала далеко опережается его изученіе, почти не двигающееся, далъ нѣсколько указаній для способа желательнаго изученія жатвенныхъ пѣсенъ. Прежде всего слѣдуетъ разобраться въ огромномъ числѣ существующихъ сборниковъ, причемъ г. Сумцовъ рекомендовалъ бы обратиться къ сборникамъ: Чубинскаго, Головацкаго, Краковской Академіи, Милорадовичей. Затѣмъ надо разобраться въ составѣ пѣсенъ: какія изъ нихъ относятся дѣйствительно къ жатвеннымъ, какія къ другимъ разрядамъ. Далѣе желательно выяснитъ ихъ взаимныя отношенія съ пѣснями весенними, царинными и т. п. (между прочимъ замѣчательны у Головацкаго немногія пѣсни съ апокрифическими чертами). Наконецъ слѣдуетъ раздѣлить ихъ по основнымъ мотивамъ и изслѣдовать, какъ изслѣдованы колядки. Тогда выяснилось бы между прочимъ, что приведенныя докладчикомъ бѣлорусскія пѣсни о панщинѣ составляютъ исключеніе: крѣпостное право было конечно печальнымъ явленіемъ, но обыкновенно жатвенныя пѣсни относятся къ панамъ сочувственно. Н. И. Троицкій выразилъ желаніе, чтобы жатвенныя обряды русскіе, для уясненія интереса ихъ, были поставлены въ связь съ древнѣйшею восточною обрядностью. На возраженіе докладчика, что на Востокѣ не было барщины, оппонентъ отвѣтилъ указаніемъ на восточное рабство.

10-го августа, 10 час. утра.

XI Отдѣленіе—Памятники археографическіе.

Почетный Предсѣдатель: А. М. Лазаревскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: П. В. Голубовскій.

Секретари: М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

1. Д. Я. Самоквасовъ: *Централизація государственныхъ архивовъ въ Западной Европѣ, въ связи съ архивной реформой въ Россіи*.

Референтъ началъ свой докладъ изложеніемъ исторіи централизація архивнаго управления во Франціи при Наполеонѣ I. Грандіозный проектъ послѣдняго не вполне удался. Однако, въ Европѣ не оставили мысли о централизаціи архивовъ. Такъ, королева Викторія провела полную централизацію государственныхъ архивовъ въ Англіи, для чего въ Лондонѣ устроено грандіозное зданіе, въ которомъ сосредоточены государственныя документы. Въ Англіи воспользовались планами Наполеона, и тамъ управленіе архивами зависитъ лично

отъ королевы. Въ дальнѣйшемъ развитіи своего доклада референтъ сообщилъ о ходѣ архивной реформы въ Швеціи, Италіи, Бельгіи и Пруссіи. Особенно замѣчательна архивная реформа въ Пруссіи, проведенная Бисмаркомъ при посредствѣ извѣстнаго историка Зибеля. Только Австро-Венгрія и Испанія еще не пришли къ мысли о централизаціи документовъ, но въ первой вопросъ о реформѣ уже поставленъ на очередь. Важно, что во всѣхъ реформахъ вездѣ дѣло брало въ свои руки государство. Далѣе, въ большинствѣ, государственные архивы являются хранилищами документовъ по исторіи данной области (напр. центральные архивы въ Пруссіи). Архивная реформа вездѣ имѣла громадные послѣдствія, въ смыслѣ сохранности матеріала, его доступности для науки, развитія, наконецъ, въ самомъ обществѣ сознанія важности историческихъ источниковъ.

Переходя далѣе къ положенію архивовъ въ Россіи, референтъ изложилъ исторію дѣятельности Высочайше учрежденной, въ 1873 году комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачева, а также комиссіи 1892 года. Дѣятельность обѣихъ комиссій осталась безъ всякаго результата, и единственными хранителями древнихъ документовъ являются губернскія архивныя комиссіи. Но онѣ остаются часто безъ всякихъ средствъ. Рижскій съѣздъ ходатайствовалъ о выдачѣ субсидій архивнымъ комиссіямъ, но получилъ отказъ. Затѣмъ докладчикъ изложилъ мѣры, предпріятыя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ для подготовки проекта къ нынѣшнему Съѣзду. Для архивнаго вопроса важна непосредственная зависимость управленія архивами отъ Верховной власти и доступность архивовъ для ученой разработки.

Послѣ небольшого перерыва Д. Я. Самоквасовъ прочелъ свой проектъ основаній архивной реформы, принятый специальной комиссіей XI Отдѣленія и протоколъ засѣданія этой комиссіи и поставилъ на обсужденіе секціи вопросъ, принимаетъ-ли она проектъ, и если принимаетъ, то просилъ Съѣздъ возбудить соотвѣтственное ходатайство.

Возникли оживленныя пренія. Предсѣдатели отдѣленія и засѣданія, П. В. Голубовскій и А. М. Лазаревскій стояли на той точкѣ зрѣнія, что проектъ, принятый комиссіей, долженъ разсматриваться въ деталяхъ въ административномъ засѣданіи секціи, куда онъ, согласно постановленію административнаго засѣданія 8-го августа, и долженъ былъ быть доложенъ предсѣдателемъ комиссіи. Собраніе нашло удобнымъ разсматривать докладъ по §§ въ настоящемъ засѣданіи. При обсужденіи § 3, Гг. Половцевъ, Сумцовъ, Дегенъ указывали на неудобство расчленять существующіе центральные архивы и относительно судьбы актовъ, хранящихся въ нихъ, мѣнять извѣстное на неизвѣстное. По предложенію С. М. Писарева въ § 3, передъ словомъ „12“ добавлено „приблизительно“. Д. П. Миллеръ указалъ, что предѣлъ 1775 года для многихъ мѣстностей будетъ совершенно произвольнымъ. Докладчикъ, ссылаясь на примѣръ западной Европы считалъ необходимымъ сохранить одну общую дату, и признавалъ наиболѣе удобной 1775 г., какъ годъ учрежденія губерній. А. П. Вороновъ считая предложенную схему слишкомъ сложной и дорогой, предложилъ оставить одни губернскіе архивы, которые частью уже и сложились, тѣмъ болѣе, что дѣленіе на губернія далеко не такъ искусственно, какъ напр. французское дѣленіе на департаменты: такъ, Костромская, Ярославская, Нижегородская губерніи сохраняютъ свои историческіе центры. П. Н. Миллюковъ указывалъ на неопредѣленность проекта (напр. относительно числа архивовъ), и на невыполнимость стройнаго проведенія его. Докладчикъ, руководясь теоретическими соображеніями, повидимому, не принялъ въ расчетъ всѣхъ тѣхъ трудностей для его выполненія, какія возникли бы въ самомъ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, при выдѣленіи изъ него актовъ для провинціальныхъ музеевъ. Д. И. Багалъй случайно не присутствовавшій въ заключительномъ засѣданіи комиссіи, выражалъ сочувствіе къ проекту въ общемъ и готов-

ность подписаться подъ всѣми его §§-ми, съ прибавленіемъ той оговорки, что извлеченіе мѣстныхъ актовъ изъ архивовъ благоустроенныхъ должно явиться только по мѣрѣ возможности въ томъ случаѣ, когда будетъ соответственное ходатайство или желаніе представителей этихъ архивовъ. Безъ этой оговорки оказались бы въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи многіе существующіе архивы, и въ томъ числѣ харьковскій, (въ которомъ архивъ малороссійской коллегіи обнимаетъ область трехъ губерній): Харьковской, Черниговской и Полтавской). Докладчикъ со своей стороны, въ видахъ устраненія спора, предлагалъ сократить проектъ, сохранивъ лишь §§ 1, 6, 7 и 8, но и это сокращеніе, какъ и дополненіе проф. Багалѣя были отвергнуты, и собраніе, по предложенію В. С. Иконникова въ принципѣ согласилось съ предложеніями „проекта“ въ цѣломъ.

10-го августа 2¼ часа дня (актовый залъ).

III Отдѣленіе—Памятники искусствъ и художествъ.

Почетный Предсѣдатель: Б. И. Ханенко.

Предсѣдатель Отдѣленія: А. А. Павловскій.

Секретарь Отдѣленія: Б. В. Фармаковскій.

Предсѣдатель отдѣленія А. А. Павловскій, указавъ на общеизвѣстные труды Б. И. Ханенко по собиранію древностей, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ и составляющіе крупное и отрадное для научнаго міра явленіе, просилъ его принять почетное предсѣдательство на настоящемъ засѣданіи. Б. И. Ханенко, выразивъ свою благодарность, передалъ Съѣзду привѣтствіе отъ Кіевскаго Общества Древностей и Искусства въ качествѣ его представителя и вице-предсѣдателя, вмѣстѣ съ сожалѣніемъ, что Общество располагало слишкомъ короткимъ временемъ, чтобы представить Съѣзду въ оконченомъ видѣ новый Городской музей, ограничившись только временнымъ помѣщеніемъ въ немъ своихъ коллекцій.

1. Э. Р. фонъ-Штернъ сдѣлалъ докладъ *О значеніи керамическихъ находокъ для культурной исторіи черноморской колонизаціи.*

Указавъ на случайность нашихъ литературныхъ источниковъ относительно колонизаціи древними греками сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, докладчикъ подчеркнул особенную важность другого рода источниковъ для исторіи этой колонизаціи: надписей и монетъ. Но въ виду того, что исторія черноморской колонизаціи до сихъ поръ все же еще неясна, всякое обогащеніе матеріала должно быть принято съ крайнимъ вниманіемъ. Такой новый матеріалъ, которымъ до сихъ поръ еще не пользовались историки, докладчикъ видитъ въ керамическихъ издѣліяхъ и ихъ фрагментахъ, которые открываются въ почвѣ нѣкогда бывшихъ греческихъ колоній. До сихъ поръ этотъ матеріалъ, если и обрабатывался, то лишь съ художественной точки зрѣнія (работы академика Стефани). Между тѣмъ онъ подтверждаетъ и дополняетъ свѣдѣнія, которыя намъ даютъ источники литературные. Въ Ольвіи находимы были сосуды (примѣръ есть въ Одесскомъ музеѣ Общества Исторіи и Древностей), которые, какъ показали изслѣдованіи Бѣлау, должны быть милетскаго происхожденія. Мнѣніе Лѣтке, что нигдѣ еще не докопались до милетскаго слоя, послѣ находженія этихъ сосудовъ, падаетъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что Милеть въ VIII—VI вв. основалъ до 80 колоній. Въ самое цвѣтущее время Милеть могъ имѣть максимумъ 100 тысячъ жителей. Вѣроятно, среди колоній, упоминаемыхъ

въ древнемъ свидѣтельствѣ, не мало было простыхъ *факторій* со складами милетскихъ товаровъ. Въ V вѣкѣ Милеть падаетъ, и на первое мѣсто въ Элладѣ выступаютъ Аѳины. Это краснорѣчиво слѣдуетъ и изъ керамическихкихъ находокъ. Среди античной посуды въ Ольвіи и Пантикапее видное мѣсто занимаютъ черно-фигурныя вазы (періодъ, когда Аѳины начинаютъ соперничать съ Милетомъ). Дальновидный аѳинскій тиранъ Пизистратъ вступаетъ въ сношенія съ черноморскими колоніями. Разъ завязанныя, эти сношенія продолжаются. Къ періоду послѣ Пизистрата и до греко-персидскихъ войнъ относятся красно-фигурныя вазы древнѣйшаго строгаго стиля, которыя лишь иногда находимы были въ Ольвіи, Пантикапее и на островѣ Левкѣ (Фидониси). Перерывъ, наступившій въ сношеніяхъ Аѳинъ съ сѣвернымъ берегомъ Чернаго моря, сказывается почти въ полномъ отсутствіи вазъ строгаго красно-фигурнаго стиля періода высшаго его процвѣтанія. Мало встрѣчается на югѣ Россіи и вазъ переходнаго и прекраснаго стилей. Аѳины экспортируютъ въ это время въ Сицилію. Какъ скоро послѣдній рынокъ въ концѣ V вѣка былъ утерянъ, опять начинается ввозъ въ черноморскія колоніи; вотъ почему здѣсь очень много вазъ роскошнаго стиля (конецъ V и IV вѣка). Вскорѣ послѣ паденія Аѳинъ прекращается и выдѣлка красно-фигурныхъ вазъ. Въ III вѣкѣ въ могилахъ греческихъ колоній (гдѣ по традиціи привыкли класть вазы) видимъ „каленскую“ и „мегарскую“ посуду: вазы этихъ типовъ дѣлались, вѣроятно, и въ самыхъ колоніяхъ и можетъ быть, дольше, чѣмъ въ Малой Азіи и Греціи. Когда фабрики въ Аѳинахъ закрылись, то колоніи, нуждавшіяся въ вазахъ для культа умершихъ, сами стали выдѣлывать вазы. Такихъ мѣстныхъ вазъ (Стефани ихъ неправильно называлъ „полуварварскими“) извѣстно теперь до ста (лишь одна такая ваза найдена въ Ольвіи, остальные—въ Керчи). Эти вазы чисто греческія по общему характеру, но отличаются отъ послѣднихъ лишь худшею техникою. Онѣ ясно говорятъ, что въ III вѣкѣ въ колоніяхъ господствовала греческая культура, и что онѣ стояли въ сношеніяхъ съ греческимъ міромъ. Со II вѣка колоніи находятся въ сношеніяхъ съ Италіей и Римомъ (ручки амфоръ и посуда апулійская (Гнатія), образцы которой есть въ Одесскомъ музеѣ изъ коллекціи Л. Ф. Бруна). Эти сношенія, впрочемъ, едва-ли были непосредственными.

На интенсивность сношеній съ Римомъ, которыя продолжались до конца римскаго господства указываютъ многочисленныя красно-лаковыя вазы („арретійскія“). Вопреки Драгендорфу, надо признать, что эти вазы не могутъ быть датированы въ III вѣкѣ до Р. Хр., и вывозъ ихъ изъ Италіи вполнѣ возможенъ. Разумѣется, такія вазы могли дѣлаться и въ самыхъ колоніяхъ (особенно болѣе простыя). Глазурованныя вазы съ рельефами, найденныя на югѣ Россіи, говорятъ о сношеніяхъ черноморскихъ колоній съ *Александріей*.

Далѣе, докладчикъ указалъ на керамическій матеріалъ, который относится уже къ среднимъ вѣкамъ. На югѣ были находимы керамическія издѣлія византійскія, арабскія, итальянскія. Изученіе этого матеріала значительно труднѣе, чѣмъ изученіе античнаго, но и оно дастъ важныя результаты для юга Россіи.

Заключая докладъ, авторъ выразилъ желаніе, чтобы были приняты мѣры къ ограниченію хищническихъ раскопокъ на югѣ Россіи, и особенно—въ Ольвіи.

Въ преніяхъ приняли участіе Д. Я. Самоквасовъ, графъ А. А. Бобринскій, А. А. Павловскій, П. Н. Милуковъ и А. И. Маркевичъ,

Рѣшено было просить разрѣшенія на немедленное предпринятіе раскопокъ въ Ольвіи и объ ассигнованіи на то средствъ.

2. В. В. Сусловъ: *Періодъ упадка древне-русскаго зодчества.*

Докладчикъ ознакомилъ собраніе съ церковными постройками XVI—XVII ст., выражающими періодъ разцвѣтанія у насъ самобытнаго зодчества. Затѣмъ, вслѣдствіе начавшагося

общенія (въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича) высшаго русскаго общества съ Западомъ, стали появляться въ нашихъ церковныхъ памятникахъ детали западнаго ренессанса. Болѣе значительный поворотъ русской архитектуры выразился съ постройкою церковей Натальей Кирилловной Нарышкиной. Съ преобладаніемъ детальныхъ украшеній на обычныхъ фасадахъ русскихъ храмовъ произошли нѣкоторыя видоизмѣненія и основныхъ формъ древняго зодчества. Между прочимъ, выработался особый типъ церковей, состоящей изъ прямоугольнаго основанія съ восьмигранными, постепенно уменьшающимися надстройками. Принципіальная черта такихъ сооружений наблюдается еще въ церквахъ XVI ст. Кромѣ того, типы башенныхъ церковей встрѣчаются въ миниатюрахъ древнихъ рукописей (XV—XVI ст.). Новый приѣмъ церковныхъ сооружений (иногда въ видѣ цѣлой системы башенъ) былъ всегда излюбленнымъ въ Малороссіи и въ Запорожьѣ. Такимъ образомъ, указанный типъ постройки явился отголоскомъ прошлыхъ теченій русскихъ архитектурныхъ формъ.

Детальные украшения храмовъ конца XVII и начала XVIII ст. носили характеръ нѣмецкаго барокко, фламандской архитектуры и частью елизаветинскаго и итальянскаго ренессанса. Церкви указанного періода хотя сильно отличались отъ характерныхъ храмовъ цвѣтущаго періода нашей архитектуры, тѣмъ не менѣе носили въ себѣ здравые конструктивныя приемы и выражали, до извѣстной степени, продолженіе характернаго русскаго зодчества. Такой ходъ зодчества продолжался и по преобразованіи русскаго государства пока, наконецъ, новые, элементы чисто западнаго искусства по духу и формѣ, не вошли къ намъ по стольку, по скольку они были приняты болѣе общею русскою жизнью и не образовались спеціальныя школы искусства. Этотъ новый періодъ можетъ относиться къ царствованію Елизаветы Петровны, когда вкусы стали смѣняться модой и все творческое въ искусствѣ перешло на почву исключительнаго подражанія. Вліяніе западнаго искусства выражалось и въ предшествующихъ періодахъ русскаго зодчества, но тѣ вліянія не имѣли особеннаго значенія въ историческомъ процессѣ развитія русской архитектуры.

Описанная эпоха упадка русскаго зодчества конца XVII и начала XVIII ст. касается по преимуществу городскихъ каменныхъ церковныхъ сооружений, ибо на окраинахъ сѣвера въ деревянныхъ постройкахъ этого времени продолжалось исконное русское зодчество, и періодъ упадка наступилъ въ этихъ краяхъ лишь въ концѣ прошлаго столѣтія.

10-го августа, 2¹/₂ часа дня (XV аудиторія).

IX Отдѣленіе—Древности восточныя.

Почетный Предсѣдатель: А. В. Розовъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: В. В. Вельяминовъ-Зерновъ.

Секретарь Отдѣленія: Б. А. Тураевъ.

1. Докладъ Л. З. Мсеріанца. *Ванскіе лексикальные элементы въ армянскомъ языкѣ*, читанный секретаремъ отдѣленія. (Т. II, ч. 2).

А. С. Хахановъ замѣтилъ, что ванскіе элементы зашли въ армянскій языкъ не непосредственно, а чрезъ грузинъ, жившихъ до прихода армянъ на мѣстахъ ихъ позднѣйшаго поселенія. Это можно видѣть уже изъ приведеннаго г. Мсеріанцемъ слова *mil* и, навѣрное, обнаружится еще съ большою ясностью, когда изученіе ванской клинописи подвинется впередъ.

А. В. Розовъ указалъ на важное значеніе этого изученія въ виду уже того, что область Вана была однимъ изъ очаговъ цивилизаціи въ передней Азіи. Большую важность имѣетъ вопросъ о родствѣ народа, создавшаго эту культуру съ грузинами, интересно ея изученіе и для нашей исторіи. Здѣсь проф. привелъ мѣсто изъ Арріана, который говоритъ, что за 1000 лѣтъ до него жившіе въ Закавказьѣ народы вытѣснены на сѣверъ ассирійцами.

2. Докладъ А. С. Хаханова: *Жизнь и дѣятельность Антонія I, католикоса Грузіи*. (Т. II, ч. 2).

3. Докладъ Б. А. Тураева: *Коптскіе тексты, пріобрѣтенные экспедиціей В. Г. Бока въ Египетъ*. (Т. II, ч. 2).

А. В. Розовъ замѣтилъ, что онъ вполне согласенъ съ мыслью референта о близости древняго коптскаго богослуженія съ православнымъ, что онъ имѣлъ случай наблюдать въ заупокойныхъ текстахъ (во время своей работы по исторіи христіанства въ Нубіи). Затѣмъ онъ присоединился къ пожеланію референта, чтобы область христіанскаго востока пріобрѣтала большее число работниковъ среди русскихъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время множество новооткрытыхъ памятниковъ позволяетъ оставить мысль, будто матеріаль уже исчерпанъ западными учеными.

4. Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе: *О послѣднемъ разореніи города Самарканда*. Это разореніе происходило въ 2-й половинѣ прошлаго столѣтія и сопровождалось разрушеніемъ древнихъ памятниковъ. Главный казіи г. Самарканда, Миръ-Абу-Саидъ, жившій въ началѣ нынѣшняго столѣтія и давшій подробное описаніе города въ своемъ сочиненіи „Самарія“, подробно перечисляя, какіе изъ прежнихъ монументальныхъ памятниковъ подверглись разрушенію во время совершившагося погрома, ничего не говоритъ о времени разоренія и о его виновникахъ; изъ разсказа Миръ-Абу-Саида можно видѣть только, что это происходило до воцаренія въ Бухарѣ Шаха-Мурада. Разъясненіе по данному вопросу мы находимъ въ вакуфной записи, принадлежащей двумъ медресе, Ширъ-даръ и Тилля-кари, составленной въ самомъ концѣ прошлаго XVIII-го столѣтія и хранящейся и понынѣ въ самаркандскомъ областномъ правленіи. Именно, въ этомъ документѣ сообщается, что въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія нѣкоторые узбекскіе эмиры, совмѣстно съ сосѣдними кочевниками, возмутились противъ своихъ хановъ въ Самаркандѣ, избрали правителемъ Раджабъ-хана и пошли на Бухару. Отъ этого начались смуты, во время которыхъ казаки (киргизы), тѣснимые калмыками, переебрались въ Мавераннагръ (пространство между Аму-Дарьей и Сыръ-Дарьей) и присоединились къ Раджабъ-хану. Они уничтожили своимъ скотомъ поля и вызвали въ самаркандской области голодъ, вслѣдствіе чего населеніе города устранилось въ другія мѣста. Тогда казаки предались грабежу и неистовствовали до такой степени, что разрушили многія мечети и медресе. Разрушеніе было настолько серьезно, что многіе изъ этихъ памятниковъ исчезли безъ слѣда и мѣстонахожденіе ихъ осталось неизвѣстнымъ. Въ 1172 г. (1769 г.) въ Мавераннагрѣ утвердился эмиръ Даніяль и сталъ приводить дѣла въ порядокъ, при чемъ Самаркандскую область поручилъ заботамъ своего сына, Шаха Мурада. Послѣдній сталъ собирать вакуфы и возстановлять нѣкоторыя медресе; но многіе другіе изъ разрушенныхъ киргизами памятниковъ Тамерлановой эпохи не могли быть возстановлены и, будучи оставленными на произволъ судьбы, быстро пошли къ разрушенію и въ настоящее время пришли въ такое состояніе, что уже не могутъ быть возстановлены.

10-го августа, 8 часовъ вечера.

I-е Отдѣленіе — Первобытныя древности.

Почетный Предсѣдатель: гр. А. А. Бобринскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. Н. Анучинъ.

Секретарь Отдѣленія: Н. О. Бѣляшевскій.

Открывая засѣданіе, почетный предсѣдатель гр. А. А. Бобринскій, въ краткой рѣчи, указалъ на значеніе первобытной археологіи.

1. В. А. Городцовъ. *Необходимость выработки номенклатуры и системы описанія доисторической керамики* (Томъ I).

2. Д. И. Эварницкій. *Раскопки въ Александрійскомъ и Херсонскомъ уѣздахъ* (Томъ I).

3. Л. К. Житынской. *Находки каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Стыря*. (Томъ I).

11-го августа, 10 часовъ утра.

V Отдѣленіе — Древности церковныя.

Почетный Предсѣдатель: А. В. Половцевъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Н. В. Покровскій.

Секретари Отдѣленія: А. А. Парландъ и В. И. Успенскій.

1. М. И. Успенскій прочелъ рефератъ свой и В. И. Успенскаго *О школахъ въ русской иконописи*. Въ рефератѣ доказывалось, что принятая классификація иконъ по школамъ недостаточно обоснована и, въ виду этого, предлагалось пользоваться болѣе научной классификаціей—по эпохамъ или періодамъ иконописанія, намѣченной нѣкоторыми учеными.

2. В. Т. Георгіевскій сдѣлалъ докладъ *Къ вопросу о методѣ изученія русскихъ школъ иконописанія*. Не рѣшаясь отвергать существованія школъ въ русской иконописи, референтъ не признаетъ, однако, научнаго значенія за опредѣленіями и характеристиками ихъ въ литературѣ 50—60-хъ годовъ. Необходимо привести въ извѣстность и обследовать датированные памятники древне-русской иконографіи—стѣнописи, иконы, миниатюры, иконописные подлинники, рѣзбу по дереву и металлу и т. п., и уже послѣ этого приступить къ изученію направленій въ иконописаніи, выразившихся въ трактовкѣ иконографическихъ сюжетовъ и техникѣ: рисункѣ, колерахъ и краскахъ. При этомъ не должны быть игнорируемые и наблюденія, сдѣланныя любителями и собирателями иконъ, какъ плодъ многолѣтняго и тщательнаго изученія. Референтъ заключилъ докладъ пожеланіемъ скорѣйшаго изученія вышеназванныхъ памятниковъ.

Оба доклада обсуждались вмѣстѣ. Возражая В. Т. Георгіевскому, М. И. Успенскій отрицалъ разницу красокъ по школамъ: рецепты красокъ сохранились въ подлинникахъ. Даже защитники школъ: Сахаровъ и Снегиревъ не указывали на то, чтобъ краски въ разныхъ мѣстностяхъ употреблялись разныя. Н. И. Петровъ сообщилъ объ издаваемой имъ статьѣ изъ сборника собранія Леопардова: „Уставъ о стѣнномъ и иконномъ письмѣ епископа Нектарія“. Нектарій—охридскій епископъ, принужденный оставить епархію вслѣдствіе введенія тамъ уни въ концѣ XVI в., переехалъ въ Москву, присутствовалъ при вѣнчаніи на царство Бориса

Годунова и до 20-хъ,—30-хъ годовъ былъ епископомъ вологодскимъ. Сохранилась первая часть этого типика, гдѣ говорится о способахъ приготовления красокъ. Интересно, что указываются такія краски, которыя Ровинскій считалъ заимствованными съ Запада въ XVI в. Нектарій принадлежитъ къ эпохѣ возрожденія греческаго искусства въ христіанскихъ странахъ Турціи, гдѣ извѣстная критская школа, заимствовала отъ итальянскихъ школъ. Такимъ образомъ живя на Вологдѣ, на родинѣ Строгановскаго письма, онъ является у насъ проводникомъ итальянскаго вліянія. Далѣе оппонентъ, высказавъ замѣчанія о недошедшей второй части статьи — иконописномъ подлинникѣ и о подлинникахъ Сахаровскомъ и сводномъ, далъ свое, предположительное, дѣленіе на школы: 1) подражаніе Византіи до XVI в., затѣмъ въ XVI в., западное вліяніе черезъ Новгородъ и Псковъ, а какъ теперь оказывается, и черезъ Грецію; 2) эпоха возрожденія русской иконописи,—и только. Что касается дальнѣйшихъ дѣленій, то слишкомъ большая честь—называть ихъ школами, но все-таки въ каждой мѣстности есть мѣстный колоритъ и извѣстные приемы, и въ этомъ отношеніи должно обратить вниманіе на южно-русскія иконы. М. И. Успенскій продолжалъ считать болѣе чѣмъ сомнительнымъ западное вліяніе черезъ Новгородъ и Псковъ: если было западное вліяніе, то черезъ Москву, гдѣ жило много иностранцевъ. И. М. Покровскій обратилъ вниманіе на матеріалъ заключающійся въ приходо-расходныхъ книгахъ епархіальныхъ архіереевъ. Предсѣдатель Отдѣленія, Н. В. Покровскій отмѣтилъ тотъ фактъ, что пересмотръ вопроса о школахъ иконописи является назрѣвшимъ. Сдѣланные нынѣ сообщенія, не даютъ рѣшенія этому весьма сложному вопросу, но важно то, что они ставятъ его на очередь и вмѣстѣ съ дополненіемъ, сдѣланнымъ Н. И. Петровымъ, вносятъ больше ясности въ эту область.

3. О. А. Фотинскій прочелъ докладъ: *Побратимство и чинъ братотворенія*. (Т. II ч. 2).

М. И. Успенскій обратилъ вниманіе на разнорѣчіе о чинѣ братотворенія литургическихъ и юридическихъ памятниковъ русской церкви XVII вѣка: въ Іосифовскихъ, на примѣръ, Потребникахъ этотъ чинъ помѣщенъ безъ оговорки объ его запрещеніи, но въ номоканонѣ при тѣхъ же самыхъ Потребникахъ братотвореніе называется „законопреступнымъ“. Покойный А. С. Павловъ объяснялъ запрещеніе тѣмъ, что заговорщики соединялись этимъ чиномъ.

Н. В. Покровскій указалъ референту что чинопослѣдованія, изданныя Гоаромъ, не обнимаютъ всей полноты греческихъ литургическихъ источниковъ, и отсутствіе въ Евхологонѣ Гоара молитвъ, помѣщенныхъ въ славянскихъ потребникахъ, не можетъ служить доказательствомъ славяно-русскаго происхожденія этихъ молитвъ. Указавъ затѣмъ на отмѣченныя въ рефератѣ аналогіи въ чинопослѣдованіяхъ братотворенія и таинства брака, проф. Покровскій рекомендовалъ референту расширить кругъ своихъ наблюденій и продолжать работу въ началомъ направленія.

4. Проф. прот. І. Н. Корольковымъ сдѣланъ докладъ: *Изображеніе эллинскихъ мудрецовъ и сивиллъ въ русскіхъ православныхъ храмахъ*. Сказавши, что въ храмахъ Москвы, Новгорода, Пскова, Владимира и др. встрѣчаются изображенія греческихъ философовъ и сивиллъ съ ихъ изреченіями на свиткахъ, докладчикъ обратилъ вниманіе на эти изреченія, содержащія въ себѣ христіанскія истины и возвышенныя нравственныя сентенціи. На востокѣ,—напр., на Аѳонѣ,—греческіе мудрецы издавна изображались съ подобными изреченіями.

Н. И. Троицкій указалъ на составленную имъ брошюру, въ которой излагаются свѣдѣнія о сивиллахъ. Проф. Н. И. Петровъ замѣтилъ, что изображенія сивиллъ появляются въ Россіи въ XVII в. и по всей вѣроятности западнаго происхожденія.—М. И. Успенскій напомнилъ, что у Максима Грека есть сочиненіе о сивиллахъ и числѣ ихъ, koliko есть. Н. В. Покровскій сказалъ, что древнѣйшими памятниками съ изображеніями сивиллъ служатъ извѣстныя врата въ соборахъ въ Москвѣ и въ Костромскомъ Инятѣевскомъ мона-

стырѣ, относящіяся къ концу XVI столѣтія, и что эти изображенія представляютъ собою уклоненіе отъ общепринятаго тогда въ Россіи иконописнаго стиля, — стиль ихъ западный (открытое лицо и грудь, распушенные волосы, свободная драпировка одежды). — Это даетъ основаніе думать, что генезисъ ихъ надо искать на Западѣ, а не на Востокѣ, — можетъ быть, въ миниатюрахъ лицевыхъ библій, столь распространенныхъ на Западѣ и изобилующихъ параллелизмами и сопоставленіями. Если же въ ряду памятниковъ русскихъ XVII—XVIII вв. иногда встрѣчаются изображенія философовъ и сивиллъ съ признаками иконописнаго стиля, то это есть переработка стиля западнаго русскими иконописцами: аналогичные примѣры нерѣдко можно видѣть въ лицевыхъ рукописяхъ Страстей Господнихъ. Впрочемъ, въ настоящее время, при недостаточной еще полнотѣ наблюденій въ рѣшеніи этого вопроса, мы не можемъ выйти изъ области гипотезъ.

В. И. Сизовъ отмѣтилъ любопытное перемѣщеніе сивиллъ, помѣщаемыхъ сначала въ притворѣ (двери), затѣмъ въ самомъ храмѣ и наконецъ на клиросахъ. М. П. Истомина указала на ученическіе рисунки сивиллъ изъ Лаврской школы XVII в. въ библиотекѣ Киево-Печерской Лавры.

11-го августа. 2¼ ч. дня.

Отдѣленіе VI—Памятники языка и письма.

Почетный Предсѣдатель: П. В. Владиміровъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Н. И. Петровъ.

Секретари Отдѣленія: А. К. Бороздинъ и Б. А. Тураевъ.

Проф. Д. И. Абрамовичъ: *Къ вопросу объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Нестора Лѣтописца* (Т. II, ч. 2).

2. Н. В. Волковъ. *О древнѣйшихъ церковно-славянскихъ нотныхъ книгахъ*. Одной изъ задачъ историческаго изученія памятниковъ церковно-славянскаго языка является возстановленіе его въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ въ моментъ появленія въ письменности при Кириллѣ и Мефодіи и ихъ сподвижниковъ, т. е. во 2-ую половину IX и въ нач. X в. Между главными источниками знакомства съ этой порой церковно-слав. языка должны занять весьма крупное мѣсто нотныя книги, несмотря на то, что онѣ идутъ лишь съ конца XI и первой половины XII в. По особеннымъ условіямъ своего письма, онѣ и въ болѣе позднихъ спискахъ до такой степени сохранно удерживаютъ нѣкоторыя изъ чертъ древняго происхожденія, что нотныя книги XIII вѣка оказываются болѣе архаичными, чѣмъ ненотныя списки XI в.

Нотными книгами называются такіе списки церковныхъ пѣснопѣній, въ которыхъ текстъ сопровождался нотными знаками. Отъ древняго времени дошли до насъ нотные стихирари, кондакари, ирмологи, тріоди, трефологи или мянеи, избранвыя и полныя книги миней служебныхъ; позднѣе являются нотные октоихи и обиходы. Системъ нотнаго обозначенія было двѣ — знаменная и кондакарная, обѣ безлинейныя, но съ тою разницею, что кондакарная, кромѣ постановки требуемой ноты надъ каждою гласною, прибѣгала еще къ растяженію ея посредствомъ повторенія для указанія силы тона. Обѣ системы нотъ славяне унаслѣдовали отъ византійскихъ грековъ, у которыхъ гимнографія получила блестящее развитіе въ VIII и IX вѣкахъ.

Кондакарная система была такъ рѣдка у грековъ, что въ настоящее время сохранились лишь слѣды ихъ, но не дошло ни одного полного кондакаря. Тоже явленіе замѣчается и въ русской письменности, гдѣ нотныя кондакари исчезаютъ уже въ XIII вѣкѣ.

Церковнославянскія нотныя книги сохранились только въ русскихъ спискахъ и въ одной Россіи, но по переводу и языку онѣ древне-болгарскаго происхожденія. До насъ дошло 50 нотныхъ списковъ XI—XIV вв. Южно-славянскихъ нотныхъ списковъ не сохранилось, но, какъ показываетъ сравненіе русскихъ нотныхъ списковъ съ южно-славянскими ненотными, переводъ и языкъ въ тѣхъ и другихъ были одни и тѣ же. Между русскими списками есть, впрочемъ, одинъ—XIII в., представляющій собою копію съ болгарскаго нотнаго списка конца XII или начала XIII в.

Переводъ и положеніе на ноты главнѣйшихъ пѣснопѣній произошло уже въ кирилло-меодіевскую эпоху, а потомъ нотныя книги исправлялись и дополнялись. Въ числѣ особенностей перевода слѣдуетъ отмѣтить приспособленіе славянскаго текста къ греческому и по стихотворному размѣру, выразившееся главнымъ образомъ въ сохраненіи количества слоговъ греческаго подлинника.

Самое важное значеніе нотныя книги имѣютъ для изученія древняго языка, такъ какъ характеръ нотнаго обозначенія помогъ ему удержать въ замѣчательной неприкосновенности нѣкоторыя весьма древнія черты. Въ особенной цѣльности является въ нотныхъ книгахъ система глухихъ гласныхъ Ѣ и Ъ, которыя уцѣлѣли въ нотныхъ книгахъ, какъ ни въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковносл. языка. Далѣе, нотныя книги даютъ богатый матеріалъ для рѣшенія вопроса о распространенности формъ съ колеблющимся количествомъ слоговъ и о тѣхъ случаяхъ, гдѣ могло быть стяженіе, а иногда и для опредѣленія характера звука—въ кондакарной системѣ.

Однимъ словомъ, значеніе нотныхъ списковъ состоитъ въ томъ, что онѣ содержатъ въ себѣ весьма цѣнныя данныя для выясненія нѣкоторыхъ сторонъ древняго болгарскаго языка и даютъ возможность отыскать первую редакцію перевода церковныхъ пѣснопѣній съ греческаго языка на славянскій, совершеннаго въ кирилло-меодіевскую эпоху.

А. С. Раевскій обратилъ вниманіе докладчика на необходимость выяснить, не было ли въ употребленіи въ церковно-славянскихъ нотныхъ книгахъ, подъ вліяніемъ уніи или ранѣе, доселѣ существующей въ нѣкоторыхъ католическихъ церковныхъ книгахъ 4-хъ линейной нотной системы (*cantus firmus*), и на возможность пополнить списокъ древнѣйшихъ нотныхъ книгъ по книгамъ присланнымъ въ послѣдніе годы въ Московское синодальное училище церковнаго пѣнія.

11-го августа, 7^{1/2} ч. вечера (Актовый залъ).

VIII Отдѣленіе съѣзда—Древности южныхъ и западныхъ славянъ.

Почетный Предсѣдатель: Л. Г. Милетичъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: В. И. Ламанскій.

Секретари Отдѣленія: В. Н. Златарскій и Н. Э. Глокке.

Предсѣдатель Отдѣленія проф. В. И. Ламанскій объявилъ, что Почетнымъ Предсѣдателемъ настоящаго засѣданія избранъ профессоръ высшаго училища (университета) въ Софіи

Л. Г. Милетичъ, стяжавшій себѣ почетную и вполне заслуженную извѣстность своими солидными трудами въ области славянской филологіи вообще и болгарской въ частности.

Л. Г. Милетичъ благодарилъ за оказанную честь, принимаемую имъ какъ знакъ уваженія, выраженный болгарскому университету, представителемъ котораго онъ явился вмѣстѣ со своими товарищами. Въ освобожденной соединенными усилиями русскаго и болгарскаго народа Болгаріи вскорѣ послѣ освобожденія былъ созданъ и храмъ высшей науки. Въ его основаніе была положена преимущественно русская наука и литература, на которой уже было воспитано цѣлое поколѣніе. И теперь еще подъ непосредственнымъ и почти исключительнымъ вліяніемъ русской науки и литературы продолжаетъ воспитываться и развиваться громадное большинство болгарской интеллигенціи. Опираясь на все, что было до сихъ поръ сдѣлано русскими и другими славянскими учеными, болгары надѣются на то, что и они будутъ въ состояніи прогрессировать въ наукѣ параллельно съ ними и внесутъ со временемъ свою лепту въ сокровищницу славянской науки. Въ почетѣ, который ему оказанъ Съѣздомъ, проф. Милетичъ видитъ весьма утѣшительный знакъ вниманія и нравственной поддержки со стороны русскихъ ученыхъ, въ чемъ болгарская наука такъ нуждается для своего дѣйствительнаго успѣханія.

1. Т. Д. Флоринскій. *О происхожденіи и имени моравскихъ Валаховъ.*

Въ юго-восточной Моравіи, въ области рѣки Бечвы, на склонахъ западныхъ Карпатовъ, на территоріи мѣстечекъ Злина, Вызовиць, Всетина, Валашкинъ Клобуковъ и др. живетъ этнографическая разновидность моравскаго племени, не превышающая по своей численности 150,000 душъ и называемая валахами. Этотъ пастушескій народъ, занимающійся преимущественно овцеводствомъ, сохранилъ въ своемъ быту много патриархальныхъ чертъ, народныхъ пѣсенъ, старинныхъ преданій и сказокъ. Валашское нарѣчіе считается однимъ изъ самыхъ консервативныхъ и отличается наибольшей чистотой и красотой изъ всѣхъ чехо-моравскихъ нарѣчій, приближаясь къ языку сосѣднихъ словаковъ. Одну изъ особенностей нарѣчія моравскихъ валаховъ составляетъ присутствіе въ немъ нѣкотораго количества словъ румынскаго происхожденія. Интересъ къ этому народу возникъ въ сравнительно недавнее время, вопросъ объ его языкѣ и происхожденіи былъ предметомъ оживленнаго обсужденія въ печати. Мнѣнія ученыхъ по этому вопросу раздѣлились на двѣ группы: одни видятъ въ моравскихъ валахахъ слѣды румынской крови и считаютъ ихъ въ болѣе или меньшей степени ославяненными румынами. Другіе, напротивъ, отрицаютъ ихъ этническое сродство съ румынами, считая ихъ исконнымъ чистымъ славянскимъ народомъ. Представителями перваго мнѣнія являются братья Иречки, Д. П. Мартіану, Франць Миклошичь, который, главнымъ образомъ, развилъ и обосновалъ эту теорію, Франць Бартошь, Пастрнекъ, Маляновскій и румынскій ученый Бурада. Подъ вліяніемъ болѣе внимательныхъ наблюденій надъ языкомъ и народностью моравскихъ валаховъ и ихъ ближайшихъ сосѣдей словаковъ и польскихъ горалей, возникло второе мнѣніе объ ихъ исконномъ славянскомъ происхожденіи. Представителями этого мнѣнія являются проф. Пячь, І. Шкультети, словенскій писатель и филологъ, и М. Вауловекъ, такъ много сдѣлавшій для изученія моравской Валахіи. Непосредственныя наблюденія референта надъ моравскими валахами въ теченіе лѣта 1898 года привели его къ заключенію, что народъ этотъ представляетъ исконное славянское племя, не имѣющее этнической связи съ румынами. Доказательства приводимыя проф. Т. Д. Флоринскимъ въ пользу этой теоріи, сводятся къ слѣдующему:

1) Физическій видъ, особенности быта, преданія, пѣсни и самый языкъ моравскихъ валаховъ указываютъ на то, что они представляютъ типъ чистаго славянскаго народа, близко

стоящаго, съ другой стороны, — къ прочимъ вѣтвямъ моравскаго племени, съ другой — къ угорскимъ словакамъ.

2) Черты языка и быта заставляютъ считать моравскихъ валаховъ выселенцами изъ области угорскихъ словаковъ и прилегающихъ моравскихъ областей.

3) Не имѣется никакихъ историческихъ указаній или преданій о поселеніи румыновъ на территоріи моравскихъ валаховъ.

4) Присутствіе въ ихъ языкѣ нѣкотораго количества словъ румынскаго происхожденія не можетъ служить доказательствомъ распространенія румынскаго населенія въ предѣлахъ моравскихъ валаховъ, такъ какъ:

а) словъ этихъ немного, — не болѣе двухъ, трехъ десятковъ, при томъ почти всѣ они относятся къ обозначенію предметовъ пастушескаго быта;

б) такія слова, даже въ еще большемъ количествѣ, встрѣчаются въ языкѣ сосѣднихъ славянскихъ племенъ: словаковъ, польскихъ горалей и др. Присутствіе этихъ словъ указываетъ только на общеніе вышеупомянутыхъ славянскихъ племенъ съ румынскими пастухами.

5) Названіе „валахи“ не можетъ указывать на румынское происхожденіе. Оно первоначально не имѣло значенія собственнаго имени народа, а лишь нарицательнаго его прозвища сообразно съ занятіемъ. До сихъ поръ еще у многихъ славянскихъ народовъ пастухи называются валахами (словацк.-volach). Единственная трудность въ этомъ вопросѣ состоитъ въ полногласіи формы „валахъ“.

Ю. И. Поливка, вполне согласившись съ мнѣніемъ референта, въ дополненіе указалъ на готовящуюся къ печати статью Прасека въ „Этнографическомъ сборникѣ“, приводящую историческую документъ о незначительности здѣсь румынскаго элемента.

В. И. Ламанскій отмѣтилъ любопытное сходство въ бытѣ горцевъ сѣверной Италіи, Тироля и моравскихъ валаховъ. Возможно, что „валахъ“ не дифференцированная форма, а древняя, ибо и въ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ русскаго, возможны полногласныя формы, напр. въ сербскомъ. Самое слово „Моравія“ кельтскаго происхожденія, и въ Шотландіи есть графство этого имени.

И. П. Филевичъ, въ дополненіе къ мнѣнію референта о славянскомъ происхожденіи моравскихъ валаховъ, указалъ: 1) на схему физическихъ признаковъ дѣтей школьнаго возраста Чехіи, Моравіи и Силезіи, гдѣ повсюду наблюдается одинъ обще-славянскій типъ, и во 2) на топографическую карту области моравскихъ валаховъ съ подробной помеклатурной и полнымъ отсутствіемъ дублетовъ въ названіяхъ. Далѣе должно отмѣтить: воложскія поселенія въ Галиціи XIV в., значеніе воложскаго права тамъ; „волоховъ“ въ описяхъ венгерскихъ комитатовъ — гдѣ оказывается рѣчь о славянахъ; наконецъ волоховъ на первой страницѣ нашей лѣтописи. Въ заключеніе оппонентъ указывалъ на важности и необходимость изслѣдованія Прикарпатской области, предложеннаго еще на Рижскомъ Съѣздѣ А. С. Будиловичемъ.

Проф. М. М. Мурко указалъ вкратцѣ на необходимость осторожности въ пользованіи этнологическими данными.

2. Проф. В. Н. Златарскій. *Гдѣ нужно искать первую болгарскую столицу.*

Обыкновенно первой болгарской столицей считаютъ Преславъ (у византійцевъ—*ἡ μεγάλη Πρεσλάβα*), который находился въ 20 километрахъ къ юго-западу отъ гор. Шумлы. Этотъ городъ, по описанію Іоанна Экзарха, отличался красотой и богатствомъ, но, къ сожалѣнію, отъ него теперь ничего не осталось надъ землею, кромѣ трехъ кусковъ отъ стѣнъ, такъ называемаго „внутренняго города“ т. е. кремля. Несмотря на это, исходя изъ той мысли, что подъ землею что-нибудь да сохранилось, референтъ произвелъ тамъ пробныя раскопки, въ 1897 году, съ цѣлью констатировать, что осталось отъ древняго Преслава, и стоитъ-ли

предпринимать систематическія раскопки. Результаты этихъ изслѣдованій привели проф. Златарскаго къ заключенію, что на мѣстѣ стараго Преслава въ настоящее время можно различить два слоя, отдѣляемыхъ цѣлымъ рядомъ столѣтій: еракійскій и болгарскій, или, лучше Преславскій. По историческимъ даннымъ, а также и по археологическимъ остаткамъ древняго Преслава, референтъ доказываетъ, что Преславъ сталъ болгарскою столицей только со времени князя Бориса или же во всякомъ случаѣ не раньше крещенія болгаръ, резиденцію же первыхъ болгарскихъ князей до князя Бориса видитъ въ четырехугольномъ валѣ, который находится въ 5 километрахъ разстоянія на сѣверо-западъ отъ города Новый Базаръ (Шуменскій округъ) при селѣ Абоба. Въ этомъ четырехугольномъ валѣ различаются на поверхности земли три группы разрушенныхъ строеній, которыя носятъ у мѣстнаго турецкаго населенія названія „Гисаръ-Ери“ т. е. мѣста крѣпости, „Сарай-Ери“ — мѣсто дворца, и „Килисе-Ери“ — мѣсто церкви. По рассказамъ мѣстныхъ жителей, эти мѣста служили долгое время туркамъ каррьерерами по доставкѣ хорошо обтесаннаго готоваго камня для постройки частныхъ и общественныхъ зданій. И теперь эти камни, испещренные особыми знаками, можно видѣть въ оградѣ мечети въ Новомъ Базарѣ.

Валъ имѣетъ форму почти правильнаго четырехугольника, длинныя стороны котораго, идущія съ сѣвера на югъ, тянутся на три километра, а узкія — на два. Внѣ вала, неподалеку отъ него, обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько отдѣльныхъ группъ могилъ, въ количествѣ отъ 8 до 14, расположенныхъ частью концентрически, частью рядами — по три или по четыре. Но особенный интересъ представляетъ такъ наз. „Девъ-Таши“ т. е. камни исполиновъ, которые также находятся внѣ вала, неподалеку отъ него. Это группа громаднхъ каменныхъ глыбъ неправильной формы, расположенныхъ въ стоячемъ положеніи весьма правильными рядами. Такія группы находятся въ 4 или 5 мѣстахъ на разстояніи $\frac{1}{2}$ километра отъ вала, и изъ нихъ лучше всего сохранилась южная группа, состоящая изъ 81 камня по 9 въ рядъ на разстояніи $4\frac{1}{2}$ метра одинъ отъ другаго. Референтъ, не считая себя компетентнымъ дать какія либо объясненія о назначеніи этихъ интересныхъ памятниковъ древности, замѣтилъ, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, какъ эти группы „каменей исполиновъ“, такъ и могильники находятся въ непосредственной связи съ тѣмъ городомъ, который былъ нѣкогда окруженъ этимъ четырехугольнымъ валомъ. Раньше предполагалось, что этотъ валъ вмѣстѣ со всѣми заключенными въ немъ постройками, представляетъ не что иное, какъ римскій лагерь. Однако изслѣдованія референта показали, что всѣ находящіяся здѣсь остатки носятъ на себѣ варварскій характеръ, и по происхожденію своему относятся къ значительно позднѣйшему времени, именно — къ эпохѣ первыхъ болгарскихъ князей, ибо:

1) Обычай окружать свою резиденцію высокимъ валомъ существовалъ у всѣхъ тюркско-татарскихъ повелителей. Не чужды были этого обычая и первые болгарскіе князья, или какъ они себя сами называютъ, ханы, какъ это видно изъ отвѣтовъ папы Николая I на вопросы князя Бориса.

2) Сходство въ устройствѣ четырехугольнаго вала при деревнѣ Абоба съ пограничнымъ валомъ между Византіей и Болгаріей, извѣстнымъ подъ именемъ „Эркессія“, и относящимся ко времени болгарскаго князя Тервеля, преемника Аспаруха, — даетъ намъ основаніе отнести оба вала къ одной и той же эпохѣ.

3) Всѣ извѣстныя до сихъ поръ этнографическіе памятники, написанные на греческомъ языкѣ, но относящіяся къ исторіи Болгаріи до принятія христіанства, были открыты, а нѣкоторыя и до сихъ поръ находятся, въ ближайшихъ около этого четырехугольнаго вала турецкихъ деревняхъ и кладбищахъ и, по свидѣтельству мѣстныхъ жителей, были привезены изъ „Гиссара“ при селѣ Абоба. Какъ мѣстонахожденія этихъ надписей, такъ и самыя над-

писи, которыя, большею частью, относятся ко времени князя Омортага и сына его Маламира, референтъ считаетъ самымъ вѣскимъ доказательствомъ того, что какъ четырехугольный валъ, такъ и самый городъ, окруженный имъ, болгарскаго происхожденія.

4) Не менѣе говорятъ въ пользу этого и топографическія данныя, представляемыя извѣстной надписью Омортага, находящаяся въ церкви 40 муч. въ Тырновѣ,—о разстояніи вновь построенной имъ гробницы отъ стараго „Αὐλή“ и новаго построеннаго имъ же „преславнаго дома“ на Дунаѣ.

Всѣ эти данныя референтъ считаетъ вполне достаточными для доказательства, что резиденцію болгарскихъ князей до принятія христіанства нужно искать при селѣ Абоба, въ этомъ четырехугольномъ валѣ, и что Преславъ сталъ болгарскою столицей въ концѣ второй половины IX в.—фактъ, который несомнѣнно находится въ тѣсной связи съ перемѣной религіи, на что ясно указываетъ событіе, послѣдовавшее въ Болгаріи тотчасъ послѣ крещенія — возстаніе бояръ. Князь Борисъ, быть можетъ, принужденъ былъ перенести свою столицу изъ стараго Αὐλή на мѣсто позднѣйшаго Преслава для того, чтобы уничтожить всякія воспоминанія о старой религіи и этимъ успокоить государство.

Въ заключеніе референтъ указалъ на то, что вопросъ этотъ онъ не считаетъ еще окончательно рѣшеннымъ и что только систематическія раскопки могутъ подтвердить справедливость его предположенія.

3. В. И. Ламанскій, не читая за позднимъ временемъ, представилъ *Замѣтку объ ясахъ аланыхъ*. Это несомнѣнно русская форма слова асы, имени аланъ. Въ нынѣшней Южной Россіи, гораздо ранѣе VI в. до Р. X., жили и господствовали скифы; во II же в. до Р. X. ихъ смѣнили соплеменные имъ сарматы. Значительная часть скифовъ несомнѣнно слилась съ соплеменными имъ сарматами, которые собственно утвердили вмѣсто скифской свою династію. Во II в. нашей эры падаетъ господство сарматовъ. При господствѣ готовъ, народности скифскія и сарматскія продолжали жить въ южныхъ нашихъ степяхъ, хотя и утратили свою силу и значеніе своихъ царей. Съ постепеннымъ появленіемъ съ IV в. въ этихъ краяхъ тюрковъ—въ лицѣ гунновъ, болгаръ, аваръ, хозаръ, печенѣговъ, половцевъ—точно также не исчезали остатки скифовъ и сарматовъ. Всѣ они мало по малу слились въ одну народность—аланскую, которая сохранилась и по выдѣленіи изъ себя не слабыхъ массъ, удалившихся далеко на западъ съ готами (въ Галлію, Испанію), вѣроятно также, хотя и не въ такомъ же числѣ,—съ гуннами Атилы и съ аварами. Во всякомъ случаѣ, въ XI—XIV в., и въ половецкое господство, и по покореніи прежнихъ половецкихъ степей татарами, исторія находитъ алановъ, асовъ, или по русски ясовъ,—въ Южной Россіи и потомъ вмѣстѣ съ половцами въ Молдавіи и далѣе на западъ—въ Венгріи.

Изъ свидѣтельствъ русскихъ лѣтописей XII в., французскаго путешественника Рубрика XIII в. мы знаемъ, что въ степяхъ черноморскихъ и въ Крыму жили аланы—ясы и русскіе. Византійскіе греки и арабскіе писатели (XIV в.) единогласно говорятъ о красивомъ типѣ ногаевъ и кипчаковъ. Надо полагать, что прежде половцы, а потомъ и ногаи были въ этихъ степяхъ господствующимъ, но далеко не исключительно, по количеству, преобладавшимъ элементомъ. Что алановъ-ясовъ было очень много (еще въ XIII—XIV в.), это видно изъ извѣстій арабскихъ писателей о кипчакахъ и Золотой ордѣ (см. сборн. Тизенгаузена), а также изъ извѣстій флорентинца Мариньолы, прожившаго въ Китаѣ около 5 лѣтъ (отъ 1339 или 1340 до пол. 1346 г.). По его словамъ, алановъ или ясовъ въ Китаѣ, въ его время было до 30 тысячъ, и вообще это „народъ большой и благородный, красивый и сильный“. Также отзывается объ аланыхъ (μεγάθυμον ἔθνος) и Георгій Пахимеръ, по случаю ухода отъ ногаевъ 16 тысячъ аланъ на службу къ византійцамъ. „Алане считаются лучшими,

какими ни на есть, всадниками на Востокъ¹⁾. Такъ отзывается объ этихъ аланахъ Каталонская хроника Раймона Мунтемера. Позже, въ 1322 году, мы снова, по свидѣтельству I. Кантакузена, находимъ аланъ подъ Филиппополемъ, у болгаръ — на этотъ разъ съ русскими¹⁾. Точно также, какъ въ 40-хъ годахъ XIV в., у монгольскихъ хановъ въ Китаѣ, одновременно съ аланами—ясами, служатъ и русскіе полки. Какъ въ IV в. съ готами отъ гунновъ ушла часть аланъ на западъ, такъ отъ татаръ въ 1238 г. часть аланъ ушла съ частью половцевъ въ Венгрію (при Белѣ IV). Раньше еще были аланы—ясы и въ Молдавіи (Куманіи) вмѣстѣ съ половцами и русскими (бродниками); память объ ясахъ сохраняется въ имени гор. Яссъ (Яши). Въ сербскомъ документѣ (Стефана Душана) упоминается подъ 1330 г. „господство Яшко“. — Послѣ поселенія половцевъ Кутена или Хотена въ Венгрію въ 1238 г. появляются въ ней и ясы — *Iassones, Iassini* (Iasones, Iasini по мадьярски *Iasz* во множ. — *Iaszok*). Въ XV в. въ грамотахъ Сигизмунда и позднѣе вм. этого слова появляется *Philistaei* отъ нѣм. *Pfeil—sagitta*, хотя употребляется и *Iazones, Iazones*, напр. 1425 *Philistaeorum seu Iazonum capitaneis*). Также эти ясы называются въ это же время и *Philistini*, иногда въ одномъ и томъ же документѣ. Съ Леопольда I является для ясовъ уже новое названіе *Языговъ* (1668), *Iazyges, Cumanii seu Philistaei; Philistaeos seu Iazyges*, 1673; *pro Iazygibus et Cumanis* 1696; *districtus Iazygum* (также *Iazygorum*) *et Cumanorum* (1702). (См. Fejér Cod. diplom. Hungariae T. VIII. V. III. Budaе 1832 pp. 5 sq.).

Слова *филитины* и *филитэи*, а также *языи* были названія ученых, искусственные, книжныя. Въ народѣ держалось и держится одно слово—*Iasz*. Гунфаловъ (Ethnogr. v. Ungarn. Budapest. 1877. Ss. 244) утверждаетъ, что *Iasz, Iaszok* есть тоже самое, что слово *ijász*—стрѣлецъ, отъ мадьярск. *y* — *стрѣла*. Но тутъ Гунфаловъ только повторяетъ старое утвердившееся въ Венгріи мнѣніе. Оно высказывалось уже и Чернигомъ въ 1855 г. (Ethnogr. d. Oest. Mon. B. II. Ss. 95 fig.), Фейеромъ (ib.) въ 1832 г., а вѣроятно и другими. Но это ничто иное, какъ народная этимологія. Если у мадьяръ нынѣ имѣется слово *yász* для стрѣлка, то съ какой стати для обозначенія половцевъ стрѣлками, они бы перемѣнили свое *yasz* на *Iasz*. Дѣло въ томъ, что *Iasz, Iaszok* есть русская и вообще славянская форма аланскаго *As* (*Os*), *яс*, *ясин*. На отдаленность *ясовъ* (*Iasones, Iassii*) отъ половцевъ, кумановъ, по мадьярски *куновъ*—указываетъ, что они всегда упоминаются хоть и вмѣстѣ, но особо — (съ союзомъ *et*). Если ясы венгерскіе были бы тѣже половцы, то для нихъ не было бы особаго названія; не нѣкоторые только половцы, а всѣ умѣли стрѣлять изъ лука. И выраженіе „стрѣльцы и куны“ не имѣло бы никакого смысла. Самое названіе *языговъ*, явившееся въ концѣ XVII в. въ официальной венгерской латини, скорѣе указываетъ на то, что еще до конца XVII в. ясы въ Венгріи отличались и своимъ типомъ, частью даже своимъ языкомъ и своимъ самосознаніемъ, и что кто-нибудь изъ ученыхъ и начитанныхъ людей въ Венгріи догадался, что ясы—аланы,—слѣдов. сарматы, и какъ въ Паноніи еще до 567 года жили аланы, ушедшіе въ 568 г. съ лангобардами въ Италію, то и сдѣлано было предположеніе, что ясы—остатки сарматовъ, языговъ, жившихъ нѣкогда на Тиссѣ; на аланское же, вранское происхожденіе ясовъ венгерскихъ указываютъ и нѣкоторыя личныя имена этихъ ясовъ, *Iaszok, Iasinorum*, случайно сохранившіяся до насъ въ латино-венгерскихъ грамотахъ. Напр., въ грам. Карла Роберти 1323 г., данной нѣкоторымъ ясамъ. (Fejér Cod. dipl. T. VIII. Vol. III. pp. 472—474)—*Larsan filius Zocan, Iwaskan filius Furduh, Iakolus filius Keskene, Charreth filius Ambultan, Demetrius filius Pubul, Stephanus filius Bugzan, Paulus filius Mokzun*

¹⁾ Отрядъ 1000 всадниковъ аланъ и болгаръ и двѣ тысячи нѣхотинцевъ, легковооруженныхъ, съ короткими щитами. Называютъ ихъ *махиотатои*.

Andreas, Chakan, Zakaraz, et Georgius filius ejusdem, Demetrius filius Kurman, Huvz, Arpan, Andreas filius Zvagan, Zaduch filius Kolhen, Georgius filius Magyar, et Petrus filius Chomor, Iazones fideles nostri. Останавливаясь на этихъ личныхъ именахъ, мы находимъ, что изъ 18 человекъ (ясовъ) 10 носятъ имена христіанскія—все хотя не безызвѣстныя и римскимъ католикамъ, но преимущественно, обычныя у христіанъ восточныхъ. Какъ при нѣкоторыхъ лицахъ обозначены имена ихъ отцовъ, то мы собственно имѣемъ здѣсь не 18, а 30 личныхъ именъ. Сверхъ 10 христіанскихъ, мы имѣемъ слѣдовательно 20 личныхъ именъ. Изъ нихъ, за исключеніемъ *Magyar*, если не всѣ остальные 19, то, по крайней мѣрѣ значительное ихъ большинство, не тюркскаго, а иранскаго облика и характера. Половцы въ Венгріи этого времени (1320 г.) были по большей части еще язычниками, и принявшіе христіанство крестились по латинскому обряду и получали имена, болѣе употребительныя у латинянъ. Положимъ и у половцевъ, какъ и у прежнихъ черноморскихъ турокъ, было сильно вліяніе иранское и не мало иранскихъ словъ и именъ (напр. Асанъ, Асѣнь) перешли къ половцамъ; тѣмъ не менѣе невѣроятно, чтобы изъ случайно взятыхъ венгерскихъ половцевъ (буде ясы—половцы) всѣ (какъ надо полагать, имена нехристіанскія нѣкоторыхъ изъ этихъ ясовъ или отцовъ ихъ еще не говорятъ объ ихъ язычествѣ)—были христіане и притомъ все греко-восточной церкви; что значительное большинство ихъ именъ были иранскія, а не тюркскія.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса объ этихъ *Iasz, Iaszok*, необходимо собрать весь доступный матеріалъ о венгерскихъ ясахъ (изъ старыхъ грамотъ), а также произвести антропологическія и лингвистическія наблюденія на мѣстахъ, гдѣ упоминаются въ грамотахъ эти ясы, въ особенности въ такъ называемомъ дистриктѣ языговъ и кумановъ (*Iasz-Nagy, Kun-Szolnok*), или въ сѣверо-вост. части великой Куманіи прежней Венгріи (*Magyarország*) гдѣ г. Ясъ-Берень (*Iasz-Berény*).

По многочисленности алановъ-ясовъ въ сѣверномъ Черноморьи, можно заключать, что въ нихъ слились всѣ прежнія разновидности скиѣскія и сарматскія. Изъ свидѣтельствъ русскихъ лѣтописей, Рубриквиса, Мариньолы, китайскихъ, арабскихъ и византійскихъ источниковъ (XIII—XIV в.) видно, что и въ X—XIV в. аланы были довольно многочисленны и сильны, не только какъ отличная кавалерія, но и какъ народъ христіанскій, довольно культурный, имѣвшій своихъ ремесленниковъ, мастеровъ, купцовъ, жившій въ городахъ (Галичъ, Чешюевъ, Сугровъ). За это время они играли извѣстную роль и въ Китаѣ, у монгольскихъ хановъ, и въ Египтѣ—въ Александріи, и въ Виз. Имперіи, и въ Болгаріи, и въ Молдавіи и въ Венгріи. Но всего продолжительнѣе и, надо полагать, сильнѣе было вліяніе этихъ алановъ и предковъ ихъ сарматовъ и скиѣовъ на славянъ вообще, а съ VI—VII на славянъ впоследствии русскихъ. Наши берладники и особенно бродники приняли несомнѣнно въ себя много элементовъ скиѣо-сарматскихъ и отчасти тюркскихъ. Впрочемъ, всѣ тюрки черноморскіе несомнѣнно подвергались болѣе или менѣе сильному вліянію иранскому, такъ какъ владычество большинства тюрковъ на Черноморьи было вообще непродолжительно. Самое продолжительное тюркское владычество принадлежало татарамъ (нагаи, крымцы) въ нихъ слились всѣ остатки прежнихъ тюркскихъ племенъ, какъ въ алановъ слились нѣкогда остатки скиѣовъ и сарматовъ. Но почти пятнадцатое татарское владычество на Черноморьи было короче и слабѣе владычества скиѣо-сарматскаго. Эти иранскія стихіи, болѣе способныя и культурныя, чѣмъ тюркскія, имѣли на все славянство и на сосѣднихъ финновъ вліяніе болѣе продолжительное, болѣе глубокое и несравненно болѣе благотворное. Эта же иранская стихія имѣла несомнѣнно вліяніе и на владычество готовъ въ Черноморьи въ IV в., такъ какъ нельзя предполагать прочнаго здѣсь утвержденія готовъ и развитія какой-либо военной и политической ихъ здѣсь силы. Частые ихъ походы и набѣги 720 г. (иногда цѣлыми массами) на Ви-

завтійскую Имперію заставляють предполагать, что готы были недовольны своимъ положеніемъ на Черноморьѣ и искали себѣ новыхъ, болѣе удобныхъ и привольныхъ жилищъ.

Въ объясненіе ясскихъ личныхъ именъ:

Keskene — см. *Kesken*—*Kiskēn* (Justi Iranisches Namenbuch. Marburg. 1895. 4°).

Larzan, м. б., *Ardazanēs* (ib.) *Lanzan* сравн.—*Manoyonan* (ib.).

Furduh, сравн. *furt* оссет. (chur). Φοῦρτας надп. Тап. Латышевъ II, № 451 (Justi ib.).

Charet сравн. *Narectaspa*, *Hartasp.* (ib.).

Chakan, можетъ быть и иранское: сравн. *Xākī*, *Xakpai*, *Xaksar* оконч. ап очень обычно. Мож. б. и *Sahan*. (Justi).

Kurman—очень обычное оконч. *man*: *Λίσχυμάνης*, массагетъ, копьеносецъ у Велизарія (Proc. 2, 81), *Andiman* (Justi). *Kur*—солнце. *Kuru*, *Kuruhan* (Justi).

Arpan—сравн. *Arpas*, *Arpates*, *Harpates* (Justi),

Chmoz—срвн. *Xamus* (Justi)—молчаливый.

Hurz—сравн. *Xordad*, *Xurdad*, также—*Xurdek*, мож. б. и *Xurōs*, *Xurōsi*, *Xurōzūn*, *Xūrs* (Justi).

Beegzan—сравн. *Wehactan*, *Wehdan* (Justi).

Mokzun—сравн. *Muškan*, *Mōkkas*, *Mōkkos*, *Mokkous* (Justi, Латыш., I и II т.), *Mā-kajos* (лат. вин. пад.), *Mākān* (Justi).

Оконч. на *un*: *Arbun* (Justi).

Zackaraz—мож. б. *Sakar* (сахаръ) или *Sahrzad*—*Satrwaraz* (Justi).

Zvagan—сравн. *Sawah*—*Sabakes* (Justi).

Zaduch—срвн. *Sagducht*, *Sahakduxt* (ib.).

Kolthen сравн. *Kalāhun*, *Kalager* (ib.).

Zokan—срвн. *Šahan* или *Šahen*, *Sahin* (ib.).

Iwackan, *Iakanah* или *Iakand* (ib.).

Мѣстные извѣстія въ Венгріи, связанныя съ ясами: въ дистриктѣ *iaszszag* — *Iász-Berény*, *Iász-Apathi*, *Iász-Ladány*, въ жупаніи Пештинской *Iácsfalu*, въ жуп. Абаунварской *Iászo-Debröd*, *Iászd-Mindszent*, *Iászd-Ufalu*. И можетъ быть еще въ Трансильваніи въ округѣ Фагарашскомъ—*Iász* у Мадьяръ, *Iaszzi* у нѣмц. и *Iaszzi* у румынъ и въ столицѣ (*sedes*) Удвархельской—*Ias* и *Iaszfalva*—Мадьяръ.

Экспедиція членовъ XI Археологическаго Съѣзда.

11 августа, по приглашенію извѣстнаго любителя и знатока кievскихъ древностей Б. И. Ханенко, члены XI Археологическаго Съѣзда, въ числѣ около 40 человекъ, совершили экскурсію для производства раскопокъ въ мѣстности, расположенной въ 70 верстахъ отъ Кіева, внизъ по Днѣпру, причемъ пароходъ „Бѣжица“, былъ любезно предоставленъ участникамъ поѣздки директоромъ пароходства по Днѣпру Д. С. Марголинымъ. Отчаливъ въ 7 час. утра, пароходъ около часу дня прибылъ къ мѣсту назначенія. Здѣсь на высокомъ берегу Днѣпра ожидали уже членовъ экскурсіи экипажи, въ которыхъ они и прослѣдовали къ мѣсту раскопокъ, находящемуся верстахъ въ 5 отъ берега Днѣпра.

Прежде всего было приступлено къ раскопкамъ въ окрестностяхъ дер. Гребени, Ржищевской волости, Кіевской губ. и уѣзда, на землѣ помѣщика І. А. Байковскаго.

В. В. Хвойкой накануне экскурсії было подготовлено нѣсколько обширныхъ траншей, въ которыхъ были обнаружены чрезвычайно интересные остатки посуды и орудій человѣка, если не каменнаго, то начала бронзоваго вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ были найдены значительныя скопленія рѣчныхъ раковинъ изъ рода *unio*, служившихъ первобытному человѣку пищей или, быть можетъ, для примѣси къ глинянъ гончарныхъ издѣлій, въ которой онѣ и были найдены въ измельченномъ видѣ.

Покончивъ съ обзоромъ этого любопытнаго селища, участники экскурсії сдѣлали короткій переѣздъ на другое поле, гдѣ ихъ ожидали приготовленные уже В. В. Хвойкой два вскрытыхъ кургана, содержащихъ погребеніе скинскаго типа. Содержаніе этихъ кургановъ не отличалось богатствомъ, хотя должно замѣтить, что раскопки обоихъ кургановъ не были доведены до конца за недостаткомъ времени. Тѣмъ не менѣе, въ первомъ изъ нихъ былъ найденъ глиняный сосудъ, содержащій жженыя кости жертвенныхъ животныхъ, а нѣсколько ниже 2 другихъ сосуда, распавшихся совершенно при извлеченіи ихъ изъ земли. Во второмъ курганѣ, неглубоко отъ поверхности, былъ открытъ костякъ, лежавшій на лѣвомъ боку, въ скорченномъ положеніи, указывающемъ на значительную древность погребенія; въ головахъ стоялъ глиняный сосудъ, наполненный жжеными костями. Послѣ завтрака, гостепривно предложеннаго владѣльцемъ имѣнія І. А. Байковскимъ въ его прекрасномъ барскомъ домѣ, экскурсанты перешли на третье поле, гдѣ вскрыто селище того же типа, какъ и на первомъ. Во время раскопокъ, между прочимъ, были найдены двѣ большихъ вазы съ оригинальнымъ орнаментомъ. Вечеромъ, на возвратномъ пути Б. И. Ханенко угощалъ членовъ поѣздки обѣдомъ на пароходѣ.

12-го августа, 10 часовъ утра.

Х Отдѣленіе—Памятники археографическіе.

Почетный предсѣдатель: В. С. Иконниковъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: П. В. Голубовскій.

Секретари Отдѣленія: М. В. Довнаръ-Запольскій и Н. Г. Николаевъ.

1. О. И. Левицкій. *О судьбѣ актовыхъ книгъ, относящихся къ исторіи Юго-западнаго края и Малороссіи.* (Т. I, ч. 1).

По предложенію было А. В. Половцева почтена вставаніемъ память того архивиста, который, какъ указывалъ докладчикъ, спасая во время пожара ввѣренный архивъ, палъ жертвою пламени.

А. И. Маркевичъ указалъ, что поддѣлка документовъ, видимо практиковалась и въ Департаментѣ герольдіи, гдѣ иногда ложнымъ документамъ давали вѣру. Такіе случаи обнаружались въ царствованіе Александра III, когда въ уѣздѣ оппонента снято было дворянство съ лицъ 30—50 лѣтъ считавшихся дворянами. Такимъ же образомъ снято было и княжеское достоинство.

2. Докладъ Е. Ф. Шмурло, *Объ учрежденіи русской археографической комиссіи при Ватиканскомъ музее* былъ прочитанъ М. В. Довнаръ-Запольскимъ. (Т. II, ч. 1).

Принципы доклада были одобрены Отдѣленіемъ и послѣ обмѣна мыслей и выслушанія соображеній проф. Самоквасова и г. Раевского, было рѣшено ходатайствовать объ учрежденіи въ проектируемомъ археологическомъ институтѣ въ Римѣ археологической секціи.

12-го августа, 2¹/₂ часа дня.

II Отдѣленіе—Древности историко-географическія и этнографическія.

Почетный Предсѣдатель: П. Н. Милюковъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. И. Багалъй.

Секретарь Отдѣленія: О. А. Фотинскій.

1. А. В. Половцевъ: *О малороссійскихъ казакахъ на французской службѣ въ 1646 г.*, (на основаніи неизданныхъ архивныхъ документовъ). Н. И. Костомаровъ мелькомъ упоминаетъ о томъ, что 2400 казаковъ было послано въ 1646 году во Францію и что они принимали участіе въ осадѣ Дюнкерка. Для выясненія этого любопытнаго эпизода, докладчикъ побывалъ въ Дюнкеркѣ, но тамъ не нашелъ никакихъ данныхъ, равно какъ и въ архивахъ Лилля и Брюсселя. Печатные первоисточники, касающіеся осады Дюнкерка, А. В. Половцеву удалось найти лишь въ Национальной библиотекѣ въ Парижѣ, а совершенно неизвѣстные рукописные матеріалы—въ архивѣ принцевъ Конде, въ замкѣ Шампильи, въ Парижѣ. Тамъ имъ найдены подлинныя письма кардинала Мазарини и другихъ лицъ къ принцу Конде, осаждавшему Дюнкеркъ въ 1646 году; въ нихъ встрѣчаются различныя подробности объ экспедиціи казаковъ во Францію. *Поводомъ* къ отправленію казаковъ въ Дюнкеркъ послужила просьба принца Конде и кардинала Мазарини, обращенная къ королю Владиславу IV, прислать вспомогательныя войска противъ испанцевъ. Не имѣя свободныхъ войскъ, Владиславъ предложилъ добровольцамъ-казакамъ двинуться во Францію. Казаки были отправлены *морскимъ путемъ*; сѣли на суда въ Гданскѣ (Данцигѣ), вышли на берегъ въ Кале. *Количество* казаковъ можетъ быть опредѣлено лишь приблизительно. Было 10 полковъ, слѣдовательно всего отъ 2000 до 2500 человекъ. *Условія*, хотя и были заключены французскимъ правительствомъ съ казаками, но очень неопредѣленныя, вслѣдствіе чего казаки нѣсколько разъ протестовали и посылали своихъ уполномоченныхъ въ Фонтенебло для переговоровъ. *Участіе въ осадѣ* казаки принимали очень дѣятельно. Сперва опасались, что они не подготовлены къ осадной войнѣ, но затѣмъ ихъ пускали въ дѣло постоянно. Отрядъ ихъ участвовалъ и въ торжественномъ вступленіи въ Дюнкеркъ. *Судьба казаковъ послѣ* осады не вполне ясна. Часть ихъ перешла къ испанцамъ, вѣроятно вслѣдствіе неаккуратной уплаты жалованія. Другая часть была почему-то направлена въ Лотарингію. Сколько казаковъ осталось тамъ навсегда на житье, и многіе ли вернулись на родину, и какимъ путемъ—неизвѣстно.

2. О. Д. Николайчикъ. *Начало и ростъ Полтавской Вишневецкыи, по даннымъ Литовской метрики* (Т. II, ч. 2).

По прочтеніи означеннаго реферата, проф. Д. И. Багалъй указалъ на новизну и важность извлеченныхъ референтомъ матеріаловъ. Они интересны не только для исторіи колонизаціи лѣвобережной Малороссіи, но и слободской Украины; они кромѣ того даютъ новыя свѣдѣнія о введеніи и характерѣ магдебургскаго права въ малороссійскихъ городахъ. Факты, сообщаемые референтомъ, какъ основанные на документахъ, неизданныхъ и изъ которыхъ доселѣ пользовались лишь немногими и случайно,—новы, а выводами и наблюденіями, умѣло сдѣланными докладчикомъ, уясняются мало извѣстныя стороны вопроса.

3. Священникъ Е. Сѣцинскій: *Нѣсколько объясненій къ археологической картѣ Подольской губерніи*. (Томъ I).

12-го августа. 7¹/₂ часовъ вечера. (Актный залъ).

III Отдѣленіе — Памятники искусствъ и художествъ.

Почетный Предсѣдатель: Э. Р. фонъ-Штернъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: А. А. Павловскій.

Секретарь Отдѣленія: Б. В. Фармаковскій.

1. Д-ръ Ф. Копера: „*Polskie zabytki sztuki w rossyjskich zbiorach*“. (Польскіе памятники искусства въ русскихъ собраніяхъ).

Въ виду столь громаднаго матеріала, относящагося къ исторіи польскаго искусства и находящагося въ русскихъ музеяхъ, докладчикъ не былъ въ состояніи въ непродлительное время своей командировки отъ Краковской Академіи Наукъ выполнить вполне возложенное на него порученіе ознакомленія съ польскими памятниками искусства въ русскихъ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ. Главнымъ образомъ вниманіе его поглотили: Петербургская Публичная Библиотека, Эрмитажъ, Оружейная Палата. Въ нихъ онъ нашелъ прекрасные памятники польскаго искусства, въ особенности миниатюры, начинающіяся съ XI в. Обративъ вниманіе на, по истинѣ, высокую артистичность ихъ, нерѣдко превышающую подобныя же произведенія Западной Европы, напр., иллюминаціи XII в. къ Бытію, Андрея изъ Жарновца, Николая Сетоши съ XV ст. и многихъ другихъ, найденныя въ русскихъ музеяхъ, присовокупивъ къ нимъ прекраснѣйшія иллюминаціи XVI ст., хранящіяся въ Краковѣ, и выказавъ послѣдовательность польскихъ иллюминаторовъ, начиная съ XV в. и кончая XVIII в., которые въ XVI ст. дошли до апогея художественности, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что польское иллюминаціонное искусство имѣло свою самостоятельную школу, образовавшуюся и развившуюся въ общихъ чертахъ по образцу такой же чешской. Дѣлая перечень артистическихъ старинныхъ переплетовъ, докладчикъ обратилъ особое вниманіе на серебрянный переплетъ книги XII в. плоцкой кнезды, на которомъ изображена весьма тонкой чеканкой княгиня Анастасія, жена Болеслава IV и дочь Владиміра Галицкаго. Далѣе докладчикъ, упомянувъ о портретахъ королей польскихъ и историческихъ дѣятелей, а также о граверномъ и скульптурномъ искусствахъ (скульптурныя произведенія находятся въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ) въ концѣ XVIII в., упомянувъ о Лампи Бачерелли, Регульскомъ и многихъ другихъ, равнымъ образомъ говоря о рисункахъ той же эпохи, доказывалъ стремленіе Станислава Августа создать самостоятельную польскую школу искусствъ.

Переходя къ описанію польскаго оружія, г. Копера подчеркнул находящіеся въ Эрмитажѣ коронаціонные мечи польскихъ королей, а именно: мечъ XIII вѣка, въ первый разъ употребленный во время коронаціи 1320 г., называемый „*Szczerbiec*“ и присланный папою Иннокентіемъ XI Иоанну Собѣскому, мечъ, который былъ употребленъ Императоромъ Александромъ I во время его коронаціи въ Варшавѣ 1818 года. Что же касается до сабли будто бы Владислава Варненскаго, то таковая, безъ малѣйшаго сомнѣнія, фальсификатъ, хотя бы судя по тому, что въ эпоху Владислава Варненскаго не были употребляемы сабли, а только мечи; впервые же сабли употребляются въ Польшѣ во второй половинѣ XVI столѣтія. Подобное можно отнести и къ многимъ другимъ польскимъ памятникамъ Эрмитажа. Въ заключеніе докладчикъ указалъ на прекрасныя серебряныя издѣлія, хранящіяся въ Оружейной Палатѣ. Докладъ пояснялся фотографіями, сдѣланными для Краковской Академіи. М. П. Истоминъ указалъ, что польское искусство слило въ себѣ вліяніе византійское съ западнымъ и въ свою очередь отразилось въ южно-русскомъ искусствѣ. Въ томъ, и въ другомъ отношеніи рядъ

цѣнныхъ указаній дается въ прекрасномъ и поучительномъ докладѣ г. Коперы (г. Истоминъ остановился на композиціяхъ Рождества Христова и Распятія).

2. В. Н. Николаевъ: *Стѣны внутри Великой церкви Кіево-Печерской лавры по снятіи съ нихъ штукатурки.*

Въ 1893 году докладчикъ участвовалъ въ комиссіи по осмотру внутреннихъ стѣнъ, арокъ и сводовъ Великой лаврской церкви, и въ томъ же году ему поручено было совмѣстно съ той же комиссіей руководить работами по исправленію и укрѣпленію вышесказаннаго храма.

При тщательномъ осмотрѣ внутренней штукатурки, во всѣхъ главныхъ частяхъ храма, оказалось, что на штукатуркѣ имѣется масса трещинъ, которыя, очевидно, проникаютъ въ самую кирпичную кладку. Кромѣ того, во всѣхъ куполахъ кирпичная кладка сама обсыпалась вмѣстѣ со штукатуркою, что встрѣчалось также и въ стѣнахъ, отдѣляющихъ среднюю часть храма отъ предѣловъ архидіакона Стефана и Іоанна Богослова; а также въ стѣнахъ ризницы и Предтечинскаго предѣла и по всей западной стѣнѣ, подъ хорами и на хорахъ штукатурка отдѣлялась отъ кирпичной кладки въ видѣ пластовъ и во многихъ мѣстахъ готова была обвалиться. То же самое было и на многихъ сводахъ. Приступивъ къ работамъ по укрѣпленію стѣнъ, прежде всего обнажали кирпичную кладку отъ штукатурки, причемъ ясно обозначились какъ древнія части стѣнъ, такъ и позднѣйшія пристройки, открылись задѣлки въ древнихъ стѣнахъ и вполне обозначились поврежденія, проникающія въ кладку стѣнъ, арокъ и сводовъ. Все это ясно видно было изъ представленныхъ докладчикомъ чертежей. Почти не было стѣны, арки или свода, не имѣвшихъ трещинъ; наибольшія же поврежденія были найдены въ главномъ куполѣ и подпружныхъ аркахъ, его поддерживающихъ; подобныя трещины на всѣхъ четырехъ аркахъ были настолько значительны, что трудно понять, какъ на этихъ аркахъ держался главный куполъ. Такъ, своды, идущіе отъ главнаго купола на югъ, западъ и сѣверъ оказались расколотившимися по длинѣ, такъ что соборъ какъ бы раздѣлился на четыре части; въ куполахъ не было перемычки надъ окнами не потрескавшейся. Главный куполъ отъ арокъ до самаго верха свода имѣлъ сквозную трещину до полутора вершка шириною. Поперечныя стѣны на сѣверныхъ хорахъ имѣли трещины, проходившія черезъ весь сводъ, шириною въ 4 вер. Стѣна абсиды главнаго алтаря въ части, обращенной къ югу, имѣла выше линіи хоръ подъ слабо державшейся штукатуркой совершенно раздробленный и хрупкій кирпичъ, высыпавшійся въ видѣ щебня при малѣйшемъ прикосновеніи на глубину до 9 вершковъ. Сѣверо-западный уголъ, гдѣ на хорахъ видны слѣды трехъ абсидъ, въ которыхъ пробиты проходы на хоры передъ Преображенскимъ предѣломъ, кстати сказать, неизмѣніе перемычекъ и обсыпавшіяся, есть вполне сохранившаяся древняя часть, составляющая съ остальными прилегающими къ ней стѣнами особый маленькій храмъ съ крошечнымъ алтаремъ, жертвенникомъ и діаконникомъ; въ него снизу вела лѣстница, находящаяся нынѣ подъ поломъ. Эта часть отъ низу до самаго верха вполне древняя. По снятіи позднѣйшей штукатурки внутри этого храма ясно оказалась всюду византійская кладка изъ кирпича и большихъ булыгъ, обдѣланная въ видѣ рядовъ камня изъ розоватаго известковаго раствора съ толченымъ краснымъ кирпичемъ, шириною въ три вершка, причемъ растворъ затертъ до блеска, и ряды эти раздѣляются рядами кирпича, толщиной въ одинъ вершокъ. Кирпичъ — самый древній, XI вѣка, размѣрами: шириной 7 вершковъ и длиной 10 вершковъ. Всѣ арки и перемычки имѣли такую же отдѣлку. На западной и южной стѣнахъ видны характерныя византійскія впадины, въ которыхъ оказались задѣланныя дряннымъ кирпичемъ окна. Въ нарусахъ имѣются голосники съ глиняными въ нихъ кувшинами. Всѣ эти розовые ряды оказались надрубленными, должно предположить, для соединенія съ позднѣйшей штукатуркою,

Изъ такой же кладки оказалась и вся внутренняя часть храма, но на разную высоту, а не до самого верха: такъ, стѣны и пилоны оказались древними, кромѣ западной стѣны, паруса же и куполь главный сложены хотя и изъ древняго кирпича, но кладка и растворъ не древніе и только въ сѣверо-западномъ парусѣ оказался кусокъ древней кладки не болѣе одного квадратнаго аршина, въ которомъ сохранился голосникъ. Западная стѣна храма сохранилась съ древнихъ временъ въ частяхъ, выходящихъ къ новѣйшимъ пристройкамъ, гдѣ помѣщены лѣстницы; въ части же стѣны между лѣстницами древняя кладка находится только на высотѣ двухъ аршинъ отъ главнаго пола храма; остальная часть этой стѣны сложена изъ довольно слабого кирпича, размѣрами подходящаго къ нынѣшнему. Докладчикъ упомянулъ затѣмъ о внутренней формѣ сводовъ главнаго и сѣверо-западнаго куполовъ, гдѣ выше оконъ стѣны начинаютъ довольно сильно суживаться внутрь, а затѣмъ опять снова поднимаются вертикально, послѣ уже переходятъ въ сводъ, а это указываетъ на то, что своды раньше нынѣ существующихъ были ниже. Части сѣверной и южной стѣнъ на хорахъ, примыкающихъ къ алтарямъ, оказались самой послѣдней пристройкой, что ясно обозначается подъ поломъ хоръ, гдѣ три стѣны, очевидно, составляли наружную стѣну по отдѣлкѣ; на сѣверной же стѣнѣ подъ поломъ, гдѣ арка въ срединѣ храма, сохранились окна византийской формы въ три впадины, съ ясно видной задѣлкой окна. На южной сторонѣ хоръ стѣна съ пробитой въ ней аркой, очевидно, была прежде полукруглой абсидой алтаря, что видно по части, прилегающей къ наружной, южной стѣнѣ, и подъ поломъ хоръ. Всѣ части стѣнъ, арокъ и сводовъ, оказавшихся поврежденными, были осторожно разбираемы по небольшимъ частямъ и задѣлывались отборнымъ новымъ кирпичемъ, на растворѣ изъ порландскаго цемента, а затѣмъ была сдѣлана новая штукатурка. Въ настоящее время храмъ расписывается. Нигдѣ въ храмѣ не было найдено ни малѣйшаго признака ни мозаики, ни фресокъ, ни мраморовъ. Подъ поломъ хоръ, гдѣ былъ придѣлъ св. Антонія, при замѣнѣ деревяннаго пола кирпичными сводиками на желѣзныхъ балкахъ, при раскопкѣ мусора, лежавшаго на сводѣ, было найдено значительное количество глиняныхъ пустыхъ кувшиновъ (вынуто было болѣе 100 штукъ) высотой до 6 вершковъ, при ширинѣ до 5 вершковъ; сложены они были одинъ на другой, какъ попало и составляли забутку въ пятахъ свода, безъ всякаго раствора. Въ этомъ же мѣстѣ, подъ мусоромъ, оказалась сложенная изъ кирпича печурка, а подъ ней кувшины; въ печуркѣ этой были найдены оловянные сосуды съ золотыми и серебряными монетами, на сумму свыше 50,000 рублей, съ бумагами, дающими точное указаніе, когда, кѣмъ и на какую сумму положены монеты.

Изъ всего вышесказаннаго ясно видно: 1) что внутри Великой лаврской церкви не сохранилось никакихъ древнихъ украшеній храма: ни мозаики, ни фресокъ, ни мраморовъ, и что даже самая штукатурка была вся замѣнена при возобновленіяхъ храма и покрыта живописью въ періодъ съ 1730 по 1777 г., какъ значится въ надписи на стѣнѣ храма; 2) выяснилось, какія части храма сохранились въ своемъ первоначальномъ ихъ видѣ и какія части ихъ перестроены или пристроены и 3) выяснилась крайняя необходимость капитальнаго исправленія и укрѣпленія стѣнъ, сводовъ и арокъ храма для поддержанія и сохраненія древняго и почитаемаго памятника XI столѣтія.

На вопросы В. З. Завитневича докладчикъ сообщилъ, что сохранились въ обломкахъ карнизы изъ краснаго шифера и что голосниками служили кувшины.

12-го августа. 7¹/₂ часовъ вечера. (XV аудиторія).

Засѣданіе I-го отдѣленія—Древностей первобытныхъ.

Почетный Предсѣдатель: В. И. Сизовъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. Н. Анучинъ.

Секретарь Отдѣленія: Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

1. С. С. Гамченко. — *Раскопка кургановъ у м. Мирополя въ бассейнѣ р. Случи.* (Томъ I).

2. Проф. Ю. А. Кулаковскій. *Къ вопросу объ окрашенныхъ костякахъ.* (Томъ I).

В. Р. Фохтъ приводилъ обычай румянить статую Юпитера въ связь съ общими антропоморфными представленіями древнихъ о божествѣ. Въ священнѣшемъ своемъ культѣ римляне вмѣстѣ съ цвѣтомъ окраски удержали и матеріаль.

Въ дальнѣйшихъ преніяхъ принимали участіе: Н. И. Веселовскій, высказавшійся въ томъ смыслѣ, что объ окончательномъ рѣшеніи вопроса еще рано говорить, Ѳ. Г. Мищенко, Д. Н. Анучинъ и В. Б. Антоновичъ, стоявшій за то, что окраска должна была имѣть мѣсто въ то время, когда трупъ еще не распался ¹⁾.

А. И. Черепнинъ. *О раскопкахъ рязанскихъ кургановъ за последнее трехлѣтіе.*

На вопросъ Д. Н. Анучина, докладчикъ сообщилъ, что случаевъ сожженія обнаружено не было; на вопросъ Е. Н. Мельникъ о семилопастыхъ серьгахъ: нельзя-ли ихъ считать принадлежащими финской культурѣ, отвѣчали отрицательно докладчикъ и В. И. Сизовъ, указавшій, что типъ этихъ серегъ общепризнанъ за славянскій.

13-го августа. 10 часовъ утра.

I-е Отдѣленіе—Древности первобытныя.

Почетный Предсѣдатель: Н. И. Веселовскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. Н. Анучинъ.

Секретарь: Н. Ѳ. Бѣляшевскій.

1. Е. Н. Мельникъ. *Раскопки кургановъ въ Ровенскомъ, Луцкомъ и Дубенскомъ у. Волын. губ.* (Томъ I).

В. З. Завитневичъ отмѣтилъ серьезное значеніе прочитаннаго доклада: „Широкая всесторонность въ разсмотрѣніи научнаго матеріала свидѣтельствуетъ о хорошемъ знакомствѣ съ запросами науки и придаетъ докладу выдающееся значеніе для людей занимающихся славянскими древностями. Здѣсь все опредѣленно, просто, естественно, и отсутствуетъ фантазія: вы слушаете рефератъ и видите, что имѣетъ дѣло съ точно поставленнымъ изслѣдованіемъ. Такіе рефераты не вызываютъ возраженій, а вызываютъ желаніе воспользоваться опытомъ автора для разъясненія вопросовъ“. В. З. указалъ, что раскопки г-жи Мельникъ подтверждаютъ фактъ обжиганія покойника, о чемъ онъ сообщалъ на Виленскомъ сѣздѣ, вызвавъ

¹⁾ Ср. доклады и пренія о крашеныхъ костякахъ въ „Трудахъ VIII сѣзда (въ Москвѣ)“, Протокола, стр. 68 и 97 и въ „Трудахъ IX сѣзда“ (въ Вильнѣ), Прот. стр. 118—119.

много возражений. Любопытенъ вопросъ о присыпаніи покойника золой и мелкимъ углемъ. Послѣ споровъ и сопоставленія высказанныхъ мнѣній В. З. пришелъ было къ выводу, что эта зола съ примѣсью мелкаго угля образовалась на мѣстѣ погребенія вслѣдствіе расчистки его огнемъ. Сначала онъ думалъ, что матеріаломъ служила березовая кора; но крестьяне объяснили ему, что у нихъ и теперь, по изготовленіи гроба, стружки и небольшіе куски дерева отъ работы сжигаютъ на мѣстѣ, гдѣ дѣлался гробъ, и этой золой обсыпаютъ покойника. Онъ никогда не встрѣчалъ обсыпанія въ погребеніяхъ ниже поверхности земли, а или на поверхности, или выше. Доводилось замѣчать, что даже почвенный слой былъ прожженъ. Въ горшкахъ непремѣнно находилась зола и уголь (крестьяне говорили, что они въ этихъ горшкахъ сжигаютъ Иванъ-Купальскую траву и обсыпаютъ покойника); съѣдобнаго въ горшкахъ не было; въ одномъ найдена мазь. На вопросъ о соотвѣтствіи въ ея раскопкахъ, Е. Н. Мельникъ сообщила, что она встрѣчала и въ самыхъ глубокихъ ямахъ на подпочвѣ или въ подпочвѣ слой золы безъ угля, а иногда съ мелкимъ углемъ; крупнаго угля не было, что зависѣло, конечно, отъ вида горючаго матеріала. Прожженіе почвы наблюдалось 2—3 раза; для этого недостаточно стружекъ, а нуженъ долгій огонь. Угля и золы въ горшкахъ не встрѣчалось. У В. Б. Антоновича разъ былъ найденъ горшокъ съ золой.

Н. О. Бѣляшевскій сообщилъ о раскопкахъ барона О. Р. Штейнгеля и своихъ въ мѣстности, лежащей по близости съ той, гдѣ были произведены раскопки Е. Н. Мельникъ, именно у д.д. Каршиловки, Рогачева, Студники и с. Грабова, въ Ровенскомъ у., гдѣ обнаружены аналогичные типы погребеній, за исключеніемъ одного случая, гдѣ скелетъ находился въ ясно выраженномъ скорченномъ положеніи.

2. А. М. Покровскій. *Антропологическія данныя о типѣ череповъ изъ волынскихъ кургановъ.*

Авторомъ была обработана серія въ 59 череповъ изъ раскопокъ Е. Н. Мельникъ на Волыни. Измѣреніями добытыхъ при раскопкахъ костяковъ установлено, что средній ростъ для мужскихъ костяковъ равенъ 168,95 ст. и для женскихъ 158,45, при чемъ больше 50% были высокаго роста. Разобравъ дальше нѣкоторыя изъ своихъ измѣреній, авторъ даетъ общую характеристику типа. Эти черепа характеризуются своей длинноголовостью (указ. голов. 74,39 для муж. и 74,7 для жен.), сравнительно небольшой высотой, узкимъ лбомъ, лицо довольно короткое съ сравнительно широкими скуловыми дугами, съ этимъ лицомъ гармонируетъ довольно широкое носовое отверстіе и низкія небольшія орбиты. Серія мужскихъ череповъ представляетъ большое сходство съ серіей женскихъ и имѣетъ обычныя отклоненія. Далѣе авторъ дѣлаетъ попытку дать описаніе формъ по классификаціи проф. Серджи. Главной формой можно считать *Ellipsoides* съ переходомъ ея въ *Pentagonoides* и главнымъ образомъ *Ellips. isopericampilos*; изъ другихъ формъ можно указать на *Ellips. cuneatus* и *Ellips. embolicus*. Общая форма этихъ череповъ будетъ овальная или овально-пентагональная и, рассматриваемая съ боку, представляетъ пологій и даже низкій, удлинненный сводъ, одинаково спускающийся и въ лобной и въ затылочной частяхъ; лобъ округлый, затылочная кость очень часто образуетъ бугоръ. — Данныя, полученныя изъ сравненія отдѣльныхъ могильниковъ, нельзя считать очень вѣрными, такъ какъ серія отдѣльныхъ могильниковъ очень малы. Заканчиваетъ авторъ сравненіемъ этой серіи съ серіей кievскихъ череповъ и череповъ древлянскихъ изъ раскопокъ В. Б. Антоновича.

На вопросъ проф. Сикорскаго о чистотѣ серіи референтъ поясняетъ, что череповъ, которые по виду можно было бы исключить, можно насчитать очень не много. Д. Н. Анучинъ дѣлаетъ вопросъ объ одномъ черепѣ покрытомъ отверстіями; подвергалось сомнѣнію, можно ли приписать работѣ личинокъ эти довольно широкія, гладкія, отверстія.

Далѣе пр. Анучинъ, сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о смѣнѣ прежняго, длинноголоваго племени послѣдующимъ короткоголовымъ, что наблюдается во всѣхъ славянскихъ земляхъ, высказалъ сомнѣніе въ пригодности способа Серджи, употребляемаго референтомъ, и замѣтилъ, что изслѣдованіе череповъ изъ волынскихъ славянскихъ кургановъ указываетъ на преобладающій длинноголовый типъ.

З. Н. О. Бѣляшевскій: *Результаты археологической экскурсіи на р. Западный Бугъ* (Томъ I).

13-го августа. 2 $\frac{1}{2}$ часа дня.

VI отдѣленіе—Памятники языка и письма.

Почетный Предсѣдатель: Н. О. Сумцовъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Н. И. Петровъ.

Секретари: А. К. Бороздинъ и Б. А. Тураевъ.

Въ началѣ засѣданія о. С. Е. Звѣревъ сказалъ: „Позвольте мнѣ въ настоящемъ засѣданіи VI отдѣленія Кіевского Археологическаго Съѣзда помянуть добрымъ словомъ скончавшагося 29 января сего года редактора-издателя „Филологическихъ Записокъ“ Алексѣя Андреевича Хованскаго. Хованскій, хорошо извѣстный собравшимся здѣсь представителямъ русской филологической науки, а также и нашимъ славянскимъ гостямъ, не принадлежалъ ни къ университетской, ни къ академической корпораціи. Имена дѣятелей этой группы и нѣкоторыхъ другихъ, имѣвшихъ по своимъ работамъ отношеніе къ задачамъ Съѣзда, были названы во вступительной рѣчи Предсѣдателемъ Съѣзда, графиней П. С. Уваровой. Да будетъ также незабвенна память рѣдкаго и безкорыстнаго труженика науки, основавшаго и почти 40 лѣтъ редактировавшаго въ провинціи первый по времени возникновенія русской филологическій журналъ, посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ. Дань уваженія къ трудамъ и заслугамъ А. А. Хованскаго, выраженная въ настоящемъ собраніи русскихъ и славянскихъ филологовъ, будетъ свѣжимъ и дорогимъ вѣнкомъ на его могилу“.

Предсѣдатель отдѣленія Н. И. Петровъ предложилъ почтить память покойнаго вставаніемъ.

I. Докладъ П. В. Владимірова: *О взаимной связи апокрифической иконографіи, древней русской литературы и народной словесности.*

Исходнымъ пунктомъ доклада была бронзовая иконка Рождества Христова, найденная въ Десятинной церкви. Подобныя иконки не рѣдкость: Богоматерь изображается лежащею, Спаситель - въ ясляхъ, тутъ же два животныхъ. Одна изъ такихъ иконъ (въ музеѣ Духовной Академіи) имѣетъ на обратной сторонѣ Богоявленіе. Эти иконы относятся къ XV в.; въ нихъ замѣчаются подробности древняго типа. Эти же подробности встрѣчаются и на зиконіяхъ, но съ характеромъ катакомбной и византійской живописи VIII в. Въ описаніи Тверскаго музея имѣется подобная же икона XI в. съ изображеніемъ Рождества и Богоявленія по греческимъ подлинникамъ: Младенца омываетъ баба Соломія, справа — дѣва подаетъ воду; изображено еще три дѣвы. На такой иконѣ путивльскаго монастыря изображена баба съ палкой съ одной стороны, а съ другой — Соломія, согласно съ апокрифическимъ евангеліемъ Іакова.

Вѣроятно подобнаго же рода изображенія могли встрѣчаться и на большихъ иконахъ: въ псковскомъ единовѣрческомъ монастырѣ имѣется такая икона. Неканоническимъ элементомъ является Соломія изъ протоевангелія Іакова и псевдо-Матея. Н. В. Покровскій говоритъ, что это преданіе проникло въ визавтійскіе и русскіе письменность и обряды. Съ нимъ встрѣчаемся у монаха Епифанія IX в., въ Бесѣдѣ трехъ святителей“ и въ старопечатныхъ требникахъ (въ „молитвѣ бабѣ, егда принесетъ крестити до 40 дня“). Въ святцы Соломія не вошла, но пользовалась уваженіемъ: на иконѣ псковской церкви она имѣетъ нимбъ. Бабушка Соломонида упоминается въ молитвѣ противъ дурного глаза, а также 26 декабря, когда угощаютъ повитухъ. Въ духовныхъ стихахъ ея нѣтъ, но есть „милостивая“ и „аллилуева“ жена. Волъ и оселъ воодушевлены сознаниемъ и любовью къ Младенцу; они согрѣваютъ его своимъ дыханіемъ. Южноруссы ввели въ обряды больше религіознаго и христіанскаго элемента, чѣмъ великоруссы, что замѣтно въ обрядахъ при родинахъ, въ которыхъ замѣчается вообще связь съ религіозными обрядами. Заговоры упоминаютъ здѣсь о Соломонидѣ-бабушкѣ. Связь заговоровъ и вообще апокрифическихъ изображеній съ иконами можно прослѣдить и на змѣвникахъ (мнѣніе проф. М. И. Соколова), иконахъ с. Никиты и „Снѣ Богородицы на престолѣ“, сложившемся подъ вліяніемъ запрестольныхъ богородичныхъ образовъ. Духовные стихи Голубиной книги указываютъ на значеніе Богородицы въ рожденіи человѣка. Явилось смѣшеніе языческаго представленія о Судьбѣ съ почитаніемъ Богоматери. Иконы Рождества Христова имѣютъ связь съ древними словами, направленными противъ почитанія Роженецъ, которыхъ сливали съ Богоматерью.

По выслушаніи доклада, Н. И. Троицкій возражалъ, что присутствіе только двухъ животныхъ, и притомъ именно вола и осла — не апокрифической элементъ, а основано на пророчествѣ Аввакума и Исаи. П. В. Владиміровъ отвѣтилъ, что, будучи согласенъ съ возраженіемъ, онъ понималъ апокрифъ, въ смыслѣ Стоглава: „не по подобію“. Н. И. Петровъ замѣтилъ, что, хотя образковъ подобнаго рода много, но всѣ они не ранѣе XVII в., тогда какъ докладчикъ указалъ на болѣе древніе.

2. М. Н. Сперанскій: *Славяно-русскіе переводы Пчелы.*

Указавъ на состояніе вопроса объ исторіи переводныхъ Пчелъ въ славяно-русской письменности и охарактеризовавъ кратко изданіе Пчелы, сдѣланное В. А. Семеновымъ, докладчикъ пришелъ къ выводу о необходимости изучать вопросъ по греческимъ и славянскимъ рукописямъ. Результаты этого изученія слѣдующіе: греческіе тексты распадаются на три группы: старшую, среднюю, представляющую распространеніе старшей путемъ введенія въ составъ памятника новыхъ источниковъ, которыхъ можно назвать: Плутарха, Діона Хрисостома и патр. Фотія, — и позднюю, представляющую извлеченіе изъ второй группы. Къ одной изъ разновидностей этой группы, представляемой парижской рукописью № 1169 и флорентійской (Lang. V), относится оригиналь русской Пчелы. Этотъ переводъ сдѣланъ прямо на русскій языкъ въ XIII—XIV ст. Второй переводъ — болгарскій, извѣстный въ рукописи парижской Національной Библіотеки (№ 26) и рукописи мон. Кружала (Срѣла) — восходитъ къ одной изъ версій старшей греческой редакціи, ничего общаго съ русскимъ переводомъ не имѣетъ и относится къ XIV в. Наконецъ третій переводъ Пчелы — юго-западно-русскій, сдѣланъ въ мон. Дермани, въ 1599 г., съ печатнаго изданія Гесснера (1516) и стоитъ въ связи съ острожскимъ изданіемъ Библии.

3. Докладъ П. А. Лаврова. *Славянскій переводъ Зонары и его отношеніе къ переводу хиландарскаго икона Григорія.*

Упомянувъ объ интересѣ къ славянскому переводу Зонары въ славянской филологіи (труды Бодянскаго, А. Н. Попова, И. В. Ягича и др.), докладчикъ остановился на разсмо-

трѣни списка полного перевода въ рукописи Ундольскаго, сравнительно со спискомъ бѣлградскимъ (извлеченія Каченовскаго, XIV, ки. Стефанъ) и вѣнскимъ (выписки М. П. Сперанскаго). Обыкновенно переводъ считаютъ сербскимъ, но во всѣхъ трехъ спискахъ много болгаризмовъ въ звукахъ, формахъ, образованияхъ; окончательное рѣшеніе вопроса о языкѣ можетъ быть сдѣлано послѣ изученія всѣхъ дошедшихъ списковъ; тогда же рѣшится вопросъ, есть ли эти болгаризмы—признакъ болгарскаго перевода, или внесены они переписчиками болгарами въ сербскій переводъ. Докладчикъ отмѣтилъ, что переводъ сдѣланъ свободно и что стиль его народный (повтореніе предлоговъ, какъ въ языкѣ грамотъ и народныхъ пѣсень; глаголь и дополненіе выражаются словомъ одного корня; имена географическія—въ славянской формѣ изъ живого употребленія, напр. Одринъ—Адріанополь, даже греческія названія: Неаполь—Новый градъ; имена званій, должностей таковы же, какъ въ грамотахъ). Лексическій запасъ перевода изобилуетъ грецизмами и рѣдкими словами, не встрѣчающимися у Миклошича и Срезневскаго. Среди такихъ словъ есть восточнаго происхожденія (фармусъ, кутія). При переводѣ библейскаго текста переводчикъ употреблялъ исключительныя слова: вм. греч. *παῖδο-ῥούβος*—вагуль; вм. хотимица въ значенія *πᾶλλαχῆ*—подиѣга. Обратившись къ опредѣленію взаимнаго отношенія полного перевода и краткаго извлеченія Григорія, докладчикъ предположилъ, что найденная въ 1894 г. имъ на Аѳонѣ Зографская рукопись—полный списокъ, а Паралипоменонъ, изд. Бодянскимъ—тотъ же трудъ, не вполне сохранившійся, и что сличеніе ихъ приводитъ къ выводу о полной зависимости передѣлки Григорія именно отъ этого перевода. (И въ полномъ переводѣ, и въ передѣлкѣ—одни и тѣ же пропуски изъ греч. текста, тѣ же прибавленія и искаженія). Этими фактами вполне подтверждается предисловіе Григорія (изд. Бодянскаго); безъ греческаго оригинала Зонары онъ не могъ исправить недостатки перваго перевода. Его трудъ выразился въ сокращеніи и въ стремленіи къ большей близости къ греч. оригиналу (это зависитъ отъ принадлежности Григорія, судя по его предисловію, къ писателямъ изъ школы послѣдователей патр. Евѳимія). Если бѣлградскій списокъ (напеч. Каченовскимъ), дѣйствительно, не имѣетъ удареній, то м. б. Григорію принадлежитъ установленіе правописанія евѳиміевской школы, какъ въ спискахъ Ундольскаго и вѣнскомъ и въ полномъ переводѣ Зонары. Въ этомъ и въ устраненіи народныхъ чертъ Григорій могъ видѣть свою задачу, какъ исправителя труда „грубыхъ поселявъ“. Дальнѣйшій трудъ изслѣдователя долженъ состоять въ опредѣленіи того, насколько замѣтно въ передѣлкѣ Григорія вліяніе списка Библия, которымъ онъ пользовался, и Георгія Амартола. (Интересно употребленіе, вм. „хотимица“ полного перевода, „посадинца“ какъ у Георгія Амартола, изд. Общ. Люб. Др. Письм.). Этотъ трудъ будетъ возможенъ только по изученіи Зографскаго списка.

Въ заключеніе доклада было высказано пожеланіе, чтобы представляющіе большой интересъ славянскіе переводы византійскихъ лѣтописцевъ Амартола, Малалы, Зонары, Манассія, изданіе которыхъ замыслили Бодянский, Прейсъ, Куникъ, были возможно скорѣе изданы.

13-го августа, 7¹/₂ час. вечера.

VII Отдѣленіе.—Древности классическія, византійскія и западно-европейскія.

Почетный Предсѣдатель: В. К. Мальмбергъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: Ю. А. Кулаковскій.

Секретарь Отдѣленія: Б. В. Фармаковскій.

1. Б. В. Фармаковскій прочелъ свой докладъ: *Византійская рукопись съ миниатюрами, вновь приобрѣтенная Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополь.*

Референту возражалъ Н. И. Троицкій, который, не оспаривая мнѣнія референта о происхожденіи рукописи и признавая большое значеніе ея миниатюръ (въ особенности для исторіи монашескаго одѣвія), полагаетъ, что главная символическая миниатюра, представляющая передачу жезла—посоха І. Предтечей „святому отцу“, а имъ своему преемнику, означаетъ не передачу власти, какъ полагаетъ референтъ (ибо Предтеча ни въ какомъ смыслѣ не былъ носителемъ и представителемъ власти), а указываетъ на преемство иноческаго житія—шествованія къ небу путемъ аскетическихъ подвиговъ и, такимъ образомъ, указываетъ на происхожденіе иночества отъ І. Предтечи, этого „ангела во плоти“, а не отъ сектантовъ—ессеевъ или еерапевтовъ, или евіонитовъ.

2. В. Р. Фохтъ: *Объ астрологическихъ данныхъ рожденія Цезаря, Агриппы и Тиберія.*

Существенный выводъ доклада—тотъ: незначительные сами по себѣ, астрологическіе выводы могутъ оказать намъ большую услугу при рѣшеніи археологическихъ и нумизматическихъ вопросовъ, при опредѣленіи года рожденія Цезаря и другихъ датъ, какъ, напр., времени Манилія, который не могъ посвящать своей поэмы Тиберію послѣ осужденія Либона въ 16 г. по Р. Х. и восхвалять темы императора. Наконецъ, при толкованіи текстовъ мы можемъ найти намеки и указанія на найденныя нами астрологическія данныя.

3. Ю. А. Кулаковскій: *Къ исторіи Боспора (Керчи) въ XI—XII вѣкахъ.*

Отмѣтивъ непрерывность исторіи города, начавшаго свою жизнь подъ именемъ Пантикапея, продолжавшаго ее подъ именемъ Боспора, которое онъ смѣнилъ на Корчевъ, откуда произошло нынѣшнее его имя Керчь,—докладчикъ остановился на частномъ вопросѣ: входилъ ли этотъ городъ въ предѣлы Тмутараканскаго княжества, явившагося однимъ изъ удѣловъ по смерти Владиміра Святого? Наша лѣтопись въ сообщеніяхъ о войнахъ и побѣдахъ Тмутараканскихъ князей называетъ лишь сѣверныхъ и восточныхъ сосѣдей княжества: ясовъ, касоговъ, хазаръ, и не содержитъ ни одного упоминанія о Корчевѣ. Отмѣтивъ то обстоятельство, что рыбный промыселъ въ проливѣ является главнымъ жизненнымъ интересомъ того края, докладчикъ видѣлъ въ этомъ апріорное указаніе на необходимость соединенія обоихъ береговъ пролива подъ одной властью. Косвенное подтвержденіе того, что Тмутараканскіе князья держали западный берегъ пролива подъ своей властью, докладчикъ признавалъ въ слѣдующихъ фактахъ. — Интрига противъ князя Ростислава Владиміровича въ 1066 году, сгубившая его ядомъ, шла изъ Корсуна, и злой умыселъ на князя со стороны „котопана“ объясняется въ лѣтописи, какъ опасеніе грековъ за свою свободу. Если бы Боспоръ находился тогда подъ греческой властью, то князь могъ бы имѣть враговъ и ближе къ себѣ. Далѣе, текстъ знаменитой надписи князя Глѣба 1068 г., въ которомъ дано разстояніе по льду отъ Тмутаракани до Корчева, вызываетъ общее представленіе, что князь дѣйствовалъ въ предѣлахъ *своего* удѣла. Наконецъ, находка 1872 года, о которой впервые было доложено на прошломъ Киевскомъ съѣздѣ, 25 лѣтъ тому назадъ, тогдашнимъ директоромъ Керченскаго музея, г. Люценко,—свинцовая печать, съ надписаніемъ „отъ Ратибора“ (бывшаго посадникомъ въ Тмутаракани, князя Всеволода въ 1078 году) сдѣлана была на западной сторонѣ пролива близъ Еникале. Хотя эта печать могла случайно попасть въ то мѣсто, но въ связи съ предшествующими указаніями ея мѣстонахожденіе какъ бы является свидѣтельствомъ принадлежности этой территоріи къ предѣламъ Тмутараканскаго княжества. Послѣ 1094 г. наша лѣтопись хранитъ полное молчаніе о Тмутаракани. Повидимому, эта территорія подпала подъ власть Византіи. Въ договорѣ имп. Мануила съ генуэзцами, заключенномъ въ 1169 г., Византія открываетъ генуэзцамъ свободный доступъ во всѣ порты Чернаго моря кромѣ двухъ: Матраха (=Таматарха=Тмутаракань=Матрега итальянскихъ картъ) и Рѡссѣа. Проф. Васильевскій, соглашаясь съ Гейдомъ, искалъ этотъ второй портъ на устьяхъ Дона (русскій

перевозъ, поминаемый Рубрукомъ). Брунъ отстаивалъ признаніе въ *Rossii* нывѣшной Керчи. Съ этимъ послѣднимъ толкованіемъ согласенъ докладчикъ. Ближайшее подтвержденіе отождествленію „*Rossii*“ съ Боспоромъ можно встрѣтить у арабскаго географа Эдризъ, трудъ котораго составленъ въ Сициліи въ 1153 году и покоится на свѣдѣніяхъ, какія были въ ту пору въ оборотѣ у купцовъ, плававшихъ въ дальнія земли. Эдризъ знаетъ городъ *Rusia* въ 20 миляхъ къ западу отъ „Матрахи“ (Таматарха), а въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ слѣдитъ линію берега отъ Корсуна къ востоку, онъ поминаетъ „устье русской рѣки“, какъ портъ, лежащій между Судакомъ (*Soltadia* = Сугдея) и Матрахой (уже у хрониста Теофана Керченскій проливъ является устьемъ рѣки Дона, и арабскій географъ унаслѣдовалъ это смѣшеніе). Такимъ образомъ, имя Русь осталось жить на Боспорскомъ проливѣ въ ту пору, когда Византія наслѣдовала по какимъ-то причинамъ власть русскихъ князей въ Тмутаракани. Вѣроятно, къ этому времени византійскаго господства въ тѣхъ предѣлахъ слѣдуетъ приурочить свинцовую печать Аркадія „стратига Боспора“, какъ указалъ покойный Васильевскій, вопреки изъясненію этой печати, какое было предложено ей первымъ издателемъ и собственникомъ, Шлюмбергеромъ. — Въ заключеніе докладчикъ отмѣтилъ возможность объяснить недавно изданную печать Теофанія „архонтисы *Rossii*“ (*ἀρχοντίση τῆς Ρωσίας*) изъ рода Музалоновъ (въ которой г. Лопаревъ призналъ жену многоскитальнаго князя Олега Святославича) тѣмъ, что западная часть Тмутараканскаго удѣла носила имя *Rossii*, какъ оно ей дано въ договорѣ имп. Мануила съ генуэзцами.

13-го августа, 7¹/₂ час. веч. (въ XV аудиторіи).

IV Отдѣленіе. — Бытъ домашній, юридическій, общественный и военный.

Почетный Предсѣдатель: В. П. Бузескулъ.

Предсѣдатель Отдѣленія: О. Я. Фортинскій.

Секретари Отдѣленія: А. С. Вязигинъ и А. Н. Ясинскій.

1. С. К. Богоявленскій: *О Судебникѣ царя Θεодора Ивановича*, найденномъ имъ въ собраніи О. О. Мазурина, въ Моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ. Судебникъ этотъ составленъ въ 1589 г. и представляетъ изъ себя переработку стараго царскаго Судебника, дополненную 69 новыми статьями. Референтъ сдѣлалъ изложеніе новыхъ статей и выразилъ мнѣніе, что Судебникъ представляетъ изъ себя только проектъ и не былъ введенъ въ дѣйствіе.

Г. Шпаковъ высказалъ мысль, что открытый Судебникъ, вѣроятно, есть указная книга, составленная какимъ-либо приказомъ изъ разновременныхъ указовъ. Н. А. Максимова, возражая г. Шпакову, указывалъ на то, что вступительныя слова Судебника свидѣтельствуютъ о законодательномъ происхожденіи его и не подтверждаютъ мысли объ административной кодификаціи; упоминаніе же въ этомъ Судебникѣ 1589 г. о намѣстникахъ и волостеляхъ, можетъ быть, подтверждаетъ то мнѣніе, что эти органы мѣстнаго управленія не вездѣ были уничтожены и замѣнены земскимъ самоуправленіемъ при Іоаннѣ Грозномъ.

2. А. П. Ясинскій: *Къ вопросу о происхожденіи средневѣковыхъ урбаріевъ*. Отмѣчая огромную важность памятниконъ, извѣстныхъ подъ именемъ урбаріевъ, докладчикъ указалъ на то, что вопросъ о происхожденіи ихъ остается спорнымъ въ научной литературѣ: одни

ученые прототипомъ этихъ памятниковъ считаютъ римскіе кадастровые списки, а другіе высказываются въ пользу средневѣкового происхожденія этихъ источниковъ для исторіи народнаго хозяйства. По изложеніи воззрѣній, высказанныхъ Инама-Штернеггомъ и Лампрехтомъ о происхожденіи и природѣ урбаріевъ, докладчикъ приступилъ къ разбору аргументаціи г. Иосифа Шусты, по мнѣнію котораго исходный пунктъ урбаріальныхъ памятниковъ нужно искать въ римскихъ кадастровыхъ спискахъ, составляемыхъ для такъ называемыхъ выдѣленныхъ округовъ (*saltus, fundi excerpti*). При рѣшеніи спорнаго вопроса особенно важное значеніе докладчикъ придаетъ грамотѣ короля Одоакра (459), указанной Рудольфомъ Хисомъ. Сравнивая средне-вѣковые урбаріи съ римскими податными списками, докладчикъ указывалъ на существенныя различія въ природѣ и характерѣ этихъ памятниковъ: одни преслѣдовали цѣли государственныя, а другіе — частныя; одни составлялись на основаніи показаній землевладѣльцевъ, а другіе — на основаніи показаній зависимыхъ людей; одни находились на храненіи органовъ публичной власти, а другіе — частныхъ лицъ; въ однихъ при описаніи владѣній руководились принципомъ территоріальнаго единства, тогда какъ въ другихъ — принципомъ единства юридическаго лица. Урбаріи возникли подъ вліяніемъ условій средневѣковой соціальной жизни, воплиѣ независимо отъ какого-либо вліянія римской кадастровой практикы.

О. Я. Фортинскій, соглашаясь въ общемъ съ докладчикомъ, замѣтилъ при этомъ, что Инама-Штернеггъ совершенно ошибочно связываетъ возникновеніе статистическихъ трудовъ каролингскаго времени съ такъ называемой секуляризацией Пипина и Карломана, такъ какъ секуляризація эта не есть фактъ, а гипотеза (Рота), оставленная современной наукой.

14-го августа.

Въ воскресенье 14-го августа, Кіевское городское управленіе чествовало завтракомъ членовъ XI Археологическаго Съѣзда. Чествованіе происходило въ саду *Château de fleurs*, куда къ 12^{1/2} часамъ дня собрались члены XI Археологическаго Съѣзда, съ предсѣдателемъ Съѣзда графиней П. С. Уваровой и предсѣдателемъ ученаго комитета Съѣзда проф. В. Б. Антоновичемъ во главѣ, и гласные думы, съ городскимъ головою С. М. Сольскимъ. Всего въ торжествѣ участвовало около 250 человекъ. Во время завтрака первый тостъ былъ превозглашенъ городскимъ головою С. М. Сольскимъ за здоровье Его Императорскаго Величества Государя Императора и весь Царствующій Домъ. Тостъ этотъ былъ покрытъ восторженными кликами „ура“, послѣ чего оркестромъ былъ исполненъ гимнъ „Боже, Царя храни!“, повторенный по требованію присутствующихъ нѣсколько разъ. Второй тостъ былъ провозглашенъ также С. М. Сольскимъ за здоровье Августѣйшаго Почетнаго Предсѣдателя XI Археол. Съѣзда, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича, послѣ чего городской голова предложилъ третій тостъ — за здоровье предсѣдателя XI Археологическаго Съѣзда графини П. С. Уваровой. Вслѣдъ затѣмъ графиня П. С. Уварова провозгласила тостъ за Кіевское городское управленіе и представителя его, городского голову С. М. Сольскаго, а секретарь XI Археологическаго Съѣзда В. К. Трутовскій — за здоровье мѣстныхъ археологовъ и представителя ихъ проф. В. Б. Антоновича. Послѣ этого последовало еще много рѣчей и тостовъ. Въ общемъ завтракъ прошелъ весьма оживленно и продолжался почти до 4 часовъ пополудни.

По окончаніи завтрака на пароходѣ, любезно предоставленномъ въ распоряженіе членовъ Съѣзда директоромъ-распорядителемъ днѣпровскихъ пароходныхъ обществъ Д. С. Марголиннымъ,

совершена поѣздка внизъ по Днѣпру, въ Китаевскую пустынь. Къ приходу сюда парохода археологами В. В. Хвойко и В. А. Городцовымъ, отправившимся въ Китаевъ еще наканунѣ, были совершены подготовительныя раскопки 6 кургановъ. Последніе въ присутствіи участниковъ экскурсіи были окончательно вскрыты, при чемъ въ нихъ было найдено 7 скелетовъ славянской эпохи. Никакихъ другихъ предметовъ при раскопкахъ не было найдено. Кромѣ раскопки кургановъ, нѣкоторыми археологами былъ произведенъ осмотръ близлежащихъ, въ правобережныхъ приднѣпровскихъ горахъ, пещеръ.

Осмотръ членами XI археологическаго Съѣзда достопримѣчательностей Старога города. 15-го августа состоялась, подъ руководствомъ проф. В. Б. Антоновича, экскурсіа членовъ XI Археологическаго Съѣзда по Старому городу для осмотра его достопримѣчательностей. Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ Золотоворотскій скверъ, куда къ 11 часамъ утра собралось болѣе 100 членовъ Съѣзда. Ровно въ 11 часовъ начался осмотръ памятниковъ старины. Вся группа вошла въ бывшій проходъ Золотыхъ воротъ, гдѣ В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ краткое сообщеніе, относящееся къ исторіи этого памятника. Ворота эти были построены Ярославомъ Мудрымъ около 1037 г. Онѣ имѣли сводъ, надъ которымъ возвышалась церковь съ золотымъ куполомъ, откуда произошло и названіе воротъ. Они представляли собой входъ въ городъ Ярослава. Этотъ городъ былъ обнесенъ земляными укрѣпленіями, которыя съ одной стороны упирались въ Крещатицкій оврагъ, а съ другой стороны—въ оврагъ Кудрявецъ (на Вознесенскомъ спускѣ, гдѣ строится новое зданіе духовной семинаріи). Мѣсто, гдѣ находились Золотыя ворота, было въ стратегическомъ отношеніи самымъ опаснымъ, такъ какъ съ этой стороны Кіевъ почти не имѣлъ естественной защиты. Всѣ нападенія на Кіевъ производились съ этой стороны; даже если непріятель приходилъ изъ-за Днѣпра, то онъ переходилъ черезъ рѣку и шелъ на штурмъ города со стороны Лыбеди. Вотъ почему Золотыя ворота имѣли столь большое значеніе и были укрѣплены значительно сильнѣе, чѣмъ другія ворота. Вся площадь, лежавшая вѣвъ воротъ, представляла раньше чистое поле, такъ какъ здѣсь городъ оканчивался. Эта граница города не раздвигалась до XIX вѣка. Въ XVIII вѣкѣ, въ то время, когда фельдмаршалъ Минихъ укрѣплялъ Кіевъ, Золотыя ворота были засыпаны, и открыли ихъ лишь въ царствованіе Императора Николая I. Въ настоящее время, если разсматривать стѣны воротъ изнутри, въ нихъ очень ясно видны два рода кладки. Одна состоитъ изъ обычныхъ для княжеской эпохи и представляющихъ изъ себя довольно большія тонкія плиты кирпичей, переложенныхъ толстыми слоями цемента, въ составъ котораго вмѣсто песку брался толченый камень; другая же кладка отличается отъ первой тѣмъ, что въ ней слои такихъ кирпичей чередуются со слоями большихъ валуновъ. Обѣ эти кладки восходятъ къ XI вѣку, однако та изъ нихъ, въ которой встрѣчаются валуны, считается нѣсколько болѣе старой.

Отъ Золотыхъ воротъ группа направилась въ Георгіевскій переулокъ, гдѣ были осмотрѣны старыя ворота Софійскаго собора, въ настоящее время заложенные. Ворота эти по времени постройки относятся къ половинѣ XVII вѣка. Въ прежнее время отъ этихъ воротъ вела улица прямо къ Золотымъ воротамъ и затѣмъ далѣе, за городъ. Этой дорогой въѣхалъ въ Кіевъ и потомъ къ Софійскому собору гетманъ Богданъ Хмельницкій послѣ побѣды надъ поляками.

У начала Георгіевскаго переулка находится Георгіевская церковь. Она лежитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ великимъ княземъ Кіевскимъ Ярославомъ I былъ построенъ монастырь во имя св. Георгія (христіанское имя Ярослава было Георгій). Впоследствии этотъ монастырь былъ разрушенъ. Въ половинѣ прошлаго вѣка по повелѣнію Императрицы Елизаветы Петровны на фундаментѣ храма временъ Ярослава была построена существующая въ настоящее время небольшая каменная церковь. Достопримѣчательностью послѣдней является находящаяся

въ ней гробница извѣстнаго героя греческаго востанія молдавскаго князя Ипсиланти, надъ которой возвышается прекрасная мраморная статуя, изображающая собой ангела, исполненная извѣстнымъ Кановой.

Изъ Георгіевской церкви экскурсанты направились на Большую Владимірскую улицу, къ такъ называемому Ирнинскому памятнику. Послѣдній находится на мѣстѣ монастыря во имя св. Ирины, построеннаго Ярославомъ Мудрымъ одновременно съ Георгіевскимъ монастыремъ. Названъ онъ былъ Ирнинскимъ въ честь св. Ирины, имя которой носила супруга Ярослава. Разрушенъ былъ этотъ монастырь, какъ предполагаетъ В. Б. Антоновичъ, во время Менгли-Гиреевскаго разгрома, въ 1482 году. Во второй половинѣ XVII столѣтія, въ то время, когда русскіе воеводы, послѣ присоединенія Кіева къ Московскому государству, возобновляли здѣсь укрѣпленія, развалины Ирнинскаго монастыря были засыпаны прошедшимъ здѣсь валомъ. Открыты онѣ были въ 1830-хъ годахъ, когда во время царствованія Николая I проводилась Большая Владимірская улица. Что открытыя изъ-подъ вала развалины представляли собой остатки монастыря во имя св. Ирины, это было несомнѣнно установлено найденными здѣсь предметами. Между прочимъ, здѣсь же было найдено много фрагментовъ архитектурныхъ украшеній великокняжескихъ временъ, — главнымъ образомъ, обломковъ мраморныхъ плитъ, которыми были обложены нижнія части внутреннихъ стѣнъ. Находящійся въ настоящее время на Большой Владимірской улицѣ памятникъ представляетъ собою часть одного изъ внутреннихъ столбовъ, поддерживавшихъ собою сводъ храма. Кирпичъ, изъ котораго онъ сложенъ, является типичнымъ кирпичемъ эпохи XI и XII вв.

Послѣ осмотра Ирнинскаго памятника члены Съѣзда перешли въ Софійскій соборъ. Осмотръ этого знаменитѣйшаго памятника русско-византійскаго зодчества первой половины XI вѣка начался снаружи, съ восточной стороны. Софійскій соборъ начатъ постройкой около 1037 года греческими мастерами, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ Ярославъ Мудрый одержалъ блестящую побѣду надъ печенѣгами. Мѣсто битвы въ то время представляло поле, такъ какъ Кіевъ временъ Владиміра Святого и первой половины княженія Ярослава оканчивался тамъ, гдѣ теперь проходитъ Большая Житомирская улица. Если осматривать храмъ снаружи, съ восточной стороны, то можно замѣтить, что самая крайнія пристройки произведены впоследствии. Эти два пристроенные придѣла рѣзко отличаются отъ остальной части храма своей архитектурой, особенно карнизами и окнами. Вся-же большая средняя часть собора, имѣющая 5 большихъ и 2 малыхъ абсидныхъ выступа, сохранилась въ неприкосновенномъ видѣ отъ временъ Ярослава. По словамъ В. Б. Антоновича, здѣсь сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ не только стѣны, но и своды куполовъ. Бывшее раньше въ очень большомъ ходу мнѣніе о томъ, будто соборъ этотъ былъ полуразрушенъ не то во времена нашествія Батыя, не то при господствѣ уніатовъ, оказывается лишеннымъ всякаго основанія и древній Ярославовъ соборъ сохранился до нашего времени до вершины свода главнаго купола. Окончательно это было установлено передъ празднованіемъ 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси, въ 1888 г. Тогда въ соборѣ производился подъ руководствомъ покойнаго настоятеля собора, прот. Лебединцева, ремонтъ. Лѣса были установлены до вершины свода главнаго купола, и вотъ во время этихъ работъ въ главномъ сводѣ была открыта византійская мозаика временъ Ярослава. Мнѣніе о томъ, будто уніаты причинили собору поврежденія, какъ уже было упомянуто, также не вѣрно. Въ 1610 году они, дѣйствительно, при помощи вооруженной силы заняли соборъ, но, боясь народнаго возмущенія, они здѣсь не совершили богослуженія и ограничились лишь тѣмъ, что опечатали эту чтимую народомъ святыню. При Петрѣ Могилѣ Софійскій соборъ перешелъ обратно къ православнымъ. Осмотрѣвъ наружный видъ храма, экскурсанты перешли внутрь собора. Здѣсь, прежде всего, были

осмотрѣны образцы фресокъ и стѣнныхъ орнаментовъ, покрывающихъ собою почти все внутрення стѣны величественнаго храма и въ значительной своей части сохранившихся со времени постройки храма. Затѣмъ перешли въ среднюю часть храма, откуда осматривали находящіяся въ сводѣ главнаго купола мозаичныя изображенія Господа Саваооа и четырехъ архангеловъ по сторонамъ. Послѣ этого экскурсанты осматривали хранящіяся въ соборѣ двѣ византійскія мраморныя гробницы. Одна изъ нихъ, большая, находится въ одномъ изъ алтарей лѣвой части храма, гдѣ она стоитъ у правой стѣны. Крышка этой гробницы богато украшена рѣзными рельефными изображеніями. Это — гробница создателя храма Ярослава Мудраго. Раньше она находилась въ другой части храма, подъ поломъ, но впоследствии была перенесена оттуда и поставлена въ указанномъ алтарѣ. Другая гробница стоитъ у стѣны собственно храма. Эта гробница не имѣетъ крышки. Одинъ уголъ ея отбитъ. По размѣрамъ она значительно меньше Ярославовой. Кто въ ней былъ погребенъ, — неизвѣстно. Послѣ осмотра нижней части собора, участники экскурсіи направились на хоры, подымаясь по лѣвому ходу, примыкающему къ выходу. По стѣнамъ этихъ ходовъ сохранилось много фресокъ XI вѣка, содержаніемъ которыхъ служатъ сцены охоты, игры, эпизоды изъ придворной великокняжеской жизни и проч. Вообще содержаніе для этихъ фресокъ живописцы первой половины XI вѣка брали изъ свѣтской жизни. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что во времена Ярослава ходы, ведущіе на хоры, шли въ храмъ снаружи, со двора и только впоследствии, когда къ собору справа и слѣва были пристроены придѣлы, эти ходы очутились внутри церкви. Находящіяся на стѣнахъ этихъ ходовъ фрески профессоръ В. Б. Антоновичъ считаетъ работой византійскихъ художниковъ. Это доказывается какъ общими характерными чертами византійской живописи того времени (отсутствіе перспективы, уродливость животныхъ и т. д.), такъ и содержаніемъ нѣкоторыхъ фресокъ. Одна изъ послѣднихъ, напримѣръ, изображаетъ вѣздъ на цирковую арену четырехъ колесницъ; въ другомъ мѣстѣ нарисованы наполненные зрителями ложи цирковаго амфитеатра и т. д. Взойдя на хоры, экскурсанты прежде всего осматривали съ того мѣста, гдѣ поютъ пѣвчіе, прекрасно видныя отсюда мозаичныя изображенія, особенно величественный образъ Богоматери, находящійся въ верхней части главнаго алтарнаго абсида, и изображенія четырехъ евангелистовъ, расположенныя на основаніяхъ главнаго купола. Затѣмъ съ правой и съ лѣвой стороны хоръ осматривали другія мозаики. Здѣсь-же были осмотрѣны древнія колонны, чисто-византійскаго стиля. Онѣ состоятъ изъ одного четырехъ-угольнаго столба, съ четырьмя выступающими по сторонамъ круглыми колоннами, увѣнчанными сверху одною общею капителью.

По выходѣ изъ собора В. Б. Антоновичъ сообщилъ участникамъ экскурсіи, что во времена великокняжескія во дворѣ Софійскаго собора иногда созывали вѣча, при чемъ вѣчевые люди разсаживались на устроенныхъ одна надъ другой вдоль стѣнъ собора скамьяхъ.

Осмотрѣвъ затѣмъ попутно колокольню Софійскаго собора, которая, какъ предполагаетъ В. Б. Антоновичъ, построена въ XVII вѣкѣ (верхній ярусъ надстроенъ въ нынѣшнемъ столѣтіи), группа направилась въ городъ временъ Владиміра Святого. Владиміровскій городъ занималъ совершенно ничтожную по своимъ размѣрамъ площадь. Онъ начинался тамъ, гдѣ теперь пересѣкаются Большая Владимірская и Большая Житомирская улицы. Отсюда онъ продолжался до обрыва горы, занимая такое-же пространство и въ ширину. При началѣ послѣдней части Большой Владиміровской улицы въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сохранялись развалины воротъ князя Владиміра Святого, и только въ XVIII вѣкѣ онѣ были разобраны однимъ изъ кievскихъ комендантовъ, которому для хозяйственныхъ цѣлей потребовался кирпичъ. Летъ 8—10 тому назадъ, когда здѣсь рыли траншею для прокладки какихъ-то трубъ, были обнаружены остатки кирпичнаго фундамента самой древней кладки. Фундаментъ этотъ пред-

ставляетъ собою послѣдніе слѣды воротъ конца X или самаго начала XI вѣка, и въ настоящее время находится подъ мостовой. Съ наружной стороны стѣны города Владиміра, по протяженію нынѣшней Большой Житомирской улицы, въ то время шелъ оврагъ. Въ общемъ городъ временъ Владиміра былъ столь незначителенъ, что его можно правильнѣе назвать княжеской цитаделью. Послѣдняя, возвышаясь надъ тогдашнимъ настоящимъ городомъ, лежавшимъ на Подолѣ, командовала надъ нимъ. Такимъ образомъ, князь, занимая съ своей дружиною эту цитадель, имѣлъ въ виду защиту не только отъ внѣшнихъ враговъ: этимъ самымъ онъ держалъ въ рукахъ и жившихъ на Подолѣ кіевлянъ.

Пройдя далѣе, экскурсанты остановились у ограды Десятинной церкви, противъ усадьбы князя Трубецкого. Усадьба эта занимаетъ уголь Большой Владимірской и Десятинной улицъ. Крайняя угольная ея часть, довольно значительно возвышающаяся надъ уровнемъ мостовой, пока не застроена. Эта незастроенная часть усадьбы, занятая садомъ, и представляетъ собой мѣсто, гдѣ возвышался великокняжескій теремъ. Доказывается это съ большею или меньшею вѣроятностью какъ историческими, такъ и археологическими данными. Такъ, въ одномъ изъ лѣтописныхъ сообщеній говорится, что между княжескимъ теремомъ и Десятинной церковью лежала небольшая площадь, а за теремомъ находилась Трехсвятительская церковь. Это мѣсто терема какъ разъ совпадаетъ съ площадью усадьбы князя Трубецкого. Предположеніе это впоследствии подтвердилось. Во время работъ по возведенію постройки въ концѣ этой усадьбы были обнаружены, при рытьѣ канавъ для фундаментовъ, остатки какой-то древней кладки. Послѣдняя, по очисткѣ ея, оказалась имѣющей форму трехъ сторонъ многоугольника, сходящихся подъ очень тупыми углами. Кирпичъ, этой кладки, дѣйствительно, оказался кирпичемъ великокняжеской эпохи. Тамъ же было найдено много предметовъ, относящихся къ той-же эпохѣ. Большинство этихъ находокъ въ настоящее время находится въ музеѣ г. Хайновскаго. Къ сожалѣнію, владѣлецъ усадьбы не позволяетъ археологамъ произвести на его землѣ систематическихъ раскопокъ, которыя, быть можетъ, обогатили-бы науку многими важными находками. Въ заключеніе своего сообщенія о мѣстѣ великокняжескаго терема, В. Б. Антоновичъ замѣтилъ, что въ настоящее время на крайнихъ частяхъ фундаментовъ терема со стороны Большой Владимірской, такъ и со стороны Трехсвятительской улицъ уже возведены постройки.

Послѣ этого группа занялась осмотромъ Десятинной церкви. Десятинная церковь впервые была построена Владиміромъ Святымъ. Она была главнымъ соборомъ для всего государства, и на содержаніе ея князь выдавалъ десятую часть своихъ доходовъ. Послѣ того, какъ полчища Батия послѣ ожесточеннаго штурма ворвались въ стѣны главной цитадели, оставшіеся въ живыхъ воины вмѣстѣ со многими жителями города укрылись въ эту церковь и тамъ погибли подъ рухнувшими хорами и сводами храма. Послѣ того Десятинная церковь очень долго оставалась въ развалинахъ. Ко времени знаменитаго Петра Могила изъ всѣхъ развалинъ болѣе другихъ уцѣлѣли остатки двухъ стѣнъ, образовавшихъ прямой уголъ. Къ этимъ двумъ стѣнамъ Петръ Могила пристроилъ двѣ другія стѣны, и такимъ образомъ вновь возникла здѣсь церковь, называвшаяся Могилянскою. Тогда-же, при раскопкахъ, была найдена гробница, признанная Петромъ Могилой гробницею князя Владиміра Святого и поставленная имъ внутри храма, съ правой стороны, передъ алтаремъ. Нынѣ существующая церковь построена уже въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, на средства помѣщика Аиненкова. Она возведена на мѣстѣ фундамента старой, Владимірской, церкви, но занимаетъ площадь въ $2\frac{1}{2}$ раза меньшую. Внутри Десятинной церкви была осмотрѣна прежде всего гробница Владиміра Святого, послѣ чего были осмотрѣны многочисленные предметы, найденные въ землѣ во время постройки нынѣшней церкви и хранящіеся нынѣ въ особомъ шкапу. Здѣсь обраца-

ють на себя вниманіе куски древнихъ фресокъ, обломки орнаментовъ, двѣ серебряныя гривны, серьги великокняжеской эпохи, византійскіе крестики и т. д. Въ вижней части шкапа находится одинъ цѣлый колоколъ и одинъ разбитый. Оба они найдены въ землѣ и носятъ на себѣ слѣды далекаго прошлаго. По выходѣ изъ церкви В. Б. Антоновичъ сообщилъ участникамъ экскурсіи, что во дворѣ церковномъ не такъ давно, при производствѣ какихъ-то хозяйственныхъ работъ, были найдены въ землѣ двѣ гробницы великокняжеской эпохи, но не были вынуты.

Изъ Десятинной церкви группа направилась къ Андреевской церкви и поднялась на окружающую ее площадку. Здѣсь, стоя у чугунной рѣшетки, В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ сообщеніе о достопримѣчательностяхъ разстилавашагося передъ взорами окружавшихъ его лицъ Подола. Прежде всего имъ была указана гора Щекавица, при мысли о которой невольно вспоминается легенда о Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди. Легенду эту В. Б. Антоновичъ объясняетъ въ томъ смыслѣ, что когда-то на мѣстѣ Кіева существовало четыре отдѣльныхъ поселенія, которыя съ теченіемъ времени съ общаго согласія соединились въ одну общину. Затѣмъ было указано мѣсто яровъ „Гончары“ и „Кожемяки“, очевидно, удержавшихъ свои названія съ того древняго времени, когда мастерские каждого цеха жили на различныхъ концахъ. Было указано теченіе древней р. Почайны, въ устьѣ которой еще во времена сѣдой древности находилась Кіевская гавань. Это видно изъ словъ княгини Ольги, которая, приглашая въ гости, въ Кіевъ, византійскаго императора, говорила ему, что онъ пробудетъ у нея въ Почайнѣ столько же, сколько она пробыла у него въ Рогѣ, (въ Золотомъ Рогѣ, заливъ Босфора). На низкой части Подола, на такъ называемой Оболони, въ наше время былъ найденъ кладъ греко-римскихъ монетъ III вѣка. Это даетъ право предположить, что уже въ то время Кіевъ велъ довольно оживленныя торговыя сношенія съ далекимъ югомъ. Была указана Ильинская церковь, лежащая близъ берега Дибра и находящаяся, вѣроятно, на томъ мѣстѣ, гдѣ уже въ половинѣ 10 вѣка существовала церковь во имя св. Іліи (упоминается въ договорѣ съ греками 945), и Братскій монастырь, основанный въ концѣ XVI или началѣ XVII в., съ центромъ южно-русскаго просвѣщенія при немъ, Могилянскою коллегіей, впоследствии преобразованной въ Духовную Академію; нынѣшній монастырскій храмъ и лѣвый академическій корпусъ построены, по словамъ В. Б. Антоновича, гетманомъ Мазепою. Противъ Братскаго монастыря находится небольшая Успенская церковь. Последняя по времени своей первоначальной постройки восходитъ къ великокняжеской эпохѣ. Въ XV вѣкѣ, во время разгрома Менгли-Гирея, она была значительно повреждена. Когда же въ первой половинѣ XVII в. униаты опечатали Софійскій соборъ, кіевляне возстановили Успенскій храмъ, и онъ приобрѣлъ значеніе собора. Была затѣмъ указана Замковая гора, игравшая во времена литовско-польскаго владычества роль военно-административнаго центра. На ней еще Витовтомъ былъ построенъ замокъ. Далѣе В. Б. Антоновичъ сообщилъ, что на мѣстѣ видѣющагося за Днѣпромъ села, во времена великокняжескія черниговскіе князья, питавшіе постоянныя поползновенія на овладѣніе кіевскимъ престоломъ, имѣли постоянный укрѣпленный пунктъ, игравшій наблюдательную роль и называвшійся „Черниговскимъ городкомъ“. Указаны были и многіе другіе пункты, въ томъ числѣ далеко видѣвшійся Вышгородъ, послѣ чего группа направилась въ Трехсвятительскую церковь, мимоходомъ осмотрѣвъ снаружи Андреевскую церковь, построенную во время царствованія Елисаветы Петровны.

Трехсвятительская церковь была построена Владиміромъ Свѣтымъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ до крещенія Руси возвышался идолъ Перуна. Церковь эта, посвященная первоначально св. Василию, имя котораго принялъ послѣ крещенія князь Владиміръ, несмотря на всѣ невзгоды, сохранилась со времени своей постройки и до настоящаго времени въ неприкосновен-

номъ видѣ, и произведенныя изслѣдованія показали, что всѣ ея стѣны и своды сложены изъ кирпича великокняжеской эпохи. За церковью, надъ обрывомъ, до сихъ поръ сохранились остатки земляного вала эпохи великаго князя Владиміра. Правда, этотъ валъ впоследствии, въ время возобновленія въ XVII вѣкѣ кievскихъ укрѣпленій русскими воеводами, былъ поднятъ, но онъ именно былъ поднятъ, а не перенесенъ на другое мѣсто. Ниже этого вала видѣется обрывъ, называющійся „Чортовымъ Беремищемъ“. Это тотъ обрывъ, въ который былъ свергнутъ Перунъ. Вблизи „Чортова Беремища“ раньше пролегалъ шедшій отъ Михайловскаго монастыря по направленію къ Рождественской церкви на Подолѣ спускъ, называвшійся „Боричевымъ взвозомъ“. Это былъ вѣроятно, древнѣйшій путь, соединявшій великокняжескій городъ съ Подоломъ. По этому взвозу тащили кievляне въ рѣку Перуна.

Осмотрѣвъ усадьбу Трехсвятительской церкви, экскурсанты направились въ Михайловскій монастырь. Монастырь этотъ построенъ въ первой половинѣ XII вѣка великимъ княземъ Святополкомъ II, православное имя котораго было Михаилъ. Не подвергаясь ни разу разрушенію, если не считать незначительныхъ поврежденій, причиненныхъ въ XV вѣкѣ, монастырь этотъ много разъ перестраивался и расширялся, вслѣдствіе чего въ настоящее время онъ представляетъ собой смѣсь множества стилей, и лишь средняя часть этого памятника XII вѣка болѣе другихъ сохранилась. При постройкѣ монастыря внутреннія стѣны его по примѣру Софійскаго собора были украшены мозаиками и фресками, но послѣднія не сохранились. Лишь въ главномъ алтарѣ лѣтъ 10 тому назадъ было открыто нѣсколько мозаичныхъ изображеній. Осмотръ Михайловскаго монастыря начать былъ съ находящихся въ передней части его вдѣланныхъ въ стѣны гробницъ основателя Златоверхой обители Святополка II и его супруги. Надъ гробницами этими устроены сводчатыя ниши. Затѣмъ былъ осмотрѣнъ весь храмъ внутри, особенно рака съ мощами св. Варвары великомученицы и другая рака съ частицами мощей. Эта вторая рака замѣчательна тѣмъ, что она сдѣлана въ концѣ XVII вѣка кievскими мастерами, по заказу гетмана Мазепы.

Осмотрѣвъ храмъ внутри, экскурсанты направились во дворъ монастыря, гдѣ въ одну изъ стѣнъ послѣдняго вдѣланы двѣ большія плиты изъ краснаго шифера, съ рельефными изображеніями на нихъ, относящимися ко времени постройки храма. На обѣихъ плитахъ изображены верхомъ на коняхъ Георгій Побѣдоносецъ и Димитрій, въ боевой одеждѣ и вооруженные. На первой плитѣ они поражаютъ змievъ, а на второй—половца.

Закончился осмотръ достопримѣчательностей Стараго Кіева около 2 часовъ. Всѣ участники экскурсіи съ большимъ интересомъ выслушали живыя сообщенія проф. В. Б. Антоновича о древностяхъ „матери городовъ русскихъ“, въ глубокомъ знаніи которыхъ онъ не имѣетъ соперниковъ.

По окончаніи экскурсіи всѣ горячо благодарили своего руководителя, превратившаго почти 3-часовой осмотръ достопримѣчательностей Кіева въ живую и глубоко-интересную лекцію, посвященную исторіи древнѣйшаго русскаго города.

Повтореніе экскурсіи послѣдовало 20 августа.

15 же августа, въ 11^{1/2} часовъ утра, небольшая группа членовъ Съѣзда подъ руководствомъ профессора Н. И. Петрова, совершила осмотръ Кіево-Подолы въ археологическомъ отношеніи. Экскурсанты собрались въ скверѣ противъ 3-й гимназіи, затѣмъ поднялись на Замковую (нынѣ Флоровскую) гору, откуда открывается почти весь Кіево-Подоль. Затѣмъ экскурсанты, спустившись съ Флоровской горы, въ вагонахъ электрической желѣзной дороги проѣхали до Кіево-Кирилловской церкви, осмотрѣли по пути древнія урочища, и наконецъ самую Кирилловскую церковь съ ея древними фресками.

16-го августа. 10 часовъ утра.

Общее собраніе.

Предсѣдатель Съезда: графиня П. С. Уварова.

Предсѣдатель Ученаго Комитета: В. Б. Антоновичъ.

Секретарь того же Комитета: О. И. Левицкій.

1. М. В. Довнаръ-Запольскій: *Обзоръ дѣятельности губернскихъ архивныхъ комиссій за послѣдніе три года.* (Т. II ч. 1).

При обсужденіи этого отчета нѣкоторыми членами было высказано пожеланіе, чтобы изданія архивныхъ комиссій, вообще мало доступныя поступали въ продажу и чтобы упорядоченъ былъ обмѣнъ ими съ другими учеными обществами. Затѣмъ проф. Д. И. Багалѣй обратилъ вниманіе на то, что, какъ видно изъ отчетовъ нѣкоторыхъ архивныхъ комиссій, онѣ нерѣдко принимаютъ на себя трудъ просмотра описей и дѣлъ не только мѣстныхъ архивовъ, но получаютъ описи и дѣла изъ отдаленныхъ губерній. Такъ, напр., описи архивовъ полтавской казенной Палаты и Палаты государственныхъ имуществъ были переданы на просмотръ Рязанской архивной комиссіи, плочкихъ архивовъ — Калужской комиссіи и т. д. Изъ объясненій, представленныхъ С. Д. Яхонтовымъ и другими членами, выяснилось, что это ненормальное явленіе происходитъ отнюдь не по желанію архивныхъ комиссій, а лишь потому, что нѣкоторыя присутственныя мѣста, преимущественно вѣдомства министерства финансовъ и государственныхъ имуществъ, присылаютъ описи своихъ архивовъ въ тѣ или другія комиссіи по своему усмотрѣнію. Признавъ такой порядокъ ненормальнымъ и нежелаемымъ, Общее Собраніе, по предложенію графини П. С. Уваровой, постановило: просить Императорское Московское Археологическое Общество подробно обсудить данный вопросъ и войти въ министерства финансовъ и государственныхъ имуществъ съ ходатайствомъ, чтобы подвѣдомственныя имъ присутственныя мѣста не разсылали дѣлъ и описей своихъ архивовъ въ отдаленныя архивныя комиссіи, минуя мѣстныя такія же комиссіи или однородныя ученые учрежденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Общее Собраніе признало желательнымъ и на будущее время присылку Предварительному Комитету годовыхъ отчетовъ архивныхъ комиссій для составленія и доклада будущему Археологическому Съезду общаго обзора ихъ дѣятельности.

2. В. М. Виттыгъ: *О нуждахъ археологіи въ Царствѣ Польскомъ.* (Т. II ч. 2).

16-го августа, 2¹/₂ часа дня, въ Городскомъ Музеѣ древностей и искусствъ.

I-е Отдѣленіе — Древности первобытныя.

Почетный Предсѣдатель: С. М. Сольскій.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. Н. Анучинъ.

Секретарь Отдѣленія: В. К. Трутовскій.

П. Я. Армашевскій. *О стоянкѣ человека палеолитической эпохи по Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ.* Открытіемъ этой стоянки мы обязаны В. В. Хвойкѣ, который осенью 1893 г. въ усадьбѣ г. Зиваля нашелъ нѣсколько костей мамонта совмѣстно съ кремневыми орудіями

и сообщилъ объ этомъ проф. В. Б. Антоновичу,—а послѣдній референту. При первомъ же посѣщеніи мѣстности, гдѣ была сдѣлана находка, референтъ увидѣлъ, что найденные предметы представляли исключительный интересъ, залегая подъ огромною толщею горныхъ породъ послѣтретичнаго возраста.

Мѣстность, гдѣ была сдѣлана находка, представляетъ собою часть береговой возвышенности, окаймляющей долину Днѣпра. Эта возвышенность прорѣзана здѣсь двумя глубокими оврагами, между которыми тянется продолговатый холмъ, постепенно понижающійся отъ Лукьяновки къ Кирилловской улицѣ; одинъ изъ склоновъ этого холма обращенъ къ усадьбѣ бывшей Зиваля, а противоположный—къ усадьбѣ бывшей Багрѣва. При раскопкахъ и изслѣдованіи склона въ усадьбѣ Зиваля обнаружено было слѣдующее напластованіе, считая сверху внизъ: 1) лессъ мощностью около 5 сажень, 2) желтоватобурый слоистый суглинокъ до 1 саж., 3) сѣрые и зеленоватосѣрые, мѣстами глинистые пески, до 3 саж., 4) въ самомъ низу—синяя спондиловая глина. Въ сѣрыхъ пескахъ, на глубинѣ около 8 сажень отъ поверхности, и были найдены кости мамонта, кремневые отбивныя орудія, древесный уголь, куски дерева и кости, отчасти обожженныя, а также валуны, гранить, подвергавшіяся дѣйствию огня. Первоначально названные предметы попадались отдѣльно, но по мѣрѣ того, какъ раскопки подвигались внутрь холма, число предметовъ увеличивалось, и обнаруженъ былъ культурный слой, представлявшій собою непрерывный пропластъ изъ смѣси угля, обломковъ костей, кремневыхъ орудій и проч. Изслѣдуя противоположный склонъ холма, въ усадьбѣ Багрѣва, референтъ встрѣтилъ совершенно такое же напластованіе, какъ и въ усадьбѣ г. Зиваля, причемъ и здѣсь въ сѣрыхъ пескахъ найденъ былъ культурный слой, на глубинѣ около $6\frac{1}{2}$ сажень отъ поверхности, слѣдовательно, около—2-хъ сажень выше культурнаго слоя въ усадьбѣ г. Зиваля. Здѣсь также были произведены раскопки, указавшія, что культурный слой въ усадьбѣ г. Багрѣва содержалъ огромное количество кремневыхъ орудій, но кости мамонта здѣсь попадались только изрѣдка. Кромѣ того, замѣчено было, что онъ залегалъ прерывистыми участками. Такимъ образомъ работами какъ со стороны усадьбы г. Зиваля, такъ и г. Багрѣва, холмъ былъ значительно раскопанъ, и результаты были не малы: найдены были кости 8—9 мамонтовъ вмѣстѣ съ орудіями первобытнаго человѣка и продуктами его дѣятельности (уголь), но во всякомъ случаѣ главная его масса, гдѣ можно было предполагать еще большее нахожденіе предметовъ стоянки человѣка, оставалась нетронутой до нынѣшняго года. Въ нынѣшнемъ году г. Зайцевъ, купившій усадьбы Зиваля и Багрѣва, пожелалъ устроить кирпичный заводъ, для чего ему нужно было срѣзать переднюю часть холма, чтобы получить залегающую внизу синюю глину. Предприняты были обширныя земляныя работы, за которыми въ лицѣ В. В. Хвойки, былъ установленъ самый тщательный надзоръ. Благодаря этимъ работамъ постепенно была обнажена почти вся площадь бывшей стоянки, достигавшая, какъ оказалось, около 700 кв. сажень (35 с. въ длину и 20 с. въ ширину). Мощность культурнаго слоя, имѣвшаго при раскопкахъ въ усадьбѣ г. Зиваля не болѣе 2—5 сантиметровъ, постепенно увеличиваясь, возрастала въ иныхъ мѣстахъ до 40 сантиметровъ. Такимъ образомъ, произведенныя раскопки дали возможность собрать по возможности всѣ предметы стоянки человѣка, причемъ въ настоящее время не можетъ существовать никакихъ сомнѣній, что эти предметы попали сюда не случайно, а снесены рукою человѣка. Это доказывается какъ свойствами культурнаго слоя, представляющаго собою несортированное водою скопленіе веществъ, весьма различныхъ по удѣльному вѣсу, такъ и свойствами самыхъ предметовъ не подвергавшихся ни малѣйшему обтачивающему дѣйствию воды. Кромѣ того, самое количество костей мамонта, здѣсь найденныхъ, исключаетъ предположеніе о томъ, чтобы эти кости были занесены водою. Эти кости, въ видѣ челюстей, бивней, коренныхъ зубовъ, переднихъ и заднихъ

конечностей и др., принадлежать по крайней мѣрѣ 50 индивидуумамъ весьма различнаго возраста. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ на себѣ ясныя слѣды разлома рукою человѣка. Кремневыхъ орудій въ нижнемъ культурномъ слоѣ найдено около 200 штукъ. Орудія эти довольно грубой работы и иногда приготовлены изъ кремнистаго известняка. Кромѣ того, здѣсь найдены обдѣланные бивни мамонта, служившіе человѣку орудіемъ, представляющіе исключительную рѣдкость. Бивни эти съ одного конца закруглялись, а съ другого подчищались для образованія удобной рукоятки. Раскопки 1899 года показали также, что верхній культурный слой, открытый въ усадьбѣ г. Багрѣва, представляетъ собою болѣе поздній, независимый отъ нижняго. Кремневые орудія, найденныя въ немъ въ количествѣ болѣе 3000, являлись болѣе совершенными. Въ одномъ мѣстѣ здѣсь встрѣчена куча изъ нѣсколькихъ сотъ кусковъ кремня, очевидно, собранная для выдѣлки орудій. Нуклеусы попадались также весьма нерѣдко. Въ верхнемъ культурномъ слоѣ, кромѣ костей мамонта, найдены: зубъ ископаемаго медвѣдя и челюсти ископаемыхъ кошки (не уступавшей размѣрами африканскому льву) и гіены. Перейдя затѣмъ къ разсмотрѣнію геологическаго возраста описанной стоянки, референтъ указалъ, что описанные предметы находились въ отложеніяхъ послѣднеледниковой эпохи и что человѣкъ на территоріи нынѣшняго Кіева появился въ началѣ этой эпохи, вскорѣ послѣ отступленія ледника, когда здѣсь господствовалъ холодный климатъ, благоприятный для жизни мамонта. Принимая во вниманіе необыкновенную глубину залеганія предметовъ описанной стоянки (болѣе 8 сажень), и то, что на вершинѣ этихъ холмовъ, слѣдовательно послѣ отложенія песковъ, суглинка и лёса, жилъ, дѣлая жилища въ лёсѣ, доисторическій человѣкъ неолитической эпохи (см. слѣдующій докладъ), — нужно думать, что наша палеолитическая стоянка является самой древней въ Россіи изъ всѣхъ извѣстныхъ до сего времени и по самымъ минимальнымъ исчисленіямъ, вѣроятно, прошло не менѣе 20000 лѣтъ со времени существованія ея.

На вопросъ Д. Н. Анучина, какимъ образомъ онъ объясняетъ, что надъ находкою былъ слой песковъ и суглинка и только потомъ лёсъ, докладчикъ отвѣтилъ, что по теоріи, защищаемой и отчасти проводимой имъ, происхожденіе лёса—намывное, а не воздушное. Соглашаясь съ замѣчаніемъ Д. Н. Анучина, что на склонѣ болѣшая толщина слоя не свидѣтельствуетъ непременно о болѣшей древности (оползни), докладчикъ по отношенію къ данной мѣстности глубину залеганія признавалъ несомнѣннымъ признакомъ древности: ибо для Кіева эта толща—не исключеніе, а явленіе нормальное: здѣсь, на огромной территоріи, лёсовые образованія представляютъ собой толщу около 10—12 саж. мощности, облекая склоны. Далѣе, среди ряда вопросовъ, возбуждаемаго этой чрезвычайно замѣчательной находкой, Д. Н. Анучинъ ставилъ вопросъ, чѣмъ объяснить огромное присутствіе костей мамонта, при отсутствіи орудій, которыми можно было бы убить этого гиганта, при трудностяхъ копать яму для поимки его, и даже вытащить изъ ямы голову убитаго звѣря. Не вымеръ ли мамонтъ еще раньше человѣческой жизни на открытой В. В. Хвойкой стоянкѣ, и не являлись ли эти кости для первобытнаго человѣка предметами ископаемыми, которые онъ, находя въ землѣ сносилъ для разныхъ цѣлей къ своему жильцу? Докладчикъ отрицалъ возможность такого предположенія. Тутъ, очевидно, человѣкъ пытался мясомъ мамонта, и безъ мамонта не могъ бы существовать (болѣе подвижныя животныя были недоступныя его оружію). Съ другой стороны—мы не имѣемъ и основаній предполагать столь раннее исчезновеніе мамонта; кости мамонта находятъ и въ лёсѣ, и въ верхнихъ его слояхъ: поэтому слѣдуетъ полагать, что какъ человѣкъ появившись въ самый ранній періодъ послѣднеледниковой эпохи, продолжалъ существовать до начала исторіи, такъ и мамонтъ долго сопровождалъ его, хотя исчезъ въ доисторическую эпоху. На вопросы В. А. Городцова, полагавшаго возможнымъ отнести стоянку къ до-

ледниковому періоду (въ виду отсутствія на ней продуктовъ морены), докладчикъ отвѣчалъ, что эти отложенія безспорно послѣдниковыя.

2. А. М. Покровскій и В. В. Хвойка: *О раскопкахъ В. В. Хвойки въ Киевскомъ уѣздѣ*. (Томъ I).

По окончаніи доклада П. Н. Милюковъ исходя изъ предположенія, что культуры А и В не были очень далеки другъ отъ друга, а представляли двѣ вѣтви одной и той же культуры, указалъ сходныя находки (по общему виду стоянокъ, по биноклеобразнымъ сосудамъ или по человѣческимъ фигуркамъ: въ Галиціи, въ Буковинѣ, Румыніи, Болгаріи (Филиппополь), Босніи (Бутмиръ), Семиградіи, и полагалъ, что культура эта шла съ юга, черезъ Румынію, разцвѣтъ же ея былъ въ Галиціи. Д. Н. Анучинъ высказался въ томъ смыслѣ, что направленія, по которому распространялась эта культура, установить невозможно. Можно только говорить объ охватываемомъ ею географическомъ районѣ.

Въ заключеніе засѣданія предсѣдатель отдѣленія Д. Н. Анучинъ принесъ В. В. Хвойкѣ сердечную, глубокую благодарность за все, что онъ далъ въ руки науки, и выразилъ пожеланіе, чтобы собранная имъ во время раскопокъ на Кирилловской улицѣ и подлѣ Триполья богатая археологическая коллекція стала собственностью Музея древностей и искусствъ, и продолжала расти. Послѣ словъ Д. Н. Анучина, В. В. Хвойко была устроена шумная и восторженная овація собраніемъ.

16-го августа, 7^{1/2} часовъ вечера.

IV Отдѣленіе—Древности историко-географическія и этнографическія.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. Н. Багалъй.

Секретарь Отдѣленія: О. А. Фотинскій.

1. А. И. Бунинъ: *Гдѣ находились ворота, упоминаемая въ лѣтописи подъ 1268 г.*

По извѣстію, записанному въ Волинской лѣтописи подъ 1268 г. (П. С. Р. Л. II, 203 с.), въ западной Украинѣ Русской земли, около сел. Тернавы и близъ польской границы, находилось ущелье наз. *воротами*: это было говорить лѣтописецъ, „мѣсто твердо, зане немощно бысть обойти его никуда же, тѣмже нарѣчахуться *ворота* тѣсною своею.“ Черезъ эти ворота прошли поляки направляясь къ Бѣльзу, для раззоренія его окрестностей, черезъ нихъ же они возвращались въ свою землю и сломили въ нихъ сильный полкъ кн. Шварна, причемъ инымъ полкамъ невозможно было дать ему помощи ниоткуда за тѣсною.

Барсовъ (Оч. Рус. Ист. Геогр. 269), для опредѣленія мѣстоположенія этихъ воротъ, указываетъ на сел. Пржеватно, въ 20 в. къ С. отъ г. Рѣшова, предоставляя, впрочемъ, мѣстнымъ изысканіямъ рѣшить: вѣрно-ли это предположеніе и соответствують ли окрестности этого селенія описанію, которое даетъ лѣтопись воротамъ 1268 г. Насколько мнѣ извѣстно, по этому вопросу не послѣдовало еще отзыва. Но указанное селеніе находится далеко въ сторонѣ отъ упоминаемой въ лѣтописи Тернавы и по топографическимъ условіямъ не соответствуетъ лѣтописному описанію, по которому необходимо, чтобы мѣстность представляла горный кряжъ, поперекъ коего проходило ущелье, а Пржеватно—на ровной мѣстности, и въ близкомъ отъ него разстояніи нѣтъ горнаго прохода, къ которому могло бы относиться названіе *воротъ*.

Для того, чтобы опредѣлить, гдѣ находились *ворота*, надобно предварительно установить мѣстоположеніе сел. Тернавы, въ которомъ былъ назначенъ въ томъ году съѣздъ русскихъ и ляхскихъ князей и около котораго обошли поляки, направляясь черезъ ворота къ Бѣльзу. За такое селеніе, несомнѣнно, слѣдуетъ признать теперешнюю Тернаву на р. Поръ, рядомъ съ г. Туробинимъ, Красноставскаго у., потому что она находится на продолженіи прямой линіи изъ Владиміра Волынскаго чрезъ Грабовець, въ которомъ находился, ѣхавшій въ Тернаву, кн. Василько и получилъ извѣстіе о нападеніи поляковъ на Бѣльзъ. Отъ этой Тернавы, въ 15 в. къ Ю.-В., какъ показано на 3-хъ верстной военно-топографической картѣ (р. XXI л. 1), начинается горный кряжъ, направляющійся съ С. на Ю., на протяженіи до 25 в., между лѣвой стороною верхняго течения р. Венря и правою стороною р. Горайца. Кряжъ этотъ, поросшій лѣсомъ, достигаетъ высоты 155 $\frac{1}{2}$ фут., развѣтвляется на множество боковыхъ отроговъ и изрытъ съ обѣихъ сторонъ оврагами. Въ этомъ кряжѣ и надобно искать лѣтописныя *ворота*. Насколько можно судить по картѣ, дѣйствительно, онъ въ одномъ мѣстѣ разрѣзается, во всю 6 верстную ширину, двумя оврагами, сходящимися своими вершинами и образующими, такимъ образомъ, ущелье, начинающееся отъ южной оконечности сел. Ковенчина на р. Венрѣ, а другимъ концомъ выходящее между селеніями Вольной Черностопкой и Дзельдомъ, на р. Гораецъ, въ 18 в. къ Ю.-В. отъ сел. Тернавы. Ущелье это проходитъ въ $\frac{1}{2}$ в. съ южной стороны и параллельно съ теперешней дорогой изъ сел. Ковенчика въ д. Подборче, а въ старину, во время событія 1268 г., могло быть единственнымъ путемъ сообщенія въ этомъ краѣ польской стороны съ русскою, такъ какъ вся эта мѣстность, покрытая густымъ лѣсомъ и крайне пересѣченная, не допускала тогда возможности проложенія другихъ дорогъ. Топографическія условія указываемаго ущелья также соотвѣтствуютъ лѣтописному разсказу, такъ какъ, при выходѣ съ западной стороны, оно настолько тѣсно, что не допускало возможности ни развернуться передовому русскому полку, ни получить подкрѣпленіе отъ полка за нимъ слѣдовавшаго, почему они и потерпѣли поражение, несмотря на то, что были многочисленны и „видениемъ акы боровѣ велицей.“ Равнымъ образомъ и мѣсто-нахожденіе отмѣченнаго ущелья, близъ польской границы, подтверждается тѣмъ, что р. Ладъ, протекающая западнѣе р. Горайца, по извѣстію Волынской лѣтописи подъ 1245 г. (529 с.), была уже въ Польской землѣ, а судя по картѣ Галиціи 1770-хъ годовъ, эта граница проходила съ С. на Ю. почти на половинномъ разстояніи между р. р. Ладой и Горайцомъ. Что же касается сел. Тернавы, то, несомнѣнно, оно было приграничнымъ, но по какую сторону границы находилось, опредѣлить трудно. По атласу Лелевеля (карта 5, относящ. къ 1279 г.) оно хотя необозначено, но приходилось бы у самой границы, въ Люблинской землѣ, которая показана въ русскихъ владѣніяхъ. На чемъ основывался въ этомъ случаѣ Лелевель — неизвѣстно; нашей же лѣтописью принадлежность Люблина къ русскимъ владѣніямъ въ ближайшее къ этому время не подтверждается, какъ это видно изъ извѣстій, записанныхъ подъ 1245, 1261, 1268, 1282 и 1287 г.г. (Ип. Лѣт., изд. 1871 г., стр. 529, 564, 571, 586 и 598—9). По атласу Павлищева, который, вѣроятно, руководствовался Лелевелемъ, — Люблинъ также показанъ въ русскихъ владѣніяхъ.

2. В. Г. Ляскоронскій. *Находки римскихъ монетъ въ бассейнѣ средняго Приднѣпровья.* (Томъ I).

При обсужденіи доклада, В. Б. Антоновичъ, въ виду исключительности находокъ монетъ Цезаря и болѣе раннихъ, не признавалъ въ нихъ хронологическаго указанія, полагая, что онѣ явились здѣсь путемъ случайнаго сохраненія въ семьяхъ, какъ предметъ старины.

Графъ А. А. Бобринскій смягчилъ силу этого возраженія, указавъ, что данныя монеты все же встрѣчаются не поштучно, а десятками. Отсутствіе римскаго вліянія казы-

ваются въ курганахъ тѣмъ, что тамъ не находятъ монетъ, которыя, по римскому обычаю, клались на уста покойнику; если находятъ монеты, то пантикопейскія. Разъ только, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ верхнемъ слоѣ кургана Д. Я. Самоквасовъ нашелъ римскую монету.

З. А. А. Копфъ. *О древностяхъ Лебединскаго уѣзда Харьковской губерніи*. Референтъ дополнилъ показанія преосв. Филарета о древностяхъ Харьковской губерніи, ¹⁾ указавъ на курганы или „робленыя могилы,“ городища, городки и др. памятники старины преимущественно въ Лебединскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи.

Предсѣдатель II отдѣленія, проф. Д. И. Багалъй, предложилъ собранію краткое сообщеніе о докладѣ Н. Е. Сѣвернаго: *О географическихъ названіяхъ Тульского края, какъ матеріалъ для естественной исторіи этого края и его археологіи, исторіи и этнографіи*. Н. Е. Сѣверный, какъ и многіе другіе изслѣдователи, пришелъ къ тому убѣжденію, что аборигенами Тульско-Калужскаго края были не славяне-вятичи, а какой-то другой, предшествовавшей имъ, народъ, вѣроятно, финскаго племени. Этотъ народъ оставилъ послѣ себя множество уцѣлѣвшихъ и до сихъ поръ названій рѣкъ, поселеній и т. д. Н. Е. Сѣверный задался цѣлью собрать такія названія, звучація не по-русски, имѣя въ виду, что собранный имъ матеріалъ, быть можетъ, поможетъ въ будущемъ рѣшить вопросъ о томъ, кто же такіе были аборигены этого края. Результатомъ работы г. Сѣвернаго явился обширный списокъ названій рѣкъ и поселеній для Тульской и Калужской губерній, составленный поуѣздно. Этотъ списокъ, вмѣстѣ съ приложенной къ нему пояснительной запиской, онъ и представилъ въ распоряженіе Съѣзда.

17-го августа, 10 часовъ утра.

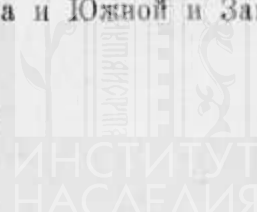
II Отдѣленіе—Древности историко-географическія и этнографическія.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. И. Багалъй.

Секретарь Отдѣленія: О. А. Фотинскій.

1. В. А. Кордтъ. *Обзоръ картографической выставки въ библіотекѣ Университета св. Владиміра*. Исторія русской картографіи, какъ одна изъ вспомогательныхъ наукъ отечественной исторіи, уже давно стала служить предметомъ изслѣдованія многихъ ученыхъ. Такъ, еще въ прошломъ вѣкѣ Бергардъ Миллеръ составилъ списокъ древне-русскихъ картъ, не утратившій своего научнаго значенія и теперь. За нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ трудовъ по исторіи русской картографіи, среди которыхъ крупнѣйшимъ является описаніе древне-русскихъ картъ, сдѣланное Фридрихомъ Аделунгомъ. Но ни одинъ изъ имѣющихся до сихъ поръ трудовъ въ этой области не даетъ намъ болѣе или менѣе полнаго обзорѣнія послѣдовательнаго развитія въ Европѣ картографическихъ представленій о Русской землѣ. Задавшись цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ, докладчикъ прежде всего счелъ нужнымъ распредѣлить всѣ собранныя до сихъ поръ старыя карты Россіи по типамъ и затѣмъ разобратъ въ вопросѣ о томъ, какія же изъ нихъ являются оригинальными, т. е. самостоятельно составленными, и какія представляютъ изъ себя лишь плодъ позаимствованій изъ готовыхъ уже картъ. Результатъ такой сортировки получился, приблизительно, слѣдующій: если считать, что мы до первой половины 17 вѣка имѣемъ около 50 картъ Московскаго государства и Южной и Запад-

¹⁾ Историко-Статистическое описаніе Харьковской епархіи, III отд. Москва 1857 г.

ной Россіи, то изъ нихъ не болѣе 15 можетъ быть признано оригинальными. Устроенная въ зданіи Университета картографическая выставка имѣетъ главной цѣлью показать наглядно, на основаніи, главнымъ образомъ, этихъ оригинальныхъ картъ, какимъ измѣненіямъ подвергались съ теченіемъ времени эти типы. Въ виду этого вся выставка расположена по типамъ и въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ древнѣйшихъ типовъ. Вся выставка распадается на слѣдующіе отдѣлы: Московское государство, Западная и Южная Россія и, наконецъ, Азіатская Россія. Основаніемъ выставки послужила коллекція бібліотеки Университета св. Владимира, пополненная коллекціями многихъ другихъ учреждений и частныхъ лицъ. Самые интересные экспонаты присланы Императорской Публичной Библіотекой и Московскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. При устройствѣ выставки В. А. Кордтъ воспользовался опытомъ первой русской географической выставки, устроенной въ 1892 году въ Москвѣ проф. Д. Н. Анучинымъ. Послѣ общихъ соображеній, докладчикъ перешелъ къ систематическому описанію собранныхъ на выставкѣ картъ, сопровождая свое описаніе демонстраціей описываемыхъ экземпляровъ, при чемъ описаніе выставки начато было съ древнѣйшей карты, касающейся Московіи, составленной около 1460 г. Николаемъ Кузаномъ.

2. О. И. Кнауэръ. *О происхожденіи названія Русь*. (Томъ II, ч. 2).

По окончаніи доклада между присутствующими произошелъ довольно оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе профессора: В. З. Завитневичъ, В. С. Иконниковъ, П. В. Голубовскій, П. Н. Милюковъ и Н. В. Волковъ. Главное возраженіе оппонентовъ заключалось въ указаніи на то обстоятельство, что лингвистическіе выводы докладчика не согласуются съ многими данными историческаго характера.

17-го августа, 2¹/₂ часа дня.

І Отдѣленіе—Древности первобытныя.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. Н. Анучинъ.

Секретарь Отдѣленія: Н. О. Бѣляшевскій.

1. Н. И. Веселовскій. *Каменные орудія при вещахъ римской эпохи*. (Томъ I).

Графъ А. А. Бобринскій указывалъ на бронзовые топоры на длинныхъ стержняхъ, найденные при раскопкахъ въ Роменскомъ уѣздѣ: они такъ тонки, что, очевидно, не могли служить для обычнаго употребленія, а были, вѣроятно, символомъ власти; весьма возможно, что такое же объясненіе приложимо и къ каменнымъ топорамъ, которые находилъ докладчикъ въ курганахъ Кубанской области.

3. М. И. Лилеевъ. *Раскопки кургановъ близъ р. Пнѣжина*.

4. Ф. Пулавскій сдѣлалъ на польскомъ языкѣ слѣдующее сообщеніе, объ *Археологическихъ находкахъ въ Подольской губ.*: „Въ прошлый четвергъ, на засѣданіи I отдѣла, сваяцъ Сѣцинскій представилъ намъ весьма интересную археологическую карту Подольской губ. Не мало должно быть трудовъ стоило почетному референту собраніе столькихъ свѣдѣній о странѣ, для доисторической археологіи которой такъ мало до сихъ поръ было сдѣлано, т. к., кромѣ трудовъ почетнаго референта, кромѣ весьма цѣнныхъ замѣтокъ проф. В. Б. Антоновича, кромѣ, наконецъ, нѣсколькихъ краткихъ докладовъ ученыхъ польскихъ, ничего до сихъ поръ

не было известно о доисторической эпохѣ Подоліи. Съ своей стороны я постараюсь здѣсь представить вкратцѣ результаты моихъ изслѣдованій въ западной части губерніи. Изслѣдованная мною окрестность окаямлева съ одной стороны р. Смотричемъ, съ другой—р. Жванчиномъ, съ третьей — упирается въ такъ называемый „Траяновъ Валъ“. Здѣсь я встрѣчалъ бережнія поселенія, городища и могилы двухъ типовъ: съ земляной насыпью—каменнаго періода и каменные могилы желѣзнаго вѣка.

Поселенія находятся на берегахъ почти всѣхъ притоковъ р. Смотрича. Онѣ не окружены валами, но ихъ легко можно узнать по множеству находимыхъ здѣсь черепковъ, весьма характерныхъ по своей тщательной обработкѣ. Это—остатки большихъ сосудовъ изъ красной глины, напоминающей по своей крѣпости терракоту. Украшеніемъ здѣсь служатъ выдающіяся головки человѣческія и другія (преимущественно бычачьи) довольно примитивной отдѣлки. Другіе сосуды украшены волнистыми узорами, простирающимися иногда и на внутреннюю сторону. Этотъ типъ очень похожъ на керамическіе остатки знаменитой приднѣстровской Городницкой стоянки. Представляю здѣсь маленькій сосудъ этого типа найденный у с. Грыцкова и маленькую амфору изъ городища „Мотрынъ-Городъ“ при с. Вербичной; хотя судя по формѣ, здѣсь видно греческое вліяніе, но она мнѣ кажется мѣстной отдѣлки. Кромѣ этого мы находимъ здѣсь куски сосудовъ—двойниковъ, болѣе похожихъ на городницкіе, чѣмъ на найденныя г. Хвойкою въ окрестностяхъ Кіева, а также сосуды разныхъ размѣровъ, которые по своимъ вертикальнымъ отверстіямъ въ стѣнкахъ очевидно были предназначены для привѣшиванія. При болѣе тщательномъ обзорѣ одного изъ такихъ поселеній при с. Сырватынцахъ, я нашелъ въ его чертѣ гробы. Скелеты въ нихъ лежатъ близко другъ возлѣ друга, большинство головами на западъ, всегда въ вытянутомъ положеніи, съ руками скрещенными на тазу.

Кромѣ такого рода поселеній, есть еще стоянки древняго, какъ мнѣ кажется, типа. Онѣ имѣютъ какъ-бы характеръ кратковременныхъ поселеній. Керамическихъ остатковъ здѣсь очень мало, а тѣ, которые находимъ, — очень грубой отдѣлки, съ примѣсью толченаго гранита. Наибольшій интересъ представляютъ здѣсь тонорики и молотки неолитической эпохи, которыхъ находится довольно много.

Городища я встрѣчалъ вполнѣ похожія на описанныя о. Сѣдинскимъ въ его докладѣ, а именно: въ Карабчівѣ, Скичѣ Вербичной и т. д. Кромѣ предметовъ желѣзныхъ: топоровъ, копій, крючьевъ и т. п., весьма похожихъ на представленные о. Сѣдинскимъ предметы, я находилъ стеклянные браслеты, бронзовые энколпіоны, иногда инкрустированные серебромъ, наконецъ—маленькіе медаліоны съ изображеніемъ св. Георгія. Всѣ эти находки позволяютъ отнести эти городища къ позднѣйшимъ временамъ. По всей вѣроятности, это слѣды городовъ, разрушенныхъ въ XIII в. татарами. Изслѣдованіе этихъ городищъ крайне интересно, такъ какъ до-татарскія времена менѣе всего известны въ Подоліи.

Переходя къ описанію погребальныхъ обрядовъ данной мѣстности, обратимся прежде всего къ самымъ древнимъ памятникамъ этого рода, т. е. къ каменнымъ гробамъ, встрѣченнымъ мною на поляхъ с.с. Завадынець и Сырватынець. Они весьма похожи на найденныя г. Оссовскимъ въ восточной Галиціи. На нихъ нѣтъ никогда могильной насыпи, встрѣчаются только иногда выступающіе камни, по которымъ можно найти гробницу. Она представляетъ болѣе или менѣе правильный четырехугольникъ съ большими камнями по бокамъ и болѣе мелкими въ серединѣ. Костякъ всегда въ скорченномъ положеніи, съ головой на каменной плиткѣ, при немъ мы находимъ иногда кремневый отбивной ножъ. Могиль съ каменнымъ ящикомъ теперь уже почти не находится въ данной мѣстности, но, судя по рассказамъ крестьянъ, прежде ихъ было довольно много; при разработкѣ почвы, ихъ мало по малу разрушали. Я нашелъ въ этомъ году одну только такую гробницу подъ могилой болѣе поздняго

происхожденія; гробъ этотъ былъ тоже разрушенъ, при погребеніи болѣе поздняго типа, причемъ кости были сдвинуты въ одинъ уголь.

Далѣе идутъ могилы съ насыпью изъ чернозема до 2 метровъ высоты. Гробъ — ниже уровня почвы, иногда въ дилювіальной глинѣ, представляетъ четырехугольную яму. Такія могилы я встрѣчалъ въ с. Завадынцахъ, Каменецкаго уѣзда, въ с. Поповкѣ, Винницкаго уѣзда, и въ с. Ходьковцахъ, Проскуровскаго уѣзда. Здѣсь находились отбивныя кремневая скребки, долота болѣе древняго типа и въ одномъ случаѣ—прекрасное кремневое остріе копья. Костяки изъ этихъ кургановъ, которые удалось измѣрить, оказались долинхоцефалами. На нѣкоторыхъ костякахъ была видна красная окраска.

Перейдемъ теперь къ могиламъ съ каменной насыпью. Онѣ встрѣчаются большими группами. Я имѣлъ случай раскапывать подобныя могилы въ с. Сырватинцахъ, а особенно въ Ивахновцахъ, благодаря любезному разрѣшенію владѣльца г. Червинскаго. Это маленькія насыпи (есть и побольше, но я ихъ не раскапывалъ) до $1\frac{1}{2}$ м. высоты, сложенныя изъ мелкихъ кусковъ известняка, столь плотно прилегающихъ другъ къ другу, что нужно было употреблять спеціальныя кирки для разработки кургана. Самый интересный по своему устройству былъ одинъ изъ кургановъ при с. Сырватинцахъ. Подъ каменной насыпью тамъ былъ открытъ слой каменныхъ плитокъ; подъ ними, въ сѣверной части разрѣза, находился гробъ, окруженный болѣе крупными камнями; въ немъ лежало два скелета, кругомъ которыхъ расположено было нѣсколько глиняныхъ сосудовъ. Подъ скелетами находился рядъ плитокъ, уложенныхъ на подобіе пола; онѣ лежали на довольно толстомъ слой плотно убитой глины, присыпанной пескомъ. Замѣчательно, что песокъ и нѣкоторые камни насыпи не встрѣчаются въ данной мѣстности—они должно быть принесены изъ овраговъ, находящихся въ разстояніи версты около 7. Курганы, встрѣченные мною въ с. Ивановцахъ, болѣе интересны по количеству найденныхъ въ нихъ предметовъ. Здѣсь я находилъ по обѣимъ сторонамъ каждаго костяка бронзовая трехлепестная стрѣла скинскаго типа и замѣчательно, что въ большинствѣ случаевъ ихъ было по семи, причемъ одна костяная четырехгранная. Это симметрическое расположеніе ихъ въ равныхъ промежуткахъ и притомъ вертикально остріями внизъ позволяетъ предположить какой-то обрядъ. У Геродота, напримѣръ, мы встрѣчаемъ при описаніи погребальныхъ обрядовъ скивовъ слѣдующее выраженіе: *καὶ ἐπειτα ἐπαύθῃσι τὸν νεχρὸν ἐν τῇσι θήκῃσι ἐπὶ στιβάδῃσι, παραπήξαι τε αἰχμὰς ἐνθῆεν καὶ ἐνθῆεν τοῦ νεχροῦ*¹⁾, что кажется, вполне подтверждаетъ нашу догадку. Кромѣ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ мы встрѣчаемъ здѣсь въ гробницахъ мушкетъ желѣзные копья, ножи, небольшіе скинскія удила и т. п.; въ женскихъ же гробницахъ бронзовые браслеты, зеркала, въ одномъ случаѣ—золотое украшеніе, въ видѣ спиральнаго гвоздя съ широкой головкой. Относительно желѣзныхъ предметовъ одни довольно древняго типа, нѣкоторые кажутся прямо подражаніемъ бронзовыхъ орудій. Интереснѣе всего, однако, остатки керамическаго искусства: въ каждомъ курганѣ мы находимъ ихъ цѣлую группу; одни изъ нихъ покрыты черной глазурью, какъ напр. одинъ изъ самыхъ крупныхъ: высотой въ 53,2 см., онъ по величинѣ уступаетъ только одному извѣстному мнѣ сосуду, находящемуся въ Краковской Академіи и происходящему изъ восточной Галиціи. Украшеніемъ этихъ сосудовъ служатъ три-четыре выпуклины, не много выше самаго большого діаметра, иногда—черта на шейкѣ или, наконецъ, налѣпленная полоска глины съ четырехугольными пирамидками, сдѣланными пальцами. Большіе сосуды лишены ручекъ; найдена также мною одна черная урна съ двумя ручками. Интереснѣе всего мнѣ кажутся находимыя въ каждой могилѣ черпаки разной

¹⁾ И затѣмъ, положивъ трупъ въ могилу на подстилку, воткнувъ (въ землю) коня по обѣ стороны покойника (Герод. IV, 10). Ред.

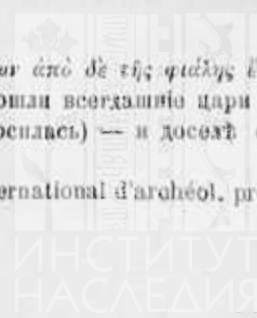
величины, но всегда очень схожей формы. По всей вѣроятности, они были предназначены къ привѣшиванію, такъ какъ большинство ихъ стоять не можетъ. Не будетъ ли слишкомъ смѣлымъ предположеніе, что эти черпаки, находимые только въ предѣлахъ древней Скиѳіи, идентичны съ тѣми чашами, которыя, по свидѣтельству Геродота, носили современные ему скиѳы у пояса, въ память поясной чаши Геракла предка ихъ царей ¹⁾? Оригинально вытянутая въ вертикальномъ положеніи ручка въ этихъ сосудахъ еще болѣе удобна для подвѣшиванія на поясъ, чѣмъ отверстія въ сосудахъ другого типа, представленныхъ на Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ Н. Е. Брандебургомъ ²⁾. Въ заключеніе отмѣтимъ большое сходство описанныхъ каменныхъ кургановъ съ одной стороны съ могилами Восточной Галиціи, изслѣдованными Гот. Оссовскимъ, съ другой—со скиѳскими украинскими могилами. Результаты антропологическихъ измѣреній будутъ опубликованы отдѣльно.

Оканчивая этимъ мой докладъ, позволю себѣ обратить почтенное ваше вниманіе на нѣкоторыя прекрасныя находки бронзоваго вѣка въ Подоліи, на примѣръ, — шлемъ, найденный въ Кременной, и мечъ изъ Завадынецъ Каменецкаго уѣзда; кромѣ этого, остріе копья и три кельта. Подобный же мечъ найденъ въ с. Бадылянахъ, діадема — въ Купинѣ, копья — въ Карабчівѣ“.

4. *Θ. Π. Κναυέρ*: *Раскопки въ Аккерманскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи*. Докладчикъ по порученію Императорской Археологической Комиссіи произвелъ раскопки нѣсколькихъ кургановъ въ указанной мѣстности. Обыкновенно въ Аккерманскомъ уѣздѣ курганы бываютъ разбросаны по одиночкѣ. Но въ одномъ мѣстѣ проф. Кнауэръ встрѣтилъ цѣлую группу ихъ, при чемъ курганы были расположены такъ: съ одной стороны стоялъ особнякомъ огромный курганъ; къ сѣверу отъ него, на нѣкоторомъ разстояніи, лежалъ другой курганъ, меньшихъ размѣровъ, непосредственно къ которому примыкалъ третій; еще сѣвернѣе лежалъ четвертый, при чемъ между третьимъ и четвертымъ курганами возвышался соединявшій ихъ валъ. Докладчикъ произвелъ раскопку двухъ кургановъ, соединенныхъ валомъ, и самаго южнаго кургана. Былъ раскопанъ также и соединительный валъ. Въ самомъ сѣверномъ курганѣ было найдено много не имѣющихъ значенія предметовъ; погребенія въ немъ не оказалось. За то въ самомъ центрѣ кургана была найдена голова лошади, обращенная къ югу. Въ слѣдующемъ курганѣ прежде всего былъ найденъ скелетъ взрослого человѣка. При немъ оказались бронзовый ножикъ, находившійся въ лѣвой рукѣ, кольцо, пряжка и другія предметы, сдѣланные изъ бронзы. Справа и слѣва подлѣ этого скелета лежало два дѣтскихъ скелета, при чемъ между головой взрослого человѣка и лѣвымъ дѣтскимъ скелетомъ стоялъ большой горшокъ. Голова взрослого человѣка лицомъ была обращена къ сѣверо-западу. Въ соединяющемъ же эти два кургана валѣ при раскопкѣ былъ найденъ скелетъ человѣка, въ сидячемъ положеніи, подъ которымъ былъ костякъ лошади. Такое расположеніе костяковъ докладчикъ объясняетъ слѣдующей гипотезой: въ одномъ курганѣ былъ погребенъ господинъ, въ противоположномъ — его лошадь, а въ соединяющемъ курганы валу — его слуга, верхомъ на лошади. Однако, находки второго кургана не ограничились однимъ большимъ и двумя дѣтскими скелетами. Всѣ эти три скелета были найдены въ верхнемъ слоѣ кургана. Въ нижнемъ его слоѣ докладчикъ нашелъ еще 5 скелетовъ: 2 большихъ и 3 дѣтскихъ. Ниже горизонта земли, въ погребаль-

¹⁾ „Καὶ ἀπὸ μὲν Σκόθων τοῦ Ἡρακλῆος γενέσθαι τοὺς αἰεὶ βασιλεῖς γινόμενους Σκυθῶν ἀπὸ δὲ τῆς γιάλης ἔτι καὶ ἐς τὴν γιάλην ἐκ τῶν ζωστήρων φορεῖν Σκόθων.“ — Что отъ Скиѳа, сына Гераклова произошли всегдашніе цари скиѳскіе, а отъ чаши (оставленной Геракломъ сыну вмѣстѣ съ поясомъ, при которомъ она носилась) — и доселѣ скиѳы носить при поясахъ чаши (Герод. IV, 71). Ред.

²⁾ Труды VIII Съѣзда, въ Москвѣ, въ 1890 г., т. III, стр. 18 и табл. II; Congrès International d'archéol. préhist., 11-me session, à Moscou, (Moscou 1892). t. I, 109—112.

ной ямѣ, лежалъ окрашенный красной краской скелетъ. При немъ никакихъ предметовъ не было найдено. Погребальная яма была покрыта каменной плитой. Раскопка третьяго кургана, отдѣльно стоящаго, дала слѣдующіе результаты. Въ верхнемъ слоѣ лежало 3 большихъ и 2 дѣтскихъ скелета. Непосредственно у головы одного большого скелета лежала голова и ноги лошади. Здѣсь же были найдены многіе предметы: желѣзный ножъ, такое же стремя, куча стрѣлъ, остатки колчана, огниво, золотое кольцо, пряжка и т. д. Кольцо лежало подлѣ головы лошади и, надо полагать, служило украшеніемъ удила. Подлѣ двухъ дѣтскихъ скелетовъ лежало по горшочку, а у третьяго дѣтскаго скелета — камень. Въ среднемъ горизонтѣ этого кургана не было найдено ничего. Ниже горизонта была могильная яма и въ ней окрашенный костякъ безъ головы, покрытый большими каменными плитами. Предметовъ при этомъ костякѣ также не было найдено никакихъ. Ближе къ краю основанія кургана оказалась другая погребальная яма. Въ ней лежалъ окрашенный костякъ, съ окрашеннымъ камнемъ на колѣняхъ и кускомъ кремневаго ножа. Рядомъ находилось такое же дѣтское погребеніе, при которомъ были найдены куски краски, горшокъ и два бронзовыхъ кольца. У противоположнаго конца основанія кургана была третья погребальная яма и въ ней два дѣтскихъ окрашенныхъ скелета. Интересно, что всѣ эти ямы были выѣлены не то известью, не то мѣломъ. Въ общемъ, въ самомъ большомъ курганѣ явственно можно различить погребенія трехъ эпохъ: ниже горизонта—погребеніе эпохи каменнаго вѣка и начала бронзоваго, а въ самомъ верхнемъ слоѣ—скифскаго и начала переселенія народовъ. Къ послѣднему типу, по мнѣнію докладчика, принадлежитъ то погребеніе, которое находилось ближе къ центру кургана, и которое характеризуется желѣзными предметами (стремля, ножъ, стрѣлы и т. д.). При докладѣ проф. Кнауэръ показывалъ добытые при раскопкахъ предметы.

В. Б. Антоновичъ замѣтилъ, что то погребеніе, найденное въ верхнемъ слоѣ третьяго кургана, которое докладчикъ считаетъ погребеніемъ эпохи переселенія народовъ, нужно считать кочевническимъ погребеніемъ. Это доказывается присутствіемъ при скелетѣ желѣзнаго стремени, стрѣлъ, колчана и т. д. Второе же погребеніе, найденное въ томъ же слоѣ, проф. Антоновичъ, согласно съ докладчикомъ, считаетъ скифскимъ.

Въ дополненіе къ этому О. И. Кнауэръ замѣтилъ, что погребеніе, признанное В. Б. Антоновичемъ кочевническимъ, носило ясныя слѣды своей принадлежности къ позднѣйшему времени. Такъ, земля надъ этимъ погребеніемъ была несравненно мягче окружающей земли: это доказываетъ, что въ старомъ курганѣ люди вырыли яму и совершили новое погребеніе.

В. И. Сизовъ высказался совершенно въ такомъ же смыслѣ, какъ и В. Б. Антоновичъ, признавъ скелетъ, при которомъ лежали голова лошади, желѣзное стремя, остатки колчана, стрѣлы и т. д., скелетомъ кочевническимъ, относящимся къ періоду времени отъ 10 до 12 вѣка.

5. А. М. Покровскій: *О черепахъ кочевниковъ*. Референтъ изслѣдовалъ черепа изъ позднѣйшихъ погребеній въ курганахъ, погребеній, характеризующихся обыкновенно присутствіемъ лошади, кривой сабли, стремянъ, удила. Такихъ череповъ въ его распоряженіи было 4. Типъ этихъ череповъ на основаніи произведенныхъ докладчикомъ измѣреній, характеризуется крайнимъ брахицефализмомъ, сравнительно небольшой высотой, при объемѣ, который можно считать среднимъ; лобъ узкій, лицо короткое, съ сильно выраженными скуловыми костями и широкими скуловыми дугами. Сравнивая съ черепами славянскими, мы имѣемъ у данныхъ череповъ болѣе короткое лицо и болѣе широкія скуловые дуги. Носовое отверстіе у череповъ кочевниковъ узкое, болѣе узкое чѣмъ у славянскихъ череповъ, орбиты небольшія, довольно низкія, типъ вполнѣ ортогнатный. Самымъ характернымъ у этихъ череповъ является ихъ общая форма. Три изъ этихъ череповъ, отличающіеся брахицефализмомъ, даютъ одинъ

общій типъ, названный проф. Серджи trapezoides; этотъ типъ характеризуется своимъ профилемъ и своимъ очень плоскимъ затылкомъ и приподнятой вверхъ задней частью головы, небольшимъ, покатымъ, особенно въ верхней, части, лбомъ. Какимъ кочевникамъ принадлежатъ эти черепа — рѣшить въ настоящее время очень трудно. Венгерскій учевый Бѣлла-Пошта, рассматривая одинъ изъ изучаемыхъ докладчикомъ череповъ, высказался за его сходство съ венграми. Будутъ ли то венгры, или другіе кочевники, — это опредѣлить пока невозможно, но монголовидный типъ этихъ череповъ, рѣзко отличающійся отъ славянскаго, выступаетъ достаточно ясно.

17-го августа, 7^{1/2} ч. вечера (Актовый залъ).

IV Отдѣленіе—Бытъ общественный, юридическій, военный и домашній.

Предсѣдатель Отдѣленія: О. Я. Фортинскій.

Секретари Отдѣленія: А. Н. Ясинскій и А. С. Вязигинъ.

1. Докладъ Е. П. Родаковой: *Данныя ревизій и компутовъ объ экономическомъ бытѣ малороссійскаго общества въ XVIII в.* (Томъ II, ч. 2), прочитанъ былъ Д. И. Багалѣмъ.

2. Д. П. Миллеръ: прочелъ докладъ—*Пикинерскія вербушки*, въ коемъ на основаніи архивныхъ данныхъ провѣрилъ рассказъ неизвѣстнаго автора „Исторіи Русовъ“ о такъ называемой „пикинеріи“. Генералъ поручикъ Мельгуновъ предложилъ правительству образовать на южной границѣ гетманщины изъ поселеній Новой Сербіи особую губернію, предназначенную служить передовымъ оплотомъ противъ Крыма. Проектъ Мельгунова былъ встрѣченъ въ Петербургѣ сочувственно и утвержденъ 20 марта 1764 года, при чемъ виновникъ проекта назначенъ главнымъ командиромъ, населенію обѣщаны льготы, а для охраны края отъ беспокойныхъ сосѣдей рѣшено организовать, сверхъ двухъ существовавшихъ гусарскихъ полковъ, три пикинерскихъ; украинскую линію, построенную Минихомъ въ царствованіе Анны Иоанновны, передать въ вѣдомство новой губерніи, вмѣстѣ съ прилегающей мѣстностью, входившей въ составъ гетманскаго регимента, а именно: сотнями расположенными по Орели, Ворсклѣ и частью по Днѣпру, съ населеніемъ свыше 38 тыс. душъ. Три пикинерскихъ полка не представлялось затруднительнымъ, повидимому, сформировать, потому что въ полосѣ, отнятой отъ гетманщины, числилось болѣе 21 тыс. выборныхъ казаковъ. Три эти полка должны были заключать 15468 чел. Назначеніе офицеровъ въ эти полки предоставлялось усмотрѣнію Мельгунова. Запись въ пикинерію (пиками, по казацки, вооруженные полки) и въ поселеніе, обставленная обширными льготами, шла очень успѣшно, и въ различныхъ сотняхъ Малороссіи Мельгуновъ встрѣтилъ въ лицѣ отдѣльныхъ сотниковъ, атамановъ и другихъ представителей войсковаго начальства ревностныхъ помощниковъ, коихъ онъ производилъ въ ротмистры, поручики, прапорщики новыхъ пикинерскихъ полковъ. Однако, другая часть казаковъ противилась введенію новыхъ порядковъ. Чтобы сломить сопротивленіе, Мельгуновъ, Алымовъ и ихъ помощники прибѣгали часто къ мѣрамъ насилія и разнымъ угрозамъ. Положеніе осложнялось еще и тѣмъ, что такъ называемые „подданные“ повидали земли помѣщичьи и записывались въ вѣдомство Новороссійской губерніи — одни въ пиканеры, а другіе — въ поселяне. Протесты не приводили по большей части къ успѣху. Безъ послѣдствій осталось и представленіе Сенату гетмана Разумовскаго, въ коемъ онъ указывалъ на экономическія

затрудненія, вытекающія изъ новыхъ порядковъ. Именнымъ указомъ 26 февр. 1765 года, на имя уже ген.-губ. Малороссіи графа Румянцева, окончательно былъ рѣшенъ вопросъ о томъ, какія изъ присвоенныхъ Мельгуновымъ сотенъ должны отойти къ Новороссіи, а какія возвратиться въ малороссійское вѣдомство. При этой разверсткѣ пострадалъ главнымъ образомъ Полтавскій полкъ, отъ котораго было отобрано все то, что лежитъ на 40 верстѣ отъ Украинской линіи¹⁾.

3. О. И. Левицкій. *Обычныя формы заключенія браковъ въ юго-западной Руси въ XVI—XVII ст.* Объяснивъ, что данныя для своего реферата онъ черпаетъ исключительно изъ составленнаго имъ и уже напечатаннаго Кіевской Археографич. Коммиссіей, но еще не выпущеннаго въ свѣтъ, сборника документовъ о брачномъ правѣ и семейномъ бытѣ въ Юго-Зап. Руси въ XVI—XVII в., докладчикъ началъ съ указанія на положеніе женщины въ Юго-Зап. Руси въ означенную эпоху. И по закону, и еще болѣе по обычаямъ и воззрѣніямъ тогдашняго общества, женщина пользовалась полною свободою и весьма значительною гражданскою правоспособностью, а бытовыя условія того вѣка выработали въ ней характеръ силы и энергіи, одинаково проявлявшейся какъ въ добрыхъ, такъ и въ дурныхъ поступкахъ. Поэтому и при заключеніи браковъ, воля и согласіе невѣсты признавались такимъ же необходимымъ условіемъ, какъ и воля жениха. Часто случалось, что родители требовали, чтобы ихъ сговоренная дочь формально заявила передъ урядомъ о томъ, что сама избрала жениха, и такое заявленіе вносилось въ актывыя книги. Браку предшествовали „змовны“ (сговоръ), и въ это время составлялась „шлюбная интерцыза“ (предбрачный контрактъ); въ ней опредѣлялись: „побсагъ“ (приданое) невѣсты, „вѣно“ и „привѣнокъ“ со стороны жениха, день „акта весѣльнаго“ (свадьбы) и др. условія, а въ заключеніе—непремѣнно „закладъ“ (денежная неустойка) на ту изъ сторонъ, которая нарушила бы контрактъ. *Вѣномъ* называлась денежная сумма, которую мужъ записывалъ своей жёнѣ и которая равнялась реальной стоимости ея приданнаго, а *привѣнокъ*—это было удвоеніе той же суммы. И вѣно, и привѣнокъ обезпечивались на имѣніяхъ мужа и составляли полную собственность жены. Затѣмъ слѣдовали „заручины“—семейный обрядъ передачи руки невѣсты жениху, символически знаменовавшій врученіе ему тѣхъ правъ, какія родители имѣли надъ нею по естественному праву, почему зарученная дѣвушка нерѣдко титулуется въ актахъ „обрученною женою“ своего жениха. Нерѣдко вмѣстѣ съ „заручинами“ совершалось и вѣнчанье молодыхъ, но они ни въ чемъ не измѣняли ихъ положенія, пока не совершался „актъ весѣльный“ (иногда отсрочивавшійся на весьма значительное время): они по прежнему жили врозь, у своихъ родителей, не признавались супругами и, уплативъ неустойку, могли разорвать брачный контрактъ и вступить въ новый съ другими лицами. На основаніи многочисленныхъ документальныхъ свидѣтельствъ (изъ коихъ нѣкоторые и были приведены референтомъ) можно съ положительностью утверждать, что XVI—XVII вв. въ Юго-Зап. Руси не только среди простонародья, но и въ высшихъ классахъ бытовало древнерусское воззрѣніе на бракъ, какъ на гражданскій договоръ, и хотя брачующіеся не отказывались отъ церковнаго вѣнчанья, но оно имѣло значеніе лишь акта религіознаго, а не юридическаго. Последнее въ гораздо большей степени принадлежало „акту весѣльному“, ибо лишь онъ полагалъ начало дѣйствительному супружеству. Указавъ затѣмъ на свадебные обряды того времени, референтъ остановился на одномъ документѣ 1606 года, указывающемъ на существованіе особаго, весьма оригинальнаго, способа заключенія брака: осужденный на смерть преступникъ могъ быть освобожденъ отъ казни, если на-

¹⁾ Докладъ напечатанъ въ Кіевской Старинѣ 1899 г., декабрь, подъ заглавіемъ „Пикниверія“.

ходила честная дѣвушка и заявляла предъ судомъ желаніе имѣть его своимъ мужемъ. Объ этомъ обычаѣ, имѣвшемъ силу юридическаго установленія, говорятъ и народныя преданія, записанныя на Волини и въ Малороссіи.

18-го августа, 10 часовъ утра. (Актовый залъ).

XI Отдѣленіе.—Памятниковъ археографическихъ.

Предсѣдатель отдѣленія: П. В. Голубовскій.

Секретарь отдѣленія: М. В. Довнаръ-Запольскій.

1. И. М. Каманинъ. *О волынскихъ и подольскихъ архивахъ.*

Докладъ явился отчетомъ референта объ осмотрѣ имъ архивовъ Волынской и Подольской губерній, совершенномъ по порученію Предварительнаго Комитета по устройству XI Археологическаго Съѣзда. Лѣтомъ 1898 г. И. М. Каманинымъ осмотрѣны архивы всѣхъ губернскихъ учрежденій Каменецъ-Подольска и Житомира, при чемъ оказалось, что архивы помѣщаются въ нижнихъ или подвальныхъ этажахъ зданій и только два или три — въ особомъ зданіи; въ самомъ помѣщеніи бумаги ничѣмъ не защищены отъ пыли; нѣтъ ни коробокъ, ни закрытыхъ шкаповъ. Большая часть дѣлъ почти во всѣхъ архивахъ, признанная ненужной для справокъ, уничтожена безъ просмотра описей специалистами. Оставшіяся немногія дѣла описаны по системѣ описательныхъ указателей; эта система оказывается господствующей во всѣхъ архивахъ, кромѣ архива Подольскаго Губернскаго правленія и архивовъ малыхъ учреждений, какъ напр., Дворянскихъ депутатскихъ собраній, Губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и проч. Охарактеризовавъ въ общихъ словахъ богатство каждаго Архива, референтъ ходатайствовалъ передъ Съездомъ о томъ, чтобы дѣла канцеляріи Волынскаго губернатора, касающіяся польскаго возстанія 1863 г., были бы переданы на храненіе въ Кіевскій центральный архивъ при университетѣ св. Владиміра, а дѣло Почаевскій лавры — въ Церковно-археологическій музей въ г. Житомирѣ, а также и о томъ, чтобы ни одно изъ правительственныхъ учреждений не уничтожало своихъ дѣлъ безъ просмотра описей какими-либо мѣстными учеными учреждениями и лицами.

Д. И. Багалъй замѣтилъ, что кромѣ дѣлъ, касающихся польскаго возстанія 1863 г., полезно было бы привлечь въ Центральный Архивъ и всѣ другія дѣла, имѣющія историческое значеніе.

И. М. Каманинъ пояснилъ на это, что дѣла, касающіяся возстанія 1863 года составляютъ совершенно обособленную группу, и передача ихъ могла бы состояться свободнѣе, чѣмъ передача другихъ дѣлъ.

2. Д. И. Багалъй прочелъ рефератъ *О необходимости устройства центрального архива въ Харьковѣ.* (Томъ II, ч. 1).

По прочтеніи доклада А. И. Маркевичъ, В. С. Иконниковъ, П. Н. Милуковъ, и гр. П. С. Уварова сдѣлали предложеніе, чтобы Совѣтъ Съѣзда возбудилъ немедленно ходатайство о превращеніи Харьковскаго историческаго архива въ центральный историческій архивъ, съ примѣненіемъ къ нему штатовъ Кіевскаго или Виленскаго. Предложеніе это было единогласно принято присутствующими.

3. П. А. Лашкаревъ. *Объясненіе церковныхъ древностей г. Чернигова.* (Томъ II, ч. 2).

18-го августа. 2¹/₄ ч. дня.

II Отдѣленіе—Древности историко-географическія и этнографическія.

Предсѣдатель Отдѣленія: Д. И. Багалѣй.

Секретарь Отдѣленія: Н. П. Василенко.

1. П. В. Голубовскій и Е. А. Кивлицкій. *О карты Черниговской губерніи до XVI вѣка.*

Надъ исторической картой Черниговской и Полтавской губерній работало четверо лицъ, распредѣлившихъ работу по частямъ. Въ началѣ было предположено составить одну историческую карту этихъ губерній съ древнѣйшихъ временъ до 1654 года. Но это оказалось неудобнымъ по массѣ населенныхъ мѣстностей, которыя пришлось бы помѣстить на одной картѣ. Поэтому рѣшено составить двѣ карты: одну для періода до 1500 г., другую — для періода 1500—1654 года. Такимъ образомъ демонстрируемая карта представляетъ только часть работы, именно историческую карту Черниговской губерніи за два періода: древнѣйшій до 1300 г. и такъ называемый Литовскій, отъ 1300 г. до начала XVI вѣка, т. е., до момента, когда вся почти Черниговская губернія перешла подъ власть Московскихъ государей. Чтобы показать, какія затрудненія приходится преодолевать изслѣдователю при опредѣленіи мѣсто-нахожденія историческихъ, иногда исчезнувшихъ, поселеній, и какъ разнообразны методы, какими приходится при этомъ пользоваться, докладчикъ остановился на опредѣленіи мѣсто-нахожденія древнихъ городовъ: Всеволожа, Уненежа, Глѣбля и Носова на Рудѣ. Изложивъ весь ходъ изслѣдованія относительно каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, докладчикъ сообщил и свои выводы, что 1) Всеволожь (южный) — теперь городище въ селѣ Сиволожѣ, 2) Уненежь — городище въ м. Иванъ-городъ, 3) Глѣбль — городище при слияніи рр. Гайворона и Ромна и 4) Носовъ на Рудѣ—городище въ м. Гоголевѣ недалеко отъ р. Руды.

Затѣмъ Е. А. Кивлицкій сообщил о мѣстоположеніи нѣкоторыхъ поселеній до-татарскаго періода, при опредѣленіи которыхъ мнѣнія расходились, а именно: 1) Хоробора, 2) Блестовита, 3) Сновска, 4) Всеволожа, упоминаемаго въ 1159 г. и 5) Оргоща. Въ заключеніе докладчикъ указалъ на то обстоятельство, что, сравнивая карту городищъ Черниговской губ., составленную проф. Д. Я. Самоквасовымъ, съ демонстрируемой теперь картой, можно замѣтить, что населеніе группировалось въ опредѣленныхъ районахъ.

Предсѣдатель отдѣленія Д. И. Багалѣй благодарно отмѣтилъ высокую важность для науки труда, предпринятаго докладчиками и ихъ сотрудниками, во всеоружіи средствъ, какими можетъ располагать наука, съ критическимъ методомъ, не оставляющимъ желать ничего лучшаго, съ кропотливымъ терпѣніемъ и остроуміемъ въ рѣшеніи сложныхъ задачъ.

2. В. Б. Антоновичъ. *О мѣстоположеніи лѣтописныхъ Шумска и Пересопницы.* (Т. I).

3. И. А. Сикорскій. *О слѣдахъ расовыхъ примѣсей въ населеніи.* Докладчикъ имѣлъ въ виду отмѣтить существованіе характерныхъ признаковъ одной расы въ индивидуумахъ другой. До пріѣзда еще въ Кіевъ ему пришлось лѣчить въ Петербургѣ одну бельную, которая представляла собой несомнѣнныя черты абиссинской расы. Оказалось потомъ, что среди предковъ ея были ближайшіе родственники извѣстнаго Ганнибала, арана Петра Великаго. Среди русскаго народа встрѣчаются нерѣдко лица, носящія на себѣ всѣ признаки монгольской расы. Подобные субъекты отличаются не только внѣшнимъ видомъ, но отпечатокъ ихъ расовыхъ

особенностей идетъ дальше и отражается, напр., на ихъ способностяхъ, особенностяхъ при заболѣваніи и теченіи болѣзней и т. п. Двухъ подобныхъ субъектовъ проф. Сикорскій детально изслѣдовалъ. Это были — крестьянинъ Кролевецкаго уѣзда Черниговской губ. и одно духовное лицо изъ Вятской губерніи. У обоихъ волосы совершенно ровные, не имѣющіе ни малѣйшихъ признаковъ волнистости, щели глазъ узкіе, маленькіе, причемъ концы одной вѣки прикрываютъ другую, цвѣтъ кожи носить желтоватый оттѣнокъ, на лицѣ волосы растутъ не вездѣ, какъ у кавказской расы, а преимущественно на подбородкѣ, да и то рѣдкіе; на щекахъ же растительности совсѣмъ нѣтъ. Эти признаки, по мнѣнію референта, ясно свидѣлствуютъ, что мы имѣемъ дѣло съ чистѣйшими представителями монгольской расы. Явленіе это объясняется, конечно, тѣми скрещиваніями, которыя такъ нерѣдки были на Руси между монгольской и кавказской расой, причемъ, изучая законы наследственной передачи расовыхъ особенностей, проф. Сикорскій всегда замѣчалъ преобладаніе признаковъ одной какой-нибудь расы, кавказской или монгольской. Братъ, напр., изслѣдованнаго докладчикомъ крестьянина — представители чистаго типа кавказской расы. Если у субъектовъ замѣчается смѣшеніе обоихъ разъ, кавказской и монгольской, то такіе субъекты являются обыкновенно вырождающимися.

Н. И. Василенко замѣтилъ, что матеріалъ, которымъ располагалъ докладчикъ настолько незначителенъ, что не даетъ права дѣлать какіе-бы то ни было выводы, а тѣмъ болѣе широкія обобщенія. Докладчикъ, соглашаясь, что интесно было бы поголовное изслѣдованіе мѣстности, полагалъ тѣмъ не менѣе, что въ антропологическихъ фактахъ и одинъ случай, хорошо описанный, является вѣскимъ.

4. Предсѣдатель Отдѣленія Д. И. Багалѣй доложилъ Съѣзду присылки, поступившія въ распоряженіе Отдѣленія и принадлежащія тѣмъ членамъ, которые не могли лично пріѣхать на Съѣздъ, именно:

Г. К. Бугославскаго изъ Смоленска — *О восточномъ пути, пролежавшемъ черезъ Смоленскъ*. (См. томъ I).

П. Китицына изъ Кременчуга — *Общая карта древней Руси съ IX по XI в., съ пояснительнымъ текстомъ*.

И. А. Износкова изъ Казани: а) *О составленіи алфавитныхъ списковъ хорографическихъ названій*, съ двумя списками поселенныхъ мѣстъ уѣздовъ: Казанскаго и Ланшевскаго, б) *Къ вопросу о составленіи историко-географическихъ словарей*.

А. И. Савельева — *Остатки стариннаго межесанія въ Россіи*.

Г. Крашкевича — *Свѣдѣнія о древностяхъ въ Стрѣлецкомъ православномъ приходѣ Грубешскаго уѣзда, Люблинской губерніи*.

И. А. Износковъ, на III-мъ, первомъ въ Кіевѣ Съѣздѣ, поднявшій вопросъ о научныхъ выводахъ изъ хорографическихъ названій, а къ Съѣздамъ: Казанскому, Одесскому и Ярославскому представлявшій матеріалы сюда относящіеся, въ первой изъ названныхъ замѣтокъ высказалъ пожеланіе, чтобы члены Съѣзда, по приглашенію послѣдняго, выработали подробный планъ къ составленію списковъ хорографическихъ именъ. Такіе списки, составленные въ алфавитномъ порядкѣ должны бы заключать въ себѣ: объясненіе названій, сопоставленіе ихъ съ тожественными названіями, въ случаѣ возможности — время возникновенія поселенія, языкъ, изъ котораго взято названіе, народность нынѣ живущаго населенія и первыхъ поселенцевъ, названіе мѣстности изъ которой они выселились; далѣе могутъ идти краткія историческія свѣдѣнія о мѣстности и указаніе, откуда эти свѣдѣнія взяты; кто изслѣдовалъ мѣстность, чѣмъ желательно бы пополнить изслѣдованіе, какіе археологическіе и историческіе памятники имѣются въ данной мѣстности, кто производилъ осмотръ или описаніе ихъ, были ли и кѣмъ произведены раскопки, гдѣ находятся добытыя вещи и т. д.

Во второй изъ записокъ г. Износковъ указаль на труды по инородческимъ нарѣчіямъ, которые могутъ быть полезны при составленіи такихъ списковъ:

1. Н. Н. Золотницкій—Корневой чувашско-русскій словарь, сравненный съ языками и нарѣчіями разныхъ народовъ тюркскаго, финскаго и другихъ племенъ. Казань, 1875.

2. Первый опытъ словаря народно-татарскаго языка по выговору крещенныхъ татаръ Казанской губерніи. Казань, 1877.

3. В. К. Магнитскій—Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры, Казань, 1881.

4. Н. И. Ашмаринъ—Матеріалы для изслѣдованія чувашскаго языка. Казань, 1898.

5. И. Н. Смирновъ—Пермаки (Извѣстія Общ. Археол. Ист. и Этногр. при Имп. Казанск. Унив., т. IX, вып. 2), гдѣ списки на стр. 84—89.

А. И. Савельевъ по поводу камня со знаками, найденнаго вблизи группы кургановъ у д. Плешевичи, на землѣ стариннаго Богородицкаго Врудскаго погоста, Вотской пятины (въ 100 верстахъ отъ Петербурга), далъ живой очеркъ свѣдѣній о старинномъ русскомъ межеваніи, сопоставляя ихъ и съ обычаями другихъ, преимущественно арійскихъ же племенъ. Грани и межи для поземельныхъ владѣній и всякихъ ихъ угодій примѣнялись и естественныя, и искусственныя, и въ глуши лѣсовъ у насъ долго сохранялись знаки, служившіе нѣкогда для разграниченія бобровыхъ и звѣриныхъ гоновъ, бортныхъ и медвьяныхъ ухожій: *границы, бортныя знамена, насы, бѣлны, рубежи, рубки, лѣхи, рѣзы* и т. д. Въ найденной плитѣ г. Савельевъ признаетъ древній межевой камень, въ среднемъ изображеніи котораго можно видѣть копье, арійскій символъ собственности или мѣры полей, а по обѣимъ сторонамъ его семейные или родовые знаки двухъ сосѣдей.

Г. Крашкевичъ перечисляетъ слѣдующія древности Стрѣлецкаго прихода: икона Покрова съ лѣтописью 1416 (?) года, икона св. Георгія 1772 г., Евангеліе почаевского изданія 1690 г., древній каменный крестъ съ сосѣдняго холма, сльвущаго „монастыремъ“, жалованная грамота Яна III Собѣсскаго настоятелю церкви въ 1676 г., колокола 1717—1799 гг., метрическія книги съ 1753 г.

5. Предсѣдателемъ же Отдѣленія доложено сообщеніе д-ра Войцѣха Кентржинскаго—*О славянахъ, обитавшихъ нѣкогда между Эльбою и Рейномъ, Салою и чешской границей, слѣдующаго содержанія*¹⁾.

Давно тянется споръ между нѣмецкими и славянскими учеными о томъ, славяне или германцы были аборигенами Средней Европы, причемъ до сихъ поръ перевѣсъ былъ на сторонѣ германской школы, опиравшейся исключительно почти на филологическихъ данныхъ. Отсюда авторъ предположилъ прежде всего собрать географическія названія съ окончаніями *иц, ица, ице*, а также названія, въ которыя входитъ слово *Wenden, Winden*, которое сами нѣмцы считаютъ за славянское. Такихъ названій между Рейномъ, Эльбою, Сѣвернымъ моремъ и Альпами авторъ насчиталъ до 800 и обозначилъ ихъ на 4-хъ специальныхъ картахъ. Нѣмецкіе ученые объясняли происхожденіе этихъ названій или 1) общимъ въ позднѣйшую эпоху сожительствомъ германцевъ и славянъ или 2) поселеніями славянскихъ плѣнниковъ среди германцевъ. Авторъ доказываетъ, что германцы на исторической памяти скорѣе германизовали славянскія мѣстныя названія, чѣмъ наоборотъ. Плѣнники тоже никогда не могли дать населенію свое имя, а принимали его отъ владѣльца-графа готовымъ. Особенно не могли измѣниться произвольно названія горъ и рѣкъ, среди которыхъ есть много славянскихъ названій, хотя Müllenhoff (*Deutsche Alterthumskunde*) считаетъ ихъ кельтскими. *Liipa, Wipper=Weporz, Oder=Odra* не оставляютъ сомнѣнія въ славянскомъ происхожденіи.

¹⁾ Издано (по польски) въ протоколахъ Краковской Академіи Наукъ за 1899 годъ.

Рѣка Руръ еще въ концѣ XIII в. называлась Rura Slavica, недалеко отъ ея устья лежалъ замокъ Краковъ, по Рейну и даже за нимъ сохранилось много поселеній, въ которыхъ хотя отдѣльныя улицы и урочища сохранили славянскія окончанія *ise, ici*, или корень *Wend*; чѣмъ дальше къ востоку отъ Рейна, тѣмъ ихъ больше. Отсюда, слѣдуетъ, что въ Средней Европѣ было время, когда германцевъ не было, а до Рейна и за Рейнъ даже жили славяне; германизация шла съ запада на востокъ и потому на западѣ больше стерла исконныхъ славянскихъ названій. Римляне знали славянъ подъ именемъ свевовъ, но не различали ихъ отъ германцевъ и кельтовъ, а Slavi измѣнили въ Svavi, Svevi, потому что сочетаніе звуковъ sl было противно ихъ языку. У Цезаря свевы населяютъ почти всю Среднюю Европу, у Тацита ихъ поселенія уже подвинулись къ востоку. Славянами авторъ считаетъ также бойевъ, маркомановъ, квадовъ, лиговъ, семноновъ, лангобардовъ, гермундуровъ, нориковъ, карновъ и др. Цезарь различаетъ, какъ два народа, Germani и Svevi, при чемъ большинство племенъ германскихъ живетъ къ зап. отъ Рейна. Тацитъ тоже посвящаетъ гл. 2—37 германцамъ, а 38—46 свевамъ — славянамъ, которыхъ отличаетъ какъ особый народъ. Ихъ религіозный культъ на таинственномъ морскомъ островѣ живо напоминаетъ Рюгенскій культъ Радегаста и Святовита. Авторъ поправляетъ ошибку Птолемея, ставившаго Вислу границей германцевъ и сарматовъ: и за Вислой къ востоку жили готы; а салинги Птолемея (въ др. рукописяхъ линги) это силезцы (szlązaki). Родиной германцевъ авторъ считаетъ Скандинавскій полуостровъ, откуда они морскими дружинами распространились, занявъ мѣста поселенія вытѣсняемыхъ славянъ. Таковы англъ, саксы, франки, аллеманы, варанги, варяги и др. Германія поэтому была понятіемъ географическимъ, но не этнографическимъ. Лишь въ VII—VI вв. до Р. Х. поселились къ зап. отъ Рейна Segni, Caeroesi, Raemani, Eburones, Batavi, которыхъ неосновательно считаютъ кельтск. племенами. Первые скандинавы, столкнувшіеся съ саввянами были: неметы (откуда „нѣмцы“), вангюны и трибоки. При Цезарѣ надъ Рейномъ жили узипеты, тенкеры, сугамбры, херуски отъ Липпе до Везера, а далѣе—севы (славяне). Въ 9 году до Р. Х. Друзъ нашелъ уже хаттовъ на мѣстѣ свевовъ надъ Рейномъ и Фульдою. Римское ядро много способствовало германизации, особенно съ паденіемъ царства Марбада (Моровода). При Тацитѣ лангобарды и гермундуры были еще свободны; въ IV в. по Р. Х. ихъ уже частью вытѣснили, частью покорили и ассимилировали германцы. Отсюда англъ и варинъ усвоили себѣ названіе тюринговъ, подчинивъ славянскихъ дуровъ; ихъ опять подчинили нѣмцы и лишь героство Само остановило потокъ германизации. Съ Карла Вел. христіанская цивилизация вела за собой и германизацию, уничтожая даже мѣстныя названія. Было бы интересно опредѣлить чѣмъ именно германская культура обязана славянамъ.

18-го августа. 7¹/₄ часовъ вечера.

Общее собраніе.

Предсѣдатель Съѣзда: графиня П. С. Уварова.

Предсѣдатель Ученаго Комитета: В. Б. Антоновичъ.

Секретарь того же Комитета: О. И. Левицкій.

1. К. В. Болсуновскій: *О свинцовыхъ пластинкахъ съ условными знаками церковныхъ праздниковъ.*

2. А. И. Маркевичъ: *О сохраненіи старинныхъ памятниковъ.*

Референтъ въ своей рѣчи указалъ, что настоящее краткое сообщеніе, точнѣе сказать предложеніе, — относится къ вопросу, который неоднократно былъ обсуждаемъ на Археологическихъ Сѣздахъ, и въ томъ числѣ на настоящемъ — о сохраненіи памятниковъ древности, и вызванъ нѣкоторыми имѣющимися для того наблюденіями.

„Нѣсколько лѣтъ назадъ, — сказалъ докладчикъ, — я былъ въ городѣ Луцкѣ и зашелъ посмотрѣть развалины его замка. Къ величайшему моему удивленію я увидѣлъ, что этотъ замокъ *обновляется*, при чемъ совершенно сбиваются поврежденные, хотя бы и немного, зубцы его стѣнъ и замѣняются другими — новыми; кое гдѣ такая новая кладка сдѣлана была и въ стѣнахъ. На мой вопросъ: „подъ чьимъ руководствомъ происходятъ работы?—я узналъ, что завѣдуетъ ими мѣстный становой приставъ, а поправка замка совершается въ виду предстоящаго приѣзда высокопоставленныхъ лицъ. Я не могъ еще придумать, что можно было бы сдѣлать для прекращенія такой варварской работы, когда на улицѣ случайно увидѣлъ шествующаго со свитой волынскаго губернатора, осматривавшаго г. Луцкѣ въ виду того же посѣщенія. Я подошелъ къ губернатору (въ то время и. д. г-ра г. Зейфертъ) назвалъ себя и довольно легко уговорилъ его распорядиться о прекращеніи разрушенія замка; но, разумѣется, — что было сдѣлано раньше, того уже исправить было нельзя.

Защита мною Луцкаго замка, разумѣется, была случайностью, и я даже не убѣжденъ, что его потомъ не продолжали исправлять; не говорю уже о томъ, что въ будущихъ случаяхъ такіа исправленія могли безпрепятственно совершаться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, на что имѣется достаточно примѣровъ, заведенныхъ и въ настоящемъ Сѣздѣ.

Приведу и другой эпизодъ: въ Одессѣ находятся развалины крѣпости, правда, не особенно старинной — Суворовской; возлѣ нея разбитъ теперь прекрасный паркъ, къ которому приспособлены были и эти развалины, сдѣлавшіяся очень красивою его декорацией. Я противъ этого ничего не имѣлъ бы, но, къ сожалѣнію, такое приспособленіе развалинъ крѣпости сдѣлано было безъ всякаго участія Одесскаго Общества Исторіи и Древностей или профессоръ-историковъ Новороссійскаго Университета, обратиться къ которымъ въ этомъ случаѣ городу не составило бы ни малѣйшаго затрудненія.

Живя на югѣ, гдѣ сохранилось особенно много монументальныхъ памятниковъ старины, постоянно приходится слышать: тамъ упала башня старинной крѣпости, тамъ обвалилась подмытая рѣкою крѣпостная стѣна и т. д. Является вопросъ: можно ли было предупредить такіа поврежденія? Иногда—нѣтъ, иногда и можно и даже очень можно. Напримѣръ, Аккерманская крѣпость передана была въ распоряженіе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей въ то время, когда городомъ Аккерманомъ уже были приняты всѣ мѣры къ ея разрушенію; Общество отчасти спасло руины, но, чтобы предупредить дальнѣйшее разрушеніе отъ подмытія стѣнъ крѣпости р. Днѣстромъ, требуется по исчисленію вполне компетентнаго лица—А. Л. Бертъ-Дела-Гарда, около 40,000 р., каковыми средствами Общество далеко не располагаетъ.

А принять мѣры къ цѣлесообразному охраненію старинныхъ развалинъ все-таки нужно, такъ какъ въ настоящее время большинство таковыхъ, повидимому, находится въ вѣдѣніи учреждений, нисколько не заинтересованныхъ въ ихъ сохраненіи, да и не понимающихъ даже, какъ это сдѣлать; вѣдь, самый яркій поклонникъ археологіи не пойдетъ такъ далеко, чтобы требовать назначенія исправниковъ или становыхъ приставовъ изъ числа археологовъ; достаточно было бы, пока что, и того, чтобы болѣе высокопоставленные лица относились къ этой области знанія не враждебно.

Обыкновенно всѣ развалины находятся гдѣ-либо на пустыряхъ, недалеко отъ поселеній; въ этихъ развалинахъ пасется скоть, и мальчишки-пастухи охотно портятъ стѣнамъ развалинъ;

я наблюдалъ это, напр. въ Кременцѣ, гдѣ мальчики ломали камень изъ стѣнъ (въ крѣпости, на такъ наз. горѣ Бонны), бросали его въ чрезвычайно глубокой колодезь, находящійся внутри развалинъ и прислушивались къ шуму отъ паденья камня. Можетъ быть, именно отъ подобныхъ хотя и незначительныхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но непрерывно повторяемыхъ операций, и происходитъ то извѣстное археологамъ, будто бы странное явленіе, что стоятъ спокойно какая-нибудь башня или стѣна цѣлый рядъ столѣтій, и вдругъ, ни съ того ни съ сего упадетъ.

Лучше всего, разумѣется, поручить такую охрану ученымъ обществамъ. Но какъ это сдѣлать? Ближайшимъ поводомъ для внесенія настоящаго моего предложенія является полученное мною, по званію секретаря Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, извѣстіе о томъ, что приходятъ въ разрушеніе двѣ старинныхъ крымскихъ крѣпости: Чабанъ-Куле и Арабатская. Первая находится недалеко отъ Судака, гдѣ крѣпость состоитъ въ вѣдѣніи Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, которому слѣдовало бы передать надзоръ и надъ крѣпостью Чабанъ-Куле; вторая на Арабатской косѣ, и заботы о ней, какъ мнѣ кажется, удобнѣе всего было бы взять на себя хранителю музея въ Керчи, т.-е. Императорской Археологической Коммиссіи, особенно когда въ Керчь пройдетъ желѣзно-дорожный путь. Затѣмъ я лично убѣдился въ достаточно неприличномъ видѣ керченской горы Митридата, очень шокирующемъ всѣхъ проѣзжающихъ черезъ Керчь, въ особенности же иностранцевъ, чрезвычайно Митридатомъ интересующихся. Размышляя надъ этими фактами, я пришелъ къ заключенію, что при увеличеніи у насъ ученыхъ учреждений, хотя бы иногда *volens-polens*, какъ, напр., архивныхъ комиссій, уже посвящающихъ себя заботамъ объ охраненіи и собираніи древностей, можетъ быть своевременно было бы поручить этимъ учреждениямъ и охрану тѣхъ древностей, надзоръ за которыми предоставлялся бы для нихъ удобнымъ и возможнымъ по состоянію денежныхъ средствъ и по расположенію путей сообщенія; тѣмъ болѣе, что въ последнее время культурные пути сообщенія получаютъ у насъ все большее и большее распространеніе. Эта оговорка имѣетъ существенное значеніе и ее можно подтвердить примѣрами. Охрану Аккерманской и Судацкой крѣпостей и въ настоящее время все еще удобнѣе предоставить Одесскому Обществу Исторіи и Древностей, нежели Кишиневской или Таврической археологической комиссій; вышеупомянутое Общество и сравнительно богаче ихъ, и обильнѣе учеными силами, а сообщеніе Одессы съ этими пунктами теперь легче, нежели сообщеніе съ Аккерманомъ Кишинева, или съ Судакомъ Симферополя. Что же касается матеріальныхъ средствъ, то случается, что земля около крѣпости, сдаваемая въ пользованіе, можетъ даже доставить средства, достаточныя для организаціи надзора, какъ это имѣетъ и теперь мѣсто въ Судацкѣ и Аккерманѣ. Въ такихъ предѣлахъ, по моему мнѣнію, и долженъ быть разрѣшенъ данный вопросъ.

Врагъ широкихъ, а потому трудно исполнимыхъ на дѣлѣ плановъ, я потому и рѣшаюсь выступить съ своимъ предложеніемъ, что, какъ мнѣ кажется, возможно уже сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ для его практическаго осуществленія, то есть, — позаботиться объ охранѣ хотя бы нѣкоторыхъ памятниковъ древности и именно тамъ, гдѣ таковая охрана возможна. Шаги эти представляются мнѣ слѣдующими: одно изъ нашихъ важнѣйшихъ ученыхъ Археологическихъ Обществъ, и предпочтительнѣе всего Московское, уже взявшее на себя организацію Археологическихъ Съѣздовъ, обратится къ другимъ Археологическимъ Обществамъ или такимъ, которыя могли бы заняться охраною древностей, ученымъ учреждениямъ, съ запросомъ: охрану какихъ памятниковъ (развалинъ, кургановъ и проч.) они могли бы взять на себя, въ зависимости, повторяю, отъ удобства надзора и достаточныхъ матеріальныхъ средствъ? Очень возможно, что на этотъ запросъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ и

болѣе всего изъ-за нашей русской лѣни, отвѣтовъ получится и немного. Затѣмъ состоится обычное предварительное совѣщаніе представителей отъ различныхъ учреждений для обсужденія слѣдующаго Археологическаго Съѣзда; вотъ пріѣхавшія-то на это предварительное совѣщаніе лица, какъ заранѣе уже освѣдомленные, и могутъ доставить, безъ сомнѣнія, съ собою матеріалъ, необходимый для предварительнаго обсужденія предлагаемой мною мѣры. Въ это же время могутъ быть рассмотрѣны и различныя важныя ея подробности, напр., относительно того, какіе памятники должны стать предметомъ ученой ихъ охраны, какъ можетъ быть таковая осуществлена, и проч., чтобы къ предстоящему Археологическому Съѣзду вопросы могъ быть разработаны и представлены уже во всей полнотѣ и опредѣленности, и явилась бы возможность для Съѣзда ходатайствовать объ измѣненіи существующихъ или изданіи новыхъ законоположеній о сохраненіи памятниковъ древности⁶.

При обсужденіи доклада, графиня П. С. Уварова, выразивъ сочувствіе предложенію, не скрыла опасенія, что осуществленіе его останется въ области мечтаній, ибо въ силу закона 11 марта 1889 года всѣ заботы о сохраненіи памятниковъ возложены на одну Императорскую Археологическую Коммиссію. Гр. А. А. Бобринскій возразилъ, что Коммиссія, безсильная слѣдить на всемъ пространствѣ Россіи, можетъ лишь горячо привѣтствовать сдѣланное предложеніе. Надо лишь указать памятники, которыя данное общество желало бы взять на свою охрану, можетъ быть установить, какъ шла рѣчь, районы, а затѣмъ существеннымъ остается денежный вопросъ: безъ денегъ ничего не сдѣлать и, на примѣръ, древности Кавказа будутъ по прежнему расхищаться. Разсчитывать на денежную помощь отъ Правительства врядъ ли можно, а надо привлечь поддержку и сочувствіе общества.

І. А. Хайновскій, участникъ Севастопольской обороны, указавъ на уничтоженія сева-стопольскихъ баттарей и редутовъ и замѣну ихъ каменными столбиками съ надписями, ходатайствовалъ о включеніи оставшихся памятниковъ въ заботу и присмотръ кого-нибудь изъ археологовъ. При дальнѣйшемъ обсужденіи указывалось на разрушеніе въ юго-западномъ краѣ развалины замковъ, стоящихъ на частныхъ и крестьянскихъ земляхъ; на разрушеніе, при проведеніи Харьковско-Балашевской жел. дор., пещернаго храма, бывшаго Дивногорскаго монастыря; на случаи пренебреженія католическими древностями (два древніе костела близъ Мозыря) на необходимость составленія прежде всего списка древностей, подлежащихъ охранѣ, и на необходимость привлечь къ этой подготовительной работѣ мѣстные статистическіе комитеты и ученые архивныя коммиссіи; на пользу, пока, къ будущему Съѣзду, составится такой списокъ, обращенія къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ съ просьбою подтвердить циркулярно о сохраненіи древностей, и къ мѣстнымъ представителямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Постановлено: предложеніе А. Н. Маркевича передать въ Совѣтъ Съѣзда.

3. Графиня П. С. Уварова прочла слѣдующій докладъ *О преподаваніи археологій въ русскихъ университетахъ*:

„Прошу позволеніе занять ваше вниманіе краткимъ докладомъ о необходимости введенія въ наши университеты правильнаго, систематическаго преподаванія археологій. Тема моего доклада не нова: вопросъ этотъ поднимался не разъ на нашихъ Археологическихъ Съѣздахъ и ему посвящались рефераты лучшихъ нашихъ ученыхъ.

Такъ, уже на первомъ Съѣздѣ въ 1869 году, отвѣчая на вопросы, поставленные Предварительнымъ Комитетомъ: 1) Въ какомъ состояніи находится нынѣ наука русской археологій? Средства къ дальнѣйшему болѣе успѣшному развитію оной. Необходимость преподаванія археологій. 2) Какія должны быть приняты мѣры къ сохраненію и приведенію въ извѣстность памятниковъ какъ языческой, такъ и христіанской древности въ Россіи? 3) Точнѣйшее

опредѣленіе метода и приѣмовъ въ изслѣдованіе памятниковъ. Составленіе подробной инструкціи археологическихъ изысканій. Терминологія русской археологіи и пр.,—М. П. Погодинъ занялъ нѣсколько засѣданій своимъ докладомъ о *Судьбахъ археологіи въ Россіи*, а О. И. Буслевъ и П. С. Казанскій подробно изложили свои взгляды на необходимость и возможность введенія въ университетахъ преподаванія археологіи.

На второмъ Съѣздѣ, въ 1871 г. И. И. Срезневскій занялъ собраніе обстоятельнымъ докладомъ *О современномъ состояніи русской археологіи*.

На третьемъ Съѣздѣ, созванномъ въ Кіевѣ, въ 1874 г., И. Е. Забѣлинъ разсматриваетъ: *Въ чемъ заключаются основныя задачи археологіи какъ самостоятельной науки*; графъ А. С. Уваровъ подробно излагаетъ: *Что должна обнимать программа для преподаванія русской археологіи и въ какомъ систематическомъ порядкѣ должна быть распределена эта программа*, а А. Г. Брикнеръ, какъ бы въ дополненіе доклада графа, знакомитъ насъ съ тѣми *Практическими упражненіями и занятіями, какія могутъ и должны быть устраиваемы при университетскомъ преподаваніи археологіи*.

Приводя на память присутствующимъ имена Погодина, Буслева, Забѣлина, Срезневскаго, гр. А. С. Уварова — этихъ столповъ русской археологической науки, я не позволю себѣ излишнихъ подробностей, а приведу только нѣкоторыя изъ ихъ положеній, чтобы освѣтить вопросъ и напомнить то, что о немъ говорилось и думалось на первыхъ Съѣздахъ.

„Любовь къ древностямъ“,—говоритъ проф. Казанскій на первомъ Съѣздѣ,— „и знаніе ихъ суть лучшіе хранители древностей. Пока не распространится въ большинствѣ общества любовь къ древностямъ и знаніе, никакія правительственныя мѣры не оградятъ вполнѣ древнихъ памятниковъ отъ искаженія и уничтоженія“. „Правильно понимаемая археологія, продолжаетъ профессоръ, должна знакомить не съ формами только древними, но и съ духомъ, съ идеей, породившею эти формы“.

„Археологія, равно какъ и исторія, — говоритъ гр. Уваровъ на 3-мъ Съѣздѣ, — занимается изслѣдованіемъ остатковъ древняго быта, и онѣ обѣ суть отрасли одной и той же науки бытописанія народовъ. Пока исторія довольствовалась изложеніемъ однихъ внѣшнихъ фактовъ, не обращая вниманія на общественный и внутренній бытъ народа, она не достигала того, что требуетъ бытописаніе, и Монтень съ справедливостью клеймилъ ее мѣткимъ прозваніемъ *histoire bataille*. Но этотъ недостатокъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ сталъ понемногу исчезать при постепенномъ развитіи исторической критики, и еще недавно историческія изслѣдованія, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ археологической науки, получили особое направленіе и преобразовались въ такъ называемую теперь культурную исторію народовъ“.

„Археологія, — говоритъ графъ на 1-мъ Съѣздѣ, — какъ стройная наука, пользуется уже давно правомъ гражданства на Западѣ“, и онъ находитъ „справедливымъ и неотложно необходимымъ, чтобы одинаковое право гражданства было получено ею и въ русскихъ университетахъ, ибо пока археологія не войдетъ въ число наукъ, преподаваемыхъ въ университетѣ, до тѣхъ поръ ею будутъ заниматься отдѣльныя лица, но общая масса не будетъ сознавать ея пользы“.

Поддерживая свою мысль, графъ на 2-мъ Съѣздѣ выражаетъ желаніе, чтобы Съѣздъ чрезъ находящихся на немъ представителей университетовъ передалъ университетамъ просьбу о содѣйствіи скорѣйшему основанію самостоятельной каѳедры по археологіи.

Наставивъ далѣе на своемъ завѣтномъ желаніи двинуть, наконецъ, дорогое для него дѣло, графъ на 3-мъ Съѣздѣ подробно излагаетъ программу русской археологіи, опредѣляетъ ея задачи „какъ науки, занимающейся изслѣдованіемъ древняго русскаго быта по памятникамъ, оставшимся отъ народовъ, изъ которыхъ сперва составила Русь, а потомъ Русское госу-

дарство“, и, раздвигая рамки желательнаго университетскаго преподаванія археологін, перечисляетъ тѣ науки, которыя считаются необходимыми для научнаго изслѣдованія памятниковъ и которыя такимъ образомъ должны также стать въ число университетскаго преподаванія. Науки эти: антропологія, палеографія, съ подраздѣленіемъ на эпиграфику и дипломатику, сфрагистика съ геральдикою, нумизматика, художества, состоящая изъ живописи, зодчества, ваянія и музыки, географія съ топографіей и хронологія.

Развивая далѣе свою программу, графъ указываетъ на невозможность уясненія древняго быта Россіи безъ изученія исторіи тѣхъ народовъ, съ которыми она была въ прикосновеніи, и потому предлагаетъ одновременно съ изученіемъ русской археологін изучать археологію Византіи, славянскихъ народовъ и Скандинавіи.

Программу эту излагалъ графъ на первомъ Кіевскомъ Съѣздѣ въ 1874 г., но мнѣ думается, что если бы онъ дожилъ до Съѣзда, собравшагося нынѣ, то онъ легко бы согласился, что къ предлагаемымъ кафедамъ—вспомогательнымъ при изученіи русской археологін—прежде всего слѣдуетъ прибавить изученіе Востока со всеми тѣми народами и народностями, искусство и вѣрованія которыхъ имѣли такое громадное вліяніе на русскій бытъ, развитіе государственнаго строя, на нашу исторію и искусство.

И такъ, чтобы не случилось, по мѣткому выраженію М. П. Погодина, что наша отечественная археологія только тогда начнетъ разрабатывать свои памятники, когда большая часть изъ нихъ будетъ истреблена, и въ виду благого примѣра, который подають намъ западныя государства и западные ученые, посвящающіе огромныя средства какъ на разработку мѣстныхъ древностей, такъ и на изученіе Востока и Византіи, позвольте мнѣ просить нынѣшній Съѣздъ сдѣлать слѣдующія два постановленія:

1) Ходатайствовать предъ правительствомъ о введеніи въ университетахъ кафедръ по археологін, не только русской, но и всехъ тѣхъ народностей, которыя могли имѣть вліяніе на развитіе русскаго искусства.

2) Ходатайствовать вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы немедленно была составлена коммиссія для обсужденія и выработки необходимыхъ для преподаванія археологін программъ и изданія руководствъ по разнымъ отраслямъ археологін съ привлеченіемъ къ этому дѣлу ученыхъ обществъ, имѣющихся въ Россіи“.

Выслушавъ съ единодушнымъ сочувствіемъ докладъ, Общее Собраніе постановило: предложеніе графини П. С. Уваровой передать въ Совѣтъ Съѣзда.

19-го августа, 10 ч. утра. (Актовый залъ).

Засѣданіе Совѣта XI-го Археологическаго Съѣзда.

Засѣданіе открыто подъ предѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: В. Б. Антоновича, Д. И. Багалѣя, В. П. Бузескула, Н. Θ. Бѣляшевскаго, В. М. Виттыга, П. В. Владимірова, Д. В. Васильева, П. Н. Голубовскаго, В. З. Завитневича, В. С. Иконникова, В. А. Кордта, о. І. Н. Королькова, Ю. А. Кулаковскаго, О. И. Левицкаго, А. И. Маркевича, Е. Н. Мельникъ, Г. А. Муркоса, А. В. Половцова, А. С. Раевскаго, Н. В. Рождественскаго, Л. М. Савелова, о. Θ. І. Титова, Θ. Я. Фортинскаго, В. И. Щербины, Д. И. Эварницкаго, И. И. Янко, при секретарѣ Съѣзда В. Г. Лиско-ронскомъ.

По обсужденіи предложеній, переданныхъ изъ общихъ собраній и отдѣленій Съѣзда, постановлено:

1) Довести до свѣдѣнія Императорской Академіи Наукъ, что на XI Археологическомъ Съѣздѣ былъ возбужденъ вопросъ о желательности: а) изданія серій классическихъ и византійскихъ писателей (съ русскимъ переводомъ), имѣющихъ отношеніе къ исторіи славянъ и территоріи Россіи; в) изданіи въ оригиналѣ и переводахъ, отрывковъ арабскихъ писателей, имѣющихъ отношеніе къ исторіи славянъ и территоріи Россіи.

2) Въ виду хищеній, которымъ подвергается за послѣднее время Ольвія, ходатайствовать предъ Правительствомъ о выдачѣ денежныхъ средствъ для производства въ Ольвіи правильныхъ и систематическихъ раскопокъ.

3) По поводу предложенія проф. Шмурло объ учрежденіи Русской Археографической Коммиссіи при Ватиканскомъ архивѣ, — снестись съ русскимъ посломъ при итальянскомъ дворѣ А. И. Нелидовымъ.

4) Принимая въ принципѣ проектъ Д. Я. Самоквасова объ организаціи Архивнаго дѣла въ Россіи, повергнуть къ Государственнымъ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора всеподданѣйшее ходатайство объ осуществленіи организаціи архивнаго дѣла въ ближайшемъ будущемъ и дозволеніи, чтобы проектъ этой организаціи былъ разработанъ при содѣйствіи лицъ, которымъ дѣло устройства архивовъ знакомо и дорого.

5) Въ виду того, что на организацію архивовъ потребуется не мало времени, — ходатайствовать, чтобы, не ожидая разрѣшенія общаго объ архивахъ вопроса, было немедленно приступлено къ преобразованію Харьковскаго Историческаго архива — въ Центральный Историческій архивъ.

6) Ходатайствовать о немедленномъ изданіи циркулярнаго распоряженія по всѣмъ вѣдомствамъ о прекращеніи уничтоженія какихъ бы то ни было бумагъ, относящихся къ дѣлопроизводствамъ государственныхъ и общественныхъ учреждений, пока не будетъ учреждено центральное архивное управленіе въ Россіи и не будутъ выработаны и изданы общія правила уничтоженія ненужныхъ актовъ дѣлопроизводства означенныхъ учреждений.

7) Ходатайствовать передъ Правительствомъ объ оказаніи существующимъ губернскимъ архивнымъ коммиссіямъ ежегоднаго пособія въ размѣрѣ 1500 рублей каждой.

8) Въ виду желательности и необходимости болѣе научной разработки древностей Привислянскаго края, просить Императорское Московское Археологическое Общество — возбудить ходатайство объ учрежденіи въ г. Варшавѣ Археологическаго Общества или Отдѣленія Московскаго Общества.

9) Ходатайствовать объ учрежденіи въ университетахъ каѳедры археологін и о расширеніи преподаванія теоріи и исторіи искусствъ на область вѣкклассическаго міра.

10) По поводу предложенія А. И. Маркевича о мѣрахъ къ охраненію памятниковъ старины — просить Императорское Московское Археологическое Общество принять на себя трудъ осуществленія проектируемыхъ имъ мѣръ и доложить объ этомъ Предварительному Комитету будущаго XII Съѣзда.

11) По выслушаніи доложенной Совѣту г. председателемъ переписки относительно мѣста устройства будущаго XII Археологическаго Съѣзда, постановили: избрать для этого г. Харьковъ и поручить Московскому Археологическому Обществу обратиться къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія съ просьбой о разрѣшеніи собрать Предварительный Комитетъ въ Москвѣ, въ 1900 г. съ 4 по 8 января.

12) Просить Императорское Московское Археологическое Общество принять на себя изданіе Трудовъ настоящаго XI Археологическаго Съѣзда.

19-го августа, 7 часовъ вечера. (Актовый залъ).

Заключительное общее собраніе Съезда.

Предсѣдатель Графиня П. С. Уварова.
Секретарь В. Г. Ляскоронскій.

Въ обширномъ университетскомъ залѣ собрались члены Съезда и много посторонней публики. За предсѣдательскимъ столомъ занимали мѣста Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, Предсѣдатель Съезда графиня П. С. Уварова, Предсѣдатель Ученаго Комитета Съезда В. Б. Антоновичъ и секретарь Съезда В. Г. Ляскоронскій.

1. В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ сообщеніе: *Объ археологическихъ выставкахъ, устроенныхъ ко времени открытія Съезда.*

Имѣя въ виду представить наглядно карты древностей Кіевскаго района, Комитетъ по устройству XI Археологическаго Съезда обратился къ учрежденіямъ и коллекціонерамъ съ просьбой прислать на выставку свои коллекціи. Обращеніе было принято сочувственно — на выставку доставлено довольно значительное количество предметовъ. Выставка была распределена въ нѣсколькихъ помѣщеніяхъ: въ университетѣ, въ городскомъ музеѣ, въ музеѣ церковно-археологическаго общества; въ помѣщеніяхъ гг. Б. И. Ханенко и І. А. Хайновскаго, которые любезно открыли доступъ гг. членамъ съезда для осмотра и изученія своихъ коллекцій.

Выставка въ университетѣ была распределена по отдѣламъ: древности первобытныя, древности класическія, древности историческія, древности церковныя, выставка картографическая и выставка старопечатныхъ книгъ и рукописей; обстоятельный отчетъ объ нихъ представленъ былъ въ рефератахъ, сопровождавшихся демонстраціями, составленныхъ завѣдующими отдѣлами выставки: В. А. Кордтомъ — о картографіи М. П. Истомянымъ — о церковныхъ древностяхъ; обстоятельный же отчетъ по отдѣлу старопечатныхъ книгъ и рукописей сообщить сейчасъ завѣдующій этимъ отдѣломъ И. М. Каманинъ. Что касается другихъ отдѣловъ выставки, то главное мѣсто по числу экспонатовъ занималъ отдѣлъ первобытныхъ древностей; въ основу этого отдѣла положена была довольно богатая коллекція, принадлежащая музею древностей университета св. Владиміра, но сверхъ того отдѣлъ этотъ обогатили частныя коллекціи, любезно доставленныя ея владѣльцами: минералогическимъ музеемъ университета св. Владиміра, также гг. Червинскимъ, Тиховскимъ, г-жею Мельникъ, Пуласкимъ, Житинскимъ, Волянскимъ, Любой-Радзиминскимъ, бар. Штейнгелемъ, г. Добровольскимъ, проф. Лашкаревымъ и проф. Антоновичемъ.

Сверхъ того, на выставку доставлены были предметы, добытые изъ раскопокъ, произведенныхъ непосредственно передъ Съездомъ, — частью по инициативѣ Предварительнаго Комитета по устройству XI Археологическаго Съезда, частью по личной инициативѣ гг. членовъ Съезда. Коллекціи эти послужили матеріаломъ для многихъ рефератовъ, доложенныхъ на Съездѣ; таковы были предметы, добытые раскопками г-жи Мельникъ, гг. Веселовскаго, Кнауэра, Лилеева, Антоновича и Бѣляшевскаго. Уже одинъ перечень приведенныхъ именъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ сочувствіи, которое Съездъ и его выставка встрѣтили въ средѣ мѣстнаго интеллигентнаго общества. Бюро Съезда считаетъ своимъ долгомъ заявить, отъ имени Съезда, глубокую признательность всемъ лицамъ, принявшимъ участіе въ выставкѣ присылкою коллекцій, и способствовавшихъ такимъ образомъ возможности ознакомленія русскихъ и иностранныхъ гостей съ археологическимъ матеріаломъ средняго Приднѣпровья.

Отдѣлы древностей классическихъ и историческихъ были относительно слабо представлены на выставкѣ: первыя (классическія) потому, что въ поступившихъ коллекціяхъ было весьма мало экспонатовъ классическаго искусства, такъ какъ предметы эти весьма рѣдко встрѣчаются въ кievскомъ районѣ, вслѣдствіе этого на выставкѣ пришлось ограничиться экспонированіемъ лишь предметовъ, хранящихся въ Музеѣ Древностей и Изыщныхъ Искусствъ и въ Музеѣ университета св. Владиміра; древности же историческаго времени сосредоточились по преимуществу въ Городскомъ музеѣ, такъ что на выставкѣ въ зданіи университета пришлось ограничиться лишь небольшою коллекціею, принадлежащею Музею древностей университета св. Владиміра, да нѣсколькими частными коллекціями гг. Болсуновскаго, Божко и Волянскаго. Предметы, выставленные въ университетѣ, были описаны въ каталогѣ, изданномъ на средства, которыми располагалъ Предварительный Комитетъ XI Археолог. Съѣзда. Бюро Съѣзда считаетъ долгомъ заявить свою благодарность лицамъ, принявшимъ на себя трудъ описанія, приведенія въ порядокъ и укладки разныхъ отдѣловъ выставки: г-жа Мельникъ составила описаніе и систематизировала отдѣлъ первобытныхъ древностей; профессора Кулаковскій, Титовъ и Завитневичъ, а также гг. Кордтъ, Истоминъ, Каманинъ и Щербина много потрудились надъ описаніемъ и раскладкою древностей по другимъ отдѣламъ выставки.

Другой весьма богатый отдѣлъ выставки помѣщался въ Кievскомъ Городскомъ Музеѣ. Съѣздъ считаетъ своимъ долгомъ принести глубокую благодарность г. товарищу председателю Кievскаго Общества Древностей и Искусствъ Б. И. Ханенко за ту истинно изумительную энергію, благодаря которой, новое, еще строившееся зданіе Музея, было приведено къ началу Съѣзда въ такое положеніе, что въ залахъ второго этажа этого зданія могъ быть открытъ отдѣлъ выставки и организована сама выставка, благодаря неутомимому труду В. В. Хвойки.

Затѣмъ докладчикъ перешелъ къ перечисленію и краткой характеристикѣ цѣнныхъ въ научномъ отношеніи коллекцій гг. Хвойки, Б. И. Ханенка, Общества Древностей и Искусствъ, гг. Кундеревича, Чернева, Запорожскаго, Тарновскаго и проч., и высказалъ мнѣніе, что въ общемъ всѣ эти выставки довольно полно представили собой прошлое Юго-Западнаго края.

2. И. М. Каманинъ сдѣлалъ слѣдующій *Обзоръ выставки рукописей и старопечатныхъ книгъ при XI Археологическомъ Съѣздѣ*:

Устройство выставки рукописей возможно было или съ историко-литературной цѣлью, или съ историко-филологической, или же съ палеографической.

Подборъ рукописей, важныхъ въ историко-литературномъ отношеніи, казался намъ трудно-исполнимымъ, вслѣдствіе большого числа и большой разбросанности этого рода памятниковъ, и потому грозившимъ сдѣлать выставку неполной.

Историко-филологическая цѣль при подборѣ рукописей неудобна была по своей, не для всѣхъ доступной, специализаціи. Поэтому оставалось устроить выставку палеографическую, ибо этимъ съ одной стороны, легче достигалась ея полнота; а съ другой—она должна была производить болѣе сильное впечатлѣніе на мало подготовленнаго къ двумъ первымъ цѣлямъ обозрѣвателя.

Всѣхъ рукописей на выставкѣ было 190. Онѣ поступили: изъ Кievo-Десятинной церкви, Кievo-Михайловскаго монастыря, Волинскаго Епархіальнаго Древлехраняющаго, Владиміро-Волинскаго Братства, Луцкаго Крестовоздвиженскаго Братства, Волинской Духовной Семинаріи и Почаевской Лавры. Изъ частныхъ лицъ на выставку представили экспонаты: И. Н. Михайловскій, И. М. Чернявскій, М. К. Ясинскій, П. И. Житецкій, О. И. Швайскій и М. И. Лилеевъ.

Полученныя рукописи, если онѣ относились къ XV — XVII вв., если онѣ несомнѣнно были писаны въ Кіевской или Волынской землѣ, мы расположили сначала по этимъ областямъ, а затѣмъ, въ каждой области—по вѣкамъ.

Особенно обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыя изъ рукописей. Напримѣръ, *Евангеліе*—Кіево-Десятинной церкви, съ датою 1429 года, писанное красивымъ кіевскимъ уставомъ.

Новый завѣтъ въ переводѣ на языкъ южно-русского образованнаго общества конца XVI вѣка, сдѣланномъ на Волыни въ 1581 году; авторъ перевода былъ аріаниномъ, и его вѣрованія должны были отразиться и въ выборѣ словъ для выраженія нѣкоторыхъ понятій, отличающихъ православіе отъ аріанства. Это драгоценный и единственный экземпляръ.

Помяникъ Кіево-Михайловскаго монастыря, относящійся къ концу XVI и началу XVII вѣка; въ немъ записаны многіе мѣстные знатные роды дворянства и козачества, напримѣръ, родъ славнаго гетмана Петра Конашевича-Сагайдачнаго.

Патерикъ Печерскій — рукопись XVII вѣка заслуживаетъ вниманія по своей рѣдкости, такъ какъ рукописныхъ Патериковъ вообще сохранилось немного.

Заслуживаетъ вниманія и книга блаженнаго *Іова Почаевскаго*, писанная имъ собственноручно красивой уставной скорописью и содержащая въ себѣ сборникъ словъ и поученій.

Исторія Загоровскаго монастыря, изложенная въ формѣ лѣтописи, относится къ концу XVIII вѣка и представляетъ примѣръ того, какъ велись лѣтописи въ то время и что составляетъ интересъ бытописателя.

Архіерейскій Чиновникъ выдѣляется изъ массы рукописей красотой отдѣлки и роскошной орнаментикой своихъ буквъ. Онъ относится къ XVIII вѣку.

Житія *Генадія* Костромскаго и преп. *Нифонта* снабжены большимъ количествомъ раскрашенныхъ изображеній и рисунковъ.

Въ небольшомъ литературномъ отдѣлѣ можно указать на рукопись 1798 года „*Энеиды*“ Котляревскаго, на переложенія *псалтыря* В. Тредьяковскаго и на стихотворенія, слова и поученія митрополита Стефана *Яворскаго*.

Изъ рукописей историческаго характера слѣдуетъ упомянуть о Путевомъ журналѣ кн. *Н. В. Рюпина*, объ исторіи фельдмаршала *Миниха*, о письмахъ князей *Трубецкихъ*.

Въ отдѣлѣ лѣтописей заслуживаютъ вниманія варианты лѣтописей *Граблики*, *Рубана*, *Димитрія Ростовскаго*, *Описанія Историческаго*.

Въ отдѣлѣ юридич. памятниковъ находится рукопись *2-го Литовскаго Статута*, дополняющая во многомъ изданный покойнымъ Бодянскимъ экземпляръ. Здѣсь же мы найдемъ два экземпляра договорныхъ статей гетмановъ *Малороссіи* съ *Московскими* государями въ XVII вѣкѣ.

Вообще же палеографическая выставка даетъ возможность, путемъ сравненія кіевскаго и волынскаго уставнаго письма, прийти къ вѣрному заключенію о сходствѣ и различіи между ними.

При устройствѣ выставки старопечатныхъ книгъ имѣлось въ виду собрать по возможности образцы печати всѣхъ южно-русскихъ типографій до начала истекающаго вѣка: во 1-хъ, чтобы судить о количествѣ и характерѣ напечатанныхъ въ каждой изъ нихъ изданій и, во 2-хъ, — опредѣлить территорію распространенія послѣднихъ.

Старопечатныя книги собраны изъ православныхъ церквей и монастырей Волыни и Подолія церковно-археологическими обществами этихъ епархій и болѣе или менѣе точно могутъ отвѣтить на поставленные нами для выставки задачи. Наибольшее число книгъ имѣется изъ Львовской и Почаевской типографій. На первомъ мѣстѣ стоитъ „*Апостолъ*“, изданный основателемъ южно-русскихъ типографій *Иваномъ Федоровымъ*. Онъ имѣется у насъ въ 3-хъ экземплярахъ. Последнее изданіе, какое намъ удалось найти на югѣ Россіи и напечатанное въ Львовской типографіи, относится къ 1772 году. Такимъ образомъ, Львовская типографія

снабжала своими богослужебными книгами Волынь и Подолію въ теченіе двухъ вѣковъ и наконецъ уступила свое мѣсто изданіямъ Почаевской лавры, которая открыла свою дѣятельность съ 1732 года, когда получила грамоты отъ польскаго короля. Существуетъ мнѣніе, что Почаевская типографія начала свое существованіе въ 1618 году, когда въ Почаевѣ было напечатано Кирилломъ Транквилиономъ его сочиненіе: „Зерцало Богословія“. Мы имѣемъ на выставкѣ эту рѣдкую книгу, на выходномъ листѣ ея означено лишь, что она напечатана въ Почаевскомъ монастырѣ, но не сказано, что это типографія лаврская. Несомнѣнно, что это была кочевая типографія, скоро перешедшая въ другое мѣсто. Начало Почаевской типогр. относится такимъ образомъ къ XVIII в., благодаря господству уни въ то время; благодаря тому, что она сама находилась въ рукахъ униатской высшей власти, ея изданія вытѣснили изданія всѣхъ другихъ типографій и въ частности Кіево-Печерской типографіи, которая съ присоединеніемъ Кіева къ Россіи была отрѣзана отъ правобережной Украины строгимъ кордономъ, и ея изданій мы не находимъ ни въ Подоліи, ни на Волыни.

Мѣстѣ съ Львовской типографіей, на юго-западѣ Россіи распространяли свои изданія меньшія типографіи: *Стратинская* 1604—1606 г., *Унавская* и *Кирилловская*; всѣ они принадлежатъ Галиціи. Рѣдкіе экземпляры Стратинской и Кирилловской типографій представлены на выставкѣ во всѣхъ своихъ изданіяхъ.

Волынскія типографіи, вообще немногія и существовавшія очень короткое время не считая *Почаевской*, продожающей и теперь работать, оставили намъ свои немногія и потому весьма рѣдкія изданія: именно, *Острожской* типографіи, существовавшей съ 1577 по 1612, мы имѣемъ пять изданій. *Кременецкая* же и *Рахмановская* типографіи, напечатавшія всего по одному изданію, представлены у насъ въ этихъ своихъ единственныхъ изданіяхъ. Изъ Кременецкой типографіи Богоявленскаго братства мы имѣемъ „*Славянскую грамматику*“ 1638 г., а изъ Рахмановской (въ имѣніи кн. Вишневецкихъ) — „*Учительное евангеліе*“, напечатанное въ 1619 г. Кирилломъ Транквилиономъ по настоянію кн. Корецкаго. На ряду съ изданіями южно-русскихъ типографій, мы встрѣчаемъ въ нашемъ краѣ и изданія сѣверно-русскихъ типографій и при томъ въ ихъ рѣдчайшихъ первопечатяхъ. Такъ, напр., мы имѣемъ первую книгу, напечатанную въ *Заблудовской* типографіи въ 1568—69 гг. бѣжавшими тогда изъ Москвы Ив. Ѳеодоровымъ и Петромъ Мстиславцемъ; она напечатана при поддержкѣ „наивысшаго гетмана“ княжества Литовскаго Григ. Ал. Ходкевича, подъ заглавіемъ „Евангеліе учительное“; на Евангеліи находится запись жены Ходкевича, писанная ею собственноручно.

Изъ *Виленской* братской типографіи имѣется первая, напечатанная тамъ въ 1575 г. Петромъ Мстиславцемъ, книга „*Четвероевангеліе*“.

Книги, напечатанныя въ *Кутейнской* типографіи, близъ г. Орши, Могилевской губерніи, имѣются на выставкѣ въ количествѣ пяти экземпляровъ. Кутейнская типографія основана была ревнителемъ православія, членомъ Кіевского Богоявленскаго братства, Богданомъ Стеткевичемъ; въ этой типографіи работалъ извѣстный Кіеву въ XVII в. типографъ Спиридонъ Соболевъ, прекратившій здѣсь свою дѣятельность въ 1630 г. и перешедшій въ Кутейно.

Всѣ изданія *Езтевской* типографіи, числомъ 4, также имѣются на выставкѣ. Типографія эта, основанная близъ Вильна Богданомъ Огинскимъ, просуществовала ровно 30 лѣтъ.

Въ XVIII в. эти изданія смѣняются изданіями Супрасльскаго и Троицко-Ильинскаго Черниговскаго монастырей.

Интересно, что на Волынь попадали даже богослужебныя книги сербскихъ типографій. Такъ, напр., въ-с. *Басовомъ Кутѣ* оказалось Евангеліе—апрокосъ, напечатанное въ *Братевѣ* въ 1565 году, а въ Кіевѣ, въ Михайловскомъ монастырѣ, хранится даже *краковское* рѣдчайшее изданіе 1491 года—*Часословъ*.

3. Графиня П. С. Уварова представила слѣдующій

Отчетъ объ XI Археологическомъ Сѣздѣ.

Всякій Ученый Сѣздъ слагается изъ двухъ частей, раздѣльныхъ и самостоятельныхъ съ одной стороны и тѣсно связанныхъ — съ другой. *Первая* и *главная* изъ этихъ сторонъ Сѣзда—его внутренняя или ученая часть, *вторая*—внѣшняя сторона или та обстановка, которой сьуждали или захотѣли обставить этимъ Сѣздомъ.

Внутренняя жизнь Сѣзда съ своей стороны распадается также на отдѣлы:

а—доклады и работы, представленные Сѣзду на основаніи тѣхъ поѣздокъ и командировокъ, которыя были предприняты по порученію Предварительнаго Комитета, подготавливавшего Сѣздъ;

б—отвѣты, данные на запросы, предъявленные Сѣзду;

в—вопросы, подвергнутые особой разработкѣ во время Сѣзда;

г—ученые рефераты и изслѣдованія, доложенныя на засѣданіяхъ Сѣзда;

д—пожеланія высказанныя референтами на основаніи этихъ рефератовъ;

е—на собраніе древностей и иныхъ предметовъ, собранныхъ на время Сѣзда для научнаго обозрѣнія и изученія;

ж—и наконецъ на изданія, приуроченныя или посвященныя Сѣзду.

Позволяю себѣ или скорѣе *считаю своею обязанностью*, хотя бы вкратцѣ, указать Сѣзду на достигнутые результаты по всѣмъ этимъ пунктамъ.

а. Доклады по первому пункту, т. е. доклады, вызванные подготовительными работами къ Сѣзду представлены:

В. Б. Антоновичемъ (Раскопки въ Западной Волини и О Каменномъ вѣкѣ на Волини).

Е. И. Мельникъ — Раскопки кургановъ въ Ровенскомъ, Луцкомъ и Дубенскомъ уѣздахъ Волинской губ.

Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ — Результаты археологической экскурсіи въ бассейнѣ Западнаго Буга.

В. Г. Ляскоронскимъ — О городищахъ, змѣвыхъ валахъ и курганахъ въ бассейнѣ р. Сулы.

А. М. Покровскимъ — Антропологическія данныя о типѣ череповъ изъ Волинскихъ кургановъ.

М. П. Истоминымъ — Фрески XVII и XVIII в. храмовъ и костеловъ юго-западной Россіи и Главнѣйшія черты въ иконографіи на Волини отъ XVI до XVIII в.

Священникомъ Сѣцинскимъ — О древнѣйшихъ церквахъ Подоліи.

Проф. Лашкаревымъ — Объясненіе церковныхъ древностей гор. Чернигова.

П. М. Каманинымъ — Главныя моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII в. и О Волинскихъ Архивахъ.

Кромѣ того представлены и готовы къ печати: *Археологическая карта Волинской губ.*, составленная В. Б. Антоновичемъ, *Археологическая карта Подоліи* — свящ. Сѣцинскимъ, *Историческая карта Черниговской губ. до XVI в.* — Голубовскимъ и Кивлицкимъ и подготавливается Историческая карта остальной Лѣвобережной Украйны, которая не готова къ Сѣзду, но составители которой (А. М. Лазаревскій, О. И. Левицкій и Стороженко) обѣщаютъ ее для Трудовъ Сѣзда.

Къ этому отдѣлу слѣдуетъ также прибавить докладъ М. В. Довнаръ-Запольскаго о дѣятельности Архивныхъ Коммиссій за послѣдніе 3 года, докладъ составленный на основаніи пожеланій, высказанныхъ Рижскимъ Сѣздомъ.

б. На запросы поставленные Съезду отвѣтили:

Н. И. Троицкій въ рефератѣ „Древній городъ Лонася Черниг. губ.“, Бунинъ — въ рефератахъ „Гдѣ находились г. Липецкъ и Варголь, упоминаемые въ лѣтописяхъ подъ 1283 и 84 годами? и „Гдѣ находились Ворота, упоминаемые въ лѣтописи подъ 1286 г.“ Свящ. Титовъ—Что было въ древности на мѣстѣ Андреевской церкви и О заграничныхъ монастыряхъ Кіевской митрополіи.

в. Особой разработкѣ во время Съезда подвергся вопросъ объ *организации архивнаго дѣла въ Россіи*, вопросъ назрѣвшій уже давно, не разъ обсуждавшійся въ специально посвященныхъ ему засѣданіяхъ Моск. Археол. Общества и предшествующихъ Съездовъ и который нынѣ рѣшено повергнуть на милостивое разсмотрѣніе Его Императорскаго Величества Государя Императора. Объяснительными работами могутъ считаться: доклады Д. В. Цвѣтаева (О Варшавскихъ Архивахъ), Львова (Русское законодательство по устройству Архивовъ), Воронова (Департаментскіе Архивы Франціи), Каманина (Экспертиза древнихъ подложныхъ документовъ), Савелова (Объ Архивахъ дворянскихъ депутатскихъ собраній), Шмелева (Теорія и практика архивныхъ описей), Левицкаго (О судьбѣ актовыхъ книгъ, относящихся къ исторіи Юго-Западнаго края и Малороссіи) и наконецъ Д. Я. Самоквасова, представившаго въ своемъ докладѣ *Централизацию государственныхъ Архивовъ въ Западной Европѣ въ связи съ архивной реформой въ Россіи* полную картину того, что сдѣлано по архивному дѣлу въ Европѣ, равно какъ и проектъ архивнаго переустройства въ Россіи. Проектъ этотъ, затрагивающій своею повизной и предположеніями не мало интересовъ въ области, къ которой привыкли относиться съ особенною косою, вызвалъ въ Кіевѣ не мало членовъ съ самой отдаленной окраины, подвергся всестороннему обсужденію и принятъ *въ принципъ* съ цѣлью доведенія его до высшихъ Правительственныхъ сферъ съ выраженіемъ надежды, что проектъ будетъ осуществленъ и разработанъ высшею властью при помощи всѣхъ тѣхъ, которымъ дѣло архивовъ знакомо и дорого. Какую бы будущность не ожидало осуществленіе проекта, во всякомъ случаѣ Д. Я. Самоквасовъ заслуживаетъ, мнѣ думается, глубокой благодарности за то, что не смотря на ожесточенную борьбу, которую вызвало *съ самаго начала* намѣреніе его предложить реформу или скорѣе проектъ реформы архивнаго дѣла, онъ—при условіяхъ не совершенно выгодныхъ для здоровья — създилъ за-границу, изучалъ архивное дѣло въ Германіи, Бельгіи, Франціи и Италіи, собралъ и издалъ документы по этому вопросу и предложилъ проектъ Русскаго Архивнаго Законодательства, многими оспариваемаго—это правда, (какъ впрочемъ всякое новое дѣло въ нашей Славянской средѣ) нѣсколько разъ измѣненнаго самимъ авторомъ, но съ пользою котораго и съ необходимостью введенія котораго все-таки невозможно не согласиться, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ высказывались только одни благія пожеланія, которыя безъ проекта Дм. Яковлевича такъ бы и продолжали витать въ области прекрасныхъ пожеланій и несбыточныхъ надеждъ.

г. Всѣхъ рефератовъ, въ число которыхъ входятъ и вышеупомянутые, представлено Съезду 135. Дѣлятся они по Отдѣленіямъ слѣдующимъ образомъ:

По общимъ вопросамъ 5 рефератовъ, доложенныхъ на 2-хъ засѣданіяхъ.

1-е — Древности первобытныя—9 засѣданій съ 26 рефератами.

2-е — Древности историко-геогр. и этнографическія—7 засѣд. съ 25 реферат.

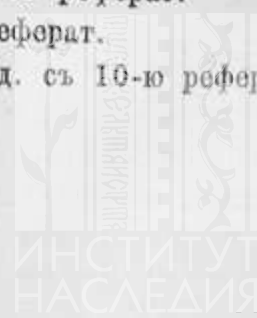
3-е — Памятники искусствъ и художествъ—3 засѣданія съ 6-ю реферат.

4-е — Бытъ домашній, юридическій, обществ. и военный—4 засѣд. съ 10-ю реферат.

5-е — Древности церковныя—6 засѣданій съ 19 реферат.

6-е — Памятники языка и письма—4 засѣданія съ 11 реферат.

7-е — Древности классическія—2 засѣданія съ 6 реферат.

8-е — Древности южно-славянскихъ странъ—2 засѣданія съ 5 реферат.

9-е — Древности восточныя—1 засѣданіе съ 4 реферат.

11-е — Памятники археографическіе—7 засѣданій съ 15 реферат.

Отдѣленіе X — нумизматика и сфрагистика было соединено Ученымъ Совѣтомъ съ отдѣленіемъ III—искусствъ и художествъ.

Нѣкоторые изъ предложенныхъ рефератовъ затрогиваютъ болѣе общіе вопросы, или знакомя насъ съ результатами изслѣдованій и теченіями иноземной культуры, какъ рефератъ проф. Бузескула—Объ успѣхахъ и главныхъ направленіяхъ въ области греческой исторіи, или резюмируя положенія, признаніе необходимости которыхъ желательно для русской науки, какъ сообщенія Д. И. Багалѣя — О значеніи историческихъ матеріаловъ для археологій, и Штерна — Значеніе керамическихъ находокъ для культурной исторіи черноморской колонизаціи. Имѣются доклады, носящіе характеръ простаго сообщенія о произведенныхъ работахъ, такъ напр. сообщеніе Д. И. Эварницкаго—Раскопки въ Александрійскомъ и Херсонскомъ уѣздахъ, проф. Лилеева—Раскопки кургановъ близъ Нѣмана, Пуласкаго—Археологическія развѣдки въ Подольской губ., проф. Кнауэра—Раскопки въ Аккерманск. у. Бессар. губ., Черепнина — О раскопкахъ Разанскихъ кургановъ, Четыркина — О нѣкоторыхъ предметахъ старины, попавшихъ съ юга въ Калужскую губ. и О крестахъ Калужскихъ старообрядцевъ. Многіе же другіе, носящіе наименованіе отчетовъ произведенныхъ раскопокъ, рисуются въ видѣ научныхъ изслѣдованій, представляющихъ попытку систематизаціи собраннаго матеріала и научныхъ изъ него выводовъ. Въ числѣ подобныхъ сообщеній назовемъ: *Раскопка кургановъ у мѣстечка Мирополья на Случь*, въ которыхъ Гамченко домогается опредѣлить западныя границы древлянскаго типа погребеній; *Длинные курганы Смоленской губ.*—В. И. Сизова, изслѣдованіе, стоящее въ связи съ прежними работами почтеннаго референта по обслѣдованію могилъ славянскихъ племенъ въ Смоленской губ.; *О черепахъ изъ могилъ кочевниковъ*—А. М. Покровскаго; *О слѣдахъ расовыхъ примѣсей въ населеніи*—проф. Спирскаго; *Необходимость выработки системы и номенклатуры для доисторической керамики*—В. А. Городцева—почтенная попытка молодого ученаго разобраться въ матеріалѣ, надъ которымъ работаетъ не первый годъ и на которую, должно надѣяться, отзовутся всѣ тѣ, которые работаютъ въ томъ же направленіи; *Къ вопросу о крашеныхъ костякахъ* и *Къ исторіи Босфора*—Ю. А. Кулаковскаго, старающагося освѣтить строго научными данными страницы нашей глубокой древности.

Къ подобному же роду докладовъ принадлежатъ: доклады В. В. Суслова — О возстановленіи наружныхъ первобытныхъ формъ Новгород. Софійск. собора и Періодъ упадка русскаго зодчества, и въ высшей степени серьезный и научный трудъ В. Н. Щепкина—Рисунковъ въ Новгородской иконописной школѣ.

Большое количество рефератовъ посвящены Юго-Западному краю, казачеству, Украинѣ, ея быту и исторіи; многіе изъ нихъ упомянуты въ первыхъ отдѣлахъ нашего отчета, но нельзя предъ разставаніемъ не вспомнить еще разъ съ удовольствіемъ объ изслѣдованіяхъ: Демченко—Притомные люди; Голубовскаго—Съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Россіи способъ защиты таборомъ; Щербини—Украинскіе староства по люстраціямъ XVIII в. и Последніе слѣды казачества въ право-бережной Украинѣ; Николайчика — Начало и ростъ Полтавской Вишневецины по даннымъ Литовской метрики; проф. Дашкевича — О происхожденіи южно-русскаго казачества и Къ вопросу о личности Ильи Муромца;—В. Б. Антоновича—О мѣстонахожденіи лѣтописныхъ гор. Пересопицы и Шумска; Родаковой — Данныя ревизій и компутовъ объ экономическомъ бытѣ Малороссійскаго общества въ XVIII в.; Левицкаго—Обычныя формы заключенія браковъ въ Юго-Западной Руси въ XVI—XVII в. и др.

Къ этому же циклу изученія мѣстныхъ древностей слѣдуетъ причислить рефераты Н. Е. Бранденбурга — Обь аборигенахъ Кіевскаго края, Черепнина — О Кіевскихъ денежныхъ гривнахъ, Житинскаго — Находки каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Стыра, Армашевскаго — Геологическое обозрѣніе стоянки каменнаго вѣка на Кирилловской улицѣ и въ высшей степени интересное сообщеніе Хвойки и А. М. Покровскаго о единственныхъ пока въ своемъ родѣ находкахъ Хвойкой въ Кіевской губ. и уѣздѣ стоянокъ каменнаго вѣка съ незначительнымъ процентомъ плоскихъ *мѣдныхъ* клинцевъ и росписными сосудами, переносащихъ наше воображеніе къ эпохѣ древнѣйшей Микенской цивилизаціи.

Поработали съ нами и гости наши; такъ: директоръ Вѣнскаго Музея д-ръ Хегеръ представилъ свои соображенія *объ инородномъ вліяніи на формы доисторической культуры на Кавказѣ* — вопросъ въ высшей степени интересный для нашихъ Кавказскихъ изслѣдователей; директоръ Сараевскаго Музея д-ръ Хѣрманъ и кустось того-же Музея Трухелка — ознакомили насъ съ *Средневѣковыми памятниками Босніи и Герцеговины, съ первобытными поселеніями этихъ странъ*, равно какъ и съ послѣдними раскопками, произведенными въ римскомъ *castrum*-ѣ и иллюстрировали свои сообщенія великолѣпными таблицами, которымъ можно позавидовать; *представитель Краковской Академіи Наукъ Копера* — ознакомилъ насъ съ богатѣйшимъ матеріаломъ, собраннымъ имъ для исторіи Польскаго искусства въ сокровищницахъ Петербурга и Москвы; Златарскій — указалъ *Гдѣ надо искать первую болгарскую столицу*; а докторъ Нидерле изложилъ свою теорію о *Времени распространенія Славянъ на югъ черезъ Карпаты*.

Наши Русскіе ученые не захотѣли отстать отъ своихъ Славянскихъ собратій и представили по части Славяновѣдѣнія слѣдующія изслѣдованія:

А. И. Соболевскій — Церковно-Славянскіе тексты Моравскаго происхожденія; В. Н. Щепкинъ — Діалектическое дѣленіе языковъ старо-славянскаго и болгарскаго; М. Н. Сперанскій — Славяно-русскій переводъ Пчелы; Т. Д. Флоринскій — О Моравскихъ Влахлахъ и Ясинскій — Средневѣковой аграрный строй въ Чехіи.

Работы Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, этого дѣтища нашихъ Археологическихъ Съѣздовъ, съ которымъ Институтъ продолжаетъ столь научное общеніе, представлены тремя рефератами, изъ которыхъ первый — Ученаго Секретаря Института Формаконскаго представляетъ подробный и въ высшей степени интересный отчетъ о *Послѣднихъ научныхъ предпріятіяхъ Института*, второй — П. Н. Милюкова, переноситъ наше воображеніе ко временамъ Гальштадской эпохи, возстановляя съ присущимъ автору талантомъ и логикой культуру эпохи по находкамъ въ могильникѣ Патели въ Македоніи и наконецъ третій, также Формаконскаго — обстоятельное изслѣдованіе Византійской рукописи съ миниатюрами XII в., недавно приобрѣтенной Археол. Институтомъ.

Два реферата А. Николаева и А. И. Маркевича — Стѣны внутренней Великой церкви Кіево-Печерской лавры и О сохраненіи древнихъ памятниковъ — переносятъ насъ къ вопросу давно наболѣвшему и самому постыдному въ исторіи нашего просвѣщенія, науки и искусства. Насколько первый изъ этихъ рефератовъ указываетъ намъ на то положеніе, въ которомъ находится нашъ вопросъ о возстановленіи древнихъ храмовъ, положеніе позволяющее узаконивать и оправдывать подобныя факты какъ уродованіе Великой Лаврской церкви и Софіи Новгородской, настолько второй рефератъ — многоуважаемаго Алек. Ив. — старается найти выходъ изъ того лабиринта невѣжества, который насъ окружаетъ.

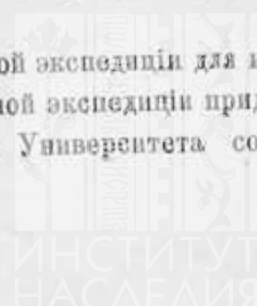
Остались не доложенными 9 рефератовъ: В. Н. Поливанова — Археологическая карта Симбирской губ.; Ушакова — Раскопки въ Псковской губ.; Лебедева — Иконенисные труды преп. Діонисія Глушицкаго; А. А. Матвѣева — Топографія Берестечкой битвы и вѣсколко

другихъ, въ коихъ видѣли политическую опасность не только для Кіева, но и для всей Россіи въ употребленіи на Създѣ малороссійскаго языка.

Кромѣ того (сверхъ 9 рефератовъ) остались недоложенными всѣ рефераты Галицкихъ ученыхъ, кои по известнымъ Създу причинамъ были лишены возможности принимать участіе въ работахъ Създа. Рефераты эти числомъ 23, весьма разнообразнаго содержанія; такъ напр., трактуются: о находкахъ въ с. Чезахъ, гдѣ вскрыто до 400 могилъ, одного типа съ находками по Среднему Дунаю и представляющихъ интересный и послѣдовательный переходъ отъ каменнаго до начала желѣзнаго вѣка; представляется сборникъ письменныхъ свѣдѣній объ Антахъ какъ доказательство древнѣйшей славянской колонизаціи южно-русскаго края; разбираются свѣдѣнія о Хорватахъ у Константина Порфиророднаго; опредѣляется мѣстоположеніе Галицкаго летописнаго Звенигорода и указывается на послѣдовательность слоевъ, доказывающихъ, что мѣстность эта была заселена со времени каменнаго вѣка и до великокняжеской эпохи; тоже сродство съ великокняжеской эпохой имѣется и въ Молотовскомъ кладѣ. Представляется разработка филологическихъ вопросовъ—одинаково интересныхъ нашимъ сосѣдямъ, какъ и намъ лично; представляются соображенія о времени составленія Слова о полку Игоревѣ; поднимаются наконецъ бытовые и историческіе вопросы, какъ напр.: Русское духовенство въ Галичинѣ, Галицкое боярство XII—XIII ст., Первые времена казачества, Украинскіе казаки 1626—1630 г., Наказъ вел. кн. Казимира Ягайловича князю кievскому Олельку Владиміровичу и много другихъ характеризующихъ общую для всѣхъ насъ эпоху.

Д. Пожеланія высказаны докладами проф. Шмурло—Объ учрежденіи русскаго Археологическаго комиссія при Ватиканскомъ Архивѣ; д-ръ Кадлецъ—Объ изданіи Россіей извѣстій о Славянахъ у византійскихъ писателей; проф. Штерномъ—объ отпускѣ необходимыхъ денежныхъ средствъ на раскопки въ Ольвин, необходимыхъ по случаю совершеннаго разграбленія которому подвергается нынѣ эта колонія со стороны крестьянъ и кладовскателей; В. М. Виттыгомъ—Объ организаціи Археол. Общества въ Варшавѣ; Д. И. Багалъемъ—Объ учрежденіи центрального Историческаго Архива въ Харьковѣ; проф. Лавровымъ и Сперанскимъ—объ изданіи Вуканова Евангелія; мною—О введеніи кафедръ по археологін въ нашихъ Университетахъ; Д. Я. Самоквасовымъ—Объ организаціи Архивнаго дѣла въ Россіи; А. И. Маркевичемъ—Объ упорядоченіи вопроса о сохраненіи древнихъ памятниковъ; XI Отд. Създа—Объ организаціи экспертизы подложныхъ документовъ; О распоряженіи касательно уничтоженія архивныхъ документовъ; Объ усиленіи денежныхъ средствъ Архивныхъ Коммиссій; Объ устраненіи существующаго тамъ порядка высылки въ отдаленныя Архивныя Коммиссіи списковъ старыхъ дѣлъ, для опредѣленія ихъ важности и неважности; О представленіи и на будущихъ Археол. Създахъ своднаго доклада о дѣятельности Архивныхъ Коммиссій за время истекшее между тѣмъ и другимъ Създомъ. Были высказаны и другія пожеланія, напр. многоуважаемымъ Д. И. Багалъемъ—о составленіи библиографическаго указателя всѣмъ историческимъ даннымъ относящимся до археологін, которые имѣются въ Архивахъ Ученыхъ Обществъ, Оружейной Палаты, Межевомъ Архивѣ, Публичной Библиотеки, Румянцевскаго Музея и пр. и пр. или Д. В. Цвѣтаевымъ—О составленіи и изданіи сборника отрывковъ изъ существующихъ архивныхъ описей и правилъ ихъ веденія. Но такъ какъ работы эти предполагается (вѣроятно на основаніи поговорки: большому кораблю, большое и плаваніе)—возложить на Моск. Археол. Общество, — то, я думаю, что прежде чѣмъ о нихъ говорить, слѣдуетъ узнать мнѣніе того-же Общества.

Имѣется также и предложеніе проф. Филевича касательно ученой экспедиціи для изученія Покарпатья; но у насъ такъ много дѣлъ дома, что мечтанія о подобной экспедиціи придется, вѣроятно, отложить до того времени, когда профессора Варшавскаго Университета сочтутъ

возможнымъ и полезнымъ серьезно и безъ политиканства заняться подготовленіемъ Археол. Съѣзда въ Варшавѣ.

Заканчивая обзоръ рефератовъ, доложенныхъ или представленныхъ Съѣзду, не могу не поѣтовать на то, что нѣкоторые изъ нихъ не были достойны вниманія Съѣзда. Но дѣло сдѣлано, и потому о нихъ рѣчь впереди, на засѣданіяхъ будущаго Предварительнаго Комитета. Впрочемъ, имѣемъ и здѣсь утѣшеніе: если г-да Предсѣдатели Отдѣленій не всегда критически относились къ допускаемымъ ими къ докладу рефератамъ, то въ отмщеніе за это еще никогда на Съѣздахъ не раздавались такъ часто замѣчанія о необходимости методологіи въ примѣненіи къ историческимъ изслѣдованіямъ (Багалій 4-го авг.), къ фолклору (Сумцовъ 9-го авг.), къ изученію иконописныхъ школъ и пр. и пр.

е. *Выставки*, собранныя на время Съѣзда, не говоря о частныхъ коллекціяхъ, любезно предоставленныхъ владѣльцами нашему изученію, состоятъ, какъ извѣстно Господамъ Членамъ изъ *Отдѣленія археологическаго*, размѣщеннаго какъ въ Университетѣ, такъ и въ новоустроенномъ Музеѣ, *Отдѣленія Картографическаго* — расположеннаго въ Библиотечныхъ залахъ Университета, *Отдѣленія рукописей и старопечатныхъ книгъ* — помѣщеннаго въ Архивѣ и *Отдѣла иконографическаго* — занимающаго XIII Аудиторию Университета. Отдѣлъ иконографіи послужилъ иллюстраціей къ докладамъ М. П. Истомина; Отдѣлъ картографіи — составилъ 17-го числа предметъ доклада В. А. Кордта; по остальнымъ же Отдѣламъ доклады представлены намъ нынѣ В. Б. Антоновичемъ и И. М. Каманинымъ, что и позволяетъ мнѣ не распространяться больше о Выставкѣ.

ж. Что-же касается до изданій приуроченныхъ и посвященныхъ Съѣзду, то большее число изъ нихъ помимо серьезнаго научнаго достоинства, являются въ такомъ роскошномъ видѣ, что не заставляютъ желать ничего лучшаго *даже* со стороны бумаги и типографскаго дѣла, что, какъ намъ всѣмъ извѣстно, не всегда достигаемо въ Россіи. Такъ *Карта Европейской Сарматіи по Птоломею* — изданная и поясненная Ю. А. Кулаковскимъ, подтверждающая отдаленную древность Приднѣпровья и его столицы, составляетъ настоящей *привѣтъ Кіевскому Съѣзду*; *Первый выпускъ Палеографическаго Изборника*, изданный Кіевскою Коммиссіей по разбору древнихъ актовъ трудами неутомимаго труженика и глубокаго знатока русской палеографіи И. М. Каманина, будетъ по всему вѣроятію съ благодарностью принятъ нашими архивистами; *Первый Выпускъ Матеріаловъ по Исторіи Русской Картографіи*, изданный также Кіев. Коммиссіей по разбору древнихъ актовъ трудами неутомимаго составителя Картографической Выставки при Съѣздѣ В. А. Кордта, составитъ неоцѣненный вкладъ въ столь юную у насъ еще географическую науку; *Каталогъ Собранія В. В. Тарновскаго*, которому къ несчастію не пришлось представить его Съѣзду, и наконецъ два выпуска *Каталога Собранія Б. И. и В. Н. Ханенко* — Каменный вѣкъ и Эпоха предшествовавшая великому переселенію народовъ съ великолѣпными таблицами и пояснительнымъ текстомъ — драгоценный вкладъ къ исторіи Приднѣпровья и достойное изданіе просвѣщенныхъ людей, которымъ Члены Кіевского Съѣзда не мало обязаны какъ сердечнымъ отношеніемъ ихъ къ Съѣзду, доставленіемъ научнаго удовольствія осмотромъ собранныхъ ими коллекцій, такъ и трудами по постройкѣ, устройству и по доступу Городскаго Музея со всѣми его драгоценными коллекціями.

Но — не забудемъ и болѣе скромныхъ трудовъ, преслѣдовавшихъ тѣ же цѣли привѣта Съѣзду и поясненія намъ историческихъ и археологическихъ данныхъ занимавшаго насъ на Съѣздѣ края. Къ этимъ трудамъ принадлежатъ: *Церковно-Археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты*, изданные въ разное время, но собранные въ одинъ томъ и розданные членамъ Съѣзда много потрудившимся надъ изученіемъ церковныхъ древностей проф. Дашкаревымъ; *Историко-Статистическое Описаніе церквей и приходовъ Староконстантиновскаго уѣз. Во-*

льнской епархіи—Инспектора Нар. Училищъ Калишской губ. Н. И. Теодоровича, трудъ, которому онъ посвятилъ свою жизнь и который составляетъ 4-й томъ описанія всей Волынской епархіи; *Воспоминанія о Третьемъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ*, помѣщенныя Антоновичемъ и Науменко въ журналѣ Кіевская Старина за августъ мѣсяцъ и иллюстрированныя группою дѣятелей перваго Кіевского Съѣзда и *Археологическая Лѣтопись Южной Россіи*, выходившая подъ редакціей Н. Ѳ. Бѣляшевскаго въ видѣ приложенія къ той же Кіевской Старинѣ во все время подготовительныхъ работъ къ Съѣзду.

Вторая или внѣшняя сторона Съѣзда—извѣстна болѣе или менѣе всѣмъ намъ и потому не буду о ней распространяться.

Членовъ Съѣзда со всѣми пріѣзжими состояло въ Кіевѣ 500 человекъ.

Между ними, съ сердечною глубокою тоскою насчитываемъ только небольшое число представителей перваго Кіевского Съѣзда: многоуважаемаго В. Б. Антоновича—секретаря Съѣзда въ 1874 г. —нынѣ Предсѣдателя Предварит. Кіев. Комитета, устроителя Съѣзда и Выставокъ и Предсѣд. Ученаго Комитета; В. С. Иконникова, Н. П. Дашкевича, Н. П. Лашкарева, В. В. Вельяминова-Зернова, Н. И. Петрова, Д. И. Иловайскаго, Н. Е. Бранденбурга, Житецкаго, Маркевича, Мищенко, Кофъ и Д. Я. Самоквасова; къ числу этихъ немногихъ позволю себѣ причислить себя лично и В. И. Ламанскаго, не присутствовавшаго случайно на Кіевскомъ Съѣзда 1874 г., но дѣятельнаго работника всѣхъ первыхъ Съѣздовъ.

Но, если стариковъ мало, за то прибыло молодежи и приростъ значительный, такъ какъ, не считая двухъ новыхъ именъ въ должности Предсѣдателей Отдѣленій (Ю. А. Кулаковскаго и проф. Голубовскаго), мы находимъ рядъ новыхъ лицъ въ числѣ Секретарей Съѣзда и Отдѣленій: Бороздина, Богоявленскаго, Вязигина, Глокке, Довнаръ-Запольскаго, Златарскаго, Левицкаго, Ласкоронскаго, Николаева, Парландъ, Халиппа, Формаковскаго, Фотинскаго и Ясинскаго, изъ которыхъ многія имѣютъ ученую степень. Выражаю надежду, что эти новыя силы, новые работники останутся вѣрны археологіи, какъ остались ей вѣрны секретари прежнихъ Съѣздовъ: В. Б. Антоновичъ, Н. Е. Бранденбургъ, В. З. Завитневичъ, Ю. А. Кулаковскій, В. И. Сизовъ, Трутовскій и др.

На Съѣздъ пріѣхали и иностранцы въ числѣ 24 человекъ:

Изъ *Праги*: М. Ванкелова, П. Папачекъ, Ю. Поливка, О. Пичъ, К. Кадлецъ, Я. Чельковскій, Махаль, Ванѣкъ, Фельцманъ, Нидерле.

Изъ *Будапешта*: Я. Янко.

„ *Софіи*: В. Н. Златарскій, Л. Милетичъ, И. Шишмановъ, Б. Цоневъ.

„ *Кракова*: Ф. Копера.

„ *Вѣны*: М. Мурко, Ф. Хегеръ.

„ *Парижа*: Баронъ-де-Бай.

„ *Сараево*: Ю. Трухелка, К. Хѳрманъ.

„ *Кенигсберга*: А. Беценбергеръ, Чихакъ.

„ *Вашингтона*: Нойсъ.

Пріѣхали бы и больше, если бы неожиданно поднятый вопросъ объ опасности, представляемой Галицкимъ языкомъ, не помѣшалъ ближайшимъ нашимъ сосѣдямъ Славянамъ принять участіе въ нашихъ работахъ.

Засѣданія Съѣзда и его Выставки нашли себѣ помѣщеніе въ залахъ университета Св. Владиміра.

Во время Съѣзда, трудами Б. И. Ханенко, В. В. Хвойки и ихъ сотрудниковъ былъ открытъ новый Музей, который представилъ высокій интересъ всѣмъ занимающимся разработкой археологическихъ вопросовъ.

Осмотру Членовъ Съѣзда были предоставлены кромѣ того: Музей, принадлежащій Киевской Духовной Академіи, и частные Музеи Б. И. и В. Н. Ханенко, І. А. Хайновскаго и ризницы мѣстныхъ храмовъ и монастырей.

Были устроены обходы и осмотры города при обязательномъ руководствѣ В. Б. Антоновича и Н. И. Петрова; была совершена поѣздка въ Лавру и Выдубицкій монастырь подъ руководствомъ В. З. Завитневича и любезномъ содѣйствіи г-на Марголина, Архимандрита Лавры Антонія и Архимандрита Выдубицкаго Монастыря Евлогія; городскимъ Управленіемъ былъ устроенъ завтракъ и поѣздка въ Китаеву пустынь при чемъ г. Хвойкой, Бѣляшевскимъ и Городцовымъ были предложены осмотръ нѣсколькихъ кургановъ вскрытыхъ ими близъ Китаева. Была устроена Б. И. Ханенко для 40 членовъ Съѣзда экскурсія по Днѣпру до Гребени, откуда на лошадяхъ проѣхали для осмотра кургановъ и селящъ, вскрытыхъ для Съѣзда В. В. Хвойкой, съ цѣлью болѣе нагляднаго ознакомленія съ его интересными раскопками. Поѣздка эта удалась вполне и оставила во всѣхъ наилучшія воспоминанія, благодаря чудной погодѣ и особому радушію какъ хозяина экспедиціи, такъ и мѣстнаго помѣщика Байковскаго, любезно принявшаго экскурсантовъ въ своей усадьбѣ и доставившаго совместно съ г. Розенбергомъ и сосѣдними помѣщиками экипажи и лошадей для перевозки членовъ отъ Днѣпра до раскопокъ и обратно.

Для большаго удобства Членовъ Съѣзда Киевскій Предварительный Комитетъ вошелъ въ соглашеніе съ нѣсколькими гостинницами города, предоставившими Членамъ уступку въ 25%.

Кромѣ того г-мъ Попечителемъ Учебнаго Округа, нашимъ многоуважаемымъ сочленомъ В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ, сдѣлано распоряженіе о предоставленіи дароваго помѣщенія 25-ти Членамъ въ Коллегіи Галагана и 10-ти—въ 1-й Мужской Гимназіи, за что приносимъ г-ну Попечителю и Директорамъ заведеній нашу сердечную признательность.

(Засимъ графиня, доложивъ постановленія Совѣта Съѣзда, продолжала:)

„Заканчивая Отчетъ по трудамъ и занятіямъ XI Съѣзда, позволяю себѣ высказать пожеланія, чтобы Городъ, и общество озаботились о дальнѣйшемъ развитіи ново-открытаго Музея и закрѣпленія за нимъ симпатій и поддержки мѣстныхъ властей и всѣхъ просвѣщенныхъ людей края съ цѣлью выработки устава Музея, признанія за нимъ права гражданства и закрѣпленія за нимъ собраній древностей, добытыхъ В. В. Хвойкой въ Киевѣ и его окрестностяхъ.

Выражаю также пожеланія, чтобы Комmissія по изданію древнихъ Актовъ продолжала свои роскошныя и въ высшей степени полезныя изданія, начатыя для Съѣзда: я подразумѣваю Палеографическій Сборникъ и Матеріалы по Исторіи Картографіи въ Россіи.

Желаю также отъ души, чтобы Моск. Археол. Обществу, которому поручается изданіе Трудовъ нынѣ заканчиваемаго Съѣзда, была дана возможность изданія отдѣльнымъ томомъ тѣхъ древностей и памятниковъ Украины—церквей, замковъ, частныхъ домовъ, надгробныхъ памятниковъ, портретовъ, иконъ, церковныхъ вкладовъ (какъ напр. царскихъ вратъ съ гербомъ Мазепы), архивныхъ матеріаловъ касающихся Малороссіи и пр.,—то есть того археологическаго и историческаго матеріала, о которомъ такъ много говорилось на Съѣздѣ и который, какъ мы видѣли изъ докладовъ и заявленій, такъ успѣшно и дѣятельно уничтожается частью по невѣжеству и небреженію, частью по неспособности насъ всѣхъ къ послѣдовательному устойчивому труду, частью по нежеланію нести тотъ трудъ и отвѣтственность, которая возлагается на насъ разъ принятыми обязательствами.

Но для успѣшнаго исполненія этой задачи Моск. Археол. Обществу нужна помощь и помощь дружная всѣхъ мѣстныхъ людей, знающихъ и любящихъ свой край, свою исторію—и

потому заканчиваю тѣмъ-же окликомъ древняго богатыря, которымъ открывала Съѣздъ: „Кто въ полѣ живъ—человѣкъ, отзовися“!

Рѣчь предсѣдателя XI Археологическаго Съѣзда была покрыта шумными, долго не смолкавшими апплодисментами.

Вслѣдъ затѣмъ Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа В. В. Вельяминовъ-Зерновъ объявилъ XI Археологическій Съѣздъ закрытымъ.

Послѣ этого графиня П. С. Уварова обратилась къ присутствующимъ членамъ закрытаго Съѣзда съ предложеніемъ выразить горячую признательность проф. В. Б. Антоновичу за ту огромную массу труда и энергіи, которую онъ вложилъ въ дѣло устройства Съѣзда, какъ Предсѣдатель Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета, какъ Предсѣдатель Ученаго Комитета Съѣзда, какъ главный устроитель сосредоточенной въ зданіи университета археологической выставки, какъ авторъ нѣсколькихъ весьма цѣнныхъ докладовъ, какъ руководитель экскурсій для осмотра достопримѣчательностей Стараго города и пр., а также всѣмъ предсѣдателямъ и секретарямъ Отдѣленій Съѣзда, особенно же секретарямъ Съѣзда В. К. Трутовскому и В. Г. Ляскоронскому, которые, по выраженію графини, были не только труженниками Съѣзда, но и настоящими мучениками. Предложеніе это было встрѣчено очень оживленными апплодисментами.

Въ заключеніе городской голова С. М. Сольскій обратился къ присутствующимъ съ слѣдующей рѣчью: „Городу, бывшему свидѣтелемъ въ лицѣ многочисленныхъ слушательницъ и слушателей всего сдѣланнаго на этомъ почтенномъ Съѣздѣ, не приходится быть компетентнымъ судьей всего слышаннаго и видѣннаго. Но на немъ лежитъ долгъ высокой признательности почтенному собранію археологовъ и именитой его предсѣдательницѣ — графинѣ П. С. Уваровой за тѣ безкорыстныя жертвы, за тѣ идеальныя стремленія, которыя они вложили въ дѣло раскрытія нашей сѣдой, но еще непроглядной старины нашего древняго, но еще темнаго быта въ теченіе двадцатидневнаго пребыванія въ нашемъ городѣ. Все, что мы видѣли на устроенныхъ здѣсь выставкахъ и что слышали изъ устъ уяснявшихъ смыслъ и значеніе этихъ выставокъ, преисполнило наши сердца глубокаго уваженія какъ къ ревнителямъ и искателямъ остатковъ нашей старины, такъ и къ ея хранителямъ и изяснителямъ ея смысла и значенія. Въ этомъ отношеніи XI Кіевскій Археологическій Съѣздъ оставитъ неизгладимые слѣды въ изученіи и раскрытіи древняго быта нашей отчизны и нашего древнѣйшаго города съ его окрестностями. Да сбѣютъ и развиваются археологическія занятія въ нашей отчизнѣ!“

БИБЛИОТЕКА
Историко-Крѣпостной
и Страновѣдческой